

**ВАЛЕРИЯ
НОВОДВОРСКАЯ**

ИЗБРАННОЕ

ТОМ II

Принципы, на которых стоит ДС
(и Европа с США)

1. Россия должна сделать загадочный выбор и строить капитализм сформированным государством.
Проведение в жизни либерализма!

2. Россия - не Азия, а Европа. Наши люди живут в НАТО и Европейский Союз.
Наши компании - Веймар, а не Кен Чен.
Ир с китайскими товарищами!

3. Россия должна отбросить все советское прошлое и дружная благословится гайдаровско-чуковский сех реформ 90-х годов.
Спасибо Гайдару и его команде! Социализм - это! (Дамс, Кроули - на выбор).

4. Коммунистическая и фашистская диктатура в России должны быть запрещены, а символы советского прошлого - уничтожены. Коммунисты и фашисты не допускаются к власти в выборах органах власти, к работе в сфере культуры и образования. Все все мастера должны быть освобождены от службы КГБ и к руководству этой организации.
Либерализм - на кладбище коммунистов и фашистов.

ку и реформ! Называвший себя, реально расценивается за ВЧК и НКВД.

не менее того свободным наряд, что и описано в книге. Россия должна уйти из России и предоставить ее судьбу мировому сообществу.

независимости, член Маршалла и западной культуры, России - демократия и конституция ДС считается лучшей планой для Чернышова Ахмедова. Все остальные независимости за нашу страну свободу!

коммунистическим государством будет Европа и провозглашение российской власти со всех пор, пока она не отбросит руководство европейскими ценностями. Религия Путьна в социализме.

принципы коммунистических и экономических прав. Выбор, минимум социальной зашита. Новые страны в молчаливую за власть Европы. Мир раздает не работу, а...

каждый не может и всем того не может. Это идея коммунизма с властью и наукой. Для нас власть коммунистическая, для них - независимости. Мы отдаем наше право на выбор свободу. Наши принципы: собственная индивидуальность и умение жить.

Вопросы между двумя социальными...

**ВАЛЕРИЯ
НОВОДВОРСКАЯ**

**ВАЛЕРИЯ
НОВОДВОРСКАЯ**

ИЗБРАННОЕ

ТОМ II

**ЗАХАРОВ
МОСКВА**

УДК 82-821
ББК 83.3(2)
Н74

Автор фото на обложке
© Дмитрий Коробейников РИА Новости

Новодворская В.И.

Н74 Избранное : в 3 т. / Валерия Новодворская — М. : «Захаров», 2015.
ISBN 978-5-8159-1348-6 (общий)
Т. II : Материалы 1996—2014. — 960 с. : илл.
ISBN 978-5-8159-1350-9

Публицистическое и литературное наследие Валерии Ильичны Новодворской непросто уместить в трех томах. Она писала всю жизнь — от руки — обо всем: Пушкине, Чехове, российской истории и французской политике, о моде, театре, музыке — невозможно всего перечислить. Ее интересовали все и всё, она не проходила мимо ни одного мало-мальски значительного события не только в России, но и в мире. Написанное ею исчисляется тысячами страниц; это из того, что сохранилось, а многое она выбрасывала, да и черновиков почти не осталось.

Принцип расположения материалов в этом издании — хронологический. Значительная часть текстов, причем не только стихи и письма, ранее не публиковалась.

При отборе материалов для нас было важно сохранить основные сюжетные линии выступлений В.И.Новодворской: антикоммунизм, либерализм в политике и экономике, реформы, борьба за права, Свобода, антифашизм, западничество, критика военщины, независимость бывших республик (Литва, Латвия, Эстония, Грузия) и несвобода оставшихся (Беларусь); Чечня, а в последние годы — Украина; оценка правления Горбачева, Ельцина, Путина. Перемена во взглядах.

Три тома — это не много для всего, что она написала. На каждый год в среднем — 50 страниц. Это, конечно, верхушка айсберга. Но больше, чем ничего.

- © Новодворская Н.Ф., преемник, 2015
- © Благотворительный фонд Егора Гайдара, правообладатель, 2015
- © Общество с ограниченной ответственностью «ЗУБОВСКИЙ-17», правообладатель, 2014
- © «Захаров», 2015

МАТЕРИАЛЫ
1996—2014

*Автор шаржа
Александра Николаенко*

1996

ВЕТОНОМЕСАЛКА

«КоМоК»*, №1, 10 января

На противоположных концах света, словно на двух полюсах, стоят две гигантские страны, словно две крепости: Мордор, над которым довлеет власть Саурона, и Минас Тирит, столица Гондора. Как хорошо всё придумал Толкиен: Мордор — это, конечно, СССР и его правопреемница Россия, Черная Крепость — Кремль. А столица Запада — в Нью-Йорке, и Гондор — это, конечно, США.

Мир идей полярен, как миры Толкиена. И если взять один лепесток из цветка общества, скажем, национальные отношения, и сравнить достижения Мордора-России и Гондора-США, то и здесь мы найдем полные, абсолютные противоположности, воду мертвую у России и воду живую у США. Нет страны, где меньше говорили бы о межнациональной розни и дружбе народов, чем в США, и где в то же время больше бы осуществлялась великая формула христианства и гражданского мира: «Несть ни элина, ни иудея». В СССР и России, словом, в Совдепии, мы жили и живем под неумолкающий мотив ежедневного шлягера о братстве и равенстве наций, но чаша фонтана «Дружба народов» заполнена слезами и кровью, а гром пушек, скрежет танков и вой авиабомб, уничтожающих чеченцев, — плохое музыкальное сопровождение как для «Союза нерушимого республик свободных», так и для «Широка страна моя родная». Моя страна — вечное поле брани, где постоянно происходит национальный Армагеддон.

США пережили формулу «Hospes, Hostis» (Иностранец — значит, враг) в XIX веке. Мы на ней застряли в конце XX. У двух крепостей разные пути и разные законы. Над ними развеваются разные флаги. Над Гондором на полосатом полотнище сверкают звезды, своим множеством утверждая

* Еженедельное издание, г. Красноярск. — *Здесь и далее — прим. ред.*

богатство оттенков, терпимость, плюрализм, щедрость идейного, материального и этнического рога изобилия. Американский флаг подобен скатерти-самобранке, за которой хватается места всем своим, где всегда найдется тарелка для гостя, прибор и суповая миска для нового гражданина, где остается уйма качественных объедков, которые можно бросить «третьему миру» и России — со щедростью и небрежностью джентльмена, который готов иногда, по праздникам, покормить человечество, но и не подумает его спасти, справедливо рассудив, что уопленник — это тот, кто не хочет учиться плавать. Российский флаг более не трехцветен, цвет нашего времени с 11 декабря один — кровь, и, когда флаг снова сделался красным, мы поняли, что это всё еще знамя врага.

Иногда межнациональная рознь является лишь эманацией суровой и неизбежной борьбы, которую два этноса должны вести за право дать имя и закон континенту. Когда-то, еще в XVIII веке, индейцы не были нацменьшинством. Их было больше. Это была честная война. Белые применяли артиллерию. Индейцы снимали скальпы. Решался вопрос: кто кого? Прерии или шоссе, вигвамы или небоскребы, вампумы или библиотека Конгресса, Совет вождей или американская Конституция, раковины или биржа? Если бы это был аукцион, а не война, белые бы все равно выиграли. Они могли предложить этому континенту больше. За ними было бы право творца, созидателя. Но индейцам не на что жаловаться. Они приобшились к мощи завоевателей, принесли свои дары и получили дары взамен. Индейцы стали американцами, и каждый американец немножечко индеец, особенно в День благодарения. Американцы унаследовали индейские имена «с их лесным благоуханьем, влажной свежестью долины, шумом рек и водопадов...». Доллары украшены портретом Вашингтона, но они зеленые, как леса, по которым бродил Гайавата. Гайавата и Вашингтон — они оба в равной степени отцы-основатели (founding fathers) США. К тому же белые не отнимали свободу. Они ее принесли. Традиционализм был брошен на дно каньонов. У индейцев было племя. У американцев племени нет. Там, где возвеличен индивидуализм свободного человека, там, где единица важнее множества, нет повода для межнациональной розни, ибо ты отвечаешь только за себя и получаешь только свое. Выиграв войну, белые стали

относиться к индейцам, как курица к своему единственному цыпленку. Они не чают в них души. Ищут искупления. Платят долги предков.

С афроамериканцами (которых сейчас даже не смеют в Америке неграми называть) было иначе. С ними не было войны. С ними была неприязнь по другому поводу. Они были рабы. Северяне хотели освободить рабов, но они их не любили. Почти все северные штаты принимали законы с запретом для негров селиться на их территориях. В свободной Америке не могли любить рабов. В гордой Америке никому не нравилось подострастие невольников и их обращение «масса». Прошли годы и десятилетия, Америка воспитала своих негров, дала им гражданские права (ценой гражданской войны!), образование, чувство собственного достоинства. «Черные пантеры» с Анджелой Дэвис зря стараются: негры стали губернаторами, генералами, кинозвездами, миллионерами, и их перестали называть неграми. Они теперь «чернокожие американцы». Скандинавы, англосаксы, голландцы изваяли драгоценную чашу для американской цивилизации. Она прозрачна, как американская свобода слова, она играет лучами славы и ума Джефферсона, Рузвельта, Джека Лондона, Ростроповича и Иосифа Бродского, индейских вождей и Морганов, черных джазистов и белых скрипачей; она крепка, как американские законы, она чиста, как американская Конституция. В этот кубок вливаются итальянцы, китайцы, русские, евреи, латиноамериканцы, арабы, и этот дивный коктейль головокружительно прекрасен, как самое дорогое вино, а чаша не подвержена ни коррозии, ни времени с его гниением и тленом. Так решает национальные проблемы великодушная сила, мощный светильник разума, Дух просвещения, широкая, как океан, терпимость. Так решает свои национальные проблемы Гондор, или Америка.

А как обстоят дела с национальным вопросом у нас, в Мордоре? СССР, да и Российская Федерация (Кавказ, Поволжье, Якутия, Башкирия) собирались Кольцом всевластья для темной и недоброй цели.

Чтобы всех отыскать,
Воедино созвать
И единою черною волей сковать
В Мордоре, где вековая тьма.

Приема в СССР или РФ никто не домогался, как в США: черное кольцо насилия и страха сковывало пленников Империи, у которой не было никогда цивилизаторской миссии, а была одна колючая проволока для братских объятий с национальными меньшинствами. Россия тупо маршировала по необъятной Евразии, и даже до 1917 года ничего не могла дать подвластным народам. Кроме губернаторов, урядников и кабаков. Жизненного пространства тоже хватало. До сих пор в Восточной Сибири можно за день человека не встретить в тайге. Тогда зачем? Нести человечеству сначала урядников и кабаки, потом — концлагеря вместо автобанов и чистеньких американских городков со всеми благами цивилизации? Историческая клаустрофобия? Манья преследования? Или, вернее всего, первобытный промысел нашей Империи питекантропов: собирательство сырья, снятие пенок, выплескивание молока и разбивание крынки, подсечное земледелие за неумением разобраться с аграрными реформами — от Рюрика до Ельцина (отсюда вечное освоение целинных земель вместо грамотного культивирования своих собственных)...

А после 1917 года — еще хуже было, еще подлей, еще тюремней. Как объясняют комиссару старики в одной из повестей Лавренева: «Твой закон большак живет, наш закон шариат живет. Зачем мешаешь? Нехорошо!» Я не в восторге лично для себя от закона шариата, но уж лучше жить по нему, чем по закону «большак».

Все национальные проблемы в России возникли от тупости, злобы и бездарности (в человеческом и эмоциональном плане) титульной нации. То есть нас, русских. Мы создали не фиал для драгоценного напитка, а бетономешалку, где гибли, стертые в порошок варварской автократией или инфернальным тоталитаризмом, и хрупкие национальные меньшинства, и забубенное национальное большинство...

Выход был. Надо было дать свободу так, чтобы ее можно было взять, и не отнимать назад. Надо было порадоваться за уходящих Украину, Балтию, Молдову, Грузию, Чечню. Дать приданое, завернуть пирогов на дорогу. Благословить. Как в песне КВН:

Я страна, я своих провожаю эстонцев,
Молдаван, латышей,
Заживете не хуже японцев,
Вермишель отряхнувши с ушей.

А дальше поступать, как умные родители со взрослыми детьми: не стесняться, не навязываться, деликатно помогать, делиться сыром, любить, ходить друг к другу в гости. Но кому мы можем помочь — мы, страна кроликов, управляемая удавами? Что мы сами умеем, чему сможем научить, если всё наше достояние, материальное и духовное, — это «летчики — пилоты, бомбы — пулеметы»? Есть только один способ решить национальный вопрос в России и около нее: объявить свободный выход на РФ для всех республик, краев, областей, городов — от Курил до Калининграда. Иначе уже нельзя. Пусть Курилы, Сахалин и Дальний Восток присоединяются к Японии. Им там будет лучше. Япония имеет то, что не имеем мы: цивилизацию, средства, демократию, доброту.

Мы обязаны сами бросить кольцо Саурана в огненное жерло горы Ородруин. Иначе над нами больше не взойдет Солнце, и тьма станет вечной. Эстония и Латвия боятся дать гражданство своим русским. Боятся из-за нашей мерзнейшей мощи: а вдруг пятая колонна проголосует за присоединение к РФ, и танки опять придут? Мы мешаем всем: Беларуси, Украине, Молдове, Грузии, Азербайджану. Мы убиваем Чечню. Страна-маньяк должна быть обезврежена. Маленький исторический центр Руси имеет шанс стать добрым государством, потому что не будет сил причинять зло. Кавказ, наконец, будет свободен. От чеченского народа что-нибудь останется. Но мы должны сделать это добровольно, и за такую схиму Бог, может быть, нас простит, даст нам покой. Как Голландии, Дании и Норвегии.

ЗАКАТ ЕВРОПЫ

«КоМоК», №5, 7 февраля

Как все бездельники, мы обожаем вращаться в высшем свете, хотя бы в онучах и в лаптях. Как позеры, демагоги и фанфароны, мы довольствуемся формой вместо содержания: не реальным участием на равных в европейских делах или в «семерке», а приглашением на коктейль, где даже официанты будут коситься на нас, опасаясь, во многом справедливо, что мы украдем серебряные ложки. Великая держава с протянутой рукой, которая из-за спины показывает щедрым меценатам кулак, — это возможно

только для загадочной славянской души. Все мы племянники братьев Карамазовых: пьем, гуляем, кутим, философствуем и рефлекслируем, попутно планируя убийства и поощряя киллеров, а по воскресеньям имеем наглость спасать душу, претендовать на святость и лезть в угодили. История России — это истории Ивана, Алеши и Мити. Карамазовщина. Бессмысленная война. Карнавалы, кутежи, разврат и патологическое покаяние, которое паче греха, а завтра снова — бедлам, бордель, вертеп. И искусственные поиски абсолюта, уход в скиты, стремление спасти других и неумение спасти себя. При этом, заметьте, никто не работает, ничего не создает, не умеет заработать. Карамазовщина — это еще и отсутствие нормальных дорог, грязь непролазная на улицах, оторванные телефонные трубки в будках, дома без канализации. При таком состоянии России общение ее с Европой весьма специфично. Россия пытается что-нибудь стянуть (кредит, отсрочку по выплате долга), а Европа дивится на такое чудо в перьях, покупает нефть, газ, древесину и икру с крабами и смакует наше искусство, загадочное российское искусство, являющееся эманацией загадочной российской души. Сотрудничать с нами пока можно не более, чем с мыслящим океаном планеты Солярис из романа Станислава Лема. По крайней мере, количество книжек по советологии уже превзошло количество книжек по соляристике. Законы, права человека, здравый смысл, логика, инстинкт самосохранения, человечность, труд и самоуважение — все эти «мещанские» добродетели размашисто отвергаются россиянами.

Зачем же тогда советское, а после и российское правительство, а также советские генсеки и российский президент с маниакальной настойчивостью всегда лезли в СБСЕ, хельсинкские «третьи корзины» гуманитарных соглашений, Всемирную Ассоциацию психиатров и невропатологов, Совет Европы, «семерку»? Боюсь, что здесь имеет место эффект сильно пьяного россиянина, который ко всем встречным пристаёт с очень важным для него вопросом: «Ты меня уважаешь?» России очень хочется, чтобы ей ответили утвердительно, хотя уважать пока не за что. Всем же понятно, что есть только «семерка», а мифическая «восьмерка» — это две дырки от бублика.

В конце концов мы так ко всем пристали, что нас пустили посидеть в уголке на нашем детском стульчике, пока

взрослые обсуждают свои дела. Как было устоять против нашей аргументации: «Я не буду вам мешать, буду воздухом дышать». К тому же со взрослого стола может что-нибудь перепасть на бедность великой державе, которой надо одновременно оплачивать и разрушение, и восстановление злополучной Чечни, чем-то кормить великий народ, величие которого мешает ему прокормиться самостоятельно, и махать на российский рубль американским долларом с криком: «Кыш, проклятый!» — чтобы не дать ему выпрыгнуть из валютного коридора.

В Совет Европы мы ломались четыре года и, наконец, взяли его измором. Российских чиновников я еще могу понять. Они любят ездить в Европу, в Америку и в Японию, получая за это дело суточные, подъемные, кормовые и прогонные. К тому же летать в Страсбург спецрейсами гораздо удобнее, чем «Аэрофлотом». На обратном пути можно мебель для дачи прихватить, как некие высокопоставленные баракольщики и проделывали. Труднее мне понять правозащитника Сергея Ковалева, демократов из «Яблока» и самих евросоветовцев. Накануне приемных экзаменов (вернее, переэкзаменовки) в Страсбурге Сергей Адамович вышел из Президентского совета (лучше поздно, чем никогда). Но ведь если чистый, праведный и гуманный Сергей Ковалев не может состоять в Совете нечестивых, то с какой стати грешная и незаконная Россия должна состоять в европейском Совете праведников? Наверное, Сергеем Адамовичем владеет давнее диссидентское заблуждение, что подпись под каким-либо документом российско-советскую власть к чему-то обязывает. Однако, являясь правопреемником СССР, Российская Федерация живет по старому принципу: «Слово мое, хочу — дал, хочу — взял».

Еще можно понять Запад, привыкший свято уважать договоры, обязательства и вообще всякое печатное слово из официальных источников. Правовое государство их испортило: они решили, что право существует и для нас. А большевики всегда лихо всё подписывали, не читая, и страшно удивлялись, когда какие-то доверчивые правозащитники тыкали потом пальчиком в их автограф и пытались их уличить во лжи. Если язык у наших правителей, от Иоанна Грозного до Бориса Ельцина, служит для того, чтобы скрывать свои мысли, то подпись под международными документами для нас — только средство скрыть

свои намерения. То, что СССР формально забрался в «третью корзину» Хельсинкского соглашения, не помешало сажать безобидных диссидентов, конфисковывать самиздат, административно ссылать Сахарова в Горький и никого из страны не выпускать без мандата от райкома КПСС. Уж Сергею Адамовичу об этом ли не знать. Мы много чего подписывали на своем веку, сразу и не упомнишь. Одно твердо помню: ничего не выполняли. Хельсинкский процесс шел себе спокойно в одну сторону, а диссиденты шли при этом в диаметрально противоположном направлении: в пермские и мордовские лагеря.

Декларацию прав человека еще в 1948 году подписали. И сколько же с тех пор мы соблюдали всего! Дело врачей, например, и разгон Антифашистского комитета, и аресты за генетику, и преследования кибернетиков, и 1956 год, отмеченный сожжением Будапешта, и оккупация Чехословакии в 1968-м, и Афганистан... Уж если наша очаровательная Конституция с пунктами о прямом действии международных пактов на территории РФ и об их приоритете перед законами местного значения (в том числе и перед нашей личной Конституцией) не помогла ни предотвратить, ни остановить, ни хотя бы осудить на уровне Конституционного суда тотальное уничтожение чеченского народа (и заодно собственных служивых россиян), то поможет ли нам Евросовет, как помогла немецким евреям в конце 30-х Лига Наций, а Даниэлю и Синявскому — членство СССР в ООН? То, что Германия делала с евреями и инакомыслящими до 1939 года, — это было ее личное внутринемецкое дело. Неделikatно заглядывать в трубы чужих крематориев. Даже США до 1940 года не рвали с Гитлером дипломатических отношений. До Перл-Харбора.

Заодно СССР состоял и в Международной Ассоциации психиатров и невропатологов, в то время как диссидентов пытали в психушках. И нас оттуда даже не выгнали — сами обиделись и ушли. До сих пор никто публично от этих злодейств не отрекся, напротив, Татьяна Кетова, главврач Орловской СПБ, палач многих диссидентов, на прежнем месте и еще награды от президента РФ получает. Вместо того, что нацистских врачей получили после Нюрнберга. А нас взяли обратно в Ассоциацию в надежде, что мы когда-нибудь да раскаемся. Взяли в кредит. Без залога, без обеспечения. Так же нас впустили и в Совет Европы.

Авансом. А мы еще царские долги, от которых большевики отреклись, не уплатили. Советские, впрочем, не уплатили тоже. Зато уже делаем новые, российские: под АПК, под ВПК, под Чечню. Таких неисправных должников на Руси в долговую яму сажали. А не в Евросовет. Так что зря Сергей Адамович думает, что Евросовет запретит Зюганову его посадить; ведь Хельсинкское совещание не запретило этого Брежневу, и отсидел правозащитник Ковалев свои семь лет от звонка до звонка.

И что это за зачисление России туда, где она ничему не соответствует! Ведь не выдают же аттестат зрелости школьнику, не умеющему читать и писать, в расчете на то, что он потом научится. «Пустите Дуньку в Европу!» — восклицали «яблочные» демократы; при этом сам Григорий Явлинский неоднократно утверждал, что война в Чечне — это преступление, притом с российской стороны. Так зачем же Лукин запикивал нас, этаких верблюдов, в игольное ушко Страсбурга? Чтобы заодно по дороге заезжать на сессии Евросовета по пути в Гаагу, где нас будет судить Международный трибунал — за преступления против человечности, совершенные в Чечне? Два раза билет брать не придется... Сейчас мы подпишем кучу конвенций, обещаем тратить на 1 эка по 10\$ в день на одно только пропитание (после чего все малоимущие россияне начнут проситься в тюрьму), отменим смертную казнь для убийц, сохранив ее для мирных жителей Чечни и для демократов (для последних — после пришествия Зюганова)... После 16 июля в Евросовете появится первый коммунистический член. И тогда глава российской делегации потребует, чтобы голубой флаг Евросовета со звездами заменили на красный с серпами и молотками. А в качестве гимна Европе будет предложен «Интернационал» — на том основании, что в Европе хорошо знают Маркса, Энгельса и Эжена Потье...

И как это яблоневый Владимир Лукин не погнушался везти в Европу Зюганова с Жириновским? Ведь это же типичная контрабанда, хуже ввоза ядерных или высокотоксичных материалов! В своей речи господин Лукин сказал, что в Евросовет принимают не какие-то политические силы, а великий народ. Это точно! Великий народ, проголосовавший против демократии, творящий разбой в Чечне, присылающий в Европу в качестве своих, полномочных представителей КПРФ и ЛДПР. Как понять поведение «Яблока»?

Может быть, Григорий Алексеевич думает, что и на Марсе, и в коммунистической России будут яблоки цвести? Как на Марсе — не знаю, тамошние политические традиции мне не известны. А за коммунистическую Россию я могу ручаться. Никаких здесь фруктов не будет. Ни яблок, ни груш. Ни Гайдара, ни Явлинского, ни Борового, ни Бориса Федорова.

Европа в очередной раз поджала перед Россией хвост. Как в 1952 году, когда признали большевиков, как в 1939-м, когда отдавали Польшу и Чехословакию, как в 1945-м, когда сдали Сталину всю Восточную Европу; как в 1956-м, в 1965-м, в 1975-м, в 1979-м, как год назад, в начале оккупации Чечни, так и 25 января, когда голосовали за прием Жириновского и Зюганова...

Отныне всё дозволено. Чечня, фашизм, коммунизм. Зюганов придет на готовое. Есть санкция Евросовета на пытки, на казни, на ГУЛАГ.

А какая программа деятельности у России будет в Евросовете? Как встарь, защищать немецких безработных или французских трудящихся, стонущих под игом капитала? Вступление России в Евросовет — это закат Европы уже не по Шпенглеру. Какие они трусы! Все эти экономически мощные, но духовно бессильные члены НАТО, с их цивилизованностью, прекрасным оружием, компьютерами 7-го поколения, готовые отдать Россию в руки фашистов и коммунистов, как и в 1938 году, уверенные, что до них очередь не дойдет. Если Куба и Северная Корея не станут членами Евросовета, то только потому, что одна находится в Америке, а другая — в Азии...

ВЫБИРАЙ СЕБЕ, ДРУЖОК, ОДИН КАКОЙ-НИБУДЬ ФЛАЖОК!

«КоМоК», №16, 24 апреля

Миновала Пасха, как католическая, так и православная, но все покойники остались при своих погостах, как, впрочем, и живые. Никто не воскрес. Ну, положим, тем, кто бесславно и бессмысленно погиб в Чечне, воскресать нет резона: они еще не до конца отслужили свой срок. Грачев и его егеря опять станут загонять их за красные флажки

(теперь, после исторического Указа президента о приравнивании районов Крайнего Севера к районам экваториальной Африки с параллельной отменой полярной ночи по просьбам трудящихся). Еще раз поймают, еще раз отправят на бойню, еще раз закопают (если просто не оставят лежать до Страшного суда). И рубашку чистую не дадут надеть по причине отсутствия прачечных. И последний обед приговоренного к смерти не подадут по причине отсутствия приличных харчей.

А в Чечне все еще трубят рога тихомировской охоты, и каждый камень, каждую травинку, каждый кристалл льда и каждый стакан воды из Терека берут приступом. По известному принципу «Здесь пощады враг не просит, не щадите ж никого». И далее докладывают Борису Ельцину, что укравший у него для людей Огонь Джохар Дудаев прикован к горам Кавказа, и самолеты штурмовой авиации Дейнекина, «сушки», вместо Зевесова орла клюют ему печень.

Прометей, как известно, всегда правы, как эллинские, так и кавказские. Будущие мифы и легенды Кавказа (или демократической России) не преминут отметить положительную роль чеченского Прометея в деле добывания Огня Свободы для народов, а также отрицательную роль тирана Зевса, который пытался удержать этот Огонь в тесных пределах единой и неделимой России. Зевсу, кстати, не угрожали перевыборы. Срок его полномочий продлевался автоматически, и Совету безопасности из олимпийцев не о чем было беспокоиться. Не приходилось назначать Аида главой президентской администрации, делать Гефеста лидером избирательного штаба, а тогдашних Муз, Пифий и Аполлона сажать на все четыре канала телевидения, чтобы антизевсовская агитация не прошла. Я представляю, какой стресс испытал бы Зевс, если бы явились представители от иноземных Богов Одина, Тора и Беллуны, входящих в Совет Европы, и стали бы требовать прекращения битвы Богов с титанами или снимать на видеокамеру разборки кентавров с лапифами! Теократия имеет свои прелести. Поэтому Бориса Ельцина и тянет так явно к успокоительным и тенистым зарослям развесистой клюквы, где прячутся трепетные козлорогие и волосатые Сатиры: Самодержавие, Православие и Народность. Самодержавие — с рогами, Православие — с копытами, а Народность — так

и вовсе с хвостом. Ельцин припадает к истокам. При этом нам разные голоса, как народные, так и антинародные, шепотят в уши, чтобы мы голосовали за Бориса Ельцина, ибо он реальный политик и умеет управлять страной. Про Зюганова вообще речи нет. Они с Жириновским могут баллотироваться разве что в фюреры. А как быть с вариантом № 1? Он отправил реформы на поселение в административном порядке, чтобы они ему перед выборами не отсвечивали; он всех демократов из своего окружения, свою Старую гвардию, своих маршалов: Нея, Мюрата и Даву — спустил в мусоропровод; он своих западных друзей обувает на миллиардные суммы, вставляя им палки в колеса по всем геополитическим параллелям и меридианам, чтобы потом эти кредиты проесть вместе со своими врагами типа Александра Лукашенко и Эмомали Рахмонова, не считая Хаджиева, Автурханова, Завгаева и Туркменбаши.

Его команда работает на коммунистов или в силу сердечной склонности, или в силу природной тупости. Он имеет свору гончих псов, волкодавов и борзых из военки, оборонки, из силовиков, у которых хватает сил лишь на пакости. Эти «цепные псы оклократии», вкусно причмокивая, догладывают останки хозяйской харизмы, из их верхних челюстей Ельцин выберется гол как сокол.

В Чечне, послушав лису Алису и кота Базилио из своего окружения (а там у него полный набор персонажей А.Н.Толстого: и Дуремар, и Карабас-Барабас), Борис Николаевич, вместо того чтобы ограничиться золотыми, хотя и их зарыто немало в режим очередной нашей марионетки Доку Завгаева, еще вдобавок закопал тысяч пятьдесят людей: чеченцев, русских, стариков, женщин, детей, солдат, партизан, пастухов, земледельцев... Только вот из этой братской могилы не вырастет Чудо-дерево ни с золотыми, ни с заполненными в пользу действующего президента бюллетенями...

Значит, всё это реальная и прагматичная политика. А Григорий Явлинский — непроходной кандидат, потому что он чистый, невинный, не имеет порочащих его связей в партаппарате (как одной партии власти — зюгановской, так и другой — ельцинской, которые смыкаются в Совете Федерации, в правительстве, в «правоохранительных органах», в армии, в местной администрации...). Умный, воспитанный, без клыков и когтей, интеллигент, ученый. Пока еще никого не убил. Куда нам такого в президенты? Он — не политик.

Он — человек. У него совесть есть. Он слабый кандидат, потому что никогда не поступался принципами. Не шел на компромиссы. Договоры об Общественном согласии ни с коммунистами, ни с нацистами не подписывал, идет сразу против Ельцина и Зюганова, хладнокровно читает письма с угрозами убийства, дерзает рваться в Кремль, отчетливо сознавая, что если он не сумеет сломить сопротивление красно-коричневых, то через два месяца президентства его постигнет участь Сальвадора Альенде. Он — слабый, а Борис Николаевич, который в угоду коммунистам реставрирует СССР без одного «С», выгоняет из своей администрации всех порядочных людей и вообще лижет зюгановцам их янычарские пятки, — сильный?

Иисус Христос был плохим руководителем. Кадровая политика точно у него никуда не годилась. На двенадцать апостолов один сексот, да и остальные разбежались, не отбили, побег не организовали. Народные массы, хотя и распропагандированные, или тупо глазели, или орали: «Смерть врагу народа! Распять, как бешеного пса!» Вот Вышинский-Каиафа был ценный кадр. Чего хотел, того добился, распял. Его бы в президентскую администрацию! Царь Ирод был, должно быть, опытным политиком: приказал истребить младенцев, и силовые структуры приказание выполнили. Я уже не говорю про Понтия Пилата, распявшего правозащитника Христа и отпустившего бандита Вараввана. Прямо как у нас. Казанник отпустил Руцкого и Хасбулатова, Ильюшенко пытался распять меня и программу «Куклы», а Скуратов опять взялся за мои старые грешные сатирические кости, в то время как киллеры, убившие Александра Меня и Влада Листьева, не считая еще более раннего убийства Димы Холодова, гуляют на свободе.

Плохим руководителем был Ганди: завоеванная им свобода обернулась межконфессиональными волнениями и убила его рукой фанатика. Его и его наследников: Индиру Ганди, Раджива Ганди... Тюрьма, голодовки, побои... Ганди не отрекался от своих принципов никогда. Так же, впрочем, как и Звиад Гамсахурдиа, до сих пор проклинаемый советской (и российской, увы!) образованщиной за выход из СССР, возвращение национального достоинства грузинскому народу, за нежелание кланяться Москве. Впрочем, образованщина и генеральщина и Ландсбергиса не терпят,

да руки у них короткие. Звиад Гамсахурдиа — слабый политик. Он отдал жизнь за свободу. А Ельцин эту свободу сейчас коммунистам продает. Он — сильный? Джохара Дудаева недавно обозвал бандитом. Не могу, мол, с бандитом говорить без посредника. А в посредники уже несколько президентов набиваются. Общаться с «бандитом» через посредничество СБСЕ и кучи президентов — легитимно? Зачем же так врать, господа? Ложь — не признак силы. И кто у нас все-таки по Малинину — Буренину бандит? Джохар Дудаев защищает свое. Борис Ельцин завоевывает чужое.

Ганди, Гамсахурдиа и Христос пошли на смерть. Джохар Дудаев тоже идет на это. Так, видимо, поступают слабые политики. Сильный политик Борис Ельцин действует иначе. Он жертвует пешки, ладью, коня. Появляется аббревиатура ССР. И хижина дяди Тома гостиничного типа, на двоих с Лукашенко. К черту реформы, к черту бюджет, к черту суверенитеты.

Недавно вообще президент спустил флаг, то есть отдал короля, то есть приравнял государственный триколор к красной большевистской тряпке.

На демократов машем триколором, на коммунистов — красным флагом Победы. В результате ни те ни другие за Ельцина не проголосуют. Благо молодежь из «Антифашистского молодежного действия» уже подвели под «закон тайги» задним числом и завели на них дело о «надругательстве над флагом». Два государственных флага, два строя в одной стране, два герба... Двоемыслие и двуязычие. Может, вторую конституцию для коммунистов заведем? Ту, ленинскую, 1924 года? Чтобы не обижались...

Скоро ли статую Железного Феликса приравняют к статуе Юрия Долгорукова? Скоро ли президент узаконит гитлеровский флаг, чтобы понравиться баркашовцам? А орел у нас будет в одной лапе держать серп, в другой — молот — и клевать колосья, а звезда пойдет вместо короны? Скоро ли Сталина вернут в Мавзолей, чтобы за Ельцина проголосовала Нина Андреева? Может ли хамелеон считаться сильным лидером?

Когда в июне* Зюганов и Ельцин будут оспаривать друг у друга пост генсека КПРФ, при чем здесь демократическая

* На президентских выборах в 1996 году.

общественность? Пусть решают на Политбюро. С нас хватит. Выбирай себе, дружок, один какой-нибудь флажок.

Иуда из Кариота имел хорошие задатки. Вовремя вошел в команду, вовремя смылся. Предал за хорошую цену. Да еще и поцеловал в уста, другой рукой предъявляя ордер на арест.

Сильный был политик. Жаль, что повесился. А ведь мог бы баллотироваться в президенты РФ.

НИ ВЕЗУМИЯ, НИ БЛАГОРАЗУМИЯ

«Иначе»* (№ неизв.)

— Валерия Ильинична, вы известны как яркий представитель неконформистских взглядов в нашей стране. Что вы вкладываете в понятие «неконформизм»?

— В понятие «неконформизм» я вкладываю, во-первых, интеллект, который не поддается пропаганде, не поддается некоему общественно-предписанному стандарту восприятия, какому-нибудь телеканалу — первому, второму, третьему, четвертому, пятому или шестому. Это умение самому получать информацию и самому делать соответствующие выводы. Человек, который не умеет делать выводы, не умеет правильно получать информацию, никогда не будет свободен, потому что у него нет аппарата. Он никогда не будет неконформистом, потому что у него нет для этого базы. Ну а дальше, как вы понимаете, для любого неконформизма нужно дерзновение, нужна абсолютная смелость. То есть человек не должен дорожить жизнью, потому что в наших условиях неконформизм может завести очень далеко. И здесь еще нужна абсолютная правдивость. Человек должен не лгать. Вот, скажем, хочется ему стать депутатом, президентом, а он, тем не менее, не лжет. Вот сейчас начнется эта гонка (беседа происходила в преддверии президентских выборов — *Прим. ред. «Иначе»*), и вы увидите, какие рулады начнут выводить политики, как они будут мерзко врать, как они будут захлебываться в этом вранье, как они всем будут обещать золотые горы и реки, полные вина. Вот именно этого не надо делать.

* Журнал, г. Петрозаводск.

— Вопрос к вам не как к политику, а как к культурологу. Известно, что вы любите Ницше и Джека Лондона и резко негативно относитесь к русской классике XIX века, погрязшей в моралистических проблемах. Но, может быть, из поэтов Серебряного века вы можете выделить кого-то Вам духовно близкого?

— Это не негативное отношение к русской классике, это негативное отношение к тем ментальным особенностям народа, которые стоят за этой классикой. Я думаю, что я Достоевского знаю гораздо лучше, чем записные славянофилы, очень люблю его перечитывать, потому что это — «красный свет». Он показывает, как не надо жить, как не надо мыслить, как не надо общаться. Очень много разных «не надо». Они фактически очерчивают всю человеческую жизнь. Так не надо жить — это уроки Достоевского, Толстого, Тургенева, Чехова. Потому что именно благодаря такому отношению к жизни у народа и интеллигенции мы и приобрели ту сегодняшнюю помойку, в которой почти с головой утонули. Это — склонность растекаться мыслию по древу, это жуткая неконкретность, это неумение работать, это отсутствие собственного достоинства, вместо которого вялая мечтательность и просто тотальное нежелание отдаться какому-то конкретному делу, большая психика, все эти навороты патологических фантазий, которые свойственны героям Достоевского, это сон разума, который рождает чудовищ. Потому что только больной разум и больная страна, больной этнос мог породить все эти коллизии с князем Мышкиным, с Родионом Раскольниковым, с братьями Карамазовыми. И заметьте, что все эти потрясающие душу прекрасные порывы кончаются банальной уголовщиной. Или, в лучшем случае, безумием, как у князя Мышкина.

Здесь нет выхода в разумную деятельность. Здесь тупик. Здесь нет умения здраво смотреть на мир, сделать его пригодным для жизни. Отсутствует даже нормальное отношение к человеку, нормальная дистанция. Есть только два варианта: мы или повисаем на человеке, так, что он от нас отклеиться не может, или стараемся топором его прикончить. Но ведь это совершенно ненормально. Такого рода отношения не должны складываться в человеческом обществе. И, надо отдать нам должное, мы умеем любую гадость объяснить, мы подводим философскую базу подо что угодно. Хотя под уголовщину не надо подводить философскую

базу. Есть зло, есть добро, есть десять заповедей, которые нарушать нельзя ни в коем случае. Вот всю эту нашу достоянину еще Мережковский хорошо объяснял — мол, всё это прекрасно для литературы, вы видите, какая у нас прекрасная великая литература, но у нас никчемная, грязная, пошлая, ничтожная жизнь. В результате нашей великой литературы мы живем в неолите. Это всё взаимосвязано. Поэтому это не нелюбовь к литературе, это нелюбовь к той жизни, которая стоит за ней. Если бы литература не влекла за собой подобные последствия, я бы ничего против нее не имела.

Поэты у нас другие. У нас есть поэты, которые пытались эту жизнь несколько дисциплинировать — или вообще не имели никакого отношения к этой жизни. Мои любимые поэты — это Мандельштам, Пастернак, но самый любимый — Гумилев. Потому что здесь впервые, может быть, в истории русской литературы великолепная поэзия была помножена на великолепную жизнь и великолепную смерть. Если вспомнить, как жалко и недостойно жили Мандельштам и Пастернак, то тем выше в этом плане достижения Гумилева, тем прекраснее его поэзия.

— А как вы относитесь к современной молодежной культуре, например рок-музыке?

— Культура едина, а «контры» есть в каждом явлении культуры. Например, Степняк-Кравчинский и Писарев наверняка считали себя в «контрах» с Пушкиным и Толстым. Контркультура, с моей точки зрения, это такое же тепличное растение, как и вся наша молодежная жизнь, которая не влечет за собой серьезного бунта, а влечет что-то вроде совершенно безобидных собачьих и кошачьих выставок. Вот когда сидят красиво причесанные барбосики с бантиками и очаровательные персидские кошечки, а посетители с почтительным изумлением ходят и их обозревают, мне это очень напоминает панков с их гребнями или рокеров, увешанных цепями, или хиппи, которые считают, что свобода заключается в том, чтобы ничего не делать, ходить немывтыми и нечесаными. Это — внешние атрибуты, которых хватает от силы на несколько лет. Потом все живут по Пушкину: «Блажен, кто смолоду был молод, блажен, кто вовремя созрел». Или, что еще хуже, это кончается наркоманией, алкоголизмом, бродяжничеством.

В этом нет свободы. Робин Гуд, между прочим, одевался не в лохмотья, а в бархат и шелк. Он был дворянского происхождения, у него в лесу были вполне приличные женщины, его любили красавицы, он щедро раздавал золото бедным и его боялись самые знатные сеньоры. То есть наше представление о бродяжничестве, чтобы обязательно невымытым и обязательно босиком, — это ничего общего не имеет с благородными историями о европейских нонконформистских разбойниках. Вот Корсар у Байрона тоже — на прекрасном корабле, в прекрасном одеянии, в трюме у него сокровища. Если уж бродяжничать — то так.

Но мне лично смешно на всё это смотреть, потому что я с семи лет не подчиняюсь никому, ни в школе, ни в других учреждениях. И для этого мне никогда не нужно было выстригать на голове гребень, увешивать себя цепями, дерзить взрослым. Я их просто не замечала и делала то, что считаю нужным. И не учиться, и ночевать как Гекльберри Финн в какой-нибудь бочке — это свидетельствует о той степени несвободы, которая цепляется за внешние атрибуты, потому что реальной свободы нет. Доказательств тому сколько угодно. Я думаю, что хиппи появились у нас с шестидесятых годов. Где были все эти хиппи, панки, рокеры, когда в 79-м году молодежь погнали в Афган? Где они были? Пошли как котятки! Стали стрелять куда приказывают. Я не слышала, чтобы с 68-го и до наших дней был сорван хотя бы один призыв. Чтобы бегал министр обороны, рвал на себе остатки волос и кричал, что нельзя писать приказ о демобилизации, потому что никто не придет на замену. И сейчас — то же самое. Эти котятки, цепляющиеся за материнские юбки (на самом деле парни — это солдатские матери), идут опять-таки куда их ведут. И зачем им при этом стричься под панков, и зачем им надевать на себя цепи, и зачем им тогда заявлять, что они не такие, как другие, когда они по сути послушное пушечное мясо. Если у них при этом будет гребень на голове, государство с них не взыщет, они ему и такие сгодятся. Другое дело — Соединенные Штаты, где публично сжигали повестки, где захлебнулась война во Вьетнаме, потому что молодежи так хотелось. Точно так же и Алжирская война, которую вела Франция, захлебнулась, потому что никто не хотел воевать за ее цели. А у нас, посмотрите,

как здорово получается: молодежь идет, куда ей приказывают, а на выборы либо вообще не идет, потому что будущее страны ее не интересует, или за Жириновского голосует. Вот если бы в МГУ его закидали тухлыми яйцами, тогда бы я поверила, что есть какая-то контркультура. Где молодежные организации, которые были бы лучше взрослых организаций?

Современная молодежь не молода, я думаю, что они рождаются уже с бородой и с очками. Потому что благообразие совершенно не идет молодежи. Молодежь должна быть романтична, она не должна еще в колыбели думать о своем счете в банке. У нас фактически нет молодежи и никогда ее не было, потому что октябрята, пионеры и комсомольцы были такими же ветеранами КПСС, как члены Политбюро. Разницы между ними никакой не было, все шагали в едином строю. Все фундаментальные основы молодости — нежелание ходить в колее, попытки основать какую-то иную, лучшую реальность, дерзновение — ей были совершенно не свойственны. Я думаю, что я в свои сорок четыре года гораздо моложе, чем любой студент, который не ходит на митинги, не рвет портреты вождей, не жег никогда советские флаги.

Что же до рока, то я думаю, в этом была попытка прорваться на Запад. Это музыка абсолютно не российская, совершенно не соответствующая российской ментальности, это мелодии Америки. И я думаю, что молодые люди постигали Америку через эти мелодии. А поскольку я всегда была не от мира сего, и Запад я ношу в себе, и во мне не было ничего советского — а если говорить о русском, то ничего ближе XII века я не связываю с этим понятием, — то рок мне был просто не нужен для прорыва на Запад...

— Простите, очень интересно ваше мнение о «русском» до XII века...

— Эти русские были не теми русскими, которыми они стали потом. До XII века русские оставались варягами. Тогда только две традиции было — славянская, «смягчающая», и традиция скандинавская, которая и создала Западную Европу. Я сторонник норманнской теории и считаю, что именно скандинавы дали западный менталитет и Франции, и Британии, и Испании и т.д. Характер у каждого дээсовца — нордический, твердый, и если Баркашов пытается восстановить эту традицию, делая это совершенно

не с того конца, то он показывает, что у него сплошь неграмотные люди, ничего на эту тему не читали и ничего не знают. А мы пытаемся восстановить скандинавскую, норманнскую, варяжскую традицию, ту, благодаря которой Россия до сих пор двойственна и благодаря которой русское западничество столько веков подряд бьется со славянофильством.

Беседовал Вадим Штепа

БЕРИ С КОММУНИСТОВ ПРИМЕР

«Комок», №21, 29 мая

Наши дражайшие, полупочтеннейшие, драгоценные коммунисты страшно обижаются, когда, тыча в них перстами, мы говорим, что, сравнивая их идеологию, теорию, практику, кадры и исторические свершения с соответствующими фашистскими показателями, мы еще говорим им комплименты, а фашисты могут потащить нас в суд, потому что обидятся. Хотя дело выиграют едва ли: уж очень подмоченная у них репутация. Едва ли судьи захотят возиться с иском об оскорблении чести и достоинства, тем паче что истцы давно повешены по приговору нюрнбергского трибунала.

Однако очень хочется ткнуть коммунистов розовым носиком в следы их плодотворной деятельности, оставленные ими на ковре. То есть на пространствах многострадальной России. Я беру на себя смелость утверждать, что Ленин был первым фашистом-прикладником XX века. Молодой Адольф Гитлер еще сражался за фатерланд, юный Муссолини еще писал плохие статьи в газеты, а Владимир Ильич уже поверял чекистской, расстрельной, опричной алгеброй свою проклятую утопическую гармонию, гармонию мрачного Города Солнца, испепеленного огнем фанатизма и одержимости; города, где каждый, кто не хотел становиться маньяком, становился трупом. Сначала этот город назывался Советской Россией, потом — СССР, далее от ядовитых испарений зла его разнесло до размеров блока «Варшавский договор». Сегодня этот пузырь лопнул со страшным треском и звоном, оставив зеленые ядовитые лужи на месте Китая, Кубы, КНДР, Вьетнама. Но силы

тления и распада, ностальгически вздыхающие о своем прежнем гноище — естественной среде их обитания, — готовы 16 июня снова законопатить всю Россию под колпак новой резервации мутантов, нового мыльного пузыря, новой колонии прокаженных. Поэтому давайте препарировать основоположника всего этого кошмара, который с 1924 года отлеживается, как порядочный, в Мавзолее и делает вид, что он здесь ни при чем, как всякий мастистый мафиози, уважаемый дон, стал бы отрицать на допросе в ФБР свою связь с притонами, игорными домами, рэкетом и вообще организованной преступностью. Кто первым ввел в употребление термин концлагерь? Немецкие или итальянские фашисты? Отнюдь! Этот термин принадлежит воспаленному воображению Железного Феликса, ибо господин Дзержинский еще в 1918 году предложил заключать буржуев, ученых, интеллигентов, домовладельцев в концентрационные лагеря как «классово чуждый элемент». (Судя по интеллектуальному уровню политического руководства КПРФ, ученые и интеллигенты по-прежнему остаются для коммунистов «классово чуждым элементом».)

Родственники тамбовских повстанцев — ограбленных дочиста продотрядами крестьян, — брошенные умирать голодной смертью за колючую проволоку в качестве заложников, ознакомились с лагерями смерти задолго до немецких и польских евреев или советских военнопленных.

Уничтожение всяческих свобод, начиная с закрытия газет и кончая запрещением в 1921 году всяческой фракционной деятельности в РСДРП, — естественно. (И то! Представьте себе в рядах национал-социалистов платформу, стоящие на которой партайгеноссен нелояльно относились бы к фюреру и требовали его переизбрания! Владимир Ильич вовремя спохватился, как только позволили карательные мероприятия.) Но это нарушение прав человека кажется минимальным на фоне других. Не давали писать, говорить, избирать — это плохо. Но ведь не давали и есть (жуткий голод от первой «волны» национализации, социализации, инфляции, конфронтации, борьбы со спекуляцией и саботажем, расприватизации и мобилизации «всех, всех, всех» на борьбу с Деникиным, Колчаком, Юденичем, Врангелем и проч.). Да само право дышать, право жить было оспорено. Германские фашисты уничтожали

«неполноценные» расы и умственно отсталых сограждан. Большевики к национальному вопросу были равнодушны. А кого им было уничтожать? Евреи среди них самих были, цыган еще надо было словить, латышских стрелков и китайцев они привлекли к операциям по уничтожению лишних россиян. Поистине «с Интернационалом погибнет род людской». Большевики не отставали от нацистов. Только они уничтожали сословия. По социальному, классовому, а не расовому признаку. Дворян, офицеров, жандармов, функционеров Охранного отделения (лучше надо было «охранять»!), членов «буржуазных» партий, священников, монахинь, монахов, гимназистов и гимназисток, студентов, ювелиров, банкиров, бизнесменов, торговцев, министров, помещиков, «кулаков», подкулачников, середняков, просто не рваных, не грязных и не голодных россиян. До 1924 года управились с 15 миллионами. Так что куда там гитлеровцам с их шестью!

Суды Третьего рейха полностью отменили право. Гитлеровская законность так же противоречила юридическим нормам цивилизованного общества, как и «социалистическая законность» с ее 58-й статьей и поисками «врагов народа». Правовой нигилизм коммунистов ничуть не уступал правовому нигилизму нацистов. *Tabula rasa*. И здесь и там. Чем красная пустыня Ленина отличалась от черной дыры Гитлера? Штурмовики, СС, СД, для которых не было ни закона, ни ограничителей? А как насчет Красной гвардии, ВЧК, комиссаров, которые руководствовались «революционным правосознанием»? И те и другие были опричниками фюрера, генералиссимуса, председателя Совнаркома, хунвейбинами гражданской розни, деградации культуры, подлого мщения социальных неудачников всему, что было высоким, чистым, прекрасным. И у нас была своя «хрустальная ночь», когда выбрасывали из окна усадьбы рахманиновский рояль, жгли блоковскую библиотеку, сбрасывали с церковей кресты и колокола. Про лавки и частные квартиры я уж и не говорю. «Запирайте этажи — нынче будет грабежи!» — помните это, господа Лукьянов и Зюганов?

Описания пыток ВЧК прочитайте в «Красном терроре в России». Чем хуже, чем в гестапо? А Соловки, где людей, привязав к бревнам, скатывали по огромным ступеням древней лестницы, и их расплющивало заживо? Или их привязывали за ноги, и лошадь волочила несчастных по вырубке с острыми пнями... От человека оставались

кровавые лохмотья. У гитлеровцев нет оснований задирать нос с их Освенцимом и Бухенвальдом. Крематориев и газовых камер у нас не было только из-за технической отсталости Советской России. Абажуры из человеческой кожи не делали из-за вечного невнимания к вопросу развития легкой промышленности, или группы «Б».

А ведь мохнатое, обросшее шерстью сердце Ленина перестало биться в 1924 году... Сколько лет оставалось до 1933-го... до 1937-го?.. Вот перед чем склоняется кандидат в президенты Геннадий Зюганов. Вот к чему он возлагает цветы. Почему нацистских преступников не положили в Мавзолей, чтобы родители приводили детишек ими полюбоваться? Ради единства истории...

Мы — чемпионы! Путеводная Полярная звезда, маяк... Бери с коммунистов пример! Это они показали пример человечеству! И Третий рейх, и Китай, и Кампучия, и Куба, и Ким Ир Сен — это всё их ученики! Ученики, конечно, восстали против учителей в 1941 году и пощипали товарищей комиссаров (а заодно и несчастный, порабощенный, замученный народ, которому и сталинского ига хватало). Но что нам за дело до разборок между двумя бандами: бандой учеников и бандой учителей? Поэтому День Победы, залпы салютов, медали и ордена, наградные от президента полагаются исключительно антикоммунистам. Виктору Астафьеву, покойному Юрию Левитанскому, отданному на смерть в лапы Лукашенко Василию Быкову, Елене Боннэр, Александру Яковлеву. А коммунистам, воспитавшим фашистов на личном примере, когда они равнялись на лучших: на Ленина, Сталина, Ежова, Берию, Бухарчика, Троцкого — ничего не светит. Кроме Нюрнберга. В.И.Ульянов не написал «Майн кампф». Он написал пятьдесят с лишним томов сочинений. Это толще, согласитесь. Его борьба с человечеством — вот содержание его произведений. Пули в затылок вперемешку с цитатами из трех составных источников марксизма. Так что коммунисты зря воротят нос от своих слабых эпигонов, которые, несмотря на сумрачный германский гений, так и не смогли их догнать и перегнать. Не волнуйтесь, дорогие избиратели: голосуя за Зюганова, вы голосуете и за Ленина, и за Сталина, и за Геббельса, и за Гимmlера, и за Мао. За всю их теплую компанию.

Хайль Коминтерн!

ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ

«Новое время», №28, июль

Мы действительно никуда не делись. Борис Ельцин даже не стал изображать из себя Крысолова. Не было дудочки, не было волшебного напева. Нас не заманивали. Но и моря тоже не было. Нас не собирались тащить. Но и подарков не предвиделось. Всё, что нам причиталось, мы получили на руки с 1991 по 1993 год. Свобода, рынок труда (а для интеллигенции он уже существует), конституция, триколор, уход коммунистов в оппозицию, ликвидация советской власти — это была наша доля добычи. Петр Авен, выйдя из Кремля, стал банкиром; Анатолий Чубайс теперь займется своими делами: будет лечить предприятия, заработает больше, чем в правительстве; Галина Старовойтова не пропала без вертушки... Власть ушла от них, как ушла от Егора Гайдара, обессмертившего свое имя и не пошедшего по миру без жалования вице-премьера. Ну и что, что ушла? «Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло!»

Но Борис Ельцин верно оценил ситуацию. Мы недолго брыкались и изображали из себя необъезженных мустангов. Наш Боливар запросто сvez двоих: и Бориса Ельцина, и нашу прагматически ориентированную совесть, которая умеет заткнуться, когда полагается. Сказав Борису Ельцину «нет», куда бы мы пошли? По стопам Мармеладова? Но ведь ночевать на барке на Сенной пришлось бы только удачливым тихоням, которых не заметили коммунисты. А нам, состоящим в списках смертников и у «патриотов», и у трудороссов, пришлось бы поплавать по этой Сенной со здоровенной каменюгой на шее. А жить-то хочется как никогда. Потому что жизнь — хорошая. По крайней мере для нас. Пляжи, вернисажи, вояжи за кордон без санкции парткома. Фестивали. Фильмы по НТВ. Видеокассеты. Книжки не в спецхране. Наши героические акции в защиту Джохара Дудаева и Республики Ичкерия. Восторг западных коллег. Слава (по сходной цене). Любовь угнетенных народов. Испанский окорок, голландский сыр, австрийское масло, французские креветки.

А вы хотели, чтобы мы выбрали — и для себя и для страны — «просто деревянные костюмы»? Истеблишмент

типа Никиты Михалкова или Аллы Пугачевой выбрал что повкуснее. Спасибо и на том. Они последовательны, они всегда выбирали то, что подальше от Танатоса. Но нас, нонконформистов, диссидентов и правозащитников потомки могут не понять. Ну и пусть. Главное, чтобы были потомки. А то вон Анатолий Чубайс, признался, что они в штабе Ельцина ждали арестов и обысков. Я, правда, собиралась оказать Зюганову и Тулееву вооруженное сопротивление, но ведь до Шамиля Басаева мне далеко! Радикальные демократы — мирные люди, хотя и не вылезают из своего бронепоезда.

Все-таки инстинкт самосохранения — основной инстинкт. В конечном итоге своя рубашка оказалась ближе к телу, чеченцы пошли в издержки производства, а мы сначала поставили галочку в ельцинской графе (до этого поагитировав за него все три недели между турами, а иные успели подсуетиться и до первого тура, минуя Явлинского), а потом поставили свечку в Елоховском соборе на радостях от того, что галочек оказалось достаточно.

Если уж вдова Джохара Дудаева призывает голосовать за Ельцина, а гордые и непреклонные чеченцы то летят в Москву, то мирно переговариваются с федеральными противниками, то деликатно отказываются от комментариев по поводу президентского визита в Чечню по формуле:

«Пришел. Не видел. Убедил. Наша галочка спасла Украину, Латвию, Эстонию, Литву, Молдову, Грузию. А чеченская свобода зависит отнюдь не от усилий правозащитников. Плевали на наши конвенции обе воюющие стороны. Когда федералы окончательно обломают себе рога о чеченские эскадроны призьбрусских или приказбекских партизан, тогда — и не раньше! — войска будут выведены, а чеченцы предоставлены самим себе и милости Аллаха».

Отдав голос Борису Ельцину, мы теперь со вздохом облегчения можем посвятить лиру Шамилю Басаеву. После выборов в мире не будет перемен.

Ибо опять:

Сим молитву деет,
Хам пшеницу сеет,
Яфет власть имеет,
смерть же всем владеет.

То есть статус-кво. Мы больше не верим президентским заверениям, в отличие от Григория Явлинского, который всё просил ему рассказать про то, как дальше жить будем; мы больше не веруем в любовь власти к демократам, и мы не хотим отдаться вновь раз обманувшим нас сновиденьям о возвращении Гайдара и Чубайса в правительство и о запрете компартий всех габаритов и фасонов. Нас можно было обмануть в 1993 году, 21 сентября и 3 октября. Сейчас мы не верили, но все равно пришли. Потому что нам есть что терять. О, мы не повторили роковую ошибку чистоплюев 1917—1918 годов, которым сначала не приглянулся Распутин, потом не приглянулся «прогнивший царский режим», потом не полюбилось Временное правительство. Корнилов показался слишком реакционным, контрразведка — негуманной, Колчак — антисемитом. Пока разные фракции противников коммунизма принимали друг против друга резолюции, красные наложили свое окончательное вето и на тех, и на других, и на третьих. Мы ученые, мы про такой вариант знали, так что напрасно нам пели Лазаря разные публицисты и пуристы, разъясняя, что нельзя молиться за царя Ирода, Богородица не велит. Владимир Буковский, Андрей Синявский и Мария Розанова — за кордоном. Им что! Там тепло, там яблоки. Богородице еще лучше, она не от мира сего. Умирать, проголосовав против всех кандидатов, надо было не им, а нам. А вот такие советы с отечественных полей и лугов сильно удивляли, если не сказать больше.

Всех голосовавших можно было условно подразделить на «неправых», «правых» и «праведников». С «неправыми», голосовавшими за Зюганова, всё ясно до гроба. Я лично и через тридцать лет с ними разговаривать не буду. И попытки Александра Лебеда помирить нас с нашими могильщиками по меньшей мере неконструктивны. «Правые» голосовали во втором туре уже за Ельцина. «Праведники» голосовали против всех кандидатов (программа-минимум движения «Нет!»). А какая же программа-максимум? А вот такая: безвременье, нелегитимность Ельцина, разбег силовых структур, региональных князьков, чиновников, гражданская война или победа красных на новых выборах, террор, конец света. Так что праведники оказались не правы, а мы, правые, больше никогда после этой галочки не будем праведниками. Впрочем, праведность с нас соскочила уже после

4 октября 1993 года, потому что праведники неправедных из танков не расстреливают. О танках мы не пожалели, так неужели пожалеем о галочке? И совесть нас больше не мучает. Мы познали жизнь. Все эти угрызения прошли, как с белых яблонь дым. Так что товарищу по диссидентству Сергею Ковалеву я могу сказать лишь одно: «Напрасны ваши совершенства, их вовсе не достоин я».

Где бы мы ни встретили врага (то есть коммуниста), полагается заступать ему пути. С кем вместе — не важно. Хоть с чертом лысым. Правда, раковая опухоль коммуно-фашизма не вырезана, но нам провели 3 июля лучевую и химиотерапию, на четыре года хватит. Основной инстинкт нас не подвел, не подвел он и избирателей. Наверное, в последнюю минуту они сравнили черно-белый советский период с нынешней роскошной цветной жизнью. А плата нам не нужна: мы зарабатываем гораздо больше 30 сребреников.

БРОСАЙТЕ ЗА ВОРТ ВСЁ, ЧТО ПАХНЕТ КРОВЬЮ

«Новое время», №36, сентябрь

Мы никогда их не понимали. Мы никогда их не поймем. Потому что сытый голодного не разумеет. У нас всегда было навалом всякой географии: «Много в ней лесов полей и рек...» Мы могли позволить себе роскошь выбросить за окно Среднюю Азию, Кавказ, Украину, Балтику. И не обеднели. 1/6 или 1/8 суши — не все ли равно? И так, и этак от Москвы до Владивостока 9 часов.

Сбыв с рук около миллиона населения, наши правители, похоже, сыты по горло оставшимися 150 миллионами: пока всех накормишь, напоишь, уймешь, сагитируешь перед выборами... У нас всего было слишком много: народа, земли, энергоносителей, солдат, спецслужб, чиновников, милиции. Всё это «русское богатство» порядком натирало нам холку. Мы били копытом, негодовали и пытались ускакать в Дикое поле.

А они судорожно мечтали о своем крошечном клочке земли, чтобы водрузить там национальный флаг и завести свое хозяйство. Чтобы всё было не хуже, чем у людей: свои министры, свой парламент, своя жандармерия. Своя армия: хоть из одной роты, но своя. Своя контрразведка.

Свои почтовые марки. Своя валюта, даже если за мешок больше 1 рубля не дадут. И вот крошечное, слабое, недоношенное государство обзаводится всеми этими обновками. И пытается выжить. И, счастливое, садится писать собственный учебник истории. Как Грузия времен Звиада Гамсахурдиа. Учебник трогательный, как диалоги Ромео и Джульетты, зеленых, наивных, молодых, которым не жить. Потому что «мою любовь, широкою, как море, вместить не могут жизни берега». А в этом учебнике истории про Грузию сказано, что грузины — потомки Прометея по прямой линии, что Мингрелия никогда не просилась в Россию, и про всех царей и цариц, вплоть до мифических, и про всех витязей, на которых хватило одной тигровой шкуры... Мифы и легенды Древней Грузии. А про Чечню — своя «Песнь о Гайавате». Про шейха Мансура, про имама Шамиля, про ссылку, про депортацию, лагеря. О славном походе и о великой борьбе. О свободном народе волков в Сионийских горах.

Для кого писалась эта история? Кого они надеялись убедить? История зеленых, наивных, молодых государств... Которым не жить. Лонгфелло обращался к тем, кто любит легенды и народные баллады; к тем, «в чьем юном, чистом сердце сохранилась вера в Бога, в искру Божью в человеке». Немного же таких у нас наберется.

Если бы государства-малютки не на грешной постсоветской земле, если бы у них было время вырасти, научиться ползать, ходить, освоить экономику, если бы им дали хотя бы 50—100 лет, которые были и у России, и у США, и у Франции, они могли бы справиться. Перерасти корь, переболеть свинкой, краснухой, скарлатиной. Но ведь черт обязательно свяжется с младенцем. Придет империя и не посчитается с тем, что ты мечешься в бреду, что тебе нужен врач. Нужен врач, а придет палач. Вырасти не дадут. И выяснится, что еда, энергоносители, деньги и кадры остались у Большого Брата. И часть твоего голодного населения запросится обратно, в теплый хлев, потому что там — полное корыто, а ты можешь предложить одно только разбитое — на десятилетия трудов, лишений и свершений. И подвижников, как всегда, останется меньшинство. И тогда тебя свергнут, как Звиада.

А если произойдет чудо, и их окажется большинство — тебя завоюют, как Джохара Дудаева. Трагедию вы можете

смотреть совершенно спокойно. В конце концов на сцене, кроме Корифея-политолога и хора журналистов, никого не останется. Будет даже хуже, чем у Лао Шэ: мертвые станут хоронить своих мертвецов, а живые жевать дальше дурман-ные листья. По пять мыльных сериалов в день.

Когда советские диссиденты из метрополии если не спихнули, то хоть отодвинули с помощью самой ушлой номенклатуры и идейного Бориса Николаевича коммунизм, они решили большую часть своих проблем. И они, за немногим исключением, сочли блажью стремление диссидентов из колоний решать свои отдельные проблемы, потому что эти решения сразу пошли вразрез с традиционной диссидентской методикой «защиты прав человека». Диссидентство целого народа (грузинского, положим) оказалось противоположно заряженным по сравнению с диссидентством личности, не согласной с этим народом (скажем, Мераба Мамардашвили). До цыкуты дело не дошло, Звиад Гамсахурдиа, аристократ духа, не чета был афинскому плебсу, но упреки (справедливые, по-моему) в неуважении к независимости и коллаборационизме — это несколько не лучше упреков в развращении юношества и неверии в Богов.

Но Сократ учил не во время греко-персидских войн! И не сотрудничал с Критием, главой «тридцати тиранов». Всё получилось, как в алгебре: Звиад был диссидентом по отношению к Империи Зла, Мераб Мамардашвили — по отношению к Звиаду, Империи Зла это пришлось по вкусу, она срочно признала Мамардашвили «чудесным грузином» и истинным философом и цитирует до сих пор.

Точно так же у нас в метрополии какой-нибудь диссидент иногда вставал в оппозицию то к А.Сахарову, то к А.Гинзбургу, то к Ю.Орлову. Иногда начинал писать про это в «Литературную газету», как Петров-Агатов. Тогда он становился предателем, ибо работал на КГБ. Мераб Мамардашвили, конечно, в минобороны или КГБ не жаловался, но его суждение тоже растиражировали.

Нет ни Мераба, ни Звиада.

Но Звиад погиб как мученик, от руки врагов, поэтому спор выиграл он.

Интеллигенты-звиадисты победили своих коллег, которые поладили как с Шеварднадзе образца доперестроечных времен, Шеварднадзе-коммунистом и сатрапом, так и с Шеварднадзе-президентом.

Почему Звиад победил? Потому что «шеварднадзистов» только обозвали всякими словами, а звиадисты пошли в тюрьмы, камеры пыток, на казнь, в изгнание (а до этого под пули и снаряды в здание правительства). Тот, к кому на помощь приходят советские танки и флот адмирала Балтина, всегда не прав. Империя Зла не помогает правым.

Звиад Гамсахурдиа был диссидентом с 16 лет. Джохар Дудаев почувствовал себя диссидентом, когда ему приказали готовиться к подавлению эстонцев. Он с лихвой наверстал упущенное за жизнь. Им со Звиадом удалось то, что не удавалось никому из нас: они, став президентами, увлекли свои государства и народы на стезю диссидентства.

Каждый природный диссидент — немножко граф Монте-Кристо. Он мечтает в своей камере, хотя о другом. И Звиад Константинович реализовал свои многолетние мечты: отменил советские праздники, включая 8 Марта; закрыл музей Сталина; разогнал гэбистов так, что Шеварднадзе до сих пор не может восстановить «ряды»; выгнал всех коммунистов с административных постов, поставил на их место демократов; признал Чечню; сделал антикоммунизм государственной идеологией и сам себя подверг блокаде, отказавшись от имперских продуктов и поставок. Голод начаться не успел. На всё про всё независимой Грузии было отпущено 8 месяцев, а тут Абхазия и Осетия решили бороться не за свободу и независимость, а за право стать подданными России; то есть коммунистическое руководство Северной Осетии махнуло пряником Южной Осетии, а Владислав Ардзинба (группа «Союз») с Грузией жить не мог, а с СССР и впоследствии с Россией готов был ужиться. А когда рояли перестали умещаться в кустах, настала очередь танков и черноморского десанта.

Интересно, что в Южной Осетии воевали «Мхедриони» Джабы Иоселиани; в Абхазию Шеварднадзе вторгся, когда Звиад был уже в Грозном; проспект Руставели разрушали из пушек противники Звиада, пытавшиеся его выкурить из последнего убежища, а народная имперская молва всё это приписывает Звиаду. Правильно. Чтобы не возникал со своими идеалами, противоположными интересам. Веселая, легкомысленная, космополитическая грузинская интеллигенция не потянула на тот героический стоицизм, который требовался, чтобы начать всё с нуля.

Над могилой Звиада идет вторая война... Лучше было бы ему остаться в горах Мингрелии. Над телом надругаются и здесь и там... Мало кто знает, что, уходя в свой первый и последний военный поход осенью 1993 года, Звиад понимал, что Грузия уже погибла, что восстание обречено, что он идет на верную смерть. Он сказал об этом только мне. Он должен был туда идти, должен был взять в руки автомат: больше ничего Грузии он дать не мог. Только жизнь и пример. После этой гибели под вишневым грузинским знаменем все должны были понять, что его отречение 1978 года было мотивировано не трусостью. Отосланный обратно джохаровский вертолет — это неоспоримое доказательство.

Когда они с Джохаром в еще целом вечернем Грозном сочиняли какой-нибудь крутой документ, они были похожи на двух мальчишек, которые собирались привязать пустую консервную банку к хвосту волкодава. Они и привязали свою банку к хвосту Империи. Вот уж она побегала...

«Кавказский дом» — это была идея Звиада. Но Чечне она пришлась впору, Джохар Дудаев взял ее на вооружение в качестве государственной идеологии. Как они себе этот дом представляли?

Немного от Кувейта (чтобы краны были золотые), немного от Урании (города философов и поэтов, построенного греческими интеллектуалами времен Александра Македонского), немного от зеленого Шервудского леса, немного от Лисса, Зурбагана и Гель-Гью. Земля обетованная. Земля политического убежища. Земля людей... Моря в Чечне нет, но массовое ожидание шхуны с алыми парусами под названием «Независимость» может его заменить.

Джохар и Звиад и при жизни, и после смерти вызывают нестерпимое раздражение у столичной интеллигенции, КГБ, ФСК, ФСБ, президентской администрации и прочих силовых структур. Когда занимаешься серьезным взрослым делом, борешься с инфляцией, чинишь мотор самолета после вынужденной посадки, так отвлекает, когда приходит кто-то со Звезды и просит: «Пожалуйста, нарисуй мне барашка»...

Почему чеченцы изобразили на своем знамени волка? Наверное, это был благородный Акела из «Маугли», потому что в жизни чеченцы в своем национальном характере являют гармоничное сочетание Серого волка и Красной Шапочки.

«Мне на плечи кидается век-волкодав, но не волк я по крови своей...» Лучше бы они изобразили на флаге клевер — герб короля Матиуша, герб Дома сирот Януша Корчака, уничтоженного на пятьдесят с лишним лет раньше другими ревнителями другого неконституционного порядка. То, что зеленый цвет — цвет Пророка, не главное. Главное, что дети любят лес, а лес зеленый.

Пахнет морем, теплым и соленым,
Вечным морем и людской тщетой,
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой!

Тот, кто выскажется за то, чтобы «по конституции» убивать «бандитов», должен хорошо представлять себе, что убивать придется всех: и женщин, и детей. Чтобы не рожали «мстителей за отцов», по сталинской терминологии. А оружие в руки берут уже десятилетние. Пусть минобороны, официоз и следующие в его фарватере газеты официально заявят, что Сталин был прав, что детей можно расстреливать с 12 лет и ниже. Хотя бы Высоцкого почитали. То, что он писал о черногорцах, — приложимо и к чеченцам:

А умирать почетно было
От пуль и матовых клинков
И уносить с собой в могилу
Двух-трех врагов, двух-трех врагов.
То было истинное мщенье —
Бессмысленно себя не жгут!
Людей и гор самосожженье —
Как несогласие и бунт.

Мало кто знает, что Джохар Дудаев искал смерти, что у него были дикие скандалы с его охраной; он говорил, что, когда его не станет, Россия вступит в переговоры. Он не мог забыть, что обещал своему народу не гибель, а Кувейт...

А если вы спросите, зачем чеченцам независимость без ресурсов, специалистов, экономической выгоды, я вам отвечу вопросом на вопрос: зачем Фрэзи Грант бегала по

волнам? Ведь тоже выгоды никакой. И Звиад Гамсахурдиа, и Чечня были поставлены к этому барьеру, под пистолет, зовом своего Несбывшегося: у Грузии его не было с XII века, у Чечни — в сущности, никогда. Тот, кто зачитывался Грином, меня поймет. А с остальными о разрешении чеченского конфликта разговаривать бесполезно. И вот здесь мы доходим до главного. Народом Книги называют евреев. Бесспорно, они самый образованный народ на земле. Но чеченцы — люди из Книги! И из фильма. Фильма Юнгвальда-Хилькевича о мушкетерах, скандинавских саг, английских баллад, романов Вальтера Скотта и сказок Андерсена и Гофмана. Они не живут в нашей скучной реальности. Поэтому вопрос о Чечне должны решать не политики, а детские писатели. Фантасты. Сказочники. Как там было сказано в Конституции Дома сирот Януша Корчака? «А так этого хотелось, что невозможно было удержаться». Решать вопрос о Чечне должны те, кто вместо шляпы способен увидеть удава, проглотившего слона. А тот, кто видит бандитов, сепаратистов, мафиози, шляпу, тот, кто сквозь ящик не видит барашка, не должен даже писать о Чечне, потому что каждое слово о сложности ситуации, массе противоречий, целостности РФ, необходимости «длительных консультаций» — это лишний день войны. Войны бы вообще не было, если бы взрослые дяди и тети из газет и «ящика» не упражнялись в высказываниях на тему о «мафиозном дудаевском режиме», о нарушениях прав человека в Чечне, о бедствиях русскоязычных, об ограбленных поездах.

Не надо вешать на сцене ружье. Не журналисты, конечно, стреляли, но атмосферу неприятия вокруг Республики Ичкерия создали они. И значит, они подносили патроны и заряжали.

Федеральная армия сражается не с сепаратистами. Она расстреливает в упор и бомбит наше собственное детство. Белоснежку, гномов и фей, Щелкунчика, Буратино, Чиполлино и Микки Мауса.

Все каналы ТВ сокрушаются по поводу мирных жителей. Спасибо и на том. Но каждый боевик — в прошлом мирный житель. Мирными жителями были и Джохар Дудаев, и Аслан Масхадов, и даже Шамиль Басаев. Давно, до войны.

Государственное право не предполагает, что можно кого-то куда-то отпустить. То-то и США, и Франция, и Голландия молчат насчет представления Чечне независимости. Они тоже взрослые люди. Совет можно почерпнуть в литературе, и более нигде. У того же Высоцкого:

Бросайте за борт всё, что пахнет кровью, —
Поверьте, что цена невысока!

НО МИРОМ КОНЧАЮТСЯ ВОЙНЫ...

«Новое время», №37, сентябрь

Пока демократы в восторге славят Лебеда и кричат «Миру — мир!»; пока коммунисты и национал-патриоты воют от бессильной злобы, как свора, у которой отобрали эту сахарную косточку — Чечню; пока либеральный западник Чубайс на суконном языке державников и империалистов напоминает про целостность РФ; пока отец двух отечеств Александр Лебедь мудро и тактично воспитывает и чеченцев, и федералов; пока чеченские томы сойеры счастливо полагают, что от федеральной тети Полли можно улизнуть на свободную индейскую территорию, попутно стянув у нее за спиной пряник, — над всеми нами висит вопрос: а что, собственно было подписано в Хасавюрте?

Обе стороны трактуют этот документ соответственно своим вкусам, склонностям и возможностям. Федеральная сторона, которую стыдно называть своей, жизнерадостно полагает, что можно вернуться к ситуации 1990 года. Всей страной отстроят Чечню, как после ташкентского землетрясения (признавая тем самым, что она, власть, нечто вроде стихийного бедствия, и обижаться на нее так же глупо, как на слепые силы природы); Доку Завгаев переедет из аэропорта Северный в центр Грозного; чеченцы бросят трофейное федеральное оружие и свои знамена к подножию Мавзолея, разоружаться и будут впредь на притеснения и беспредел начальников писать жалобы в инстанции.

Войска будут выведены (кроме парочки дивизий, тройки танковых корпусов и пятка бригад на базах по всей Чечне), а ФСБ и МВД начнут охоту за Шамилем Басаевым,

его людьми и лидерами сопротивления по всей форме: арест — следствие — показательный процесс. То есть, по словам премьера Черномырдина, начнется полноценная жизнь.

А через пять лет, когда чеченцы вернуться к вопросу о статусе (те, кто не будет сидеть в концлагерях в Пермской области или Мордовии, а то и в Чистополе), им скажут, что у нас другой президент, другой премьер, другой секретарь Совета безопасности, и они за чужие подписи не отвечают.

Это если вежливо. А если невежливо — сразу будут сажать за измену Родине. Как украинцев в 60-е годы за одно письменное предположение, что Украина может быть не в составе СССР.

У чеченцев другие планы. Вопреки тому, что они вынесли за эти два века — и эти два года, — они продолжают верить в то, что люди — добрые. Вот где бы проповедовать Иешуа Га-Ноцри! Чеченцы собираются провести честные демократические выборы, референдум с кучей иностранных наблюдателей и, делегировав России экономические полномочия в качестве подарка и утешения, удалятся в политическую независимость. Что-то вроде Шенгенского соглашения. Или Общего рынка. И между двумя этими планами, чеченским и федеральным, — черный провал, откуда веет смертельным холодом и жутью.

Меня волнует то, что будет с Чечней, потому что с Россией всё более или менее ясно. Мы взорвали под собой нейтронную бомбу: вроде бы всё цело, а совесть во власти и в половине (или четверти) страны умерла. Фильтрационные лагеря, пытки, убийства женщин и детей, роддома, на которые летели федеральные бомбы, отрезанные уши чеченских пленников — это нам даром не пройдет. Мы загремели в средневековье. У нас лучевая болезнь, а программа трудолюбия Невзорова на ОРТ была как счетчик Гейгера, который зашкаливало. Когда вернутся с этой паскудной войны те, кто посмел взять за нее награды, те, кто пытал, насиловал, грабил, кому помешали «дожать» и «добить», у них будут крупные разборки с нами, участниками антивоенных митингов, с теми, кто был на правой, чеченской стороне. Палачи вернутся, козыряя сушеными ушами и званиями Героя России, теперь навеки замаранными, как некогда звания Героя Советского Союза, щедро

розданные за Афган. Мы не можем считать их своими соотечественниками. А бедные срочные солдатики, оборванные, голодные и грязные, невольники бесчестья, будут клясть всё на свете: власть, оппозицию, коммунистов, демократов...

Кто-нибудь напишет продолжение «Цинковых мальчиков», и матери погибших в Чечне подадут на него в суд, как в Беларуси на Светлану Алексиевич. Гражданский разлом углубится до полного раскола. А власть, отведав свежей крови, никогда уже не будет прежней. Вил Мирзаянов сидел 14 дней — до суда и после отказа ходить на заседания — не больше месяца. А Александр Никитин по «такому же дельцу» сидит уже семь месяцев. Это вам ни о чем не говорит? Был ли возможен мой процесс, который начнется 26 сентября, по делу об оскорблении собственного народа, до чеченской войны? То, что случилось в декабре 1994 года, непоправимо. И нам это хлебать большой ложкой. Но это наши трудности. С чеченцами-то что будет?

Вспомните, как шло «умиротворение» южных штатов с северянами после американской войны 1861—1865 годов. А ведь там были американцы, говорившие на одном языке: и со стороны генерала Гранта, и со стороны генерала Ли. И там было более или менее правовое государство, не нашему чета. Вспомните, вспомните. Рейды Шермана против мирного населения, предвосхитившие СС. «Зачистка» Атланты. Содержание пленных южан в условиях концлагеря. Лишение тех, кто воевал на стороне конфедератов, гражданских прав. Казни тех джентльменов, кто пытался защитить женщин от насилия со стороны иных темнокожих американцев, которые еще не научились пользоваться свободой. Мародеры-«саквоажники» с Севера, грабившие в наказание Юг. Джефферсон Дэвис, президент конфедерации, брошенный победителями в кандалах в тюрьму...

Кто у нас готовится на эту роль козла отпущения? Зелимхан Яндарбиев? Аслан Масхадов? Шамиль Басаев?

Штаты после 1965 года — это были уже другие Штаты. Штаты после «Реконструкции» (аналог «зачистки»). Кто может поручиться за то, что этот сценарий не ожидает вернувшуюся в лоно федерации блудную Чечню? И в 20-е годы этого века чеченцы восставали. Им обещали наказать виновных, не загонять в колхозы. Они верили

и расходились по домам. И тогда войска НКВД (или ГПУ) начинали окружать села и хватать активистов и вожаков. ФСБ-то будет действовать на территории Чечни? Если она останется на «особом статусе» в составе РФ? А Генпрокуратура, которая даже дело на погибшего Джохара Дудаева не закрыла? Какие для чеченцев возможны гарантии безопасности в составе РФ?

Я ищу их — и не нахожу.

Пуликовский, Родионов, Невзоров — это гарантии? Бабурин и Зюганов? Слово президента? Слово — его. Хочет — дал, хочет — взял. Обратное. Лебедь — это гарантия. Но у него-то самого какие гарантии не слететь с работы? Гайдара же сдали, и не один раз. Гарантиями были бы аннулирование наград за Чечню, признание этой войны преступлением против человечества, суд над теми, кто посоветовал Ельцину ее начать, кто мешал ее закончить, словом, наш Нюрнберг. Над самими собой. Но таких гарантий я не вижу даже в первом приближении.

Значит, выход один: в независимость. С «незаконными вооруженными формированиями» на запасном пути. Сила, стойкость, готовность умереть — единственные гарантии жизни и свободы. И мы даже с дулом автомата между лопаток обязаны крикнуть чеченцам: «Бегите! Здесь засада!»

ПОЛОВИ ЭТУ ВЕЧНОСТЬ ВОЛОТ

«Новое время», №41, октябрь

Итак, ищут пожарные, ищет милиция, ищут фотографы в нашей столице... Ищут национальную идею. И не просто идею, потому что идея — вещь крылатая и безвредная, ее нельзя употребить на ошейник. Но в розыск объявлена идеология. А то мы с 1991 года живем налегке, без наручников и намордников. И кому-то стало невмоготу. Знакомая ситуация: прямо как в «Обитаемом острове» братьев Стругацких. Там у населения одной тоталитарной страны на забытой Богом планете Саракш после разрушения башен, вызывавших у большинства припадок рвения и патриотизма, а у меньшинства — дикие головные боли (у тамошних антисоветчиков, надо полагать), — от лучевого голодания начиналась шизофрения. На Саракше случилось лучевое

голодание, а в бывшем СССР — идеологическое. Попросту ломка. Как у наркоманов, лишенных любимого зелья. Придется реабилитационные центры открывать. С медсестрами в пыльных комиссарских шлемах. С врачами в красноармейских шинелях. И чтобы простыни были красные, с серпом и молотом.

И чтобы каждая палата была с решетками на окнах, а в двери чтобы был глазок. Чтобы порцию пустой баланды и пайку черствого хлеба совали через кормушку. Чтобы играли с утра до вечера гимн Советского Союза. И чтобы иногда пытали. Вот чего не хватает зюгановскому электорату. Вот о чем их печаль и тоска. Хочется кое-кому иметь парткомы любого профиля, но чтобы были. Парткомы, «персоналки», партсобрания, шеренги, шпицрутены. Министерство Любви. Впрочем, последнее как раз есть, стоит на Лубянке. Только крылышки подрезали. Один политический процесс за пять лет по 74-й статье УК — и только. Никакой производительности труда. Но лиха беда начало. Есть спрос на национальную идеологию, есть и предложение со стороны ФСБ. Желающих могу сводить на экскурсию в Мосгорсуд.

Там на моем процессе как раз и идет выработка национальной идеологии. Потому что любая идеология любого государства «начинает с вопроса «о неполном соответствии неких «отщепенцев», диссидентов, еретиков чистым идеологическим скрижалям. И начинается селекция, в ходе которой появляется масса врагов народа, а ряды «друзей» всё редееют и редееют, пока последние уцелевшие от чисток торопливо не кончают своего Большого Брата, как это случилось весенней морозной порой на ближней даче с одним генералиссимусом.

Кстати, Борис Ельцин на роль Большого Брата совершенно не годится. Слишком добрый. И не декларирует Англоц. Да и война с Ост-Азией закончена вроде. Вот господу Зюганов, Бабурин, Жириновский, Руцкой, Макашов могут претендовать. Хорошо бы смотрелись на пятиминутках ненависти. Деидеологизированное государство — это первое, с чего начинались диссидентские программы конца восьмидесятых годов. Идей может быть много, на каждое нацменьшинство (или большинство) по своей. В силу их множества создается некий плюрализм. А вот идеология требуется одна-единственная. Железный поток.

А с чего, кстати, мы будем выдумывать велосипед? Ведь национальных идей в России хватало еще со времен Рюрика. Куда же это делась наша история, куда завалилась наша литература, если мы вынуждены теперь латать дыры скудным стройматериалом из подсобки газеты «Завтра». Потребность в идее присуща интеллигенции. Потребность в идеологии присуща фельдфебелям.

Вчерашним коммунистам из КПРФ не нужны ни культура, ни история России.

Там слишком много степного ветра, слишком много шири и дали, а в литературе слишком мало единомыслия. Им нужен тормоз, а не мотор. Идея осеняет идущего вперед; идеология — это новая Берлинская стена, это железный занавес ксенофобии, глупости, спеси и поражения. Национальная идеология — это соска-пустышка. На народ «идеологи» смотрят как на младенца, которого надо срочно чем-то заткнуть, чтобы не плакал. Что и проделывали 70 лет разные радионяни из КПСС, КГБ и Союза советских писателей.

Национальная идеология воспитывает в каждом кулике патриотические чувства к родному болоту. «Полюби эту вечность болот» — вслед за Блоком говорит она. Любовь к родному болоту — это трогательно и похвально, особенно когда тебя все время пытаются сожрать обитающие в нем крокодилы. (На открытии осенней сессии парламента красно-коричневые орали депутатам-демократам: «Убирайтесь в Шереметьево-2, пока мы его не закрыли!») Но весь ужас ситуации в том, что национальная идеология препятствует осушению болот, называя и их, и обитающих в них крокодилов то «третьим путем», то «соборностью», то «державностью».

Национальная идеология — это противогаз, защищающий своего «носителя» от внешней среды, логики, здравого смысла и реальной действительности. А снаружи нет газовой атаки НАТО, СБСЕ или МВФ, снаружи — просто жизнь. Мы живем на этой земле полторы тысячи лет, и национальная идея для нас так же естественна, как дыхание. Она — эманация национального духа, а дух этот высок. Спокойное достоинство, чистота и твердость великодушных к слабым и непоколебимых с сильными славян, которые при рождении сына на миг клали в колыбель свой меч,

чтобы ребенок вырос воином. Индивидуализм и свобода предприимчивых и грозных викингов, этих прогрессоров Европы, унаследовавших от римлян их миссию. Шальная бравада Дикого поля, хмель воли, которую вкушали степняки.

Драгоценное вино, где смешались Валгалла, струны громкие Баяна, фьорды и дубравы, челны Стеньки Разина и реформы Александра II... О, эти наши предки жили со своей национальной идеей, и у них находили политическое убежище все, кто бежал на Русь от национальной идеологии. Из Византии, например. Нас уважали, нас имело смысл грабить. «Будет всем по награде. Пусть один в Новеграде поживится от русских добычей. Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах, дамы полны; богат их обычаем».

Так было, так может быть вновь. Если национальная идеология не упадет на нас, как могильная плита. А куда, кстати, предлагают господа идеологи деть те сто народов, которые, кроме нас, живут в Российской Федерации? Башкир, татар, евреев, немцев, украинцев, эвенков, якутов? Их — тоже под общую национальную идеологию, под гребеночку? Чтобы получились «Скованные одной цепью»...

Но ничего, на каждый яд есть свое противоядие. Казаки, запорожцы, «люди длинной воли» давно, в незапамятные времена бежали от национальной идеологии на Дон и на Яик. А когда некуда стало бежать, появились диссиденты. Вот поэтому любая национальная идеология будет набита нашей главной национальной идеей:

Всё, что было, повторится ныне...
И опять затуманится ширь,
И останутся двое в пустыне —
В небе — Бог, на земле — богатырь.

Эх, не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь.
Широко наше Дикое Поле,
Глубока наша скифская степь.

(Волошин)

«ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ОБЯЗАН БЫТЬ ДИССИДЕНТОМ»

«Казанский Телеграф»*, октябрь

— Валерия Ильинична, не считаете ли вы, что сейчас в России новое Смутное время?

— Это старое Смутное время.

— Но оно когда-нибудь кончится? Будет ли Россия снова той великой державой, какой была?

— Нет. Вы меня спрашиваете, кончится ли история России. А какой Россия была при царе? Это ведь только вашему земляку Говорухину она представляется идеалом. Россия при царе была достаточно страшной страной. Тоненький слой просвещенных интеллигентов в столицах, которые не знали народа, а когда они его узнали, то народ их поднял на штыки. Юрий Афанасьев прав, когда говорит, что октябрьский переворот был реакцией не большевистского характера, а был реакцией дремучего традиционалистского коммунистического сознания России на настойчивые попытки вестернизации, предпринимавшейся российской элитой. Он был реакцией на выборы в Думу, на Кузнецкий Мост, на французский язык для дворянства, на газеты.

К сожалению, российская глубинка, несмотря на работу земства, оставалась отнюдь не похожей на американскую глубинку. Тот, кто в этом сомневается, пусть почитает Чехова и Куприна. Это ведь не большевистская агитация. Это русские писатели.

Россия не имела демократического сознания. Когда из общины разрешили выходить, когда Столыпин произвел свои реформы, вы же помните, что большинство крестьян осталось в общине и выгнать оттуда их можно было только венком. Надо было просто запретить общину. Вот так сейчас надо запретить колхозы, просто законодательно запретить, потому что большинству из них так проще жить — проще пить и не работать, проще ни за что не отвечать.

Поэтому этот тоненький слой цивилизации, который до поры до времени окутывал российскую интеллигенцию, очень быстро соскочил в семнадцатом году при первой же

* Общественно-политическая газета.

вестернизации. Это было благополучие на песке. Они все жили над пропастью во ржи.

— Но ведь, согласитесь, есть великая история великой страны?

— Нет великой истории великой страны. Есть большая страна, нескладная, несчастная, замученная, замучившая себя и других. Есть буквально пятнадцать неудавшихся попыток европейской модернизации. Сейчас пошли дальше, чем всегда, поэтому реакция отката может быть совершенно страшной.

Великая история заключается из несчастных попыток тех, кто, обладая европейским менталитетом, скандинавским менталитетом, хотел уйти как-то на Запад, уползти на Запад и перетащить туда страну. Но каждый раз их хватало за ноги и стаскивали обратно.

— И все же, Валерия Ильинична, нам же есть чем гордиться?

— Нам можно гордиться только этими несчастными попытками, которые предпринимало меньшинство против большинства! То есть нам можно гордиться тем, что, когда вся Русь лежала под татарами, были Михаил Тверской, потом Александр Тверской, а до них были Михаил Черниговский, Евпатий Коловрат. Нам можно гордиться тем, что были Радищев и Новиков, Курбский и Филипп Колычев. Но они же не делали здесь погоды. Они могли только облиться бензином и встать на костер. Вот эти костры посреди бескрайних российских снегов — это всё, чем мы с вами можем гордиться. Больше нам, к сожалению, нечем гордиться. Ну и великим искусством. Но искусство может быть эманацией величайшего несчастья. Искусство не всегда процветает на благополучии — кувшинки-то растут на болоте.

Мы можем гордиться тем, что наш богатый духовный мир еще не погашен в этих болотах, что пока еще какое-то пламя теплится, что, как бы Россию ни тащили назад, она, как рыцарь из фильма Бергмана, садится играть со смертью.

Каждое поколение садится играть со смертью, чтобы отыграться, отыграть страну, и каждое поколение проигрывает. Возможно, проиграет и наше.

— А «Демсоюз», который вы создали, тоже есть несчастная попытка?

— Да. Это тоже несчастная попытка цивилизованного, европейски ориентированного меньшинства. Мы себя

открыто называем западниками, открыто называем себя демократами.

— **Валерия Ильинична, а вам не кажется, что проще заниматься историей, искусством, культурой? Зачем вам политика?**

— А это не политика. Это просто диссидентство. Это — сопротивление. Жизнь у нас такая, что порядочный человек обязан быть диссидентом. Когда придет время для политики, — это будет счастливое время для России. Тот, кто сейчас в России пытается заниматься политикой, — он или дурак, или прохвост. Одно из двух.

— **Не кажется ли вам, что в результате диссидентства Россия получила и 1905 год, и 1917 год? Я имею в виду, что диссидентствующая интеллигенция мутила-мутила воду и в результате...**

— Большинство интеллигенции всегда мутило воду в нужном направлении. Народники, эсеры, черт знает кто, решили здесь строить царствие небесное, начитавшись Маркса. Это единственное сильное заблуждение, исторически вполне понятное. Потому что предпочитать правду истине для России очень характерно, даже для ее интеллигенции, но я думаю, что дань этому заблуждению отдана сполна. Мы от этого заблуждения излечились.

— **Значит, «Демсоюз» не строит царствие небесное?**

— «Демсоюз» пытается построить обыкновенный, типа финского домика, маленький уютный капитализм...

— **С сауной?**

— Да, капитализм с сауной. Нам ничего другого не нужно.

— **Для кого вы строите — для себя или для народа?**

— Для всех. Это лучшее, что может придумать человек. Нам тяжело будет поднимать такую страну, где медведей больше, чем дорог. Здесь будет не до социальной защиты тех, кто не хочет работать. Здесь делить нечего будет. Здесь надо будет наживать.

— **Вы много пережили — и психушки, и тюрьмы, и кучу арестов, судов. Что вами движет?**

— Откровенно говоря, свобода. Это такое внутреннее состояние, оно как двигатель внутреннего сгорания: задается направление движения — и остановиться уже не можете. Когда вас наполняет свобода, то вы непременно вступаете в конфликт с окружающей вас несвободой.

— Я вижу на вашем письменном столе бюстик Маяковского.

— Мне подарили его на шестнадцатилетие. Я им кнопки забиваю, очень удобно, знаете ли. Потом держу я его для напоминания — чем расплачивается интеллигенция за ошибки.

— Я вижу, что вы прибываете этим бюстиком фотографии людей, с которыми знакомы. Вот я узнал Звиада Гамсахурдиа...

— Да. А тут вот Шамиль Басаев, это Хамад Курбанов, а дальше — Джохар Дудаев. Кстати, фотографию Басаева после буденновских событий я снимать не стала. То, что произошло в Буденновске, было несчастным случаем. Он не рассчитывал на то, что российские войска начнут уничтожать собственное население. Он очень наивный и чистый человек. Он считал, что они действительно прекратят войну, когда увидят, что их собственное население в опасности.

— Вы встречались с Дудаевым?

— Я очень хорошо знала его лично. Он был моим другом. Знаете, он и его окружение — это идеалисты, мушкетеры из романа Дюма, это люди, не умеющие лгать. Одна из самых привлекательных черт той самой кавказской ментальности, о которой в Москве не имеют ни малейшего представления, — это неумение лгать. Эти люди сохранили девственно чистое сознание. Сколько бы они ни учились, сколько бы ни бывали в Европе, на них это не отражается. Это жемчужина цивилизации, большая редкость. В сочетании с европейским менталитетом индивидуализма — это лучшая основа для построения капитализма. Мы должны беречь это как зеницу ока, пылинки сдувать, а вместо этого, видите, что произошло... Я думаю, что эту вину, эту войну Россия не искупит никогда.

— У вас очень оригинальное мышление, Валерия Ильинична, но порою оно, как мне показалось, бывает крайне парадоксальным...

— Это не парадоксы. Это та правда, которую в России знать не хотят, которую знать неудобно, неудобно признать, что твой враг выше тебя и благороднее.

Сейчас Россия остается империей. Империя раздавила всё лучшее, что было в России, то, что когда-то было в Киевской Руси. Если бы не произошло наращивания имперских комплексов, возможно, никогда не было бы тоталитаризма.

— И последнее. У вас есть жизненный принцип, которого вы придерживаетесь всегда?

— Есть. Он общий с Франциском Первым — «Всё потеряно, кроме чести».

Беседовал Андрей Морозов

ЛИКУЕТ БУЙНЫЙ РИМ

«Комок», №44, 7 ноября

С буйным Римом было проще. Он бунтовал исключительно по меркантильным соображениям. «Panem et circences!» («Хлеба и зрелищ») — блажили римляне. Хлеб раздавали задаром, а зрелища были бесплатными, да еще и с фуршетом. Свободные римляне не работали вовсе, а подачки кесарей и сенаторов рассматривали как пособие по безработице. То есть подкуп, имевший место на выборах в Риме, и не снился нашему Центризбиркому. От продажности римских политиков любой Рябов наложил бы на себя руки, и снимать с выборов пришлось бы все объединения подряд, как оптиматов, так и популяров, как партию Цезаря, так партию Помпея. Правда, римские мечи, римские доспехи и римские когорты несколько скрашивали ситуацию. Скажем, Октавиан Август не просто забаллотировал Марка Антония, не превзошел его по рейтингу, а вынудил заколоться.

Антоний закололся, Клеопатра убила себя ядом змеи. Цезаря шлепнули Кассий и Брут, Октавиан шлепнул Цицерона (на всякий случай, хотя он был беспартийным), а Кассий и Брут проиграли выборы, то есть сражение, и закололись. Это очень облагораживает. Потоки грязи смыты потоками крови, и вот уже Тацит, Плутарх, Светоний и Моммзен торопятся воспеть подвиги и добродетели древних римлян.

Так вот, россияне, немного веков, лака, ретуши и ностальгии — и грядущие историки наши подвиги тоже воспоют. Потому что мы несколько не хуже римлян эпохи Империи. Разве что добрее. В Риме ни разу не наблюдались митинги и манифестации в поддержку восстания Спартака, в защиту бросаемых львам христиан или за независимость Галлии. А мы всё это имели. Римляне бы нас не поняли,

господа демократы. Распяли бы на крестах вдоль Аппиевой дороги или скормили каким-нибудь тварям в амфитеатре. Римляне Империи были совки. Так что родился совок за 2000 лет до появления на свет СССР.

Так вот, в Риме был железный закон: никто не жалел свергнутого кесаря, да и не успевал пожалеть: беднягу шлепали со всеми чадами и домочадцами. И не только кесарей, но и опальных сенаторов, преторов или представителей исполнительной вертикали. Положим, Сеян был плохой человек, не лучше Ежова, но за что было казнить его дочь, да еще и насиловать перед этим? Здесь на Ельцина грех жаловаться, даже если считать его именно императором: не пытается, не сажает, не казнит. Нет ни врагов народа, ни членов семей врагов народа, ни лагерей для членов семей врагов народа.

То есть Ельцин не Нерон. И не Калигула. Один только Тит во всем Светонии на него и похож. Тот тоже был мягким и добродушным, наивным и храбрым. Русский национальный характер предвосхищал. Но римлянам это было до фонаря. «Хлеба и зрелищ!» — они орали это и Титу, и Веспасиану, и Нерону, и Калигуле. Нерон на зрелища не скупился, не то что экономный Тит. Одни казни христиан чего стоят! Какой изыск, какой дизайн!

А как у нас со вкусом, сеньоры? Болезнь Бориса Ельцина дала нам повод забыть обиды, разногласия, семейные скандалы, разочарования. Сегодня тех, кто поддерживает президента, никто не упрекнет в холопстве. Так что можно с чистой совестью сказать: «Боже, храни короля!» На Руси, кстати, всегда за больных царей молились. Молебны заказывали. Национальная, кстати, традиция. Молились даже за плохих царей. За Ивана Грозного, скажем. Отчего не помолиться за хорошего царя? Ведь по всем стандартам Рима и Руси (а после Российской империи) Борис Николаевич — хороший император. Перестаньте на минуточку считать его президентом. Парламента у нас нет, вместо парламента Воронья слободка. Суда тоже не видно. Право в проекции. На Конституцию начхать и коммунакам, и ОМОНу, и прокуратуре, и суду, и ФСБ, и МВД. Однако есть свободная, как ветер, пресса, кое-какой капитализм, проведена колоссальная ломка железных устоев тоталитаризма, народ непуганый, даже с избытком. Откуда

все эти блага взяли? С неба упали? Значит, все-таки конституционная монархия. С выборами, со всеми атрибутами западной демократии. Научитесь пользоваться — востребуете. У царя такое хобби — свобода. По-моему, неинтересно браниться, когда это не запрещено. Ни закона об оскорблении величия, ни закона о защите чести и достоинства президента.

Но молятся только демократы, которые на здорового президента просто кидались. А национал-патриоты из «Завтра», «Правды», «Совраски», а «Независимая», а якобы демократический журналист Минкин? Если всё это прочесть, то и здоровое сердце не выдержит. «Духовная оппозиция» особенно бесчинствует. Коммуняки почували поживу, «патриоты» торопятся добить. Опять что-то римское. А иные газетчики опускают палец вниз. Добейте! Matalo! По этим законам нельзя жить. Стыдно.

Бывает святая ложь, ложь во спасение. Этот сильный и добрый человек загубил для нас остатки здоровья, танцевал шейк, катался на качелях, мотался по всем городам и весям. Даже его злейший враг, идеолог этатизма Сергей Кургинян признал, наконец, что Ельцин — не маразматик, а опасный, сильный и талантливый политик, который скорее умрет, чем отдаст коммунистам страну. Он выложился весь, он довел себя до операции. Чтобы не отдать нас Зюганову. Это подвиг — в таком состоянии выиграть выборы.

А зачем нам, кстати, здоровый президент? Ведь не в грузчики же он определяется. Рузвельт вообще четыре срока просидел в инвалидном кресле, ибо был паралитиком. Однако с работой справлялся.

Хотя если сердце Ельцина остановится, для России снова настанет Судный день, как 3 июля, и чем-то всё кончится... И разум, и сердце нормального человека, желающего стране и себе добра, должны быть сейчас за Бориса Ельцина.

Рим погиб, если вы помните. От руки варваров. Может быть, из-за своей черствой жестокости. Пусть Москва (и Красноярск) извлекут урок...

ДОКЛАД НА 3-М СЪЕЗДЕ ПАРТИИ «ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ РОССИИ»

9 ноября, гостиница «Арктика», г. Москва

Из всех модернизаций, которые пережила Россия, нынешняя модернизация — безусловно, самая болезненная и самая глубокая. Более того, она необратима в том смысле, что либо она удастся, либо Россия просто-напросто перестанет существовать. Это произошло от того, что это единственная модернизация, которая делается не только сверху и делается сознательно. Если вы помните, первая модернизация в России состоялась еще во времена молодого Иоанна Грозного, Избранной рады и от той первой модернизации XVI века до предпоследней модернизации хрущевской оттепели с рецидивами и метастазами во времена Андропова — все эти модернизации делались без подрыва византийско-ордынского механизма государственного и общественного существования. То есть модернизация проводилась щадящим способом, под наркозом, со страховкой и, как говорят циркачи, с лонжой. Этот тросик не обрезался, поэтому модернизации откатывались волна за волной, приливы и отливы чередовались, и, по сути дела, ничего не происходило непоправимого, потому что у общества всегда была возможность вернуться на круги своя.

На этот раз этого не произойдет. Во-первых, в силу, с одной стороны, рвения, а с другой стороны, — некомпетентности Горбачева, который зашел гораздо дальше, чем можно было зайти в его положении и чем следовало заходить для достижения его целей. Во-вторых, по самим основам общественного и государственного существования был нанесен очень грамотный и очень безжалостный удар. Этот удар был нанесен теми подпольными силами интеллектуального протеста, которые в России существовали в самом жалком и недостойном виде, — их принято называть младшими научными сотрудниками. Так вот, гайдаровско-чубайсовская команда, я думаю, заслужила большее величие в глазах истории, чем все модернизаторы и все модернизации вместе взятые. Потому что они, зная, как работает эта схема, дали на контур соответствующее напряжение в соответствующие точки и совершенно сознательно уничтожили основы жизнеобеспечения прежней

системы, нисколько не заботясь о том, что будет с населением. Это был, безусловно, героический поступок. Они взяли на себя огромную ответственность и моральную, и политическую, и нас не должна останавливать в нашем восхищении их политическая никчемность, нас не должна останавливать их внешняя политическая несостоятельность, их половинчатость и недосказанность тех целей, которых на самом деле они достигли.

Они сделали то, что нужно было сделать. Система — не только советская, но и вообще конструкция традиционализма в России — сломана. Она сломана на уровне жизнеобеспечения. То есть и экономически, и политически на тоталитарном и даже на авторитарном уровне Россия больше существовать не может, потому что прежние механизмы работать перестали. Экономический механизм работать перестал, потому что трудолюбие клячи с натертой холкой, которая всегда везла тот мешок, который на нее возлагали, и трудилась за горсточку овса на трудовень (между прочим, во многом она так трудилась и до Октябрьского переворота), — эти механизмы полностью сломаны, и кляча трудиться перестала вообще, потому что по-новому она трудиться еще не научилась, а по-старому она трудиться уже не хочет.

Все механизмы советского бытия, вся конструкция подчинения каким-то определенным ритуалам — всё уничтожено. Основа традиционализма была в почтении к авторитетам. В России нет более единого авторитета. И теперь Россия или просто-напросто закончится, или она будет вынуждена существовать на совершенно иных основах. А иная основа, которая в России никогда не была опробована, — это именно та основа, которая является либеральной и капиталистической. И мы наблюдаем следующую картину: у нас полностью уничтожены прежние экономические механизмы, и примерно половина народа довольно легко встроилась в новое бытие и прекрасно себя чувствует, по крайней мере большое удовольствие испытывает и от приобретения, и от накопительства, и от новой небывалой свободы. И неважно, если при этом что-то и расташат, потому что у нас все-таки достаточно хорошая территория с большими ресурсами, и для растаскивания есть какой-то определенный запас, ничего страшного не произойдет. То есть продать всю Россию не сможет ни одно поколение, как бы оно ни пыталось.

В политическом отношении — еще более интересная картина. В политическом плане Россия сегодня представляет из себя конституционную монархию, но не стабильную и прочную, как Великобритания, и даже не ту, которая вырисовывалась в России перед Октябрьским переворотом. У нас сейчас ситуация Речи Посполитой, когда центр и регионы существуют на еле-еле-еле сохраняющихся прутиках и резиночках, когда воля монарха, вполне авторитарного по своему духу (вот Ельцин как раз такой монарх), при наличии конституции не выполняется никем. Если в Речи Посполитой любой шляхтич мог встать на Сейме и сказать: «Не позволяю!» — и закон не проходил, то у нас примерно та же ситуация, поскольку парламент чихать хотел и на конституцию, и на президента, регионы чихать хотели и на парламент, и на президента, и на конституцию, и друг на друга. Определенные классы общества не считаются уже ни с кем, живут сам по себе. Налоги не собираются, то есть полнейшая дезинтеграция на уровне Речи Посполитой. Всё это существует на единой территории, просто потому что дальше некуда идти. В какой-то степени — грехи не пускают. Кто мог, уже разбежался, остальные — или не могут, или не хотят, но конструкция Речи Посполитой выполняется железно, то есть огромное количество свободы, полное неосознание необходимости.

При этом совершенно очевидно, что та половина народа, которая не готова работать в либеральной конструкции или в последнюю минуту уже на уровне первого этажа, видя, что внизу нет соломки, или она воспарит и научится работать, или она просто шмякнется и вымрет с голода. И, зная, как это всё будет происходить, ни Гайдар, ни Чубайс не остановились. Это, конечно, было великое деяние. Они стенку полностью сломали, постаскивали наручники, цепи и оковы. Теперь весь вопрос в том, а может ли этот узник замка Иф встать на ноги и способен ли он идти. Вот, свобода за порогом, никто больше не останавливает. А вот способен ли он идти — это метафизический вопрос, на который не может не только одна партия ответить, но даже и все партии, вместе взятые. Этот вопрос будет иметь ответ в исторической реальности, возможно, через пять лет, возможно, через десять лет, возможно, через двадцать лет. И не всё здесь от нас зависит. Или

у народа осталось достаточно жизненных сил для того, чтобы метафизически измениться, измениться внутренне, изменить саму генетическую конструкцию традиций, которые в нем заложены. Ну просто в силу необходимости, когда человек идет на дно, ему свойственно барахтаться. И только в этой ситуации страна могла опомниться, когда ее швырнули в набежавшую волну из этого челна. Так что Егор Тимурович Гайдар сыграл роль Стеньки Разина. Он за борт выкинул Россию в набежавшую волну. И сейчас мы все наблюдаем за тем, как она захлебывается, барахтается, а вот сможет ли она выплыть, это уже не зависит, к сожалению, ни от Анатолия Борисовича, ни от Бориса Николаевича, ни от Егора Тимуровича, ни даже от нас. Мы можем только в качестве инструктора плыть рядом и показывать, какие надо делать правильные движения, как нужно правильно дышать и где находится берег. Вот способна ли Россия последовать разумному совету? Я предлагаю всем перестать по этому поводу волноваться, потому что это действительно зависит не от нас, а от нее.

Перед нами поле, засеянное не тем, чем мы хотели его засеять. У нас была пшеница, мы в большом количестве, горстями, начиная с 1988 года эту пшеницу раскидывали. Вместо этого мы имеем поле с рожью. Во ржи растут васильки, как вы понимаете, которые абсолютно никому не нужны. Васильков иногда больше, чем ржи. Над полем летают вороны, и поле это собираются потоптать дикие социалистические, коммунистические кони. Перед каждой партией — и перед нашей — встает вопрос, нужно ли нам заботиться об этом ржаном поле, отгонять от него коней, выпалывать из него васильки, или нам следует сразу махнуть на всё рукой, потому что это поле засеяно не пшеницей. Движение «Нет» сделало оргвыводы, что поскольку на поле растет не пшеница, а рожь они есть не хотят, то они не будут делать ничего. Не будут выпалывать васильки, не будут отгонять от этого поля лошадей, а просто будут стоять, сложив руки. Часть «Мемориала» и часть бывших диссидентов решила примерно так же, и часть интеллигенции...

Я думаю, что это совершенно безнравственная позиция. Позиция для безнравственных бездельников. Иногда леньность находит свое оправдание в безнравственности, а безнравственность подкрепляется леньностью. Это очень удобно.

Но это ржаное поле — это всё поле деятельности, которое предоставлено нашему поколению. Другого поля деятельности у нас не будет. Поэтому всё, что мы можем делать, мы можем делать только на этом поле. И действительно, нам остается охранять от диких коней эту рожь, которая нас не очень устраивает — этот хлеб будет весьма кислым для нашего изнеженного вкуса, и выпалывать васильки.

На выбор у нас только две значительные силы в этой ситуации. Силы олигархии, которая включает в себя плохо, очень плохо, вкривь и вкось усвоенные либеральные идеи и которая обслуживается всеми имеющимися в стране либералами. Просто потому, что эта олигархия не является по своей природе ни коммунистической, ни социалистической, это не ее классовый интерес, она безусловно является первоначально такой протобуржуазной, хотя еще и без соответствующей идеологии, и без соответствующей религии. Просто вот такая первичная протобуржуазная материя. И вот эту протобуржуазную материю пытаются как-то обтесать, организовать и идеологически оформить различные либералы. То, что эта протоматерия очень боязлива и съживается от любого прикосновения коммунистов и нацистов, это вполне естественно, потому что она не имеет еще ни идеологии, ни собственной чести и слишком недавно что-то приобрела, и имеет слишком легкий выход из положения: перевести деньги в иностранные банки и при первом же звончке просто туда к этим деньгам отправится. Поэтому все уступки и то, что она отпрыгивает, эта масса с отростками, когда на нее наступают коммунистические и социалистические силы, — это понятно. Но это — сила, это — материк, это — протомасса, она включает в себя интересы очень и очень многих, в частности, полуживого такого, недоношенного среднего класса, который путем аборта получен в семимесячном состоянии и лежит еще в инкубаторе, и непонятно, будет он дышать или нет.

С другой стороны у нас здоровые силы такой коммунитарной реакции, коммунитарного реванша — вот как раз останки этого сознания, достаточно прочные, ордынского и плюс к этому еще и византийского. И эта мощь двух очень сильных традиций в истории России, она еще подкрепляется тем, что декоммунизации страны очень плохо сопутствует вестернизация... Понимаете, у нас декоммунизация идет,

скажем, в одном направлении, а вестернизация рядом с ней не идет линейно. То есть половина идет в вестернизацию сил, а половина идет назад, в дооктябрьский традиционализм. Отсюда и черносотенцы, отсюда и чеченская война, отсюда и лужковские эскапады насчет завоевания Севастополя. Происходит восстановление исторической памяти. Что прежде всего вспоминается? То, что было во времена Новгородской и Псковской республики или вот только что, каких-нибудь восемьдесят лет назад? Конечно вспоминается то, что было восемьдесят лет назад. А что было восемьдесят лет назад? Какие классы общества были вестернизированы? Вестернизирована была часть буржуазии, только часть, я про старообрядцев не говорю — это была не вестернизированная часть, а традиционалистская. Дворянство было вестернизировано, часть интеллигенции, не левой интеллигенции, а такой вот кадетской, была вестернизирована. Дай Бог, чтобы вестернизированы были 20 %. 80 % страны были абсолютно традиционалистскими. И вот сейчас, когда возвращается историческая память, у нас часть сил, конечно, идет в традиционализацию, а часть сил идет в вестернизацию, но недостаточно. Скажем так, 30 % в вестернизацию, остальное — в традиционализацию.

И, безусловно, у нас, как у сознательного либерального сегмента в России, такого либерального сгустка, на выбор есть вот эти две силы и четкое сознание того, что если мы ни к одной из этих сил не примкнем, то будем болтаться, как цветочек в проруби, но в историческом процессе участвовать не будем, потому что никаких других сил сейчас нет. Все силы социального протеста задействованы в левой части спектра, и с ними связываться — себе дороже, потому что любая попытка с ними связаться усилит эту часть спектра и, значит, может привести к полной гибели страны, потому что по-прежнему жить они не смогут, а все ростки протобуржуазного социума будут уничтожены.

Я думаю, что мы делали до сих пор правильный выбор, отдавая голоса своего разумного либерального и сознательного электората этой протобуржуазной части, и я не думаю, что у нас есть основания краснеть за это и об этом сожалеть. Мы совершенно сознательно — прошло три года с нашего последнего съезда — мы совершенно

сознательно поддержали Ельцина и на этом поймали ликвидацию советской власти, первую в истории России нормальную Конституцию. Неважно, она не выполняется, но это некий задел на будущее... И то, что мы на выборах во втором туре, не только во втором, голосовали за Ельцина. И то, что мы уже с первого тура, агитируя за Явлинского, высказывались однозначно за то, чтобы во втором туре голосовать за Ельцина, выполнив определенный ритуал, принятый между интеллектуалами, мы, тем не менее, заранее знали, что нужно высказаться в пользу протобуржуазной части, этой такой первичной конструкции протоматерика и отдать ему живые силы либерального воздействия, потому что просто их больше отдавать некому.

Совершенно очевидно, что до подавления этих византийско-ордынских сил, до полного подавления левого спектра, на уровне 30 миллионов, у нас не будет самостоятельного политического контингента, с которым мы сможем выходить на арену борьбы и который сможет выдвигать президентов исключительно от себя. То есть в ближайшее десятилетие у нас ни Гайдар, ни Чубайс, ни Боровой президентами избраны не будут. Пока левый спектр не будет сведен к минимуму, причем дикий левый спектр, не европейского вида, мы не сможем выступать самостоятельно, нам придется работать на этот протобуржуазный материк. И к этому нужно быть готовым. Наша роль в этой ситуации, даже если мы не можем играть самостоятельную организационную роль и самостоятельную революционную роль, — это роль вдохновителей и прогрессоров. Как прогрессоры мы вносим в общество грамотную либеральную идею. По любому поводу, по любому верному или неверному общественному решению мы непременно высказываемся. И во многом мы способствуем тому, чтобы более крупные и менее радикальные либеральные силы типа ДВР все-таки это усваивали. Егор Гайдар наконец произнес, что они собираются строить капитализм, что у них западная антикоммунистическая партия, — думаю, мы облегчили ему это признание тем, что сами ушли далеко за горизонт.

Другая наша роль — это роль вдохновителей. Мы должны всем продемонстрировать, что силы зарождающегося капитализма — это силы чистые и благородные (не одна нажива,

не одна жратва, не одни супермаркеты, в чем, кстати, обвиняют «новых русских»), силы почти религиозные, силы идейного возрождения. Мы фактически себе ничего не берем, а действуем во имя чужих иномарок, зачастую не имея своих. Это жреческие силы, это сакральные силы. Мы задаем модернизации в России то, чего ей не достает, — ее сакральную направленность, составляющую будущее протестантской этики. И если мы сумеем остаться хотя бы прогрессорами и вдохновителями, инспираторами, то, я думаю, наша историческая роль, в принципе, будет выполнена.

НАДЕЖД ПОГИВШИХ И СТРАСТЕЙ НЕСОКРУШИМЫЙ МАВЗОЛЕЙ

«Новое время», №52, декабрь

Президент навербовал в аппарат, в правительство, в министерства целый ассортимент «бывших» и «всегда живых», под чьими фраками смутно мерещатся то ли десантные тельняшки, то ли комиссарские кожаные куртки, а над прическами бобриком или солидными лысынами вместо нимбов парят виртуальные партбилеты. Словом, в регионах — «красный пояс», в парламенте — «красная пустыня», в исполнительной власти из-под трехцветных одежд предательски высовываются красные подвязки. Правда, и из Думы, и из правительства, и из аппарата доносится жалобный писк в битве с жизнью гибнущих демократов, но это не мешает основному элитному политконтингенту предаваться своим фобиям, паранойе и маниям. Среди этих трех составных, трех источников постсоветского мировоззрения можно выделить следующие недуги:

1. НАТО.
2. Крым.
3. Севастополь.
4. Черноморский флот.
5. Белоруссия.

Причем обнаруживается, что добрая часть политическоего истеблишмента России страдает сразу и клаустро-, и агографобией (в переносном, конечно, смысле, так что ни Фрейд, ни Юнг, ни психоаналитики им не помогут).

Клаустрофобия — это боязнь замкнутого пространства. В политике Российской Федерации проявляются как постоянные притязания на роль «великой» державы, как будто маленькие державы типа Голландии, Швейцарии, Швеции и Исландии не живут счастливо и богато. При клаустрофобии политику не хватает не реального пространства, а вымышленного, из учебников по истории КПСС. И никак ведь нельзя сказать, что нам угрожает перенаселенность, что ногу некуда поставить, что «лесов, полей и рек» нам недостает. Всего с избытком. Не хватает населения на 1/8 части суши. Хоть напрокат бери. (Кстати, уровень жизни в крошечном Люксембурге, не члене Совета безопасности ООН, выше, чем в великих Соединенных Штатах. А качество жизни выше в Канаде, которую никто сверхдержавой не именуется. И если даже Люксембург живет лучше США, стоит ли пыжиться, как та лягушка в басне Лафонтена, которая пыталась сравняться с быком? Помните, бедная неразумная тварь лопнула в погоне за «великодержавностью»...)

Крым, Севастополь и Черноморский флот — симптомы одного и того же недуга. Реально они совершенно не нужны ни России, ни ее гражданам, за исключением тех, которые заразились вышеназванной болезнью от комплексующих имперских политиков. Украинская Рада не собирается принимать закон о запрете россиянам пересекать Сиваш с Перекопом; вместо переполненного Крыма без продуктов мы имеем его теперь полупустым, с разными лакомствами и охочим до российской твердой валюты. То есть отдых в Крыму стал лучше и дешевле, а тамошние овощи и фрукты мы по-прежнему видим на московских рынках. Севастополь нужен нам примерно так же, как Ведено, Шатой и Грозный, Харбин, озеро Хасан и прочие малоуютные места боевой славы. Учебник по истории — это пространство памяти, но никак не жизненное пространство. В противном случае надо воевать за Прагу, Будапешт, Варшаву, Альпы (через которые переходил Суворов) и Париж (где в 1814 году побывали русские войска).

Черноморский флот годится только для парадов и мюзеев, реальная военная мощь — в океанских флотах. А за исторические реликвии цепляться глупо, а то еще кто-нибудь подумает, что у нас — всё в прошлом, а не в настоящем и будущем.

Интеграция — тоже симптом клаустрофобии. Реальных выгод от нее нет и никогда не было (если это, конечно, не интеграция в ЕС и в Европу). «Братские» республики беднее нас, а прогорели мы экономически до 1991 года вместе, а не порознь. И никакая интеграция в рядах единой КПСС нам не помогла. Опять нет реального объяснения.

А вот НАТО и Беларусь — это уже агорафобия. Какой смысл шарахаться от НАТО — милейшей и полезнейшей западной структуры, вступить в которую — значит быть принятым в приличном обществе, вести светскую жизнь и быть защищенным от мирового коммунизма (например от Китая) и исламского фундаментализма (скажем, Ирана)? Никто же не верит, что НАТО нападет на Россию. Их и силой не заставить решать таким образом наши проблемы вместо своих. Объяснение одно: «оборонка» воспитала в истеблишменте оборонное сознание:

Возле самой границы — овраг,
Может, в чаше скрывается враг...

Агорафобия — боязнь открытого пространства и открытого общества. Желание забиться в темный угол. Подальше от света, от Европы... и от НАТО. Безопасность здесь ни при чем. Известно ведь, что страдающему манией преследования никто реально не угрожает.

В желании интеграции с Беларусью тоже нет ни экономического, ни политического, ни военного смысла. Закрываться на Западе не от кого. Да и как лукашенковской вотчиной закроешься? Боеспособность бывших советских войск только что протестирована в Чечне, а личная инициатива Александра Григорьевича по сбиванию воздушных шаров с американскими спортсменами способна скорее вызвать войну, чем ее предотвратить. В экономическом плане говорить об интеграции с Беларусью можно лишь в том смысле, в каком позволительно называть интеграцией братское объединение шеи и камня, на шею повешенного. Всем же ясно, что приступ любви к россиянам вызван у Лукашенко и его сподвижников пламенным желанием воссоединиться с нашими энергоносителями и нашим обеденным столом. Следует опасаться дружеских объятий, когда в одной руке у обнимающего тебя — ложка, а в другой — миска.

В чем же причина странного поведения нашего истеблишмента? Если по Фрейдю? Почему при Лукашенко на постоянной основе работает Константин Затулин, почему выдает себя за посланника президента инструктирующий белорусских гэбистов Андраник Мигранян (член, кстати, Президентского совета)? Чему может научить Лукашенко отец идеи чеченской войны Сергей Шахрай? Сделать из него второго Доку Завгаева — с той же пользой для обеих сторон?

Беларусь для проигравших в России «вечно вчерашних» — их заповедник. Национальный парк. Край непуганых Советов. Непереименованного КГБ. Политических репрессий. Цензуры. Единодушных голосований «за» (пусть и сфальсифицированных). Молчания и покорности большинства. Бегства в Штаты меньшинства, вроде Зенона Позняка и Сергея Наумчика.

Словом, Беларусь для них — отдушина. «Надежд погибших и страстей несокрушимый Мавзолей». Они хотят привить этот саженец к нашему Древу Свободы. И эти мичуринские эксперименты следует, пока не поздно, запретить.

1997

ПРОСЕЛОЧНЫЕ ПУТИ ПРОГРЕССА

«Новое время», №1-2, 13 января

Восстановим образы из любимой советской классики. В них довольно часто отражаются приоритеты советской действительности, все еще возвышающейся египетскими пирамидами, сфинксами и циклопическими храмами на нашем вожделенном одноэтажном горизонте.

Мавзолеи с засушенными, засоленными или замаринованными вождями, Беломорско-Балтийские каналы, Ким Ир Сены ростом с каланчу, выскочки из чистого гранита, похожие на поставленные на попа гильзы — это еще не последнее слово тоталитарной науки и техники. Скажем, такой пейзаж: полумертвый голодный город, гражданская война, карточки, беспризорники, ни топлива, ни воды. ВЧК расстреливает по тысяче человек в сутки, Советскую Россию никто еще не признает. И вот на этом роскошном фоне государственного и общественного благополучия босая проходящая с чуточку сумасшедшими глазами читает объявление на стене, что, мол, инженеру Лосю требуется напарник, чтобы лететь на Марс. А рядышком, за углом, в грязном сарае, этот самый инженер Лось молотком и зубилом клепает из ржавого металлолома эту самую космическую ракету, которая полетит на Марс.

Очень типично. «Аэлита» А.Н.Толстого — просто заставка к любой героической повести о великих достижениях советского народа.

Если космодром — то можете быть уверены, что вокруг него в «мордовских лесах или казахской степи» будут лежать дикие, необжитые пространства, что враг уж точно к этому объекту не подкрадется по причине бездорожья, но и хозяева космодрома какие-нибудь космические узлы повезут на ишаках. Можно было бы на вездеходах, но к ним, конечно, не хватает запчастей. Рабочие и инженеры этого объекта продукты будут получать по карточкам,

жить станут в бараках без горячей воды и кондиционеров, а космонавтов придется кормить из закрытых распределителей, чтобы дожили до следующего космического полета. Та еще картинка по сравнению с мысом Канаверал.

То есть вся логика существования советской науки и техники, столь превознесенной оформителями павильонов ВДНХ, вся нехитрая формула группы «А», которая заела век нашей гонимой несчастной группы «Б» с ее товарами народного потребления, которые народу перепали в гомотопических дозах, выражается в одном очень известном стихотворении Маяковского. В грязи, значит, лежат рабочие. Под старую телегою рабочие лежат! Лежат и подмокший хлеб жуют (леденцы выдавали только ударникам). «И слышит шепот гордый вода и под и над: “Через четыре года здесь будет город-сад”». Через четыре года, через пятилетку, через семилетку, в 1980 году, при коммунизме.

Шукшинские «чудики» всех мастей тоже то микроскоп покупали вместо одежды детям, то вечный двигатель изобретали вместо нормального животноводства.

Ладно, приехали. Кончились пятилетки, двухлетки, семилетки. Народное хозяйство по сравнению с 1913 годом сильно ухудшило свои качественные показатели. Количественные, правда, радуют. Своими тканями можем задрапировать всю Луну с обратной стороны (чтобы не видно было, потому что бедное космическое тело с фасада заслуживает лучшего). Ржавых гвоздей производим столько, что можно всей страной на них улечься почище Рахметова. 70 лет на них и пролежали. А сейчас с непривычки ученый, научный, физический и космический мир забастовал, потому что бесчисленные Арзамасы-16, Красноярски-80, Плисецки, полигоны, котлованы и Чапаевски остались не у дел.

Лежат они в самых глухих местах, там, куда только самолетом можно долететь. Под крылом самолета, понятное дело, о чем-то поет зеленое море тайги. Из тайги выходят медведи, рыси и барсуки, но и они не покупают продукцию советского ВПК за отсутствием практической пользы. Государство же не должно уступать по уровню развития барсукам и не обязано давать госзаказ бывшим советским ученым, которые голодают и стреляются из-за того, что им больше не дают средств на их замогильные изобретения.

И очень жаль, что все эти бледные поганки Арзамасов-16 и Красноярсков-80 лишились финансирования так

поздно. Если бы молодой Андрей Дмитриевич Сахаров не работал бы так усердно над ядерной бомбой, его не отправили бы в ссылку в Горький, потому что шизоидное коммунистическое правительство, лишенное своей ядерной дубинки, вынуждено было бы сдаться на милость правительствам цивилизованных держав и начать перестройку не в 1985 году, а в 1953-м. Задумывались ли мы, как сложилась бы наша жизнь без белозубой гагаринской улыбки, без «Востоков» и «Союзов», без королёвских усилий что-то запустить?

Ведь даже наши ракеты изготавливались и изобретались учеными-каторжниками в бесчисленных «шарашках» под конвоем НКВД, за колючей проволокой... Советская наука была изначально проклята, поэтому ее плоды оказались для нас не только бесполезны, но прямо-таки вредны. Поэтому не удивительно, что КГБ изъясил у меня на обыске в начале 80-х стихотворение Наума Коржавина о полете Гагарина.

Мне жаль вас, майор Гагарин,
Исполнивший долг майора.
Мне жаль... Вы хороший парень,
Но вы испортитесь скоро.

От этого лишнего шума,
От этой сыгранной встречи,
Вы сами начнете думать,
Что вы совершили нечто...

Гремите ж всюду, орудья!
Радость сия велика есть:
В Космос выносят люди
Их победивший хаос.

Глупые и молодые аксеновские герои утверждали, что отсутствием нормальной обуви, одежды, нормальной, наконец, еды и жилья они заплатили за звездный билет в эпоху. Боюсь, что нам не хватило даже на плацкарту до ближайшего полустанка. Считайте, что нас, как зайцев, ссадили с поезда в XXI век. В третьем классе не пристроиться, там нет никаких других вагонов, кроме СВ. Сначала — приличные ботинки, брюки, машины, министры, депутаты.

Потом, глядишь, дело и до ракет дойдет. Так что пусть наши шпионские спутники горят синим огнем в плотных слоях атмосферы. Одноэтажной Америке нечего делить с одноэтажной Россией.

ВЕДОМСТВО СТРАХА

«Новое время», №6, 16 февраля

Идеократии обычно плохо кончают. Начало у них, хоть страшное, но настолько яркое и мятущееся, что наивные западные интеллектуалы, заскучав в своих безопасных и обустроенных студиях и виллах, над бокалом хорошего вина, за умной беседой, срываются с места, едут к Минотаврам и пишут потом про «Десять дней, которые потрясли мир». Еще бы! Матросы, пулеметы, тельняшки, комиссары в кожанках, «Черные квадраты», «Лефы», красные банты, Мейерхольд, живое творчество масс. Тачанки, расстрелы, махновцы, анархисты, речи Троцкого и стихи Маяковского! Но всё всегда кончается каменным властелином.

Он не ездит по митингам, не устраивает партийных дискуссий, ни с кем не спорит. Он просто давит. Уже откручены головы и левым и правым, уже ликвидированы все спорщики и выдумщики, режиссеры занятого кровавого спектакля: троцкисты, Каменев, Зиновьев, Бухарин. Уже получили свое и левый Мейерхольд, и диссидентствующий Мандельштам, и рабочая оппозиция, и бывшее офицерство, и анархисты, и монархисты. Всех под корень и всё под метелочку. Серый бездушный гранит скучной диктатуры власти. Голой власти без всяких прикрас.

Тоталитаризм — это черная дыра, в которой уже нет идеи. Есть лишь канон. Шаг в сторону — считается побег. Даже если шагнул преданный партайгеноссе. Убивают всё так же, миллионами, но восторженных книг об этом конвейере уже не напишешь. Кроме тощей брошюры Фейхтвангера «Москва, 1937 год». Страной правит Ведомство страха — Органы. Их так и называют, и это глубоко и верно. Органы уже не важно чего, призванные держать, давить, ломать. И во имя чего они давят, уже забыли и отупевшие от мучительства следователи, и впавшие в прострацию от мук арестованные. Страна в коме. Верхи не могут и низы не могут. Верхи не хотят и низы не хотят. Вспомнить,

забиться, закричать, что-то почувствовать. Это бронзовый, классический сталинизм, воплотивший проект Лао-Цзы: «Нужно сделать головы людей пустыми, а желудки — полными».

Потом — легкая рябь на воде черного омута, ветерок, робко выползающая из склепа жизнь. Оттепель, то есть циклон. Фестиваль, Твардовский, Таганка, Марк Розовский, собрания по ним с предложениями распустить КГБ. Первый реабилитаж. А потом по новой. Брежнев, пустые экраны, пустые страницы. И апофеоз брежневизма: Ведомство страха вышло из тени, перестало делать вид, что оно слуга Партии и Идеи. Андропов — это было не случайно. Ведомство страха жаждало эмансипации. Оно уже не считало неприличным лезть на глаза, тайна и ночь были больше не нужны для прикрытия. Нечего было скрывать в этом пустом зеркале, где покойная власть и покойный народ не могли увидеть своего отражения. Андропов добил диссидентов, и если бы болезнь не добила его, у страны не осталось бы шансов. Органы в метафизическом смысле этого слова становились на пьедестал. Они не могли породить жизнь, они только насиловали.

Казалось, что мы выбрались из этой жути. Зря казалось. Где народ, проводивший у телевизоров все съезды напролет? Даже эти первые жалкие съезды нардепов... Где пестрая вереница народных фронтов и партий, у которых не было ни офисов, ни денег, но был такой пыл, такая вера в будущее! Где полумиллионные митинги по несъедобным поводам? Где кандидаты во власть, шеголявшие своим антикоммунизмом? Где многомиллионные тиражи политических газет? «Остыло, погасло, исчезло, увяло, иссякло, заглохло. Пустыня — осталась», — как сказал Лорка. Кому нужен сегодня Гайд-парк? Народ сидит по домам, демократы сидят по углам. Власть с пугающей быстротой приобретает прежний брежневский вид монументальной скульптуры работы Церетели. Никаких идей. Никакого движения воздуха. Никаких противоречий. Глубокая консервация. Ядерная зима. Но что все-таки взорвалось?

Мы же выгаскивали эту власть за уши изо всех передрыг — в августе, в апреле, в марте, в октябре, в июле. Глотали оскорбления, прощали мелкие пакости и даже крупные злодейства вроде Чечни. Всё во имя движения вперед. Что-то кончилось. Бензин, солярка, мазут. Импульс, воля, надежда.

Власть закукливается в позолоте, в бездействии, в византийской спеси. Это не сердечно-сосудистая недостаточность, не пневмония, не грипп. Это абулия — полная атрофия политической воли и политического смысла. Недостроенный капитализм, все больше и больше «гос», разрушается, мокнет, истлевает, как всякий долгострой. Не то беда, что олигархия. Но это олигархия покойников, политических и моральных. Мы укололись о какое-то веретено — и застыли еще на сто лет. Какие реформы, какие реформаторы! Указ об общественном примирении и согласии Добра со Злом — что это значит, понимаете? Отмену истории, могилу, в которой только и возможно примирение палача и жертвы. Вялотекущие политические процессы и текущий вспять мелкий бизнес. Издыхающее фермерство. Мертвые предприятия, которые не закрывают. Требуемая за бесполезную работу зарплата. Антижизнь. И обрастающие живым мясом кости Органов, какое-то время скромно просидевших за занавесочкой. Они петушатся, требуют свое, пробуют голосок. Ведомство страха выставляет в своих витринах палачей: Трофимова, Черкесова. Оно потихоньку сводит счеты с диссидентами. Мой процесс — не последний. Это проба пера. Глава ГБ после всех этих дел едет в Давос. Без ложной скромности. Развязав чеченскую войну, Барсуков и Коржаков показали, что охранка способна принимать самостоятельные решения. Конечно, в свойственном ей стиле: задавить всё живое, ищущее, непокорное. Чечня была живая, поэтому Ведомство страха вцепилось в нее мертвой хваткой. Слава Богу, что покойники проиграли эту войну. Серый государственный гранит проиграл горсточке живых людей. Зато на внешней арене Россия скадилась до времен «холодной войны», заговорив с Западом тоном сталинских ультиматумов; впрочем, не забывая вымогать деньги, кокетливо демонстрируя Зюганова и Жириновского, как прокаженный демонстрирует свои язвы.

Это должно было случиться. И это случилось. Но случилось в более острой форме, чем всегда. Ведомство страха ближе к выборам вырвало из рук Ельцина власть. Охранцы не знают привязанностей. Может быть, жандармы III отделения и любили государя, но КГБ не любил ни генсеков, ни президентов. Если бы не Анатолий Чубайс, власть досталась бы им безраздельно. Не важно, при ком:

при Зюганове ли, при Ельцине ли... Охранка идет на выборы, имея одну программу: «Я — сын своего Отечества»... Армия в лице Лебеда представляет охранку в лице Коржакова. Ручается за нее, дает ей рекомендацию. Партии больше нет, идеи нет. Есть одна голая сила. Вице-премьер Куликов (награда за Чечню?). Генерал Лебедь. Генерал Руцкой. Генерал Коржаков. Кто еще сопротивляется? Выбирая губернаторов, страна выбирала тех, у кого нет никаких идей, скользких и безличных. Коржаков нас испытывает. Изберите его — и надежды не останется. Когда вы будете это читать, станет ясно, успел ли пропеть петух, или все-таки Вию подняли веки.

НЕПРИЗНАННАЯ ЧЕЧНЯ УЙДЕТ ДАЛЬШЕ, ЧЕМ ПРИЗНАННАЯ

«Новое время», №8, 2 марта

Недоброжелатели — прирожденные спекуляторы. Либеральные и реакционные газеты в равной степени полны спекуляциями на чеченскую тему с рабочей формулой: «Уйдет — не уйдет?», «Полюбит — не полюбит?», «Плюнет — поцелует?», «К сердцу Россию прижмет или к черту пошлет?». И все эти рождественские девичьи гадания всяческих комментаторов похожи на подставленную ножку — авось споткнутся. На голоде, на холоде, на неприязни, на блокаде, на казачестве, на преступности, на шариате, на афганском варианте. Тональность комментариев колеблется от кровожадных проклятий до деланно разочарованного скепсиса «доброжелателей», которые заранее хоронят, оплакивают и устраивают поминки, смыкаясь с ненавистниками на этом общем образе чеченского будущего: могила. Скептиков я понимаю: мы и в своем-то будущем не уверены, так где нам уверовать в чужое. А надо смотреть на вещи проще: мы на берегу, а они — в флибустьерском дальнем синем море и уже поднимают паруса.

Так уж сложилось исторически. Почему бы не последовать советам Павла Когана и не поднять на прощанье бокалы золотого, терпкого вина и не выпить за яростных, за непохожих... Конечно, бригантина причалит к берегу. Надо же пополнить запасы питья и еды, починить паруса,

сходить в кабак к девочкам. Но это будет недолго. Бригантина — морской корабль. Он должен плавать, и он будет плавать. Шамиль Басаев оснастит Чечню компьютерами и подключит ее к Интернету. В сводке погоды будут сообщать, сколько градусов в Грозном. В город Джохар-Гала будут усиленно зазывать российских специалистов. Но не обольщайтесь. Двум местам в Совете Федерации быть пусто.

Они ушли, и ушли навсегда.

Без этих кошмарных и запредельных двух лет не было бы по крайней мере этого слова: nevermore. Теперь оно есть. С того света не возвращаются. Что Россия выиграла, уничтожив Джохара Дудаева? Можно так же поступить с Шамилем Басаевым, с Асланом Масхадовым, со всеми кандидатами в президенты...

И каждое такое «ноу-хау» расширит пропасть между потомственными противниками: чеченцами и теми, кто хочет, чтобы они куда-нибудь вошли: в Российскую империю, в СССР, в РФ... Между нами стена из мертвых тел в старинных черкесках с газырями и в современном камуфляже, купленном с рук в Турции или у российских военных. С трехлинейками и автоматами, с кинжалами и гранатометами «Муха». Убитые солдатами Ермолова. Убитые карателями Берии. Убитые эсэсовцами Грачева и Куликова. Сколько их набралось за два века? Восемьдесят тысяч только за последние два года. Дети и взрослые, старики и старушки. Чеченцы и русские. И русские тоже стали камнями в этой Великой Чеченской стене.

Знает ли министр Примаков, что чеченские журналы опубликовали дневник русской пожилой учительницы из Грозного, который она вела в подвале под бомбежками российской авиации? Она проклинала не чеченских, а российских генералов, не Джохара Дудаева, а Бориса Ельцина. И проклинала словами ахматовского «Реквиема»:

Осквернили пречистое слово,
Растоптали священный глагол,
Чтоб с сиделками тридцать седьмого
Мыла я окровавленный пол...

Так что недаром чеченцы говорят: «Мы любим наших русских и никому их не отдадим». Те русские, которые остались с ними под огнем и делили ужасы этих двух лет, — это их русские. Те, кто сбежал от чужих пугающих

обычаев, от чужой, ненужной им независимости еще до войны, — иностранцы. Их голосованием никто в Чечне не был озабочен (впрочем, московские чеченцы, заверявшие российские власти в своих верноподданнических чувствах, тоже не кажутся им согражданами, и избирательные участки в Москве не были открыты). И эта стена погибших за два века от имперского оружия заменяет таможенную службу, пограничников, обмен посольствами и полосатые столбы. Такая граница всегда на замке. Мертвый Джохар охраняет свой народ лучше живого. У живого можно было найти ошибки и противоречия, он мог быть предметом острот и анекдотов, его можно было опровергать. Но чем вы опровергнете национального героя, погибшего от рук врага, и кто теперь увидит противоречия в такой жизни, завершившегося такой смертью?

Наши мертвые нас не оставят в беде:
Наши мертвые как часовые.
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые...

Мне звонила Алла Дудаева, русская художница, еще не выучившая чеченский язык. Она считает себя чеченкой. Ее дети, наполовину русские, стали за эти два года настоящими чеченцами. У нее уже есть внуки. Внуки Джохара и подавно чеченцы. Маленького сына Хамада Курбанова (чеченско-русского интеллигента, всю жизнь прожившего в Москве, ставшего представителем Ичкерии в России, прошедшего тюрьму в Москве (30 дней голодовки!) и пытки электрошоком — в фильтрационном лагере, убитого тем же снарядом, что и Джохар) родственники отца увезли в Ичкерию вместе с мамой Ольгой. Он не будет жить в просторной московской квартире своего отца, как жил бы, не случись эта война. Может быть, автомат он возьмет в руки раньше тома Достоевского. Он тоже ушел. Есть вещи непоправимые.

Один грозненский эпизод. Русский дом и чеченский. Соседи жили мирно долгие годы. Во время войны в чеченском доме остались две девочки, 16 и 17 лет. Две сестры. К ним пришли из горного села два брата, родственники. Боевики, конечно. Девочки их спрятали на пару дней. Когда боевики ушли, русский сосед побежал к федералам и донес.

Девочек расстреляли. Когда город был освобожден, чеченцы расстреляли этих «соседей». Всю семью. И от этого предательства, непонятного, бессмысленного, и от этой понятной в условиях войны мести становится жутко. Всё это вызывает нестерпимую тоску. Чеченцы надолго, может быть, навсегда ушли в оборонное сознание. Противники независимости не смогут жить в Чечне. Поколения вырастут в духе военных стихов Высоцкого:

И еще будем долго огни принимать за пожары мы,
 Будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов,
 Про войну будут детские игры с названиями старыми,
 И людей будем долго делить на своих и врагов.

Я знаю, что так надо. Но мне грустно. Неправильность — это ведь безысходность. На бригантинах, которые поднимают паруса в том море, куда мы их заставляем уйти, моряки и пассажиры имеют билеты только в одном направлении. Вперед. Какие там пять лет на выяснение статуса! Россия может многое. Уморить чеченцев костлявой рукой голода, загнать их в шариат, в джихад, в военную диктатуру. Россия может заставить их тратить деньги на армию и контрразведку. Одного она не может — вернуть их. Никто никогда не возвращается в прошлое. Карабах не вернулся. Алжир не вернулся. Индия не вернулась. Непризнанная Чечня уйдет дальше, чем признанная, потому что ненависть и обида удваивают расстояния. Как писала Ирина Ратушинская:

Кто был слишком крылат, кто с рождения был неугоден,
 Не берись удержать, покупая, казнь и грозя!
 Нас уже не достать. Мы уходим, уходим, уходим...
 Говорят, будто выстрела в спину услышать нельзя.

**ГОСУДАРЬ-ИМПЕРАТОР
 ИГРАЕТ В СОЛДАТИКИ... БРАВО!**

«Новое время», №10, 16 марта

«У коней по-драконьи колышется пар из ноздрей... Как мне в сердце вкипела твоя оловянная слава, окаянная родина вечных моих декаблей!» Ирина Ратушинская, как

видите, плохо понимала государственную необходимость, за что и получила 7 лет лагерей и 5 лет ссылки. При другом императоре, при другом строе, при другом флаге и даже в другом государстве. Но при тех же «солдатиках» и при той же армии. Константа. Из 1918 года — в 1941-й. Из 1941-го — в 1945-й. Из 1945-го — в 1956-й. В 1968-й, в 1979-й, в 1989-й, в 1991-й. Из Берлина — в Будапешт. В Прагу. В Кабул. В Тбилиси, в Баку, в Вильнюс, в Чечню. 23 февраля — дежурный праздник при всех режимах, склонных штык употреблять вместо пера. 23 февраля поздравляем армию, созданную красными комиссарами в боевом 18-м году. Красную. Советскую. Российскую. От какого наследства мы не отказываемся? Армию, опробованную на тамбовских крестьянах Тухачевским, в боях познавшую радость побед сначала в едином порыве с Гитлером, занимающая положенную ей долю Украины и Белоруссии, если смотреть с нашей колокольни, а по международному праву — Польши. Армия, конечно, вне подозрений. Она выполнила решение политиков. Сталина и Гитлера, Молотова и Риббентропа.

Защита Отечества была уже потом. С 1941-го по 1945-й. Если не считать маленькой неувязочки с воинами-освободителями, которые освободили Восточную Европу от Гитлера, но позабыли освободить от себя. 23 мы празднуем День защитника Отечества. 20 декабря ФСБ празднует День советского чекиста. В том же 18-м еще одно ведомство было создано: ВЧК. И когда нам говорят, что не будет страны, если не будет этой армии, что она — последнее связующее звено, я невольно спрашиваю себя: это они про какую страну? Может быть, российская армия наряду с российским КГБ (ФСБ) и есть тот генетический код, та эстафета погибших поколений, которая проходит отравленной стрелой через всю советскую историю и уже на излете поражает нас, торчит между лопатками и не дает уползти в другой, несоветский мир?

Безусловно, президенту, как Верховному главнокомандующему положено играть в солдатики. И даже в начало третьей мировой войны — на уровне учебной тревоги. И военная реформа — одна из этих обязательных игр. Значит, современники горе-монархов Павла I и Петра III напрасно были удручены, заставая их, уже вполне совершеннолетних, за масштабной постановкой сражений с кукольными оловянными

участниками? Что поделаешь, компьютерных игр тогда не было... К 23 февраля сего года Николай Сванидзе сказал страшную вещь: «Раньше армия была предметом нашей гордости, а теперь она предмет нашего беспокойства и тревоги».

Возможно, это и есть формула военной реформы? Николай Сванидзе если и старше меня, то не намного. Салюта Победы он явно не помнит. Значит, мы гордились нашей армией, пока она была сыта, обмундирована и боеспособна? И больше ничего нам от нее не требовалось, хотя после 1945 года она ни разу не защищала Отечество, а только срамила его и позорила на всех широтах и меридианах, от Будапешта до Кабула. Но она могла взять что угодно — от Праги до Баку, могла переехать кого надо: литовцев, азербайджанцев, чехов, не продавала оружия венграм, не выпрашивала сигарет у афганцев.

Проблемы начались, когда впервые за долгие десятилетия армия оказалась голодной, оборванной, бедной и не смогла толком взять Грозный — так, чтобы с концами. По крайней мере, чеченцы ее разбили. А если бы не разбили? Если бы сытая армия в добротном камуфляже, в хорошо начищенных сапогах (прямо по Багрицкому: «...от приварка рожи гладки, поступь удалая, амуниция в порядке, как при Николае...») запросто за месяц-другой ликвидировала бы чеченский народ, утвердила «конституционный порядок» и вернулась бы под «Марш победителей» из мертвой Чечни в столицу, и Грачев-Радамес потребовал бы себе триумфа, — такая армия бы нас устроила?

У демократов есть ответ, и вы его знаете. У государственников он тоже есть — вполне предсказуемый. Блестящая армия Российской империи со всеми своими эполетами, гусарами, киверами и дуэлями подавила три польских восстания, вешая своих же офицеров, которые отказывались выполнять обязанности карателей; целый век завоевывала несчастный Кавказ...

Я не знаю времен, когда я могла бы гордиться своей армией, если не считать времена национально-освободительной борьбы против Батыя, Чингисхана, Золотой Орды, печенегов, половцев, скифов и прочих напастей. Ну, еще 1812 год. Раевский, Барклай-де-Толли. Но все равно моим любимым российским генералом останется Евпатий Коловрат. Прежде чем начинать военную реформу, нам надо

решить, что мы хотим иметь: шикарную зондеркоманду или народное ополчение (пусть и на профессиональной основе).

Наша армия должна быть безопасна для нас самих и для человечества. Она должна подвергаться всё сомнению, в том числе и преступный приказ. Ведь если солдат перестает быть гражданином и делается орудием, винтиком, живой торпедой, то почему за ним сохраняются право голоса на выборах? Где логика? А если он гражданин, то сначала — Конституция, Евангелие, совесть, наконец, а потом уже приказ. Поэтому если армии суждено остаться на прежних моральных и политических основах, пусть она лучше будет голодная, раздетая и небоеспособная. От нее меньше будет вреда.

Меня даже перестала вдохновлять идея профессиональной армии. Что же это будет при нынешних политических установках? Сплошные контрактники-спецназовцы, так профессионально зверствовавшие в Чечне, что их в плен не брали? «А перед нами всё цветет, за нами всё горит. Не надо думать — с нами тот, кто всё за нас решит. Веселые — не хмурые — вернемся по домам. Невесты белокурые наградой будут нам...» Хотите ли вы такой реформы? Я не хочу.

Мне неприятна любая армия, но своя неприятна вдвое, ибо именно твоя армия — не вражеская — вытопчет твои идеалы. Скоро начнется весенний призыв, и патрули и группы захвата по всей стране начнут ловить и под конвоем отправлять на призывные пункты 18-летних мальчишек, чтобы сделать из них очередную порцию сталинских винтиков для функционирования бездумной, слепой и свирепой военной машины, этого мрачного Терминатора, у которого нет мозгов, но есть «калаш». Наш министр обороны считает, что армия существует для того, чтобы никто не мог улететь на Канары от пули-дуры и штыка-молодца, от казармы и плац-парада.

Военная реформа начнется с отмены наград за чеченскую войну. С переноса Дня защитника Отечества на другую дату. С разрыва проклятых веревок, стягивающих поколения. С покаяния генералов, офицеров и Верховного главнокомандующего за Чечню, Вильнюс, Тбилиси, Будапешт, Прагу. С чистой строки начнется эта военная реформа, или она не начнется никогда.

ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ НЕ ОТКАЗЫВАЕМСЯ

«Новое время», №11, 26 марта

Анатолий Чубайс принимает дела — плоды пятилетнего правительственного безделья. С печалью взирает он на запущенный российский огород, где корпоративно-государственнические козлы давно уже обглодали всю гайдаровскую капусту и где ядовитые социалистические плевелы заглушили нежные либеральные всходы. Откровенно говоря, я не знаю, достаточно ли будет здесь мичуринских способностей Анатолия Борисовича и можно ли вообще привить частные ягоды к тому общественному кусту, который называется российской экономикой. А поскольку бессильное, недееспособное общество, не состоящее из суммарных индивидуальных подходов и волеизъявлений, равносильно коврику под ногами государства, то кустик еще и государственный, и на этом терновом кусте едва ли вырастут июньские персики. Ваучеризация, храбро проведенная тем же Чубайсом, которому невежливые нардепы публично швыряли пачки ваучеров в лицо, призвана была разрубить на части терновый куст госсобственности. Гайдаровская либерализация цен должна была сделать для тех, кто уцепится за отдельные ветки государственного куста, привлекательной работу за деньги, работу отдельную, частную, на свой страх и риск. Крестьяне должны были бодро разобрать землю, выйти из колхозов с паями и вытащить перину из-под сидалища латифундиста-председателя. То есть гайдаровско-чубайсовские реформы должны были шваркнуть государство о стенку, разбить его вдребезги, и в отдельных осколочках должна была начаться деятельная частная жизнь, и выстроилась бы некая новая мозаика, снизу, а не сверху, от частного, а не от целого: гражданское общество, правовое государство, либеральный капитализм. И прежде чем подбирать себе новый творческий коллектив, Анатолий Чубайс должен, очевидно, ответить на вопрос: почему не получилось? Почему пошло прахом? И как все-таки называется та система, в которой мы живем?

С чьей-то легкой руки привился термин — «дикий капитализм», равно порицаемый и магнатом Соросом, и отечественными народниками, и стихийными эсдеками с пугачевским уклоном. То, что происходит нечто дикое, неоспоримо. Но почему капитализм? Что, наша ситуация

адекватна ситуации на американском континенте (в Северной Америке) в XVIII веке и в первой половине XIX века? Капитализм дикий — это капитализм непричесанный, не смягченный, не регламентированный, без страховки и спасательного круга. Население Северной Америки, все эти колонисты и их потомки, приплывшие на кораблях, чтобы начать новую жизнь, знали, на что шли. Они были готовы к тяжкому труду, они находили в нем смысл и честь, они платили жизнью за золото Клондайка и за покорение гор на пути в теплую Калифорнию. Никаких бирж труда и пособий по безработице дикий капитализм не знал. Неудачник стыдился плакать. Он утирал слезы украдкой и, стиснув зубы, продолжал искать счастья и фортуны. Вспомните Великую Депрессию, а ведь это уже XX век. Вспомните роман Стейнбека «Гроздь гнева».

Они тоже голодают, у них нет крова, они выбиты из колеи, но им и в голову не приходит ехать в Вашингтон и устраивать марши пустых кастрюль перед Капитолием. Они привыкли рассчитывать только на себя и искать выхода самостоятельно. Если бы американцы ждали помощи от правительства, то никакие реформы Рузвельта им бы не помогли. Дикий капитализм никому не обещал ни пенсий, ни пособий на детей, ни борьбы с коррупцией и преступностью. Каждая семья лично кормила своих предков, своих детей, лично участвовала в выборах мэра и шерифа, а борьбе с преступностью больше всего способствовали винчестеры и личные наработки в плане участия в рейдах рейнджеров или в милиционных отрядах, да и суды Линча сыграли свою позитивную роль на первых порах, в девственных лесах Америки. Промышленность дикого капитализма идет от мелкого бизнеса к среднему, от среднего к крупному. Сельское хозяйство — только фермерское. Правоохранительные органы — выборные, право на ношение оружия — всеобщее. Социальных гарантий нет вообще.

Федеральное влияние — минимальное. Медицина — только частная. Школы оплачиваются на местном уровне. Заселение будущих США — это экспедиция, если хотите, колонизация свободной земли некими конкистадорами земли и воли...

Наши дебри засажены иными растениями, и бродят по ним другие звери... Советский Союз потерпел кораблекрушение. И пассажиры, растерянные, беспомощные, не столько

конкистадоры, сколько иждивенцы, со стенами и рыдьями выбрались на остров. И добро бы это был необитаемый остров! Пришлось приспособливаться, как Робинзону: коз ловить, за черепахами бегать, ограду ставить. Но остров был обитаемым. Здесь уже жили Ведомства и Министерства, Газпром, Колхоз, Агропром, КПРФ и Соцстрах. Правда, после кораблекрушения от Ведомств и всего прочего остались одни вывески и больше ничего съедобного, но все равно единицы пошли добывать фортуна, а большинство встало перед Ведомствами и принялось их дергать за пустые сосцы.

Ситуация дикая, но уже совсем не капиталистическая. А куст, разрубленный на кусочки приватизацией, не погиб. Каждая веточка вцепилась в родную социалистическую почву, проросла в нее, и капитаны социндурии влились в единую кровеносную социалистическую систему, замкнутую на Думу, и стали тянуть соки от государства, наплевав на рабочих, которые предварительно наплевали сами на себя и на выпуск рентабельной продукции. Схема Гайдара — Чубайса работает на Западе, сработала бы она и в вакууме, но совершенно не работает на советском обитаемом острове. Но что там дикий капитализм! У нас и феодализма, кажется, нет. При нем хоть феодалы и монастыри имели собственность, которую никто не мог отобрать. А у нас, кажется, частная собственность держится указами президента; федеральных законов нет; федеральный парламент вообще за коммуны. То есть мы проглотили кусочек сала: кто землю, кто квартиру, кто банк, кто киоск, но в любой момент (скажем, придет другой президент) это сало могут выдернуть из нас за ниточку. Ниточка привязана ко всему, что мы имеем: ниточка государственного фиска, государственного сыска, государственного иска...

Я бы сказала, что это НЭП: все под присмотром Совнаркома, и разрабатывается план коллективизации. На НЭП похоже, но до НЭПа мы не дотягиваем. Хотя есть нэпманы, и их так же ненавидят коммунары, и нэпманы так же беспечны, как и в 1924 году: скажем, Илья Колеров голодает «против всех». Хотя с Зюгановым он бы не смог продать свои бензоколонки, а просто был бы ограблен и расстрелян. Промышленность у нас абсолютно не частная, разве что алюминий и никель успели кому-то спихнуть.

Будь она частная, прогорела бы она синим пламенем. Если эти монстры еще живут, значит, никакие они не приватизированные. При НЭПе еще было частное сельское хозяйство и работали там всюду (без тракторов, на лошадушках). Была еще частная медицина, были колбасные фабрики, конфекционные там разные. Пекарни частные были, а не Добрынинский комбинат! Большевики не успели до 1921 года придушить нормальную жизнь; они выпустили ее погулять, а сами стояли вокруг с саванами до 1929 года. А мы обустроиваемся на кладбище и призываем истлевшего Лазаря встать и выйти из гробницы, а он всё не идет... И где такие подати виданы, как наши налоги! При диком капитализме платят минимум, при феодализме десятину церкви и столько же барону или королю, при НЭПе платят продналог. А у нас продрозверстка. Столько можно драть с граждан Швеции, где взамен предоставляется целый набор аппетитных благ, а не у нас... Вот от какого наследства мы не отказались: от обитаемого острова, когда народ тщетно блуждает в остывших недрах покойного социализма. Пока не убраны эти циклопические обломки, реформы не удастся провести даже с Хайеком, Бальцеровичем и Адамом Смитом.

НАСТАНЕТ ГОД, РОССИИ ЧЕРНЫЙ ГОД

«Новое время», №15, 20 апреля

А он непременно настанет, этот самый 2000 год. Хорошо бы растянуть Бориса Николаевича еще на один срок, как краюшку хлеба в голодную пору, но все предлоги, кажется, кончились, да и силы тоже. Не столько у президента, сколько у очередников-кандидатов, которым охота порулить. Настолько охота, что они уже сейчас, в 1997 году, хватаются за баранку, не замечая, что водительское сиденье занято. Едва ли они стерпят в том самом 2000-м, чтобы Ельцин пошел еще на один круг с таким, скажем, обоснованием: в качестве президента независимой России, по новой конституции, нынешний срок Б.Н. — не второй, а первый.

Первый срок, с 1991 по 1996 год — это президентство, начавшееся в другой стране, при другом флаге и гербе, при

советской конституции. Не ахти какой предлог, но прыгать опять с девятого этажа, не подставив соломки, не хочется. Народ, конечно, по американской конституции, суверенен и имеет право решать, кто им будет править. Но суть российского выбора не запечатлена в российской конституции. А ведь суть в том, что народ решает гамлетовскую дилемму: «Быть или не быть?» И такая маленькая, но важная деталь: речь пойдет (в 2000 году так же, как в 1996-м) не только об абстрактной судьбе народа, но и о нашей жизни. О жизни тех, кто или фигурирует во всех проскрипционных списках, или просто не захочет сосуществовать с красным флагом над Кремлем, с Зюгановым, с новым военным коммунизмом. С реставрацией.

Суверенность народа начинаешь оспаривать в тот миг, когда понимаешь, что народ будет на свободных демократических выборах решать вопрос: «Жить или не жить?» Тебе. Твоей семье. Твоим друзьям. Твоим коллегам. Твоему журналу. Твоим товарищам по демократической партии. Здесь, пожалуй, демократия может попасть не в то горло. Подавишься такой демократией.

Конечно, до 2000 года далеко, многое еще может произойти. Прилетят инопланетяне, создадим расширенное содружество, чем они хуже Лукашенко? Примем Марс или Тау Кита в Российскую Федерацию, в обоих мирах референдумы проведем о воссоединении гуманоидов. Может, марсианский президент «Майн кампф» не читал и председателем колхоза не работал. Будет некоторая альтернатива Зюганову и Лукашенко.

Досужие демократы, щелкая на завалинке семечки, надеются, что коммунисты к 2000 году попросту вымрут. Не менее досужие бизнесмены-несушки, которые накидали яиц в коммунистические и национал-патриотические корзины (на всякий случай), а также вольноопределяющиеся предприниматели, голосовавшие «против всех», как будто у них две головы, а не одна, считают почему-то, что «всё будет хорошо». Всё будет прекрасно, поручик Голицын! Меценаты 1917 года финансировали большевиков. Повезло Савве Морозову: он не дождал до реализации программ своих подопечных. Даже если они его ликвидировали, все равно — везение. Великой княгине Елизавете, жизнь посвятившей организации больниц, мастерских и приютов

для бедных, было куда хуже, когда в награду за милосердие и благотворительность ее живой бросали в уральскую шахту. Великий князь Михаил, надо думать, перед смертью успел пожалеть о нацепленном им в Феврале красном банте.

Словом, политико-экономическая элита, за редким исключением, предоставляет нам — в предвидении того самого 2000 года — следующие поведенческие варианты:

1. Близорукая трусость.
2. Преступное легкомыслие.

3. Оптимизм юного пионера, встречающего утром салютом, благо вожатые позаботятся обо всем остальном.

Что до трудящихся масс, которые не читают ни «Московские новости», ни «Новое время», то время от времени ТВ доносит до столицы слухи, что народ то ли бастует, то ли голодает, то ли бунтует и что он якобы до капитализма жил лучше. Я лично в этом очень сомневаюсь, потому что в 1990—1991 годах на родных российских просторах видела в Екатеринбурге (Свердловске), Сочи, Коврове, Омске, Владивостоке, Иркутске и Воронеже этот самый народ изголодавшимся, бесколбасным, без кусочка мяса, в драпе модели 30-х годов и в ботах «Прощай, молодость!», в жалких клетушках с потолками, до которых достаешь рукой, без горячей воды за пределами кольцевой автострады.

Куда же хуже, и что может быть хуже этого черно-серого мира в крупную клетку за ржавым железным занавесом?

Теперешний цветной мир с броской рекламой, с массой нарядных шмоток и разносолов, с его веселой свободой — это просто дар богов. Незаслуженный подарок судьбы. Но объективная действительность дана нам в субъективных ощущениях, и я не знаю, кем себя ощущает бывший советский гражданин. Если ему кажется, что он стал жить лучше, потому что раньше был партминимум: водка и кильки в томате для рядовых, полукопченая «Краковская» для среднего партийного звена, икра для Политбюро, при этом работы не требовалось вовсе, так что никто и не работал, кроме врачей и учителей, которым и тогда ничего не платили, как не платят сейчас — то эти иллюзии непременно отразятся на выборах 2000 года, как отразились уже в 1993-м, в 1995-м, да и 30 миллионов зюгановских голосов в июле 1996 года.

То, что народ не берется за вилы, не должно успокаивать истеблишмент и жалкие остатки демократических сил: фи́га в кармане страшнее вил наперевес, потому что в 2000 году эта фи́га материализуется в соответствующий бюллетень, и, боюсь, не будет в нем крестика против фамилий демократов, либералов или хотя бы олигархов. Будет что-нибудь свеженькое, новенькое, крепенькое с плеткой-семихвосткой, «наступающее сапогом на лицо человечества». Благо полиция мысли в лице ФСБ у нас сохранилась впрок, на вырост, а с кем воевать — с Океанией или Ост-Азией какой-нибудь, — решить недолго. Был бы Большой Брат, были бы пролы, а остальное всё приложится. Члены вундертруппы еще живы, все в ЦК КПРФ.

Боюсь, что и к выборам 2000 года либералы не сподобятся, не посмеют предложить Гайдара в президенты, Чубайса — в премьеры... Опять начнут искать наименьшее зло на чужом огороде. Только тем, кто привык к роли приживалок и компаньонов власти, могла прийти в голову мысль искать в марте 1996 года защиты у Черномырдина, пытаясь навязать ему кандидатство. Боюсь, что эта мысль не оставила смиренные демократические умы: быть болельщиками, а не командой на поле. Виктор Степанович ведет себя прилично: не толкается, не лезет по трупам на чужой трон. Но я не знаю, чего он в этом случае страшится: Бога, мирского суда или президента. Он способен работать день и ночь, но он всегда будет советским работником и всегда будет бояться коммунистов. Это даже не его вина. Он из эпохи Магниток, Турксибов, Газпромов. Здесь уже ничем не поможешь. Жизнь не выкинешь из жизни. Эти гири на ногах не дадут ему делать реформы.

Ну и еще кое-кто жадной толпой стоит у трона. Из реальных соискателей — генерал Лебедь. Шикарные поездки на Запад и соблазнительные речи для «Монда». Наивных французов он уже убедил, благо они на конгрессы национал-республиканцев не ездят. Но мы-то «тутэйшние»: нас на такой мякине не проведешь. Маршрут объявлен: ни в капитализм, ни в коммунизм. Идеал почти как у Баркашова. А маршрут в никуда. Нет такого места на политико-экономической карте мира. Виртуальная реальность. Хунта. Но не южнокорейская. И не испанская. И Франко, и Пиночет, и южнокорейские маршалы строили именно

капитализм. Что-то от этого «третьего» лебединого пути сильно пахнет Бенито Муссолини...

Словом, не мешало бы президенту или срочно запретить коммунистическую деятельность, или, по примеру римских Августов, назначить своим наследником Чубайса, усыновив его предварительно. В России пылает красный огонь, и в третий раз под кроватью мы уже не отсидимся.

А НАД КРЕСТАМИ ГРОВ С ПОКОЙНИЧКОМ ЛЕТАЕТ

«Комок», №18, 7 мая

Есть в Российской Федерации один ответственный квартиросъемщик, который более 70 лет злостно не платит за жилплощадь, свет, газ, воду, не вносит пени, не выезжает из квартиры, приводя в негодование все РЭУ страны. Этого склочного и законнепослушного жильца знают все. При жизни он тоже за квартиру не платил, как не платит и после смерти. Сначала за него платило царское правительство, имевшее скверную привычку оплачивать в ссылке издержки революционеров и давать им субсидии на жилье. Потом платила партия под названием РСДРП, добывавшая средства на проживание своих вождей в Лондоне, Париже, Берлине и Лонжюмо экзами в банках, которые устраивали организованные преступники типа Камо. Далее в оплату квартиры, кафешантана, парижских интердевочек, туалетов Инессы Арманд и Надежды Константиновны включается немецкий Генеральный штаб, агентами влияния которого в России начиная с 1914 года и являются большевики, призывавшие к братанию с противником, голосовавшие против военных кредитов и превратившие-таки «империалистическую» войну в гражданскую. Результатом превращения стал Брестский мир, согласно которому немцы захватили Украину. Так что денежки большевикам платили не зря. На последнем этапе квартирки знатного покойника в Кремле и Горках оплачивал народ. Кровью, голодом, повальными расстрелами, тотальным грабежом, впадением в чингисхановскую дикость, в средневековое варварство, в регресс и рабство. Вы все знаете этого покойника и даже оплачиваете его новое жилье, охрану и услуги по бальзамированию. Это не кто иной, как Владимир Ильич, Ульянов-Ленин,

корчащий из себя социально незащищенного и не слезающий с шеи несчастных россиян даже после своей нехристианской кончины. Начиная с 1991 года нормальные россияне, верующие в Бога, агностики, атеисты и гуманисты, христиане и мусульмане, не язычники и не идолопоклонники, пытаются похоронить мертвое ленинское тело, про которое уже детишки спрашивают, что у него внутри, вата или опилки. Покойникам могила по штату положена. Но тут выходит товарищ брянского или тамбовского волка Зюганов и его партайгеноссе и заявляют, что наши отцы и деды, и вообще наши предки именно так, в Мавзолеях, на Красной площади, имели обыкновение хоронить своих покойников.

Сразу видно, что товарищ Зюганов силен только в истории КПСС, да и то в сусловской версии.

Наши предки, если уж на то пошло, в далекие дохристианские времена (век V—VI) предавали своих мертвых огню. Потом наступили времена тенгрианства: хоронили в могиле, но на боку, в позе зародыша, осыпая бусинками, символизирующими уголья. Степняки (скифы, сколоты, половцы), смешавшие с нами, славянами, свою кровь, насыпали над мертвыми курганы. Варяги-викинги, тоже наши предки, отправляли мертвых в море на ладье, зажигая парус, превращая ладью в погребальный костер. А после наши предки, приняв христианство, хоронили мертвых в освященной земле, после соответствующих обрядов в Храме Божьем.

Бальзамировали и складировали в пирамиды покойников не наши предки, а древние египтяне. Не допускаю мысли, что они были предками коммунистов. Египтяне времен Хеопса и К^о были образованными и умными людьми. К тому же с хорошим вкусом. У них сушеные, соленые и маринованные фараоны на площадях не валялись, открытые для обозрения, как в музее палеонтологии или в кунсткамере, а мирно покоились в гробу в пустыне, где не предполагалось никаких посетителей. На посетителей пирамид ставились ловушки, потому что они были мазурики и пытались что-нибудь украсть: ожерелье, перстень, золотую цепь. Это у Ильича взять нечего, кроме апрельских тезисов. Фараонов хоронили не в задрипанных костюмчиках, а в приличном царском платье. Умные египтяне никогда не ходили к пирамидам возлагать венки или принимать возле них детишек в пионеры. Они мудро полагали,

что раз есть очередной живой фараон, нечего шляться к покойному, который к тому же стал равным Богам и резолюцию на прошение не наложит. Конечно, тела Мао Цзэдуна или Ким Ир Сена положили на самое видное место, но египтяне здесь ни при чем, это уже красные заморочки по мотивам психоанализа доктора Фрейда:

Ленин всегда живой,
Ленин всегда с тобой,
В горе, в надежде и в радости,
Ленин в твоей весне,
В каждом счастливом дне,
Ленин в тебе и во мне!

Типичные стансы параноика. А поскольку параноиков, шизофреников, маньяков или просто прохиндеев из красно-коричневых фракций в Думе большинство, то свои зарплаты и пенсии россияне получают на том свете угольками.

Если хотите знать, у меня лично не вызывает никакого сомнения право Николая II быть причисленным к лику святых. Хотя бы за то, что в бытность свою монархом он ни разу не поздравил большевиков с открытием какого-нибудь съезда РСДРП, как это недавно проделал Борис Ельцин со съездом КПРФ, хотя на съезде и ему, и будущему России была объявлена непримиримая война. К тому же Николай II никогда не звал ни Ленина, ни Троцкого на приемы в Зимний дворец, а товарищи Зюганов и Лукьянов все время на таких приемах мелькают.

В силу этой причины, то есть патологической трусости верховной исполнительной власти, Красная площадь столицы с восстановленной Иверской часовней, с Василием Блаженным, с соборами Кремля выглядит в сочетании с Мавзолеем, могилами Сталина и присных и урнами в Кремлевской стене (с прахом Дзержинского и прочих чудищ) почти так, как в фильме «Неуловимые мстители» выглядит известная кладбищенская сценка: «А над крестами гроб с покойничком летает. А вдоль дороги мертвые с косами стоят. И тишина...» То еще зрелище. Москвичи и гости столицы лично могут в этом убедиться. По крайней мере, к очередному своему дню рождения Ильич прописки не сменил, и товарищ Зюганов, толкаясь на Красной площади,

где все акции, кроме коммунистических, запрещены, принимал в свой гитлерюгенд новых юных ленинцев. Что, в принципе, является растлением малолетних. Однако коммунисты могут у нас делать что хотят, начиная со своего сушеного патрона, вовремя не осужденного за измену Родине и работу на кайзеровскую Германию.

А тут еще коммунаки в Думе один документик приняли, и весь Совнарком под ним подписался: и Семаго, и Лукьянов, и Илюхин. Называется этот документик так: «Не допустить акта вандализма!» Так что если кто из россиян захочет похоронить на кладбище усопшего родственника, делайте это втайне от коммунистов: сбегутся и не допустят акта вандализма. В заявлении сказано ни больше ни меньше, чем: «Прискорбно, что Президент поддержал кощунственные попытки ряда оголтелых политиканов, уже несколько лет стремящихся осуществить эту варварскую акцию». «Варварская акция» — это о похоронах. Так что хоронят покойников, оказывается, одни только оголтелые политиканы. И ссылки на решение II Всесоюзного съезда Советов от 26 января 1924 года, решения Советов, ВЧК, ГПУ и Совнаркома — в жизнь! Более того, оказывается, Красная площадь без Мавзолея и без Ленина будет вычеркнута из списка объектов ЮНЕСКО! Может, нам Мавзолеи настроить и в Питере, и по всему Золотому Кольцу и в каждый сунуть по большевику? А то вычеркнут все наши объекты.

...Очень ловко приводится цитата из молодого Ельцина, члена КПСС, что Ленин — гений и крупная фигура. Конечно, крупная фигура. Уж он-то не стал бы трястись перед покойным врагом, да и с живыми неплохо разбирался. Чем и обеспечил себе жилплощадь в центре столицы.

Из заявления мы выясняем, что патриарх Тихон в 1924 году отозвался о Ленине как о добрейшем человеке христианской души (наверное, перед расстрелом). И коммунистам это сходит с рук. Наверное, потому, что у власти в России — не гений. Гении бы догадались, что или живые похоронят призрак коммунизма, или призраки коммунизма закопают всех живых. Доброхоты вроде Сергея Ковалева или Льва Тимофеева предлагают отдать Мавзолей с его содержимым КПРФ в аренду: пусть деньги зарабатывают. Но почему только им? Монархистам — Петропавловский Собор;

нам, диссидентам, — Соловки; Партии любителей пива — пивзавод, «Яблоку» — все яблони РФ. Все хотят деньги зарабатывать. Словом, насчет реформ просьба не беспокоиться, застой продолжается. Под лежащие камни Мавзолея вода не потечет.

ТИЛЬЗИТСКИЙ КОМПРОМИСС

«Новое время», №20, 25 марта

Да простят мне Аллах, пророк Магомет, Борис Березовский, Иван Рыбкин и президент Российской Федерации непочтительное отношение к высокому историческому моменту, но я не верю в мирные договоры вообще и в российско-чеченские в частности. Четыреста лет тайной и явной войны России и Кавказа тоже ведь состояли из серии агрессивных попыток Российской империи навести на Кавказе конституционный порядок, перемежаемых с переменным успехом клятвами, обетами, торжественными капитуляциями типа «почетного» плена имама Шамиля и увесистыми пряниками в те исторические моменты, когда окончательно ломались или кончались кнуты.

Поскольку только браки заключаются на небесах, а договоры — исключительно на грешной земле, то хочется немножко полазить по подвалам очередного «вечного мира» и заодно рассмотреть прецеденты (предыдущие «замирения»). Всем понятно, что почетный и вечный мир с мюридами Шамиля наступил в тот исторический момент, когда горцы были наголову разбиты и сопротивляться больше не могли. Царь был хорошо воспитан и имел некое чувство дворянской чести, в отличие от советских и постсоветских руководителей, поэтому для сыновей Шамиля нашлось место в гвардии и немалые чины, а для самого имама и его жен — денежное содержание, особняк в Калуге, красивые и добрые слова и даже путевка в Мекку, в конце концов. Так что сторонников восстановления монархии в России можно понять. Нетрудно представить, какой приговор был бы вынесен Московским городским или Верховным судом РФ Аслану Масхадову и Мовлади Удугову (Шамиля Басаева вряд ли удалось бы взять живым) в случае поражения Чечни и как быстро этот приговор был бы приведен в исполнение, благо Дума проголосовала

против моратория на смертную казнь, а президент перестал считаться с комиссией Анатолия Приставкина.

Как только горцы накапливали силы — начиналась война. Силы кончались, или империя отвлекалась — наступал мир. Холодный мир. Ленинские соколы в пыльных шлемах много раз обещали чеченцам мир и их традиционное землеустройство без новшеств в виде коммун, колхозов и продразверстки (потому что комиссаров просто резали в горах при первой же попытке «возникнуть»). Но как только чеченцы «замирались» и расходились по домам, чекисты окружали сакли тогдашних «полевых командиров» и арестовывали их, чтобы вскорости расстрелять в ближайшем подвале, или убивали на месте. И война продолжалась до очередной торжественной клятвы большевиков. Чем клялись большевики, в анналах не указано. Возможно, мировой революцией и Карлом Марксом, пепел которого стучал в их горячие сердца и кружился над их холодными головами. Но сердца большевиков были склонны к измене и к перемене, как ветер мая. Поэтому когда чеченцы в 1941 году пошли на фронт, дабы сразиться с гитлеровскими оккупантами, советские оккупанты, желая упрочить и закрепить мирный процесс, частично сожгли заживо их стариков, жен и детей, частично же отправили их в дальние казахстанские края, куда предстояло отправиться и героям-фронтавикам.

Стоит ли удивляться после этого анабазису Абдурахмана Авторханова, которого столько лет сталинские и постсталинские соколы обзывали немецким прихвостнем, ренегатом и коллаборационистом? И надо ли возмущаться действиями Джохара Дудаева, который пытался увести Чечню под шумок, пока СССР отдавал концы, а новорожденная Россия, еще безвредная, как желтый цыпленок, выбиралась из своих скорлупок? Увы! Коршуны, грифы, орлы-стервятники и прочие геральдические птички растут быстро. И Чечню, и Джохара догнали.

Мир был заключен не в Москве, а в Грозном и Бамуте. Чеченцы разбили Россию. Большой кровью и на своей территории. Но России явно хватило и этого. Добавки просили разве что Бабурин, Зюганов и Говорухин — из теплых думских кабинетов — и редакция газеты «Завтра» — за рюмкой «Мартеля» в Домжуре.

Даже такие отпетые штурмовики, как капитан Шурыгин из того же «Завтра», признали свое поражение и обвинили в нем СМИ и демократов как некую «пятую колонну». Теперь уже газета «Завтра» предлагает провести референдум по исключению Чечни из состава РФ (и шуку бросили в реку...). Так что наша тильзитская встреча в Москве, когда президент России обещал вечный мир и отказ от угроз силой (которой пока, к счастью, нет, даже с добавлением лукашенковских когорт и назарбаевской конницы), а Мовлади Удугов обещал сдаться экономической мощи России, вызывает понятное недоверие. Чем, интересно, будет клясться российская сторона? В Бога наши власти не веруют, инфляция совести, в отличие от рублевой, продолжает галопировать, обрушив в стране все нравственные биржи и разорив все моральные банки, в международные пакты и Конституцию они поверили, только когда их чеченские боевики в них ткнули носом...

Похоже, что господа Березовский и Рыбкин выдумали какую-нибудь замысловатую формулу: то ли «Мир в обмен на бабки», то ли «Территории в обмен на отложенный статус». Борис Березовский хочет заплатить. За что? За то, чтобы чеченцы остались жить со своими палачами? За 70 (минимально) тысяч убитых и замученных? За геноцид? За преступления против человечества? Пожалуйста, платите. Назовите в этом договоре Россию агрессором. Обязуйтесь уплатить репарации. Дайте независимость. Проведите Нюрнбергский процесс в Москве и осудите, на худой конец, Куликова, Шахрая, Грачева и Доку Завгаева. Пусть найдется какой-нибудь российский Карл Ясперс, чтобы написать книгу «Российская виновность», аналог «Германской виновности» 1946 года издания. И пусть наши военнопленные восстанавливают разрушенную нами Чечню.

А если кто-нибудь считает, что обоюдная ложь перед телекамерами о том, что нет победителей и побежденных, что Россия больше не будет, а Чечня готова сдаться на милость, на аккорд длинного рубля (надеюсь, что это действительно ложь, иначе можно было с рубля и начинать, как Татарстан, а не воевать за независимость), — компромисс, то тогда это миссурский компромисс, который некогда заключили южные и северные штаты Америки. Компромисс кончился войной Севера против Юга 1861—1865 годов. Все компромиссы этим кончаются, потому что

они базируются не на совести и не на праве, а на реалиях типа «Хоть видит око, да зуб неймет» или «Бодливой корове Бог рог не дает».

Так что мир реально держится на силе народного ополчения Чечни и на слабости российской армии. На готовности чеченского народа снова сделать выбор: «Свобода или смерть». И когда не станет этих вечных истин, мир закончится очередной войной. Возможна еще одна страховка для еще не родившихся российских мальчиков, которых, возможно, через энное количество лет снова погонят покорять Чечню: независимость Ичкерии и членство ее в ООН. Это осложнит положение будущих российских геополитиков.

Что до денег, то по высшим нравственным стандартам чеченцы обязаны швырнуть их нам в лицо. То, что мы с ними сделали, не может быть оплачено деньгами. Тем более что это подкуп, а не покаяние.

Статус Чечни отложен в долгий и темный ящик. Кажется, обеими сторонами. Поэтому россияне должны молиться о том, чтобы чеченцы не забывали, что «*Si vis pacem, para bellum*»*, ибо только их ежедневная подготовка к оборонительной войне обеспечит и Ичкерии, и России хотя бы сегодняшнее перемирие.

НЕ УВЕРЕН — НЕ РАЗГОНЯЙ

«Новое время», №24, 22 июня

История российского парламентаризма хоть и коротка, но поучительна. Этакая «работа над ошибками». Сначала — как водится, чаяния. Лучше всех это выразила постфактум Зинаида Гиппиус. Уже перед Учредилкой, которая вполне скопировала все первые парламентские блины 1906—1907 годов. «Наших дедов мечта невозможная, наших героев жертва осторожная, наша молитва устами несмелыми, наша надежда и воздыхание, Учредительное Собрание, что мы с ним сделали?» Что и сегодня может повторить российский интеллигент, правдоискатель-демократ. С некоторой поправкой на то, что его дед, скорее всего, как раз и разгонял это самое Учредительное собрание, а отец был рад-радешенек хрущевской оттепели и тому, что сажать

* «Хочешь мира — готовься к войне» (лат.).

стали исключительно диссидентов, а скромные обыватели могли спокойно плодиться и размножаться под благодостной сенью парткомов и первых отделов.

По-видимому, царь и его умные советники мыслили Думу некоей альтернативой баррикадам. Им и во сне не могло присниться, что Дума станет их адекватной заменой и Генеральным штабом. Совершенно безответственные и абсолютно непримиримые — такими были две первые Думы. Причем разгон Первой Думы только усилил экстремизм Второй. Первые министры вызвали нервозность и у монарха. Коллективный невроз вылился в роспуск Думы. По принципу: с глаз долой, из сердца вон. И снова половником почерпнули из того же кипящего котла. В думском супчике с левым наваром и законопослушные кадеты доварились до того, что замахнулись на Выборгское воззвание: не давать рекрутов и не платить податей. Пока власть исполнительная не подчинится власти законодательной. Сознавали ли кадеты, что такое подчинение означает не эволюционирование России к западной модели, согласно столыпинской хрустальной мечте, а якобинскую диктатуру и окончательное превращение Думы в Конвент? Скорее всего, не сознавали. Иначе пришли бы хоронить Столыпина и оплакали бы его. А ведь о нем слова доброго нельзя было сказать в приличном интеллигентном обществе, даже после смерти. Ходили по рукам такие куплеты: «У нашего премьера ужасная манера на шею людям галстуки цеплять...»

Неумелое обращение с демократическим механизмом привело к тому, что царь, выгнавший Думу в дверь, с удивлением обнаружил, что она залезла к нему в окно. С помощью его же благого начинания — избирательного права. Правда, это еще не была вожденная четыреххвостка, которая в конце 1917 года с уверенностью и гарантией отдала страну в руки эсеров, которые параллельно с избирательными кампаниями не гнушались делать заказы «Боевой организации», то есть санкционировали теракты, весьма похожие по профилю на действия итальянских «Красных бригад» или немецкой «Фракции Красной армии». Большевики получили кругленькое представительство в 25 процентов, и только кадеты оказались за скобками, набрав 5—6 процентов (Гайдар до этой нормы на целый процент с ДВР не дотянул). Эсеры, кстати, очень много наговорили

о традиционных ценностях российской общины и о недопустимости капитализации страны (тот самый «Город Желтого Дьявола», горьковскими словами говоря, но и эсеры были против банковского капитала, наемного труда и социальной дифференциации). Так что с некоторой натяжкой (минус национализм, антисемитизм и плохие манеры) их можно считать нынешними аграриями и национал-большевиками. С примесью чисто левых «анпиловцев» и «тюлькинцев» — большевиков ленинского разлива. Кстати, столыпинскую дачу взрывали не большевики, а эсеры-максималисты. Их можно даже произвести в баркашовцы (минус идеология). И мы имеем фактически сегодняшний расклад VI Госдумы.

Трудовики — это, конечно, «Яблоко». Даже нигилистический пафос Керенского сродни вечной абстрактной оппозиции Григория Явлинского, который не был, не привлекался и не участвовал (не забудьте, что кое-какие делегаты съезда «Яблока» в июне призывали отдать яблочные голоса не Ельцину и не графе «Против всех», а Зюганову). Как повторяется история! Керенский отрекся от Корнилова и дал руку большевикам, а Явлинский собирает у коммунистов подписи за недоверие правительству и обижается, если не дают. Либеральное же представительство одинаково — что в I и II Думах, что в VI. То есть роковые вопросы не решены, а отложены. Мы доигрываем партию на той же доске, доске начала века.

Что же изменилось в старой России, почему две первые Думы были поспокойнее, а последняя дожила аж до самого марта 1917 года? Электорат по-прежнему жаждал воплотить в жизнь истину «Мир хижинам, война дворцам». Интеллигенцию терзали левые бесы. Нет, изменились не они. Изменилась власть. Бунт был подавлен жестоко и без сантиментов, абсолютно нелиберально. Работали военно-полевые суды, раздавались в изобилии столыпинские галстуки. Попытка повторить на ленских приисках народное восстание с баррикадами, боевиками, бомбами и прочими прибабасами окончилась ленским расстрелом.

За красные флаги на митингах уже не били нагайками, а просто рубили шашками. Все депутаты, подписавшие Выборгское воззвание, отсидели по полгода, что их сильно отрезвило. И дальше Думы ходили по струночке. Как знать, если бы Столыпина не убрали, может быть, не было бы ничего — ни Марта, ни Октября?

Но самое ужасное — это история с Треповым. Если бы тогда Вера Засулич его застрелила насмерть, а не ранила, Россия прожила бы на 12 лет меньше. Ведь ликвидация баррикад вместе с инсургентами, ввод войск, пушки и прочее — это его работа. Правда, после Столыпина, под занавес, Дума успела выкинуть флаг с требованием ответственного министерства (это применительно к VI, нынешней Думе, такой вариант: и Чубайс, и Немцов и Черномырдин, и прочие подчиняются Думе, а не президенту). Я думаю, вам уже стало страшно. В 1993 году у нас не было Столыпина. Поэтому на выборы пошли Жириновский и Зюганов вместе с компартией. Власть как будто захотелось, чтобы вчерашние инсургенты устроили ей выволочку. Что и вышло, и немая сцена всеобщего изумления на встрече Политического Нового года могла быть вызвана только плохим знанием истории российского парламентаризма. В 1995 году в Думе оказались и Невзоров, и Варенников, и Лукьянов. Власть употребляет парламентаризм как нож, чтобы им зарезаться. А сейчас у нас коммунисты и национал-патриоты злые, а избиратели, если им верить на слово, голодные. Хотя я лично ни одного голодного не видела. Впрочем, то же самое избиратели утверждали в сытой России 1905—1907 годов.

Новый призыв на думскую ниву приведет на Охотный ряд уже и Анпилова, и Баркашова, и Стерлигова. Ибо попустительство порождает агрессию. В 1917 году власть сдалась без боя. При почти нормальной Думе. Плеве убили, Столыпина — тоже. Готова ли нынешняя верховная власть заплатить цену за санацию Думы? Цена будет ниже, чем в 1906 году. Нет ни Баумана, ни Бабушкина, ни Савинкова, ни Виктора Чернова. Но запретить коммунистическую и фашистскую деятельность придется. Анатолий Чубайс пошел бы на это. В нем есть столыпинская решимость. Он тверд и тоже без либеральных сантиментов. Готов ли президент вытерпеть вопли отечественной прессы (от «Правды» до «Московских новостей») и всех европейских структур и доброхотов? Это надо обдумать заранее. Иначе будет, как у Ширака, который променял шило на мыло. Не уверен — не разгоняй. Подавлять, разгонять, сажать и запрещать — самые непопулярные и неприятные меры для реформаторов. Но таково бремя власти и бремя декоммунизации. Тот, кто не хочет это бремя нести, потеряет и возможность проведения реформ, и власть, и голову.

ВЛЕСК И НИЩЕТА КУРТИЗАНОВ

«Новое время», №26, 6 июля

Уж я не знаю, что думают иерархи всевозможных церквей относительно религиозных корней России, но Россия — не христианская страна. И не мусульманская. И не иудейская. Разве что буддистская. И это стало совершенно очевидным, когда и верховная власть, и общество, и элита, и большая часть прессы так вяло отреагировала на увлекательную кассету, где политический персонаж, загримированный под министра юстиции Ковалева (первая версия жертвы масс-медиа), морально разлагался в бане то ли с гейшами, то ли с гетерами, то ли с лоретками, то ли с интердевочками.

В беспечные и бесстыдные дохристианские времена никакие запреты на политиков не налагались. В Элладе хорошо воспитанные политики Афин сами блюли хороший вкус и изящную умеренность. Связь с Аспазией не привела к отставке Перикла. В оргиях и вакхических безумствах не участвовали ни интеллектуалы, ни честолюбцы (два вида кадрового резерва «Афинской политики»), ни тем более пуритане Эллады — лакедемоняне. Ни Ликург, ни Агесилай II, ни Леонид о девочках и не помышляли. Эллины гордились своей умеренностью. Они не напивались, не объедались и не разлагались морально. В разврате они видели нечто персидское (а расширения Персии на Запад эллины боялись куда больше и с большими основаниями, чем наши власти боятся расширения НАТО на Восток). Поэтому и афиняне, и лакедемоняне изгнали талантливое Алкивиада. Он позволял себе кое-какие излишества, был умен, красив и богат — словом, прожигал жизнь. И этого хватило для обвинения в государственной измене и заочного смертного приговора. Эстетические табу эллинов были посильней юридических запретов. Разврат и варварство были синонимами. Просвещенные гетеры занимались на симпозионах эстетическим воспитанием трудящихся больше, чем чем-нибудь другим. Та же история с гейшами. Они отнюдь не «ойран», то есть не публичны, и обитают не в публичных домах. Квалифицированные массовики-затейники. И уж японец-то никогда не потеряет «лицо», в обществе ойран его пресса не застучает.

Опять-таки эстетика. «Югэн», «сибуй», «ваби». Японцы — стилисты. Прелесть недосказанности и естественности.

А разврат вне того и вне другого. В Египте вообще такой проблемы не было. Страной управляли целомудренные технократы-жрецы, аскеты и интеллигенты. А все остальные могли делать всё, что им захочется (кроме фараона, который почти всегда был жрецом и довольствовался множеством жен и наложниц). Интересно, что такие деспотии (Египет деспотией не был), как Китай, Ассирия, Сеннар, Персия, императорский Рим, империи инков и ацтеков, никаких канонов не устанавливали и допускали самый изощренный разврат. Свобода секса и полная несвобода общественных отношений. То ли секс был сублимацией, то ли распутство предполагает некоторую интеллектуальную и духовную неполноценность и поведенческую неряшливость, исключают гражданское и личное достоинство, лежащие в основе общественных свобод.

В Китае допускалось всё, но только в плане секса. В Японии были строгие запреты, но жесткая иерархия не отнимала личной чести. Республиканский Рим жил прямо-таки по законам староверов. Дважды сексуальное насилие приводило в Древнем Риме к смене строя. Насилие над Лукрецией — и падение Тарквиния Гордого. Насилие над Виргинией — и переход власти к дещемвирам. Зато императорский Рим — Нерон, Калигула, Клавдий, Мессалина — побил все рекорды по части сексуальной раскрепощенности. Но и свобода куда-то девалась... И я склонна доверять тем историческим авторитетам, которые увязывали распущенность Рима V—VI веков с его падением под ударами варваров и добродетель республиканского Рима с его гражданскими свободами.

Иудейская, мусульманская и христианская традиция существенно упростили все политические счеты, потому что они предполагают понятие греха. Ну, султанам и пашам о выборах беспокоиться не приходилось, королям и герцогам — тоже. Израильские первосвященники себя блюли, потому что теология предполагает некую сакральную идею, а древние иудеи жили под жесткой теократией, каравшей смертью за адюльтер. Здесь не забалуешь. Христианство вместо карательных санкций вводит совесть и общественное мнение. Так это и осталось.

Неверных жен не побьют камнями, но в парламент до раскаяния не изберут. Так что когда советский супруг товарища Парамоновой сваливал свои отношения с тети

Пашиной Ниночкой на «растленное влияние Запада», он сильно грешил против истины. Мягкий и гибкий Запад становится очень добродетельным и жестким, когда выбирает свою власть и назначает свою администрацию. Публичные политики и крупные чиновники — это лицо страны. Христианская страна имеет христианское лицо. И даже те, кто с грехом, кидают камни в согрешившего политика. Для тех, кто наверху, добродетель обязательна. Покойный Миттеран посмертно опозорен прослушиванием телефонов хорошеньких девиц. Все мы смотрели французские фильмы, где, скажем, жена кандидата в мэры снята обнаженной в сомнительной компании — и бедняга-муж снимает свою кандидатуру. И Цезари, и их жены должны быть вне всяких подозрений. Американские президенты баллотируются прямо вместе с семьей. Жен придиричиво исследуют избиратели. Не хочешь — не баллотируйся. Живи частной жизнью — вон для тебя в Голландии даже легкие наркотики легализованы. А если хочешь наверх, то не укради. Не убий. Не прелюбодействуй. Соблюдай десять заповедей. Это не ханжество, это выбор эталонов. Естественный отбор приличных людей на руководящие должности.

В СССР же было всё наоборот. Скромного мужа товарища Парамоновой тащили на собрание и «разбирали» по ее же заявлению в партком: «Верните мне моего проклятого...» Советская элита же развлекалась, как могла:

И дач государственных охра
Укроет посадских светил,
И будет мордастая ВОХРа
Следить, чтоб никто не следил.

И в баньке, протопленной жарко,
Запляшет косматая чудь...
Ужель тебе этого жалко?
Ни капли не жалко, ничуть!

(Галич)

Так что хотя я у изголовья не стояла, но я верю. Министр юстиции — недавний коммунист, выходец из советской номенклатуры. Это типично. Ни Гайдара, ни Чубайса, ни Немцова, ни Коха в баньке не застукают. В крайнем случае, они заведут себе girlfriend.

Вульгарные развлечения советских бонз были лицемерно-трусливы и лишены всякого вкуса и стиля. Поэтому шайка, веник и полук — для них самые подходящие декорации. А если уж нам приспичило возвращаться к истокам, то славянские князья были на редкость добродетельны, а политики недолгого публичного века (меньше 20 лет до 25 октября) вроде Витте и Столыпина ни на чем таком не попадались. Воспитанные, интеллигентные люди. Аристократы крови и духа. Утрата же монархией имиджа и престижа во многом была вызвана художествами экстрасенса Распутина. Его в основном и обвиняли в отступлениях от добродетели. Как это сказал Пуришкевич в Думе? «Не страшен Распутин, страшно распутство!»

Терпимость добродетельной царской четы привела к подвалу Ипатьевского дома. Нежелание заглядывать в личную Гришкину жизнь. Так что мнение канала НТВ, что не надо лезть в чужие личные дела, свидетельствует об отсутствии христианских стандартов публичной жизни элиты. Тем более что теория о связи распушенности и несвободы блестяще подтвердилась на последних аналитических разработках Министерства юстиции. Найдя, что ПРЕС*, ПЭС** и другие небольшие партии мало работают и ничем похвальным себя не проявляют (может, даже в баню не ходят), господин Ковалев разослал им предупреждение, что он обратится в суд с просьбой об отмене их регистрации. Вот это новшество! (Суд, скажем, отменяет регистрацию фирмы за то, что она получает мало прибыли.) До сих пор партии снимали с регистрации за то, что они что-то нарушают, но не за то, что они плохо выполняют свои уставные задачи. Итак, ПЭС, до сих пор не построила капитализм. Но кто в этом больше виноват, господин Ковалев и его юридическое ведомство или Константин Боровой, еще предстоит выяснить. А не снять ли с регистрации КПРФ? Они ведь тоже коммунизм еще не построили... Так что, если суд не докажет, что это и впрямь Сильвестр Сталлоне в гриме господина Ковалева предавался всяким излишествами, я за кадровые перемены в минюсте. А то вдруг господин Ковалев найдет, что мы все ничем себя не проявляем и даром небо коптим, и снимет нас с регистрации...

* «Партия российского единства и согласия».

** «Партия экономической свободы».

ОТВЕРЖЕННЫЕ

«Новое время», №35, 7 сентября

Никогда не думала, что мне придется поминать всеу глубоко советскую песенку фронтовых журналистов «От Москвы до Бреста». До Бреста — в прямом смысле. До границы с Литвой, вернее, до того пня, который пока служит демаркационной линией, разделяющей Литву и Беларусь. До Грозного. До Минска. До гродненской тюрьмы. До КПЗ в Лиде. До землянок и пещер в горах Чечни, где держали Елену Масюк и съёмочную группу НТВ.

Эту песенку насвистывали Эренбург и Кольцов (последний до расстрела). Как всё продолжается! «Нам пушек не давали». «Репортера убьют — так это не беда». «Жив ты или помер, был бы очерк в номер, ну а остальное трын-трава». Кому нужен «этот Васька»? Кому нужен Павел Шеремет? Много очерков и материалов послал он на ОРТ, к вящей пользе и славе Бориса Березовского. После ареста второй съёмочной группы, которую отбивал уже лично президент, каналу ОРТ были предложены самые крутые комментарии демократов и неконформистов антисоюзного значения, чтобы разрядить в господина Лукашенко хотя бы голубой экран. Благо он сам приравнивает перо к штыку, а видеокассету — к боеголовке. Но что-то руководство канала не торопится за этими комментариями. Ельцин и Ястржембский сказали, что человеческие (журналистские) жизни им дороже союзов, партнеров, дипломатии и межгосударственных сношений. Неужели у ОРТ другие приоритеты? Или, может быть, Александра Любимова посылали в Беларусь договариваться о сумме выкупа? Интересно, кто больше берет — чеченские бандиты или белорусские правоохранительные органы? Самое время для Бориса Березовского возроптать, и не только по чеченскому адресу, но и в северо-западном славянском направлении. Поскольку количество похищенных в Минске, Лиде и Гродно журналистов превзошло количество похищенных в Чечне, по крайней мере для ОРТ. И если кавказские пленники образовались в результате кавказской войны, хотя и Жилин, и Костылин были офицерами воюющей армии, а не журналистами, то белорусские пленники, очевидно, — следствие интеграции

и братских отношений с режимом, с которым здороваться — и то зазорно. Говорят, что президенты Польши и Литвы намерены в сентябре воспитывать Лукашенко на какой-то международной конференции по принципу, что не надо этот режим изолировать от Востока и Запада, надо его исправлять. (Все помнят, чем увенчались усилия «педагогов», которые пытались воспитывать без изоляции Третий рейх.)

Значит, можно ожидать, что следственные изоляторы Беларуси украсятся корреспондентами литовского и польского телевидения. Потому что комментарии белорусской исполнительной вертикали, усиленной КГБ, в последнее время явно напоминают знаменитый монолог симулянта из концерна Геркулес: «Я — вице-король Индии. Где мои кунаки, абреки, слоны, где мои верные наибы и магараджи?»

Какими средствами выбивали признания у юного Адамчука? Опыт Союза с таким гимном, таким флагом и такой историей показывает, что человек может признаться не только в том, что хотел пересечь литовско-белорусскую границу, и назвать в качестве соучастников не только руководство ОРТ... При таких «органах» призывать абреков, может быть, даже излишне...

Понятно, что братскому диктатору журналисты — первые враги. Если не поют осанну. И что братские тюрьмы — пока единственный плод с того тернового куста, который подписали и ратифицировали властными дланями над нашей головой. Понятно, что родная Дума и родной спикер Селезнев до смерти рады, что кто-то покарал «продажные СМИ». Даже если это российские СМИ. Сказано ведь, что коммунисты не имеют Отечества.

Хватит ли Борису Ельцину этого первого блина, чтобы убрать сковородку (и Россию) с огня столь выгодной интеграции? Видно, на этой кривой дорожке интеграции, реставрации, колониализма все блины будут комом, от первого до последнего.

Но второе несчастье горше первого. Не нужны ни доброй половине своих властей, ни своим судам и прокурорам, ни своим генералам и солдатам (с этими нас разделила линия окопов на чеченской войне), журналисты, оказывается, еще и чеченцам не нужны. Финал с пленением групп НТВ и ВИДа это, увы, неопровержимо доказал. Не президент Ельцин, у которого НТВ вместе с чеченским ополчением отняло преступную, немыслимую победу над

горемычным угнетенным народом — своими репортажами, дерзкими «Куклами», моральным переходом на сторону исторически и человечески правого противника, — должен был вручать Елене Масюк букет цветов и памятные часы, а Аслан Масхадов должен был раздавать журналистам хотя бы памятные кинжалы. И не следователей надо было слать в Москву, а представителей народа с извинениями. Журналисты воевали против Империи Зла, и ничего у них не было, кроме камер и диктофонов, плохо защищающих от пуль, своих национал-патриотов, своих генералов и своего ФСБ. Елена Масюк едва не села в тюрьму. Создатели программы «Куклы» — тоже. И за это — сырой погреб, пещера в лесу, унижения, зверства и одна сосиска в день? И намеки, в которых не отказало себе даже представительство Ичкерии в Москве, не говоря уже о господине Вахе Арсанове, что, мол, Елена Масюк слишком хорошо выглядит после погреба, что журналисты то ли сами спрятались, то ли были захвачены Россией... Конечно, репортаж об идиотском поведении Салмана Радуева, которого «второе лицо Чечни» считает национальным героем, очень хорошо этой версии соответствует. С точностью до наоборот. Да ФСБ и господин Куликов должны были на руках энтэвэшников в Москву отнести, только бы они показали этот материал. Потому что мир труднее войны. Чеченская война выглядела прекрасно и благородно. А как выглядит мир, в котором президент суверенной Чечни является в Москву за долгами, тогда как Махатма Ганди когда-то первым делом отказался от английских ситца и соли, за которые Индия платила Англии деньги, чтобы показать, что индусы могут обойтись без метрополии, и посадил народ за ткацкие станы и выпаривать морскую воду? Мир, где нет защиты и сострадания для Елены Масюк, мир с телесными наказаниями, где все время грозятся отрубить конечности по суду шариата, мир, где Салман Радуев — герой...

Где мертвые тела бандитов, если журналистов отбивал ичкерийский спецназ? Где тюрьма, в которой они ждут суда, если их взяли живыми? Елену Масюк обязана была искать вся Чечня. Не потому ли ушел в отставку романтик Шамиль Басаев, что он-то это понимал, да сделать ему ничего не давали? Почему при Джохаре никто не брал журналистов? Стволы были, денег не было... Да потому, что Джохар расстрелял бы за это лично.

Он не боялся ни Аллаха, ни шайтана, ни Москвы, ни вендетты.

Это очень грустно. И защита Ельциным Масхадова от Малашенко — это тоже очень грустно.

Мы, журналисты, не нужны никому. Ни нашим, ни вашим. У нас, оказывается, нет «своих». Ни по ту, ни по эту сторону фронта. Мы — отверженные. *Les misérables*. По-французски отверженный — значит несчастный. И это нам за то, что мы хотим говорить правду и этим, и тем. Поэтому для нас нет ни тыла, ни прибежища. У нас есть одна только Правда. Ничего, кроме Правды. И да поможет нам Бог...

МЕЧТА ИДИОТОВ

«Собеседник», №41, октябрь

Восемьдесят лет назад она сбылась, началось цирковое представление с коверными в пыльных шлемах, с фокусниками, которые то глотали огонь, то его выплевывали и поджигали зрителей, а иногда пытались сложить заново и воскресить распиленных ими пополам добровольцев (и не только их), но у них ничего не получалось. С акробатами, которые вечно прыгали мимо сетки, а потом их мозги счищали с арены. С укротителями тигров, исправно съедаемыми. С атлетами, которые или надрывали себе пупок, или обнаруживали, что гири, которые они поднимают, — из папье-маше. Нормальные зрители потребовали бы деньги назад. Побили бы антрепренера. Идиоты же хлопали, вызывали труппу на бис, несли свои пяточки, как дурачкам и положено, и пускали слюни, а в антракте с удовольствием закусывали опилками, гвоздями и цилиндрами, из которых должны были появиться кролики...

Но не появлялись.

Хотя сегодня у них отнята большая арена, они продолжают наяривать свое на малой. Каждый год историческая родина этих идиотов воленс-ноленс устраивала седьмого ноября этюд-перфоманс на Красной площади: сапожники, размахивая несъедобными пирогами, которые они по законам жанра производили весь год, и пирожники, подняв развалившиеся еще на фабрике сапоги, шли по брусчатке гусиным шагом. А впереди каналы танки, обутые в новенькие

гусеницы системы «Скороход» на малиновой подкладке. Самолеты писали на голубом дневном эфире — белым по синему «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Советское!». И все хором пели популярные народные песни вроде того, что «сегодня мы не на параде, а к коммунизму на пути».

Однако то ли идиоты были за горами, то ли коммунизм — по ту сторону гор, но он всё не наступал. А песни были разные длинные и короткие, в до диезе и в фа миноре, но все жутко жизнеутверждающие. От них нормальным людям не хотелось ни строить, ни жить. А если и хотелось, не давали: друзья с фабрики идиотов, с Лубянки, приходили, звали и вели. И те, кто без надлежащей песни по жизни шагал, пропадали всегда и везде на исторической родине идиотов. Правда, на этой родине жили не одни идиоты, но поскольку не-идиоты часто пропадали, поле битвы оставалось за идиотами очень долго. Да и сейчас они на наших полях стригут колоски. Поэтому стоит заранее усвоить их ту самую главную песенку, а вдруг пригодится. Ведь некий союз мычания и орала (и как громко орала!) отчалил от минского дебаркадера в сторону Белорусского вокзала и объявил конкурс на гимн!

Итак, гимн идиотов в переводе с клинописи на древнесоветский:

О, что за блаженство быть ослом!
 Таких длинноухих сыном!
 Со всех бы крыш кричать о том:
 Рожден я в роде ослином!..
 Я есмь осел, из самых ослов,
 И всею душою и телом
 Держусь я старых ослиных основ
 И всей ослятины в целом.

Идиоты вообще очень любят хоровое пение, манежи и арены, союзы и соития. Идиоты общительны. Они придумали лозунг «Идиоты всех стран, сольемтесь!». Но почему-то закосили под пролетариат. Они думали, что пролетарии — свои в доску.

Наш идиот провозглашает себя то большевиком, то стахановцем, то комсомольцем-добровольцем, то десяти-тысячником, то пионером и трудящимся — он все время

сочиняет про себя драмы, трагедии, басни и мистерии. Скажем, сельское хозяйство сплошная проза: сев, урожай, молотба... Но идиоты ухитрились привнести в эти нехитрые полезные занятия свои идиотские игры. Вроде «Зарницы». Вспомните очередную балладу: «Ой, вы, кони, вы, кони стальные, боевые друзья-трактора, веселее глядите, родные, нам в поход отправляться пора!» Ребенок скачет верхом на стуле и воображает, что это коник. Идиот скачет верхом на тракторе и воображает, что это танк. Такие игры не предполагают сбора урожая, сева и прочих банальностей. Некогда. Надо впадать в экстаз.

И это не единственная особая примета идиотов (российская разновидность: идиот осенний, октябрьско-ноябрьский, масть — красная с коричневыми подпалинами, глаза навывкате, уши лопухие, мозги — с горошком). Еще идиоты обожают секс. Причем предаются чаще всего однополую сексу, а то и скотоложству. Создание СССР, восстановление СССР, ностальгия по СССР, братание с Лукашенко — всё это ничем иным, кроме сексуального извращения, нельзя объяснить. Лучше бы идиоты по бабам пошли. А то, видишь ли, мальчиков им захотелось! Зачем только идиотам красный флаг? Надо бы голубой...

Жители идиотской страны выиграли большую войну, но поскольку они в большинстве своем были истинными ее гражданами, плодами победы воспользоваться не сумели. Уже через десять лет побежденные жили лучше победителей, а дальше и вовсе стали слать им гуманитарную помощь, потому что стали сытыми, умными, цивилизованными и свободными. А победители ели отбросы, ходили в ломотьях, и мачеха по имени Партия их пасла и секла хвостинкой, иногда кормя, но чаще обстригая и употребляя на шашлык. Мачеху идиоты боготворили и слушались и кричали ура даже на шампурах, вываленные в томатном соусе.

А когда идиоты попали в руки к добрым феям перестройки — Либерализации Цен и Приватизации, они завопили, что их не любят и не жалеют, и до сих пор жалуются всем встречным и поперечным.

Восемьдесят лет минуло с тех пор, как сбылась мечта идиотов. Как выяснилось, кроме них, на одной шестой части суши водился кое-кто еще. С извилинами. Но в каждую годовщину сбычи своей мечты старые беззубые идиоты и их молодые зубастые наследники выходят и требуют,

чтобы после пятницы наступал четверг, а брошенные вниз предметы падали бы вверх. И говорят, что они в этом деле добились больших успехов: у многих из них вырос хвост, отросла натуральная шерсть и речь перестала быть членораздельной. И в этом вопросе мы с ними действительно можем прийти к единству и согласию: пусть себе кувыркаются на ветках, уцепившись хвостом, и ищут друг у друга блох. Мы им даже будем бананы приносить. Но только если они смиренно будут сидеть в зоопарке. Там, на фоне других обитателей сих мест, с газетой «Завтра» в руках, они даже умными покажутся. Много пряников им от посетителей по воскресеньям перепадет...

А основатель всего этого кошмара был умный человек, реально воплотивший в жизнь все свои и чужие глупости. И чтобы он соответствовал уровню последователей, они набили из него чучело. И положили в хрустальный гроб, как спящую царевну. В таком виде он вполне соответствует и марксизму, и ленинизму. Остается украсить его каперсами и дать в зубы петрушку.

ОТ ИЛЬИЧА ДО ИЛЬИНИЧНЫ

«Общая газета», N44, 6–12 ноября

Запрещаем быть рабами!

— **Каково ваше отношение к 80-летию октября?**

— **Не нарушаете ли вы в борьбе за демократию сами демократические принципы?**

— У меня есть сильное подозрение, что 80-летие августовской революции 91-го года не будет отмечаться с такой помпой, как 80-летие октябрьского переворота 17-го. По очень простой причине: большевики были люди основательные и строили на века. И построили. Построили рабское государство, выхолостили, может быть, непоправимо и бесповоротно, человеческие души, задали определенный темп и ритм.

У «отца-основателя», который валяется в Мавзолее в таком неприглядном состоянии, не было бы проблем с вопросом, выносить откуда-то своего предшественника или не выносить. Проблем не было. Вопросы решались в тот

момент, когда они возникали. А там хоть трава не расти. И трава, заметьте, не росла у его противников, а не у него самого! А мы семь лет решаем проблему: выносить или не выносить? Или как выносить — по частям? Сегодня пост сняли, завтра одну заднюю ногу, потом ухо... Мы просто не тянем на его уровень.

Недоделанная, несчастная, неконцептуальная, трусливая власть, да еще при таком количестве гарпий, гадюк и ехидн в парламенте, да еще с несчастным президентом, который, вместо того чтобы являть собой конституционную опору и раз навсегда ликвидировать коммунистическую деятельность, все время уговаривает, лебезит, нашептывает на ушко, покупает... Если уж хочешь делать революцию, так будь хоть в какой-то мере революционером! Без зверства, но с элементарной решимостью.

Октябрьский переворот делали законченные мерзавцы, но эти мерзавцы знали некие технологии увековечивания своей мерзости. И поэтому эти годовщины, и его адепты, и сочувствующие сторонники переживут и 90-летие, и 100-летие, и еще через 180 лет в Италии будут выбирать между левыми и крайне левыми, а во Франции опять окажутся несколько министров-коммунистов в правительстве, а про то, что будет в России, и думать не хочется.

Поэтому не худо бы разжиться этими технологиями всем, кто хочет что-то ликвидировать и строить новый мир, чтобы «кто был ничем, тот стал всем». Матрица здесь одна: всё отжившее и состарившееся надо, как говорил Зиновьев, душисть в зародыше! Надо просто взять карандаш и написать указ, смысл которого был бы такой: запрещаем быть совками! Запрещаем быть дураками! Запрещаем быть подонками! И запрещаем быть рабами!

Между прочим, в нынешней Конституции есть пятый пункт тринадцатого параграфа, согласно которому в России не допускается деятельность экстремистских организаций. Под этот пункт подпадают и все красные — от Зюганова до Анпилова, которые совершенно сознательно разжигают классовую рознь, и все коричневые, которые с утра до вечера проповедуют национальную исключительность.

И по этому пункту Борису Николаевичу очень легко написать один шикарный указ, по которому сначала на законных конституционных основаниях распускается Дума,

а потом объявляется запрет коммунистической и фашистской деятельности. Не организаций, а деятельности! То есть одномандатные округа уже не будут избирать ни фашистов, ни коммунистов. А дальше мы берем список в Центризбиркоме, поскольку скрыть свои коммунистические и фашистские взгляды во время избирательной кампании невозможно, и вычеркиваем всех, кто подпадает под этот стандарт. После чего избирается приличный парламент.

В парламенте должны сидеть только те, кто поет песни этого времени, а не «песню временных лет» XV или XVI века. Парламент — это песня XXI века. Это — великая хартия вольности, это — частная собственность, это — полный отказ от имперской идеи, это — вестернизация и капитализм! А те, кто не согласен петь в этом хоре, те просто не должны сидеть в парламенте. И демократическая процедура тут ни при чем.

Если демократия — это всего лишь процедура, то чистая демократия — это казнь Сократа. Народу не понравилось, что он говорил, взяли и проголосовали — казнить философа. Неудивительно, что у Платона после казни учителя «поехала крыша» и он стал создавать теорию первичного коммунизма.

Если демократия — процедура, то ее проводят только те, кто уже подготовлен к ней предыдущим консервативным или хирургическим историческим лечением. Вы что думаете, либерализм это когда вам в трамвае наступают на ногу, а вы отвечаете: «Извините...»? Либерализм — это состояние человека, который абсолютно свободен, индивидуалист, стоит на собственных ногах, выбирает определенный образ жизни. То, что мы называем и всегда называли «Западом». Частная собственность, свобода, как можно меньше государственной поддержки и полное неприятие как социалистической, так и имперской идеи, неприятие как коммунизма, так и фундаментализма. И тогда Конституция — это не дарованный вам текст, как было у нас и в 93-м, и в 95-м годах, а некий отпечаток с вашего внутреннего «я», как американская Конституция.

Вот это демократия и либерализм. А иначе это пародия, как в «Маугли», где собрались бандерлоги и что-то там постановили. Или Учредительное собрание, где 70 процентов высказываются за эсеров, 25 процентов — за большевиков, 5 процентов — за несчастных кадетов, после чего

и такое Учредительное собрание разгоняется. Если вам нужна такая демократия, то ее не Ельцин с ОМОНОм и танками не допустит, я не допущу, Константин Боровой не допустит, Егор Гайдар не допустит, «Демократический Союз» не допустит, журнал «Новое время» не допустит!..

Не надо путать народ с «охлосом». Мухи отдельно, суп отдельно. Быть народом — это тяжелая задача. Надо еще экзамен сдать на звание народа. Народ — это граждане, которые имеют некую идею и убеждения и готовы за эти убеждения отдать жизнь по первому требованию. Вот после этого и считайте, сколько у вас народа и сколько — обывателей, «охлоса»? И что за выбор между «олигархией», которая дает интеллигенции дышать и ругать ее последними словами, и охлократией, которая вообще ничего предлагать не станет, кроме виселицы, все их предложения в газете «Завтра» черных по белому написаны... Разумный человек, безусловно, выберет олигархию, потому что при ней индивидуум имеет шансы стать представителем свободного народа, после чего этот народ сразу же эту олигархию и отменит. Когда народа станет столько, что хватит его голосов всё это отменить.

Меня не пугает конфронтация с теми, кого почему-то суммарно называют «народом» и кто на самом деле является «охлосом». Я раз и навсегда решила, что отвечу за всё. За всё то, что надо сделать, чтобы эта страна стала цивилизованной, благородной, культурной и свободной.

Мы все доигрываем эту партию

— **Насколько сами традиции России ответственны за октябрь 17-го?**

— **Не повторяют ли экстремисты от демократии сами большевистские методы борьбы?**

— Советская Россия — это в чистом виде ордынская традиция Руси, традиция Дикого поля, византийская традиция. И абсолютный минус двух благоприятных традиций — славянской и скандинавской. Дооктябрьская Россия очень трудно поддавалась вестернизации, она все время рвалась и впадала в ордынскую и византийскую кондовость. Я совершенно согласна с Юрием Николаевичем Афанасьевым, который считает, что октябрьский переворот был

отнодью не политическим переворотом. Это была глубочайшая реакция кондового византийско-ордынского мира на попытки вестернизации, которые были начаты еще Александром I, а продолжены Александром II.

Октябрь стал глубокой попыткой смести остатки вестернизации. Жизнь ведь достаточно податлива. Она течет в те русла, которые ей прокладывают решительные люди. Если бы человек с такой энергией и такими дарованиями, какие были у Ленина, был не социалистом, а исповедовал, скажем, идеи вестернизации Руси, он стал бы полезнее Столыпина. Если бы он хотел продолжить его дело тащить Россию на Запад, он бы сделал это за счет своей дикой энергии и организаторских способностей. Он был похож на Петра, а стал анти-Петром. А методы были абсолютно одинаковыми и энергия тоже, но цель была дикая, безумная, и, конечно, абсолютно не было никаких нравственных табу.

И если граф Игнатъев, явившись в Москву после своих «50 лет в строю» в хромовых сапожках, так восхитился, увидев Иосифа Виссарионовича, то это не потому, что он впал в маразм и в детство на старости лет. Это было естественное восхищение тем византийством и ордынством, которое только и было ему нужно в прежней Руси и которого при Советах не только не стало меньше, но только оно и осталось! И такой же была реакция очень многих эмигрантов, которые бежали от большевиков, думая, что совсем не останется «гимназисток румяных, от мороза чуть пьяных», «Москвы державной, колоколов...», — а осталось главное. Не все ли равно, что играют — «Интернационал» или «Коль славен наш Господь в Сионе...»? Главное, чтобы играли громко и все при этом стояли навытяжку!

Между прочим, в Борисе Николаевиче уживаются все пять российских традиций, о которых я говорила. Я не знаю, как он сам в них разбирается. Утром встает как варяг, ложится в постель как наследник Византии, с Лукашенко на приеме общается как носитель византийско-ордынской традиции, с Думой в 93-м году общался как представитель традиций Дикого поля и одновременно как потомок скандинавов, помните: «Как ныне собирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам...»?

Кстати, Ельцин может считать, что за последнее с него снята моральная ответственность. Потому что на самом

деле «Демократический Союз» первым сказал «Долой советскую власть!» и предлагал послать на Белый дом бомбардировщики.

И не надо никого пугать страшными словами «белые большевики»! Была война, были белые и красные. Белые бездарно проиграли, потому что если бы каждый офицер из тех, что сдались Фрунзе, убил по десять врагов, никаких бы большевиков в России не осталось! Сорок тысяч человек сдались в плен. Сколько слиняло в Константинополь! Нельзя было бросать Россию. А потом только один князь Павел Долгоруков тайно перешел в Россию, чтобы бороться, был схвачен и погиб в харьковской ЧК.

Так проигрывают страну, так проигрывают свое дело, так проигрывают судьбу! Если бы белые проявили такую же твердость, как красные, возможно, судьба России решилась бы иначе. Сейчас мы подняли их меч и доигрываем эту партию. И хоть Деникин и Колчак от меня крестились бы за идею дать независимость Чечне и отпустить всех из империи куда подальше, тем не менее мы доигрываем эту партию! И от того, как решится исход этого поединка, зависит всё дальнейшее.

Да, мы — белые. А если и «белые большевики», то с другим знаком и с моральными запретами. Нельзя брать заложников, нельзя пытаться, нельзя казнить, нельзя убивать, нельзя прибегать к насилию без крайней нужды, нельзя запрещать вражескую печать, печать неприкосновенна. Коммунистическую деятельность запретить можно, а газету «Завтра» запретить нельзя!

А если вы не согласны на «белых большевиков», то я могу предложить другое — «белые Обломовы», «белые бездельники», никчемный элемент, который вот этими ребятами — Макашовым, Варенниковым и их последователями типа Баркашова — будет выметен или наколот на штык, как рисовали в «Окнах РОСТА». Если будем себя вести, как наши дорогие банкиры, которые предлагают договариваться с коммунистами, что делал и Савва Морозов, но тот хоть по идейным соображениям, а не из трусости и не из корысти, то мы умрем гораздо хуже тех, кто умер в Белом доме, отстреливаясь.

Большевики — это не имя собственное, а определенная тенденция и идея, что если ты хочешь что-нибудь построить

или сломать, то есть определенные пределы, до которых ты готов пойти. У «красных большевиков» пределов не было. Не было ни запретов, ни табу. У нас есть табу.

Когда говорят о 150 трупах, зарытых у Белого дома, то разница в количестве. 150 человек — это не 60 миллионов. Когда до 91-го года цели были абсолютно недостижимы, а средства были не в наших руках, то в такой ситуации всегда кажется, что «цель не оправдывает средства». Потому что цели как бы на Сатурне, а ты — на грешной Земле, и никакие средства все равно применить не можешь. «Цель не оправдывает средства» — это формула непричастных. Тех, кто ничего не может, как ничего не могли мы до перестройки. И пока не сняли красный флаг, пока не распался Союз, были все основания считать, что продолжается прежняя абсолютная конфронтация с властью и никакие компромиссы с нею недопустимы ни на день, ни на час.

И вдруг оказывается, что твоя цель отчасти достигнута. Твоими трудами или помимо твоих трудов, но по крайней мере по твоим планам. Советского Союза нет, худо-бедно, но строится какой-то недоделанный капитализм, какой возможен в этой грешной стране после советского и российского прошлого. И всё это у тебя пытаются отнять, как в 93-м году. И ты понимаешь, что любые средства оправдывают цель — сохранить и приумножить то, что достигнуто. И нет средств, за которые ты бы не ухватился. А потом ты убиваешь всего-навсего 150 человек, закапываешь их и идешь дальше. И понимаешь, что на самом деле способен на всё. Просто раньше у тебя не было того, чем ты мог дорожить. И не было возможности защищать то, чем ты дорожишь. И тогда ты понимаешь то, что читал во «Всея королевской рати» Роберта Пенна Уоррена: добро можно делать только из зла, потому что больше делать не из чего. И ты кое-что о себе узнаешь, и становишься более смиренной и более скромной, и начинаешь относиться к чужим грехам с меньшим высокомерием.

После чего оказываешься в одной лодке с каким-нибудь бывшим секретарем обкома, с бывшим членом Политбюро, и вас рисуют в газете «Завтра» на одной виселице. Сейчас в Доме художника проходит выставка Бочарова, меня возило туда ТВ-6 давать комментарии. Все рядом — и Лужков, которому я руки не подам, и Черномырдин, и Ельцин, и вы, Егор Владимирович. И ты понимаешь, что, к сожа-

лению, идет война. И в этой войне не ты набираешь солдат, и на твоей стороне участвуют силы и интересы, которые тебе глубоко несимпатичны. Но ты начинаешь понимать и другое: что готова душу дьяволу продать за то, чтобы победить. И начинаешь понимать эту строчку: «А нынче нам нужна одна победа, одна на всех — мы за ценой не постоим...»

Строительство капитализма комиссарами

— Как вы сами оцениваете свою революционную деятельность?

— Разве вы не видите, что зачастую вас просто используют в чужих целях, а публике подают как шута и юродивую?

— Личная моя судьба — это чистый эксперимент того, что бывает с человеком, который с утра до вечера за что-то борется. И честно борется, ничего за это не получает, кроме побоев, и эмигрировать отказывается при любых условиях. И только об одном просит судьбу, чтобы его поскорее убили, потому что он не хочет жить при этой системе. Нельзя и не надо было жить под этим флагом, пока исполнялся этот гимн и пока КПСС была правящей партией. Абсолютно нельзя было.

И все первые годы деятельности «Демократического Союза» были проникнуты этой жадной: пусть скорее уничтожат, а мы поднимем знамя на холме, всё им скажем и плюнем в рожу. У нас спрашивали на учредительном съезде французские журналисты: «Ребята, зачем вы так, вы же и месяца не проработаете?» Они не знали, что Горби такой снисходительный, что позволит нам дожить до 91-го года, пока в мае не начнутся аресты. А мы им сказали: «Мы хотим знамя на холме поднять». Французы на нас посмотрели, в затылках почесали и пошли куда-то. Поняли, что это им непонятно, что с таким типом они не знакомы.

Все-таки надо что-то оставлять на черный день. Я не уверена, что если завтра с Парижем что-то случится, то они будут сопротивляться лучше, чем делали это в 40-м году, что будут сражаться на развалинах Парижа так, как чехенцы сражались на развалинах Грозного. Ведь чехи на это не пошли в 68-м году. Такое умиротворенное состояние

прекрасно и пленительно до тех пор, пока первый встречный не постучит в ворота бронированным кулаком.

Во время чеченской войны нас с Константином Боровым случайно выпустили в Люксембург. Это был мой первый выезд и, между прочим, последний, до тех пор пока не было закрыто «дело». И мы там выступали перед членами Европарламента, я — на французском, Боровой — на английском. И я сказала: у вас дороги хорошие, и танки Грачева до вас доедут быстрее, чем до Грозного, тем более что вряд ли вы окажете такое им сопротивление, как чеченцы. Так что всё, что там происходит, касается и вас.

Они были страшно шокированы. И сделали очень интересные выводы. Встал третий человек в Европе и со слезами на глазах сказал, что никогда не думал, что русские такие культурные люди и способны говорить на таком хорошем французском языке. Это единственное, оказывается, что они усвоили. Я обиделась, ощутив приступ красного патриотизма, и сказала на том же французском, что русские, может быть, люди несчастные, но, несмотря ни на что, — люди очень просвещенные, и не мешало бы всем об этом знать!

С восемнадцати лет я начала свержать этот строй. И не косвенно, а прямо, как полагается по романам о народо-вольцах. Я Ленина прочла в шестнадцать лет, все тома, и очень внимательно, даже по нескольку раз. Владимир Ильич, это у него не отнимешь, историю России излагает неплохо, а уж историю советской власти так, что никакого самиздата не надо! А методика — она ведь действительно одна. Хочешь кого-то свергнуть — создай революционную организацию. Дальше распропагандируй народ. Дальше поднимай народное восстание, свергай власть, назначай комиссаров, строй капитализм. Мы так и собирались строить капитализм с помощью комиссаров.

Иллюзий, конечно, было много. В девятнадцать лет я считала, что народ восстать готов, он просто правды не знает. А когда ему эту правду скажут, он удивится, препоясается, обуется и пойдет воевать за правое дело с автоматом Калашникова. Все восстанут немедленно.

И эта иллюзия у меня сохранялась долго, до начала 80-х, что если каждой семье положить на кухонный стол «Архипелаг ГУЛАГ», то система будет ликвидирована, потому что люди просто выйдут из нее, не захотят и не станут

в ней жить. А потом я замечаю, батюшки-светы, да что же это делается? К 80-му году у нас по всей стране уже была сеть хороших самиздатовских библиотек с великолепными каталогами по типу польской «Солидарности». В провинции этих читателей сажали вплоть до 86-го года, и, в отличие от нас, их там просто уничтожали. Если нынешние столичные диссиденты в парламенте и в эмиграции на хорошем месте, то провинциальные или уничтожены, или с ума сошли в спецтюрьмах, или сломлены раз и навсегда. Запад ведь защищал кого хотел, по рекламной методике: один товар рекламируется, другой — нет.

И вот я обнаруживаю, что человек прочитал «Архипелаг», понравилось. Оруэлла прочитал — и «1984», и «Скотный двор». И Зиновьева я ему скормила, и Авторханова прочитал, и Аксенова «Остров Крым» и «Ожог», и «Хроник текущих событий» не меньше двух десятков. Я жду, когда же он попросит, чтобы я ему листовки дала распространять, а он всё не восстает и не восстает, да еще из партии под названием КПСС не выходит, и читает всё это после партсобраний, а книги, да, говорит, несите еще, здорово... Я обнаружила, что нет никакой зависимости между знанием истины и желанием пожертвовать во имя этой истины жизнью.

И еще мы одной простой вещи не знали про народ. Что не народ производная от КПСС, а КПСС производная от народа. И мы решительно думали, что как только мы освободим народ от коммунистов, то он, народ, встанет — бодрый, свежий, интеллигентный, умный — и тут же начнет строить капитализм. Потому что ему КПСС мешает строить капитализм, а он всего этого очень хочет. И безработицу хочет, и шоковую терапию, и нищету для тех, кто не будет работать, и голод для тех, кто не захочет крутиться, и все тяготы переходного периода готов переносить. Что он ко всему этому готов и очень хочет, и ему только КПСС мешает.

Большое, конечно, было разочарование, когда мы обнаружили, что «вот и нету оков, а к свободе народ не готов, много песен и слов, но народ не готов для свободы». И когда народ стаями ходил на площади в конце 80-х, то это потом стало понятно, что он ходил потому, что считал: вот коммунистов не будет, и завтра наступит полное

изобилие, и БЕН всех накормит, обогреет, обучит, поселит в новые квартиры, и ведь в самом деле обещал...

Да, можно сказать, нас всех «употребляли», когда им было нужно. Я в большом удивлении и даже с негодованием узнала, что меня «употребляли» всю дорогу гэбисты, чтобы мной оправдывать расширение штатов в увеличение зарплат. Что Андропов прибежал в Политбюро с очередными моими листовками: «Вот вы говорите, что у нас нет врагов народа, что никто не хочет капитализма, никто не хочет свергать советскую власть, что это у них просто свобода слова, а вот смотрите — черным по белому!» Оказывается, у них слишком мало было не просто антисоветчиков, а настоящих «буржуазных революционеров», которые писали бы в программах и статьях, что надо вооруженным путем свергать государственный строй, распускать Варшавский договор, идти договариваться с Западом, что у нас должна быть американская система, что нужно ликвидировать Советский Союз.

Оказывается, они меня для этого приберегали и не добивали, а растягивали процесс, и это было больно, долго и противно. Как с той старой крысой, которую нужно время от времени приговаривать к смерти, но каждый раз миловать, потому что она одна у нас, эта крыса. Наверное, если бы я поняла это вовремя, то покончила с собой. Но когда я это узнала, было уже поздно, меня «употребили». Да в конце концов они и сами заигрались настолько, что ситуация обратилась против них.

Жизнь — это вообще взаимное употребление. БЕН тоже, когда ему это нужно, достаточно цинично использует меня. Пришло время ссориться с Лукашенко. Сванидзе приглашает меня в прямой эфир, и я всё говорю, а до этого на наши пикеты ни одна камера не приезжала. Я не противилась, от этого ведь и для страны большая польза истекает. На самом деле мы и БЕНа достаточно круто употребили. По сути, этим самым тараном была сломана та конструкция, в которой он-то мог жить, а мы жить не могли. Мы выиграли больше, мы выиграли жизнь. Меня, простите, Горби в первый раз вытаскивал из Лефортово в 86-м году, а в 91-м году оттуда же выпускал Борис Николаевич, так что в любом случае мой выигрыш больше.

Не всем везет, как Жанне д'Арк, чтобы сожгли в девятнадцать лет и не было больше никаких проблем. И не

пришлось бы потом голосовать после Чечни за Ельцина, да еще и призывать, чтобы и другие за него голосовали. И если придется это повторить, я повторю, потому что это единственный способ выживания для страны. Как остроумно заметил мой шеф из «Нового времени»: нам всем пришлось сложить нашу совесть вчетверо, чтобы она пролезла в избирательную урну.

Это — способ, чтобы выжило наше дело, чтобы и после твоей смерти здесь не было красного флага. И для этого нельзя пренебрегать никакой возможностью... Да, журналистам хочется чего-нибудь жареного, да, публика воспринимает меня как шута, как юродивую. Вы ведь, простите, тоже меня сюда зачем-то сегодня позвали.

Ну что ж, если правда, абсолютная и бескомпромиссная правда считается у нас юродством, то я лучше снесу издержки чужого восприятия, чем не скажу правду. Если для того, чтобы люди узнали какую-то скрытую от них истину общественного прогресса, и что существует коммунистическая угроза, и что надо перестать быть мягкими бесхребетными игрушками вроде Милюкова или Львова, которых большевики просто выбросили из Зимнего дворца, — если для этого надо всё подавать в форме «оранжевой альтернативы», то жарьте меня, пожалуйста!

«Оранжевая альтернатива» — это доведение ситуации до абсурда, для того чтобы она отложилась в общественном сознании. Она не от хорошей жизни выдумана, и выдумана не мной. Ее на самом деле еще катары употребляли в XII веке, а в наши дни заново подхватила «Солидарность».

«Оранжевая альтернатива» — это идея добра, которая использует парадоксальную форму для того, чтобы прозвучать. Конечно, это испортит вам политическую репутацию, вас не изберут президентом, и, возможно, даже депутатом не изберут... Вы будете слишком экстравагантны. Но это даст вам последнюю возможность что-то сказать людям и быть услышанной.

Подготовил Игорь Шевелев

1998

ВЕК МОЙ, ЗВЕРЬ МОЙ

«Новое время», №4, 2 февраля

Везет нам в этом зимне-осеннем сезоне на юбилеи и памятные даты. И не на какие-нибудь несовместные (чтобы в ноябре отмечали 100-летие гения, а в январе — злодейства), а выстраивающиеся в один вполне осмысленный ряд.

В ноябре справили 80-летие великого Перелома, Перекоса, Потопа, Большого Взрыва. В декабре отметили 80-летие Великой Инквизиции. Были поздравлены с обеими памятными датами президентом демократической России. Утерлись, как всегда.

Сейчас вот отметим юбилей альфы мирового кинематографа — великого Эйзенштейна. Не сомневаюсь, что любой рафинированный интеллигент здесь возмущенно спросит: «При чем здесь!» — и задохнется от негодования. Но я все же дерзну утверждать, что без первых двух дат не было бы и третьей. Блок — был бы, Мандельштам — был бы, Пастернак — был бы. А Эйзенштейна не было бы.

Я понимаю, что сейчас натравлю на себя всех кинокритиков мира, но не считаю я Эйзенштейна диссидентом, несмотря на вроде бы алиби: пляску опричников под личинами. Великий режиссер был диссидентом не более чем Михоэлс, Мейерхольд и Пастернак.

Внутренним, подпольным диссидентом была Ахматова, о чем мы узнали в конце кто 50-х, кто 60-х, кто 70-х, читая в самиздате «Реквием», хотя и ее публично поставили на колени, заставив согласиться со ждановским постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград». Мандельштам попробовал и рухнул под непосильным бременем цветаевского девиза: «Один из всех — за всех — противу всех». Другие и не пытались, очарованные взором василиска. Мандельштам, до половины доигравший роль Пимена, а потом неумело пытавшийся сыграть роль то ли Булгарина,

то ли Коцебу, признался: «Век мой, зверь мой...» Твой зверь, не чужой. То ли он тебя приручил, то ли ты его. Наверное, число зверя все-таки не 666, а 1917. Человек и Зверь сошлись, слились и доживают столетие таким кентавром.

Я не думаю также, что Эйзенштейн имеет какое-то отношение к знаменитой модели «*Sine ira et studio*». Без гнева и пристрастия? Это трактаты Джиласа, Конквеста и Авторханова. Стронних наблюдателей, лаборантов в горниле ядерного взрыва быть не может.

Не работает здесь также принцип: «Не плакать, не смеяться, но понимать». Из фильмов Эйзенштейна видно, что он не понимал. Если бы понял, сошел бы с ума или покончил с собой. Это мы понимаем теперь, когда, обгоревшие, в волдырях, отползаем от гигантского затухающего костра, от углей, покрытых пеплом.

Эйзенштейн страшнее Оруэлла и сильнее его, ибо у Оруэлла слишком много живого человеческого отчаяния, ненависти, протеста. А на фильмах Эйзенштейна лежит печать нечеловеческого. Помните, что заставляла выкладывать из сверкающих льдинок маленького Кая Снежная королева? Слово «вечность». Там, на лоне арктических льдов, в сияющем ледяном дворце, среди мертвого совершенства снежинок. Россия — вечный полюс. И не только Тютчев это понял. Эйзенштейн это показал. «На вековой громаде льдов...» Ему, наверное, казалось, что он воспевает и Сталина, и всех Иванов, и Преображенца. Булгакову тоже так казалось, когда он писал «Батум». И Мейерхольд хотел воспеть. Но получилось так правдиво и так страшно, что Сталин испугался этих зеркал, как памфлетов. «Батум» сняли, на Эйзенштейна прикрикнули, Мейерхольда расстреляли.

В фильмах Эйзенштейна много лжи. Матросы с «Потемкина» были отнюдь не ангелы и не узники совести.

Александр Невский платил дань Орде. «Псы-рыцари» были исчадиями ада не больше, чем русские ратники. Война — это жестокость, и кровь, и грязь с обеих сторон.

Князь Шуйский не третировал маленького Ивана. Елену Глинскую, мать царя, и его жену Анастасию не отравили ядом. «Царская тетка» была виновна в умысле на царскую власть и жизнь не более чем «враги народа»,

которые якобы пытались известить вождей партии и правительства и самого Отца Народов. Князь Старицкий не был идиотом и попал с семьей в застенки и на тот свет ни за что, как все жертвы царя. Князь Курбский не был коварен, жесток, подл. Он не был интриганом.

В фильмах Эйзенштейна нет ни слова исторической правды. И все-таки они правдивы, потому что наша русская история совершалась не в реальности, а в мире миражей. В Зазеркалье. Эйзенштейн не лжет, как не лгал и Мандельштам в этом жутком стихотворении 1937 года:

Средь народного шума и смеха,
 На вокзалах и пристанях
 Смотрит века могучая вежа
 И бровей начинается взмах.
 Я узнал, он узнал, ты узнала,
 А потом куда хочешь влеки —
 В говорливые дебри вокзала,
 В ожиданья у мощной реки.

Эйзенштейн, безусловно, читал Карамзина и Ключевского. Но он увидел в них то, что поставил. Слишком сильное поле тяготения представляла из себя обезумевшая страна, кидавшая сама себя лопатами в топку своего дикого энтузиазма и торопившаяся к гибели.

Фильм «Броненосец «Потемкин»» правдив, потому что в нем схвачен момент формирования торнадо, ибо матросам суждено было стать и буревестниками, и гарпиями, и коршунами грядущей Катастрофы. В 1905-м гнездится 1917-й. К черно-белой немоте фильма в качестве титров пошли бы слова Багрицкого:

О широта матросского простора!
 Там чайки и рыбацьи паруса,
 Там корифеем пушечным «Аврора»
 Выводит трехлинеек голоса...

Фильм «Александр Невский» правдив, ибо в нем клочет черная ненависть к западной цивилизации, в которой захлебнулась Россия. Надо же нам знать, где мы утонули!

«Иван Грозный» еще правдивее, хотя в нем нет ни капли исторической истины. Зато в нем есть историческая беда: черный дым и черные тучи русской истории из заставки;

собачий, свирепо-преданный взгляд Малюты, в котором и опричнина, и «сталинские соколы», и весь советский народ; казнь Колычевых как лейтмотив эпох обоих диктаторов; властитель, как черный ворон на фоне ослепительных снегов; бесконечная вереница рабов, извивающаяся по этим снегам, как гигантский червь, ползущий и пресмыкающийся, стремящийся каждым своим сочленением на поклон к тирану... Есть та самая пляска опричников, бесовский и бессмысленный беспредел заливчатского насилия XVI и XX веков, когда Зло становится карнавалом и фарсом...

Прав был Солженицын, когда устами одного персонажа из «Одного дня Ивана Денисовича» сказал, что это искусство добрых чувств в нем не пробудит.

Эйзенштейн — это готика. Я ее видела: Сиенский собор, дворец и крепость в Авиньоне, собор Святого Петра, собор Парижской Богоматери. Запредельное величие, холодное совершенство, вечность. Мрак пределов, заоблачная высота куполов и шпилей, космос и бездна времени, уродливые и злобные химеры, как некие первоэлементы из Вселенной до первого дня Творения. Там нет милосердия, нет человечности, нет любви. Только Истина и Свобода. И тайна Бытия. Это та амбразура, на которую лег Христос, чтобы закрыть нас от этого ужаса и космического света.

Химеры российской истории и XX века смеются над нами с эйзенштейновских полотен. Гении эпохи, такие как он, пожранные и высосанные веком, расстрелянные и уцелевшие, легли письменами в ослепительный и ужасный узор, на скрижали, стали кариатидами этой готики.

Эйзенштейн — гигантская фреска советской цитадели. Это отравленное величие. Над фильмами Эйзенштейна тяготеет проклятие, и, может быть, их вовсе не нужно смотреть.

«Бульжники и грубые мечты — в них жажда смерти и тоска размаха».

ЕВРОПА В РУВИЩЕ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА

«Новое время», №5, 9 февраля

Россию явно разнесло по кочкам. То есть по четырём сторонам света. С равной степенью готовности, всеядности и самонадеянности она претендует на вхождение во все союзы, корпорации, континенты, блоки и бассейны

(от угольных до морских). Одновременно пытаюсь втиснуться в Азиатско-Тихоокеанский регион (как великая «евразийская держава», с благословения Александра Дугина и Геннадия Зюганова), она кокетливо и жеманно поводит плечиком на Западе, доказывая всем, кому по долгу дипломатической службы приходится ее слушать, что она — органическая часть Европы.

Хорошо еще, что на севере не живут легендарные гипербореи, а то мы и к ним набивались бы в компанию, потрясая ледышками вечной мерзлоты и чукчами с эвенками, если они (нашими молитвами!) еще живы. На юге мы всерьез утверждаем, что Кавказ — это тоже мы. Раз Чечня — часть России, значит, мы все принадлежим к народам Кавказа (хотя бы по знакомству). И ничего не попишешь: мы выходим верандой на Тихий океан, мансардой — на Кавказ, крылечком — в Азию, а завалинкой — в Европу. С ума можно сойти.

Но это же всё география, в крайнем случае — геополитика, которая совсем даже не *realpolitik*. *Realpolitik* — это когда страна делает свой *shopping* в мире, исходя из содержимого кошелька и состояния армии, обеспечивая себе сытную жизнь, спокойный сон и в меру сил занимаясь благотворительностью или миссионерской деятельностью. Но здесь уж и риск появляется. Последний пункт чреват. Потом может возникнуть вопрос: «Ну почему аборигены съели Кука?»

Что же до геополитики, то это география особого рода, далекая как от физической, так от экономической. Это такая картинка из учебника по гигиене питания: политик пихает в себя любую географию, до которой можно доехать на танке, давится, но всё пихает и пихает, пока не лопнет. И подпись под картиночкой: «Жадность фраера сгубила». К назиданию Владимира Жириновского, Эдуарда Лимонова, Сергея Кургина и Александра Баркашова могу только напомнить, что особо увлеченный геополитикой великий Александр Македонский хоть и вымыл сапоги в Индийском океане, но потом скончался от истощения сил. Причем у него была лучшая армия тогдашней Ойкумены и все ее ресурсы. А с нашей армией до Стамбула не дойдешь, харчи же еще у Алтая кончатся.

Наполеон Бонапарт, Македонский Запада, занимавшийся геополитикой из чистой любви к искусству, тоже переел

в смысле своего джихада. Несварение желудка привело к большим неприятностям для Франции. Про последний же геополитический джихад, завершившийся плачевно в 1945 году, даже неохота вспоминать, настолько одиозен этот примерчик.

Боюсь только, что наш драгоценный МИД и даже думский комитет, возглавляемый «яблочником» Владимиром Лукиным, тоже страдают неким синдромом геополитизма. Но если официальные геополитики типа Вольфыча откровенно хватают с чужого стола пирог и пытаются его запихнуть в рот у всех на глазах, то ведомства господина Примакова и господина Лукина отщипывают кусочек тайно и пытаются угоститься им под столом на официальном приеме. Почему-то МИДу и К° кажется, что никто этого не замечает и никто не слышит тихого чавканья из-под скатерти. Хотя все прекрасно замечают, от неловкости отводят глаза и не делают замечаний. Во-первых, так поступает любая хорошая хозяйка дома. Гость есть гость, даже если он скатерть жует. К тому же исторически европейцы всего век назад активно общались на разных континентах с представителями местных племен, которые живо интересовались консервными банками, блестящими зеркальцами и стеклянными бусами, предоставляя в обмен золото, слоновую кость и черное дерево.

Так что если вхождение куда-либо определяется исключительно географией, то мы в законе. Кавказ у нас — мы кавказцы.

От Урала до Мурманска прописаны в Европе — значит, мы европейцы, и кто это смеет не принимать нас в ЕС? А раз мы часть Европы, то бери шинель — пошли домой. В Польшу. В Балтию. Покуда хватит дизеля в БТРах. Если же Европа — это не только география, но и определенная культура, история, образ жизни и мысли, кружевные занавески на окне, розы в палисаднике без забора у каждой двери, как в Люксембурге, пронизанные свободой и человечностью и усеянные историческими памятниками райские сады древней, интеллигентной, улыбающейся цивилизации, то при чем здесь мы? Те вопросы, которые сейчас решаем мы, они решали в XVIII веке...

Мы могли бы стать частью этой Европы. Еще в 1236 году могли. Тогда, собственно, мы были даже богаче, свободнее,

гуманнее, чище. Утонувшая Русь. И никакой щит мы не держали меж двух враждебных рас. Мы просто стали сами Ордой и кормили новых хозяев до XV века. Зачем им было идти дальше? От добра добра не ищут.

Мы стали Ордой, мы заразились СПИДом византийства, мы сплели «железный занавес», мы утонули в грязи, в лесах, в крепостничестве. При этом наше появление в Европе было очень похоже на то, что описал Мольер в «Мещанине во дворянстве». Мы и сейчас ряженые.

Наше тщеславие и наше варварство хорошо вписываются Европой в ее «европейский политик». Петра использовали немцы и поляки для сокрушения Швеции. Александров (всех трех) использовали Австро-Венгрия и Британия для контроля за неблагонадежной Францией, а потом и французский официоз против местного экстремизма. Мы могли получить взамен не только костюмы, маскарады, корабли и форму для солдат. Мы могли научиться жить так, как они. Но свободу, такт, терпимость и гуманность не увезешь в виде сувенира.

Боже, как мы были смешны в 1813 году! Рабы освобождают Европу от Бонапарта! Гениальный Мандельштам нашел для нас определение: «Европа в рубище Священного Союза». Чему мы могли их научить? Можно влезть в Совет Европы. Но в Европу нельзя влезть, ею надо — быть.

Поздно. Эту историю надо было прожить. Семь веков потеряны. Сейчас мы не Европа и не Азия, мы за эти 80 лет утратили все традиции и сорвались со всех корней. Почему США не пытаются стать частью Европы? Они наследники Европы, продолжатели ее дела. Они хранители Европы.

Это возможно и для нас. Мы можем стать паломниками Европы. Посетителями музея. Ее верными рыцарями. Но сначала надо стать мировым лидером. Обрести свободу США, гордость США, их знания, их мощь, их уровень жизни. А сейчас не надо так орать. Европа не привыкла к хамским окрикам. Не надо смешить людей. Европа танцует с нами, чтобы вызвать ревность у Америки, но она обручена с ней, и этот брак заключен на небесах. Она полюбит нас, когда мы сможем предложить ей что-нибудь, кроме рубища.

СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ!

«Новое время», №9, 8 марта

Наверное, весь честной (а частично и крешеный) люд ломает голову над знаменитой теоремой президента Ельцина о национальном единстве и государственном согласии, или наоборот: согласие, скажем, национальное, а единство — государственное. Выходит нисколько не хуже.

И над этим лакомым и питательным политическим блюдом парок в виде стабилизации. Хотя, что будет стабилизироваться, не очень ясно: то ли то, что мобилизовывалось реформаторами, остановится и застрянет, то ли то, что они мобилизовать не успели, вроде колхозов и гигантов соиндустрии, и что вовсе не двигалось начиная с 30-х годов, и дальше останется стабильным, то есть с места не сдвинется никогда вообще.

В любом случае, за такой стабилизацией просматривается не подъем, а спуск. Или, может быть, посчитать стабилизацией историю с землицей? Президент, ДВР, либералы: продавать и раздавать крестьянам! Комми, аграрии из председателей, наци всех сортов: не продавать и не раздавать. Стенка на стенку. Консервация непримиримых противоречий в одной банке с колхозами.

Тогда классическим примером стабильности может послужить коллизия с конструктивным сотрудничеством лебедя, рака и щуки (своего рода круглый стол, только до четверки им там одной зверушки не хватило). А ежели словесно, то насчет сотрудничества законодательной и исполнительной власти (вроде наших) тоже поговорочка есть: поп свое, а черт свое.

Правда, Бог в своих принципах был несколько тверже, чем президент России — в своих: Бог хотя бы Сатану не поздравлял с годовщиной его восстания против Неба в отличие от президента РФ, который проделал это 7 ноября 1997 года. В самом деле, ведь наверняка Сатана и черти считают день своего доисторического путча праздником, и что бы их с ним поздравить во имя космического единства и согласия!.. И внести этот день в календари наряду с Пасхой, Троицей и Рождеством. Чтобы добрые христиане получили еще один праздничек.

Так что мне лично легче доказать теорему Ферма, нежели теорему Ельцина.

А когда черти и ангелы вместе стоят у престола Саваофа и поют «Осанна!» (чему только, вопрос), это можно считать сотрудничеством или это уже бардак?

И почему, смею спросить, Всевышний не привлек Нечистого к сотворению Земли? Вот она здорово бы смотрелась в Седьмой День Творения!

Не знаю, как крещеный мир, а я все время пытаюсь себе представить, как должна выглядеть Россия в финале, после того как либералы, коммунисты, фермеры и председатели колхозов, западники и черносотенцы посотрудничают еще несколько лет. Почему-то мне ничего в голову не приходит, кроме обновленного Троцкого: ни реформ, ни реставрации, реформаторов распускаем и, голодные и сопливые, апеллируем к пролетарскому сознанию Международного Валютного Фонда, чтобы он выплатил нам нашу зарплату...

Сплошной плюрализм: у одной страны будет два гимна, два флага, два герба, два строя. В одной голове такое называется шизофренией, а в одном государстве — гражданской войной. Одной ногой будем стоять в прошлом, а другой — приветствовать будущее. Это, очевидно, и есть третий путь. Откуда будет у нашего воздушного шарика подъем, когда к земле его привязывают такие надежные коммунистические канаты? Когда в гондоле такой советский балласт? И его не дают сбросить во имя примирения и согласия?

По-видимому, у нас в РФ вот-вот произойдет то, что большевики-ленинцы считали принципиально невозможным: мирный переход власти в их руки. Ленин грешным делом исходил из того, что у буржуев есть кое-какие мозги и они просто так свои денежки не отдадут. И надо отдать ему должное, он не ошибся хотя бы на 30 процентов. Хотя буржуев он переоценил. Слишком многие «сделали ноги», включая Белую армию. Гражданская война закончилась, а дальше было сплошное мирное ГУЛАГовское строительство.

Но то, что происходит теперь, даже Ленин бы затруднился объяснить иными словами, чем теми, знаменитыми, про иностранных буржуев. А теперь и наши вполне под них могут быть подверстаны. Говорил же Ильич, что они, мол, не только продадут нам веревку, на которой мы их

повесим, они даже дадут ее нам в кредит. Именно этим и занимаются сейчас почти все демократы и власти пре-держажие. Президент увещивает коммунистов орденами, поздравляет их с красными днями календаря и поит шампанским. Канал НТВ, то есть господина Гусинский, Малащенко, Добродеев и Киселев, празднует в «Рэдиссон Славянской» свой юбилей, позвали туда не только «бомонд», но и Зюганова с Жириком.

Молодой реформатор Немцов заявляет, что китайские коммунисты (после расстрела на Тяньаньмэне, от которого не отреклись) похожи на Гайдара, а приход к власти Зюганова — не смертелен.

Другой реформатор, постарше, на коем вообще держатся все реформы, Анатолий Чубайс, — одобряет консолидацию общества и примирение президента с коммунистами.

«Буржуи» Березовский и Гусинский подписывают «Письмо тринадцати» и жаждут мир с большевиками заключить и не отрицать огульно нашу славную «советскую историю».

Премьер-министр добился того, что коммунисты в рот ему смотрят. Не очень бедный Юрий Лужков социализм строить собрался. Либералы толкуют про то, что коммунисты теперь розовые и нежные, рыночники и прагматики, а раз так, то с ними можно договориться.

Послушав власть и демократов, хочется спросить у них у всех: как они себе мыслят финал? Они уверены в том, что коммунисты вышлют их в Европу и США на «фило-софском» пароходе? Им не кажется, что это будет, скорее, баржа, которой прорубят дно, как это делали с белыми офицерами в акватории Соловецких островов?

А буржуи наши, наверное, так себе представляют эвакуацию: чекисты помогают им собрать вещи, забрать из банков деньги, запаковать мебель, довозят до вокзала, сажают в СВ и отправляют в Париж? И еще платочками машут вслед, мокрыми от слез?

Да, немного поведали нам «свои» о наших исторических перспективах. Чужие, как водится, откровеннее. И потом, они же в курсе, какую часть единства и согласия готовы предоставить идейным противникам. И у изящного Дугина, и у эпатажного Лимонова, и у лапидарных Зюганова с Анпиловым, и у свирепого Макашова консолидация общества выглядит или как зона за колючей проволокой

(демократы — внутри, а коммунисты с автоматами и овчарками — снаружи), или даже как общий могильный холм. Демократы опять внутри. А коммунисты сидят на холмике, чистят лопаты и трудовой пот оттирают. И никакой конфронтации. Полное единство пейзажа. Только у каждой стороны договора — своя функция. Кому — вершки, а кому — корешки.

Из всех идеологов вражеского лагеря исключение составляет один Сергей Кургинян. Только он предоставляет демократам право на жизнь и на свободу, что, согласитесь, настолько новая и свежая идея, что автора ее стоит выслушать. Он физик, он ботаник. Вольтер ему интереснее фельдфебеля. Его театральные спектакли взяли бы приз на любом авиньонском фестивале. И только от Сергея Кургиняна я узнала, что такое единство и согласие в разрезе.

Сначала демократы и коммунисты объединяются в синтезе без слияния и союза, дабы укротить преступность губернаторов-сепаратистов. Спасибо, хоть Кургинян о Краснодаре и Наздратенко вспомнил. Строй безразличен. Это Кургинян оставляет на наше усмотрение. Лишь бы кошка ловила мышей. Флаг тоже безразличен. Все флаги сдаются в музей, и новая Россия выбирает себе новый флаг.

Делаем мощную армию, мощную экономику. А дальше обязательно какую-то империю. И борьба за права человека в Латвии и Эстонии. Нашего человека. И конфронтация с Западом.

Кургинян честно предупреждает: на полпути, после ликвидации угроз выживанию страны, коммунисты начнут уничтожать демократов. Кургинян не советует нам покорно идти к стенке или в лагеря. Он советует создавать вооруженные формирования. Уже сейчас. Защищаться.

Похоже, синтез закончится делением ядра и взрывом, ядерным взрывом новой гражданской войны. Потому что империя и конфронтация с Западом нас не устроят. Но главное Кургинян согласен с Бродским: когда мы уберем воров, нами займутся кровопийцы.

Сергей Кургинян нас честно предупреждает о том, о чем забыли предупредить президент и молодые реформаторы: единство и согласие с коммунистами должно сопровождаться созданием автономной военной силы для борьбы с ними же на каком-то этапе.

Знал бы великодушный режиссер, что демократия гниет и разлагается, и гниет она с головы... Задолго до спасения жизни нам надо позаботиться о спасении души. Так что SOS в прямом смысле, по Высоцкому:

Услышьте нас на суше,
Наш SOS всё глуше, глуше,
И ужас режет души напополам.

АНТИСЕМИТИЗМ — КОМПЛЕКС ДВОЕЧНИКОВ

«Новое время», №12, 29 марта

Гуманизм — не наркотик, не «экстази», не ЛСД, не героин. Тем не менее прогрессивное человечество (Запад и российские правозащитники), а также та, далеко не лучшая часть рода людского, которая косит под прогрессивное человечество (российские депутаты, прокуроры, судьи, министерство юстиции, ФСБ и забубенные журналисты из «патриотических» газет), употребляют гуманизм явно в качестве «дури», причем даже не прибегая к шприцам одноразового пользования. Расхожая истина, что за антисемитизм нельзя преследовать, потому что:

а) в УК уже есть достаточно статей за разжигание межнациональной розни;

б) народы не любят друг друга слишком часто, и пришлось бы сажать каждого второго;

в) придется карать за оскорбление других народов, в частности русского, и любая новая статья УК о фашизме может быть применена к антифашистам, — действительно штамп и действительно доза героина.

К счастью, западная часть прогрессивного человечества, не считая одичавших экологов из «Гринписа», готовых за каждый меховой воротник, каждый бифштекс, каждую смятую травинку уничтожить homo sapiens'ов, за антисемитизм (или там за насилие над турками-гастарбайтерами в Германии) карает очень жестко. Человечество обожглось некогда в пламени Второй мировой войны, так что любая попытка нового «решения» еврейского вопроса должна вызывать у грамотного слушателя ряд зловещих ассоциаций: красный флаг с белым кругом, в котором свастика, черная, как паук-каракурт, или, скажем, черные молот и серп, тоже

похожие на какое-то гадкое злое насекомое. Дальше ассоциации, цепляясь, как шестеренки, влекут нас туда, где на фоне дыма из печей Освенцима и Майданека взрываются снаряды, горят Берлин, Кельн, Хиросима, Волгоград, и в мерзлую землю вечной военной зимы зарывают окоченевшие трупы в немецких шинелях или в советских телогрейках и шапках-ушанках, а прозрачные от голода немецкие и советские вдовы укачивают в нетопленных квартирах осиротевших и рахитичных ребятишек. Антисемитизм — фашизм — агрессия — война — рабство — поражение — бомбежки — голод — сиротство — разруха. Эта цепочка ассоциаций решительно разрывается западными правительствами, которые влепят по 4—5 лет тюрьмы за один факт отрицания уничтожения гитлеровцами евреев во Вторую мировую войну, за один призыв к погромам. На Западе умеют считать, и там они понимают, что дешевле посадить пару-тройку антисемитов, чем рисковать встать на ту скользкую дорожку, которая привела Германию к развязке 1945 года.

Это логично, потому что Холокост у человечества был только один, от костров испанской инквизиции до огней Треблинки, а от шуточек англичан насчет французов и французов насчет англичан никаких неприятностей со времен Столетней войны не было. Логично то, что в США карают остракизмом, а иногда и арестом за проявления белого расизма (во-первых, очень стыдно за столетие рабства, за обращение «масса», за статус рабовладельцев и работорговцев, за хижину дяди Тома; а во-вторых, четыре года войны Севера против Юга, гигантские жертвы, разоренные южные штаты, оккупационный режим Реконструкции, голод и смерть, эсэсовские рейды Шермана, концлагеря для пленных южан и северян, голод и грабежи, ку-клукс-клан и почти до сего дня — гражданская рознь).

В России терпимость по отношению к антисемитизму и антикавказским настроениям, терпимость, доходящая до апологетики, объясняется не только наркотизированным от собственных добродетелей состоянием правозащитников, решивших положить свои и чужие (причем без спроса!) жизни на алтарь свободы черносотенного слова, погромной печати и фашиствующих собраний. Антисемитизм, который с 1933 года навсегда стал кратным фашизму, терпим по-

тому, что он повсеместен и неслыханно распространен. Увы, не редкость и экзотичность данного феномена заставляет им пренебрегать. То, что под крылом Егора Строева, не последнего из сильных мира сего, в Орле процветает погромный фашизм РНЕ, что во время суда над убившими кого-то по ходу дела нацистами судья глумился над евреями, вместо того чтобы ужаснуться самому факту подготовки массовых погромов; то, что в Краснодарском крае нацизм стал региональной политикой на уровне губернатора Кондратенко, — симптомы недуга, уже неизлечимого терапевтически.

На роль государственной идеологии России посягает самая опасная ипостась этатизма — нацизм. Государственная побитая и облезлая псина возвращается на свою блевотину — в нацизм. Самодержавие, православие, народность — это, кстати, была разновидность нацизма. И не только охотнорядцы и дворники били «жидов, студентов, поляков и бунтовщиков». Ведь респектабельный думец Пуришкевич был махровым антисемитом. А Марков 2-й? А Шульгин? А благородный Колчак, который признавался, что он не любит евреев? А термин «инородцы»? А процентная норма с чертой оседлости? Ведь герои Шолом-Алейхе-ма из повести «Мальчик Мотл» бежали в Америку задолго до советской власти. А дело Бейлиса? Нацизм — прибежище убогих. Несчастливая Россия была убогой по сравнению с Западом давно, с XVI века. Поэтому душеспасительными брошюрами и статьями в либеральной печати этот хронический недуг не вылечить. Не станут нацисты читать нашу печать.

Они лучше «Протоколы сионских мудрецов» почитают, благо на лотках продают. Кстати, если бы на эту продукцию не было спроса, не выходило бы столько черносотенных газет и черносотенной литературы. Сильная, бодрая, молодая и агрессивная (реформы — это всегда агрессия против прошлого) либеральная власть сумела бы подавить проявления антисемитизма. Черносотенцы не полюбили бы евреев, но стали бы держать язык за зубами. Или бы разделили участь Осташвили. Это и есть правовое государство — привычка граждан обуздывать свои дурные страсти. Но наша вялотекущая власть не способна остановить цунами нацизма. Ею владеет страх, швыряющий ее каждый

раз в нокдаун, на колени, в унижение компромисса. Суды не отправляют нацистов в тюрьмы, ибо их судят судом пэров, то есть равных им по невежеству и диким убеждениям. Эксперты, судьи, прокуроры почти всегда на стороне подсудимых. Нацизм с этого и начинается. И еще с закона о традиционных религиях и разговоров о национально-ориентированном капитале.

За всем этим стоит национал-социализм Зюганова, очищенный от марксизма и троцкизма, потный нацизм недобитого ВПК, бесполезных аграриев, друзей Саддама, Ким Чен Ира и Милошевича. Нацизм — это перчатка, надетая на увесистый кулак реваншистских сил. Существование великолепного, блестящего, умного Израиля только обострило проблему. Антисемитизм — это вечный комплекс перед отличниками и удачей, перед умом и богатством. Комплекс двоечников, люмпенов, бездарностей.

Реваншистам нужен сапог, наступающий на лицо человечества. Это их способ существования. Нацизм — колодка для этого сапога, антисемитизм — вакса, которой он будет почищен. А поскольку для погромов нужна толпа, то нацисты всегда будут социалистами и станут обещать равенство и братство для всех «арийцев».

Ситуация будет усугубляться, потому что никто не прибегает к единственно возможному хирургическому лечению: тот, кто утром допустил черносотенное высказывание, к вечеру должен сидеть в тюрьме.

Власть не готова защищать страну от фашизма. Эту миссию должно взять на себя гражданское общество. Погромщиков и нацистов нельзя переубедить. Штурмовиков РНЕ нельзя перевоспитать. Но их можно и нужно разгромить, не дожидаясь 1933 года.

ГИВЕЛЬ «ТИТАНИКА»

«Новое время», №13, 5 апреля

У нас землетрясение. Последний день Помпеи. Статуи министров падают с министерств. Клокочущий Везувий объявляет помпеянкам, что реформы будут продолжены и что извержение отнюдь не означает смены курса. Отплевываясь от пепла, помпеянцы верят, потому что неверие

потребовало бы деяний или хотя бы позиции, а помпеянцы ни к тому ни к другому не приучены. Так что же означает эта бурная вулканическая деятельность и породит ли она что-то еще, кроме лавы, пепла, камней и шума?

Конечно, наш президент доказал супротивникам, что он может всех раскидать, завалить, вышвырнуть — и никто не пикнет. Несчастные дрожащие министры выстраиваются в очередь унтер-офицерских вдов, дабы самим себя высечь, ревностно защищая право президента их всех выбросить за дверь от возможных диссидентов, которые посмеют разогнанное правительство пожалеть по извечной русской склонности к убогим, юродивым и безлошадным. Однако надежда на потенциальную барскую ласку заставляет министров делать вид, что они испытывают крайнее удовольствие от барской таски. Даже Анатолий Чубайс, неизвестно зачем вставший в очередь унтер-офицерских вдов, шумно и с видом знатока восхищался блестяще, без утечек информации, проведенной операцией по выбрасыванию его же на помойку — в награду за все хлопоты, свершения и труды, сколь титанические, столь и тщетные, по преобразованию российского печального пространства в правовое и рыночное.

Президент демократической России преуспел, по крайней мере, в том, что его подчиненные сохранили во всей девственности главное свойство советского специалиста: «Партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть». И неважно совсем, что вместо партии — президент, а вместо комсомола — реформспецы.

У президента — партия власти, а реформспецы без ее мудрого руководства не только физически не могут работать, но и виртуально об этом помыслить не в состоянии. Комментарии «изгнанников рая» сводились к нехитрой формуле: «Боже, царя храни! Сильный, державный, царствуй на веки на славу нам». Что лишний раз доказывает правоту Чернышевского в политической части его наследия, минуя социальную, то есть в том месте, где он утверждает, что сверху донизу в нашей стране — одни рабы. У власти, до власти, при власти, после власти, под властью...

Если бы Борис Ельцин назначил на место Черномырдина Анатолия Чубайса или Егора Гайдара, тоже мятежа бы не произошло. Зюганов бы на баррикады опоздал, как всегда,

Лукьянов бы пошел, но вышел с заднего входа, который заранее бы соорудил, а Селезнев мыслит себе баррикады не иначе как в виде штакетника перед своей госдачей. Но ни Чубайса, ни Гайдара не назначили. Интересно бы проанализировать почему. И несмотря на партизанское молчание всей выгнанной демократической команды и всей политической элиты, в кулуарах они что-то говорят. Правда, на ухо, не под диктофон, и просят не расстраиваться и не поднимать шума. И, конечно, не называть имен. Последнюю часть условия я свято соблюду, а с первой поступлю так, как учит Евангелие: «Что говорю вам в темноте, говорите при свете: и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях».

Итак, мозаика из ответов под подушкой политологов, кремленологов, патопсихологов и демократических лидеров. Доппаек к тем улыбкам, которые мы, увы, узрели на устах Немцова, Чубайса и Гайдара, которые нам сказали, что ничего страшного не происходит.

1. Ход для демократов. Ладъей. Черномырдин убран как тормоз реформ, ибо он залоббиривался вконец и мешает расчленивать «Газпром». Версия очень приятная, непонятно только, почему вместе с тормозом в виде премьер-министра убирается заодно и двигатель реформ в виде первого вице-премьера Анатолия Чубайса. Известно ведь, что, даже если снять все тормоза, машина без двигателя не поедет, особенно если палок в колесах (коммунисты и национал-патриоты) вопреки законам движения больше, чем самих колес. И интересно, роль какого механизма отводит себе при этом раскладе президент? Неужели только клаксона?

2. Ход для себя любимого. Конем. Виктор Черномырдин стал говорить какие-то человеческие слова насчет «нашего» монетаризма и правильности либерального пути... Стал спорить с коммунистами. Стал приобретать индивидуальность. Жалкие, робкие попытки, но и этого было довольно, чтобы заменить его человеком никому не известным, робким, который будет исполнять что велют и не станет выходить из царской тени даже в мечтах. Извечная формула автократии: убираем бояр, а на их место ставим бедных дворян. Опричников. Не вышло с охранниками — попробуем со специалистами. Премьер должен быть референтом,

не более того. И не лезть, когда не спрашивают. Бедный Виктор Степанович ожил и вышел из отведенного ему трафарета.

3. Ход е2—е4, хотя он и в зубах навяз, однако действует неотразимо. Добрый и мудрый царь, рачительный до невозможности, разгоняет злых и бесталанных министров, которые не любят народ, не радеют о нем, не платят ему зарплату, обманывают батюшку-царя и, конечно, воруют. Небольшой подарок коммунистам и Борису Березовскому к 22 апреля: голова ненавистного Чубайса. Как объяснил один демократ, это правильно, «ибо Чубайса ненавидят дебилы». Народ ликует и ждет с открытым ртом, когда же новое правительство его накормит и напоит. Как объяснил мне тот же крупный демократ, нам надо тянуть время и обманывать народ насчет его реальных перспектив на выживание, создавая иллюзию, что возможны реформы без боли и без усилий с его стороны. Так, глядишь, мы протянем до 2000 года.

Как на «Титанике»: шлюпки с собой не берем, едем прямо на айсберг реставрации и даже не извещаем пассажиров, что корабль тонет.

Как объяснили мне политики и прагматики, если сказать правду, народ пойдет на улицы и сметет власть. Поэтому пусть открытое общество начнется с полной закрытости и хорового вранья насчет преемственности реформ, которые были прекращены еще полгода назад, когда у Чубайса стали отбирать полномочия.

Те же политики демократического спектра открыли мне страшную тайну: для реформ вообще не нужно правительство. Правительство должно просто тянуть время и ждать, пока народ проголосует за демократов. Если и не дождемся, то хотя бы потоп будет после нас.

Свежее правительство будет старательно имитировать реформы, но делать не будет ничего, дабы не раздражать народ. Пусть он вымерет с закрытыми глазами. А прогрессивная его часть пусть едет искать счастья в чужие края или дожидается петли.

Машина остановлена, топки погашены. Некоторые отсеки уже под водой. Начинается застой на очередную историческую эпоху. Мы, кажется, приплыли к тихой пристани, к доку, где нас разрежут на металлолом.

ГРАЖДАНЕ ЗАТОНУВШЕЙ АТЛАНТИДЫ

«Новое время», №21, 31 мая

Прежде чем заботиться о соотечественниках, надо выяснить, кто они такие. Прежде чем определяться с соотечественниками, неплохо бы разобраться с понятием «отечество». Оно у нас слишком недавнее, семи лет от роду, и поэтому на его счет не могли не возникнуть опаснейшие aberrации, «мизандестендинги» и даже кривотолки и сплетни.

Еще восемь лет назад большинство населения одной шестой части суши могло бы смело исполнять по вагонам популярную сиротскую арию, причем не только в национальном плане, но и в экономическом и политическом: «По приютам я с детства скитался, не имея родного угла...» Что и показали результаты мартовского референдума: 17 марта, или, вернее, мартабря, голодный и бесправный совок, не знавший своего рода и племени, большинством своей безгласности согласился с предложением Михаила Сергеевича жить в обновленном Советском Союзе.

Те, кто ответили «да», явно ни к какому народу не принадлежали и себя ни с чем таким национальным, народным, дедовским, пращуровским не идентифицировали. Разве что с днем 7 ноября — красным днем календаря, советской армией и Мавзолеем.

И вот, когда юные краснозвездные забавы рассеялись среди заснеженных ветвей Беловежской Пуши, оказалось, что бездомных на постсоветском пространстве гораздо больше, чем бомжей. Оказывается, прописка, квартира, работа, ценз оседлости в 30—40 лет не означали Отечества.

В странах СНГ и Балтии выиграло меньшинство, ответившее «нет» или проигнорировавшее референдум. Меньшинство выиграло Отечество: бедное, кособокое, без мебели, зачастую без топлива и пищи, но навеки свое. Не нужен им берег турецкий, и Африка им не нужна. Советский берег тоже не нужен, и не нужны российские нефть и газ. Нет, конечно, пока дают, они пользуются, даже могут лишнее отлить в бидончик. У них ведь взяли жизнь и судьбу: у кого — в 1940-м, у кого — в 1939-м, у кого — в 20-е годы... Так что за это вообще нельзя расплатиться, и не надо угрожать им тем, что пустим в обход наш газ или перестанем есть их шпроты или сахар. Не подействует. То меньшинство, которое мертвой хваткой держится

за свой бедный домик, с таким трудом обретенный, отбитый «у веков, у пространств, у природы», отдаст его только вместе с жизнью. А оно, это меньшинство, в конечном итоге и определяет выбор правительств и парламентов. Или надо устанавливать диктатуру, как у пана Лукашенко. Но тогда меньшинство пойдет сжигать российские флаги. Тоже не жизнь.

Экономическая блокада действует от противного. Блокада Литвы в конце восьмидесятых стала первым туром референдума о выходе... Латвийское масло, сменив этикетки, благополучно доберется до нас из Турции, шпроты будут продаваться по цене контрабанды, которую как-то нигде еще в мире не устранили, а соотечественники тех, кто это всё придумал, худо-бедно живущие в странах Балтии, получают еще ряд этикеток «оккупационный киоск» на свои торговые ряды и новые красные звезды на двери своих квартир. После чего жить они станут еще более худо и еще более бедно, потому что ни мэр Лужков, ни губернатор Аяцков, ни президент Ельцин не приглашают их к себе, а только вконец портят их отношения с теми, кто жил в этом бедном доме веками, берег, любил, защищал и терял его...

Никому не приходилось слышать, чтобы украинцы, литовцы, латыши, эстонцы и молдаване вслух вопияли о том, что они будут защищать права своих соотечественников в России и для этого благого начинания готовы применить к Москве экономические санкции. Хотя грузинам, азербайджанцам и узбекам, по-моему, стоит отказаться от «Мишек на Севере» и московских калачей в знак протеста против режима московского апартеида.

Значит, проблемой соотечественников озабочены не русские, а «русскоязычные» «правозащитники». То есть советские люди, обвиняющие демократов и «националистов» в том, что «они развалили великую страну». Кого же они должны считать своими соотечественниками? Да все народы СССР подряд. Тех же латышей, эстонцев, украинцев, молдаван. Не одних только «русскоязычных». Но пролетарский интернационализм как-то очень быстро с них соскочил.

Так кто же соотечественники президента, мэра Лужкова и губернатора Аяцкова? Славяне? Блондины? Русские? Русскоязычные? А может быть, апатриды, которые не считают

своим домом ни Латвию, ни Молдову, ни Украину, ни Россию? Кем считают себя соотечественники (чьи, кстати?) в странах Балтии и СНГ? Если русскими и гражданами России, то почему они не едут домой? Почему живут в эмиграции? Да, в России никто не ждет, никто не даст подъемных. Но Россия сама бедна и несчастна. Тот, кто едет спасать Отечество, о выгоде не думает. Если же они считают себя гражданами Латвии, Молдовы, Украины и Эстонии, то откуда у них проблемы с языком и родством (не сегодняшним, а двадцатилетним) с теми, кто шел за этот язык, за эту независимость, за эту страну на плаху? Почему они жили 20, 30, 40 лет в этих странах как чужие, как колонисты среди неинтересных им туземцев? По какому праву?

И рождается нехорошее подозрение, что «соотечественники» — и в России, и за ее пределами — дружно ответили на референдуме «да» и являются гражданами затонувшей Атлантиды — СССР. Никакая контора на свете уже не может выдать туда документы... И мало того что «соотечественники» — понятие мифическое. Этот миф появляется на сцене всегда вовремя, а когда не нужен — скучает за кулисами.

Чтобы защитить права соотечественников в Узбекистане, Туркменистане, Грузии и Азербайджане, то есть государствах, где с правами человека такие нелады, что «Эмнести интернейшнл», «Human rights watch» и другие почтенные международные организации давно выдали им черную метку? Ни туркменоязычные, ни русскоязычные не смеют ничего пикнуть ни на каком языке против культа личности Туркменбаши. Мест в подвалах местной охраны хватает на всех. Это Москву не волнует. Волнует ее Латвия. И я, кажется, знаю почему. Пусть, положим, господин Улманис послушает ОБСЕ и мэра Лужкова. Завтра 700 000 левых, не считающих своей родиной Латвию и желающих жить в советской Латвии, проголосуют за Рубикса*. Будет наша ситуация кануна сентября 1993 года. То есть гражданская война. А там, как в 1940 году, какая-нибудь фракция парламента обратится к РФ за помощью.

Что дальше? Аншлюс? Ввод ограниченного воинского контингента? Ковровые (или точечные, что одно и то же) бомбардировки Риги? Здешние «соотечественники» уверены,

* Г.Улманис — президент Латвии с 1993 г., А.Рубикс — глава Социалистической партии Латвии.

что нам это позволят? С НАТО будем воевать? И кто окажется в экономической блокаде?

Получается, что когда вспоминают о «соотечественниках», хотят сделать кому-то пакость. И делают. «Соотечественникам» — в первую голову. Они-то в Грозном как раз и погибли под бомбами задолго до чеченских «боевиков».

Результаты защиты соотечественников налицо: в России крепчает нацизм, у телевидения прорезаются сталинские нотки, трудящиеся на митингах клянутся в ненависти к врагам...

Вы не помните, какой исторический деятель начал с защиты судетских немцев? А главное, не припоминаете ли вы, чем они все кончили: он, Германия, судетские и несудетские немцы?

БИТВА В ПУТИ

«Новое время», №22, 7 июня

Полезно читать классику. Особенно когда речь идет о шахтерских забастовках. Один печальный эпизод описывает Ирвинг Стоун в своем романе о Ван Гоге «Жажда жизни». Молодой и пылкий Ван Гог, пастор, вернее, баптистский проповедник в Боринаже — шахтерском поселке в Бельгии, всячески поощряет забастовочный пыл несчастных голодных шахтеров и прокликает плутократов — хозяев шахты, выплачивающих рабочим жалкие гроши.

Каково же удивление будущего художника, когда он узнает, что повышение платы всего на несколько сантимов приведет к разорению этих самых плутократов, к закрытию шахт, к ликвидации всех рабочих мест в регионе, потому что пласты здесь такие бедные и лежат столь глубоко, что уголь добывать невыгодно. Ван Гог уходит из Боринажа и начинает учиться живописи. Шахтеры, чьи страдания только усугубила беспредметная забастовка, возвращаются в шахты.

Сюжет «Жерминаля», романа Золя, еще круче. Главный герой Этьен, начитавшись анархистских брошюр и нахватавшись социалистических идей, толкает шахтеров на забастовку, опять-таки ненавидя плутократов, требующих от шахтеров ставить крепления, соблюдать технику безопасности и выплачивающих мало денег. Начинается всеобщая забастовка. Владелец одной шахты, мсье Декелен, тут же разоряется.

Он больше никого не наймет. А ведь он честно предупреждал о таком исходе.

Но из Парижа является местный Зюганов-Плюшар. Он срочно всех принимает в профсоюз, и рабочие начинают громить шахты и силой принуждать еще работающих к забастовке, ломая клетки, чуть не угробив своих же товарищей. Местный Лимонов, некто Суварин, вообще устраивает диверсию. Обвал, им вызванный, убивает нескольких несчастных шахтеров.

Приходят войска, шахтеры под руководством Этьена забрасывают их кирпичами. Войска открывают огонь, многие убиты.

Шахтеры и их жены, потерявшие кормильцев, продавшие в ходе забастовки всё имущество, возвращаются в шахты. На ту же плату. Этьен удаляется в Париж для продолжения революционной деятельности. Вам это ничего не напоминает?

Похоже, что ни демократическая Франция, ни демократическая Бельгия не потерпели бы такой беспредел, и худо пришлось бы шахтерам-партизанам, а Этьен с Плюшаром, наконец, сели бы в тюрьму (ведь кто-то из шахтеров-соседей Этьена сел за него). Да и к тому же во Франции были куда более разумные порядки. Во французском парламенте не было многочисленной фракции Плюшара, не то что у нас, когда лидер фракции товарищ Зюганов собирает срочно пленум и приветствует массовые беспорядки. Генералы Французской республики не пошли бы на рельсы с призывом парализовать всю страну, как это сделал Лев Рохлин. У Суварина, выходца из России, не было возможности издавать официально и легально газету «Лимонка» с рецептами «Молотов-коктейля», как это делает Эдуард Лимонов. За такую газету, такой флаг и такую национал-большевистскую партию во Франции сразу бы повязали.

И, наконец, Этьен все-таки не мог выпускать газету «Завтра», как господин Проханов, который в «рельсовом» спецвыпуске на первой странице поместил крупным шрифтом такие призывы: «Сбросим режим в шахту!», «Ельцин — в Москве, Сухарто — в Джакарте!», «Гаечный ключ системы “Калашников”!».

Ну что, всё еще непонятно, почему у нас, именно у нас идут на рельсы? Экономика здесь ни при чем. В Англии

зарплату платили вовремя, однако шахтерам показалось мало. И вот одинокие старики замерзали от холода в своих домах. Но там в то время случилась «железная леди» — Маргарет Тэтчер. Она очень жестко всё это остановила. Были и аресты, и суды, и войска, и разгоны. Кажется, где-то даже стреляли в воздух.

Экономические законы отменить невозможно. Проще подавить массовые беспорядки с помощью армии. Проще и полезнее как для экономики, так и для идеи правового государства. Ведь если тебя обманули мошенники, как албанских вкладчиков, не стоит устраивать массовый пугачевский бунт, грабить и убивать. Не поможет. Так же, как огромные убытки, причиненные государству (а частных железных дорог у нас пока нет), то есть бюджету, никак не помогут бюджетникам, устраивающим пикники на рельсах, что-то с этого бюджета поиметь. Это, я думаю, ясно не только ежу, но и шахтерам. Ведь не сами же они это все придумали.

Вывод напрашивается сам собой: «Я это всё, конечно, понимаю как обострение классовой борьбы». Что же за классы в ней участвуют и кто ее так у нас заострил?

Закономерность первая: всё началось не до, а после утверждения в Думе Сергея Кириенко. Начнись это «до», президент точно не стал бы никому звонить, а назначил бы такого кандидата, что роспуск Думы стал бы неизбежен. И выиграл бы партию. Ибо, обезопасив себя, Дума занялась на досуге подрывной деятельностью.

Закономерность вторая: погода приличная, цветочки, травка, солнышко. Зимой, конечно, на рельсы идти никого не заставишь.

Закономерность третья: наш «конструктивный», заморенный Аман Тулеев где-то рядом с рельсами. Тенденция, однако.

А еще некоторые наивные депутаты (не из КПРФ: те в курсе) удивляются, что многочисленные наши разведчики из ФСБ ничего заранее не углядели. Углядели. Приглядели. «Но разведка доложила точно...»

Только не президенту. «Органы», как и прежде, работают на одну партию. На коммунистическую. Как и в 1991 году. Как в октябре 1993 года. Интересно, кто работает на демократическую власть, кроме Гайдара, Чубайса, части правительства (без силовиков и МИДа) и демократической

общественности? Наша «пятая колонна» так велика, что ее пора переименовывать и повышать до второго эшелона.

Я намеренно здесь не касаюсь экономических деталей. Сергей Кириенко — грамотный человек. Он и без нас знает, что нерентабельные шахты надо закрывать и создавать новые рабочие места.

Меня интересует другое. Кого из известных нам Плюшаров и Этьенов арестуют то ли по 267-й, то ли по 212-й статье? Зюганова? Рохлина? Et К°? Здесь и 267-я (перекрывание транспортных магистралей с убытками) и 212-я (массовые беспорядки) присутствуют в полной мере. И будет ли ФСБ искать «посредников» — между КПРФ и шахтерами? Тех, кто... Их еще Виктор Шендерович называет на выбор «Конь в пальто» или «Хрен в мантио» etc. Если всё кончится грозющим пальчиком, то не поручусь, что завтра «Дед Пихто» не вытащит не вовремя стержни из реактора АЭС, а «Лорд в авто» не утащит в забастком ядерную боеголовку. Был инцидент, когда в августе 1991 года некий адмирал флота заявил, что, если владивостокские власти не поддержат ГКЧП, он нанесет по городу ядерный удар.

Роман Шарля де Костера о Тиле Уленшпигеле кончается так: после победы революции Тиль испросил себе должность часового на башне на границе страны, чтобы враги свободы, испанцы, не могли подкрасться к Фландрии незаметно.

Мы стоим на этой башне семь лет. Мы смотрим, мы видим, мы стреляем из ракетниц. Но никто не принимает «разведданные», никто не слышит позывные «SOS»...

А НАД ГРОВОМ ВСТАЛИ МАРОДЕРЫ

«Новое время», №27

В России нельзя спокойно жить. Это общеизвестно. Всегда случаются какие-нибудь приключения на твою голову: глад, мор, трус, путч, импичмент, коллективизация, демократические выборы, революция, Большой террор.

В результате тебя расстреляют в том или ином подвале того или иного дома. В той или иной губернии. Неважно в какой. Юровских в России хватает на всех. Косы, скосившие 60 миллионов, еще не затупились. Серпы, чтобы сжать следующие миллионы, молотки и гвозди для гроба — всё наготове. Всегда наготове.

Жили люди. Давным-давно, в некотором царстве, в некотором государстве. Николай, Аликс, Алексей, Таня, Оля, Маша, Настенька. Занимались, в принципе, своими делами. Как леди Диана.

Плохо управляли страной. Распустили ее до невозможности. Хотели как лучше, писали Манифесты, даровали права и свободы, терпели парламент, одну войну на Востоке проиграли, другую, на Западе, почти выиграли. Мама увлекалась мистикой, за неимением уфологии и «X-files», папа любил кататься на коньках. Получилось как всегда.

Якобинцы когда-то в XVIII веке убивали всех по очереди: короля, королеву, сестру короля. Маленького Людовика XVII и его старшую сестру, дофину, убить не посмели, загубили пролетарским воспитанием у сапожника Симона.

Наши большевики решили прикончить сразу всех, и то, на чем споткнулись материальные якобинцы типа Марата и Робеспьера: дети, — их не остановило.

Якобинцы убивали открыто, на площади, готовые отвечать за свои злодеяния. И ответили, в конце концов.

Коммунисты убивали келейно, тайно. Крысы — они и есть крысы. Вечное подполье, от Разлива до подвалов ВЧК и НКВД. Они-то отвечать не хотели. И не ответили, кстати. Они убивали так, чтобы сегодня, через 80 лет, всё отрицать, даже делить на 12 сумму своих жертв, сваливать геноцид на евреев, латышских стрелков, китайцев, венгров. В России нельзя спокойно жить.

В России нельзя спокойно умереть. Обязательно надо было убивать детей на глазах у родителей. Промазать, а потом добивать штыками.

Не давать из принципиальных соображений своей жертве быстрой смерти — это и тактика и стратегия коммунистов. Сначала — бесконечное следствие с дикими пытками. И только потом — смерть. Почему коммунисты с нее не начинали? Если она все равно намечалась в конце...

Аликс, Николай, девочки и Алексей тоже ничего не избегли. Им считали каждый глоток свежего воздуха, каждое яйцо, каждый фунт сахара.

Они вволю наглопались унижений. Не надо быть монархистом, чтобы навеки возненавидеть коммунистов, читая книгу одного из тюремщиков, П.Быкова, о том, как они это делали, как угнетали и оскорбляли перед смертью этих

несчастных людей, виновных только в том, что из них не получилось тиранов, которые могли бы остановить грядущие кошмары кошмаром сегодняшним: превентивным насилием. И я понимаю того офицера, Бориса Коверду, который потом в Варшаве убил одного из палачей царской семьи, Войкова (станция метро его имени еще не переименована). Я сама бы его убила. Его и его коллег по ВЧК, ГПУ, НКВД...

Но это еще не всё. В России нельзя не только спокойно жить и спокойно умереть.

И после смерти в России не обрести покоя. Твои несчастные полуистлевшие кости разберут на части, дабы каждый губернатор имел свой музейный экспонат. Я бы попросила политических деятелей завещать свои останки губернатору Росселю: пусть хоть утешится в конце концов и заманивает туристов, но не за счет мучеников. С них хватит и так.

К тому же бедные истлевшие останки начнут допрашивать по примеру тех чекистов из анекдота, у которых мумия Рамзеса сама призналась и назвала имя, фамилию и ту разведку, на которую работала при жизни. Как будто кости могут быть самозванцами! Останки не претендуют ни на что: ни на престол, ни на реабилитацию, ни на рейтинг, ни на мандат, ни даже на канонизацию.

Не надо видеть в останках конкурентов. Если им чего-то и хотелось, то только немного жалости. Хотя бы после смерти. Раз при жизни не пожалели. Но жалости у нас нет.

С хорошим воспитанием и тактом тоже плохо дело. Мы же Пажеский корпус не кончали. Почему-то никто не сомневается в праве палачей. Они уютно лежат в Кремлевской стене и у Кремлевской стены, в Мавзолее и на Новодевичьем кладбище. А вот жертвам никак не дают успокоиться хоть где-то. В Петропавловском соборе, например. Да еще кого-то волновала табель о рангах: можно ли слуг хоронить рядом с царской семьей. Можно. Таких слуг — можно. Они отдали жизнь. Добровольно. Что и кому отдали сытые иерархи РПЦ, не вылезавшие из лимузинов и при коммунистах? Что там жизнь! Они ни денег, ни почестей, ни привилегий, ни власти не отдадут. И зря они требуют от мощей чудес: невыгодно им это. Ведь если бы начались чудеса, первым чудом было бы изгнание иерархов РПЦ из храма, как некогда изгнал оттуда торговцев Христос...

Сатанизмом отдает также весь спор о канонизации: достойна ли несчастная семья диплома на святость? Успокойтесь, господа: такие вопросы решаются не в Священном Синоде и не на земле. Есть же еще Бог. По крайней мере, должен быть для верующих. Не советской церкви решать этот вопрос. Они на погребение не пойдут? Эка новость! После призыва воевать в Чечне, после истории со Скорсезе, с куриными окорочками, с зарубежными конфессиями, с отцом Александром Менем мы давно знаем, что РПЦ — церковь хотя и православная, но не христианская. На месте президента я бы не стала гоняться за церковными чинами, а возглавила бы кортеж.

Вот так всё и кончается. Жертвы никому не нужны. Раз без знака ОТК. Без акцизной марки. Да, всё правильно. Их похоронили и оплакали те, кому было до них дело, люди их круга, их эпохи, их судьбы. Русские офицеры, адмирал Колчак, тот восторженный юноша из купринской повести «Юнкера». Тот юный поэт, который убил палача всего Петрограда Урицкого. Тот, кто стрелял в Войкова. Те, кто поднял оружие против большевиков. Поднял оружие и сложил голову.

От какого наследства мы отказываемся? От наследства гнева и скорби. От наследства непримиримости, ибо, как сказал один епископ из зарубежной русской церкви еще в 1930 году, призывая драться с большевиками: «Нет мира между Богом и Сатаной».

Так что пусть мертвые хоронят своих мертвецов. И не надо, не надо стоять у этого гроба после звонков Зюганову и орденов Селезневу. По крайней мере, новый Галич не напишет:

А над гробом встали мародеры
И несут почетный караул...

«РОССИЯ СЕЙЧАС ЗАРАЗНА, ДЕРЖИТЕСЬ ОТ НЕЕ ПОДАЛЬШЕ»

«Киевские ведомости», №179, 4 августа

— Какой реванш более вероятен в России — коммунистический или националистический?

— А это все равно. У нас тут помесь есть такая — красно-коричневые.

— Недавно, выступая на съезде гайдаровской партии «Демократический выбор России», вы заявили, что у России только два пути — «на Запад или в могилу».

— Да, именно так. У вас аналогичный выбор маршрутов.

— Сама Россия — это Запад или Восток?

— Россия двойственна, неоднородна. Она стоит на пяти традициях: Дикого поля, византийской, ордынской и европейской, распадающейся на скандинавскую и на славянскую. При этом последняя может считаться европейской с большой натяжкой. Она когда-то развивалась в Новгороде и Пскове, но недолго продержалась: возобладали московские тенденции. После Золотой Орды возникла Московская Орда. Это — наши корни, наша генетика.

Мы должны сбросить эту шкуру. Необходимо полностью перестроить сознание, поставить носителей азиатских традиций в такие условия, чтобы они просто вымерли. Выбор — либо на Запад, либо на Восток — но во втором случае Россия просто перестанет существовать.

— Насколько, на ваш взгляд, Украине удалось продвигнуться на западном направлении?

— Пока не удалось, потому что советскость не за границей, она — внутри вас. Слава Богу, на Украине коммунистов бьют, как было во Львове, когда они посмели выйти со своими медалями и разозлили руховцев. Жаль, что в Киеве не побили. Всюду их надо бить, когда они выходят — чтоб на улицу не смели показываться.

Но у вас есть еще недемонтированные памятники коммунистическим вождям. Кто сидит в парламенте? Что в Крыму творится? Вы знаете ответы на эти вопросы.

Поэтому ушли на Запад по-настоящему только страны Балтии. Теперь их можно вернуть только путем военной агрессии. Они удалились на очень приличное расстояние. Эстония вообще одной ногой в Евросоюзе. Немножко отстает от нее Латвия. В хвосте пока Литва — там в экономике сохраняется достаточно много социалистических рудиментов и атавизмов. Но на политическом уровне они все ушли — потому что меньше прожили в нашем лепрозории.

У вас же только у Западной Украины есть тяга в Европу, но Восточная Украина тащит страну на дно. Я даже кому-то из ваших политиков советовала отпустить Восточную Украину на все четыре стороны, пойти на раскол для того, чтобы построить цивилизованное западное государство. Никого не вгонишь в рай дубиной.

— **Как вы оцениваете реформаторские усилия двух Леонов — Кравчука и Кучмы?**

— Мне крайне не нравится прошлое ни Кучмы, ни Кравчука. Прошлое Чорновила куда привлекательнее выглядит. Впрочем, мне и прошлое Ельцина глубоко несимпатично.

Вопрос в том, насколько тот же Кучма оторвался от своего прошлого. Вроде бы по-украински пытается говорить, не знаю, правда, успешно ли.

Надо сказать, что Кравчуку и Кучме было легче проводить реформы: отсутствовала необходимость прибегать к такому мощному напору, как Ельцину, потому что у них имелась база для преобразований — Галиция. Всякому понятно, что попытка советской реставрации на Украине однозначно приведет к гражданской войне. Пусть только кто-нибудь попробует отнять независимость у Западной Украины и восстановить там коммунистические порядки! Украине есть на чем держаться. У нас в России нет такой территории свободы, поэтому Ельцину и понадобилась большая сила, чтобы ломать.

Если оценивать экономические результаты правления Кравчука и Кучмы, то реформы они забросили совершенно — даже от России отстать ухитрились. Это же до чего надо довести страну, чтобы украинцы снимались со своих богатейших черноземов и ехали на заработки в Россию!

Я не представляю, что знает Кучма про экономику, чему он учился. А своего Гайдара или Чубайса вам Бог не послал. Хотя Пинзеник был в правительстве — вроде бы правильные вещи советовал. Не хватает у вас реформаторов — хотя бы из Польши Бальцеровича выписали.

— **В 1992 году, когда Кучма стал премьером, в его окружении, кажется, обсуждалась идея о приглашении в Украину Григория Явлинского. Тем более что он родился и вырос во Львове и по-украински говорит определенно лучше самого Кучмы.**

— Избавь вас Бог от Явлинского. Он не специалист по реформам. Свое кредо он сформулировал так: надо сначала есть пирог, а потом его печь.

— **Как российская элита, по вашему ощущению, относится к независимости Украины?**

— Большинство ее представителей еще не совсем смирились с вашей независимостью. Очень хочется накричать.

Как же, «младшие» братья все разбежались, с другими договариваются, бунт на корабле! Имперские традиции дают о себе знать. России мало давали по рукам. Ее излечит только полная независимость колоний. Не надо у нее брать газ, не надо у нее брать нефть, не надо от нее зависеть ни в чем. Не стойте в позе просителей.

Что касается элиты, то Альберт Макашов не то что до Киева — до Будапешта хочет дойти. А он, между прочим, депутат парламента. Его никто не останавливает, хотя за такие высказывания место ему — на нарах.

Имейте в виду: если что-то у нас случится, Украина станет первой жертвой. Балтию еще спасет, может быть, заступничество НАТО. А Украину — нет. У вас слишком много внутренних врагов, мощная пятая колонна. Возьмут — и проведут референдум о присоединении. Есть кому это организовать — Бабурин недаром к вам ездил. Поэтому надо сначала избавиться от внутренних врагов, а потом разбираться с внешними.

Мы, российские демократы, против, чтобы нам бывшие колонии вешались на шею. Мы от Лукашенко пытаемся отбиться, отрываем его от себя — а он лезет. Откровенно говоря, хочется его так оттолкнуть, чтобы он на другую сторону Европы отлетел и даже перелетел через Атлантику. Нам никаких рабов не надо. Хватит!

— Как бы вы посоветовали Украине строить свои отношения с Россией?

— Россия сейчас заразна. Она очень сильно поражена империализмом. К ней опасно прикасаться. Рекомендовала бы Украине держаться подальше от нас, обзавестись добротной границей, хорошей армией. Желательно в НАТО вступить поскорее. Правда, с таким количеством коммунистов вас в альянс не примут.

Надо запретить компартию и соцпартию. Следует их сажать как врагов народа за государственную измену, за призывы к новому союзу и за шашни с российскими империалистами.

В отличие от последних, Украина не унесла в себе византийскую и ордынскую традиции. Украина сохранила во всей чистоте славянскую традицию — традицию Киевской Руси. С этим можно жить.

ДЕНЬ ДЕМОКРАТА

«Новое время», №33, 23 августа

Наши юбилеи и памятные даты под стать нашему аховому положению. То мы по осени отмечаем, испив примирения и закусив согласием, под музыкальный аккомпанемент диких и нечеловеческих коммунистических воплей, лозунгов, митингов и программ, 80 лет со дня переворота, устроенного одной партией, которую запретили за 6 лет до юбилея, и со дня установления профашистской диктатуры, потому что всё остальное — и Муссолини, и Гитлер, и Мао, и Пол Пот — было уже потом.

То мы празднуем столетие со дня основания РСДРП, ракеты-носителя для той самой большевистской структуры: ведь без съезда в Минске в 1898 году не было бы «Съезда победителей» 1934 года и не было бы всех остальных съездов, где злополучная КПСС отчитывалась за проделанную работу, складывая череп — к черепу, кость — к кости, считая братские могильники и обеспечив КГБ работой по реабилитации казненных аж до третьего тысячелетия.

Двадцать первого августа несчастная страна справит печальный юбилей своей давней и непростительной мерзости. 30 лет со дня введения войск в Чехословакию. (Интересно, будем ли мы отмечать тридцатилетия ввода войск в Афганистан и Чечню? Будут ли у нас юбилеи взятия Будапешта, вильнюсской телебашни, апрельского избиения демонстрантов в Тбилиси и танкового наступления на Баку в 1990 году?)

Этак ведь весь год можно расписать — от одного нашего злодеяния до другого. Ох, как хочется отдохнуть душой на чем-нибудь положительном! На семилетнем юбилее августовского путча и августовского обвала, или оползня, или селя. Здесь не ждите салюта и общевыходного дня. «Если вы знаете, где-то есть город, есть город, если вы помните, он не для всех, не для всех».

Семь лет — это совсем не много. Это предбанник истории. Тем не менее за эти семь лет те, кто мнил себя победителями, успели публично и прилюдно взвыть, что они на самом деле побежденные, отречься от своей победы и даже заготовить петлю для бывших товарищей по оружию, как это сделали не позднее 1993 года Хасбулатов, Руцкой и масса мелких перебежчиков. Это-то как раз традиционный расклад. У Ромула и Рема после основания

Рима на фундаменте Альбы Лонги тоже нехорошо вышло. Второй должен уйти. Это закон диктатуры. До третьего и не доходит.

У Гитлера и Рема № 2 вышло не лучше. После победы, кстати. А уж что вышло после победы у Сталина, Кирова, Троцкого, Бухарина и Каменева с Зиновьевым, про это, надеюсь, никто еще забыть не успел.

Двадцать второго августа — наш праздник, профессиональный. Все равно как 12 июня, День независимости. День шахтера, учителя, десантника. И День демократа. Который не так уж и нелогичен, душу свою полагая за народ, что пока еще не стало массовым явлением. Пели же постмодернисты в фильмах стиля ретро о Белом движении:

Вперед, господа офицеры!
Умрем, коли так суждено.
За Русь, за царя и за веру,
Хоть нет уже их никого.

По сравнению с ними мы просто богачи. У нас, по данным выборов 1995 года, чуть ли не набралось 4,5 % народа — либерального электората, сознательно голосовавшего за ДВР, за ПЭС, за либерализацию, приватизацию, декоммунизацию, фон Хайека, фон Мизеса, Гайдара и прочую экзотику. Следующая перепись народа состоится в 1999 году. А пока оставим кимвалы и арфы придворным музыкантам, если таковые еще остались при дворе, если они еще не все перебрались в труппы то ли к олигархам, то ли к коммунистам, то ли к крепким хозяйственникам, нуждающимся в музыкальном обеспечении их антреприз как на белорусском, так и на латвийско-севастопольском направлениях. А сами подумаем: то ли режим завалился, то ли его кто-то завалил. Вот у нас в Москве, скажем, бывшая Пушкинская улица провалилась. Потому что стояла над пропастью, над пустотой. Яму зарыли, но пустота осталась.

Собственно, СССР тоже стоял над очень глубокой ямой и при первой же возможности с чувством глубокого облегчения в нее ухнул. Беда в том, что жизнь продолжается даже в яме в отличие от театра, который здесь непременно опустился бы занавес. А жизнь перманентна, почище всякой революции. До катастроф и после. И даже во время.

В августе 1991-го, еще до ГКЧП, перестройка издыхала. Мне это было видно из Лефортовской тюрьмы лучше, чем кому бы то ни было. Какой парадокс! Горбачев терпел пять лет и стал он в конечном итоге сажать тех, кого сам же выпускал в 1986—1987 годах. Мы оказались неблагодарными и, развернув фантик пустышки, требовали настоящую конфету. Правда, требовали вещей недорогих и несъедобных. Прав, свобод. Хотя бы на уровне США. Ликвидации СССР. Всего-то! Зрелищ, а не хлеба. С нами и святой потерял бы терпение. Республики расползались, как раки. Страны Балтии было уже не остановить даже танками. Прочие хотели колбасы с чесноком, но им-то казалось, что их колбасу съели москали. Немногие знали, в отличие от многих. Они-то и рыли подкоп под Кремль, вдохновенно и артистично. Многие рассчитывали, что из подкопа появится колбаса. Михаил Сергеевич, дергая за вожжи, кричал: «Тпру!» Он понял, что птицу-тройку сильно занесло, что она может сойти с социалистического шляха. Это сейчас он дописал красивую легенду, где он — Штирлиц под колпаком у Мюллера — КПСС, что он в абвер-то был внедрен, что он получал шифровки из демократического Центра, а потом стал Шильонским узником в Форосе. Ну что ж, умение придумать правильную легенду свидетельствует о частичном хотя бы исправлении. Пусть будет так, хотя это было и не так.

ГКЧП — это был бес нерешительности, двойственности, отрывка перестройки. Вильнюс, Баку, Тбилиси, Звартноц — всё это вернулось к истокам, к Белому дому, к Кремлю вместе с танками, сапогами, автоматами, гарью и лающими приказами на тоталитарном языке. Конец света наступал не в Литве, а гораздо ближе. У страны мало что было за душой. До нее только 19 августа дошло, что ничего нельзя делать наполовину. Всё — или ничего. У страны было несколько горстей соли земли: в Москве, в Питере, в Омске, во Владивостоке, в Казани. Горсточка тех, кто был не зван, но избран, выходили на площади, не зная, доживут ли до вечера.

Могли бы не дожидаться. Если бы вопрос решали Шенин, Бакланов или Варенников, мог бы получиться Тяньаньмэнь. А Запад в конце концов смиряется с Тяньаньмэньми и даже присутствует там на парадах.

Но победа — это еще и везение. Пан — или пропал. Пропали они. Вот здесь бы и просыпаться манне небесной пополам с малиновым вареньем. Отнюдь! Мы же не избранный народ. И нет миражей над Евразией. Но пока хотя бы один человек в РФ отмечает День демократа, наша песенка до конца не спета.

КРАСИВЫЕ ОСЕНЕВРИ

«Демократический выбор»*, №34 (110), 27 августа

Андрей Вознесенский, наверное, в силу своего поэтического устремления к горным высям никогда не предполагал, что в незабвенные шестидесятые, такие бездумные и блаженно-оптимистические, пока палачи перекуривали на солнышке оттепели, а жертвы прыгали вокруг них молодыми козлятами, ему суждено будет написать портрет российской Реформации, такой же чахоточный и бесплодный, как та страна, которая в XVI веке была беременна реформами, но так и не смогла выносить ничего, кроме краха, пшика и восхитительных мыльных пузырей.

Стихотворение было обворожительное. Его пели хором таганские актеры в «Антимирах». Начало классическое. «Стоял январь, не то февраль, какой-то чертовый зимарь». Это-то константа. «На смену декаблям приходят январь». И здесь Булат Окуджава не противоречит своему младшему брату. Да и Тютчев присоединяется, говоря о «вечном полюсе», «вековой громаде льдов» и «железной грозе». Это та печка, от которой ковыляют наши реформы. И вот, эти реформы, эта жуткая, как и положено ей быть при столь застарелом недуге, шоковая терапия пополам с вивисекцией облекается слабыми умами восторженных масс, робким правительством (если оно не гайдаровское) и очередными прорабами очередной перестройки в радужные фальшивые покровы, конфетные обертки, сиропные тона. «Летят вдали красивые осеневри». Осень у нас традиционно считается порой великих надежд и неизменно оборачивается в эпоху великих провалов. Небось, в 1917 году, в октябре, у таких идеалистов, как Блок и Шалапин, тоже осеневри

* Газета объединенных демократов.

перед очами летали. Тоже ведь надеялись, красные банты прикалывали.

Август 1991-го. Великий почин, массовый энтузиазм, народный экстаз. Сколько понадобилось на то, чтобы эти самые массы взвыли от гайдаровской либерализации и от-реклись от свободы?

1993 год. Кажется, осенебри по новой. Конституция, десоветизация, закрытие коммуно-фашистских газет. Сколько было сроку до победы Жириновского и амнистии гэкачепистам первого и второго созывов?

Осенебри летают недолго. Конец всегда один: «Но если наземь упадут, их человолки загрызут». Сколько было этих падений и этих волков?

1956 год. Без Сталина — но в Будапеште.

1968 год (опять, кстати, осень, конец августа, когда облетели все пражские осенебри).

1992-й, 1994 год. Чеченская война, когда грачевско-барсуковские человолки позавтракали нашими осенеблями.

И вот наступает очередная осень, и все мыльные и радужные осенебри насчет того, что кризиса нет, а МВФ выставит нам бочку «зеленых» и девальвация нам не грозит, и мы уже одной ногой в семерке (а другой, похоже, в могиле), рассеялись, как сон, как утренний туман, грянулись оземь, и наступает время человолков, которые лязгают зубами практически со всех каналов, кроме РТР, из Совета Федерации, из окон Госдумы, с рельсов, из колхозов, из осиротевшей оборонки.

Осень — время сбора урожая. Это, очевидно, понимал и Борис Федоров, пытаясь сдать до последнего в закрома Родины всё то, что он не получит, а получил с помощью своих налоговых продотрядов по подразверстке с кулаков, середняков и подкулачников. Правда, подобные антикризисные меры в начале 20-х годов уже привели к кронштадтскому и тамбовскому восстаниям, и даже до Ленина дошло, что богатых надо терпеть, хотя бы временно. А не составлять на них проскрипционные списки. Боюсь, что Борис Федоров принадлежит к тем левым коммунистам, которые не приняли НЭПа и требовали перманентной революции до победного конца. Уж не являлся ли глава налогового ведомства в правительстве Кириенко скрытым троцкистом? По крайней мере,

из лона младореформаторского правительства неслись либо вполне социалистические угрозы в адрес тех, кто будет заниматься спекуляцией и саботажем в обменных пунктах и банках, а также за прилавками, взимая за свои товары и баксы реальный рублевый эквивалент, а не суммы, спущенные сверху по разнарядке, либо типичные для наших дворов и переулков предложения «скинуться на три процента», «пустить шапку по кругу», что сильно напоминает уровень встреч «на троих» или знаменитые государственные займы 30-х годов. Еще немного, и ньюлибералы, не спросившись у Гайдара и Чубайса, вывесили бы лозунг: «Подавая государству, ты подаешь Богу» — и просили бы сдавать золото и драгоценности, как в Южной Корее, которая, видимо, в порядке культурного обмена усвоила кое-какие замашки Северной.

Что-то от Егора Гайдара никто не слышал ни такой лексики, ни таких предложений. Новое правительство начинало воскрешать в памяти строчки Тургенева о либералах, своими замашками напоминающих квартального надзирателя.

Всю зиму, всю весну и всё лето власти курили трубку мира с коммунистами, региональными феодалами, олигархами, фашистами и прочими почтенными людьми, не делая никаких реформ, дабы не огорчать таких оппонентов, как Зюганов и Кондратенко, и присущий им электорат. Реформы-де могут вызвать социальный взрыв. Этой осенью у нас будет возможность установить эмпирическим путем, что же вызывает отсутствие реформ.

Но, несмотря на суровую осеннюю реальность, вокруг нас продолжают летать какие-то летние клочки осенебрей. Мы слышим и торжествуем: оказывается, усушка и утруска рубля на 50 % не означают его девальвации. Видимо, коридор ему расширили просто в порядке евроремонта. Бывает. Слышали. «Война — это мир». «Ложь — это правда». Новояз и двоемыслие быстро вошли в либеральный правительственный обиход. Наверное, с подачи рейхсминистра Маслюкова, обучавшегося этим языкам в высших эшелонах Госплана. Заодно либеральное правительство намерено было защищать родные сосиски, взимая тройную пошлину с иностранных, и собирается брать штрафы за русофобию с иномарок. Видимо, Бориса Немцова не оставила до конца надежда высадить население из нормальных иностранных

машин и всадить его в отечественные калоши. А Яков Уринсон, оказывается, в экономике не разбирается. Он — теоретик, а стране практики нужны. А такой примерно практики требовал мольеровский Гарпагон от своего повара Жака, уверяя его, что нетрудно приготовить хороший обед при наличии денег, а вот без денег такой обед подать — и впрямь искусство. Ну что ж, ни Евгений Ясин, ни Яков Уринсон, ни Егор Гайдар, ни Анатолий Чубайс и впрямь здесь не пригодятся. Такие виртуальные обеды могут состряпать только Сергей Мавроди и выходцы из Госплана.

Кто курит всё лето напролет трубку мира с вождями недружественных социалистических племен, тот осенью вылетает в трубу, и не в газпромовскую, а в самую настоящую. А еще говорят, что инфляции не будет! Да мы по горло в инфляции: инфляции либеральной идеи, инфляции воли, инфляции достоинства и самоуважения.

У правительства нет мужества обратиться к богатым, среднему классу и идейным сторонникам реформ и попросить скинуться на войска и ОМОН для подавления социального взрыва. Социального взрыва бояться — по реформы не ходить. А мы по реформам ходим с советским лукошком, обвешанные социалкой, закутаные во взаимное вранье. Мы даже не сможем сказать, подобно Франциску I: всё потеряно, кроме чести. Потому что сначала мы пожертвовали честью: за тем столом, где президент пил чай с коммунистами и фашистами из Думы, перед нетронутым Мавзолеем, на бланках поздравительных телеграмм, посланных съезду ЛДПР. А теперь мы потеряем всё. Когда реформы заморожены и веет холодом очередного застоя, тогда осень может быть очень горячей.

К мельтешению осенебрей принадлежит и наша манера изменять порядок слагаемых не в ущерб сумме, то есть сначала — шило, а потом — мыло, а после — снова шило. То есть Черномырдин — Кириенко — Черномырдин, но с понижением, то есть с ухудшением, потому что раньше Виктор Степанович о коалиционном правительстве не говорил, и не Зюганов и Селезнев ему кабинет набирали, как на этот раз. Словом, всё ниже, всё ниже, всё ниже стремим мы полет наших птиц. То есть осенебрей. Человолки на подхвате.

Конечно, Кириенко виноват в том, что пытался говорить на языке человолков, но боюсь, что у Черномырдина это еще лучше получится. Стаж больше.

А либералов всё меньше. Прямо-таки листопад. И все говорят, что остаются в команде. Какой? Корабль плывет явно не туда. Не на Запад.

Словом, правительство приходит и уходит, как осенебри. А кризисы, человолки, крахи, банкротство и концы света остаются. Вместо реформ. Потому что свято место пусто не бывает.

ЗАВТРА УМИРАЕТ СЕГОДНЯ

«Демократический выбор», №36 (112), 10 сентября

Если ельцинская Россия — это какая-то побочная, незаконная, отвергаемая самой природой ветвь эволюции, то постельцинская Россия явит миру классический вариант деградации, быстрой, гладкой, безошибочной, с ускорением в 3g, по ровненькой, накатанной за 80 лет дорожке, по наезженной колее. То, что с 1991 года происходит в России, — это онтологический и даже космический процесс. Бракованное изделие на этот раз могут увидеть даже палеонтологи, которые обычно получают представление только о готовой, конечной зверюге, нимало не заботясь о том, сколько негодных, нежизнеспособных вариантов матушке-природе пришлось отбросить в процессе естественного отбора за ненадобностью. Этого видеть смертному не дано. Сколько же уродов, страшилищ и полуфабрикатов было отброшено, прежде чем появилась приматная особь, способная грамотно эволюционировать в *Homo sapiens*! К счастью, мы этого не видели. Нам никогда не показывают половину работы.

С государствами не так. Если государство неспособно эволюционировать, мир присутствует при этом, и мир сильно тошнит.

Россия явила собой при фактически полностью свободном и нестесненном порядке вещей такую никчемность сразу и правительства, и народа, такое нежелание стоять на собственных ногах и такое агрессивное стремление обратно — в клетку, к будке, ошейнику и миске, — что дала все основания серьезнее взглянуть на мемуары социалиста Чернышевского. Социальную часть его наследия вместе с Верой Павловной и ее снами можно сразу выбрасывать на помойку, а вот иные политические высказывания можно

цитировать. «Страна рабов, снизу доверху — одни рабы», — ведь это Чернышевский сказал. Это итог очередной попытки искусственной эволюции, то есть очередной вестернизации России, и то, что 3—4 процента народа эволюционировали очень удачно и могли бы удивить мир, только делает ситуацию еще более трагичной, потому что по ту сторону эволюции эти 3—4 процента ожидает не свободное развитие и не снижение налогов, а палач, топор и плаха; а берег, на который они выбрались через все ледоходы, цунами и тайфуны перестройки, станет их последним берегом.

Всё окончится на первом и последнем берегу. И чем слабее Ельцин, чем больше выдыхается его мужество, тем прозрачнее развязка.

Собственно, в русской истории эта ситуация уже была. Николаевская Россия — постниколаевская Россия, если иметь в виду последнего царя. Исторические примеры хороши тем, что дают промоделировать ситуацию. Давайте сопоставим николаевскую перестройку — и ельцинскую перестройку. Ельцинская окажется глубже, размашистее, доверчивее. Но суть одна. Николай II — человек слабый и деликатный, ложно понявший христианство как единственно магически-византийский вариант, вариант слабого, пассивного Добра, уклонения от поступка, вызывающего нарекания, боязнь борьбы и кровопролития, боязнь конфронтации и конфликта. Словом, монастырь, схима, узилище, христианская любовь к взбесившимся матросам или к шарлатану и экстрасенсу Распутину, а далее — отречение, ссылка, Ипатьевский подвал.

Сначала «маленькая победоносная война» (у Николая — с Японией, у Ельцина — с Чечней). Война немотивированная, с расистской подоплекой. (Помните «желтолицых чертей» из патриотической песни «Варяг»? Это о японцах. Потом этот куплет замяли, поскольку невозможно же иметь дипломатические отношения с этими самыми японцами и обзывать их «желтолицыми чертями».) Про чеченскую войну я уж и не говорю. Нацизм чистой воды. Демократические вроде бы журналисты и писатели договорились до того, что чеченцы морально и интеллектуально неполноценны. Только что термин «недочеловеки» из гитлеровского обихода не был употреблен.

Результаты обеих «маленьких победоносных войн» известны. Позор, поражение, явленная всему миру никчемность российской армии, а в ельцинском случае — еще и моральная дискредитация власти, причем как у сторонников (демократов-западников), так и у противников (коммунистов и национал-патриотов). Одни вопиют, что чеченцев били, другие — зачем их не доби́ли.

Итак, нравственная опора из-под ельцинской России была выбита в декабре 1994 года. С николаевской Россией это случилось после 9 января 1905 года. Поражение плюс маленький расстрел. И тут власть решила дать всем волю и за полгода довела дело до московского вооруженного восстания, до баррикад, до терактов, до боевиков в центре России. Не чеченских — русских боевиков, будущих красных бригадников. Когда колеблется власть, это не лечится манифестами. И начав с расстрела толпы, более или менее кроткой, не продолжают сюсюканьем и поглаживанием по головке по адресу куда более агрессивных толп революционных погромщиков.

Дело в том, что Россия — увы, не Европа. Умеренность, такт, здравый смысл, умение остановиться на полпути не принадлежат к числу ни ее пороков, ни ее добродетелей. Она ни в чем не ведает меры: ни в добре, ни в зле. И поэтому предоставленный сам себе народ, который перестает контролировать власть, доходит до полной аннигиляции, то есть до погрома и разинско-пугачевских эксцессов. А предоставленная самой себе власть стремится к диктатуре.

Единственный контролер, которого могла признать российская власть, — это Запад, единый, жесткий и готовый за свой план Маршалла навязать России цивилизованные формы капитализма и общества, открытого для либералов и западных сил и закрытого для левых и реставрационно-имперских сил и тенденций.

Но Запад не един и не может избавиться даже от выпадов Франции по адресу США. К тому же Запад никогда не был способен понять, что если в Чехии, Венгрии и Польше парламентаризм, либерализм и гражданские свободы — вещи исконные, привычные и органичные (поэтому для их возвращения достаточно было убрать военный прессинг СССР), то в России эти добродетели не органичны и чужды большинству народа, лишенному к тому же 70-ю годами коммунизма остатков самостоятельности, трудолюбия

и человеческого достоинства. Поэтому снятие насилия со стороны коммунистов к тотальному возрождению народа привести не могло. Нужно было снять насилие только для тех, кто в нем нуждался, — для сил, которые традиционно голосуют за Гайдара, Бороваго, а иногда — даже за меня и «Демократический Союз», то есть за силу, соединяющую импульс либерализма по Бальцеровичу, Клаусу и Мазовецкому с моральной ориентацией Гавела и в то же время с агрессией и задором, направленными против собственного империализма и коммунизма на уровне Леха Валенсы, «Конфедерации независимой Польши» и тех венгерских повстанцев, которые громили коммунистов в 1956-м, не брезгуя, по-моему, и фонарями. Правда, «Демократический Союз» не предлагает суда Линча для КПРФ и РНЕ, но запрет коммунистической и националистической деятельности и Нюрнбергский процесс над коммунизмом (без виселиц, но с оргвыводами в виде люстраций) закреплён у нас на программном уровне.

Если для Восточной Европы социал-демократия — это просто повышение темпов инфляции, стагнация, проедание доходов, жизнь взаймы и в кредит, то есть, как любит говорить социал-демократ Григорий Явлинский, поедание пирога, испеченного (и заработанного!) либералами, то для обломовской, провалявшейся 70 лет на боку (неважно, что в концлагере или в бараке, главное, что и там, и здесь весь труд заключался в том, что воду активно толкли в ступе или носили ее в решете — с соответственными и соответствующими результатами) России и проедание еще не испеченного пирога (по предложению того же Явлинского), то есть социал-демократия на марше — это уже полный экономический коллапс, а значит, «русский бунт, безжалостный, бессмысленный и беспощадный».

Коллапс мог бы умериться экспортом сырья, но при страшном избытке ресурсов мы настолько бесхозяйственны и ленивы, что когда нефть нельзя черпать просто тазиком, производство и добыча ее уходят за грань рентабельности. К тому же Россия велика, и в ней живут 150 миллионов человек. Прибыль от ресурсов, поделенная на всех, при нашей гигантской и мерзлой территории и довольно-таки многочисленном и не желающем работать населении никогда не сможет нас прокормить. Россия — не крохотный и малонаселенный Кувейт. Поэтому иждивенчество,

которое и является сутью социал-демократии, неудачно камуфлируемой пошлостями и банальностями насчет «социального государства», «рынка, ориентированного социально» (!), солидаризма и прочего, Россию приведет к тому, что пассивная часть населения начнет вымирать от голода и устроит такое, что пугачевский бунт покажется нам пикником бойскаутов.

Итак, Николай II, слабый и тщеславный властитель, стал гуманистом не ко времени. Московское вооруженное восстание 1905 года, баркашовские боевики и баррикады на Смоленской площади — как прямое следствие того, что не добились гадину («левую гадину!») — было не первым прецедентом такого рода, а третьим и, боюсь, не последним.

Первый прецедент — это 1905 год. Те же причины: слабость власти, распушенность народа, безответственность интеллигенции. Опять-таки «левая гадина». Кое-как подавили. Трепов, кстати, подавлял, опричник самодержавия, в которого стреляла Верочка Засулич (слава Богу, не на смерть, а то страна погибла бы на 12 лет раньше). И опричники бывают полезны, в отличие от социалистов, которые не бывают полезны нигде, никому и никогда.

Второй раз рвануло в 1917 году. Опять слабость власти, опять «левая гадина». И опять лишняя война с расистским уклоном. Зачем понадобилось лезть защищать славянских братьев на Балканах, гори они синим пламенем? Зачем воевать за Босфор и Дарданеллы? Зачем давать народу в руки оружие при наличии такой партии, как РСДРП? Свобода в России слишком скоро превращается в беспредел. Левый беспредел. Черносотенный беспредел. А интеллигенты или возглавляют беспредел, как Троцкий, Ленин, Бухарин, Анпилов и Бабурин, или лезут под кровать от ужаса, как это сделали кадеты и Керенский.

Попытка вручить политические права всем без исключения привела в 1906 году к тому, что составы двух первых Государственных Дум были такими же, как сегодняшний состав ГД образца 1998 года. Маньяки, экстремисты, фашисты, коммунисты, национал-социалисты. Конвент. Слава Богу, тогда, в 1906 году, нашелся Столыпин. Он обезвредил левых надолго, не уговаривая, но вешая за теракты и погромы. При этом он был западником и либералом, но понимал, что России нужно разумное авторитарное правление,

которое даст свободу либеральным всходам и выполет сорняки левого экстремизма.

Смерть Столыпина, соединявшего беспощадную твердость с либеральными тенденциями (таким был де Голль, таков генерал Рамос на Филиппинах, такую роль готовы сыграть и Гайдар с Чубайсом, да им не дают), погубила страну. Сегодня вешать никого не нужно, но запретить следует многое. Однако на то, чтобы избирательно запрещать, нужны мозги и твердость. А у кого в России есть и то и другое, да еще и власть в придачу? У Гайдара и Чубайса есть мозги и есть твердость, но нет власти. У Ельцина еще есть власть, но уже нет твердости, а с пониманием ситуации и того хуже, а спросить не у кого: Гайдара и Чубайса он прогнал, а лакеи и клеветы способны только кланяться.

Итак, Борис Ельцин повторил ошибку царского Манифеста от 1905 года: дал свободу всем, пустил на выборы всех, в том числе и фашистов, и коммунистов. То есть позволил избирателям встать на голову. Они немедленно и встали. Дать детям в руки спички и канистру с бензином — это ведь не свобода, а идиотизм. И провокация в мировом масштабе, потому что наша канистра — с термоядерным зарядом.

Гражданский уровень развития России сейчас едва достигает соответствующего уровня развития Великобритании XVIII века и Франции — XIX века (1820—1840 годов). При этом берите не города, а глухие деревушки.

На Западе даже не представляют себе, какой глубокий, резкий, смертельный, метафизический уровень реформ требовался для России. Куда глубже, чем для Восточной Европы. Надо было перевернуть всё вверх дном. Не оставить от прежней жизни камня на камне. Нужна была революция, и отнюдь не бархатная. Предполагать, что можно провести такие онтологические реформы по добровольному соглашению с населением, гнившим 75 лет на большевистской каторге и в конце концов полюбившим свои цепи, — по меньшей мере наивно.

Демократические институты ельцинской России — это пистолет со взведенным курком, приставленный к виску. К виску страны, либеральных реформ, Гайдара, Чубайса, западников, либералов, журналистов демократических изданий, членов демократических партий. Уход Ельцина

спустит курок. Выстрел прозвучит. Боевой патрон или холостой ждет нас в 2000 году? Никто не знает. Русская рулетка. Одно известно доподлинно: 80 % патронов в нашем пистолете — боевые.

Ельцин — слабый, непоследовательный властитель; демократ там, где нужно быть автократом; монарх там, где нужно быть демократом. Он любит лести, держит при себе придворных, даже холопов. Он не западник, хотя пытается пройти в Европу: на красный свет, без спроса, топчет газоны.

Но при этом он добр. Он не палач. Непонятно, как он мог влезть в чеченскую историю. Видимо, был дезинформирован настолько, что не понимал, что идет по трупам чеченцев — достойных и свободных людей. Однако нас, письменно и публично назвавших его убийцей и военным преступником, он не тронул. Значит, признал косвенную нашу правоту. Он искренне и неуклюже любит свободу слова, печати, митингов. Страна стоит на ушах, пресса ходит на голове, оппозиция сравнивает его с Нероном, Сатаной, вампиром — он терпит всё. Он честен и не возьмет себе ни нитки из казны. У него нет состояния, счета в заграничном банке, машина (личная) — и та подержанная.

Здесь он повторяет Петра I: тот тоже ничего себе не взял и был бессребреником. Петр был сильнее Ельцина, ибо власть его была абсолютна и легитимна по традиции. Россияне в XVII—XVIII веках царям перечить не умели. К тому же Петр был чудовищно жесток. Ельцин так не может. Из русских властителей после Федора Иоанновича и Александра I он, похоже, добрее и мягче всех. Он был способен на авантюры, на отчаянный риск. Этим и тащил страну за шиворот по пути реформ. Сейчас он устал, ослабел и отчаялся. Он не сумел принять то, что принял «Демократический Союз»: либеральные реформы в России и горящий Белый дом нерасторжимы; расстрел Верховного Совета — это не случайность, не несчастный случай. Это необходимость. Это надо делать. С этим надо жить. Он стал договариваться с врагами (коммунистами и нацистами). А в России враги, видя такую слабость и трусость, лезут на рожон и добивают. В России реформы — это поле боя. Консенсус невозможен, потому что страна должна вылезти из своей советской и евразийской шкуры, изменить цивилизованную формулу, умереть, как Совдепия или Российская империя, и воскреснуть, как Европа. Сжечь всё,

чему поклонялась, и поклониться всему, что сжигала. Посыпать голову пеплом, признать свою историческую неправоту в семь веков. Признать свои идеалы и истины заблуждениями. Смиренно просить Запад о научном руководстве всеми ее делами и начинаниями. Просить прощения у всех своих жертв: за 1968 год, за 1956-й, за свои танки, за свое хамство, за свои войска, за 1830-й, за разделы Польши, за 1863-й... Россия должна стать скромной, должна сесть за парту. Благодарить Запад за замечания. Она должна научиться работать, жить по средствам, экономить, не тянуть руку за подаванием. Сейчас Россия — невоспитанная, грязная нищенка, злобная и неумная, потому что такое поведение не вызывает притока благодетелей. Россия должна понять, что ее история — это история болезни и преступления. Она должна принять исторические наказания и покаяния.

И вы будете утверждать, что подобную работу страна может проделать над собой, как святой Франциск, без иностранной оккупации, без насилия реформаторской части общества над теми, кто коснеет в заблуждении насчет своей правоты? Такого в истории не было. Ельцин и не понял этой исторической задачи, и не способен настоять на ней. Он умеет миловать, но не умеет карать. В том числе и себя покарать он не в состоянии: ни за Чечню, ни за коммунистическое прошлое. Он щадит зло в себе и других. Отсюда его постоянные компромиссы и отступления.

Память о 1993 годе удерживает силы реакции от попыток реставрировать столь любезное их сердцу советское прошлое. У них еще не прошел страх. Они помнят танки и огонь в окнах, трассеры пуль у Останкино и на Арбате. Ельцин способен гневаться и убивать врагов. Они еще верят в то, что он может снова пойти на это. Мы не верим, но врагам, естественно, об этом не говорим. Идет ползучая реставрация: легитимная, по воле народной, конституционным путем. Народ выбирает коммунистов, фашистов, мафиози, бандитов. Народ России сейчас недееспособен и невменяем политически. Он голосует за свою гибель и готов вешать тех, кто пытается его спасти: Чубайса, Гайдара, ДВР, «Демократический Союз», МВФ, Сороса, бизнесменов...

Но отречение еще более слабого и никчемного властителя — Николая II — век назад вызвало катаклизм, Конец

Света, ледоход. То же будет и теперь. Ельцин — последняя печать на колоде бездны, где ждут демоны зла и деструкции.

Президент России напрасно кокетничает, то обещая назначить преемника, то заявляя о том, что ни за что не будет баллотироваться. Гайдара или Чубайса можно действительно только назначить, но никак уж не избрать, а больше никто не сочетает либеральные идеи с достаточной силой духа и железной волей «Россию вздернуть на дыбы». Эти два лидера соединяют дарование Хайека, Бальцеревича или Клауса с решимостью Франко, Пиночета или Столыпина, но они гораздо цивилизованнее и в большей степени западники и русские интеллигенты (однако не Обломовы и не мямли). Федерико Гарсию Лорку при них бы не расстреляли, стадионов и пыток не было бы, да и без столыпинских трибуналов они бы обошлись. Однако путь в прошлое был бы закрыт, и у его двери стояла бы стража. Коммунисты и фашисты были бы загнаны в подполье. Реформы помчались бы, как «Боинг-707». Народ стал бы лихорадочно работать, потому что альтернатива была бы одна: голодная смерть.

Но избрать таких президентов могут от силы 4 % жителей России. Ведь ни Франко, ни Пиночет, ни Столыпин тоже не были избраны, так же, впрочем, как и Кромвель или Юлий Цезарь. Одна только Чехия который раз избирает Гавела... Но Гавел — европейский лидер, и я не знаю, что бы он делал в октябре 1993 года. Стал бы ли он, драматург и правозащитник, пачкать руки в крови и губить свою бессмертную душу? Не говоря уж о добром имени.

Даже Джефферсон, Мэдисон и Патрик Генри, наверное, отступили бы перед тем, что нам предстоит делать в России. Наши реформы — это не косметическая операция и даже не пластическая. Это вивисекция. Но бросить скальпель и выбежать вон — это не гуманизм, а отступничество. Тем более что для 10—12 % россиян уже нет возврата к прошлому. Они уже не смогут жить в прежней России, они ненавидимы реакционерами, и в случае реставрации они обречены на смерть. Пожалеть совков — значит убить тех, кто уже не совок, а европеец.

Поэтому в преемнике Ельцина важнее всего один тест: способен ли он на силовое подавление противников реформ? Отречется ли он, как Николай II? Бежит ли за границу, как Керенский, или будет драться, как Корнилов?

Позволить уйти Борису Ельцину — это значит сбросить все засовы и открыть дверь красно-коричневым. Если Ельцин умрет, не приведи Бог, или уйдет от власти, его уход откупорит бутылку, где сидит злобный джинн.

Впрочем, всё это совершенно невероятно, если предположить, что в России — демократия. Но не надо предполагать. Тогда всё станет на свои места.

Ельцин — монарх, которого выбрали на Земском соборе. А престол в России колебать опасно. В 1917 году уже попробовали было завести себе республику, и всё кончилось «Чевенгуром» и «Котлованом» (две вещи Андрея Платонова, которые хоть сколько-нибудь объясняют, что происходило в 20-е и 30—50-е годы). Тем более что с наследником дело плохо. Ельцин в силу новых демократических наклеек на старые авторитарные сосуды не создал и не мог создать династии. У Николая II хоть были в резерве царевич Алексей и брат Михаил. И то не помогло. Стоило встать на минутку с трона, как его унесло половодьем бунта.

Ельцин, кстати, еще год назад понимал, что у нас за система. Поэтому потребовал себе полномочия обратно прямо на операционном столе, когда еще не хватало сил встать. Поступок мужественный и правильный: в России нельзя никому оставлять власть. Плохо положишь — и сразу заберут. Нет конституционных традиций, нет инстинкта государственного самосохранения, нет права. Есть ветер, и анархия, и рабство, и Дикое чистое поле, и бешеная скачка под луной, к обрыву. И маленькая кучка западников, тоскующих по Европе, которую эти кони российской истории растопчут в первую очередь. Поэтому мы бутылку с джинном не откупорим: потом обратно его не загонишь. Не загнало же Временное правительство. Поэтому нам нужен Ельцин еще на 5, 10, 15 лет. Сколько он сможет продержаться. В конце концов, он сделал главное. Так рубанул по стене, прорубая окно в Европу, что стена рухнула, и крыша упала нам на голову, и кое-кого из совков просто задавила, а остальные не могут выбраться из-под обломков и визжат на весь белый свет.

Это рухнул социализм с его казарменным раем, и искусственным равенством, и детской площадкой, и нянечками (в одной руке — розга, в другой — миска манной каши), и слюнявчиками, халявой, бедностью, искусственным энтузиазмом и Большими Братьями. Ельцин пустил

в социалистический огород Гайдара с Чубайсом, и они сломали почти все механизмы социалистического жизнеобеспечения.

Клетка, в которой Россия жила 75 лет, сломана. Народ выкинули на травку здоровенным пинком. А кругом — лес. Джунгли. И надо добывать себе пропитание и следить за тем, чтобы самому не попасть к кому-нибудь на обед. Социал-дарвинизм? Да, начало. Так было в США в XVII—XVIII веках. Так было и в Европе до XX века. Сейчас, конечно, всё смягчено. Подстилают соломки. Страхуют. Дают в кредит. Платят пособия. Но Россия только начинает нормальную капиталистическую жизнь. Мы должны перевалить через наши Скалистые горы. Должны сами освоить свой Клондайк, дойти до своего Эльдорадо. Создать свои бригады рейнджеров, выбрать своих шерифов. Научиться идти по тропе сквозь Белое безмолвие. Мы — старатели из романов Джека Лондона, мы ищем свою страну, как они искали золотую жилу. Мы должны застолбить свой участок на ручье Бонаиза. Если по дороге лечь в снег, то замерзнешь. Никто не поднимет. Никто не должен поднимать, потому что всем тяжело, и сильные духом не перекаладывают свою ношу на плечи других, ибо они горды. А вокруг метель, снега, — 60 градусов, волки воют. Страна обязана дойти до своей цивилизации, до своего Эльдорадо, стиснув зубы, не хныкая, не скуля, как скулят ответственные за эту ситуацию шахтеры, пенсионеры, работники военных предприятий, генералы.

Не надо нас жалеть, не надо давать нам рыбу, даже если мы будем умирать с голода. Дайте нам удочку и покажите, где копать червей. Это же был очень вредный прецедент: слать в конце восьмидесятых и в начале девяностых гуманитарную помощь в Россию, огромную и богатейшую страну, которая почти столетие валяла дурака и предпочитала скорее умирать с голода и душить друг друга в концлагерях, чем жить, как все люди, при нормальном капиталистическом порядке вещей.

Итак, Ельцин оставит Россию в состоянии мучительной и безобразной незавершенности, словно незаконченную комбинацию из конструктора Lego. Она не будет ни рыбой, ни мясом; ни Европой, ни Азией; ни человеком, ни зверем; ни капиталистической, ни социалистической. Она будет существовать сразу в нескольких исторических эпохах; будет

молиться и Богу, и Сатане; у нее не будет единой самоидентификации. Борис Ельцин настолько пал духом, что оставит Россию дрейфующей в открытом море, далеко от берегов, не знающей, куда ей податься, потому что боцман, штурман и первый помощник имеют разные карты и лощи, а одна половина команды враждует с другой. Привычные же ко всему пассажиры, скорее, вместе с судном пойдут ко дну, чем попытаются спастись, когда оно начнет тонуть.

Перед нами достаточно печальный пейзаж. Давайте взглянем в детали.

Экономический плюрализм

Экономика наша похожа на строительную площадку: всюду ямы, известка, цемент, грязь, дом не достроен, окон и дверей нет; рабочие ушли, бросив лопаты и краны. Умирают колхозы и гиганты соиндустрии, производящие бесполезный железный лом, от танков до «жигулей». Но умирают они не тихо, а с дикими воплями, поглощая все средства бюджета и не давая создавать новые рабочие места. И с ними, видно, решила умирать большая часть населения, которая не идет в частный сектор, хотя ей и не платят зарплату. Страна по-прежнему не может себя одеть и накормить, меняя газ, нефть, алмазы и лес на сапоги из Италии, картошку из Голландии, кур из Франции и одежду из Турции и Западной Европы.

Страна не в состоянии сделать сносный автомобиль, но продолжает тратить последние деньги на космические станции, разваливающиеся на глазах. Реальной частной собственности нет, потому что «красная» Дума не может принять нормальные федеральные законы. Земля по-прежнему ничья, и, значит, вся экономика зависла над бездной. И фермеры, и банки, и кое-какой частный бизнес (его меньше, чем во времена НЭПа) существуют только благодаря указам президента. Уйдет Ельцин — всё рухнет.

Народ не хочет работать и только разевает клюв, прося, чтобы правительство что-нибудь туда положило. А те, кто хочет работать, работать не могут, потому что и частный бизнес (особенно средний и мелкий), и физические лица, которые работают, а не баклуши бьют, задушены налоговой

полицией, как удавом. В области налогов у нас типичный социализм: один — с сошкой, а семеро — с ложкой. Талантливые и работающие должны платить за бездельников и бездарей. А то, что оставляет бизнесмену налоговая полиция, отбирают бандиты. Милиция связана с ними и коррумпирована, от нее защиты не дождешься, а народ лишен оружия (которое было всем в США гарантировано конституционно) и не может себя защитить, как американские поселенцы на диких территориях, в силу полной пассивности и трусости. Если бы не сырье, Россия умерла бы от голода. Но сырья хватит ненадолго. Вот и цены на нефть упали, и мы опять перед роковой чертой.

С политикой еще хуже, чем с экономикой.

Политическая шизофрения

Страна не осознает, в каком положении она находится. И политики демократического спектра не помогают ей это осознать, потому что хотят выиграть выборы. В стране идет латентная гражданская война между 12 % сторонников западного и либерального пути для России и косным советским миром; из них (из демократов) только 4 % знают и говорят правду о цене, которую придется уплатить, чтобы выйти на этот путь, а 8 % электората Явлинского хотят и рыбку съесть, и в фэтоне прокатиться. То есть капитализм — но без слез. Тепло, сытно, мягко, всем попить достанется — и коту останется. Идея Явлинского: либералы пекут пирог, потом приходят социал-демократы и его съедают. А у нас нет времени ждать, мы голодные, давайте совместим оба процесса.

Понимаете, что это означает? Давайте есть пирог, которого нет. Дорога в никуда. Коммунисты имеют 27 % голосов, национал-патриоты, то есть фашисты, — 8 %. Остальным все равно. Они подчинятся чему угодно.

Гражданского общества нет, оно составляет от силы 7 % (активные сторонники реформ, готовые отдать жизнь). Фашистские и коммунистические организации многочисленны, обучены военному делу, сплочены, полны агрессии и решимости. Демократические организации слабы, не умеют держать оружие в руках. У них мало молодежи, они крохотные и уже не могут вывести на площадь хотя бы

5000 человек. Даже Гайдар и Чубайс не смеют возразить Ельцину и призвать его к конфронтации с коммуно-фашистами. У страны осталось 15 % шансов из ста выбраться на западный путь. С каждым днем крепчает «красный» шторм, захватывает губернаторов, прессу, министров. А ведь молодым всходам реформ нужны парники. Однако грядут заморозки. Бессильная власть, готовая бросить дело либеральной революции, глубоко советский народ, бессильная интеллигенция, не готовая сражаться с врагами демократии западного образца неконституционными средствами: запретом коммуно-фашистской деятельности...

Революция, накрытая черным бархатом капитуляции, задохнулась. Страна эволюционирует назад.

УВИДИСТВО, ОВЪЯВЛЕННОЕ ЗАРАНЕЕ

«Новое время», №48-49, 6 декабря

Пока демократы тихо и культурно препирались по поводу партийных списков на грядущие в туманной мгле, теряющиеся за порогом казенного, коммунального, коммунального дома, пропахшего страхом, глупостью и кашей «Геркулес» на машинном масле, гипотетические парламентские выборы, из ящика стола чьи-то красные (или коричневые) волосатые руки достали списки совсем другие. Эти списки были впопыхах составлены ими в конце сентября 1993 года. Налево — коммунистический список. Направо — фашистский, националистический. Составителям было недосуг, списки писались на ящике с автоматами, и очень отвлекали дикие крики то ли команчей, то ли лесных котов, то ли выпи на болоте. Это орал с балкона Белого дома Макашов в черном берете, с шикарными усами, похожий на Че Гевару, дожившего до третьего внука. А под балконом топтали триколор одичавшие «народные массы», которые, похоже, вырвались из близлежащего зоопарка, то ли из обезьянника, то ли из террариума. Какие-то макакогадюки, прости Господи. Поэтому сочинявшие под сенью «верховников» из последнего Совета эти самые списки некоторых даже впопыхах позабыли. Проскрипционные списки. Наш скудный демократический списочный состав, годный что для федеральных виселиц на Лобном месте в Москве, что для мажоритарных расстрелов где-нибудь

в уездных подвалах губернского ФСБ. И если кто смотрел фильм «Чекист», то о своем номере в списке хлопотать не надо. Застенок — не парламент; независимо от положения в списке расстреливают все равно пятерками, а ночные партии на «шлепку» довольно большие, за две ночи можно управиться и со списком от «красных», и со списком от «коричневых», благо почти все фамилии в них совпадают. По одной фамилии на букву «С», фигурирующей в обоих списках, голосование уже состоялось. Свинцовые бюллетени легли в обойму, и 20 ноября, вечером, урна была опрокинута на площадке старинного мрачного дома.

Отныне Галина Старовойтова среди избранных. Бессрочно. Потому что из мучеников нельзя ни отозвать, ни переизбрать, ни выразить недоверие. Весь последний месяц Гале звонили и обещали, что «проголосуют». Именно так. Тем не менее никто не догадался нанять ей охрану. И в тот последний вечер вместо какого-нибудь Джеймса Бонда, всегда стреляющего первым, при ней был только хрупкий, юный Руслан Линьков, журналист, пресс-секретарь, помощник по округу, любимый ученик, что-то вроде Левия Матвея. Единственное, что он мог сделать, — это попытаться закрыть Галину Васильевну собой. Но пуль хватило на обоих.

Демократы не защищены ничем: ни бронжилетов, ни популярности, ни охраны, ни денег, ни мнения народного. Одна только «Декларация прав человека» и полные собрания сочинений Егора Гайдара, фон Хайека, Адама Смита и Конквеста с Оруэллом. Против спецслужб, коммунистов, фашистов, популистов, социалистов, совков, правительства, Думы, «правоохранительных органов». При таком неравенстве сил конституция и Пакт о гражданских и политических правах пригодятся разве что в виде «смертной sprawy»: одежды, чтобы в гроб лечь.

Говорят (и даже показывают), что Галина Старовойтова была убита из шикарных импортных автомата-пулемета (или наоборот, черт их разберет) и пистолета. Какое заблуждение! Она была убита из вещей вполне отечественных, кондовых. Из попустительства и соглашательства под псевдонимами «примирения и согласия». И то, что президентская администрация, не спросившись президента (впрочем, они давно «отвязанные» и ни о чем больше его не спрашивают), выскочила по поводу акта красного террора и гражданской войны с заявлением, что не надо «некоторым организациям»

(демократическим) винить в гибели демократа «другие организации» (коммунистические, надо полагать, ибо ни «Яблоко», ни НДР, ни ДВР, ни фонд Сороса или МВФ и так никто не винят) и делить Россию «надвое», — есть не только дикая бестактность и кощунство, но и политическая миопия на уровне слепоты.

Страна разделена надвое с 1917 года. Похоже, президентская администрация не ходила даже на лекции по истории КПСС. Не говоря о других науках и искусствах. Поэтому так и администрирует. Так что резюме какого-нибудь революционного матроса (или парламентария, или губернатора): «Которые тут Временные? Слазь! Кончилось ваше время!» — очень администрацию удивит. И даже опечалит. Но печалиться уже придется в том самом чекистском подвале. Вы же помните: Шавку съедают тоже, хотя она готова облизывать волков. Съедают на всякий случай и от законного недоверия.

Еще всех очень волнуют имена убийц. Всех, кроме «правоохранительных органов», весьма близких к тому, чтобы стать органами «революционной законности» в руках у коммунистов. Если Генпрокуратура, ФСБ или МВД и найдут кого-нибудь, то лишь для того, чтобы тайно вручить отличникам боевой и политической подготовки значки «Ворошиловский стрелок».

Моральную и политическую ответственность за это убийство должны нести где-то 30 процентов электората... А кто понесет юридическую — это уже неинтересно. Много их было: чекистов, энкаведистов, гзбульников, комиссаров, вохры, смершевцев, сексотов, вертухаев. Имена же их ты, Господи, веши...

Нас интересует другое. Их партия контролирует парламент и сидит в правительстве. Тайно заказывая банкетные столы в ресторанах и награждая орденом своего очередного Судоплатова, коммунистические бонзы и их правительственные соучастники льют крокодиловы слезы над телом своей жертвы.

Начали с Галины Старовойтовой, потому что она (кажется, одна из всех нас) по-детски верила, что у нас всё получится. Что ее могут выбрать президентом и губернатором. Что наш скорбный труд не пропадет. Что народ сберется под святое знамя. Так верят дети и праведники. Коммунистов страшно раздражал этот оптимизм.

Все же остальные демократы построились в порядке общей очереди и ждут возможности организованно лечь в безвременные могилы. Только вот либеральная доктрина и капитализм несколько отличаются от христианства. И мученические венцы на головах реформаторов не очень-то помогут продвижению реформ.

В стране возобновилась гражданская война. А демократы играют в нонкомбатантов. «Девушки, война, война до самого Урала!» Большевикам опять не с кем воевать. Триумфальное шествие соловецкой власти.

1999

ФАРШ ИЗ ИДЕЙ С БОМБОЧКАМИ

«Новое время», №7, 21 февраля

Когда перестроечные публицисты, властители дум из «Знамени», «Огонька» и «Нового мира» Н.Шмелев, А.Стреляный и Г.Лисичкин, строчили радостными перьями статьи о предпочтительности интересов перед идеалами в экономике, они даже и не подозревали, до какой степени идеалы полярны интересам в политической сфере. Экстремизм — это непременно стройплощадка, Котлован Утопии, куда заживо утрамбовывают людей. Так поступали древние: они замуровывали в фундамент сыночка хозяина. На счастье. Чтобы дом крепче стоял. Миновали века, а архитектура всё та же: половина китайцев, которых был согласен погубить Мао, дабы оставшаяся половина построила коммунизм; те сотни тысяч жертв, которые требовал Марат, дабы упрочить торжество революции; грешные тела еретиков, которые инквизиторы бросали в костер, дабы спасти их же грешные души.

Можно иметь монетаристские, либеральные, экзистенциальные убеждения; они не замкнут мир железным сводом бомбоубежища (ибо для идеалиста мир — вечная война реальности и прозы против поэзии его идеала), они просто станут посохом для странствия по безмерности разноцветного, причудливого, меняющегося мира.

А вот идеал опасен. Идеал — замкнутая система ценностей, закрытый проект, который требует для своего осуществления закрытого общества (в открытом сквозняки и постоянно кто-нибудь мешает; например, поэты, которые несут всякий вздор и которых за это Платон собирался выселить из своего идеального государства).

Идеалисты завешивают в своем государстве форточки марлей, чтобы не дуло. Потом оказывается, что марли недостаточно; вешается железный занавес. Тот же Платон предлагал граждан до пятидесяти лет за кордон не выпускать,

чтобы они своими незрелыми разговорами не компрометировали идеальный государственный порядок.

Платону не судьба была стать экстремистом; он спонсора не нашел на свое «Государство». Он остался в истории Эллады идеалистом, но его тексты таковы, что убеждают нас в одном: идеалист — это несостоявшийся экстремист, который не успел поверить практикой теорию.

Любой идеализм — это прокрустово ложе. Общество и живые люди измеряются на нем. Общество оказывается или слишком коротким, или слишком длинным. Часто на этом всё и кончается. Идеалист вздыхает и идет писать «Что делать?» или нечаевский «Катехизис».

Итак, идеалист создает проект, а экстремисты этот проект реализуют. Не верьте идеалистам, когда они говорят вам, что не предвидели последствий. И Маркс, и Энгельс читали Томаса Мора и Кампанеллу. Теория экстремизма в виде утопий существует с XVI века. Правая экстремистская практика всюду процветает в Испании с конца XV века. В XVI веке левая экстремистская практика уже существует в Германии, в религиозной коммуне Мюнцера, в Утопии анабаптистов. Причем всё на уровне Кампучии. Мао и Ленин могут отдыхать.

История инков, еще одной правой экстремистской Утопии почище китайского кошмара Циньского царства Цинь Шихуанди, была написана в XVI веке. В XVII—XVIII веках всё это было напечатано, можно было прочесть и остеречься.

Идеалист порождает, поощряет и подогревает экстремизм. Здесь есть своя классика. Золя со своим романом «Чрево Парижа», где главный герой, бледный идеалист с горящим взором Флоран, буквально объявляет войну безобидной еде: устрицам, пуляркам, карпам, капусте. Он ненавидит еду, сытость, торговлю, деньги и саму жизнь до такой степени, что устраивает заговор на центральном рынке, написав целый проект переворота и раздав роли друзьям (оказавшимся на 50 % агентами полиции). Золя восхищается идеализмом Флорана, воюющего с морковкой и свинными отбивными; а по-моему, он просто маньяк. Маньяки-экстремисты бывают бескорыстные. Вроде «Красных бригад» или группы Баадера—Майнхофа. Самый опасный вариант. Они разрушают жизнь из любви к искусству. Такими были Ленин и Гитлер: сами готовили идеалистический

проект, сами по своим же схемам реализовывали экстремистскую реальность. Пользы от этого получили ноль: безвременная кончина для обоих, от паралича и от яда, проклятие потомства, космический катаклизм при крахе Утопии... Вот они, идеалы, полярные интересам. Как правило, идеалисты кончают экстремизмом. Сначала опишут сны Веры Павловны, а потом зовут Русь к топору. Сначала ходят в народниках с душещепательными книжечками, как Иван Ковальский, Андрей Желябов и Софья Перовская, а потом переквалифицируются в народовольцев с бомбочками и ножичками. Есть и имитация экстремизма в корыстных целях, как у Эдуарда Лимонова (ради литературного успеха и паблисити) и Владимира Жириновского (ради элементарной «зелени» USA). Но результат для общества тот же, поэтому и воздаяние должно быть тем же.

Всё, что выходит за рамки теплого, человеческого, уютного буржуазного бытия (честный труд, обогащение, приобретение знаний, открытие новых горизонтов, наука, искусство, стремление делать добро, воспитать детей и приплыть к тихой пристани), является экстремистскими проектами. И коммунизм, и социализм, и религиозный фанатизм в стиле исламского или анабаптистского фундаментализма изначально можно считать экстремизмом. Потому что реализовать такой проект можно только через дуло нагана или лезвие топора, и разработчики это знают. Экстремизм вечен, ибо вечно человеческое стремление «выпендриться», «схватить аплодисмент», походить по лезвию бритвы. Да, впрочем, не надо никакого анамнеза: вместо чумы сейчас СПИД, а отчего? Не от бедности же, как педикулез. И экстремизм не от бедности. А, скорее, с жиру. С V века до н.э. по XX век — 2500 лет стажа, и он всё еще зеленеет и дает семена. Устранить его совсем можно только с человеческим родом. Но можно обезвредить. Выполоть. Минимизировать. Вымыть руки с мылом. Не пускать наверх.

Российский экстремизм отличается от европейского немывотостью, корявостью, редкой трусостью (все наши экстремисты несут в себе ген советского кролика) и слитностью практики с теорией. Не успевают побыть идеалистами: нет знаний, культуры, никакую Утопию не сочинишь. Поэтому наши «идеалисты» сразу идут в экстремисты, не мудрствуя лукаво, а цепляя свастику на рукав и саперную

лопатку за спину. Наши экстремисты любят только телевизионные камеры. Посадив их всех совсем в другие камеры, мы решим проблему экстремизма хотя бы на 70 % и на данном участке исторического пути. Мы не устраним экстремизм как явление, но ликвидируем его как катастрофу.

ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО ТРОЕЧНИКОВ

«Новое время», №8, 28 февраля

СНГ собирается отдать Богу душу. Надо, кстати, посмотреть на шкалу мастера Безенчука, как именно оно собирается это делать. Покойник был хотя и крупный, но хилый и рыхлый, так что на генеральский вариант едва ли потянет.

Содружество с самого начала было, по терминологии все тех же бессмертных Ильфа и Петрова, «жертвой аборта». Что бы будущим союзникам подождать, пока не сотрется светлая память о том, что они были союзниками? Как советовал еще один классик, хорошенечко размежеваться, а потом уже объединяться в какой-нибудь «Союз общей судьбы». Куда, на какой поезд истории эсэнговцы торопились? Он же давно ушел, еще в XIX веке, когда на живую нитку, спицрутенами и картечью, сшивалось это огромное лоскутно-ватное одеяло, под которым задохнулась 1/6 часть суши...

И вот; когда в Беловежской пуше владельцы самых больших лоскутов и самые солидные пайщики ваты решили это АО закрытого типа прикрыть, а свою долю в общем котле отнести домой и впредь потреблять индивидуально (не считая бизнес-ланчей на общей газово-нефтяной основе), их посетила смутная тоска предвыборного характера. Они представили себе злых конкурентов, шеголяющих перед насильно освобожденными народами революционной фразой о «негодях, разваливших великую страну». СНГ возникло *in vitro* как индульгенция, самооправдание и сдача с имперского рубля. Нельзя считать основанием для союза общий «крах и капут», разорение, взаимное истребление и взаимные депортации. И то, что «независимые» государства прежде снимали углы в одном и том же сыром и холодном подвале, никак не является сближающим фактором.

Постоянно приходится слышать, что в эсэнговских просторах что-то течет, отмывается, булькает; что здесь

какой-то диковинный бартер и какие-то лакомые взаимозачеты, однако не то чтобы это всё было как у людей. А раз не как у людей, то, может быть, стоило продолжать втихомолку? Ведь вся прелесть общества троечников в том, что оно тайное. А СНГ — явное и открытое общество троечников, которым побрезговали наши бывшие «хорошисты» — страны Балтии.

Тем более что наличие СНГовии никак не решило проблему «национальной гордости великороссов», которые вдруг ощутили себя где-то на юге или на западе в национальном меньшинстве, а ведь они не привыкли, чтобы им наступали на ногу, все 70 лет существования СССР наступая не то что на ногу — на горло! — другим нациям, с их точки зрения, «поплоче» и поменьше.

С самых первых младенческих дней СНГ пытались расшифровать то как «Союз номенклатурных государств», то как «Союз недоделанных государств». В принципе, СНГ похоже на один спектакль Марка Розовского. Приходят зрители, садятся на скамейки, получают по бутерброду и вспоминают коммуналку с ее специфическими напевами, фальшивыми, как советские сберкнижки, и тоскливыми, как советские мероприятия. А что вспоминать-то? Как доносили на соседей в НКВД, чтобы получить лишнюю комнату? Как плевали исподтишка соседу в борщ? Как стояли в очереди в ванную? Как придумывали санкции для тех, кто не гасил свет в уборной? Как тузили друг друга по пьянке? Как милиция повязала дядю Федю за дебош? Отношения в СССР всегда были на уровне садомазохизма. А братство народов было больше всего похоже на стилистику и правила поведения братвы со «стрелками» и «разборками», где роль «авторитета» играла Россия. Всё это осталось и поныне, разве что гадости друг другу делаются тихо (насколько наша команда способна соблюдать тишину в процессе дележа косточки или погони за добычей). Зачем всё это продолжать?

Основание, что наша продукция больше нигде не нужна, потому как неконкурентоспособна, поэтому надо сохранить СНГ, где государства будут обмениваться бракованными товарами, лучше не приводить. Стыдно. Надо пройти ОТК, стремиться к норме, а то так и просидим на галерке всю жизнь, завистливо глядя на партер.

СНГ разваливается, потому что с самого начала это был «Союз никому не нужных государств». Что ж, проблему

цивилизованного мира мы решили: между троечниками полно контр и распрей, и они едва ли способны выступить единым фронтом против цивилизованной Европы. Всё лучше, чем единый Кинг-Конг; стучащий в забор европейского сообщества и требующий очередной жертвы: то ли от Праги, то ли от Варшавы. Но бессильное зло — это все-таки еще не добро. Трудно переоценить то растлевающее значение, которое имеет СНГ и для бывших колоний, и для бывшей метрополии. Россия ничему не научилась, разве что саблезубость уменьшилась из-за экономического кариеса. Не умея действовать лаской, мы все время пытаемся действовать таской. Из Москвы то и дело исходит рык: отберем Крым... отберем Севастополь... отберем Абхазию... отберем Осетию... отберем Приднестровье. Неуклюжее, но злодейское стравливание Армении и Азербайджана. Белоруссия, использованная как канделябр, чтобы «дать по зубам» Западу (мол, мы в этом мире не одиноки, у нас есть Лукашенко, Саддам Хусейн, Милошевич, Цзян Цзэминь).

У правозащитника свой счет... Постыдная торговля политэмигрантами с Грузией, когда выдавали даже граждан России — таких, как Гурам Апасадзе, звиядист, член «круглого стола» (а таких, как Игорь Гиоргадзе, не выдают; потому что гэбист гэбисту и красный красному глаз не выклюет). И всё мы покрыли своим «авторитетом»: массовые пытки и убийства в Грузии, тиранию Гейдара Алиева в Азербайджане, свертывание демократии в Белоруссии, геноцид «Народного фронта» в Таджикистане, психушки для политзэков в Туркмении, «зачистки» всех политических конкурентов и даже всех мусульман под видом ваххабитов в Узбекистане.

Когда СНГ развалится, над ним не будет нашей «крыши» для легитимации этого беспредела. Все-таки маленькая польза...

ТРУС ЗАПРОСТО СЫГРАЕТ В ФУТВОЛ

«Новое время», №10, 14 марта

Семя социализма, коллективизма и конформизма — самое плодovitое семя в мире. Именно оно способно в виде сухих спор пересечь холодные космические пространства, свалиться на Землю, отряхнуться и прорасти. Для него нет

неблагоприятных условий, каменистых почв и проблем с поливкой: в тепличном климате Запада, на чахлой и скупой почве иранского фундаментализма, в лагерных бараках, наспех оклеенных рекламой «Самсунга», оставшихся в наследство от СССР, на плодородном иле добродетельно-казарменного Китая — везде оно пробивается мячиками, сеточками, клюшками и боксерскими перчатками.

Спорт — самый мощный и самый вечный реликт социализма, и его не искоренить вовеки, потому что то амебное, что барахтается на дне человеческой души, балдеет от воспоминаний о радостной общности в теплых водах первобытных морей, когда даже отдельных хвостов у протобиомассы не было. Амеба внутри нас возвращается к истокам на стадионах, где то ли 11, то ли 12 субъектов с каждой стороны с идиотической серьезностью, напоминающей времена великих строек социализма, столь же бессмысленных и столько же увлекательных, отнимают друг у друга один мячик, а еще 50 или 100 тысяч особей впадают в иступление на трибунах от этого незамысловатого и ничемного зрелища, а остальные 40 или 45 миллионов в каждой стране (купно всё человечество, как прогрессивное, так и реакционное) сидят во дворцах, в коттеджах, палатках, землянках, хрущобах, на горных вершинах в саклях и смотрят по «ящику» на это зрелище, глотая пиво и испуская нечленораздельные завывания в зависимости от того, кому достался этот жалкий мячик и кто его, поимев, кинул в сетку противнику.

Спорт — самая тоталитарная составляющая человечества, и фанаты команд, игроков и вратарей, готовые снести башку болельщику вражеской команды и разнести в щепки стадион — то ли от радости, то ли от горя, родные братья, сподвижники и соратники тех, кто способен порешить ближнего своего из-за герба, знамени и идеологической доктрины, а также из-за архитектурных особенностей храмов и качества религиозных текстов.

Кроме фундаментализма идейного или религиозного, есть еще и футбольный фундаментализм, менее кровавый и жестокий, но такой же оглуляющий и бессмысленный, как первые два.

И как знать? Когда человечеству этак в XXV веке окончательно наскучат гуру типа Маркса, Мао, Ленина, Маркузе, Магомета и Иеговы, не начнут ли болельщики «Спартак»

жечь на кострах болельщиков «Динамо», и не возникнет ли новый джихад на базе клюшек, сеток и мячей?

Недаром же Освальд Шпенглер, в двух своих толстенных томах «Заката Европы» пинающий человечество вообще и XX век в частности, считал массовые виды спорта концом человеческой культуры и началом пошлой глобальной цивилизации, лишенной чести, высшего смысла и духовной красоты. Шпенглер, конечно, здесь смыкается с евразийцами, гонителями горячей воды, канализации, автомобилей и автострад, комфорта и прочего атлантизма. Евразийцы хотели бы, чтобы мы сидели в пещерах в честных звериных шкурах от отечественных товаропроизводителей, пили имбирный квас, закусывали печатными пряниками и читали берестяные грамоты на санскрите.

Шпенглер, конечно, перегибает палку. Но он верно почувствовал, что спорт опасен для человека. Как, впрочем, любое массовое действие и любой коллективный восторг.

Спорт Эллады был все-таки другим, более аристократичным, хотя и более массовым. Каждый свободный гражданин, если он не был ни слепым, ни колченогим, ходил в палестру и упражнялся там. Олимпиоников чтили; ходили смотреть и на Игры. Но всё это выглядело иначе. Спорт был индивидуалистичен, и его восприятие и созерцание не было массовым. Греки не орали, не свистели, не заключали пари... Командных видов спорта почти не было. И главное, не было ни хоккея, ни футбола.

У эллинов не было в их Играх «эффекта отдушины»: уставшая от свободы западная личность с восторгом растворяется в коллективном экстазе, а настроенная на тоталитарную волну личность, задушенная идеологией или религиозной догмой, как бы репетирует на обыкновенном стадионе будущие нюрнбергские аутодафе. К тому же в Элладу спорт приводил иногда к благим, смягчающим нравы следствиям. На время олимпийских состязаний прекращались войны.

Сегодня принято считать, что спорт объединяет народы. Даже шлягер какой-то есть: «О спорт, ты — мир!» Но объединяются народы не вокруг высокого идеала и даже не для доброго дела, а примерно так же, как римляне в Колизее.

В Риме не было эллинского гармоничного, индивидуального, спокойного спорта. Злокачественная лихорадка, владевшая римлянами перед ареной, на которой умирали гладиаторы, имела продолжение и предысторию: горемычных

христиан, умерщвляемых дикими зверями в этом самом Колизее; жестоких и полубезумных римских кесарей, развлекавшихся пытками; неумолимую поступь легионов во все европейские и азиатские пределы; и тот самый страшный рубленый крик когорт, подслушанный Понтием Пилатом и Михаилом Булгаковым, «Да здравствует Кесарь!».

Вопреки распространенному мнению, в хоккее играют ненастоящие мужчины, и трус запросто сыграет в хоккей. И в футбол тоже!

В 1936 году в Германии царил уже беспросветный фашизм. Но она еще ни на кого не напала, если не считать ее собственных евреев, цыган и интеллектуалов-диссидентов. Но это, конечно, мелочи. И просвещенные спортсмены из цивилизованных стран явились как один бросать мячики и поднимать гири к фашистам. И их приветствовал фюрер. Всё, что случилось потом, на совести футболистов, атлетов и пловцов с их мощными выями, накачанными мышцами и трусливыми душонками.

И это же повторилось в СССР в 1980 году. Понимая, что спорт — их сообщник, гэбульники предупредили нас, диссидентов, что за срыв Олимпиады будут судить, как за государственную измену. Но мы все равно написали кучу заявлений и умоляли Запад: «Не приезжайте! Нельзя сюда приезжать!» Послушались США и еще кое-кто, по мелочи. Остальные явились к «ласковому Мише». Мячики опять перевесили. А почти все московские диссиденты «с диагнозом» попали в психушки. Уже и Олимпиада давно кончилась, а их всё пытали и пытали. Несколько месяцев.

Говорят, что футбол придумали в Англии, в свободной стране. Что ж, коммунизм тоже придуман был не в России, не в Африке и даже не в Китае. Он был запатентован Платоном из Афин, Кампанеллой из Италии, кучей французов от Кабе и Мабли до Фурье и Сен-Симона и даже, представьте себе, Томасом Мором и Оуэном из той же Британии. Тенденция, однако.

ВОЗВРАЩАТЬСЯ — ПЛОХАЯ ПРИМЕТА

«Иностранец», №11 (268), 24 марта

Когда человечество расстается со своим прошлым, смеясь, это может означать одно из двух: либо это не его прошлое, либо это прошлое кануло и мхом поросло в какую-то

доисторическую эпоху и нас касается не больше, чем порядок престолонаследия Немейского царя с озера в глухом лесу (которого надо было прикончить, чтобы занять его место) имеет отношение к смене первых лиц в английской конституционной монархии. Нет, человечество расстается со своим прошлым со скрежетом зубным, в крови и слезах, на полях гражданских войн, и даже когда, казалось бы, всё наладилось, и новехоньякая жизнь сверкает и шелестит на авеню и стритах, еще долго на окраинах будут оставаться реликтовые помойки прошлого в виде маньяков, сектантов и разных диковинных экстремистских образований, от «Сендеро луминосо» до Клуба ветеранов КГБ.

Люстрации — это моральные и профессиональные проскрипции. Правда, римляне больше уважали личность и, несмотря на свои знаменитые фасции и апологетику парадного, блещущего шлемами и доспехами тоталитаризма, не усредняли и не укрупняли проблему, как мы, подвергавшие люстрации целые страты населения: сословия, семьи, классы. Римские проскрипции — это личные списки. По алфавиту. У Мария — свои. У Суллы — свои. Катилина, если бы успел, составил свои. И Марий, и Сулла думали, что, ликвидировав попавших в список, они сумеют обеспечить Риму пристойное будущее. Но вырезав «контриков» из своих списков, Марий, Сулла, оптиматы, популяры, деятели первого триумvirата, вроде Красса и Лепида (у нас, под северным небосклоном, триумvirаты назывались путчами или переворотами, и за ними тоже реяли длинные бумажные списки, испешренные фамилиями из обихода графа Толстого, что написал «Сон Попова»: Шмидт, Шулаковы, Розенбах, Потанчиков, Гудим-Бодай-Корова, мадам Гриневич, Глазов, Рыбин, Штих, Бурдюк-Лишай и пр.), обнаружили, что новой жизни как не было, так и нет, а есть только гора трупов, что, согласитесь, старо как мир.

Один раз один нестандартный реформатор, Гай Юлий Цезарь, задумался над разумностью проскрипций и люстраций. И сделал то, чего ни до него, ни после него в античном мире никто не пытался сделать и даже сформулировать, разве что Перикл в локальных масштабах «афинской политики». Юлий Цезарь поступил не так, как от него ждали: он решил обойтись и без проскрипций, и без люстраций, и без V отдела КГБ, наряженного

отыскивать и карать внутренних врагов. В сущности, он предвосхитил поступок Звиада Гамсахурдиа, простившего своих следователей, уже приготовившихся к аресту, и оставившего их работать в прокуратуре, и то, что сделали отцы-основатели США, когда первым же законом после окончания войны за независимость они защитили от преследований жизнь и собственность тех американцев, которые воевали на стороне Англии (то есть, в сущности, предателей).

Но то, что принесло свои демократические плоды в Америке, не помогло ни Грузии, ни Риму. Цезарь пытался спасти своего главного оппонента, Катона Младшего, или Утического (не от казни, казнь и не предполагалась, от самоубийства). В сущности, Цезарь уважал суровый республиканский Рим, давно почивший в Бозе, и хотел перенести всё лучшее, что в нем было, в современность. Он понимал, что Катон из тех, кто готов умереть «за Русь, за царя и за веру, хоть нет уже их никого». Окружить дом стражей, после первого удара кинжалом приказать перевязать Катона, не оставить ему оружия — это гуманист Гай Юлий мог. Но никак невозможно было помешать Катону разорвать руками рану, вырвав внутренности, а его жене Порции — запретить глотать раскаленные угли из очага.

Желая пощадить пленных сограждан, Цезарь запрещает убивать сдавшихся после битвы при Тапсе. Но солдаты Цезаря, уставшие от его гуманизма, вечно воскрешавшего врагов (потому что пощаженные в одном бою, как правило, снова брались за оружие против своего великодушного победителя), поправили командира и убили всех.

Люстрации и проскрипции пагубны, когда речь идет о мелких ставках: власти, победах, почестях, политических спорах. Только одна концепция оправдывает люстрации (и отчасти проскрипции, оформленные в духе века): великий переход от безумного и жестокого порядка вещей к разумному и человеческому, или сохранение разума и человечности «против падения тьмы». Таких потребностей античный мир не знал, и поэтому Цезарь предлагал античную гордыню и честь помножить на рацию и гуманизм нашего времени. Великий проект не удался, и всё пошло прахом, как и положено на закате цивилизации.

Цезарь дал римское гражданство всем провинциалам, отменил пытку, просыпал споры цивилизации над Галлией. Ни Британия, ни Франция не стали бы европейскими

демократиями без целой тучи этих причудливых спор: легионеров, акведуков, римских «челноков», смешанных кельтско-римских браков и законов Рима, протянутых менее цивилизованным народам на острие короткого римского меча. Собственно, Верцингеторикса, галльского Басаева, покарали смертью не за политические взгляды, которых, скорее всего, у него не было, а за национально-освободительную борьбу против прогресса. И этому Цезарь не препятствовал. Он не любил партизан, бьющихся за право жить в лесах, спать в шалашах, не имея ни письменности, ни сената, ни мраморных дворцов. Но исключая люстрации и проскрипции граждан Рима (а позже — италиков, а позже — Империи), Цезарь мог бы, пожалуй, изменить ход истории.

Проскрипции партий рождают эмигрантов и страх, рабский страх оставшихся, а ведь гражданин — это тот, кто не способен испытывать страх на Форуме, в курии, в Сенате. Люстрации партий порождают целые группы людей, которые не участвуют в общественной жизни и плюют на данное государство.

Кассий и Брут хотели убить незнакомое и неприятное будущее. Им казалось, что Цезарь — это дверь в него. Но Цезарь был как раз закрытой дверью. После мартовских Ид в распахнутые двери вошел Октавиан Август и учредил нормальный авторитаризм с проскрипциями и казнями. Даже Марк Туллий Цицерон не был пощажен.

Цезарь пытался укрепить основы гражданского общества, его наследники и постепенно растущий аппарат администрации принцепса подрывали эти основы жестокостью и несправедливостью. Страх и коррупция явились в ответ. И пошло-поехало. Сначала проскрипции были направлены против христиан, потом, с константиновых времен, — против язычников. И кончилось это так, как всегда кончается: пришел серенький волчок и ухватил за бочок, то есть решил проблему. Бывшие варвары, германские племена, хрустнули скорлупкой Рима, в которой давно уже не осталось твердого гражданского ядра.

Такой же печальный опыт имеет грузинское государство, но здесь даже варваров нет в утешение, если не считать варварами советский десант, лишивший Гамсахурдиа победы над Джабой Иоселиани, и самих грузин-мхедрионцев, ставших на сторону Шеварднадзе. Это как раз тот случай,

когда цена победы над прошлым — грубый и видимый, глубокий и широкий ров, который невозможно засыпать.

К сожалению, этот ров чаще всего заполняется трупами побежденных, если контраст между прошлым и будущим слишком велик. Аугусто Пиночет и генерал Франко, люди без нервов и комплексов, профессиональные солдаты, психологически прочные, уплатили эту страшную цену. На эту сумму репрессий, пыток, расстрелов и тотального контроля сегодня функционируют испанская и чилийская демократии. Не только деньги не пахнут — не пахнет и жизнь, даже если она куплена ценой крови. Звиад Гамсахурдиа, ученый, писатель и диссидент, тоже знал цену. Но не захотел ее уплатить. В результате Грузия погрузилась в кровавый кошмар, может быть, навсегда. Скупой платит дважды.

В США уже на заре XIX века глупо было преследовать джентльменов, не видевших особой выгоды в мятеже против очень далекой метрополии. Их сомнения привели к участию в войне на стороне английских войск. Но когда отгремели последние залпы, вступили в действие парламентские механизмы, уже наработанные ассамблеями штатов. Здесь войну заменила дискуссия, обсуждение на сессии. Поправки, правда, вносили англичане. Англичан было трудно воспринимать как врагов. В конце концов, общая политическая культура, язык, общие воспоминания, общая Великая хартия вольностей, с которой всё и началось... Спор выиграло большинство американцев, а англичане с их американскими сторонниками проиграли. Парламентская этика американцев требовала широко улыбнуться и подать руку побежденным.

Решение большинства незыблемо в политической процедуре; но меньшинство сохраняет свои права на сожаление и устный протест (свободно, но без оружия). Здесь люстрации и проскрипции могли бы погубить всё. Дальше сторонникам федерализма пришлось бы сажать в тюрьму его противников. Политический процесс Аарона Бэрра, стыдливо прерванный, имел бы массу аналогов. Миссурийский компромисс никогда бы не был заключен... Юная американская демократия оказалась бы надорванной именно тогда, когда регенерирующие механизмы еще не заработали.

Гений Джефферсона и Вашингтона, Мэдисона и Патрика Генри сказались еще и в том, что они подавили естественное чувство возмущения и дали спокойно жить политическим

раскольникам. А раскольники скоро успокоились и вошли во вкус — никакие партии с программой обратного присоединения к британской короне не возникали. В сущности, политическая мудрость как раз в том и состоит, чтобы твердо и хладнокровно определить меру и жесткость средств, необходимых для спасения. А раз решив, иметь мужество довести дело до конца.

Впрочем, США два раза проводили люстрации: после войны Севера и Юга в 1865 году и в начале 50-х годов против коммунистов. В 1865 году лишали избирательных прав офицеров армии южан, бывших рабовладельцев. Это было глупо и лживо: ведь Север согласился на существование рабства по миссурийскому компромиссу. Северяне-администраторы убралась восвояси, ненавидимые всеми; южане — бывшие плантаторы — прошли на выборах; южане до сих пор помнят эсэсовские рейды Шермана и оккупационный период Реконструкции. Всё это дало массу эксцессов, вплоть до ку-клукс-клана, расовой ненависти, судов Линча, и скромный пример тому — «Убить пересмешника» Харпер Ли с несчастным Томом, осужденным за изнасилование только потому, что он негр. С люстрациями не шутят.

Поверхностные, косметические люстрации (потемкинская деревня, суррогат) были проведены в Испании 30—50-х годов, в Чили после начала 70-х, в США при сенатской комиссии Маккарти и в Германии после поражения 1945 года. «Ничего себе суррогат!» — скажете вы мне. Сотни тысяч убитых, пытки, расстрелы, даже в США — уйма обиженных и казненные супруги Розенберг. Суррогат — буду настаивать я. Потому что не было покаяния, «хороших слез», а были страх, покорность и месть. Чилийцы до сих пор ставят фильмы-пасквили про Пиночета, половина страны готова его защищать, какая-то часть шляется по миру и жалуется на него испанцам и англичанам. Потомки франкистов ненавидят потомков республиканцев. Дабы не вызвать столкновения, франкистский режим называют в прессе просто «режимом». Братья Кеннеди прикрыли комиссию Маккарти, а сегодня выплачиваются компенсации тем литераторам и артистам Голливуда, которые подверглись люстрациям в 50-е годы.

Никто ничего не понял. Все остались при своей правде и своих заблуждениях. Дочь Альенде ведь до сих пор

настаивает на правоте своего отца (так же, как внук Хрущева, отпрыск Берии, внуки Сталина и Брежнева). Хоть кол на голове теши.

Может быть, самое поразительное свидетельство суррогатных люстраций — это роман Бёлля «Глазами клоуна». Повесили лидеров и тех, кто засветился: некая современная децимация, когда за грехи полка казнят каждого десятого. А немецкий народ, от которого так тошнит молодого Шнира и самого Бёлля? Он разделял с Гитлером преступления, но не разделил наказание. И отпетые, злобные обыватели, борцы с «жидовствующими янки», зажавшие в гитлерюгенд, в отряды смертников собственных детей, стали главами комитетов и ратуют за расовую терпимость. Они выучили новые слова и даже грамотно их говорят. Но им не стыдно, а то не лезли бы в комитеты.

Похоже, немецкий народ спасли рациональный подход к делу и воспоминания о разделе и союзнической авиации: если гитлеризм, антисемитизм и фашизм стоят так дорого, и не окупается свастика, то уж лучше производить «опели». Поэтому лицемерное отречение трусливых, нагадивших, пойманных за руку отцов стало искренним стилем жизни детей. Так спаслась Германия.

Чили и Испания спаслись технологией более жестокой: здесь люстрации обернулись проскрипциями для всех левых. Кто не успел бежать за границу, тот был ликвидирован физически. Без суда и следствия, конечно. Какой там суд! *Vaе victis!* Горе побежденным! Ну что ж, это был для обеих стран единственный вариант. И никакие проклятия левых, правозащитников, историков и журналистов уже не изменят нормальную ситуацию ни в Испании, ни в Чили. Хотя никто ни в чем не каялся. Вместо покаяния была могила.

США пережили тяжелый период левого марша с минимальными жертвами. Сакко и Ванцетти и супруги Розенберг. Ну и штрафы там, аресты по мелочи. Сильная демократия не нуждается в лекарствах чилийско-испанского типа. Прилично вышли на сухое место и Венгрия с Польшей и Чехией. Их коммунисты, не дожидаясь худшего, сами перекрасились в нужные цвета. В Чехии коммунисты голосовали за Гавела! Люстрации там были косметические. А в Польше до сих пор не посажен Ярузельский. Есть национальный консенсус отказа от прошлого, обошлось и так.

Ну а в нашем случае открылась бездна. Открылась 82 года назад и зияет до сих пор. И каким аспирином ее лечить? И каким огнем выжигать такую язву, чтобы не спалить планету? Наследственное, генетическое зло. Внулата Павликов Морозовых правят бал. Поколения палачей, стукачей, трусов, кроликов. Поколения подлецов. Конечно, надо было попробовать проскрипции люстрационного типа. Все чекисты из КГБ. Все коммунисты от парторга и выше. Все стукачи (каждый третий) из всех списков. Все судьи и прокуроры, имевшие дело с диссидентами. Все врачи, пытавшие узников совести в Казани, Днепропетровске, Сычевке. Страшный суд. Но где сонмы ангелов, которые бы его осуществили? Где легионы Света? Кого могут отстранить кролики, 80 лет лизавшие пятки коммунистам и КГБ?

Здесь каждый должен был совершить над собой личную люстрацию: биться головой о стену, возненавидеть свой первый поцелуй, если он свершился при тоталитаризме.

До 1991 года — блок. Черная стена, закрывающая твое личное проклятое прошлое, твои куклы и детские игры, твою любовь и твои успехи в науке.

Нам была назначена такая цена. Мы ее не уплатили. Поэтому возвращаемся.

Возвращаться — плохая примета.

СУБЪЕКТЫ САТАНЫ

«Иностранец», №13, 7 апреля

Наш любимый Лившиц сказал, что надо делиться. Боюсь, что его неосторожное высказывание взяли на вооружение не только налоговики-рэкетеры в черных колготках с дырками для глаз, но и реальные и потенциальные сепаратисты, которые национально освобождаются с раннего средневековья и до наших дней или собираются этим заняться в ближайшее же время.

Делиться надо к месту и вовремя. Вот я, например, с Лившицем готова поделиться, если у него чего-то не хватает из товаров народного потребления, а вот с Маслюковым, Куликом и господином Примаковым делиться не намерена. Но это, так сказать, экономика. Слава Богу, не мой вопрос и не моя тема, и никто завтра не попросит

меня поделить инфляцию на приватизацию, умножить на национализацию и всё это предъявить МВФ в качестве программы выхода из кризиса для получения следующего транша.

Другое дело — национальный вопрос. Здесь правозащитник обязан быть подкован, как Левшовая блоха, даже если от перегруженности параграфами пактов в реальной ситуации он не может сдвинуться с места, как та же блоха.

Главная проблема национально-освободительных движений заключается в том, что в большинстве случаев первым освободительным актом оказывается освобождение от разума, здравого смысла, чувства юмора, инстинкта самосохранения и либеральных тенденций. Зачастую за этим следует второй акт, когда лишенная, наконец, обременительных связей с цивилизацией группа лиц (освободившаяся нация) водворяется на какой-то территории. Но это уже неинтересно. В следующий раз ее название будет упомянуто в следующих контекстах: гуманитарная помощь, голод, геноцид, гражданская война, беженцы, Гаагский трибунал.

История знает на редкость мало удачных национально-освободительных коллизий: освободительная борьба американского народа против «ига» Великобритании; освобождение Фландрии от испанского владычества; освобождение буров Южной Африки от англичан; освобождение Италии от власти австрийцев; распад Австро-Венгрии; многовековая борьба Польши и особенно ее последняя стадия: борьба с Российской империей; борьба стран антигитлеровской коалиции (исключая СССР) с фашистской Германией.

Это набор очень разных ситуаций, но есть у них что-то общее, и даже не одно, и это общее греет душу. Во всех случаях боролись народы, достигшие гражданской и государственной зрелости. Спелые, как персики, сорванные безжалостной рукой. И воевать-то не стоило, можно было отпускать вообще и в частности готовые государства в свободное плавание. Хотя, впрочем, войны эти велись иногда вяло и достаточно по-джентльменски. И недолго. Ну, англичане пытались повесить Ричарда из пьесы Бернарда Шоу «Ученик дьявола». Однако делали это настолько через силу, что к концу пьесы не успели и весьма тому обрадовались. Буры что-то тоже претерпели по роману «Капитан

Сорви-голова» (те же англичане чуть не затоптали копытами главного героя, но одумались).

Естественно, австрийцы вышли за рамки хорошего тона, вешая венгров и итальянцев. Не говоря уже о методах Российской империи и гитлеровской «Оси». Однако есть железное правило: сначала в Америке сформировались ассамблеи штатов, возникло республиканское правление, появился достаток, развилась культура — а потом и на волю захотелось.

И еще одна закономерность: свободы жаждал образованный класс, образованный и имущий — дворяне, буржуа. Сливки местного общества. Вильгельм Оранский, а не только Тиль Уленшпигель. Джефферсон и Вашингтон, люди богатые и культурные.

Ребенок уже родился — оставалось перерезать пуповину. Гезы Фландрии были голодранцами только для испанских грандов. Ни в санкюлоты, ни в комбедовцы они не подходили. Скорее фермеры и мелкие предприниматели. То есть у новорожденных государств были деньги, опыт государственности, гражданские структуры и элита, способная руководить. Можно было рубить канаты.

Кто-нибудь задавал себе вопрос, почему Америка отделилась от Британии не в XVII, а в XVIII веке, в самом его конце? И почему движение Мадзини возникло в Италии в XIX веке? Вот-вот. Они возникли, как ложки к обеду. Обед был уже на столе. И еще одно хорошее дело, одна хорошая черта: этих освободителей отличал редкий скепсис, свободомыслие, чаще всего — протестантизм (Штаты и Фландрия, буры и антигитлеровская коалиция). Или мягкий католицизм. Они все не были ни фанатиками, ни клерикалами. Они не хотели мстить бывшей метрополии и всему человечеству, они не строили из себя ничего, у них не было мессианской жилки. Они хотели просто жить свободными, торговать, строить, богатеть, познавать. Что у них и получилось.

Но есть очень склочные национально-освободительные движения. С надрывом и разрывом с просвещенным человечеством. С притязаниями на исключительность. У них тоже есть набор видовых признаков, некая «геополитическая» корзина. Чаще всего, никакого опыта государственного строительства. Никаких «заделов». Вместо гражданской зрелости — взбалмошность. Или они имели государство

десять веков назад, или просто им сейчас приспичило. «И страсть Морозова схватила своей мозолистой рукой». Как правило, эти движения или экзотичны (вроде движений за отделение Бретани и Корсики от Франции), или фанатичны на религиозной или политической почве. Управленческой элиты у них нет. Вместо буржуа — зачастую «авторитеты» и воры в законе. Вместо дворян — бывшие работники КПСС или муфтията. И они не хотят просто жить, они хотят показывать пример, являть собой, быть «светочем нашей жизни», «солнцем поколений».

Непонятно, например, чего добивается ИРА. Вместе с «Шинн Фейн»*. Ну да, в XII веке у них были крупные неприятности с английской короной. Можно бы и забыть за 800 лет. И не такое уж это несчастье — входить в блистательную и богатую, свободную и просвещенную Великобританию. Тем паче что по референдумам отделение от нее и воссоединение с Ирландией не проходит. Да и будет ли подарком для Ирландии Ольстер? Успокоиться надо, остыть. Ведь нет ни гнета, ни оккупации. В противном случае придется считать оккупацией и вторжение норманнов в Англию, а где их там сейчас найдешь?

Да и Индия поторопилась. Сейчас-то там всё более-менее. Наладили со временем западную демократию с местной спецификой. Но и Британии надо спасибо сказать. Без нее ни прогресса, ни техники, ни парламентаризма в Индии не было бы. Вдов до сих пор сжигали бы на погребальных кострах их мужей, а варны и касты некому было бы отменять, и неприкасаемые-«чандалы» по-прежнему были бы отверженными.

Британия сама потом дала бы независимость, как дала ее всем другим своим протекторатам и колониям. Зачем Махатме Ганди надо было абортить процесс, а его последователям еще и прижиматься при этом к СССР, до сих пор не пойму. Из университета в ашрам — это явно игра на понижение. Большевизм какой-то. Как можно отнестись к приемам «гражданского неповиновения», когда интеллектual сам моет и других призывает вымывать соль из морской воды и одеваться в набедренную повязку,

* ИРА — Ирландская республиканская армия, национал-освободительная организация. «Шинн Фейн» — несколько ирландских политических партий, выступающих за единую республиканскую Ирландию.

а потом начинает ткать полотно на примитивном ткацком станке — лишь бы не покупать в магазине у англичан?

Это отдаёт фанатизмом. Великий Ганди мог позволить себе некоторые чудачества, но могла ли Индия? Может быть, еще лет сорок рядом с Британией — и не было бы «Тигров Тамил-Илама»*, вражды индуистов и мусульман, трагедии Пакистана, который вообще достался фанатикам?

Шотландцы, например, на Англию обижены не меньше ирландцев, но почему-то выйти из состава Соединенного Королевства не рвутся. Всё поросло быльем, вернее, вереском. И Бернс, и вереск — общие.

Довольно противно получилось с нашим собственным освобождением. Красная Москва весь XIV век играла роль то ли капо, то ли полиция в оккупированной монголами Руси. А когда избавилась от ига, то заодно сбросила с себя тягостное бремя политической и гражданской свободы, подобрав под метелочку всю Русь, включая надежду нашего либерализма — Новгород и Псков. Формула создавалась на века: враждебное ордынское окружение, агенты влияния Литвы, враги «внутренние», которых надо прищучить, чтобы не восторжествовали враги «унешние». То есть с иноземного импортного аркана Русь пересела на родную цепь, изготовленную отечественными товаропроизводителями.

Помнится в национальные освободители набивались и Иван III, палач Новгорода, и Иван IV, выяснявший отношения с ханами Крымской Орды. Иван Грозный и Малюта Скуратов в виде карбонариев, участников национально-освободительного движения, — это круто. Только не в ту сторону. Но это не первый и не единственный пример освобождения из капкана в западню. Правильно говорил Станислав Ежи Лец. Его формула действительна для многих не тем концом начатых и не тем законченных национально-освободительных движений: «Ну, допустим, тебе удалось проломить головой стену. И что же ты будешь делать в соседней камере?»

Что делают в соседней камере, лучше всех демонстрирует Иран: черная дыра свободы. В этой черной-черной стране висят плакаты и рекламные щиты с проклятиями

* «Тигры освобождения Тамил-Илама» — повстанческое движение, сражавшееся за создание независимого тамильского государства на территории Шри-Ланки.

Америке, там носят черные-пречерные хиджабы, там дают срок за отпуск, проведенный в США, там за секс побивают камнями, там секут за танцы на собственной свадьбе. Там осуждают на смерть за стихи. Лучше уж быть колонией у приличной страны (США или Великобритании), чем пользоваться благами такой свободы. Черный стусок фанатизма, аятоллы, теократия, считающая себя праведной, а США как сердце и мозг Запада — Сатаной.

В конечном счете, все страны, считающие себя субъектами чего-либо другого, кроме Свободы, становятся субъектами Сатаны. Поэтому, когда в Чечне в военной запальчивости стали писать на стенах «Чечня — субъект Аллаха», — я содрогнулась. Потому что поняла — они свернули не туда и назад уже не вернуться.

У так героически начинавших чеченцев кончилась трагедия и начался фарс. Фарс непройденного теста, фарс конструирования темного подземелья, где женщины ходят в платочках, даже если они дикторы телевидения, где подло крадут друзей, таких как Елена Масюк, где явочным порядком вводят рабовладение, и где валяются отрубленные головы иностранных специалистов. А герои войны вместо суда присяжных вводят законы шариата. Мои погибшие друзья Джохар Дудаев и Хамад Курбанов, его представитель в РФ, больше всего боялись черной тени Ирана, холодной, трансцендентной тени, накрывающей Чечню с головой.

Я не верю в версию из приличных газет: хороший народ безумно боится бандитов и находится в их полной власти. Хороший народ ничего не боится — ни шайтана, ни Аллаха, ни Ваху Арсанова. Если Россия выглядела тупо и отвратительно во время войны, то Чечня выглядит отвратительно во время мира. Противно даже рядом встать. И это цена их свободы, это тот драгоценный лот, за который столько уплачено? Совковость догнала победителей, остановивших Империю.

И эта оккупация может не кончиться до конца времен, как не кончается у России, некогда оккупированной Ордой и позолоченной византийностью, ее тупая, зверская статья — ордынская традиция подавления, зависти и ненависти к тем, кому повезло, и немотивированная спесь, хамская, с ложными притязаниями, не исключая, кстати, и грамотного скулежа, как только на горизонте показывается косточка от МВФ. Словом, у России давно нет песен, не даром

гимн без слов — посредственность нема. А у Чечни остались одни военные песни, как песни времен Шамиля и шейха Мансура. В настоящем же — свобода, комом сброшенная со сковороды и застрявшая в горле.

Насквозь неправая Россия и утратившая после войны правоту Чечня — это не повод для брака, но и не повод для развода. Теперь уже все равно. Конечно, долги надо отдавать. Но кто способен на это в России? Отдадут, скорее всего, не из чести, а из страха. И примут, похоже, не собираясь расставаться с федеральными пенсиями.

Скучно на этом свете, господа. Вы скажете, пожалуй, что есть одно исключение из всех правил — Израиль. Через 20 веков восстановленный, хасидами украшенный, где даже приедем приходится считаться с законами Шаббата. Да нет! Израиль создан не хасидами, а интеллектуалами, и зиждется он на веселой ярости исторической мести. Радость реванша, преодоления имиджа забитого, замученного обитателя гетто, отравленного в газовой камере.

Победа над всеми Титами, Веспасианами, фараонами, инквизиторами, чертой оседлости, погромами и процентной нормой. Лучшая в мире армия, лучшая в мире разведка, современный парламентаризм, мировой музей и мировой курорт, блеск науки и богатства — и всё это на вулкане, на пороховой бочке... А хасиды и Шаббат — это просто такая игра. Назло нацистам и антисемитам, назло Фердинанду и Изабелле, назло Пуришкевичу и мучителям Дрейфуса, назло Розенбергу и Эйхману... Древняя, мудрая раса, превосходящая нас знаниями и опытом, нас, юных и незрелых славян.

Югославская же мышеловка тоже довольно противна. Первой ушла Словения, ушла, веселая и молодая, и смотрит, как бы вступить в ЕС и в НАТО. Остались самые неуклюжие и примитивные, одержимые, субъекты Сатаны: Сербия с ее Великой Сербией и Албания с ее Великой Албанией. Хотя эта жажда глобальности напоминает что-то такое советское или фашистское. Фанатизм сербов, готовых за кусочек Косово обратить в руины Белград и всю страну, бросающихся на натовские боеголовки, сочувствия не вызывает. В этом сербском орнаменте есть что-то северокорейское, от идей чучхе.

Сегодня поймали за руку Милошевича, и НАТО бомбит его. Но ведь и албанцы занимались этническими чистками, да еще карали своих за либерализм и «измену принципам».

Если, получив автономию, они займутся тем же, да еще станут что-то клеить из Косово и Албании, НАТО придется заняться и ими. НАТО — строгий, но справедливый арбитр. У него не забалуешь. К несчастью, глупость бомбежками не устранишь, но все равно попытка защитить слабого и дать по рукам хулигану Квакину — задача, достойная Тимура и его команды.

Какая Великая Сербия — на волне милитаристского удара? Какая Великая Албания — застроенная дотами при Энвере Ходже и виртуальными пирамидами после него? Слава и величие начинаются тогда, когда под крыльями кончаются лед, и кровь, и грязь.

Но меньше всего сочувствия у меня вызывают «национально озабоченные» курды. Сталинисты, коммунисты, читающие между боями «Как закалялась сталь», фанатики, бросающиеся в огонь, обожающие своего «дедушку Ленина» — «Апо». Хочется верить, что какие-то нормальные курды живут в Анталье и Европе. Но те, которых нам показывают на экранах телевидения, могут жить только в европейских и турецких тюрьмах или нервных клиниках, а отнюдь не в своем государстве, ибо они политически невменяемы.

И если свободы нет у тебя внутри, ты не найдешь ее ни в горах, ни в долинах.

ДОВРЫЙ ДОКТОР АЙВОЛИТ

«Новое время», №17–18, 2 мая

Сердце — не камень. Бывает, что врач жалеет своего больного. Особенно безнадежного. До того жалеет, что готов пристрелить его (отравить... возможны варианты), чтобы не мучился.

И вот человечество, которому, как видно, мало было Майданека и Освенцима (где уничтожались представители «неполноценных рас», которые, с точки зрения гитлеровских «гуманистов», тоже зря мучились и мучили человечество), решило обойти неудобный вопрос и еще более неудобный ответ (можно ли убивать бесполезных своих членов, как, сколько и через какие юридические формальности) с помощью социальной технологии, которая в СССР носила название «по просьбе трудящихся».

Трудящиеся много чего просят на своем веку (в основном, чтобы правители отобрали деньги у тех, кто их имеет, и отдали им, или чтобы власти казнили на площадях тех, кто им не нравится: преступников, мздоимцев, диссидентов, либералов, представителей секс-меньшинств). Трудящимся внимают политики (хорошо, что не всегда и не до конца). Но если в этот процесс включатся и врачи, нам всем станет совсем весело.

Американский доктор, публично и с показом на видеокассетах осуществлявший процесс эвтаназии «по просьбе трудящихся», по-моему, получил по заслугам. Но не с той формулировкой. Его следовало судить за демонстративную, публичную проповедь фашизма. А диплома лишать за нарушение «клятвы Гиппократата» («Я не дам никому смертельного средства»). Древние были мудры, они все этические развилки предусмотрели.

Нет, я отнюдь не против самоубийства. Причем не только по вопросам здоровья, но и по вопросам совести. Каждый волен уйти из жизни, его святое право, его свобода; жизнь — не повинность, которую надо отбывать и отрабатывать.

Просто если резоны будут несерьезными, человек оставит о себе плохую память, вот и всё. Но это — личное решение и должно осуществляться лично, вручную. Тогда — это право на свободный выбор. Не быть.

Но если вмешивается сюда посредник, да еще в качестве врача, то, по-моему, это уже не свобода, а элемент тоталитаризма (кто-то решает: кому — быть, кому — не быть). Пациент должен иметь мужество решить этот вопрос лично, а не хвататься малодушно за социальные институты. Накормите, трудоустройте, осчастливьте, да вот еще это: убейте. До чего только не доходит социальное иждивенчество! Человек, к постели не прикованный, имеет массу способов решить этот вопрос. (Если не решать его так, как в «Интервенции»: «Аптекарь! Дай мне буржуазного, сладкого, безболезненного яда...» Пока Женя ищет подходящий вариант, желание умереть начисто пропадает.)

Если больной прикован к постели, у него остается средство, к которому прибегали древние эллины-стоики: умерить себя голодом. Это требует мужества, но хорошо позволяет проверить решимость. Если человек впадает в кому, если сознание отключено, он, конечно, решить ничего не может. Помните, как решается этот вопрос в «X-files» со

Скалли? Она оставляет завешание, чтобы ее не держали после какого-то периода на искусственном сердце и легких. Это не убийство: больной после этого живет какое-то время. Может ослабеть и умереть, а может и выздороветь. Впрочем, для нас это не проблема. У нас никто тебя не будет держать на аппаратах, если ты не в ЦКБ (и с завешанием, и без).

Но если пациент в сознании, он должен понимать: он предлагает врачу стать палачом. Никто не имеет такого права — просить об этом. Иногда о смерти просят роженицы. Выполнять просьбу? Инвалиды, родители неполноценных детей встанут в очередь, особенно в бедной, запущенной стране (такой как наша). И мы придем к гитлеровской евгенике: жить будут арийцы, абсолютно здоровые и отвечающие стандартам. В том числе и политическим. Уже были предложения не оставлять жить детей с синдромом Дауна и убивать тяжелых хроников-психбольных.

Отсюда недалеко и до эвтаназии стариков. В США полно таких книг-антиутопий.

Словом, вопрос об эвтаназии — это опять вопрос о либеральном подходе. Надо иметь мужество жить — и иметь мужество умирать. И делать это самостоятельно.

ИМПИЧМЕНТ НА ШЕЮ — И В ПРУД

«КоМоК», №21, 26 мая

Любят у нас говорить умные иностранные слова, особенно коммунистическая голь перекатная.

Вместо сговора у них — «консенсус», вместо гниения — «стабилизация», вместо подлости — «прагматизм».

Вот так и с модным словом «импичмент». К российской действительности он подходит так же, как понурой, замученной, безрогой корове седло из шкуры барса. По крайней мере то, что мы пишем, совсем не то, что у авторов проекта в уме.

«Импичмент!» — выкрикнули в отчаянии демократы, когда началась «грязная» война, то есть война в Чечне. Выкрикнули, поозирались... и замолчали. Потому что увидели тихое, забитое, трусливое общество, повторившее в условиях полной свободы афганский прецедент, увидели военных, саблезубых, как Сталин и Троцкий, называвших

чеченцев «духами» или «чехами»; увидели пыточные «фильтры», Коржакова и Барсукова, как новых Геринга и Бормана; увидели наших коммунистов, наостривших лыжи на свободное место, которое некому было от них защищать. И подавились собственным отвращением и собственными предложениями, сообразив, что импичмент убьет слабую демократию и не спасет чеченцев (элдэпээровцы уже предлагали скинуть на них атомную бомбу).

Сейчас это умное слово выплывает вновь*. К чему бы это? Как писал Чехов, «они (депутаты) образованность свою хотят показать и потому говорят о непонятном». Однако кое-что уловить можно... Речь идет о чем угодно, только не об импичменте, — о вилах, о поджоге, о государственном перевороте.

И еще о Муму. Об очаровательном белом цуцике из новой версии недавнего фильма. Это Россия, доверчиво перебирая лапками, сидит на носу роковой лодки. Это ее, совершенно беззащитную, хотели обвязать веревкой с камнем по худенькой шейке, чтобы пихать в мешок, а она, ничего не понимая, как не понимала никогда, скулила бы и лизала руки, принимая смерть за конституционный процесс. И ее бросили бы, набрав энное количество голосов, в холодную воду, и она пошла бы на дно уже навсегда. И никаких больше перестроек. В лотерею два раза не выигрывают. В одну и ту же.

И утопили бы, кстати, не Ельцина, а Россию: это ее тоненький, еле слышный лай, робкие попытки пожить по-человечески мешают спать коммунистическому барству.

И найдется много Герасимов, Герасимовых, Скуратовых и конституционных судей, не говоря уж о Лукьяновых и Илюхиных, которые пошли бы топить по приказу, ибо они холопы, а на всё есть барская воля КПРФ. 75 лет крепостного состояния сказываются.

А Ельцина утопили бы заодно, он такой же, как Россия, он ее часть: та же беспомощность, неумение отличить рук друга от рук палачей, те же тоненькие лапки на роковой корме (черт меня дернул посмотреть этот фильм).

Да, ни Ельцин, ни Россия больше не похожи на сильного, большого Полкана. Тянут на Муму. Поэтому импичмент на шею — и в воду. Не для исправления нравов. Не для

* В 1999 году была инициирована процедура импичмента Ельцину.

проведения реформ, не для спасения Отечества. Для того чтобы остаться с нами наедине. Чтоб уж без вето, по полной программе: изменение конституции, резекция оттуда всех прав и свобод, и чтоб карточки, колючка, расстрелы, голодомор, — и в Сербию, на волю, в пампасы. С НАТО воевать. Шапками его закидывать, когда яйца кончатся.

Добивают не только ослабевшего, больного президента — добивают чахлую российскую демократию. Такую чахлую, что они с этим президентом нерасторжимы, или бледным, без хлорофилла, веточкам нашего душистого горошка некого будет обвить, а иначе они не умеют и чахнут.

И каковы же обвинения для этого самого «импичмента»? Развал нежизнеспособной империи (ни во Франции, ни в Британии за это почему-то никого не судили).

«Геноцид» демографический, присущий всему миру, а ежели кто не доживает до 60 лет, так пить надо меньше. Льву Разгону, например, 90 лет.

Робкая попытка самозащиты той же демократии в 1993 году. И неудачная! А то ведь победителей не судят, а раз дошло до суда, значит, «гадину не добились», и она вползла в парламент, и в суды, и в МВД, и в губернии, и уже почти задушила тех, кто собрался на Запад, вместе с народом.

А Чечня... Да, это повод, но не у нас... А судьбы кто? Коммунисты, втравливающие нас в балканскую войну, рукоплещущие сербам, которые с албанцами обращаются так же, как мы с чеченцами. Патриарх Алексей, звавший юношество воевать в Ичкерии? Конституционный суд, оправдавший нашествие и бойню?

К несчастью, у противников импичмента тоже имперские тараканы в голове. Они просили отложить. Дать президенту сплотить страну, впихнуть ее в новую балканскую войну, а потом, наверное, судить по совокупности.

Ведь один импичмент дешевле двух.

Кстати, в прямом переводе это слово означает «помешать». «Когда мешают». Так вот, нам хотели помешать ползти на Запад и навеки стащить в зловонные дебри «Азиопы».

Депутаты — почти 300 штук — голосовали за путч.

Коммунисты и нацисты, преступники и безумцы. Интересно было, за что проголосует «Яблоко»? Оказалось, что «Яблоко» и впрямь от Змия.

Ведь путчи отдают власть не Керенским, но Ульяновым и Троцким. У нас почти нет шансов выплыть, но без импичмента на шее мы еще побарахтаемся.

И не думайте, что всё, проголосовали — и завязали. Как веревочка ни вейся, все равно конец придет. Несчастный президент может совершить еще массу преступлений: май холодный, год не хлебородный, пятна на Солнце, падеж скота и рубля, отказ объявить войну НАТО, ЕС и МВФ, падение метеорита, землетрясения, настоящие реформы по формуле «Гайдара нашего засушного даждь нам днесь». Так что никогда не говори «никогда».

Теперь Госдума, этот пустой кувшин, повадилась по воду ходить. И пока ей не случится быть разбитой, мы спокойно спать не будем.

Напрасно молодой Рыжков обозвал Ельцина ядерным устройством, взрывающимся самопроизвольно. По-моему, это Дума, — скорее, заряд минувшей войны СССР со всем разумным, добрым и вечным, заряд не разорвавшийся, но с истлевшей оболочкой, торчащий на Охотном ряду. И если рванет — человечество быстренько поверит Нострадамусу насчет конца света.

Сидеть верхом на этом заряде должно быть неуютно. Неужели юный Рыжков и ученый-экспериментатор Явлинский, которому очень хотелось, чтобы рвануло в научных целях, не ощущают некоторого неудобства от такой позиции?

А Ельцин, скорее, сапер. И потому он так медлит и копается, что сапер ошибается только один раз. Как сложно разряжать боеголовку Госдумы, Совета Федерации, Генпрокуратуры, Правительства, когда вся страна — сплошное минное поле.

И, по-моему, он очень грамотно поступил. Сначала удалил внутренний импичмент в виде Примакова, которого жутко полюбил народ (рыбак рыбака...). Потом управился с внешним. С большевиками из КПРФ и меньшевиками из «Яблока».

Сейчас депутаты делают вид, что успокоились, и губки бантиком складывают. Но импичмент у них все равно за пазухой или за голенищем. Коммунизм — это импичмент. И агрессивный национализм — тоже. Чему, спросите? Жизни на Земле. И способ только один. Ведь и красным, и коричневым с розовыми голыми хвостами так пойдет подполье после запрета. Вот на то и предлагают Степашина. Поскольку он опытный Крысолов.

ПТИЧКИ ГАДЯТ ПОВСЮДУ

«Комок», №22, 2 июня

Государство, в отличие от либералов, любит заниматься национализацией пополам с приватизацией. Причем в России оно делает это попеременно: при монархии, при большевиках и опять при нашей демократической конституционной монархии.

Как появится крупный поэт (которого при жизни власть то шпыняла, то бросала ему кусочек печенья, чтобы он словил его зубами на лету и повилял хвостиком; которого тупо игнорировал народ, а когда узнал, возненавидел, закормленный неврастениками-Онегинными и худосочными Татьянами), так сразу, дождавшись, пока несчастный задранный гений отмучится либо на соломе, либо насильственной смертью, государство начинает лить крокодиловы слезы, пускать шутихи и фейерверки и прижимать покойника к своей искусственной груди.

Самая замечательная национализация-приватизация, конечно, состоялась по поводу Гумилева. Сначала мерзейшее государство расстреляло Николая Степановича в 1921 году. Якобы за участие в заговоре Таганцева. Потом, через 70 лет, выяснилось, что никакого заговора Таганцева не было. Заговора не было — а расстрел был. Так вот, через четыре года после казни Гумилева (национализации) его лучшая пьеса «Гондла» шла в Мариинке. Когда закрылся занавес, зрители долго требовали автора (приватизация)...

До большевиков дошел юмор ситуации (как колдунья из «Снежной королевы», которая розы спрятала под землю, а стереть их со своей шляпы забыла; такие они рассеянные, эти коммунисты). И они запретили и стихи, и пьесы, и поэмы Гумилева. Он ушел в самиздат и тамиздат.

Пушкин тоже щедро пользовался самиздатом, только «Эрики», чтобы брала четыре копии, не было. А насчет тамиздата у него были обширные планы. Александр Сергеевич Пушкин, умница, талант, скептик, вольнодумец, диссидент (такой же, как его последователи в вольнодумстве в XX веке), хотел стать невозвращенцем. У него, видите ли, были плохие отношения с птичками. С нашими национальными птичками с государственного герба. С орлами-стервятниками, грифами, орлами-могильниками, сипами белоголовыми, охочими до падали и до живой плоти.

Такие ведь и в могиле успокоиться не дадут. И не дали. Второй юбилей справляем. Птички гадят повсюду.

И я не помню случая, чтобы государство российское не нагадило россиянину в борщ. Который, кстати, не оно ему готовило и не оно ему наливало. Главной заботой всегда было отнять у подданного свободную душу, совесть, волю, а заодно и борщ, который к этим понятиям имеет непосредственное отношение. (Если не знаете какое, спросите Егора Гайдара.)

Итак, о птичках. Жилось с ними Пушкину совсем не сладко, несмотря на Натали. Любовь Орлова тоже была красавица, но это не значит, что Александров всю жизнь не трясся от страха, глядя, как плотоядно шевелятся сталинские усы.

Пушкин был умен настолько, что ни в грош не ставил ни власть, ни народ. По части правового государства он в XIX веке угадал, как мы будем входить в XXI. Рекомендуемую девиз для Министерства юстиции: «В России нет закона. А есть лишь столб, а на столбе — корона». И это будет еще не худший вариант. Потому что сейчас у нас ельцинская корона слишком часто сползает со столба, и тогда Сатана (Дума) там правит бал.

Народу Пушкин тоже не отказывал в правде, благо в депутаты собираться было не принято. А зачем тогда врать? Самый главный комплимент Пушкина в адрес народа, сиречь электората: «Бессмысленная толпа». А инструкция по эксплуатации такая: «К чему стадам дары свободы? Их должно резать или стричь».

Может, Пушкин был придворным льстецом, втирушей? Увы! Царь — «кочующий деспот», «самовластительный злодей». И когда он пишет, что «смело чувства выражает, языком сердца говорит», когда «хвалу свободную слагает» царю, то это не подхалимаж, а попытка установить человеческие отношения с личностью, без птичек с хищными клювиками.

А мы что с вами делали, распевая хором «Да, да, нет, да!», или когда танцевали до упаду под речитатив «Голосуй или проиграешь». Наш-то монарх явно добрее Николая. Нью-декабристов не повесил, в Сибирь не сослал. Вместо картечи стрелял холостыми болванками (болванками — по болванам).

Пушкин очень хотел полюбить царя, да его стошнило. А у нас к нему чувства сложные. Как про единство и согласие с коммунистами заговорит, так любовь вся куда-то улетучивается. Убрал Примакова — прилив любви.

Пушкину показалось, что царь «бодро, честно правит нами». Наша проблема — в другом. Нами не правят бодро и достаточно активно, полагаясь на наши собственные жалкие ресурсы. А какие же это у нас ресурсы? Чуть наш царь Борис отвлечется, один из нас — на диван к Обломову, другие — на печку к Емеле, а третьи и вовсе начинают мировой пожар раздувать.

Словом, Пушкин знал всё: никчемный народ, никчемная власть, да и оппозиция-то никчемная.

Поэт был смел, но недостаточно глуп, чтобы идти вратъ на Сенатскую площадь про Константина с Конституцией, и даже в смертный час, встречая тупое непонимание силой втянутых в мятеж солдат, лихорадочно бредить о грядущей большевистской революции с истреблением царского рода. Будущий большевизм Пушкину не нравился.

Да, он готов был потусоваться, но мчаться куда-то по первому звонку будущего 1937 года, заведя будильник для Герцена, — это надо было не быть интеллектуалом и страшно хотеть отдать жизнь за народ. А Пушкин был интеллектуал, и Глинка с его жизнью за царя и национал-патриоты со смертью за родину вызывали у него здоровую тоску.

Припадочная страна, где за ним следил в качестве сексота собственный отец, где ссылка следовала за карантинном, чума за холерой, взятие Парижа за Священным Союзом, где тихо создавался будущий Варшавский блок и надо было вести антинаполеоновскую (антинаатовскую) пропаганду, вызывала одно желание: сделать ноги. Особенно после того, как Чаадаева пустили по линии карательной медицины.

Пушкин знал: если он останется жить, ему придется носить камер-юнкерский мундир (как наши артисты и режиссеры получают на бедность какой-нибудь орден IV степени) и негодовать в 1830 году, в годовину Польского восстания. Придется усвоить двоемыслие.

Но как было бежать? Не помог фальшивый диагноз для лечения. Несчастный Пушкин не мог даже захватить самолет. И птички-стервятники загнали его в самый темный и глухой угол. Чтобы не стать шутом, пажом при Натали, чтобы не сделаться Жуковским, Державиным, Демьяном Бедным, чтобы не заставили полюбить народ, власть и птичек с запашком падали, лекарство было одно — Черная речка. Но на этом развязаться с птичками не удалось. Пожертвовавший жизнью, чтобы не утратить свободу, Пушкин

был взят рукавицами из камня, тяжкими десницами Статуи Командора Иосифа Виссарионовича.

Бандитская власть, чугунная власть, власть рабов и надсмотрщиков справила его юбилей в 1937 году, под расстрельные залпы в тюремных подвалах. Потом его зачислили в диссиденты, в антисоветчики... Он возглавлял митинги ДС, неслышно призывая милость к тем, кого за ноги волок в автобусы ОМОН.

Сегодня уже не страшно. Сегодня просто пошло. Большой кондитерский Пушкин обыгрывается властями, дабы они могли показать свою народность и свою образованность. Пушкину уже, пожалуй, все равно. Он от бабушки ушел, от двора и царя, от народа ушел. Он ушел от страны, не давшей ему иностранный паспорт, туда, где нет таможен и границ.

Народу тоже до фонаря: он Пушкина не читал, Белинского и Гоголя с Адамом Смитом с базара всё не несет. А государственные птички, птички с голыми шейками и зубастыми клювиками, в своем репертуаре. Птички гадят повсюду.

ХОЛОДНОКРОВНЕЙ, МАНЯ!

«Иностранец», №32, 18 августа

Есть такой одесский юмористический персонаж — вор в законе. В те фольклорные времена воров было мало, и Бабель знал их всех наперечет, поэтому его налетчики выглядят как-то трогательно и одиноко. Не то что сейчас, когда они стали большинством населения. У этого персонажа (Бени Крика) была подруга-напарница — Маня. И когда по время налетов она входила в раж, он ей напоминал: «Маня, холоднокровней!» Это доброе старое правило полезно не только для налетчиков, но и для верующих всех мастей, и для политиков, которые слишком часто превращаются в фанатиков.

Вот недавно «Свидетели Иеговы» были сняты с регистрации. То есть, с точки зрения нашего благоприобретенного Великого Инквизитора Дворкина — Торквемады, объявлены «тоталитарной сектой». Они, конечно, бедняги апелляцию подали, и не Иегове, что было бы логично, потому что это их иерархия, но в высшую судебную инстанцию, которая и к свидетелям, и к обвиняемым, и к Иегове не должна иметь никакого отношения. Или по крайней

мере иметь его еще меньше, чем Синедрион, Анна, Каифа или Милли Меджлис.

Безусловно, иеговисты — чудики, но хотя бы безобидные. Подумаешь, отказываются от переливания крови! Значит, чужой крови не хотят. Конечно, это странно. А что коммунисты жаждут пить чужую кровь, это не странно. Поэтому их регистрации не лишают. На том основании, что их много. Говорят, что сатанинские силы тоже весьма многочисленны. Если верить отцам Церкви. Так, может быть, создать из них парламентскую фракцию, а Сатану сделать вице-спикером Думы? По-моему, они с Селезевым сработаются. И по подходам, и по установкам. По крайней мере насчет каторги у них будет полный консенсус. Ведь то, что предложил Селезнев, — это, по сути дела, Ад.

Кого должны ловить спецслужбы и МВД страны, если в данной стране в парламенте полным полно красно-коричневых экстремистов, если коммунист на фашисте сидит и националистом погоняет? И, главное, если и спецслужбы, и МВД тоже пора ловить для безопасности общества, а то они то за Никитина, то за Мирзаянова, то за Пасько, то за Собчака хватаются? Какое, обратите внимание на очередность, Братство ловить? В смысле Белое Братство или Красное?

Несомненно, Мария Дэви Христос — законченная дурочка и блаженная, похуже Василия Блаженного, который хотя бы отказывался молиться за царя Ирода. Но согласитесь, что даже при наличии интересанта и втируши Юрия Кривоногова Ленин со своей гвардией, Лимонов со своими нацболами и Куваев с Зюгановым и Макашовым опаснее любых юродивых.

Юродивые и блаженные обычно забиваются в леса, в джунгли, в горы и ищут там своего спасения самыми неостроумными способами. Хорошо, если взрывчатку не рассылают, как Унабомбер.

А вот большевики сидят в шалашах и подпольях самое ограниченное время, а потом переключаются на вокзалы, почту, телеграф и банки. Кстати, большевизм — такая же религия, как вера тех кретинов, которые покончили с собой в джунглях Гайаны. Коммунисты, как и члены «Аум Синрикё», как полпотовцы, как маоисты, ненавидят мир, лежащий во грехе. И делают оргвыводы: уничтожить всех грешников, а грешники — действительно все. Так что не ошибешься.

И они сначала уничтожают людей за то, что те хотят жить не в аскезе (коммунисты здесь прямо как инквизиция, вот они и встретились), а потом друг друга, заподозрив в отклонении от идеала. Чем, кстати, в свое время на досуге баловались и господа церковники, сжигая не только мирян, но и монахинь, и священников.

Любая идеология, что теологическая, что политическая, подозрительна и в больших дозах ведет к самому непристойному безумию. Как тяжелые наркотики. Ведь хочется увеличить дозу, правда? Этого же хочется аятоллам, патриархам, папам, гестаповцам, чекистам, парторгам, суфиям, талибам, йогам и даже гринписовцам, которые из-за шубы готовы убить человека, а ради сохранения популяции китов — устранить человечество.

Может быть, единственная безопасная религия — это английский и американский протестантизм, где пастор — просто социальный работник, где воскресная проповедь — garden-party, где много праздников и вечеринок, где есть полезные кружки и где, наконец-то, понято главное: Бог хочет нас видеть трезвыми, умными, образованными, благородными и делающими ближнему (и дальнему) разумное добро. Именно разумное, потому что есть такие добрые самаритяне, которые способны дать человеку столько всего даром, что он превратится в паразита. Чего, по-моему, социалисты во главе с «Яблоком» и хотят. А паразиты, сами понимаете, никогда.

Бог — ректор той высшей школы, которая и есть наша единственная жизнь. Нечего виснуть у него на шее: студентов много, времени мало, вечность — не резиновая. Надо просто сдавать ему экзамен. Сдал па пару — пересдай. Пока еще яркое свет, пока есть время.

Надо окончить курс и получить диплом по способностям: порядочного человека, добродетельного человека, мужественного человека, героя. Представьте себе экзаменатора, к которому вы приходите и говорите, что поститесь по средам, пятницам и субботам. Или что вы блюдете целомудрие. Или молились ему целый день до экзамена. Как вы думаете, повлияет это на оценку?

Где-то в Восточной Сибири у нас объявился некий Виссарион, считающий себя Мессией. Его адепты живут в глухом месте, пашут, занимаются сельским трудом. Для здоровья и психики это было бы полезно, если бы, конеч-

но, не называть себя Мессией и вообще не делать культа из своей пасторали. Но делают же культ, делают! Начиная с Толстого. А потом Лиза и Коля из «Двенадцати стульев» выясняют, ссорясь, ел ли граф спаржу или лопал мясо.

Меня лично пугает слабость робких, рабских душ, которые ищут себе Господина, решающего всё за них, Ленина, Сталина, Мао, Конфуция, Будду, Иегову, Шиву, Зюганова, Усаму бен Ладена, Саддама или Лукашенко. Это случаи фанатизма разной этиологии.

Молодец Салман Рушди! От фанатизма лечат юмором и сатирой. Смехом. Вот прочту Коран, напишу продолжение. Или просто фельетон. В этом мире нет идеологических табу, над которыми нельзя смеяться. Не должно быть. Разрешают же в Израиле есть трефное, не соблюдать субботу, продавать в «русских» магазинах свинину и сало и выпускать журнал «Беседер», где бытуют такие стишки: «...у него папаша из ХАМАСа, у нее братан из Хезболлы... Ходим мы вдвоем по Иудее и коктейли Молотова пьем...» И анекдоты типа: «Можно ли считать пушечное мясо кошерным?»

В ином отеле вам сома и лангустов не подадут, но рестораны с такими блюдами есть повсюду. Нарушайте себе заповеди на здоровье, и если в отеле вам утром вдруг не дадут мяса, а только молочное и рыбное плюс омлет, то дома вы запросто можете сварить козленка в молоке матери его, и никакая полиция нравов к вам не придет.

Евреи воссоздали старинные обычаи в пику врагам, гнавшим их и ненавидящим их до сих пор. А вот православные назло кому постятся? Американскому империализму? Так ему до фонаря — меньше гуманитарной помощи уйдет.

А в Ватикане зачем секьюрити не пускают в собор Святого Петра туристов в шортах? Ладно, это еще можно понять, но меня-то почему в сорок градусов жары, в длинной шелковой юбке и в легком топике с крошечным декольте и без рукавов заставили в шаль укутаться? Я из-за этого раздумала в католичество переходить.

А катехизацию взрослые соискатели костела в Москве проходят чуть ли не год. Пока их удостоят крещения. Христос, мне помнится, такого испытательного срока (почти как в КПСС) не требовал. Более того, так ведь и помрешь искрещенным. А за год можно и к епископству подготовиться, и святым стать.

Так что чудиков в мире полно.

Вопрос весь в том, с кого начинать запреты. Наверное, не с иезуитов, которым тоже отказано в регистрации. Что, боятся, как бы они по второму разу не убили Генриха III и Генриха IV?

Скит, монастырь, пещера — это всё так же противоестественно, как вызовы на партком и кодекс молодого строителя коммунизма.

«Аум Синрикё» — это продолжение маоизма, да и «лепенизма», судя по Тибету, торговле органами из живых смертников, арестам и пыткам инакомыслящих.

Самоубийство сектантов Гайаны — это нормальная практика Пол Пота. И джунгли, и ненависть к цивилизации.

Православная церковь — это косное, ретроградное и реакционное политическое объединение типа «Отечества» или РОСа.

Я поэтому в церковь не хожу. Лучше умру, чем платок надену. Готова идти на костер. У меня есть Библия, Сенкевич, Ренан, Достоевский, Гессе, Чехов и Бунин (моя религиозная литература). Я не агностик, нет. Я христианка широкого профиля на самообслуживании.

Кстати, то, что сегодня говорят об иеговистах, Виссарионе и Марии Дэви Христос, в I—II веках нашей эры в Риме говорили о христианах вообще. Просвещенные, классически образованные римляне из знатных семей (отнюдь не палачи и не сторонники казней) считали христиан неграмотной сектой грязных, дурно воспитанных рабов, предающихся диким суевериям, фанатиками, чуждыми искусству и наукам. Словом, это были низы, где человеку из элиты и показаться зазорно. Так думали те, кто не предлагал запретить христианство. А просто не пускал христиан себе в дом.

Словом, великая религия начиналась с «тоталитарной секты». Я уж не говорю об инквизиции, крестовых походах, индальгенциях, джихаде, соблюдении субботы, воскресенья, пятницы, буллах и фетвах. Меня пугают в равной степени все мировые религии и все мировые секты. И все мировые идеологии, кроме либерализма, отрицающего идеологию вообще.

Я не собираюсь ни ходить на исповедь, ни снискивать себе нирвану, ни спать на гвоздях, ни таскаться за мессиями и пророками (лже и даже не «лже»). Намаз тоже не собираюсь совершать. Людоедство, многоженство, инициации, паранджи и платки тоже не одобряю. И вам то же советую.

Лучше «Реквием» Моцарта послушать один раз, чем поститься десять лет. Лучше почитать Ренана, чем молиться.

Бандитов это не остановит, благо есть формула: «Не согрешишь — не покаешься».

А что делать несчастным родителям, если их дитяtko уверовало в Виссариона или в Хозяйку Медной Горы? (Есть и такая секта на Урале, причем ссылаются они на Бажова и на его внука — Гайдара.) Если это дитяtko не делает честную карьеру, бросает институт, не хочет зарабатывать деньги, отдает всё имущество бедным и ходит в лохмотьях и веригах?

Это патология, сродни наркомании. Но от этого не лечат ни тюрьмой, ни институтом Сербского. Здесь бессильны тюрьмы, психиатры, декодеры и Совет безопасности.

Во-первых, надо было лучше воспитывать детей. Во-вторых, здесь помогут скорее Жванецкий, Ильф и Петров, Шендерович и другие сатирики.

И гнать мунистов, иеговистов, пятидесятников и кришнаитов бесполезно. Ежели кто не хочет учиться, то и не будет. Ежели кому приспичит пожертвовать все деньги бедным, то вы его не удержите. Бедных же не запретишь, как пятидесятников, правда? Если у кого нет головы на плечах, то запрет мормонов не поставит ее на место.

Пора привыкать к мысли, что нельзя запретить глупость, слабость, безволие, нелепое поведение, игры (даже опасные игры), шутовство и анахронизм. От этого умнее не становятся ни дети ни взрослые (вместе с государством, пытающимся исправить своих неразумных детей). Да еще какое государство, надо посмотреть. КНР сейчас охотиться за верующими, а что китайские коммунисты могут предложить более умного взамен? Цитатники Мао?

Это цель, в сущности, та же проблема, что и легализация наркотиков. Только мировые религии — легкие наркотики, а вахабизм, фанатизм, аскеза, монашество — тяжелые, вроде героина. Кого лечить и кого сажать? Употребителей или распространителей?

В существовании Бога я не сомневаюсь. Но это штучный товар. Для индивидуального пользования. Я сомневаюсь в том, что Бог имеет какое-то отношение к какой-нибудь религии. За исключением легкого, умного, современного протестантизма. Благотворительность, любовь к людям и животным, ненависть ко Злу (и его носителям).

Я бы посоветовала религии всех фасонов легализовать, а карать за конкретные преступления. Как наркодилеров. Если «падре» или сэнсэй призывает убивать или покончить с собой, поступайте с ним, как с наркодилером. Если ты распляешь зарин в метро, суду чихать на твою веру. Ответишь жизнью, как за убийство.

Для умного народа нет опиума. А для глупого — его навалом. Любая религия — опиум для такого народа. Героин — опиум для народа. Коммунизм — опиум для народа. Социализм — опиум для народа. Мавроди — опиум для народа.

Не надо бояться оскорбить наркомана в бреду его горячечных иллюзий. И если Аушев говорит, что Аллах позволяет ему иметь четырех жен, то смейтесь на весь Кавказский хребет.

Так что холоднокровней, Маня, Мария Дэви, иеговисты, мунисты, трясуны (хлысты). Помните, что лоб расшибают себе только дураки. Давайте составим списочек. Сначала запретим коммунизм и фашизм. Это не то что опиум, а топор для народа. С плахой. И доказательства есть. Эмпирические.

И устроим наш маленький крестовый походик на завоевание Гроба Врага рода человеческого на Красной площади...

НАЛОГ НА НАСЛЕДСТВО

«Новое время», №33, 22 августа

Каждый раз, когда заходит речь о том, какой президент начнет управлять Россией в XXI веке, я вспоминаю бессмертный труд Андрея Амальрика, с чисто диссидентской запальчивостью названный: «Доживет ли СССР до 1984 года?»

Андрей ошибся только на 7 лет, СССР протянул ноги в 1991-м. Правда, самому Андрею увидеть это не удалось. Он погиб в Париже, уже после лагерей, в очень подозрительной автокатастрофе.

Когда два диссидента едут на международную конференцию по разрядке, чтобы опровергнуть ложь советских участников, и переворачиваются, я в это верю примерно так же, как в то, что Раскольников сам выпал из поезда, а Михоэлс — попал под грузовик.

Что там президенты? Это дело пустое. Вопрос можно поставить шире. Доживет ли Россия до XXI века? Или:

1) образуется союз между ней, Белоруссией и Сербией Милошевича. Как будет называться этот гибрид, я не знаю, но только не Россией;

2) ее завоюют чеченцы (китайцы, северные корейцы, щедро снабженные нашим оружием);

3) она распадется на уделы (и удел каждого удела будет таким горьким, что придется говорить об XI веке, а не о XXI);

4) взорвутся ржавые боеголовки в шахтах или испарятся с помощью террористов запасы химического и бактериологического оружия, и всё вообще прахом пойдет на 1/8 части суши.

Но если эти напасти нас минуют, тогда вопрос встает ребром. Борис Николаевич Ельцин сдает Россию с большими недоделками, совсем как советское СМУ: престол есть, но с народом и отечеством проблемы. Ленина не закопали; коммунистов не перевели из Думы, судов и прочих им не подходящих по профилю учреждений; народ не возлюбил либерализм, но разлюбил президента; экономика существует наполовину в виртуальном измерении; рубль легкий, зато на сердце тяжело; национальный вопрос не решили, несмотря на коврово-точечные бомбардировки; с Лукашенко и Милошевичем подружились, а с Западом поссорились; гимн, герб и флаг не утвердили; колхозы не упразднили.

Поэтому срочно требуется наследник, чтобы эти авгиевы конюшни разгрести, а лернейских гидр вывести за скобки. Желательно сочетание талантов: стратегические способности Александра Македонского, мудрость царя Соломона, мужество Давида перед лицом филистимлян, энтузиазм Жанны д'Арк, воля Муция Сцеволы, чистота Иисуса Христа. Но поскольку эти качества и по отдельности-то редко встречаются, а в сочетании и вовсе никогда, то, значит, Борису Николаевичу приходится пользоваться личными ресурсами. Хотя, конечно, кое-что (с Лениным и коммуно-нацистами) президент мог бы сделать и сам, пустив на эти процедуры время, сэкономленное на общении с Лукашенко и дрызгах с НАТО.

Вопрос даже о кровных и прямых наследниках чьих-нибудь реформ редко решался на Руси (да и не только на ней) благополучно. Всем памятна жуткая коллизия Петр I — царевич Алексей. Пара Борис Годунов — его сын Федор — тоже не мед. А Иван Грозный — Федор Иоаннович — вообще притча во языцех. Хотя Иван Грозный был не

реформатором, а автократом, но бессильное Добро его сына имеет такую же долю в Смутном времени, как и отцовская свирепость.

Ни потомки Радищева, ни сын Александра II Александр III, ни екатерининский отпрыск Павел I не унаследовали реформаторских потенций родителей.

Но это не значит, что дети приемные радовали родителей чаще в смысле продолжения великих дел. Сам Гай Юлий Цезарь здесь крупно промахнулся. Лично он — вне критики. Положение у него было, как у Бориса Николаевича: Сенату он не доверял, народу — еще меньше. Вот и усыновил Октавиана Августа. Август быстро установил жуткую диктатуру, и на этом реформы кончились до Тита, а пришли Нероны с Тибериями.

Я это к чему? А к тому, что, кажется, Борис Николаевич путает наследников и преторианцев. Случай с Коржаковым, видно, не имел нужных педагогических последствий.

Ясное дело, и Ельцин сам это признавал и озвучивал, в XXI век Россию должен вести человек молодой, образованный. Не коммунист, европеец, сторонник НАТО, США, атлантизма — и достаточно упорный и смелый для того, чтобы ломать сопротивление косных спецслужб и косной армии, косных совков и противников Запада. Может быть, Борису Немцову некоторых качеств и недоставало, но он точно молодой, веселый, в кроссовках и белых штанах. И в Чили ездил перенимать опыт.

Естественно, Гайдар — это наша Корделия. Но его кандидатуру даже и не рассматривали.

Боюсь, что в последнее время президентом рассматриваются в основном кандидатуры Гонерильи и Реганы в разных вариантах. Едва ли это может обеспечить спокойную старость: и нам, и Ельцину, и Российской Федерации. Преторианцы — тоже вещь полезная, но они не делают реформы. Они их о-бес-пе-чи-вают. Если есть приказ. Верность Сергея Степашина вере, царю и отечеству я не оспариваю, но верность идеалам — это не то, что верность Престолу. Когда некому дать приказ, преторианец способен действовать как Бог на душу положит.

Но последний выбор президента меня лично поверг в легкие конвульсии. Я совсем не хочу сказать, что господин Путин зол или жесток. Борис Николаевич с ним больше общался и утверждает обратное. Сам Борис Николаевич!

Физиономист и сердцевед, который в результате научно продуманной кадровой политики остался в чистом поле с клерками, денщиками и адъютантами.

Конечно, господин Путин «не расстреливал несчастных по темницам». И обещал посадить только тех, кто дестабилизирует общество. Вот здесь хотелось бы поподробнее. Нас хотят консолидировать. С коммунистами, видно. А если либералы не захотят? Я, например, не буду консолидироваться ни с Зюгановым, ни с Жириновским, ни даже с Заварзиным. Может, это и есть дестабилизация — отказ пожать руку Макашову? Может, нас-то как раз и посадят? Конечно, дружба с Собчаком — большой плюс. А возложение цветов на могилу палача Андропова и заявление, что такие люди нам нужны, — это минус, который способен поглотить еще дюжину плюсов.

В XXI век не ходят ни с СВР, ни с ФСБ, ни с ГРУ, ни с ВПК. Здесь налог на наследство может оказаться не по карману ни Борису Николаевичу, ни его семье, ни нам, западникам и прогрессистам. Может, еще поищем? Время есть. По три недели на премьера и соискателя.

ТОГДА СЧИТАТЬ МЫ СТАЛИ РАНЫ...

«КоМоК», №34, 25 августа

Через несколько дней после великих августовских событий 1991 года ошалевшие демократы, которых тогда называли неформалами, потому что зарегистрироваться их организации могли разве что в КГБ, сошлись на чьей-то квартире и стали обсуждать, а что у нас, собственно, такое было и состоялось: победа или поражение. Этим занимались неформалы, склонные к анализу: ДС с дюжиной фракций, протоэсдеки и протоэсеры. Протоанархисты всё еще жили на баррикадах, настолько это им понравилось. Создавали собственноручно перманентную псевдореволюцию: сверху, снизу и сбоку.

Что победа над ГКЧП — счастье недолгое, хрупкое, эфемерное, мы еще тогда не знали. Но что это не революция, было ясно сразу. Про революции мы знали всё, будучи гражданами СССР, сдававшими экзамены по истории КПСС, научному коммунизму и прочим прикладным дисциплинам.

Когда «жрать нечего», это еще не значит, что верхи не могут, а низы не хотят. У нас низам жрать нечего было с 1918 года, но они ничего не могли и ничего не хотели, даже вкальывая в ГУЛАГе. А верхи хотели и могли всё. Что хотели, то и делали.

Мы еще не знали, что Ельцин, Шушкевич и Кравчук зимой прикроют лавочку, то есть Союз. Не знали, что будет спущен красный флаг. Что сырые и убогие устроят палаточный городок у гостиницы «Россия» и будут жаловаться депутатам на жизнь, пока их не разгонят и не сожгут хижины и палатки, а заодно не снесут баррикады «перманентных революционеров». Я не знала тогда, выйдя из Лефортова, что целых восемь лет меня не будут туда сажать.

Мы плохо провели перестройку, мы ею подавились. Бакинские и вильнюсские танки выпустили из нас кишки. Мы точно знали размеры гражданского общества: вышедших к Белому дому, к мэрии Питера, к центру Омска, к штабу морской пехоты Владивостока, чтобы его взять, потому что адмиралы потребовали подчиняться ГКЧП, угрожая ядерным ударом по Приморью.

Конечно, на преобразования, на вестернизацию, на десоветизацию такого гражданского общества не хватало. Неуклюжая, неумелая революция умных чиновников, у которых хватило ума использовать неформалов как массовку и даже меня выпустить из Лефортова. (Говорят, что Леонид Шebarшин до сих пор об этом жалеет.) Строй не был свергнут, он растаял, как снеговик, не оставив моркови.

Вот такой пейзаж после битвы: лужа, над ней триколор, а в луже танк, наручники (для Мирзаянова, Никитина и Пасько), на кочке — непонятное существо, тянущее ладонь горсточкой в сторону Запада, то ли кикимора болотная, то ли нежить реформаторская. А лужа без обиды на всех: 50 % — власть, 50 % — народ.

Тогда на моей квартире мы чувствовали горький обман, но не знали еще, что нас обманул не Ельцин, а обманула сама жизнь. «Всё предано праху и тлену, ни дат не осталось, ни вех, а нашу Елену — Елену! — не греки украли, а век...» Самое занятное в те простые времена была военная тайна. Гэкачеписты заседали на конспиративных квартирах. Сморкались. Тряслись. Надеялись, что Горби прикроет. Наташили танков полную Москву. А мне-то было лучше всех. Сидя за призывы к свержению строя (уже не

существующего) по воле (несуществующей) несуществующего народа к построению штатского капитализма над пропастью во ржи, я знала и читала, что МК смеется над арестами в ДС, а «Московские новости» иронизируют. ЛГ и «Огонек» сочувствовали, помочь старались. И Галина Старовойтова, и Юрий Афанасьев. И еще кое-что совсем уж призрачное.

Остальным было все равно. Пока и к ним не пришли танки. И тогда они поняли, что поднят меч на весь союз: радикалов и умеренных.

У нас была лабораторная революция, для минимального гражданского общества, управляемый шторм в бассейне. Но хватило бы и этого, если бы реформаторы были не только просты, как голуби, но и мудры, как змии (включая Бориса Ельцина, у которого, в отличие от Петра, его предтечи, голубиная кротость тоже превалировала).

За неделю советский народ завалил Белый дом доносами на тех, кто якобы участвовал в ГКЧП.

Надо было поменять «плюс» на «минус», как в электропроводке. Слишком мало арестов, слишком много амнистий, и, главное, «на добрую дорогую память» оставлены коммунисты и КГБ в разных обертках, от «Сникерса» до сибирской язвы.

Мы, безродные неформальные аналитики, обиделись на новые власти еще тогда: нам хотелось начать с чистого листа, выдрал всё, что было написано за 80 лет в этом проклятом кондуите, а большинство, с президентом во главе, хотело продолжать жить. Только хорошо жить.

Но в этой тетрадке, исписанной на 3/4, не было листов для хорошей и достойной жизни. Да, солнечные зайчики, осколки революции, побегали по стенам. В имитации все-таки звенели колокольчики из нашего сна: триколор, сброшенные с постамента Феликс и Свердлов, толпа, бившая окна и готовая побить и функционеров из ЦК КПСС, заключение Лукьянова и К^о «Сижу за решеткой в темнице сырой, вскормленный в неволе зернистой икрой»), отбитый барельеф Андропова с Лубянки и то, что мы еще два года ходили на пикеты без уведомления. Мы не знали тогда, что большего счастья, большего разрыва голубизны меж застойных туч не будет для нас никогда, и роптали. А надо было радоваться. «И много ль мы видели радости на нашем маленьком шаре?» (Галич)

Да, еще 4—5 октября 1993 года танковые залпы, которые мы слышали с баррикад, арест Макашова и Руцкого, закрытие «их» газет.

На этом кончились праздники, и начались будни консерватизма, центризма, реакции. И наши жертвы: Мирзаянов — Орехов — Никитин — Пасько.

А ГКЧП никуда не девалось, оно разбилось на фракции и стало перманентным, вместо революции.

Все затеи Вольского и ВПК. ГКЧП № 1.

Изгнание Гайдара и Старовойтовой, Бурбулиса и С.Ковалева из их высоких кабинетов. ГКЧП № 2.

Чечня. ГКЧП № 3.

Марш на Приштину Заварзина. ГКЧП № 4.

Примаков, Маслюков, Кулик в правительстве. ГКЧП № 5.

Дума, набитая гэкачепистами и путчистами. ГКЧП № 6.

Шахтеры. № 7...

И никто больше не совещается на конспиративных квартирах, заговорщики не слезают с экрана и со страниц газет. Более того, они просто эти газеты скупают, как фиалки Монмартра. Как «Коммерсант», ЛГ, МК, «Независимую». На выборы идет сразу столько гэкачепистов, что глаза разбегаются. Добивать дохлый либерализм. Пожалуй, чтобы забить его сапогами, столько объединений и не понадобится.

«Отечество». Возмущенный разум бюрократов. Реванш. Разве Юрий Лужков что-нибудь скрывает? Нет! Он откровенный человек.

«Вся Россия». Татарстан, где господин Шаймиев еще в 1991 году разгонял десять демократов, вышедших протестовать против ГКЧП-1.

Башкортостан. Это там студию «Титан» громили, а директора посадили? А еще у нас есть Приморье с Наздратенко, Краснодарский край с Кондратенко, Тула со Стародубцевым, Курск с Руцким. Они ничего не боятся и ничего не прячут: ни дубинок, ни наручников, ни колхозов, ни намерения бросить каждому по пайке и по порции баланды. И всё это — на одно «Правое дело», где только ПЭС и ДВР будут верны себе до конца.

До сих пор на выборах страна голосовала за гэкачепистов, даже таких, как КПРФ.

Мы, как Иона в чреве кита, давно проглочены ГКЧП. Сможем ли мы устроить им заворот кишок?

СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ

«Новое время», №38, 26 сентября

Это с нами впервые с монгольского ига. Раньше мы никого не боялись, кроме своих. Что могли нам сделать чужие на фоне таких «своих»: Ивана Грозного, Петра I, Анны Иоанновны, Павла I, Ленина, Сталина, Брежнева? Сейчас, кажется, мы серьезно напуганы. Нам всё это внове: рушащиеся дома, магазины, набитые гексогеном и тротилом. Кто думал об этом в 1994 году, когда 11 декабря, навеки отравляя наш День конституции, танки ползли в сторону Чечни? Кто, кроме правозащитников? Помнится, один молодой журналист (теперь и фамилию боязно назвать: похоже на донос) писал в «Московских новостях», что чеченцы после ковровых бомбардировок вправе бросить бомбу ему под ноги, и он даже не обидится.

Мы все-таки надеялись, что они не ответят злом на зло, нарушением Женевских конвенций — на нарушение, моральным беспределом — на беспредел. Мы надеялись, что у них хватит благородства. Но оказалось, никакой исключительности. Всё как у всех. Мы убивали их детей во сне — они убивают наших. Вчера мне звонил господин Идигов, спикер распущенного Шурой (или какой-нибудь шариатской герусией) парламента, и просил верить, что чеченский народ непричастен к взрывам в Москве и вылазкам в Дагестан. Но я не поверила. Нет, конечно, тихий интеллигент Идигов не боевик и не террорист, и наверняка в Чечне не все воруют журналистов, не все торгуют рабами, не все жаждут построения теократии и не все записались к Хаттабу в штурмовую колонну, в экспедиционный корпус, призванный из осколков большой Империи Зла построить маленькую, на Кавказе. Боже! Как вспомнишь, что Звиад Гамсахурдиа и Джохар Дудаев корпели по ночам над чертежами и статутами «Кавказского дома», земли Добра, политического убежища, маленькой Швейцарии с американской техникой и конституцией! Это было в другой стране. До войны.

Говорят, что на войне можно себя найти. Но вот уже две страны себя на войне потеряли: Россия и Ичкерия. Сначала потеряла человеческий образ Россия, потому что от его потери не защищают ни 38, ни даже 38 тысяч снайперов.

Теперь его потеряла Ичкерия, субъект Аллаха. Потому что невелика разница: субъект Аллаха или субъект КПСС. Главное, что не субъект Свободы. Чеченцы оказались такими же, в массе своей, советскими кроликами, как их товарищи по советскому «фильтру».

Господин Идигов говорит мне, что народ не несет ответственности ни за рейды в Дагестан, ни за построение исламского государства, ни за рабов, ни за пленников из ООН или захваченных журналистов. Мне пришлось ответить, что если народ, почти поголовно вооруженный, приветствующий встречного фразой «Будь свободен!», не отвечает ни за что из главных моментов своего существования, то это не свободный народ, и советский, а не чеченский. Впрочем, каждый будет оплачивать свой счет, выписанный то ли Аллахом, то ли Иисусом, то ли Историей.

Бернард Шоу сказал, что война — это волк, который может прийти и к твоему порогу. Эту войну начали мы. Не сегодня. Не в 1994 году. Не в 1944-м. Не в 20-е годы. Еще при Еромолове. Кому понадобился аул Гуниб, кто сплел первые звенья этой цепи оккупации, аранжированной стихами Лермонтова, прозой Толстого и поэмой Пастернака? Цепь ненависти росла, звено за звеном. А мы ничего не замечали. И тогда, наверное, чеченцы решили, что мы не люди. После последней войны трудно было думать о нас как-то иначе.

Почему они мстят именно сейчас, меня мало интересует. Откуда взялись деньги у бывшего «западника» Шамиля Басаева, ныне воина Аллаха, тоже не главный вопрос. Ясно, что хорошие люди на такие деньги не дадут. Меня мучит другое: мы не вправе жаловаться. (А кстати, кому пожалуешься? Борис Николаевич заявляет, что хочет бороться с «западниками». Не Саудовская же Аравия и не Иран примут близко к сердцу наши проблемы.)

В извечном споре Саладина с крестоносцами, морисков с Торквемадой, Руси с Ордой, католиков с православными, сербов с косоварами, мэра Москвы с брюнетами, России с Ичкерией, ислама фанатичного толка с нонконформизмом мы занимаем невыигрышную позицию. Так, как мы спорили с чеченцами, спорить нельзя.

Боюсь, что из этого спора чеченцы извлекли одну только истину: мы слабые воины и жестокие палачи. Да, они мстят

не по правилам, они больше не джентльмены, даже удачи, но покажите наши правила, чтобы предложить им взамен.

Иногда слышишь утверждение, что дома в Москве взрывает ФСБ. (Вот и Идигов то же сказал.) Не очень убедительно. Конечно, организация скверная и на всё готова, спору нет. Но ведь оказалось, что и чеченцы на всё готовы. Если принять эту концепцию, тогда надо признать Шамиля Басаева агентом ФСБ. И не только его, но еще и Хаттаба, и даже бен Ладена. По-моему, перебор. А главное, это не важно. Кто бы ни взрывал, он достигает своей цели: враждебное окружение, ксенофобия, и академик Лихачев, оправдывающий по ТВ смертную казнь. Если бы кто другой — но он! «Расстрелять, как бешеных псов...»

И Россия, и Ичкерия сидят на одной цепи из взаимного зла, каждая в конуре из своей ненависти. Кто бы ни взрывал дома: чеченцы без ФСБ, ФСБ без чеченцев, чеченцы и ФСБ на паях, — все равно дело придет к тому, что народ взмолится о диктатуре, о «сильной руке», об атомной бомбе для Кавказа (рецепт ЛДПР). Чечню превратили в лунную пыль. Одновременно превратились чеченцы. Смотрите, во что.

Куда завтра случайно упадут наши доблестные ракеты? В Турцию, Румынию, Азербайджан?

Народ доводится до озверения, и выборы выиграет зверство. Господин Путин сказал, что мы должны забыть о вине перед Чечней. А по-моему, должны вспомнить. Сломать половину звеньев цепи: дать независимость, извиниться, начать выплату компенсаций за военные разрушения, помочь наладить экономику. Чеченцы очень удивятся. Они от нас этого не ждут. Они вдруг поймут, что мы люди, что мы правы перед ними впервые за 200 лет. Может, они остановятся и тоже станут людьми, и Хаттаб с Басаевым останутся без мюридов. И мы научимся жить рядом. Так бывает. Между японцами и американцами — Хиросима. Но ведь у них теперь сносные отношения. У Франции с Англией вообще была Столетняя война...

Главное — оказаться правым, в мире с истиной и Богом. Главное — не подрывать свои дома собственным прошлым. Главное — держать себя в руках и не ходить черными путями ненависти, на которые нас сейчас толкают.

«И В АДУ ЕСТЬ ФИРМЕННЫЕ СКОВОРОДКИ»

«Московский комсомолец», №195, 12 октября

— **Если сравнить недостатки коммунистического правления с правлением Ельцина, какие здесь перевешивают и почему?**

— Это как сравнить недостатки ада с недостатками человеческой жизни. То, что было при коммунистах, исключало человеческую жизнь для порядочного человека на 150 %. И дорога у него была одна — лично я не нашла другой возможности, кроме как постоянно сидеть в тюрьме и мечтать, чтобы скорее всё кончилось, скорее убили. Люди не имели возможности получить образование, развлечения, путешествовать. Всё, что называется человеческой жизнью, у нас началось в августе 1991 года. Главный недостаток правления Ельцина — это то, что он демократ: То есть гласа народного слушается. А народный глас ему такое подсказывает, что если бы он все советы, которые этот глас ему шепчет на ухо, воплощал в жизнь, то у нас бы здесь уже была Кампучия. Демократия — это ножик, которым можно и зарезаться при неосторожном употреблении. Мы фактически очень близки к тому, чтобы перерезать себе горло. Из-за народа Ельцин выгнал Гайдара, из-за народа он поссорился с Западом, из-за народа, чтобы ему угодить, он, по сути, начал войну в Чечне и по первому, и по второму разу. Словом, все аплодисменты, которые так любят правители, желающие удержаться на троне, доставались ему не за благородные дела, за которые его могли поощрить разве что либералы и Запад. Народ всегда аплодировал за самые неправильные решения. Чубайса выгнали — аплодисменты, Гайдара выгнали — аплодисменты, Примакова поставили — аплодисменты...

— **Ну а как же коррупция, бессилие власти, отсутствие социальной политики, наконец, общее ослабление страны?**

— Чья коррупция? Если власти, то какую власть вы имеете в виду? Парламент, безусловно, коррумпирован. Это такое АО уже по добыванию доходов. ЛДПР голосует за деньги, коммунисты голосуют за деньги, но, простите, демократы, которые там есть, за деньги не голосуют. Вот за них я вам ручаюсь. Я думаю, что даже Григорий Явлинский скорее по глупости так голосует, чем за деньги. Вот судебная власть у нас на уровне Шемякина суда. Но я думаю, что здесь не в коррумпированности дело, а в советских

стандартах. Если учесть, что ФСБ до сих пор украшено портретами Дзержинского и что нынешний премьер-министр этому никак не препятствует, да еще и Андропову поклоняется, — дай бог, чтобы у него в домашней часовой бюст не стоял, — то чему же здесь удивляться. Если вы имеете в виду коррумпированность гаранта Конституции, то этого нет. За это я отвечаю. Если вы имеете в виду коррумпированность тех немногих демократов, Гайдара, Чубайса, Коха, всю эту плеяду, то они очень много прибавили и ни гроша не взяли.

Что касается отсутствия социальной политики, то это опять-таки от страха перед народными воплями. Правильная социальная политика — это немедленно поднять пенсионный возраст, прекратить выплачивать пособие по безработице, а то просто многие работать не хотят, закрыть нерентабельные шахты, уничтожить остатки социалистической индустрии и заставить людей вкалывать, иначе они вообще никогда не начнут это делать. Ельцин повинен только в своей чрезмерной доброте, в том, что не посмел бездельников заставить работать.

А то, что страна ослаблена, — слава богу. Страна злая, несправедливая, не признающая права человека, набитая фашистскими, националистическими комплексами, полунацистская. Где процветает ксенофобия, где можно в Москву не пускать приезжих, особенно брюнетов. Зачем такой стране быть сильной? Это уже Третий рейх будет. Сильной должна быть добрая, благородная и справедливая страна, как, например, США. Я не хочу, чтоб нынешняя Россия была сильной, пока она не стала правой. Пока мы не построим капитализм, нам эта сила только во вред.

— **Было ли хоть что-то хорошее в коммунизме?**

— Это дело вкуса. В аду, например, сковородки могут быть хорошие и сковородки «Тефаль», но ад остается адом. Сам вопрос порочен. При коммунистах ничего хорошего не было и быть не может. Я не могу влезть в мозги Чикатило, Зюганову, Илюхину, Макашову, Мао. Их точка зрения мне не понятна, потому что она не человеческая. Я не зоопсихолог.

— **Какое завоевание демократии вы считаете самым важным?**

— Не знаю, можно ли это считать завоеванием, потому что, по сути, это всё ельцинские подарки... Пресса. Право

читать и право писать. Хотя используется это из рук вон плохо, и издания установили самоцензуру — кто боится Юрия Лужкова, кто Илюмжинова, кто президента Башкортостана, но Ельцина, по-моему, никто не боится... И второе — это право приобщиться к баксу. Страна узнала реальность, и эта реальность — доллар и нормальное положение экономики. Те люди, которые не хотели и не умели работать, сразу сделались очень бедными. Вот эти обменные пункты, которые стоят по городу, и иномарки, которые разъезжают по улицам, — это мое личное социальное завоевание. Ради этого я сидела в Лефортово, и хотя лично у меня иномарки нет и долларов не так уж много, но тем не менее вот за это я готова умереть.

<...>

— **Как вы оцениваете шансы Зюганова и кандидата Кремля на следующих президентских выборах?**

— У Зюганова высокие шансы. За него будут голосовать все совки. Впрочем, совков ему придется поделить с Примаковым и Лужковым, поскольку они в принципе одинаковые. Что касается кандидата Кремля, то я Путина воспринимаю не иначе как шутку Бориса Николаевича. Найти такого себе сменщика — это даже не смешно. Меня, бывшую политзаключенную, никто и никогда не заставит поставить закорючку против фамилии человека с Лубянки. Другое дело Шойгу. Он вроде бы производит впечатление приличного человека, но я не собираюсь голосовать ни за того, ни за другого. Только за кандидата правых сил — за Чубайса, за Гайдара, за Кириенко.

— **Валерия Новодворская лично стала лучше жить при Ельцине?**

— Да. Не считая уже того, что Ельцин мне лично дважды жизнь спасал. Первый раз он меня выпустил 23 августа прямо из Лефортово, куда меня посадил Горбачев, — за то, что я не согласилась с его поведением в Вильнюсе, Баку и Тбилиси. Второй раз он спас меня, приказав несколько раз закрыть дела против меня, которые были возбуждены в период чеченской кампании.

При Ельцине я впервые нормально работаю по специальности — журналистом — и могу зарабатывать деньги. Впервые при нем я поехала за границу. Впервые при нем я ареста ожидаю не каждый день. Свои книжки смогла выпустить. В принципе, я готова уже сейчас внести мою долю на памятник и поставить его Ельцину при жизни.

— **Какие вы можете предложить пути выхода из кризиса?**

— Страна находится не в кризисе, а просто вне действительности. Надо быть либо в капитализме, либо в социализме. Делать на самом деле надо всё очень просто. Наследником объявлять Гайдара или Чубайса. Следующее — немедленное отведение войск и предоставление Чечне независимости с принесением извинений. Денег у нас нет, но заплатить за то, что мы там разрушили, мы, конечно, должны. Но если после этого кто-то полезет в Дагестан, это будет уже не наше личное дело, это будет акт международной агрессии, и Чечня окажется в положении врага. Дальше пусть разбирается НАТО. А так — у Чечни будет шанс, и они увидят, что мы не такие уж скоты, а способны раскаиваться в своих дурных поступках.

Дальше мы указом президента запрещаем компартию и фашистскую и националистическую деятельность. После этого число объединений, идущих на выборы, значительно сократится, и мы выберем нормальный парламент... В МИД поставить Андрея Козырева. Надо вступить в НАТО. Потом, за хорошее поведение, когда они увидят, что мы изменились, они нам помогут. Отдать Японии ворованные острова. Прекратить всякие наезды на Крым. И, конечно, работать как проклятым.

— **Каким вам видится будущее России через десять лет?**

— За это десятилетие Россия может сделать много шагов по правильному пути, а может и пойти в обратном направлении.

— **Ну а ваше личное будущее?**

— Зачем так далеко заглядывать. Если президентские выборы завершатся неудачно, мое будущее у ближайшей стенки, как и у всего «Союза правых сил». Так было в 96-м году, когда вся страна с замиранием сердца ждала результатов, потому что никто из порядочных людей не рассчитывал выжить, если Зюганов придет к власти. В следующем году эта сцена повторится, тем более что в тот раз у нас была подпорка в виде Ельцина, а в этот — ее не будет.

— **Усиление державы невозможно без жестких мер по наведению порядка. Возможны ли в России новые репрессии?**

— Безусловно, более чем возможны. Причем по просьбам трудящихся. Я с этими трудящимися очень часто сталкиваюсь, и часть из них требует перевешать всех западников и либералов. Лиха беда начало. Начинают с западников,

а кончают представителями правящей партии, которые оказались недостаточно лояльными. Так что, может стать-ся, в один прекрасный день товарищ Анпилов поставит к стенке товарища Зюганова...

БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА ПАЛА, НО КРЕМЛЕВСКАЯ — СТОИТ

«Экспресс-Хроника», №43, 22 ноября

Страны Центральной и Восточной Европы и особенно Германия могут не утруждать себя благодарностью в адрес России за то, что она позволила разрушить Берлинскую стену. Советский коммунистический режим вылетел в трубу и больше не мог удержать свои европейские полуколонии. Не было средств, не было оружия, адекватного натовскому, а швыряться атомными бомбами даже безумные советские руководители не смели: представляли себе ответ.

У Горбачева и Шеварднадзе возник прекрасный план: обменять свой вынужденный уход из Восточной и Центральной Европы на гуманитарную помощь, прощение старых долгов и новые кредиты. То есть коммунисты решили притвориться демократами и сесть Западу на шею, потому что проводить реальные реформы никто из Политбюро и не предполагал. Запад легко поверил советским волкам в элегантных овечьих дубленках... 10 лет после падения Берлинской стены были потрачены странами Восточной и Центральной Европы на действенные реформы, на вхождение в НАТО, на люстрации для коммунистических преступников или на перевоспитание бывших компартий в социал-демократию. Россия это же время употребила на имитацию реформ, которые закончились, когда из правительства выбросили Егора Гайдара, на совершение новых преступлений в Чечне, на попытки подмять под себя и сделать сателлитами страны СНГ и на отчаянные попытки причинить хоть какие-нибудь неприятности НАТО, США и бывшим колониям по Варшавскому договору.

Кремлевская стена незыблема по-прежнему. Это — азиатский ошейник России, который пытался снять Андрей Козырев и который вновь затянули Евгений Примаков и Игорь Иванов. Не следует верить ни одному слову российских властей и уж тем более не надо давать им место

в европейских структурах и деньги займы, все равно не отдадут, а потратят всё на оружие.

За десять лет стало ясно многое. Россия недееспособна как демократия, а народы России не считают свободу своим приоритетом. Любовь к европейскому потреблению не означает желание создать рыночную экономику. Российское руководство одержимо имперской спесью и злобой и продолжает изображать из себя сверхдержаву. Российские коммунисты умело использовали законы формальной демократии, чтобы поставить страну на грань красного реванша. Российская армия осталась советской армией. Либеральное меньшинство не в силах превозмочь ностальгирующее по миске даровой похлебке советское большинство. К бедам России добавился активный фашизм, и ксенофобия захлестывает общество, причем не только обывателей, но и крупных функционеров, например губернатора Приморья Наздратенко, губернатора Краснодарского края Кондратенко, мэра столицы Лужкова и три четверти депутатов парламента.

Россия является Европой лишь географически, но политически, экономически и морально — это не европейская страна. То, что делает Россия в Чечне, сравнимо с ужасами сталинизма и гитлеризма. Президент Ельцин почти лишен власти и стал заложником спецслужб и свирепого генералитета. В сущности, страной правят спецслужбы, уже убившие Галину Старовойтову, сумевшие довести телевидение до военной цензуры и взрывающие дома в Москве, чтобы иметь повод для новой кавказской войны.

На востоке Европы, в России, зреет фашизм, увенчанный ядерными боеголовками. Президентские выборы 2000 года могут стать днем гибели остатка гражданских прав и свобод народов России. Только жесткость, бойкот, исключение из европейских структур и отказ в кредитах могут заставить опомниться и российские власти, и российское население.

2000

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПОСЕТИТЕЛЕЙ САЙТА ДС С НОВЫМ ГОДОМ

www.ds.ru, 1 января

Дорогие прихожане!

Добро пожаловать на наш горестный сайт. Вместо елки мы вам можем предложить ту осину, на которой в России скоро удавят всё разумное, доброе и вечное. Угостить мы вас можем только нерадостной правдой самого высокого качества, а запить эту правду вы сможете той чашей цыкуты, которую вам щедрой рукой нальет будущий диктатор В.В.Путин. Так что наполним бокалы и сдвинем их разом. В новом году нас ожидает нечто новенькое: фашизм. Помните один добрый совет Сенеки: «Вынь свою натруженную шею из ярма. Пусть лучше ее один раз перережут, чем все время давят».

ПЕРВАЯ ОШИБКА ЗВИГНЕВА ВЖЕЗИНСКОГО

«Новое время», №2-3, 23 января

Вообще-то до сих пор он всегда оказывался прав, этот зловредный Збигнев Бжезинский, спасительный реликт «холодной войны», Сократ конца XX века, который видел нас, россиян и «москвитов», насквозь, в каждом подозревал «совка». И всегда выходило так, как он прогнозировал: шел дождь, снег, ураган, завывал ветер, темные силы порхали в воздухе, как свита Снежной королевы, реформы линяли, как заяц по весне, враги демократии наступали на каждую пядь, а с каждой вышки смотрела ядерная боеголовка. И в Чечне с каждого утеса резво строчил пулемет...

Но всё даже ястребы, низко летающие над Лэнгли, не могли предусмотреть. Их подвел неистребимый американский оптимизм. Если есть темные силы, то, значит, должны

быть и светлые? Например: Ленин — Сталин. Или Сталин — Бухарин. Первая пара — от Михаила Шатрова. Вторая — от Стивена Козна. Затем от Твардовского и писателя Рыбакова: Хрущев — Берия. От политологов-любителей 70-х годов: Хрущев — Брежнев (реакция). А после и вовсе просто: Горбачев (реформатор) — Лигачев (тормоз реформ). Горбачев (тормоз реформ) — Ельцин (реформатор).

Вот на этом мы вместе со Збигневом Бжезинским и застряли. Приток реформаторов из Политбюро иссяк за давностью лет. Из армии — остановился на генерале Лебеде, потому что кроме поручения от того же Ельцина заключить Хасавюртский мир и вызова из Парижа Алена Делона ничего реформаторского и демократического в нем обнаружить не удалось.

Третьей точкой треугольника власти в СССР был КГБ. Но в этих краях искать реформаторов никому, кроме Ельцина и Авторханова, находившего программу Берии более продвинутой, чем даже горбачевскую, в голову не пришло.

И поскольку Борису Ельцину суждено было в глазах Запада и простодушных российских демократов остаться единственной светлой силой на уровне слогана: «Ельцин, Ельцин, ты могуч, ты разгонишь стаи туч», у мрачного Бжезинского возникла мрачная теория заговора против демократии во главе с Путиным и свирепыми полевыми генералами, дважды лауреатами чеченской войны. Они все разом якобы силой заставили Ельцина уйти в отставку, угрожая в случае отказа арестом всего окружения и чуть ли не скамьей подсудимых для него самого и обещая за послушание полную безопасность и иммунитет от всех и всего, кроме гриппа.

Несмотря на то, что в этой версии речь идет, по сути дела, о трусости и о предательстве, когда в обмен на свое личное благополучие бросаешь в топку Лубянки целую страну, действительность может оказаться еще мрачнее. Жертва заговора не въезжает в Иерусалим и в Вифлеем с такой помпой (даже не на ослиати, а на черном лимузине, подозрительно похожем на прежние советские «членовозы», только флажок другой), не принимает вместо епитимьи в разгар бесчеловечной войны орденов «За заслуги в деле внедрения православия», не занимает этаж в лучшем отеле и не угощается ягодами из Парижа, когда голодные чеченские беженцы не видят в вагонах и палатках ни топлива,

ни хлеба, ни лекарств. Не обнимается с патриархами, как с политиками из «братских стран» (КНР, Югославия, Беларусь). Не возглашает с торжеством на все окрестности свою новую должность: «Первый президент». Не заявляет на каждом шагу, что поддерживает палестинцев, напрочь позабыв о пригласивших его израильтянах, тем самым сея конфронтацию непосредственно на Святой Земле в праздник Рождества Христова.

Было стыдно и очень хотелось отвернуться и 31 декабря (когда нас передали по наследству другому барину, как передают недвижимое имущество или крепостных), и потом. Но я не отвернулась и смотрела на всё с праздным научным интересом, потому что это был не мой президент. Он никогда им и не был. Мало ли что мне померещилось.

Борис Ельцин ушел навсегда в свою Александрову Слободу (и как-то не хочется просить его вернуться) в веселый елочный день, чтобы несчастные демократы подавились своим шампанским. «Игра сделана, ставок больше нет» — это мы должны были услышать за праздничным столом, и это, безусловно, утонченный садизм.

Такой итог требует пересмотра исторической роли. Борис Ельцин был честным, идейным коммунистом. Пока это было рентабельно. Потом он пытался стать демократом. Это было рентабельно целых восемь месяцев после Августа и год до.

Потом он стал добрым патриархальным монархом из времен Михаила Романова. Подвергал опале, но не казнил. А мог бы. Демократов — запросто. Народ бы его возлюбил.

Пришло время, и он стал национал-патриотом, грозой Кавказа, бичом Запада, ненавистником «западников». И не надо было никакого заговора против того, кто грозил в Стамбуле и Пекине боеголовками непокорному цивилизованному миру.

Здесь все заговорщики: президент, армия, генералы, электорат, предшественники (аж с XV века) и преемники (до конца времен). Все едут на одном танке. Не страна, а экипаж машины боевой.

Что ж, мы действительно избавились от всех земных забот, кроме, конечно, заботы о спасении души (что не обязательно совпадет со спасением тела). Жить нам или умереть — теперь это решают другие. И всегда решали. Иваны, Михаилы, Алексеи, Александры, Николаи, Иосифы, Борисы, Владимиры. На что нам обижаться? Нас оставили

в наследство? Так ведь еще Иван IV сказал: «Мы, царь и государь всея Руси, в своих холопах вольны».

Мы были подданными Бориса Ельцина — не соработниками, не коллегами, не сподвижниками.

Чай, римский народ не обижался, когда Тиберий передал его Калигуле, а Клавдий — Нерону. Порядок престолонаследия! Сенат (парламент) утвердит, а народ скажет: Ave, Caesar, morituri te salutanti! Ведь на борзых собак нас все же не меняют. К счастью, мы не имеем товарной стоимости.

И теперь можно не замирать от ужаса в избирательную мартовскую ночь, как некогда в июльскую 1996 года: всё уже произошло, всё позади. Без вариантов. Даже если голосовать «против всех» и если наберется таких 100 процентов, мы все равно достанемся суженому и.о. Правда, нас венчали не в церкви.

И вообще прав был Жан Ануй: «Драма — действие вредное и волнующее. Всякое может случиться. Если храбрый полисмен вовремя подоспеет, героиню можно будет еще спасти. Трагедия же — это совсем другое. В трагедии всё известно заранее. Трагедию вы можете смотреть совершенно спокойно».

КОГДА ПОГРЕВАЮТ ЭПОХУ...

«Новое время», №10, 12 марта

Поколение XX съезда, съезда партии, которую они истово и честно возненавидели (хотя и крутились еще долго в ее орбите; что поделаешь, не было других орбит в нашей Вселенной, и не звучала иная музыка сфер), теряло веру дважды.

Сначала в конце 50-х они перестали верить в Сталина и коммунизм, как Рой Медведев, Стивен Козн и Михаил Шатров. Через те же тернии падали со звезд писатель Рыбаков и диссиденты Солженицын и Копелев, писательница, которую сделали диссиденткой, — Евгения Гинзбург, и диссидент с внутрипартийным уклоном, которого муки сделали писателем, — Алдан-Семенов.

Это была драма, потому что они еще верили в партию и Ленина, не считая социализма с человеческим лицом (а Дубчек и Стивен Козн верили, кажется, до смертного часа). «Драма в том, что у них всё было впереди». Они прошли, вернувшись с холода, через короткую оттепель Твардовского, «Нового мира» и реабилитанса (на самом

деле он был унижительным надругательством над страданиями миллионов, взаимно загрызших друг друга в ходе социалистического строительства или павших жертвами чужой грызни). Они протянули зябкие руки к маленькому огню из «Одного дня Ивана Денисовича», полемики «Нового мира» с «Октябрем» и чудом разрешенного фестиваля молодежи и студентов. Читать «старину Хэма» и слушать джаз — это было уже счастье для этих «детей подземелья». В НИИ на партсобраниях самые смелые требовали закрыть КГБ. Исключать из партии их стали позднее, после 1963 года.

В сущности, и эпос Анатолия Рыбакова о детях Арбата, и дудинцевские «Белые одежды» были творениями надломленных авторов о сломленных героях, которые зачем-то спасали картошку, вместо того чтобы восстать против тех, кто в генетике видел руку Дьявола, или пытались честно служить ленинским идеям вопреки злой воле проходимцев и интересантов. Описывать столь значительные коллизии и видеть в них разрешение мировых противоречий могли только несчастные, затюканные писатели, готовые довольствоваться малым и получать Сталинские и Ленинские премии.

Виктор Некрасов резко выделяется на этом фоне. Он вырвался за флажки, элегантно всех послал и поселился в Париже. Это был поступок свободного человека: плюнуть на это чертово колесо, в котором приходилось быть спицей.

Но когда ударили морозы, и постепенно затянулись лужи, и воцарился Сулов, ненависть поколения закалилась, как булат в холодной воде. Венгрия, Чехословакия, Афганистан, 1956-й — для Револьта Пименова, 1968-й — для Дубчека, 1979-й — для окончательного прозрения Сахарова, для объявления им войны государству. Время било наотмашь, и выживали сильнейшие. Они уже ни на что не надеялись, они просто ненавидели. Кто-нибудь подсчитал, какую силу отрицания таили в себе молчание Юрия Черниченко, эзопов язык Юрия Любимова, видимая покорность Юрия Афанасьева и Анатолия Собчака?

А рядом с ними существовал мир изгоев, мир диссидентов. Катакомбы. Здесь не было ни передышек, ни оттепелей, ни надежд. Здесь ненавидели вслух и умирали молча.

Поколение XX съезда должно было завидовать им. Ведь трудно сделать шаг, последний шаг на костер. И некое презрение к самим себе только увеличивало ненависть. Два мира

встретились у престола Горбачева, первый мир слегка оттаял и энергично задействовал. Второй мир наполовину остался в глухом отказе, требуя всего. Поколение XX съезда еще раз трянуло на ухабе в Тбилиси 89-го года и в Вильнюсе 1991-го. Это был конец. Сани опрокинулись, партбилеты были брошены навсегда. Отставшие бросали их в августе 1991-го. Диссиденты и поколение XX съезда нашли друг друга на одной явке — на явке Свободы. И оказалось, что такие, как Анатолий Собчак и Юрий Афанасьев, Юрий Любимов и Александр Яковлев, ушли навсегда. Они стали диссидентами и экстремистами в красных глазах коммунистов. Их заносили в проскрипционные списки. Их рисовали в газете «Завтра». Их выгнал Ельцин, но им было уже все равно.

Первое, что сделал мэр Анатолий Собчак, — это устроил слет диссидентов 50—80-х годов. Так мы с ним и познакомились. Второе — Конференция по правам человека: западные и наши правозащитники, и даже вечно гонимый ДС. Третье — заявление о выходе им заново рожденного Санкт-Петербурга (Ленинград не имел права ни на дворцы, ни на площади, ни на Неву, ни на мосты) из состава России в случае победы коммунистов.

Мы потеряли человека, готового и к деянию, и к участи Прометея.

А когда исчезнет этот сплав: диссидентов, ставших политиками, и идеалистов-политиков, ставших диссидентами после 1994 года, 11 декабря, когда танки пошли через границу Чечни, что ждет страну? Кто у нее останется?

Уже можно посмотреть. Поколение не воевавших, не надеявшихся и не отчаявшихся. Не буревестников, не лебедей, не чаек по имени Джонатан Ливингстон. Полезных птиц с птичьего двора, не умеющих летать. Менеджеров и прагматиков, которые не способны шагнуть дальше теплого курятника. В этом и причина раскола СПС. Птичий двор и небожительность — две вещи несовместные. Это поколение не сидевших и не веривших (и не изверившихся) дало только двоих, равных по силе и закалу старой гвардии: Галину Старовойтову и Константина Борового (из тех, кого знает вся страна). Одну расстреляли по приговору неизвестного ОСО, другого выкинули из политики. Но не из боя. Какое-то время летел и звал за собой Гайдар. Где-то в 1997 году ему сломало крылья отчаяние. А сейчас,

когда надо летать, он уже не может. В отличие от Высоцкого, я чувствую жалость, видя сломанные крылья. Но от этого не легче.

Страна, когда уйдут все идеалисты типа Афанасьева и все диссиденты, останется наедине с молчанием Гайдара и страшными словами Чубайса. Энергия кончилась. Неодолимая сила энтропии возвращает нас назад. И это не самое страшное. Да, у страны скоро не будет хлеба, достоинства, света, воздуха и будущего. Но самое главное — у нее не будет оправдания перед вечностью. У нее не будет своих героев.

КОНСЕНСУС НА КРОВИ

«КоМоК», (№ неизв.), 27 марта — 2 апреля

Российские политологи, журналисты и муртусы — черные пиарщики обыскались. Ищут пожарные, ищет милиция, ищут фотографы нашей столицы. Ищут они все платформу, кредо, программу будущего Хозяина тайги (конечно, тайги, раз уж в Госдуме медведи завелись, зайцы из Беларуси через союзную границу бегают, а подъяремные россияне — как водится, кролики).

Кстати, у каждой программы должны быть тезисы. Краткое, так сказать, резюме. И это резюме висит на самом большом и зловещем здании Лубянки, напротив бывшего Железного Феликса. Это барельеф с медальным ликом Юрия Андропова, совершившего в жизни своей столько похвальных и остро современных деяний, что и.о. президента, не успев занять как следует премьерский кабинет и повесить опознавательную табличку, поспешил возложить венок на его могилу, а 20 декабря, на именинах ВЧК-НКВД-КГБ-ФСБ (какая традиция, какая пошехонская старина! Жаль только, что на этом древнем фундаменте демократию не построишь) испек им, своим бывшим сподвижникам, этот каравай: доску почета с их и своим тотемом, святым покровителем ремесла господином Андроповым.

И, надо сказать, Владимир Путин не ударил в грязь лицом и оправдывает надежды. Взор его светел, тверд и ужасен. Весь он — как Божия Гроза. Подчиненные трепещут, противники целуют копыта его коня, Чубайс и Кириенко цепляются за стремяна.

Кстати, наиболее наивная и восторженная часть общества (к которой принадлежат Анатолий Чубайс, Сергей Кириенко, Ирина Хакамада, Михаил Леонтьев, Сергей Доренко и Николай Сванидзе) продолжает утверждать, что Путин — это некий Штирлиц, скрывающийся до выборов под зверскими действиями в Чечне и чекистскими заявлениями и пристрастиями горячее сердце, чистые руки, холодную голову и сугубо либеральную и реформаторскую программу, которую начнет, на горе коммунистам, реализовывать с 27 марта. Словом, никакой он не Андропов, помноженный на Ермолова, а де Голль, помноженный на Пиночета. И мы, интеллигенты, брюзги и ломаки, напрасно его обижаем и попрекаем, а он только слезы глотает и молится за нас Мадонне.

Но семнадцатая серия «Семнадцати мгновений весны» уже наступила, нет больше никакой возможности путать, где Штирлиц, а где Мюллер, и у кого из них двоих мы под колпаком.

Существует достаточно подробная идеологическая платформа для В.В.Путина, и похоже, что на этой платформе можно уехать туда, куда Макар телят не гонял. Она называется «Правый поворот», запущена в Интернет и художественно изготовлена за спиной у Егора Гайдара, как остро отточенный нож, в средоточии либеральной мысли, в Институте экономики переходного периода, Алексеем Улюкаевым, заместителем Егора Тимуровича. Алексей Улюкаев писал это не для себя, он формально входит в некую экспертную группу при и.о. президента.

Он пишет, что «Владимир Путин внес в политику российского кабинета долю осмысленного риска». Звучит это просто блестяще. Особенно в контексте взрыва жилых домов в Буйнакске, Волгодонске и Москве.

Россияне очень рискуют утром не проснуться, с тех пор как их жизнь и смерть в руках ФСБ. Но можно ли такой риск считать осмысленным? Только не для тех, кто остался лежать под обломками.

Опять-таки в Чечне жизнью рискует не В.Путин, а российские солдатики.

А уж доктрина нанесения превентивного ядерного удара — так это уж точно риск. Мы, значит, утром встаем вместе с правительством, только правительство — с левой ноги. И ему кажется, что возникла угроза национальной

безопасности (то ли «Свобода» не то передала, то ли чехи ввели визовой режим, то ли МВФ кредитов не дал, то ли Клинтон попросил войну в Чечне закончить). И достается чемоданчик с красной кнопкой, и в сторону США запускается баллистическая ракета. Ну, долетит ли наша ракета, я не знаю. Может, мыши съели, может, начинку на рынке продали, может, двигатель на толкучке покупали. Но ведь ответная американская точно долетит! А ядерное бомбоубежище будет только у В.Путина и у Генштаба! С моей точки зрения, для нас такой риск не оправдан.

Но это только начало. Дальше Алексей Улюкаев предлагает нам одержать военную победу в Чечне. «Решив эту проблему, мы развяжем тяжелейший психологический и политический узел — сбросим с себя наваждение вечных неудачников и приобретем не только привычку наводить порядок в собственном доме, но и технологию наведения этого порядка». Ну, на этом месте у меня вообще кровь застыла в жилах. Я представила себе федеральные технологии, приложенные к Красноярску, Омску, Москве. Города, где не осталось ни одного целого дома, где нет ни пищи, ни воды, ни света, ни тепла. Миллионы беженцев, скитающихся по России. Как вам нравится, россияне, такая предвыборная программа? «Первого задушим, второго засушим, третьего зажарим, четвертого зашкварим...»

Еще одно откровение: «Россия не должна повторять печального опыта западных стран, в которых установилась двухпартийная система: левые-правые». Россияне, это они не про коммунистов. Это про отмену многопартийной системы вообще. Должна остаться только одна партия — партия власти. «Яблоко» тоже надо запретить. Должна быть стабильность. Один фюрер, одна партия, одна ФСБ. Больше-то зачем?

Далее ученый муж ударяется то в Гегеля, то в Канта. И предается феноменологии духа. Скажем, зачем нам власть? Ответ такой: «Власть необходима нам для того, чтобы побудить нас заняться нашими же делами». Вот это да. Если россиянину нужно сходить в туалет (в «сортир», по терминологии высшей власти), поковырять в носу, принять душ, вынести помойное ведро, сходить за продуктами, — без власти он это сделать решительно не сможет.

Еще власть должна заняться государственным принуждением: «Побуждать каждого исполнять его общественный

долг и блюсти общий интерес». Поняли? Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой!

Далее мы узнаем, что в многонациональной стране власть должна быть «подлинно национальной». Запахло уже «Mein Kampf», охотнорядцами, характерами нордическими и твердыми. А вы ведь помните, что истинный ариец должен быть «беспощадным к врагам рейха». Поэтому далее в трактате сказано: «Правые не ставят перед собой политической задачи защиты свободы». Должна огорчить Алексея Улюкаева: такие правые, как Маргарет Тэтчер, Рональд Рейган, Гельмут Коль, Джордж Буш, Константин Боровой и Юлий Рыбаков с этим не согласились бы. Единственные в истории правые, которые не защищали свободу, — это фашисты.

Похоже, Улюкаев открыл бюро медвежьих услуг. Чтоб было в комплекте с «медвежьей» фракцией.

Один раздел даже называется «Новый империализм». И мы узнаем, что «империя... дает представителям всех народов одинаковые возможности для участия в общественной и политической жизни страны». Приехали. То-то развалилась Римская империя, Австро-Венгрия, Британская империя и СССР!

Дальше кое-что из программы Жириновского: «Зачем той или иной автономии Конституция? Если в ней написано то же, что и в российской, она не нужна, если другое — то она вредна». Зачем, кстати, штатам Америки свои законы?

Алексей Улюкаев ошиповывает российскую робкую свободу, как курицу. Голое тельце — и перья вокруг. И вот чеканная формула всех деспотий мира: «Права равны обязанностям». Не экспертная группа, а бюро похоронных услуг. Хоронят, кстати, нас. Обратите внимание!

Еще Улюкаев озвучивает сокровенную мечту недобитых совков: «Объединение с Россией бывших республик Союза, которые имеют такое желание».

Он назначает Россию, вечно пытавшуюся лезть «на Германы», ввязавшуюся в войну со Швецией при Петре I, с Польшей при Иоанне Грозном, три раза деливший Польшу с Австрией и Пруссией, зачем-то напавшую на Японию в 1904 году (себе на горе), пытавшуюся завоевать Босфор и Дарданеллы в 1914-м, что и прикончило ее историю в октябре 1917-го, — так вот, эту склочную страну он

назначает «стабилизатором международной напряженности». И с гордостью за жаренного индюка сообщает: «Россия действительно была “жандармом Европы”, обуздывавшим международных агрессоров». Далее идет вставка из зюгановско-прохановского литературного наследия: «Россия не может оставить США, недостаточно подготовленные к роли блюстителя порядка и не чувствующие моральных обязательств перед всем миром, в одиночку распоряжаться на международной арене».

Далее мы узнаем, что «России нужна не профессиональная армия, а хорошая армия» и увеличение военных расходов. Прямо мечта демократа! Привет от Эжена Ионеско. В один прекрасный день вокруг тебя все превращаются в носорогов, и ты говоришь соратнику: «А может быть, это мы с тобой нуждаемся в спасении. Мы с тобой не такие, как надо. Выходит, они правы, что так поступили». И у тебя растет рог...

ВЕЛОСНЕЖКА СНОВА В КОМЕ

«Новое время», №16, 23 апреля

Всем известно, что Белоснежка проглотила кусочек отравленного яблока и впала в коматозное состояние. Проведя в хрустальном гробу энное количество лет, она дождалась королевича, который потряхнул гроб, потряс свою суженую, зловредный отравленный кусочек выпал, и дело кончилось свадьбой.

Россия находится в аналогичной ситуации, потому что она почти всю свою историю тащила в рот что попало, даже не дожидаясь, пока ее угостят, и оттого редко из комы выходила.

До 1917 года мы подавились Кавказом, Польшей, Финляндией. В страшных муках удушья Россия воевала за свое право подавиться — регулярно и даже успешно. Когда страшный толчок 1917 года вытряхнул из горла страны прежние отравленные яблоки, играть свадьбу было рано, потому что из праха империи восставал новый Годзилла — СССР и страны Балтии, Украина, Белоруссия, Кавказ, Закавказье, Средняя Азия, Молдова так закупили российские дыхательные пути, что опрокинули бедную в гроб на семьдесят с лишним лет.

И вот очередной катаклизм, последний день Помпеи: тронулись вековые плато, рассыпалась Империя Зла, и Россия, поведя очами, села в своем гробу и робко, осторожно стала жить и дышать. Мы дышали долго: целых три года. До 1995 года, вернее, до рокового неспрадного декабря 1994-го, навеки лишившего нас возможности отмечать День Конституции, потому что именно в этот день танки пошли через границу Чечни...

Теперь уже диагноз очевиден: Россия подавилась Чечней.

Вопрос, по-моему, не в том, что нам делать с Чечней, а в том, что Чечня делает с нами. А она нас губит с каждым днем и каждым шагом. Мы докатились до геноцида, до концлагерей, до всенародного вопля про несчастных чеченцев: «Matalo!» («Убей его!») Лунные каньоны Грозного, предложения омовцев скрыть аул Дарго вместе с горами, художественное описание в газете «Завтра», как спецназовец, привязав на глазах у всей деревни к столбу пленного чеченца, вырезает у него (у живого!) печень... А уши в качестве трофеев? Это ведь даже не средневековые, это каменный век.

Россия стремительно теряет нравственное измерение и представление о Добре и Зле. Андрей Бабицкий теперь невыездной: ни на работу в Чечню, ни в Страсбург — выступить на сессии ПАСЕ. Это не просто произвол, это беспредел.

Микроклимат — как перед грозой. Душно, темно, мерзко, молнии сверкают. Что нам делать с собой? Освободиться. «Бросайте за борт всё, что пахнет кровью, поверьте, что цена не высока» — так писал Высоцкий; писал о пиратах и их добыче, которую во время шторма капитан отдал стихии в жертву. А разве мы не пираты? Потомственные пираты, бороздившие Кавказ сначала на лошадях, потом — на танках... Правда, на капитана надежды мало. Значит, мы сами должны вернуть добычу, плод 150-летнего грабежа. Неужели мы предпочтем утонуть, прижимая ее к своему сердцу? Страна в коме, а кома рано или поздно станет необратимой. И никакие 40 богатырей из ПАСЕ нас не добудят. Чечня — это был тест. На профпригодность в Европу и в цивилизацию. Тест мы завалили. В конце концов, Аслан Масхадов оказался прав: независимость — это единственная для чеченцев гарантия, что завтра с неба не посыплются бомбы, причем вакуумные. Отложенный

до 2001 года статус, обеды с Ельциным чеченских должностных лиц, законно выбранных или законно назначенных законно выбранными, обернулись чудовищной ложью, морем крови для них и океанами грязи для нас. Еще немного, и Чечня нас добьет. Мы уже в состоянии латентной гражданской войны. Вчерашние соратники по 1991-му или 1993 году не здороваются. Крошечная Чечня расколола огромную Россию. Между нами горит мост... Между нами сгорел Грозный...

В конце концов, Франции тоже было непросто. Отдать Алжир вместе с французами и всем, что они там настроили, пренебречь терактами OAS* и настроением армии. Переселить к себе почти всех французов из Алжира. Заплатить им астрономические суммы компенсации за собственность. И всем стало хуже. Роптала Франция, шипела по углам OAS, пропал Алжир (сейчас совсем пропал). Но де Голль превозмог всё. Он знал, что спасет Францию (а не Алжир). Французы остались людьми, европейцами.

Чехии, может быть, тоже было жалко Словакии: с Татр можно кататься на горных лыжах. Канада на референдуме шла на потерю Квебека. Все бывшие империи всё потеряли. И не прогадали.

Легкий патронаж Англии над Содружеством, взаимная приязнь франкоговорящих стран, культурный союз испаноговорящих, отличные отношения Британии и ее бывших американских колоний... А что некто говорит, что нам не простит ухода, то это мы уже слышали.

Мифические чехословаки, вызвавшие танки по вертушке в 1968 году. Мифические прибалты, призвавшие наши войска в 1940-м. Штази, конечно, на нас в обиде. И ладно.

Независимость Чечни — это наша плата за билет в Европу. Или проще — в человечество. Плати — или проиграешь.

ВЕЧНЫЙ МАТ

«Новое время», №17-18, 30 апреля

Мои личные ветераны войны, сокращенной по-совковски, утилитарно и с казенной безвкусицей до «ВОВ», —

* Organisation de l'armée secrète — Подпольная националистическая террористическая организация.

два деда и отец. Они почти ничего не рассказывали о войне, не ходили на сборы ветеранов, не искали однополчан, а один дед так и награды ни разу после войны не надевал.

Все трое вернулись с войны без трофеев. Все трое молчаливо одобряли мою чисто антисоветскую и антивоенную деятельность, которая, если верить официозу, должна была их глубоко ранить и оскорблять, даже тот дед, у которого был статус старого большевика и крохотная квартирка у завода «Калибр», скромная пенсия и «Один день Ивана Денисовича» из «Роман-газеты» в зашнурованном портфеле. Он не брал ни дач, ни машин, ни привилегий. О войне молчал до самой смерти, только сказал однажды, что из революции и советской власти ничего не вышло. Сказал с гримасой боли.

Второй дед, который не носил наград, рассказал только одно: как его комдив хотел угостить хорошими папиросами, а он не взял, потому что ненавидел командиров; как в Германии его однополчане, попав на немецкую ферму, убивали всех: стариков, детей, женщин, лошадей, коров, собак; что мы не смогли бы воевать без американской техники, грузовиков, тушенки, матчасти; как во время Варшавского восстания им приказали стоять у Вислы, а поляки гибли на другом берегу, и иногда советские бойцы не выдерживали этого ужаса и бросались в реку, чтобы доплыть и помочь восставшим, а их расстреливали в воде свои, по приказу командиров... Он говорил, и его трясло. Больше я не спрашивала.

Отец был куда моложе, ушел на войну мальчишкой, но никогда не пытался рассказывать о подвигах, своих или чужих. Сказал только, что ночь 9 мая была единственным счастливым днем в нашей истории. Ничего хорошего до, ничего хорошего после. Одна ночь за всю историю. Именно ночь, а не день.

Так не говорят победители, и так не возвращаются с выигранной войны. При этом они не были диссидентами, а двое вообще состояли в КПСС.

Я задолго до знакомства с самиздатом или даже с Василем Быковым поняла, что с этой войной что-то было не так.

Фронтовиком был поэт Юрий Левитанский, так и погибший в бою, в первую чеченскую, в здании бывшего Моссовета, теперешней мэрии, на встрече интеллигенции с президентской администрацией, тщетно доказывая, что

надо выводить войска и дать чеченцам независимость. Там он и умер от инфаркта, умер на фронте, но только другой, гражданской войны.

Он говорил мне, что не надеется на ветеранов войны в смысле борьбы за продолжение реформ: почти все лучшие погибли в первые два года, остались в основном конформисты... Он тоже не искал встреч с однополчанами. Каждый Сергей Вохминцев из «Тишины» мог нарваться на своего Уварова, и оставалось только бить морду. Но уваровых было больше, и они могли донести в НКВД.

У немцев тоже стоял ком в горле: пенсию получали и честные солдаты вермахта, и подлецы типа того офицера, который в романе Бёлля «Дом без хозяина» посылает на бессмысленную смерть поэта Рая, а его старая мать и жена Нелла разыскивают убийцу весь роман...

Но Василь Быков не может ошибаться: он знает всё о войне, он ее Гомер и ее ветеран. Еще в 1962 году в повести «Западня» он показал со всей силой своего дарования, что «свои» могли быть хуже «чужих» и кроме смерти не было выхода.

Последнее слово Василя Быкова о войне и ее ветеранах — это его отъезд в Германию. Он простил бывших врагов, ибо они познали муки совести, раскаялись и стали людьми. Он не простил нас (как в России, так и в Белоруссии), потому что мы ничего не поняли и ничему не научились. Это приговор. Военно-полевого писательского суда.

Если у Солженицына (тоже, кстати, ветерана войны) в «Пире победителей» молодые фронтовики торжествуют над особистами, то у нас всё наоборот: одолели особисты.

И возникает крамольный вопрос: почему российский официоз так пышно, 55 лет подряд, отмечает именно 9 Мая? Потому что больше праздновать нечего? Потому что это единственная наша победа за XX век? Или потому, что ветераны войны нужны так же, как и сама война, чтобы на них всё списать? У чеченцев, кстати, новый стиль: они играют в ту войну. И это у них сегодня партизанские рейды. Чеченцы — тоже советские люди. Они смотрели и «Вызываем огонь на себя», и «Семнадцать мгновений весны», и «Сотникова». Незавидная роль захватчиков в этой недетской игре досталась нам.

Правительству удобно думать, что ветераны — это или те, кто потрясает портретами Сталина на анпиловских

митингах, или униженные и обезличенные старики, которых они раз в году кормят кашей на Поклонной горе, выдают стандартный казенный новый костюмчик (все-таки армию власти мыслят как концлагерь), подкармливают недельку в пансионатах и пускают маршировать напоказ.

А Лев Копелев, а Василь Быков, а те, кто из гитлеровских концлагерей в эшелонах, тысячами, отправлялись в ГУЛАГ? А мои деды?

Но от живых и мыслящих, от несдавшихся мало проку. Официоз успел создать реакционный, отстало-свирепый макет ветерана в своих лабораториях советского и osobистского реванша.

Ради этого мифического реваншиста в Мавзолее был оставлен Ленин, вечное оскорбление для его бесчисленных жертв и всей поруганной, искалеченной (и, кажется, непоправимо) страны. Якобы ветераны не перенесли бы его похорон. 40 миллионов жертв ГУЛАГа и Гражданской войны перенесли. Посмертно.

Ради мифических ветеранов на башнях Кремля оставлены красные звезды — вечный символ страха и мук народа, казненного большевиками на столетие вперед.

Ради мифа о ветеране флаг Победы остался красным, чтобы мы не забывали об октябрьском перевороте, красном терроре и большевиках.

Ради убоготворения духа ветерана-анпиловца Японии не отдали законно причитающиеся острова.

Ради того же ветеранского мифа уничтожается Чечня вместе с ее народом: ведь мифу нужна территориальная целостность.

Ради мифа мы побратались со свирепым режимом Лукашенко, поссорились с НАТО (ведь его расширение очень тревожит миф).

Сытое, холеное, невоевавшее начальство из президентов, депутатов, мэров, генералов и губернаторов, прячась за картонный миф о ветеране, готово заорать: «За что мы кровь проливали?»

Реальные ветераны здесь явно лишние. Их убирают в чулан от парада до парада.

Миф о ветеранах стал орудием казни реформ. В очередной День Победы владыки на трибунах и их подданные у телевизоров зафиксируют наше тотальное поражение.

Вечный мат.

КУЛАК ПЛАНЕТ

«Новое время», №21, 28 мая

Об этом мы мечтали сами и давно. Еще при Ельцине. Еще до первой чеченской. Как реорганизовать Рабкрин и одолеть злокозненных и глубоко социалистических (или мелкофеодальных) губернаторов — тормоз реформ, круговую Вандею, душителей новых идей, губителей свободной прессы, реакционером и подрывной элемент. Красные пояса, коричневые рубашки, розовые футболки... Мы мечтали о наших комиссарах в пыльных шлемах, которые защитили бы Черепкова от Наздратенко, спасли бы угнетаемые СМИ, поставили бы на место Кирсана Илюмжинова с его Степным уложением, и рядом не лежавшим с конституцией, предотвратили бы убийство Ларисы Юдиной. Заставили бы замолчать юдофоба Кондратенко. В Башкортостане и Татарстане оградили бы газеты и телевидение от Рахимова и Шаймиева.

Мы видели блестящую плеяду комиссаров-западников, от Чубайса до Старовойтовой. В то время мы верили в Ельцина — Петра I и, забыв про всякую конституцию, хотели вручить ему всю власть. Для революционных преобразований.

Иллюзия этой идиллии горела петардой над танками, входящими в Грозный, она усыхала, как шагреневая кожа, и скончалась в муках под новогодней елкой 31 декабря 1999 года. Когда мы, наконец, остались одни — без ангелов, президентов, надежд, реформ и перспектив. Одни, если не считать ФСБ.

И вот наша мечта сбывается. Поверх пестрой сетки республик, простых и автономных, губерний и наименьшинств, субъектов Федерации, краев и областей со стуком и лязгом падает стальная решетка то ли воеводств, то ли военных генерал-губернаторств. С комиссарами (или эмиссарами) от Кремля. Как мы и хотели. Но на этот раз вспоминается другой текст: «А в комнатах наших сидят комиссары...» Интересно, им выделяют особнячки, покой в зданиях губернских правлений или прямо посадят по специальности — в ФСБ?

Мы могли бы возопить, что де-факто нарушается конституция. Буква конституции. Грубо и неоправимо. Но мы не возопим. Все-таки демократы — честные люди. Нас

волнует не буква конституции, а ее дух. Мы хотели просто выстроить планеты по нормальной астрономической схеме. Парад планет — а потом все расходятся по орбитам.

Но здесь пахнет не парадом, а кулаком планет.

Да, наш чахоточный федерализм мало на что годился. Правда, Дмитрий Аяцков закрыл вытрезвители, стал продавать землю и даже завел речь о легализации проституции. А Борис Немцов возобновил ярмарки Нижнего, известные всей России. А Константин Титов почти построил капитализм. А у Михаила Прусака в Великом Новгороде развелась иностранная промышленность с местными рабочими. А Руслан Аушев помогал беженцам из Чечни, старался накормить их чем-то в лагерях.

Но главное — не это. Дифференциация земель и краев, склочные губернаторы, строптивные мэры и феодальные замашки охраняли нас от установления единственно возможного в наших исторических условиях порядка — диктатуры то ли закона, то ли произвола. Заранее не скажешь. Но вычислить можно, вопрошая пепел Грозного и чеченских сел.

У нас это уже было. С конца XIV века по начало XVI — собирательство русских земель. В один кулак, в железную перчатку Москвы. Это было исторически неизбежно. Но неизбежность не означает ни блага, ни свободы. Иван III поконтчил с Новгородом, а Псков падет уже без боя, помня об учиненной над Новгородом расправе. У великого князя не станет проблем с территориями. Не будет соперничающих княжеств. Кончится эпоха «враждующих царств».

Но в городе, соединившемся в самом себе, не устоит человек. Территориальная дифференциация давала какие-то гарантии отдельной личности. Теперь до нее дойдут руки. Именно при Иване III на Руси появляется первый «узник совести» (долго сидеть ему не пришлось: казнили) дьяк Берсень-Беклемишев (из диссидентского кружка монаха Максима Грека).

Конечно, вольный Новгород или независимая Тверь, где и укрыться можно было от Москвы, — это не наши субъекты Федерации, где тебя все равно достанет ФСБ, как Андрея Бабицкого: в Чечне, Осетии, Дагестане, Азербайджане, а теперь достает в Москве. Но проблемы Центру губернаторы создавали. Кулак не сжимался, та или иная планета могла спокойно скользнуть на свою орбиту.

Всматриваясь в прошлое, мы вспоминаем о будущем. Приглядитесь: у нас де-факто нет институционального разделения властей. Оно и раньше проявлялось только в склоках: добрый слабый президент, злобный реакционный парламент, безгласный суд. Зато теперь ситуация выглядит так: сильный и злой президент, раболепный и злой парламент, безгласный по-прежнему суд. Сервильная Церковь. Впрочем, на Руси никогда не было разделения духовной и светской властей. За исключением великого противостояния митрополита Филиппа (Федора Колычева) и Ивана Васильевича Грозного.

Хаос власти, который создавали своим самоуправством нецивилизованные, манкирующие конституцией губернаторы, не давал разыгаться самоуправству федеральному, создавал противовес попыткам ограничить сверху права и свободы личности. Беспорядок ограждал от беспредела.

Владимир Путин торопится. Одновременно с территориальной дифференциацией он пытается устранить журналистскую. «Медиа-МОСТ» оказался крайним, и обвиняют его как раз в том, чем занимаются его противники из ФСБ: в прослушивании и ведении досье.

Конечно, вы можете меня спросить, почему я жду от Путина чего-то дурного. А вдруг он хочет нас облагодетельствовать? Но я вижу Андрея Бабицкого даже без российского паспорта, со справкой об освобождении, словно после фильтрационного лагеря. Я вижу новенькую мемориальную табличку с профилем Андропова на здании КГБ. Я вижу пепелище Чечни.

Я не опасаюсь, не предполагаю, не сомневаюсь. Этот кулак планет — для нас. Я уверена.

ГОСУДАРСТВО И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

«Иностранец», №23, 20 июня

Они очень похожи, и очень кстати, что теперь в Мавзолее на двухспальном ложе осталось вакантное место. Теперь уже Ленину не угрожает выселение, разве что к концу четвертого или пятого семилетнего (по просьбе трудящихся депутатов, губернаторов, наместников, сатрапов, преподавателей ЛГУ, Доренко и Леонтьева, съездов «Единства», КПРФ, ЛДПР и СПС) срока Владимир Путин не

захочет тесниться в коммуналке, выкинет предшественника и освободит всю плацкарту для себя.

Тесное общение с паном Лукашенко и Туркменбаши, знаете ли, способствует подобным планам на будущее. Не следует думать, что Владимир Ульянов был робким мещанином, хотел смиренно покоиться на Волковом кладбище рядом с матерью и не смог бы оценить размах и силу тяжести Мавзолея. Оценил бы и одобрил, потому что Царство начинается с некрополя, с пирамиды фараона, с поклонения новому Богу — вождю.

В мире не найдется святотатца,
Чтобы поднял на меня копьё,
Если ж я умру, — что может статься, —
Вечным будет царствие мое!

(Галич)

Согласитесь, пирамида ГБ будет выглядеть еще эффектнее. Собственно, вся Лубянка — это город мертвых Абидос, где обитают мумии, мертвые зомби, восставшие из праха в своем страшном смертном обличье. Все ощущают силу древнего заклятья и благоговейно ходят мимо по стеночке. Беда вся в том, что эти мертвые хватают живых, причем довольно активно.

Ленин не был чекистом, в отличие от Путина. Но он создал эту машину убийств и разрушений, этого Голема. Только не пачкал белые ручки. Для этого служили Дзержинский, Артузов, Менжинский. Дикая охота короля Стаха.

Путин не был так брезглив (сказалось отсутствие дворянского воспитания). Как разночинец он изучал страну и население в ГБ. Это была хорошая школа. Ведь ГБ — это и холодное сердце советского Голема, и его шелкающая реле-голова, и загребушие чистые руки (в стране, где кровь почитали чем-то вроде питательного крема, она с грязью не ассоциировалась).

Они — Ленин и Путин — похожи до дрожи и ужаса, до обморока. В конце концов, марксизм — это лавка древностей. Он отжил свое, как любая идеология и любой идеализм ученых-теоретиков, заочных создателей незаконнорожденных, приبلудных Франкенштейнов, которые

усмеваются из-за чистеньких страниц «Капитала» или полемике с Каутским.

Зато ленинизм и путинизм идентичны. Прагматизм вообще равен самому себе, несмотря на атрибутику. Правда, Ленин был образованней на три языка — это уже примета Серебряного века, обтесавшего даже тиранов. Немецкий язык Путина — это уже лучше, чем посконные импровизации Хрущева или косноязычие (на родном языке!) Брежнева. Несколько лет в Германии — это тоже не сибирская деревня, где самому себе приходится баньку рубить. Эх, истопить бы Борису Николаевичу баньку по-белому, чтобы до него дошло, кому именно он отдал власть! Впрочем, партийная карьера предполагала уважительно-благоговейное отношение к Ильичу. Импринтинг. Поэтому Ильич и остался в Мавзолее, что он никогда не был ровней Борису Николаевичу. Был начальником. А вот Путину он товарищ по оружию. Предшественник. Соработник. И он его выкинет, если такова будет политическая повестка дня.

Оба Владимира — юристы. Оба отрицают право как таковое, делая себе из него удобное оружие.

Владимир Владимирович сотворил из права оружие массового поражения для Чечни. Этот правовед непринужденно называет «предателем» Андрея Бабицкого, терпит «фильтры» и гестаповские пытки в Чечне и при этом может упомянуть Анатолия Собчака или Андрея Дмитриевича Сахарова как пример для подражания и восхищения. Такой цинизм не всем доступен. Это почти вершина. Слабо было Владимиру Ильичу после расстрела поэта Гумилева публично цитировать его стихи как любимые или выражать верноподданнические чувства по адресу казненной царской семьи. Здесь Путин побеждает в конкурсе, но он проигрывает в другом: в войне. Ленин, глубоко и подчеркнуто штатский человек, развязал гражданскую войну и уложил в могилы 15 миллионов человек. Пройдет время, и Путин тоже поймет, что «зачем же самому трудиться?», что нет нужды плавать на подлодках, летать на истребителях, лезть на авианосцы. Главное — отдать приказ. И чтобы было кому убивать. А у нас в стране специалистов этого профиля за годы тоталитаризма, а также гласности, перестройки и демократии развелось видимо-невидимо.

Кстати, никто и никогда не пытался дать определение политическому прагматизму. А пора бы это сделать, потому

что на ленинизм слетелись верные ленинцы, так же как на путинизм — верные путинцы.

Прагматизм — это НЭП, то есть сугубо утилитарный подход к западной цивилизации. Полные желудки, полные витрины, пустые сердца. Пытки на Лубянке, в бесчисленных ВЧК или чеченских лагерях и тюрьмах — на фоне академического балета в Мариинке или изысков театра Станиславского. Вахтангов и Мейерхольд пополам с «Черным квадратом» Малевича в Москве — а в тамбовской глуши молодой Тухачевский травит крестьян, не желающих отдать всё по продразверстке, газами, а их семьи за колючей проволокой обречены на голодную смерть.

И опять же день сегодняшний: выставки, вернисажи, хэппенинги, фестивали, Букеры, Анти-Букеры, «Серебряные калоши» под струями «Серебряного дождя», премии «Триумф». А дальше на юге убивают вакуумными бомбами целый народ, включая женщин и детей. Но поскольку прагматизм предполагает свободу от химеры, называемой совестью, никого, кроме кучки «выродков» с «Обитаемого острова», это не волнует.

Западная цивилизация была когда-то замешана Генрихом IV, Мишелем Монтенем и Адамом Смитом на рационализме, экономической свободе, гуманизме и свободе совести, не считая демократии. Из всего этого наследия нам оставляют урезанную экономическую свободу. Потому что без свободы совести экономическая свобода достанется только правоверным, а всех, кто с Кавказа или с бородой, будут грабить и «не пушать» за то, что боевик или вахабит.

Сравните с ленинским прагматизмом этот путинский прагматизм. Сейчас правоверный — это православный. Мусульманин подозрителен, если он не прокликает Шамиля Басаева и не любит генерала Шаманова как самого себя. А уж если он с бородой! Боюсь, что наш прагматик-президент не дочитал до конца даже «Петра I» Алексея Толстого. И не успел понять, что царь-реформатор резал бороды как раз православным, а не мусульманам, дабы они внешне походили на европейцев. Тот, кто читал Хэма, старину Хэма, знает, что у него тоже была борода. Даже без Корана. Бороды носили туристы, альпинисты, раскольники, каэспэшники, Генрих Наваррский (будущий Генрих IV), испанские идалго. Однако борода решительно сделалась

ересь, и генералы готовы превратиться в севильских (веденских) цирюльников и лично стричь бороды чеченцам, подозрительным вообще (а вдруг это патриоты, то есть боевики) и в смысле ереси, в частности ваххабизма. Хотя никто не знает, что это такое сверх бороды и танца «зикр», хотя тот из другой оперы, из горских обычаев. Даже сами чеченцы не знают.

Неправоверным и неверным скоро будет худо (атеизм, католицизм, протестантизм, буддизм уже сегодня считаются дурным тоном). А при Ильиче атеизм был в большом фаворе. Правоверными были как раз марксисты и атеисты. Они и получали пайки, вступали в комсомол и партию и занимали приличные должности. А христиане, мусульмане и все прочие верующие были изгоями. На них облавы устраивали, а священников на кол сажали. И это было вполне прагматично. Нет Бога, кроме Ленина, а Сталин — пророк его. *Seduo* двойным быть не может. Причем свободными были только животные, на пролов свобода не распространялась.

Прагматизм Володи Ульянова привел к тому, что герои одного из рассказов Тендрякова в 30-е годы запросто обсуждают, что дурочка Параня, объявившая себя невестой Сталина, — юродивая, раньше таких Христовыми невестами называли, потому что «до Сталина 1000 лет Христу молились». Согласитесь, что изменить за 20 лет тысячелетние стереотипы — это весьма успешная реформа, пусть вбок или назад, или вовсе никуда. Значит, 15 миллионов жертв красного террора и Гражданской войны — сплошная прагматика. Такая же прагматика, как две чеченские войны с их сотнями тысяч жертв. Ведь и это себя оправдывает: круговая порука, причастие зверя, сатанизм как образ жизни и символ веры; народ отведал крови и озверел, он сплотился на платформе серийных убийств и ненависти, он построился в шеренги, а трусливые либералы, бывшие западники и реформаторы из СПС целуют гэбистские сапоги и воспевают тех, кто за рыночные идеи 15 лет назад просто сажал на 6 лет, как посадили писателя Льва Тимофеева.

Со стороны пресмыкающихся интеллигентов — это глупо. Со стороны Путина заставить любить Большого Брата очень даже умно. И Ленин, и Путин хорошо знали интеллигенцию и не уважали ее. Хотя бы за то, что она с ними сотрудничала. За пайки, за воблу, за дровишки, за сахар.

Потом за госдачи, госкормушки, ЦКБ, машины с мигалкой, академические институты. Сапог хочется полизать всем, но не всем достанется: желающих много, сапог один. В 1918 году шли на службу к большевикам. В 2000 году идут на службу к гэбистам. Последние, кстати, платят валютой. И себе, и хозобслуге. Это прагматично. И для тех, кто платит, и для тех, кому платят. Идеалы или интересы? Конечно, интересы. Чьи? Конечно свои. Это прагматично.

А НЭП — и по Ленину, и по Путину — это когда государство дает работать из своей руки-владыки, не выпуская собственности из когтей. Разве что булочную. И та стоит на муниципальной земле. А потом дают из своей же руки кашку: этому дала, а этому не дала (реальному частнику, западному инвестору, неблагонадежному). Нет свободной экономики вне свободы в политике.

В отношениях с Западом и Ленин, и Путин — вымогатели и рэкетиры. Очень плавный переход от «Оперы нищих» к вескому предложению «Кошелек или жизнь!». И над всем этим витает слоган из конторы Пичема: «Давать приятнее, чем брать». Это прагматично. Гибкость лисы Алисы и кота Базилио, которые то обманывают, то трясут, прагматична. Кредиты налицо. То есть «на карман». Сколько мы проели кредитов и гуманитарной помощи, страшно сказать. Ленин ухитрился получить помощь голодающим (по вине большевиков) от американской организации АРА в разгар красного террора. Инспекты строили ему ГЭСы, заводы, железные дороги. Справедливо заметил Ильич: «Запад не только продаст нам веревку, на которой мы его повесим; он еще даст ее нам в кредит».

Путин ни в чем себе не отказывает: ни в геноциде в Чечне, ни в махновских налетах на СМИ (обыски в «Медиа-МОСТе» и арест Гусинского), ни в зверском отношении к журналистам-оппонентам (история с Андреем Бабицким), ни в милитаризме со школьного порога, ни в арестах за попытку воспользоваться альтернативной службой (уже второй случай). А Запад этого партнера воспитывает в Брюсселе, в лоне НАТО, шлет ему Билла Клинтона, как голубя мира, боится «изолировать Россию». Что же это, люди добрые?.. С нашей стороны — прагматизм.

Всё, что достигает цели одновременно с вакуумными бомбами и ликвидацией территориального самоуправления, — это прагматично. Ибо здесь цель — государство.

Приоритет интересов государства перед интересами личности. По сравнению с периодом с августа 1991-го по осень 1993-го — контрреволюция. А раз у нас на повестке дня государство и контрреволюция, значит, можно смело равняться на Ленина. Государство — это был и его фетиш. А революция от контрреволюции отличается только персоналиями репрессируемых или отстраняемых. Схема же одна: нечто свергается (или заменяется), а взамен выдвигается диаметрально (или частично) противоположное.

У нас же оставался хороший задел тоталитарного ресурса из былых доавгустовских времен: Мавзолей, компартия, звезды над Кремлем, поколения рабов, имперское сознание, колхозы и огромная военная машина, «Арзамасы», ВПК, ГРУ, КГБ. Задача Путина легче ленинской. А поскольку он прагматик, то давление на социум едва ли потребует Красной гвардии (хватит и национальной), красного террора и сплошной коллективизации. Кошки, которые согласятся в таких условиях ловить мышей, скорее всего, останутся целы. Так рекомендует еще один прагматик, Дэн Сяопин. Итак, у нас их, прагматиков, набралось уже трое. Трое в лодке, не считая Березовского.

НЭП и китайская модель — синонимы. Экономическая свобода по карточкам, вприкуску. Политическая свобода — вприглядку. Но в Китае в 1989 году случился революционный подъем молодежи. Началась «бархатная революция», как в Чехословакии. Или как у нас, когда цепи отрядов стояли вокруг Белого дома, плюя на танки. В том невозвратном августе...

Чехов подавлять не стали. У нас подавили ГКЧП — потенциальных усмирителей. А в Китае поняли, что рушатся устои, и пустили в ход танки, пулеметы и казни. И страх был так велик, что там до сих пор сажают каждого обнаруженного диссидента. Тайвань рядом. Какой пример! Поэтому прагматик Дэн и его преемники давят на всё живое вне экономики без колебаний. По заветам создателя даосизма Лао-Цзы: «Надо сделать сердца людей пустыми, а желудки — полными». Вот формула НЭПа по Чубайсу и Гайдару.

Ленин позаботился о продналоге, разрешил свободную торговлю. Но Гумилева расстреляли, ибо он обращался не к желудку, но к сердцу и уму. Кстати, Лао-Цзы предлагал изгнать из государства поэтов и ученых — во избежание

смуты и зависти. Ленин и Путин — прагматики. Полезных ученых, делающих что-то химическое, космическое и железное, не тронут. Особенно если они будут писать в Москву письма, чтобы программа «Куклы» не глумилась над президентом Путиным.

Ленин употребил инженеров и электротехников в дело для своего плана ГОЭЛРО, для шахт и заводов. Пальчинского расстреляли в 1928 году, на целых 7 лет позднее Гумилева. А «философский пароход» с разными ненужными филологами типа Бердяева был отправлен в Германию. В.В.Путину не нужно НТВ, не нужны «Куклы», не нужны сатирики и вольнодумцы от журналистики типа Андрея Бабицкого. Чеченцы тоже не нужны. Также своего рода поэты, никакого в них прагматизма.

Ленину пришлось уничтожать целые сословия для своих революций. И это было прагматично в глазах всех прагматиков мира. Путину не понадобятся Соловки и Колыма — некого подавлять. Достаточно трех музейных пермских лагерей: 35-го, 36-го и 37-го. Там до горбачевской полумамнистии политэнкам приходилось сидеть по 6-7 лет, но бывало и по 10. Что ж, как прагматик Путин может сохранить музейный статус за этими концлагерями и посадить туда тех, кто посмеет диссидентствовать. Зачем красный террор? Придется арестовать не более чем сотню смельчаков, которые пойдут против всех. Музейные лагеря украсятся музейными экспонатами из диссидентов. Можно будет показывать иностранцам как национальный парк. И разрешить делать снимки. Опять-таки прагматично: за билеты будут платить валютой.

НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ ВЕЗ ПЕРЕМЕН

«Новое время», №26, 2 июля

Нам не повезло по многим параметрам, так что неудивительно, что и с оппозицией не везет, по крайней мере последние пять веков.

Оппозицию у нас сейчас одни путают с Соппротивлением, а другие — со скромным внесением поправок в правительственные проекты. Между тем это часть политического истеблишмента, имеющая существенно альтернативный общественный и государственный проект, не получающая

средств от правящей партии и государства и, кроме парламентской трибуны, прибегающая к кампаниям гражданского неповиновения (естественно, без актов насилия и вандализма). Такая оппозиция отказывается от портфелей в правительстве и не делит с ним ответственность за положение в стране. В парламенте неизменно голосует против правительственных законопроектов и бюджета.

Оппозиция не хватается за вилы и не жаждет стать мотыльщиком того общества, в котором функционирует. Поэтому ни национал-социалисты, ни итальянские фашисты оппозицией не были. Они были политическими киллерами, а парламентаризм в их карьере был чисто театральным эпизодом. Ни у кого не поднимается рука отнести в разряд оппозиции антифашистское Сопротивление Запада как в Германии, так и в оккупированных ею странах. Есть вещи (фашизм, коммунизм, агрессивный империализм, геноцид народа), с которыми не дискутируют: эти явления не подлежат исправлению и улучшению, а должны быть полностью изжиты или устранены, и такими вещами занимается Сопротивление. В грустной российской истории ни народники, ни народовольцы, ни эсеры, ни эсдеки на роль оппозиции не годятся. Это те же политические киллеры, что и наци или «Сендеро луминосо», но с романтическим флером из Багрицкого, Савинкова и романа Трифонова «Нетерпение».

Единственная оформленная политическая оппозиция, которую мы познали до октябрьского переворота, — это кадеты с их коронным антирежимным «гандистским» лозунгом: «Ни копейки в казну, ни одного солдата в армию».

Дальше идут чисто провокационные «ноу-хау» властей: бесчисленные «Промпартии», «Право-левые центры», «Союзы мстителей детей за родителей». На семьдесят лет и оппозиция, и Сопротивление становятся провокацией сверху. Все живые силы общества были высосаны вампирами из КПСС и КГБ. Когда оковы сняли, у узников уже не было ни охоты, ни сил разбежаться. Долго и нудно одни коммунисты спорили с другими то на платформе социализма с человеческим лицом, то в процессе перестройки и ускорения с человеческим фактором.

Советские люди варились в одном котле то партийных конференций, то Съездов нардепов, то Верховных Советов и спорили сами с собой о нюансах понятий, которые были

обозначены, приняты или опровергнуты цивилизованным миром за 100 лет до этого.

И здесь возникает понятие политического диссидентства, задача которого — вопиять в пустыне о необходимости Сопrotивления без какой бы то ни было возможности его осуществить (в силу слабости, трусости, лености общества и непонимания им реалий свободы). То есть диссидентство — это голос Сопrotивления и полная невозможность сопротивляться. Что-то вроде тени отца Гамлета, но только если Гамлет отмахивается от призрака, как от мухи.

Одно время, до первой чеченской, нам светила перспектива создания демократической оппозиции Ельцину. Если бы не потенциальные киллеры-коммунисты, заставлявшие демократов поддерживать Ельцина вообще (как альтернативу коммунистам), конфликтуя с ним в 70 процентах частностей.

«Яблоко» уклонялось от объятий власти и катилось в коммунистические ворота. «Демвыбор России» боролся с левыми и подписывал пакт о гражданском примирении с ними по просьбе Кремля.

Одиннадцатого декабря 1994 года, с началом первой чеченской войны, оппозиция должна была кончиться и дать место ненасильственному Сопrotивлению. Но на два фронта сопротивляться нельзя, а коммунисты ждали внизу, разинув зубастые пасти. Эта тягостная раздвоенность между конструктивной оппозицией, словесным Сопrotивлением и неконструктивной поддержкой кончилась 31 декабря 1999 года, когда Ельцин объявил о своей отставке. Настало хрустальное время чистой совести, с которой во имя свободы можно было бы пойти в тюрьму.

Время гражданского Сопrotивления пришло, но сопротивляться некому. Трудно будет считать Сопrotивлением гипотетическую борьбу регионов за право самим нарушать права человека и конституцию, не оставляя этой сомнительной чести Кремлю.

«Конструктивная» же оппозиция антизападническому режиму, поклоняющемуся КГБ, Андропову и Ермолову в роли сатрапа Кавказа, была бы подобной «оппозиции», которая заявила бы в 40-е годы XX века в Германии: «Мы не поддерживаем уничтожение евреев, но мы за автобаны, ликвидацию безработицы и “фольксвагены”».

Это, конечно, гипербола, но речи лидеров СПС о том, что они собираются поддерживать добрые дела Путина, звучат абсурдно. Добро и Зло (на уровне тотальной войны) не могут существовать в одном пакете. И намерение «Яблока» слиться с СПС, поддержавшим власть в ее прекрасных начинаниях, — это капитуляция во имя думских мандатов, то есть выживание любой ценой.

Режим на марше в черное позавчера, диспозиция исключает оппозицию кроме как на кремлевской платформе. Диссиденты проповедуют Соппротивление, народ безмолвствует или кричит «ура», власть властвует всласть. На Восточном фронте без перемен.

ТВОРЧЕСКАЯ СИЛА МАТРИАРХАТА

«Новое время», №31, 6 августа

Если кто-то и сомневается в созидательных способностях, женщин-политиков, то самое шапочное знакомство с английской историей должно развеять это заблуждение, как сон и как утренний туман. Пусть те мужчины, которые шовинисты, снимут шляпы перед двумя королевами — Елизаветой I и Викторией — и одним премьер-министром — Маргарет Тэтчер. Своим современным обликом и либеральным потенциалом Британия во многом обязана Елизавете I, оказавшейся на очень сложном историческом распутье после автократии Тюдоров (Генриха VIII и Марии Кровавой), после романа с Испанией и ее инквизицией через «заморский» брак Марии с Филиппом II, после произвола Генриха VIII и его гонений на католическую церковь, сравнимых чуть ли не с большевистским периодом.

Елизавете дано было вернуть страну на ее столбовую дорожку индивидуализма, Просвещения, свободной совести и либерального правосознания. Она сделала Англию буржуазной республикой, поставив свободную торговлю во главу угла; она создала мощный флот; при ней на девственной земле американского континента возникает семя будущих США — колония Виргиния, которой было суждено стать штатом будущих президентов и *founding fathers*, отцов американской конституции. Она разобьет Великую армаду, и положит предел экспансии тоталитарной Испании, и сломит ее мощь, и утвердит победу Разума и Свободы.

Конечно, жалко Марию Стюарт, но за ней стояли темные и мрачные силы клерикализма, легистов Франции (Гизы и К°, наследники идей Варфоломеевской ночи) и тех же испанцев. И она действительно претендовала на престол Англии, пусть даже и по недомыслию.

Елизавета была тверда, как стальной клинок, и на голову выше своих оппонентов-мужчин. Семья, муж, дети — все было принесено в жертву. Ее единственным детищем стала Англия, и она выходила ее. *God, save the Queen!* — это было прежде всего о ней, и это было справедливо. И лучший в мире гимн тоже был зачат при ее участии. «Никогда, никогда англичанин не будет рабом» — это клятва на уровне документов XX века, и Декларации прав человека, и Пакта о гражданских и политических правах.

Мягкая и женственная Виктория сделала то, что не смогли сделать английские войска и английские победы: склеила Шотландию и Англию, склеила силой своей любви к Шотландии и шотландцам (к которым совсем переселилась), силой своего предпочтения и восхищения. Шотландцев нельзя было победить насилием, «зачистками», казнями. Они уступили только силе любви. Такой вот государственный секрет, know-how.

Обе королевы любили Англию, как своего ребенка, и воспитывали ее силой личного примера. Это воспитание в семье определило дальнейший путь страны.

Маргарет Тэтчер из того же теста. Она тоже вернула страну на путь либерализма и индивидуализма, личной ответственности и Свободы. Она оттащила ее от розовой социалистической пропасти и посмела признать неправоту своей страны в старом и подлом деле 1945 года — передаче Сталину на погибель казаков, их семей и вообще беженцев от советской власти.

Если же вспомнить о твердости ныне чествуемой Англией и всем прогрессивным человечеством королевы-матери перед гитлеровской угрозой и под бомбежками, ужас которых она разделила со своим народом, то мы увидим ту же закваску и то же женское равноправие, которое почти повсюду декларировано, но с таким блеском доказано только в Великобритании. Поэтому давайте присоединимся: *God, save the Queen!*

Российская эмансипе.

ГИВЕЛЬ ВОГОВ, ИЛИ ИПАТЬЕВСКАЯ ГОЛГОФА

«Новое время», №33, 20 августа

На знаменитой картине Брюллова в последний, самый последний день Помпеи с кровли храма обрушиваются статуи богов. И если бы гражданам Помпеи было суждено выжить, они наверняка бы стали атеистами, потому что боги Рима, символы могущества и власти, не только не защитили приносивших им жертвы (по случаю новых времен — в основном денежные) горожан, но даже не убеждали от разрушения свои собственные изображения.

Но в Помпеях никто не выжил. В отличие от России, разразившаяся над которой Катастрофа была ужаснее извержения вулкана: она длилась больше 70 лет, вытягивала из людей жилы, убивала не только тела, но и души, да еще при ней и после нее приходилось жить. Жить на пепелище, с пеплом внутри вместо надежд, иллюзий, чаяний, веры.

Поэтому, рассматривая с метафизической точки зрения вопрос о канонизации семейства Романовых, мы должны все время держать перед своим умственным взором картину Карла Брюллова: в 1917-м — 1920-х годах Россия пережила гибель богов, и Романовы тоже ее пережили. Ненадолго.

Я не теолог и не религиозный ортодокс. Мое христианство — легкий прозрачный шарфик в современном вкусе, тогда как христианство россиян 10-х годов XX века — это, скорее, глухая черная паранджа.

«Святая Русь» все-таки почти оправдала титанические усилия киевских и владимирских князей. Она усердно, слишком усердно молилась, забывая о межконфессиональном изречении Синдбада-морехода: «На Аллаха надейся, а верблюда привязывай». Она говела, исповедовалась, слишком и без отдачи увлекаясь благотворительностью. Она «Града настоящего не имела», но «Града грядущего вскивала».

И на эту-то богобоязненную, смирную страну были пущены орды социальной саранчи: эсеры, эсдеки, комбеды, большевики, комсомольцы, чекисты, продотряды, атеисты и «десятитысячники». Они растерзали ее, потому что наступали, были злы, напористы, хищны.

А добрая неповоротливая Русь отбивалась, теряя инициативу, отступая к морю. И часто, сдаваясь без боя, дабы

не нарушить мир своей души, не опоганить чистоты кровью и ненавистью. Это не я говорю, я бы никогда так не поступила и так не сказала. Так считали и думали они. Граждане утонувшего в 1917 году града Китежа. Семья Турбиных. Поручик (если успели произвести из подпоручиков) Ромашов (Юрочка). Подполковник Вершинин. Капитан Рябович, капитан Тушин. Семейство Романовых.

Чеховские, толстовские, булгаковские, купринские герои. И их несчастные монархи, рожденные не для жестокой жизни, а для пасторального романа или святцев. Не знаю, является ли канонизация благом. Как для причисленных к лику святых, так и для их соотечественников через 80, 200, 500 лет.

Нужна ли была Жанне д'Арк канонизация через пять веков после костра? Сомневаюсь, что мятежники-нонконформисты способны спокойно пребывать в лоне какой-либо корпорации, тем более Церкви. А вот Западу такая канонизация была нужна. Ею было узаконено свободное служение своей стране с оружием в руках. Ею был окончательно легитимирован протестантизм, ибо Жанна, не зная этого сама, была предшественницей и Мишеля Монтеня, и гугенотов, и Агриппы д'Обинье, и Генриха IV, и закона о свободе совести — Нантского эдикта. Католики XX века так извинились и за тот давний костер, и за Варфоломеевскую ночь.

У нас не тот случай. Россия пережила гибель богов, не защитивших кротких, трудолюбивых, благочестивых, но допустивших казни и пытки невинных, уничтожение поколений, погружение страны в Ад, терпевших, не испепеляя, злодеев, разрушение храмов и сажание на кол священников.

Я не хочу ничего слышать о каре. Такая кара чрезмерна. Бог не может карать невинных. «Блаженны плачущие, ибо они утешатся»? Ни для маленького Алексея, ни для Анастасии, ни для Ольги, ни для Марии с Татьяной на земле утешения не нашлось.

Я глубоко светский человек, но я знаю канон. Господь вознаградил и возвеличил Иова за то, что тот не возроптал и не лишился веры. Я ропщу, и многие, надо думать, после 20-х годов стали на Руси атеистами. Когда Бог не вмешался, не защитил, когда под большевиками и чекистами не разверзлась земля.

Но ни великая княгиня Елизавета Федоровна, эта мать Тереза российского Серебряного века, так жестоко убитая, ни царица, ни царевна, ни царица, ни царь не возроптали и не отреклись от богов, на их глазах упавших наземь в ходе Великой Катастрофы. Это было толстовство, конечно. Непротивление злу насилием. Это был ранний гандизм. Остаться самими собой в заключении и перед смертью, не пытаться бежать за границу (а ведь Николаю предлагали, он и слышать не захотел), «молиться кротко за врагов» — это и есть кампания гражданского неповиновения. На уровне одной семьи.

Я никогда не стану молиться за врагов, но величие этого жеста оценить могу.

Николай мог бы сопротивляться, мог призвать решительных генералов, казаков, мог залить Петербург кровью, мог ликвидировать лидеров большевиков. У него были еще рычаги, были войска. Откуда-то же потом взялся Корнилов? Но он проявил незавидную слабость как правитель и завидную силу духа как человек: не стал драться за жизнь и за власть, отдал и свою жизнь, и жизнь семьи.

Власть, которая не желает насиловать страну и предпочитает быть изнасилованной, — это для России (да и для мира) большая редкость.

Махатма Ганди, Людовик IX Святой, юный Эдуард VI Английский, наш Федор Иоаннович, сын Грозного, Борис и Глеб, Михаил и Александр Тверские...

Да вот Николай и Его Семья. Да, их царство было не от мира сего. Скорее всего, большевики заслуживали и «зачисток», и быть «замоченными в сортире». Однако Николай ничего этого не сказал. Отрекся от власти, от жизни. Отдал всё, как учил Христос, и последовал за ним. В конце концов, первые святые — Борис и Глеб — поступили так же. Ждали, пока их убьет брат — Святополк Окаянный. Хотя у них тоже были дружины. Могли бы не ждать, а начать гражданскую войну.

Христианство начиналось с мученичества и на Руси им же и закончилось. Многое в нем кажется иррациональным. Идти на Голгофу вместо восстания, коллаборационизма или интриг в Синедрионе — это тоже многим казалось странным. Христианские мученики — это тоже вроде бы нелогично.

Семья Романовых была из первых христиан, из тех, кто умирал на арене в лапах у тигров и львов. А мы от этого поотвыкли.

Сегодня мы живем в языческой стране. После гибели богов. Пусть христианство здесь начнется с самого начала. В стране, где в моде сражаться «до последнего боевика» или «последнего олигарха», начинать надо с освящения Ипатьевской арены или той уральской шахты, где нашла свой крест великая княгиня Елизавета. Ибо иго Его благо, и бремя Его легко.

УЖАС ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ

«Новое время», №34, 27 августа

Возложите на море венки... Есть такой человеческий обычай: в память воинов, в море погибших, возлагают на воду венки». Пусть это сделают родные и друзья моряков, их товарищи, которых в следующий раз так же забудут на дне в стальной могиле, и страны НАТО, которые искренне и бесплатно с первого же дня пытались помочь, просто потому что они люди, и у них тоже есть подлодки и подводники, и они могут представить себе эту беду. Но пусть на воде не будет венков от трусливого и равнодушного командования и от лживой и холодной власти.

От катастроф не застрахован никто. Падают самолеты будущего — «Конкорды», тонут пассажирские паромы, горят леса, извергаются вулканы, крутятся смерчи и торнадо. И часто сострадательная западная цивилизация не успевает прийти на помощь, не успевает подставить плечо. Это не зависит от уровня технического развития. «Непотопляемый» «Титаник» затонул, чернобыльский атомный реактор взорвался; бывает, гибнут и надежные американские «Шаттлы». Поэтому ужас истории с «Курском» не в нашей технической отсталости, не в том, что в подлодке не хватало заклепок или рычагов. «Конкорд» упал не из-за технической отсталости французов с англичанами.

Ужас не в катастрофе, ужас после катастрофы. «Национальная гордость великороссов» опять сыграла с нами скверную шутку. Три дня черствых и спесивых отказов от помощи Англии и США, три дня агонии для одних и публичного тшеславия для других (в России, как в Греции,

всё есть, и нам незачем одолжаться). Вот эти три дня, от которых уже не отмыться в целом Баренцевом море. Эти три дня отказа от протянутых рук тех, кто умеет помогать и создал для этого совершенные средства, — состав преступления. Интересно, какие тайны английские спасатели успели бы угледеть на глубине 100 метров? Инерция. Со времен Мальчиша-Кибальчиша, который, конечно, никакую военную тайну буржуинам выдать не мог: «И отцы разбиты, и братья разбиты», — помните? Откуда ж тайна? Но наши подводники до 1991 года вообще задохнулись под водой по приказу командования, чтобы не всплыть в американских территориальных водах и подтвердить и так всем известную истину: у СССР мания преследования и мания разжигать военные конфликты — пиромания.

О личном составе вспоминали по остаточному принципу, по нему же и финансировали: миллиарды на пушки, жалкие гроши — на масло для заряжающих. Тем же, кто и вовсе штатский, даже этого не доставалось: карточка на 200 грамм масла в месяц. Еще с тех пайковых времен в российской провинции осталось убеждение: сделаться моряком или летчиком, служить в «элитных» войсках — значит выйти в люди.

Меня трудно обвинить в избыточной любви к армии и флоту, антимилитаристы очень прохладно к этому относятся. Но я представляю себе этих счастливых мальчишек, прошедших конкурс на «Курск». Подлодка, которая стоит миллиард, — одно из немногих подразделений, где кормят, — ведь ценное имущество падающий в голодные обмороки матросик не сохранит. Там нет «дедовщины», и там бездна романтики для ребят, только что прочитавших «20 000 лье под водой». Подлодка — это всегда «Наутилус».

Родители тоже были счастливы: дети сыты, их не бьют, они не в Чечне... Недолгое счастье. Эфемерное. Голодные, холодные и невымытые солдаты-срочники в Чечне и неопознанные, потому что сожженные и искалеченные, трупы в холодильниках. Это на юге. А на севере вот это:

Услышьте нас на суше —
Наш SOS всё глуше, глуше,
И ужас режет души напополам...

Высокие военные чины непринужденно рассказывают о том, какая эта лодка замечательная, уникальная, грозная. Но никто не рассказывает, кроме родных, о тех, кто запаян

в это сокровище: об их пристрастиях, внешности, планах на будущее. «Человек одноразового пользования» — таков удел тех, кто «загрел» на государственную службу, кто стал жертвой рекрутчины. На суше и на море, на воде и под водой. Мечущиеся в ужасе родители, жены, сестры — это тоже преступления власти, не догадавшейся оплатить им проезд к месту трагедии. Они тоже больше не нужны: они уже отдали своих детей молоху минобороны, у них больше нечего взять. Господи, еще когда я смотрела американскую экранизацию романа Тома Клэнси «Охота за «Красным Октябрем»», где, помните, советская подлодка уплывает в США, я понять не могла, почему все наши подлодки не построились в колонну и не уплыли к западным берегам, сопровождаемые авианосцами и эскадрильями самолетов...

Кстати, испивший морской воды и поцеловавший кувалду президент вступил в братство подводников. И все эти дни он должен был проводить на берегу, но отнюдь не на черноморском. Или он на похороны приехать собирается? «Спасибо, Господи, тебе за рабский полдень двоедушия, за ложь, измену и удушье спасибо, Господи, тебе...»

Мы никогда не умели спасать и считали не на единицы, а на тысячи. Все прорехи и пробоины, все амбразуры и горячие точки мы затыкали людьми, используя их как строительный материал. Что бы ни случилось, власть только подливала масла в огонь. Положили по 10, 20 своих на немца во Вторую мировую войну — и считаем это победой, затыкали фронт безоружными ополченцами и штрафниками. Запрещали своим солдатам сдаваться в плен, предпочитая видеть их мертвыми. Даже перестройка началась с двойной великой, бесчеловечной лжи. Чернобыльскую аварию скрывали, пока облако осадков не дошло до Скандинавии, гнали ликвидаторов на реактор с голыми руками, на верную смерть, детей не пожалели, выставив их в Киеве на парад.

Мы все заперты в России, как в затонувшей подлодке, и спасти нас может только Запад. Но власть не даст ему нас вытащить. Остается молиться о чуде: ни «Курску», ни России больше не на что рассчитывать.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО А. И. СОЛЖЕНИЦЫНУ

Уважаемый Александр Исаевич!

Вы стоите на грани утраты доброго имени, гражданского достоинства и имиджа борца против тоталитаризма. Мой долг предостеречь Вас. Я говорю с Вами как диссидент с более чем тридцатилетним стажем, бывший товарищ по оружию и преданный читатель, распространивший в самиздате множество копий Ваших великих произведений. Я имею право сказать Вам то, что должна сказать. Что Вы делаете, Александр Исаевич? Вам мало того, что с момента Вашего возвращения Вы не боретесь с коммунизмом, что не обращаете внимания ни на звезды под Кремлем, ни на Мавзолей Ленина на Красной площади. Вам понадобилось еще унижаться перед чекистами, Вашими палачами и губителями России, подобострастно встречая на крыльце кадрового сотрудника КГБ Владимира Путина... Вы что, всё забыли? Ваш арест, Лубянку, допросы, лагеря, тех узников, которым Вы посвятили свой сценарий «Знают истину танки», Вашу высылку из страны, людей, которые, рискуя жизнью, размножали и распространяли Ваш «Архипелаг ГУЛАГ»? Вы сотрудничаете с теми самыми Органами, которые проклинали в своих произведениях... Вы хотите уйти из жизни не с репутацией подвижника, а с репутацией лагерного «придурка» и стукача? Не Вы ли советовали в «Архипелаге» встречать сотрудников НКВД с топором? И Вы встречаете последыша НКВД, поздравляющего гэбистов 20 декабря (день рождения ВЧК), поклонника Сталина и Андропова, на крыльце? Не боитесь ли Вы, что герои Ваших произведений — Иван Денисович, Цезарь, Кавторанг — отрекутся от Вас?

Жертвы экибастузского восстания, узники Соловков, Эльгена, Степлага встанут из могил, чтобы назвать Вас предателем. Вы вернулись в Россию для того, чтобы покрыть позором свое имя и русскую литературу? Каково будет Вашим будущим читателям знать, что автор этих пророчеств и откровений кончил ренегатом и приспособленцем? Стыдно, Александр Исаевич. Помилосердствуйте, остановитесь. Иначе Ваши почитатели поступят с Вами, как с Кнутом Гамсуном: бросят перед Вашим домом Ваши опозоренные Вами же книги. У Вас хватило бесстыдства

хвалить публично выходца из КГБ, тирана и военного преступника. Кнут Гамсун сотрудничал с фашистами, Вы — с гэбистами. Я не нахожу Вам оправданий и прошу всех еще живых и не сдавшихся диссидентов присоединиться ко мне и воззвать к Вашей совести русского писателя.

Валерия Новодворская,
диссидент и правозащитник с 1968 года (с 19 лет),
трижды лауреат 70-й статьи УК РСФСР

АНТИМИРЫ

«Иностранец», №44, 13 ноября

Марина Цветаева любила расхристанную, слегка нетрезвую, румяную Москву в аляповатом, но пестром и броском сарафане, в старомодном, но дорогом кокошнике, глупую, но веселую, простецкую, гулящую, легко собирающуюся в жестокую и падкую до зрелищ толпу, бессмысленно бунтующую и потом валяющуюся в ногах у любого хозяина, которого ей посылал если не Бог, то хотя бы дьявол. Москва была очень набожной, как все неряхи и распустехи, кающиеся истово, напоказ, чтобы за углом снова согрешить. Широкой натуре поэта Марины Цветаевой импонировали и буйство, и кураж, и щедрость, и неумение печалиться о завтрашнем дне (или хотя бы о сегодняшнем).

Но именно Марина Цветаева разоблачила Москву: «Москва! Какой огромный странноприимный дом! Всяк на Руси — бездомный, мы все к тебе придем». Всё правильно, такова столица — стольный град не России, а Руси. Уже не Киевской, которой были присущи чистота и неспешное благородство форм и жизненных проявлений, и человечность, и милосердие, и славянская основательность, и решимость, и жажда знаний, и открытость, и детская вера.

Москва — столица Владимирско-Суздальской Руси, общницы Орды, наложницы ханов, трусливой и подлой, жестокой и корыстной, поправшей все княжества, поработившей всю Русь, засекавшей, заповорившей татарской плетью и Тверь, и Новгород. Москва была местом скверны и окаянства, отрицания былого братства русичей и их варяжских князей, местом казней и разврата, где, как хищные волки, безумствовали Юрий Данилович, Иван III, Иван Грозный.

Форумом Москвы было Лобное место. Ее законом — монарший Указ. Ее досугом — ярмарка и балаган. Нет, конечно, это был не дом. Нельзя жить в вертепе пополам с застенком. Это была ночлежка, где постоялец постояльцу был волк, товарищ и брат (последние две позиции — после третьей рюмки). Из Москвы хотелось бежать.

Московская Русь порождала бродяг, извечных и принципиальных обитателей дна. «Войти к тебе я не посмею, но, земный поклон положив, пойду из столицы в Расею рыдать на раздолии нив. Я в камнях промучился долго, и в них погубил я свой век. Прими меня, матушка-Волга, царица великая рек».

Русь пела и плясала, плакала и авралами работала. Но всё это совершалось под забором. Облик «расейского» гражданина (вернее, насельника, постояльца) запечатлен в стихотворении Цветаевой: «Клеймо позорит плечи, за голенищем — нож...» И как всякий каторжник, этот московский насельник был слезлив и охоч до икон. Скажем, до образа младенца Пантелеймона, целителя. Или до Иверской часовни. До Казанской Божьей Матери.

Ярмарка и балаган сменялись купеческой пошлостью. Беспрецедентное уродство храма Христа Спасителя, тяжелого, приземленного, раззолоченного, как елочная игрушка, похожего на купчих Островского, где нет ничего для души, но всё для спеси и ханжества, было финальным аккордом в нелепой и помпезной истории той «Расеи», у которой не было за душой ничего, кроме блинов, пирогов и калачей. С Москвы писались лубки, и она сама была как картина Кустодиева: многопудовая мадам Грицацуева за самоваром, аляповатая, как матрешка, интуитивно назначенная национальным символом допетровской Руси вместе с Иванушкой-дурачком и Емелей на печке.

И от этой-то перины в цветочек, от «сонной державы, что раскисла, распухла от сна» (прорвалось раздражение Владимира Высоцкого), но которая, тем не менее, свои купола «крыла чистым золотом, чтобы чаще Господь замечал», бежал Петр. Бежал куда глаза глядят, бежал от грубости, лени, простоты, что хуже воровства, и от воровства исконного, милого, домашнего, повседневного, урочного, вошедшего в традиции и анналы, бежал от отсутствия смысла, цели, изящества, меры, свободы.

А глаза его глядели на туманный северо-запад, за дымчатые моря, на берега пустынных волн, где за седым

прибоем, за свежей бесконечностью морей лежал Запад, заманчивый, как сказка Андерсена, где по лезвиям ножей скользят к совершенству русалочки, где Хольгер-датчанин дремлет в замке Кронберг, готовый защитить свободу Дании, где храбрая Герда преодолевает ледяную вечность, чтобы согреть сердце Кая, где прекрасная Элиза голыми руками сучит крапиву ради спасения своих братьев, где свет разума и наук, и просвещенной монархии, где умный и вдохновенный труд, где искусства и художества, где кричат о Несбывшемся чайки, где не спят, а танцуют на балах или пишут в мансардах стихи...

Высоцкий пришелся бы Петру ко двору. Император взял бы за основу гимна его стихи: «Но мы помним, как солнце отправилось вспять и едва не зашло на Востоке». Да, это было смыслом жизни для Петра: «Нынче по небу солнце нормально идет, потому что мы рвемся на Запад!»

Глаза Петра смотрели на Немецкую слободу, за кружевные занавески, за цветущий миндаль. Он мордовал толстозадую Русь. Он хотел изменить ей с дальним зарубежьем. Он не мог жить в Москве — она тянула его на дно, как камень на шее. Ему нужен был другой город, как вход в другой мир. И он заложил город не столько назло надменному соседу, сколько назло ближним подданным и сородичам. Он получил «блаженное наследство», как лирический герой Мандельштама. Это были, как повелось у западников России, «чужих певцов несбыточные сны».

В Петербурге было всё, чего не хватало Руси. Воля, напор, европейский сдержанный и деловой стиль, красота, исполненная мысли и печали, вдохновение, талант, западные нормы жизни и поведения. Но потому, что он был один, первый и последний честно построенный (а не украденный, как Калининград) западный город России, потому, что его каналы и проспекты не вели Россию больше никуда, потому, что ледяной холод и снега сковывали его дивные, почти венецианские формы, Петербург оказался городом печальным, и в его невско-фонтанско-мойском сосуде больше горечи, чем это предусматривает даже не очень оптимистичная европейская готика. Стройный, прекрасный, молчаливый и печальный город, схожий с обреченной на девственность и одиночество весталкой, с инокиней, погруженной в свой внутренний мир.

«Честь тебе, Петербург чародейный, порожденье граница и вод, стройный, дивный, булыжный, питейный с мокрой тумбой у каждых ворот...» И с тех самых пор возник водораздел — на грани чистых, нездешних вод Невы и Финского залива.

«Расея» поместилась в калашном ряду Москвы и повсюду на неухоженных, немилых, полудиких просторах Евразии, где гармоники, заборы, пыль, заплаты, лапти, куры и коровы у горожан (потому что вечный голод был зубастым и безжалостным конвоиром несчастной страны).

А в Петербурге, своей единственной крепости, оплоте проевропейского диссидентства, в колыбели, увитой якорями и бессмертниками, под сенью ростральных колонн, под шелест волн и шелковых андреевских знамен, под крик чаек и барабанную дробь родилась Россия — вечно ищущая и никогда не находящая странница, последовательница Чайльд-Гарольда. Ее крестили брызги шампанского, пушш гвардейских полков, хрустальные осколки льда, плывущего по Неве. Над ней звучали пушкинские и мандельштамовские стихи.

У двух городов, у двух антимиров отныне всё будет разное: и душа, и одежда, и мысли. Архитектура. Поэзия. Политика. История. Армия. Литература. Москва в XVI веке строилась по этатистско-бюрократическому принципу. Золотом украшали церкви, государев дворец, дворцы некоторых вельмож, Кремль. А прочие москвичи жили в избах, рубленых по принципу: не красна изба углами, а красна пирогами. Стекла не знали, пользовались бычьим пузырем (богачи — слюдой). Вот оно когда началось техническое отставание!

Читали черт знает что, латинских книг почти не было. Не было и эллинской классики, не было европейских баллад. Ни Вергилия, ни Тацита, ни Плутарха, ни «Песни о Роланде». Золотая и серебряная посуда, свинцовая скука, жены, сидящие за пальцами или на качелях в саду.

В Петербурге всё было иначе. Никаких изб, никаких купеческих особняков. Стрельчатое великолепие Зимнего, дворцы в духе итальянских палаццо, дивные мраморные статуи в Летнем саду, исполненное вкуса и стиля версальско-виндзорское совершенство загородных резиденций: Петергоф, Царское село, Ораниенбаум. Щемящий простор

Дворцовой площади, Адмиралтейство, похожее на Лувр, Казанский собор с античной колоннадой и портиками, Исаакий, совсем венецианский, с какой-то ноткой мавританской архитектуры (только что без Отелло в виде полководца, но зато был свой Ганнибал). Мрачные, но загадочные и величественные доходные дома с подворотнями, гулками дворами и тенью крадущегося с топором Родиона Раскольникова на каждой улице... Черный квадрат (хотя и желтый по цвету, но магический) Синода и Сената.

В Москве Петр насилует Расею, чтобы состоялась Россия, ее тонкий, зеленый от водорослей маячок. Сталин в Москве всласть занялся градостроительством. Дикие высотки, помпезные, без американского небоскрежного взлета, вполне вписались в этот город. Потому что сталинский Большой стиль ничем не отличался от стиля Ивана Грозного. Азиопа. Неуместное чванство, невежество, несвобода. Город-ярмарка, город-застенок, город-кошмар. И пятиэтажки в Москве органичны, потому что уродливы и утилитарны. Потому что они — муравейник.

Москва — теснота, отдавленные ноги, толпа, от которой пахнет луком и дегтем. В Петербурге — золотое и голубое, бьющее ветром пространство. «Черемушки» — инородное тело. Периферия, не имеющая отношения к центру.

В Москве была армия, привыкшая тянуть ляжку, не рассуждающая, восторженная. «Солдатушки — бравы ребяташки». Капитаны Тушины. Скромный и способный Кутузов, наш патриархальный Фабий Кунктатор. Москва вырастила Суворова — полководца-славянофила, вечного хулителя «немецкой муштры» и немецкой формы с напудренными косами и узкими штанами.

А в Петербурге была блестящая, лошенная гвардия, вольнодумцы, декабристы и Барклай-де-Толли, военный гений, заклеванный квасными патриотами. В Петербурге жили другие люди. Не московские «тузы», а европейски образованные офицеры, бизнесмены, литераторы, чиновники высшего разбора. Впрочем, там даже Акакий Акакиевич имел некоторое честолюбие, хотел ходить в новой шинели и даже дерзко задумывался, а не положить ли куницу на воротник.

В Петербурге жило много немцев, прилежных, деловых аккуратистов. Они задали ритм и стиль петербургской «трудо-вой дисциплины» — без пьянок, прогулов, с пчелиным

усердием, разумно, сберегая деньги. Это город Штольцев и старшего Адуева, Петра, дяди восторженного Александра. «Враги сердечных излияний», они, однако, ценили хороший досуг, оперу, хорошие книги.

Петербургские рабочие были сплошь адепты Учредительного собрания. За что их и расстреляли большевики 5 января 1918 года. Москва часто бунтовала, бессмысленно и с обязательным финалом падения в ноги очередному властителю, чтобы отдохнуть душой на привычном холопстве, как на любимой завалинке.

Петербург не торчал на простонародных баррикадах вроде Пресни, не ходил с вилами. Он протестовал осмысленно. Политический митинг — это была его стихия. И самый первый состоялся на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Вооруженный пикет интеллектуальной элиты. Сначала — бал в Аничковом дворце, потом заговор на балу. После бала — казнь. Прав был Эдвард Радзинский. Эти Жаки не имели Хозяина. Они хотели одного: мысль разрешить. Европа, изящная, рассудочная, блестящая Европа, культ Прекрасной Дамы, Незнакомки в экипажах, Музы в бальных платьях на сверкающем паркете. От Натали Гончаровой до Софьи Перовской, этой Жанны д'Арк народничества.

Митинг у Казанского собора. Студенты, взыскующие гражданских прав. Александр Ульянов, наш Брут, вдохновенный тираноборец.

Даже большевики и те косили под якобинцев. «Аврора» и «братишки» с пулеметными лентами явно принимали себя за марсельский батальон. А другие матросы, кронштадтские, за Вандею. Головная идея — петербургский заговор «равных». Не эбертистами ли были Каменев и Зиновьев? Не роль ли Дантона играл Бухарин? Не повторил ли Николай Гумилев путь Андре Шенье? А юный Канегиссер явно сыграл роль Шарлотты Корде. Чем Урицкий не Марат?

Большевики враз превратили Учредилку в Конвент, а их Смольный явно виделся им Якобинским клубом. Европа, Европа во всем: в поражениях и победах, преступлениях и подвигах, в глупостях и плодах просвещенного ума.

А петербургская литература! «Это наши проносятся тени над Невой, над Невой, над Невой, это плещет река о ступени, это пропуск в бессмертие твой. Это ключики от квартиры, о которой теперь ни гу-гу, это голос таинственной

лиры, на загробном гостящей лугу». Вот она, наша Лигейя, наша Морелла — Анна Ахматова. В петербургской литературе мало московского пастернаковского солнца, его ярких осенних лесов, но зато много света. Холодного лунного света, посланника вечности. И клубится серебряный туман.

Пушкинские африканские страсти, помноженные на галльскую иронию и острый галльский смысл, ледяная блоковская купель, драгоценные камни вьюги, миражи Гумилева, брошенные на тающий снег. Снежное вино Мандельштама, этого эльфа белых ночей, маленького царевича, зарезанного злобной властью. Хлыст негодования в руках Зинаиды Гиппиус, минор богемы, избранницы Ночи, фаворитки Луны...

И, наконец, болезненный, пророчески безумный, рефлексивный на флейте из собственного позвоночника мир Достоевского. Его безжалостная самоидентификация, вечная пытка духа, его ощущение России как беды и интеллигенции как носителя погибели. «Так падай, перевязь цветная, хлынь, кровь, и обагри снега!» Топор Раскольникова, Евангелие Сонечки Мармеладовой, удаль Мити Карамазова, надлом Катерины Ивановны, Настасьи Филипповны, князя Мышкина и Нелли, Ивана Карамазова и Лизы из «Бесов». Весь этот ад духа, девятый круг за пазухой, который должен был сгореть в топке иного ада, ада энтропии, запущенного в производство большевиками.

Петербург не знал вкусного и звонкого цветаевского ощущения жизни, булгаковских красочных фантазмагорий, в которых материализовалось Невыразимое, давало балы, раздавало награды... Петербург всегда таял, как льдинка, и исчезал, как Летучий Голландец. Он терял плоть и воспарял. Смертельные ароматы Бродского, казалось, были последним причастием Европы, данной нам скорее в ображении, чем в ощущениях, скорее в расставаниях, чем во встречах. Холодная, чистая чаша Несбывшегося — Святой Грааль России.

Визжит и рывкает Москва, молчит Петербург, наши звездные врата. «Честь тебе, возвеличенный лестью, обездоленный и золотой, наливайся, кормись моей честью, умывайся моей чистотой».

ПРАВО НА НИЖНИЕ НАРЫ

«Новое время», №51, 24 декабря

Прежде чем окончательно утонуть в болоте символизма (вопрос о советско-российской символике по запутанности и подтексту схож с символизмом в русской беллетристике, одновременно воскрешая в памяти революционных демократов типа Белинского и Чернышевского, ибо здесь и страсти, и пафос, и контрреволюционная ситуация, и возможная каторга в конце сюжета), премудрые парламентарии рассматривали глубоко теоретический вопрос о гарантиях и привилегиях президентам. Этакая страховка. Полис на жизнь и свободу. Только обычный полис предъявляют в больницах и поликлиниках, а гарантийно-политический полис, видимо, предназначен для демонстрации тюремщикам, судьям, прокурорам и, возможно, палачам.

Насколько я изучила психологию этого контингента, если дело дойдет до серьезных разборок, подобная бумажка с печатью Госдумы на них подействует чисто юмористически. Будут коллегам показывать за рюмкой чая.

И не то чтобы парламентарии так сильно верили в Закон. Они походя, на лету поменяли новый гимн на старый, хотя исправно вставляли под новый десять лет; они денонсировали Беловежские соглашения (хотя коллектив, их ратифицировавший, был ничуть не более прогрессивным). И вообще в России всё течет, всё изменяется. Преимущественно от устья к истокам. Какие там законы, какие правила игры, если ежедневно предлагают отменить итоги приватизации, отказаться платить Западу долги, выйти из режима санкций, назначенных Ираку Организацией Объединенных Наций, а Ирану — цивилизованным миром...

Ну что касается пансиона и пенсионера, то, помнится, Михаилу Сергеевичу Горбачеву оставили какие-то гроши по расценкам до девальвации и очень оперативно выселили с дачи. Так что пришлось ему на жизнь зарабатывать лекциями и рекламой. Так здесь было всегда с начала советского Юрского периода. Чекист, написавший мемуары о последних месяцах жизни царской семьи, с негодованием отмечал, что окрестные монашки носили в Ипатьевский дом яйца, сметану, кофе и сахар. Он считал это баловством. Подобные деликатесы в составленном чекистами Юровского меню не значились. И если бы это зависело от большинства Госдумы, они давно посадили бы Бориса Николаевича

с Михаилом Сергеевичем на хлеб и воду (это в плане привилегий). И кормили бы так до расстрела (это в смысле гарантий).

Царь добровольно отрекся от престола за себя и за сына, не воевал с восставшими против него экстремистами. Великий князь Михаил отрекся также, да еще и нацепил красный бант и принес присягу Временному правительству. Великая княгиня Елизавета вообще от власти удалилась за 12 лет до Февраля и занималась благотворительностью, приняв монашеский сан. Казалось бы, это должно было обеспечить им если не кое-какое содержание от революционного правительства, то хотя бы жизнь и свободу. Вместо этого они получили казнь без суда и следствия, вместе с семьей. А несчастную Елизавету вообще бросили в шахту живой.

Дальше нравы не смягчились.

Ленинских соратников прикончил Сталин (и своих, кстати, тоже). Сталинские сподвижники после его смерти выясняли отношения тоже не без соответствующего подвала. Берию Хрущев расстрелял явно не за реакционность: они были коллегами, и Берия тоже торопился делать «перестройку».

Положим, при Брежневе к таким приемам не прибегали, но ведь им нечего было страшиться и не за что было ненавидеть: страна лежала в коме.

Мы же опять попали в революционные события, а реставрация имеет свои жесткие исторические законы. Например, отрицание отрицания. Что мы и наблюдаем. Какие гарантии могут быть от цунами или урагана? А ведь реставрация сродни им.

Даже в европейских странах этот процесс протекал болезненно. Смертельно. Карл Стюарт воевал с парламентом. Парламент вынес ему смертный приговор. Карл II, его сын, отыскал всех участников этого процесса, еще живых к моменту Реставрации, и казнил их. Людовик XVI вел себя иначе. Он надел фригийский колпак, уступил народу, называл себя «гражданином». Но он чувствовал, что даже колпак не поможет, и тщетно пытался бежать. Всё кончилось казнью и несправедным судом. И для него, и для королевы. Правосудие якобинцев было ничуть не лучше большевистского. А ведь под приговором Людовику расписались и жирондисты!

Монархисты проявляли не больше милосердия к врагам. Гуманный режим Людовика XVIII даровал Франции Хартию. Однако падение Наполеона повлекло за собой казнь

маршала Нея и еще нескольких честных наполеоновских офицеров. Какие гарантии могли бы помочь этим жертвам политической мстительности?

Горе тем, кто доживает до возвращения погребенного прошлого. Оно возвращается карать и наверстывать упущенное. И потом, давая хотя бы на бумаге гарантии вождю проигравшей партии, победители не утруждают себя амнистией сподвижникам вождя. Им-то точно светит эшафот. Их в пактах не упоминают. И уж лучше не просить пощады, а разделить участь тех, кого ты куда-то вел.

Я думаю, что Николай II отказался бежать из России именно из этих соображений. Так что на месте Бориса Ельцина я бы не стала брать гарантии лично для себя. Какие гарантии будут у Чубайса, у Гайдара, у Козырева, у Бурбулеса, у «ДемРоссии», у всех тех, кто в ночь с 3 на 4 октября 1993 года кричал, идя по Тверской к Моссовету: «Ельцин! Ельцин!»?

Демократии не принимают протоколы № 6, где обещают не покушаться на жизнь, свободу и выбор места проживания одного определенного документом лица (остальным, очевидно, не следует ожидать и этого).

И не надо делать вид, что Дума решала вопрос о неподсудности Бориса Ельцина за страшные преступления против демократии. Чтобы судить Бориса Николаевича за прегрешения против демократии, к власти должны прийти большие демократы, чем он. Что нам пока не угрожает. Речь идет исключительно об ответственности за то, что он сделал для демократии. И единственные гарантии, которые он может получить от нынешних ветвей власти, — это право на горбушку при раздаче паек и право на нижние нары, великодушно предложенные Владимиру Гусинскому. (Интересно, это входило в приложение к протоколу № 6?)

Борис Ельцин мог себе что-то гарантировать одним путем: избрав в наследники престола демократа (как это ни парадоксально). Одно время он такого и искал, но почему-то передумал. А теперь поздно. Свершилось.

Как это там в «Марсельезе», рекомендованной нам как пример для замены гимна по Глинке на якобинский сталинский вариант? «На нас тиранов рать идет, поднявши стяг кровавый».

У друзей просить гарантии не нужно, а у врагов — недостойно и бесполезно. Достойный конец не менее важен, чем достойное начало.

2001

В РОССИИ ХОЛОДНО КУПАТЬСЯ

«Новое время», №4, 28 января

Россию подвергли экономическим санкциям. Не ее многочисленные и скорбные западные кредиторы, не навеки опечаленные нашим гнусным поведением (в области «человеческого измерения») поборники прав и свобод из ПАСЕ.

Экономическим санкциям подвергла нас природа, видимо, окончательно перешедшая на службу к однополюсному миру, НАТО и «золотому миллиарду». Как писал еще Маяковский: «Оказалось — не ЧК, а ветер». Хотя и ЧК присутствует в такой степени, что во время визитов на высшем уровне публично зачитываются аттестаты зрелости, некогда выданные в Высшей школе КГБ.

Словом, дело пахнет мировой катастрофой. То есть неожиданное оледенение в России сразу нокаутировало еще два месяца назад считавшийся образцовым профицитный бюджет. Профицитный в ноябре, он сразу впал в дефицит в январе. Куда только промышленный рост, рассказами о котором нас угощают почитай что год, подевался.

Смятенный вице-премьер не едет в Давос, потому что зима занесла глубокими снегами благие намерения РФ платить свои долги летнему Западу. И правильно делает, что не едет, потому что, как известно, Давос тоже не тропики, а горнолыжный курорт, и как объяснить капитанам капиталистического производства, что зима прикончила нашу экономику, указуя при этом перстом на лежащий вокруг снег, почему-то не парализующий не только Австрию, Швецию, Норвегию, Данию, Польшу и Канаду, но даже Аляску и Исландию...

Странные дела творятся на нашей с вами исторической родине. Такие, какие не творились и на доисторической. По крайней мере, некогда ледниковый период прикончил только динозавров, диплодоков, игуанодонов и птеродактилей. Даже мамонты, обрядившись в мохер, бодро выжили.

Не говоря уж о роде людском, который тогда-то и расцвел, без ящеров, на свежем воздухе.

Как известно, еще в палеолите люди научились добывать огонь, обеспечивать себя дровами, одеваться в звериные шкуры, добытые отнюдь не в магазине «Снежная королева», а в тяжелых боях с их, мехов, непосредственными носителями (носители же обладали рогами, копытами, быстрыми ногами, а иные и вполне внушительными зубами). И жилища наши предки себе находили в пещерах, а потом стали ставить себе хижины.

Вот так выжило и приумножилось в холодные ледниковые времена прогрессивное человечество. Специалисты даже утверждают, что похолодание послужило стимулом для рационализаторов и изобретателей. И, кажется, беспечальное существование тропических обезьян, снабженных бананами самой природой, не очень-то послужило к их пользе и развитию. За палкой и камнем не потянешься без крайней к тому необходимости.

Недаром возникла геополитико-геоэкономическая проблема Севера и Юга: отсталый аграрный Юг и прогрессистский высокотехнологичный Север.

Невозможно, оставаясь в рамках проблематики «матушка-природа», объяснить катастрофическое положение России при урочном для нее наступлении зимы. Или засухи. Или оттепели, когда в столице останавливается весь транспорт. Или неурожая, который требует срочных кредитов. Или, напротив, хорошего урожая, который мы не можем убрать. У природы для нас, видно, нет хорошей погоды.

Как объяснить эту коллизию, перед которой даже современники ледникового периода имели некоторые преимущества в плане отопления? Разве что тем, что у нас не все динозавры вымерли. Особенно во властных структурах, не исключая и кремлевской.

В дооктябрьской России, управляемой «проклятым царизмом», никто и не слыхивал в Сибири, несмотря на тогдашний более суровый и более континентальный климат, о том, чтобы население осталось без топлива и замерзло. А свет в городах этой самой Сибири в эталонном 1913 году в жилых домах никто не отключал (там, где он вообще был).

Ямщик замерзал исключительно в степи глухой, но не в губернском городе. Боюсь, что сравнения, подходящие к этой ситуации, мы не сыщем в цивилизованном мире, да и вообще нигде.

Американские индейцы, бывало, страдали от голода из-за отсутствия рентабельного скотоводства и земледелия. Помните вечные коллизии рассказов Джека Лондона? То лосось не приплыл, то олень не пришел. И несчастное индейское племя обращается за гуманитарной помощью к белым. И белые не отказывали.

Однако вполне понятно, что индейские земли в конце концов оказались в руках у кредиторов, а не у должников. Хотя формально старатели часто давали индейцам гуманитарную еду даром. Но про то, что индейцы мерзнут, не слыхивал даже первопроходец Мэлмьют Кид.

Проще всего было бы починить и заменить изношенное оборудование и начинать топить вовремя, не пытаясь сэкономить на лишней «Тополь» или «СС» с очередным многообещающим номером.

Страна, экономика которой не выдерживает ни извержения вулканов, ни Всемирного потопа, ни цунами, ни геологической катастрофы, а просто очередной морозной зимы, не может называться «великой державой», потому что хвастливые слова музыкальных и поэтических утопий, положенные на утопическое сознание исполнителей, слушателей и вдохновителей, звучащие даже два раза в сутки, не заменяют ни топливо, ни отсутствующий здравый смысл.

«Региональная» же держава, так смертельно зависимая от своего постоянного климата, тоже должна отбросить лишнюю спесь.

Премьер Касьянов совершенно прав: отопительно-квартирный вопрос нам испортил репутацию. Ни одно из индейских племен, обращавшихся к белым старателям за вспомоществованием по случаю неприбытия оленя или лосося, не именовало себя державой вообще, не боролось за многополюсный мир и не пеклось об информационной безопасности.

Некогда страны, неспособные прокормиться за свой счет, называли «слаборазвитыми». Впоследствии политкорректность подвигла цивилизованный Запад заменить этот термин на «развивающиеся». Некоторые и впрямь развились: Аргентина, Чили, Бразилия, Индия.

А если развитие идет в обратном направлении? А если данная страна еще и отопиться за свой счет не может, сидя на запасах угля, леса, нефти и газа, которые являются единственными доходными статьями экспорта? Как нас

теперь называть? И надо ли нам бояться «мирового правительства», если наше собственное в студеную зимнюю пору не догадывается привезти в город хворосту (газа, нефти, угля) воз? И не является ли доктрина «информационной безопасности» надежным гарантом мирной и тихой кончины регионов по отдельности, без удручающей гласности, чтобы каждый замерзал и умирал в одиночку?

Из джентльменского набора российских приоритетов осталось мало что. Ракеты наши устарели и вот-вот упадут, подобно станции «Мир», перекрытый Енисей не дает нужного тока, балет делит в Большом власть. Но неизменно одно: в России холодно купаться.

ВАРИН НАС РАССУДИТ

«КоМоК», №4, 29 января — 4 февраля

Злосчастные россияне уже успели привыкнуть к тому, что у них нет самых элементарных вещей, которые доступны другим, более счастливым народам. В широком российском ассортименте нет грамотного и честного правительства, приличного президента, удобоваримого парламента, приемлемых губернаторов, не слишком озверевших судей и полиции, чем-то отличающейся от бандитов.

К тому же в большом дефиците дороги (в отличие от парных к ним дураков), топливо зимой, горячая вода в некоторых регионах, зарплаты бюджетникам, гарантии бизнесменам, конституционные права гражданам, лекарства для бедных, удобства санитарного плана в провинции, независимость для прессы и критический разум для избирателей. Не говоря уже о гражданском мужестве для всего населения. Мы привыкли, что прилавки с этими товарами пусты и сиротливы, несмотря на гайдаровские реформы. Да и чубайсовская приватизация нам не слишком помогла. Если бы нас, россиян, какая-нибудь богатая и ласковая держава приватизировала! Выбраться бы нам из нашей нынешней общечекистской и общекomisсарской собственности, когда вся Россия оптом принадлежит душой и телом президенту и правительству, которые за 150 миллионов своих крепостных ни перед кем не отчитываются, даже перед Западом, потому что и Западу на нас наплевать. Сейчас мы, конечно, тощие, облезлые, злые, с когтями. Но если

бы нас в хорошие руки, если бы нас кормить, приручать, ласкать, дрессировать, как Куклачев своих кисок, делать нам груминг, то были бы мы белые и пушистые, не хуже выставочных «персиков». Неужели несчастную Россию, которую ее злые хозяева выбросили замерзать на улицу, никто из жалости не подберет? Ведь у нас приданое: Байкал, леса, золото, алмазы, нефть, газ, великая литература. Хотя едва ли чекисты и комиссары всё это нам дадут с собой на дорогу. Ведь даже в 1861 году крестьян освобождали без земли. А в 2000 году тем паче. У власти же не Александр II Освободитель, а Владимир II Государственник. А Государство — это прежде всего темницы, плахи, запоры, локальные и мировые войны, дубина, сортир для мочения подданных и забор с колючей проволокой по периметру. А сверху ток пропущен из излишков, сэкономленных РАО «ЕЭС» и лично Чубайсом. Как же, ведь он приложил свою талантливую руку к строительству этого вертикального самовластного государства. Значит, и его рука на рубильнике. И когда какого-нибудь российского западника и вольнодумца ударом тока отбросит, бездыханного, на запретку, это будет и чубайсовский ток.

То есть многого у нас нет. Почти что всего. Теплового угла, обеспеченного завтра, сытого сегодня, свободы, собственности, законности (последние три предмета обещаны лично Гайдаром и Чубайсом. Они что же, на Лубянке надеются их ныне откопать?).

Но это не новость. В нашей горькой истории это уже бывало. Злая власть, глад, мор, казематы, кавказские войны.

Но, по крайней мере, не углами и пирогами Россия была красна, а оппозицией. Диссидентами, мятежниками, вольнодумцами, изменниками царю и отечеству. «Врагами народа». В XVI веке бежал в Литву от Ивана Грозного и создал Андрей Курбский; устроил митинг в Казанском соборе митрополит Филипп Колычев (и был за это тайно казнен); писал (для себя со смертельным исходом) альтернативные программы для общества Юрий Крижанич, диссидент времен Алексея Михайловича; шел на каторгу Радищев; бунтовали декабристы; скрашивали безвременье едва не расстрелянные петрашевцы (плюс Достоевский); издавал «Колокол» Герцен; коллективно садились в тюрьму за намерение не давать царю «ни податей, ни рекрутов» кадеты, сражалась Белая армия; шел на казнь Николай

Гумилев... Самые темные советские времена не обходились без лучей света: Сахаров, Буковский, «Хроника текущих событий». Самиздат, изменившие КГБ Виктор Резун-Суворов и Олег Гордиевский. Могилы, застенки, три пермских политлагеря, мордовская политзона.

И вдруг нет ничего, как будто Совет безопасности языком слизал. Несколько крошечных антимилицаристских молодежных организаций да горестный «Демократический Союз», который не только Сенатскую площадь, но и московскую хрущобную квартиру не заполнит. Вот всё, что крошечной Моськой кидается на самодержавного Слона. Но слабенькие зубки не могут прокусить его толстую кожу.

А где все остальные, кстати? Демократы, либералы, ах! Где властители наших дум? Такое ощущение, что они уже на Соловках.

Молчание. Кладбище. На безвременные могилы тихо падает снег, засыпая надгробные доски с золотыми литерами «Демократический выбор России», «ДемРоссия», «Вперед, Россия!», СПС, «Яблоко», «Партия социальной демократии».

Увы, они все не на Соловках. Дело обстоит гораздо хуже. Демократов погубила демократия. Пока власти их держали на коротком поводке, душа кляпом, затягивая веревку на шее, лишая слова и жизни, они выглядели вполне прилично. Конечно, я не имею в виду демократов, взошедших по весне, красивого Бориса Немцова, изящную Ирину Хакамаду, умных и ученых Гайдара, Чубайса и Явлинского. Эти-то и вовсе не гремели кандалами и не шли на эшафот, а пошли бороться за свободу по мощенной Горбачевым дорожке и по проложенному Ельциным шоссе. Это была их единственная пропагандистская удача: революционная агитация Межрегиональной группы среди Б.Н.Ельцина, А.Н.Яковлева и М.С.Горбачева.

Но когда на демократов свалилась как кирпич демократия, они и вовсе обнаружили, что это вполне пристойное орудие добывания окладов, машин с мигалкой, думских полукресел, престижных институтов, вроде гайдаровского Института переходной экономики (от зрелого тоталитаризма к развитому авторитаризму), иностранных вояжей, VIP-залов и телевизионных софитов.

И это оказалось превыше всего, даже превыше самой демократии. Демократия была только золотой фольгой,

в которую завернули набор вышеупомянутых жизненных благ. После получения набора фольгу выкинули в корзинку.

Нынешние эспэсовцы и «яблочники» с корицей молчали, когда убивали несчастных чеченцев. За то самое, что они обещали в программах: за свободу и за законность.

Они молчат, пока кремлевские олигархи делят ответственность, которую они тоже сулили ведь не одному только Роману Абрамовичу.

Они молчат, когда уже пробил час «окончательного» решения вопроса о свободе слова и она стоит на табуретке с петлей на шее, как Зоя Космодемьянская. За то, что пыталась поджечь государственную конюшню, где мы все обречены властью на роль скотины в хлеву.

В историю войдет Егор Гайдар, с апломбом доказывающий с трибуны, что уйти в оппозицию было бы политической ошибкой. Этот кошмарный эпизод, пожалуй, заставит забыть и добро: либерализацию цен и октябрь 1993-го. Конечно, в оппозицию уходить рано. Пусть сначала закроют НТВ, ТВ-6, Ren-TV, «Эхо Москвы», студию «Афонтово» и начнут массовые аресты. Пусть сначала взорвут над Чечней атомную бомбу и включат в состав РФ Ливию, Иран, Ирак и Беларусь.

Правда, потом уже надо будет идти не в оппозицию, а в партизанский отряд имени Джорджа Оруэлла.

А пока эспэсовцы побудут в конструктивном холопстве. Их жалкие ламентации-стенания по поводу утесняемых свобод звучат на знакомый мотивчик великого Некрасова: «У бурмистра Власа бабушка Ненила починить избенку леса попросила».

Неужели они не слышат, как месье Путин им отвечает: «Нет лесу. И не жди — не будет»? Слышат. Но едят. Как тот самый Васька. Они будут осуждать приказчиков, псарей, постельничих, дворников при Кремлевском дворе. Но никогда не осудят царя. Президент у нас сильный, державный, и они споют ему на мотив Александра: «Царствуй навеки во славу нам».

Барин не приедет, но нас рассудит. Дистанционно, с вершины властной вертикали. Затем-то и примут бывшие демократы, нынешние придворные, Закон о партиях, ликвидирующий в России политический плюрализм. Зачем им конкуренты? Вдруг да отберут думскую добычу! Нет, они к своей миске никого не допустят. Затем и сольются в блок

или одну биомассу СПС с яблоневым садом, чтобы вместе добывать из народа жизненные блага в общем АО «Выборы». Все равно, как солнцевские и люберецкие поделят округа и места под солнцем (в партийном списке).

Да и правозащитники начинают действовать челобитными к престолу, как в 70-е годы.

И все они дружно встанут под гимн, ибо чтят кнут и надеются на пряник. Это теперь называется законопослушанием. У страны остались только те, кто осмелится сидеть под гимн Александра. Публично. Демонстративно. Тот, кто не встанет, — выстоит.

НЕ ХОДИТЕ В ЛУКОМОРЬЕ СО СВОЕЙ СТУПОЙ

«Иностранец», №9, 20 марта

Самое время познать самого себя, то есть свой народ. Благо давно уже очевидно, что диссиденты и народ — едины. Посчитав все прорехи в народном разуме, сознании, мужестве и благородстве, посмотрев с тоской на полинявшую и ветхую народную честь, можно очень точно высчитать, сколько диссидентов понадобится, чтобы эти прорехи залатать, и сколько диссидентской крови придется выплеснуть на линиящую честь нации, чтобы она стала наряднее и ярче. Нам лично нужно очень много диссидентов: честь страны истерта до ниток, да и народ уж очень рваный и потрепанный. А познавать народ мы начнем с истоков, потому что с противоположным концом всё уже ясно: наша Волга ни за что не впадет в Каспийское море. А лошади на Святой Руси тоже пойдут «третьим», особым путем — скорее будут кушать марципан, чем овес и сено.

А с истоками у нас всё в порядке. Истоки хотя и мало-симпатичные, зато сколько экспрессии! Ученые коты мяукают, серые волки воют, Кошей Бессмертный составляет бюджет, ступа заходит на посадочную полосу, избушку на курьих ножках риэлторы поставили на капремонт, а богатыри проявляют бдительность, тарашась на заход: не идет ли с Запада идолище поганое.

Теперь досуга для экспедиции к истокам у нас предостаточно: великодушный президент Путин выкинул интеллигентов из политики обратно в их библиотеки, газеты, журналы, лаборатории и аудитории, не считая кухню и ка-

бинетов (кто успел обзавестись). Хорошо еще, что не в их тюрьмы и лагеря (что стало столь же привычным ареалом обитания интеллигенции, как кухня или библиотека).

Пока разные выскочки и парвеню толкутся у ушата с электоратом, наступая друг другу на ноги, потея, кряхтя и отталкивая острыми локтями конкурентов, мы вдоволь напьемся из наших словенских ключей. Хотя, как я предвижу, по усам у нас течь будет, а в рот, как водится, не попадет. Таковы исторические особенности российских истоков и российских пиров во время чумы.

Кстати, одна региональная культурологическая организация обратилась в кремлевскую администрацию с инициативой: отмечать день Ильи Муромца как общенациональный праздник. Налицо самодеятельное творчество масс, направленное в родные палестины (подальше от чуждого Запада), имеющее привычную атрибутику из курных изб, лаптей, тараканов запечных и разбитых дорог, в которых увязают даже Соловьи-разбойники. Илья Муромец еще солиднее в смысле стажа, чем александровский гимн. Кажется, эта мелодия должна была бы «чудо-богатырю» понравиться: мощно, парадно, страшно. А ведь внушать страх — это, пожалуй, главная задача васнецовских богатырей.

Мифы наших мифов — вот о чем пора поговорить. Принято считать, что у нашей литературы есть солидная гуманистическая основа, опирающаяся на не менее гуманное славянское незлобивое сознание. Тихое такое и благостное. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что тишина глухих муромских лесов и болот, населенных кикиморами и меблированных пнями, располагает вовсе не к гуманизму, а дурная бесконечность одинаковых матрешек, вылезających друг из друга — это двойной, тройной и многозначно-одинаковый ряд, когда есть количество, но нет качества, есть конвейер, но нет индивидуальности.

Российские мифы страшны тем, что они воплощаются буквально. От заоблачных тысячелетий, которые отделяют нас от навий и русалок, от столетий, лежащих между нами и Илюшей Муромцем — до Достоевского, тоже злоупотребившего истоками, опившегося ими и потому самого мифологического из русских писателей. От русских сказок — до краха последней вестернизации. От дуба со золотой цепью — до горестной участи российских западников, реформаторов и вообще «знаек».

Мифы эллинского микрокосма — это история эмансипации деятельных, прекрасных, активных, неоднозначных, но, безусловно, ценных и интересных созданий — людей, которые рвутся из-под опеки строгих и безжалостных богов, пристрастно относящихся к этим своим созданиям, отчитывающих их, карающих, истязующих, казнящих. Если эллинский Пантеон — это история обретения людьми свободы и одиночества, когда высшей расе вздорных и завистливых олимпийцев пришлось уступить Землю мятежным питомцам, то русский миф — стоп-кадр. Ничто и никуда не течет. Всюду печки, на которых полеживают герои мифов, да еще видят в этом гражданский подвиг.

Римляне, кстати, формально повторяя легендарную канву эллинских олимпийских саг, вовсе не унаследовали трагическое мироощущение греков, эту жуткую дилемму: боги реальны, прекрасны и страшны, их надо победить и преодолеть. Кто-то один должен уйти, боги или люди, — идет битва за Землю. У римлян нет этого планетарного подхода. Они больше боялись реальной угрозы «здесь и сейчас» — земной тяжелой унитарной власти, власти кесаря. Олимп и боги для римлян — байки, анекдоты, чистая эстетика. Поэтому поздний Рим и напихал в свой Пантеон и Изиду, и Митру, и Аримана — эстетика позволяет. Рим не имел дела с богами, он их преодолел и поставил на место, в мраморную нишу, обратив в украшение жизни и интересера. Рим сломается на императорах.

Итак, эллинский миф — это битва с богами, и победоносная, хотя победа досталась недешево. Римский миф — побежденные боги, недолгий триумф человеческой свободы.

Европейские легенды, если исключить английские, датируются VII—VIII веками (Скандинавия) и ведут в классическое Средневековье (XI—XII века). Чистая, как песня жаворонка, вечная и неутолимая легенда Франции. Тристан и Изольда. Несбывшееся, преодоление судьбы, гибель в битве с Роком. Любовь, которая превышает жизнь, человеческая свобода, рвущаяся сквозь пространство за последний, смертельный горизонт. Силовые линии воли и вызова, личный выбор, пущенный в историю, словно копье. Вот она, формула Запада, его благоуханный белый цветок, хрупкий, но дерзновенный, смеющийся жить вопреки ночи, зиме, засухе, черной космической бездне.

Еще важнее английская мифология. Легенда о Святом Граале, который нельзя найти, но который надо вечно искать — в этом кельтская мечтательная, мятущаяся культура, давшая миру и кодекс джентльмена, и Великую хартию вольностей. Круглый стол, рыцари Артура, мессианство Камелота. Всё это выльется в звуки гимна — «Никогда, никогда англичанин не будет рабом». И в героическое противостояние Гитлеру.

Но ведущий миф Запада — это скандинавские саги и легенда о часе Рагнарёк, когда мировое Зло, волк Фенрир, вырвется на свободу и в последнем бою, пытаясь спасти человечество, погибнут все герои и асы (боги). К тому же, по скандинавским традициям, надо было обязательно погибнуть в бою, с оружием в руках, иначе не попадешь в Валгаллу — обитель богов и героев. Скандинавские саги дают прообраз парламентаризма и демократии, но главное, что усвоило из них человечество Запада, это стоицизм смертников, встречающих свой смертный час с открытыми глазами (а ведь все мы на земле — смертники), это мужество жить и противостоять неизбежности, это извечная готовность отстоять и заслонить собой человечество. Это фултоновская речь Черчилля, это решимость Рональда Рейгана сокрушить Империю Зла, это мощная рука НАТО, устраняющая препятствия с пути прогресса.

Западные мифы — прекрасный фейерверк над землей, огни, озаряющие ночь, горсть самоцветов, высыпанных щедрой рукой титанов духа в общую копилку человеческого разума.

И что же мы можем положить рядом с этими сокровищами?

Косноязычная, убогая, темная действительность. Никому нельзя верить, ни на что нельзя надеяться. Духи твоих собственных предков превратятся в злобных жутких монстров-навий, прилетят и выпьют из тебя кровь. Вечная полярная ночь, бессолнечный мир.

Илья Муромец, наш будущий именинник и юбиляр, много лет сиднем сидел на печи. Потом этому Обломову вожжа под хвост попала, он и отправился воевать. А с кем, кстати? Вспомним картину Васнецова. Илья Муромец, Алеша Попович и Добрыня Никитич. Что-то они очень уж озираются, и почему-то на все четыре стороны. Ну, на Юге, понятно, скифы, хазары, печенеги, половцы. Кого там только не бывало! С Востока шли монголы, иго, мучители. А вот чего же хотел дожидаться Илья с Запада или

с Севера? Оттуда никто первым не напал, разве что с книгами и свободами наперевес. Похоже, что три богатыря заняли круговую оборону. Вот как давно сложилась легенда о «враждебном окружении»! Боюсь, что пограничник Карацупа со своим волкодавом произошли непосредственно от трех богатырей.

И если сон Хольгера-Датчанина в замке Кронберг понятен и оправдан (герой спит в то время, когда его помощь Дании не нужна), то грезы Ильи Муромца на печи под Карачаевом куда менее оправданны и вовсе непонятны — богатырь спал тридцать три года, пока Русь терпела всяческие бедствия. И где гарантия, что после спорадической активности он снова не задремал? Легенда об этом умалчивает.

Кстати, три богатыря (а может, и тридцать три, и дядька Черномор в придачу) попали в куда более поздний эпос — в «Братьев Карамазовых» Достоевского. Все трое узнаваемы. Румяный Алеша (Попович), своей восторженностью и наивностью покрывающий Зло и даже обеспечивший ему алиби. Импульсивный, страстный, неистовый, беззаконный Митя очень похож на Добрыню Никитича. А сновидец Иван, вроде бы из команды Добра, на самом деле мыслит о Зле, и при его сознательном попустительстве оно-то и совершается. Искаженная, злобная Вселенная. Многие герои Достоевского вообще похожи на навий.

В русском фольклоре, в ткани мифа нет никакого уважения к старости. Навьи — это смерть, не приносящая усопшему покоя. Баба-яга и Кошей Бессмертный — это неуважение к старости, боязнь злобного прошлого. Поколения задействованы на взаимную ненависть — знак генетической порчи. Баба-яга омерзительна, жестока, ее мудрость полностью лишена человечности. Ее отношения с гипотетическими внуками: «Покатаюся, поваляюся, Ивашкиного мяса поевши». Да и внуки без сабли к ней не являются и всё норовят голову срубить. Так представляет себе старость славянский миф. Нет смысла доживать до такой старости, нет смысла и советоваться с ней. Ненавидеть прошлое, презирать мудрость, не помнить родства — вот заветы этого мифа.

Отсюда и продолжение такой мрачной традиции у Достоевского в «Преступлении и наказании». Старуха-процентщица — та же Баба-яга, только петербургская. Она ненавидит Иванушку (Раскольникова). А он, не видя в ней

человека и отрицая ее право на жизнь, убивает ее. Здесь в чистом виде «Фауст» Гёте: «Чуть человеку стукнет тридцать лет, он, как мертвец, готов уже для гроба. Тогда и надо всех вас убивать. — Тут черту больше нечего сказать».

Кошей Бессмертный — тоже интересная фигура. С одной стороны, опять-таки ненависть к старости. Раз «Бессмертный», значит, зажился. Но это еще не всё. Исконная ненависть носителя тоталитарной «коммуитарной» морали к финансовому капиталу. К деньгам вообще. «Там царь Кошей над златом чахнет». Оказывается, иметь золото — криминал. Кстати, ни один Иван-царевич (он же и дурачок по совместительству) даже не пытался утверждать, что злато Кошей Бессмертный у него украл. Надо думать, украл он его не у частного лица, а у «народа» — то есть у леших, кикимор, русалок, овинушек и Макоши, дай ей Бог здоровья. То есть деньги-то были кошеевы, честно нажитые. Наверное, Кошей был олигарх, а Иван-царевич купно с Серым Волком и Василисой Прекрасной принадлежал к КПЛ (Коммунистическая партия Лукоморья).

У Бабы-яги тоже, скорее всего, денежки водились. К тому же у нее был личный самолет (ступа) и недвижимость (изба на куроногах). Приходится признать, что между ней и обитателями Лукоморья наблюдалась определенная классовая рознь. А легендарные страх и отвращение по отношению к Бабе-яге, у которой и ступа летала, и изба разворачивалась, не что иное, как ненависть к техническому прогрессу. Отсюда и статья — дополнение к знаменитой 58-й статье УК образца 1948 года: ПАТ (преклонение перед американской техникой). Мы чтим «преданья старины глубокой», они у нас в печенках сидят, как мы сидим в печенках у прогрессивного человечества.

Между прочим, старший Карамазов играет в романе роль Кошей Бессмертного. Митя очень хотел разжиться денежками, и Смердяков хотел того же. И все они поносят и проклинают «сладострастника», включая умного Ивана (царевича?). У этого царевича явно был Серый Волк на посылках — Смердяков. Только не выдержал роли, ибо Достоевский все же умней эпического замшелого сознания Лукоморья. Все клянут Карамазова-отца, а денежки-то, припасенные для Грушеньки (Василисы), и впрямь его. Он их сам нажил. Так что раскулачивание — опять-таки главный мотив действий героев.

В сказках, которые не моложе легенд, у нас опять-таки не всё ладно. Если европейские сказки имеют нравственный вектор кары для виновных и награды для достойных, то мы и здесь идем своим особым путем к своим кикиморам в свое особое болото.

Французские сказки. Шарль Перро. «Красная шапочка» — это же торжество беззащитной добродетели, которая сама себе награда, и одновременно предостережение против наивности: в лес не ходить, волков бояться. «Синяя борода» — это триумф своеволия и любопытства: обязательно загляни в ту комнату, куда тебе бессмысленно, без должных оснований запрещается заходить. И ты узнаешь о преступлении, рискнешь, но поможешь закону восторжествовать и не станешь соучастником (и будущей жертвой) преступления.

Немецкие сказки (братья Гримм) карают не только за преступления, но и за глупость и самонадеянность («Умная Эльза»). Там бы Иванушке-дурачку ничего не обломилось. Эльзе какое-то время везло, и ее глупые выходки сходили ей с рук. Но кара воспоследовала: будет она скитаться до смерти без угла и куска хлеба, обманутая в назидание мужем, которого сама столько раз обманывала.

В норвежской сказке, аналоге пушкинской, старики, облагодетельствованные Хозяином моря, лишаются всех его даров за вероломное намерение это море засыпать. А пушкинским финалом «Сказки о Золотой рыбке» мы обязаны не чувству справедливости, а западническому сознанию поэта, всю жизнь стремившегося из Лукоморья сбежать.

Традиционная же наша сказка — это мечта бездельника и паразита, воплотившаяся в жизнь. Здесь фигурируют золотые шуки, которые решают все вопросы и вполне могли бы заменить премьер-министра. Например, первошука, шука Емелина. «К чему нам голова и руки, раз на Руси такие шуки? Покуда шуки попадались, мы кое-как перебивались. А нынче шук перевели — вот и остались на мели».

И везде у нас в фольклоре печки разъезжают, словно БТРы. Такая вот выездная обломовщина. Не считая многочисленных халявных пунктов питания, эстетического воспитания и транспортных услуг. Все эти гусли-самогуды, ковры-самолеты, скатерти-самобранки и сапоги-скороходы свидетельствуют о неутолимой жажде безделья.

А кот ученый со золотой цепью, под силовым дубом — это разве не мы, злополучные интеллигенты? Вот и не

выходят у нас никакие реформы-перестройки. Потому что у нас один способ и темп передвижения — по болотам на ступе или на метле. Никакие западные компьютеры и модемы здесь не помогут. По теории чучхе в нас чужое и современное не лезет.

Так что не ходите в Лукоморье с вашей ступой. Ступа у нас своя.

ВИЗНЕС-ПЛАН ПО ПАТРИОТИЗМУ

«Новое время», №12, 25 марта

Очевидно, отчаявшись добиться от народа патриотизма (как военного, так и штатского) естественным путем, власть решила перейти к его выращиванию в государственных теплицах и приняла надлежащий «указ».

Лучше бы, конечно, сразу написать тот единственный, неповторимый и адекватный «Указ о правильном пирогов печении». Особенно популярной в народе оказалась бы статья: «Всякий обыватель да печет по праздникам пироги, не возбраняя себе оного и в будни». А у власти пользовалась бы сугубым уважением последняя статья указа: «Вынув пироги из печки, возьми один и вырежь ножом сердцевинку. Вырезав же, принеси оную в дар». И тут, на почве пирогов, состоялось бы, наконец, единство и согласие власти и народа. И даже выработался бы некий патриотизм как следствие достатка, комфорта и общественного договора между властью и населением: власть не мешает населению зарабатывать себе на пироги и даже этому способствует, а благодарное население за это достойно содержит правительство.

Ни глуповцам, ни их градоначальникам, ни даже великому сатирику Салтыкову-Щедрину, очевидно, не приходило в голову, что такой стиль отношений и называется экономическими и политическими реформами. Но видит Бог, наш тогдашний уровень имперских экономических отношений может сойти за крутой либерализм — это на фоне нынешней российской реформаторской ситуации.

Я, конечно, не хочу сказать, что билль о военном и гражданском патриотизме был принят на уровне указа главы государства. Нет, всё было скромненько, в виде эвфемизма, то есть постановления правительства. Но, учитывая

гармонию, а также совет и любовь, соединяющие Кремль и Белый дом, я могу сделать дерзкое и необоснованное допущение, что в патриотическом этюде Кремль тоже участвовал.

Что же мы находим в бизнес-плане правительства насчет насаждения патриотизма в порядке всенародной посевной?

Во-первых, патриотизм понимается его идеологами как «общественная» дисциплина, которую можно положить на заунывную музыку школьного учебника, выучить наизусть, сдать зачет (и, очевидно, потом забыть, ибо это была неотъемлемая черта всех марксистско-ленинских дисциплин, от истории КПСС до научного коммунизма включительно).

По документу получается, что патриотизм — это нестерпимо тоскливое понятие. Прямо-таки хочется завывать на луну. Боюсь, что при внедрении этой идеологии с помощью наработанных советской властью механизмов пропаганды (красного пиара, скажем) поголовье патриотов не только не увеличится, но даже последние разбегутся.

Наряду с традиционными методами доводки бесхозного населения до уровня государственнической ориентации (игра «Зарница» от зари до зари, ликбез по части винтовок и Каховок, пускание шапки по кругу на некий нео-ДО-СААФ — РОСТО) имеются и новые ценные предложения, вызывающие неизбывное желание уколоть себя булавкой и немедленно проснуться. Скажем, конкурс на положительного героя-интеллектуала, который предположительно должен оказаться патриотом. До сих пор положительность и патриотизм у нас мирно сосуществовали в образе пограничника Карацупы, Ивана Бровкина, «трактористов» и Штирлица с радисткой Кэт. Как включить в этот джентльменский набор еще и интеллектуализм и как будет выглядеть продукт этой мичуринской операции, я не берусь предугадать. Надо спросить у будущих конкурсантов.

Вообще авторы постановления даже не предполагают, что Родину любить можно задаром, и предусматривают за это подъемные, комиссионные и прогонные, в том числе массу премий и призов создателям патриотической доктрины. То есть здоровая материальная основа, капотношения, рынок патриотов. Патриот — деньги — патриот. Патриот на полставки. Патриот по контракту. Патриот по совместительству.

Практикум в Чечне как необходимое звено военно-патриотической школы жизни в документе не пропагандируется.

Эту идею предстоит развить на научной основе будущим патриотическим академиям, колледжам, институтам и спецкурсам (есть и такие институциональные предложения). В связи с этим стоит вспомнить про Патриотическую школу, фигурирующую у братьев Стругацких в романе «Трудно быть Богом». Ее ученики осваивали поножи святого Мики, перчатки великомученицы Паты, мясокрутки и прочие средства дознания.

Еще интереснее было прочесть, что патриотизм будут внедрять и в спортсменов, выступающих на международных соревнованиях. Это, видимо, иракская методика. Там проигравших эти соревнования бедадог уголовно наказывают. При таких приемах на следующей Олимпиаде гимн Александра просто не над кем будет исполнять: наши рекордсмены будут бегать и прыгать в командах стран, не вкладывающих в спорт столь сложные идеологические конструкции (почище брусьев и «коня»).

Большой энтузиазм в журналистских массах вызовет также проект о приоритетной роли СМИ (не только государственных) в организации патриотических инкубаторов. Скажем, необходимость выработки правильного отношения к внешней и внутренней политике РФ. Вроде: наши внутренние дела — это наше личное дело, а чужие внешние — это опять-таки наше внутреннее дело. Глубокое же у нас «нутро».

Ясно, что у НТВ здесь неправильный подход (как извне, так и изнутри).

Как здесь не вспомнить «Голого короля» Шварца: «Принцесса, вы так невинны, что можете сказать совершенно ужасные вещи!» Невинность творческого коллектива, составлявшего патриотический проект, столь очевидна, что рука тянется к флёрдоранжу.

Но главное — это обещанная нам череда праздников, рассчитанных на патриотические увеселения в масштабах пятилетки. 60 лет победы в Великой Отечественной войне — это уже не удивляет. Не сомневаюсь, что и тысячелетие этой Победы мы отметим. Доживет ли Россия — не знаю, а военно-патриотический подход доживет. Но 150 лет железнодорожных войск — это впечатляет. Будем отмечать введение особой евразийской колен, ходить по шпалам или петь хором: «По тундре, по железной дороге, где курсирует поезд “Воркута — Ленинград”»?

Радует также и 125-летие уголовно-исполнительной системы. Это будет праздник тюремщиков или каторжников? И какая форма одежды на банкете? Полосатые фраки? Элегантные цепи?

200-летие наметило себе и МВД. По-моему, ФСБ надо наверстывать упущенное. Если отмечать день рождения Малыты Скуратова, то получится больше 400 лет.

Словом, в «Роковых яйцах» Булгакова профессор Персикив, желая увеличить темпы роста поголовья кур, случайно помог высидеть разных гадов: гигантских крокодилов и змей. Боюсь, что из патриотической кладки тоже вылупится нечто малоприятное. «Всякий обыватель да ходит опасно!» — совет Салтыкова-Щедрина.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА МИТИНГЕ В ПОДДЕРЖКУ ЖУРНАЛИСТОВ НТВ

7 апреля, Останкино

Предложение Маяковского осуществлено Кремлем в полном масштабе: не только перо они приравняли к штыку, или к мине с часовым механизмом, или к пластиду, — они телекамеру приравняли к штыку и борются как с незаконным вооруженным формированием.

Журналисты — они санитары леса. И граждане — они тоже санитары леса. Они должны стоять и смотреть, не идет ли государство нарушать права человека, потому что у любого государства, даже у самого цивилизованного, всегда есть такое стремление. В нашем случае — это беспредельное стремление.

При Ельцине произошло очень неприятное событие для нынешней кагэбистской власти: они подняли политические статьи, и теперь за антисоветскую или даже за антигосударственную агитацию и пропаганду никого в Лефортово не потащишь.

У нас уже два народа. Вот сегодня мы с вами видели народ, которым можно гордиться. Откровенно говоря, это большое счастье, и мы должны благодарить людей за то, что они нам дали это счастье, возможность гордиться своим народом.

Народ-раб избрал Путина. Свободный народ — вот он стоял сегодня, выражая недоверие этому самому Путину вокруг НТВ. Понимаете, НТВ — это сейчас осветленный

простор поднебесий. А государственные каналы — это линия рабских трудов.

Никто из нас не верил, что мы при своей жизни увидим свержение памятника Дзержинскому или зачатки рыночной экономики, или какую-то свободную печать. Мы шли на смерть сознательно, даже хотели, чтобы она поскорее наступила, потому что выхода никакого не было.

Я не сомневаюсь в искренности президента. Все гэбульники — крайне искренние люди. Я помню, как они мне на следствии со слезами на глазах говорили, что невозможно управлять государством, если люди говорят то, что они думают. А на процессе Сергея Ковалева один прокурор, крайне искренний, даже сказал: «Нам все равно, какие у человека убеждения, главное, чтобы он не высказывал их вслух». Но, вы знаете, подобная искренность — она несколько не меняет соотношения сил.

Это чистое повторение классики из царствования Ивана Васильевича Грозного. Страна делится на две части — земщина и опричнина. Это всегда так бывает. При Сталине было то же самое... Мы — земщина. С нами они считают возможным делать всё, что им угодно. НТВ им мешает.

Наши пути сошлись. Теперь мы — диссиденты, и вы, и я. Это нерадостное развитие событий, но у вас не было выбора. Вам надо было или стать диссидентами, или стать рабами. Другого варианта не только у вас не остается — другого варианта не остается у страны, не остается у российской интеллигенции.

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ

«КоМоК», №16, 23–29 апреля

Они всегда приходят по ночам. Как сказал персонаж старинной легенды о Баскервиль-холле из повести Конан Дойла: «Не выходите ночью на болота, когда силы Зла царствуют безраздельно».

Они всегда черные. Правда, фосфора они не любят: ни к чему светиться. Но они всегда собаки Баскервиля, собаки-убийцы, свора, приученная травить, цепные псы режима. Их спускает с цепи хозяин, и над притихшей ночной Россией раздаётся их ужасающий вой.

В Страстную субботу, когда все добрые христиане, потрясенные сопереживанием Страстной пятницы, думают

о своих грехах и о страждущих собратях, когда замирает в Европе и Северной (да и Южной тоже) Америке вся общественная жизнь, прекращаются увеселения и танцы, наш царь Ирод спустил своих черных псов на восьмой этаж Останкинского телецентра, где проживало согласно прописке мятежное НТВ. Их было сорок, а может, пятьдесят. Царь Ирод мирно спал в Кремле, а псари — Борис Йордан и Владимир Кулиستиков — явились вместе со своими одетыми в черное псами. Это была пока только новая охрана. (Вот уж правда: «Ох, рано встает охрана!» В четыре часа утра.) Но вместе с ней пришел КГБ. Это их время. Фашисты и гэбисты приходят под утро. В четыре часа утра когда-то, 22 июня, фашистские самолеты начали бомбить нашу страну.

Несмотря на молодость, в Альфреде Кохе явно просматривается что-то гестаповское. Изощренное иезуитство, попахивающее дымком доминиканского костра. Не далее чем за 12—15 часов до своего «экса» на НТВ он гостил в журнале «Новое время» для дачи интервью и до того разговорился, что поведал потрясенным журналистам, что он прагматик и конформист (можно было бы сказать проще: приспособленец) и что за ним стоит «Альфа-групп» с не имевшими до сих пор порочащих их связей с ГБ Петром Авенном и Михаилом Фридманом плюс вся фракция СПС: Анатолий Чубайс, Борис Немцов, Ирина Хакамада.

А Егор Гайдар, молчаливо взирающий на то, как ГБ топчет дело всей его жизни, где был в эту ночь?

Компания умников, знаек и западников обслужила орду кремлевских и лубяньских идиотов, невежд и троглодитов. Потому что псари служат за жалованье кому угодно, а псы берут кость из любых рук.

Еще тысячелетие назад не было худшего преступления на Руси, чем церковная татьба. Церковный тать грабил церкви. Его можно было убить на месте. Преступление убийства НТВ, совершенное ночью Страстной субботы, вполне может быть приравнено к церковной татьбе. Христианнейший президент, все время тусующийся с Патриархом, просто плюнул на алтарь. За такие дела, как убийство НТВ, полагается отлучать от Церкви. Хотя у нас Патриарх из той же когорты, что и президент. Коллеги.

Так что православная церковь всё правильно поймет и будет и дальше молиться за царя Ирода, хотя Богородица и не велит.

И еще Альфред Кох поведал «нововременным» журналистам, что канал должен прекратить противостояние с властью и начать с ней диалог. Вот пусть теперь Кох и ведет диалог с властью один на один, в пустых стенах восьмого этажа, без журналистов (если не считать оставшихся шестерок — половых вроде бывшего эстета Леонида Парфенова и прислуг «за всё» вроде бывшей Татьяны Митковой) и без телезрителей. Потому что кто же станет смотреть на этот групповой секс в прямом эфире — ГБ имеет Россию. В особо извращенной форме. Ведите себе свой диалог, господин Кох, не стесняйтесь! Вы наедине с быком. От союза власти и интеллигенции непременно родится Минотавр, и ему в жертву будут приносить Свободу и Культуру.

Страна проснулась с пасхальным подарком любимого президента на телеэкране: страна проснулась без НТВ. Враги сожгли родную хату.

Анна Ахматова сказала бы: «Отравили пречистое слово, растоптали священный глагол, чтоб с сиделками тридцать седьмого мыла я окровавленный пол».

В 4 часа утра через 60 лет после того 22 июня Кремль объявил войну 110 миллионам телезрителей. Почему они не ответили мобилизацией? Кремль был бы тогда обречен на поражение. Отныне 4-я кнопка — это табу. Не появляться, не смотреть, не давать интервью, не сотрудничать, не участвовать. На Коха, Йордана, Кулистикова, коллаборационистов и царя Ирода с его цепными собаками Баскервией наложен интердикт.

Останкинские воры затмили тушинского. Тот пытался похитить престол, а эти украли у страны ее уши и глаза. А Кох, как некий вор-провотор, сказал глупому кремлевскому князю про нас: «Драть их завсегда свободно, ваше благородие». И ошибся. И на старуху бывает проруха. Мы не глуповцы, нам мало пирогов, мало бочки вина. И мы точно знаем, кого сбрасывать с раската власти. Не Ивашек, конечно.

Мы не признаем царя Ирода градоначальником. Для интеллигенции он отныне что-то среднее между Матренкой-Толстопятой или Дунькой-Ноздрей. Остается надеяться, что в Кремле найдется достаточно клопов.

Не знаю, как в Сибири, а в Москве телезрители НТВ перешли на военное положение. Сидим у своих «Панасо-ников» и слушаем, как на оккупированной территории в годы Второй мировой войны, кто радио Лондона («Свободу»), кто последнюю сводку Совинформбюро по «Эху Москвы».

Да, герр Путин, как аукнется, так и откликнется. На выборах на 110 миллионов голосов меньше получите. Все телезрители НТВ скорее проголосуют за черта в ступе, за коня с копытом или за рака с клешней, чем за вас.

Помните, что Шариков профессору Преображенскому говорит? «Новые калоши прикупили? И еще прикупите. Чтоб не запирали граждан в пространстве вашей информационной безопасности». Погрызем мы ваши калоши, погрызем. А заодно и печенку вам растравлять будем весь остаток президентского срока (или до досрочных президентских выборов). Запасайте ношпу и аллохол.

Теперь куда наш президент ни поедет, на какой лыжне он ни будет, на каком ковре восточных единоборств ни окажется, всюду ему напомнят: «Ты чижику съел!» Ты НТВ порушил! Потухший экран четвертого канала будет смотреть на нас с укором и требовать отмщения. Пепел НТВ будет стучать в наше сердце. Кто из порядочных журналистов захочет стать мародером и пойдет работать на это кладбище, на четвертый канал?

Как сказал Осип Мандельштам, убитый той же организацией, что придушила наше НТВ: «Какой-нибудь изобразитель, чесатель колхозного льна, чернила и крови смеситель, достоин такого рожна. Какой-нибудь честный предатель, испытанный в чистках, как соль, жены и детей содержатель, такую ухлопает моль!»

Так что если узурпаторы с лже-НТВ к вам подкатят с краденым микрофоном, быстренько читайте им эти стихи. И они сгинут. Опять-таки по Алексею Николаевичу Толстому: «Я помолилась за него духу Земли, и комиссар с тихим воем исчез».

А журналисты НТВ, гордые и свободные, ушли в партизаны. Пока партизанят на ТНТ, скоро начнут рельсовую войну на ТВ-6. Они договорчики с большевиками не станут подписывать. Как говаривали ковпаковцы в старину, земля будет гореть под ногами фашистско-гэбистских захватчиков. А коллаборационисты Кохи и Йорданы плюс

примкнувший к ним Кулиستиков будут приравнены в правах к полицаям ВОВ. И будут обслуживаться вне очереди презрением, ненавистью, гневом. Мы мирные люди, но наше гражданское неповиновение стоит на запасном пути.

Теперь очевидно, что Кремль собирается с 4-го канала отправить нас на Беломоро-Балтийский.

ОТШУМЕЛИ ПЕСНИ НАШЕГО ПОЛКА

«Новое время», №23, 10 июня

История либерализма в России страшно коротка и узка и более чем далека от народа (и, кстати, от народников). Никак нельзя, хоть и хочется, зачислить в либералы варягов, псковитян и новгородцев времен вольного феодализма, потому что они все так же не догадывались о том, что они либералы, как мольеровский герой не подозревал о том, что он говорит прозой. А понятие «либерализм» требует самосознания, рефлексии и «догоняющей» модернизации.

Либерализм на русской почве возник как напоминание о несбывшемся, как хрустальная мечта. И мало того, что эта теория разумного эгоизма, индивидуализма и жесткой конкуренции на фоне тревожной и бессонной свободы без подостланной соломки никогда не осеняла народные массы, борющиеся за лучшее будущее, — она еще крайне редко осеняла и диссидентов, которых грозно угнетали враждебные вихри купно с темными силами.

После Юрия Крижанича, который не создал ни направления, ни школы и не оставил преемников, противники вертикального деспотизма власти, как правило, впадали в махровый социализм. Я уж не говорю о тогдашних «трудороссах» типа Стеньки Разина и Емельки Пугачева (по-моему, толкнувшего Пушкина в стан конструктивно-оппозиционных монархистов). Но ведь и просвещенные вольнодумцы, кроме Василия Голицына (при Софье и Петре) и Дмитрия Голицына (при Анне Иоанновне), уклонялись влево, в тинистые объятия популизма.

Скажем, Радищев. Что он не поделил с просвещенной Екатериной, дизайнером чисто горбачевской по стилю и темпам перестройки? Крестьянский вопрос. Но не только в ключе оды «Вольность». Хотя Радищев явно был западник и индивидуалист («Закон мой — воля есть моя»), но

и имущественный крестьянский вопрос, попутавший народников, не был ему чужд. Приходится признать чистейшего и честнейшего Александра Николаевича социал-либералом в духе Тони Блэра и зачислить его заочно во фракцию «Яблоко».

Декабристы, кроме Михаила Лунина (не участвовавшего в деле, но ответившего жизнью за чисто идейные разногласия с режимом) и Муравьевых (просто и Апостолов, сторонников конституционного правления), принадлежали к тому же направлению, а Пестель был не просто левый, а прямой большевик, предтеча Ленина по методике.

Я уж не говорю о Нечаеве, каракозовцах, ишутинцах, Чернышевском, народовольцах и эсерах. Не хочется (восстает демократическое нутро) сочувствовать жандармам, III отделению и столыпинским «галстукам», присуждаемым, по сути дела, тогдашними ОСО, только не в пролетарском исполнении. Но и сочувствовать Желябову, Каляеву, Савинкову и эсерам-максималистам тоже не выходит. Еще сложнее представить себя в их героических рядах. И «нетерпение» Юрия Трифонова больше не действует в положительном смысле.

По злосчастному стечению обстоятельств на знамени российских тираноборцев, кроме заказанного *Liberté*, отчетливо проступают даваемые в нагрузку *Égalité* и *Fraternité*. То есть «Свобода, Равенство и Братство» продаются только в комплекте. Таковы законы истории и человеческой психологии, довлеющие и над Россией, которой обычно закон не писан. Так повелось: правые не занимаются освобождением угнетенных народов, а левые не считают своей задачей ревниво охранять законы капитализма и отгонять от даровых социальных программ охочих до халявы индивидуумов. Это железный закон, неотменяемый закон всемирного политического тяготения. А исключения здесь только расшибают себе лбы о правила.

Мы-то надеялись, видно, и здесь пойти третьим путем, иначе случившееся с СПС и вокруг СПС не ввергло бы нас в такой шок. Итак, дана была типичная «революция сверху». Второе издание александровских реформ 60-х годов XIX века. Зря мы кидались на Клямкина и Миграняна в горбачевскую эпоху, думая, что они извращают историю, отказывая народу в способности к самокоррекции на уровне барона Мюнхгаузена (себя самого вытащить за волосы

из болота). Они не извращали историю, они ее фиксировали. Мы не поверили, и история свалилась нам на голову.

Ельцин верно сказал про нас, либералов, что, мол, «куда они без меня денутся». Деться оказалось и впрямь некуда. Судя по результатам парламентских и президентских выборов. Не стало той власти, которая, по определению гениальных авторов «Вех», «своими тюрьмами и штыками защищала нас от ярости народной». И «Яблоко», которое так нас раздражало попытками подкопаться под дорогое нам общественное неравенство, священные для нас идеи либерализации цен и приватизации, под традиционный сбор у Моссовета 4 октября 1993 года, сегодня оказалось на стороне свободы и демократии, на митингах в защиту НТВ, в оппозиции к деспотизму, пока еще не до конца явленному, но уже начерно заявленному. А правые силы избрали себе благую рыночную часть, закрыв глаза и на трупы в Чечне, и на НТВ, и на историю с Андреем Бабицким, и на советский гимн, и на андроповскую мемориальную доску.

Мы же клялись и божились, что поддержим и Пиночета, и Франко, то есть прямую диктатуру во имя капиталистического строительства. Но для нас и одного В.В.Путина оказалось много, который пока еще никого не расстрелял и не загнал диссидентов и протестантов на стадионы и в камеры пыток. А куда там загнали чеченцев — это из Москвы не видно. Загнанных лошадей ведь пристреливают, не так ли? К тому же шариат, зеленые повязки и фальшивые авизо удачно усыпили правую рыночную совесть. До такой степени, что лидер СПС Борис Немцов дошел до идеи перегораживания Чечни колючей проволокой, дабы вконец извести национально-освободительных «немирных» партизан, за которых еще 13—15 лет назад заступились бы все советские диссиденты, начиная с генерала Григоренко. Рыночная Англия подавляла и ирландцев, и шотландцев, и индусов, и буров. Это очень утешает нынешний состав СПС.

Тем правым, которые не могут наступить на горло своей демократической песне, придется идти на ту сторону баррикад, где стоит «Яблоко». Но здесь неизбежны речи и о «грабительской приватизации», и об «антинародных реформах», и о том, что у народа отняли собственность, и о пагубности жилищно-коммунальной реформы.

А народ, собранный под святое знамя протеста, того и гляди не только отречется от старого мира, но и отринет золотого тельца, как в 1917 году. Между Сциллой избыточного этатизма и Харибдой социализма почти нет дистанции для маневра и электората для хоть какой-то немаргинальной политической деятельности.

Сергей Юшенков, но он родом не из правозащитников, идет против течения и исторических законов, он идет туда, где правые до сих пор не бывали.

К тому же советский либерализм берет под козырек еще и потому, что исторически не может выйти из воли начальства. И концепция «Сим молитву деет, Хам пшеницу сеет, Яфет власть имеет», очень популярная в СПС, когда разные сегменты партии защищают разные идеологии, от либерализма до империализма, не утешает посвященных.

Выхода из этой ситуации нет. Разве что на Лобное место. Уйти из политики и податься в диссиденты. «Я выбираю свободу» — эта истина не подведет. Демократам и правым силам больше не быть вместе, как на съезде ДВР в 1993 году. Столыпины и Витте пойдут против Радищевых и Сперанских. До первой крови? До самой смерти?

КОНЕЦ КРАЙНЕЙ ХАТЫ С ГАВАЙСКИХ ОСТРОВОВ

«Новое время», №25, 24 июня

Я никогда не могла понять, почему американцы, досиравшие в своем посольстве в Берлине до аншлюса, до Мюнхена, до оккупации Польши, до «странной войны» с Францией, до отчаянной схватки английских паладинов с фашистскими асами в небе над Ла-Маншем, так жестко обошлись с куда менее грешными японцами. Ведь если все американцы японского происхождения были интернированы в лагеря, а на Хиросиму и Нагасаки под занавес (хотя Япония уже только оборонялась и довольно слабо барахталась, не помышляя о дальнейшей экспансии) были сброшены две атомные бомбы, то что же Германии, куда более виновной перед человечеством, успевшей больше бед натворить до развязки, полагалось из этого «демократического набора»?

Освенцим, Бухенвальд, «окончательное решение» еврейского и цыганского вопросов, Хатынь, абажуры из челове-

ческой кожи, оккупация почти всей Европы — это всё, как напишет потом Карл Ясперс, «германская вина». Американцы, как свидетельствует Уильям фон Ширер, историк Третьего рейха, сидели в Берлине под звон стекол Хрустальной ночи, под шелест газет с нюрнбергскими законами на первой полосе... Почти восемь лет полного фашизма, с 1933 года, американская хата стояла с краю, и ее обитатели помогали Англии разве что техникой да еще подбрасывали пилотов-добровольцев вроде героя фильма...

Но всё стало понятно, когда неубитая, не сложившая оружие, гневная и торжествующая память народа (очень, кстати сказать, злопамятного народа) Америки, который, признаюсь, казался мне таким добродушным и политкорректным, извлекла из глубин подсознания и истории этот образ: «Перл-Харбор». И бросила его на экран, в современность, в безопасное, комфортное и могущественное забвение своей страны и всего Запада, давно уже не тревожимого личными катастрофами ближе Косова или Чечни. Они ничего не забыли и не простили: сценаристы, режиссеры, актеры, каскадеры, продюсеры.

Оказывается, Перл-Харбор — это было почище 22 июня для нас. Расслабившиеся демократы в белоснежных матросских костюмах, летчики в пестрых шелковых рубашках, медсестры в нарядных платьях и на шпильках. Воскресенье. Гавайи. Курорт. Американский флот в уикенд, настроение флотилии прогулочных яхт... Рано или поздно хата, посчитавшая себя с краю, оказывается крайней. Потому что тирании наглеют, и оставленные «на племя» фашисты лезут на голову. Безнаказанность доводит их до безумия, и тогда Гитлер кидается воевать сразу со всем миром, на два фронта; Муссолини лезет завоевывать Африку...

Фашизм многолик, но он обязательно включает в себя кульминационную сцену фильма «Перл-Харбор»: налет, набег, агрессию, пикирующие бомбардировщики, смерть во сне, и всё вероломно, без этого нашего святославлева «Иду на вы», неожиданно, вдруг, врасплох... Это был вагнеровский сюжет: час Рагнарёк, гибель богов, гибель флота, почти без боя, спросонья, без славы...

Но какая же стальная пружина гражданской самоорганизации ударила в ответ! И это не производит впечатление чего-то вроде милитаристского пиара: «В эту ночь решили самураи перейти границу у реки». Это не смешно. Это

величественно: ответ мгновенно собравшейся, добровольно собравшейся в кулак демократии. В фильме есть любовная интрига, но это не важно, это просто рекламная вставка. Главная интрига фильма — это История. Оказывается, американцы всерьез считали себя богами. Уже тогда. Они мстили японцам за святотатство. И Хиросима — это была не военная необходимость, а божественное возмездие, «ветер богов». Кто смеет встать на пути у богов? И Клинтон в Японии отказался извиняться за Хиросиму. Боги чужды рефлексии.

Мы всё знаем про японских камикадзе, но до этого фильма мало кто знал об американских. Ответный удар по Токио, летчики, которые шли на смерть (кое-кто уцелел чудом), — это было тоже священное безумие. «Гони коней, гони коней, богатство, смерть и власть, но что на свете есть сильнее, но что сильнее, чем страсть».

Американцы опомнились у руин сгоревшей с краю хаты, и этот пепел стучал в их сердце (и стучит до сих пор), и они вступили в бой и выиграли войну. Но они сделали больше — сделали Германию и Японию (после Содома и Гоморры) счастливыми, безвредными, безопасными. Изменили их национальный характер. Юкио Мисима напомнил японцам о военной славе, об Империи, о самураях — его отвергли, осмеяли, бросили бы в тюрьму, если бы не самоубийство. В ФРГ сажают на четыре года в тюрьму за публичные сомнения в преступности нацизма. Боги изменили сущность народов...

И никаких сожалений о концлагерях для не повинных ни в чем выходцев из Японии, о радиации, много десятилетий продолжавшей убивать японских детей. Солдат и правозащитник — разные профессии. Даже если солдат борется за свободу.

Нам их не понять. У нас никогда не было такого тыла: собственного дома на собственном кукурузном поле, засеянном еще прадедом, белозубой улыбки (правильная паста четыре раза в день) ребенка, в котором уважают личность, конгресса, сената, статуи Свободы, такого вот демократичного и умного Рузвельта, банка и денег в нем, гордости за свою страну. Только очень счастливые люди могут так драться — и за себя, и за других. «Глупцы поймут, враги простят, а кто заучит роль, тот страстотерпец, тот солдат, солдат, мертвец, король».

Зачем же американцы нарушили все нормы политкорректности, зачем и кому адресовано это предупреждение? По-моему, они поняли, что их хата — всегда в эпицентре, что от Мирового Зла не спасут ни ПРО, ни contra. Они смотрят в небо, трезвятся и бодрствуют, потому что в мире есть талибы, иранские аятоллы, китайские и корейские коммунисты, есть, наконец, мы и Чечня. Фашизм нельзя разбить раз и навсегда, потому что «бацилла чумы не умирает и не исчезнет окончательно и может оставаться спящей в белье, мебели и бумагах десятилетиями... и, может быть, придет день, когда, на горе людям и в назидание им, чума разбудит своих крыс и пошлет их умирать в счастливый город» (Камю, «Чума»).

ВЕСПРОФИЦИТНЫЕ ВЫБОРЫ

«Новое время», №37, 16 октября

Конечно, демократы, наши братья по разуму, западные, восточноевропейские и домашние, скажут, что никакой свободы на белорусских президентских выборах не было и что народ не мог сделать правильный выбор. Конечно, не признавать печальные результаты будет хорошим тоном, и я лично, и как журналист, и как поэт, и как гражданин, и как член редколлегии (то есть если не как книго-, то хотя бы как журналопродавец), буду в первых рядах. Меня вообще не устраивает политическая постсоветская реальность, данная мне в моих мрачных ощущениях, если не считать реальностей трех стран Балтии. Но правду сказать все-таки хочется, чтобы хотя бы помешать белорусской оппозиции себя по дешевке утешать и валить вину на силовые структуры, российский истеблишмент, экспансию «Газпрома» и «Лукойла», президентских клеветов и прочие малозначительные факторы.

По-моему, сделать правильный выбор в белорусской ситуации гораздо легче, чем в ситуации американской, французской или даже японской. Сложно разбираться в малоощутимых тонкостях между вице-президентами и губернаторами в США, новыми лейбористами и старыми консерваторами, соцветиями христианских демократов или демократов светских, которые тоже отнюдь не язычники. Можно неделями выбирать между Бушем

и Гором, но в случае с Александром Лукашенко всё слишком очевидно, чтобы колебаться.

Интересно, каких сведений здесь не хватило белорусскому электорату? Положим, белорусское телевидение безнадежно оккупировано Александром Григорьевичем. Так ведь каждое его слово должно порождать в свободных думах и трезвых умах смятение и ужас. Чем больше он говорит, тем меньше должно было быть поданных за него бюллетеней. Кажется, что он обещал с оппонентами разобраться, а с некоторыми разобрался до выборов? Хорошо! Как разберешься с теми, кто тайно сунет в урну свою черную метку? И кто запрещал белорусскому электорату смотреть российские каналы, куда более мощные и полноводные, чем свои домашние? Кто-то стал глушить «Свободу», белорусскую редакцию которой не разгромишь и не запугаешь, она не на лукашенковской территории сидит? Информации о человеческих и политических, национальных и экономических достижениях. Лукашенко было более чем достаточно для того, чтобы он не получил ничьих голосов, даже голосов своей администрации (ведь и Гончар, и Захаренко когда-то входили в его окружение).

Я убеждена в том, что несвободные выборы — это только те, когда избирателя ведут к урне под дулами автоматов и проверяют, где он поставил крестик, обещая наглядно в случае неверного графического решения уже другую урну: могильную. Но такие выборы не проводились даже в СССР, где избиратели могли запросто вычеркнуть всех кандидатов от блока коммунистов и беспартийных, и начиная с конца пятидесятых годов ни ареста, ни даже увольнения с работы за этим не последовало бы. Ну, не пустили бы за границу и не дали бы защитить докторскую диссертацию. Недорогая плата за чистую совесть и исполнение гражданского долга.

Но в Беларуси не было бы и минимальной расплаты: поди определи, кого электорат вычеркивает в кабинке — Лукашенко, Гайдукевича, Гончарика, Домаша.

Просто интересно, почему это сербские избиратели проголосовали против Милошевича, за оппозиционера Коштуницу? Кажется, Слободан Милошевич любил свободу не больше Лукашенко. И неужели разорительные этнические войны и натовские бомбежки — единственные средства

предвыборной агитации, пропаганды и просвещения? Схема одна что в российской, что в белорусской «глубинке»: даны Лукашенко, Руцкой, Стародубцев, Наздратенко, Климентьев и прочие. Никто не тащит за шиворот, и всё ясно. Что, что-то кому-то неясно с Шандыбиным, Зюгановым, Лукьяновым? Однако большинство идет и голосует «за». Сумеречное состояние души? Томление рабских трудов? Тяжелое наследие проклятого прошлого?

А при чем здесь отсутствие свободы? И «Свобода» есть, и ТВ-6, и НТВ, и Си-эн-эн. Но это всё — снаружи. А что внутри? На свободных выборах народ выбрал несвободу. Это — проблема народа. Делайте ваши ставки, господа. Ставок больше нет. Надолго. Не знаю, как насчет бездефицитного бюджета, но бывают беспрофицитные выборы. Когда не за кого голосовать. А это уже проблема оппозиции. О господине Гайдукевиче вообще говорить нет смысла. Он не больший оппозиционер, чем российский его аналог (правда, более пугающий) Жириновский. Но ни господин Домаш, ни господин Гончарик на старте и на финише не вызвали никакого стремления бежать за ними с бюллетенем в руках. Их заурядность, вторичность, советскость и затертость были слишком очевидны, чтобы поверить в возрождение, демократический поворот, независимость внешней политики, экономические реформы и прочие приличные и симпатичные вещи. Это — для избирателя с принципами, запросами и жадой европейского пути развития. Но об этом электорате должен был позаботиться БНФ*, первый лидер которого, Зенон Поздняк, проявил излишнюю прыть, обеспечивая свою личную безопасность, а его преемники продемонстрировали на этих выборах излишнее смирение, соглашаясь на кандидатов, устраивавших номенклатуру и назначенных в оппозицию по случаю, в порядке «дежурства по гарнизону».

Сожалеть не о ком и пенять не на кого. Отсутствие даже проигрышного, но приличного варианта — это не проблема Лукашенко, а проблема оппозиции. Выборы были. Но выбора не было.

* «Белорусский народный фронт».

ПУСТЬ ВУДЕТ ДВЕРЬ ОТКРЫТА

«КоМоК» , №40, 8–14 октября

Поиски виновных в американском, уже не голливудском «столкновении с бездной» — бездной человеческой подлости и злобы, вечно направленной снизу вверх, против сытых, богатых, умных, удачливых, умелых ведут к горячему следу, следу политических или религиозных фанатиков. Шамиль Басаев на сайте «Кавказ» обвиняет во всем «российскую военщину», нелогично заключая, что способные уничтожить бомбами и ракетами чеченские города и села плюс сто тысяч мирных жителей способны покуситься и на мирные американские небоскребы, похоронив заживо 50 тысяч человек. «Российская военщина», напротив, обвиняет чеченцев.

Россию никто не обвинит, кроме Шамиля Басаева. Сергей Шойгу со своей командой предложили помощь, а они люди умелые. Президент России не только выразил соболезнования, но и объявил минуту молчания. Москвичи приносят цветы и венки к тому самому американскому посольству, у которого ампиловцы и жириновцы жгли звездно-полосатые флаги, которые в дни югославского кризиса экстремисты заливали краской, по которому фанатик, начитавшийся в «Завтра» откровений Проханова, даже выстрелил из гранатомета.

Юридических виновников ФБР отыщет. И все-таки есть моральная вина, а Россия должна ее признать, и многие из нас должны понять, что концентрация неприязни тоже может материализоваться и убить. Слишком много говорили в Иране о «великом Сатане». Слишком долго КГБ и КПСС твердили об «американском империализме», воспитывая своих сателлитов в духе ненависти, зависти и злобы. Слишком много было сказано о якобы тупых, нечутких, самодовольных, примитивных американцах. И вот одни из них лежат под развалинами, а другие их оплакивают и откапывают. Слишком долго человечество было неблагодарно. Слишком уж мечтало оно о неоднполярном мире. А мир пока однополярен, увы. Закрыта американская биржа — и вот мы уже не знаем, что и почему покупать и продавать, и российский Центробанк успокаивает нас, что дефолта не будет, и всё готово полететь в тартарары, потому что дымом заволокло тот самый полюс, от которого все так шарахались. Этим первым ученикам завидовали, не замечая

их щедрости и великодушия. Достоверно одно: противники западных ценностей, алтарь которых как раз и находится там, куда целились террористы, начали войну против Свободы, Собственности и Законности, на которых стоят небоскребы в Кэмп-Дэвиде, и Пентагон — просто уязвимое здание на зеленой лужайке. Западная демократия вообще уязвимее тоталитаризма, и с этим ничего не поделаешь. Сейчас Америка постарается минимизировать риски, но открытое общество не может позволить себе сталинской «бдительности», тоталитарной ошетиненности не может задраить все форточки, «чтобы враг не прошел», не может охотиться на ведьм и на «лиц арабской национальности», не может опутать страну колючей проволокой. Не сможет оно воздать «око за око, зуб за зуб», нарушать гражданские права, говорить про «враждебное окружение». Не может нарушить Конституцию. Мы вправе гордиться нашей Америкой: Меккой, опорой, хрустальной мечтой. Никто не сломался, никто не захныкал, никто не стал бить прямой наводкой, на всякий случай, карая до расследования «государства-изгой», как это предположили наши «ястребы».

Джордж Буш держится стоически. Нет, даже это ничего не изменит в американцах. Они не бросят Израиль, будут следить за соблюдением гражданских прав в Чечне, пригревать китайских диссидентов, останавливать войны. Они не станут карать невиновных даже в такой крайности. «И если ты своей владеешь страстью, а не тобою властвует она, и будешь тверд в удаче и несчастье, которым, в сущности, цена одна...» (Киплинг)

Перед человечеством вновь стоит выбор. С кем ты, человечество? С кем ты, Россия? С Америкой или с теми, кто против нее? С цивилизацией или с изгоями?

Есть темный лагерь уродливых и злобных троллей, государств-изгоев и экстремистов-изгоев. В горах Афганистана, среди кубинских зарослей сахарного тростника, на фоне флибустьерского синего моря, среди черных шеренг религиозных национал-фанатиков, в том самом Иране, где когда-то осаждали американское посольство неоиндейцы племени сиу с томагавками. Можно заменить томагавки на «Томагавк», но суть конфликта останется той же: бригада Света скачет выручать кого-то, брошенного в жертву Дракону, сразиться с идолищем поганым, держать меж

враждебных режимов тоталитаризма и демократии. На земле не перевелись чудовища. Разинул пасть Саддам Хусейн, шипит и трясет гремучим хвостом Фидель Кастро, скорпионами ползают по камням талибы. Как монстры из «Чужих». Как жуки из «Воинов звездолета». Кто же поймет насекомое, живущее по законам стаи? Пойди своди к психоаналитику тираннозавра, чтобы он познал его нежную душу.

А на другой стороне Ойкумены, за красивой шенгенской изгородью, лежит чистый пруд. И на нем — лебединая стая: Европа, Австралия, Япония, США, Канада. И бывшие гадкие утята, которые уже похожи на лебедей и скоро станут летать: Венгрия, Польша, Чехия, Болгария. Страны Балтии. Мы куда собираемся, дорогие россияне? К змеюкам под северокорейскую или иракскую корягу? Или на лебединый западный пруд? Если к лебедям, то нечего шипеть на лебедей и водиться со змеями.

Такой же выбор стоит перед чеченцами. Или они требуют свободы для западного выбора и рвутся в Европу, в облака, или они будут пытаться уползти под корягу с Ираном и талибами. Если даже Усама бен Ладен тебе посочувствовал, надо срочно отмежевываться. На Востоке нечего ловить. Джохар Дудаев и его молодые блестящие «англоязычные» друзья из московской чеченской диаспоры (например, министр иностранных дел непризнанной Ичкерии Хамад Курбанов) считали, что лучше Чечне погибнуть, чем превратиться в Иран.

Опасно заявлять, что твоя страна — субъект Аллаха. Приличная страна должна быть субъектом Свободы.

Сейчас, когда прошло несколько недель (а шок от вида оседающего символа «американской мечты» не пройдет никогда), мы должны уяснить себе, что американцы приняли удар за всех нас. Всем нам хочется силы, могущества, процветания, сияющих витрин, голливудских грез, банковского счета. Все мы немножечко хотим, чтобы с нами считались, чтобы нас уважали, чтобы чуточку побаивались. Все мы хотим выиграть забег и стоять на верхней ступеньке пьедестала почета. Все мы взяли что-то у Америки. Кто Green Card, кто фильм, кто Фолкнера с Хемингуэем, кто hot dog, кто даже жизнь, как мы, советские диссиденты, потому что без мощной протекции США родная «гэбуха» нас бы прикончила. Это США сняли последние штаны с СССР, заставляя тратиться на «оборонку», и ускорили

развал тоталитарного монстра. За что они заплатили, заплатили десятками тысяч жизней. Силы Зла набросились на них, прикрывающих амбразуру собой. США стоят на линии огня, и нехорошо стрелять им в спину.

Оказалось, что эти боги, такие могущественные, такие счастливые, смертны. От этого они нам только дороже. Один парень из Галилеи уже однажды пошел за нас на крест. Америка этот путь повторила 11 сентября. Это путь сил Света, потому что Тьма вечно будет пытаться восторжествовать. Боже, спаси Америку! Спаси ее для нас. Открытое общество исполнит свой долг. Они не бросят нас, они не запрутся.

НЕОСОЗНАННАЯ НЕОВХОДИМОСТЬ

«КоМоК», №41, 15-21 октября

Надо думать, что для тех, кто там, в Чечне, по обе стороны фронта, первая чеченская ничем не отличается от второй. Сплошной кошмарный кавказский круг, из которого нет выхода.

Голодные и запуганные отцами-командирами солдатики. Искалеченные чеченские детишки, что в фильме Ванессы Рэдгрейв, что по данным Анатолия Шабанды и Сергея Ковалева из того же 1995 года. Пытки, «фильтры», имевшие крупные (часто смертельные) неприятности со «своей», федеральной, стороны журналисты. Не слишком громкие протесты западных правительств, предельное отчаяние западных правозащитников и интеллектуалов. Разные чеченцы. Честные патриоты и нечестные коллаборационисты. Голодные беженцы. Несчастные мирные жители, иногда проклинаящие своих партизан так же искренне, как и чужих федералов. Хаджи-Мураты, мечущиеся между Россией-сюзереном и ополченцами, которые казнят их как предателей.

Всё это было во французском Соппротивлении, и это было, по-моему, страшнее гестапо: необходимость убивать своими руками французов, вчерашних товарищей, которые по слабости характера или переменяв убеждения работали на немецкую администрацию.

Всё это было показано в очень давнем фильме «Армия теней» с молодым Лио Вентурой.

Но есть и новшество, и оно не свидетельствует об общественном прогрессе. Это адаптация к войне части либералов и демократов, адаптация настолько глубокая, что здесь возникла линия фронта уже внутри демократического движения. В 1995—1996 годах всё было страшно, но просто и честно: и Григорий Явлинский, и Егор Гайдар, и Сергей Юшенков, и Михаил Горбачев, и Александр Лебедь, и радикалы из АРА — все они участвовали в совместных антивоенных акциях. Егора Гайдара даже пытались осудить за организацию несанкционированного митинга на 15 суток.

Да, общественное бессилие было велико, но в демократических рядах было чисто и светло. Борис Немцов собирал подписи против войны, «Демвыбор» честно проигрывал выборы в Госдуму, поддерживая слабейшую сторону. Требование было одно: прекратите войну. Любой ценой. Все радовались выводу войск и Хасавюрту.

Прошло пять лет. И вот Анатолий Чубайс обвиняет Григория Явлинского в том, что он втыкает нож в спину армии. На митингах против войны в Чечне нет больше ни депутатов от «Яблока», ни депутатов от «Демвыбора». И Борис Немцов озвучивает проект СПС: разделить Чечню колючей проволокой, бетоном, рвами на мирную — равнинную — и немирную — горную. А где гарантия, что худшие чеченцы останутся в горной половине?

Колючая проволока. Чисто либеральный проект.

Справедливо говорили марксисты, что свобода — это осознанная необходимость. Необходимость этой самой свободы.

Осознали ли мы необходимость чужой свободы и насущность выбора: отпустить чеченцев живыми или оставить их мертвыми?

Не надо мудрствовать лукаво и корчить из себя государственных мужей за счет утраты человеческой сущности. У интеллигентов и демократов в этой войне одно предназначение: как героиня «Кукушат» Анатолия Приставкина Сандра, бежать наперерез войне и кричать: «Жалость! Жалость! Жалость!»

Но мы рискуем не только нашей вконец потерянной совестью и человеческим лицом российской переходной, чахлой демократии. Это-то, кажется, с воза упало и, соответственно, пропало. Мы рискуем и нашей драгоценной шкурой (похоже, что только она нам и дорога). Все рискуют. Военные и штатские, старики и тинейджеры, виновные

и безвинные, россияне и иностранцы. Может случиться такое, что в самолеты с нашим экипажем или принадлежащие нашим авиакомпаниям не сядет никто. И мы сами не сядем. Так было всегда. Колониальные войны, колонии, сепаратизм. После исчезновения регулярных армий в дело идут партизаны. Когда же нет убежища ни в лесах, ни в горах, ни на улицах Москвы, где тебя сразу вычислят исключительно по таким уликам твоего врожденного преступления, как цвет глаз и волос, да еще прописка бывшего Джохар-Гала, бывшего Грозного, бывшего города, где под гусеницами федеральных танков и молотами федеральных бомб может никогда больше не вырасти трава, тогда начинается террор. Уже бессмысленный и уже беспощадный. Когда мы станем «гяурами», для которых нет закона и права на жизнь.

Аслан Масхадов после случая с захватом чеченской семьей самолета ТУ-154 и гибели стюардессы Юлии Фоминой осудил террористов, но предупредил, что отчаяние не слушается командиров. И даже президентов.

Пушкин верил (и не ошибся), полагая, что глас литературы и вольности доходит до «каторжных нор» декабристов. А вот до тех нор в скалах, где будут укрываться от федералов «немирные» чеченцы, глас культуры и цивилизации может и не дойти. Мы обречем в них беспощадных свирепых морлоков, а они будут охотиться за нами, как за бессильными элоями, готовыми подчиниться пустой угрозе топорика и мобильника.

Почему до сих пор не унялись баски и ирландцы? Вроде бы нет сегодняшних причин. Но есть позавчерашние. При Франко отряды карателей убивали в селениях басков всех мужчин на глазах у их детей. А Ирландия борется с Англией с XII века. И трава забвения все еще не растет.

Мы сами готовим себе будущее, в котором «злой чечен» вечно будет ползти на берег и точить свой кинжал. Или маникюрные ножницы.

Бравая ФСБ находит чеченские следы на всех ведомых и неведомых дорожках. Только вот ноги куда-то ушли (видно, босиком, как объяснял милейший Барсуков еще в первую чеченскую). Да и вообще непонятно, откуда здесь ноги растут. Если теракты в Махачкале и Минводах совершили чеченцы, то почему ФСБ разыскивала какого-то казака со «славянской внешностью»? На кого работал

загадочный казак? На национального врага или на федерального друга, которому очень не хочется отчитываться за списанную на Чечню технику и за ухнувшие туда миллиарды? Война, конечно, всё спишет, а вот мир?..

А Солнце чеченцы взорвать не хотели? У них наука как раз на уровне создания управляемой термоядерной реакции. А зачем это по махачкалинскому и минводному делу арестовали 30 человек? Не много ли для двух терактов? С запасом, что ли? Вдруг кто-нибудь да сознается? Словом, война была нужна кандидату в президенты от КГБ как ракета-носитель. И вот он на орбите, а ступень-то, оказывается, не отошла. И все еще горит и может сгореть вместе с пилотом и экипажем, не считая пассажиров.

Может быть, стоит господам пассажирам заявить, что с таким пилотом мы дальше не полетим? Угнать бы этот самолет подальше от Кавказа, спецназа и президентского указа...

Особенно теперь, после американской трагедии, когда эти «интернационально-безродные» национал-исламисты показали всем желающим «в красную Москву заветную дорогу». Если лишить чеченский народ права на жизнь (всех, включая грудных младенцев), как это предложил наш главный гуманист и либерал Борис Немцов, то прогулочными рейдами до ближайшего родильного отделения типа басаевской или радуевской экспедиций дело может не ограничиться. Если уж у нас в Москве эскадрильи рустов садятся у Кремля при полном невнимании ПВО, то захватить парочку-другую «тушек» и направить их на московские «высотки» или даже 16-этажные дома — не проблема. Я ловлю себя на том, что хожу и с опаской считаю московские многоэтажные домики. Университет, жилые высотки, бывший СЭВ, мэрия. Что-то мне неохота отвечать за федеральные войска и любимого президента. И если американцы могли спросить: «За что?» — то нам и спрашивать не надо.

ВЕРА ДВИГАЕТ ГОРЫ. НО ЧЕЛОВЕК — НЕ ГОРА

«Новое время», №42, 21 октября

Да не прогневаются на меня теологи и иереи всех конфессий, но в основе ужасной катастрофы, разразившейся над Нью-Йорком и Вашингтоном, лежит все-таки вера. Эксцессы веры, скажете вы. Но бывает ли вера без эксцессов,

в пределах рации? Еще в начале христианских времен Тертуллиан это так сформулировал: *Credo, quia absurdum!* («Верую, ибо это абсурдно».) Если достаточно логики и здравого смысла, то к чему бы здесь вера? Поэтому, когда просвещенная и светски настроенная, исполненная гуманизма и скептицизма (а это смежные понятия) часть человечества говорит, что верует в Бога, это следует понимать не буквально. Человек, не лишенный ума и вкуса, любит добродетель не потому, что ему ее прописал Бог, как некую горькую микстуру или неприятную процедуру, а потому, что он принимает добродетель всей душой.

Бог не может дать нам совесть; совесть человека свободна, и он скорее выбирает Бога соответственно своей совести. Бог и человек встречаются где-то в пути, на лезвии свободы и тоски экзистенциального выбора, знакомятся, устанавливают, что они из одного карасса, и дальше идут вместе. Тем-то и хорошо христианство, что здесь Бог пошел путем человека, раньше человека и дальше человека. На смерть за человека. Поэтому атеист Ренан мог быть христианским священником и великим автором художественных мистерий об Иисусе, Павле, других апостолах, о катакомбной, первой, трепетной, мученической христианской Церкви. Он не очень-то верил, что Иисус — сын Божий. Но он восхищался им, любил его и следовал за ним, потому что им было по дороге.

Иисус, исцеляя больных, любил повторять, что их спасла их вера. В 30-е годы нашей эры это могло быть так. Но нас через почти 2000 лет слепая вера погубит. Высоко над Манхэттеном, в ошеломляющем блеске космических небес, в самом центре силы и славы цивилизации столкнулись слепая вера и зрячий рационализм, яростное рабство традиции и раскованная свобода индивидуализма, средневековое неприятие иного и просвещенная великодушная терпимость.

Часть ее нам, видимо, придется утратить, потому что за любой верой нужен глаз да глаз, и после 11 сентября придется приглядывать. Вера не означает фанатизма, но она чревата фанатизмом, так же как сейсмический жар Земли чреват землетрясениями. И даже если речь идет о социальных утопиях (весьма далеких от религии), породивших большевиков, нацистов, «Красные бригады» и «Сендеро луминосо», то все равно в основе — исступленная

вера то ли в социальную справедливость, то ли в расовую чистоту «избранной нации».

Как здесь не вспомнить незамысловатый совет одного одесского контрабандиста коллеге: «Холоднокровнее, Маня, вы не на работе». Любая вера, если к вопросам совести в ней прибавляются тысячелетней давности обряды и заветы, рискует обратиться в тоталитарную секту. Никакие разумные доводы не могут быть приведены в доказательство того постулата, что ношение паранджи, хиджаба, кипы, женского платка в храме для православных и женской же шали на голове постоянно для мусульманок, отказ от работы в субботу, пятницу или воскресенье, долгое чтение молитв, соблюдение постов или исключение из рациона свинины, сомов и креветок имеют отношение к спасению души верующего или к его нравственной гигиене.

Всё это прекрасно объясняет Фрэзер в «Золотой ветви». Система тотемов и табу восходит ко временам палеолита, и нечего тащить в XXI век то, что уже и в XIX было неуместно. Вера — сильнейший наркотик, она может сделать человека недееспособным и невменяемым. Убить себя и еще десяток тысяч человек, учиться в летной школе только для этого, и всё это ради того, чтобы у «неверных» не было Центра международной торговли, а были тысячи похорон? Зачем? Чтобы попасть в рай? А верен ли указатель?

И в Библии, и в Коране можно найти сколько угодно темных, древних, величественных и невнятных фраз, которые оправдают что угодно, но никак не могут служить руководством к поведению в реальной жизни. Всё это для того, чтобы вдохновить художников, поэтов, драматургов и музыкантов, но упаси Бог политиков черпать оттуда какие бы то ни было указания. Как удивился бы Моисей, если бы узнал, что его заповедь «Не сотвори себе кумира» должна быть отнесена не только к какому-то сработанному дилетантами из металлолома тельцу (медному или золотому), но и к самому Богу, который вывел его из Египта и утопил войско фараона.

Слепое подчинение Богу так же опасно и разрушительно, как слепое подчинение земному властителю. Поэтому я пришла в ужас, услышав, что некоторые чеченцы объявили Ичкерии «субъектом Аллаха». Сразу возник ряд вопросов. А какая конституция будет при этом и будет ли она вообще? «Субъект Декларации прав человека или Пакта

о гражданских и политических правах» — это звучало бы гораздо лучше.

Сейчас много говорится о том, что талибов, палестинцев, перуанцев и всех склонных к пассионарности маргиналов надо просто накормить с помощью плана Маршалла. Соблазнительный, но бесполезный вариант. Германию унизили и обобрали, Гитлера в юности не приняли учиться на художника, лишили средств и отравили газами. Но Усама бен Ладен или Карлос Шакал* (да и Ясир Арафат) росли не в сиротском приюте. И что-то вроде плана Маршалла предпринял Израиль, давая работу палестинцам, освобождая их от тяжелых (может быть, самых больших в мире) налогов. Нет, здесь отвергнут хлеб и выбраны «зрелища».

И не стоит встраивать одержимых фанатиков Ближнего Востока, сделавших из сложного символического рисунка Корана примитивные прописи, нечто вроде надписи на заборе, в чистый и строгий японский пантеон, где традиция «камикадзе» гораздо моложе традиции «харакири», когда из чувства чести, вызова и протеста побежденные уничтожали не врага, но себя. И не ради воздаяния на том свете, и не по воле богов, а ради «непобежденного видения самих себя». Чистая кампания гражданского неповиновения. Нет, на Ближнем Востоке — другое. Талибам не хватает не средств к жизни, а юмора и здравого смысла.

Религия (причем, любая) таит в себе вечную угрозу. Слово черная тень, падает на залитый солнцем мир. Человек должен иметь семью, работу, дом. Он должен дорожить жизнью и своим добром, он должен прочно стоять на земле. Как сказал Илья Эренбург: «Жизнь широка и пестра. Вера — очки и шоры, вера двигает горы, я — человек, не гора».

ЕСЛИ ВЫПАЛО В ИМПЕРИИ РОДИТЬСЯ

«Новое время», №49, 9 декабря

Кажется, у нас намечаются небольшие поминки. Как сказал один старомодный, в духе первой оттепели, мемориалец, выступая 30 октября (в День политзаключенного) у Соловецкого камня: «Три партизана сошлись в заповедном лесу

* Международный террорист, настоящее имя — Ильич Рамирес Санчес.

и незаконно репрессировали Советский Союз». По этой жертве политических репрессий не только регулярно и ритуально проливают слезы все левые, все слишком правые (до ЛДПР и далее) и все солидные этактисты-центристы, но мало кто смеет нарушить правила хорошего тона и перешагнуть через формулу респектабельных политиков, что тот, мол, кто не сожалеет об СССР, тот не имеет совести и сердца, а кто пытается восстановить СССР, у того головы нет на плечах.

Очевидно, я принадлежу к числу самых бессердечных, потому что на этих поминках не испытываю и тени скорби. Хотя мне приходилось разговаривать с природными, аутентичными грузинами, азербайджанцами, армянами, украинцами и латышами, которые всерьез считали, что были очень счастливы в СССР, могли ездить в Москву, как к себе домой, хорошо зарабатывали, ездили в Юрмалу (грузины) и в Гагру (латыши), и эту родную, милую империю убили во цвете лет безбожные демократы. Это поколение уже не помнило сталинских репрессий, а поминало только веселый (для некоторых) кутеж на 1/6 части мировой лужайки на все недолговечные, но звонкие сырьевые деньги.

Конечно, империи так не умирали, как эта, наша, самая громадная и самая неэффективная. Вообще-то все доисторические явления вроде мамонтов и драконов, динозавров и Змеев Горынычей вымирают долго, поэтапно, гниют во мху, или их находят в вечной мерзлоте.

Римская империя по тем временам была источником просвещения, цивилизации, hi-tes, даже гуманизма (хотя бы юношей они не приносили в жертву богу войны Земекису, как даки, бросая беднягу на копья острого бамбука с горы). Но когда подвластные провинции взяли у Рима всё полезное, от его власти в V—VI веках уходили со вздохом облегчения, не оглядываясь назад. Забыв поблагодарить. И становились на несколько веков варварами под властью вестготов в лучшем случае.

Империя Александра Македонского кончила и вовсе неприлично. Диадочи, наследники царя, который разделил между ними мир, после ранней его смерти утопили его сына и жену Роксану и немедленно передрались, желая подверстать к своей части ойкумены еще и соседнюю. Стабильность оказалась мимолетной и эфемерной. Спросите сегодня у любого грека, как он относится к Османской империи. Или можно спросить у армянина. Ответ сулит сильные впечатления...

Психологический комфорт от империй сильно преувеличен.

Британия дала Индии неизмеримо больше, чем отняла. Но люди шли на смерть, чтобы избавиться от британской «опеки». От Испании ее колонии, особенно Фландрия, бежали, как от чумы. А сколько поколений ирландцев и шотландцев легли в землю или пошли на виселицу, чтобы не быть причастными к Британской империи с ее Хартией вольностей и ее судами пэров!

Даже далекие американские колонии при первой же возможности вооруженным путем избавились от рафинированной метрополии, без сожаления выбросив в океан дорогой чай.

Все законы империи рано или поздно становятся как для американских колонистов английские Intolerable laws.

Советская империя была как ошейник с шипами: она давила вдвойне — и как империя, и как коммунистическая диктатура. Поэтому, улучив благоприятную возможность, «колониальные» коммунисты прикинулись Вильгельмами Теллями и Жаннами д'Арк и повезли тележки, груженные суверенитетом, к своим личным подворьям и резиденциям.

Но немногие свободные демократы, патриоты по совместительству, та соль земли, которая понемногу серебрилась в каждой колонии, не погнались за ними. У них были заняты руки: они уносили свободу. И им некогда было делить собственность и власть. Они были заняты главным: вкапывали пограничные столбы, учили сограждан родному языку, шили шелковые флаги: вишневые, желто-голубые, красно-белые, желто-зелено-красные. Это было сотворение мира, и нельзя было отвлекаться на пустяки.

И каждый живет теперь в своем доме: латыши, эстонцы и литовцы — в коттеджах с евроремонтом, кто-то в хижинах, кто-то в саклях.

«И под каждой слабенькой крышей, как она ни слаба, — свое счастье, свои мыши, своя судьба...» (И.Уткин)

Если вам выпало в империи родиться, вам будет дискомфортно и зябко в любой глухой провинции у моря. Если вы человек. Потому что любая метрополия — это могильная плита, из-под которой несутся стоны раздавленных национальных окраин. Долго ли просидит совестливый человек на такой плите?

Знавала я одну демократическую партию, чьи балтийские и украинские отделения где-то году в 1990-м отказались

состоять в одной организации со своими товарищами из метрополии и создали отдельные региональные партии с документами на национальных языках. Самое занятное, что они все были русские. Совесть заела.

В империях есть что-то изначально порочное. Они как Кольцо всевластия по Толкиену: «Чтобы всех созвать, воедино собрать и единою черною волей сковать в Мордоре, где вековечная тьма».

Такое кольцо полагается бросать в огнедышащее жерло горы Ородруин, потому что империи создаются не на Благо, а на Зло.

Иногда создатели империй тешат себя идеей Добра, но, как сказала владычица эльфов в том же эпосе Толкиена, «это добром бы началось, но добром не кончилось».

Поэтому Станислав Шушкевич, Леонид Кравчук и Борис Ельцин в Беловежской пуше бросили кольцо. Мордора больше не будет. Будут маленькие властелины в бывших колониях вроде Лукашенко и Туркменбаши, но не будет единого «Властелина на черном престоле».

Наверное, те трое и впрямь чувствовали себя немного партизанами.

И листья плещутся, дрожа,
и птичий молкнет гам,
и убегают сторожа,
открыв дорогу нам...

(Багрицкий)

Может быть, они даже боялись, что их арестует комендант укрепрайона Михаил Сергеевич Горбачев. За диверсию. Но он не захотел остаться в истории тем комендантом, который вешает партизан. И эшелон пустили под откос тихо, вежливо, культурно... Не каждому доведется убить Дракона. А этим трем Ланселотам довелось... Новый мир, созданный этими гёзами, этими минитменами, кос, кри-вобок, грязен. Но он неизмеримо лучше старого.

ГРАЖДАНСКИЙ БРАК ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ЧУМЫ

«Новое время», №52, 30 декабря

Правозащитники разделились на фракции и на секции отнюдь не в 2001 году и совсем не в контексте созыва Гражданского форума. Просто дооктябрьские российско-имперские на эту тему размежевания всеми, кроме историков, давно позабыты, а советская эпоха настолько «актуализировала» распределение правозащитников по статьям УК (70-я — «антисоветская пропаганда» или 190-я — «клевета на советский общественный строй»), по лагерям (пермские или мордовские), по спецпсихбольницам, по тюрьмам (Лefортово, Шпалерная, Бутырка, Владимир, Чистополь), что все прочие их градации утратили всякий смысл. Поэтому в октябре—ноябре 2001 года правозащитники поссорились вслепую, скорее на фоне инстинктов и безусловных рефлексов. Хотелось бы кое-что вспомнить, робко уповая, что понимание, быть может, воспрепятствует вторичному размежеванию по географическим политизоляторам.

Институциональная правозащита придумана не в России. В Древней Элладe был такой интересный институт «простатов» — народных заступников. Но простаты отнюдь не были диссидентами. А вот в Риме в самом общественном устройстве была предусмотрена конфронтация, и просматривается жесткое разделение властей. Государственно-политическая структура Рима включала власть исполнительную (2 консула), законодательную (народное собрание и сенат) и судебную (квесторы, претор). Кроме этого, было что-то вроде Хельсинкской группы: два народных трибуна. Трибунат был в оппозиции к консулам. Он хранил демократический баланс, не давая им особенно наступать на ноги гражданам (не обязательно плебейам). Трибуны были оппозиционерами по определению и с консулами свой досуг не проводили, а также не обсуждали общие дела.

Императорская власть не упразднила к тому времени уже вполне лояльный и раболепный сенат, но уничтожила трибунат: ершистый, неуправляемый и отменно диссидентский. Системы «сдержек и противовесов» не стало.

У нас в России тоже был свой путь развития правозащитной идеи. Самыми древними правозащитниками были юродивые. Они бичевали нравы, князей, царей. Конечно,

они не помогали частным лицам. Они блюли гуманитарную компоненту страны, выступая против автократии, насилия и жестокости.

Порицаемая ими власть не могла рассчитывать ни на приятное общение с юродивыми, ни на совместные трапезы, ни на то, что юродивый примет какой-нибудь от нее, власти, грант. Помните реакцию бедного Николки на благодеяния и авансы Бориса Годунова? На предложенное золото — колкости. И вечное определение взаимодействия между правозащитником-диссидентом и властью: «Нельзя молиться за царя Ирода: Богородица не велит». Еще каноничней вопрос о грантах, поставленный в «Князе Серебряном» А.К.Толстого. Там Иоанн Грозный тоже захотел дать юродивому денег. А тот ему и ответил: зачем, мол, Ивашка, деньги в адском огне раскалил?

Во время публичной казни тот же Николка попросил у царя и для себя «мученический венчик», попросту предлагая себя казнить, раз уж казнь невинных он был отменить не в силах. А это уже типичное диссидентство модели 1970-х: не можешь освободить невинного узника совести, сядь в соседнюю камеру. Что власть охотно и делала, и даже без просьб типа Николкиной (хотя его-то царь казнить не посмел).

Следующая пара диссидентов, князь Курбский и митрополит Филипп Колычев, занимались защитой прав человека вообще путем обличения автократии Ивана IV (один — из эмиграции, другой — на месте, публично, ценой жизни). И вот здесь случается такое, что сразу дает нам возможность определить суть защиты прав человека в русле диссидентства. Филипп Колычев не давал Ивану IV отпущения грехов, ибо тот все время совершал новые злодеяния.

Вот оно что: диссидент — это духовник власти, он вправе дать или не дать отпущение. Он вправе анафемствовать власть, наложить интердикт, послать искупать вину в паломничество ко святым местам, назначить епитимью.

Правозащитники типа простатов, народных заступников, появляются в России вместе с земством и реформой (в частности судебной системы), предпринятой Александром Освободителем. Врачи, учителя, фельдшерицы, присяжные поверенные — все они были подвижниками и, получая ничтожную плату от земства, лечили, учили, защищали в судах.

Народники могли бы быть такими же полезными деятелями, но предпочли соблазнять народ безумными утопиями.

Земство совсем не было оппозицией или диссидентством. Вот как четко это обозначено у Марины Кудимовой в той главе поэмы «Заведение», где речь идет о присяжном поверенном. «Благодарение Богу, я здоров и у начальства в доверии, стоя на страже естественных прав подданных целой империи».

Конечно, присяжные поверенные (адвокаты) в земстве не работали, но были идейными тружениками, страдающими за народ и при этом лояльными к власти. И уж, конечно, они были куда полезнее экстремистов: эсеров, народовольцев, эсдеков... Вставать, когда входит Его Величество, было для них органично.

А роль диссидентов выполняли кадеты-конституционалисты. Им нужна была европейская демократия. Выборгский манифест с его резолюцией не давать власти «ни податей, ни рекрутов» — это же анафема, интердикт. Это было опасно. Страну столкнули в бездну, и мы все еще не долетели до дна. Но что было делать кадетам? Кричать ура?

В советскую эпоху все правозащитники воленс-ноленс переквалифицировались в диссидентов, потому что защитить не успевали никого: защитники садились рядом с подзащитными. А после августовской революции возникла масса комитетов и групп для защиты «униженных и оскорбленных». Это своего рода земство, и оно, конечно, имело право идти во Дворец съездов.

Но ведь земцы не стали бы просить сфотографироваться с царем. Хельсинкская группа, «Мемориал» и все структуры защиты гласности должны были бы решать вопрос, давать ли власти отпущение грехов. Если вопрос решился положительно, они изменили пастырскому долгу. Если отрицательно — их появление на форуме в Кремле неуместно.

Нет повода для ссор, но есть повод придерживаться старой доброй истины: «Кому велено чирикать, не мурлыкайте». И наоборот.

«В РОССИИ НАСТУПАЕТ ГОД АПОКАЛИПСИСА...»

Кп.ру, 26 декабря

В 2002 году Россию не ждет ничего хорошего. Мы все живем в сказке о стойком оловянном солдатики, танцовщице и злом тролле. Путин — это злой тролль. Причем я бы сказала, что у нас демократы не выказывают той стойкости, которую выказывал стойкий оловянный солдатик, хотя стоял на одной ноге. А они даже на двух стоять не могут, все время шатаются из стороны в сторону.

Путин не выведет Россию из комы. Его политика меня не устраивает, как не устраивает любая помесь охотнорядства с неофашизмом. Я не готова решать насущные вопросы при помощи иракской формулы — нефть в обмен на продовольствие и 13-процентный налог в обмен на гражданские права и жизнь чеченского народа.

Никогда ни в одной стране ни обыкновенный фашизм, который происходит в Чечне, ни подавление гражданских свобод, пусть пока еще очень осторожное, ни андроповская доска на Лубянке, ни предложения об увековечении имени Сталина — не сопровождалось экономическим процветанием и не будут сопровождаться у нас. Мракобесие и обскурантизм, безусловно, приведут к нищете и северокорейскому варианту.

У чекистов, как и у коммунистов, нет не только Отечества, но и прописки...

Они не приведут ни в «восьмерку», ни в XXI век. История исключений не знает. Когда ликвидируется обратная связь — свобода выбора, свобода инициативы, то никакой рынок невозможен, разве что невольничий. Эта штука под названием открытое общество, свободная экономика, демократическое государство — она у нас не работает и не может заработать. Если из машины вылить бензин, то вряд ли она заведется.

Для построения открытого общества нужен другой менталитет, а мы не можем расстаться с пережитками прошлого, всё храним их в разных местах. Ленина из Мавзолея никак не вынесем... КГБ не только не устранен, да еще и к власти пришел. А институты чекистской власти не могут быть в нормальных отношениях ни с одним порядочным гражданином. Они для рабов, а не для граждан.

У России почти нет шансов.

Можно сказать, что наша страна сейчас находится в состоянии клинической смерти. Выход может быть только там, где народ вылезет из собственной шкуры. В противном случае Россию ждет летальный исход.

Если бы у нас был демократический парламент, то речь бы зашла об импичменте, а сейчас речь идет просто о кампании гражданского неповиновения, хотя народ к ней готов. А для того, чтобы чему-то учить народ, учителя должны быть безупречными. А кто у нас сегодня преподает философию и историю религий? Бывшая кафедра марксизма-ленинизма.

У России было два варианта: или революция сверху, или демократическая революция снизу. У Ельцина и Горбачева мало что получилось, хотя они и пытались вводить какие-то элементы демократии. Этот вариант не прошел потому, что люди, способные проводить революцию сверху, — это люди масштаба Линкольна, Черчилля, генерала де Голля, это просветители с железной волей, которые способны подавлять сопротивление. Такие люди нечасто рождаются на Земле.

А революция снизу предполагает такой уровень гражданского сознания, которого в России нет, не было и, боюсь, не будет. Выборы это показывают. Реформа страны начинается с реформы мозгов, но умы не меняются в течение десятилетия — это слишком быстро. Хорошо бы, если через 200 лет. Надежда будет, если мы увидим перед собой генерацию просветителей, какую-то партию, которая будет состоять из таких людей, как Ганди. Пока кроме лжи, приспособленчества и желания попасть в Государственную Думу любой ценой я ничего не вижу.

Для России наступает год Апокалипсиса...

2002

ПОЖИЗНЕННО И УСЛОВНО

«Новое время», №4, 27 января

То в жар, то в холод... В какой-то момент полегчало. И зрителям, и журналистам. Показалось, отсрочка — а это уже кое-что. Можно будет пожить, можно будет поторговаться. Говорил же красноармеец Сухов, что предпочтительней помучиться, нежели сразу умереть. Абдулла ведь предоставил ему выбор. И государство каналу ТВ-6 тоже предоставило. Или сразу прикончат, или надо отречься от Березовского (пока только как от владельца канала, мажоритарного акционера с 75 % акций).

Можно, конечно, не ставить вопрос так вот, лирико-патетически. А написать, что журналистололюбивое государство спасло коллектив ТВ-6 от тенет олигарха, и теперь самостоятельная и независимая телекомпания получит от государства большую метровую волну, прямо-таки девятый вал, а вместо утраченного нечистого олигархического приданого будет осыпана золотым дождем экологически чистых бюджетных денег (исключительно за красивые глаза Евгения Киселева) и поплывет по теплым водам управляемой демократии, куда ей вздумается. Только не хочется отнимать хлеб у Михаила Леонтьева, министра Лесина и помощника президента господина Ястржембского. Ведь именно это они уже сказали или еще скажут. Хотя солидные и положительные люди утверждают, что президент дал свои гарантии, когда сказал, что ему нравятся журналисты ТВ-6. Но журналисты что-то не выглядели спокойными и счастливыми на эфире у Светланы Сорокиной в «Гласе народа». И Ельцин как раз под Новый год за них заступился. Еще сказал, что их «заносит», но это ничего. Надеюсь, что он не переменял мнение, увидев себя в мультяэпосе «10 лет, которые потрясли нас».

Зрелище не тривиальное. Такой антисоветчины еще не держали в руках следователи КГБ с 1956 по 1988 годы.

А таких Ельцина, Гайдара, Горбачева, Чубайса, Примакова и Путина не знали и «Куклы» в самые либеральные времена сладостного начала НТВ. Последняя же серия «Альпинисты в горах» вообще вернула команду ТВ-6 к тем временам, когда она в «Куклах» показывала нынешнего главу государства в виде крошки Цахеса из сказок Гофмана. Впрочем, сатира должна быть безжалостной. Хорошо бы это понимали ее объекты...

Хотя счастливая жизнь НТВ при Ельцине должна была бы, казалось, смягчить самые суровые журналистские сердца. Но, слава богу, не смягчила. Поэтому есть надежда, что и тревожная и несчастная жизнь ТВ-6 при его преемнике не позволит журналистам впасть в лояльность, неуместный оптимизм и внутреннюю цензуру. Дозированно всё это, конечно, уже появилось, но истина, как говорил Ренан, в нюансах. Авось что-нибудь да уцелеет. Хотя блистательная и очень нужная и власти, и народу, и интеллигенции программа «Итого» уже пала жертвой стрессов, терзаний и грозowych туч бурного постельщинского периода. Кажется, у автора и ведущего настолько испортилось настроение, что ему понадобилась какая-то иная, менее легкая, форма юмора. Хорошо бы, если его кровожадному очередному сатирическому проекту было бы где реализовываться. Частица «бы» теперь будет непременно сопутствовать нашим телевизионным чаяниям на будущее, и не только телевизионным.

Борис Николаевич худо-бедно был гарантом не только по должности, но и по сути. Отчасти по сердечной склонности, отчасти по масштабу своей великодушной натуры, отчасти потому, что его власть была слабой и сильной стать едва ли могла, потому что российское массовое «болото», темные силы «силовиков» и фундаменталистов не могли простить ему Августа и Октября, ликвидации СССР и «соцлагеря», Гайдара и приватизации, болезненного входа в капитализм и любви к друзьям Биллу и Гельмуту. Здесь было не избежать опоры на журналистов-западников и соответствующих интеллигентов, которым было ясно, что они теряют вместе с Ельциным. Но в одну жуткую новогоднюю ночь всё это кончилось, и каналы со зрителями зависли в пустоте. Конечно, Владимир Гусинский получил НТВ за «заслуги перед престолом». Ну и что? Если этот престол был единственной опорой гласности, дарованной Манифестом от того Августа. Гусинский работал на свою же безопасность,

да еще канал получил, да кредиты по сходной цене. При этом можно было — за ту же цену — критиковать власть, смеяться над Ельциным, обличать чеченскую войну. А гонителя «Кукол» Ильюшенко увидеть в Лефортове. Весьма выгодный контракт для всех сторон: для журналистов, для зрителей, для страны.

Была ли это свобода? Была ли это независимость? Конечно, деньги, взятые у «Газпрома», делали свободу, заложенную в ссудную лавку, временной, но никто же не верил, что наступят такие свинцовые времена, когда кредит придется отдавать. Энтэвэшникам казалось, что всегда будут солнце, небо, они... А всесильный КГБ будет в лице Филиппа Бобкова чем-то вроде золотой рыбки у канала на посылках... Не знаю, пришлось ли Гусинскому заставлять свою команду предать Чубайса и его сподвижников. Но помню, что не все программы этим занимались. Это в конечном итоге и погубило самого Гусинского и его НТВ. Даже тошно вспоминать об этой цепочке предательств: НТВ предало реформаторов, а в апреле, во время Апокалипсиса-1, реформаторы предали НТВ.

Что ж, назначенный золотой рыбкой КГБ умеет оставлять всех у разбитого корыта и с подмоченной репутацией. Мы не жили еще при власти, которая давала бы больше свободы, чем олигарх (даже и при Ельцине правительственные газеты были серы и скучны, а неформальный «Президент» Льва Шимаева фактически, до неприличия, сервилен). Может быть, такие счастливые страны и есть. Но это точно не постсоветское пространство. Олигарх сажает своих журналистов на очень длинную цепь. Длинную и легкую. Если, конечно, не соглашаться на персональный намордник, как Сергей Доренко. У сильной российской власти, не нуждающейся в либеральной низкорейтинговой интеллигенции, эта цепь будет короткой и тяжелой. Вообще-то на своего олигарха НТВ не жаловалось. К общественности не апеллировало, митинги не собирало. Олигарх по сравнению с мощным государством вообще безобиден: нет у него армии, прокуратуры, Арбитражного суда, тюрем, спецслужб, ядерных боеголовок, а у особо обделенных судьбой нет даже ни нефти, ни газа. Но олигархи кончились, а государство осталось. Конечно, бесконечно демонстрировать «Лебединое озеро» на ТВ-6 власть не будет, и не ради той деревни под Самарой, где мечтали смотреть тот канал. А ради престижа перед лицом Запада.

Как писал прозорливый Евушенко о Казанском университете, но и для телеканала подойдет: «“Но что подумают на Темзе?” — прикинул трезво царь в уме. — “Уничтожать? Мон Dieux, зачем же?” — “Исправить!” — было резюме. Магницкий понял умно должность. Легко понять и дуракам: исправить — это уничтожить, но только не под барабан».

Конечно, Березовский все равно в Лондоне, и российской собственностью ему уже не пользоваться. Конечно, больше идти несчастному коллективу некуда. Им придется взвешивать слова и не упоминать имя президента всуе. Такими гордыми и прекрасными, как на своих митингах, они больше не будут. Сознывая это, они благодарили Березовского в прямом эфире, в сущности извиняясь перед ним. Если частоту и дадут, то за хорошее поведение. ТВ-6 приговорено к пожизненному условному сроку контроля, досмотра, курирования, патронажа. И секиру от корня дерева уже никто не уберет.

НАКОЛКА ВРЕМЕН КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ

«Новое время», №5, 3 февраля

Некоторые наивные и забывчивые демократы с девичьей памятью и юношеским пылом попадали со стульев, кресел и диванов, подавившись птифурами, когда лидер государства произнес в Париже и в Варшаве роковые слова о том, что Сталин хоть и диктатор, но с его именем народ победил в Великой Отечественной войне; да и сталинские репрессии никак нельзя поставить на одну доску с нацизмом. Однако падать и давиться нужно было много-много раньше, в том числе и собственными словами и автографами. Неосталинизм, или самодержавие, или фундаментальный этатизм возникают в России с железной периодичностью морских приливов. Российский макрокосм генерирует эти сбросы всяческих потуг, попыток и начинаний демократически и прозападно ориентированных микрокосмов всякий раз, когда кончается время отлива, когда оттепельные лужи затягивает морозом. По Зинаиде Гиппиус: «Морозом выпитые лужи чисты и хрупки, как хрусталь, дороги грязно-неуклюжи, и воздух сковывает сталь».

Именно это сегодня мы и наблюдаем, как бабочки на булавке, собранные временем в один альбом с этикетками, точно классифицирующими наши семейства, отряды и виды. Олигархи. Сепаратисты. Независимая пресса. Вольные экологи. Изменники царю и Отечеству. Всякой твари по паре. Ужасные слова президента РФ, однако, имели вполне неожиданные прецеденты. В знаменитом «Письме тринадцати», подписанном не функционерами КПРФ, а олигархами, в том числе и нынешними кандидатами в узники совести Гусинским и Березовским, содержалось предложение вместо выборов помириться с коммунистами на формуле, утверждающей, что в советском прошлом не всё было так уж плохо и многое достойно уважения. А здесь как было обойтись без криков «За Родину, за Сталина!», без имперского самодовольства и греющих душу воспоминаний о «великой державе», без советской неприязнительности, радующейся бесплатным пансионатам (оборотной стороне дорого оплаченных концлагерей), без самопальной народности, кичащейся своей неумытой духовностью перед чистеньким и прозаическим Западом.

«И наколка времен культа личности засинеет на правой груди». И здесь одной президентской груди было бы мало. Амбразуру перестройки и реформ закрывал не он один. «Письмо тринадцати» — это был пролог. Черный квадрат шестого канала с футболом, то есть перманентным голом в свои, российские, ворота, — это из эпилога. Слова президента годятся на обложку. А книгу писали коллективно, все, кому не лень. А если бы Ельцин согласился? «Десять лет, которые потрясли нас» точно бы не появился.

Договор об общественном согласии, который предложили подписать думским демократам и который действительно подписал Егор Гайдар (не зная еще, что Зюганов подписать откажется), — это целая глава в книжицу. Соглашаться бы пришлось по формуле ценных моментов прошлого (или забвения того, что было в прошлом).

День примирения и согласия на 7 ноября; легитимация красного флага Победы; дикторы ТВ-6, успевшие в прошлом году с примирением нас в этот день поздравить; Григорий Явлинский, заявляющий в эфире, что Ленина похоронят наши дети (кстати, Путин почти дословно повторил слова нашего демократического лидера и основания привел те же), — это всё строчки, абзацы, главы в ту

нашу общую Черную книгу незадавшейся демократии. Страна не хочет уходить со своего гноища, и даже некоторые статусные демократы не хотят. Кто-то возил в Брюссель подписи против действий НАТО над Белградом (демократы), а кто-то самолет над Атлантикой разворачивал (реакционеры). У кого что было. Не у всех есть самолет. Не важно, что у вас на правой груди: Маринка в анфас или Лубянка в профиль. Главное, что на левой груди — профиль Сталина.

Да и в прекрасной книге Егора Гайдара «Государство и эволюция» есть весьма спорные строки о том, что надо было договариваться с номенклатурой (естественно, красной: другой не было) насчет собственности и власти, чтобы не было гражданской войны.

Так что неосталинизм создавался по кирпичику на всенародном субботнике и агрессивными левыми, и пассивными правыми, и робкими демократами.

Неосталинизм не обязательно предполагает массовые репрессии. Но обязательно предполагает массовый конформизм. Когда все хаты с краю и все рубашки вплотную к своему личному телу. Тогда на слово «гестапо» будут реагировать болезненно, а именины КГБ и ВЧК отмечать 20 декабря каждый год. За «фашиста» потащат в суд, а на «коммуниста» и «чекиста» даже не обидятся. Еще и сочтут за комплимент последнее определение.

Фундаментальный этатизм — это консервация своих пороков, неудач и комплексов. А вертикаль власти не останется одна на стройплощадке: сразу обрастает стенами, крышей, запорами, ставенками. Улитка не может выжить без раковины.

С XVI века страна столько раз закрывалась в тоталитарно-успокоительную нирвану, растворяясь в блаженном состоянии своей «особенности» (и, как неизбежное следствие, своего пребывания в теплом лоне «особизма», где некоторые специальные органы заботятся о душевном здоровье всех остальных, в том числе и печатных, и электронных), что возникает вопрос: а не является ли эта раковина нашей естественной средой обитания?

С точки зрения самодержавной народности, независимый телеканал — вообще нонсенс. И закрыть его все равно, что законопатить щель, чтобы не тянуло холодом. Чтобы никто от ледящей правды о нашей сущности не простудился.

Изоляционизм — это перина, которая большинство греет, а меньшинство душит. Журналисты ТВ-6 — это как раз то меньшинство. Задушенное заботой, любовью, охранительством родных охранных структур.

Хрущевская оттепель кончилась апологетикой Сталина. А потом посадили Бродского.

Станут ли сажать безработных журналистов ТВ-6 за тунеядство? Не думаю. Достаточно выбросить в снег. Об остальном позаботится Дедушка Мороз, венчающий каждую оттепель России своим мягким, белым и очень стабильным саваном.

СИЛА ЧЕРЕЗ ГАДОСТЬ

«Демократический выбор», №6, 14 февраля

Кажется, мы присмотрели-таки себе национальную идею. По Сеньке и шапка: из старого арсенала, из дедушкиного сундука, пополам с нафталином и молью. Мы же были в области балета впереди планеты всей? Енисей уже раз перегородили, ракет понаделали, хоть дорогу до Луны ими мости.

Из всех предметов национальной гордости осталось только артикулы выделывать и ногами дрыгать. Тем паче что лучших балерин и танцовщиков, дирижеров и музыкантов мы давно прогнали в Европу. Путинская Россия — место для творческой интеллигенции неподходящее. Если не волки, то уж чекисты точно воют под окнами, по полям на Северном Кавказе жиреет воронье, а по пятам война грохочет вслед... Телеканалы казнят на электрическом стуле, только что не врубают, а вырубает. А народ не врубается, что всё это значит. Хотя пора уже петь про Россию на слова Визбора: «Ты мой лагерь, дружок, ты мой лагерь, ты мой лагерь — я твой арестант».

А у творческой интеллигенции ноет в зимнюю распутицу генетическая память. Многовато кругом тортиков и подушечек с ликом Путина, его бюстиков, его календариков, вышитых салфеточек с президентом и разных сувениров типа «Путин в пепельнице», «Путин в берете», «Путин в банке», «Путин в танке», «Путин в лодке», «Путин в околотке», «Путин переходит через Альпы». А тут еще много портретов в стиле Кипренского по художественным салонам повешено. Вот и боятся балерины, певцы

и поэты, что скоро их заставят оды в честь Путина писать или оратории для него разыгрывать.

Поэтому без балета придется обойтись. Дрыгать ногами просто, не под музыку и без всякого эстетического наполнителя. И чтобы не было пагубных ассоциаций типа «Утро стрелецкой казни ТВ-6». Танец маленьких путенят к утру в федеральном эфире сопровождался одним ноу-хау питерских интеллигентов. Вместо клюшек, мячей, травки и кроссовок они показали «Лебединое озеро». И ассоциации полезли из народа, как пена из горлышка бутылки с шампанским. Так что лучше не надо балета. Бог с ним совсем. Лучше спорт. Он достаточно традиционен для тоталитарных государств, тем более что мы тоталитареем прямо на глазах. Режим маленького капрала во Франции. Режим генералиссимуса в СССР. Режим черных полковников в Элладе. Режим генерала Пиночета в Чили. Режим фаланги генерала Франко в Испании. Режим фельдфебеля в Германии. Почему бы нам не завести себе режим серого подполковника?

Спорт безобиден только при демократиях. Английские джентльмены играют в гольф и крикет. Американские школьники играют в футбол, регби, баскетбол. Но в гитлеровской Германии, сталинском Советском Союзе и путинской России спорт может стать орудием убийства. Только что на глазах у всей страны и всего мира насмерть забили хоккейными клюшками ТВ-6. Какой там счет не в пользу российской демократии? Кто быстрее всех дойдет вместе? Кто дальше всех прыгнет за подачкой в руке у хозяина? Кто возьмет все моральные барьеры на пути к теплomu местечку? Кто ниже всех поклонится? Кто в нашем политическом цирке лучше всех сработает «каучук», показывая невиданную гибкость, совсем как у пресмыкающегося? Кто пройдет сквозь медные трубы славословий и хвалы по струночке? Кто выпишет больше нужных фигур на льду? Кто на государственном конике едет и ему же песенку поет?

Россияне — люди ученые, они будут делать что скажут. Помните, у Оруэлла Уинстон Смит утром занимается гимнастикой под бдительным надзором инструкторши с телеэкрана? Так то был «84-й». А «2002-й» не хотите? Некоторые крепостные бизнесмены уже дали интервью, что если прикажут, то они готовы проводить производственную

гимнастику на своих фирмах. И проведут. А потребуется — и показательные порки введут, и показательные казни. Тем паче что на шестом канале такая показательная казнь при полных трибунах уже состоялась. В режиме online. Правда, при отключенных компьютерах.

Охота, кстати, тоже спорт. У нас сейчас Кремль увлекается охотой на ведьм. И ведьмы-то всё — ученые типа Владимира Данилова, или журналисты типа Григория Пасько, или дипломаты типа Владимира Моисеева. Качественные ведьмы. Грамотные. От Григория Пасько, разведя под ним маленький костерчик, как раз сейчас требуют, чтобы он признался, что продал душу дьяволу (или японскому микадо). До испанских сапог или дыбы еще не дошло, но у нас ведь и предварительное тюремное заключение по международным стандартам является пыткой. Пытать ученых, дипломатов, журналистов, то есть столь ненавидимых ими интеллигентов, — это тоже спорт для наших гестаповских спецслужб.

А то еще авторалли. Тоже спорт. Спортсмены из президентской команды устраивают засаду в Кремле и ждут, когда мимо проедут Алексей Венедиктов с «Эха Москвы» и Евгений Киселев. А как проедут, так сразу кидаются, выскакивают из засады, гонятся и машину отбирают. Такое вот авторалли.

Сбылись мечты Александра Лебеда: вся страна занимается спортом в режиме «упал — отжался». Дисциплинарный батальон.

Владимиру Путину, видимо, не дает покоя слава лучшего друга советских физкультурников — того самого Иосифа Виссарионовича, о котором он недавно столь уважительно отозвался в Польше. Диктатор, конечно, но великий полководец. Войну выиграл. Тоже вид спорта для диктаторов: одна гадина другую задавила. И если бы они еще на стадионе этим занимались, а то заодно прикончили несколько десятков миллионов людей, которые охотно не участвовали бы в этом командном забеге, а пожили бы еще. Особенно детишки: евреи, цыгане, японцы, немцы, белорусы, русские, сожженные атомным огнем, разорванные бомбами «летающих крепостей», задушенные в газовых камерах, умершие от голода в блокадном Ленинграде. Война — любимый вид спорта и для фельдфебелей, и для подполковников. Немцы-то давно от такого вида состязаний

отказались, а у нас сейчас как раз зондер-команды ставят рекорды в Чечне: кто больше мирных жителей зачистит за день? И скальпы предъявляют. Или отрезанные уши...

Оцеола, вождь семинолов. Верховный главнокомандующий армии РФ, предводитель людоедов. Тоталитарные режимы любят румяных, бездумных, марширующих строем. У Гитлера было множество спортивных организаций. Например, такая, как «Сила через радость». Спорт, пикники, экскурсии, обожание вождя. Так что наш путинюгенд, «Идущие вместе», основы своих славных предшественников явно проштудировал.

В тоталитарных государствах сила через радость всегда оборачивается силой через гадость. Сейчас у нас впереди наметился новый вид спортивных состязаний: гладиаторские бои. Это я про конкурс на 6-ю кнопку, на который записалось уже несколько мародеров: от православных попов, решивших и кесарево, и Божье снести Кесарю, до спортсменов, таких же нехристей, как верхушка РПЦ и кремлевская администрация. Представляете: на арене команда Киселева, которую скармливают зверю-государству, как христианских мучеников — львам? Против них и президент, и правительство, и госбюджет, и армия, и ФСБ, и Дума, и ползущее большинство. Какой конкурс у безоружных мучеников может быть со львами? Придется, видя этот «пир победителей» на 6-м канале, объявить бойкот спорту до конца путинского президентского срока. Главное — не оказаться с ним в одной команде.

ПРИХОДСКИЕ ВЕДОМОСТИ

«Новое время», №8, 24 февраля

Невоспитанные светские насмешники, коим место в геенне огненной, любили повторять эту пословицу Даля: «Как-ков поп, таков и приход». Причем как до 1917 года, так и после оного. В начале времен, возможно, так и было. По словам доброго, но скептически настроенного христианина Алексея Константиновича Толстого, в похвальном желании обратить Отечество в христианство, увы, присутствовал не только административный ресурс, но и некие полицейско-административные чаяния: «Перун уж очень гадок! Когда его спихнем, увидите, порядок какой мы заведем!»

Но далее, по мнению классика, кадры решили всё, и попы, с которыми заключили контракт на обслуживание, не сумели управиться с приходом. «Послал он (Владимир) за попами в Афины и Царьград, попы пришли толпами, крестятся и кадят. Поют себе умильно и полнят свой кiset; земля, как есть, обильна, порядка только нет».

Видимо, вопрос о порядке на языческой Руси стоял столь же остро, как и в Российской Федерации, где так усердно пытаются воткнуть в песок вертикаль власти. А то, что ни дома, ни вертикали на столь зыбком фундаменте построить нельзя, строители не понимают. Опять-таки потому, что в Священное Писание заглядывали только мельком и усвоили одну строчку: «Нет власти еще не от Бога». Жизнерадостные стихи Толстого свидетельствуют о том, что наши правители еще тысячу лет назад почему-то ждали, что христианство не столько просветит народ, сколько сделает его управляемым, хотя христианство не вожжи, не шоры, не удила и тем более не колючая проволока с вышками по периметру.

А еще эти стихи из «Истории государства Российского» свидетельствуют об очень малом уважении почтенного поэта, графа и придворного, к официальной православной церкви 50—60-х годов XIX века. А ведь А.К.Толстой не нигилист какой-нибудь. Второму Толстому, Л.Н., еще хуже пришлось: дошло до анафемы. А ведь он, конечно, был вольнодумец, но даже не воинствующий атеист. Третий же представитель писательского сословия с той же фамилией, А.Н.Толстой, уже не верил ни в Бога, ни в черта.

И именно потому, что церковный официоз тогда был таким же, как наша сегодняшняя РПЦ, столь же неформальная, как канцелярское делопроизводство, и столь же свободомыслящая, как монастырский послушник. Своей косностью, золоченой византийской спесью она внушила неприязнь к себе почти всем образованным людям эпохи.

Изуверство с анафемой в адрес Толстого повторяется на наших глазах.

Уже проклинали НТВ, Скорсезе, конкурентов-католиков и протестантов. Уже записались в очередь на шестую кнопку, забыв, что те, кто делил ризы распятым на Голгофе, назывались палачами. Уже призывали юношей идти на бойню в Чечню.

Все те же старые грабли, все та же ржавая уваровская триада: и самодержавие, и православие, а вместо народности

изоляция и кондовая исконность сталинской гимнастерки и сапог вместо традиционных лаптей.

И раз уж Церковь решила, что надо стремиться к Востоку Ксеркса, а не Христа, то с властью ей по дороге.

И власть не стесняется и плюет на этикет. Ей же нужна хоть какая-то идеология — мрачная, недобрая идеология отставших на три века изолянтов, утопающих в самодовольстве и ксенофобии. Черные тени Третьего Рима, сверхдержавы, которая уповала не на Бога, а на ядерные боеголовки, да и сегодня верует исключительно в них.

И ведь проблема не в куриных окорочках и табаке — нет никакого греха в коммерции, в желании заработать на достойную жизнь. Дело только в том, что если одной конфессии достаются ножи, то не мешало бы оделить другую хотя бы крылышками. Православным — табак, мусульманам — пиво. Без преференций. Без постоянных умильных сцен братания президента с православными иерархами и публичного почитания православных святых.

Всё это совсем небезобидно. Мы рискуем вернуться к язычеству советских времен или к старому доброму Перуну, прообразу минобороны. Когда я работала в эпоху застоя в научной библиотеке II Меда, серые тома «Истории КПСС» студенты называли «Закон Божий». Обратный путь возможен, и его нетрудно пройти. Если вколачивать христианство насильно, если вызывать к нему подневольную ненависть и ритуальную скуку, то РПЦ довольно быстро займет место парткома.

Конечно, это наследие дооктябрьского официоза (помните крестившегося еврея Александра Ивановича из рассказа Чехова «Перекасти-поле», который не мог быть учителем в сельской школе, не приняв православия?), но ведь дооктябрьский официоз, не обративший внимания на евангельский феномен великой княгини Елизаветы и ее служения, дождался, что большевики закрыли церкви, сшибли кресты, убивали священников, а народ не вступился, хотя и в Грузии, и в Армении, и в Польше, и в Западной Украине верующие не дали ликвидировать Церковь. Потому что там Церковь была другой, и люди веровали, что их священники и иерархи чисты и праведны. Поэтому Литовская католическая церковь пошла в советские лагеря, а из РПЦ туда отправили (сами иерархи, конечно) только отца Глеба Якунина, отца Виктора Смирнова — и еще нескольких...

Зачем заниматься миссионерской деятельностью, если ты собираешься применить государственное насилие? Насильно встанете под гимн, насильно будете ходить в церковь...

Вместо миссионерства РПЦ пока занимается зачистками среди других конфессий. Как государство среди сепаратистов, других партий, других телеканалов и радиостанций...

Такие вот новости из нашего прихода.

ИСКУССТВО КИНО

«Новое время», №12, 24 марта

Нелегкая судьба журналиста и не менее тяжкая участь российского демократа загнали меня в Лондон, колыбель российского либерализма (все-таки Герцен был не социал-демократ), пристанище российских эмигрантов (не будем к ночи поминать Ульянова, но ведь и Буковский, и Резун-Суворов тоже обретаются там, да и Ратушинская жила там до недавнего своего возвращения). Российские нынешние власти, такие же либеральные и широкомыслящие, как их предшественник по части укрепления вертикали власти Николай Павлович, загнали в этот самый Лондон очередного диссидента — Бориса Абрамовича Березовского. В силу мощной российской традиции протеста и инакомыслия, на которых стоит наша интеллигенция (а ведь и повешенной за это дело ей часто случалось быть), любой образованный изгнанник в Лондоне, если изгнала его власть, страдающая иммунодефицитом в плане демократии и тяги к свободе слова и печати, да еще и воюющая на Кавказе (что в XIX веке, что в XXI), станет Герценом, будет издавать тот или иной «Колокол» (на фотопленках, в оформлении УМСА-Press, в кассетных коробках с надписью: «Либеральная Россия. Мы хотим знать правду»).

Березовского разбудили демократы. И он развернул революционную агитацию. В Россию опять идет самиздат, но уже не в виде журналов, а в форме видеокассет. И поскольку отныне это всё увязано, и на веки вечные они теперь в обнимку: «Либеральная Россия» и Борис Березовский на фоне крамольной ленты «Покушение на Россию», но стоит послушать, как это выглядело всё вместе по ту сторону Ла-Манша. Вы очень удивитесь, но выглядело всё

это очень хорошо. И фильм хороший, гневный, талантливый. В нем нет ответа, в нем есть зловещий знак вопроса.

Но в российском демократическом обиходе знаки вопросительные имеют тенденцию становиться восклицательными. Если долго нет ответа сверху. А ответа нет. Есть только брань и угроза. Или молчание, что тоже не ответ.

Словом, и фильм был хороший, и демократы (20 человек из регионов), привезенные в Лондон на конференцию депутатами Юшенковым, Рыбаковым и Похмелкиным, тоже были хорошие. Это те самые остатки «Демвыбора», которые некогда по идейным соображениям встали под знамена Гайдара и Чубайса, а ныне в ужасе убежали из СПС, ибо стать соучастниками власти, ведущей такую войну, поющей такие гимны и так лихо равноудаленную телекомпания от эфира, для них хуже смерти (не только политической).

Я видела этих людей на съездах ДВР. Их нельзя купить. Да и что за цена — поездка в Лондон, приличный отель на три дня, посещение мюзикла? Самолет был набит россиянами, летевшими в Лондон на 8 Марта, россияне бродили по Сохо, да и либералы нынче не самые голодные, оборванные из россиян.

Вы будете смеяться, но и Березовский тоже хороший. Не знаю, какой он был олигарх. Не видела вблизи олигархов. Но сейчас он верует в Бога, в народ, в демократию. Хочет сокрушить ФСБ. Вписался в демократическую тусовку. Избавил Россию от Примакова, хочет избавить от Путина, а власть вручить демократам. Никакой личной выгоды. Похож на идеалиста, на наивного шестидесятника. На Макиавелли не похож совсем. И вы хотите, чтобы демократы к нему не пошли? «Он тоже заговорщик. И некуда податься, кроме них...» Союзы складывались разные. Союз Ельцина и Межрегиональной группы; Милована Джиласа, правой руки Иосипа Броз Тито, и диссидентов; князя Хованского и диссидентки Марфы. Да и кому нужно, чтобы все было иначе? Чтобы Березовский был жулик, чтобы демократы были продажные, чтобы фильм был плохой и провокационный? Уж не друзьям российской демократии, правда? Скорее, друзьям того ведомства, к которому у создателей фильма столько вопросов.

А теперь о главном герое — о фильме. Уже не в первый раз искусство кино бросает нам в лицо наше прошлое и спрашивает: «Как вы смели это забыть?» Фильм снимался

не на деньги Березовского (он только выкупил русскую версию). И не по его заказу. Французские кинематографисты решили задать свои вопросы. Как тогда, в 1961 году, когда они же сняли ленту о забытом нами разведчике «Кто вы, доктор Зорге?» — и он посмертно получил свою звезду...

И вот этот художественный фильм, достойный Каннского фестиваля. Документальный, да. Но ведь «Архипелаг» тоже основан на документах, но не только на них. Еще на страсти, на тоске, на ненависти. Откуда это у французов? А оттуда, что Россия — не остров, а часть суши, что колокол Чечни звонит по всем; что контору «Аэрофлота» заклеили листовками против войны именно в Париже; что правозащитник, пробравшийся в горы помимо федералов, тоже француз, Андре Глюксман...

Конечно, настоящие демократы сделали свои оргвыводы уже назавтра после вторичного введения войск в Чечню. И у меня не поднимается рука их укорять за то, что они легкомысленно бросили камень в такую чистую и светлую организацию, как ФСБ. Но если рассматривать фильм с юридической точки зрения, то там, конечно, нет evidence типа «убил и закопал и надпись написал». Нет приказа с печатью, нет признаний типа: «Я взрывал дома по приказу имярек (отдел, должность, звание)». Но присяжные Европы, США и Российской империи часто выносили вердикты на основе косвенных улик, а их много. И весь метод индукции и дедукции а-ля Эркюль Пуаро и Шерлок Холмс основан на этом.

А главное — реакция обвиняемых. Истерика Генпрокуратуры с обещанием доказать, что Березовский финансировал сепаратистов и крал генералов. Конфискация 100 кассет. Отказ (панический) всех каналов демонстрировать фильм. Угрозы иных должностных лиц среднего эшелона наказывать в уголовном порядке за распространение кассет. Заявление Чубайса, что власть вне подозрений. Заявление Лужкова, что органы — вне подозрений. С такими субтитрами убедительность ленты скоро перевалит за отметку 100 %... Ведь даже Би-би-си, у которой закупили 100 пустых кассет, испугалась своих букв на обложке и просила Березовского подтвердить, что они к фильму внутри коробки непричастны. Значит, есть чего бояться? Значит, возможен скандал и санкции в форме лишения аккредитации?

Фильм поплыл по России, но остается главный вопрос: люди, которым безразлична взорванная Ичкерия и десятки тысяч мирных жителей, погребенных под ее руинами, способны ли возроптать из-за взорванных российских домов? Злодеяния Сталина разоблачены, но это не остановило тех, кто возвращал его гимн или до сей поры видит разницу между ним и Гитлером...

ПРОФСОЮЗ ТОВАРИЩА ВАРМАЛЕЯ

«Новое время», №14, 7 апреля

У терроризма, как правило, грошовая эстетика. В стиле Кинга, развесистой клюквы и детских ужасиков Корнея Ивановича Чуковского. И чем больше террористические агитпропы стараются, тем смешнее и безвкуснее выходит результат. Это даже не передвижники, это не Кустодиев, это просто Таможенник Руссо или лубок.

Массовая культура вообще не включает в себя индпошив, а конвейерная штамповка определяет цену, и цена не может быть слишком высока. Блокбастер, балаган, расписные матрешки — вот с чем у меня ассоциируется террор, причем во всех артгалереях планеты, от Нечаева до «Красных бригад», от Че Гевары до шахидов Палестины. Серьезность и глубина уровня хорошей психологической прозы, Театра на Таганке или фильмов из рубрики «Кино не для всех» предполагают штучный товар, уникальность, некий трагический эксклюзив.

Прометей был один. Один против богов. Поэтому Эсхил — это трагедии. Один Прометей, один Орест, одна Электра. Одна Антигона у Софокла. Один Эдип. Перводанность, первичность, уникальность мифа. Формула Цветаевой: «Одна за всех — из всех — противу всех».

Шарлотта Корде была одна, и она погибла, и кинжал ее был направлен против убийц. У Пушкина про массовый государственный террор Марата написано: «Презренный, мрачный и кровавый, над трупом Вольности безглавой палач уродливый возник. Апостол гибели, усталому Аиду перстом он жертвы назначал...» А про индивидуальный теракт Шарлотты Корде совсем другое: «Но высший суд ему послал тебя (кинжал) и деву Эвмениду».

При этом недостаточно мотивированный, массовый и трусливо-безопасный (никто из террористов не пострадал) акт ликвидации Павла I нашел у Пушкина очень мало сочувствия, как, впрочем, и сама жертва. «...О ужас наших дней! Как звери, вторглись янычары! Падут бесславные утары... Погиб увенчанный злодей...»

Эстетика раннего российского терроризма была аскетична, чиста и, пожалуй, даже в стиле Эсхила. Это ведь очень серьезно: убить и умереть. Правда, дело Каракозова — это чистая достоевщина: истерика, транс, отсутствие разумной мотивации. Некий собирательный образ из трех братьев Карамазовых: чистота помыслов и цельность идеализма — от Алеши, философский подтекст с идеологическим нигилизмом на почве гуманизма — от Ивана, экспрессия, дикая страсть, безумие оголтелой слепоты — от Мити.

Вера Засулич — это наша Шарлотта Корде. Ей не хватило только гильотины, поэтому ее дальнейшая деятельность не была увенчана лаврами, если не считать нескольких веточек от марксистских историков. Поэтому элемент пародии в истории Засулич присутствовал. Если дошло до револьвера, значит, в стране должна быть беспросветная тирания. Ни суда, ни управы, ни просвета. Якобинский террор. Нерон. Сталин. Гитлер. Дзержинский. А какой якобинский террор может быть, если тебя судят судом присяжных, открыто, да еще оправдывают?

Стриженные курсистки, 1 марта, «нигилисты в поддевках» и «студенты в пенсне», «повесть наших отцов», воспетая Пастернаком, — это некое разложение древнегреческого черно-белого мифа в проблемную драму, где неизвестно, кто симпатичнее, то ли герой с кинжалом, то ли жертва в мундире.

И если Степняк-Кравчинский в своем «Андрее Кожухове» и Юрий Трифонов в «Нетерпении» создали трагическую, высокую мелодию, эстетику ограниченного видения изумрудов на башнях Изумрудного города и драгоценных бульжников их мостовых, для чего жителям выдавались зеленые очки, то взгляд на эту художественную проблему с нейтральной полосы, равно чуждой и III отделению, и «Народной воле», скорее, взыскует стилистику и идеологию Кафки, чем греческую мифологию, потому что не тянул Александр II с его реформами ни на Нерона, ни на царя

Ирода, да и социальная утопия в качестве мотива — это полный абсурд, и сочувствовать ему может скорее психотерапевт, чем поборник прав и свобод.

Желание получить с неба луну, конечно, очень симпатично для поэта, но поэзия и убийство — это вещи несовместные. Немотивированный героизм — это всегда дорога вниз. И чем небрежнее становились народовольцы в обращении со взрывчаткой (то 40 солдат Финляндского полка, неизвестно за что взорванные, то поезд, где могла бы погибнуть и семья царя, то кучер и мальчик-подмастерье, погибшие при первом взрыве 1 марта), тем ближе к «Бесам» они становились.

Ведь эсеры — максималисты, и их предтеча Нечаев, анонимный герой «Бесов», — это уже ужастик о Фредди Крюгере с его ножницами вместо руки. Джек-потрошитель, Фредди Крюгер, Нечаев, бен Ладен, «Красные бригады», Баадер и Майнхоф, шахиды, бросающиеся на небоскребы и израильские дискотеки, — это уже исключает соперничество. Остается ужас. Ужас, брезгливость, тошнота.

Бойня. А на бойне нет героев, есть мясники с ножами в руках. Примитив «Сендеро луминосо», мерзавцев, взорвавших дачу Столыпина и искалечивших его дочь, положивших очень много посторонних (но не самого министра), лубок разделения мира на пузатых империалистов с карикатур из «Крокодила» и пролетариев с мозолистыми руками — это всё началось у нас. На нашей почве. Отрыв от реальности не всегда приводит к воспарению, но чаще всего к падению в пропасть. Все манифесты террора, от палестинских до нечаевских, от Че Гевары до немецких журнальчиков 1970-х, высмеянных со слезами Фассбиндером и Маргарете фон Тротта, — это исповедь быковского Бармалея из «Айболита-66»: «Ах, что за рожа, ах, я пригожий, ах, сам себе я — “душа моя”, ах, я противный, ах, дефективный, ах, что за славный, кошмарный я!»

Сегодня терроризм — это еще и патологическое отсутствие хорошего вкуса. Террор — последнее прибежище бездарных глупцов, уже не одно столетие стряпающих самый патологический и самый бессмысленный боевик. Зрители должны потребовать деньги назад.

ПОЧЕМУ ДЕТКИ НЕ В КЛЕТКЕ?

«Новое время», №16, 21 апреля

Не обольщайтесь, пожалуйста. Это не государство спохватилось, и не общество встрепелулось. Это, как всегда, интеллигентское меньшинство ставит наболевший проклятый общественный вопрос. «Московские новости», «Новое время», «Новая газета» плюс аналитическая программа Леонида Парфенова «Намедни». А государство и общество взирают на скинхедов и родственные им организации безмятежно и даже с удовольствием. Общество посредством страхолюдных скинов выплескивает свои дурные страсти и комплексы злобы и неполноценности, как грязную воду. Государство напрашивается на подозрение, что оно придерживает бритоголовых штурмовиков на всякий случай: этакий карательный резерв. Уж очень оно, государство, бравитурует своим бессилием.

Ясное дело, что «скинхед» — слово не русское, этих недобрых молодцев хватает и в Австрии, и в Голландии, и во Франции. Но там они маргиналы, едва ли не в катакомбах. Там факельное шествие не устроишь. А у нас скины, того и жди, доминантой станут. И вы хорошо знаете почему. Всё начинается с настроения взрослых. А потом под зрелыми женами и мужами выстраивается лестница вниз: отроки и отроковицы; мальчики и девочки гитлерюгендского возраста; детсад. Хунвейбины (в возрасте скинов) завелись некогда в Китае не от сырости, а в тот момент, когда взрослые товарищи по партии решили, что надо брать пример со средневекового изверга Цинь Шихуанди, а бороться следует с интеллигенцией.

И вот, глядя на яблочки в виде скинхедов, мы вправе спросить, с какой же яблоньки они упали?

Озверевшая молодежь в военной форме — признак скорее тоталитарного государства, нежели демократии. Недаром же тинейджеры из Лакедемона — милитаристской, жестко структурированной Спарты — охотились на илотов, несчастных рабов, чтобы этими подвигами сдать на античный комплекс ГТО и завоевать себе звание эфебов. А в интеллигентных демократических Афинах ничего подобного не было. Только спорт, спорт, спорт.

В Германии времен Третьего рейха каждый возраст тоже был определен в соответствующую фашистскую ячейку.

Немецкие юноши и немецкие девушки, немецкие младшие школьники и немецкие подростки — всё это уютно разместилось в разных союзах и «югендах», и фюрер, конечно, был впереди. Аналогичная система расчеловечивания и поэтапной адаптации к палачеству и несвободе была гениально задумана и для СССР. Комсомольцы, пионеры, октябрята, красные дьяволята всех мастей предлагали посылную для каждого возраста жуткую задачу. И, кстати, на глазах педагогов, и даже педагогов-новаторов, на глазах у Министерства просвещения Зюганов и Анпилов снова принимают в пионеры на Красной площади. Правда, уже не всех скопом, а только детей родителей-фанатиков, таскающих чуть ли не младенцев на коммунистические митинги, но и этих немногих душ достаточно, чтобы наложить вето на право растления. Менее очевидна, хотя не менее жестко предопределена, другая черная лестница, другое крыло тьмы. Внизу всё бесстыдно обнажено: здесь злодействуют скинхеды, устраивают свои шабаши лимоновцы, невидимые руки исписывают своими нацистскими граффити заборы и стены, погибают от рук погромщиков или получают увечья выходцы из Африки, из Средней Азии, с Кавказа, а иногда и персонал американского посольства. На этом уровне всё выглядит почти как в цивилизованной Европе: экстремисты, изгои, парии, головная боль, пена, издержки цивилизации, проблемы переходного возраста. Странности и отличия от общеевропейской проблемности наступают этажом выше. Слишком часто суды освобождают молодых (и не очень) штурмовиков по амнистии, слишком часто закрываются их дела, слишком часто даются условные сроки. Причем детки-то вовсе не малолетки, да и к тому же вовсе не раскаиваются что до амнистии, что после нее. Это уровень судебной власти.

Одновременно силовые структуры, заведя свой маленький апартеид, устраивают комендантский час для выходцев с Кавказа (и вообще для брюнетов).

А выше ступенькой располагается, скажем, губернатор Ткачев с его «фильтрами» для турок-месхетинцев, армян, чеченцев и других с фамилиями, кончающимися на «ян» и «дзе». И федеральная армия с генералом Будановым и другими коллегами, которые предлагают считать противниками то ли всех чеченцев, то ли только начиная

с десятилетнего возраста. И всё это рождает в памяти такой вот римейк мелодий Третьего рейха из спектакля Театра на Таганке: «А перед нами всё цветет, а сзади всё горит. Не надо думать — с нами тот, кто всё за нас решит. Веселые — не хмурые — вернемся по домам. Невесты белокурые наградой будут нам».

А еще выше, на верхней площадке лестницы, под алыми звездами, на высоте зубчатой Кремлевской стены, и сталинский гимн, и снежные пики КГБ, омытые апологетикой, и чеченская «антитеррористическая» операция, прозорливо начатая ради профилактики за два года до атаки на Нью-Йорк. Так что выстраиваются две железные черные последовательности: от кремлевских горних высей до последнего скинхеда, от политбюро КПРФ до маргинальных юных пионеров. Страна отравлена расизмом и насилием, и с каждым глотком воздуха нестойкие, не имеющие иммунитета и опыта юные организмы впитывают всю эту дрянь. А поскольку дрянь передается сверху вниз, поскольку господин Леонтьев вещает именно с ОРТ, а раньше там же обретался господин Невзоров, мы имеем право говорить о сознательном растлении поколения. Не одни, так другие. Между Сциллой фашизма и Харибдой коммунизма очень трудно проплыть, не заразиться, уцелеть.

И хотелось бы сказать, что скинхедов надо запретить. Но как же запретить следствие, не запрещая причины? Тогда давайте запретим и комитет господина Рогозина в Госдуме, и губернатора Ткачева, и чеченскую войну. У нас получается какая-то «запрещенная реальность», прямо как у писателя Головачева.

А декорум и реквизит скинхедов — это некое попури из арсенала СС, ку-клукс-клана и языческих ритуалов времен Перуна. Кованые башмаки, камуфляж, нацистское приветствие, усеченная свастика — от первых; факелы и ритуальные сожжения чучел — от вторых; символическое поедание плоти и крови славянского народа — от третьих. Достаточно безвкусная эклектика из ширпотребных ужастиков (не Кроненберг). Так что, боюсь, клетка нам понадобится побольше, попросторнее, на всё общество с запасом.

ПОСЛАНИЕ К СЛАВЯНАМ

«Демократический выбор», №18

Нас опять послали. И послали очень далеко. Послали нас в апреле, так что нам туда идти и идти. Как говаривал один герой «Бесов» Достоевского, Степан Трофимович, послали нас в «страну Макара и его телят». Это я про послание президента, чувствительный пинок сапогом в место пониже спины для россиян в частности и для России вообще. Посланные далече россияне уже начинают чувствовать, что президентский поезд, где в телячьем вагоне для арестантов едут они все, идет точно по расписанию, заложенному в послание. Григорий Явлинский сразу после того, как в том самом апреле депутаты сподобились узреть В.В.Путина и услышать трубный глас с небес президентской администрации, заметил, что в послании очень много хороших слов, но непонятно, будет ли им сопутствовать хоть одно самое плевое дело. Григорий Явлинский не договорил: хорошие слова были сказаны очень плохим человеком. В этом-то вся проблема нынешнего царствования. Государь-батюшка мягко стелет. Но спать будет очень жестко. Если, узнав, что верноподданные сочиняют про родного президента гимны, ваяют его бюстики и пекут тортики с его изображением, вы вообще заснете.

Второй критик президентского «вечного зова», чувашский президент, посланий не сочиняющий, оппозиционер Николай Федоров, недавно заявил, что из текста он не понял, в каком государстве ему придется жить: при демократии или автократии. Зря он так волнуется: может быть, оппозиционерам жить и вовсе не придется. Никто же не обещал. По крайней мере два пассажира об этом свидетельствуют путем утверждения, и один — путем умолчания.

О военной реформе написана какая-то гладкая абракадабра: чем больше читаешь, тем меньше понимаешь. С одной стороны, будем реформировать (не скажешь же прямо, что никакие реформы правящей чекистской клике не нужны, кроме одной: вернуть Железного Феликса на постамент. И всё, что он собой олицетворяет). С другой стороны, не должна пострадать безопасность государства. А она, как известно, заключается в количестве генералов (на душу населения), уложенных в Чечне новобранцев (на душу

одного чеченца-партизана) и числе «замоченных» в ходе зачисток мирных чеченских жителей (на одного собровца или омоновца).

По крайней мере в других военных действиях, а значит, и в других военных угрозах федеральные силы не задействованы. В чем при этом должна заключаться военная реформа, не очень ясно. Если в переходе на профессиональную армию, то послание же ежегодное, а не ежевековое. А где-то поближе будущего столетия (или тысячелетия) никакая профессиональная армия (или даже вообще профессионализм в вооруженных силах) не просматриваются.

Что до реформаторства на почве Конституции (тоже, заметьте, российская специфика: реформа, которая выражается во введении конституционных норм!), то есть злополучная АГС, сиречь альтернативная служба, то о ней в интимной переписке с россиянами, зачитанной со всех федеральных амвонов в апреле, партайгеноссе Путин вообще ничего не сказал. Но подумал. А что он о ней подумал, то сейчас реализуется в дебрях Госдумы и в недрах минобороны. Законопроектик — пальчики оближешь! Четыре года каторжных работ! Доставка по этапу! Бывший демократ Александр Починок, выродившийся в министра (довольно распространенная у нас мутация; еще великий писатель Тургенев подметил, что наши либералы почему-то имеют замашки квартального надзирателя), даже предложил не ограничиваться лесоповалом, урановыми разработками, золотыми приисками Колымы, угольными шахтами в Воркуте, дальнейшим выкапыванием каналов (можно соединить Беломорско-Балтийский и Волго-Донской — и рукавчик в канал имени Москвы), добычей соли на Соловках и прочими народными промыслами, оставшимися с ГУЛАГовских времен (где требуются силы дешевых государственных рабов). Починок предложил новую точку приложения «рабьих трудов», до чего сам товарищ Берия не додумался. Альтернативщики нужны еще и в Заполярье, и в Антарктиде, на погодных станциях. Видно, требуется свежий корм для белых медведей. Представляете себе положение альтернативного юноши, который четыре года обречен работать на плантациях, как негр у рабовладельцев с лампасами! А в тех медвежьих углах уже ни управы, ни защиты не найдешь. Там вместо Комитета солдатских матерей — пингвины,

вместо гласности — северное сияние, а вместо ПАСЕ — волки под окнами воют.

Словом, обычная для народных легенд и былин ситуация: приносим своих малых детушек в жертву Идолишу Поганому, простите, государственной машине. То есть послание президента в этом разделе можно воспринимать по Чуковскому. Ария Тараканища: «Принесите-ка мне, звери, ваших детушек, я сегодня их за ужином скушаю». А чего вы хотите, дорогие россияне? Драконы когда-то ежегодно требовали себе в жертву по девственнице. Съедали и успокаивались на 12 месяцев. По-моему, наше государство купно с президентом куда хуже: два раза в год весенний и осенний призыв, да не по одной деве, а по несколько десятков тысяч мальчиков, чья вина только в том, что они родились в злополучной Российской Федерации. Может, стоит вместо исполнительной власти (то есть президента и К°) завести дракона? Дешевле обойдется. Это по части военной реформы.

А про экономику Путин сказал, что мы должны инвестировать деньги в свою страну, а не в какой-нибудь посторонний офшор. И его слова попали прямо нашим сатрапам в уши: известный спикер Кремля сенатор Миронов нашел способ заставить нас стать инвесторами любимой Родины. Заем! Повторить давнюю историю с облигациями государственного займа, на которые принудительно подписывали бедных совков, отнимая у них самое необходимое (билет в кино, кусок мяса, конфету для ребенка), а потом расплатились с ними по анекдоту: «Ходит по кладбищу старик, стучит палкой по могильным плитам и говорит: «Ваша облигация выиграла, ваша облигация выиграла...»» Одна надежда на то, что наше любимое Отечество на этот раз просто будет рассказывать нам про Поле Чудес в стране Дураков, надеясь на наше слабоумие, но не подвесит нас за ноги на суку, как кот Базилио и лиса Алиса, желая вытрясти из нас наши денежки. Впрочем, в послании президента вопрос остается открытым (в смысле методов, которыми нас будут заставлять инвестировать в Родину). И мы можем ломать себе голову над вопросом, подвесят или не подвесят до момента, пока нами не займутся вплотную Мавроди из Кремля. Известно же, что государственная пирамида куда выше частной. Хеопсы-то были не какими-то

олигархами, а самодержцами вся Египта. Чем выше вертикаль власти, тем выше пирамида, тем объемистей кубышка у властей, тем больше их прибыль и наши убытки. Так что если собираетесь подписаться на государственный заем, не забудьте сказать: «Рекс, пекс, фекс».

И, наконец, сюжет с кавказской войной. Как выполняется федеральными органами послание президента? И что там насчет этого дела «заслано»? «Военную стадию конфликта можно считать завершенной». Ура! Начинаем кидать в воздух чепчики. «Еще год назад мы считали тех, кто нам противостоит, сколько там бандитов и террористов: две тысячи, три, пять, десять. Сегодня для нас неважно, сколько их». Надо же, как нам везет. Всё позади. Ни террористов не осталось, ни бандитов. И войска можно вывести, и посылать в Чечню больше никого не надо. Но дальше читаем загадочную фразу: «Нужно знать, где они». Кто они? Бандиты и террористы? Но ведь военная стадия конфликта завершена! А бандитов и террористов так мало, что нет смысла их считать! Где логика, Зин? В КГБ осталась, по первому месту работы? О, эта загадочная петербургская душа президента! В Чечне столько трупов и крови, что даже если мы нелюди и не будем считать чеченские потери (в мирных жителях), но только свои, и то итог отнюдь не тянет на мирное строительство.

А по РТР ФСБ нашла заместителя Масхадова, который хотел атомную подлодку в горы угнать. Туннель Лондон — Грозный — Бомбей, видимо, найдут на днях. Но не ждите от президента разъяснений. Вопросы задает только одна сторона. В крайнем случае наш надежда-президент станет цитировать свое же загадочное послание. «Я к вам пишу — чего же боле?»

ПРОКРУСТОВО ГОСУДАРСТВО

«Новое время», №20, 19 мая

Знаменитый Прокруст был явно агентом влияния тоталитарного полиса. Ему явно было неуютно среди античной вольницы, где и гомосексуальная любовь, и лесбийские отношения были узаконены, и к тому же политической демократии было вволю. Вот он и установил норму, причем вполне произвольно. И то дотягивал до нее, как на

дыбе, то отрубал лишнее топором. По-моему, конформизм происходит оттуда, с этого ложа пыток. Лиха беда начало...

Греческие мифы числят Прокруста не героем, но отрицательным персонажем. Не Геракл, скорее Лернейская гидра. Однако социально-политический конформизм либеральных Афин уже привел когда-то к казни Сократа. А речи логографов, тогдашних адвокатов правозащитного толка, подобных Генри Резнику, убедительно доказывают, что политическая распространялась на их религиозные верования и поведение в быту, на социальном уровне. Община брала свое, а несогласных брала за горло. Сократ погиб не из-за государства, а из-за деспотизма общины, разрешавшей политические дискуссии, но требовавшей «быть как все» и уважать большинство хотя бы публично. Но все табу и запреты античности хотя бы мотивированы: афинский общественный конформизм — коллективной, почти общинной порукой крошечного полиса; сисситии с черной похлебкой для лакедемонских спартиатов — боязнью коррупции, власти денег, неравенства воинов, утраты оборонноспособности. Но запрета на нетрадиционные для большинства сексуальные ориентации не было: потому что в этом не было смысла, общине это не угрожало, более того, платоническая любовь была узаконена и даже воспева за свою идейную подоплеку. Она считалась куда выше гетеросексуальной любви. В ней видели не примитивный секс, а дружбу и ученичество. Муж воспитывал мальчика, мальчик подражал мужу, стремясь стать хорошим воином и хорошим гражданином.

Средние века не оставляли человеку особой свободы, но все запреты были опять-таки мотивированы: феодальным оммажем, ленной присягой, христианской моралью. Несчастье Оскара Уайльда было именно в том, что христианская мораль в его время была единственным нравственным эталоном. Поэтому так долго, после того как занавес времени опустился под сияющими берегами античности, когда естественность этого великолепного и гармоничного язычества ушла из мира, нетрадиционная любовь считалась то пороком, то преступлением, то в лучшем случае уродством.

Хотя Христос не оставил комментариев, но его последователи были аскетами и всё, что не было непосредственно связано с деторождением, сочли грехом. Для ортодоксальных

христиан любые плотские радости — запретный плод, а женщина — сосуд греха, омерзительное орудие соблазна. Но только тоталитаризм устанавливает немотивированную норму, только его запреты и табу зачастую просто произвольны.

Какой был смысл нацистам сажать гомосексуалистов в лагеря? Они могли не быть диссидентами, могли верить в Гитлера, служить в армии. Но все равно красный треугольник на лагерной робе им был обеспечен. И какой, скажите, смысл был в одновременном уничтожении абсолютно па всем параметрам противоположных евреев и цыган? Вольные пташки-цыгане, оборванные, экзотические, беспечные бездельники, и строгие интеллектуалы-евреи, зажиточные, работающие, организованные, деловые... Нацисты отправили их всех в одну печь не за инакомыслие, у них никто и не спрашивал, как они мыслят. Они погибли за то, что были иными, за то, что были меньшинством, за другой разрез глаз, цвет волос, акцент...

Тоталитаризм не устраняет препятствия для своего существования, он их придумывает. Это всепожирающая машина репрессий по зачастую надуманному поводу, это инерция топки, в которую надо что-то бросать. Та же история со сталинизмом. Истребление несогласных объяснимо хотя бы с точки зрения палачей: для тиранов оно функционально. Но несогласных истребили еще при Ленине. Сталин истреблял согласных, лояльных, преданных, коленопреклоненных. По надуманным шизофреническим обвинениям. Эскалация страха была задана и предписана. Предлоги же были произвольны. Помните, Иван Денисович из одноименной повести Солженицына вспоминает, как они со следователем так и не выдумали, в чем заключалась его измена? Так просто и записали: «измена». Тоталитаризм — это всегда колонна под конвоем, и любой шаг в сторону (налево ли, направо) считается побегом. И огонь открывается без предупреждения.

Этим и объясняются странные коллизии постсталинского «застоя», то есть вялотекущего тоталитаризма. Запреты на гомосексуализм, скотоложство (и такое было в УК!), на супружескую измену.

Казалось бы, всё это атрибуты христианской морали, зачем они безбожникам в атеистическом государстве? Колонна. Шаг влево. Иначе не объяснишь.

Та же история с гонениями на генетику или кибернетику, с борьбой с роком и джазом, с преследованием «стиляг».

И не в том дело, что джаз был «буржуазной» музыкой. Негры числились гонимым народом, жертвами империализма. Так что джаз мог бы быть даже престижен в СССР, Если бы... он не был так непривычен. Отступление от стандарта рождало дифференциацию. Дифференциация же была питательной средой для инакомыслия. Не сразу, через много лет. Но тоталитарные механизмы имеют много степеней защиты. Устранение дифференциации — главная из них. Поэтому инициативы господина Райкова* не блажь, а первые кирпичики в здании тоталитаризма. Фундамент. Нетрадиционные религии, нетрадиционный секс...

Нормы не должно быть ни в сексе, ни в вере, ни в музыке, ни в одежде. Норма, даже если она привычнее и эстетичнее, не может быть благом. У Януша Корчака есть сказка про злое царство ведьмы и доброе царство феи. В злом царстве жили крысы, в добром — эльфы. Ведьма подравнивала крысам хвостики. А фея подстригала эльфам золотые кудри, чтобы они были одинаковые. И знаете, чем всё кончилось? Эльфы превратились в крыс и перебежали к ведьме. Сто цветов и сто школ — это формула весеннего перестроечного луга после жестокой тоталитарной зимы. Нельзя срывать цветочки. В конце процесса — голый камень диктатуры.

ХРУСТАЛЬНОЕ УТРО НА КИЕВСКОМ ШОССЕ

«Новое время», №23, 9 июня

В книге Сесилия Рота «История еврейского народа» систематизированы все акты агрессии, террора и геноцида со времен Средневековья против тех, кто был повинен только в том, что молился тому же Богу с некоторыми отклонениями от христианской «нормы»; читал те же священные книги, но только Ветхий Завет, без Нового; имел представление о гигиене и мылся каждый день, что было совсем не принято в ту эпоху; имел лучшее образование, чем окружающие его представители «титупной нации»; не умел и не хотел убивать и питал отвращение к воинской

* Депутат предлагал вернуть смертную казнь за убийство и уголовное преследование за нетрадиционную сексуальную ориентацию.

службе. Грехов набирается не на один костер и не на один погром. Этот народ, более древний, более книжный и более гуманный, чем его молодые и лишенные древних знаний и рефлексии «квартирные хозяева» (из Франции, Кастилии, Каталонии, Англии и аналогичных европейских государств), был гоним еще и за чертой оседлости, хотя хватило бы и гонений в черте. Евреи были заперты в гетто; их чурались; их неоценимыми советами и консультациями пользовались, за них не благодаря; их деньги брали, платя презрением.

Но всего этого было мало, и наступал день, когда толпы озверевших и безнаказанных погромщиков врываются в еврейские кварталы и убивали всех, кто попадался им под руку, в том числе и министров и любовниц собственных христианнейших королей, как это описано по историческим хроникам в «Испанской балладе» Лиона Фейхтвангера. Короли бывали весьма раздосадованы; они заводили новых любовниц и новых министров из той же среды, но никогда никто из убийц не предстал перед судом. «Невинные развлечения» черни не пресекались теми самыми властями, которые были заинтересованы и в еврейских умах, и в еврейских кошельках. И это было, пожалуй, самое подлое.

Иудаизм имеет очень мало общего с мусульманством, однако евреев поставили в Испании вне закона почти одновременно с маврами и морисками. Хотя евреи не были военной силой, Пиренейским полуостровом никогда не владели, и у них ничего не надо было отвоевывать. У них, у врачей и финансистов, у историков и химиков, у интеллигентов XV века... В Сарагосе и Толедо опустели еврейские кварталы. Из синагог понаделали соборов, пергаменты пустили по ветру, для того чтобы через три-четыре века снова докапываться до крупниц испепеленной мудрости. Это были отдельные акты Холокоста, его генеральные репетиции. Неприязнь — остракизм — уничтожение. Это железная и неумолимая зависимость. Гитлеровская Германия прошла тем же путем. Следом за ней двинулась оккупированная Европа.

Сначала евреи лишились престижной работы, их выгнали из театров, из офисов, из больниц, из банков, из школ; потом их клеймили желтыми звездами; потом посадили за колючую проволоку, в срочно созданные резервации, оккупационному режиму было угодно их изолировать,

и резервации эти опять, как некогда в средневековых городах, называли «гетто»; а потом уже отправили в лагерь уничтожения.

Россия мало чем отличалась от своих европейских соседей. Черта оседлости, процентная норма, дело Бейлиса, погромы. У горького юмориста Шолом-Алейхема в его «Мальчике Мотле» есть страшная деталь. Пока семья Мотла блуждала по Европе, пробираясь в Америку, их Касриловка сгорела, став жертвой погромщиков. И Тевье-молочник, этот фольклорный персонаж, не избежал погрома. Но везде, под любыми гербами, флагами и небесами, была некая грань между остракизмом и ликвидацией, когда евреев переставали просто травить, грабить и дискриминировать и начинали просто убивать. В Германии такой гранью стала Хрустальная ночь 1938 года, когда от травли нацистская «общественность» перешла к актам насилия. Однако послы европейских держав, в том числе и американский, досидели в Берлине до 1939 года (а посол США даже до сороковых годов, до вступления Америки в войну). В России против дискриминированных правительством евреев у погромщиков пошли ломы и камни; и Василий Витальевич Шульгин, презиравший и ненавидевший евреев, но защищавший их со своими солдатами от истребления после 1905 года, не подозревал даже, что защищает их от самого себя, потому что его барское презрение и неприязнь непременно должны были повлечь за собой вульгарное холопское насилие со слоганом «Бей жидов, спасай Россию».

Сталинский Советский Союз быстро добрался от антисемитизма до «дела врачей».

Брежневский Советский Союз сначала ввел негласный «пятый пункт», а потом стал сажать отказников: кого за шпионаж, кого за коррупцию в виде преподавания иврита, а на самом деле за преступное желание уехать в Израиль.

Постсоветская Россия перешла эту грань в роковое «хрустальное» утро 27 мая, когда в руках у Татьяны Сапуновой взорвался плакат «Смерть жидам!», который она (вместо всех спецслужб и «правоохранительных» органов) вырвала из земли.

Конечно, фашисты, сделавшие это, не ожидали, что русский человек (по их мнению, природный антисемит) полезет защищать тех, кого они мысленно уже видят в газовой камере. Татьяна Сапунова в своей дешевенькой «Оке», с матерью и дочерью на руках, может быть, непоправимо

изувеченная осколками, совершила настоящий подвиг. Но звание Героя России ей не дадут, приберегая его для тех, кто убивает в Чечне другое национальное меньшинство.

Мы слышали и первый, и второй, и третий звонки. Рядом с Кремлем открыто торгуют «Майн кампф» и антисемитскими газетенками, люди в черном безнаказанно врываются в синагоги, еврейские школы, редакции газет и словесно глумились над беззащитными людьми. Никто не запретил ни одну партию и не закрыл ни одну газету, никто не посадил ни одного пропагандиста, агитирующего за повторение Холокоста.

Теперь они начали убивать.

И НА ЩИТЕ, И СО ЩИТОМ

«Новое время», №25, 23 июня

Говорят, что оттуда еще никто не возвращался. Никто, кроме сожженных книг, запрещенных спектаклей, закрытых театров, снесенных бульдозером выставок, положенных на полку фильмов, взорванных храмов. И еще отключенных от эфира каналов. Рукописи, как известно, не горят, и мы прочли и «Мастера и Маргариту», и «Архипелаг».

Рукописи не горят, и каналы не тонут, но под псевдонимом ТВС, не менее загадочным, чем три буквы — Р.В.С., — над которыми когда-то ломали себе голову гайдаровские Димка и Жиган, к нам вернулся наш заветный канал. Пытанный, крученный, сеченый, мученый, но вернулся.

Возвращение состоялось на зыбкой правовой основе, с опять конфискованной (на этот раз Игорем Шабдурасуловым и его ликвидационной комиссией) техникой, на птичьих правах, на честном слове и на одном крыле, с боннами, гувернантками, почти под конвоем, опять без части сотрудников. Но они остались самими собой и не признали, что Земля — центр Вселенной, а Солнце вращается вокруг нее.

То, что она вертится, не очень оспаривают (публично) и бонны с конвоирами. Но она вертится уже без Березовского и Гусинского. С этим журналистам пришлось смириться, потому что попытка воспротивиться и взять назад свое согласие плыть дальше на утлой телевизионной ладье без своих фирменных олигархов, в частности без Березовского, уже привела полгода назад к костру для нашей уникальной

журналистской Жанны д'Арк: к казни в виде мгновенного выключения из эфира.

Учитывая, что Гусинский с Березовским, хоть и раскученные, все-таки не на Колыме и что продотряды не всё зерно вытрясли из их закровов, поведение несчастных пинаемых спереди и сзади, слева и справа, либералами и нацистами, властью и оппозицией журналистов нельзя назвать предательством. Назовем это выживанием или адаптацией к исторической реальности, которая к нам вернулась как-то в декабре вместе с сыном Йорка.

Прогрессисты судили и рядили, стоило ли киселевской команде возвращаться в эфир после таких унижений и такого насилия, согласившись на то, от чего когда-то они так гордо ушли с НТВ через дорогу на ТНТ и шестую кнопку, без независимых от власти средств, под «почетным» караулом. Надо ли журналистике из электронных СМИ умирать стоя? И вообще — быть или не быть? И в первый же день мы получили ответ. Они неисправимы, и конвою останется только соли им на хвост насыпать. Они вернулись злее прежнего, и Шендерович усугубил свою сатиру, сделав ее менее добродушной, и даже острозубые Хрюн и Степан сделали еще один рывок и поиздевались в первый же день над своими добрыми боннами и нежными караульщиками. Готовится кое-что почище тихо угасающих на четвертой кнопке «Кукол», и безобидная фольклорная «Наша гавань», в которую «заходили корабли», выдала злейший антимилитаристский памфлет «На свадьбу грузчики надели медаль за город Будапешт».

Помните историю с лошадью у Маяковского? Лошадь упала, но поднялась. А потом пошла и встала в знакомое стойло, «и всё ей казалось — она жеребенок, и стоило жить, и работать стоило». Хорошее отношение к журналистам нужно не меньше хорошего отношения к лошадям. Когда я смотрю на вернувшийся канал, у которого пока нет рекламы, нет своей техники и нет никаких гарантий независимости, кроме собственной совести и таланта, я вспоминаю эту лошадь Маяковского, которая встала, потому что в нее поверили.

Время митингов в защиту прежнего НТВ было временем последних иллюзий, что ельцинская оттепель продолжается, что общественный протест может кого-то защитить, что «они не посмеют». Но они посмели, и «уникальный

коллектив» после второй зачистки понял, по законам какого жанра они должны дальше жить, если хотят сеять разумное, доброе, вечное в доступной для большинства форме. Ведь эстеты и снобы, которые после Константина Точилина, Алима Юсупова и Александра Филиппенко из «Неоитогов» лакомятся Павлом Лобковым и Алексеем Пивоваровым из «Намедни», которые способны сами отбирать себе информацию, не должны забывать о тех миллионах, от которых зависит и наша судьба и которые без «уникального коллектива» недополучат свой глоток свободы.

А они, снобы и эстеты, забывают и осуждают Киселева и К° за выход в эфир с новым худсоветом, после консенсуса с властью, однако, смотреть передачи не отказываются.

«Иль со щитом — иль на щите» — это большая роскошь. Это значит, что за своей героической могилой — потоп. «Твердые киселевцы» вернулись и на щите, и со щитом.

Кому было бы хорошо, если бы в свое время Твардовский бросил на стол партбилет и ушел из «Нового мира»? «Один день Ивана Денисовича» не вышел бы, и мы бы не получили вовремя тех крох, которые, кстати, помогли многим умереть стоя — вплоть до лагерей... Мое человеческое становление началось с этой вещи, с «Нового мира», с Таганки, ради каждого спектакля которой глотал унижения и обманывал цензоров Юрий Любимов. Он что, должен был просто уехать и лишит страну своего театра? А как крутился Мольер, как он улещивал короля, чтобы вышли «Тартюф» и «Дон Жуан»!

Одни должны умирать стоя, но другие должны жить, делая вид, что готовы встать на колени. И одна группа не имеет права бросать в другую камни. И Киселев, и Шендерович, и Кара-Мурза, и все они — гёзы по своей природе и будут острить даже на плахе. Вечная программа Тиля Уленшпигеля — «во всю глотку восхвалять Красоту и Добро и насмеяться над Глупостью».

И пусть за спиной стоит даже сам Примаков. Да хоть вохра с автоматом. Пусть концерт лагерной самодеятельности, если это отныне и надолго наша жизнь. Не Киселев с Шендеровичем в этом виноваты. Мы должны вышивать им синий платочек. Мы должны их ждать и спасать своим ожиданием. Читайте Константина Симонова. Он пионер этого жанра, он протащил «Живых и мертвых».

РАЗ КОРОЛЮ НЕ ИНТЕРЕСНА ПРЕССА...

«Новое время», №29, 21 июля

Но осень трезвая идет, и, тяжело нагружен,
Поник под бременем забот, согнулся старый Джон.

Настало время помирать, зима недалека,
И тут-то недруги опять взялись за старика.

Роберт Бернс

Не думайте, это не тема номера: изготовление лучшего английского пива по рецепту Бернса, Уоллеса и Маршака. Осень существует и для гласности, с которой на наших глазах опадают листочки. Прямо-таки биологический цикл: сначала пресса делается желтой, начинает писать о вернисажах, высокой моде и конкурсах красоты, светских скандалах и отдыхе депутатов на Багамских островах. Так безопаснее, да и читатель жаждет необременительной информации типа «развлеканса» и «отвлечканса». Дальше пресса вянет: пропадает и хрустит на властных зубах свежими автократическими утренниками, — и у нее пропадает всякое желание лезть к власти с роковыми вопросами и писать на нее пасквилы (особенно после парочки пресс-конференций первого лица и соответствующей реакции на неуместные «прессные» вопросы). А потом начинается хорошо известный из русской классической литературы листопад. «Унылая пора! Очей очарованье!» Почему падают листья, падают задолго до холодов? Почему вянет пресса, почему злой рок настигает как известные столичные издания типа «Новой газеты» или «Общей газеты», так и безвестных «Красных тундровиков»? Биологический механизм дерева инстинктивно, генетически, предчувствует зиму. Так заложено и предначертано: листья должны опсть, иначе дерево не переживет зиму. И включается автоматика: весной — зеленая листва, осенью — листопад, желто-красный ковер, голые ветви. Это даже красиво и поэтично. Внушает и вдохновляет. Журналисты, главные редакторы, пресс-секретари, министры печати, чиновники из провинции, заведующие по губернаторскому мандату местной прессой — они тоже знают. Чувствуют. Кожей, памятью, порой задницей. Им никто не говорит, но они знают и так.

Я не думаю, не вижу логической возможности в такой цепочке: президент дает пресс-конференцию, аккуратно записывает некоторые вопросы или читает стенограмму и отдает приказ: «Разберитесь с теми, кто задавал вопросы 2, 14, 27. Ответственные — губернаторы таких-то регионов. О выполнении доложить». Зачем? Если вопрос воспринимается как абсолютная крамола, усердные исполнители сами начнут брать к ногтю, гнуть в бараний рог, измерять температуру в редакции и прикидывать, не следует ли эвакуировать журналистский коллектив. Может быть, запуганные до немоты и хрипа власти регионов, откуда прибыли еще способные задавать главе государства вопросы журналисты, решили, что их лишат за эти вопросы отопления, освещения, субсидий, дотаций и чего там еще можно лишить. И будут они «лишенцами». А что сей термин для жизни означает, мы знаем с конца 20-х годов. Вот недавно президент сказал, что в крайнем случае, если губернатор виноват в экономической катастрофе своего региона, у главы государства должно быть право его смещать. Представляю себе степень паники в губернских умах. Дотационных регионов великое множество, доноров — куда меньше. Что значит «катастрофа»? Может, это как раз статус дотационного региона? А таковых столько, что всех же не сместят. Сместят тех, кто прогневал Кремль. Может, тех и сместят, кто имеет честь быть земляком таких разговорчивых журналистов?

Селекция начинается автоматически. Как во времена Стеньки Разина и Емельки Пугачева. «Не пугайтесь, жестокого плана, это не тяжелее, чем хруст ломаемых в теле костей. Я хочу предложить вам: связать на заре Емельяна и отдать его в руки грозящих нам смертью властей» (Есенин, «Пугачев»). Ну ладно, Разин и Пугачев были разбойники, боевики, экстремисты. Но ведь те же мотивы были и у Анны и Каиафы, когда они судили Иисуса! Чтобы он не смутил народ, и не пришли римляне, и не устроили бы «зачистку»... Выдай комиссара — и получай награду в рейхсмарках. Или еврея. Или журналиста. Я настаиваю, что это автоматика. Включается реле, а дальше само пойдет. Не то, что сейчас делается с прессой, это не локальные разборки или феодально-региональные притеснения, как с Ларисой Юдиной, которая выступила против Кирсана Илюмжинова. Это ликвидация свободомыслия, осуществляющаяся

дистанционно, в регионах, «снизу». Если бы журналистка спросила о культе личности данного губернатора! Но она спросила, как к тортикам, коврикам и бюстикам относится Владимир Владимирович Путин. Почему это не действовало раньше?

Почему о Ельцине можно было писать любые гадости, а местная знать еще бы и позлорадствовала? Дело, видно, в том (в качестве рабочей гипотезы), что в зрелом демократическом обществе пресса — механизм регуляции и сбрасывания противоречий. Она ничья. Ни президентская, ни губернская. Она беспристрастна. Как зеркало, как градусник, как кардиограмма. При Ельцине пресса была опорой власти («наша» пресса, демократическая). Либеральная пресса и поставляемая проводить либеральные же реформы власть жались друг к другу, сиротки, являя единый фронт против губернаторов-ретроградов, коммунистов, армии, спецслужб и жаждающего социализма народа. Теперь же пресса власти не нужна. И без нее хорошо: рейтинг высоко, страх утратить власть далеко. А трансляторам, послушным микрофонам много не дают и благодарны не бывают. А тем, кто не хочет транслировать, будет по Высоцкому: «Нас всегда заменяют другими, чтобы мы не мешали вранью».

Раз королю не интересна пресса, нет для него в ней, значит, интереса. Реле включили тогда, когда меняли на шило или мыло Бабицкого, когда терзали НТВ и ТВ-6, когда опять сажали Пасько. Теперь машина набрала скорость.

И ТОЛЬКО СВОДНЫЕ ЛЮДИ ЕГО ПОМЯНУТ

Три ордена Славы Александра Гинзбурга

«Новое время», №30, 28 июля

Алик был хроническим классическим диссидентом. Он никогда ни с чем не примирялся и не шел ни на какие компромиссы. Когда литературный официоз затопил страну патокой соцреализма, он издает «Синтаксис». Цена — два года. Когда сажают Даниэля и Синявского, он издает «Белую книгу». Это уже дороже: пять лет по «процессу четырех». Раскаявшийся Добровольский (два года), уж совсем ни в чем не повинная Вера Лашкова (год), и Алик с Юрой Галансковым, оцененным в 7 лет и не вернувшимся...

Юра пожалел Веру и Добровольского, взял на себя вину (хотя какая уж там вина: пара самиздатовских книг, «Белая книга», пара иностранных журналов...). А Алик вообще ни в чем не признался, хотя и ему, конечно, было жаль товарищей. Но никаких компромиссов! Никогда и ни в чем...

Когда нужно было распределять средства солженицынского фонда, Русского фонда, как его тогда называли (хватило на детей политзаключенных, на поездки на свидания и передачи, на помощь ссыльным, да и то деньги были очень умеренные, пособие на ребенка составляло 50 рублей, так что никто с этого фонда не разжирел, а без солженицынских гонораров его бы и вовсе не было), то Алик взялся. Дело было гиблое, он это знал. (Все держатели фонда погорели один за другим.) Но он взялся и ушел на 8 лет.

Счастливая диссидентская судьба: три срока, три политических статьи (хотя в первый раз фиктивно судили за «подделку документов»). Это высший результат, высшее уважение со стороны врагов, три ордена Славы... Ни тени трусости, ни часа колебаний. Маленький, худенький Алик. Он был старше меня на 12 лет, но Аликом его называли все: и стар, и мал. Все, кроме гэбульников. Эти знали свое место.

И все-таки ему повезло: его уважали враги и боялись власти, его любили друзья, он сделал «Русскую мысль» читаемой, а когда его за диссидентство выкинули и оттуда, газету перестали читать. Кому нужны бесконечные хроники жизнедеятельности православной церкви? И он ни разу не ошибся, он разочаровался в Ельцине из-за войны в Чечне, только вот довольно скоро писать об этом стало некуда, и уж совсем некуда было написать о плохом отношении к Путину...

Но он умер не в камере, не как Юра Галансков, погибший на зоне, не как Анатолий Марченко, которого уморили в Чистополе. Он увидел Париж, жил в Париже и умер в веселом вечном Париже, и его могилу никто не осквернит. Он подолгу бывал в Москве, но совсем не вернулся, чтобы держать дистанцию между собой и страной невыгнанных с работы чекистов и неразрушенных лубянок, страной без прозрения и покаяния. Алик не Куприн, не граф Игнатъев.

А те — они его не получили и даже не получают его прах. У них не будет повода сыграть над его могилой советский

гимн, как это сделали при открытии памятника бедному Булату Шалвовичу. Он жил свободным и умер свободным, и прах его покоится в свободной земле. И только свободные люди его помянут. Эпоха не имела над ним власти.

Он ушел несломленным. Чего еще может желать диссидент?

ТОТЕМ И ТАБУ

«Новое время», №39, 29 сентября

Кажется, нам от нее не уйти никуда. И где бы мы ни пристроились ужинать, наш железный командор явится и станет у двери на часах. Демарш мэра Лужкова пришелся как раз вовремя. Тогда уж точно столицу придется переносить в Петербург, чтобы знатные гости не видели этого безобразия. Все-таки в Питере памятника Урицкому нет.

Поскольку все слезы демократы выплакали начиная с 11 декабря 1994 года, когда танки пошли через чеченскую границу, и кончая расправой над Григорием Пасько под бодрую мелодию советского гимна, остается только смеяться, правда, довольно-таки нервным смехом. Вообще-то снявши голову, по волосам не плачут, и Железный, как штык, Феликс куда больше соответствует и стальной вертикали власти, и ржавому громыханию чеченской войны, и «шпионским» процессам. Но затюканные поражениями и унижениями демократы все равно содрогнулись от лужковского предложения. И от горького чувства бессилия. Бессилия помешать. Дело в том, что Железный Феликс — не просто кусок железа. Он тотем и табу. Для чекистского и вообще советского реакционного племени он — тотем, кумир, покровитель, прибежище. Оттого и делятся почетные чекисты воспоминаниями, как в августе 1991 года хотели хватать оружие и бежать на площадь статую защищать. Для демократов Дзержинский — абсолютное табу, Темный король, Властелин тьмы, Древний враг, объединяющий всех в общем порыве: «Они не пройдут!»

Они давно уже прошли, а некоторые, из Мавзолея и с Октябрьской площади, и не уходили. Но в арьергарде топает Феликс, и это страшнее всего, потому что пустой пьедестал на Лубянке — это последняя линия обороны, последний глоток августовской победы, единственное, чего

не хватает для триумфа им и для поражения — нам. Этот видеоряд нельзя будет отодвинуть или забыть, как гимн, играемый в очень ранние и очень поздние часы. Железный Феликс на пьедестале или в скверике у Крымского моста — это рана для одной или для другой стороны, это оружие латентной гражданской войны. И вот никаких разногласий в демократическом лагере не осталось. Лояльный Николай Сванидзе предлагает рядом со статуей Дзержинского с мальчиком на руках поставить статую Берии с девочкой на руках. Нелояльный, но многократно за эту нелояльность битый Евгений Киселев заявляет, что статуя будет на месте как подарок к Новому году или годовщине Октябрьской революции, потому что нам однажды сделали такой подарок — в виде сталинского гимна. СПС в лице Немцова и Хакамады бежит на несанкционированный митинг и начинает сбор миллиона подписей против. «Яблоко» называет Дзержинского палачом. «Либеральная Россия» бежит на тот же митинг, организует свой и хочет собрать свой миллион подписей дополнительно. Вспомнив о своей камере в Лефортово, даже Глеб Павловский возражает Лужкову в «Гранях».

Ведь мало взять Рейхстаг, надо водрузить над ним флаг Победы. Дзержинский — знамя победы «того» мира. И обе стороны это понимают.

Два года назад, в июле 2000 года, мы уже писали об этом. И приводили контраргументы. Но для юноши со скамейки у Соловецкого камня, не знающего, кто такой Феликс Эдмундович, для Юрия Лужкова и 55 процентов населения страны их оказалось мало. Появились новые «реабилитирующие свидетельства»: Дзержинский вовсе не палач, ВЧК — это было хобби, он сам чуть ли не жертва будущих репрессий, диссидент, рыночник, лучший друг сирот. То, что 15 миллионов уничтоженных до 1923 года, с помощью Дзержинского и при нем, — это всего-навсего «издержки», мы оставим на совести московского градоначальника, авторов советских учебников и приверженцев экологической формулы «Лес рубят — щепки летят». Но остальное — просто фальсификация.

Вот материалы из архивов ВЧК, неосторожно опубликованных в конце 40-х годов и осевших в фондах Библиотеки иностранной литературы. О заседаниях революционного трибунала в докладе на заседании ВЦИК 17 февраля 1919 года

Дзержинский, «сторонник ленинской законности», неповинный в извращениях сталинизма, говорит: «Вызов или невызов свидетелей, равно как допущение или недопущение защиты и обвинения при рассмотрении дела, зависит от трибунала. Трибуналы ничем не связаны в определении меры наказания. Приговоры трибунала не подлежат обжалованию в апелляционном порядке». И далее: «Кроме приговоров по суду, необходимо оставить административные приговоры, а именно, концентрационный лагерь». Интересно, чем эта «ленинская законность» отличается от беспредела сталинских «троек» и ОСО? А в «Правде», № 151 от 12 июля 1919 года, наш законник добавляет, что в лагерь будут заключать не только виноватых (с точки зрения ВЧК), но «взрослых членов семьи». Вот вам и сталинская практика лагерей для «членов семей врагов народа». Да и термин «враги народа» появляется не при Сталине, а применительно к партии кадетов в декрете СНК от 26 ноября 1917 года.

Сталин пороха не выдумал. Вот Феликс Эдмундович 6 декабря 1917 года о возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях отзывается однозначно: «Надо подавлять».

В апреле 1919 года ВЧК производит систематизацию контрреволюционеров, «которые являются такими по своей природе». Это не только помещики, фабриканты и офицеры, но и студенчество, и разночинцы вообще. 17 декабря 1919 года Дзержинский предлагает брать в заложники ученых. А 28 января 1920 года наш диссидент удостоивается ордена Красного Знамени. 12 июля 1921 года наш сторонник рынка пишет своему заместителю Уншлихту записку о принятии срочных мер в связи с неурожаем в Поволжье: «Бедствие это диктует нам необходимость в кратчайший срок уничтожить всю белогвардейщину и заговорщиков». То есть выбор: «сеять» или «сажать» — явно в пользу последнего.

Вроде бы хватит аргументов? Но вот один вопрос: зачем? Кто встретился Лужкову на дороге в Дамаск? Конспирологи и политологи уже выдвинули полдюжины версий:

1. Лужков хочет угодить чекистам.
2. Лужков хочет отметить президентский юбилей.
3. Антилужковские силы в Кремле хотят подставить Лужкова и его убрать.

4. Кремль проверяет общественную реакцию на «новое» украшение столицы. С робкой надеждой во взоре демократы заявляют, что Путину эта инициатива не нужна.

Была в старой «Литературке» такая рубрика: «Если бы директором был я». Хорошему директору, ясное дело, Феликс ни к чему. А плохому? Скоро будет ответ. Если за Лужковым трясутся от нетерпения чистые руки и кивает согласно холодная голова, то Феликс вернется на место своей вахты. И очень важно, чтобы он не мог сказать нам: «Дрожишь ты, Дон Гуан».

МЫ ГЛОХНЕМ ОТ УДУШЬЯ

«Новое время», №45, 10 ноября

Хочу честно предупредить, что я не буду тратить громы и молнии на террористов. То, что недопустимо брать в заложники нонкомбатантов, тем паче женщин и детей, настолько очевидно для всех цивилизованных людей, что в политических и военных прописях занимает место чеховского «Волга впадает в Каспийское море, а лошадь кушает овес и сено».

Но что осталось в Чечне от цивилизации (нашими федеральными усилиями)? Думаю, что и чтение чеченцами в «фильтрах» или в подвалах под вакуумными бомбами Женевской конвенции, Евангелия (насчет того, чтобы подставить другую щеку) и Льва Толстого (о непротивлении Буданову насилием) не представляется в данных исторических условиях перспективным, во всяком случае в смысле предотвращения актов террора. Разве что всю эту литературу прочтет и федеральная армия купно с федеральным правительством и федеральным президентом. Но какая сила в мире организует этот университет с двумя факультетами: российским и чеченским?

Мировые силы в виде ООН приняли весьма полезную резолюцию: отпустить заложников*. Это было предложено в порядке морального императива инсургентам (термин от Би-би-си), террористам (термин от ООН) или бандитам (термин от российского официоза).

Требование справедливое. Готова подписаться. Но почему-то очень односторонний подход. Где требование, чтобы

* Театрального центра на Дубровке.

другая сторона перестала насилловать, грабить и убивать — не террористов (пока они сами не придут в Москву), но мирных жителей Чечни? Если одной стороне разрешается всё, вплоть до геноцида, потому что она большая, ядерная и обладает правом вето в Совете безопасности на возможное иракское мероприятие США, а заодно запасами нефти и газа для европейских стран, а другой стороне рекомендовано просто молча подышать, не создавая никому проблем, то такие миротворцы не обретут обещанного Евангелием блаженства.

Другая сторона, понятно, никому не нужна вообще. Она маленькая, бессильная, не очень европейская, запятнавшая себя шариатом. Мы, западники, при упоминании об этих шариатах и эмиратах просто встаем на дыбы. Как и большая часть чеченской интеллигенции, которую эти попытки Зелимхана Яндарбиева, Вахи Арсанова и Мовлади Удугова превратить Чечню в Иран вынудили бежать в Москву.

Но вот насколько бомбы, танки, пытки, насилие, голод и жизнь в лесах и руинах способствуют вестернизации сознания?

И часто ли в мировой практике встречаются террористы, которые требуют прекращения войны и мирных переговоров? Что совпадает с чаяниями российских правозащитников и продвинутых журналистов...

Классический террорист имеет либо ложные цели, либо требует невозможного. Как «Красные бригады», «Сендеро луминосо», «Красная армия». Как дать независимость Басконии, если большинство басков против? Что сделать для ИРА, если большинство ирландцев северных против выхода из Великобритании, а южное ирландское государство даже закон специальный приняло против воссоединения с северянами?

А «Аль-Каида» вообще ничего не требовала от США. Только чтобы их вообще не было. А на узенькой израильской полоске песка все территории, особенно Иерусалим, — смежные. Куда с них уйдешь? И как вернуть 5 миллионов ненавидящих евреев арабских беженцев? 1:1 — такое соотношение враждебных друг другу граждан сулит вообще конец света. Кстати, при всем при том Шимон Перес и Ицхак Рабин получили Нобелевскую премию мира за соглашение с главой немирных, охочих до террора сепаратистов Арафатом. У Путина с Масхадовым тоже есть шанс стать номинантами данной награды. Масхадов готов.

Дело за другой, ядерной, супердержавной, нефтяной и газовой стороной...

Когда де Голль ушел из Алжира, забрав с собой почти всех французских колонистов («черноногих»), это проблем Алжира не решило. Алжир сначала судорожно строил социализм, потом впал в религиозный фанатизм. Но это проблемы Франции. Она перестала убивать и умирать, ОАС выдохся быстро, а французские генералы перестали участвовать в пытках. Сегодня они могут только писать об этом мемуары при полном осуждении общественности.

У нас уникальный случай терроризма. Терроризм этот может быть прекращен прямо по плану Анны Политковской: переговоры, вывод наших войск, ввод миротворцев ООН, передача Чечни под патронаж стран ЕС и НАТО. Для начала. Конечно, это нестандарт. Но нестандарт лучше стандартных убийств и зачисток.

Поэтому не надо про террористов. Им уже все выразили свое негодование, даже Саддам Хусейн (в надежде на «зачет» со стороны США).

Поэтому давайте лучше о пире «победителей», о восторженных реляциях над более чем сотней погибших от рук не террористов, а спецназовцев-освободителей.

Такое ощущение, что половина страны отравилась газом вместе с заложниками, и от этого удушья и бездушья оглохла и ослепла. Никто не задается вопросом (кроме правозащитников и отдельных журналистов), почему спецслужбы называют сразу четыре причины штурма:

- 1) Начавшийся расстрел заложников.
- 2) Ссора террористов между собой (динамит делили?).
- 3) Намерение немедленно взорвать ДК.
- 4) Намерение взорвать ДК «рано или поздно».

И еще ряд роковых вопросов, на которые всем страшно сформулировать ответ.

Почему при Ельцине не было штурма ни в Буденновске, ни в Кизляре?

Почему Черномырдин позвонил Басаеву, а Касьянов никому звонить не стал?

Почему английская группа экспертов по переговорам с террористами просидела два дня в посольстве и востребована не была?

Когда началась газовая атака, заложники в панике звонили в студию «Эха Москвы». На террористов газ

действует быстрее, чем на заложников, или они не хотели взрыва?

И главное: кто дал право властям решать, что допустимо убить газом эти 20 или 12 процентов? Лес рубим — щепки летят?

ОТЕЧЕСТВО БЕЗ ПРОРОКОВ

«Новое время», №48, 1 декабря

Снова у нас кризис. Но не власти. И не экономики. В смысле, не дефолт. Некоторые деятели партий и правительств (не только российского, но и турецкого в предыдущем издании, и даже отчасти французского) утверждают, что нам угрожает ислам. Что он уже в Ронсевальском ущелье.

И вот наш президент и его администрация берут рог Олифант и начинают трубить на весь мир об исламской угрозе. А меч Дюрандаль давно вытащили из ножен, еще в 1994 году. Он уже успел порядком затупиться.

Правда, потом выяснилось, что напали на франков не турки, а баски. Но это потом, а тогда идеологи и апологеты крестовых походов всласть цитировали «Песнь о Роланде» и призывали к защите «западных ценностей» и «европейской культуры» от неверных.

Должны ли мы уподобиться Роланду и Оливье и пасть в этой перманентной войне в надежде на то, что некий Карл Великий вернется и за нас отомстит?

Давайте, как говорил Сократ, исследуем эту ситуацию. Начнем с крестовых походов. Теперь, задним числом, нам понятно, что это был пиар в духе Глеба Павловского. Мол, не может терпеть христианская душа, чтобы Гроб Господень был в руках у этих самых неверных. Тот факт, что сам Господь был по рождению евреем, почему-то воинствующих христиан не смущал. Крестоносцы не только ислама опасались (просто в силу примитивного фанатизма, на всякий случай: кто не с нами, тот против нас), но и евреев презирали и третировали, хотя завоевывать их не надо было, уже и Веспасиан, и Тит потрудились, а султаны с эмирами добавили: они тоже конкурентов не терпели.

Итоги крестовых походов известны: Людовик IX Святой попал в плен, Ричард Львиное Сердце чуть престола не лишился, рыцари славно поживились, а заодно научились

пользоваться мылом и горячей водой. А вот Гроб Господень где был, там и остался.

Но этот вооруженный туризм и первичное челночество имели последствия куда более неприятные, чем может показаться. Конечно, было сложено много романсов, и впоследствии появилось много романов. «Талисман» и «Айвенго» Вальтера Скотта, пушкинские и лермонтовские стихи... Но борьба с неверными с тех пор становится для Европы чем-то вроде хорошего тона, устоявшегося стереотипа, клише. Что и отразилось вполне в совершенно неполиткорректной пьесе Мольера «Мещанин во дворянстве». Дикая парад-алле турецкого посольства, реплики вроде «Магометана? — Да-да!» в XVII веке были зародышем сегодняшних французских проблем, когда для противодействия мусульманскому влиянию запретили учащимся появляться в школах в головных уборах (имея в виду как женские платки, так заодно и кипы). Но всё это цветочки.

Ягодки были в Испании, когда уже победившие христианские королевства выжигали кострами инквизиции самое воспоминание о какой-то другой конфессии и переделывали дивные, изысканные, совсем не фундаменталистские мечети в соборы (а заодно и синагоги «переделывали», хотя ученые и мирные евреи ни в каких военных действиях против Кастилии и Арагона замечены не были). А потом пошла цепная реакция, аналогичная нашему Большому террору, когда от левых эсеров (правые — как эсеры, так и кадеты с меньшевиками — были уничтожены еще раньше) перешли к внутривластной оппозиции, а после оппозиции стали ликвидировать даже таких убежденных сталинцев, как Уборевич, Якир и Ежов.

В Испании была та же схема «охоты на ведьм». Мавры и мориски пошли на костры первыми. Потом были «жидовствующие», потом диссиденты-еретики из Фландрии (будущие протестанты). Потом снарядили Великую Армаду на англичан. Потом уже жгли и пытали правоверных католиков по одному доносу или подозрению.

В результате Испания была отброшена в своем развитии на несколько веков назад, а англичане познали ужасы Большого террора на несколько лет царствования Марии Тюдор.

На Руси иудаизм (даже при хазарах) и ислам всегда были скорее проявлениями некоей экзотики, чем реальной

угрозой. «Неразумных хазар» упразднил политически еще Вещий Олег. Орда вначале, когда ломала Русь через колена, когда шло покорение Владимира и Рязани, когда Михаила Черниговского (1246 год) казнили в Орде за то, что он отказался пройти между очистительными кострами, исповедовала тенгрианство — степной вариант язычества. Но об угрозе со стороны язычества, слава богу, президент еще не объявил.

А когда ордынцы приняли ислам, они уже успели сообразить, как выгодно иметь союзником православие с его пиететом по отношению ко всем земным властям, и не только не пытались обратить Русь в ислам, но, напротив, покровительствовали священникам (как гитлеровцы колхозам). В результате этого симбиоза коллаборационистов с крестом и ордынских царей, формально принявших ислам, мы имеем интердикт, наложенный христианским епископом на жителей Пскова (тоже христиан) за то, что они дали убежище тверскому князю Александру (христианину же), преследуемому за попытку восстать против мусульманской Орды.

Сегодняшняя попытка наших христианнейших властей встать в позу Изабеллы и Фердинанда, хранителей Европы от мусульманской экспансии, представляется мне затеей сколь безумной и несвоевременной, столь и опасной. Еще можно как-то понять Ататюрка, завещавшего армии сдирать с женщин паранджу, дабы Турция не вернулась к временам Оттоманской империи. Но Россия, выстиранная в тоталитарном шелоке, сданная в 1917 году в советскую прачечную, сделалась страной не многоконфессиональной (здесь опять не прав президент), а просто атеистической.

Свободомыслящая западная интеллигенция не верит ни во что. Электорат Зюганова верит в Ленина и Сталина. Силовые ведомства, политики, властные структуры, спецслужбы верят только во Власть и Насилие (прямо по Эсхилу). И еще немного в Золотого Тельца. Ни христиане (если не делать православие новой идеологией), ни мусульмане (если не делать из ваххабитской литературы новый самиздат), ни буддисты (если не обращаться с ними, как китайские коммунисты в Тибете) не угрожают ни светскому характеру государства российского, ни вестернизации России. Дикое насилие в Чечне привело к росту, а не к падению исламистских настроений.

Не надо пытаться действовать крестом, как серпом и молотом. И конституция, кстати, не наковальня. Искоренение чего бы то ни было, даже религиозного фанатизма, приводит к обратным результатам. При таком президентском рейтинге стоит ли опасаться Иисуса, Магомета или Будды?

ПРОЕКТ «ДОВЕЙ ГАДИНУ!»

«Новое время», №52, 29 декабря

Российская власть и российская пресса давно, еще с декабря 1999 года, конструктивно сотрудничают: примерно в той же сфере, что и собака с кошкой. Это, пожалуй, нормально и лучше той ситуации, когда пресса выглядывает у власти из сумки, как детеныш кенгуру. Но в холодных ветрах «Норд-Оста» яркие перышки пооблетели и с нашего шустрого медийного жаворонка, и с нашего внушительного двуглавого орла. (Можно было, кстати, догадаться, что если две головы, то и два клюва.)

Не удивляйтесь некорректной фразе одного из силовиков: мол, журналисты хуже террористов. И с прессой произошла вообще странная метаморфоза. Часть ее переменила профессию и стала срочно призывать к карательным рейдам по тылам противника.

Можно ли представить себе, что The New York Times призовет к тому, чтобы считать врагами журналистов «Вашингтон пост» за то, что они сомневаются в целесообразности удара по Ираку? А можете ли вы на минуту допустить, что по американскому телевидению после смерти в заключении на Гуантанамо какого-нибудь талиба некий ведущий скажет, что если узника убило ФБР, то он это одобряет и поддерживает? В кошмарном сне не приснится. Но именно это делает популярный обозреватель, когда сначала допускает, что это ФСБ прикончила Салмана Радуева, а потом публично присоединяется к этому возможному «похвальному» деянию. Салман Радуев не вызывает ни уважения, ни особого сочувствия ни у правозащитников, ни у самих чеченцев, но апологетика абсолютно противозаконного палачества в должностные обязанности журналиста не входит.

Так что же случилось с нашими журналистами после «Норд-Оста»? А то, что они ощутили, что война идет не на

Кавказе, а у них под окном. И тут же воскресли советские комплексы на уровне безусловных рефлексов: оборонное сознание, ощущение «кольца фронтов», стадное чувство, великодержавный шовинизм, проект «Добей гадину!».

«Норд-Ост» очень четко высветил, что должен делать журналист: показывать и рассказывать. Задавать бестактные вопросы, торчать с камерой три ночи подряд на улице, фиксировать каждую глупость. Не стесняться получать информацию от несчастных родственников заложников, от самих заложников, находящихся в шоке... Повесить на сайт интервью с одним из чеченских боевиков, как это сделало «Эхо Москвы», пока не заставили снять. Выпустить в эфир родственников заложников, и пусть они даже скажут, что надо уходить из Чечни, прямо в присутствии оппонента-альфовца.

В конце концов, это не журналистское дело вопить «Добей гадину!». Скорее, журналист должен брать у нее интервью. И эта тактика неусыпной осады, когда НТВ мог ожидать не нагоняя, а разгона, когда могли закрыть «Эхо Москвы», дала результат: страна всё узнала и про то, что заложников никто не расстреливал, и про подсунутую мертвому Бараеву бутылку, и про газ, и про то, как одного мальчика приняли за чеченца и сознательно не стали спасать.

Бедные власти!

«Ах, недосажали, недожали, недогнули, недоупекли» (Ким).

ТЕХПАСПОРТ НАСТОЯЩЕГО КАРАКОЗОВЦА

«Новое время», №6, 9 февраля

В России никогда не любили реформ. Чего стоит только не имеющая аналогов пословица: «От добра добра не ищут». Какой уж тут прогресс... У нас выработался огромный опыт противодействия переменам к лучшему, и «войны за просвещение» в городе Глупове — это не преувеличение Салтыкова-Щедрина, а довольно точный «технический паспорт».

Первым под ушат народного гнева попал Григорий Отрепьев, и не как Самозванец, а как плохой царевич, Царевич-Плохиш. Больше всего тогдашних москвитов возмущало, что он не ходит в мыльню вместе с женой, а только отдельно. Естественная стыдливость, целомудрие, чувство приличия здесь вменялись в вину. Григорий не спал после обеда — новый взрыв негодования. «Элита» же из бояр обвинила его в том, что он пощадил Василия Шуйского, заговорщика, их тайного главу, ими же и приговоренного трусливо к казни...

Во второй раз толпе и силам традиции, которые по сути были силами застоя, одолеть не удалось. Слишком неоспоримы были права Петра на престол, слишком бесспорна была сила этого характера... Бешеное несогласие общества с реформами Петра, доставшими всех, не только москвитов, всех вытащившими на поляну из медвежьих углов, зиждилось отнюдь не на недостатке гуманизма у монарха (в том его обвинил царевич Алексей, и против этого обвинения возразить было нечего), не на его непристойных кутежах и не на войнах, которые он вел. Цари на Руси часто воевали, и часто из-за сущих пустяков. Общество XVIII века пацифистским не было.

Что до кутежей, то Иван Васильевич Грозный тоже устраивал оргии с опричниками. Опричников ненавидели, царя — нет. А что до жестокости, то здесь царь Иван мог

бы дать царю Петру сто очков вперед. Однако Антихристом его народ не объявил...

Общение с иноземцами, «космополитизм», заимствование иностранного — вот было главное обвинение Петру. Это всё было нестерпимо косному, изоляционистскому миру, затхлому, который представляла из себя огромная страна.

Первое, еще достаточно робкое раскрепощение личной инициативы, когда «низы» шли наверх, если были умны, проворны и имели знания и хороший потенциал в бизнесе или ремесле, — это тоже не нравилось никому из лишенных знаний, умений и инициативы.

Ну ладно, курение вредно, и борьбу против «травы никоцианы» еще как-то можно объяснить. Но страх, что всех заставят «пить кофей», и именование «картови» (безвредной картошки) «похотью дьявольской» — это уже была чистая шизофрения.

С екатерининских времен реформы приобрели новое качество. Они стали касаться образованного класса, который ходил в театр, выписывал туалеты из Парижа, танцевал на балах и читал французские книжки. Остальные были предоставлены самим себе и своему византийскому укладу.

Следующий 12-балльный шторм произошел уже при Александре II. Ситуация почти 150-летней давности до смешного совпадает с нашей, 1991—1992 годов. И даже 1994—1995-го, потому что реформам Александра тоже сопутствовала «маленькая колониальная война», но только не в Чечне, а в Польше. А Кавказская война была тогда вечным фоном, на нее не роптало даже образованное сословие, жалевшее поляков. Суть реформы Александра до боли опять-таки схожа с нашей. Кратко можно сформулировать так: «От круговой поруки — к личной ответственности». Все реформы Александра, в том числе и судебная, и университетская, так строились.

Разрушение общины (открытый выход), суды присяжных, состязательность процесса — всё это вело к эмансипации личности. Но ведь и у нас было то же самое. Право на выход из колхоза, из гарантийки одинакового жалованья и одинаковой пайки; право на создание фермерского хозяйства — это же будущие столыпинские «отруба». О крепостном до 60-х годов XIX века заботился барин. О советском человеке заботилось государство. Вернее, делало вид,

что заботилось. Как лагерный кум купно с бригадиром. Необходимость личных усилий, возможность неравенства и отсутствие гарантированной порции баланды вызвало массу протестов и дикую ненависть в «народниках» что в 1861 году, что в 1992-м.

Даже великий Некрасов оказался среди недовольных и в своей программной поэме «Кому на Руси жить хорошо» обвинял реформу в том, что она ударила одним концом по барину, другим — по мужику.

И многие Гриши Добросклоновы ударились в террор по примеру Каракозова. В его прокламации было написано, что «царь обманул народ: обещал дать землю и не дал». А как, скажите, мог он дать чужую землю, ведь земля принадлежала тем самым злокозненным помещикам... Освобождение без приданого — ведь это то, в чем обвиняют Чубайса.

Неким ремейком великих александровских времен послужили столыпинские реформы. Петр Столыпин пытался вытащить мужиков из теплого хлева общины, создать средний класс европейского образца и увенчать все эти прелести конституцией и свободами. Но страна не захотела ждать, и страна не поблагодарила Петра Аркадьевича, а навеки сделала отверженным и заклеянным. Восстание 1905 года должно было быть подавлено, как и путч 1993-го. И то и это нельзя было сделать бескровно. Но сделавший и то и другое обрекал себя на репутацию монстра.

Интеллигенция не сказала ни одного доброго слова над гробом Столыпина. Ельцин тоже не был ими прощен.

Сегодня пыльный советский мир, не желая уйти молча, в последний раз бросает реформаторам эти обвинения, весь этот неджентльменский набор: приватизация, либерализация, 1993 год. Реформы — это был резкий звонок будильника, пробудивший страну от очарованного сна про то, что у нее есть деньги, социальная справедливость, прогресс, уровень жизни, и оставивший ее на голой жесткой земле реальности в свободе и тоске, что, по Сартру, — одно и то же. Но даже в заявлениях некоторых демократов мы с огорчением читаем те же скудные мысли традиционалистов.

Эволюция общества в России — не шоссе, а грязная и пыльная разбитая дорога. И страна то делает трудный, мучительный шаг, то надолго застревает в какой-нибудь колдобине.

ОДНА СТРАНА, ДВЕ АРМИИ

«Новое время», №8, 23 февраля

Бессмертный профессор Преображенский, alter ego Булгакова, сказал, что разруха только ощущается на лестницах и в сортирах, а начинается она в головах. Как это ни странно, то же самое можно сказать о реформах. Особенно о военной. Конечно, с остальными тоже большие сложности. И с аграрной реформой, и с реформами ЖКХ и РАО «ЕЭС».

Два последних случая наиболее простые и однозначные. Конечно, жильцам, потребителям (как нынче говорят, user'ам) охота жить попросторнее, всю освещаться и поменьше за это платить. Государству или «здоровому частнику» (по Ильфу и Петрову), который должен это государство заменить, выгодно обратное: поменьше дать и света, и тепла, а содрать побольше.

Вот вам и почва для конкуренции домохозяев и световладельцев, вот вам и точка приложения сил для обществ потребителей, вот и поле деятельности для реформаторов и вечный источник паразитирования для левых всех мастей.

С аграрной реформой всё сложнее. Преодолев линию Мажино — постулат, что земля Божья, да к тому же наша мать, и ее вовсе нельзя пускать в продажу (довлеющий над нами с эсеровских времен), — мы оказываемся перед следующим дзотом. Соглашаясь на продажу земли, националисты и просто разный одичавший за долгую изоляционистскую жизнь народ боятся, как бы всё не скупили иностранцы, и принимают соответствующие законы. Здесь экономика сталкивается с политической отсталостью, ксенофобией, и никакая реформа работать не будет.

С военной реформой дело совсем плохо. Она не движется вообще. Потому что общество никак не определится, какую именно армию оно намерено реформировать: российскую или советскую, наследницу Белой или преемницу Красной. Беда в том, что одна наложилась на другую, и новая, слабейшая, была вытеснена Красной, укоренившейся в социуме и сознании (даже у демократов). Если Китай насчет Гонконга предложил оригинальную (и мало меня убеждающую) формулу «одна страна — два строя», то у нас явно наметилась формула аналогичная: «одна страна — две армии».

На эти невеселые мысли меня навел исход одного недавнего голосования в Госдуме. Неугомонный депутат Юшенков, не желающий смириться с житейской прозой вроде «один в поле не воин», предложил перенести День защитника Отечества с 23 февраля на день победы на Бородинском поле. Это был один из вариантов, предлагались и другие, на все вкусы, как на российские, так и на советские. Аргументация была настолько неоспорима, что даже можно было сослаться на Ленина.

А это уж довод для советских ретроградов особенно убийственный. Да и как здесь возразишь, если именно в памятный день на заре советской власти предполагаемые защитники Отечества бросили оружие и открыли фронт немцам, а Троцкий выступил со своим «пацифистским» заявлением: ни войны, мол, ни мира, армию распускаем и, безоружные, апеллируем к революционному сознанию немецкого пролетариата. Защитой Отечества здесь и не пахнет. А потом был Брестский мир и потеря Украины. Казалось бы, отрицать невозможно, раз уж сам Ленин разгневался, и Дыбенко отдали под суд (трибунал).

Взамен предлагали Бородино, дату Полтавской битвы (петровская победа), Куликово поле. Против последнего выступили какие-то национальные татарские организации, хотя на Куликовом поле присутствовали не нынешние татары, а совсем другой этнос (семь веков назад!).

Французы против Бородина не возражали, так что Бородино было в списке. Для ветеранов Великой Отечественной предлагались лестные и разумные варианты: разгром гитлеровцев под Москвой, победа под Сталинградом. Понятное дело, на голоса коммунистов и элдэпээровцев трудно было рассчитывать, «Единство» не успело справиться у Кремля, но голоса демократов (и «Яблока», и СПС), казалось, были обеспечены. Результаты голосования были ошеломляющими: «за» проголосовали Сергей Юшенков и Виктор Похмелкин («Либеральная Россия») и Юлий Рыбаков (старый диссидентский «кадр»). А «Яблоко» и СПС не голосовали вообще, хотя сидели в зале. Естественно, левые и «кремлевские» оказались «против».

Если бы речь шла о реформе в российской армии, предложение Сергея Юшенкова могли бы счесть патриотичным и похвальным (как же, думает о славе русского оружия). Но в жесткой советской схеме весь календарь

армейских знаменательных и памятных дат установлен раз и навсегда согласно указаниям «директивных органов». И ни одно звено из него вытащить нельзя, даже вопреки интересам дела. Армия числится российской, но российской она так и не стала. Для какой армии предназначены дарованные президентом красный флаг и звезда? Чьи танки разъезжали по Чечне с советским флагом на броне? Солдаты какой армии сулили чеченцам во время одной зачистки вернуться к опыту Сталина и Берии? Чьим детищем является полковник Буданов, в системе какой офицерской чести лежит его преступление?

Российская Белая армия отменила награды во время Гражданской войны. Участники чеченской войны получают звания Героя России. У них такие же золотые звезды, как у участников Великой Отечественной.

Первый факт защиты Отечества советской армией может быть признан не ранее 1941 года (Финляндия на нас не нападала). Реформы в советской армии были весьма специфическими: заградотряды, штрафники, Смерш, указ «Ни шагу назад», приравнивание военнопленных (даже если их взяли ранеными) к преступникам... Это, конечно, повысило «обороноспособность» армии... Особенно заградотряды. Когда свои страшнее врагов, хорошо воюется.

Если у нас советская армия, то не нужны ни альтернативная служба, ни комитеты солдатских матерей, ни контрактная система. Поэтому и отметаются с порога все предложения «Яблока», СПС, «Либеральной России», правозащитников. Это самоубийственные решения, потому что в нынешнем виде армия не может защитить свою страну. Но логика, здравый смысл, эффективность — это всё не советские категории. Реформа забуксовала в головах...

КУМИРНЯ ЗОЛОТОГО СНА

«Новое время», №9, 2 марта

Нет, ничего не помогло. XX съезд, свидетельства вернувшихся из лагерей, память о Большом терроре, душевраздирающая лагерная литература, погибшие поколения, Шаламов, Солженицын, кровавые кости в колесе, хлипкая грязца (по Мандельштаму), фильм «Покаяние». Замученные миллионы, ушедшие в песок социалистической красной

пустыни, всем очевидный упадок и разрушение страны, длительное уже общение с раскованным Западом не умили мрачных твердынь Его царства. И то, что Он не лежит в Мавзолее, кажется еще более странным: как будто он оттуда сбежал, ожил и переселился в тысячи душ, в туркменские циклопические статуи, в выкрики «Сталин, Берия, ГУЛАГ!» юнцов из НБП, в ваемые впрок и находящие покупателя путинские бюстики трех сортов.

Одни таскаются с его портретами: этим нужно прямое воплощение, вплоть до Беломорканала. Другим достаточно его смрадного духа и его зловещих принципов (похоже, навеки впечатанных в плоть, душу и гены страны). Неудивительно, что ему не понравилась вторая серия шедевра Эйзенштейна: слишком много правды.

Так что пляска опричников под личинами могла быть прочитана не только как шабаш энкавэдэшников, а как экстатическое буйство народа, занимающегося самоистреблением в некоей кумирне золотого сна, отравленного величием, пышностью и беспредельной властью.

«Иван Грозный» великого мастера кино — это правда не только о тиране; это правда о народе, создающем тиранов. Как писал Твардовский: «Не те ли все, кто в чинном зале, и рта раскрыть ему не дав, уже, вставая, восклицали: “Ура! Он снова будет прав!”»

Другая эпоха, другая техника, Интернет, другой мир вокруг; но стоило Путину произнести пароль о государстве, славе, величии, как возникла железная цепь: советский гимн, реставрация, СССР, Лукашенко, Ким Чен Ир, Дзержинского на Лубянку, Сталинграду вернуть его историческое название, в Чечне война на уничтожение, в России поймать всех шпионов, а ведь каждый второй журналист — шпион, и каждый третий ученый — тоже.

Надо полагать, что «очарованные души», заживо погребенные в сталинской усыпальнице, сильно удивились и озадачились, видя освобождение Григория Пасько и слыша из уст своего кумира отказ от шпиономании и о нежелательности восстановления на Лубянке Железного Феликса и на Волге административного центра под названием «Сталинград».

Но озадачиться не мешает и президенту. Ведь тоталитаризм — это такая железная цепь, что за одно звено ухватиться (за советский гимн, скажем) и обязательно вытянешь все остальные. Главное — сказать пароль.

Трудно анализировать структуру могильной плиты, которая тебя же и придавила, под которой ты родился и под которой, скорее всего, и помрешь (это про сущность сталинизма), но надо.

Отношение к лидерам на Западе и на Востоке очень различается, но здесь дело не в степени восторга. Восторг может быть велик и на Западе, но у него другая природа. Английская королева — предмет умиления, национальной гордости, незыблемости исторических традиций. Но никто из англичан не рассчитывает, что она устроит его жизнь. Американский президент — сувенир, с которым все стремятся встретиться, сфотографироваться, попасть на ужин в Белый дом. Каждому лестно, от второклассников до профессуры. Но так же лестно было бы и со Шварценеггером, и со Сталлоне. Элемент шоу-бизнеса.

Но Америка внутренне независима от своего президента, он не Отец народов и не Большой Брат.

Ловушка, в которую попала Италия в 20-е годы прошлого века, была соткана из неизжитых и незабытых воспоминаний о величии Рима. «Медь торжественной латыни», владычество над миром, блеск кесарей, циклопическая громада Колизея, искушение славой...

Зато теперь итальянцы имеют такой иммунитет, что все время пытаются посадить своего Сильвио Берлускони за коррупцию, а королей до недавнего времени в Италию даже не пускали.

Германию погубил культ силы и избранничества, идущий прямо от эпоса про нибелунгов. Сверхлюди, поиски тибетской «старшей» цивилизации, черная мистика идеологов СС наложились на хамское желание ограбить, завоевать себе кусок «жизненного пространства», на газовые камеры и Бабий Яр, то есть на геноцид беззащитных и безоружных, что ни с какими нибелунгами не вяжется. И получилась фашизм.

Но иммунитет после Нюрнберга включился. И ни Йошка Фишер, ни Гельмут Коль в кумирах не ходили.

Зато у нас уровень фанатического обожания и религиозного культа доходил до полного безумия.

В одном из рассказов Тендрякова дурочка Параня вообразила себя невестой Сталина. Народ считает, что Параня зарвалась, что она оскорбляет Отца родного. А одна бабка возражает, что, мол, всегда юродивые девки Христовыми

невестами себя почитали. «Ну так это ж Христос, не Сталин!» — отвечают ей. А бабка робко напоминает, что Христос был раньше вместо Сталина, что ему «сколько веков молились». Дальше, как говорится, некуда. Это наша византийская традиция, конечно.

Объяснение, боюсь, в природе человека. Ведь стремление к нирване свойственно не только адептам брахманизма и индуизма. Своего рода политическая и социальная нирвана — это поддельные, фальшивые бриллианты тоталитаризма. Когда твое личное ничтожество растворяется в величии глобальных планов, недостижимых идеалов и до блеска начищенных сапог вождя.

Слабые люди ищут возможности отдать свою свободу. Неспособные преуспеть отдельно ищут счастья винтиков в гигантском и грозном механизме.

Тоталитаризм — это торжество слабости, ничтожества, бездарности. Все эти герои Гражданской войны в бурках и с усами были слабые люди. Не говоря уж о большевиках, которые отправили друг друга на расстрел под фанфары.

А слабость, бездарность и ничтожество неистребимы.

ГДЕ ВЗЯТЬ ДРУГУЮ ЧЕСТЬ?

«Новое время», №13, 30 марта

Мое поколение впервые познакомилось с офицерским сословием в шестидесятые годы. Благодаря «Неуловимым мстителям», ленте, которая мыслилась как абсолютно большевистская, но краешком (и не случайно, я полагаю) показала нам неприкаянного белого офицера с тоской во взоре на последнем крымском берегу, поющего под гитару такую хорошую песню о русском поле. Возникла четкая, однозначная уверенность в том, что страну под названием Россия любили именно эти «классовые враги» в золотых погонах, а не героические мстители и не их старшие товарищи — комиссары. Эти любили что-то другое.

Это ощущение только укрепилось и усилилось после просмотра уже на 2/3 «белогвардейского» сериала «Адъютант его превосходительства». Юрию Соломину в пору был и мундир, и понятие офицерской чести, и благородная печаль по поводу мук Отечества.

«Бег», на который все ломались в театр Ермоловой (я подозреваю, что ломались именно затем, чтобы лишний раз приобщиться к белому офицерству), дополнил картину, куда попали и «Дни Турбиных», и вклинилась «Белая гвардия». Большие редкости для тех «застойных» времен.

А тут еще спектакль «Декабристы» в «Современнике»!

Плюс полулегальный Гумилев, заплативший жизнью за офицерскую честь. (Можно быть республиканцем, но при крушении монархии врагу надо обязательно объявить себя монархистом.)

Белые офицеры брали пример с нашего любимого Ато-са из «Трех мушкетеров», пытавшегося спасти чужого скверного короля Карла I. «Слава падшему величию» — от этого же недалеко до нашего родового, до первой заповеди интеллигенции: «Милость к падшим призывать».

Образ офицера подпитывался еще и родным Высоцким, служившим, как водится, обреченному делу в фильме «Служили два товарища», и первыми кадрами «Красной площади», где симпатичный герой (когда он перешел к красным, образ утратил и убедительность, и обаяние) отказывается встать на колени перед взбунтовавшейся солдатней, несмотря на нацеленный в него пулемет. Он отказывался отдавать рядовым честь с легендарными для русского офицера словами: «Честь у меня одна. Если отдам, где другую возьму?»

У красных — комиссары, у белых — офицеры. Образ белого офицера стал для интеллигентной молодежи образом русского офицера.

Офицеры были корпорацией, профессионально любившей Отечество, они были прекрасны, благородны и печальны, они были рыцарями, они были блестящи и щедры, умны и начитаны, они были верны идеалам («Россия, Лета, Лорелея»), они умели любить и умирать, они были обречены в 1812 году («Закат рукой незримой меня благословит, и памятное имя мне клен прошелестит») и тем более в 1919-м: «Вперед, господа офицеры, умрем, коли так суждено. За Русь, за царя и за веру, хоть нет уже их никого».

А потом они ушли в изгнание, в небытие, за море, и охладела в мире любовь, и некому уже было любить Россию, да и сама Россия уплыла с ними за синие моря, за высокие горы.

Да и восставать стало некому. Ко всем своим достоинствам русские офицеры еще и бунтовать против властей умели.

Русский офицер был фрондером и в душе декабристом.

И это прекрасно укладывалось в кодекс офицерской чести: «Жизнь — Родине, честь — никому». Мы читали у Солженицына, что НКВД уничтожил всех бывших белых офицеров до 1937 года, и нам хотелось с ними солидаризироваться. Именно это и делала Марина Цветаева, выступая еще в 1918—1920 годах в клубах Москвы в офицерской форме и с планшетом, «...как будто сама я была офицером в октябрьские смертные дни». По счастью, стихи Цветаевой сложны для восприятия, и большевики не поняли вызова. Наоборот, решили, что она подражает красным командирам, и дали паек.

С «Лебединым станом» обмануться было уже сложнее: «Не лебедей это в небе стая: белогвардейская рать святая... Старого мира — последний сон: Молодость — Доблесть — Вандея — Дон». Но здесь большевики не успели, Марина Ивановна была уже в эмиграции.

Конечно, среди русских офицеров попадались и бурбоны, и бездумные исполнители. Мы же читали и «Трех сестер», и «Поединок». Но облик русского офицера определяли поручик Ромашов, Вершинин, братья Турбины. Офицер был интеллигентом в погонах; он был нонконформистом, либералом и джентльменом. Он не поднимал руки на безоружного. Он ненавидел политический сыск. Русские офицеры, как правило, жандармам руки не подавали.

В Польше русские офицеры отказывались вешать повстанцев, предпочитали пойти на расстрел. Диссидентский антиколониальный лозунг «За вашу и нашу свободу!» оттуда, из времен Польских восстаний 1830 и 1863 годов.

Советское время подвело жирную черту под всеми этими художественными аллюзиями и иллюзиями. Первыми советскими офицерами были те, кто изменил присяге и пошел на службу к большевикам. Идиллическое начало фильмов «Красная площадь» и «Офицеры» не смогло этого скрыть. Помните, как оскорбляет героя «Красной площади» его бывший коллега, белый офицер, которого наш персонаж отпускает-таки, а не сдает в ЧК? Советский офицер Тухачевский травил газами крестьян и сгонял в концлагерь жен и детей участников Тамбовского восстания.

Но тоска по чести и по благородству оставалась, появляясь то в образе Сергея Вохминцева из «Тишины», то в героях Бондарева из «Берега». Вместо карателей хотелось

видеть спасителей, и Борис Васильев пишет сагу о русско-турецких войнах. За Болгарию, за Сербию, за их свободу! А Солженицын создает утопию «Пир победителей», где советские офицеры в Германии помогают членам РОА («власовцам») и проводят чекиста. Лебедь назвал свою организацию «Честь и Родина»...

Но пока лицо российской армии определяет Буданов. Это не человеческое лицо.

АПОСТОЛ СЕРГЕЙ

«Демократический выбор», №2 (331), 24 апреля

Так назвали историки старшего из трех братьев-декабристов, одного из самых чистых и ярких героев 14 декабря Сергея Муравьева-Апостола. Он, в отличие от Трубецкого, действительно повел свой полк спасти «царя Константина и жену его Конституцию», в интерпретации солдат, и был повешен, потому что штурмовать города, дворцы и бастионы, если умы неприступны в своей косности, а души непоколебимы в своем рабстве, — дело бесполезное. А был ли полк, хотя бы самый забытый, у полковника в отставке Сергея Юшенкова? Что он мог захватить? В отличие от Валерия Саблина, корабля у него никогда не было и угнать он ничего такого не мог.

Уже в военном училище прочел он много книг, и стало ему ясно, что угонять надо Россию целиком. В иной, более человечный и свободный мир. Вот некуда только буксир привязать... В юности курсант-подпольщик Юшенков создал бы, пожалуй, социалистическую партию с человеческим лицом. Но это у него прошло, как с белых яблонь дым. И он сначала пришел в «Демвыбор России» — как самый радикальный «выборосс». Это он в роковом декабре 1994 года, когда танки шли к Грозному, когда рвались узы человеческих отношений Ельцина и демократов, публично осрамил Первого Президента, пытавшегося укрыться в операционной от гнева прежних сподвижников, заявив, что президент отгородился от страны носовой перегородкой и под шумок начал колониальную войну. А дальше каждый поступил в меру собственного великодушия. Юшенков простил Ельцина. Ельцин не простил Юшенкова.

В «Демвыборе» Юшенков был явно начальником штаба у глубоко штатского Гайдара, и только сейчас мы узнаем, что созвать безоружную демократическую Москву к Моссовету защищать от вооруженных путчистов полуживую, наполовину уже свергнутую демократию посоветовал именно он. Это было военное решение, и, слава Богу, Гайдар этому совету последовал. В «Демвыборе» был свой военный «спец».

Сергей во всем был офицером, белым офицером, офицером обреченной армии, с прямой спиной и бесхитростной душой. Негибкий и несгибаемый, не признающий тактики стратег, он был похож скорее на князя Святослава, чем на Цезаря. «Иду на вы» — это было у него написано и на лице, и в заявлениях, и в интервью. И когда обожаемый им Гайдар решил распустить ДВР, влиться в СПС и проголосовать за Путина, он ушел. Ему не хватило в СПС воздуха, и света, и категоричности, и ненависти к режиму, и однозначности, и жесткости. И он ушел в «Либеральную Россию» искать себе чести, а либерализму — славы.

У него был нетрадиционный для либерала любимый герой — Овод, Феличе Риварес. Что ж, кончили они одинаково. Только австрийские власти оккупированной Италии были откровеннее: провели военный суд, вынесли приговор, за что международная общественность их осудила. Как и Овод, Сергей не верил в Бога. Но Бог, надо думать, верил в него и не ошибся в своем доверии.

И детство у него было нетрадиционное для поклонника Хайека, книжника, с наслаждением создававшего теорию неолиберализма для российских условий. Как у Твардовского и Ломоносова. Он доил 14 материнских коров (норма для доярки), косил, пас скот, работал на огороде. Но народником он не был. Типичный декабрист. И все площади вокруг, от Пушки до Васильевского спуска, были для него Сенатскими. Гранит и алмаз — вот субстанции, с которыми он ассоциировался. И при этом еще был белым и пушистым, добрым и наивным до того, что становилось непонятно, как он вообще стал депутатом. Причем, заметьте, старожилом, с Межрегиональной группы.

Кто еще поверил бы в чистоту помыслов Бориса Березовского? А он поверил. И многие ли ушли бы, перестав верить, отказавшись от миллионов, без гроша, зная, что никто не даст «жесткой оппозиции» денег на выборы? И он

хлебнул сполна, как полагается святому, вечно принимаемому за юродивого.

Над ним глумились каналы и газеты, даже независимые и либеральные. Ему давало слово только «Эхо Москвы», если говорить о полноте и регулярности. Над ним подтрунивали демократы из Думы, и это было больнее, чем пинки и грубости от думских недемократов, прямых врагов. Пожалуй, высшее звание, которого он удостоился, это титул «гаденыша», пожалованный Павлом Грачевым. Мало кого коммунисты, нацисты, империалисты, гэбисты так ненавидели, как Сережу. Друзья могут ошибиться, недооценить, не понять. Враги не ошибаются никогда. И если возникает версия, что киллер был дилетантом, не туда и не так стрелял и, самое занятное, не туда бежал, то не верьте: он убил и скрылся, и его никогда не найдут. И это было вполне профессионально. И то ОСО, которое вынесло приговор, и палач, и Ген- и просто прокуратура, «разрабатывающая» экономическую версию, и официоз, «берущий под особый контроль» и даже соболезнующий, — они все действуют профессионально.

Непрофессионально действуют журналисты, которые вовсе не интересуются вопросом, почему бригада из прокуратуры вскрыла кабинет депутата в Госдуме и без понятых, отшвырнув бросившихся к двери помощников, предварительным обманом получив ключи от сейфов, четыре часа сидела в кабинете, потом уехала, наложив новую печать. Кто знает, какие документы теперь лежат в юшенковском сейфе и на какую версию они рассчитаны?

Непрофессионально бросаться на все «утешительные» версии, начиная с того, что апостолы от либерализма не поделили кассу или что опереточный злодей Березовский решил осложнить себе жизнь в Англии, по очереди убирая сопредседателей «Либеральной России» (как будто это миллиардный нефтяной куш), но оставляя на потом своего главного недоброжелателя депутата Похмелкина.

Все версии идут на наживку, вплоть до самой экзотической, что убили Сергея дилетанты, которых он не напечатал в своей газете. И все версии заглазываются, кроме самой очевидной и самой жуткой для страны, где спецслужбы кололи зонтиками, угощали конфетками с ядом (см. Павла Судоплатова), били ледорубами по голове, привязывали убитых к бамперу машины, как Михоэлса, или

выбрасывали из поезда, как изменившего Сталину дипломата Раскольниковова... Страна хочет об этом забыть и прячет голову под крыло. И ей не видно, и ее не видно.

Депутата Юшенкова убило то, что за ним в Думе не было полка. В кулуарах к нему подходили, благодарили за смелость и выражали поддержку (если никого не было рядом). Но никто не смел голосовать и говорить так, как он. Скажем, предложить России присоединиться к антииракской коалиции. Кто это мог поддержать, кроме верного Виктора Похмелкина, кроме Юлия Рыбакова и Сергея Ковалева, когда они на заседании, что бывает нечасто?

Принцип «всех не перевешаете» не действует, когда, кроме нескольких диссидентов, никто не рвется на виселицу. Тогда легко всех перестрелять. Галину Старовойтову, Сергея Юшенкова...

Безденежная «Либеральная Россия», которой сулили на выборах один-два процента, тем не менее получила регистрацию именно 17 апреля. Значит, бесплатное эфирное время на государственных каналах. И здесь бы прозвучало кое-что покруче того, из-за чего разогнали НТВ и отключали ТВ-6. «Ну и что? — спросите вы. — А какой вред от критики слабого и гонимого народом меньшинства реформаторов?» А какой вред системе был от погибших в лагерях Анатолия Марченко и поэтов Юрия Галанскова и Василия Стуса? Стоило разве гоняться за каждой самиздатовской книжкой? ГБ нефункциональна, она хочет, чтобы все замолчали просто из любви к несвободе. «Это кончилось», — скажете вы. Не знаю, по-моему, у нас скорее кончатся независимые СМИ и героические демократы вроде Сергея. А ГБ всё больше и больше...

И хотите ли вы получить доказательства той последней, страшной версии? Ведь тогда придется или вставать к барьеру и рисковать как минимум карьерой, или считать себя подлецом! Не хочется. Лучше нас возвышающий самообман.

Сергей Юшенков ушел туда, где нет ни лжи, ни конъюнктуры, ни измены, ни конформизма, ни компромисса. А мы все еще желаем верить, что такие трагедии случаются без воли президентов. И у Лукашенко же «потерялись» Юрий Завадский, Виктор Гончар и Владимир Захаренко. Прав был Иешуа Га-Ноцри, когда утверждал, что самый страшный порок — это трусость.

15 ЛЕТ ВНЕ СТРОЯ

9 мая 2003 года

«Демократическому Союзу» – 15 лет

ДС существует на родных российских просторах уже 15 лет и существует не вдоль, а поперек. За учетное время ему в компании с другими свободными людьми удалось разбомбить социализм. И как бы дальше ни сложилась судьба страны, при социализме уважаемые россияне жить уже не будут никогда. За это время нам удалось поработать над строительством капиталистического лагеря для беженцев из СССР, а ежели они хотят жить под крышей со всеми удобствами, то условия для капстроительства созданы, надо только засучить рукава. Проломлена брешь в Московской стене, которая куда выше Берлинской. Путь на Запад открыт. Все возможности для свободной жизни типа парламента, выборов, прав и свобод выдаются даром по первому требованию народа, а если народ не требует, то это не вина ДС.

За ключик от каморки папы Егора Гайдара, откуда открывается вид на суп с бараниной, причем не нарисованный, а настоящий, и на новый театр для новой либеральной жизненной игры, ДС заплатил сполна, с 1988 года по 1991-й, в разных тюремных камерах и под сапогами ОМОНа, заплатил здоровьем и стартовыми возможностями для личного преуспевания своих членов. Пользуйтесь хотя бы, раз уж пришли на готовенькое. Мы по-прежнему свободны и не куплены, мы по-прежнему стоим во весь рост и иронически улыбаемся в рабской стране, которая все еще целует очередные полковничьи сапоги. Мы по-прежнему знаем, что надо делать, и по-прежнему готовы довести до земли обетованной, в которую мы попадем, когда Россия станет частью Запада. Наша крепость все еще не выкинула белый флаг, а вы сдавайтесь как хотите, поротно и по-батальонно, как все эти 80 лет. Россия проигрывает свое главное сражение под хор холопов, славящих единую чекистскую и путинскую Россию, но наш полк стоит на своей незавоеванной территории уже 15 лет, и этот полк мы вам не дадим забыть, и комфортного рабства у вас не будет, и мы вас будем тянуть из болота за уши.

За нашу и вашу свободу!

СЛАВЯНСКАЯ ДУША У ЕВРОПЕЙСКОГО ВХОДА

«Новое время», №21, 29 мая

«Честь тебе, Петербург чародейный, порожденье гранита и вод. Стройный, дивный, булыжный, питейный, с мокрой тумбой у каждых ворот...» — так начинается туманное, ночное, серебристое стихотворение, такой же гимн великому городу, который так торжественно, печально и загадочно звучит, когда от перрона Московского вокзала отходит «Красная стрела». (В начале 90-х годов ее даже пытались переименовать в «трехцветную», но ограничились переименованием (да и то ненадолго) «Ленинградского» торта в «Санкт-Петербургский».)

Петербург мыслился 300 лет назад как окно в Европу, но у Европы много измерений, и окно, распахнувшееся на Тауэр, Форум, Колизей, Лувр и Эскориал, не давало доступа ни на Гайд-парк, ни в солнечные римские таверны, ни на Монмартр, ни на нарядные и беспечные улицы Кордовы и Севильи. Петербург — это, конечно, сказка и тайна, но тайна зловещая и сказка с печальным концом.

«Честь тебе, набегающий небом на Фонарный, Дегтярный, Мучной, сладко пахнувший утренним хлебом и крошечной тоскою ночной...» Этот город был зачат нашей вечной скифской жадой соединиться с хрупким, фарфоровым, изысканным Западом — взять силой, если не согласятся добром, и оплодотворен железной волей властелина, который не понял, что Европа не только сумма красиво и причудливо сложенных камней и парков, но и стиль человеческих отношений.

Мрамор, гранит, вода, головокружительный, щемящий простор площадей и проспектов — всё это очень похоже на Венецию. Но не на сегодняшнюю Венецию, мекку фестивальную и туристическую, приют влюбленных и голубей, а ту Венецию Отелло и Дездемоны, Марино Фальеро и Совета десяти, двоих Фоскари и Моста вздохов, которой она была во времена Средневековья. Восточная изощренность собора Святого Марка пахивала не только крестом, но и полумесяцем, и жестоким сладострастием и коварством веяло от кружевных стен и зеленых морских бездн, разверзающихся у ступеней вашего палатца. «Объяли меня воды до души моей...»

Карнавалов в те времена было не больше, чем пыток и казней. В сущности, Венеция — это Гранада Италии, для которой не случилось Реконкисты. И самый красивый мост Венеции, Мост вздохов, вел все-таки к месту казни, а не на брачное ложе.

Роман Африки и Европы в Венеции мог закончиться только так, как у Отелло и Дездемоны. Яго — это типичный венецианец, жестокий и изысканный, опасный и умный. Да и Лев, геральдический зверь города, отнюдь не безобиден.

Так и Петербург. Из окна в Европу тянуло холодком. Не теплым весельем Парижа, а имперским льдом, синим стынущим холодом официоза. По Мандельштаму: «А над Невой — посольства полумира, Адмиралтейство, солнце, тишина! И государства жесткая порфира, как власяница грубая, бедна».

Если в разгульной, кабацкой, пряничной Москве еще выпадали веселые минуты (было Лобное место, были Кремль, Лубянка, Преображенский приказ, но были и ярмарки, и масленица, и «гимназистки румяные, от мороза чуть пьяные»), то холодный и прекрасный Петербург был создан вообще не для радости. Мыслить и страдать — вот его предназначение. Достоевский, Гаршин, Блок, Мандельштам и Ахматова, его придворные авторы, его исповедники и пророки — это сила страсти, тайны и неизбывной печали, текущей вечной невской водой. «В Петрополе прозрачном мы умрем, где властвует над нами Прозерпина». Петербург всегда был безжалостен к малым сим, к Башмачкиным в залатанных шинелях и к бедным Евгениям, оплакивающим своих Параш.

Когда в семидесятые годы Даниил Гранин написал в «Новый мир» статью о пушкинском «Медном всаднике», то получилась крамольная отповедь жестокому, топчущему человеческие судьбы тоталитаризму. В советской империи было много от петровской: холодное золотое величие, экспансия, ломающая живые человеческие кости мощь. И всё это — на фоне сказочного, прекрасного пейзажа. Но ведь и гитлеровский Нюрнберг существовал в рамках готики братьев Гримм и великих мифов о нибелунгах.

«Честь тебе, ты велик и бескраен под покровом ночной темноты, где пряят над пустыней окраин тени тех, кого высосал ты»... «Тяжело-звонкое скаканье по потрясенной мостовой» — это же почти шаги Командора, который тоже

по-своему впечатлял. Имперский сон — это кошмарный сон, но он еще и наркотический, и как же трудно проснуться к убогой и скудной реальности рядовой полуазиятской страны и перестать грезить мрачным, зловещим, простершим «совиные крыла» над миром прошлым.

Петербург, в отличие от хлопотливой, земной и прагматичной Москвы, — это город не проснувшийся и не вернувшийся с полярного, сказочного холода несбыточных грез. Двухликий Янус из Летнего сада и невский сфинкс — вот его символы. Красота и жестокость, амбивалентность роковой судьбы.

В Петербурге есть вечно мятежная Сенатская площадь, но есть и Семеновский плац. И есть Дворцовая площадь и арка Генерального штаба, Адмиралтейство и Зимний дворец, символы вечного, холодного, безмятежно-несокрушимого государства. Как прав был Тютчев, обращавшийся к декабристам: «О жертвы мысли безрассудной, вы уповали, может быть, что станет вашей крови скудной, чтоб вечный полюс растопить!» Достоевский писал, что Добро со Злом находятся в вечном единоборстве и поле битвы — сердце человеческое. А сердце России — это, бесспорно, Петербург с его мятущейся раздвоенностью, попыткой пролезть со всеми своими горбами через игольное европейское ушко и тягостным отливом назад, в смертельные тенета империи.

300 лет Петербурга — это 300 лет российского самознания и самопознания, 300 лет попыток преодолеть силы своего исторического притяжения к переодетым в блестящий вицмундир Орде и Византии, чтобы белым лебедем, отвязавшись от рака и щуки, перелететь на блаженный «тот берег», берег Европы.

Только при Анатолии Собчаке эту двойственность удалось преодолеть, и Петербург стал городом добрым, безопасным, свободным, как нарядная европейская гостиная. А потом всё вернулось вспять. Петербург дал стране Галину Старовойтову, Анатолия Чубайса, Анатолия Собчака, Григория Томчина и Олега Басилашвили, целый букет либералов и реформаторов. Но ведь Урицкий, Владимир Путин и Виктор Черкесов тоже оттуда. Мариинский дворец и Смольный никогда не договорятся.

«Честь тебе, возвеличенный лестью, обездоленный и золотой. Наливайся, кормись моей честью, умывайся моей чистотой».

ЧЕМ КОНЧАЮТСЯ ВРЕМЕННЫЕ ОТСТУПЛЕНИЯ

«Новое время», №29, 30 июля

Вы будете смеяться, но печальная история, приключившаяся с Платоном Лебедевым и подползающая к Михаилу Ходорковскому (а также внезапный интерес Сергея Степашина к карманным расходам Романа Абрамовича, который вместо жвачки и мороженого купил себе немножко «Челси»), почему-то воскресила у меня в генетической и исторической памяти «период первоначального накопления капитала», то есть XVIII и первая половина XIX века в США (а местами и добрая часть второй половины). И еще почему-то конец 20-х и начало 30-х годов в СССР, когда кончался НЭП и наступал период сплошной «Индус. Три. Али. За.», по определению старика Синицкого из незабвенного «Золотого тельца». И из того же произведения цитата из книжицы, посланной Бендером подпольному миллионеру Корейко: «Все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем».

Откуда же у меня такие аллюзии и инсинуации?

Деятельность предприимчивых американских колонистов по приобретению собственности сначала регулировало их собственное англосаксонское правосознание, потом — ассамблеи штатов, потом — американская конституция (графа о праве каждого на стремление к счастью) и суды присяжных. И это в поселениях хотя бы не меньше Дайи. Немного подалее, в прериях, во льдах Клондайка, на свободной «индейской» территории, куда собирались бежать Том Сойер с Гekom Финном, для решения правовых споров были выборные шерифы, суды Линча, господин кольт и комитеты золотоискателей на Севере. Весь этот живописный период свободной земли и свободной воли широко представлен на страницах Джека Лондона, Брета Гарта, Марка Твена, О.Генри и Фенимора Купера. Так что, если кому неохота читать двухтомник по американской истории из «Иностранки», можно приобщиться к художественным источникам.

И обнаружится, что девственный континент был, в сущности, отдан на откуп первопроходцам, и величина надела в прериях, на ручье Эльдorado, по ту сторону Скалистых гор, на Дальнем Западе по Ирвингу Стоуну («Достойные моих гор») зависела от силы духа и величины запросов. Комитеты поселенцев или золотоискателей с помощью

кольтов блюли всё остальное. В принципе, лозунг Бухарина «Обогащайтесь!» прозвучал впервые именно на просторах молодой и дерзновенной Америки. А богатство скотовода зачастую определялось умением воровать скот (это уже О.Генри). Мелкие провинциальные банки давали ссуду под честное слово, без обеспечения, и одалживали на время активы близким друзьям владельцев.

Однако большинство и англосаксов, и иностранных переселенцев стремились все-таки к честному конституционному порядку (свобода без беспредела), поэтому шерифы убрали бандитов, а не наоборот, а милиционные отряды рейнджеров сменились полицией штатов. И никого уже не волновало, как короли Бонанзы и скота достигли своего благосостояния. Никто и никогда не пытался пересмотреть эти итоги приватизации целого континента. И этот мощный импульс свободы и независимого от государства приобретения всяческой собственности, охраняемой не только законом, но и вооруженным гражданским обществом, во многом предопределил сегодняшние процветание и первенство Америки. Государство на первых порах не очень-то влезало в «хозяйственные споры». А сегодня можете ли вы представить себе иск индейцев о выселении белых пионеров за нелегитимный захват американских земель? То есть иск-то возможен, выселение невозможно.

И никогда государство не потребует ликвидации первых клондайкских заявок, даже если их владельцы не то что купили бы на намытое золото футбольную команду, а просто проиграли их в карты (что зачастую и случалось). Сегодня такие заявки и коммерческие технологии не в ходу, но над прошлым (уже далеким) опущена благодетельная завеса забвения.

А в России 1990-х годов было, по сути дела, то же самое. Просто полтора века истории спрессованы в полтора десятка лет. Перед российским алчным и юным бизнесом лежала девственная страна, которую предстояло поделить. Хотя реальной, полной, безоглядной собственности на землю и недра нет до сих пор (не было у нас права застолбить участок и мыть золотишко для себя лично). От жесткого социализма до олигархов, отбивающих друг у друга «Связьинвест», — как раз историческая эпоха, и судить одну по законам другой можно, только исходя из принципа Прудона: «Собственность — это воровство».

И в подсознании возникает страшная догадка: а вдруг государство никуда и не уходило? Вдруг на каком-нибудь селекторном совещании приватизация и либерализация были названы «временным отступлением»? Ведь НЭП не только дал право на жизнь частным ресторанам, магазинам, казино, колбасным фабрикам и свечным заводикам, но и отдал западным бизнесменам в концессии крупные предприятия, пароходства, второстепенные железные дороги... А мелких фермеров до поры никто не трогал. Риторика же перехода от НЭПа обратно в почти что военный социализм тоже что-то напоминает. Концессии были аннулированы на основании того, что земля и недра принадлежат народу, хотя советское правительство со Степашиным не пересеклось. Налоги, вплоть до «уравнительного» (хотя на самом деле — «прогрессивного»), попадают в такт предложениям левых о том, чтобы изымать у «эксплуататоров» сверхприбыль. Защита «отечественных товаропогубителей» с помощью сверхпошлин на иномарки напоминает высказывания «аграриев» конца 20-х годов про иностранные породы свиней, что-де посредством этих «буржуйских хряков» ихняя буржуазия «хочет расплодить богатеев в пролетарской стране».

Журналисты, уstraшенные ликвидацией как класса команды Киселева и ТВС, в кулуарах уже высказывают гипотезу, что «дела оборотней» — не борьба с коррупцией, а зачистки силовых структур перед репрессиями (как это было с прокуратурой и НКВД перед 1935 годом). Разговоры 20-х и ранних 30-х о «мироедах» хорошо накладываются на «раскулачку», благо уже есть равноудаленные олигархи Гусинский с Березовским. Да и дело Головлева пахло избирательным пересмотром результатов приватизации. И кулаками, видимо, будут объявлять избирательно, за плохое поведение. А если силой заставляют сотрудничать, это уже не либеральная эпоха.

ПРЕТОРИАНСКИЕ ПРИЧУДЫ

«Новое время», №33, 17 августа

Представим себе такое художественное полотно: избран новый президент США. Клинтон, Буш, Форд — неважно кто. На этом основании страна начинает срочно вступать в ту партию, к которой данный президент принадлежит:

вся администрация, губернаторы штатов, мэры городов, Шварценеггер, Сталлоне, поп-звезды, Майкл Джексон. Госсекретарь (или вице-президент) заявляет, что он не член данной партии, но ее возглавляет. Партия тут же называет себя «партией власти», занимает все экраны и каналы, начинает готовиться одновременно к выборам в конгресс, сенат и к президентским, причем всюду транслируется информация, что у президента нет достойных конкурентов и вообще альтернативы. Тут же спикеры сената и конгресса (или ведущие, наиболее уважаемые депутаты) организуют еще по партии для поддержки того же президента, и все дружно начинают петь ему осанну.

Назвать в контексте США такое полотно можно было бы только «Последний день Помпеи». На этом бы и закончилась политическая карьера президента и всех его партий. Партии набрали бы столько, сколько набирают в США коммунисты и другие маргиналы, а президент, скорее всего, кончил бы импичментом.

Но уже в первой части «четвертого сна спикера Мирнова» пришлось бы проснуться, потому что такое дикое поведение мэров, губернаторов, народа и киноактеров просто невозможно.

С Великобританией такое тоже не получается. Не могу представить себе лордов, судорожно вступающих в Лейбористскую партию только на том основании, что премьер-министром стал лейборист.

Вообще островная (англо-американская) политическая система держится на «законе меняющихся коалиций», то есть президент или премьер-министр под свое предложение собирает не обязательно партайгеноссе, но и часть конкурирующей партии, в зависимости от предложения. Тогда как «свои», напротив, могут не поддержать (как у Тони Блэра с вопросом об участии в антииракской коалиции, чему ужаснулись лейбористы, но поддержали консерваторы).

Невозможно также смоделировать эту ситуацию на европейском политическом театре. Если партия канцлера ФРГ (как это уже было с ХДС) вдруг зазнается, избиратели быстренько поставят ее на место. Вместе с канцлером. И ни при де Голле, ни при Помпиду, ни при Жискард'Эстене, ни при Шираке никто и никогда не смел именовать «Союз в защиту Пятой республики», как называли это объединение при де Голле, «партией власти». Тем более что

в Национальном собрании большинство у партии, даже давшей стране многих президентов, случается не часто. То-то обрадовался Жак Ширак, когда ему выпала такая удача.

Словом, везде в мире цивилизации и западных ценностей (что одно и то же) бывает партия у власти, но не бывает «партии власти», ибо власть — явление переходящее и преходящее (в ходе выборов). И уж вовсе никогда не бывает партий, формирующихся под конкретного президента после его прихода к власти. Партия может выдвинуть президента и привести его в Белый дом, Елисейский дворец и т.д. И только.

Конечно, популярный президент озарит лучами своего успеха и партию, в которой состоит. Но срочный оргнабор в новую партию, выкроенную под данного президента, — этому в цивилизованном контексте не бывать.

Тогда возникает естественный вопрос: а партии ли это — и «Единство», и «Партия жизни»? Ведь нехитрая идея, что лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным, и еще более бесхитростная любовь к президенту (которая кончится вместе со сроком его полномочий) на партийную программу не тянут. Подобная политическая конструкция приличествует государствам тоталитарным. Общенародная партия, общенародное государство, любимый до слез президент (или генсек). Какая-нибудь партия Баас (в недавнем прошлом), КПСС (оттуда же), компартия Китая (в печальном настоящем), «Единство» for ever (в недалеком будущем). Ein Volk, ein Reich, ein Führer. И вождь один, и народ один, и государство объединилось... Вокруг чего, кстати? Не «вокруг чего», а «против чего».

«Партия власти» — это только начало. Дальше идет просто партия. И уже никто не спросит какая. Все и так поймут. Единая, руководящая, направляющая; партия — наш рулевой.

«Колосятся бескрайние нивы на широких просторах страны, мы заботами партии живы и ее руководством сильны!»

Собственно, это готовилось и назревало давно. Со времен «Нашего дома — России», «Отечества», «Всей России». Эти новообразования претендовали на общенародность и сплочение рядов, им не хватало только соответствующего президента, не «замаранного» ни Беловежской пущей, ни порочащими его связями с демократами, ни либеральными реформами по Гайдару и Чубайсу, ни подавлением

красно-коричневого мятежа в 1993 году, ни выводом войск из Восточной Европы.

Президент и номенклатура наконец нашли друг друга. Правда, можно это «партией» и не называть. В Древнем Риме это называлось иначе. Там это называлось «преторианская гвардия». И завел ее себе Рим уже после либерала Цезаря; при остальных 11 кесарях из книги Светония, от Августа до Домициана, она заменяла с большим успехом другие, менее убедительные, аргументы в сенатских прениях, пока таковые были.

Правда, преторианцы были при копьях, мечах и шлемах, но ведь и грызловское МВД, скорее всего, при чем-то, да и программа у преторианцев была схожа с «единоросской»: «Да здравствует Кесарь!»

В отечественной же истории мы наблюдаем схожий прецедент в XVI веке. Была у Ивана Васильевича Грозного аналогичная в идейном отношении структура, называлась она опричина. Программное обеспечение просто неувядающее: собачья морда у седла (преданность государю), метелочка («зачистка» врагов) при том же седле.

И здесь не так уж много гипербол: китайская компартия явно отошла от учения Мао и принимает в себя бизнесменов (о ересь!). Ригидная КПСС и то на смертном одре декларировала «общенародное государство», а не диктатуру класса, как «в начале славных дел».

А что всё происходит тихо, бескровно, добровольно, без казней на Лобном месте, то оно и понятно: в наш просвещенный век насилие ни к чему, когда все расслабились и получают удовольствие.

И можно сколько угодно цитировать Лермонтова: «Вы, жадною толпою стоящие у трона!»

Все равно никакая инстанция не станет рассматривать дело «наперсников разврата» (и возврата). Кроме Божьего суда.

ФАБРИКА «ОБРАЗОВАНЦЕВ»

«Новое время», №36, 7 сентября

«А для низкой жизни были числа, как домашний, подъяремный скот, потому что все оттенки смысла умное число передает». Так писал Гумилев. Он, как всякий гуманитарий, числа слегка презирал, зато слово боготворил. «Но забыли

мы, что осиянно только слово средь земных тревог, и в Евангелии от Иоанна сказано, что Слово — это Бог».

Вот вам и идейное обоснование спора физиков и лириков. Лирики — высшая раса, физики — хозобслуга. Если приложить эту вечную коллизию к системе образования, то мы получим следующий расклад: Древний Египет — превалируют физики. Средневековая Европа, Япония и Китай — царствуют лирики; Россия до 1917 года — лирики решительно побеждают; современный Запад — равновесие между лириками и физиками; СССР и новая Россия — лирики в загоне.

Жреческие школы Древнего Египта были сугубо технотронными (а других не было). Превыше всего почиталась практическая польза. Иероглифы, каллиграфия — это было лишь средство, а цель была в вычислениях. Разливы Нила, уровень воды, измерения сечений и углов в пирамидах, звездные карты, астрономия... Это всё было утилитарно, помогало в земледелии и архитектуре, давало возможность заниматься навигацией и предсказывать солнечные и лунные затмения. Жрецы Египта были технократами, интеллектуалами, а богов с головами животных держали для народных масс. Простейшие действия арифметики почитались за государственную тайну; им обучали только избранных, в жреческих школах второй ступени. Литература же и философия были рудиментарны (по сравнению с той же живописью).

Средневековая Европа со своими тривиумом и квадривиумом явно отдавала предпочтение эллинской образованности: философия, грамматика, музыка, театр, риторика, поэзия и проза с XII века. Математика входила в программу, но схоластика была престижнее.

Сорбонна, Оксфорд, Кембридж, Саламанка готовили адвокатов, политиков (тогда их вербовали в основном из юристов и ораторов), докторов типа Фауста. Химия была полуподпольной (алхимия), а за физику и астрономию можно было погореть (в буквальном смысле, на костре; ведь сожгли же Джордано Бруно даже не в Испании, а в Риме, и не в Средние века, а в 1600 году — за элементарную физику и астрономические расчеты).

Япония и Китай выше всего ценили искусство каллиграфии и стихосложения, а к техническому прогрессу Япония подошла в XIX веке (Китай же еще позже).

Интересно было устроено среднее образование в дооктябрьской России. Право на поступление в университет без экзаменов имели только выпускники классических гимназий. Конечно, они там и алгебру зубрили, и физику (Краевича) почитывали. Но словесность была важнее, и главное, недостижимое для советского и нероссийского школяра, — латынь, греческий, французский, немецкий, история по Иловайскому (сегодняшний уровень истфака МГУ)... Помните молодого поэта из раннего рассказа Катаева, который в 1923 году сидит голодный у себя в мансарде, но читает Апулея в подлиннике? Это он успел закончить классическую гимназию. Были реальные училища (технический колледж, а не ПТУ!), коммерческие, правовые, то есть юридические (по схеме нынешнего Оксфорда, состоящего из десятков таких колледжей). Выпускники этих училищ при поступлении в университет должны были сдавать экзамен (а в «Техноложку» — нет).

Еще депутат Шульгин с болью говорил, что в России слишком много болтунов и слишком мало инженеров.

Всё изменилось после октябрьского переворота. Индустриализация. Оборонка. Военка. «Броня крепка, и танки наши быстры...» Физику, химию, математику стали усиленно развивать (и оплачивать), да и умные люди ушли из гуманитарной сферы. Она выродилась, иссохла, стала плоской, примитивной, лживой, однозначной. Хорошим тоном стало поступать в Физтех, Бауманку, МИФИ — рассадники свободомыслия. Изучение языков тоже сошло на нет. При советском-то изоляционизме зачем было знать языки невыездным совкам? А латынь, как нечто бесполезное, из моды вышла. Не говоря уж о греческом.

Свободное владение европейскими языками не культивировалось еще и потому, что безъязыкость была дополнительной Берлинской стеной. Не разговоришься с иностранцами, труднее «остаться» на Западе, не прочитаешь «крамолу» из фонда «Иностранки» и «Исторички». Русских, переводных вариантов там не было, а иностранными источниками толщиной в 400—700 страниц мало кто мог воспользоваться.

Увы! Это всё не изменилось даже в 1992 учебном году, еще до православия, ныне усиленно внедряемого как учебный предмет, в ту сладостную пору, когда самодержавие и народность временно были убраны в запасники.

Хорошее платное образование Великобритании, хорошее бесплатное образование Франции в равной степени ориентированы не на «золотое» правило дидактики Яна Амоса Коменского: «Учить всех всему». Не все пойдут в старшие классы французских лицеев, а только самые способные. Не всему будут они учиться, а в старших классах их поделят на потоки: А, В, С, D etc. Классическая филология, современная филология, математика и физика, химия, биология, техника... Не все получают диплом, то есть станут бакалаврами. Все получают шанс, но не все смогут по соображениям «ай-кью».

Как-то мне в руки попала книжница Мориса Шублие — учебник для французской начальной (!) школы. По истории. Издан в 1870-е годы. Уровень если не истфака, то филфака МГУ.

А объем гуманитарных знаний, даваемых нашей средней школой, по-прежнему тянет на рабфак. Скучный и предельно идеологизированный ассортимент советского учебника литературы, чуть-чуть разбавленный «модерном»: Ахматовой, Булгаковым. Да и то этот модерн собираются упразднить. Нулевое знание языков. Жалкие обрывки зарубежной истории. Косно и традиционно изложенная отечественная история. Несколько продвинутых учебников, которые 99 % школ боятся взять в пособия, как явную ересь. Самодовольство и спесь Третьего Рима в абсолютном большинстве исторических пособий. В каждой строчке. Региональные изыски типа азбуки «о Вовочке». Скудоумие, помноженное на скудость сведений чисто фактологических.

И чем поможет единый экзамен и тестирование, если школьный багаж уместается в одной котомочке? Значит, между средней школой и высшей — опять пропасть. Самообразование, педагоги-репетиторы, частные школы Запада (за большие деньги; не все же получают грант или попадут «на обмен» в семью носителей языка). Где-то находится энтузиаст-словесник, где-то есть хорошая лингвистическая спецшкола. Если повезет. А в основном наша школа продолжает плодить «образованцев», малограмотных, но по-прежнему уверенных, что и в области «всеобуча» мы впереди планеты всей.

ДОСТОЕВСКОГО В ПОЛИТТЕХНОЛОГИИ

«Новое время», №37, 14 сентября

Чем дальше, казалось бы, мы уходим от дремучего тоталитарно-непролазного леса российского прошлого, тем больше попадаетея нарубленных с запасом на века, валяющихся под ногами тех же тоталитарных дров. Вот вам выборы. Вот вам партии. Осел, козел, косолапый мишка. Лебедь. Шука. Рак. (В одном флаконе.) Мартышка с очками. Крылов ведь описывал будущий электорат, будущих политиков, будущих пиарщиков. С тех пор ничего принципиально не изменилось.

Вроде бы политический рынок. Есть спрос, есть предложение. Но если вдуматься в нехитрую суть востребованных товаров и предложенных услуг, то картина получается жуткая. Традиционно жуткая. Почти все избиратели действуют прямо по формуле Великого инквизитора из вставной новеллы в «Братьях Карамазовых». Чайние большинства недвусмысленно: «Поработи нас, но накорми» (варианты: защити, укрой, согрей, успокой). Хочется как можно скорее и прибыльнее всучить кому-нибудь когда-то, в начале 1990-х, свалившуюся с неба на бесталанные головушки обременительную и непонятную, несъедобную и холодную свободу.

И вот навстречу потребителю идут производители. Являются на подиум партия — одеяло, партия — шоры, партия — спальный мешок, партия — скатерть-самобранка. Партия реванша, партия приятных сновидений. Все они призваны удовлетворить одну потребность: не вылечить зубы, а заговорить. Больной, конечно, умрет от заражения крови. Но таковы правила демократии: всеобщее, прямое, равное, тайное избирательное право. «Четыреххвостка». Никто не имеет права (и возможности) силой затолкать глупого пациента в кресло и выдрать гнилой зуб. Дантист, к которому приводят под конвоем, — уже палач.

Нет, этот фильм придется досмотреть до конца. Гибель пациента от свободного выбора. А свободный выбор — отказ от лечения. И в том избиратели дадут подписку на бюллетенях «Единой России», народных, возрожденческих, коммунистических, либерально-нацистских и прочих партий. Ничего нельзя сделать.

СПС зазывает клиентов в стоматологический кабинет. Объясняет, что будет больно и почему должно быть больно. Показывает инструменты, рассказывает, что для чего. Ведь нельзя без боли вырвать вековые комплексы, хронические недуги, рудименты социализма, империи, сказочного королевства кривых зеркал. Но пациенты всё свое уносят с собой и идут мимо варягов и греков в то вымышленное царство, где по щучьему веленью и по их хотенью отечественные сапоги-скороходы, омытые в Индийском океане, давно превзошли все «ауди» и «мерседесы», а ковры-самолеты сто очков вперед дадут «боингам».

Про провиант я и не говорю, провиант в этом государстве известно какой: молочные реки, кисельные берега, скатерти-самобранки... Куда там Штатам и Евросоюзу. Желание идти «другим путем», то ли третьим, то ли четвертым, прямо пропорционально нежеланию идти, как все люди ходят, по первому нормальному капиталистическому пути.

Великий инквизитор (и вместе с ним Достоевский), кажется, не знал самого неприятного: нельзя накормить поработанных; поработанные так работают, что их нечем становится кормить. Однако целый набор партий, и «жизни и возрождения», и коммунисты, и социал-демократы, предлагает свой табльдот безданно, беспошлинно, за одни красивые глаза.

«Партия жизни» предлагает жить (не окончив войну). «Партия возрождения» предлагает возродиться по давнишним левым рецептам всеобщей гибели. Все виноватые — извне. Гайдар, Чубайс, Ельцин. Климат. Американский империализм. Однополюсный мир. Мировая закулиса. Избиратель всегда прав. Какую бы чушь он ни заказывал — извольте-с! Всё состряпаем, кроме свободы.

Пока ее заказывает меньшинство. Большинству же, ясное дело, в ней никто и никогда не отказывал. Поэтому великодушное решение Центризбиркома устроить в Манеже выставку достижений партийного хозяйства вызывает вместо восторга неизбывную тоску. По-моему, это предельное унижение для таких партий, как «Яблоко» и СПС («Яблоко» это поняло и на свой «стенд» не пошло). И всё вместе — страшная профанация идеи многопартийности и плюрализма. Схема прилагается: вот павильон «Сахар», а вот павильон «Виноделие». Налево Зюганов, направо Селезнев, за углом Немцов.

Что-то есть в этом от супермаркета, но ведь партии не шмотками торгуют, а предлагают альтернативные пути развития. И не годится делать из этого балаган. И что может гарантировать соглашение о честных выборах между демократами и коммунистами, а также державными госмедведями и разного сорта националистами, которые то ли за бедных, то ли за русских? Коммунисты, будь на то их воля, вообще бы проводили выборы из одного кандидата от блока коммунистов и беспартийных. Мишки в сосновом лесу из телевизора сделали свою берлогу, а из бюджета — свой улей, и они уж ни капельки меда соседям по лесу не отдадут. Элдэпээровцы вообще видят конкурентов на нарах. И какой «черный» пиар нужен для борьбы с КПРФ, ЛДПР, «Народной партией», «единороссами»? Достаточно дословно привести их доктрину и собственные высказывания. А «Яблоко» и СПС могли бы в другом месте поговорить.

Избирательная кампания — 2003 проходит в обстановке безнадежной ясности и безысходного отсутствия иллюзий у приличных партий (а таковых не так много: те же «Яблоко», СПС, «Либеральная Россия», республиканцы, социал-демократы, то есть те, кто входит в «Демократическое совещание»). Народ хочет мира (но не переговоров с Масхадовым или ухода из Чечни), народ хочет Путина, порядка, стабильности, гарантий, уровня жизни, как в США, но при этом еще и величия, восстановления СССР, статуса сверхдержавы — и всё это особо не надрываясь. При этом народ хочет национализации, пересмотра итогов приватизации, раскулачивания олигархов. А те, кто пойдет народу наперекор, в Думу не попадут.

Время честных народников прошло. Сегодня народники — это лицемеры.

МОЛЧАНИЕ КОМИССАРОВ В ПЫЛЬНЫХ ШЛЕМАХ

«Новое время», №39, 28 сентября

Гражданская война — то холодная, то горячая, то теплая, то прохладная, то комнатной температуры — это для России состояние органичное. С одной стороны — скандинавская традиция, с другой — славянская (коммунитарная), византийская (рабская) и ордынская (имперская).

Плюс к тому и у тех, и у других — традиция Дикого поля, традиция анархии, беззакония и непричесанной вольности, исключая консенсус и мирное, конституционное разрешение принципиальных конфликтов. Лучше всех это «оформил» Маяковский в своей «Мистерии-Буфф». Есть там персонаж, который так и зовется: Соглашатель. Он обращается к враждующим сторонам: «Милые красные! Милые белые... Господа, товарищи, надо согласиться!» И обе стороны накостыляли ему по шее. «Мы тебе согласимся... Я тебе соглашусь!»

Именно в таком положении оказался в 1993 году Григорий Явлинский, который призывал Ельцина и Хасбулатова «прийти к консенсусу». «ДемРоссия» и сопутствующие ей радикальные демократы из ОКДОРа (был такой накануне указа № 1400 круглый стол, инициированный благосклонной ельцинской администрацией, состоявший из 125 организаций, враждебных Верховному Совету, Хасбулатову, Руцкому et К^о) обиделись на него. Это были «белые». А с другой стороны — «красно-коричневые». И эти тоже не оценили: чуть ли не повесили сотрудников «яблочного» научного «Эпицентра», квартировавшего в мэрии на верхнем этаже. После чего всякое миротворчество кончилось, и Явлинский вместе со всеми демократами потребовал ввода войск и силовой победы над мятежниками. Но когда опасность была устранена, он опять предложил радикалам встать на колени и покаяться. И предлагает это до сих пор. По крайней мере, это одна из причин, по которой не получился союз между «Яблоком» и СПС, наследником идей и стиля Белой гвардии.

«В дни поражений и побед». Гайдаровский роман. ГКЧП — 1991 год. Победа. Реформы Гайдара. Победа. Отставка Гайдара. Поражение. Приватизация по Чубайсу. Победа. Референдум «Да — да — нет — да». Победа. Путч Руцкого. Победа. Выборы-93. Поражение. Принятие Конституции — победа. Война в Чечне. Декабрь 1994 года. Поражение. Выборы 1995 года. Поражение. Президентские выборы — 1996 год. Победа. Хасавюрт. Победа. Больше побед не было. Военное счастье переменчиво, особенно в гражданской войне, особенно если против тебя большинство народа. Как в 1920 году. Когда белые сдавали Крым. Дефолт: поражение. Вторая война на Кавказе. Поражение. Отставка Ельцина. Поражение. Президентские выборы 2000 года.

Поражение. Замена гимна. Поражение. Разгром НТВ. Дело Бабицкого. Дела Сутюгина, Моисеева, Пасько. Закрытие ТВ-6. Отключение ТВС. Дело олигархов. Поражения идут лавиной. Но две фазы «горячей» гражданской войны с разрывом в два года — это очень много. Почему? Потому что Россия шла на очень крутой поворот. Самый крутой с петровских времен и с благодетельных александровских реформ. Петровские реформы кончились стрелецким бунтом, саможжением раскольников, казнью сына царя. Александровские реформы имели непосредственное завершение в выстреле Каракозова, в народниках, народовольцах, эсерах-максималистах, большевиках, сталинщине. Недаром Чубайс на съезде СПС сказал, что без них ни те ни другие реформы не обошлись. И напрасно смеялись журналисты: и при Петре, и при Александре II (да и при Александре I Сперанский того же добивался) именно правые, западники, европейцы, диссиденты пытались вырвать страну из тины векового сна, неэффективности, «тощего рабства», самодержавия, посконной, домотканой самодостаточности, невежества и варварства. Из азиатчины. И каждый раз поднималась левая волна, волна реванша и реакции, и роковые силы отлива тащили Россию назад.

В 1991 году эти силы, повинувшись безошибочному инстинкту, употребили чистую и грубую силу, по-солдафонски, без всякого правового оформления, по-советски. Как в Будапеште-56 или Праге-68. Те, кто встал поперек, не были большинством, но они готовы были поставить на кон жизнь. Перспектива десятков тысяч трупов утратила отвыкшую от реального сопротивления полудохлую советскую военную машину. Это был своего рода Февраль 1917 года: много благоуханных надежд, цветущих упований, хороших слез и праведного гнева.

В 1993 году расклад был уже другой, иллюзий ни у кого не осталось. Все уже были в курсе, что свобода сопряжена с капитализмом: с жестокой необходимостью добывать себе хлеб насущный без всяких соломок, подстилок и подушек безопасности. Не все это вынесли, такая свобода уже многим осточертела. Поэтому деморосс Илья Константинов брал Останкино, а некоторые бывшие члены ДС, оказавшиеся левыми, погибли в Белом доме. Здесь уже не было праздника непослушания. По мрачному ожесточению сторон это было похоже на Октябрь того же 1917 года. Если гэкачеписты собирались арестовывать (в чем лично убедился

Гдян, найдя в пустом подмосковном доме отдыха, куда его доставили, множество коек, кружек, мисок и ложек), то в 1993 году речь шла уже о физической ликвидации «анти-советчиков». Руцкой даже озаботился Указом, где они совместно с Бабуриным творчески развили идею «кто не с нами, тот против нас». Только санкцией была «смертная казнь».

В ту ночь и в то утро мы, демократы, интеллигенты и правозащитники, на своей шкуре узнали, что значит война. Потому что это мы направили танки, ждали танки, радовались танкам и скомандовали «пли». Через несколько дней мы уже не могли поверить, что это мы радовались залпам танковых орудий и сочинили песенку: «Ах, наши танки на Полянке, и дохнут красные поганки...»

Война — это мощный наркоз. У тех, кто на фронте, она отключает рефлексию. Опять абсолютное меньшинство правых бросило на карту жизнь и выиграло у абсолютного большинства левых. Тех, кто пришел в 17.30 на Красную площадь по призыву Глеба Якунина и после 21.00 к Моссовету по призыву Гайдара, позвали умирать. Опять без оружия, опять предлагая в качестве баррикады собственные трупы. И мы не вышли бы с поднятыми руками, как Хасбулатов, Руцкой и Макашов. Очевидно, те, кто командовал армией, это поняли. Это была честная победа. В том-то и печаль, что демократов побил демократией. Дальше меньшинство правых уже ничего не решало и не имело возможности оплатить своей жизнью остаток пути на Запад.

Дальше были выборы. И (если не считать 1996 год) нас здесь не ждало ничего, кроме поражений. Но в России поражение западников — не проигранная партия, а отложенная. После Апокалипсиса 1917 года ее сели доигрывать в 1991 году. Потому что Россия не может выжить без ухода с византийско-ордынского пути. Так что комиссары в пыльных шлемах могут молчать и не разгибаться. Им просто нечего сказать.

ДО ПОСЛЕДНЕГО ОЛИГАРХА

«Новое время», №45, 9 ноября

В холодные декабрьские дни 1917 года большевистская власть объявила войну своей стране: Украине, которая была обречена остаться Германии в знак предательства и лицемерия Смольного, Лубянки и Кремля; прессе, которой

свернули шею; офицерам — за золотые погоны и нежелание подписываться под бесчестным и жертвующим страной ради идеологии Брестским миром; политическим оппонентам справа как агентам буржуазии.

Но самая главная и грозная атака была направлена против богатых и не очень людей, которых отличал дух предприимчивости и независимости, которые умели и любили зарабатывать себе на пропитание (и не только), создавать материальные и духовные ценности, стоять на собственных ногах и не очень-то нуждаться в помощи и благодеяниях начальства всех мастей. Эти люди не пили, были грамотны или даже хорошо образованы, и втолковать им коммунистический бред и заставить маршировать под идиотскими лозунгами не представлялось возможным.

Чекисты в кожаных куртках и матросы в клешах с одинаковым остервенением бросались и на крупного фабриканта, и на владельца кондитерского магазина, и на «кустаря-одиночку», и на крестьянина, пытавшегося продать в голодном городе картошку и свеклу в жуткие зимы 18—20-х годов. Везде — у Катаева, у Пастернака, у Грина, у Замятина, у Лавренева — этот термин: «запрещенная частная торговля». Всё по славным предшественникам, по французским революционерам из «Боги жаждут» Анатоля Франса. Помните? Когда Коммуна ввела твердые цены на муку и зерно, они немедленно пропали, и дело дошло до очередей за хлебом и фунтовых пайков. А когда расклеили объявления о введении мясного пайка, тогда даже торговка зеленью сообразила, что к чему, проворчав, что теперь ветер загуляет у народа в кишках, потому что бычков теперь поминай как звали.

Мне это высказывание представляется более квалифицированным, чем беседа господина Глазьева у журналиста Станислава Кучера на 3-м канале в программе «25-й час», где маститый экономист посетовал, что в связи с арестом Ходорковского биржи занялись спекуляциями, а надо было такой малостью пренебречь.

Наши революционеры очень внимательно изучали опыт французских коллег, оказались достойными учениками и превзошли своих учителей (не три года террора, а тридцать шесть лет). Больше семидесяти лет советское государство боролось с попытками граждан самостоятельно зара-

ботать себе на жизнь. Запрещали держать скот; заставляли вырубать сады; расстреливали «цеховиков». Ничем не брезговали.

Правда, было перемирие. НЭП. Даже термин придумали: «здоровый частник». «Здоровые частники» пооткрывали рестораны, маленькие фабрики, магазины; западные инвесторы взяли концессии. На что они все рассчитывали, включая еще неограбленных крестьян, бог весть: военная сила, аппарат подавления, горлопаны-комсомольцы, страшные «морпехи» — революционные матросы — всё это оставалось в руках большевиков. Идеология не изменилась тоже. Более того, Ленин писал откровенно, что НЭП — временное отступление и никак не означает прекращение террора.

Временное отступление длилось восемь лет. В конце 1929 года все рухнуло. Государство возобновило войну против своих трудолюбивых и предприимчивых граждан: до последнего крестьянского двора, до уличного шашлычника, до сплошной коллективизации. И пошел глад и мор, 30-е годы, людоедство, неубранные трупы на улицах.

Война государства с бизнесом — это война против жизни народа, ее основ.

Но в действиях большевиков, внешне безумных, был свой резон. Человек, способный сам себя накормить, не будет валяться в ногах у государства. Он захочет знать, на что идут его налоги, он захочет избирать власть. Свободных и способных нельзя построить. Поэтому всё было принесено в жертву для сохранения власти, а советская власть держалась глупцами и бездельниками.

Это действие первое. Мы считали, что у нас на сцене какая-то другая, более современная пьеса. Но, оказывается, мы все время ждали Годо. Такой вот модерн. Постмодерн.

Двадцать пятого октября 2003 года новое государство в новом акте трагедии объявило войну стране (мы только что доказали, что война с бизнесом означает войну с обществом). Арест Михаила Ходорковского и реакция на него президента (в ответ на умоляющий лепет бизнес-сообщества) исключает иллюзии, аллюзии и эвфемизмы. «Уже не баловал Калинин кремлевским чаем ходоков...» Энтэвэшников глава государства еще посадил с собой за стол, утешал, обещал разобраться, требовал, чтобы сохранили

«уникальный коллектив». Наркоз дали хотя бы до окончательного исполнения приговора.

Но общество и Запад это скушали. Поэтому теперь ЮКОС режут по живому; а бизнес-комитет получил жизнерадостную цитату из «Кукушки»: «Пшел ты!» Не барское это дело холопам что-то разъяснять. Басманный суд объяснит, а прокурор Устинов добавит. Что-то знакомое прозвучало в ответе президента, что-то глубоко национальное. Мы, царь и великий князь всея Руси, в своих холопах вольны. Москва слезам не верит, криками президента не растрогаешь (он уже просил не жалеть, не плакать, прекратить истерики; еще немного, и сочувствие к жертвам будут вменять в вину). К тому же я знаю, за что его посадили. Потому что Михаил Ходорковский ел свои сосиски. На которые заработал сам. Вот он признается с видеокассеты, что заработал все деньги, которые хотел. Больше ему не надо. Даже на благотворительные проекты для всей страны заработал (на развитие РГГУ, например). Теперь же он хочет зарабатывать деньги для акционеров, потому что умеет зарабатывать.

Сколько преступлений! Человек обеспечил себя, хочет обеспечивать других. Зачем ему тогда лубянские надсмотрщики с кнутами? Он хотел жить свободным человеком, в свободной стране, с гордо поднятой головой. Вот на эту гордую голову во время этапа в Москву мешок и надели.

Отныне любой шаг в сторону от позы и позиции Акакия Акакиевича будет считаться побегом. Побегом в ту свободную страну, которой могла бы стать Россия. Но не станет. А прессе, последнему свидетелю, античному хору, остается повторить Анну Ахматову: «...Буду я, как стрелецкие женки, под кремлевскими башнями вить».

ЭПОХА ВРАЖДУЮЩИХ ЦАРСТВ

«Новое время», №47, 23 ноября

Я не люблю Эдуарда Шеварднадзе, как любого патриарха из ЦК. Да простят мне почтенные Гейдар Алиев, Туркменбаши, Ислам Каримов, господин Назарбаев и первый украинский президент Кравчук, но все они для меня сатрапы. И ни один из них так и не смог стать западным

лидером (кроме, пожалуй, Аскара Акаева, если бы он меньше клялся в любви России). Но тем не менее я не хочу, чтобы нынешний конфликт из-за, похоже, сверхъестественной фальсификации выборов вырос в гражданскую войну. Она на пользу Грузии не только не пойдет экономически и морально, но и выхода не предложит.

Я такую гражданскую войну видела. И это была странная, алогичная, многополярная война, которая лишила Тбилиси исторического облика и изменила национальный характер (не в лучшую сторону). 1992 год — это еще и боевое крещение молодой демократической России, ее первое колониальное вмешательство в дела маленького, бессильного, но все же суверенного государства. Самое интересное, что на втором этапе этой войны, даже свергнув Шеварднадзе, о нем могут пожалеть, как когда-то пожалели о Звиаде Гамсахурдиа. Но больше всего я боюсь очередного объявления, что российские войска в местном конфликте не участвуют, а просто контролируют «железку», транспортную артерию, дорогу. Ведь тогда даже либеральный министр Козырев смирился с этой ложью и всюду ее повторил.

Анализируя начало этих печальных и жестоких событий, я вспоминаю, что не любила тогда и Звиада Гамсахурдиа (до личной встречи уже в изгнании, в Грозном) за многочисленные отступления от диссидентских стандартов. Но все равно не очень понятно, почему надо было, с одной стороны, идти срочно завоевывать лояльность Южной Осетии, чтобы звалась она Самачабло. (Считается в Грузии очень плохим тоном употреблять это наименование — «Южная Осетия».) Звиад ходил пешком в Цхинвал, в паломничество, но правозащитные и европейские нормы о самоопределении уже не воспринимались. Добровольные грузинские отряды типа «Белого орла» пошли воевать, чтобы даже не грузинам отдать хаты в Южной Осетии, нет! Чтобы обитатели этих хат остались, любили Грузию и называли свой край Самачабло, не пытаясь присоединиться к Северной Осетии.

Одновременно Звиад предложил федерацию Абхазии (хотел бы дать конфедерацию, но грузины бы не согласились). А Абхазия укрепила аэропорт, выставила блокпосты (сама видела) и уже после падения Звиада ждала нападения, и дождалась. Я, к счастью, не была в Самачабло,

но немногие демократы-грузины («круглый стол») говорили, что невиновных там не было, что если грузины жгли осетин заживо, то осетины варили грузин в котлах. Вот и все преимущества. А в абхазской войне после взятия Сухуми едва не погибла Абхазская Хельсинкская группа и ее глава — мой коллега и друг Автандил Давитая. Их специально искали, чтобы убить, хотя они никогда не держали в руках оружие и не причинили вреда ни одному абхазу.

И это ведь один только национальный момент! Да плюс еще турки-месхетинцы, принятые за троянского коня! И компактно проживающие армяне, и целый регион азербайджанцев! С огромным перевесом избранный президент, обожаемый не только за личные качества, но и за то, что сын классика (а ведь это тщеславие!). Триумфальный референдум о независимости — и его последствия. Блокада (причем начал ее Звиад, не желавший есть имперские продукты); отчаянное неумение управлять государством; отсутствие топлива, освещения; скандалы с демократической (!) оппозицией; нелепый, ни разу не примененный закон «О защите чести и достоинства Президента» (назло Горбачеву); непроведенные (из жалости, как говорили депутаты) экономические реформы; отряды тонтон-макутов в черных очках, людей из «Мхедриони» Джабы Иоселиани, которые грабили и Самачабло, и Мингрелию, и Кахетию. Демократия всмятку, но досыта (даже в котлах друг друга варить не могли помешать).

Одно непонятно: зачем был нужен мятеж? Зачем противники президента Гамсахурдиа взяли за оружие вплоть до артиллерии? Я видела полпроспекта Руставели, видела руины (снаряды, видите ли, попали не туда). Звиад и верные ему депутаты были люди беззащитные, глубоко штатские, а те военные структуры, которые взяли их защищать, принесли им больше вреда, чем пользы. Звиад не был своим для силовиков. Здесь хватило бы конституционных механизмов отзыва, нечего было играть во взятие Бастилии. Но не успел Звиад добраться до места своего изгнания (самым смелым на постсоветском пространстве оказался Джохар Дудаев и дал убежище), как народ, включая демократов (кроме Джабы, конечно, успевшего посидеть в бывшей тюрьме КГБ), остался совсем без власти и лицом к лицу с идейными бандитами Джабы.

Началась охота на звиадистов. А звиадистами неожиданно становились многие. Префекты и мелкие чиновники прежнего (законного, кстати!) правительства, их родственники, силовые структуры, не успевшие изменить, объективные журналисты вроде Ираклия Гоцериадзе. И даже командир «Белого орла» Заза, отказавшийся воевать против вымышленных врагов народа под рукой генерала Джабы и за это, облитый кипятком, со сломанными ногами, ребрами и руками, брошенный в Ортачальскую тюрьму. Грузия попала чуть ли не на первое место по пыткам и беззаконию по данным Freedom House.

Я видела темный, холодный, голодный Тбилиси, где люди не смели вечером ступить за порог; видеоматериалы о пытках; сухие ванны столицы, где воду давали от случая к случаю; керосиновые лампы; правительственное здание Госсовета, где Джаба и его люди восседали на ящиках снарядов; поезд, который двое суток тащился до Батуми, а окна были заткнуты матрасами. Аслан Абашидзе был, конечно, автократор и балансировал на грани между Тбилиси, Ельциным, давно стоявшей у него советской дивизией и Звиадом (а вдруг выиграет?). Но у него было тихо, и звиадисты проводили митинги (лично для себя), и стекла в окнах были целы. Такой маленький оазис. Единственное место, где меня не били.

Я привыкла считать грузин рыцарями, добрыми и милыми людьми. Никогда бы не подумала, что грузин (если он не Берия) может избивать женщину сапогами. Не верила, пока лично не убедилась на своем примере. Так что звиадистами тогда стали все, кто помнил электричество, и еду, и постельное белье в поездах, и горячую воду. Я очень люблю этот народ и очень его боюсь. Слишком много ненависти я видела и слишком скор был путь от ненависти до выстрела. И как-то очень быстро искренне любящие свободу грузины превращаются в лучшем случае в чистых анархистов, а то и в абрагов (грузинский вариант — в абреков).

Грузия мечтала о Шеварднадзе. Она его получила. Сейчас говорит, что хочет избавиться. Те же его поклонники говорят. Нет, это не революция. Это беспредел с обеих сторон.

МЫ ВЫБИРАЕМ СВОБОДУ*

Сограждане!

7 декабря вы будете решать судьбу России.

С приходом к власти Владимира Путина, ставленника наиболее мрачных сил реванша, страна вступила на путь реставрации тоталитаризма. Путин — это те самые спецслужбы, которые терзали Россию в застенках ГУЛАГа. Наше доморощенное гестапо — ВЧК-НКВД-КГБ-ФСБ — не только не стыдится совершенных им преступлений, но даже хвастается этими злодеяниями. Его сотрудники публично называют себя чекистами. Маньяками они были, маньяками и остались. В Чечне, в Москве, в Волгодонске, в Рязани, в «Норд-Осте».

Путин публично солидаризируется со Сталиным. Он душит гласность. Разгон НТВ и казнь ТВС — это только начало. На страну надевают намордник и сажают ее на цепь у вертикали власти. Под тошнотворные звуки сталинского гимна, под красными знаменами Поражения, присвоенными армии, истребляющей Чечню, «агрессивно-послушное» большинство молчит. За него говорят системы «Град». Не может быть свободным народ, уничтожающий другой народ. Не может быть сыт, не может быть счастлив, ибо он проклят.

Россия подошла к последней грани своих несчастий: к реставрации советского рабства, где коммунисты обращались с народом, как со скотиной, которой не положено ничего, кроме кнута, стойла и пойла. Коммунисты и злые пещерные «медведи», националисты, левые и державники всех мастей идут на выборы с одной программой: лагерные нары для непокорных, черствая корка — для послушных.

У нас богатая страна и мы могли бы процветать. Но не будем, ибо без свободы нет хлеба. Вас поработят, но не накормят. Кроме паек и нар, «гражданам» концлагеря ничего не полагается. Не будет ни порядка, ни безопасности, ибо концлагерь — это не исключение преступности, это ее легитимация.

Нам нужны другой президент и другой парламент. России с Путиным не по пути.

Мы с СПС не можем спасти страну без мандата вашего доверия, ибо единственным гарантом Конституции и благодетельных реформ является гражданское достоинство народа.

* Текст одной из листовок, выпущенных накануне выборов.

Выбирая нас, вы выбираете свободу и либеральные реформы. Это свободное общественное устройство когда-то имели наши предки в Господине Великом Новгороде.

Если вы не проголосуете за свободу, за Валерию Новодворскую и за СПС, то Ваши дети и внуки лишатся права на свободное слово и будут молчать в очередях и на парадах. Тем более что у наших чекистов кончился НЭП и они перешли к сплошной коллективизации и раскулачиванию бизнеса.

Есть только две дороги: одна на Запад, а другая — назад, в СССР, в средневековье, в вечную нищету и концлагеря. Тот, кто не хочет терпеть тяготы либерального лечения, обречен сносить муки смертельной тоталитарной болезни с неизбежным концом: исчезновением России с карты мира.

Мы хотим спасти нашу страну от участи жалкой, отсталой, злобной побирушки с большой дороги, угрожающей цивилизованному миру ядерной смертью. Таким был СССР, такой не должна быть Россия.

Мы не лжем вам, потому что либеральный капитализм строится на свободном выборе народа. Мы не обещаем вам чуда. Мы обещаем трудную дорогу к цивилизованному обществу, которую мы пройдем, если будем иметь мужество идти.

За вашу и нашу свободу!

ТАЙНАЯ ЖЕНА ВОЛЬНОДУМЦЕВ

«Новое время», №50, 14 декабря

Российские вольнодумцы, сначала дворяне вроде Радищева и Никиты Муравьева, автора проекта новых политических законов для российской же республики (Северное общество, декабрист с юридическим и западничеством уклоном), потом разночинцы, а если попросту — интеллигенты, два века мечтали о двух вещах: об Учредительном собрании и о конституции. Особенно о последней. И все они сходились на том, что сегодня назвали бы рейтингом: узок был их круг, и страшно далеки они были от народа, который ни о каких конституциях и не помышлял. До такой степени не помышлял, что солдаты, которых декабристы частично сагитировали, частично просто использовали, думали, что им предстоит защищать князя Константина и его жену Конституцию. Константин, конечно, был большим

оригиналом, любил Польшу (колонию!) больше колонизаторов из России, женился на полячке, плюнул на свои неоспоримые права на престол. Но до конституции все-таки не додумался, хотя Царство Польское какой-то конституционный обрубок с плеча завоевателей имело. Конституция была тайной женой вольнодумцев, и только они во всей России и стремились к этому законному браку.

Пришел новый век; состоялось Учредительное собрание под эгидой большевиков. Те 5 процентов, которые голосовали за кадетов, разогнанных, арестованных и запрещенных еще до первого (и последнего!) заседания, действительно жаждали конституции. Остальные хотели совсем другого: и эсеровское большинство, и большевистское меньшинство, и трудовики, конечно. Меньшевики были ближе к Европе, но они все-таки позиционировали себя как социал-демократы (а для них главное — социальная справедливость); конституционными же демократами были кадеты.

Кошмарное Учредительное собрание, принявшее закон о запрете продажи земли и спевшее «Интернационал», было как холодный душ для охотников до российского парламентаризма. Следующему «парламенту» суждено было собраться в начале 1994 года — через 76 лет.

Прошел третий век, но круг ценителей конституции европейского образца и такого же типа парламента в России шире не стал, и к народу они не приблизились, если, конечно, не считать народом НКВД или КГБ, которые тщательно расследовали и ликвидировали любую попытку хотя бы описать или назвать вслух эти феномены.

А самым первым конституционным актом в современном понимании этих слов (а если не слов, то понятий) стала Великая хартия вольностей. Британия, 1215 год. Современная судебная система оттуда же. Суд пэров — это не суд лордов, это суд равных по положению, в сущности, присяжных. В XIII веке это уже прозвучало: «Мы никому не уступим свою свободу и никогда не отнимем ее у других». Правда, Англо-бурская война и война с американскими колониями нарушили этот принцип, но уходили отовсюду англичане сами, вовремя поняв, что проиграли.

Но далее последовала Декларация прав человека и гражданина (с небольшим налетом будущего якобинства, правда, в духе: «Жажда свободы не ведает норм. Не опьянится

вином конституций, не утолится крюшоном реформ» (Марина Кудимова)). Она предоставляла угнетенному народу даже право на восстание (обычно народы, раз начав, злоупотребляли этим правом). Но все-таки это один из самых красивых текстов в мире, и в нем сформулированы основы гражданского достоинства (правда, пока не личности, а народа). Но самый простой, величественный и вдохновляющий текст конституции — это манифест личности, или конституция США. Она была очень короткой, даже с поправками Патрика Генри, и этим закончился XVIII век, век Просвещения. Слова Томаса Джефферсона о том, что древо свободы должно омываться кровью патриотов и что ни одно правительство не сможет сохранить эту свободу, если не будет уверено, что народ готов заплатить за нее жизнью, не вошли в тексты Декларации независимости и конституции, но их духом эти документы пронизаны.

Главное в них — это, во-первых, закрепленное в Декларации «право на жизнь, свободу и стремление к счастью». Первая поправка была о правах: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободное исповедание оной, либо ограничивающего свободу слова или печати, либо право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб».

Из этого вытекает и *habeas corpus*, и право народа на ношение оружия, и современная судебная система.

Как видите, свободная личность не ищет социальной защищенности; кроме благ свободы, конституция все прочие блага предоставляет гражданину в виде некоего потенциала: «стремление к счастью». Это классика либерализма. Из этих документов и Декларации прав человека и гражданина вышли фундаментальные документы западных, общечеловеческих ценностей: Декларация прав человека и Пакт о гражданских и политических правах (они приоритетны по отношению к российским законам, что и записано в нашей конституции). А вот Пакт об экономических, социальных и культурных правах — это уже лишнее, пустое обещание, которое выполнимо только при достижении страной очень высокого уровня жизни (что бывает, когда каждый гражданин успешно и усердно работает на благо свое и своей семьи). «Социалка» вообще не должна присутствовать

в конституциях; это чистая демагогия. Имея «благо свободы», каждый обязан все прочие блага обеспечить себе сам.

Первые две советские конституции вообще конституциями не были. Та, что от 1918 года, закрепляла основы военного коммунизма. В 1924 году текст учел реалии НЭПа. Что это такое было, сформулировали два поэта, прельщенные Октябрем, да простит им Бог (но поэтам свойственно увлекаться черт знает чем). Великий Багрицкий: «Трехгранная откровенность штыка». Талантливый Антокольский: «Лихорадка, сжатая в декретах, как в нагих посылках теорем».

Конституция Бухарина подстраивалась под европейские стандарты и была чистой воды камуфляжем, декорацией на камере пыток.

Конституция господина Лукьянова 1977 года была наспигована социальными утопиями насчет труда, отдыха, жилища, пенсий, образования. Только вот коммуналку трудно было считать жильем, а 60 рублей — пенсией. А на политических правах была решеточка: что-то вроде «интересов соцстроительства». Слишком часто диссиденты ссылались на конституцию: надо было выбить эту опору из-под ног.

Нынешняя конституция — первая в нашей истории. В ней есть прямые заимствования из американской, из Декларации прав человека и Пакта о гражданских и политических правах. Она лучше итальянской (там сплошь социализм) и не хуже французской. Она нам не впору, мы до нее не доросли, она сшита навывост. Она — как горизонт. Но если мы лишимся этого горизонта в силу собственного рабского равнодушия и в результате кипучей деятельности президента, Госдумы и Генеральной прокуратуры, мы потеряем всё.

РЕЛЬСЫ РАЗОБРАЛИ

«Новое время», №51, 21 декабря

К этому давно шло, и никогда правые либералы с всечеловеческим вектором, кадеты, искатели конституции и республики с человеческим лицом, шестидесятники, научившиеся зарабатывать деньги, но не разучившиеся петь

под гитару Галича и декламировать стихи Бродского, не имели в России больше 5-6 процентов преданных идее, постоянных стоических сторонников. С 1917 года по декабрь 2003-го — все те же 5 процентов! Это золотой запас российских западников, индивидуалистов, носителей скандинавской традиции, давшей Европе, Британии, Австралии и Северной Америке либеральную формулу развития и открытое общество, а России — вечную тоску по недостижимой свободе и пожизненное, мучительное и тщетное движение на Запад, который в нашей еще неисхоженной пустыне (по формуле Моисея осталось еще 25 лет), вопреки своему реальному прототипу, вечно оказывается миражом.

Лев Тимофеев уже в 80-е годы получил 6 лет по 70-й статье за экономическое диссидентство: книгу о фермерстве, хозрасчете, подсобном хозяйстве колхозников и неэффективности советской экономики. Она называлась «Последняя надежда выжить». Ее постулаты было суждено расширить, довести до иноземного западного образца и осуществить неодиссидентам из подпольного экономического «вольного кружка»: Гайдару, Чубайсу и их команде.

В судьбах бедного диссидента 80-х годов Льва Тимофеева и богатого олигарха Ходорковского есть общий финал: арест за чуждые советскому строю теорию и практику строительства капитализма. У нас экономика стала лженаукой, чем-то вроде генетики или кибернетики, и скоро, видимо, начнут предъявлять соответствующие обвинения. Реформы 90-х годов приравняют к подрывной деятельности. Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Борис Немцов будут в положении Джордано Бруно. Не Галилея, потому что уже ясно: эти отречься не станут. Они еретики. «Еретики — горячее прогресса, Господь, благослови еретиков!» (Н.Болтынская).

Только в России можно оказаться героем, излагая и осуществляя всему цивилизованному миру известные истины насчет рыночной экономики и частной собственности. Только в России можно оказаться мучеником прибавочной стоимости и пойти на костер за либерализацию цен. А политический либерализм считайте сами: кадеты до «часа X» имели 5 процентов в Учредительном собрании. Но «час X» настал раньше первого заседания, и они уже не имели ничего, даже права на жизнь.

Лишние проценты, набранные «Выбором России» в 1993 году, — это отчасти заблуждение электората, посчитавшего

выбороссов «партией власти» при Ельцине (хотя здесь Ельцин держался по-европейски и дистанцировался как мог), отчасти страх и невольное уважение по отношению к президентской «крутизне» (силовое подавление мятежа красно-коричневых в октябре 1993 года). У предпринимателей, фермеров (еще не успевших сгннуть под тяжелой десницей нераспушенных колхозов) и шестидесятников еще не прошел шок после октябрьской ночи, едва не ставшей ночью «длинных ножей» для всего нового, несоветского. Вот вам и лишние проценты.

Зато дальше всё вернулось на круги своя и даже хуже. 1995 год. ДВР вообще не попал в Думу. Отчаянное, бескомпромиссное сопротивление первой чеченской войне. (Борис Немцов, кстати, набрал против нее у себя в области миллион подписей.) Гайдар с мегафоном. Митинг за митингом, даже и несанкционированные. Сергей Юшенков и Егор Гайдар едва не получают по 15 суток по просьбе сразу воспрянувшего реакционного крыла Думы. Из ДВР выходят консерваторы (Олег Бойко вместе с «Олби» и львиной долей бюджета партии), остаются одни кадеты. Ссора с президентом, правозащитная позиция — и вот они стоят без прикрытия, без «крыши», без опоры перед все еще советской страной, которая не усвоила афганский урок.

Цена лишних 2-3 процентов 1999 года — постыдная сделка с совестью, одобрение второй чеченской войны, поддержка Путина (уже успевшего водворить на место барельеф Андропова с лубянской стены) на президентских выборах. Не дай Бог такой победы... И чего же еще можно было ожидать от 2003 года под грохот валов растущего прилива реакции при не слишком большом осуждении ареста Ходорковского даже со стороны Запада? Наше внутреннее дело.

Конечно, аресты диссидентов и раскулачивание собственников — это внутреннее дело авторитарных режимов, грезящих вслух о тоталитаризме. Чье же еще. Не США с действующим Актом о защите свободы. И не Европы, составившей и принявшей все хартии свободного мира: и Декларацию прав человека, и Пакт о гражданских и политических правах. Даже на родине профсоюз крупных собственников, возглавляемый Вольским, достаточно осторожно защищал гонимого коллегу, боясь рассердить

гаранта, запретившего проливать слезы и устраивать истерики (во время Афганской войны матерям, получившим «груз 200», тоже не рекомендовали публичные похороны и громкие рыдания).

На этот раз СПС оттолкнулся от тонкого берега конформизма, вырвался из цепких президентских объятий и бросился на все амбразуры и на все штыки. Размежевание с президентом, защита олигархов, имена Чубайса и Гайдара, вновь поднятые на партийных флагах. Говорят, что правые плохо провели избирательную кампанию. А что, «Единая Россия» ее хорошо провела? От стыда за страну хотелось просто забиться в первую попавшуюся пустую медвежью берлогу (с надписью у входа: «Все ушли на выборы»).

А от кампаний КПРФ, «Родины» и ЛДПР впору было заранее удавиться, не дожидаясь, когда за тобой придут молодчики, если не в коричневых рубашках, то с коричневыми душами. Не так уж много способов доказать, что $2 \times 2 = 4$. Особенно когда известны последствия иного подсчета (5, 6, 8), как для гитлеровской Германии или муссолиниевской Италии. Тем паче — для СССР.

И «Яблоку» не помогло малодушие и неслышная мольба (к президенту, электорату, судьбе): «Пропустите нас в Думу! Мы хорошие, мы не с СПС, мы сами по себе!» Всё, что они этим отыграли, — это 0,4 процента. Не стоило и срамиться. Если умирать, так во весь рост, во всю программу, во всё желание увести страну на Запад, во всю ненависть к национал-социализму, захлестывающему страну. Как там у Визбора: «Уже и рассветы проснулись, что к жизни тебя возвратят, уже изготовлены пули, что мимо тебя просвистят».

Борис Немцов сказал в роковую ночь, что нужны столетия, чтобы модернизировать Россию. А может быть, и столетий не хватит. Александровские реформы были встречены народовольческими бомбами. Республиканский Февраль перешел в тоталитарный Октябрь. Хрущевская оттепель кончилась брежневским застоєм и новыми политзаключениями. Наша модернизация была самой глубокой за всю историю России. Но народу опять захотелось бесплатного сыра в бесплатной мышеловке.

Разве это проигрыш СПС? А электорат что? Выиграл? Партии — это белые или черные фигуры, а двигают их

игроки: народы и их судьбы. Можно было сыграть белыми, то есть правыми. Народ поставил на черное: на «Родину», ЛДПР, единороссов. Кто проиграл? Игроки или шахматные фигуры? Агрессивно-послушное большинство теперь сопровождается агрессивно-непослушным большинством в лице «Родины» и ЛДПР. На кону была страна. Она себя проиграла. Россия не одурела, нет! Хуже. Она была и осталась рабой.

ОТВЕТ ОДИН — ОТКАЗ

«Новое время», №1-2, 4 января

Хайдеггер определял экзистенциализм как умение без предвзятых планов воспринимать медленно открывающуюся суть бытия и отдаваться ее воле. В экзистенциалисты невзначай и вопреки своей воле попали в этом черном избирательном сезоне демократы. После того как Кремль и избиратели на паях вычеркнули и социал-либералов, и правых либералов из списка думских «живых», было уже не до разногласий в стане погорельцев. И первое, самое простое, решение — это было на президентских выборах сложиться на единого кандидата. Желательно на свеженького, новенького, не заплывшего, потому что все политтехнологи и журналисты сошлись на том, что ужасающие результаты выборов — это следствие усталости электората от постоянно мелькающих у него перед глазами Явлинского, Гайдара, Чубайса, Немцова, Хакамады. Какой у нас эстетически озабоченный электорат, оказывается! И так новенького полно: внове, что после Августа-91 можно судить и сажать честных бизнесменов (старый режим кончился на аресте бизнесмена Тенякова и вернулся окончательно на аресте Михаила Ходорковского), разорять свои же компании, выключать на полуслове телевизионные каналы, жить под сталинский гимн — и каждый день какой-то шаг вниз и назад... Прямо напомнили «Крысолова» Марины Цветаевой: «Поминай, друзья и родичи! Подступает к подбородочку... Муттер, ужинать не зови! Пу-зы-ри».

Уже запрещают неконформистские учебники, а здесь этакий постмодерн: желание увидеть новые лица. Даже не новые программы! Костюмы, прически, улыбки, тембр голоса... Это же главное для спасателей тонущего корабля. Двенадцать лет эти однообразные либералы — Гайдар, Чубайс и К° — пытались спасти страну, которую в начале 1990-х вытащили из омуты. А теперь, оказывается, они

устарели. Причем не идеи, а люди! Не модные они. Здесь можно было бы поинтересоваться, а почему чехи так долго держались за своего старомодного Гавела, а французы — за де Голля? Но послушные молве демократы не стали справляться ни о чем у журналистов, а пошли искать нечто молодое, свежее и единое. И нашли... молодого Рыжкова. Человек он, спору нет, западного плана и хорошо образованный, и вкусы у него либеральные. Только ведь сейчас должность единого антикремлевского кандидата демократов требует умения идти на грозу, а у Владимира Рыжкова в прошлом были такие эпизоды, что от ДВР он даже заслужил за малодушие и переход из лагеря в лагерь неполиткорректное прозвище.

Однако СПС с «Яблоком» кандидатуру согласовали, и это уже было великой победой над однообразным демократическим меню последнего десятилетия, состоявшим из одного блюда по имени Григорий Алексеевич. Но не успело зайти солнце, как согласованный Рыжков отрекся от будущего престола, то есть мученического венца. Сказал, что еще не готов. По Чуковскому: «Мы врага бы на рога бы, только шкура дорога, и рога нынче тоже не дешевы». Судорожные поиски следующего колобка по пустоватым демократическим сусекам увенчались кандидатурой Владимира Лукина. Тоже человек отменно образованный, из хорошей «яблочной» семьи. СПС смиренно согласился на этот вариант, и Борис Немцов даже заявил, что готов рассматривать и другие «яблочные» кандидатуры, ибо так демократам на роду написано, чтобы кандидатов в президенты от демократических сил из «Яблока» выбирать. Но демократическая общественность возроптала, потому что у Лукина заслуженная репутация пусть мягкого, но государственника. Многие, в частности Леонид Баткин, сказали, что голосовать за него не будут ни за что. Тогда демократы пошли по миру, выбирая себе жертвенного агнца на алтарь заранее проигранных президентских выборов даже не из политиков, а просто из хороших людей. Но хорошие люди тоже не шли в сети.

Юрий Афанасьев оказался в больнице; у Владимира Буковского не было российского паспорта. До Гарри Каспарова не достучались, до Владимира Войновича не позволились. Николай Федоров не жаждал. В последнюю минуту возникла Большая Тройка из Шендеровича, Киселева

и Венедиктова. Заодно возникли вопросы: как собрать эти миллионы подписей, если СПС реально может дать 500 тысяч, а «Яблоко» — 200? Кто даст огромные деньги на то, чтобы попортить нервы нынешнему президенту без всякой надежды пробраться в следующие выборы? А потом из Кремля поступили агентурные данные (у демократов всюду глаза и уши) или произошла сознательная «утечка»: добрая, сострадательная власть согласна осушить слезы демократов, ей позарез для легитимности выборов нужен демократический кандидат, и она, власть, не остановится перед любыми расходами: и подписи соберет, и деньги из бюджета выдаст.

Теперь штирлицы из СПС точно знали, что делать. Демократическое совещание (неполное, но с «Яблоком» и с наименее лояльными к власти участниками) собралось в Сахаровском центре по тревоге, как на чердаке у Тимура и его команды. Перед участниками лежал ночью заготовленный документ под названием (впрочем, потом снятым): «Против реакции, против тоталитаризма = против всех». И речь пошла уже о неучастии в выборах. Назавтра собирался съезд «Яблока», где бледный и прекрасный Явлинский у стены с партийным натюрмортом, как у тюремной стенки перед расстрельным взводом, будет наизусть цитировать этот документ: ничего у нас нет, ни правосудия, ни свободы печати, ни честных выборов, так что никаких вам кандидатов. Раз власть на пари раскрутила шарик наоборот, демократы ушли в диссиденты, как Владимир Кара-Мурза, ушедший в котельную (и попутно на «Эхо-ТВ»). При советской власти мы на выборы не ходили и сейчас не будем, пока просвещенный либеральными изданиями народ не соберется под наше святое знамя. А вместо кухни есть Сахаровский центр (Елена Георгиевна прислала факс: она за бойкот). В грозном заявлении даже был пункт о том, чтобы любого, кто посмеет выставиться якобы от демократов, считать соучастником Кремля в деле имитации выборов.

Кстати, насчет фальсификации на думских выборах — это не выдумка: Борис Немцов раздобыл протокол одного из московских участков: выдано меньше 1200 бюллетеней, а за партии проголосовало 1800 избирателей. И подписи, и печати, вроде бы так и надо. А в провинции что? А в тюрьмах? А в Чечне?

«Яблоко» и СПС обнялись у края братской могилы демократии. Наконец-то им нечего стало делить, наконец-то они полюбили друг друга. Значит, как советовала Цветаева: «Отказываюсь — быть. В Бедламе нелюдей отказываюсь — жить. С волками площадей...» Словом, «на твой безумный мир ответ один — отказ».

Единственный предмет спора: полный бойкот или голосовать против всех. Но и здесь власть нам оказывает гуманитарную помощь: недавно президент заявил, что бойкот — глупая и вредная вещь, что это может взорвать страну. Значит, бойкот лучше. Демократы теперь на верном пути. Они уходят из Египта. А если кто-то предпочел остаться — как Ирина Хакамада или Павел Крашенинников, — это их сугубо личное дело.

КАНДИДАТЫ НА РАЗВОД

«Новое время», №4, 25 января

Если у Оруэлла была «Ферма животных», то у нас в канун президентских выборов явно организована подсобная кремлевская ферма кандидатов в президенты. На своем пришкольном участке Кремль добился удивительных, небывалых результатов: по кандидату на каждую партию, а на некоторые — по два, причем и противники, и сторонники действующего президента наперегонки стремятся лишиться его рабочего места.

С чего бы это страсть к плюрализму овладела официозом? До сих пор из года в год, из выборов в выборы они занимались только селекцией, устраняя лишние «сорняки» с избирательного огорода. Причем даже при ушедшем в вечность либеральном режиме Центризбирком устранил незапланированную Галину Старовойтову вместе с ее подписями, потому что было решено, что Бориса Ельцина демократическому электорату на второй тур за глаза хватит, а на первый тур есть старожил сборной Григорий Явлинский.

А теперь вдруг объявили трехмесячник по сбору кандидатов на престол, которые, отвечая на заботу партии (уже не надо уточнять выходные данные в смысле явок: Госдума, Кремль, Лубянка, далее — везде, и паролей: закон — тайга, прокурор — медведь), тут же пошли в рост и заколосились.

Кремлевские садовники так опасались, что родное (от слова «Родина») растение не приживется на российских суглинках, что даже сначала посадили альтернативный, запасной саженец: господина Геращенко, или «Геракла», уважаемого мировыми финансистами, который на склоне лет неизвестно зачем решил осрамиться в роли наемного гаера в агрессивном и непослушном блоке национал-социалистов и гэкачепистов. Какие же понадобились природные катаклизмы, чтобы заставить банкира играть эту неприглядную роль «на выходе»? Ведь не обещание же В.В.Путина увеличить наконец злополучную пенсию, которой финансист тщетно добивается от министерского собеса?

С покровителем и пастырем российских выхухолей господином Мироновым всё было проще, но он без прямого приказа (который не обсуждается) ни за что не впал бы в такую президентопротивную ересь, как попытка конкурировать с любимым хозяином.

С другой стороны, вечные и почетные члены профсоюза за тщетных соискателей российского президентства Зюганов и Жириновский почему-то представили на рынок свой второй (если не третий) состав. Здесь и профану понятно: больше кандидатов, хороших, плохих и разных, но только второсортных, чтобы не перехватили покупателей в торговом зале, не отвлекли от главного предмета распродажи: Путина В.В. в оригинальной упаковке, all rights reserved.

Что-то новенькое, правда? Неявки избирателей Кремль боялся еще в 1993 году, наше обломовское равнодушие (и к гражданским правам, и к гражданским обязанностям) войдет в анналы, но никогда у Кремля еще не было таких возможностей (не к ночи будут помянуты), чтобы отбирать внутри партий слабейших спарринг-партнеров, дабы случайно на ринге всерьез в зубы не двинули.

«Почвенническое» хамство гаера Жириновского дает дивиденды; но за манекен ЛДПР в виде его охранника народ едва ли станет голосовать (не будет аттракциона, не будет и выручки). Трудно, конечно, судить о привлекательности для потребителей Харитонов по сравнению с Зюгановым (здесь мы имеем два блюда из ресторана «Отвлечение», и что лучше: «куропатка с ревматизмом» или «морской окунь с туберкулезом», не нам судить), но на несколько процентов «сбавки» Кремль рассчитывает за счет исключения солидного и привычного для «своих» первого лица.

Судя по избылию кандидатов и их качеству, да и по «прямому включению» Путина и Вешнякова в рассуждения о вреде бойкота и о том, что он может «дестабилизировать ситуацию» и «расколоть страну», впервые за четыре года власть чего-то страшится. Она боится гремучего соединения гражданской пассивности (не пойду, потому что лень и все равно) и гражданского неповиновения (не пойду, ибо протестую против принуждения). Ведь знаменитая перепись была, по сути, сорвана, хотя и не по причинам политического характера (кому не хватило воды, кому — тепла, кому — денег).

На парламентских выборах еще был какой-то интерес (кому достанется сдача с лвиной доли ЕР). А на президентской лотерее выигрыш один: «Волга», и ясно, кому она достанется, а холодильники и наборы из парфюмерии для остальных фигурантов не предусмотрены. Зачем ходить? И конкурентам незачем, и сторонникам, которые знают итог наперед и едва ли помчатся его обеспечивать, если им за это ничего не дадут. А платить за явку всему электорату — на это ни нефти, ни газа не хватит.

И едва ли угроза лишить избирательных прав за три прогула подействует, ведь большинство совсем этими правами не дорожит. Вот если сажать за три прогула, как за 15-минутное опоздание при Сталине, — это будет эффективно. Вон в Чечне как резво голосовали, сами не зная за что.

Но где взять федералов на всю Российскую Федерацию? И какой понадобится контингент для зачисток? И где организовывать «фильтры» для Москвы и Петербурга?

По подсчетам «оппозиционных» социологов, и «Яблоко», и СПС прошли в Думу на уровне 5,1—5,2%. У них откусили коротенький хвостик, потому что он недостаточно вилял, да еще пытался рулить собакой. Однако у нас Скупщину, как в Белграде, не подожгли и розами Кремль не закидали, розы в этом сезоне цветут только в Тбилиси.

Но ничего не делать — легче, чем делать что-нибудь. У нас, кажется, имеет перспективы не революция бархатная, ситцевая, атласная, розовая, а революция сидячая или даже лежачая. Такой лежачий камень на выборах в марте может напрочь запрудить течение самодержавного потока, потому что по закону даже Медный всадник после такого афронта (несостоявшиеся выборы) далее участвовать в них не имеет права.

Бойкот страшит Кремль до такой степени, что присяжные «правоведы» стали рыться в Уголовном кодексе и конституции, чтобы найти «посадочный» аргумент. Не нашли, конечно, ничего, кроме административной ответственности в законе о выборах. Там частному лицу (не кандидату) запрещается не на средства кандидата вести агитацию на выборах. Неясно только, какой кандидат фигурирует в призывах к бойкоту выборов, и очень уж ничтожна кара. Принцип «Граждане СССР имеют право на обязанности» прекрасно работал, но он необратим. Не скажешь же, что «граждане РФ обязаны пользоваться своими гражданскими правами».

Но, похоже, для власти всё устроится и так. Выборы проигнорируют только «Яблоко» и правозащитники, ибо все остальные явно не почувствовали, что участие — уже соучастие. Или убоялись «фараоновых слуг». Самовыдвижение Ирины Хакамады и обильное ее финансирование ЮКОСом (без окрика из Кремля) оставит в Египте и правых (не говоря уж о виноватых). По пустыне надо будет ходить 40 лет, но как мы с такими избранными демократами попадем в эту пустыню?

МЕДНЫЙ ВСАДНИК ПРОТИВ ВЕДНОГО ЕВГЕНИЯ

«Новое время», №5, 1 февраля

Отношения личности и государства на Руси с допотопных времен складывались самым что ни на есть свинским образом. Ключевский выразил это политэкономически: «Государство пухло, народ хирел». Византийское наследство: аннигиляция народа, голодного, раздетого, ничтожного, забитого, — и раззолоченное, жестокое, мощное, нечеловеческое государство, которое, как любой колосс, оказалось на глиняных ногах, когда Блистательная Порта, такая же мрачная тоталитарная сила, но не с крестом, а с полумесяцем, взяла его за горло и утвердилась на его руинах.

Иван Грозный обозначил политическую и социологическую составляющую этого «общественного устройства», которое от монархии перешло по наследству к большевикам: «Мы, государь и великий князь всея Руси, в своих холопах вольны». Только коммунисты выразили это иначе, словами Бухарина из «Азбуки коммунизма», что если человек

не хочет строить коммунизм, жить ему совсем не обязательно. Государем стала коммунистическая утопия, пока ее не заменил «отец народов», вполне солидарный с Иваном IV не только по букве, но и по духу.

А началось это, видимо, в 1378 году, когда будущий герой Куликова поля, князь Дмитрий Донской, новаторски подошел к трудоустройству своих подданных, казнив боярина Ивана Вельяминова за попытку перейти на работу в другую фирму. До этого инцидента бояре московские, как и прочие из других княжеств, имели полное право «отъехать» от своего князя к соседнему, получив на руки «трудовую книжку». Это была первая в нашей истории попытка установить железный занавес.

При Иване IV народ стал окончательно «невыездным»: за попытку эмигрировать в Литву казнили, и даже прогрессист Борис Годунов долго (почти столько же, сколько Генеральная прокуратура) пытался вернуть «невозвращенцев» из Европы (боярских детей, которые были посланы учиться), долбя настырными нотами Англию, Данию, Швецию (и получая примерно такие же ответы, как соискатели Гусинского, Березовского и Закаева). Считалось, что закрытое общество и граница на замке — это всё в интересах государства.

Получилась формула, диаметрально противоположная зафиксированной в Декларации прав человека и в Пакте о гражданских и политических правах: абсолютный приоритет интересов государства перед правами личности. Еще век продержались Новгород и Псков. В 70-е годы XV века окно возможностей личности захлопнулось с треском. Человек превратился в пыль под ногами государства, чтобы после 1917 года XX века окончательно зафиксироваться в виде и форме лагерной пыли.

Пушкина принято считать государственным из-за его страха перед «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным». Да, он написал «Капитанскую дочку». Но он же написал и «Медного всадника». Если кто не понял, то Даниил Гранин разъяснил в 70-е годы уже нашего «железного» века в незабвенном «Новом мире», что «Медный всадник» — это манифест личности, протест, брошенный государству, исполину и истукану, «идолищу поганому», вызов. Бедный Евгений всего только и хотел честно зарабатывать свой кусок хлеба, «успокоить» любимую Парашу в скромном, но уютном домике. Но у государства были

другие планы. Великий Петербург был построен великим и безжалостным реформатором на костях, в том числе и на крови и муках его собственного сына, в месте, непригодном и противопоказанном для человеческого жилья, в месте, где долго буйствовали стихии, где наводнения, как гнев Господний, сносили дома и уносили человеческие жизни. И Парашу в том числе. И следует потрясающий диалог, который потом будет вечно воспроизводиться в дуэли личность — государство. Личность-диссидент (Евгений, царевич Алексей, Радищев, Герцен, Андрей Дмитриевич Сахаров, Владимир Буковский, Михаил Ходорковский): «Добро, строитель чудотворный!.. Ужо тебе!..»

Больше говорить не давали. В ответ на показанный грозящий палец или кулак показывали кузькину мать. Шел немедленный, автоматический ответ: «Тяжело-звонкое скаканье по потрясенной мостовой». Государство реагировало однозначно и однотипно: оно сходило с пьедестала. «За ним несется Всадник Медный на звонко-скачущем коне».

В этой дикой скачке государство губило и себя, и личность. Сначала — проигрыш в негласном состязании со средневековой Европой. В XVI веке отставание становится непоправимым. Потом — военные поражения. В Ливонской войне (XVI век), в Крымской войне, в Русско-японской войне. В Гражданской войне, наконец, когда победила неопугачевщина. Последний проигрыш — в холодной войне со свободным миром. В этой схватке погибла Империя Зла.

И вот Россия опять пытается сделать вид, что она то ли орел-стервятник, «то ли буйвол, то ли бык, то ли тур». Пока еще ядерные боеголовки можно принять за рога. Это государство, бесславно испустившее дух в 1991 году, никогда не жалело людей-щепок, чтобы сохранить свой топор и дальше рубить лес (другого способа управления обществом мы не знали). Но топора для человеческого устройства в жизни оказалось мало. Дикое, бессмысленное, неоправданное жертвование миллионами, брошенными под красное колесо, привело не в рай, не в Эдем, а в ад, в самый последний круг. Выжимание последних соков из голодного населения на ВПК привело к ликвидации боеспособной армии. Попытка запугать весь мир привела к положению страны-побирушки, терпимой из-за ее нефти, газа и ядерного арсенала. Пока Запад изобретал 120 сортов детского питания, мы делали ракеты, танки и автоматы. Мы не научились создавать для человека ничего, кроме орудий

его уничтожения: ни одежды, ни машин, ни обуви, ни пандусов для инвалидов, ни семейной системы призрения сирот. Закидав гитлеровские войска не шапками, но трупами никем не считанных и не сберегаемых солдат, мы использовали победу менее эффективно, чем Германия — свое поражение.

Принесенные в жертву личности не пошли впрок государству. Они встали ему поперек горла, и государство, вопреки своим ужимкам и многозначительным гримасам якобы великой державы, дышит на ладан, раздираемое коррупцией, бюрократическим беспределом, полицейской бездарностью, кавказской войной, обращенным против самого себя насилием.

ВАЙКИ ИЗ СКЛЕПА-2

«Новое время», № 6, 8 февраля

Покойники бывают разные. В том числе попадают и очень настырные, неусидчивые.

Седьмого декабря избиратели купно с Кремлем похоронили российский либерализм. Похоронили, засыпали снегом, а в Центризбиркоме отслужили гражданскую панихиду. Однако это были не первые похороны. Либерализм закопали еще в 1918 году, причем не в переносном смысле. Зарезали вместе с Шингаревым и Кокошкиным, запретили вместе с партией кадетов, разогнали и выбросили в эмиграцию вместе с Милюковым и Набоковым. По нему стреляли даже там, как по Милюкову (это тогда Набоков-старший закрыл его собой).

Либерализм был истреблен и забыт, но через 74 года явился в облике Гайдара. Выжил, пророс сквозь асфальт и колючую проволоку и еще посмел угостить шоковой терапией.

Так что не в первый раз замужем, не в первый раз на собственных поминках. Призрак либерализма будет вечно бродить по России, хихикать под окнами, рыдать с кремлевских башен, оставлять на полу мокрые следы, как кентервильское привидение. Он будет вести активный образ жизни, воплощаться в кого-нибудь, подкармливать неблагодарных россиян, и слово «реформы» будет вечно звучать укоризненным эхом в гулких коридорах типовых российских казарм.

Это Россия, а не Китай. «И век ему с душой не будет сладу, к чему бы поиски ни привели» (И.Гёте, «Фауст»).

Последний съезд СПС напомнил туристическую песенку моей коктебельской юности: «Труп туриста в ущелье качается, молодой, жизнерадостный труп». Про откровения, инсинуации и умозаключения-разоблачения прочих органов печати и экрана, которые они якобы извлекли, опираясь на «источники», я могу сразу сказать: «Пусть вырвут лгуну его гнусный язык!» (Булгаков, «Мастер и Маргарита») Дело в том, что положение покойника нисколько не укротило лидера партии Бориса Немцова. И не только его. По его словам, после ареста Ходорковского они собрались с Кохом и Чубайсом решать, куда идти. У СПС было два пути: в политические трупы или в политические проститутки. Единогласно выбрали первое. Борис Немцов даже звонил некоторым неформальным радикалам и недобитым диссидентам и спрашивал, есть ли жизнь на том свете, поскольку принято считать, что у них уже приличный покойницкий стаж. На том свете всё есть, как оказалось. Жизнь и смерть, бойкот выборов или участие в них с антисоветской позицией, жаркие политические споры и Комитет-2008, инициированный именно радикальным крылом СПС.

По сравнению со съездами раннего путинского периода и выборами 1999—2000 годов — осязаемый прогресс. Выборы 1999 года идейно были проиграны с треском, с позором, а думские проценты куплены ценой поддержки В.В.Путина и второй чеченской войны, то есть ценой чести. А на этот раз Борис Немцов был единственным из политиков, кто использовал эфир для безнадежного, донкихотского вызова власти и лично гаранту.

При этом и он, и Ирина Хакамада покаяться в том, что были с властью недостаточно резки. Побит рекорд «Покаяния» Тенгиза Абуладзе. Ладно еще выбросить на свалку труп своего отца! А вот попробуйте свой собственный! Это уже постмодерн.

Русская интеллигенция от Достоевского до Аксенова всегда существовала по недосмотру власти, против течения и вопреки здравому смыслу. Ведь съезд СПС даже не поставил на голосование вопрос о поддержке действующего президента, хотя за такую крамолу от них разбежались олигархи (кроме ЮКОСа) и удалились все спонсоры. Три сопредседателя заявили, что им «не нужно золотого кумира, ненавистен им царский чертог». Есть ведь еще и Егор Гайдар,

в прошлый раз голосовавший за Путина, а на этот раз весело объяснивший, что может вообще на выборы не пойти или голосовать против всех, а о поддержке Хакамады подумает до 14 марта. И даже Чубайс не произнес всуе фамилии президента. Табу. Табу для приличного общества.

Путинисты, то есть премудрые пескари из СПС, спрятались под коряги, уступив инициативу столичным карасям-идеалистам. Скелеты выброшены из шкафов. Если Борис Немцов в апреле на весеннем съезде возглавит партию, а Ирина Хакамада после избирательной кампании призовет к бойкоту и пригласит демократов на альтернативные выборы, наши покойники еще поживут.

РАЗВОД ПО-СЛАВЯНСКИ

«Новое время», №6, 8 февраля

Официоз в Киеве сквозь зубы, блудливо улыбаясь в сторону национально-демократической оппозиции, празднует день «воссоединения» Украины с Россией, а официоз в Москве, на время спрятав зубки под братской улыбкой, делает вид, что его вполне устраивают сладкие воспоминания о былом тождестве в рамках Российской империи и Империи Зла, а теперь он (официоз) готов довольствоваться газовым союзом, некоей экономической привязкой (шило на мыло, газ на сахар, сало на хлеб) в рамках СНГ. При этом Жириновский честно продает своих коллег по Думе, Лубянке и Кремлю, советуя Украине возвращаться добровольно, пока не привели назад силой, Rogozin потирает мозолистые руки, натруженные лопатой на тузовских геополитических раскопках, а «западэнцы», уроженцы Львова и потомки оуновцев вместе с бывшими диссидентами и антисоветчиками устраивают возле праздничных столов пикеты и митинги протеста. А тот же Леонид Кучма, кстати, только что презентовал россиянам свой труд «Украина — не Россия», потому что даже такая аксиома для россиян неочевидна. Они поистине не знают, где кончается Россия и где начинаются Белоруссия и Украина, в силу генетических дефектов имперского и особенно панславянского зрения.

Так что же такое Украина и с чем ее ели Российская империя и СССР? С чем хотят ее съесть неугомонная власть и неугомонный народ России постсоветской, которым, видно, Беловежской пуши было мало? Попробуем

обратиться к истокам. Когда Русь путем экспансии удалась в суздальско-владимирские пределы и далее на север и восток; когда Великий Стол окончательно переехал в Суздаль, Владимир, Тверь и Москву; когда Киев был взят приступом владимирско-суздальскими войсками как неродной, как иноземная столица, — в пределах Киева, Чернигова, Львова, Тмутаракани кто-то (то есть очень многие русичи) остался жить. Как они жили? Как жил Галич? Как жила Червонная Русь? Как жила потом Малороссия? Никто не полез далее Гоголя, хаток, подсолнухов, горилки, гопака и колбасы. Украинский праздничный набор для российского обывателя... Ну, плюс еще Булгаков, «Дни Турбиных» и «Белая гвардия», где гетман и попытка создания украинского национального государства предстают сплошной карикатурой и ужасом, не говоря уж о Петлюре.

Это российская версия. Украинцы видят это иначе, хотя после российского стажа и советской бетономешалки мало кто хочет и может считаться украинцем. Мы смеемся над «мовой», над попытками всюду ее внедрить и всё на нее перевести, а ведь за этим своя история, переехавшая и перепаханная нашей.

Далече от князей Украина оказалась и далече от монголов, на периферии нашествия. Они ее ограбили, разорили, но не остались, не сделали ее частью Орды, как Москву. Тем паче что Польша не сломалась и отбила захватчиков; они ей служили, а не наоборот, а Польша и Украина жили рядом. Сечь была протореспубликой, но не все казаки мыслили подобно Тарасу Бульбе. Не все считали Польшу врагом. Многие перенимали польскую культуру, обычаи и дух конституционной свободы.

Пока Владимир и Москва переходили с вольных хлебов под тяжелую руку великих князей, Украина сохранила древнерусскую фонетику, вечерую культуру (на Севере задержавшуюся только в Новгороде и Пскове аж до последней четверти XV века), самоуважение, нормальные отношения с Западом. Михаил Олелькович, слущкий князь XV века, которого мятежный Новгород пригласил на престол, рассматривался Москвой как иностранец (а новгородцы тут же стали изменниками «русской национальной идее»), да и был им. Поляк по платью, по образованию, по манерам, разве что не по вере.

Политическая сделка батьки Хмеля была конъюнктурной и религиозной, но для Украины Переяславская рада

распахнула двери темницы, а Москве прибавилась головная боль. Чужую, более высокую гражданскую и политическую культуру, этот филиал Польши переварить не удалось.

Белоруссия сдалась скорее. Украина бунтовала до конца, пока предательство батьки Хмеля не было стерто в бело-вежских лесах. Екатерина занялась русификацией украинцев, вплоть до запрета в учебных заведениях родного языка и до попытки сделать из них крепостных. Так что рассказы Гоголя про черевички не отвечают исторической сущности отношений народа с императрицей. Украинцы ненавидели империю иногда молча, но всегда страстно. Неудивительно, что как только цепи обвисли, а веревки ослабли, они попытались уйти.

Вот вам и гетман, вот вам и Петлюра. Даже знаменитое «предательство» Мазепы при Петре было осознанным западным выбором (гетман говорил на латыни) и исторической мезью Москве. Батька Хмель недооценил своих соплеменников.

Однако далеко Украина не ушла. Вернули под конвоем. Но не приручили. В самую глухую пору сталинизма Украина взялась за оружие. Воевала до 1952 года. Отсюда дивизия «Галичина», война УПА на два фронта, против гитлеровцев и против Советов (что нашло слабое отражение в оттепельной книге Медведева «Это было под Ровно»). Ведь Западная Украина подверглась почти поголовным арестам и была этапирована в Сибирь, а бандеровцам сочувствовали все западэнцы. Ранний Солженицын, еще верный гулаговскому братству, всё это описал в киносценарии «Знают истину танки». Чего стоит одна фраза: «А у нас, у широких украинцев, руки всегда на ножах!»

Украинцы не говорили: «Товарищи!» У них было обращение «Паньство!». ООН и сочувствующие переехали в лагерь Сибири, или были убиты в схватках, или погибли в руках палачей в расстрельных подвалах и камерах пыток, но до согласия было далеко.

А счет велся, тяжелый счет арестов, сроков и приговоров, который остался незакрытым, ибо Россия не извинилась и даже не поняла, что отдать Крым — это значит принести искупительную жертву. За что? А вот за это! За разгон и аресты членов культурологического общества «Промсвита». За смертный приговор по 64-й статье (замененной 15 годами) Левко Лукьяненко и его товарищам за одни только разговоры о национальной независимости в 60-е годы.

За мученическую смерть в советских лагерях великого поэта Василя Стуса, украинского Рильке. «Молчи, душа! Гори, а не ропши! Чернеет в стуже солнце Украины...» За то, что Вячеслава Черновила в лагере водили по снегу босиком. За 7 лет лагерей и 5 лет ссылки для Ирины Ратушинской — за одни только стихи. За депортацию и вечные аресты крымских татар (они сделали выбор: остаться в Украине, а не в России), за 7 сроков Мустафы Джемилева. И это не «старинный спор славян между собою».

Прибавьте еще голодомор 30-х годов. Арбитр в таких спорах — международный трибунал. Так что батька Хмельницкий старался зря. Украина ушла навсегда. И это дает ей шанс, в отличие от нас. Мы-то вернулись.

ФИАСКО ЗАВЕТНОЙ МЕЧТЫ

«Новое время», №26, 27 июня

Был в начале шестидесятых такой идиотский фильм, снятый явно красным американским режиссером, про прогрессивного ученого. Этот прогрессивный ученый хотел разоружиться перед СССР и всячески склонял к этому Пентагон. Дело якобы (потому что фильм был снят даже не «по мотивам», а по чистым фантазиям режиссера и сценариста) кончилось попыткой объявить ученого невменяемым. Попытка оказалась неудачной, но общество сумасшедшим все-таки объявили (свихнувшимся на почве вражды к СССР).

Эта сказка, конечно, была ложью, но в ней заключался некий загадочный намек. В сумасшедшем социуме может ли быть нормальный суд? Даже в США в эпоху маккартизма выносились совершенно неправовые вердикты. Правда, они казались юридически более грамотными, чем, скажем, «басманное правосудие», потому что в них санкции накладывались за неуважение к комиссии конгресса, за отказ сотрудничать с ней. Но ведь сотрудничать с сенатором Маккарти значило «стучать».

Но суд присяжных — это святиныя в храме европейских ценностей, настоящий алтарь, на который возлагали свои надежды еще наши предки в 1861 году. По-настоящему суд присяжных был запланирован еще Великой хартией вольностей в 1215 году. Но там всё было выверено четко. Суд, да не просто присяжных, а «равных себе» — pairs. То есть рыцарей

судили рыцари, баронов — бароны, йоменов — йомены. И нареканий на такую систему ведения дел не было.

Но окончательно расцвел этот суд в самой демократической, наименее сословной среде: в США. Правосудие, одинаковое для всех: для белых, цветных, богатых и бедных. Хотя вначале в южных штатах еще в 30-е годы XX века были проблемы с оправданием афроамериканцев. Да и Теодор Драйзер описывает в «Американской трагедии» прецедент осуждения племянника богатого фабриканта Клайда Гриффитса присяжными из среды лесорубов и небогатых фермеров. Ведь Клайда обвинили в убийстве Роберты Олден, девушки из такой же бедной фермерской семьи. Впрочем, Роберту он действительно хотел убить, завез на озеро, стукнул (хоть и невольно) фотоаппаратом, не стал спасать.

Постепенно сословность суда присяжных сошла на нет, сгладилась, новые времена так повысили гражданскую квалификацию тех самых фермеров, ковбоев, мелких клерков, торговцев, ремесленников, что они стали выносить безупречные вердикты. Так что на континенте обращение Жюльена Сореля (из «Красного и черного» Стендаля) к присяжным (30-е годы XIX века) смотрится уже полнейшим анахронизмом. Ранивший (но не убивший!) женщину подсудимый обвинил присяжных в том, что они — разбогатевшие буржуа, купцы и лавочники, а вовсе не возмущившиеся против своей доли крестьяне, как он сам. Но поскольку суд присяжных силен не познаниями в юриспруденции, а чувствительностью к вопросам совести, морали, человечности, то такая надменность и отсутствие раскаяния сыграли против Жюльена и обеспечили ему гильотину.

Суд присяжных может пренебречь правом во имя совести и гуманности, он судит сердце человеческое. Поэтому особенный успех он имел в России, когда великие реформы Александра Освободителя открыли ему дорогу в российское неправовое от века пространство. И там, где никогда не было права, подействовала совесть. Та самая «достоевщина», ее лицевая, привлекательная сторона. Присяжные оправдали Бейлиса, которого решили закласть черносотенцы, к совести присяжных взывал вдохновенный Плевако, присяжные оправдали безусловно виновную Веру Засулич, которую защищал присяжный поверенный (прекрасный титул для адвоката, правда?) Александров. Поступок Трепова со студентом, высеченным розгами, показался настолько отвратительным, что выстрел Веры Засулич,

не убивший, а только ранивший этого «сатрапа» (и по сути, и по мнению образованного сословия), стал чем-то вроде справедливого возмездия, этакого пушкинского «кинжала», скованного лемносским богом.

Суд присяжных оказывался неэффективным там, где настоящее судило будущее. Так получилось с Сократом. Афинское народное собрание играло роль суда присяжных и осуществляло правосудие. В сущности, плебисцит решал вопросы импичмента (вотум недоверия Писистрату) и суда с состязательностью сторон. А то, что Сократ отказался от услуг логографов, тогдашних адвокатов, свидетельствует о том, что он не имел иллюзий относительно своих соотечественников, пославших его на смерть за попытку отучить Афины от бездумного самодовольства и внедрить в эллинский бестеневой мир критическое отношение к реальности, близкое мироощущению демократов XX века — и плебисцит сработал против личности, поставив во главу угла социум.

В нашем случае произошла также катастрофа, катастрофа неготовности. Ладно, мы уже смирились с тем, что суды у нас басманные, что несменяемость судей привела к их независимости от конституции и права, что санкции на арест выдаются судом не менее охотно, чем прокуратурой, что освобождение под подписку о невыезде стало редчайшей милостью, манной небесной, что суд зачастую откладывает дело в долгий ящик, направляет на новое рассмотрение, а узника, человека невинного и мирного, оставляет под стражей. Но фиаско с судами присяжных, нашей заветной мечтой, мы не ожидали. И вот присяжные, плоть от плоти и кровь от крови своего народа, оправдывают капитана Ульмана и, значит, приветствуют в его лице убийство ни в чем не повинных мирных жителей Чечни. Таков *vox populi*: чеченцы — люди второго сорта, враги, преступники, им ничего такого не положено. Если бы это было осмыслено иначе, мы имели бы массовый протест против войны и неизбежное ее окончание.

Та же история с чеченской девушкой, отказавшейся от взрыва. Нестерпимое озлобление массового зрителя TV, возложившего ответственность за «Норд-Ост» и взрыв в метро не на собственную власть, все эти годы толкавшую чеченцев на крайности, а на весь чеченский народ. И, наконец, ужасный вердикт по делу Игоря Сутягина. «Не заслуживает снисхождения», 15 лет... Столько даже КГБ для диссидентов не требовал...

Интеллигент, ученый, контактировал с США — этого хватило. Это вердикт дикарей, выбранных из среды дикого народа. Этот же народ избрал себе в наперсники КГБ, «Родину», ЛДПР и единороссов. Атрибуты демократии у непросвещенного народа обращаются в атрибуты беззакония.

ДА СЛАВЕН БУДЕТ ЖАРЕНЬИ ПЕТУХ

«Новое время», №30, 25 августа

«И клюв его — да здравствует особо!» — заметила в одном из своих зонгов Нателла Болтянская, персональный Баян российской интеллигенции. Интересно, кстати, проанализировать, почему и она, и Галич, и Окуджава оказались достоянием интеллигентской публики, а не всей республики. В отличие от Высоцкого, который пошел по рукам в широкие массы. Боюсь, что не потому, что народ хотел куда-то пойти (кроме вытрезвителя, пивной, стадиона и дивана у телевизора), а Высоцкий его туда и позвал. Ни истопленная по-белому банька, ни монолог зарезанного за то, что был опасен, поэта, ни баллада ратующего за правду микрофона, ни роли Гамлета, Галилея или Хлопуши (или даже фон Корена) никогда не составляли всенародный обиход. «Место встречи изменить нельзя», слегка приклатненные баллады, военные песни, любовно-шахтерско-альпинистский ассортимент, некая ипостась российского «мачизма» обеспечили гениальному актеру, поэту и музыканту народную любовь.

А антисоветчик-аналитик Галич, исполненный рефлексии на несъедобные темы Окуджава и Болтянская с ее двумя дисками «Предупреждение» (о реставрации) и, наконец, сама «Реставрация» обречены оставаться уделом немногих. Поколение X и поколение Next поют уже не их. Тонкие, умелые, нездешние, взыскующие свободы и западных ценностей, переполненные историческим контекстом и подтекстом, требующим для дешифровки хорошей образованности — они как раз та жемчужная россыпь, которые никогда не будут нужны описанному еще в Евангелии электорату.

Именно в силу вышесказанного (и Евтушенко согласен: «Народ — это было, Петр Францевич, и если порою народ

ярмом недовольно потряхивает, то вовсе не в жажде свобод. Ему бы корма образцовые, ему бы почище хлева... Свобода нужна образованному, неграмотному — жратва», — такой вот диалог Лесгафта с коллегой в поэме «Казанский университет») пора перестать ссылаться на народные нужды и защищать свои.

Свобода — достояние интеллигенции, ей и надо учиться ее защищать. Поэтому агония НТВ касается одной межфракционной и межрегиональной корпорации — корпорации мыслящих и страдающих людей (в бизнесе, в искусстве, в журналистике). Образование, журналистика, искусство, наука — это сферы, которые в принципе не могут существовать без свободы, разве что в форме карикатур. Бизнес, построенный на перекачивании энергоносителей и другого сырья с Востока на Запад, может существовать «без осветленного простора поднебесий» на одном «томлении рабских трудов» довольно долго, как пресловутая рабовладельческая формация, от которой мы, судя по «делу ЮКОСа», не так уж далеко ушли. На скромные нуждишки латифундистов всех мастей, большевиков, нацистов высшего разбора, чекистов и их преторианцев хватит в любом случае.

Жареный петух, вешая птица Нателлы Болтынской, нас клевал неоднократно, прямо-таки с 1917 года, с 25 октября. Клюет и по сей день. Однако нашу несокрушимость не проклевал и не преодолел. Здесь клюв нужен титановый. Поэтому страшно раздражают комментарии по поводу зачисток руин НТВ, комментарии робких аналитиков, которые боятся сами себя или начинают учить чекистскую корпорацию, как ей надо защищать свои интересы. И по всем выкладкам таких демократов-передвижников получается, что интересы чекистов должны совпадать с интересами прогрессивного человечества.

А вот и не должны! Дано: две корпорации. Светильники (интеллигенция) и гасильники (положим, чекисты). Одни горят и светят, другие тушат и гасят. Одни живут под солнцем, другие — в темноте. Маркса бы сюда. Это как классовая теория, и здесь она абсолютно уместна. Мыслящие люди — и тайная полиция, разработавшая концепцию «мыслепреступления». Интересы этих корпораций никогда не совпадают. Кто не спрятался (или не боролся), они, спецслужбы, не виноваты. Они честно говорят, что есть в стране

силы, которые заняты «очернительством» российской внешней и внутренней политики. Логично было бы восстановить статью «Клевета» — теперь уже на «российскую действительность»). Государственные (или даже общественные, не говоря уж об индивидуумах) интересы — для них не точка отсчета, а производное. Страна превращается в осажденную крепость, а спецслужбы при этой крепости работают ключниками, привратниками, управляющими и часовыми. И деньги, и почет (власть, страх, безнаказанность). Очень приятно.

У гасильников — своя идеология, свои эмоции, свои маленькие радости. О незабвенный Оруэлл! О'Брайен же объяснил: «сапог, наступающий на лицо человечества».

И не надо им про рентабельность. Убивать ЮКОС, НТВ, гражданское общество нерентабельно?! А у них не рыночное хозяйство. Хозяйствующий чекистский субъект не сеет, не пашет, не продает. Он грабит, раскулачивает, отбирает, стрижет, режет, требует налог с живой коровы в 16 кг мяса и кожи (с 30-х годов до оттепели), обламывает рога, травит овчарками, а иногда дает попасть перед бойней (как дали «нэпманам» и ЮКОСу).

Зачем гасильники добивают НТВ? А ремесло такое. Контрольный выстрел у этих профи обязателен. Испанская инквизиция угробила Испанию, отставшую на два века от Великобритании, но инквизиторы были на коне, и никто ничем не заплатил. И чекисты не заплатили (Ягода, Ежов, Берия пошли следом за своими жертвами, но чекистская корпорация в целом выиграла и возглавила страну).

А вот почему не защищаются светильники, это уже сложнее понять. Они ведь даже кричать и плакать боятся. ТВ-6 втихаря просил себя не защищать, как раньше НТВ, надеясь договориться с властью. Просили и меня, так что знаю из первых рук.

Отступление по старой Смоленской дороге кончается Ватерлоо и Святой Еленой. Особенно когда отступаешь от гласности, то есть со своей земли. Алексей Венедиктов и многие его коллеги заявили, что они бы тоже уволили Парфенова. Савик Шустер согласен взять неэфирную должность, как подачку. Свободный эфир для диссидентов (явных) остался только на «Свободе».

Корпорация гасильников наступает; корпорация светильников слабо и недружно отбивается, бросая раненых,

убитых и обозы, отдавая врагу знамена и инициативу. Не надо быть стратегом, чтобы предсказать исход этой войны. «*Vae victis!*» — сказал один галл-силовик в 390 году до н.э. «Горе побежденным!»

ЗА НАМИ ПУТИН И СТАЛИНГРАД

«Новое время», №32, 8 августа

Это — часть нашего багажа из популярного и, как выяснилось, пророческого зонга модной группы. И еще там была система «Град». И чистое поле. Шутки шутками, но не составляет ли этот «джентльменский набор» («военка», «оборонка», самодержавие; «славное советское прошлое»... и морально-идеологическая пустота, отсутствие высшего смысла, бесплодие, символизируемые «чистым полем») всё, что у нас есть за душой? Это вместо той прекрасной, благородной, мистической триады из «Декабриста» Осипа Мандельштама («Россия, Лета, Лорелея»), которую, бесспорно, имело за загадочной славянской душой русское дворянство, от декабристов до лучшей части Белой гвардии (на уровне семьи Турбиных).

Что с нами происходит? Почему уже второй раз за 80 лет процесс «Баньки» Владимира Высоцкого пошел вспять, и мы из горячего тумана, который должен был развязать нам язык, облегчить и раскрепостить разум и смыть бездумную покорность, опять погружаемся в «туман холодного прошлого»? Чем нам там намазано? Медом? Мылом? Опиумом?

Есть у Владимира Короткевича рассказ «Ладья забвения» (слово «распачі» — это и забвение, и загробная жизнь, и возмездие, потому что пункт назначения у этой ладьи — ад). Там очень выразительно показано, какие муки терпит душа Ивана Грозного, и нео-Харон, лодочник, объясняет, что они прекратятся только тогда, когда на Земле перестанут восхвалять этого тирана. По этой логике событий, душа Сталина обречена на вечные мучения. Первая ресталинизация, которая в 1964 году была уже настолько ощутима, что на своем процессе в 1966 году Юлий Даниэль назвал ее в числе причин, побудивших его написать свои рассказы в жанре антиутопии и опубликовать их за границей («за бугром», по терминологии нынешнего президента) под псевдонимом Николай Аржак, имела точно такие же мотивы,

как и нынешняя, и даже примерно такие же этапы и такое же течение. С нюансами, конечно. Она была более репрессивной и более «школярской», то есть более буквальной. Но она, конечно, была менее анахронической, менее экстравагантной и в смысле психоанализа менее провокационной.

Хрущев ненароком срубил тот сук, на котором он и его коллеги (расстрелянные, выжившие, с «уклонами» или без) сидели. Этот сук назывался «абсолют» и являл собой полнейшую безмятежность сознания. Личная судьба была под топором, зато судьба общественная казалась незыблемой и сияющей. Чего только стоят бестрепетные тени «коммунистов с Колымы» вроде товарища Петракова у Алдан-Семенова с его «Барельефом на скале», падающего на колени перед памятником Ленина. Или Евгения Гинзбург и ее товарищи по «Крутому маршруту», после Эльгена отправившиеся восстанавливаться в партии. Или ээки из «Архипелага», устраивавшие тайно партсобрания и сетовавшие, что им не дают подписываться на займы. Даже шестидесятник Евтушенко в своей «Братской ГЭС» «проговорился» в главе про бетонщицу Ньюшку о неких людях, которые «не теряли веру в лагерях», — причем это у него похвала!

Горькое лекарство Тенгиза Абуладзе, требовавшего выкинуть свое прошлое на свалку, не пришлось по сердцу пациентам. «Советский пациент» лелеял свои язвы, пока не оказалось, что наше прошлое — это раковая опухоль, которая пожрала страну и ее будущее. Идеологи из ЦК КПСС справедливо рассудили, что «если Бога нет — какой же я штабс-капитан?». Если лет этак 28—29 были сплошным кошмаром и ошибкой (из 47, если считать с 1917 по 1964-й, на котором кончилась оттепель), то зачем дальше строить коммунизм?

Солженицынский роман «В круге первом» в «Новом мире» уже не вышел, а в начале семидесятых «Новый мир» Твардовского добились, но не так, как театр Мейерхольда — с закрытием и казнями, а как потом разоряли НТВ: вроде бы канал есть, а прежней команды нет, и «вода в этой реке уже иная».

Поисключали из партии всех, кто на закрытых партсобраниях в своих НИИ ставил вопрос о ликвидации «органов». Восстановили официально некий символический культ генсека («самодержавие»): товарищ Хрущев с кукурузой, башмаком, кузькиной матерью, «пидорами» и прочими затеями,

растиражированными агитпропом; «лично товарищ Брежнев» с его «Малой Землей» и побрыкушками.

Другое дело, что за занавесом никакой любви, никакого доверия, никакого пиетета уже не было, разве что анекдоты. Однако и «военка», и участие народа на равных в упряжке «славного советского прошлого» не поколебались. И «народные дружины», и Артек, и «Зарница», и ДОСААФ, и комсомол, и профсоюзные собрания, и политзанятия — всё это грело душу и власти, и народу. Власти было комфортно от соучастия народа, народу было комфортно от ушатов позитива, который низвергался со всех экранов, из всех речей, газет, учебников и репродукторов. Основы строя почти никто из диссидентов (Леонид Бородин, Владимир Буковский, прибалты и западэнцы с Украины были исключением) не ставил под сомнение. Однако никто «с мест» с подначки Политбюро или идеологического отдела ЦК не ставил вопрос о переименовании Волгограда и надписи на камне у памятника Неизвестному солдату не менял: полное перечеркивание хрущевского периода тоже подмывало фундамент строя. Партия не могла ведь совсем уж «сойти с рельсов».

Что же происходит с обществом сегодня? Народ в тяжком астматическом приступе выплевывает остатки свободы. Он устал «ходить сам по себе» и сознавать, что мы — страна отсталая, варварская и бедная. Ни ракеты, ни Енисей (перекрытый или нет), ни балет больше никого в мире не впечатляют. И возникает спрос на радостное слияние в общую протоплазму, спрос на пионерскую организацию, «Зарницу», Артек и безмятежность хотя бы от идеологических наркотиков. Не мыслить, не страдать, не решать самостоятельно, не отвечать за себя. Вперед, к одноклеточным! Социализм и автократия — их среда и их рай.

А власти тоже не нужны лишние раздражители. Им нужно соучастие, а не обратная связь. Их раздражают даже несчастные полузадушенные правозащитники (еще не в тюрьмах, но уже в «зоне отчуждения»).

Так что гимном и Андроповым началось, но ими не кончится. Любая безмятежность не терпит возмутителей спокойствия. Ресталинизация — это возвращение «на иглу» оптимизма и самодовольства. Как далеко они зайдут? Здесь уместно вспомнить французскую поговорку: *Qui vivra verra* («Тот, кто доживет, тот увидит»). Тот, кто доживет.

МЕСТЬ ДО СТРАШНОГО СУДА

«Новое время», №35, 29 августа

В рамках нашей системы координат чеченская проблема решения не имеет. Чеченцы ухитрились появиться не в то время и не на том месте. Никому, собственно, этот кусочек земли, несколько скал и капелька нефти не были нужны.

Старая Россия держала путь в богатое, тучное Закавказье и 200 лет тупо жгла, стреляла, унижала, уничтожала этот стратегический клочок геополитики, лежавший на ее дороге.

Советская Россия мстила населению этого клочка за несогнутые спины и чувство собственного достоинства.

Ельцинская Россия мстила крошечному несогласному кусочку территории за то, что ушли навсегда большие, жирные куски империи, и ушли они безнаказанно, сколько ни плюй им вслед.

Путинская Россия решала за счет этой могилы, этого пепелища свои вопросы сплочения большинства на основе общей ненависти, общего имперского комплекса неполноценности, повязывая всех кровью.

Они никому не нужны сегодня, кроме правозащитников. Все не нужны как один: запуганные мирные жители и готовые умереть в бою повстанцы. Никому нельзя помочь: ни тем, кто смирился, ибо они сломлены, ни тем, кто готов идти до конца, ибо конец для них один: смерть. И хорошо еще, если в бою. Им нет места в мирной жизни, нам нечего им предложить, кроме гибели в российской тюрьме от побоев, как погибли Радуев и еще кое-кто. Или 20 лет тюрьмы, которых удостоилась решившая «замириться» с нами чеченская девушка, отказавшаяся от теракта. Как специалист по советским политическим тюрьмам я должна честно сказать: лучше умереть сразу, нежели туда попасть.

Западникам Чечни было так несладко в горах, что они просили политического убежища у стран Запада. Обосновался в Лондоне Ахмед Закаев. Нашел себе место в США Ильяс Ахмадов. Запад прибег к знакомой концепции: «Нефть, газ и одобрение действий в Ираке в обмен на чеченцев». Надо ли удивляться, что сопротивление в Чечне становится исламистским? Мы не оставляем им шанса, не оставляем даже пятого угла. Книгу Анны Политковской «Вторая Чеченская» без слез читать невозможно, и невозможно читать больше чем по пять страниц подряд. Жить не хочется.

Что еще можно сделать? Эвакуировать на Запад всех чеченских детей, чтобы они выжили и выросли цивилизованными людьми? Не отдадут. Патриоты надеются сделать из них мстителей. Коллаборационистам нужны избиратели: массовка для фальшивых выборов. И нужны младенцы, которых можно назвать Ахмадами или как-то еще в честь будущих «законных» президентов, которых тоже взорвут будущие моджахеды. Чеченцы разбредутся по миру, как когда-то евреи. С одним отличием: обстоятельства не сойдутся опять так, чтобы им дали кусочек земли в Палестине или где-то еще. Никто же не признает случившееся с ними Холокостом. Они никому не нужны. Говорить о единственном выходе, об искуплении, покаянии, уходе России, вводе западных миротворцев, «обусловленной независимости» не с кем. Россия все еще велика, у нее полно нефти, газа, ядерного оружия. Чеченцы пошли в уплату за всё это. Можно сделать только одно: перестать врать хотя бы тем, кто претендует на звание российского интеллигента. Перестать обсуждать, какая из кандидатур на псевдовыборах лучше, какой из наместников (то есть сатрапов) пригоднее, замолчать на тему о «мирном процессе» в Чечне и о грехах Хаттаба, Басаева, Масхадова и «чеченских террористов». Как бы они ни были плохи, но мы-то, россияне, еще хуже, и не нам обсуждать недостатки жертв.

Но и этого тоже не произойдет. Одному хочется в депутаты, другому — в аппарат правительства, третьему — просто напечатать статью.

Поэтому таскать нам не перетаскать.

А у правозащитников остается одна инстанция для подачи документов на федералов: Страшный суд. Этой инстанции не нужны ни нефть, ни газ, ни доверие одичавших за 70 лет избирателей. И «контртеррористической операцией» там тоже никого не прельстишь.

ОНА НЕ УТОНЕТ

«Новое время», №36, 5 октября

«Fluctuat nec mergitur», этот девиз — с герба древней Лютеции, будущего Парижа. Гонима ветрами, преследуема волнами, вечно под властью зыбких стихий (Лютеция была вначале островной столицей среди Сены; сегодня же на

острове Сите административные здания и исторические средневековые кварталы), но не тонет! *Nec mergitur!* Так можно перевести (многословно, но близко к тексту) лаконичное римское изречение.

И этот же девиз я предложила бы для США после точки отсчета «9/11», как назвали 11 сентября 2001 года сами американцы и продвинутый сверхпрогрессивный режиссер, сделавший из жуткой трагедии обличительный памфлет на нынешнюю вашингтонскую администрацию (и уже заработавший громкое имя и немалые деньги).

Как диссидент я в восхищении. Умеет Майкл Мур делать власти бяку даже на пепелище, когда всё валится в тартарары. Как человек я не могу не отметить, что на всякую старуху найдется своя проруха. И самая гуманная, идеальная, расторопная власть никогда не сможет закрыться полностью от всех внешних угроз, даже если президент зовется не Буш, а Кеннеди, Рузвельт, Линкольн, Рейган.

Минимизировать угрозу (особенно от фанатиков-неформалов) можно лишь ценой утраты идентичности, политической и нравственной. То есть заменить угрозу частного терроризма терроризмом государственным. Сталин, Ким Ир Сен, Иван Грозный, Муссолини так славно боролись с врагами «унешними», что у граждан остались одни «унутренние» (из разных народных комиссариатов внутренних дел; они не всегда назывались НКВД, но функции данного органа исполняли исправно). Словом, там, где у граждан нет более опасного врага, чем собственные спецслужбы, вас, скорее всего, не взорвут на стадионе какие-то приبلудные террористы, а культурно замучает и расстреляет в том же спортивном сооружении собственная власть. Будете иметь полную стабильность, опутанную колючей проволокой, и безопасность за нержавеющей железным занавесом. Охотников до таких «гарантий» прошу переезжать из Южной Кореи в Северную, с Тайваня — в КНР, а из США — на Кубу. Не думаю, что Майкл Мур имел в виду такие меры по предотвращению терактов. Но что он имел в виду, я лично не поняла.

В чем виноват Белый дом? В беспечности, мании преследования или злонамеренном пособничестве бен Ладену? Последняя версия слишком усиленно разрабатывалась российскими национал-патриотическими, то есть протофашистскими изданиями (мол, американцы сами взорвали свои

небоскребы, чтобы иметь предлог для мировой экспансии), чтобы Майклу Муру захотелось к ней примкнуть.

Что только не пророчили Америке в те роковые дни, когда из-под слоя пепла выкапывали останки нескольких тысяч мучеников западной цивилизации (они ведь заплатили за всё и за всех: и за атлантистов, и за талассократов, и за американский «империализм», и за войну в Заливе — где несчастный Запад спасал одну арабскую страну от другой, — и за «дядюшку Сэма», и за первую экономику в мире, и за Корпус мира, и за НАТО, и за Голливуд).

Одиннадцатое сентября был днем настоящего и гено-, и этноцида, когда американское гражданство оказалось достаточным для того, чтобы стореть заживо. А может, и не гражданство, а просто Green Card. Право на работу и жительство в США. Или хватило даже криминального намерения какого-нибудь туриста посетить башни-близнецы. Ведь команда бен Ладена ни у кого не проверяла ни документы, ни даже черепа на предмет «американских признаков». Огонь уравнил всех: белых, черных, высоко- и низкооплачиваемых, менеджеров, уборщиков и программистов. Я считаю это актом самого неподдельного фашизма. Не важно, кого ликвидируют как класс: евреев, цыган, тутси, кулаков, дворян или американцев. Зачем создавать перманентные и стационарные газовые камеры, если можно на месте устроить крематорий из любого небоскреба?

Учитывая уязвимость (открытость) западного мира, США пророчили:

1. Великую депрессию.
2. Дефолт. Охоту за всеми небелыми и нехристианскими ведьмами на своей территории.
3. Депортацию всех мусульман.
4. Установление диктатуры типа оруэлловской и полную отмену гражданских прав.
5. Поражение и бегство из Афганистана и Ирака.

Ничего этого не произошло. «А в грешном мире всё как было». Доллар не стоит 60 копеек, правда, евро его опережает, но еще не вечер. Мусульмане США где были, там и проживают. Даже с базы Гуантанамо стали распускать талибов, плавно их распределяя между странами, их породившими.

Правозащитники обязаны кричать «Волки! Волки!», но едва ли можно считать нарушением гражданских прав

системы электронного сканирования пассажиров авиарейсов, недоступность кабины пилотов и изъятие в аэропортах колющих и режущих предметов. Я лично готова подарить всем желающим функционерам отпечатки своей сетчатки, а отпечатки моих «пальчиков» и без этого имеются на Лубянке с 1969 года. Непохоже, судя по фильму Майкла Мура и его предвыборной демонстрации в США, что когда-нибудь ФБР станет карать за «антибушевские» (или «антикерриевские») листовки. По-прежнему, согласно старому доброму советскому анекдоту, можно выйти в Вашингтоне к Белому дому и кричать, что президент — дурак. Буш-младший давно уже слушает (и терпит), что он косноязычный идиот. Все журналисты США и окрестностей просто выпались на этом сюжете. И опять-таки, по тому же анекдоту, можно повторить свое мнение о президенте США вслух на Красной площади. И даже ФСБ не вмешается, ведь, согласно демократическим канонам, избиратели России вправе критиковать президента США, американский конгресс, Верховный суд США и Федеральную резервную систему Америки. Я уж не говорю о нашем всенародном негодовании по поводу американской внешней политики, ВПК и военной доктрины. И это тоже неизменно, как таблица Менделеева.

Изменилось только кое-что в мире. Нет двух диктатур: в Афганистане и в Ираке. Есть вместо них война против всех. США не отвечают за эти издержки: свобода — это тест, а с непривычки и от неумения ею можно и зарезаться. Они дали жертвам диктатур шанс, оплатив этот шанс ценой очень больших денег, очень большого риска терактов и немалой крови тех, кто мог бы отсиживаться за океаном, но пошел погибать за иракцев и афганцев. США остались мировым арбитром, мировым миссионером и мировой нянькой. Мне все время хочется снять шляпу перед статуей Свободы, которая, как маяк из гайдаровской мечты, запечатленной в рассказе «Пусть светит», действительно протягивает свой факел за океан, на старые континенты, и ей есть дело до всего.

Никакая «последняя волна» не накроет Америку, как Атлантиду. И никакому катаклизму она не по зубам. Нес mergitur. Она не утонет. Антиглобалисты, террористы, марксисты, экстремисты всех стран, слышите? Не дождетесь.

НА ПОЛЕ ПРИШЛИ МАРОДЕРЫ

«Новое время», №39, 26 сентября

Не успели похоронить или хотя бы опознать всех несчастных бесланских школьников, как мы услышали из тех единственных уст кремлевского оракула, которыми вправе вещать власть (из незамутненного первоисточника) о давно обещанных мерах по нашей безопасности, а также по «обеспечению», «усилению» и «предотвращению». Несмотря на весь свой цинизм и даже, смею сказать в порядке здоровой самокритики, нигилизм, если бы я лично не наблюдала на экране гаранта, я бы не поверила, что это вообще возможно сказать вслух и увязать борьбу с терроризмом, защиту детей и мирных россиян и ликвидацию института одномандатников, отмену губернаторских выборов — и всё под аккомпанемент слов о гипотетическом единстве страны и сплоченности (!) (по определению невозможной) гражданского общества.

Во-первых, об этом вслух не говорят. До сих пор такие речи мы слышали разве что от «бульбаши» Лукашенко, Туркменбаши или от Ислама Каримова. Урезать гражданские права в приличном обществе принято исподволь, тайно, осторожно, скрываясь от мирского суда. Что-то знакомое и родное слышалось мне в словах о железном (а каком же еще: и занавес железный, и решимость железная, и единство железное) единстве, чтобы не прокрался враг.

На единых стадионах, дискотеках, парадах всегда найдется, впрочем, место для одного шахида, как находится оно в очень монолитном Израиле, чьи граждане ушли некогда в палестинские пески от Холокоста, настигшего их в цивилизованной Европе. Единство еврейского народа — не в радости, а в горе, не в здоровье, а в болезни, ибо оно обеспечено столетиями гонений, погромов, дискриминации по «пятому пункту» и гибелью шести миллионов евреев в газовых камерах и расстрельных рвах.

Однако даже такое выстраданное единство не обеспечило безопасности загнанного на ближневосточный край народа от палестинских смертников. А прямое увязывание безопасности школ, наличия одномандатников в парламенте и выборов губернаторов путем «четырёххвостки» (прямое, равное, тайное, всеобщее голосование) — это похоже или на злоупотребление властью в личных целях,

или на политическое мародерство, потому что и поле боя, и поле смерти еще не сошли с первых полос СМИ, и увязывать это с закручиванием гаек в абсолютно других сферах жизни как-то нехорошо. Ведь не от того же погибли дети, что Владимир Рыжков или господин Задорнов из «Яблока» были избраны в Думу по округам, а не по спискам? И даже не потому, что в губернаторы в Алтайском крае прошел не ставленник Кремля, а сатирик (вернее, юморист, и не щедринского типа) Михаил Евдокимов... Связи нет. Есть привязка, и настолько грубая, что она душит, как пеньковый галстук.

Итак, мы имеем дело с проектом под названием «полицейское государство». Прибавляет ли данный проект безопасности (как органам власти, так и ее смиренным подданным)? Практика российской истории находится в горестном противоречии с этой концепцией. Только первый звездный час автократии (при Иване Грозном) поверг россиян в такой ступор, что покушения и заговоры «против устоев» сделались исключительно мифом «от Малюты Скуратова», *haute couture*.

Уже следующий «звездный заход» диктатуры при Петре I породил в ответ на действие дикое, мрачное, непреодолимое противодействие. Загоняемая «дубинами в рай» Русь ответила стрелецкими бунтами, расхожим мнением о том, «что царь-де Антихрист, а настоящего царя немцы подменили и в бочку посадили», бегством и ненавистью единственного сына Алексея, которого реформатору пришлось казнить (такой «успех» реформ похуже любого провала), самоожжением раскольников и вполне реальными заговорами недовольных фундаменталистов, собиравшихся устранить Петра и посадить на трон Алексея.

Павел I так обеспечил свою безопасность, что его прибили его же придворные, чтобы спокойно пожить с Александром I. Хотя государство было не то что полицейским, но суперрепрессивным, и в Сибирь ссылали сотнями.

Николай I покончил с либерализмом своего предшественника, разогнал и сгноил декабристов, однако его полицейское государство с Третьим жандармским отделением во главе, где нельзя былодохнуть без команды, проиграло с треском Крымскую войну.

Николай II старался как мог: бунт 1905 года был подавлен; премьер-министр Столыпин применял к террористам

военные суды; цензура свирепствовала; Льва Толстого от церкви отлучали; за теоретический Выборгский манифест кадетскую фракцию на год в тюрьму посадили, да и раньше Милюков чуть туда не угодил за безобидные лекции (высылкой на 2 года за границу отделался); тамиздат на таможе изымали; в Думе система цензов действовала. И какую безопасность это обеспечило и власти, и обществу? Преследуя либеральных кадетов (и в нынешнем проекте властей что-то про экстремистские организации говорится), власть упустила большевиков, которые ввергли страну в катастрофу. Милюков вначале из-за цензов в Думу не проходил, а леваки там сидели и сделали парламент трибуной для уж точно экстремистской деятельности. Премьер-министра «убрал» тот самый двойной агент той самой охраны, которая должна была обеспечить ему безопасность. Террористы убили великого князя Сергея Александровича; взорвали столыпинскую дачу с кучей народа; эмиссар большевиков Камо проводил «экссы» (попросту грабил банки), да и не он один.

Полицейское государство было, безопасности — не было. Пока в 1917 году всё не рухнуло, причем полиция и жандармы разбежались первыми. В битве с большевиками за Москву полегли в Кремле мальчишки-юнкера, а не жандармы. Российская практика показала, что спецслужбы готовы карать, а не жертвовать собой, что они вечно попадают «мимо кассы» и что в годину бед на них нельзя рассчитывать. В чем и расписался сам начальник Петербургского розыска в мемуарах «На лезвии с террористами», признав, что никакой идейности и преданности режиму у его подчиненных в 1917 году не оказалось. А вот идеалист и романтик Николай Гумилев объявил себя монархистом (которым не был) и пошел на смерть.

Наша «родная» власть не ведает истории. Она опять собирается окружить себя частоколом фуражек. Но под ними долго не усидишь. Не поможет. А издержки будут хуже самой болезни. В Совет Федерации уже не выбирают. С отменой губернаторских выборов Россия федерацией быть перестает и становится унитарным государством. Никогда и никому не удавалось справиться с такой огромной территорией без эффективного самоуправления. А однопартийную систему (ведь ЛДПР и «Родина» — фракции все той же партии власти, приложение к единороссам,

а КПРФ — оппозиция из безальтернативного прошлого) мы уже имели, и ее эффективность пронаблюдали, когда рушился СССР.

Наши спецслужбы всё забыли (хуже Бурбонов) и ничему не научились.

ИФИГЕНИЯ XX ВЕКА

«Медведь», №81, сентябрь

Грубые, сильные, прокуренные и проспиртованные мужчины редко приносят в жертву друг друга и никогда — самих себя. С доисторических времен они приносят в жертву своим жестоким богам (таким же шовинистам, как они сами) нежных и беззащитных дев. Даже драконам отдавали девушек, хотя «зверюга ужасный» не хвор был бы и юношу сожрать. Однако он предпочитал девственниц, и отцы, братья, кузены, девушки и женихи толкали в огнедышащую пасть вместо себя какую-нибудь белокурую и беззащитную Катарину или Эльзу. Если не появлялся Ланселот (читайте дракононенавистника и джентльмена Евгения Шварца и смотрите почти одноименный фильм еще одного спасителя юных дев Марка Захарова). Кое-какую историческую справедливость соблюдали только в Афинах времен царя Эгея (то есть черт знает когда, возможно даже в XV веке до н.э.). В жертву Минотавру на Крит в Лабиринт царя Миноса отправляли поровну: семь юниц и семерых юношей, пока сын Эгея Тезей, как заправский тореро, не устроил этому Минотавру корриду и не освободил Афины от дани.

Участь Ифигении, дочери Агамемнона, царя Аргоса, не менее трагична, чем судьба всех девственниц, съеденных привередливым Минотавром. Ахейские мужи собрались завоевать Трои. Опять-таки из-за мужского шовинизма, поскольку царь Менелай, нецивилизованный спартанец, не хотел дать развод своей жене Елене, сбежавшей с бойфрендом Парисом за бугор (то есть в Трои). Но мужской шовинизм, sexual harassments и милитаризм ахейских вояк довели их до более страшного преступления. Боги не посылали грекам попутный ветер, и их триремы не могли сдвинуться с места. Тогда эти изверги решили принести в жертву старшую дочь Агамемнона, целомудренную Ифигению, посвятившую себя служению Артемиде. Прямо-таки

по формуле: «Бей своих, чтобы чужие боялись». Для греческого общественного мнения тогдашние журналюги, прикомандированные к войску, сочинили утку, что Артемиды спасла свою жрицу, подсунув вместо нее лань. Но мы-то с вами знаем цену измышлениям папарацци.

Однако ветер, по чистой случайности, появился, греки дотасились до Трои и, уверовав в универсальность своего метода, после взятия города на могиле Ахиллеса закололи другую деву, дочь царя Приама царевну Поликсену.

Все это всплывает в памяти, когда мы думаем о горькой участи Лени Рифеншталь. Ее никогда не интересовала политика, хотя у этой Гретхен был мужской ум, острый, как бритва, глаз, блестящая логика шахматиста и очень много храбрости, куда больше, чем у фашистов, и не меньше, чем у солдат антигитлеровской коалиции.

Ее мало интересовали мужчины, хотя она вполне тянула на фотомоделю. Она не жаждала сниматься в кино, хотя могла бы побить здесь Марлен Дитрих. Прекрасная Лени была режиссером, художником от Бога, и ассоциативно-символический жанр был ею освоен задолго до Ильенко, Параджанова и Тенгиза Абуладзе. Так, как она, на Западе тогда никто еще не снимал. А в СССР что-то похожее сделал Эйзенштейн в «Броненосце Потемкине» и «Иоанне Грозном». Только Лени была гораздо разностороннее, грани ее таланта сияли не только сполохами революционных или военных огней; она умела снимать не только про тиранов или мятежников, ее влекли ледяные вершины человеческого духа и запретные тайны планеты. Тысячу раз рискуя погибнуть, она карабкалась на ледники и вершины со своей аппаратурой. У нее была своя Шамбала: нетронутая красота недостижимой, сверкающей, смертельной Высоты. Жаль, что она не встретила с Владимиром Высоцким: они бы в этом сошлись. Никто не считал, сколько раз Лени стала «снежным барсом», когда карабкалась на свои «многотысячники». Официально она не числилась альпинистом, хотя им была.

Лени Рифеншталь всю жизнь оставалась типичным неформалом. Официально не числилась никем: ни антифашистом (хотя сделала для разоблачения гитлеризма больше всех и раньше всех), ни этнографом, ни ученым, ни подводником, ни спортсменкой. Звание у нее было одно: художник. А остальное всё приложилось. Десятилетия оставались

до Бергмана, художника отнюдь не немецкого толка, типичного северного, скандинавского гения. Да и Ибсен, как известно, норвежский автор, а Норвегия и Германия — очень различные вещи. Тем паче в 30-е и 40-е годы XX века. Тем не менее есть у Лени Рифеншталь фильм, будто бы снятый Бергманом по сценарию Ибсена, «Голубой свет». Такая же дикая и странная девушка, как в пьесе Ибсена «Бранд», такой же нездешний ледяной храм, совершенство, созданное самой природой, перед которым хочется пасть ниц... Такой же мистический конец в горной пропасти, у которой нет дна...

А тут подоспели нацисты, Германия вызверилась белозубой улыбкой оптимистов из гитлерюгенда, оделась в черную форму, возлюбила фюрера и, пуская пузыри от восторга, двинулась в свой страшный путь по новеньким автобанам... И Лени снимает свой самый великий фильм «Триумф воли». Потом еще будет «Олимпия», про ту самую Олимпиаду 1936 года, на которую бесстыдно явились спортсмены из демократических стран, которые через три года станут объектами агрессии — по собственной вине, из-за своей трусости, из-за дипломатического приспособленчества и политкорректного конформизма. Кстати, на Олимпиаду 1980 года тоже многие (кроме американцев!) приехали, несмотря на мольбы диссидентов. И именно «Олимпия» Лени Рифеншталь заставляет усомниться в пользе спорта вообще и Олимпиад в частности. Как много здорового тела — и какой низкий, больной дух! Это несокрушимое здоровье, эти улыбки типа «гы», эта плоть, это полное отсутствие рефлексии и сомнений. Румяный, дебилный, беспечальный день, за которым через два года последует Хрустальная ночь... Холокост начался с евгеники, с идеи телесного расового совершенства, со вмененного в обязанность хорошего настроения. Может быть, нацистам показалось, что евреи не умеют достаточно громко смеяться и даже иногда плачут? За это их и отправили в газовые камеры...

Лени запечатлела партийный съезд в Нюрнберге, но это была не хроника, это был обвинительный акт. До начала войны оставалось шесть лет, многие англичане и американцы восторгались Гитлером и его твердой рукой, и сам великий Черчилль относился с уважением к своему будущему смертельному врагу. Никто ни черта не предвидел. А Лени почуяла Апокалипсис нюхом гениального художника, и не ее вина, если гитлеровское Министерство Правды

не понял, не увидело крамолы. Когда белокурые бестии, такие веселые и чисто умытые, везут кашеварам охапки дров, кажется, что они уже разводят огонь для печей крематориев. Слишком громкие крики, слишком много казармы и патетики. Слишком веселая музыка. Слишком много барабанов и труб. И кажется, что ты это уже видел и слышал. Трактористы, свинарки, пастухи; здесь — свастики, там — серпы и молотки, и уже не понимаешь, кто кому кричит «Хайль», ведь и у одного и у другого усы, и сапоги, и френч, а пионерский салют не сильно отличался от того, в Нюрнберге... И все здоровые, и белозубые, и арийцы, и оптимизм из них так и прет, и Германия превыше всего, и броня крепка, и танки наши быстры, и уже не соображаешь, где кончаются гитлерюгендовцы и начинаются комсомольцы, и у каждой стороны экрана — свой вождь, любимый, обожаемый, и народ един и фюрер один, и у каждого по эту и по ту сторону будущего фронта — свой тысячелетний рейх. Третий рейх. Третий Рим...

Лени была честна. Она не подкинула на руки своим эсэсовцам афроамериканского младенца, чтобы они с ним поагукали. У нее фанатики на плацу хотя бы не поют, что для них нет ни черных, ни цветных. В ее «Триумфе воли» нет апологетики. Есть железная поступь государства, есть обезумевшие девицы и матери семейств, есть трудовая армия, салютующая лопатами, которыми будут закапывать и Германию, и Европу. Государство — это величайшее зло и величайший соблазн, а зло может завораживать своей страшной красотой, своим нечеловеческим совершенством.

Так и хочется спросить: «Зачем вы, девушки, тиранов любите? Одни страдания от той любви!»

Фильм о злой воле фанатиков, которые восторжествовали над Германией и растоптали полмира, дает сильнейшее противоядие против радостей манежей, арен, колонн и крестовых походов в любом направлении. В Декларации прав человека и Пакте о гражданских и политических правах, великих хартиях XX столетия, закреплен фундаментальный принцип западной цивилизации: приоритет прав личности перед интересами государства. И тем, что такая строчка появилась, мир отчасти обязан Лени Рифеншталь.

И за это мир воздал ей психиатрической лечебницей, бесконечными судами, остракизмом и клеветой. Ифигению снова принесли в жертву мужским вожделениям. Великие

державы, в разное время успевшие посотрудничать с Гитлером, заклали художника, хрупкую женщину, повинную только в правдивом отображении эпохи. Немецкий народ возложил на нее свою вину за сделку с фашизмом. Никто не судил ни участников мюнхенского сговора, ни американских лидеров, сидевших в Берлине после Хрустальной ночи и нападения на Польшу, до самого Перл-Харбора. Все эти сильные мужчины в свое время трусили. Но судили ее, не трусившую никогда. Она уехала в Африку от предавшей ее цивилизации и запечатлела красоту и совершенные черты расы. Но и здесь ее травили, обвинив в расизме: не черном, но белом. И тогда она в 70 лет ушла в океан, чтобы явить миру его холодные, прекрасные, изумрудные тайны.

Она ушла от жертвенников, палачей, лицемеров и орущих стадионов. От нее шарахались до конца ее дней. А в наши дни ее вернула нам еще одна хрупкая женщина: Наталья Рюрикова из галереи Нащокина. Это была посмертная реабилитация. Пусть Лени Рифеншталь поймут и оценят если не на ее земле, то хотя бы на земле ее бывших врагов.

Вообще художники слишком часто отвечают за грехи своих высоких покровителей и играют роль жертвенных агнцев для тоталитарных пловов и авторитарных шашлыков, а иногда и для люля-кебабов победивших демократий. Как несчастная Лени. Как режиссер Сергей Кургинян, которого после Августа 1991 года некоторые горячие демократические партии предлагали посадить в Лефортово. Великий танцор Пата Патарая пошел на Колыму потому, что его покровитель попал под нож сталинских мясников. Мандельштам погиб отчасти потому, что им вслух восхищался расстрелянный товарищем Ежовым товарищ Ягода. Так что держитесь, художники, системы Иосифа Бродского: «И от Цезаря подалее, и от вьюги». Селитесь в глухой провинции у моря!

ОХОТНЫЙ РЯД НЕ ВЕДЕТ К ХРАМУ

«Новое время», №42, 17 октября

Третий Рим — понятие двусмысленное. Рим № 1, аутентичный, можно сказать — первоисточник, просуществовал худо-бедно 14 веков как античный полис (а с IV века до н.э. — и как мегаполис и столица Ойкумены); века этак

с XII он прочно утвердился в качестве столицы мира уже христианского и в таком качестве бодро пребывает уже девятый век.

Рим № 2, Рим вторичный, несмотря на все свои амбиции, уже простирал свою власть исключительно над странами восточного, «магического» христианства, «греческой веры» (с VIII этак века до, увы, очень близкой к нему даты, когда вместо креста над Босфором воцарился полумесяц и Константинополь стал столицей уже другой империи — Великолепной Порты — и под другим именем). Большая часть христианского мира спокойно плевать хотела на Византию даже во времена ее наибольшего расцвета, и даже наша младенческая «готическая» Киевская Русь своими походами продельвала в обороне и престиже Царьграда значительные бреши.

Третий Рим завелся явно на безрыбье и явно не от хорошей жизни. Лесть бездомных и голодных монахов могла вскружить головы только самим храбрым россам, хотя они приняли предложенные лавры «на ура» и сильно по этому поводу возрадовались. Даже при Иоанне III мы (вместе с Москвой) не котировались в Европе и считались придатком Золотой Орды. При Иоанне IV мы удостоились статуса сырьевого придатка Европы, где можно что-то урвать (меха, лес, пенька, икра, семга, конопля, драгоценные камни), но от которого стоит держаться подальше, ибо эти северные варвары все еще дикие и непредсказуемые. Вот эта-то репутация сопутствует нам уже пятый век, разве что предметы вывоза и поживы стали другими (драгоценные камни и меха отпали, зато прибавились нефть и газ). Глухой, медвежий угол Европы, где, по мнению просвещенных европейцев, медведи ходят прямо по улицам, — вот имидж Третьего Рима.

Сталинско-брежневская (и немного хрущевская) империя считалась формальным географическим центром только для стран Варшавского договора и для тех злополучных кусочков джунглей, сельвы и пустынь Африки, Азии и Латинской Америки, которые имели несчастье и глупость избрать «социалистический путь развития». И всего-то сроку этой «империи чувств» (причем злых чувств) было меньше 70 лет. Какие наши годы...

Сегодня Третий Рим окончательно съехал в «третий мир», то есть осетрину прислали уже не второй, а третьей

степени свежести. Москва времен Ельцина и Лужкова по прежней терминологии («Для служебного пользования») «первого», западного мира проходила под грифом «развивающейся», причем в масштабах всей России, для которой столица служила эталоном.

А Москва (и вся Русь) времен Путина и опять-таки Лужкова уже перекечевала в «слаборазвитые страны». По справедливым суждениям западных экспертов, всё у нас третьего сорта и третьего разбора: супермаркеты, highway, третье транспортное кольцо, выборы, партии, стадионы, кинематограф (кроме Сокурова).

Лужковская Москва — действительно эталон, хотя и не золотой (и даже не из цветных металлов). Она дружно ненавидела (и ненавидит) мигрантов, беженцев, «инородцев» всех сортов, от сибиряков («понаехали тут») до выходцев с Кавказа, из Средней Азии, с Украины. Тем паче африканцев, мишени для всех «скинов», и чеченцев, которые имеют честь быть мишенью уже для властей всех уровней, от муниципальной до федеральной. Чеченцы явно заняли вакантное место евреев, а предложения насчет «черты оседлости» сыплются, как из рога изобилия.

Москва вместе со своим мэром сначала дружно поддерживала народного кумира Ельцина, потом столь же дружно (и опять-таки с мэром во главе) предавала его, когда народ от него отвернулся, а теперь столь же организовано (и опять-таки под руководством Юрия Михайловича) поклонилась новому кумиру толпы — нынешнему президенту. В тон и в лад с песенкой Окуджавы: «А все-таки жаль, что кумиры нам снятся по-прежнему...»

Эти кумиры снятся златоглавой Москве, Москве «державной» (из другой песенки про пироги, гимназисток и мороз) пятый век подряд, превращая ее (уже по Блоку) в «кумирню золотого сна». Как в «Матрице», где сон стал основной реальностью, а не виртуальная действительность, унылая, грязная, драная, стала уделом подпольщиков и наблюдателей с Марса (если бы таковые нашлись). Полицейское государство именно так и выглядит. Как хорошо охраняемый хлев, где сладко спится очередной «ферме животных» очередного Оруэлла.

Пробуждение бывает жутким. На задворках счастливого «скотского хутора» замаскирована живодерня, сжимаются войновичские «кольца враждебности» и зреет семя распада,

которое прорастает сквозь всякий имперский, золоченый, безбожный и растленный Рим, от первого до последнего. Ранняя ельцинская Москва была опорой демократии и демократов, форпостом Запада, нашим мостиком в европейскую цивилизацию.

В 2000 году москвичи на президентских выборах сожгли все свои мосты. Тогда-то и сторела Останкинская башня, ибо ей суждено было перестать быть мостом в свободный эфир. Не знаю, как это происходило с Марсом, но в Москве «пошел» тот же процесс: каналы обмелели и высохли, воздуха не осталось. Есть ли жизнь на Марсе? Есть ли жизнь в Москве, где на выборах в Госдуму по округам не прошел ни один демократ?

Мэр Москвы — хороший пасечник. Он знает, на каких цветах партийные пчелы ныне добывают свой мед. Только не на цветах либерализма и демократии. Ныне мед водится или на красных гвоздиках, или на державных анчарах. Яд для свободных людей — мед для государственных холопов. Третий Рим никогда не имел обратной связи и всегда в самоупоении токовал, как тетерев.

Сегодняшняя Москва уже и не спрашивает, она ли на свете всех милее, всех румяней и белее. Ее элита знает ответ, потому что досуг проводит все-таки не в своих Палестинах, а в Куршевеле, в Ницце, в Лондоне, в Афинах (а кто победнее, опять-таки едет в Анталию или в Испанию, но не в Сочи). Именно потому, что Москва остается вороной, у которой под павлиньими перьями проглядывают советские задворки с чугунными страшилищами типа статуи Петра, с Мавзолеем, с красными звездами, с темными, как черная дыра, окраинами и с омовцами на каждом шагу, она рекрутирует куликов, которые хвалят ее болото. А жертвы государственной гекатомбы в «Норд-Осте» дополнили список жертв того же ведомства, закопанных в Бутове в 30-е годы.

Москва остается оплотом шовинизма и идеологии охотничьего хозяйства, враждебной европейским ценностям, мрачной, кондовой, с дубиной и в смазных сапогах. Главная улица Москвы — Охотный Ряд. Формально она ведет к храму, где РПЦ укрепляет и шлифует византийский деспотизм. Но это не тот Храм, который имел в виду Тенгиз Абуладзе.

БАВИЛОНСКАЯ ВЕРТИКАЛЬ

«Новое Время», №44, 31 октября

Иисус Христос при жизни из сил выбивался, стараясь объяснить притчами своим слушателям, будущим христианам, что Бог сильно отличается от земных начальников и что ему от человека требуется нечто совсем другое, чем угодливость, внешнее послушание и умение есть глазами высшие авторитеты, втайне прикидывая, как бы эти авторитеты обвести вокруг пальца. По-моему, у Иисуса ничего с этим не вышло, и Церковь стала еще одним учреждением, по своей структуре ничем не отличающимся от фирмы, банка или конторы. Только капитал в банке — это вера прихожан, а предмет деятельности фирмы хорошо обозначен незабвенным Остапом Бендером в дискуссии с польскими ксендзами («Почем опиум для народа?»). И ведь в самом деле этот «опиум» имеет определенные расценки: требы вроде крестин, венчаний, отпеваний, а когда-то еще и индульгенции продавали. Конторская же структура ведомства «Небеса incorporated» строго вертикальна: наверху Папа или Патриарх, потом кардиналы, митрополиты, епископы, клир с разными нашивками, и вплоть до рядовых батюшек или кюре. А ниже всех — миряне.

Когда-то, говорят, некий Бог (хотя едва ли христианский, в Междуречье была не его подведомственная территория) был сильно раздражен попыткой человечества достать до неба вертикальной Вавилонской башней, башню обрушил и народы лингвистически наказал. Но народы не растерялись и в своей церковной иерархии (Папа, аятолла, Патриарх, далай-лама) тут же снова создали властную вертикаль и уперлись ею в небеса, устанавливая земные структуры для трансцендентного. Боги, наверное, просто махнули рукой на неисправимое человечество, упрямо навязывающее им свои жалкие земные критерии и пытающееся их купить и коррумпировать свечками, золочеными иконостасами и прочим.

Впрочем, сильнейшая реакция на нелепости вроде элементарного подкупа Божества (за индульгенцию клир разрешал грех, а грешники надеялись, уплатив мзду в небесную канцелярию, уйти от кары) заставила католическую церковь оглянуться на себя, посмотреть на многие вещи со стороны и зашагать в сторону либерализма. Этой реакцией стала

Реформация. А после создания здоровой конкурентной среды оба течения, и католицизм и протестантизм, стали соревноваться в прогрессивности и достигли сегодня ощутимых результатов.

Государство же устранилось от решения этих религиозных вопросов настолько, что в некогда сплошь католической, теократической Испании социалисты, придя к власти, инициируют принятие закона о регистрации однополых браков, а некогда столь же католическая Италия запрещает вешать в школьных классах распятия. И при всей своей набожности президент Буш ссылается только на авторитет самого Бога, но никогда он не посмел бы сослаться на авторитет какой-то одной церкви (скажем, противопоставить протестантов католикам).

У нас же в России, где вертикаль вылезает из всех щелей, своя отдельная беда. Но наша беда с РПЦ началась не вчера и даже не позавчера, а в тот самый роковой час, когда беспечный Владимир выбрал для Руси византийскую, магическую ипостась христианской религии. Пока Запад набирался римской учености и пользовался благами дифференциации светской и духовной власти, создававшей основу для будущей демократии и уничтожавшей тоталитарный абсолютизм, мы тщетно пытались выбраться из цепких когтистых объятий самодержавных кесарей, опирающихся на авторитет самодержавного Божества, из которого светская власть выкинула великодушие, милосердие и доброту, оставив то, что особенно ценила в самой себе: единство, непрерываемость, тотальность, нетерпимость.

Конечно, это сказалось не сразу. Понадобилось три века, чтобы магическая, безвольная, пассивная составляющая и политическое византийство (лицемерная жестокость, двойные стандарты, практика подавления инакомыслия, оправдание тирании, словом, всё то, что философ Владимир Соловьев называл «востоком Ксеркса, а не Христа») сделали одну из самых гуманных идеологий мира лучшим пособником власти в ее стремлении к диктатуре и палачеству. Для начала «принятие» христианства было не «принятием», а чистым «внедрением», лишенным и тени добровольности. В Европе и даже в Малой Азии христианству пробивали путь мученики, и лишь потом подключалась власть, уже в последнюю очередь. А на Руси в конце X века дружинники силой загоняли народ в Днепр, рубили Перуна, топили его в Волхове. Христианство началось на Руси

с насилия, ибо в Византии были вполне инквизиторские порядки: еретик считался врагом власти и наоборот. А за такие дела там заживо пекли на площади в чреве железного быка.

Насилием же оно и кончается: оправданием чеченского геноцида и призывом к юношеству срочно в нем участвовать, попыткой засудить организаторов антиклерикальной выставки, захватом собственности Русской Зарубежной церкви в Палестине с помощью полиции Арафата с избиением монахов и монахинь.

Личные достоинства святого Бориса, святого Глеба, святого Михаила Черниговского, Сергия Радонежского, казненной большевиками княгини Елизаветы не меняют общей картины: православие стало испытанием для Руси еще в XIV веке, когда с 1328 года митрополиты поселяются в Москве, а церковь становится коллаборационистской и верно служит Орде вплоть до отлучения князя Тверского Александра (будущего святого) за сопротивление Орде и наложения интердикта на Псков за то, что он дал этому самому Александру убежище...

Православная церковь стерпела взятие и Новгорода, и Пскова Иваном III и его сыном и не восстала против жестокостей Ивана Грозного. А восставшего против них митрополита Филиппа (Колычева) отрешили от сана сервильные иерархи церкви и отправили в монастырскую тюрьму (где его казнил Малюта) свои же, духовенство.

Православная церковь по очереди служила всем, подчинялась силе и служила силе, покуда сила не ослабевала. Тогда она отступалась от старой силы и начинала угождать новой. Моральный авторитет ее был полностью уничтожен инквизиторской охотой на старообрядцев, сгорел в срубе вместе с Аввакумом и тысячами раскольников. По словам того же Соловьева, православная церковь в погоне за государственным венцом взяла в руки государственный меч и надела государственный мундир в стенах Синода, требуя от клира разглашения тайны исповеди в интересах государства. Немудрено, что царевич Алексей отказался от исповеди в лоне этой церкви.

РПЦ умеет только одно: требовать соучастия во власти, кадить власти, потакать власти, побираться у власти. Когда нет авторитета и нравственной миссии, требуют, чтобы в РПЦ записывали силой через парткомы «Единой России».

К нашему самодержавию как раз пойдет такое православие.

ЛЮДИ С ПЕСЬИМИ ГОЛОВАМИ

«Новое время», №51, 19 декабря

Российское реноме с V века до н.э. существенно не менялось, как не менялась и наша инвестиционная привлекательность. Негласный конкурс на первенство по «качеству жизни» тоже проводился в населенной Ойкумене задолго до XX века и возникновения социологических опросов. Странно, что за 25 столетий наши параметры в глазах европейцев существенно не изменились. Лучше всего эту нашу характеристику запечатлел Алексей Константинович Толстой, шестидесятник из XIX века: «Земля наша богата, порядка только нет». Салтыков-Щедрин устами вора-новотора из «Истории одного города» дополнил: «Драть их завсегда свободно». Наш рейтинг в глазах ближайших соседей-литовцев был достаточно высок, что подтверждает А.С.Пушкин: «...пусть один в Новеграде проживится от русских добычей. Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах, дома полны; богат их обычай». Все три «замера» рейтинга удивительно совпадают. В самом деле, представления Геродота и других эллинских источников о «Скифии» (так нас именовали в античные времена) несколько туманны, но вполне согласованы со свидетельствами вышеупомянутых писателей и поэтов. Мы в их глазах были «житницей Эллады» (пшеницу в Таврии, то есть в Крыму, греки скупали именно у нас). Что же до нашего внутреннего устройства и нравов, здесь надменные эллины, гордые своим мрамором и своей цивилизацией, считали нас варварами, «не умеющими ни читать, ни плавать».

И в самом деле: в V веке до н.э. у нас читала по-древнегречески одна элита, а доступной письменности для всех остальных до Кирилла и Мефодия не было. И плавание в Днепре не шло ни в какое сравнение с плаванием в Понте Эвксинском. И вообще, если верить Геродоту, греки подозревали, что мы антиподы. То есть что всё у нас наоборот по сравнению с цивилизованными странами. Ранняя и блестящая догадка! Антиподы, иные, аннигилирующие при соприкосновении с цивилизацией западного образца.

В принципе, Геродот подозревал, что «Скифия» интересна некоей генетической мутацией и что у нас водятся люди с песьими головами. И здесь великий грек не ошибся, видимо, предчувствуя рабочую униформу опричников

и песью голову у седла. Греки античности мало о нас знали, но о многом догадались. И их решение суммарно выглядело примерно так: у этих ребят из племени мумбо-юмбо можно покупать сырье (хлеб, мед, воск, пеньку, рыбу, меха). Тем паче что иногда им можно в уплату подсунуть чайное ситечко или консервную банку. А дело с ними иметь не стоит, поскольку они дикий народ. Никаких совместных проектов, никаких инвестиций.

Римляне, большие охотники до колонизации, ознакомились с нашими рейтингами и нашим досье и решили, что игра не стоит свеч. Хотя германцами, тоже достаточно дикими и отсталыми, они не пренебрегли. Никаких инвестиций и совместных проектов не было к нам и от римлян. Ни одного акведука, ни одного храма, ни одного моста, ни одного легиона. Вот что значит низкий рейтинг! Хотя пшеницей нашей и римляне не брезговали. То есть опять-таки мы были «житницей Рима», то есть его сырьевым придатком.

В раннем Средневековье наш рейтинг неожиданно повысился благодаря временному упадку Европы, которая лишилась великой античной культуры и еще не добрела до европейской христианской цивилизации. Византия же выродилась в злущее автократическое государство с теократическим уклоном. На этом фоне Русь смотрелась весьма аппетитно.

Путешественники с Запада хвалили и Новгород, и Киев, и Киевскую Русь. Русь начиная с VI века становится землей политического убежища в силу своей религиозной толерантности к политическим свободам вечевых городов. С VIII—IX веков именно Новгород подхватит эстафету Рима и станет нашим полисом, городом-государством, демократической республикой с элементами олигархии.

Наше акме — XII век и первая треть XIII. Наши рейтинги зашкаливают. По уровню жизни — первое место в Европе. По политическим свободам — первое место. По привлекательности для инвесторов — первое место. Правда, низкий уровень стабильности: степь, кочевники, набеги (печенеги, хазары, половцы).

В XII веке Киев и Новгород становятся МФВ Европы. Мы даем деньги взаймы, мы состоим в негласной ВТО и начинаем сами определять инвестиционную привлекательность стран Западной и Восточной Европы. Новгород выходит на первое место по грамотности населения и уровню

его политического развития. По социальной защищенности Новгород тоже бьет все рекорды.

А дальше — иго, которое снова отбрасывает нас на последние места. На два века мы становимся из-за своей трусости и некстати проявившегося умения «с волками жить и по-волчьи выть» ордынским придатком, ее симбиотом, ее базой и подножным кормом. Наш рейтинг падает до отрицательных показателей, мы вообще становимся на четыре с лишним века, до екатерининской эпохи, Азией, Азиопой, Востоком. Мы теряем европейский статус. На два века мы попадаем за «железный занавес», всякие туры и деловые поездки к нам прекращаются.

В XV веке Русь начинает нанимать иностранных специалистов (врачей, архитекторов) и опять-таки вывозить сырье. Наш рейтинг опять на уровне V века до н.э.: сказочно богатая земля, порядка нет, деспотия, тирания. Богатства Москвы вызывают страстное желание ими попользоваться и что-нибудь урвать, но уже не вызывают ни зависти, ни восхищения. Заезжие туристы дивятся, но опасаются и стараются поскорее унести ноги. Иван Грозный снижает рейтинг своего княжества почти до нуля, Русь становится просто «ужастиком» для европейцев.

Петр I несколько исправляет положение, иностранцы едут на заработки в Россию. Но как на целину, оглядываясь на возможных медведей и неизменных шпиков и палачей. Однако рейтинг понемногу растет, немецкая слобода расширяется, в России становится выгодно жить и делать бизнес. Россия дает хорошо заработать, это выгодно, и иностранцы на это идут. Но уважения нет и долго не будет. Андрей Курбский, маркиз де Кюстин, Дюма крайне низко оценивают наши гражданские свободы и политический потенциал.

«Страна рабов, страна господ» — такой репутацией мы будем располагать до 1861 года, когда Александр II начнет свои великие реформы. (Александра I тот же Наполеон будет использовать, но не будет уважать; и Меттерних — тоже!) Однако подавление Польского восстания в 1863 году сделает русских в глазах Европы опять-таки душителями свободы.

Все начнет сглаживаться в XX веке, но Советы и коммунисты окончательно сделают из нас черную дыру, пугало, бич для Запада, от которого можно получить только

сырье и сбыть ему свои бусы и зеркальца. С 1988 года по самый разгон НТВ нас станут считать ровней. Краткий период европейских несбывшихся надежд!

Чеченская война, украинские выборы, вмешательство в абхазские дела, давление на Грузию возвращают нас в глазах Запада в наш темный лес, где закон — тайга, а прокурор — медведь. Нас будут использовать, но уже не перестанут презирать. Слишком очевиден провал почти удавшейся вестернизации. Мы уже не житница, но труба Европы, на этой трубе, конечно, можно сыграть, но уже только соло, а не партию в европейском оркестре.

Рейтинг падает до «холодной войны». Надо было беречь его смолоду.

2005

ПЫЛЬНЫЙ ЧУЛАН ДО ВЕСНЫ

«Новое время», №1-2, 9 января

Мы встречаем 2005 год с новой потерей. Потери у нас теперь как обновки. Что-то дарит власть, что-то подкидывает родной народ, а что-то мы сами промышляем в меру собственной порочности или собственного неразумия.

Пять лет назад мы потеряли своего президента — прямо за новогодним столом. Другого места и времени не нашлось, чтобы бросить свою страну и «своих» демократов, кроме как под новогодней елкой, под звон курантов, под звуки национального российского гимна — не в последний ли раз его исполняли тогда, ведь новый гарант молниеносно заглушил бедного Глинку александровским лязгом. Впрочем, первого президента мы теряли с тех пор каждый год, потому что все время ждали и не могли дожидаться его вмешательства (что-то вроде кошмарного сна шедринского Иудушки Головлева: вот его маменька становится во вратах собора, поднимает образ и говорит: «Проклинаю!»). До нас доходили слухи, что, мол, очень недоволен, печалится, гневается, но по семейным обстоятельствам...

А Санта-Клаус, для нас надевший маску Кощея Бессмертного, всё носил и носил в мешке гостинцы. Вернее, уносил. Носил в обратную сторону, видимо, спохватившейся фортуны. Как в стихотворении Есенина: «Вышел хозяин хмурый, семерых всех поклат в мешок...» В этом мешке унесли канал НТВ; потом его частицу — ТВ-6; потом частицу частицы — ТВС... Унесли «Итоги», петербургский 5-й канал, кое-что из региональной прессы; унесли фракции «Яблока» и СПС в Госдуме. Выборы губернаторов, выборы в Думу по округам, вменяемую внешнюю политику, надежду удержать многопартийную систему (какая партия сможет зарегистрироваться при квоте в 50 тысяч человек?)...

Унесли ЮКОС, Михаила Ходорковского, свободу предпринимательской деятельности... Судьба обирала нас,

как андерсеновскую елку, срывая поочередно чудесные игрушки, доставшиеся нам, видно, по недоразумению, предназначая нам впереди пыльный чулан до очередной весны, где мы могли бы делиться воспоминаниями с мышами и крысами и вздохнуть: «Ах, всё прошло, всё...»

Но — помните у Андерсена? На старой пожелтевшей елке вплоть до момента, когда ее изрубили на дрова, сохранилась елочная звезда с верхушки, звезда сусального золота... Этой звездой, на всякий случай указующей путь гипотетическим волхвам, которые должны же когда-нибудь явиться и начать искать путь к яслям с новорожденной свободой, всегда была для нас оппозиция, причем оппозиция совести. Ведь диссиденты восставали против власти именно по параметрам человечности и совести: из-за новочеркасского расстрела рабочих, из-за ареста Даниэля и Синявского и тех, кто за них заступался, а потом тех, кто заступался за заступившихся, из-за подавления Пражской весны...

Те, кто выходил на Пушкинскую площадь с 1965 года по 1977-й, в 18 часов 5 декабря, а после, с 1977-го и до наших дней, 10 декабря в 19 часов и обнажал у памятника голову, и бывал сбит с ног гэбистами и увезен в отделение, никогда не требовали ни хлеба, ни колбасы, ни жилья, ни льгот, ни компенсаций, но только политической свободы: для себя, для венгров, для чехов, для китайцев... Они были честны, смелы и бедны, как церковные мыши. Они отдавали всё (часто жизнь) и ничего не получали взамен. И это у них были чистые руки, чистые помыслы, горячие головы и горячие сердца...

Эта звезда у нас была до ноября 2004 года, и никакая власть не могла ее отнять, ибо отнять добродетель и мужество не под силу никакой власти.

Десятого декабря диссидентам некуда было пойти помянуть погибших друзей, а шапку хотелось снять, как на митингах по демократическому движению, потому что Пушкинскую площадь в этот день заняли дикие даже на вид личности под красными знаменами с серпами и молотками: лимоновцы, АКМ, «Левый молодежный фронт», чей лидер не вышел даже из КПРФ. Пришли, конечно, не те две с половиной тысячи, что стояли под дождем на антивоенном митинге 22 октября. Пришли 400 человек, потому что те, кто вхож в Интернет, были предупреждены о том,

что готовится на площади. Еще сотня ушла, услышав скандирование: «Не оранжевая революция, а красная!» и «Сталин — герой, Путин — геморрой!». За 39 лет выхода на Пушкинскую площадь диссидентов здравицы Сталину на ней никогда еще не звучали, причем с ведома и согласия организаторов: демократов, «сомкнувшихся» с коммунистами. Чающие хлеба, льгот, жилья, может быть, и выйдут на эту площадь снова: они не брезгливы, им все равно, с чьей руки есть. «Хлеба и зрелищ!» — о, этот слоган толпы всех времен и народов!

Но те, кто с 1989 года до нынешних времен требует свободы, даже понимая, что из нее шубы не сошьешь, та самая интеллигенция, потомки шестидесятников, которые любят реформы, не обогатившись от них, распространители самиздата, бывавшие на допросах в КГБ (а то и в лагерях), для которых Запад — не столько витрины супермаркетов, сколько статуя Свободы и английский парламент, — эти, преданные и оскорбленные, к таким организаторам не придут больше никогда. И это непоправимая потеря. Перед этими людьми стыдно. Они такого не заслужили.

КТО ИЩЕТ, ТОТ ВСЕГДА НАЙДЕТ

«Новое время», №5, 30 января

Когда вся страна идет не в ногу, причем на протяжении поколений, вопрос о количестве и направленности колонн может разрешиться нетрадиционно, по фильму про Фанфан-тюльпана: «Наш правый фланг — слева; наш левый фланг — в центре; центр у нас — справа». С порядковыми номерами тоже не всё ясно. В зависимости от количества врагов, которое желает и умеет себе нажить данное государство, возможны варианты, вплоть до седьмой, восьмой и девятой колонн. Бывший либерал Владислав Сурков все-таки оптимист. Увлечшись мичуринскими сюжетами, он перечислил только фрукты, причем на всё про всё выдал им одну колонну. А ведь еще и «овощи» есть. При всей пассивности наших корнеплодов, которые привыкли мирно сидеть на грядке, массовое неудовольствие всей окрестной флоры, от злаков до фиалок на клумбе, угрожает местным ботаникам, агрономам и садовникам как минимум неурожаем, мором и голодом, а как максимум — каким-нибудь

жутким антиутопическим катаклизмом, чреватым концом света на одной восьмой части суши.

Так что поскольку в кремлевском институте растениеводства подвизаются такие ведущие специалисты по пестикам, тычинкам и перекрестному опылению, как господин Сурков, придется нам попытаться выполнить за него его работу и посчитать яблоки, лимоны, апельсины и колонны самостоятельно.

Отдельной колонной идут чеченцы. Всякие: вооруженные и безоружные, правозащитники и шахиды, равнинные и горные, московские и грозненские, лондонские, нью-йоркские, турецкие и иорданские, ваххабиты и атеисты. Ни один народ никогда не сможет забыть и простить то, что мы с Чечней сделали. То, что надо было забыть после 1864 года, окончания (официального) Кавказской войны и пленения Шамиля, забыться не успело, потому что большевики не давали, а потом и российские власти в лице федеральных вооруженных сил. Старые недобрые воспоминания вошли в резонанс с новым кошмаром. К тому же эта пятая колонна боеспособна без всякого переносного смысла.

В колонне №6 следует бизнес — даже если внешне угодливый после инцидентов с Березовским, Гусинским и публичной казни ЮКОСа, то втайне стучащий зубами от страха и скрежещущий ими от бессильной (пока) ненависти.

А «навар» с этой локальной войны Кремль уже имеет. Гусинский создал в изгнании «Эхо-ТВ», по сравнению с которым старый НТВ вполне может считаться компанией кроткой и ангельской. Иметь Березовского в союзниках — это явно было не самое большое удовольствие, но Березовский в качестве врага — это совсем уж вредно для здоровья. А руководство ЮКОСа, а все, кто так или иначе связан с ним? От менеджмента компании до рядовых работяг, от лицеистов-сирот, которым Михаил Борисович давал полный пансион и образование, до образовательных и правозащитных фондов (и демократических партий, кстати), оставшихся без гроша... РГГУ, «Открытое общество», члены семей работников ЮКОСа, города, попавшие в юковскую инфраструктуру... А те, кто еще на очереди, кто ждет, когда за ним придут? Общая паника, общий уход инвестиций, общая неуверенность в завтрашнем дне... Тот, кто ссорится с бизнесом, обречен отступать по старой

Смоленской дороге в распределительный социализм. Пока есть что распределять.

Но есть еще колонна №7. Журналисты либерального и демократического толка, шестидесятническо-перестроечной формации и их читатели и зрители, то есть западническая, свободомыслящая интеллигенция. Здесь же личный состав «Яблока», СПС, демороссов, здесь же их электорат. Пусть это 5%, но это очень решительные, закаленные у Белого дома, у Моссовета, в противостоянии путчам и переворотам проценты. Проценты эти очень голосистые, причем с хорошо поставленным голосом, ехидные, грамотные и привыкшие общаться с западным сообществом. Готовые диссиденты XXI века. Именно их господин Сурков и имел в виду в первую очередь. Это «яблочная» часть придуманного им диковинного гибридного фрукта. На их знаменах звезды Европейского союза, гандистские символы, аллюзии и ссылки на мрачные гулаговские и советско-застойные времена. В руках у них тоже много чего: Конституция РФ, Пакт о гражданских и политических правах, Декларация прав человека. На месте власти я бы с этой колонной не связывалась. У нее по определению выиграть нельзя: играющий против нее играет против прогресса, Запада, истории, общечеловеческих ценностей. Победители всего этого попадают в изгой, в изоляцию, в компанию Лукашенко и Кастро.

В колонне №8 следуют ученые. Просоветски настроенные вздыхают о временах сплошного финансирования любого наукообразного занятия ради престижа СССР и увеличения ученого «поголовья». Результативные и прогрессивные ученые, которые хотят работать и зарабатывать, отчаиваются сохранить профессию у себя на Родине под стеклянным и недремлющим оком ФСБ. Тотальная ссора с «мозгами» — прямой путь в палеолит.

Колонна №9 — студенты. Живут в постоянном страхе перед армией и отменой отсрочек, прячутся от облав и повесток и чувствуют себя чем-то вроде этапников. Ссора государства с мыслящей молодежью чревата лишением самих себя будущего.

Колонна №10. Прогрессивная часть украинского и абхазского общества, которые уже никогда не простят надругательства над их национальным достоинством на выборах и примкнули к прочим нашим «симпатизантам» из стран

Балтии, Грузии и бывшего соцлагеря, где никогда в сердцах и умах не сотрутся следы от наших танковых гусениц.

Колонна № 11. Пенсионеры, инвалиды, ветераны и прочие «льготники». С этим контингентом стоило бы поспорить во имя будущего, свободы и реформ, но при наличии первых десяти колонн эта ссора приобретает совсем уж шизофренический характер. Что будет, если все эти колонны сойдутся в некотором пункте С? Для страны и ее европейского выбора от этого, скорее всего, будет столько же пользы, сколько от 25 октября и выстрела «Авроры». Но и власти ведь не поздоровится.

Какова цель режима, который ссорится сразу со всеми: с западниками и фундаменталистами, стариками и молодежью, своими и чужими, соседями и нацокраинами, Западом и Востоком, либералами и социалистами? И есть ли вообще какая-то цель у тех, кто окружает себя сплошным «кольцом фронтов»? У Катаева (в «Хуторке в степи») есть сценка, диалог между чиновником Министерства образования и педагогом гимназии. «Если вы не понимаете этого по своему недомыслию, то вам не место на государственной службе». А если вся «госслужба» на таком уровне?

ВЕЧНЫЕ ПОИСКИ ВЕЧНОГО ЖИДА

«Новое время», № 6, 6 февраля

Анекдоты — мифы нашего времени, просто вместо нимф, кентавров и богов в них фигурируют те, кто остался то ли в Четвертой, то ли в Пятой эпохе (по летосчислению Толкиена): люди. Анекдот очень объективен и рассчитан на массовое прочтение. Поэтому один «национальный» анекдот 70-х годов дает нам ключ к ответу на «еврейский вопрос» в российском задачнике.

В этом национально-социологическом анекдоте берутся четыре народа и, соответственно, высмеиваются — такова природа анекдота. Все исторические грехи, просчеты, сплетни — всё идет в общий котел.

Мнение о французах: снисходительно-ироническое, с легким пренебрежением, а итог таков: народ безобидный, но шалый, может наломать дров. «Один француз — любовник; два француза — дуэль; три француза — революция».

Мнение о грузинах уже иное: неуважение, сопряженное с ужасом. Из безобидного, веселого народа миф делает монстра (но по «объективке», предложенной российской историей). «Один грузин — спекулянт; два грузина — террор; трех, слава Богу, не было». О русских сказано особенно самокритично. Получается, что мы — конченный народ, ни на что доброе не способный. Но такой негатив о самих себе — это уже шанс (пусть и единственный). «Один русский — пьяница; двое русских — драка; трое — первичная партийная организация». Вроде бы всем сестрам по серьгам. Никто не ушел безнаказанным.

А как же евреи, неужели коллективный автор их обошел? А здесь — неожиданность. Беспощадные мифотворцы не нашли компромата. Вообще не нашли! «Один еврей — торговец; два еврея — шахматный турнир; три — симфонический оркестр». Вот вам и обвинительный акт! Коммерция, искусство, шахматы (то есть логическое мышление). Поймали за руку, что и говорить. И это тоже «объективка» из истории.

В истории еврейского народа много слез и крови, но это его слезы и его кровь. Я перебираю века и не нахожу, в чем упрекнуть этот древнейший народ по правозащитной линии. Конфликты с египетским фараоном и Навуходоносором, даже если брать легендарные времена; Исход; вавилонское пленение; и так до конца: бегство, заключение, насилие и изгнание. И мучительные поиски хотя бы крошечного места под солнцем: по дну морей, через пустыню, в попытках выжить перед лицом бесчисленных Голиафов. Осадное положение в средневековых городах; «реконкистизация» евреев заодно с маврами и морисками, хотя они в Испании только лечили, учили и работали вице-премьерами по экономике у кастильских «крестоносцев», и уж совсем никогда не воевали. Однако попали под горячую руку — и в горящий костер. В Испании евреев настиг первый Холокост.

Если подойти к истории еврейского народа (хотя бы по беспристрастному Сесилу Роту) с современных позиций Freedom House и Amnesty International, нам придется зачислить всех представителей нации поголовно в узники совести, жертв этно- и геноцида и в разряд беженцев и вынужденных переселенцев. Черта оседлости; пятипроцентная норма; Холокост, Освенцим, шесть миллионов жертв

только за Вторую мировую. А потом еще вдогонку «дело врачей», «борьба с безродными космополитами», «пятая графа», Антисионистский комитет.

И когда чудом уцелевшие забились в Палестину, ибо Европа была осквернена печами крематориев и газовыми камерами, то и там они не нашли ни часа, ни минуты покоя. Израиль выживает прямо в жерле вулкана: то все соседи идут на него в общем погромном порыве, как в 1948 году, то Шестидневная война, то война Судного дня, то интифада, то похищение спортсменов на Олимпиаде, то теракты последних времен пополам с европейскими инициативами спасать от затравленного крошечного государства несчастных палестинских боевиков.

Люди Книги, как они сами себя называют, носители допотопной культуры человечества, имеющие неслыханный интеллектуальный потенциал и то моральное преимущество, что никогда не были палачами, но всегда — жертвами (это их гнали египтяне, ассирийцы, испанцы, гитлеровцы, римляне, а не наоборот), не нашли до сей поры для себя ни гарантий, ни безопасности, ни справедливости хотя бы в резолюциях ООН.

Так что, боюсь, Владимир Высоцкий был прав в своей балладе: «Зачем мне считаться шпаной и бандитом — не лучше ль податься мне в антисемиты: на их стороне хоть и нету законов, — поддержка и энтузиазм миллионов». И объяснение столь стойкой и интернациональной фобии (конечно, на уровне людей примитивных и малокультурных), похоже, лежит в плоскости тех «анекдотических» изысканий: торговец (то есть бизнесмен), шахматист, музыкант. То есть явное интеллектуальное и моральное статистическое превосходство.

Понятно, что евреи этого о себе не скажут. До превосходства ли тут, если всегда оспаривалось их право на жизнь? Но мы, представители молодого (для Истории) славянского этноса, мы-то можем это честно признать? И когда-нибудь лидер будущей демократической России преклонит колени у Стены Плача, как лидер постгитлеровской кающейся Германии, и попросит прощения за всё: за погромы, черту оседлости, дело Бейлиса и пятую графу; за пятипроцентную норму, Михоэлса и «дело врачей»; за космополитов, за «невыездных» евреев в 60—80-е годы, до Горбачева;

за Антисионистский комитет и за казнь Еврейского антифашистского. И за письмо депутатов-черносотенцев Крутова, Чуева, Макашова etc. насчет закрытия еврейских организаций... На российской территории продолжают вечные поиски Вечного Жида. И не только на уровне Макашова и присных, предлагающих возобновить дело Бейлиса против всех евреев России, чего даже дооктябрьские черносотенцы сделать не посмели — выбрали все-таки одного конкретного ответчика, якобы «заклавшего» православного отрока Андриюшу Юшинского...

В Интернете гуляет статья Михася Кукобаки, бывшего политзаключенного, советского диссидента, бывшего члена «Демсоюза», которого я помню еще порядочным человеком. Он предлагает считать ответственными за мировое Зло три «сверхдержавы»: США, Россию и... Израиль (и Шарона лично). И обвиняет еврейский народ по схеме, не очень далекой от геббельсовской, сталинской и чуевской. При этом он считает, что защищает «демократические ценности». Да и депутат Чуев — бывший член того же ДС и бывший христианский демократ.

У меня нет иллюзий относительно внутренних убеждений кремлевского контингента по «еврейскому вопросу», у меня нет иллюзий относительно позиционирования российского социума на эту тему. 60-летие освобождения Освенцима человечество встречает в привычной обстановке. См. Галича: «Уходит наш поезд в Освенцим, наш поезд уходит в Освенцим сегодня и ежедневно!»

ВОЙСЯ ЧЕКИСТОВ, ПРИНОСЯЩИХ ДАРЫ

«Новое время», №11, 20 марта

У нас беда, господа россияне. Не у чеченцев, а у нас. Нет, конечно, чеченцы, не имеющие несчастья состоять в законном вооруженном бандформировании Рамзана Кадырова (или при президентской администрации очередного прикомандированного к Чечне и избранного в Кремле президента — простите, имя запамтовала, всех марионеток разве упомнишь), оплатят своего третьего президента, павшего от российских федеральных рук. Ведь второй президент, Зелимхан Яндарбиев, возглавлявший Ичкерия после смерти Джохара Дудаева до выборов, тоже погиб

от тех же рук, и все уже знают (и чеченцы тоже), что эти длинные федеральные руки, доставшие детского писателя и его ребенка в Катаре, по прибытии в Россию на пожизненную отсидку, вопреки всем международным нормам, в заключении не оказались и где-то скромно поправляют здоровье, наслаждаясь «заслуженными правительственными наградами». Масхадова оплачут и отомстят. Нам же и отомстят, мирные россияне. Нам мстить проще, у нас нет ни бронетранспортеров, ни блокпостов, ни оружия, как у военных и кремлевских начальников. Нет даже черных масок, как у фээсбэшников. А что нам мстить нельзя, что мы нонкомбатанты и мирные жители, теперь в Чечне не скажет уже никто. Аслана Масхадова убили, а Ильяс Ахмадов и Ахмед Закаев далеко, в США и Великобритании, и даже если бы они очень захотели приехать и зачитать соплеменникам Женевские конвенции, сделать это будет невозможно: они в розыске, их тут же арестуют, осудят и тоже убьют, как убили в заключении Радуева и Атгериева (чем очень кстати в тот же мартовский день фактически похвалился Первый канал).

Я могу себе представить, что в Англии ловили бы (и убили при задержании) какого-нибудь отпетого террориста из ИРА, не прельстившегося мирным процессом. Но абсолютно исключаю, что какой-нибудь функционер британской короны (а Рамзан Кадыров — именно российский функционер, если Чечня, как утверждают федеральные власти, является частью России) сделал бы заявление, что это подарок английским, ирландским или шотландским женщинам ко дню святого Валентина. А Рамзан Кадыров афишировал операцию по ликвидации Аслана Масхадова, осуществленную спецназом ФСБ, как подарок женщинам к 8 Марта.

А если вспомнить залпы снарядами по чеченскому селу под мудрым руководством полковника Буданова и с подзаголовком «Поздравляем с Новым годом!», то можно открывать клинический отдел по изучению специфического людоедского федерального юмора.

Я думаю, что у приличных граждан России с федеральной властью наметился ряд стилистических разногласий. Мы благодаря «отцам Отечества» из Кремля оказываемся в какой-то жуткой и доисторической системе координат, где главенствует принцип — «труп врага всегда пахнет хорошо».

А еще можно вспомнить, что американские индейцы-инuity имели трогательный свадебный обычай: юноша не мог жениться, если не приносил своей избраннице двух-трех вражеских голов...

Российские государственные телеканалы обильно оснастили свою эпитафию Масхадову определениями, взятыми из обихода российского президента: «бандит», «террорист» и тому подобное. Не говоря уж о чеченцах, я лично обиделась. И здесь дело не только в моих личных убеждениях относительно политических судеб и прав чеченского народа (в частности на самоопределение). Здесь проблема еще и в том, что «родная» власть меня уважает еще меньше, чем Большой Брат уважал граждан Океании. Там все-таки специально платили жалованье работникам Министерства Правды (в частности Юлии и Уинстону Смиуту), чтобы они уничтожали прежнюю информацию из старых газет и заменяли ее новой, согласно политической конъюнктуре (чтобы не было, скажем, свидетельства того, что Океания воевала с Евразией, а не с Ост-Азией).

У нас хуже: оставили и газеты, и Интернет, и радио, то есть аудиоматериалы и видеокadres. И вот не до конца еще зачищенный НТВ показывает, как Борис Ельцин и Аслан Масхадов подписывают Хасавюртские соглашения. Причем Масхадов был приглашен в Кремль не в качестве бандита, а в качестве легитимного президента Чечни. Это уже даже не двоемыслие, а полное раздвоение личности нынешней власти.

Чеченцы будут вспоминать Аслана Масхадова добром не потому, что он оказался таким уж блестящим президентом. Президентом он оказался слабым: не сумел остановить дагестанский рейд Басаева, не сумел противостоять религиозным фанатикам, успевшим ввести в Чечне между двумя войнами и шариат, и публичные казни, и телесные наказания, и женские платочки для артисток и журналисток. И он ни от чего не смог защитить свой народ: ни от зачисток, ни от пыток и бессудных казней, ни от голода, холода и вечного страха. Да и как бы он смог, сам укрываясь в подполье?

Но он погиб за свой народ, погиб, оставшись честным солдатом и не став террористом (есть чеченцы, для которых это важно: неучастие в «Норд-Осте» и кошмаре Беслана). И самое главное: чеченцы будут помнить эти свои выборы

как светлый день. Еще что-то оставалось от Грозного; была какая-то еда, какая-то надежда на завтрашний день, какая-то безопасность. И были честные выборы, и с неба не сыпались бомбы, и не стреляли. И были наблюдатели и альтернативные кандидаты. Это была жизнь по сравнению с тем адом, в который сегодня ввергнута Чечня.

Благородство предполагает, что честного врага, павшего в бою, надо почитать. Тот, кто глумится над ним и после смерти, может иметь большой рейтинг у современников, но не у историков и потомства (если потомство будет лучше отцов и дедов). И, наверное, это единственный случай в мировой военной истории, когда вражеского предводителя и полководца убили не потому, что он не хотел вступать в мирные переговоры, а потому, что он именно этого и хотел. Убили за готовность закончить войну (хоть и не капитуляцией), чтобы не с кем было вести переговоры, чтобы не окончилась война.

И мне глубоко не интересно, кто отдал приказ: первое лицо, второе, третье. Партия войны, силовики, враги Путина или друзья. За убийство Джохара Дудаева перед историей ответит Борис Ельцин. За смерть Аслана Масхадова ответит нынешний российский президент. У нас же, кажется, квазипрезидентская республика?

И, по-моему, вопреки мнению подкованных журналистов, Аслан Масхадов был против терактов и за войну по Женевским правилам (которые, я уверена, он даже не читал) не ради желания уподобиться «Шинн Фейн» (о которой наверняка и не слышал), а просто потому, что был такой человек. Честный солдат. Чеченец, усвоивший национальные адаты: не трогать слабого и безоружного. Просто они с Шамилем Басаевым разные люди. И если все эти высокие материи читателю-россиянину не интересны, то вот вам прагматика, следующая из чекистского дара к 8 Марта: отныне методика Шамиля Басаева становится единственной для чеченского сопротивления. Всякий юнец скажет: вот, Масхадов нас учил воевать по европейским правилам, и к чему эта тактика привела? Где результат? Его же и убили.

В Евангелии сказано: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Теперь на милость мы рассчитывать не можем.

ДЕСЯТЬ ПОДВИГОВ ГОРБАЧЕВА

«Новое время», №12, 27 марта

Историческим эпохам никогда не говорят «спасибо».

Никто не успел увидеть лики полупоупендарных реформаторов древности: Ликурга (IX век до н.э.), замордовавшего спартанцев, Солона, «раскрепостившего» афинян, Цинь Шихуанди, создавшего квазитоталитарный панцирь для Китая еще в III веке до н.э. Если реакционеров, конечно, можно назвать реформаторами вообще.

Еще трое, безусловно, великих реформаторов омрачили свои реформы, эпохальные и спасительные, жестокостями и пролитой кровью. Петр I, который, вестернизируя Русь, не пожалел собственного сына, не говоря уж о малоспособных к перестройке «бедных Евгениях», которых вешали и засекали тысячами, если они сами раньше не кидались в огонь. Ататюрк, казнивший за употребление фески (что в некотором роде симметрично смертной казни за отказ от ношения паранджи или за сексуальное раскрепощение в фундаменталистских исламских регионах, что было не так давно). Ататюрк забыл только отменить пытки в тюрьмах, да и геноцид армян плохо с реформой сочетается. Иранский шах пытался пойти по стопам Ататюрка (хотя пытки тоже позабыл упразднить), но его вестернизация не устояла перед полчищами фанатиков «исламской революции».

И только трое ломали льды «вечного полюса» человеческими средствами, давая возможность войти в лучший мир современной им западной цивилизации добровольно. Это японский император Хирохито, вытащивший Японию в XX век из XV; это Александр II; это Михаил Горбачев. Правда, Александр II был мощно дополнен Николаем II, реализовавшим его последний проект о народном представительстве — Думе. А дело Михаила Горбачева продолжил до полного либерального проекта Борис Ельцин. И хотя два реформатора друг с другом не разговаривают, без горбачевской базы у Ельцина ничего бы не вышло: стал бы он членом Политбюро, и только.

Недовольные неслыханным отступничеством Хирохито от самурайских традиций тихо покончили с собой, ибо привыкли боготворить императора; роптать они не успели научиться. Но уж зато подданные российских реформаторов поглумились над ними вволю. Благодарное Отечество

в лице русской интеллигенции стреляло в благодетеля из пистолетов, рыло ему подкопы, пыталось подорвать его поезда, пока, наконец, не изувечило и не убило его последней бомбой Кибальчича.

Но советских подданных вышколили КПСС, НКВД и КГБ, поэтому, кроме «диких криков озлобления» и попытки прокурора Илюхина возбудить уголовное дело за измену, Горбачеву, к счастью, не досталось ничего худшего. Кроме одной пародии на Каракозова, стрелявшего в царя в 1866 году и не попавшего, но повешенного. Таким «клоном» стал Александр Шмонов, пытавшийся застрелить в конце восьмидесятых Михаила Сергеевича из охотничьего ружья. Из лечебницы он давно уже вышел (хотя и не излечился) и таскается по всем съездам и форумам, куда его пускают (и зря, кстати, пускают) с брошюрой на тему «как я стрелял в Горбачева». Смягчение нравов и гуманизация налицо даже по сравнению с Александровой эпохой. Так что несчастный холопский закон насчет защиты чести и достоинства Горбачева, принятый угодливо Верховным Советом, самому Михаилу Сергеевичу принес мало пользы. Ругаться меньше не стали, и никто за это не сел (кроме одного бомжа, в непристойной форме требовавшего квартиру и на год ее получившего).

Вы удивитесь, но я верю, что Михаил Сергеевич имел в виду действительно социал-демократический проект чехословацкого типа (что-то вроде дубчековского варианта), ведь он дружил с Млынаржем. Вот только чехов в СССР оказалось маловато, а потом, Чехословакия все-таки колониальной империей не была. И с чехами-антикоммунистами, злыми и радикальными, Горбачев знаком не был. Слава Богу! Ведь реформы — это когда ты суешься в воду, не зная броду, тем более что в реформах брода нет.

Честно идя по чехословацкому пути, Михаил Сергеевич дал несколько великих подарков (которые на историческом сленге называются «деяниями» или «свершениями»).

1. Гласность («проводник святых идей»). А ведь по Урсуле Ле Гуин, знать имя явления или предмета — значит им овладеть. Так и вышло. В глазах немногих мыслящих людей (их в России много не было никогда) ничего святого в советской истории и советской действительности не осталось.

2. Освобождение всех политзаключенных до 1990 года. Прекращение арестов по старой 70-й статье («подрыв и ослабление строя» и 190-й («клевета на советскую действительность»)).

3. Завершение колониальной войны, причем проигранной (это сложнее), то есть вывод войск из Афганистана.

4. Начало ликвидации военного блока — Варшавского договора и его бесславный конец. И Германию отпустили на волю, и стену дали сломать, и Чаушеску не поддержали, и на Польшу не рывкнули. Начало роспуска СССР, то есть признание независимости стран Балтии.

5. Введение в политический обиход слова и понятия «консенсус».

6. Кооперация, разрешение бирж, начало валютной либерализации.

7. Облегчение на 70% выезда за границу (демонтаж «железного занавеса»).

8. Предпарламент (съезд нардепов и Верховный Совет нового типа). Созданию параллельных российских структур тоже помешать не пытались, даже когда Ельцин стал сильнее «отца перестройки».

9. Отказ от китайской модели (модернизация пополам с кровью). Площади Тяньаньмэнь у нас не было, а повод был.

10. Не было попытки силой удержать власть и Союз в 1991 году, хотя ресурсы для гражданской войны могли найтись.

Вот вам 10 подвигов Михаила Горбачева. И это всё дано было даром, по карточкам. А кто хотел больше, мог купить по коммерческой цене. Мало гласности — бери свободу слова. В самиздате. Печатай в Литве свои газеты, привози, продавай. Не отберут, не посадят. Мало санкционированных митингов — проводи несанкционированные (всего за 15 суток). Хочешь многопартийную систему — создавай партию на свой страх и риск, без разрешения. Хочешь заработать — создавай кооператив и вкалывай. Хочешь национальной независимости — докажи, что ты готов идти на смерть, и войска останутся, и танки отступят (как в Тбилиси и в Вильнюсе).

Социал-демократический проект не вышел и европейский тоже, но мы вернулись к началу, к 1913 году. Самодержавие, православие, народность. Черносотенцы. Отдельно взятые кадеты-либералы в экологических нишах. Рынок,

изобилие, торговля, свободный выезд за границу на воды. Карикатурная Дума (что Четвертая, что наша). Отдельные мини-издания либерального толка. Салоны. Богема. Писатели. Поэты. Голодный частями народ (он всегда был такой). Коррупция. Распутин (Павловский и К°). Свобода бранить власть при ее полной безмятежности. Власть урядника и казака (ОМОНа и мента).

Перестройка — «горькое средьзимнее тепло» между двумя монархиями с националистическим душком. С поправкой на век. И на том спасибо, это лучше «Котлована» и «Чевенгура». И сейчас, когда мне не надо бороться с президентом СССР и генсеком, просить «еще каши» (свободы), я, наконец, могу сказать: «Спасибо, Михаил Сергеевич». Я готова скидываться на памятник.

ТРИ ЦВЕТА ПЕРЕМЕН

«Новое время», №15, 17 апреля

Дождь апельсинов, лимонов, роз и тюльпанов, пролившийся на жаждающее человечество, породил, как водится, очередную порцию мировых вопросов, мировых ответов и мировых концепций. Кроме последних цветочно-фруктовых революций, мы на своем веку видывали бархатные, поющие и (глубоко в генетической памяти) красные, цвета обильно пролитой на алтарь крови. При этом революция может быть демократической (два случая в истории) или низвергнуться в исторический Мальстрим и выродиться в антиутопию.

Кажется, еще никто не пробовал систематизировать революции, так что наш гербарий будет одним из первых. Апельсины, розы и лимоны — это сад. А садоводство предполагает какой-то период грубых и тяжелых физических работ, вскапывание, прополку, окучивание, таскание воды для поливки. Сад появляется уже потом, когда дом построен и поле засеяно. Цветочные революции — это отделочные работы, это уже не строительство, а дизайн. Самая удачная, продвинутая и беспечальная — это, безусловно, померанцевая (апельсинная) революция в Украине. Самая жалкая, карикатурная, поверхностная — киргизская. Молдавская вообще захлебнулась. Общее в них — это то, что не меняется строй, не меняется социально-экономический

© Дмитрий Борко

С Егором Гайдаром. Начало 90-х

Интербригадовцы из ДС и «Ватана» за работой.
Москва, апрель 1996 года. Из архива ДС

«С каждой партии по лидеру — покорной России антивоенное движение». Старовойтова, Новодворская, Боровой и Явлинский на митинге за мирное урегулирование чеченского вопроса. Москва, Пушкинская площадь, 6 апреля 1996 года.

Из архива ДС

Бывший президент и его вечный оппонент. 6 апреля 1996 года

© Дмитрий Лебдев / Коммерсантъ

С Константином Боровым на Всероссийском чрезвычайном съезде в защиту прав человека. Москва, 20 января 2001 года

© Валерий Мельников / Коммерсантъ

С председателем Общественного комитета защиты свободы совести Глебом Якуниным на заседании Российского демократического совещания. Москва, 19 июня 2001 года

© Сергей Пономарев / Коммерсантъ

На пикете против нарушения свободы слова.
Москва, Пушкинская площадь, 26 января 2002 года

ВАЛЕРИЯ НОВОДВОРСКАЯ

Кандидат в депутаты Государственной
Думы РФ по 196-му округу

Тел.: 405-02-75 www.ds.ru

ЗА

НАШУ И ВАШУ СВОБОДУ!

ПРОТИВ

ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ

ПРОТИВ

РАСКУЛАЧИВАНИЯ СОБСТВЕННИКОВ

ПРОТИВ

ПУТИНСКОГО САМОВЛАСТИЯ!

Предвыборный плакат, 2003 год.

Из архива ДС

Начало «доброй ссоры». Последний совместный митинг всех демократов без «левой примеси», 2005 год. Из архива ДС

© Михаил Кузьменко

Валерия Ильинична на своем 55-лети с соратниками по партии: Романом Шаминым (слева) и Николаем Злотником (справа). Москва, 18 мая 2005 года

«Бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе
стрелялись они». С другом Константином Боровым.

Из личного архива В.И.Новодворской

На даче в Кратово с друзьями: Николаем Мовчаном
и Эльвирой Александровой, 2006 год.

Из личного архива Э.Александровой

© Анаголий Смирнов

На встрече с читателями еженедельника «Жуковские вести» в рамках проекта «Гость ЖВ». Жуковский, 26 июня 2006 года

© Эльвира Александровна

С Людмилой Алексеевой на вручении ордена великого князя Гедиминаса в посольстве Литвы. Москва, 2008 год

© Екатерина Чеснокова / РИА Новости

С Венедиктовым и Боровым на 18-летию радиостанции
«Эхо Москвы», 2008 год

© Михаил Кузьменко

С Борисом Немцовым на пресс-конференции
по случаю выхода книги «Прощание славянки».
Москва, Домжур, 27 января 2009 года

© Валерий Мельников / Коммерсантъ

На митинге против политических репрессий. Москва, Чистые пруды, 30 октября 2009 года

© Павел Лисицын / РИА Новости

На митинге «Россия без произвола и коррупции». Москва, Болотная площадь, 9 октября 2010 года

© Владимир Астапкович / ТАСС

С Немцовым и Каспаровым на акции, посвященной
20-летию событий августа 1991 года.
Москва, 22 августа 2011 года

© Анна Сорокина

На 25-летию ДС. Слева направо: Николай Злотник, Ирина
Губернаторова, Валерия Новодворская, Людмила Рыбчевская,
Константин Боровой. Москва, 2013 год

ТЫ ГРАЖДАНИН? или население?

Плакат партии «Западный выбор», 2013 год

уклад, а если что и меняется, то только политический расклад. И происходит некое проветривание помещения (страны), иногда с помощью форточки, а иногда и с помощью разбитого окна (Киргизия).

Возьмите Украину. Коррупция, ошибки олигархов, балансирование Кучмы на одной ножке между кремлевским тронem и европейскими офисными стульями. Но не было Чечни: большой крови, большой подлости и большой грязи. Не было амбициозных попыток сохранить сверхдержаву. Всё было скромно, без газового баллона, без нефтяного крана. Надо было учиться выживать, зарабатывать. Не все гастарбайтеры ехали в Россию, многие промышляли в Европе. И кое-чему научились. Выросло непоротое поколение, поколение «оранжевой революции». Кучма не глушил прессу дубинкой по голове. Я видела интернет-запись избирательной агитки против Януковича («Операция "профессор"») с независимого канала. Во-первых, очень остроумно (кадры из советских комедий, такой дайджест, специально подобранный), а во-вторых, уровень сатиры — как в лучшие времена «Кукол» с НТВ. Но Кучма один раз зарвался (попытка диктовать свою волю телевидению, жуткая история с Гонгадзе), а Янукович забыл, что Украина — не Россия, фальсифицировав результаты второго тура. И сразу сработало реле: негодование элит, сплоченная демократическая оппозиция (без коммунистов Симоненко, которые поддержали Януковича), негодование молодежи, великолепная организация протеста, единоклубная поддержка Запада... И безопасность: было совершенно очевидно, что истории про высадку под Киевом московского «Беркута» и переброска к границе дивизий из Сибири — романтическая приправа (охотничьи байки) к вдохновляющему, но безопасному приключению.

До «оранжевой революции» была «оранжевая альтернатива», инициированная «Солидарностью». Гандистский протест в ярких, публичных формах. И никакого насилия. В сущности, оранжевые были уже европейцы, которых Кучма с Януковичем попытались вернуть в Азию. Европа свое возьмет... Этим и объясняется такая сказочная согласованность: люди уже сделали свой выбор, и не с ресурсами Януковича и Кучмы можно было им помешать. Мир запомнит это надолго. Украина запомнит это надолго. И, главное, это надолго запомним мы: восхищенные

очевидцы, свидетели, впитывающие со своей зимней стороны запах чужой весны, дуновение чужой свободы, созревшей и распустившейся за тринадцать лет разлуки. И вопрос о том, потеряли ли мы Украину, уйдет ли она, уже не стоит на повестке дня. Потеряли задолго до того, как созрели апельсины, она ушла тихо, по-английски, а политики и политики и не заметили.

Розовый тбилисский вариант — в том же ключе, но со своей игрой оттенков: безопасность — была, западная поддержка — была, а вот сопротивления со стороны Шеварднадзе совсем не было, и сторонников у него совсем не оказалось. Ни синих, ни зеленых. Правда, в постсоветские годы катаклизмов было навалом: гражданская война, террор Джабы Иоселиани и его тонтон-макутов из «Мхедриони», свержение президента, войны в Абхазии и Южной Осетии. Море крови, и никаких наработок в смысле экономики. В Украине вырос целый класс мелких собственников, в Грузии — нет. Что ж, свобода — это дорога. По ней надо идти, чтобы дойти до процветания. Дорога, воля, терпение. У Украины, кажется, есть всё, у Грузии — пока только дорога, у нас — вообще ничего.

Самый занятный вариант вышел у лимонной Молдавии. Он походит на польский шестнадцатилетней давности. Воронин — это Ярузельский сегодня, только без крови и интернирования. Бывшие коммунисты, не сдавая партбилетов (для беднейших и наивнейших слоев электората), перехватили лозунги у либеральных оппонентов, строят рыночную экономику, рвутся в Евросоюз, пинают Большого московского брата, требуют назад Приднестровье. Макиавелли гордился бы такими учениками. Они очень бедны, но научились выкручиваться и работать. У них есть воля идти и есть дорога. Назад их уже не загнать. Остается сменить этикетки и сбросить маску коммунистов, чтобы добиться западной поддержки. Кстати, там оппозицию тоже никто не трогает уже много лет.

Киргизские тюльпаны уже за грань гандизма вылезли (с поправкой на азиатские корни). Здесь оппозиция хотела сместить Акаева, и это феодальная часть конфликта. Интеллигенция хотела побольше прав и свобод, и это демократическая компонента. Бизнес хотел сломать клановую структуру экономики, и это западничество. А ночные грабежи — это помесь октябрьского переворота, пугачевщины,

трайбализма и Исакерии в Средние века. Запад развел руками, власть рухнула, и вопрос остается открытым. Дай им Бог выплыть хоть к какой-нибудь западной окраине.

Но мы видели и другое. «Бархатную» революцию в ЧССР, когда разогнали студентов — и вышли все интеллигенты, разогнали интеллигентов — вышла вся Прага. Под бархатом скрывалась стальная воля народа, почуявшего, что в издыхающей империи нет больше сил на другой август 1968 года. Но риск был. «Поющая» революция в странах Балтии стоила уже 13 жизней граждан Литвы. Спасибо Горбачеву, что танки притормозили. Здесь у нас были плененные европейцы и удачный побег из-под стражи.

Но есть и другие революции, настоящие, мучительные, как патологические роды, когда ломаются вековые барьеры и столетние запасы пролитых слез смываются кровью. И здесь у нас только одна удача: фламандская революция, замена гнилой и злобной испанской монархии первой республикой Европы.

Американская революция не в счет, там снимали только колониальный фон, но уклад не менялся. Тоже успех. Блестящий. Но к нам ближе, увы, французский опыт и наш собственный. Гильотина, якобинцы, Марат и Робеспьер, Февраль, сорвавшийся в октябрьскую пропасть.

Наш Февраль случился в Августе 1991 года. С тех пор была уже добрая тройка Термидоров. Блины идут комом, на сковородке всё горит, духовка не работает. Надо пробовать еще. Пока не получится.

ВЕЗМОЗГЛЫЙ ТРОСТНИК

Грани.ру, 21 апреля

Что еще придумал наш Дракошечка, пушечка-пампушечка, летун-хлопотун, он о нас побеспокоился! А то ненароком окочуримся мы без своего Дракона на хозяйстве. И без драконьих зубов, которые, будучи посеяны в плодородную почву Охотного ряда и Большой Дмитровки, дали прекрасные медвежьи всходы.

Посмотрел бы на них старик Паскаль, назвавший человека «мыслящим тростником»! Так то человек, а то российский депутат, тростник немслящий. Выведен для политического винегрета лубянскими ботаниками

в кремлевской оранжерейке. Мичуринский вариант. Отдельно каждый как лиана, как вьюнок. Обвивает, приспособливается и карабкается в гору. Ну и гнется, естественно, и стелется. А вместе получается такой суммарный анчар, ядовитое дерево, российский истеблишмент, который портит жизнь и на своей территории, и в ближнем СНГ. Правда, анчар уже не тот, что прежде: верхушку пообломали, наполовину засох, вокруг ограждения и таблички: «Осторожно, Российская Федерация!» и «Не подходи! Убьет!».

Но яд все равно течет. И по устам течет, и в рот попадает. В том смысле, что наш Дракоша о парламентских, губернаторских и прочих выборах уже позаботился. С его поправочками и неусыпной заботой о процветании многопартийной системы, чтобы она росла большой и была лапшой для их лубянского бульончика, выбирать вы больше не будете.

Поняли ли москвичи, что они больше не будут выбирать мэра? Ни Лужкова, ни даже Шанцева. Будут кушать что дадут. Москва-то у нас — губерния, город федерального значения. Президент дал — город принял.

Теперь избирательная система с выполотыми одномандатниками, процентно удаленными демократами, которые даже блочную братскую могилу себе позволить не смогут, и с пятипроцентной чертой оседлости, когда подставные гэбульники запросто неправильно сознательно заполнят пять процентов подписных листов, стала непролазной. Это уже не избирательное законодательство, а какая-то линия Маннергейма. Доты, блиндажи, укрепрайоны, противодемократические рвы. Враг, то есть демократия вместе с либерализмом, не пройдет. Причем всё это прекрасно оформлено разными бантиками, рюшечками, вышивками, воланчиками. Чтобы Буш не обиделся и Европа не паниковала. Не хотите одну партию власти? Получайте две — правую и левую. И еще центр в придачу. На зубок. Технология известная: дал разок по голове, вместо власти стало две.

Раньше была демплатформа в КПСС, потом фракция на съезде нардепов «коммунисты за демократию», а теперь у нас будет целая дюжина осколочков от зеркала злого кремлевского тролля: «чекисты за демократию», «чекисты за рыночную экономику», «чекисты за басманное правосудие», «чекисты за окончательное решение чеченского вопроса», «чекисты-2012», «чекисты-2020», «чекисты за справедливое распределение ЮКОСа по лубянским сейфам».

Но ведь оставался вопрос президентских выборов! Республика-то у нас президентская, то есть резидентская! Уже и народность есть, и православие делом Самодурова обеспечено, но самодержавие-то надо обеспечить! И Конституцию выбрасывать жалко. Зачем выбрасывать добро, когда можно в него селедки завернуть. И операция «Преемник» плавно переходит в операцию «Наместник». Сказал же наш старик Дра-дра, что никто ему не запрещает возвращаться в Кремль каждые восемь лет, а в интервалах положить что-нибудь на трон, чтобы все знали, что занято. Я бы даже особенно голову не ломала на его месте. Калигула когда-то ввел в Сенат своего коня, и сенаторы схавали. Про пипл я уж и не говорю.

А Путин может ввести в Кремль свою лабрадорскую суку. Она у него опытная, он ее давно к делам приучает: то собачке Лукашенко гостеприимство оказывает, то на кремлевскую елку под видом снегурочки ходит. Будет вместо блюстителя четыре года, будет рычать и не подпускать к креслу. Дорогие россияне всегда рады услышать кремлевское рычание и увидеть оскаленные зубы, они любят этим с 2000 года. И черный цвет им тоже очень нравится.

Родной президент приучил.

И сказал Он: Да будет Тьма. И стала Тьма. И увидел Он Тьму, что она хороша; и отделил Он Тьму от Света. И кончился Свет. И увидел Он, что это хорошо.

И было утро, и кончился год 12-й.

15 ЧЕКИСТОВ НА СУНДУК МЕРТВЕЦОВ

Грани.ру, 26 мая

Наш президент — наша Муза. И что бы только без него делали сонмы пишущих, слагающих и проповедующих любовь враждебным словом отрицанья? Правда, Аполлон как сэнсэй к этой нашей отдельной специфической музе для Третьего Рима не имеет никакого отношения. Здесь вообще-то пахнет скорее не Олимпом, а Аидом. И не Аполлоном, а Плутоним или, в христианской версии, Люцифером, то есть в рамках самодержавия, православия и народности — Сатаной. Именно он заведует нашими российскими музами обмана, позора, насилия, подлости и жестокосердия. Не считая, конечно, глупости, которая

летит впереди всего этого мифического батальона в белом венчике из роз, в костюме от Версаче и с автоматом Калашникова вместо лиры.

Наши Музы, которых мы каждый день видим на лазурно-небесном телеэкране, начиная с гаранта Конституции и включая господ Устинова, Патрушева, Черкесова, Лаврова, семью Ивановых и прочих меньших купидонов и ангелочков с рожками, копытцами и хвостиками, постоянно распевают гимны (увы, советские), псалмы, отдельные главы воинских уставов, перемежая это цитатами из Конституции, Декларации прав человека и международных правозащитных документов, причем через запятую. Поют они довольно-таки злыми голосами. А из-под нимбов явственно высовываются рога, так что фейс-контроль в приличное западное общество они по идее не должны были бы проходить.

Тем более что язык подводит.

Сталин не успел доработать окончательно свои труды по языкознанию, и это очень пагубно сказалось на лексиконе и фразеологии нашей главной Музы — Владимира Владимировича Путина. Недавно он пополнил нашу лекцию новой жемчужиной ораторского мастерства, предложив бедняжке Латвии вместо Пыталовского района от мертвого осла уши. Вот до чего может довести государственного деятеля босоное ленинградское детство и голодная чекистская юность, не считая тяжелой подпольной работы в восточной Германии, то есть ГДР. И общение с Хонеккером и прочими коминтерновцами. Не говоря уже о нынешних условиях работы и враждебном окружении из батяки Лукашенко, Туркменбаши, Ислама Каримова, Ким Чен Ира и собственных подчиненных.

После взятия на бордаж ЮКОСа Россия превратилась в настоящий пиратский корабль, а бедный Путин служит на нем капитаном. Так и видишь наших чекистов и силовиков: кто на одной ноге, кто с попугаем, кто с одним глазом. Ищут, какому концерну завтра послать черную метку, и время от времени выкрикивают «пиастры! пиастры!», и поют хором по государственным праздникам: «Пятнадцать чекистов на сундук мертвеца, йо-хо-хо и бутылка нефти! Хватай, и дьявол тебя доведет до конца!» И дальше по Стивенсону.

Чекисты, конечно, как чекисты, хотя милосердие никогда не стучится в их сердца (пираты хоть женщин не убивали, а они посадили Светлану Бахмину, мать двоих малых детей). И газово-нефтяной вопрос их очень испортил.

При такой-то должности нашему гаранту трудно удержаться в рамках литературного русского языка, приходится «по фене ботать». Тем более что отвечать за базар никто не собирается, лучше Конституцию ошипать и выпотрошить и продлить себе срок на столько же, на сколько Ходорковскому. То есть на десять лет в мертвой тишине, но только не в Матросской.

Это сугубо тоталитарная тишина. «Мы живем, под собою не чуя страны, наши речи за десять шагов не слышны...» Мандельштамовский диагноз для государствообразующей нации сохраняет силу.

А насчет Латвии и ее ужасных притязаний на ключ от квартиры, где деньги лежат, я хотела бы успокоить замученного президента. Не возьмут они Пыталовский район, да и Рублево-Успенское шоссе, пожалуй, не возьмут. Это они нас тестируют: а вдруг в нас что-то человеческое появилось? А район не возьмут, потому что тогда надо брать и население, не депортировать же его. Кому нужна команда с пиратского корабля?

Не возьмут, потому что слишком хорошо понимают, что Россия — это и есть тот самый осел, к тому же дохлый. Какой там медведь! Он хоть мед добывает. На тотем к нам просится осел, на пару со стихами Генриха Гейне для аранжировки национальной идеи:

О что за блаженство быть ослом,
Таких длинноухих сыном!
Со всех бы крыш кричать о том:
Рожден я в роде ослином!..

ПУТИН ПРИДЕТ ЗА ТОВОЙ

Грани.ру, 9 июня

После того как наш Фредди Крюгер, христианнейший президент (с детства обиженный буржуинами и олигархами и поклявшийся за это жестоко отомстить мировой закулисе, съевшей у него все пряники и леденцы), пришел

за Ходорковским при общественной прострации, близкой к летаргическому сну, буржуины, интеллигенты, политики и обыватели выработали механизмы психологической самозащиты.

Механизмы один лучше другого, вот только все они сводятся к одной орнитологической схеме: голову под крыло и ждать на одной ноге посреди родного болота у моря погоды, уповая на то, что если ты зажмурился и Путина не видишь, то и он тебя не разглядит. Для того, чтобы угодить в бульончик, позиция самая рекомендуемая. Каждый охотник не только хочет знать, где сидят фазаны, но и любит, чтобы фазаны не рыпались. Очень удобно охотиться, когда дичь не только не плюется и не защищается, но даже и не улетает.

Один умный буржуин поведал мне, что Ходорковский возжаждал власти, занялся политикой и перешел Путину дорогу, а вот он, имярек, не занимается такими делами, никуда не лезет, тихо сидит и примус починяет. Поэтому останется цел, и всё будет при нем: и рожки, и ножки, и шкура, и мясо, и скальп. Мне очень понравился этот исторический оптимизм, и он мне даже кое-что напомнил.

У Евгении Гинзбург в ее воспоминаниях о ГУЛАГе под названием «Крутой маршрут» встречаются разные типы сталинских жертв. На этапах, в камерах, в лагерях. Одна профессорская дочка Ирочка, беспартийная вдрызг, очень возмущалась своим арестом. Она всегда думала, что спасется, не вступая в партию. И находила нормальным, что коммунисты уничтожают друг друга: это, мол, их разборки, а наше дело сторона. Но беда в том, что коммунисты настолько увлеклись поиском врагов народа, что дошла очередь до народа, то есть до Ирочек. И до Васек, и до Митек из «кулацких семей», которые тоже ничего не смыслили в политике, а были просто деревенскими валенками и с батеи сеяли рожь. И чем меньше Васьки, Митьки и городские Ирочки вникали в дела ВКПб и НКВД, тем больше их сажали. Сказано не нами, но для нас: если ты не занимаешься политикой, то политика займется тобой. В другой камере коммунистка Аня сетовала, что никогда не привыкала к оппозиции, не критиковала линию партии, а ее все равно посадили. И всё это Евгения Гинзбург в назидание нам записала.

Так что я на месте господина Вексельберга не могла бы заснуть. Не в ту корзину отложил он свои яйца. Потому

что почти столетие советская власть тупо резала курочек, которые несли ей золотые яички.

Попытки совков просчитать в тридцатые годы двадцатого века безопасный вариант приводили только к поэтапному их уничтожению. Прямо по Галичу.

Эпизод 1

«Начнем вот эдак — пять зайчат решили ехать в Тверь... А в дверь стучат, а в дверь стучат — пока не в эту дверь».

Эпизод 2

«На воле — снег, на кухне — чад, вся комната в дыму, а в дверь стучат, а в дверь стучат, на этот раз — к нему».

Прокуратор Колесников сказал, что у них уже полно заведенных дел на других бизнесменов. Значит, Путин все-таки придет за всеми. Такова общественная необходимость диктатуры — нивелировка, конформизм, уничтожение любой формы самодетальности и независимости, самодостаточности и богатства, которая позволяет смотреть на Кремль сверху вниз и плевать в Троицкие ворота. Тем более что Путин, выйдя из этих врат, едва ли много добудет себе на жизнь.

Граждане не должны добывать себе пропитание независимо от государства. Иначе с чего бы это они стали бояться президента? Народ должен ползать в ногах и благодарить за каждый кусок хлеба, за каждый трамвайный билет, за каждую банку пива. Есть с руки. Ручной народ ценится еще больше ручного медведя. Путин — опытный дрессировщик, а наши российские кролики так и прыгают ему в цилиндр. Кстати, Ной не взял в ковчег зайца. Наверное, за трусость.

ПРАЗДНИК НЕЗАВИСИМЫХ УТОПЛЕННИКОВ

Грани.ру, 16 июня

Двенадцатого июня у себя на даче на Кратовском озере встретила я компанию патриотически настроенных граждан со стаканами в руках. Купив в ближайшем к пляжу гадюшнике водки, они хотели бы ее выпить и закусить шашлыком. Но, как патриоты, они хотели также знать, за что пьют, а надежда-президент не объяснил им, что же страна отмечает 12 июня. Вот что значит быть трезвенником! Я сократила муки жаждущих граждан, и они запили мои

объяснения с большим чувством и налили еще. Причем сказали, что хотели бы видеть президентом меня, потому что никто другой так четко не объясняет, за что надо пить. Надеюсь, эти мои данные помогут мне в 2008 году, если электорат к тому моменту не завяжет.

Но так как читатели «Граней» тоже, надеюсь, иногда припадают к зеленому змию и получают у него рекомендации насчет садоводства (эксплуатации Древа Познания Добра и Зла), то я хочу и им дать некие разъяснения насчет 12 июня.

Путин недаром ничего не объяснял: в 1991 году этот праздник имел совершенно иной смысл, чем тот, который пытаются силой впихнуть в него питерские пришельцы в рамках спецмероприятия «Война миров». И если старый добрый цивилизованный мир идейно, морально и политически не изменился с уэллсовских времен и представлен Англией, Америкой, Францией и прочими милыми западными странами, то из нас путинская команда явно пытается сделать марсиан, а из России — Марс, безлюдный, мрачный, непригодный для жизни, зато свирепый, агрессивный и опасный для человечества.

При Ельцине, когда в первый раз праздновали День Независимости, это был день независимости России от СССР. Ельцин, тогда еще послушный ученик Межрегиональной группы, «ДемРоссия», чающие избавления от Совдепии демократы словно говорили: мы не совки, мы россияне; Россия утонула в СССР, мы освобождаем ее от гнета этой колониальной державы. У России тоже не было ни своего дома, ни кола, ни двора, теперь мы будем другими. Мы не тюрьма народов, не сверхдержава, не монстр. Мы — милая, добрая, кроткая страна, которая никого не обидит, не растопчет, не убьет.

И в декабре того же года Ельцин сдержал слово, и Россия отпустила всех по домам, в том числе и себя, дав вечный дембель бывшим колониям.

Уничтожив Советский Союз, как клетку, Россия выпустила на волю всех пташек, когда-то наловленных в тенета кремлевскими птицеловами. И до 1995 года мы радостно отмечали этот день, наслаждаясь своей свободой и своей чистой совестью, радуясь свободе и успехам бывших наших сокамерников: украинцев, молдаван, эстонцев, латышей, литовцев.

С началом чеченской войны из-под милого российско-го личика полезло опять жандармское советское мурло. А при Путине оно стало единственным, и в зеркале независимой иностранной прессы такое увидишь, что зажмуриться хочется. Трудно поверить, что этот осколок Советского Союза, эта тупая, рабская, злобная страна, лезущая немытыми руками в оранжевые праздники соседей, с ее хамскими выходками и торжествующими шариковыми и швондерами у власти, залитая кровью чеченского народа, травящая своих граждан газом, как крыс, что произошло совсем недавно в «Норд-Осте», не пожалевшая даже сотни детей в Беслане, — это та Россия, которую мы так нежно любили. Это не страна — это подстилка для чекистов.

Путин делает из России некий остров, отнюдь не золотой, обитатели которого живут не по европейским законам, не по правилам западной цивилизации, а по уставу убогой советской утопии, пещерного мира, чекистов и троглодитов, Путина и Ивана Грозного, Патрушева и Малюты Скуратова, Устинова и Вышинского, Суркова и Сулова. По совершенно железной исторической традиции все утописты, отрицающие объективные законы капитализма, неизменно оказываются утопленниками. Нам, видно, хочется на дно, поближе к Северной Корее и Кубе.

То, что отмечала путинская Россия 12 июня, — это скорее день независимости от логики, разума и здравого смысла. Плюс примитивное самовосхваление гориллы, которая бьет себя в грудь кулаками и верит, что она самая главная. В пределах зоопарка. Этаким Кинг-Конг, лезущий на небоскреб. Какие-то сходные нотки я отмечаю в выступлениях гаранта потопляемости.

И за это мы пить не должны, дорогие россияне.

ТРИ ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКА СУВЕРЕНИТЕТА

Грани.ру, 14 июля

Россия, как известно, — правопреемник СССР. Ее никак не назовешь рыцарем, лишенным наследства. С рыцарством сразу всё ясно: мы специализируемся на ударах ледорубом, конфетках с ядом, диоксиновых десертах для украинских соседей и на ядерных закусочках, втихаря stravливаемых

агрессивным двоечникам из третьего мира, из коих ВПШ и ВПК воспитали несколько поколений террористов.

Но и насчет наследства у нас всё в порядке: мы от СССР унаследовали нефть, газ, лес, спесь, невежество, лень, зависть, ядерные боеголовки, полстраны иждивенцев, президента, политическую элиту, мэра Лужкова, скульптора Церетели и кавказскую войну.

Недавно с Англией случилось незаслуженное несчастье: фанатики-фундаменталисты подорвали автобус и несколько вагонов метро. Приличные страны выразили соболезнования. Восьмерка сделала заявление. А президент России, даже не вылетев из Эдинбурга, тут же попытался на английском демократическом горбу в свой имперский рай въехать. Вспомнил про Чечню, прозрачно намекая, чтобы англичане извлекли урок из своего несчастья и не мешали нам спокойно осуществлять геноцид чеченского народа.

А для тех, кто не спрятался и не понял намека, российский президент спустил с цепи своих опричников «самодержавие, православие и народность». И они добавили: во-первых, позлорадствовали вплоть до «сами виноваты, нечего было в Ирак лезть». Во-вторых, вспомнили лорду Джадду его заступничество за Чечню, как будто именно справедливость и милосердие этого политика привели к лондонской трагедии. В-третьих, тут же потребовали обратно Закаева. В-четвертых, предложили западным странам создать коллективную систему самообороны, то есть назло террористам больше не соблюдать ни прав, ни свобод собственного населения. Англичане, как хорошо воспитанные люди, хамство российской стороны проигнорировали; заявили, что бандитов поймают и предадут суду, а в своей жизни что-либо менять отказались. Вот так. И права, и свободы останутся при них.

А Россия осталась в своем ампула, то есть в дураках, потому что про Ахмеда Закаева вообще с нами разговаривать не стали. Не испугались, не дрогнули, остались людьми. Господи, а наш-то Кудрин им предложил свою помощь: террористов ловить и сразу казнить. Видно, на месте, без суда и следствия, суд Линча, генерала Шаманова и президента Путина.

Словом, российская реакция отражает народную мудрость: пусть у соседей коровы дохнут, не только у нас. Мы не очень убиваемся по поводу жертв своих терактов,

зато мы (коллективно-кремлевское бессознательное) так радуемся жертвам чужих, что хочется обвинить Кремль в соучастии, если не в материальном, то хотя бы в моральном.

Где обучались террористы и их наставники антиамериканизму и ненависти к НАТО? Не в советских ли вузах?

Не советских ли первоисточников начитались красные бригадники, чилийские комми, кубинские барбудос, китайские товарищи и центральноамериканские герильерос? А кто содержал всю эту ораву третьего сорта из третьего мира? Кто пригревал палестинских террористов?

Так что всё на нашей совести: и советская власть на голодной и порабощенной Кубе, и хунвейбины в Китае, и Пол Пот в Камбодже, и Ким Ир Сен в Корее. И лондонская трагедия — тоже. Ведь накануне Путин подписал с китайским товарищем антиамериканский документ, напоминая, что Европа разобщена, что если с Америкой и ее союзниками что-то случится, есть кому обрадоваться.

И тут же в печать попала сурковская докладная записка насчет суверенной демократии специально для лохов (термин Суркова) с темной окраины Европы под названием Россия (тоже сурковские определения). Так вот, три составные части этого лохизма уже можно назвать: глупость, хамство и ни на чем не основанные амбиции.

ПОДАЙТЕ МИЛОСТЫНЮ ЕЙ

«Новое время», №28, 17 июля

Когда я думаю о судьбах независимой прессы (а вместе с полудюжиной изданий я проходила честно, на паях, через огонь, воду и медные трубы), и не просто независимой, а идейной, просветительской и «с направлением», мне все чаще и чаще представляется нелюбимая детская книга (тогда она казалась мне слишком примитивной) «Хижина дяди Тома». Благородного мистера Сен-Клера, отца Евы, убили, а госпожа решила плантацию продать и перебраться к родственникам. Негров тоже пустили с молотка, и вот они сидят, как на витрине, и ждут, кто их купит. «За доллар», как «Московские новости», или дороже. Всех вместе или частями. Плантация — бренд, а негры — приложение. И это все устои, рынок, порядок вещей. Вон первый хозяин Тома,

добрый, хороший, все-таки предал его, чтобы сохранить плантацию. Продал за долги, как «непрофильный актив».

И вот добрый и свободомыслящий хозяин Чубайс продает 70 процентов Реп-TV черт знает кому, какой-то то ли стальной, то ли железной группе лояльного к власти бизнеса (а где после дела Ходорковского нелояльный ближе Киева возьмешь?). Это значит, что член политсовета СПС Чубайс отдал в руки власти канал, где так трогательно старались помочь СПС и защитить главу РАО «ЕЭС», где по нынешним временам много себе позволяла Ольга Романова; канал, который настойчиво совал длинный голубой микрофон ко рту демократической оппозиции и показывал ее чаще других.

Да, конечно, Чубайс не хотел продавать, он не владелец своего РАО, 51 процент акций принадлежит государству, а кто у нас государство — это усвоено даже самыми непонятливыми. Будет еще один маленький дециметровый трупик на пути к нашему славному «лукашенкизированному» или «туркменбашизированному» будущему. Уж если перешагнули через НТВ, ТВ-6 и ТВС... Ну ладно, пусть Чубайс — приказчик у злого плантатора. Управляющий. Менеджер. Но он не негр, не раб. Он волен встать и уйти: пусть освещаются сами. Предъявить ультиматум. Поставить условия.

Ведь когда-то российская интеллигенция уже пошла на службу к большевикам без всяких условий. В начале 20-х годов. Спасла большевистский режим, спасла «младочекистов» и погубила инженера Пальчинского, и особенно после процесса Промпартии. Инженер Пальчинский не дал замерзнуть Москве; вот большевики его и отблагодарили. Вы аналогий не усматриваете? Я — так даже очень.

Какую генерацию чекистов будем спасать и освещать сегодня? Но ведь для дяди Тома и малыша Гарри было не важно, кто их продавал, кто подписывался на купчей. Главное — путь на Юг, под плетки, в зубы собак-людоедов, собирать хлопок под палящим солнцем. И самое ужасное в этом литературном сравнении, на уровне редакций и негритянских хижин, — это абсолютная покорность и тех и других. За исключением бунта НТВ, так страшно подавленного (и этих энтэвэшников потом так безжалостно и последовательно пустили по миру, так преследовали вплоть до последнего блиндажа, что у других потенциальных «протестантов» опустили руки).

Мы зря тогда посмеялись над антирыночным высказыванием Явлинского (ничего лучше он за всю жизнь не сказал): «Мне наплевать, откуда берутся деньги. Но я хочу иметь свою свободу слова и печати». Это не рыночное, но либеральное высказывание. Потому что если иначе, то покупкой журналистов и издания, как правило, вся свобода и кончается. А дальше хозяин требует или рентабельности, или пакта о ненападении на власть, или головы другого олигарха, или шкуры правительства реформаторов, как когда-то Гусинский требовал от НТВ.

Откуда брали деньги «Отечественные записки»? «Современник»? «Колокол»? «Полярная звезда»? Собирали ли Пушкин, Некрасов и Герцен гранты или брали из собственного кошелька? Откуда брал деньги Салтыков-Щедрин? Не из губернского же бюджета? Так уж исторически сложилось, что Россия рвалась к свободе и к Западу не через институциональный уровень, не через средний класс, не через собственность, а через мятущуюся интеллигенцию и вольную печать, зачастую — самиздат.

Я помню свои личные «университеты», вернее, «семинары».

Журнал «Огонек», король перестройки. Огромные тиражи, рупор шестидесятников. В 1994 году его купил Березовский. Первое, что он сделал, — это запретил писать про Чечню. Предлагал 500 долларов в месяц, при условии, что «Огонек» печатать не будет, а в других изданиях появляться запрещено: контракт. Так познавали мы прелести рыночной экономики.

Газету «Хозяин», приложение к «Труду», «Труд» выгнал за смелость, Гайдар и его институт не смогли достать денег на издание, «Экономика» взяла с тем условием, что политики больше не будет.

Журнал «Столица» был куплен Владимиром Яковлевым при условии, что будет рентабельность и полжурнала попсы. Хозяин терпел четыре месяца. На пятый потребовал увольнения ряда журналистов, наложил «вето» на чеченскую тему и отдал попсе весь журнал. Андрей Мальгин ушел издавать футбольный журнал.

«Отвязанная» газета «Новый взгляд» 12 декабря 1994 года уволила (хозяин — Евгений Додолев) всех журналистов, выступивших против войны в Чечне.

И это только мои «медные трубы». А рядом примеры, примеры, примеры. «Общая газета», святыня Августа 1991 года, после продажи ставшая национал-шовинистской. ЛГ,

наша бывшая «отдушина» 70-х, после ряда продаж доставшаяся Юрию Полякову и тоже ушедшая в затхлый национализм.

Будет ли украинский бизнесмен Вадим Рабинович добр к своим новым неграм из «Московских новостей»? Журналисты ждут в тоске и томлении. У них нет никаких гарантий! У них ничего нет. Их купили, завернули, перевязали бечевкой.

Я никогда с этим не примирюсь. Наш бизнес не имеет ни мужества, ни даже разума. Ему нужна свободная пресса. То, что ее загоняют в государственное стойло, вредно бизнесу, даже если он этого не понимает. Не говоря уже об обществе в целом.

Но ведь не подали олигархи ничего ТВС. Любой, самый интеллигентный бизнесмен начинает переговоры с вопроса: «Сколько стоит ваш контрольный пакет?» Главное — отлучить журналистов от принятия решений, от собственности на собственные статьи. Они негры, им полагается ждать хозяйского приказа.

Сколько стоит СМИ? В последние дни мы услышали несколько ответов на этот вопрос. И только одного не услышали: свобода бесценна.

ПОЧЕМУ РЕВОЛЮЦИЯ НЕ ДОЛЖНА ПРИНАДЛЕЖАТЬ НАРОДУ

«Новое время», №33, 21 августа

Моя хорошая знакомая, француженка, преподает в Сорбонне. А подрабатывает в лицее, там даже лучше платят. Недавно в ее лицее обнаружилась организация «Внуки Робеспьера». Лицеисты (от 13 до 18 лет) заклеили все стены своими дацзыбао, носили значки с изображением Марата, Сен-Жюста или самого Максимилиена, на улице вместо шапочек надевали фригийские колпаки, а на переменках танцевали фарандолу. Французских «преподов» (на французский лад «профи») после 1968 года трудно чем-нибудь удивить, тем паче что в этом лицее по утрам всегда проходит маленькая кампания гражданского неповиновения в знак протеста против решения «высшей власти» о запрете бросающейся в глаза религиозной символики. Мальчики 15—16 лет с накладными пейсами до колен и в газетных ермолках или в здоровенных чалмах из махровых полотенец; девочки в черных мешках с дырочками для глаз, рта и носа,

изображающих, очевидно, паранджу; тинейджеры с полуметровыми крестами на велосипедных цепях; и всё это веселится до упаду, хохочет, потом снимает весь свой реквизит и мирно идет на уроки. Так вот, «Внуки Робеспьера» — это для Франции не самое оригинальное. Вот только в дацзыбао моя знакомая обнаружила глубокое социологическое открытие. На одной бумажонке «внуки» изобразили следующее: делая нашу революцию, мы обратимся к опыту товарища Троцкого, потому что все французские революции провалились из-за того, что не был сокрушен институт частной собственности...

Кажется, «внуки» докопались до причины, по которой французские революции не привели к установлению тоталитарного строя и по которой же Россия так быстро скатилась в бездну. Вывод обескураживающий как для французских либералов, так и для российских: миром движет и спасает его от автократических и тоталитарных конструкций вовсе не любовь к свободе. Французская революция написала на своих триколорах знаменитую триаду: *liberté, égalité, fraternité*. Отдельные пункты этой триады находятся в состоянии непримиримых противоречий по всем параметрам. И *égalité*, и *fraternité* сегодня терпят крах на арене безнадежных попыток запрячь всю Европу в одну птицу-тройку, то есть в одну конституцию, и заставить ее быть равной экономически (за счет Франции накормить Польшу, то есть *égalité*, а за счет Великобритании одеть Румынию или Латвию, то есть *fraternité*). Франция с конца XVIII века едва не захлебнулась свободой; спасло ее нежелание лезть в дебри установления имущественных равенства и братства. Францию спасли ее прагматизм и рационализм. И «буржуинский» менталитет Марата, Робеспьера, Сен-Жюста и других членов конвента или даже Комитета общественного спасения. Июль 1789-го и октябрь 1917-го схожи лишь до определенного пункта. Конечно, образованные экстремисты из большевистской среды подражали якобинцам и кордельерам. Конечно, риторика и жестокость — всё это похоже, очень похоже. Спасение для французов было в том, что в борьбе фракционеров во Франции не было среди сколько бы то ни было весомых фаворитов ни Давыдова, ни Нагульнова, ни Свердлова, ни тем паче Ленина — фанатики бывают разные.

Те фанатики, которые скосили Жиронду, отрубили головы Андре Шенье и Кондорсе, не пожалели королеву и развязали в 1793 году массовый якобинский террор (по 50 человек в день на парижскую гильотину, еще больше в Вандее и в Лионе), принадлежали к тому самому третьему сословию, *le tiers état*, с которого всё началось. Но Мирабо, Лафайет (богатые люди) и аббат Сийес (средний класс) ничего общего с голодранцами санкюлотами не имели. Робеспьер, Дантон — это были преуспевающие *gens de robe*, люди мантии, а Дантон успешно обогатился на спекуляциях после 1789 года. И Сен-Жюст, и Марат, и Демулен (модный журналист) очень комфортно жили. У них были хорошие квартиры, прислуга, деньги. У них не было ни малейшего желания делить всё это с угольщиками, горшечниками и другой парижской беднотой. Французская революция №1 (да и другие тоже), к счастью, не была социальной. Народ ничего не решал, он использовался в качестве массовки. Санкюлотов звали запугивать аристократов. Они плясали фарандолу, освистывали осужденных на смерть на пути на площадь Революции (сегодня *Place de la Concorde*). Вязальщицы гильотины стояли у подножия мерзкой машины со своими спицами и людоедскими воплями вторили стуку треугольного ножа. Они плясали фарандолу. Но в нужный момент их с улиц убирали, они не решали ничего, и никто не намеревался их кормить.

Когда Жак Ру со своими «бешеными» потребовал «делиться» с неимущими и предложил уравнилельный, социалистический вариант, их быстренько отправили на гильотину. С 1792 года по 1795-й французы чуть не погибли от передозировки свободы, сначала приняв роскошную Декларацию прав человека, свергнув монархию, загнав в подполье церковь и самого Бога заменив дублером — верховным существом. При этом они ежечасно опасались бесноватых революционеров, которые искали «врагов нации» и посылали на гильотину по первому подозрению. Но понятие «богатые» и «бедные» не устранялось из лексикона, казни носили сословный характер, земли, замки и привилегии третье сословие отбирало у первых двух, и богатые буржуа (на которых, слава Богу, не было мальчишей-кибальчишей) ели досыта. Когда казни приобрели совсем немотивированный характер, третье сословие убрало якобинцев, отправив на ту же гильотину, и учредило Директорию. А у нас

в решительный час не хватило лавочников и элементарной жадности, чернь стала диктовать свои условия, Бухарин и Ленин поступали как фанатики утопии, и народ уничтожил и бизнес, и банки, и почву у себя под ногами, и самого себя, потому что «середняки» и «кулаки» плюс члены Викжеля плюс рабочие Ижевска — это и был народ. Кстати, Польша, Словения, Хорватия, Литва, Молдавия, Западная Украина, Чехия — они так быстро оправались потому, что им сохранили мелкую частную собственность или жили без нее не 70 лет, а всего 40—45. Революции должны делать не голодные, а сытые, которых забыли покормить один-единственный раз.

ЮБИЛЕИ НАШЕЙ КОММУНАЛКИ

«Новое время», №35, 4 сентября

В Кремле, кажется, вняли гласу экспертов, последние пятнадцать лет угрызавшихся по поводу того, что у власти нет национальной политики. Конечно, вняли в доступной для кремлевских насельников форме. С двух сторон, с кавказской и приволжской, решено срочно возлюбить исламских подданных империи и с ними побрататься. В Чечне для взаимной братской любви и бюрократического интернационализма (чем хуже пролетарского?) была выбрана авантажная кандидатура Рамзана Кадырова, сына великого Ахмада, объявленного первым президентом Чечни (а Дудаев и Масхадов, свободно выбранные неоккупированным народом, видимо, классифицируются как уровни «зеро» и «минус один»).

Большой Брат всячески ласкает и поощряет младшего; удивительно, что они еще нательными крестами не обменялись. И кто скажет после этого, что в России (и в Кремле!) не любят чеченцев? Вот вам чеченец, мусульманин, мы его любим. Это как в классическом оправдании записного антисемита: «Я не антисемит, у меня даже есть друзья евреи».

С другой, евразийской, стороны принята доктрина продолжения любви к Минтимеру Шаймиеву, тяжеловесу, патриарху, отцу народа, долгожителю и, похоже, прижизненно-пожизненному президенту. А любви этой, увы, уже 14 лет, потому что и Борис Николаевич Ельцин ее практиковал. И здесь вовремя привалило: порывшись в календарях, обнаружили тысячелетие Казани.

Впрочем, для того чтобы справить себе юбилей, Казани (и татарской автономии, и СЭЗ — ведь экономически свободная зона была главным условием патриарха Татарстана для братской любви к Москве) понадобилось, главным образом, хорошее поведение в последние 14 лет. Юбилей, хорошие премии, звания у нас уже давно достаются за это самое хорошее поведение, успехи в лояльности и прилежание в президентопослушании.

А как всё это началось? Как Руси перепала Казань? Было ли ее знаменитое взятие в 50-е годы XVI века возмездием за ужасы монгольского ига? Отнюдь нет. Никаких «монголо-татар» из советских учебников в природе не было. Еще до Калки, в степях вокруг Керулена и Онона, Чингисханом, нойоном племени даже не монголов (тоже собирательный образ), а тайчиутов были разбиты и уничтожены татары за долгое сопротивление. Приказ был: истребить всех, кроме детей, не достающих головой до ступицы тележного колеса. Но кое-кто бежал, да и сам Чингисхан взял себе двух татарских жен-красавиц, и у них были дети. Татарский этнос сохранился, но винить их в нашествии на Русь — это все равно что создавать связку «немцы — евреи».

Золотая Орда имела агрессивного и жизнеспособного преемника в Крымской Орде. Именно туда платили дань, сначала — реальную, потом — символическую, вроде презентов мехами и рыбными деликатесами. Именно крымские ханы ходили на Москву, именно из Кафы генуэзские купцы, торговавшие невольниками, снаряжали на Русь спецназ из ордынцев. И Мамай, и Девлет-Гирей были из крымских уделов. Крым. Кафа. Район Феодосии и Судака. Славянских рабов продавали не в Казани, а в Кафе.

Но Крымская Орда была московским князьям не по зубам, ведь в конце царствования Ивана Грозного крымский хан сжег и разорил Москву (а «грозный» исключительно для своих кротких подданных царь трусливо бежал, а опричники его, проточекисты, заперлись в Кремле и дали населению сгореть, не пустив его укрыться).

Что же это было за взятие Казани? Зачем оно понадобилось? Казанский поход был сродни излюбленной старыми и новыми тиранами и политико-экономическими двоечниками «маленькой победоносной войне». Казанское царство разваливалось, сила его была на исходе. Московское

войско, грамотный военачальник Андрей Курбский и молодой Иван IV управились с ним сравнительно легко. Это вам не Ливонская война, куда Иван IV впутался в порядке экспансионистского беспредела и был жестоко разбит польским королем Стефаном Баторием.

В Казани, недорого доставшейся Москве, срочно снимали полумесяцы, заменили их крестами и стали праздновать день победы над супостатами. Иван навесил себе вместо ордена новый титул («царь казанский» и прочия, и пр., и пр...). Трус, тиран, изверг и дезертир из беззащитной столицы, брошенной на расправу хану (не казанскому, а реальному крымскому), вошел в историю, написанную рабами, и остался в такой же рабьей «народной памяти» (включая и фильм Эйзенштейна) как покоритель Казани.

А дальше зловещая и гибельная русская история прошла по Казани всеми своими копытами, колесами и гусеницами. У Казанского университета вообще несчастная история. Великий Лобачевский, его идейный учредитель, за вольнодумство был изгнан. Афанасий Прокофьевич Шапов, историк-диссидент, был сослан в Сибирь и похоронен под Иркутском. Лесгафт, талантливейший анатом, был уволен с кафедры за инакомыслие. Вера Фигнер, слушавшая его лекции, 20 лет просидела в Шлиссельбурге.

Казанский университет давил и уродовал Магницкий, посланный «на исправление» крамольного заведения. Студент Каракозов стрелял в царя-освободителя и был повешен. Студент Владимир Ульянов создал чудовищный режим, погубил страну, обрек свое имя проклятию и умер в параличе под домашним арестом, «под колпаком» у «чудесного грузина».

Не повезло Казани и в советское время, и здесь ее история пересекается кошмаром. В Казани с пятидесятих годов действовало одно из самых страшных пыточных заведений СССР: Казанская СПБ. Спецтюрьма, спецбольница и попросту застенки, где замучили очень многих диссидентов, а тот, кто вышел, уже никогда даже сегодня не согласится поехать в тур в эти края.

Не стало легче несчастному «субъекту федерации» и в постсоветские времена. «Каменная десница» Минтимера Шаймиева оказалась очень тяжелой. В августе 1991 года он поддержал ГКЧП и разогнал жиденький митинг протеста, устроенный местными демократами. Однако при Ельцине устоял, умело торгуя суверенитетом («суверенитет

в обмен на экономические преференции»). Это была Вандея 90-х годов, намного раньше Москвы подмявшая свое ТВ, закрывшая все оппозиционные газеты и радиоволны. (Боле того, запретив у себя центральную газету «Новый взгляд» в 1994 году, Шаймиев требовал ее запрета на всей территории России!) Шаймиев первым стал воевать с местными национальными организациями, первым увековечил себя в мемориальном президентском кресле. Татарстан был полигоном реставрации.

А теперь Вандея повсюду, и Москве с Казанью больше нечего делить. Что и отмечалось за хорошо накрытым президентско-юбилейным столом.

ПОЧЕМУ БЕСЛАН НЕ НЬЮ-ЙОРК

Грани.ру, 7 сентября

Год назад несчастные дети Беслана были брошены в омут политической конъюнктуры и обречены на жестокую смерть теми, кто обязан был их защищать: президентом Российской Федерации и его приспешниками — силовиками, способными сражаться только с безоружными; ползучими спецслужбами, вынюхивающими нечто под дверью у оппозиции и ничего не желающими знать о подготовке настоящих терактов; местными осетинскими сатрапами, трусливыми и сервильными, умеющими только вылизывать кремлевские пороги; придворными журналистами и политиками, делающими себе карьеру на чужом горе и чужой крови и не гнушающимися лгать над гробом.

Несколько дней назад весь этот синклит равнодушных злодеев, лжецов, политиканов и мародеров от антитеррора снова прошелся подошвами своих модных ботинок по могилам на бесланском кладбище. Особенно отличились своим лицемерием и лживостью «нашисты», организовавшие повсюду траурные митинги «против мирового терроризма» и таким образом задним числом представившие смерть бесланских детей неизбежной. А при чем здесь мировой терроризм? Зачем нужна «Аль-Кайда» там, где хватит моджахедов Шамиля Басаева? Который так давно видит смерть чеченских детей (их погибло более сорока тысяч), что перестал жалеть чужих. Зачем припутывать к нашей скорбной дате Лондон, Мадрид и Нью-Йорк? Там террористы ничего

не требовали, а просто пронзили самолетами башни ВТЦ, просто взорвали автобус и метро, просто пустили под откос электрички.

Чего они хотели? Ухода США из Ирака? Но тогда какие же они исламисты? Саддам Хусейн преследовал ислаμισ-тов-шиитов, сажал и истреблял их шейхов, во время Ирано-иракской войны он загнал в болота и убил током 15 тысяч иранских подростков, которых их правительство погнало на убой. Это сейчас шииты могут участвовать во власти и побеждать на выборах — при Саддаме всем заправляли баасисты, штурмовики режима, вполне светские национал-социалисты.

Впрочем, шахида никого ни о чем не спрашивали. Ими, начиная с захвата талибами Афганистана, двигает беспредельная ненависть к веселой, доброй, щедрой, нарядной, умной, раскованной и богатой западной цивилизации. Эта ненависть не выдвигает требований и не задает вопросов. «Пусть израильяне сгинут, пусть американцев не будет» — здесь конструктивных требований нет. Эта ненависть иррациональна. Ее нельзя утолить. Они ненавидят Запад за то, что он ушел на столетия вперед, за то, что «золотой миллиард» счастлив, образован и свободен. Нет никакого сравнения с их темными средневековыми анклавами, не изменившимися с магометовых времен. Здесь действительно цивилизация сражается против варварства, здесь нельзя уходить, чтобы XXI век уступил место VIII или IX.

Во многих странах происходят теракты, но очень немного стран, где теракты мотивированы и заслуженны. Наша страна из таких. Нам было предъявлено конкретное требование: вывод войск из Чечни, ввод туда по мандату ООН англо-американских сил, мандат от ООН на десять, скажем, лет на управление Чечней для США. Отложенная независимость. Мечта покойного Аслана Масхадова, честного воина, в терроризме не замеченного.

Но никто даже не стал это обсуждать. А когда узнали, что Масхадов берется разрешить конфликт и спасти детей, по школе шарахнули из танков и огнеметов. И хватит всем каналам и каналчикам, газетам и газетенкам врать насчет арабов, негров, китайцев, марсиан и наркотиков (которые они нашли в зале, что ли? Или сделали анализ крови покойникам?). Это еще не вспомнили пресловутую бутылку

коньяка, которую спецслужбы подставили к правой руке мертвого командира диверсантов из «Норд-Оста»...

Дети были обречены в тот момент, когда поступил приказ отравить журналистку Анну Политковскую и спровоцировать драку с журналистом Андреем Бабицким, чтобы дать ему 15 суток. Они не должны были попасть в Беслан и дать правдивую информацию именно потому, что детьми решено было пожертвовать. Матери Беслана, Москвы, Питера, Краснодара и Иркутска! Вы должны понимать, что своих детей вам придется защищать от президента Путина, армии, ФСБ, МВД и прочих силовых структур.

Я не думаю, что Шамиль Басаев посягнет на тот город или регион, где жители поголовно подписались за вывод войск из Чечни. Эта страховка надежней поездки в Кремль, а пока я бы лично своих детей в школу не пускала. Так что колокол Беслана звонит по всем, кто доверяет власти и своим молчанием санкционирует ее преступления в Ичкерии, Беслане, «Норд-Осте» и других местах, куда дотягиваются окровавленные руки кремлевских чекистов. Их холодные сердца и пустые головы выбрали для России путь назад, в кошмар средневековья.

ПОИСКИ ВЕЧНОГО ДВИГАТЕЛЯ

«Новое время», №36, 11 сентября

Недаром, ох, недаром отметили мы всероссийски и все-народно казанский миллениум. Я не хочу, конечно, сказать, что «поскреби русского — найдешь татарина». Хотя если Путин удвоит свои сроки и начнет действовать к 2008 году по принципу «Яfet власть имеет», то наверняка будут говорить, что «поскреби Путина — найдешь Шаймиева». Ведь Шаймиев у нас — самый долгоиграющий президент. Как вечный двигатель. Он сидел в своем кресле при Горбачеве-реформаторе; при ГКЧП; при Ельцине-революционере он тоже сидел; при Путине-реставраторе опять-таки сидит. Он уже пересидел зицпредседателя Фунта. И не он один. У нас наметилась целая плеяда вечных, несменяемых, бессмертных (хоть открывай для них Institut, то есть Французскую академию, члены которой заседают пожизненно).

В Калмыкии на мешке с шерстью под сенью шахматной доски, как некий спикер палаты общин, заседает который

уж срок Кирсан Илюмжинов. По Степному уложению его вообще можно было, как Чингисхана, на войлоке поднять. И править пожизненно хану Вечное небо и духи, а также шаманы, их спецпредставители тоже не запрещают. Надо только помазать жиром статуэтку олгона (духа-хранителя домашнего очага) и покрошить ему немножко курута (овечьего творога). В Башкирии укоренился господин Муртаза Рахимов. То ли хан, то ли падишах, то ли шахиншах. С соответствующей статусу, стилю и должности дозировкой свободы. И у Илюмжинова, и у Шаймиева, и у Рахимова свобода давно уже выдается в гомеопатических дозах, по 10 капель на едока.

Недавно «бессмертного» полку прибыло, потому что президент Путин утвердил бывшего оппозиционера Николая Федорова на еще один срок в Чувашии. А ведь Николай Федоров тоже не первый срок разменял: он сидел у себя в кабинете еще в те времена, когда Борис Немцов губернаторствовал в Нижнем.

В Орловской губернии царит Егор Строев, у которого правят идеологический бал то коммунисты, то эрэнешники, попутно, при полном невмешательстве властей, разбираясь с «врагами народа», которыми неизменно оказываются евреи и демократы. Строевское правление истоками тоже уходит в глубь перестроечных веков.

И я еще называю самые одиозные примеры, не привлекая кавказских политических «аксакалов».

Кстати, у многих вышеперечисленных «бессмертных» есть наследники, так что власть может стать даже династической. Были же Меровинги, Каролинги и Капетинги, Рюрики, Романовы, Тюдоры, Пясты, Плантагенеты. Правда, это было в давно прошедшие времена, но кажется, политическое развитие России и постсоветского пространства тоже там, в плюсквамперфектуме. Кстати, это пространство тоже оказывает влияние на российский социум и российского президента.

А влияние это благим не назовешь. Гейдар Алиев умер президентом и передал власть сыну-наследнику. Туркменбаши будет править пожизненно (и при этом стихи тирана, уничтожившего всю оппозицию, в том числе и физически, не гнушаются переводить российские большие поэты, например Евгений Рейн). Ислам Каримов отсидел свои 15 лет и еще посидит. Нурсултан Назарбаев не выдержал светского западного тона и тоже решил остаться. Акаеву хотелось,

конечно, досидеть, но пришлось довольствоваться какими-то 15 годами. Нашла коса на камень даже в Киргизии. Зато Лукашенко уж точно никуда не уйдет после всего, что он натворил.

И вы еще спрашиваете, пойдет ли Путин на третий срок? Раз уж Россия и окрестности представляют собой сеть улусов, где правят князьки, царьки и ханы всех сортов, было бы странно российскому президенту продолжать разыгрывать из себя европейского лидера. Благо народ не только не безмолвствует, а даже кричит от восторга «Ура!» и в воздух чепчики бросает. Раз у нас феодализм, было бы странно отказывать сюзерену Путину в том, чем широко пользуются его бароны в регионах. Выборы давно уже приобрели патриархальную окраску курултаев или советов (в смысле совещаний) князя со своей «дружинешкой хороброй». Понятно, что дружинники, а после и бояре в Думе чаще кивали, чем оспаривали. А тут еще «Эхо Москвы» провело интерактивный опрос на животрепещущую тему: должен ли В.Путин идти на третий срок? И 76% продвинутой, демократической, прогрессивной аудитории «Эха» ответили «да».

При таком настроении большинства остаться на третий срок — дело техники. Читайте бессмертного пушкинского «Бориса Годунова». Чем-то целомудренные отказы Владимира Владимировича напоминают тот избирательный фарс, который устроил Борис Годунов перед Земским собором. Подобное же действие, скорее всего, ожидает нас. Придет патриарх, станет уговаривать. Народ будет рыдать: «О Господи! Кто будет нами править?» Политологи скажут хором: «Путину нет альтернативы». Патриарх скажет: «Да снидет к небесам усердная молитва православных». Статусная оппозиция скажет: «Хрен редьки не слаще, все равно нас бы не избрали». Правда, 10% вознегодуют, а некоторые (процента два) даже публично. Но из Кремля им ответят: «Вон, холоп!» И будет сцена из «Конька-Горбунка»: «...Иван заплакал и пошел на сеновал, где конек его лежал».

Причем даже конька у нас не будет. На конька «мнения народного» прочно сел В.Путин. Западотреагирует холодно и сдержанно, и западные политологи напомнят о контролируемости ядерного оружия и о том, что без Путина в ситуации нестабильности ядерное оружие того и гляди расползется. Павловский и К° подготовят политические

реляции об угрозе фашизма, коммунизма и исламизма при смене власти. Я очень хорошо помню, как Буш-старший посещал в конце 80-х СССР и в Киеве не советовал Украине выходить из Союза, чтобы не провоцировать ядерную войну при распаде державы.

Евросоюз будет очень строг, но простит ради нефти и газа. Будущее отчетливо просматривается сквозь серые сегодняшние будни. Мы с чем-нибудь объединимся и перепишем конституцию, увеличив срок до семи лет. Или просто проведем референдум и опять-таки перепишем. Словом, побежим на перрон, сядем в исторически отцепленный вагон и будем время от времени закидывать на платформу опросы ВЦИОМ и «Левада-центра». А с платформы нам будут говорить, что это все еще город Ленинград, колыбель революции и Путина.

ЯВЛЕНИЕ АНТИХРИСТА НАРОДУ

Грани.ру, 6 октября

Кажется, высказались уже все. А мы всё ставили каверзный ответ и не находили нужного вопроса (В.Высоцкий). Народ задавал риторические вопросы и получал риторические ответы. Основной вариант вопроса: как пройти к мышеловке? Хотим бесплатного сыра!

Силовые и информационные структуры Путина (а они давно уже работают в симбиозе: одна структура дезинформирует, а другая бьет по голове, чтобы эта «информация» лучше усваивалась; Сечин и Сурков как раз представляют такую пару симбиотиков) произвели ряд риторических действий. Оценили собеседников, провели кастинг вопросов. Оценили, избили, оттащили тех, кто хотел проскочить к своему президенту «со стороны». Народ услышал такие же риторические ответы. Варианты: 1. «Вы нам только шепните, мы на помощь придем». 2. «Все к лучшему в этом лучшем из миров». 3. «Будет людям счастье, счастье на века. У чекистской власти сила велика».

Более того, все политологи, уфологи, аналитики и социологи с нашего болота успели проанализировать услышанное и увиденное и сделать риторические выводы и прогнозы. У меня лично был бы к Путину один чисто познавательный вопрос, ничего личного. И то, конечно,

если бы мы с ним столкнулись в узком коридоре «Эха Москвы». Никак не в загоне, специально отведенном для неформального общения.

Я бы спросила: а знает ли он, что за всё, что он творит с Россией, ему придется отвечать на Страшном суде? Для него это реальнее и ближе гипотетического Нюрнберга или Гааги, которой его постоянно страшит Виктор Шендерович. Да и хуже, пожалуй. Сравните условия содержания Милошевича, у которого отдельный блок в тюрьме, душ, все удобства, видео, телевизор, спортзал, свидания, любые лакомства, вежливое обращение, с условиями содержания грешников в дантовом аду или на картине Иеронима Босха. Так что все симпатизанты нашего христианнейшего президента должны желать ему попасть в Гаагу, а не на Страшный суд.

Впрочем, одна юрисдикция не исключает другой. В иерархии судов, где есть и Басманный, и Страсбургский, Страшный суд выступает в роли последней кассационной инстанции, куда принесут свои жалобы и сорок тысяч убиенных чеченских детей, и утонувшие на «Курске» моряки, и отравленные зрители «Норд-Оста», и дети, сгоревшие в Беслане, и Сутягин, и Данилов, и Лебедев с Ходорковским.

А у меня возник ряд вопросов не к Владимиру Путину, а, так сказать, в мировое пространство. Лирическому собеседнику. У меня такой вот вопрос: доколе? Что еще надо сделать с нашим народом, чтобы он перестал есть глазами власть и искать у нее вымя, чтобы попить молочка? И неужели чеченской матери непонятно, что ее несчастного сына похитили и убили подчиненные главнокомандующего В.В.Путина, который их на чеченский народ и натравил? Неужели на чеченской земле, залитой кровью ее народа, надо материалы «Мемориала» читать, чтобы не спрашивать у волков, куда делись ягнята?

Жалко, конечно, побитого правозащитника, но и к нему у меня вопрос: сколько же можно спрашивать у власти, уважает ли она свою же конституцию? Еще Владимир Буковский в 60-е годы вопрошал. И теперешние правозащитники слепо повторяют заблуждения прежних, спрашивая у власти, ведает ли она, что есть добродетель. Не так страшно, что проглотят, как карася-идеалиста проглотила щука у Салтыкова-Щедрина (тоже пример, один из первых, общения власти с народом online). Страшно, что посмеются, пережевывая.

Что, боязно признаться, что не к кому здесь апеллировать, что демократию в стране уничтожают холодно и сознательно? И уничтожает не какая-то бюрократия, а именно он, Владимир Владимирович Путин. А вам неинтересно знать, почему он не пугается, что собеседников отбирали, что вопросы рассылали по регионам и что все всё теперь знают? Откуда такая храбрость? А я смотрела на этого тихого, скромного человека и понимала, что я вижу перед собой фашизм.

Ведь фашизм — это не юродствующий Жирик, не малолетние хулиганы Эдика Лимонова, не тупые скины и даже не штурмовики-баркашовцы. Всегда найдутся исполнители, чтобы маршировать, пытаться, убивать, запускать в отверстия в крыше «Циклон-Б». Государство — всё, личность — ничто. Фашизм — это вот такая беспредельная уверенность в том, что ты сверхчеловек, белокурая бестия, что остальные — лагерная пыль у тебя под ногами. Это такой, как у него, цинизм, когда не считаешь нужным даже скрывать свои махинации или свои злодеяния. Как же он презирает нас, как уверен, что отпора не будет! Черный мундир и фуражка с черепом и костями приложатся. Главное — помыслы. На все б66.

ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ В АДУ

Грани.ру, 20 октября

Представьте себе такую картину. История послевоенной Германии пошла иначе: Нюрнбергского процесса не было, немцы не раскаялись. Просто закончилась проигранная ими война — положим, удалась покушение фон Штауффенберга и союзники заключили с немцами мир. Положим, какой-нибудь ялтинский документ вернул все стороны к статус-кво: Красная армия вернулась в границы СССР, союзники тоже отошли за Рейн. Выжившие узники концлагерей освобождены, им даже заплатили небольшие компенсации. Расистские законы отменены, однако собственность еврейским предпринимателям никто не вернул: ее давно поделили эсэсовцы и прочие арийцы, не отнимать же у них?

Политические эмигранты вернулись (кто захотел). Томас Манн пожил с годик в фатерланде и уехал навсегда в США,

сказал на прощание: «Чтоб вам всегда пусто было!» Германия не разделена. Обратившегося к религии Геринга оставили руководить люфтваффе. Останки Гитлера скромно похоронили на кладбище, но памятники ему сносить не стали. НСДАП не распущена; более того, на выборах она неизменно набирает 25—30% голосов. Свастики убраны с флага, но не запрещены, а кое-где висят на полотнищах совершенно открыто. Около Бранденбургских ворот, например. «Майн кампф» изучают в школах.

Бывшие лидеры Третьего рейха живут в богатстве и почете. В их руках экономика, политическая власть, словом, все командные высоты. А в Бухенвальде помещается исправительная колония. В тех же бараках, правда, с постельным бельем и питанием получше, как в нормальной европейской тюрьме. Крематорий и газовую камеру не разрушили, не снесли. Просто не применяют. Переключка проходит на том же аппельплаце, и большая часть эсэсовцев через 15 лет после окончания войны продолжает работать надзирателями. Портреты Гимmlера висят в кабинетах некоторых работников администрации. В бывшем детском бараке помещается приют для трудных детей, склонных к побегам из дома. Их здесь перевоспитывают. Ходят заключенные в полосатых робах: что-то осталось от прежних времен, что-то пошито заново.

Эсэсовцы говорят журналистам, что теперь у них всё по-другому, не как при Гитлере, и даже устраивают дни открытых дверей. Показывают бараки, рабочие цеха, над которыми висит прежний подновленный лозунг «Arbeit macht frei» («Труд освобождает»), крематорий, газовую камеру. Хвастаются именами известных всему миру узников, погибших здесь при нацистском режиме. Божатся, что недавно к ним приезжал один очень известный эмигрант-антифашист и узнал одного эсэсовца, который состоял при газовой камере. Так вот, они долго дружески разговаривали, вспоминали былое.

Что за сюр, спросите вы? Что за фильм с Берлинского фестиваля? Нет, милые мои кролики, это не с фестиваля, это будни Российской Федерации. Замените эсэсовцев на чекистов, свастики на красные звезды, НСДАП — на компартию, и вы будете иметь полное сходство, а сюр окажется сплошным реализмом. А Бухенвальд — это тоже не метафора. Это день открытых дверей, который недавно

состоялся в Институте им. Сербского, страшном заведении, где был центр по применению карательной психиатрии к политзаключенным. Здесь «работали» наши «доктора Менгеле», врачи-преступники, трижды заслужившие Нюрнберг: создатель доктрины применения психиатрии в политических целях Снежневский, палачи-профессора Лунц и Морозов. Их портреты даже не сняли (вот вам и Гиммлер!). Здесь выносились ложные диагнозы «вялотекущей шизофрении», «брета правдоискательства» и т.д. советским диссидентам. Через этот застенок прошли Петр Григоренко, Владимир Гершуни, Виктор Файнберг, Владимир Буковский (якобы узнавший медсестру и очень обрадовавшийся), Петр Старчик, стрелявший в Брежнева младший лейтенант Виктор Ильин, Наталья Горбаневская.

И ведь психиатрическая тюрьма навечно — это было хуже газовой камеры. Больше страданий, больше срок умерщвления. И вот эти палачи работают «по специальности». И детский барак — не выдумка. Там у них есть отделение реабилитации детей-заложников. Это в месте, где нет и тени сострадания! И нисколько они не раскаялись, признали «ошибочными» только часть (малую, процента два) диагнозов, а на правильности остальных настаивают до сих пор. Нет, не следовало российских психиатров пускать обратно во Всемирную ассоциацию. Одного Буданова они несколько раз признавали то здоровым, то больным — согласно политическому заказу Кремля. Про поэтессу Алину Витухновскую 6-7 лет назад (ее обвинили в распространении наркотиков) прямо спрашивали у принимавших участие в ее судьбе депутатов-демократов: как вам ее признавать, вменяемой или нет? И никто из этих извергов не был осужден, никто не лишился диплома. Этот Бухенвальд готов для новых жертв, для новых диссидентов. Страна, отвергнувшая Нюрнберг, обречена на Бухенвальд, Майданек и Освенцим.

ТОВАРИЩИ В ТЮРЬМАХ

«Новое время», №43, 30 октября

Вот уже более 40 лет в канун Дня политзаключенного СССР, перед 30 октября, правозащитники подсчитывают политзаключенных. То есть политзэки были и до того,

как советским политзаключенным (в частности Крониду Любарскому, основоположнику даты) пришла в голову эта дерзкая и крамольная мысль: разжиться собственным праздником. День шахтера, космонавта, десантника, колхозника... А политзаключенные СССР — это тоже была профессия не хуже других.

Конечно, и КГБ, и ЦК КПСС бились в судорогах: они ведь наличие политзаключенных вообще отрицали, а тут еще оказывается, что они на равной ноге с шахтерами и космонавтами. Самое занятное, что ни один октябрь не только в разгар горбачевской перестройки, но и при полной ельцинской свободе не обходился без этого маленького «праздника».

Конец 1991-го и начало 1992-го ушли на то, чтобы вытаскать из тюрьмы взятых омонотцами на митинге студентов-анархистов Родионова и Кузнецова. Пока вытаскивали их, успели посадить «гэбульника»-ренегата Виктора Орехова. Стали вытаскивать его и вытащили, но, увы, к нему успел присоединиться Вил Мирзаянов. И пошло эстафетой: Мирзаянов — Никитин — Пасько. На чем, как пишут в школьных сочинениях, «Валуи кончились и наступили Бурбоны», то есть счастливые ельцинские времена в нашем Шпессарте сменились свинцовыми путинскими, и политзаключенные пошли попарно, потом по трое, а сейчас их у нас как никогда после августа 1991-го — 8 человек. Это самых бесспорных, на кого подавали документы в Amnesty International для утверждения статуса.

А куда присчитать чеченцев и других кавказцев, арестованных за то, что они якобы террористы. По определению и лимоновцы — политзаключенные (хотя и не узники совести). А арестованные члены ПОРТОСА* (девушки, кстати, неизвестно за что получившие большие сроки) и еще одно «женское» дело о взрыве в приемной КГБ, давшее сразу четверых политических?

Положим, освобождали и вытаскивали правозащитники не всех политзаключенных, но только узников совести (то есть тех, кто не призывал к насилию и не применял его). Но ведь наша сегодняшняя «восьмерка» и вся цепочка — Родионов, Кузнецов и до Пасько включительно — как раз узники совести и есть! Создается впечатление, что мы

* «Поэтизированное объединение разработчики теории общественного счастья» — педагогическая коммуна.

имеем дело с какой-то концептуальной «репкой», когда ни бабка, ни дедка, ни внучка, ни Жучка, ни Freedom House, ни ОБСЕ, ни ПАСЕ, ни Amnesty, ни правозащитники «на местах», то есть в России, никак не могли и не могут эту репку вытащить. Кто-то все время попадался «под горячую руку» тружеников с горячим сердцем и холодной головой. То ученый, слишком много и громко сказавший про наши грязные делишки. То правозащитник, слишком уж заступающийся за чеченцев, как Павел Люзаков. Или Стас Дмитриевский из «Общества российско-чеченской дружбы» из Нижнего Новгорода (кандидат в узники совести, уже и дело ведется по ст. 282 якобы за «разжигание межнациональной розни»), обвиненный в том, что в очередном номере «Правозащиты», фиксирующей то, что творится в Чечне, опубликовал интервью Аслана Масхадова.

В России, кстати, понятие «политзаключенный» стало входить в обиход с екатерининских времен. После ареста Радищева, явного узника совести. Свободомыслящие екатерининские вельможи, приобщившиеся к западным ценностям, выработали четкую формулу: «Вы для нас не преступник, а матушка-государыня просто разгневалась». Они даже взяли на хранение радищевские бумаги. Впрочем, со времен Ивана III, а потом и его внука Ивана IV на Руси было понятие «политзаключенный», только назывались они «опальными». Сам термин свидетельствует о том, что право здесь было ни при чем. О таких жертвах государева гнева митрополит, председатель церкви, имел право «печаловаться» (начало правозащитной деятельности). Просто при Екатерине образованное общество впервые осознало и сформулировало для себя, что в стране нет ни свободы совести (арест масона Новикова), ни свободы слова и печати (история с Радищевым; он же ведь и первую подпольную типографию устроил).

На Западе статус политзаключенного не был востребован. Сначала было понятие «изменник» (государю), в Испании он же был и еретиком по совместительству, во Франции после 1789 года (и до 1795-го) это понятие у якобинцев плавно перетекло во «врага нации», а в Англии с «компромиссом» 1688 года понятие «изменник» было навсегда устранено. В США этого и вовсе не было. Террористы же этого статуса не требовали, даже Ульрика Майнхоф и ее коллега Баадер. Уникальный случай — присвоение

статуса политзаключенных арестованным бойцам ИРА «железной» Маргарет Тэтчер после смерти в тюрьме Роберта Сэндса.

В России же с 1825 года, с дела декабристов, пришлось всерьез задуматься о содержании «политических». Царское правительство предоставило им особые права, не мешая их с уголовниками: Петропавловскую крепость или Шлиссельбург в качестве персональных тюрем, отдельный этап с жандармами и в отдельных экипажах, отдельные помещения на каторге, даже специальные помещения для ночлега по дороге. Голову им не брили, свое платье оставляли. Только Николай I это не соблюдал, и Достоевский попал к уголовникам. После эксцессов с розгами для народников и выстрела Веры Засулич к XX веку политические заключенные в России получили право не подвергаться личным обыскам, им говорили «вы», ссыльным выплачивали приличное содержание.

Даже советская власть в первые 10—15 лет не отказывалась от этих стандартов, построив специальные «политизоляторы» и дав статус «политиков», в отличие от «каэров». Не левые, враги народа, «контрики» никаких прав не имели. Даже Брежнев и Андропов кое-что оставили политическим заключенным: Лефортово в Москве и «Большой дом» в Питере как следственные тюрьмы; Владимирскую тюрьму, а после нее Чистопольскую для отбывания срока; «свои» лагеря (Пермь-35, 36, 37, мордовские зоны), отдельное «купе» в «столыпине» во время этапа.

При Ельцине политические зоны закрыли. Никогда участь политзаключенных не была так плачевна, как сейчас: общие с уголовниками лагеря, следственные тюрьмы, этапы, правила содержания. Так что сейчас быть политзаключенным по-настоящему ужасно. Политических статей в УК больше нет, все обвинения — уголовные. «Дело ЮКОСа». Пичугин, Лебедев, Ходорковский, Светлана Бахмина. Обвинения в коррупции, в неуплате налогов. Михаил Трепашкин и Павел Люзаков. Якобы хранение оружия и разглашение гостайны. Валентин Данилов и Игорь Сутягин — якобы шпионаж. Сейчас в России сажают осознанно, стараясь запугать.

Перефразируя Альбера Камю, можно сказать: «Никогда страна не будет свободной, пока в ней есть хотя бы один узник совести».

ВСЁ ВРУТ КАЛЕНДАРИ

«Новое время», №44, 6 ноября

Многострадальное примирение и такое же измочаленное согласие нашли себе новый приют, официально перекочевав вместе с выпивкой и закуской с 7 ноября на 4-е. Такая минимальная дистанция наводит на нехорошие будничные подозрения, что отбор совершался в интересах застолья: чтобы напитки не выдохлись и закуска не остыла. Потому что к примирению и согласию новая дата имеет такое же косвенное, мягко говоря, отношение, как и предыдущая. Конечно, больший ляп, чем приурочить согласие к началу Гражданской войны, массового террора, геноцида и прочих стихийный бедствий, случившихся в стране после 7 ноября 1917 года, то есть после октябрьского переворота, трудно было и придумать.

Тот праздник был печальным плодом общественной запущенности и ельцинского малодушия. Общество держалось довольно-таки увесистым большинством за эту жуткую дату, словно черт за писаную торбу. Оно и сегодня, неквалифицированным большинством согласное похоронить Ленина, квалифицированным (80 с лишним процентов) настаивает на том, чтобы Мавзолей, хоть и без начинки, остался на месте. А это уж полная шизофрения, ведь в этом оккультном здании бар не откроешь и рок-концерт не проведешь. А сакральное значение уходит вместе с мумией. Какой же алтарь без Бога?

Отмечать в качестве праздника день большевистского переворота в демократической России — это был явный анахронизм. И прозрачный намек на качество, осознанность и уровень этой демократии. Но отнять эту кость у совков, у Зюганова, у Анпилова, у Варенникова Ельцин не посмел. Он уже сдавал завоеванную территорию пядь за пядью. И своя демократическая земля становилась чужой на глазах. Страна плыла по течению, пока не приплыла к тихой путинской пристани. И вот мы в гавани, на вечном якорю, в сухом доке. Откуда же вдруг эта манна небесная — перенос одиозного праздника на дату хотя и нелепую (сейчас эту теорему мы докажем), но за дальностью времен менее раздражающую демократическое сознание?

Эту кость Путин бросает явно не нам: демократы, малочисленные, но постоянно лающие на слона, кости у него не заработали. Кость эту бросают мировому сообществу и одновременно отнимают у коммунистов. Совмещают приятное с полезным. И не потому, что идеологически абсолютно нейтральным властям (чья политическая девственность разбавлена имперско-изоляционистским коктейлем и настояна на советских корнях) так уж претит коммунистическая доктрина. Вовсе нет. Просто коммунисты — сильные конкуренты в регионах. Если не считать кандидата «против всех», они почти всегда на втором месте. А сроки его жизни, кажется, ограничены. В Москве никакого «против всех» уже нет, а скоро и на федеральном уровне не будет. Один здоровый позитив останется. «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, Партия пенсионеров. Каравай, каравай, кого хочешь, выбирай.

Так что вместо политического праздника для коммунистов и крайне левых всех сортов мы получили памятную дату для националистов всех фасонов. Ибо на этот раз согласие и примирение приурочены к Смутному времени. К самому его разгару. То есть мы со своим примирением попали из огня да в полымя. И вместо красных дьяволят («неуловимых мстителей»), комсомольцев-добровольцев, матроса-партизана Железняка, Щорса и Чапаева нам предлагается следующая обойма народных героев, и главная пуля в ней — Иван Сусанин. Из одноименной оперы «Жизнь за царя» (нельзя же раскрывать все скобки и переименовывать оперу в «Жизнь за президента», хотя хор «Славься же, славься, наш русский президент» звучал бы очень соблазнительно).

Интуиция мне подсказывает, что самодержавие, православию и народность, которыми густо насыщена ура-патриотическая опера (из которой мы полюбили один только напев, и то в основном за то, что он заменил александровский ужас), были главной приманкой для учреждения данного сюжета в качестве нового национального праздника. Беда только в том, что никакое согласие к данной дате не приурочено. Да и «польские захватчики» — такой же миф, как «мировая закулиса». Поляков привел на Русь вполне русский дворянин Григорий Отрепьев (хронологически Самозванец № 1), используя их в качестве кондотьеров.

Ни одного сражения это войско не выиграло, воевода Годунова Басманов бил его в каждом сражении, так что польская держава только теряла шляхтичей.

Так как же наголову разбитый уже под Москвой Отрепьев попал на престол? Просто Борис Годунов очень быстро прошел свой реформаторский период: закрыл границы, восстановил опалы, казни, пытки, доносы и политический сыск. А тут еще глад и мор. Народ его разлюбил, а знать просто перешла на сторону «царевича Дмитрия» в надежде на оттепель (и, кстати, получила полную «перестройку»). Поляки не получили ожидаемого Смоленска и ничем не правили, потому что Отрепьев оказался хотя и западником, но патриотом. Однако его реформы перевернули весь затхлый российский мирок и вывернули Русь наизнанку, как шубу. А силового обеспечения у гуманиста Отрепьева не было. И бояре вновь устроили мятеж, полякам устроили «Варфоломеевскую ночь», и они гибли без счета после убийства Отрепьева. Ничего себе завоеватели! Они и одеться не успели.

Однако на Руси рухнула власть, и после выгнанного очень быстро Василия Шуйского наступили полный хаос и гражданская война всех против всех. Один душегуб Болотников («народный вождь» в наших учебниках) чего стоил! Бояре в ужасе прибегли к посредничеству польского короля Сигизмунда. Тем более что появился Самозванец № 2 («Тушинский вор»). А также казачий атаман Зарубин, и это было только начало. Сигизмунд долго пытался договориться с боярами о престоле для себя или своего сына Владислава. Но пока часть бояр обсуждала с ним «кондиции» (условия), другие продолжали драться всласть. У поляков на этом чужом «празднике» точно трещали чубы.

А Сусанин сильно напоминает будущего «матроса Железняка» (все мифы сделаны по одной выкройке). И история с болотом и поляками прямо-таки из песни «Он шел на Одессу, а вышел к Херсону».

Боюсь, что главная сверхзадача нового праздника — это действительно смерть. За царя, за Отечество, за веру, за ВЧК, за президента, за ФСБ, за «Газпром». В Чечне, в Дагестане, в Кабардино-Балкарии. В «Норд-Осте». В Беслане. И главное — чтоб «с улыбкой на устах», как завещал Павел Грачев.

Что-то у нас проблемы с праздниками. Вернее, с историей. Как здесь не поверить философу Кьеркегору. «И у него нет прошлого, по которому он мог бы тосковать, ибо его прошлое еще не настало». И дальше не лучше: «Как нет и будущего, на которое он мог бы надеяться, ибо его будущее уже прошло».

Когда гражданская война завершается «примирением и согласием» после победы одной стороны над другой, как это было в Испании при Франко, — это значит, что кто-то кого-то убил и закопал. И надпись написал: «Национальное примирение и согласие». В России, судя по участи загнанных в замакарские и зателятные края Ходорковского и Лебедева и по общему направлению дел, побежденные — это западники-нонконформисты. 5-процентное меньшинство. Вот на этом большинство совков и фундаменталистов и согласится.

2006

«СЕМЬ ВОСЬМЫХ» ПРИ «ВОСЬМЕРКЕ»

Грани.ру, 13 января

Давайте займемся арифметикой. Пусть там Сальери вместе с Берлускони поверяют алгеброй гармонию, пусть биржевые акулы извлекают кубические корни из евро и пускают доллар по синусоиде. А Россия — простая страна, главное для нас — устный счет, чтобы не упустить свои же нефтедоллары.

Так вот, все каникулы бессонный «Газпром», путинское Министерство Мира, сидел на трубе и пытался унюхать, сколько газа отлили украинцы из нашей кастрюли в свою плошку. Потому что в тарелках из сервизов западных едоков углеводородов сразу же обнаружилась недостача: крупинка за крупинкой бегала с дубинкой. У «Газпрома» (то есть у Путина, за ним укрывающегося в засаде) началась форменная истерика: кто сидел на моем маленьком стульчике и сломал его? А кто ел из моей мисочки и всё выхлебал?

И я подумала, что путинский «Газпром» готов, как это сделало некогда сталинское правосудие, запретить Украине «стричь колоски». Был когда-то такой драконовский закон «семь восьмых». Закон от 7 августа. Принят в 1932 году против «расхитителей социалистической собственности». По нему можно было приговаривать к смертной казни за хищение какой-нибудь малости чего-нибудь государственного, колхозного или кооперативного. Колоски к тому моменту, после тотального раскулачивания собственников, уж точно были колхозные.

А у нас в квартире газ, но чей? Колхозный или кооперативный? ФСБ — это какая форма собственности: колхоз или кооператив? Коллективное гэбистское хозяйство или чекистская кооперация? Я думаю, что того и другого поровну. И еще немножко (процентов 60) государственной монополии. Горгаз, госзаказ...

Но как расстрелять Украину, стригущую газом колоски? (Что не доказано, но правдоподобно и с украинской стороны легитимно.) Не расстреляешь же Ющенко. И так уже отравили, а он всё живет и живет. Патриотизм президента Украины превозмог даже диоксин. Не подсылать же к нему по новой министра Иванова с конфетами или господина Черкасова с берданкой.

А поскольку стричь газом колоски можно было бы довольно долго, то Путин и «Газпром» сдались на третий день. Не 230 баксов, а 95. Прямо как в фильме: «Какое небо голубое! Мы не сторонники разбоя, на жадину не нужен нож, ты ей покажешь медный грош и сделай с ней, что хошь!» А так ведь Украине велели приходиться в школу с родителями, в смысле с НАТО и Евросоюзом.

Но если бы у России была совесть, она бы включила другой отсчет. Почему была немецкая оккупация, когда Украину по подлому, предательскому Брестскому миру большевики отдали немцам? Почему были красный террор в Крыму и харьковская чрезвычайка? Почему был голодомор? Сколько должен был за это СССР, правопреемницей которого объявила себя Россия? Сколько мы должны за уничтожение — огнем, мечом, Колымой, расстрелами и концлагерями — Западной Украины? Казни, пытки, депортации — во что это оценит третейский суд? Ведь даже культурологическое общество «Просвита» не уцелело; все его члены были уничтожены. А гибель в карцере российского концлагеря (уже при Брежневе) великого поэта Василя Стуса, украинского Рильке, во сколько кубометров газа прикажете оценить?

Пусть Украина предъявит этот иск, и я уверена, что та сумма, которую России придется выплачивать, как раз покроет потребности Украины в газе лет на 25. Слишком долго несправедные и злые империи давили маленькие, ни в чем не повинные страны, желая сделать их своими колониями. Причем Украина — часть Европы, она бы и без нас прожила, у нее хорошие корни. А Россия отстаивала свои вершки и корешки. Стыд какой! Как злая барыня, которая требовала, чтобы дворовые девки пели, собирая малину, чтобы ни одной ягодки им не досталось.

Заклученные со сталинской Колымы, которые добывали золото для господ-хозяев ГУЛАГа, а сами мерли с голода, — это и есть рынок? И вот Россия, со всеми своими

тоталитарными потрохами, становится председателем «восьмерки»: престижного клуба, «золотого миллиарда», «мирового правительства». Что это значит? Это значит, что отныне «восьмерка» отвечает за всё, что делает Россия. И за закон «семь восьмых» — тоже. У Буша под подушкой окажется ключ от лагерного барака Ходорковского; Ширак, значит, подписал смертный приговор российской гласности; Блэр держит в Таузере Сулягина и Данилова. Я теперь к данным лидерам мира чай пить не пойду: а вдруг Путин из-под стола вылезет?

ВРЕМЯ СОВИРАТЬ ВУЛЫЖНИКИ

Грани.ру, 26 января

Ну, слава Богу и ФСБ, за последнее время мы наконец поняли, чем же отличаются нежеланные шпионы от желанных разведчиков из «восьмерки», особенно если нежелательные шпионы оттуда же. Без бутылки хорошего шотландского виски не разберешься. Надо позвонить по телефону доверия на Лубянку и спросить, не стояла ли поблизости от компьютерного камня урна, в которой под мусором таилась бутылка со старым добрым вискарем и чем-нибудь на закуску. Например, бараньей ногой. Или седлом барашка вместе со стременами.

Закуску лучше всего оставлять в мусорных баках (в пластиковых пакетах с изображением «Юнион Джека»). А то еще от виски развезет и начнем мы сочинять такие же басни Патрушева, наследника Лафонтена и Крылова. Или все виски выпила Людмила Михайловна Алексеева, почтенная леди? Или выхлестали агенты разведчиков и разведчики агентов? Стоп. Не возьмут меня в аспирантуру Высшей школы КГБ (а дипломы диссидентам можно без экзаменов выдавать, мы, с нашим-то стажем, на гэбульниках собаку съели — скорее всего, черного лабрадора).

Дайте я попробую связно пересказать сенсационную информацию про Хельсинкскую группу, которая, оказывается, имеет общие цели и особенно общие средства не только с Джеймсом Бондом, но и с фондом «Евразия» через посредство МИ-5 и Муму-6. До сих пор ведь в сообщениях наших чекистов было всё понятно и логично. Правда, это была логика топора, но откуда беднякам взять другую?

Скажем, нам сообщают, что будут трясти коммерческие организации, лезущие в политический курс государства и в права человека. Будут трясти, чтобы их не подкармливали сострадательные западные фонды, которые при этой демократии живут и хотят ее всюду развести, как мокриц или тараканов, потому что и господин Путин, и товарищ Лукашенко, и его сиятельство Туркменбаши, и бабай Каримов (словом, весь наш семибратушный СНГ) давно видят демократию через прорезь прицела или баллон с пестицидами.

Ведь своим толстосумам дали так по рукам урановыми стержнями из нового пристанища несчастного Ходорковского, что они и копейки правозащитникам не дадут. Сразу сажать за измену Родине ту же Хельсинкскую группу, как в 1978 году «за антисоветскую агитацию и пропаганду», — это неудобно. Даже сам наш Дракон делает глазки правозащитникам. Вон, этой же международной агентессе Людмиле Алексеевой он лично тюльпаны в день рождения подарил. Значит, надо удушить эти «уникальные творческие коллективы», сиречь правозащитные организации, костлявой рукой голода. Чтоб не на что было снимать офис, нанимать адвокатов, ездить по стране, платить за сайты и электричество. А то Людмила Алексеева со товарищи то в Нижний Новгород мотается на процесс правозащитника Стаса Дмитриевского, то в Башкирию поедет избитых неизвестно за что горожан выручать. Как в песенке Высоцкого: «Но что ей до меня, она уже в Иране».

Вот и понял президент Путин, что ему за ней, конечно, не успеть. И принял меры. Вся страна молчит, Запад делает вид, что ничего не замечает, а правозащитники кричат как резаные: «Волки! Волки!» Надо же им глотки заткнуть, правда? Одному уникальному киселевскому коллективу уже паек отменили. Нет денег — нет канала. Одна корочка сыра осталась: Шендерович на «Эхе Москвы».

Всё же понятно, верно? И про «нежелательных иностранцев» тоже всё ясно. Зачем нам эти лорды Керзоны и Джадды? Зачем нам эти западные умники, которые «хочут свою образованность показать и всегда говорят о непонятном»? Хороший гость — к нам, плохой гость — мимо. Куда они лезут со своим международным уставом в наш тоталитарный монастырь? У нас уже железный занавес повесили на окно в Европу. А то ходят разные, а у нас

международный авторитет пропадает. И это понятно и знакомо еще со сталинских времен.

А последнее сообщение я не понимаю. Кроме того, что Людмила Алексеева правнучка Маты Хари. Я давно сходство заметила. Непонятно всё остальное. Значит, по Москве ходят английские разведчики, а за ними — агенты этих разведчиков. Ходят, похоже, парами и толпами. Променад. А ФСБ никаких мер не принимает. Разве что потому, что по Лондону ходят толпами разведчики из Москвы. Нравы изучают. Захаживают одни (англичане) на чашку кофе в клуб КГБ, а другие (россияне) наведываются на рюмку чая в МИ-5. По дороге занимаются компьютеризацией бульжников. Не поняла только зачем. Это что, вместо дупла? Или это курс молодого программиста?

Раньше, при Сталине, шпионы попроще были: битое стекло в сливочное масло подкладывали. А сейчас они вместо того в камни компьютеры пихают. Чистая гуманитарная помощь от ЕС. Только зачем так сложно? Просто поставили бы на дорожку. А наши шпионы что в Лондоне в Тауэре прячут? Может, докторскую колбасу и глазированные сырки? То-то там вороны такие упитанные. Но это их шпионские дела. Пусть там Путин с ними разбирается, его коллеги. А вот Хельсинкская группа здесь при чем? Агенты что, части кимберлитовых трубок по Москве раскидывали? С алмазами внутри? А Людмила Алексеева ходила и подбирала? Иначе я не понимаю, причем здесь Хельсинкская группа.

Тогда уж надо было четко сказать: прорыт туннель от Бомбея до Лондона с пересадкой в Москве. И в этом туннеле Людмила Алексеева встречалась с миссис Марпл и получала от нее гранты. В это скорее бы поверили, чем в то, что в английском посольстве сидят все эти шпионы, устроили там биржу труда для правозащитников, составляют ведомости и выдают деньги за подрывную деятельность. In cash. Прямо в коробках из-под электрочайника. И подписи, побольше подписей. Получатели, поручители, старшие шпионы, младшие. И подпись английской королевы.

А главное, фонду «Евразия» за что? Реакционнейший фонд, антизападный, всю дорогу с «атлантистами» борется. Объяснение одно: только эти враги демократии и Запада согласились подтвердить получение денег от английской разведки (и то, что они отравили Максима Горького).

Пить надо меньше, товарищи чекисты. И не на работе. Советовал же вам ваш основатель иметь хотя бы холодную голову. Раз уж нет ни сердца, ни чистых рук, ни умных советников, ни чувства юмора.

РОССИЯ НА ПУТИ ГАЗАВАТА

«Новое время», №6, 12 февраля

В пятом классе меня глубоко поразили один «антирыночный» роман советского классика Беляева. Сейчас о нем давно бы все забыли, если бы не культовый фильм «Человек-амфибия». А в начале шестидесятых у советских любителей фантастики зубы были на полке. Стругацкие только начинали, а западная фантастика была запретом (непонятно почему) и недоступна. Ну и читали с горя Беляева. Поразивший меня роман назывался «Продавец воздуха». Какой-то безумный делец с помощью чудака-ученого, искавшего спонсорскую помощь для научного эксперимента, решил закачать земную атмосферу в подземные хранилища и продавать воздух желающим подышать по той цене, которую он назначит. Ведь воздух — это жизнь. Кто станет спорить о цене с хозяином этой жизни?

И все шло по плану, но только в эти подземелья, в ставку дельца и лаборатории забрел путешественник и журналист. Влюбил в себя дочь ученого Нору, ученого распропагандировал, сам чуть не погиб. Но ученый и Нора раскаялись и покончили с собой; журналист бежал, чтобы предупредить человечество, которое не могло понять, почему воздух вдруг стал таким разреженным; делец же, попытавшись высосать всю атмосферу, взорвался со своими хранилищами вместе. Ошибочка вышла в расчетах. Пожадничал предприимчивый господин. А какая идея, какой бизнес-план: взять человечество за горло и заставить покупать каждый глоток кислорода, азота и водорода. Владеть ключами от жизни и смерти.

Потом был и второй роман, уже качеством лучше. Но с той же убогой моралью: смотрите, что творится при капитализме, до чего додумываются бизнесмены. Алексей Толстой. «Гиперболоид инженера Гарина». Я забыла сказать, что журналист из первого романа был левым. И Норе он долго втолковывал, что надо делиться, а воздухом торговать

и вовсе грешно. Гарин же устроился еще лучше. Изобретя лазерное оружие, он пробился к Оливиевому поясу и стал качать оттуда золото. Валюта обесценилась, биржи рухнули, мир погрузился в хаос. И Запад сделал Гарина диктатором, только бы он закрыл свою золотую лавочку. А разведчик Шельга из советской России поднял восстание и спас человечество с биржами вместе. Гарин кончил плохо: на необитаемом острове. Но план своей утопии со счастливой элитой и генетическими рабами для всех работ составить успел (у него вышло что-то вроде Хаксли — «О дивный новый мир»).

Вот уж не думала, что третья книжка из той же серии будет писаться на моих глазах. Схема одна:

1. Монополия на какой-нибудь жизненно необходимый товар в руках одного лица (или одного государства).

2. Монополист берет человечество за горло и диктует ему любые политические и экономические условия.

3. Человечество паникует и готово сдаться.

4. Благородный герой или не нуждающаяся в ресурсе страна становится на пути негодяя.

5. Негодяй бежит или гибнет, человечество ликует, герой делает резюме.

Интересно, что и у Беляева, и у Алексея Толстого в адрес «рыночника-монополиста» звучит схожее определение: фашизм. Но уж никак не коммерция.

Что-то в слабой форме подобное этим двум антиутопиям, беляевской и толстовской, мы видели в 70-е годы, когда Европу пытались взять за горло арабские страны, у которых в руках была нефтяная дубинка. Мы всё это вычитывали во франкоязычных изданиях, потому что советские СМИ, вестимо, информации об этом не давали. Нефть можно было получить с одним условием: предать Израиль, отказаться от поддержки. Франция согласилась получить нефть такой ценой, а Нидерланды — нет. Какое-то время ездили на работу на велосипедах, а по воскресеньям слушали мессу в ближайшей церкви и сидели дома. Я как раз читала запись в дневнике одного франкоязычного тинейджера, опубликованную в газете. Неслыханное дело! Уикенд без автомобиля. Так что прецеденты были. Даже Уго Чавес со своими 10% нефти, которые для себя у них закупают Штаты, и то тщится шантажировать: не буду, мол, продавать.

Самое интересное — это то, что даже Брежнев тюменскую нефть для шантажа против западных держав не использовал. Просто мы на эту нефть жили. Югославские плащи, венгерские туфли, австрийские сапоги — всё было благодаря этой нефти. И советская радость — колбаса. Правда, колбас, ветчины и сыров хватало только на Москву. И на тверских, уральских и южных конкистадоров с рюкзаками, которые ее в столице по выходным добывали. Наверное, это стоило бы назвать на лексиконе Анатолия Приставкина: «Взять жратье». То ли вдохновения у кремлевских старцев не хватило (но ведь на Афганистан нашлось!), то ли цены на нефть не было соответствующей. А здесь так называемое «возрождение России» (или тоталитаризма, что вернее) как-то прочно сплетается в одну холодную замороженную петлю.

Может быть, здесь и был элемент случайности (так уж сложилась нефтегазовая конъюнктура), но со стороны это выглядит как безжалостный умысел. Сначала государство собирает все свои ресурсы в мозолистый кулак, всё, что так или иначе ушло в частные руки во времена ельцинской приватизации. Забирает жестоко, с кровью, как это случилось с ЮКОСом. Остальные сами изъявили покорность и продали все казне, взяв даже хорошую цену. Смотрите, банк «Нефтяной» — совсем не гигант, его активы сравнительно с юкосовскими ничтожны, но господин Линшиц в розыске: он не только дал работу Борису Немцову, но и жертвовал на СПС и «Яблоко». Кормил демократов, уже списанных Путиным на берег с политического корабля. Все до нитки, до копейки, до барреля, до кубометра должно быть в одних руках и в едином строю.

А дальше начинается, собственно, сам газават. И это даже не гипербола. Что такое классический газават? Это, кажется, мщение неверным и приведение их под руку Аллаха с Магомедом, пророком его. Мы мщение неверным и увидели. Цена на газ была установлена в зависимости от верности Большому Брату. Самая льготная цена — диктатору и изгою Лукашенко, давно уже ставшему для кремлевской хунты (легитимной *de jure*, но *de facto* ведущей себя почему-то как режим каких-нибудь черных полковников или генералов латиноамериканского разлива 70-х годов) образцом для подражания и предметом зависти. В смысле

«делать жизнь с кого». Молдавии — подороже. Грузии — еще дороже (но она так бедна, что 500 баксов не запроешь). Странам Балтии — как неродным, но не слишком жестко. Во-первых, они уже в НАТО, в ЕС и ушли давно и безвозвратно. Отрезанный ломоть. Меры дисциплинарного воздействия применять поздно. А вот Украине — цена смертельная. И открытым текстом сказано, за что: за намерение уйти в НАТО, за европейский выбор. А требование одно. Чтобы всё было, как во вставной новелле про Великого Инквизитора из «Братьев Карамазовых». Чтобы вернулись и сказали: «Поработите нас, но накормите».

СНГ становится чем-то знакомым до боли, с вышками и колючкой по краям. И от нашей рыночной энергетической экономики за версту пахнет теорией мирового господства. Беляев, Толстой, Путин. Для третьей книги в серии слово «фашизм» подходит с поправкой на моды XXI века. На дизайн.

ВЫ ВОЛТАЙТЕ, ВЫ ВОЛТАЙТЕ, ВАМ ЗАЧТЕТСЯ

Грани.ру, 13 февраля

Вот мы опять и сподобились. Бродили мы по пустыне, вернее, по степи мирской, печальной и безбрежной, российской, с окнами на СНГ, что тоже, согласитесь, настроения не улучшает. Манна небесная в виде обломков ЮКОСа падала на головы разве что сонма «аггелов Его» (это в Библии так торжественно именуют спутников Сатаны). А Его-то мы и не видели и уже усомнились. И вот он явился нам, маловерным; правда, не в горящем кустарнике, а на светящемся голубом экране. Но какая мощь! Какая безапелляционность! (Я сразу вспомнила одну антифашистскую поэму.) Трех медведей только не хватало. Раз уж это наш тотем и идеал одновременно.

«Народ и ахнуть не успел, как на него медведь насел». Это в смысле анатомии отношений народа и власти, а заодно революций, выборов, смен царей и генсеков. Только начнет народ уповать на свеженького наследника, как он оказывается медведем. И как навалится, мало не покажется. И никаких там европейских тонкостей. Лапы. Шкура. Когти. Пасть. Вот и надо всюду с Грызловым ходить.

Значит, сидит во главе журналистского чертога наш президент, как марьяжный король. Журналисты тают, как мороженое. Вопросы — одни только «верноподданнические». Один слаще другого. И глупее, соответственно. Что блондинки, что брюнеты. А народ «балдеет» и «тащится». Если, конечно, верить опросам. При таких журналистах (а журналисты где, ау!) зачем нужны штурмовики? Так вот, факелов нет, и все не в форме, и Громов, хотя и угрюм, но на Рема и Штрассера все-таки не похож, но поэма, однако, припоминается: «"Хайль Гитлер!" — обезумевшие Гретхен вопят в кудряшках, взбитых, точно крем и Гитлер, наклоняясь к Рему, шепчет: "Какая ночь, партайгеноссе Рем!"»

Гретхен, кстати, была блондинкой. Когда блондинки любят президентов, это значит, что в их датских государствах (и не в связи с веселыми магометанскими картинками) завелась какая-то тоталитарная гниль. За любовь к представителям власти в демократической стране пора вводить статью УК. Как за скотоложество. А то мы уже почти доехали до уровня школьного сочинения итальянского мальчика времен Муссолини: «Дуче! Когда моя мама не молится за тебя вечером, я чувствую себя сиротой». Молится ли за Путина его электорат? Или просто скандирует «Яволь!»?

На пресс-конференции мы многое узнали. Путин вещал, как пифия на треножнике. Только его устами говорил не бог Аполлон, а генсек Андропов. Из гладких советских банальностей, лицемерия неотартюфа (пассаж о Ельцине, давшем нам свободу) и потоков крокодиловых слез над телом искалеченного дедами и призывной формой армейской службы солдата выступали жесткие рифы тоталитаризма. Мы узнали, что не нравится путинский режим только «записным советологам». Значит, делаем экстраполяцию: «советолог» — западный хулигатель советских «ценностей» 60—80-х годов. То есть президент РФ намерен достать эти протухшие ценности из ближайшего мусорного бака, отмыть добела и заново пустить в оборот. Это, видно, и есть наши национальные проекты.

И чтобы каждый имел право на труд. Чтобы крупные менеджеры и организаторы бизнеса с двумя высшими образованиями овладевали профессией швей-мотористки третьей категории. Как Михаил Ходорковский. Чтоб Лубянке угодить, нужно варежки пошить. А что такого? Морские

высшие офицеры, ученые, дипломаты, писатели работали же в сталинские времена на лесоповале. Кадры решают всё

Еще мы узнали, что правозащитниками руководят «кукловоды» из западных спецслужб. Ясное дело, в защите прав человека на территории РФ заинтересованы не ФСБ и ГРУ и даже не СВР (эти будут, видимо, защищать интересы ХАМАСа китайских коммунистов, иранских фанатиков атомной бомбы и братков: Бульбаши, Туркменбаши и Ким Чен Ира). Кроме западных разведок, никто в защите прав россиян не заинтересован. Так что президентом России надо было бы избрать или шефа ЦРУ, или главу МИ-5.

И очень искренне президент разъяснил, как он будет отвечать на нотации и замечания западных «советологов» по поводу дефицита свободы и либерализма в России: «Тыфу на вас! Собака лает, а караван идет». Собака — это «восьмерка»; в этом году Путин надеется держать ее в наморднике и на коротком поводке. Поэтому за несогласие нижегородского правозащитника Дмитриевского «мочить чеченцев в сортире», за жалость к казнимому чекистами народу ему и дали два года условно с испытательным сроком на четыре года. Если будет облаивать тоталитарный караван — значит, посадят.

А нас В.В.Путин, от имени и по поручению И.В.Сталина, будет водить по пустыне еще 3-4 срока. Пока не вымрут все, кто не хочет стать рабами. А по дороге он будет долго и сладко говорить, как птица Сириин. В расчете на то, что кроме трепы Запад никаких доказательств наличия демократии в России не потребует.

ВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ

«Новое время», №7, 19 февраля

Нам ничего не известно о реакции мусульман как во Франции, так и за ее пределами на представление в Париже XVII века пьесы Жана Батиста Мольера «Мещанин во дворянстве». А ведь там есть весьма по нынешним временам спорные сцены. Богатый и тщеславный торговец тканями, платьем и коврами господин Журден очень хотел стать дворянином. Но во Франции дворянство нельзя было купить ни за какие деньги. Тогда два ловких мошенника

из обедневшей знати предложили ему купить титул турецкого дворянина. Такой высокий титул, как мамамуши. Ясное дело, это была афера. Но беднягу посвятили в мамамуши в ходе церемониала, отчасти подсмотренного Мольером во время прибытия посольства Великолепной Порты в Париж, а отчасти выдуманного им самим. Что сказали бы сегодняшние блюстители мрачной, гробовой серьезности ислама насчет такого текста: «Магомета-господина я прошу за Джуурдина» (новое имя тщеславного Журдена). «Ты лютерана?» — «Нет, нет!» — «Христиана?» — «Нет, нет!» — «Магометана?» — «Да, да!» Или такого: полуголого Журдена хлещут веником, посвящая в мусульманские вельможи (дворяне-мошенники были еще и юмористами), под рефрен: «Не бояться, не стыдиться, если хочешь посвятиться!»

Исследователи творчества Мольера и французские историки ни о каких волнениях, поджогах, обструкциях, погромах и протестах даже не упоминают. То ли с «королем-солнце» шутки были плохи, то ли во Франции было меньше мусульман, то ли не было политиков, в таковых волнениях заинтересованных. Или — страшно сказать — мир был более терпим хотя бы потому, что разные его части были по отношению друг к другу более равнодушны и, значит, менее пристрастны. Великолепная Порта была сама по себе, Персия (Иран) — тоже.

Как же такое стало возможно: просвещенный XXI век, мультикультурный мир, глобальная сеть Интернет, «Аль-Джазира», Си-эн-эн, кварки, плазма, тайны ДНК и космоса, а человечество не стало ни толерантнее, ни гуманнее, ни умнее, и религия не смягчает нравы, а становится дополнительной линией раскола социума. Великолепная Порта у себя дома очень мало интересовалась мнением европейцев о пророке Магомете и о самом Аллахе. Конечно, если бы французы, датчане или англичане явились в Стамбул или в персидские пределы и стали рисовать карикатуры на персонажей Корана, их бы порешили на месте. Но ведь датские художники не оклеивали своими рисунками ни Бейрут, ни сектор Газа, ни Арабские Эмираты, ни тегеранские здания. И речь идет даже не о стихах Салмана Рушди, который жил в Индии, отчасти был индусом и читал Коран. Датские карикатуристы и журналисты вообще Коран не читали, похоже. Я пыталась

(тщетно) и думаю, что это сплошная поэзия, весьма сложная, запутанная, образная, не подходящая к рациональному европейскому менталитету. Магическая культура Востока, по Освальду Шпенглеру. Недаром арабская культура дала миру мозаику и алхимию. Тайна, недосказанность, чудо, красота — это есть и в Коране, и в дивных памятниках Кордовы и Гранады, и в садах Альгамбры. Ни агрессии, ни злобы, ни фанатического желания переустроить мир там не чувствуется. Изысканность и утонченность, знание и сокровища духа, наслаждение и мечта — вот что осталось от халифата, депортированного инквизицией из Испании. Кстати говоря, вместе с евреями. Так что когда сегодня президент Ирана в ответ на «происки» датских журналистов предлагает рисовать карикатуры на Холокост, он поступает не только нехорошо, но и неумно и безграмотно. Ведь евреи были товарищами мусульман по несчастью, союзниками, сокамерниками. Они вместе погибали в застенках инквизиции, вместе ушли в ссылку. Я не думаю, что неприятности, которые претерпели христиане, мусульмане, индуисты или буддисты в XIX—XX веках, могут хоть сколько-нибудь сравниться с Холокостом, когда в XX веке шесть миллионов евреев, в том числе и детей, были уничтожены самыми жуткими способами только за то, что они евреи. Так что эти карикатуры смешными не получатся.

Я согласна с учеными муфтиями и суфиями: в Коране нет никакой пропаганды войны. Не больше, чем в «Илиаде» Гомера. Библия более конкретна и доступнее европейскому уму, но даже в ней нельзя найти никаких лозунгов и призывов кого-то прикончить или силой обратить в свою веру. Отношения евреев древности с амалекитянами и филистимлянами нельзя переносить на современность. Библия и Коран писались давным-давно, это еще и летописи в форме саг. Истории народов и культур. Злонамеренные люди могут, конечно, надергать цитат, как редиски, и нужным образом их истолковать. Вложить в уста древних царей и пророков призывы сесть в самолеты и таранить небоскребы. Так и получится пародия, даже без датских газет. Так на кого же рисовались карикатуры? Странно, что это не поняли все извиняющиеся и требующие извинений. Пародировались не Аллах и не Магомет, пародировались представления о них шахидов и вообще экстремистов. Ведь как представляет себе своего Бога президент Ирана,

рвущийся в ядерный клуб? Похоже, так и только так, как это изобразили датские художники: с ядерной бомбой.

Ни мы, ни датчане, ни французы не можем толком представить себе собственного Бога, где уж нам познать совершенно чужого нам Аллаха. Неужели непонятно, что шахиды, идущие убивать себя и других на дискотеку, должны представлять пророка Магомета чем-то вроде полевого командира из ХАМАС? Ведь эти несчастные, ослепленные самоубийцы рассчитывают на награду, на гурий, на пиршества. Так что изображение Магомета с гранатометом — это не издевательство над исламом, это пятый сон шахида, даже более опасный, чем сны Веры Павловны. Обижаться на эти карикатуры тем, кто в шахиды не собирается, шахидов не вербует и ядерной бомбой размахивать не хочет, совершенно не следует.

И ведь обиделись именно экстремисты. Едва ли кто другой способен громить посольства. А вот бойкоты товаров, разрыв торговых отношений, обиды на государственном уровне — это уже хуже. Получается, что не только в Иране, но и в некоторых других государствах у власти находятся экстремисты. Чувство юмора надо иметь независимо от вероисповедания. Иначе жить на Земле будет просто невозможно.

Датчане — совершенно правая сторона конфликта. И европейские газеты, перепечатавшие карикатуры, — это такая форма солидарности, от которой мы успели отвыкнуть со времен Второй мировой, когда датские и норвежские лидеры нашивали себе на платье желтые звезды, а голландские студенты ходили с охапками желтых цветов, чтобы поддержать евреев.

Пора вспомнить и о гражданском мужестве. Избыточная политкорректность может перейти в трусость. Надо давать жить другим, но и сами жить по своему вкусу и по своей вере или неверию мы имеем право. Если в мире теперь всё перемешалось и Европа мультикультурна, то главное в своей традиционной культуре — свободный поиск, скепсис, иронию, парочку максим типа «Подвергай все сомнению» и «Не сотвори себе кумира» — она должна оставить за собой. А Высший Разум не ходит ни в кипе, ни в чалме, ни в рясе. И склоки адептов ему смешны!

ЖАЛОСТЬ

«Новое время», №9, 5 марта

Это слово выкрикивает немая девочка Сандра, ребенок какого-то злополучного врага народа из спецдетдома. Одна из самых щемящих сцен повести Анатолия Приставкина «Кукушата, или Жалобная песнь для успокоения сердца». Она, Сандра, кричит это на бегу, выскакивая из сарая, где «вражеских» детишек обложили менты и сотрудники НКВД. Она выбегает не одна, а с малышом Хвостиком, самым младшим в банде. Кукушата решили спасти хотя бы его, ведь сарай горит, многие уже убиты, остальные ранены. Ну вот и бегут Сандра с Хвостиком, и немая от нервного потрясения (ее изнасиловал некто Козел, местный начальник, к которому она была послана убираться) девочка кричит это слово.

Слишком мало жалости видели дети расстрелянных родителей в своем провинциальном голодном и холодном детдоме, слишком мало жалел их директор Чушка и прочие местные тузы, а московские особисты боялись их, ненавидели и шили дела «детей — мстителей за родителей». А ведь даже по советским законам детей врагов народа, невинных детей, народ должен был пожалеть и приручить. Чтобы в лес не смотрели.

Вся эта ситуация напоминает мне наши отношения с Грузией. В мягком, беспечном, романтическом грузинском характере, где столько детского вызова, детской гордости и детского добродушия, иногда исторически прорезались очень твердые нотки, нотки серьезные, самоубийственные, героические. Кстати, грузинская легкость и непосредственность очень контрастируют с нашей северной нахмуренностью и умением ненавидеть. Мы рядом с грузинами непоправимо взрослые.

Помните, царь Федор Иоаннович в пьесе Алексея Толстого читает письмо царя Иверии, который просится в русское подданство, потому что его теснят турки? «Ах, бедный!» — восклицает слабоумный, но добрый царь. И тут же велит Борису Годунову: «Принять его, конечно!» Это та самая история — история про начало нашего знакомства с Грузией. «Какой-то царь в какой-то год вручал России свой народ».

Лермонтов написал об этом так: «И Божья благодать сошла на Грузию. Она цвела... за гранью дружеских штыков» etc. Может ли штык быть дружеским? Это сейчас проверяют грузины, отбиваясь от наших миротворческих войск. А тогда впервые мы взяли на себя ответственность за их судьбу. Приручили? Так знайте завет Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили».

И еще следовало учесть тонкие ручейки героизма и стоицизма, которыми полна грузинская история. Но тот тайный огонь, присущий грузинскому характеру, вырвался наружу на наших глазах уже в 1987 году в великом фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние». И затем — в апреле 1989 года, на площади, где испуганные «старшие братья» не нашли другого ответа на серьезное и мощное требование независимости, кроме нервно-паралитического газа и саперных лопаток, разрубивших навсегда ту тонкую нить симпатии, которая еще удерживала вместе прирученного (наполовину) и горе-дрессировщика.

И уж, наверное, не так сладко было за сенью дружеских штыков, если в 1918 году Грузия и ее социал-демократы под руководством Ноя Жордания добились реальной независимости и так прожили три года почти без промышленности, но с хорошими мелкими торговцами и выгодными ремеслами. Даже красного террора там почти не было (хотя собственников и ограбили). Но в 1921 году явился от Сталина Серго Орджоникидзе силой заталкивать Грузию в Закавказскую Федерацию. Его обозвали «сталинским ишаком». Он ударил почтенного старика, члена правительства. И пошло-поехало.

Сталин и Дзержинский поддержали Серго, Ленин — обиженных грузин. Грузию забрали силой, сопротивляться она не могла. Но это было уже не приручение, а порабощение. Сталин был если не осетином (по сплетням эпохи), то по крайней мере русопятом. То есть он хотел казаться больше русским, чем Иван Царевич (или Иванушка-дурачок), и демонстративно плевал на чувства национальных окраин.

А Берия уж точно грузином был, но Грузии это не помогло. Она получила всё то, что прочие регионы СССР, и даже с лихвой.

Грузию и в постсталинский период не щадили. Она была очень диссидентской страной. Когда ее пытались

перевести на русский язык, на улицы вышел весь Тбилиси. И власти отступили.

Эдуард Шеварднадзе сначала был сатрапом Грузии, потом перестроечным московским демократом, потом желанным грузинским президентом, потом — выгнанным по обоюдному (при посредничестве США) желанию диктатором. Но он не изменил сути отношений: Грузия рвалась на свободу неумело и самозабвенно, она билась в клетке, расшибаясь в кровь.

Ей так трудно было строить государство и учиться работать и выживать, у нее не было ничего: ни экономики, ни энергоресурсов. Мы могли бы понять, отпустить, ободрить, дать на дорогу пироги и немножко нефти и электричества. И остаться друзьями. Но Россия поступила с Грузией, которая числилась ручной и предметом домашнего обихода, как не поступала со злейшими врагами. И то, что она такая маленькая и беззащитная, не остановило.

С помощью группы «Союз», Ардзинбы и соответствующих ребят в Цхинвали мы натравили друг на друга Южную Осетию, Абхазию и то, что при этом от Грузии оставалось. Вравили их в средневековую междоусобную войну, и они устроили друг другу геноцид и поссорились, боюсь, на века. Мы поощряли Аслана Абашидзе, не брезговали ничем, даже скрытой аннексией (поголовная выдача в Абхазии и Южной Осетии российских паспортов). А ведь они после отделения дали всем русским гражданство даже без знания языка («нулевой вариант»).

Они бегут от России к Штатам, потому что надеются обрести ту доброту и жалость, в которых мы им отказали. Они храбро бросаются на нас, но в их инвективах звучит неприкрытый ужас: они боятся нас, нашей злобы, нашего мщения.

Вы помните, чем кончается эта история у Приставкина? Обретя от страха дар речи, Сандра бежала с Хвостиком к людям в форме. А они разрядили в нее и в малыша все свои обоймы.

Так и сейчас. Во всех обвинениях грузинской стороны, во всех их нападках звучит этот окрик: «Жалость! Жалость!» Они все еще бегут к нам. А мы не слышим и стреляем в них в упор.

ВЕЛИКИЙ ПОЧИН

«Новое время», №13, 2 апреля

Нет на севере и в центральной части СНГ ни одной площади, на которой нельзя было бы поставить палатку; ни одной брусчатки, слишком жесткой для того, чтобы бросить на нее спальный мешок; ни одного населения, которое отказалось бы носить к этим палаткам горячие кофе и чай, теплую картошку и другую еду; ни одного здания, над которым нельзя было бы поднять свой альтернативный флаг; ни одной молодежной тусовки, добрая часть которой не захотела бы заночевать в этих спальниках и палатках под снегом и проливным дождем, выкрикивая в адрес своей страны «Жыве!», а в адрес своей же диктатуры или тирании «Долой!», и даже побегать от ОМОНа или на ОМОН, и даже сесть на сутки. При этом не найдется ни одного диктатора, который не помянул бы черным словом оранжевый цвет. При этом и на севере, и на юге СНГ, исключая Украину и Армению (в Грузии есть один политзаключенный, директор и владелец маленького независимого телеканала, очень критического; а обвинили господина Рамишвили во взяточничестве, что не слишком убедительно звучит по отношению к журналисту, клевавшему президента с 90-процентным рейтингом), нет ни одной страны, где эти палатки и крики были бы неуместны.

Теперь никто не скажет, что Украина ничего не внесла в мировую культуру, кроме сала, как тихо подсказывают телеканалам наши расплодившиеся державники. Положим, Василя Стуса они не заметили. Заметили его немцы и назвали украинским Рильке. Но вот «оранжевую революцию» не заметить не удалось. Эти апельсины докатились аж до Израйля. Колонны, шедшие на выручку к жителям поселений, изгоняемых с территорий согласно плану Шарона, надели оранжевую символику, благо апельсинов в Палестине не занимать. Поляки из разных демократических фракций, партий и организаций (а в Польше таких большинство) в белорусские джинсовые дни раздавали белорусам, пересекающим их границу, апельсины. С полок магазинов апельсины укатились прямо в историю, и это правильно. Мало было в истории человечества (исключая «бархатную» революцию конца восьмидесятых в Чехословакии) таких

бескровных, красивых, поэтичных, вдохновляющих народных восстаний. Восстал, конечно, не весь народ, но наиболее активная и продвинутая его половина. Что ж, это хороший процент, и с этого уже можно жить.

У белорусов еще не половина, но уже треть (треть «позавчерашних» за Лукашенко, треть вообще ни за что, лишь бы не трогали). С этим еще нельзя жить, но уже можно бороться. Тем паче что кроме БНФ, Объединенной гражданской партии, социал-демократической «Громады», «Хартии-97» и отдельно взятых историков, литераторов и журналистов, которых Лукашенко неосторожно выпихнул на площадь, лишив возможности мирно сидеть в студиях, редакциях и на редколлегиях журналов и газет, в Белоруссии имеются еще и «Зубры», взыскующие партизанское прошлое страны и так и глядящие в лес, то есть в Беловежскую пушу. Благо место насиженное, однажды там историю уже делали: трое революционеров же бывшей демплатформы КПСС ликвидировали советскую империю.

Вообще выборы-2006 войдут в анналы своими ляпами и редкостным умением действующего бульбаши собрать по амбарам и сеновалам все грабли и на них публично наступить. Конечно, никто не ожидал от белорусского «насельника», чтобы он вдруг снялся с гнезда и полетел то ли в Гаагу, то ли к московскому политическому убежищу, то ли в лесной схрон. После его предыдущих подвигов выбор небогат, а число убежищ уменьшилось, учитывая судьбу Садама Хусейна и Милошевича. Не думаю, чтобы оппозиция рассчитывала всерьез на то, что добрый «батька» поровну поделится с ней средствами на кампанию, эфиром и газетной площадью. Или даже выйдет на площадь, поцелует землю по совету Сонечки Мармеладовой и начнет каяться в своих грехах перед православным и католическим народом. Но все равно скромный и непритязательный диктатор вел бы свою избирательную кампанию иначе. Лукашенко же держал себя как взбесившийся тиран. Что это за запрещение соцопросов после падения рейтинга? Что это за 92% участников выборов, когда большой сегмент активной части населения работает постоянно в Польше, Германии, в российской глубинке? Что это за колонны покойников в списках (скончавшихся еще до Шушкевича)?

70% пришедших на выборы — это высокий процент. Его трудно достигнуть. За 80% начинается избирательная

кампания в СССР, у Туркменбаши, в Северной Корее, у Фиделя. И если в прошлый раз нарисовали больше 70% проголосовавших за «батьку», и никто не поверил, кроме России и стран-изгоев, то как можно рисовать 82% и рассчитывать, что эти выборы признают Европа и Америка? И если Алексей Пушкин, сторонник империи, Путина и Лукашенко, дает 60% поддержки действующего президента за 2 дня до выборов, то откуда же 82%!

Прелестно также получилось с 47% от «Левада-центра». Вот сколько набрано в первом (и последнем) туре, и надо думать, еще 17% из них обеспечил панический страх голосовавших по принуждению досрочно студентов и госслужащих. Правда, социологи оговорились: цифры закрытые. В смысле — правдивые, но мы этого вам не говорили. Полная тайна вкладов, то есть организации. И где-то есть либеральная заграница, она нам поможет. А кто же еще? Акт о защите свободы, Декларация прав человека, Пакт о гражданских и политических правах, Хартия ООН, третья гуманитарная «корзина» Хельсинкского соглашения... «Заграница» просто обязана помогать белорусской оппозиции. И трогательно слышать, как «экспертное сообщество» России советует Милинкевичу успокоиться и признать результаты выборов. Мол, вы же сами не отрицаете, что набрали вместе с Козулиным 30%, значит, большинство против вас. И идите домой.

Нет, с выборов началось, но избирательной кампанией это не кончится. Разве можно стерпеть, когда так насилуют, когда 500 активистов оппозиционных штабов сидят за то, что пытались просто работать на своих кандидатов, когда все встречи с избирателями — на улице, когда каждого вышедшего на площадь в воскресенье обещали «закатать в асфальт», дать пожизненное заключение, приговорить к расстрелу за терроризм? Лукашенко обезумел от страха и просто провоцирует гражданское общество. Считал, что Россия всё стерпит.

И ведь правда: терпит! Это, кстати, главный вопрос: зачем председателю «восьмерки» Путину такой неприличный союзник и такой национальный позор? Ведь Милинкевич — респектабельный, умеренный интеллектуал, он декларирует большую охоту к дружбе с Россией, это не «страшный» Зенон Позняк, вначале обозвавший избранника демократических сил агентом Москвы. Милинкевич

и газ купит, и трубу соблюдет, и готов держать нейтралитет (ни в ЕС, ни в НАТО). В чем дело?

Ответ иррационален, как и всё поведение российского президента. «Стаж» — как сказал профессор Преображенский. Стаж антисоветских подходов и антизападных фобий. Неумение иметь дело с порядочными, независимыми партнерами.

То есть опять советский хвост вылез. Так что великий украинский почин будет востребован и даже необходим. И придет день, когда сама Россия поймет: надо идти на оранжевый свет. Больше некуда.

КОЛ И ПРОТОКОЛ

Грани.ру, 7 апреля

В бывшем царстве, в тоталитарном государстве жил да был добрый молодец, министр иностранных дел. А в другом бывшем королевстве, в авторитарной республике, жил другой министр таких же темных иностранных дел. И оба министра впутывались в чужие дела как в свои. А когда два фюрера наших министров (фюреры были глупые, жадные, злые и недалёковидные) решили распилить Европу на двоих, два резвых министра подписали некий пакт, и он остался в истории под их двумя фамилиями, навек опозоренными.

Узнаете персонажей этой шарады? Два глупых фюрера — Гитлер и Сталин. Один и вовсе сломал себе шею на крутых исторических поворотах, другой сначала дал маху и чуть было не задал стрекача, но потом ему повезло с народом, который согласился идти в топку миллионами, чтобы Иосиф Джугашвили украсил себя лаврами победителя — без полководцев, без нормальной стратегии, без материальной базы.

Сначала немцев собирались закидывать шапками. Но шапок и полушубков, валенок и варежек тоже не хватало. Гитлеровскую Германию закидали трупами. Трупами российских солдат. Вот чего не жалели на Руси. Вчера. Сегодня. Завтра. Никогда на Руси этого не жалели: русские бабы нарожают еще. И бабы рожали: в избах, в бараках, питаюсь черным хлебом с отрубями, почерневшие от горя

и забот, старухи в 40 лет, они рожали без обезболивания и антисептики, рожали пушечное мясо.

Пакт этот был преддверием Второй мировой войны. Пакт Молотова — Риббентропа. Конечно, поровну поделить Европу не удалось, и два глупых хищника перегрызлись из-за шкуры неубитого медведя. Сталину дали пол-Польшу, Бессарабию, страны Балтии, но ему показалось мало.

Однако сталинское прижизненное благополучие было мимолетным. Во-первых, его отравили. Во-вторых, судьба его сыновей была ужасна, а дочери — несчастна. В-третьих, посмертно он был развенчан, низвергнут и опозорен. Хотя бы в форме выселения из Мавзолея и разрушения памятников. А то, что ему принес пакт Молотова — Риббентропа, где оно сегодня? Независимая Польша ушла навеки, ушла с проклятием на устах. Молдова независима (только Приднестровье застряло) и через несколько лет безусловно присоединится к Румынии. Когда вымрут те, кто родился в советском рабстве. Один язык, одна история. Молдова хочет объединения, и Румыния хочет. Страны Балтии вместе с Польшей в НАТО. Они тоже ушли, они вернулись в Европу. Историческое возмездие настигло и Риббентропа, и Молотова (у которого Сталин посадил даже жену), и Сталина, и Гитлера.

Но на наших глазах в сытой и свободной Европе заключен новый пакт. Пакт между диктатурой и автократией; и так как никто не знает фамилии белорусского министра, а Сергей Лавров слишком подчинен, роль его ничтожна, поэтому пакт называется просто «Пакт Путина — Лукашенко». Пакт 1939 года был заговором против Польши, Румынии и стран Балтии. Пакт с Лукашенко заключен против Европы и против белорусского народа.

Что собираются делить тиран и автократор? У Беларуси ничего нет, кроме протестной молодежи, Беловежской пуши, чернобыльской зоны и залежей калия. России, захлебывающейся в потоках нефти и задыхающейся от избытка газа, это не нужно. Зачем Путину неприличный опереточный диктатор из фильма Чарли Чаплина? Зачем отнимать надежду и свободу у тихого славянского народа, который (согласно программе Милинкевича) даже не просится в НАТО и ЕС? Ведь с Лукашенко нечего делить, кроме стыда, позора, дурной молвы, списка стран-изгоев...

Если вы хотите сказать, что я преувеличиваю, то сделайте скидку на век и обстоятельства. Когда-то гитлеровские

каратели убили в Беларуси каждого четвертого. Молодежь ушла в леса, началась партизанская война. А Лукашенко, кажется, готов пока избить и арестовать каждого четвертого. Тюрем для мирной оппозиции уже не хватает, выборы прошли в такой форме, что это уже не нарушения, это публичное надругательство над парламентаризмом и конституцией. Результаты объявлены такие, что даже куры смеются, рискуя кроме птичьего гриппа впасть еще и в птичью истерику. А Россия — одна из всех европейских стран — признает сфальсифицированные результаты выборов.

Что объединяет англо- и немецкоязычного лошеного Путина с безграмотным и деревенским Лукашенко? Страсть. Их объединяет страсть к Совку и ненависть к Западу, они оба хотели бы вернуться в СССР. Они преуспели в новой жизни (чай, не в колхозе подвизаются и не в немецкой глубинке). Но Лукашенко хочет тянуть из России деньги, а для Путина Беларусь — его несбывшаяся, хрустальная мечта, идеал. И вот, как в пьесе Шварца «Дракон», оба диктатора с помощью МИДов и ФСБ твердят: «Не сажайте меня на кол, а дайте огласить протокол».

Всё будет как всегда. Сгорят в горниле времени лживые протоколы, Беларусь уйдет в Европу, а Путин спокойно умрет в своей постели. И только российская история никогда уже не извлечет из себя этот кол позора за «пакт Путина — Лукашенко», за 2006 год.

ПОСЛАНИЕ В КАЗАРМУ

Грани.ру, 19 мая

Зря я в эфире у Матвея Гананпольского на «Эхе» ляпнула, что президентское послание будет пустым трепом. Теперь хоть извинения у Путина проси. Нет! Его послание полно глубокого, зловещего смысла. Нашу жизнь он уже расписал и определил на десять поколений вперед. А нам выделил место у параша. Если, конечно, мы пойдем туда, куда он нас послал. А послали нас, с одной стороны, back in USSR. А с другой стороны, далеко вперед, в некую неототалитарную реальность, где выращивают клоны для разных подсобных государственных нужд. Прямо-таки почище, чем в фильме «Остров».

И Рузвельт пригодился. Его свалили в ту же кошелку, к комиссарам и комбедовцам. Чтоб никто, знаете ли, не

наживался за счет других, за счет большинства. Это Путин про равенство и братство. Строили-строили капитализм 15 лет, да и надорвались. В социализм домой поехали. Всем народом, кроме лично товарища Путина и другого кремлевского начальства. На них не распространяется. Они уже ЮКОС распилили и трубу скоммуниздили. Это и есть развитой социализм: за одно упоминание терминов «доллар» и «евро» будут скоро по 8 лет давать, как при Хрущеве и Брежневеве за валютные операции. «Цеховики» вроде неформалов Ходорковского, Лебедева, Пичугина, Алексаняна будут париться на нарах, если их вообще не расстреляют, как когда-то валютчика Рокотова, приняв новый закон и придав ему обратную силу. А начальство будет пользоваться всем ВВП в три горла, как Змей Горыныч. Как при Советах, только побольше и посмелей. Не дохлая «чайка», а «мерседес»; не задрипанные Сочи, а Лазурный берег; не Кабардино-Балкария, а Куршевель. И всё приватизировано.

У страны будет политэкономия социализма, то есть равенства в нищете, а чекистские феодалы все упрячут в карманы брюк от Версаче (которые все равно на них смотрятся как военные шаровары с лампасами). Почище, чем у Кошея Бессмертного: труба в сундуке, а сундук надежно заперт, ключ на Лубянке, а на сундуке сидят Президент и К°.

Ненавидеть будем Запад, в частности США. Это и есть загадочный товарищ Волк из президентского послания. Товарищ Медведь собирается защищаться от мягких замечаний товарища Волка с помощью ядерных субмарин, прочей атомной чепухи, тополиного пуха в шахтах и других дубинок неандертальцев XXI века.

Путин хочет получить право быть сатрапом, варваром, деспотом, право плевать на всякий гуманизм, либерализм и прочие демштучки. Ему почему-то кажется, что ракеты, подлодки, летчики-пилоты, бомбы-пулеметы скроют пустоту и однозначность нашего ТВ; колючую проволоку лагерей, где уже собрался порядочный отряд политзаключенных; полицейский режим и быстрое исчезновение всяческих свобод. И что ни Европа, ни Америка не посмеют нам тыкать в глаза нашей диктатурой, если мы сможем и в ООН, и в Совете Европы, и в «восьмерке» сказать: «Ваше слово, товарищ Маузер!»

Предупреждали же тертые диссиденты насчет членства в «восьмерке»: посади одно животное за стол, оно и ноги

на стол. Кстати, это же самое животное стало править после господина Смита оруэлловской «фермой животных» и выдумало формулу: «Все животные равны, но одни равнее других». Словом, президент проложил своей грудью нам широкую, ясную дорогу... к казарме.

Дело за немногим: за солдатушками, бравыми ребятами. Они же из трубы не повылезают, а привлечь наемников мы не сможем: в нашу армию ни один Рэмбо служить не пойдет (лучше уж с вьетконговцами дело иметь, чем с дедами). И с клонированием новобранцев не выйдет номер: нечего было генетику лженаукой объявлять. Одна надежда на женщин, чтобы опять коня на скаку останавливали. Хорошо бы, конечно, как в рассказе Джона Уиндема: в далеком будущем там вывели женщину-мать весом 300 кг, которая рождает по 4 близнеца каждые 4 месяца. Но опять дают о себе знать недоработки с генетикой. Значит, пусть уделом россиянки будет гитлеровская триада: Kuche, Kinder, Kirche (кухня, дети, церковь). И пусть они плодятся, как крольчихи или свиноматки: побольше и без всяких забот о будущем своего потомства. Из кроликов понаделают рагу, из поросят — колбасы и окорока. Не считая свиных отбивных. Если есть свинья-медалистка, то почему бы не быть женщине-медалистке? За производство пушечного мяса. Старая песня: «И роди богатыря мне к исходу сентября». К осеннему призыву. У царя Гвидона еще был вариант: из волн морских выходили 33 богатыря и старшина Черномор. У царя Путина вариантов нет.

Но я, бабоньки, не советую. Давайте организуем общество «Не родившие для Путина». Ведь есть такие благородные виды животных, которые в неволе не размножаются. Примкнем и мы к ним.

НАТА ЗДЕСЬ ВОЛШЕ НЕ ЖИВЕТ

Грани.ру, 16 июня

Итак, вторая крымская война завершилась для России еще больше трагедией, чем первая. Если кто по беспамятству — истерическому, патриотическому и историческому — продолжает считать Севастополь городом русской славы, то могу дать справку: Крымская война, случившаяся по поводу крайней наглости российского императора Николая I,

палача декабристов и душителя свобод, вовсе не была для России победоносной. И началась она с того, что Николай Павлович решил даже не победить, не разбить, а совсем уничтожить Турцию и забрать себе все Балканы.

Россия, по скромному мнению Николая Павловича, была единственной сверхдержавой, и такой однополярный мир его вполне устраивал. Англию он считал ни за что, а Франция в его глазах еще была изгоем, рассадником трехцветной революции, содержанкой то ли Робеспьера, то ли Бонапарта. В ее пышных юбках и локонах гнездилась нестабильность.

Видя, как лихо Россия шурует в международных делах, Англия и Франция решили ее немножко осадить. Вот отсюда и Крымская война. Отсталая, но заносчивая Россия, подавившаяся царской вертикалью, запуганная николаевскими бюрократами, лишенная военных талантов 1812 года (таланты были в рудниках), пренебрегшая военной реформой, была страшно разбита.

Город русской славы Севастополь был взят англо-французскими войсками (так что в тот год он стал городом англо-французской славы), Россия лишилась права иметь флот на Черном море вообще; ее надолго, до русско-турецких войн Александра II, отлучили от ее любимых проливов — Босфора и Дарданелл. Хорошо еще, что у России тогда водились сильные дипломаты. Заключенный в Париже мир был для нас унижителен, но оставлял шансы. Однако Николай Павлович был в таком шоке, что не стал дожидаться трактата и отравился еще в 1855 году. Вот вам и слава. Мифы и легенды древней Скифии.

Зато этот позор и срам подвиг следующего императора, Александра II, к великим реформам. В том числе и военной. Армию привели в порядок (как и суды, и университеты, и земства, как и крестьянскую волю), и вот умный Александр закончил (не победив ту же Чечню) Кавказскую войну и в 70-е годы XIX века переиграл крымское поражение, поставив Турцию на место и разбив султана так, что балканские народы до сих пор нам благодарны. Поражение учит даже «сверхдержавы».

А вторая крымская война пошла уже как фарс (прав был философ!). Бедное мирное, давно уже гуманитарное, более похожее на Корпус мира, чем на военный блок, НАТО в количестве двух сотен кортиков морских пехотинцев

с одним пулеметчиком на всех, с подъемным краном и тесом и дранкой для 23 домиков (то ли плотники, то ли и вовсе стройотряд) высадилось, согласно бывшим договоренностям, на пляж Феодосии.

Ну захотелось Украине поиграть с НАТО в военную игру «Зарница», ну и что? Это как в теннис: играть с НАТО в одной команде престижно и элитарно. Но пара сотен одуревших и озверевших совков, забывших, что холодная война кончилась в 1991 году, и ничего не знающих о НАТО, кроме якобы приданного ему номера 666, заголосила. Что такое НАТО? На это путаны, отказавшиеся усладить натовцев, и персонал здравниц, отказавший им в обеде, воде и канализации (это вместо того, чтобы получить хорошие чаевые в у.е.), а также совки, судя по внешнему виду, еще бравшие у Врангеля Перекоп вместе с большевиками, ничего бы не смогли ответить. Кроме «Где живет Ната Жо? Ната ниже этажом!»

В общем-то, НАТО — это США, Великобритания, Франция, Бельгия, Турция, Эллада и еще более безобидные страны. Совки ездят туда на курорты и в шоп-туры, ходят по Бродвею и Трафальгарской площади и могли бы уже перестать пугаться. Но эти четыре буквы! Н.А.Т.О. Число Зверя, код да Винчи, Формула-1, Anno Domini... Интересно, кстати, что ни одного желто-голубого украинского флага у той орды, которая стояла горой на пляжах под горами, не было. А только красные серпастые да еще российские. Какую страну защищали аборигены, пожелавшие съесть американского Кука? «У гранитных склонов Карадага часовые Родины стоят»...

В Крыму навалом национальных изменников, и все на пляжах. А вся защита национальных интересов лежит на крымских татарах, которые не позволили поставить памятник Сталину в рамках культурной группы в честь ялтинского позора: Генералиссимус, Черчилль, Рузвельт. Кому охота проводить отпуск в сумасшедшем доме? И вот курортный сезон сорван, а «НАТА» посмотрела на этих оглашенных, заскучала и уехала восвояси. В Европе много стран (и Польша, и Чехия, и Венгрия, и Латвия, и Эстония, и Литва, и несть им числа: скажем, Черногория или Хорватия тоже на теплом море стоят), которые будут рады поучиться вместе с «НАТОй».

Россия, манипулируя крымскими душевнобольными, в очередной раз прогнала от себя (и от Украины тоже) цивилизацию, прогресс, Европу. Теперь и Феодосия, и Симферополь, и Алушта тоже стали «городами российской славы». Спасибо патриоту Затулину. Крым — зона «без НАТО», без Украины, без царя в голове. Вот только жаль, что «оранжевая революция» от красной контрреволюции не умеет себя защищать. Если Рада еще пару месяцев с правительством проканителится, то безнатовские совки до Киева доберутся. Длинный и поганый язык доведет.

СТАТЬЯ ДЛЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА

«Новое время», №26, 2 июля

Был бы Пушкин, а статья найдется. Такой эпиграф можно предпослать к тексту поправок, которые накулинарули придворные депутаты, вечно озабоченные тем, что не все инакомыслящие и инаковидящие (а один раз в месяц еще и инакоговорящие в эфирах «Свободы» и «Эха Москвы») посажены в тюрьмы в их вертикальной зоне. Увы! Августовская революция отменила самые актуальные для путинцев статьи УК из бывшей «особенной части» УК, то есть политические. А без них как без рук. Ни 70-й, ни 190-й! А их можно было очень красиво перефразировать и переписать, приспособив к потребностям времени. Вместо «антисоветской агитации и пропаганды в целях подрыва и ослабления строя» — «антироссийская агитация в целях подрыва и ослабления стабильности». Вместо «клеветы на советский общественный строй» — «клевета на российскую действительность и национальные ценности». Но робкие думцы убоялись этих аллюзий и параллелей и сели изобретать велосипед.

Цитирую законопроект, вернее, его преамбулу, полную ностальгии по полновесным идеологическим статьям, по звонким семилетним приговорам (плюс пять «по рогам»), по фанфарному безмолвию и многодумному безмыслию во всех эфирах и во всех газетах. Вот оно, профессиональное негодование Министерства Любви, вот суровый гражданский протест ущемленных в своих фундаментальных правах палачей: «...так, пользуясь пробелами в законодательстве, фактически стала возможной публичная деятельность лиц

(в том числе в СМИ и в Интернете), которые напрямую не призывают к осуществлению экстремистской деятельности, но в завуалированной форме побуждают к ее осуществлению или допускают возможность такового осуществления. При этом авторы подобных материалов, а также лица, причастные к изготовлению этих материалов, не признаются лицами, осуществлявшими экстремистскую деятельность, и практически не могут быть привлечены к ответственности за указанные деяния».

Любое государство сочло бы себя навеки осчастливленным, если бы его граждане не занимались экстремистской деятельностью. А если бы они вдобавок еще и не призвали к ней, это уже было бы не государство, а настоящий заповедник, и туда впору было бы входить в медицинском халате и в бахилах, как в музей или лабораторию. Но нашему государству этого мало. Тем более что «представляется, что имеющийся в федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» набор признаков экстремизма уже не в полной мере соответствует новым угрозам и вызовам, которые встают перед государством и обществом в настоящее время». То есть чем больше стабильности и чем выше рейтинг гаранта, чем выше цена на энергоносители и чем больше политиков, бизнесменов, чиновников и знатных писателей и актеров проваливаются в единые медвежьи берлоги и вылезают оттуда, держа в когтях партбилет, тем больше, оказывается, в обществе вызовов и угроз. Вам это ничего не напоминает? Мне так давнюю и свежую, как выяснилось, мысль товарища Сталина об усилении классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму.

Так вот, наше государство не просто преследует всех, кто осмеливается звать народ в другую сторону: на Запад, к парламентаризму, к открытому обществу, в реальный либеральный капитализм. Государство принимает и выискивает мыслепреступления. Впору Полицию Мысли создавать. Возможно, эту функцию взяло на себя объединенное ведомство Суркова — Павловского.

Я не случайно начала с Пушкина. По этим новым поправкам Николай I просто обязан был бы посадить поэта в Петропавловскую крепость. В Алексеевский рavelин. Побуждение кого-либо к чему-либо «в завуалированной форме» прямо отправляет нас в советское вчера или даже

позавчера, когда при Брежневе, Хрущеве или Андропове следователи доказывали подследственным, что они явные антисоветчики и разрушители строя, раз требуют свободы слова, печати или вывода войск из Чехословакии в 1968 году.

А еще раньше сталинские следователи пытали людей, разорвавших газету с портретом Сталина или не повесившим дома его светлый лик, чтобы заставить их признаться в намерении организовать покушение на жизнь вождя. Намерение, скажем, было очень сильно «завуалировано», но сталинские соколы видели сквозь металл и читали в душах, как в открытой книге.

Так вот, Пушкину повезло. Он жил в либеральную эпоху. У Николая I не было такой Думы и таких депутатов. Разве пушкинское стихотворение «любви, надежды, тихой славы» не гарантировало поэту хотя бы 10 лет? «На обломках самовластья напишут наши имена»? Вот вам и побуждение к осуществлению революции. Но еще любопытнее — это как «допускают возможность осуществления экстремистской деятельности». Здесь погорят все пророки и футурологи, политологи и аналитики. По этой поправке преступен политолог, предсказывающий, что моральное и материальное разрушение Чечни приведет не только к терроризму, но и к распространению войны на весь Кавказ. Умные люди предупреждали о возможности «Норд-Оста», Беслана, взрывов в метро. Значит, «допускали возможность осуществления экстремистской деятельности».

Пушкину хорошо, он до поправок не дожил, а то за его «Кинжал» не миновать бы ему каторги. «Свободы тайный страж, карающий кинжал, последний судия позора и обиды». Явное допущение экстремизма. Но самый главный перл и яхонт в поправочках — это публичная клевета в отношении «лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ при исполнении ими своих должностных обязанностей, соединенная с обвинением указанного лица в совершении деяний, содержащих признаки экстремистской деятельности, либо в совершении тяжкого преступления». Словом: «А ну-ка, парень, подними повыше ворот, подними повыше ворот и держись. Черный ворон, черный ворон, черный ворон переехал мою маленькую жизнь».

Это ворон ворону глаз не выклюет. А экстремист экстремисту — запросто. Теперь если скажешь, что господин

президент «распилил» ЮКОС или осуществил геноцид в Чечне, или задушил СМИ, то как раз в экстремисты и попадешь. Даже про Ткачева нельзя сказать, что он нацистскую политику проводит. Даже Рамзана Кадырова бандитом нельзя назвать. Ни про генпрокурора, ни про «винодела» Онищенко, ни про «басманных» судей, ни про министра Иванова. Даже про Суркова, нашего Торквемаду, ничего не скажи. Слово и Дело Государево!

Вот такую статейку хотел съезд нардепов при Горбачеве принять, да народ возмутился — и не прошло. Тогда с ярмарки ехал тоталитаризм, а сейчас, похоже, мы едем.

НЕКОНВЕРТИРУЕМОЕ ЗОЛОТО

Грани.ру, 24 августа

В Украине вроде бы всё утряслось — так считают европейские эксперты. Так считает даже куда более близкий нашему сердцу Егор Гайдар. Только вот что-то эту точку зрения разделяют и те эксперты из-под кремлевской стены и из-за лубянского тына, которые так дергались и мрачнели от перспектив роспуска Рады, прежнего «назначения» премьер-министром (и дружного единогласного парламентского одобрения) ужасной и прекрасной Юлии Тимошенко. Сколько было по этим поводам слез и угроз! Народ на выборы не пойдет; народ бюллетенями забудет «Нашу Украину»; народ окончательно выберет «Партию регионов»...

Все довольны, особенно «донецкие». Похоже, экономический мяч на их поле. А вдруг захотят переделить? Отбить то, что отняла у них «наша Юлия». Егор Гайдар говорит, что он им такой глупости не посоветует. Ну да ведь не похоже, чтобы Янукович стал с Гайдаром консультироваться. Они там сами с усами, а то давно бы обратились к Гайдару, к лучшему в Европе (да и в мире) специалисту по переходной экономике, чтобы он стал у них первой экономической скрипкой и сделал им реформы, спокойно и до конца, как Лешек Бальцеревич в Польше и как Людвиг Эрхард в послевоенной Германии. Что же изобретать велосипед, когда Гайдар давно его изобрел; только вот в России на таком «велике» не покатаешься.

Но если Украина не Россия и жаждет рыночных реформ, то почему Гайдара не зовут? Янукович, что ли, будет у них

за реформатора? Да и Тимошенко в свой премьерский период заставила Ющенко поседеть, раздавая пособия по родам в 2000 долларов, обещания, пенсии как в США и прочие блага, на которые у Украины если и будут средства, то лет через 50.

А кто же недоволен назначением Януковича и всей этой «победой демократии», кроме самой Юлии Тимошенко? Еще недоволен Майдан. Те лучшие люди Украины, осипшие и простудившиеся на ледяном Майдане, победители Снежных королей и Снежных королев. Это их руками и сердцами был сделан президент Виктор Ющенко, это они сделали тот самый украинский демократический выбор. Это они дали Ющенко мандат из чистого оранжевого золота. Мандат на то, чтобы не была потеряна честь. Мандат на отказ от политиканства. Мандат на то, чтобы вернуться к реакционной России задом, а к рассветной Европе — передом. Они ушли в Интернет и там жалуются настоящим российским демократам, которые способны понять, что их предали.

Мы знаем, что такое предательство. Так Ельцин предал Гайдара, заменив великого реформатора невежественным Черномырдиным. Так он предал идеалы Августа, начав первую чеченскую войну. Так он предал верных ему демократов, передав их всех в мешке, как крепостных, следующему хозяину — Путину. Так он предает и Август, и свое собственное дело, и всех нас, кто его не предал ни разу, своим сегодняшним молчанием и полным отсутствием протеста на фоне путинских бесчинств именно в том, что было ельцинской заслугой и даром России: в сфере Великих Демократических Реформ.

Люди ЮКОСа, Данилов и Сутягин, НТВ и Ren-TV — это все были птенцы ельцинского гнезда. Их ошипали и жарят у него на глазах, а он молчит. Прямо-таки вспоминаешь про того коллегу Галилея, который «был Галилея не глупее. Он знал, что вертится Земля; но у него была семья». Семейей первого президента РФ являлась прежде всего Россия; и нельзя действовать ей в ущерб ради интересов населения своей отдельной квартиры. Так что мы украинских демократов понимаем.

Виктор Ющенко решил, что может конвертировать оранжевое золото Майдана в любые политические решения. И ошибся. Это золото оказалось неконвертируемым ни

в компромиссы, ни в сделки, ни в отступления, ни в цены на газ и нефть, ни в умиротворение Путина. Ведь Майдан собрался, чтобы не прошел Янукович. Когда же лукавил Ющенко — тогда или теперь? Если правы сценаристы фильма «Операция "Профессор"», если стоило морозить лучших людей страны несколько месяцев на Майдане, если Янукович — чудовище и агент российских реставраторов СССР, то тогда делать его премьер-министром никак нельзя. А если можно, тогда зачем был Майдан? Какая-то здесь неувязочка.

Правда, Янукович подписал Универсал. Но это мало кого успокаивает. КПСС в свое время много чего наподписывала: Пакт о гражданских и политических правах, Хельсинкские соглашения вместе с «третьей корзиной» правозащитного толка. Диссидентам в тюрьмах и лагерях это не слишком помогло.

Майдан — это точка отсчета и мерило всех ценностей. Именно он, а не нефть, не газ, не экономика. С точки зрения Майдана, Юлия Тимошенко — своя, а Янукович — чужой. Ющенко приобрел весь мир, но потерял Майдан. Зачем ему весь мир без Майдана?

СТРАНА ПРОКЛЯТЫХ

Грани.ру, 7 сентября

У Джона Уиндема есть жуткая повесть «Деревня проклятых». На эту деревню упал некий луч с инопланетного корабля, и новая биологическая программа стала осуществляться с пугающей четкостью. Родились у забеременевших от иноземного вируса женщин чудо-дети, и так они испугали землян, что те их уничтожили...

А если не деревня, если целая страна? Инопланетяне не понадобились. Советская власть так обрабатывала население, что оно стало рождаться проклятым из поколения в поколение. Генетическое проклятие. В коде ДНК. Мы наблюдаем, может быть, последнюю серию из этого сериала: Беслан.

Минул год. На развалинах школы заплаканные родители выпустили более 300 белых шаров. Путин сказал несколько холодных, напыщенных и лживых слов. О вечной памяти, о единстве в беде. Удивительно, что он еще не

заявил о том, что пепел детей, сожженных из огнеметов по его приказанию (или попушению), стучит в его сердце.

Но я думаю, что здесь дело не в пробудившейся совести. Просто он Шарля де Костера не читал, увы. Теоретически можно себе представить, что глава государства «не знал». Нас этим удивить нельзя. У нас даже один реформатор не знал про Тбилиси и саперные лопатки и про Вильнюс и танки у телебашни. Проспал. Но как только узнал, так и приказал остановиться. Что правда, то правда. Остановил. Иначе в Тбилиси трупы грузили бы сотнями, а в Вильнюсе передавили бы не 13 человек, а 13 тысяч. Как в Китае на площади Тяньаньмэнь. Но Ли Пэн, Дэн и Ху Цзиньтао не верят в богов. А вот благочестивый Путин, который половину икон России уже перецеловал, должен был бы убояться грядущего ада. Беслан. «Норд-Ост».

Чернобыльские детки, отправленные на парад под радиацию или оставленные ради пропаганды (мол, ничего у нас не взорвалось, всё врут гады-капиталисты) в ближайших к саркофагу школах и умершие от лучевой болезни.

Бесланские и нордостовские родители уже нашли друг друга и вместе плачут. А генералы, альфисты, бездушные государственные мужи продолжают врать. Но это бесполезно. Сталин мог всё себе позволить, но даже он Михоэлса приказал убить тайно. Великого артиста мертвым привязали к бамперу грузовика и ударили о стену. Вот так у нас «попадали под автомобиль». И поляков, все эти тысячи офицеров, расстреляли тайно и зарыли в Куропатах, свалив преступление на немцев. Не могло помочь. Есть черная книга, в которую вписываются злодеяния, есть память, есть история, есть приговор потомства.

Сегодня мы знаем всё. И те, кто сам не злодей, воздадут тирану и злодею Сталину по заслугам.

А как заметали следы гитлеровцы! Золу из Бабьего Яра по огородам раскидывали, печи перед отступлением снесли! Однако выжил солдат Федор Ершов и всё рассказал. Сегодня мы знаем всё. И про Беслан, и про «Норд-Ост», и про 40 тысяч убитых и искалеченных чеченских детишек. Мы — страна проклятых. И те комиссары, которые с нами 70 лет «работали», сделали нас, в отличие от мидвичских детей, не продвинутыми, а задвинутыми. Ко второму черному юбилею Беслана подоспели материалы из доклада Савельева. И стало ясно, что по несчастной школе стреляли

из огнеметов, гранатометов и танковых орудий. Да еще с вертолета на нее что-то кидали.

«Убийство? Да! Убийство из убийств, как ни бесчеловечны все убийства». Убивали не террористы, убивала своя, федеральная власть (так же как и в «Норд-Осте»). Вы скажете, что могли начать палить от глупости, с перепугу. Но переговоры вести не позволила Москва; число заложников уменьшать до 300 с чем-то телевизионщикам приказала Москва; принять посредничество Масхадова, который один мог бы приказать освободить детей (и приказал бы, и тогда президента, законного президента ЧРИ, который выше Басаева, послушались бы), тоже Москва не позволила. И Дзасохову идти в школу под страхом ареста не дали тоже из Москвы. И кто у нас в Москве всем распоряжался? И ведь не Пушкин, а Путин. И никого из военных он за такой штурм не посадил, не сорвал погоны. Потому что не было установки: «Чтобы ни один волос не упал с головок детей-заложников. Пусть все террористы уйдут, лишь бы дети были живы».

Путин — порождение системы, где считалось, что бойцы должны вызывать огонь на себя. Стреляться, но не сдаваться в плен. Не спасаться на парашюте из горящего самолета, а пикировать на вражескую автоколонну. Мы — страна сплошных шахидов. Пленные американские журналисты в Ираке под дулом автоматов приняли ислам. Освободившись, посмеялись и над исламом, и над исламистами. Зато наш несчастный солдатик, воспитанный советскими фанатиками, попав в плен в Чечне, от веры «не отрекся». Вот и зарезали. Человек у нас всегда был дешевле догмы. И дети, выходит, тоже должны были вызвать огонь на себя...

Наша власть умрет без покаяния, хуже второго разбойника. Они настолько не хотят каяться, что даже разогнали, схватили и уволокли в милицию пикет правозащитников во главе со Львом Пономаревым, который всего-то хотел возложить цветы и зажечь свечи у Соловецкого камня в годовщину этого детоубийства.

У нас прокаженная власть, и тот, кто не хочет заразиться проказой подлости и зверства, никогда не согласится за нее голосовать, пожимать ей руку, брать от нее награды и премии. Истории наплевать на административный ресурс, нефть, газ, членство в Совете безопасности, ядерные боеголовки. Владимир Путин будет проклят историей

и потомством. От него останутся обугленные руины бесланских школ, круги на воде от утонувшего «Курска», термины «суверенная демократия» и «басманное правосудие», бесчисленные могилы солдат, зарытых в ходе второй чеченской войны, и чеченцев, убитых и замученных за «территориальную целостность». И тяжкий звон вечного проклятия, проклятия погибших поколений.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ И ДЕНЬ СМЕРТИ

Грани.ру, 12 октября

Есть у Агаты Кристи такой роман — «Убийство в Восточном экспрессе». И соответствующий фильм. Там один господин так всем насолил, что его решают убить коллективно, на паях. В убийстве участвует целый вагон, так что даже Эркюль Пуаро с трудом находит истину. Анну Политковскую убил вполне конкретный путинский режим (и посмейте мне сказать, что он не кровавый), вполне конкретная фирма с брендом «Кремль унд Лубянка инкорпорейтед», и я не верю, что такое мероприятие, как казнь оппозиционного журналиста, да еще женщины, да еще и ко дню рождения сразу двух сатрапов, московского и грозненского, могло обойтись если не без подписи, указа или намека («Пора разобраться с этой Политковской»), то хотя бы без «крышевания»: «То, что сделал предьявитель сего, сделано по моему приказанию и для блага государства». Но даже при таком раскладе без коллектива не обошлось.

Аню убили за ее исключительность в чеченском вопросе. Все чеченцы ходили у нее в корреспондентах. Она была для Чечни простатом — так в древней Элладе называли народных заступников, тогдашних омбудсменов. Да и те федералы, кто не совсем утратил человеческий облик, помогали ей. Они знали: Аня не выдаст. Помогали ради спасения своей души. Ведь только верхние звенья вертикали — Путины, Ивановы, Патрушевы, Сурковы — считают, что их жалкая вертикаль — вавилонская башня и что она очень испугает Бога. Внизу вертикали есть ясное понимание, что их начальники идут прямо в ад. А гореть там с ними подчиненным не хочется.

Анна Политковская открыла страшный секрет: все эти пресловутые боевики, баснями о которых нас кормят, — это просто мирные жители, замученные штыками до того,

что они «признались» во всем. В Чечне процветает махровый сталинизм. Наши тюрьмы полны таких же террористов, какие были шпионы и убийцы Кирова в 1937-м. И всё это у Ани было с именами, явками, фамилиями. Доказательно. Кого зарыли, кого похитили и замучили, за кого потребовали выкуп...

Несколько лет назад из Чечни убирали Андрея Бабицкого, который по старой памяти, как при Ельцине, ходил в окопы на чужую, сепаратистскую, сторону. Его меняли то ли на шило, то ли на мыло, его били, его держали в чернокозовском концлагере. Но убить не посмели, убрали в Прагу, от греха подальше, и дали всего десять суток, когда он попытался пробраться в Беслан. Аню тогда отравили. Наши отравители не знают своего ремесла. Наверное, хотели отключить, а она чуть не умерла. В «Норд-Осте» также ведь заложников насмерть отравили. Подопытных лабораторных крыс, мышей и свинок у органов недостаточно. Они на людях испытывают свои снадобья. За такое в Нюрнберге многих повесили.

Так почему такой прогресс — от высылки в Прагу до расстрела? (Лобное место переехало на Лесную улицу.) А потому что диктатура окрепла и обнаглела от беззакония и холуйства большинства, будь оно проклято. Их лестью был заряжен выстреливший по Анечке пистолет. Когда в поле один воин, тогда надо его убрать, чтобы сражение окончилось в пользу власти. Аню убили коллективно. Леонтьев, Пушкив, Проханов, Соловьев, все, кто лгал и хвалил президента, — они все соучастники. Все, кому нравится диктатор, убивали Аню. Виртуально убивали. Давали «добро». Их ложь слишком контрастировала с ее правдой.

Вам не страшно в этой стране, вам не страшно жить под холодным взглядом этого президента, дорогие россияне? Фредди Крюгер приходит за лучшими. Мало закрывать и чистить каналы, теперь он дошел до газет. Ради нескольких строчек в газете надо будет отдавать жизнь. Те, кто трусливо говорит о провокациях против Кадырова и Путина, убивают следующих смертников. Провокация... Какие непорочные невесты нашлись, какие хрустальные личности! У обоих репутация чернее ночи, если отойти от их чертогов и не смотреть сквозь нефть и газ.

Лодка утонула, заложники отравились, дети Беслана сгорели заживо, Анна расстреляна... Чем еще скомпрометируешь Путина? Ему уже нечего терять ни на том свете,

ни на этом. Аню убила подлость политиков, равнодушие народа, трусость таких «коллег», как Виталий Третьяков. А президент сидит у окна пригорюнившись и смотрит с тоской на еще живых врагов, демократов и журналистов анечкиного профиля. И напеваает: «К сожаленью, день рожденья только раз в году!» Не надо так расстраиваться. Есть еще день ангела и семейные праздники. А патриоты и пистолеты у вас всегда в избытке. Хватило бы журналистов к знаменательным и памятным датам.

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ

«Новое время», №41, 15 октября

Есть ситуации, где не выигрывает никто. В одноименном рассказе Достоевского прогрессивный гражданский генерал из департамента решил облагодетельствовать своего подчиненного и явился к нему на свадьбу. Там он напился до положения риз, безобразничал и уснул в супружеской постели, а молодые ночь на стульях провели. Плохо было всем: и новобрачным, вынужденным отложить брачную ночь, и генералу, сгоревшему наутро от стыда, и смущенным гостям.

Примерно то же самое получилось у нас с Грузией. Российский официоз в связке с российским обывателем (который не знает ни истории, ни географии, но хочет чувствовать себя великим, державным и добрым) все время напоминает грузинам с присущей ему деликатностью о своих благодеяниях грузинскому народу. Воспитанные люди, кстати, даже о реальных добрых делах считают неприличным упоминать, тем более о столь мнимых, как целый ряд медвежьих услуг, исторически Грузии оказанных.

Я не зря начала со «Скверного анекдота». Та самая (увы, нелиберальная) империя, которую якобы обеспечил Советский Союз, никакой преемственности с Российской империей не имела. И не имела даже юридической легитимности. Когда во времена Федора Иоанновича, сына Ивана Грозного, царь Иверии просился в российское подданство, чтобы как-то защититься от турецкого султана, то это была не современная Грузия, а только ее часть. Начало «совместной жизни». Референдумы тогда не проводились, и мнения грузинской интеллигенции или хотя бы дворянства

(не говоря уж о народе) никто не спрашивал. Да, Грузия не вырывалась так отчаянно, как Польша, но мне всегда претили слова великого поэта: «И Божья благодать сошла на Грузию. Она цвела за сенью дружеских штыков...»

Потому что меньшевистское правительство Церетели не очень-то торопилось в новенький и свеженький Союз, а четыре года очень спокойно существовало вместе с Грузией само по себе; видимо, штыки и их незамысловатый дизайн стали казаться в XX веке не слишком-то стильной и удобной конструкцией.

История запихивания Грузии в СССР — это был анекдот, скверный даже с точки зрения не очень большого демократа Владимира Ульянова. Сталин и Орджоникидзе наломали в Грузии очень больших дров. Дошло ведь до рукоприкладства с «советской стороны». Грузинское меньшевистское правительство хотело заключения отдельного договора с Россией, а их запихнули в Закавказскую Федерацию. Федерация благополучно распалась, Грузия осталась в составе Союза и вполне хлебнула сталинского террора.

Так что путинские выпады насчет Лаврентия Павловича Берии, который осеняет своим духом и присутствием действия нынешней грузинской администрации, и непорядочны, и неуместны. Лаврентий Павлович и Иосиф Виссарионович Грузию не пожалели. Сталин не пожалел, кстати, и Абхазию. Нестор Лакоба, председатель ЦИК, его жена Сарья, их шестнадцатилетний сын — все разделили судьбу грузинской элиты. Это был объединяющий момент. Портретики Сталина за ветровым стеклом, коленопреклоненная толпа у памятника Сталину в 1956 году, разогнанная либеральными хрущевскими войсками даже с некоторым кровопролитием, — это всё выбор и настроения грузинского охлоса, за которые грузинская интеллигенция не отвечает так же, как не отвечаем мы за Баркашова, Макашова и ДПНИ. А грузинские демократы (это я уж говорю из диссидентской практики) были на редкость единодушны в своем зрелом антисоветизме (без малейшего следа склонности к социализму с человеческим лицом), защите родного языка и в стремлении отделиться от СССР. О хозрасчете в этих краях и речи не было: только полное отделение. И референдум об отделении там пройдет в 1991 году с балтийскими результатами.

А вы помните, почему Грузия не поддержала Белую армию или даже околоармейские структуры из ушедших в подполье кадетов? Они не обещали независимости, только автономию. А большевики лгали на первых порах, давали самоопределение.

Так что аргумент «они сами пришли» в отношении Грузии не работает.

Московско-петербургские диссиденты никогда не работали в балтийском, западно-украинском и грузинском регионах, там, где были или очень хотели быть маленькие, храбрые, цепкие и упорные государства: тут справлялись своими силами, да еще уделяли нам от своих щедрот. Из подпольной грузинской типографии ксерокопированные с томика УМСА-Press и отлично переплетенные «Архипелаги» привозили чемоданами. Привозил их в Москву, кстати, Звиад Гамсахурдиа. В типографии работала его семья: он сам, жена Манана, свояченица Лада. Ведь в дом-музей классика, гордости Грузии Константинэ Гамсахурдиа с обыском не смели прийти... И саперные лопатки в Тбилиси были применены в апреле 1989 года от страха: слишком много было демонстрантов, слишком единодушно требовали они независимости. Слишком рано...

Саперные лопатки, надо полагать, тоже входят в перечень благодеяний старшего брата, куролесившего на свадьбе у младшего...

Именно в конце 80-х зародился этот мощный проект по расчленению и по разорению Грузии, именно тогда группа «Союз» (противовес «Межрегиональной») стала активно обрабатывать Ардзинбу, чтобы он с Абхазией в Союзе остался, когда Грузия станет выходить. А еще раньше, в конце 70-х, этот план озвучивался следователями КГБ в Лефортове: они обещали Звиаду Гамсахурдиа отнять у Грузии Южную Осетию и Абхазию, если он не отречется от своих убеждений. С тех пор много воды утекло. Воды, крови, времени. И Звиад отрекся, и взял отречение обратно, и погиб, а подожженный Россией бикфордов шнур довел дело до взрыва, до гражданской войны, до российских паспортов в несчастных кусочках Грузии, которыми Россия пытается разжиться по формуле «съесть не съем, так хоть надкушу».

Уже ни Союза нет, в котором можно остаться, ни группы «Союз», но старые добрые чекистские методы все еще

в ходу, и Михаила Саакашвили пытаются свергнуть по той же формуле, что и Звиада Гамсахурдиа. Правда, кроме коммунистов и больших поборников свободы из партии, возглавляемой сторонником покойного Союза чекистом Гиоргадзе — рупором российской колониальной стратегии с московских госдач, — никто требовать отставки Саакашвили не торопится.

Счет благодетелей велик. Нам не привыкать угнетать и оскорблять лиц как «северокавказской», так и «закавказской национальности». Меня волнует Грузия. Им ведь тоже это вредно: быть осажденной крепостью, осуществлять мобилизационный проект, не иметь нормальной либеральной оппозиции, не выносить сор из избы.

Россия становится источником международной заразы. Кроме ампулы СССР, она не смогла вжиться ни в какую другую роль.

СЛОВО И ДЕЛО

«Новое время», №42, 22 октября

Российская журналистика, как очень многие вещи от гимназий до балов, была создана Петром. В той мере, в какой вообще автократ и реформатор в одном флаконе эту журналистику себе представлял. Сначала Петр увлекся, всё делал сам, а потом передал игрушку сподвижникам. Дело было нехитрое: перечень событий без всяких трактовок и версий. Елизавета предпочитала театр, Екатерина — энциклопедии и толстые книги. А при Анне Иоанновне уж точно было не до журналистики. Самодержавие было слишком сакрально, слишком однозначно, каменный груз чудовищной, огромной державы не способствовал резвости и игре умов.

Журналистика в России развивалась плохо. И началась она как тамиздат. «Колокол» и «Полярная звезда» были раскованны, свободны, но, как любое эмигрантское издание, страстно-дидактичны. Этакая памфлетная журналистика. Кстати, девизом герценовского издания были бессмертные слова, воскрешенные перестройкой: «Где не погибло Слово, там Дело еще не погибло». А в начале нашей истории журналистики, при Петре, «Слово и дело государево» — это была такая форма доноса. Как крикнешь,

сразу всё поймут, что знаешь нечто важное и хочешь наступать. И официальные лица ведут тебя в официальный подвал и начинают вести официальный допрос. Бывало, что и под пыткой. «Доносчику — первый кнут» — это тоже российская формула.

Очень быстро «Слово» отделилось от государя и государства и сделалось достоянием «изменников царю и Отечеству» вроде Герцена и Огарева, а потом — достоянием культурных и свободомыслящих людей, дистанцировавшихся от престола и от государства (в лучшем случае). В ведении же государства остались «дела». При Александре I кое-какая малотиражная пресса в России завелась, в николаевский ледниковый период увяла, а великие реформы Александра II вызвали к жизни целый букет изданий — от реакционных, где сотрудничал Катков (что-то вроде гибрида из сегодняшних Леонтьева и Третьякова), до прогрессивных вроде «Современника» и «Отечественных записок», изданий фрондерских.

Как-то так сразу получилось, что самодержавие, православию и народность оказались сами по себе, а интеллигенция и прогрессивная журналистика — сами по себе. Что до официоза, то с катковских времен сладкая патока хвалебных газетных речей воспринималась, по очень удачному выражению Виктора Шендеровича, как целая череда «Ведомостей холопа», где название может меняться, а холопство пребывает вовеки. Приличные люди за журналистику это не держали. А ее судьба в России была тяжела. 2000 экземпляров — это был хороший тираж для серьезного свободомыслящего издания. Для «Речи», например. У правых либеральных изданий вроде кадетских была слишком узкая аудитория. Интеллигенции было мало, а жандармов, нигилистов, охотнорядцев, неграмотных рабочих и крестьян — много.

Помните купринский рассказ «Черная молния»? Где то ли попечитель, то ли директор реального училища предлагает учителю или перестать выписывать безобидный, нейтральный «Биржевик» (то есть «Биржевые ведомости»), или «предаваться чтению революционных изданий в другом месте». Печать была чем-то подозрительным для чиновников и для верховной власти. Глухое, упорное недоброжелательство. Печать была чужой, лишним ртом, хотя кормила себя сама. Но мер воздействия было немного.

Помните рассказ Чехова «Елка»? Что там нашел для себя бедный журналист? Штраф, судебный процесс за диффамацию, десять суток ареста, закрытие издания. Александр III, недостойный сын реформатора, добил «Отечественные записки». Только вот одного быть не могло: труп Некрасова или Салтыкова-Щедрина в пять часов вечера в собственном подъезде, и чтобы рядом лежал «смит-вессон». А государь император чтобы сказал прилюдно, что убийство Щедрина даже вреднее его творчества. Все-таки был воспитанный человек.

Советская эпоха загнала журналистику опять в сам-и тамиздат, не считая иностранных репортажей Стуруа, Стрельникова и других международных, с удовольствием освещавших живую жизнь Запада и посылавших заметки к нам, на советское кладбище. Маленький оазис в ЛГ. Но только никакой политики, одни семейные и домашние ценности. И социальный контекст. Примерно тот же формат, что и у канала «Домашний». Что там сказали Алексею Венедиктову и Светлане Сорокиной, когда им указали на дверь? Что они пытались спрятать в цветах какую-то пушку? То есть надругались над домашними и семейными ценностями, открыв за ними вражеские политические выпады? Надо было приглашать гостей поглубже.

Кто-то становится советским журналистом добровольно и спрашивает Путина об отношении к блондинкам. Кого-то приходится гнать от Останкино до Арбата, как команду Киселева. Но и это еще не всё. Лариса Юдина перешла дорогу Кирсану Илюмжинову, Дмитрий Холодов мешал генералам из минобороны. Не Ельцину — Ельцин разрешал всё, даже предательство. Когда кое-кто из журналистов в 1996-м решил менять его на Лужкова... Но не стало этой каменной стены, и возникла ситуация, когда последовательно тушат все огни и гасят все свечи. Триумфальное шествие тоталитаризма по каналам, по газетам, по сайтам. Старый НТВ, старый Ren-TV, ТВ-6, ТВС, «Московские новости», «Общая газета», «Столица», «Огонек», «Русский курьер», ЛГ, интернет-издание «Чечен-пресс», «Итоги»... Мартиролог. От поражения — к поражению. Но когда начинают с трупов изданий, дорога ведет к мертвым телам журналистов, которые не были своими до 1917 года и стали прямо-таки врагами после этого рубежа. Что там говорили о буржуазной прессе простодушные обыватели города Старгорода где-то в 1927-м на своем трамвайном празднике? «Гиены пера,

шакалы ротационных машин...» Это про чужую прессу, свободную. Своя-то уже была на том свете.

Я знала, что мне это еще пригодится. Не знала только для чего. Стенограмма встречи президента Путина с родственниками экипажа подводной лодки «Курск». Тайно сделанная, без цензуры. С помощью немецкой RTL. Путин там говорит замечательные слова про НТВ и вообще журналистов.

«Телевидение? Значит, врет. Там есть на телевидении люди, которые сегодня орут больше всех и которые в течение 10 лет разрушали ту самую армию и тот самый флот, на которых сегодня гибнут люди. Вот сегодня они в первых рядах защитников этой армии. Тоже с целью дискредитации и окончательного развала армии и флота! За несколько лет они денег наворовали и теперь покупают всех и вся! Законы такие сделали!» В этих словах — настоящее, большое человеческое чувство. Ненависть. Беспредельная ненависть к недолгой ельцинской свободе, к этим «страшным» 10 годам, к НТВ, журналистам, пацифистам, демократии. И то же он сказал, по сути дела, над разверстой могилой. И про то, что убийство Ани вреднее ее вредных статей. И про то, что ее разоблачения творящегося в Чечне, способные перевернуть душу, остановить войну и зачистки, заставить Запад взяться за Путина, а Путина — взяться за свою администрацию в Чечне, не имели ровно никакого веса. То есть на них никто не обращал внимания, и первый — президент. И про внешние силы, совершившие «ритуальное» убийство, дабы дискредитировать страну. Холодные, тяжелые слова. Как вода, сомкнувшаяся над «Курском». Как земля, которую бросали на Анечкин гроб.

Нет смысла искать на брошенном пистолете отпечатки пальцев. «Чистые руки» не оставляют следов. Это гений и злодейство — две вещи несовместные. А злодейство и власть сегодня в России совпадают и совмещаются. До мелочей.

УВИТЬ ДРАКОНА

«Правое дело», №21 (178), ноябрь

Не лепо ли ны бяшет, братие? Потому что мы вступаем в легендарный исторический период. Таких периодов в новые времена почти не было. Уж очень всё размашистое и фольклорное: летят головы чудищ, рушатся стены замков,

горят леса, валькирии летят на поля сражений с перевязочным материалом и наркомовскими ста граммами, лешие устраивают митинги протеста. Но вместо рафинированных европейских драконов у нас на Руси исстари водились Горынычи, злобные, но скучные, серые и тупые. И никаких тебе светских бесед. Просто жрут. Драконов побеждали рыцари. А на Змея Горыныча требовалось что попроще.

Богатырь — он весь такой черноземный, могучий, от земли. Но не так чтобы очень подкованный. Наше счастье и наше горе в том, что мы имели дело не с европейским грамотным, с изысками, Злом, а с кондовыми Горынычами и что по условиям поединка требовался богатырь, которого Россия обрела в Ельцине, могучем, бесхитростном и не умеющем ни понять причины, ни предвидеть следствия. Никто другой бы и не взялся на его месте. Уж очень нетронутая и запущенная лежала перед ним страна. Европейские драконы, бывало, не только жрали девиц, но и делали кое-что для подданных. Но коммунистические Горынычи камня на камне не оставили в СССР. Ни экономики, ни политики, ни даже политиков. Ни хлеба, ни зрелищ. Ни сельского хозяйства, ни промышленности. Страна была на грани голода, и не было ни пищи, ни одежды, ни жилья. Как Мамай прошел... Да и люди от долгого общения с Горынычами стали сами похожи на лесных чудищ и утратили дар речи и нормальные человеческие реакции. Попытки выпустить этот зоопарк на волю, да еще с предложением добывать корм самостоятельно, были куда опаснее, чем в реальном зоосаде отпереть все клетки и, стоя рядом без оружия и еды, посмотреть, что из этого выйдет. Потому что на просторах СССР чудищ уже считали на миллионы. Любой убежал бы от необходимости проводить на Руси Великие реформы. Ладно еще царь (Александр II или Николай II), помазанник Божий: величие, сакральная власть, престол, бармы, ризы. А подданные обязаны терпеть. Да и то не всегда выходит: природный царь Николай Романов жизнью с семейством поплатился за парламент да за свободу слова, собраний и совести, которой у его гонителей, тюремщиков, палачей и суммарно всех левых не было вообще.

Мы ничего не поймем ни в ельцинской жизни, ни в реформах, если не будем исходить из того, что Ельцин был богатырь. Кто он сегодня? Этот ужасный вопрос лежит вне сферы компетенции Боянов. Былины однозначны. Хотя ныне

развелось немало «вдохновенных» кудесников, вдохновленных, бесспорно, разными фундаменталистскими и охранительными идеями путинского царствования и потому упорно твердящих, что воля, свалившаяся на нас в 1991 году, это катастрофа. Они повторяют зловещим хором призраков из всех эфиров: «Мы, дети страшных лет России». На самом же деле это была совсем не страшная сказка. Единственная не страшная сказка, которую нам рассказали за всю нашу жизнь. Такой сказки нам больше уже не слышать; усатые няни, пришедшие после Ельцина, таких не расскажут.

В неуспехе нашей очередной модернизации, в провале политических реформ и в неуспехе на 50 % экономических Ельцина винить просто глупо. И богатырь, и народ пребывали в конце 80-х годов в плену иллюзий и мифов, которых хватило аж до 1993 года. И главная иллюзия была в том, что булки растут на деревьях, а творог добывается из вареников. После 70 лет каторжного безделья (работать народ совсем отвык, но ведь провел он это время не в парке, а в ГУЛАГе) демократическая революция снизу (то есть сознательное решение пройти через реформы, как сквозь огонь, и прорваться; решение кормить себя самому, содрав с плеч траченную молью шубу государства) не просматривалась. Да, для революций снизу, революций не кровавых, а благотворных, нужен очень высокий уровень подготовки гражданского общества. Американская революция XVIII века и революция во Фландрии в XVI веке — вот пока и все примеры. Дай бог, чтобы этот короткий и славный список пополнился «оранжевой» украинской революцией; только не слишком ли много голосов для успешной революции получили на выборах синие регионы Януковича? А для успешной «революции сверху» нужна или сакральная власть (хотя, если она не будет зверской, все равно ничего не получится, как не получилось у Александра II или Григория Отрепьева), или подсобная и абсолютно послушная военная сила. Как у Пиночета в Чили или Франко в Испании. Как у генерала Макартура в Японии. Как у союзников после 1945 года в Германии. А у бедного Ельцина ничего в руках не было, кроме «несокрушимой» и «легендарной», да вдобавок еще краснознаменной.

Скажем, реформы были позарез нужны 5% населения. Здесь бы и Моисей растерялся. Если бы можно было хотя бы увести в пустыню этих немногих! Но вакантной пустыни

поблизости не нашлось. И Ельцин 10 лет водил свои 5% не по пустыне, а по Российской Федерации, а 95% ее населения вообще хотели, чтобы она осталась Египтом, и сначала требовали манны небесной, а после и перепелов. Они тыкали пальцами в несчастные 5%, и умерли не те, кто на свет появился рабами; на смерть оказались обреченными рожденные свободными. А потом 95% проголосовали за фараона. И фараон повел всех обратно в страну пирамид. Вот веселенькая история наших реформ. Когда имеешь дело с рабами, вопрос упирается в манну небесную, потому что умение добывать себе средства к существованию — это удел свободных, и они горды этим уделом и за манной даже не станут наклоняться.

Но былинный элемент закончился, когда Идолише Поганое в виде Железного Феликса было повергнуто ниц, а Кощеи Бессмертные в виде ГКЧП были побеждены и посажены обратно в яйцо (в Лефортово). И тогда возник вопрос меню: ням-ням. Капитализм оказался делом более сложным и менее однозначным, чем радостное удовлетворение потребностей в западных супермаркетах. Горькая истина «как потопаешь, так и полопаешь» превратила многих участников демократических митингов на Манежной в столь же рьяных участников левых и национал-патриотических митингов. На повестке дня оказалась гражданская война. Ее торжественное открытие страна наблюдала на своих экранах 3 и 4 октября 1993 года. Здесь еще раз понадобилась богатырская булава. И Ельцин спас страну от немедленной и кровавой реставрации коммуно-фашистского режима. 150 убитых — это плохо, но в случае победы Руцкого и Хасбулатова было бы не 150 трупов, а 150 тысяч по крайней мере. Мог ли Ельцин принудить, заставить, навязать демократию и рынок западного, а не латиноамериканского типа, словом, провести революцию сверху с десоветизацией, декоммунизацией и денацификацией? И какова была бы цена вопроса? По карману ли оказались бы эти расценки правозащитникам, демократам, Западу?

Для начала пришлось бы ввести президентское правление этак лет на пять и не проводить ни парламентские, ни президентские выборы, а Конституцию в этих разделах после принятия положить под сукно. Для подавления нацистских и коммунистических тенденций (и действий)

местных властей в регионах (Кондратенко — в Краснодарском крае, Наздратенко — во Владивостоке, коммунисты — в Ульяновске, Шаймиев — в Татарстане, Илюмжинов — в Калмыкии, Рахимов — в Башкирии) пришлось бы вводить туда войска и везти этих господ в цепях в Москву, как когда-то Пугачева, потому что неразумный электорат раз за разом избирал именно их. Проводить реформы до конца — это значит голодные бунты, массовые беспорядки, Ленский расстрел, 9 января, полный запрет коммунистической и националистической деятельности, аресты лидеров красно-коричневых. Свои войска здесь негодились бы: армия у нас глубоко народная: каков народ, такова и армия. Пришлось бы просить войска у НАТО. Реформы стоили бы большой крови. Я знаю людей, которые пошли бы на это и были бы правы. При этом Запад Ельцина бы резко осудил, а демократы правозащитного толка закидали бы дохлыми кошками. Ельцин оказался слишком добрым и слишком демократичным правителем. Он побоялся ступить на этот лед и остановился. Даже Ленина побоялся вынести из Мавзолея, даже звезды побоялся отцепить от Кремля. Побоялся гражданской войны. Трусость это или государственная мудрость? Я не считаю осторожность добродетелью, но большинство политиков Ельцина поймут.

Чеченская война — это тоже остатки богатырской слепой удали и богатырской близорукой глупости. Ельцин решил, что чеченцы — это что-то вроде половцев, себя вообразил князем Игорем, а в Грозном, с его точки зрения, размещался «тмутараканский болван». Когда ослепление прошло, у Ельцина хватило мужества сделать шаг назад, к Хасавюрту. Правда, было уже поздно. И Чечня, и Россия были покалечены этой войной непоправимо, а кровь, пролитая в Чечне российской демократией, отравила всю страну и уничтожила ее демократические перспективы.

Но в 1996 году Ельцин нанес еще один удар коммунистической гидре. Гидра пошатнулась, и коммунист теперь едва ли победит на наших президентских выборах. Ведь Ельцин не просто прорубил окно в Европу: он обрушил и стены, и крышу советского дома, он разрубил гордиев узел под названием СССР, и едва ли эта конструкция сложится вновь. Да и коммунизм в России едва ли будут строить когда-нибудь: Ельцин показал людям деньги, эту новую игрушку, и большинство теперь верит только в «бабло»

и делиться ни с кем ничем не хочет. Советскую реальность Ельцин разгромил, а для построения иной, лучшей реальности просто не хватило стройматериала. После чего богатырь взобрался обратно на печку, предварительно передав власть одному талантливому отроку из племени кощеев. На богатыря не нужен нож, ему немного подпоешь, и делай с ним что хошь.

Ельцин — это единственный подарок, который сделал России XX век. Он заслужил не просто памятник, но целый мемориальный комплекс.

2007

САД ГРАБЛЕЙ

Грани.ру, 8 января

Есть в Японии такой аттракцион: сад камней, прихотливо расположенных обыкновенных камней. Приходят в сад умные и интеллигентные японцы, смотрят на камни и предаются медитации. А потом со свежими силами идут и делают со своей экономикой такие чудеса, что того и гляди со второго места в мире переберутся на первое.

У нас, конечно, всё по-другому, с местной спецификой. У нас есть такой политический сад граблей. Приходит туда президент, депутаты, министры, чиновники, чекисты, да еще и оппозиционеры. Приходят правозащитники. Садятся, алчно смотрят на грабли и медитируют: на какие грабли мы еще забыли наступить? Не пропустить бы.

Власти нас с вами не интересуют. Для них вся Россия вымощена граблями; Путин и его присные, а также монстры с Охотного ряда вроде Жириновского или Зюганова только и ходят, что по граблям. Это такой асфальт для автократов и их опричников. Но самое занятное, конечно, — это упорство правозащитников и оппозиционеров их демократического лагеря. Они никак не соглашаются походить по ровному месту — без грабель ни на какую акцию, ни на какой конгресс ни ногой.

Чекистов учить — только нервы себе портить. Пусть их обучают их патроны: товарищи Дзержинский, Менжинский, Берия и Малюта Скуратов. А мы их учить не обязаны, благо расплачиваются за уроки они пулями или полонием. А вот наш лагерь...

Только в партизанских землянках большое нестроение намечается и даже вроде раскол. Все теоретически фашистов бить хотят (или хотя бы победить на выборах). Но не сходятся в способах. Хотя трудно представить себе в истории Второй мировой войны такой партизанский отряд,

где партизаны перессорились бы до того, что из-за выбора разных сортов взрывчатки для диверсий на железке (кто пластит, а кто и за старый добрый динамит) некоторые пошли бы сотрудничать с фашистами.

Для начала мы имеем три скандала: 1. Скандал в демократической оппозиции. 2. Скандал в правозащитных рядах. 3. Скандал в гражданском обществе. Вот только что прошел ряд конгрессов, где делегаты просто не слезали с граблей. Прошел Второй правозащитный съезд. Опять-таки между двух грабелек: сотрудничества с Кремлем и скатывания влево, к сотрудничеству с нацистами и большевиками. Иные очень почтенные члены правозащитного сообщества до сих пор никак не расстанутся с Президентским советом по правам человека, хотя и люди, и их права президенту глубоко противны, и помогать ему в этой светозвукомаскировке (чтобы Запад санкциями и протестами не разбомбил) — дело скверное и нехорошее.

А ведь правозащитники — народные заступники, других у народа нет. Ползут различные бедолаги со своими проблемами, скорбями и муками в Москву, но не к Калинину теперь идут эти ходоки, а ко Льву Пономареву, который каждому старается помочь. Диссиденты до 1991 года никому помочь не могли, сами по лагерям сидели. Зато звучал чистый и ясный сигнал: «Власть нелегитимна, власть преступна, не сотрудничайте с властью, не уважайте власть». И сейчас это важнее всего. А то за попытку защитить от чиновников одного человека мы платим невозможностью защищать страну от чекистов, ее оседлавших. А если у чекистов цветочки брать ко дню рождения и с ними во Дворце съездов встречаться (часть правозащитников пошла, часть — нет), то надо вообще лавочку диссидентства закрывать и признать, что власть у нас ничего, милая такая, с отдельными недостатками.

Другие правозащитники марочек почтовых понаделали с портретами политзаключенных: и Ходорковский с Сутягиным, и лимоновцы красно-коричневые — все в одной серии. Хотя одни ничего плохого не делали и не желали, а другие имеют каменюгу тоталитаризма за пазухой. И начинается раскол: господин Брод пишет, чтобы «русский марш» не разрешали (и правильно пишет). А другие требуют: разрешите, ура (или хайль). Та же картинка в оппозиции:

прекрасный, честный человек Гарри Каспаров, великий шахматист и нулевой политик, набрал себе в ОГФ* разных жутких мальчиков красного или коричневого толка, и теперь на улицы хода приличным демократам нет: на всех акциях полуфашистские, полубольшевистские флаги или просто серпасто-молоткастые. Направо пойдешь — в Кремль попадешь. Налево пойдешь — в лимоновцев врежешься. Вместе с Ириной Хакамадой в роли Инессы Арманд. Везде эти волчата в овечьих шкурах, натасканные фантазером Эдуардом Лимоновым.

Только жизнь не роман. Боюсь, что роман с национал-большевизмом принесет нам большие сюрпризы. Неприятные. Как в 1917 году. И что из того, что мы встретимся на тюремном дворе, что мы, правые, будем «каэры» (контрреволюционеры), а они, Каспаров, Лимонов и Хакамада с Касьяновым, — «политики», «социально близкие»?

История учит, что один раз все вместе уже вернулись из ГУЛАГа, а от страны остались рожки да ножки. На этот раз и рожек не останется: ядерное оружие есть. Это левые грабли. А справа — свой прокол. Только Путин «Яблоко» и СПС в Кремль поманил, как они враз туда и побежали. Соскучились. А господин Явлинский даже на экране путинскую руку пожал. Не читал, видимо, Пушкина, который учил, что нельзя подавать руку царю Ироду — Богородица не велит. Где юродивый Николка?! Я за него враз проголосую, мне его платформа подойдет. Принципиальный был политик. Ясное дело, что там, где серпы и молоты, там и грабли, один инвентарь.

Но и в Кремле с символикой не всё ладно: если византийский орел сидит между пятиконечными звездами, это разве что орел-стервятник. Благо рядом падаль в Мавзолее имеется. Надо прокладывать маршрут не по Ленинскому проспекту и не по Красной площади. А то потом на Гражданском конгрессе гражданское общество то дверью хлопает, то из зала выходит, то друг друга из президиума гонит. А всё из-за граблей. Одни хотят наступить на левые, другие — на правые. Граждане, отечество в опасности! Отцепите своих правозащитников и своих демократических лидеров от граблей!

* «Объединенный гражданский фронт».

ВИТВА ЗА ВЕСПАМЯТСТВО

Грани.ру, 26 января

Говорят, что существует летучий эскадрон большевистских старушек, которые регулярно снимаются у телевизионщиков в коммунистических массовках, получая за съемочно-демонстрационный день согласно штатному расписанию. Самые отборные старушки — у Анпилова. Впрочем, тинейджерам также не дают пропасть. Во что обходится власти предержавшей пикетный час «нашистов» из «младороссовских» рядов, известно во многих регионах. Прямо сумму называют. Так что бочка варенья и корзина печенья этим мальчишам-плохишам всегда обеспечены. Но мне больше всего по душе политизированные старушки-передвижницы, которые кормятся у западных посольств, особенно у балтийских.

Дело в том, что с недавних пор строптивых европейцев бьют по голове нефтяной трубой или газовым баллоном. Ну, грузин еще стукнули винными и минеральными бутылками, все равно как в пьяной драке (московская сторона точно принимала решение о блокаде не на трезвую голову). А раньше воевали больше со сметаной и со шпротами из Латвии, как с агентами влияния противника. И созданся определенный конвейер. Сначала мэр Лужков и президент Путин произносят анафему какой-нибудь маленькой демократической стране вроде Латвии или Польши. Или там Молдавии. Потом похоронный взвод из ЛДПР несет к посольству Латвии ящики со шпротами или со сметаной, которой аккуратно, как блин, намазывает тротуар у посольства, забор и стены. Затем являются политизированные старушки с мешками и банками с ложками, разбирают шпроты, собирают сметанку.

Вообще-то у меня для ЛДПР есть целый ряд предложений: можно расширить меню этих свободомыслящих старушек, тем более что пенсии у них такие мизерные именно из-за деятельности господина Жириновского и ему подобных. К украинскому посольству можно наносить сала, колбасы и горилки, к литовскому — сыра и опять-таки колбасы; к американскому — гамбургеров, окорочков (ножки Буша) и кока-колы.

Сейчас у нас намечился аукцион перед эстонским посольством. Скоро к дверям доставят таллинские кильки

и опять-таки шпроты, работающие, судя по всему, двойными агентами. Латвийские только что решили опять закупать, потому что сейчас у нас на повестке дня не антилатвийские, а антиэстонские мероприятия. Дело в том, что эстонцы решили было если не снести, то хотя бы отодвинуть на окраину Таллина бронзовый памятник воину-завоевателю... то есть тьфу, какая напасть! Воину-освободителю 1945 года.

А ведь немудрено и запутаться: бывает так, что, освобождая свою землю, ненароком прихватываешь чужую. Солдаты, конечно, не виноваты («А если что не так — не наше дело: как говорится, Родина велела!.. Иду себе, играю автоматом, как просто быть солдатом, солдатом»). Они освобождали СССР от гитлеровцев для того, чтобы Сталин на просторе мог убивать и гноить в ГУЛАГе их отцов и матерей еще 8 лет. Да и сами они, как герои Юрия Бондарева или Юрия Пиляра, как артиллерист Александр Солженицын или политработник Лев Копелев, весьма часто стройными рядами шли в тот же ГУЛАГ. Сколько там сгнуло фронтовиков! Вспомните Шаламова, «Последний бой майора Пугачева».

Бедные мальчики, похороненные в Эстонии, Латвии, Литве, Молдове, Украине, Польше, Чехии и Венгрии были, конечно, ни в чем не виноваты, сложив свои головы неизвестно за что (их Родина ничего от этого не получила, а страны, где они полегли, сегодня сносят их памятники).

Но ведь и эстонцы тоже ни в чем не виноваты. Так же, как литовцы, поляки и все остальные. Освобождая СССР, воины-освободители оккупировали всё, что им позволил оккупировать Сталин. Европу, как добычу, отданную на разграбление, делили в Ялте. Восточная Европа, в том числе Балтия, досталась Сталину. Войдите в положение эстонцев. Сначала, в 1940 году, на них наехали ни за что ни про что советские танки. Почти вся элита поехала в телячьих вагонах на Восток. Потом явились гитлеровцы и организовали концлагеря. А в 1945-м опять Советы, опять депортация, опять расстрелы. То НКВД, то гестапо. В одном помещении. Повода для памятников не видно.

А в Польше — что, оставить памятники тем, кто расстреливал польских офицеров в Катыни? Памятник воину-карателю? Может быть, еще памятник лагерным вертухаям где-нибудь установим? С овчаркой? А в Чехии и Венгрии после событий 1956 и 1968 годов на наши танки

аллергическая реакция, так что их тоже снесут, эти Т-34, и правильно сделают. Сколько им, европейцам, жить на пепелищах чужих преступлений и заблуждений?

Да еще господин Пушкин в «Постскрипуме» решил эстонцев уколоть, что они фашистов ждали и с ними сотрудничали. Нехорошо, конечно. А мы пакт Молотова — Риббентропа не заключали, с Гитлером Европу не делили, хлебом и сталью его не снабжали, гестапо немецких коммунистов и евреев не выдавали? Молчали бы уж лучше. Мы воюем с памятниками. Воюем за беспамятство. Свое и чужое.

Фашизм — абсолютное зло. И я бы никогда не надела гитлеровский мундир. Но сталинизм — зло не меньшее (и ленинизм заодно, и «брежневизм», и «хрущевизм»). И для меня советская форма равнозначна гитлеровской. И не только для меня. Эстония не хочет видеть эту форму в центре своей столицы.

Уходя из своих колоний, забирайте свои памятники с собой. Вон губернатор Титов в Самаре согласен их прописать. Нам терять нечего, у нас вся страна как лепрозорий. Налево — Мавзолей, направо — красные звезды. Сзади — Ленинский проспект, спереди — Октябрьская площадь. И Путин улыбается во всех кабинетах со стен. Воин-восстановитель. Наперсник возврата. Есть повод для памятника.

ВОСКРЕСНИ, ВОЖЕ! ВОЖЕ ПРАВЫХ!

Грани.ру, 1 марта

Пакты, декларации, Конституция, Уголовный кодекс, мировое общественное мнение, правозащитное сообщество — ничего не помогло злополучным юкосовцам, и заплечные мастера с Лубянки опять берут в работу несчастных узников совести (у бизнес-сообщества напрочь уснувшей) — Михаила Ходорковского и Платона Лебедева. Видимо, Черный Властелин из Кремля не ожидал, что они так долго протянут. И холод, и радиация, и «пресс-хата» из уголовников в Краснокаменске, и настоящий голод для Платона Лебедева в Заполярье — всё пошло в ход.

Дело рук Михаила Ходорковского, его маленький уголок возрождения России, его свободная «индейская» территория — фонд «Открытая Россия», лицей — всё это стирают с лица земли.

Чуть не отрезали нос; посадили в карцер за чашку чая, за два лимона, — а эти двое, Лебедев и Ходорковский, все еще не признали себя врагами народа и не подписали протокола, что они украли весь государственный бюджет Евразии за текущий кайнозойский период и что нефть они разбавляли грузинским вином и черными чернилами.

И вот измышляется новое обвинение, суть которого можно сформулировать очень коротко и понятно: «сидеть им не пересидеть», или «пусть сидят до тех пор, пока мы, их спасавшие, спокойно и в срок не ляжем в землю, чтобы не было «эффекта Монте-Кристо», или «ты виноват, Ходорковский, уж тем, что хочется нам, чекистам, кушать — сказали и в чекистскую тюрьму юкосовцев поволокли».

Всё это называется «точечный сталинизм». Потому что изложенная выше суть второго обвинения завернута в неудобоваримые экономические формулы, из которых явствует, что Ходорковский не только всю российскую нефть украл, но и в Эмиратах прихватил кое-что.

Люди диву даются, зачем это Путину понадобилось. Людям этого не понять. Это логика нелюдей. В нашей истории это уже было: поток «повторников» 1948—1949 годов. И с какой пронзительной ненавистью рассказал об этом Солженицын прежний, свободный, диссидент и антисоветчик: «1948—1949 годы... ознаменовались небывалой даже для сталинского неправосудия трагической комедией "повторников". Так названы были на языке ГУЛАГа те несчастные недобитыши 1937 года, кому удалось пережить невозможные, непереживаемые 10 лет... Но какая-то дикая фантазия (или устойчивая злобность или ненасыщенная месть) толкнула генералиссимуса-победителя дать приказ: всех этих калек сажать заново, без новой вины!.. И всех их приходили брать. Их брали с той же ленивой усталостью, с какой шли и они. Уж они всё знали заранее — весь крестный путь. Они не спрашивали "за что?" и не говорили родным "вернусь", они надевали одежду погрязней, насыпали в лагерьный кисет махорки и шли подписывать протокол. (А он был всего-то один: "Это вы сидели?" — "Я". — "Получите еще десять")».

А в «Крутом маршруте» вспоминает этот жуткий период Евгения Гинзбург. У них в Магадане ссыльных, чтобы оформить им вечное поселение на Колыме, брали в тюрьму, в «дом Васькова», на 5–6 месяцев просто по алфавиту.

Ходорковскому с Лебедевым даже выйти не дали. Это у Солженицына тоже есть. «Лагерный срок» называется. А в колымских лагерях во время войны, если срок кончился, почти никого не освобождали: давали бумажку подписать, что временно, до конца войны, задерживают. У нас тоже идет война: война Путина и чекистской братии с современностью и с будущим, от имени и по поручению сталинистского прошлого.

Любимый Путиным Андропов тоже такие штучки практиковал: в лагере политзэкам (Тане Осиповой, например) давали еще по три года — за отказ исправляться: номер не носит на груди, как в Освенциме и Степлаге, не раскаивается, на путь исправления не встал... Вот точка, где мы сейчас находимся, вот оттуда должны мы черпать наши примеры, наши аналогии.

Много Рузвельт и Черчилль заступались за узников ГУЛАГа? А со Сталиным, с «дядюшкой Джо», обращались очень бережно. Только вместо «восьмерки» была «тройка». «Большая тройка» — в Ялте, малые — вместо правосудия, на местах, от Москвы до Колымы.

И Союз промышленников и предпринимателей на вопрос правозащитника «где ваш брат Ходорковский?» — смело отвечает: «Разве я сторож брату своему?» Каина им в председатели вместо Шохина. Так что в смысле помощи Лебедеву, Ходорковскому, Пичугину, Бахминой мы спокойно можем начинать рыть туннель от Читы и Потьмы до Лондона. Иначе Михаил Борисович и его коллеги по несчастью могут запросто умереть в тюрьме, как умер бы Эдмон Дантес, если бы не бежал из замка Иф.

Сейчас Великий пост, и я, как добрая христианка, голодная и слабая, начинаю временами мечтать: вот в тюрьме Михаил Ходорковский находит план секретной заимки, где Ермак, Колчак и кто там еще проходил мимо, зарыли золото и алмазы. Вот он роет подкоп и уходит в тайгу. Вот он возвращается под именем князя Амурского и с помощью своих денег совершает мщение в духе Дюма: Путин стреляется, Сечин сходит с ума, Суркова берут в плен чеченские боевики и морят голодом. Он кается, и Ходорковский его прощает.

Но это несбыточные мечты. Тогда я начинаю мечтать о том, что наверняка сбудется, в державинском ключе:

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!

Вот и выход. Иисуса — в преемники царя Ирода! Интересно, прикажет ли Путин убивать всех младенцев до года, когда к нему заглянут три волхва и объявят, что видели звезду над Россией и что Он родился и займет его трон? Интересно, объявит ли добрых христиан, которые молятся в Великий пост о здравии и спасении Ходорковского и Лебедева со товарищи и о каре для президента Путина, пособниками террористов? Ведь Бог все-таки не Шамиль Басаев. И будет ли объявлена экстремистской деятельностью молитва о том, чтобы данный президент попал в геенну огненную?

У Бога, конечно, есть свои вооруженные формирования, но являются ли они незаконными? Можно ли считать боевиком архистратига Михаила? По мне так он легитимнее всего минобороны. Вот у нас в стране все живо интересуются судьбой Путина после 2008 года. А мне гораздо интереснее его судьба после того, как он, дожив до глубокой старости, окруженный детьми и внуками, которым он оставит богатое наследство, мирно скончается в своем палаццо где-нибудь на Сардинии.

Вы помните, что в романе Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель» говорит Христос усопшему императору Карлу V, который, поощряя инквизицию, ввел ее в протестантской Фландрии? Каждый раз, когда человека подвергали пытке дыбой или водой, жгли на костре, четвертовали, разоряли конфискациям, эти же муки должен был претерпевать и Карл.

А Путин будет тонуть, как моряки Курска, задыхаться от газа, как жертвы «Норд-Оста», гореть в школе заживо вместе с бесланскими детьми, умирать с каждым чеченским ребенком под развалинами Грозного, гибнуть от радиации, как Литвиненко, прощаться с детьми, как Светлана Бахмина.

Не знаю как Михаила Ходорковского, а меня это очень утешает.

МЫ ВСЕ ГЛЯДИМ В ХАМЕЛЕОНЫ

The New Times, №6, 19 марта

«Двуногих тварей миллионы, мы все глядим в Наполеоны», — сказал Пушкин. Поэт слишком хорошо думал о человечестве.

Наполеон — символ удачи, но и великого риска тоже. В наши дни взоры обращаются совершенно в другом направлении. С началом путинской эпохи у очень многих журналистов, «отзовистов» и нонконформистов началась линька. Демократы, либералы, западники линяли до государственников, консерваторов и традиционалистов. И весь этот прагматически мыслящий тростник зашелестел против тех крох цивилизованности, европейских ценностей и желания поучиться у Запада, которые несчастной стране удалось подобрать в недолгую ельцинскую эпоху, сегодня именуемую «роковой» и «трагической» как раз теми, кто чистил Ельцину ботинки и подавал тапочки.

В розовые времена путинского премьерства, когда будущий президент казался кое-кому милым и застенчивым абитуриентом и искал расположения интеллигенции, завернул он в «ПЕН-центр». А это самая «крутая» писательская организация. Возглавляет ее поэт Александр Ткаченко, матерый правозащитник. Организация эта неустанно защищает журналистов и писателей от политических репрессий. К моменту визита Путина вторая чеченская уже шла, и не было среди писателей человека, кто бы одобрял эти реки крови и вообще весь этот карикатурный империализм. Но когда Путин добрался до ветхих писательских палат, оказалось, что общественное негодование властители дум спрятали в карман, и российское телевидение показало умильную сцену братания идейных противников, преемника и писателей, на бархатном диване. Его сводили в сортир, чтобы показать, что сантехника течет и что замочить там кого бы то ни было совершенно невозможно. У него попросили новое помещение и охрану для писательских дач в Переделкино. Помещение не дали до сих пор, как не получили милости ходоки от НТВ, некогда отправившиеся к Путину, уже приговорившему канал к высшей мере.

Власть не милует капитулянтов и не жирно кормит прихлебателей. И в этой бесплатности вылизывания янычарско-кремлевских пяток — особая тайна, сладкая,

заветная тайна холопства. Не думаю, что Федор Бондарчук, сын большого режиссера, поставившего «Степь» и «Войну и мир», что-нибудь получит за свое вступление в «Единую Россию». Фильмы ему не помогут ставить ни Путин, ни Грызлов. А вот звания «Федя-съел-медведя» в собирательном образе режиссера в «Дне опричника» от Владимира Сорокина он уже удостоился.

Из всего нашего «ПЕН-центра» его правозащитные задачи выполняет один Александр Ткаченко, остальные спортивным шагом удалились в ближайшие кусты. Бывает и хуже. Поэт из когорты Политехнического 60-х Юнна Мориц написала стихотворение на смерть «святого праведника» Милошевича, ушедшего в иной мир из «дьявольской берлоги» «Карлы». Воздух времени, очевидно, очень заразен. Но что это за инфекция? Ослабление иммунитета против низкопоклонства, державности, изоляционизма? Поэт Евгений Рейн, утонченный эстет, враг сталинизма, переводил вирши Туркменбаши, тирана в кубе, Сталина наших дней, и оправдывался тем, что это замечательные стихи. Интересно, кто в Австрии или Германии сейчас захочет выставить и продавать картины Гитлера? Кто в Италии станет учить в университетах журналистике по материалам статей Бенито Муссолини? Уже дошло до пересмотра истории России на потребу нуждишкам сегодняшнего дня. Нашлись ушлые историки, которые откопали, что Николай I (в равной мере ненавидимый и русскими либералами XIX—XX веков, и советской историографией), оказывается, был отличный царь, первый среди равных ему дворян. В Малом театре, где при Ельцине шла очень жесткая пьеса Солженицына «Пир победителей», где автор берет под свою защиту РОА и поносит НКВД, пойдет Островский в оригинальной интерпретации: Лжедмитрий, давший свободу, — враг, а ничтожный Шуйский — великий царь. (О нем у А.К.Толстого сказано: «Взошел на трон Василий, но вскоре всей землей его мы попросили, чтобы он сошел долой».)

Еще один пример из последних. Бедное, одинокое, заклеванное «Солдатскими матерями» минобороны решило оснаститься для защиты от общественности неким Общественным комитетом. Вторая линия обороны. От врагов «внутренних», по Куприну. Благо враги «внешние» — давно уже досужий вымысел наших заснувших еще в 1945 году летаргическим сном военных структур. В комитет вошли

и великий актер и режиссер, но дилетант в политике Никита Михалков, и давно перешедший на сторону гвардейцев кардинала (если Путина приравнять к Ришелье) Михаил Боярский, и автор «Сто дней до приказа» Юрий Поляков, размазавший в своей повести по стенке советскую армию, а теперь призывающий взять самое ценное из ее опыта. Я уж не говорю о правозащитниках, которые то закидывают Путина шишками как сатрапа и супостата, то заседают с ним во Дворце съездов или берут перед камерами корзину цветочков ко дню рождения, чего никогда не делали их славные предшественники Юрий Орлов, Владимир Буковский, Александр Гинзбург. И ведь нельзя сказать, что полоний у нас уже стал национальным напитком, столь же популярным, как квас; и застрелили даже не каждого десятого. Откуда же такая паника? Почему демократы проходят «ребрендинг» и работают кремлевскими ковриками, бросаясь со всех ног в Кремль посудачить об экстремизме с президентом, чуть он подмигнет? Ведь нынешний режим держится не на штыках, а на политическом бездорожье, дураках и отчасти на аплодисментах блудливых умников.

Почти 90 лет назад депутат Думы Пуришкевич сказал с трибуны: «Страшен не Распутин, а распутство». Уберите «рас» из фамилии и подивитесь прозорливости предков.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЦКС ДС

Ds.ru, 17 апреля

Путин не согласен с Конституцией

Кроме «маршей несогласных», проведенных 14—15 апреля «Другой Россией», в столицах состоялся еще один марш, самый опасный для страны: марш несогласных с Конституцией властей. Президент, губернаторы Лужков и Матвиенко, колонны ОМОНа обрушились с дубинками не только на демонстрантов, но и на Конституцию, где зафиксировано право граждан собираться свободно и без оружия на митинги и манифестации. Санкционируя разгоны, избиения, превентивные аресты за одно намерение поехать в Москву или Петербург, Путин открыто отрицает конституционные права граждан. «Демократический Союз» был лишен возможности принять участие в «Марше несогласных» из-за массового и санкционированного демократами из «Другой России» участия в нем

красных и коричневых от АКМ до НБП. Но мы решительно не одобряем те нелепые и антиконституционные меры, которые трусливый чекистский режим применил к демократам. У власти нет даже того оправдания, что они борются с коммунистической и нацистской угрозой, иначе эта власть для начала похоронила бы Ленина, сняла с кремлевских башен красные звезды и перестала бы бороться за чисто славянские рынки. Власть борется с оппозицией независимо от ее профиля.

Намерение же возбудить уголовное дело по статье 280 УК против Гарри Каспарова мы рассматриваем как начало судебных расправ с лидерами оппозиции уже по чисто политической статье, причем призыв Каспарова к осуществлению своих конституционных прав расценивается как призыв к экстремистской деятельности.

Мы выражаем свою солидарность Гарри Каспарову и надеемся, то все демократы, несмотря на разногласия, встанут на его защиту.

ДС еще раз призывает граждан страны к защите Конституции от президента и его опричников.

ДОРОГОЙ МОЙ ПРЕЗИДЕНТ

Грани.ру, 25 апреля

То, что Ельцин смертен, мы, конечно, знали. Мы просто не знали, какого рода связь существует между нами. Мало ли что: сотрудничество, партнерство, договор (то ли общественный, то ли анти: общество-то левое), сделка. Но вот он умер (слава Богу, не как Александр Освободитель, разорванный чуть ли не на куски верноподданнической бомбой; и не казнен, как Имре Надь: ведь Руцкой, Хасбулатов и К° готовили ему именно такой финал), и мы поняли сквозь слезы: партнеров так не оплакивают.

Это было не партнерство, это была любовь. Мы любили Бориса Ельцина и ревновали его к «супостатам», которые вечно толпились у его трона. Да, царь. Царь Борис. Второй пример в истории. Вернее, третий. Пример первый: консул Гай Юлий Цезарь, пытавшийся в I веке создать из Римского государства Евросоюз и выбравший смерть от рук заговорщиков вместо создания спецслужб, арестов, репрессий. Пример второй: Генрих IV, давший Франции свободу совести по Нантскому эдикту и хотевший создать

социальное государство («у каждого крестьянина по воскресеньям должна быть курица в горшке»).

А Борис Ельцин, получив огромную власть, великодушным жестом делегировал ее народу, который тут же употребил ее во зло. Это были не просто реформы, это было волшебство. Реформы — это у Александра Освободителя: солидная екатерининская основа, вестернизация от щедрот Александра I. Ускорение поступательного развития, скачок эволюции. Александр освободил крепостных (не все в России были крепостными), дал местное самоуправление (земство), дал суд присяжных, европейское судопроизводство, вольности университетам.

Это были отличные реформы, и да благословит Бог царя-освободителя. Но Борис Ельцин сотворил чудо: из яичницы понаделал яиц и даже кур. Он пустил историю вспять к вожделенному 1913-му (в плане экономики), а в смысле прав и свобод мы были буквально брошены в Европу. Это не Илья Муромец, это круче. Представьте себе тугую пращу,двигающую народы и континенты. К тому же он распустил этот проклятый Рейх, СССР, Империю Зла. Он творил мир, как Бог: из хаоса, из советского пепла и шлака, из отбросов.

И наши претензии к нему (гидру коммунизма он не добил, люстрации не провел, Ленина не похоронил, рынок дикий) очень похожи на претензии к Богу: зачем создал змей, скорпионов, тараканов и комаров? Зачем нам горы и пустыни? Почему в России холодно купаться? А если бы Бог, создавший проект с недостатками, вообще бы не стал ничего создавать? А если бы Ельцин не стал творить нам капитализм?

Он пришел дать нам волю, Путин же пришел ее отнять. За ненадобностью. Народ попросил Путина избавить его от бремени свободы. А Ельцин буквально за семь дней дал России то, чего она не имела никогда, и несмотря на старания Путина, кое-что еще осталось у нас на руках на память (если не растеряли и это): Конституция, триколор, кое-что от рыночной экономики, Дума, элементы свободных выборов, навеки упокоившийся упырь: СССР. Плачьте, демократы, такого в нашей жизни уже не будет. Былины — это не каждый день случается. Приход Ельцина даже Макс Волошин предсказал:

Всё, что было, повторится ныне...
И опять затуманится ширь,
И останутся двое в пустыне —
В небе — Бог, на земле — богатырь.

При жизни мы ему никогда не говорили «спасибо», не прижимались к груди, хотя в тяжелый час всегда были рядом: и в 1991-м, и в 1993-м, и в 1996-м. Но выглядывало солнце, стихал ураган, и мы уходили, оставляя Ельцина придворным и холопам. А с декабря 1994 года мы вообще ему хамили как могли.

Так было суждено. Мы выполняли свой гражданский долг. Нельзя бросаться президентам на шею, нельзя их гладить по головке. Мы проповедовали любовь «враждебным словом отрицанья», а он всё терпел и от нас, и от прессы, и Руцкие с Хасбулатовыми, и Макашovy с Варениковыми скоро загуляли на свободе.

Мы говорили ему: «Добей! Раздави гадину!» — а ему даже гадину было жалко, у гадин дома оставались гаденыши. Он не умел мстить, добивать, замучивать. Только в 1993-м спас страну, переступив через себя: травмировал гадину очень серьезно, пара голов у нее отвалилась.

Любил ли нас Ельцин? Любил. Терпел, прощал, а в 1996 году губил свое сердце, отплясывая с инфарктом, зарабатывая очки и спасая нам жизнь от коммунистических виселиц. Он мог бы жить долго, но все его силы ушли на тщетную борьбу с российской историей. Над гробом его стоят мародеры: Путин, Шаймиев, Лукашенко, Жириновский. Они-то сдерут с елочки-России все те игрушки, которые Ельцин на нее повесил. Ельцинская эпоха: синяя корона, малиновый ствол, звяканье шишек зеленых.

Праздник Рождества и Ельцин в костюме Санта-Клауса. Мы прощаемся с новогодней елкой: наступил «миг расставания, час платежа, день увяданья недели». Эпоха реформ и света закончилась, вместе с Ельциным в могилу положат наши мечты, наши надежды, наше будущее. «И в суете тебя сняли с креста, и Воскресенья не будет».

Я могу теперь признаться вам в любви, Борис Николаевич, дорогой мой президент. Восемь лет счастья — это много, я и на это не рассчитывала. Впереди у нас гнусные преемники и преемники преемников, Лубянка forever.

Одно плохо: Чечня. В плачущей ночной очереди не было чеченцев, на их сайте нет соболезнований, а есть холодная констатация: умер военный преступник. И что им ответишь? Здесь расходятся наши пути, наши слезы для них — предательство, от ельцинских даров им ничего не досталось, у них были сплошные похороны, пока мы играли свадьбу. И они не простят, они не умеют прощать.

Но мы, демократы, можем сложиться на небесное блаженство для любимого президента. Пусть каждый из нас даст обет взять на себя часть наказания, что Борису Николаевичу причитается за Чечню. Срок в чистилище или даже в аду поделим на всех. Неужели не согласимся немного отсидеть или отгореть за того, кто дал нам столько шансов и надежд?

И сделаем еще одно, чего не успел сделать Ельцин. Возьмем в руки икону, повернемся в сторону Кремля, посмотрим в пустые глаза лжепреемника, который, как тать, похитил у нас ельцинские подарки, и скажем ему: «Будь проклят в истории и потомстве, при жизни и после смерти!»

ЗНАМЯ ПОРАЖЕНИЯ

Грани.ру, 9 мая

Дума и Совет Федерации едва успели доспорить: какое именно знамя подняли в мае 1945 года над Рейхстагом? Со звездой? С серпом и молотом? И, как всегда, пытавшиеся уточнить и почтить своей точностью ветеранов думки были обвинены в кощунстве, неуважении и враждебных происках. Совсем как патриарх Никон, который хотел исправить ошибки в церковных книгах и был обвинен невежественными фанатиками в ереси, после чего и начался раскол, осложненный самосожжением в скитах.

Зря, конечно, два фиктивных парламента устроили эту свалку по поводу фиктивной проблемы. Какое знамя могли поднять Егоров и Кантария над Рейхстагом? Только знамя своего поражения: другого у них не было.

Да, СССР проиграл ту войну. Не Гитлеру — Сталину и марксизму-ленинизму. Но если бы только СССР! (Империя Зла, да не будет земля ему пухом.) Хуже то, что войну проиграла наша Россия. Мы все ее проиграли, многие еще до своего рождения. Я родилась в 1950 году, и всё

мое поколение, и даже следующее, рождены были лузерами, побежденными, обреченными «на свет появиться рабами».

Со мной не согласятся ни живые ветераны, ни павшие в боях: они были молоды, отдавали жизнь, честно пролили кровь, и им казалось, что их враги одеты в форму вермахта или СС и говорят по-немецки. Героев фильмов «Баллада о солдате» и «Летят журавли» или романа «Дорогой мой человек» я ни в чем не упрекаю. Мне их жаль от души, их и еще 27 миллионов живых душ, которых бездарные советские полководцы и подлый бездарный генералиссимус бросали сотнями тысяч в топку войны. Умения у них не было. Они воевали «числом», и чистые мальчики погибали целыми ротами, были для них шепками на растопку.

Им казалось, этим мальчикам, что они защищают свою страну, они были идеалисты и умирали без ропота и протеста. Они были слепы, потому что выросли в темноте. Вина лежит на тех, кто в 1917 году погасил над Россией солнце.

Мальчики типа Володи Устименко, сердитые и хрустальные насквозь, легли под гитлеровские танки и помогли США, Великобритании, Франции и Скандинавии освободиться от нацистов и зажить свободной, разумной и комфортной жизнью. Памятники им должны стоять в Руане и Париже, Брюгге и Амстердаме, Вашингтоне и Сиэтле, Лондоне и Эдинбурге.

Но они ничего не смогли сделать ни для своей Родины, ни для Восточной Европы, ни для стран Балтии. Да, им бросали цветы: под Гитлером было не сладко ни чехам, ни венграм, ни словакам. Они же не знали, что вслед за Алешами, Сережками с Малой Бронной и Витьками с Моховой придут особисты, придет НКВД, посадят им на голову местных безумных большевиков вроде Ракоши или Берута и начнутся депортации, пытки, расстрелы, красный террор.

Если цель поколения была спасти Россию, то поколение погибло зря. Его жертвенность, его кровь послужили пьедесталом для омерзительного тирана и ряда серых догматиков из ЦК КПСС, которые угробили страну, окончательно вогнав ее в ложь, рабство, варварство, убожество и отсталость.

Военная победа легко превращается в поражение, если победители подчиняются своим злейшим врагам, одетым в такую же форму и говорящим на одном с ними языке.

Знаки нашего поражения бросаются в глаза: это Мавзолей и красные звезды над Кремлем. Красный фашизм не лучше черного, и если бы в Мавзолее лежал не Ленин, а Гитлер, над Кремлем торчали бы не звезды, а свастики, поколению, получившему в 1945-м в награду «дело врачей», борьбу с «космополитами» и новый шквал террора в 1948-м; поколению, чьи пленные из Бухенвальда и Майданека поехали в сибирские лагеря, не было бы хуже. Хуже было некуда.

Миф о войне, в которой мы победили, — самый опасный миф в России, ибо фимиам, который мы себе воскуриваем каждый год в мае, своими тяжелыми клубами заслоняет от нас реальность, не дает опомниться, покаяться, научиться смирению, искупить вину перед Восточной Европой и Балтией. Не дает идти вперед, увидеть путь, перестать пыжиться и заноситься. 9 Мая (а ведь война закончилась 8-го, мы одни выдумали себе особый, мифический день, хотя вся Европа скромно отмечает 8 мая) — давно уже наш наркотик, а от правды у нас начинаются ломки, как у несчастных русскоязычных граждан Эстонии.

Из-за красивого лживого мифа, созданного еще в 1944 году, в 2007 году погиб двадцатилетний русский юноша. Ложь догнала его и унесла в могилу. Знай он правду, разве он пошел бы защищать кусок бронзы на таллинском холме? Латыши, литовцы, эстонцы и поляки не бросали цветы под гусеницы советских танков; они сами бросались под эти танки и, чтобы получить оружие для защиты своей Эстонии, некоторые эстонцы даже надели немецкие шинели. Они знали правду про «освободителей». Они узнали ее еще в 1940 году. Т-34 уже переехал их «маленькую жизнь» в строгом соответствии с пактом Молотова — Риббентропа. Солдатским могилам место на военном кладбище, даже если это могилы оккупантов.

И поляки, и эстонцы, и латыши не станут ломать кладбищенские памятники и надгробья: они культурные люди. Но эти же памятники на главных площадях европейских столиц имеют другое значение: знак обладания, навязанная воля, политический символ оккупации. И хоть ты приставь к каждой статуе по 40 чекистов с окладом 1 миллион в год, это не поможет: снесут. В Грозном 16 раз сносили памятник Ермолову.

Наши мифы идут вразрез с чужой выстраданной реальностью, и с ними никто считаться не будет. Чем трубить

в медные трубы, позаботились бы лучше о тех, кто прошел через огонь и воду: дали бы выжившим солдатам и офицерам (не смершевцам, не особистам, а фронтовикам) пенсию в 700—1000 баксов вместо недельного вранья и нафталина и забвения на весь остальной год. Чтоб они орден на арбатских лотках не продавали.

А помочь павшим мы можем только одним: спасти наконец Россию, перешагнуть мысленно через Эльбу и уйти наконец на Запад не оккупантами, а резидентами. Пусть Россия станет частью Запада, доброго, сильного, цивилизованного. И тогда можно будет сказать: 27 миллионов погибли не напрасно. И нашим общим знаменем победы вместо красной тряпки экстремистов и поджигателей станет родной триколор. И дополнительно — звездно-синий флаг Евросоюза.

ПРАВО, СЛАВНО

Грани.ру, 25 мая

Раньше говорили, что каков поп, таков и приход. Эту поговорку придумали идеалисты, слишком верящие в силу слова. На самом деле качество нашего всероссийского прихода во многом определило уровень большинства попов, и даже не только у нас, но и в дальнем зарубежье.

Семнадцатого мая у нас ликовали начальники — как светские, так и церковные. Им удалось подверстать к своему царству-государству еще несколько сотен тысяч православных душ. Референдум, правда, не проводился, души пошли в «каноническое общение» с РПЦ чохом, оптом, строем, как в ГУЛАГ.

Независимое от российской диктатуры православие раскулачили как класс, не спрашивая ни имен, ни фамилий. И не далек тот день, когда во французском городе Париже клир и прихожане маленькой церкви на Сент-Женевьев-де-Буа будут поминать христоролюбивого президента Путина, святейшего отца Звездония (тьфу, в Войновича заехала! Я хотела сказать, патриарха Алексия) и, неровен час, даже богобоязненных чекистов, правящих на Святой Руси. Такие же шабаши смогут происходить в Торонто, и в Нью-Йорке, и в Австралии, и в Португалии, и в Палестине.

Путинской администрации пришлось немало порадовать, чтобы затащить в свое суверенное логово не только западные демократии, потребляющие российские энергоносители (первым делом, первым делом самолеты — они же на керосине летают, а он из нефти добывается; а о «мерсах» и «фольках» я уж не говорю, — ну а принципы, а принципы потом), но и западных православных христиан.

Никакого сепаратизма Кремль даже в религиозной сфере не допускает. Иначе зачем было в советские годы душить пятидесятников, иеговистов, адвентистов? Что за дело атеистическому государству до разных толкований христианства? Но все попы в нашем кремлевском приходе должны были ходить по струночке и отдавать честь. РПЦ — отдавала. И отдала с лихвой: кроме бесчестия, ничего не осталось.

А так называемые «сектанты» сохраняли духовную независимость, РПЦ не кланялись и к советской власти относились прохладно. Помните, что говорил Ивану Денисову в повести Солженицына баптист Алешка в бараке? Он про «попов в законе» так отзывался: «Их не сажают, потому что вера не твердая».

РПЦ давно уже играла роль «приводного ремня» между коммунистической (сегодня — чекистской) властью и обществом. Наравне с ВЦСПС. Подверстать. Зачистить. Согнуть. Построить. Баптистов пересажали почти всех; католических священников Литвы сажали пачками. Над литовскими хуторами летали вертолеты, высматривая, не печатают ли где Евангелия. Такая обстановочка была во Фландрии в XVI веке, когда там свирепствовала испанская инквизиция. За попытку печатать Библию посылали на костер. А у нас Евангелие изымали на обысках как подрывную литературу. Мое, изъятое при аресте в 1969 году, мне до сих пор не вернули.

РПЦ не протестовала, она соглашалась со всем, она никогда ни за кого не заступалась, не печаловалась ни об узниках совести, ни о жертвах Афганской войны. Сегодня они тоже никого не защищают — ни Ходорковского, ни Светлану Бахмину, ни Игоря Сутягина. Патриарх Алексей призывал юношество воевать в Чечне. На Антихриста он, конечно, не тянет, но лучше отдать свое стадо волкам, чем такому пастырю. Волки скорее смилуются.

Путину, ясное дело, хочется опереться на более надежный авторитет, чем Дзержинский. Христос — хорошее

прикрытие для любых мерзостей, особенно если в приходе под названием Россия властвуют мерзавцы. А начальникам карловчан давно хотелось определиться в «казенный дом».

РПЦ сказочно богата: я уж не говорю про куриный, табачный и алкогольный промысел, про паркинг и мойку под храмом Христа Спасителя (представляете себе такое под собором Парижской Богоматери, Сикстинской капеллой или Сан-Марко?). Но разбухшее от нефтедолларов государство щедро платит за обработку населения.

РПЦ сначала трудилась в идеологическом отделе ЦК (спецкурс, факультатив), а сегодня стала идеологическим департаментом при кремлевской власти, то есть путинской администрации. Клир РПЦ ходит в «штатском», но погоны у них в душе. Голубые чекистские погоны вместо образа Божьего. Теперь и бывшая Зарубежная церковь погрееется у нефтяного костра.

Не падайте духом, потомки поручика Голицына! Вместе с Оболенскими переходите в католичество!

ГЛАГОЛОМ ЖЕЧЬ ЗАПРЕЩЕНО

Грани.ру, 8 июня

Умеренно и благопристойно оппозиционные политики и журналисты, отказавшие в защите Борису Стомахину по причине его стилистического максимализма и оппозиционной горячности, еще будут иметь возможность расплакаться от раскаяния. Доев несчастного инвалида, что едва передвигается, но вот-вот попадет на этап, который и здоровый зэк едва ли выдержит (Мосгорсуд ни дня не убавил из стомахинского срока), Лубянка взялась, разохотившись, за следующих «клиентов».

Чекисты — это волки, если не гиены. А волки, если верить Джеку Лондону, в северной глуши любят охотиться без риска, то есть отрезают от стада стельных самок и старых, больных лосей. В смысле нападают на крайних, которых не будут особо ревностно защищать ни на Востоке (то есть в Москве), ни на Западе.

Стаса Дмитриевского удалось отбить, здесь волки ошиблись добычей. Сбежались все российские правозащитники, все иностранные, Amnesty International заранее титул «узника совести» присвоила. Десант поехал даже в Нижний

Новгород. Словом, «Варшава нам и Вильна прислали свой привет». И правильно, Стас того стоит. Это один из самых просвещенных, воинственных и эффективных правозащитников «новой волны» (считая с конца 80-х).

А если бы такую защиту Стомахину — неудобному, неэффективному, колючему, как кактус? Меня не оставляет мысль о том, что Лубянка заинтересовалась ЖЖ Виктора Шендеровича, статьями Андрея Пионтковского и деятельностью профессионального охотника за экстремистами Владимира Прибыловского именно после того, как ей позволили «схарчить» Стомахина. Когда откусывают с краюшку по кусочку, все кусочки по очереди имеют шанс оказаться крайними, даже стилистически выдержанные. Аппетит приходит во время еды.

Виктор Шендерович слишком умен, чтобы призывать «голодных рабов» выйти на улицу и что-то разгромить. Старики вообще никого ни к чему не призывают. Они «бичуют нравы». Не считает ли Лубянка экстремистами Ильфа, Петрова, Салтыкова-Щедрина, Мольера и Лафонтена? У нашей власти какая-то пиррофобия, они боятся огня, как дикие звери и питекантропы, которые еще не умели его добывать.

Только и слышно: «зажигали», «поджигали», «разжигали», социальная рознь между «гражданами евразийской и кавказской национальностей» (это из приговора Борису Стомахину, за этот бред прокуратуры и следствия он получил пять лет). Может, запретят зажигать на дискотеках? Или «Ожог» Аксенова опять станут изымать. Утюги перестанут продавать. Чтоб не обжигали. Спички отбирать станут.

Журналист Пионтковский всегда писал умеренно и прилично, Прибыловский сам экстремистов преследовал, даже меня в их ряды зачислял лет 15 назад... Может, через Пионтковского обезумевшие гэбульники хотят добраться до «Яблока», чтобы не дать им участвовать в декабрьских выборах? А если это мщение за приглашение в единые кандидаты уже для того самого заветного мартобря Владимира Буковского, то неясно, при чем здесь Шендерович. Минуя его «плавленные сырки», чекисты зачитались его ЖЖ. А ведь он в группу выдвижения не вошел.

Ну, у Шендеровича и так экстремистский вид — недаром после зачистки НТВ, ТВ-6 и ТВС было дано ЦУ,

чтобы его ни в каком качестве на телевидении не было, даже если он будет молчать.

Впрочем, эти загадки разрешимы в свете последних откровений родного президента. Если после короткого отдыха (никто почему-то не рассматривает перспективу удобного преемника на год, а потом — отставка по состоянию здоровья или семейным обстоятельствам) ВВП прочит себе еще пару «оптимальных сроков» по семь лет, то всё встает на свои места.

Конституцию (если нам ее оставят) выпотрошат и изменят в нужном направлении, и мы накушаем ВВП на всю оставшуюся жизнь... Ясное дело, что при таком раскладе журналисты, сатирики и политологи — лишние люди грядущей эпохи. Того и гляди назовут процесс своими именами. Поэтому нас всех в один мешок — и в воду.

Вот я, например, постоянно разжигаю ненависть и рознь в отношении социальной группы чекистов, социальной группы фашистов, социальной группы коммунистов, социальных групп палачей, предателей, рабов, трусов, глупцов... Вяжите меня!

ВЕЧНОСТЬ СОКРАЩАЕТ ЖИЗНЬ

Грани.ру, 28 июня

Все, кто хоть когда-то учился латыни, знают эту формулу: *Ars longa, vita brevis est*. В смысле, что жизнь коротка, а искусство вечно. Но ни одному школяру, ни одному латинисту не приходило в голову, что вечное искусство может сократить и без того короткую жизнь. И не так, как у Ван Гога — бедность, голод, перенапряжение, эпилепсия, самоубийство, — а в самом прямом смысле.

Дело в деле. У него уже есть номер, и это второе дело, заведенное против бесменного руководителя Сахаровского центра Юрия Самодурова. Музей и центр еле пережили первое дело — за выставку «Осторожно, религия!». Дальнейшие события полностью оправдали организаторов. Бог добр, благодетен и не мелочен, он не ходит по музеям с одной целью: потащить художников и музейщиков в суд, а там и на каторгу.

А вот бюрократы—церковники, как всякие функционеры, заняты сугубо земными делами, и в каждом оппоненте или

конкуренте они видят врага, желающего вырвать у них изо рта довольно-таки жирный кусок. Ведь причт и администрация — это и есть львиная доля религии, и что им за дело до того, что где-то скитаются голодные и оборванные Иисус и его апостолы...

Вера может быть как благом, так и злом (если она слепая и свирепая, если это вера невежд). Бог дает нам ориентир — совесть, то есть разумно направленное и умело дозированное Добро. А вот институт религии почти всегда Зло, за немногими исключениями. Инквизиция, Священный Синод, салемикие казни «ведьм», гонения на старообрядцев (наша домашняя инквизиция: казнь протопопа Аввакума, голодная смерть боярыни Морозовой и Урусовой), Варфоломеевская ночь, религиозные войны, жуткие тоталитарные режимы Ирана и Саудовской Аравии, исламистский налет на башни-близнецы, джихад и крестовые походы, шахиды — это всё действительно угроза человечеству.

Когда нельзя шутить и смеяться, нельзя рисовать карикатуры, нельзя не то что надеть купальник — волосы открыть, тогда мало выставок — нужно раздавить эту гадину (тоталитарную религию) с помощью всей силы светского государства. Ведь Вольтер был не против веры и не против Бога, он был против религии, которая лезет куда ее не просят.

И вот за всю эту аксиоматику Юрия Самодурова едва не посадили в тюрьму. Он был уверен, что посадят, и на чтение приговора он и его коллега пришли с вещами. Слава Богу, обошлось. Слава Богу, штраф заплатили эспэсовцы.

Но от музея не отстали. Там была новая выставка из снятых, не допущенных в экспозицию других выставок картин. То есть у нас уже есть «запрещенное искусство». Музейщики и организаторы выставок некоторые картины не принимают, говоря, что лучше не дразнить гусей. Чего сегодня боятся деятели искусств России, замордованные сгущающейся, как черный туман, стабильностью и железобетонным утесом парламентаризма? Обнаженной природы (приехали! Сегодня и Пластова бы не выставили), нецензурных моментов, религиозной проблематики.

Возвращаемся к сталинскому дизайну. Рабочий и колхозница, свинарка и пастух. Девушка с отбойным молотком. Хотя, если из дула орудия с «Авроры» вылетает матерное слово, это не похабщина, а антикоммунистическая пропаганда. Юрий Самодуров пригнул несколько картин соц-арта,

многие из которых написаны в 60—70-е годы. Тогда — под нож бульдозерных выставок, сегодня — в суд по 282-й статье за «разжигание» непонятно чего. Кабаков — это уже классика, а из других картин многие повисели в музеях.

Выставка «Осторожно, религия!» оскорбляла не веру и не верующих, а мракобесов и их церковь — РПЦ. Они сами выбрали себе паству, функционеры советского и чекистского православия. Самое интересное, что на выставке «Запрещенное искусство» вообще представлена одна защита религии, а не ее «оскорбление». Ведь картины написаны в советскую эпоху, в эпоху запрета религии. И все приличные люди старались ее защищать.

Икона с надписью «Даешь стране угля!» — это же возмущение миром, где производственные лозунги стали верой. Здесь уже дело не в вере и даже не в религии, здесь нужно уничтожить музей Сахарова и его хранителя Юрия Самодурова, последний оплот свободомыслия в Москве. Здесь церковники — только прикрытие для чекистского Синедриона и силовых Понтиев Пилатов. И в роли христианского мученика выступает Юрий Самодуров, который пытается сохранить свободу самовыражения для художников. Он ближе к Богу, чем его гонители.

Сахаровский музей — последний дом демократов, остаток их суверенной территории. Его побивают камнями, как первомученика Стефана. Недавно разбили окно, и с пола сотрудники музея подобрали две каменюги.

На этот раз Юрий Самодуров рискует оказаться в казематах нашего «басманного правосудия» следом за другими мучениками режима: Игорем Сутягиным, Светланой Бахиной, Михаилом Ходорковским, Борисом Стомахиним, который почти не ходит, но в ночь на понедельник 25 июня отправился в никуда, на этап.

Кстати, по делу выходит, что Юрий Самодуров создал преступное сообщество. Для них, чекистов и черносотенцев, это преступление: то, что делал Сахаров и что делают его последователи в музее. Здесь протестовали против чеченской войны, здесь решали вопрос о бойкоте президентских выборов, здесь в библиотеке получают литературу, которую до 1986 года чекисты изымали на обысках. Здесь выставили марки с портретами политзаключенных.

В России темнеет, а Сахаровский музей — наш последний Минас Тирит. Не дайте Саурону из Кремля уничтожить его наместника и Хранителя.

ЧУМА НА ОВЕ ВАШИ «РОССИИ»

Грани.ру, 9 июля

Ну вот мы и вышли в тираж. Даже наш доморощенный Мефистофель, то есть Борис Абрамович Березовский, это заметил. Уж на что он, бедняжка, прост, но и его осенила своим крылом горькая историческая правда, когда-то сформулированная Чернышевским. Это насчет того, что Россия — страна рабов, что в ней снизу доверху одни рабы. Это, кстати, не сильно расходится с выводами Лермонтова: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ, и вы, мундиры голубые, и ты, им преданный народ». Читайте, граждане РФ, классику. Это наше зеркало.

Уже в первой половине XIX века, при формальной монархии, Россия была во власти охраны. Ай да Лермонтов... Полоний тогда не производили и людям (нелюдям) в голубых мундирах было сложнее, чем после людям в голубых погонах. Но на роль добровольных киллеров всегда находились пошляки и ретрограды, дантесы и мартыновы.

Борис Абрамович возомнил, что инвестиции в оппозицию не окупятся, что оппозиционные политики трусы и то самое, чем обозвал интеллигенцию Владимир Ульянов, что получающие «ТЭФИ» деятели культуры и то респектабельнее. Денежки, мол, идут, а лидеры оппозиции всё сидят.

У Березовского вообще есть привычка закладывать. Или даже использовать клевету. Вот он пожалел о деньгах, вложенных в Ющенко и «оранжевых». Пожалел вслух, но мы никогда не узнаем, давал он деньги или нет. Также и с «Другой Россией» и с прочей оппозицией. Компромат даже без гу. Поди проверь. Гарри Каспаров сказал, что у такого типа нельзя брать деньги, что это компрометирует оппозицию. Правда, сказал он это, сидя в кадре рядом с Лимоновым, так что при таком «семейном портрете в интерьере» о компроматации можно уже не беспокоиться. Поздно пить шампанское, когда почки отвалились.

Похоже, что «Другая Россия» села на мель и Михаил Касьянов отплыл на спасательной шлюпке в темные воды бурной российской политики. Нельзя за него не порадоваться: он человек явно буржуазных взглядов (что похвально), очень хорошо одет и причесан, и ему не место среди черных рубашек и красных знамен санкюлотов из НБП и АКМ. Сказал же Никита Белых мудрую вещь: нам нужна

достройка капитализма под ключ, чтобы в нем можно было жить. Вот пусть Михаил Касьянов и строит капитализм, а свою избирательную программу (с бесплатным образованием и медициной, а также с новым жильем и ремонтом для половины россиян в первый же год его правления) пусть оставит на память лимоновцам. Им в самый раз.

Если вспомнить, что Эдуард Вениаминович обещает пошить народу новые пальто, то у НБП для совков уже целый пакет предложений: суповой пакет демагогии и вранья. Но Борис Абрамович все равно недоволен: хоть 47 лимоновцев и сидят в тюрьме, но нет ни революции, ни переворота, а Путин в Кремле и в ус себе не дует. Рыбку золотую ловит вместе с Бушами. Отпускает и просит, чтобы впредь обе «России» — и его, путинская, и «Другая» — были и впредь такими же глупыми. Словом, нефть в котле, газ на столе, вранье в ящике, а на плечах кочан капусты.

Про «путинскую Россию» мы знаем всё: она тупая, злобная, сервильная. Но с «Другой Россией» и с просто «другой», то есть оппозиционной, тоже беда. Только что окончательно сгнило «Яблоко», одоббившее незаконное назначение Юрия Лужкова мэром силами его карманной думы, да еще и проголосовавшее за это. Хуже коммунистов, честное слово. У них там нашлось три героя, которых еще не знает страна, потому что был четвертый — конформист.

Сейчас я буду ругаться, хотя господин Богомолов считает, что демократы демократов «обзывать» не должны, что у нас какая-то ленинская полемика. Но, обругав ближнего своего, мы часто спасаем его бессмертную душу. Господин Акунин написал неудачную статью про путинский золотой век. Я не знаю ни одного демократа, который бы ей не ужаснулся. Я его оскорбила, и он пошел на «Марш несогласных» (хотя это неверно и перебор, туда ходить не надо). Но он доказал, что его неверно поняли, что он не трус.

Марианна Максимовская делала ужасную программу «Наследники по прямой» о человеческом лице власти. Я ее обидела, и вот нет этой скверной программы, и «Неделя» стала выглядеть, если не хорошо, то хоть достойно. А номер телефона я восстановила по старой книжке.

Если я обругаю «Яблоко» и Гарри Каспарова, то, может быть, спасутся и они? Как могло «Яблоко» так низко пасть? Ведь было же время, защищали они НТВ, организовывали Демократическое совещание... А еще обвиняли СПС, что те

в Кремль бегают. Этого, кстати, никто не видел, а насчет назначения Лужкова СПС сделал резкое заявление протеста. Ничего не скажешь, молодцы. А «Яблоко» не то что бегало, они на брюхе в мэрию приползли. Я бы на месте Явлинского исключила Сергея Митрохина и его коллегу Евгения Бунимовича из партии. И как жаль юных честных яблочников вроде Ильи Яшина, которые хотели бы упасть подальше от такой яблоньки.

Это про «другую Россию», а что до «Другой России», то в самый раз Гарри Каспарову опомниться и изгнать нечистых из храма демократии. Какая может быть «Другая Россия» с НБП и АКМ? Вот она, эта «Другая», не дает слова Маше Гайдар как ЧСИР (члену семейства изменника Родины). Вот они на «Марше несогласных» инициируют принятие совкового заявления о возвращении ушедшей молодости и «пропавших» вкладов. Это нам надо?

Вместо НБП и АКМ в «Другую Россию» могут прийти и огрызки «Яблока», хотя бы «молодежное», еще не сдавшееся, СПС, республиканцы. Касьянов вернется. А то у нас ни «той» России, ни «Другой». А Эдуард Лимонов всё больше напоминает главного героя «Гиперболоида инженера Гарина». И как бы не только Березовский, но и всё прогрессивное человечество не сказало: «Чума на обе ваши "России"!»

СПОРТ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

Грани.ру, 12 июля

Вот спасибо МОКу, вот одолжили. Даже если бы члены этого злополучного комитета обрушили на Россию снежную лавину, не было бы хуже. В ближайшие семь лет наша несчастная страна (с ее политзаключенными, бедностью, полузадушенным бизнесом, зловными силовиками, замученными и голодными солдатами, верхами, которые могут и хотят, и поработанными на добровольной основе низами, которые и не хотят и не могут), будет погребена под конфетной оберткой олимпийской показухи, спортивного пиара и улыбками типа «гы».

Я всегда ненавидела спорт, ненавидела все эти мускулы за счет извилин, всё это бодренькое рекордсменское мироощущение, все эти тоталитарные ревушие стадионы и обалдевших фанатов, которые на поверку оказываются

или хулиганами, как в Италии, где даже пришлось отменить чемпионат из-за выходов «тиффози» или нацистами, как у нас: когда что-то в чем-то выиграли японцы, и всем людям со специфическим разрезом глаз (и китайцам с корейцами заодно) пришлось прятаться от обезумевших толп, и японское посольство делало специальное предупреждение, чтобы граждане Японии на улицах не появлялись...

Я слишком рано узнала, еще в 1965 году, что такое наш спорт: витрина для рекордов и темная грязная подсобка для «отработанных» чемпионов и детей, которые неспособны вытянуть на рекорд. Здоровье нации, спортивное воспитание масс — даже этой жалкой приманки гитлеровского рейха не было в СССР.

Меня в 15 лет выгнали из секции фехтования на стадионе «Буревестник». Я не пропускала тренировок, я смотрела тренеру в рот, я очень старалась. Меня выгнали за «бесперспективность». Я не могла сдать на разряд, с меня «Спартак» не мог поиметь ни медалей, ни побед. Это там, на Западе, зрители тепло аплодируют инвалидам в колясках, которые устраивают «забег». «Там» спорт существует даже для калек: с соревнованиями, с чемпионатами. Здесь он всегда был только для «престижа государства». А чемпионки мира в СССР за рекорд получали 300 рублей и клали зубы на полку, когда сходили с арены или с брусьев.

Поэтому-то и остались на Западе Белоусова и Протопопов, а то ждала бы их после мировой славы голодная старость. Сейчас, слава Богу, хорошего игрока хотя бы купит зарубежный клуб. Но девочки-гимнастки, получившие травмы и «сошедшие с дистанций», продают билеты в Лужниках. Они больше никому не нужны. Это чистый спорт, тот, который «вне политики».

А если посмотреть с тех сочинских гор с вечным снегом, то 12 миллиардов долларов на Олимпиаду — это щедрость подлецов, которые только что отказали в 30 миллионах баксов детям, больным лейкозом. Пересадка костного мозга разгонит, видите ли инфляцию, а олимпийские расходы и олимпийская коррупция (7 миллиардов пойдут, конечно, налево) — не разгонят. Нужно будет поставить вдоль всех лыжных трасс портреты умерших от лейкоза деток. Всех, кто умрет за эти 7 лет.

Вы знаете, почему Австрия предложила такой скромный олимпийский бюджет? Да потому что там лечат детей,

больных лейкозом! Мало остается на эпатаж и мишуру! Да и в прозрачном бюджете парламентской республики нет и не может быть графы «Взятки членам МОК». Южная Корея — не бедная страна, но куда ей тягаться с огромной Россией с нефтяными реками и газовыми берегами, живущей по старой формуле Ключевского, разработанной для автократий: «Государство пухло, народ хирел».

Две несвободных страны оторвали себе по Олимпиадке (зимнюю и летнюю). Две азиатских деспотии: Россия и Китай. До Китая, конечно, нам далеко. Но если верить Владимиру Сорокину с его «Днем опричника», скоро доберемся.

В 1936 году берлинская Олимпиада дала Гитлеру мандат на Хрустальную ночь, на Мюнхен, на вторжение в Польшу. На Вторую мировую войну. В 1980 году московские Олимпийские игры имели побочное действие: высылку и интернирование политически неблагополучных (в том числе и в психбольницы). «Ласковый Миша» дал мандат Андропову на его террор, на ликвидацию Хельсинкской группы, «Хроники» и «Солидарности» — руками Ярузельского.

Путин получил в Гватемале мандат на то, чтобы по новому закону об экстремизме пересажать всех демократов, тяжкого для него наследия ельцинских времен. Это ему награда и за Чечню, и за «Норд-Ост», и за Беслан. И не говорите мне про лыжи. Я вам отвечу: Светлана Бахмина не сможет воспитать своих маленьких детей. И про коньки не надо. Я отвечу: Игорь Сутягин, 14 лет! Кто сейчас кормит его детей? Его, невинного, довели до просьбы о помиловании. Но разве Путин способен помиловать? Будь он президентом США, он бы и индейку в День Благодарения не помиловал.

Поставим же все портреты вдоль лыжных трасс и по бортикам катков: лица детей Беслана; лица заложников «Норд-Оста», отравленных газом; лица 40 тысяч убитых и искалеченных чеченских детей; лица детей, которые погибли и погибнут от лейкоза; лица узников совести, двери тюрем которых подопрут лыжными палками и хоккейными клюшками Олимпиады. Пусть спортсмены посмотрят им всем в глаза и ужаснутся. Может быть, тогда они откажутся от медалей и вкусного олимпийского фуршета, как отказались (и опять надеюсь, откажутся) в 1980 году США.

ВЯЛОТЕКУЩЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Грани.ру, 9 августа

Психиатрическая интервенция началась с Мурманской области. Оказывается, она началась для Ларисы Арап, видно, местного простата, еще три года назад. А мы не знали. Тогда ведь не было ОГФ. А когда Лариса взвалила на свои хрупкие плечи еще и работенку народного трибуна (то есть вступила в ОГФ и стала участвовать в «маршах несогласных»), то Фредди Крюгеры от психиатрии опять пришли за ней. Вернее, она пришла к ним за справкой. Мне лично не нужно никакой экспертизы: ни официальной, ни независимой от Юрия Савенко, ни от мурманских шефов, испугавшихся прокола своих североморских коллег и желающих умыть руки и репутации.

Я видела фотографию грустной, интеллигентной, худенькой женщины, чем-то очень похожей на Аню Политковскую. Если человек приходит за справкой для ГАИ в поликлинику и ему задают один-единственный вопрос: «А не вы ли написали некую статью?» — и при этом человек не лает, не мяукает, не кусается, не царапается, не бросается на людей и не бросается с моста; и при этом его не сняли с дерева, и Наполеоном он себя не объявил, а его уволокли санитары в психбольницу, да еще и в приют для хроников засунули, а заседание суда провели только через 13 дней, то будьте уверены: человек нормален. Государство больно.

Давненько мы не слышали о наших докторах Менгеле из психиатрических больниц. В либеральную ельцинскую эпоху они забились в щели, как тараканы. А в путинскую эру повылазили и ходят, поводят усиками. Лариса вступилась за детей и получила типично советский ответ.

Как это диагноз назывался у них в «эпоху застоя»? Кажется, «синдром правдоискательства». За то, что сейчас испытывает Лариса, брошенная в эту идеальную пыточную камеру советской психиатрической больницы (а других у нас нет), лишение диплома тех, кто это сделал, было бы слишком слабым воздаянием. Здесь нужен тюремный срок. Это же преступление против человечности. И человечества.

Но откуда взять независимый суд, чтобы это «дело врачей» закончилось показательным процессом? В маленьких

окраинных городах несчастной России все силовые структуры заодно: ФСБ, МВД, ОМОН, армия, психиатрия, местная администрация, суд... Меня это не удивляет. Я знаю историю вопроса.

Психиатрическое ведомство так и осталось черной не-реформированной дырой. Вместе с ФСБ, МВД, армией. Отношения «палач — жертва» между доктором и пациентом были сформированы в СССР в долгие беспросветные годы, когда карательная психиатрия стала не исключением, а нормой. Знаменитый Владимир Буковский сидел то в тюрьме, то в Белых Столбах: в зависимости от потребностей КГБ. Эти-то знали, что он здоров. А те? Психиатры? Если не знали, то, значит, неучи. А если знали и брали «на обслуживание», то преступники.

Андропов сделал массовым то, что начал Хрущев. Бросали в больницы тех, кто пытался бежать из страны; религиозных диссидентов; участников демонстраций; диссидентов, которых было трудно оклеветать. Сотнями загребали вполне лояльных граждан за то, что они жаловались на местное начальство в Москву; специальные службы дежурили в московских приемных и свозили в больницы (минимум на 45 дней) тех, кто приезжал в столицу жаловаться в ЦК или в ВЦСПС, лично товарищу Брежневу или в иностранное посольство.

Бросали в психиатрические больницы тех, кто пытался бастовать, чтобы получить лишнюю копейку и прокормить семью. Без суда, без следствия шли массы людей в этот второй, параллельный ГУЛАГ.

Да, были честные психиатры, такие как Анатолий Корягин. Он разоблачал эти преступления и получил семь лет лагерей... Кто-то помогал диссидентам выжить в этом аду, кто-то отказывался от соучастия. Но их было мало, так же мало, как Клаусов Штауффенбергов в гитлеровской Германии.

И никто не вылетел из профессии, никто не отправился за решетку. Советские психиатры должны были вылететь с треском из международной ассоциации и не возвращаться туда, пока их ряды не покинет последний каратель.

Институт Сербского был просто средоточием зла. Именно там пеклись политические диагнозы для таких, как Виктор Файнберг, Владимир Гершуни, Наталья Горбаневская. «Реформаторский бред», «вылотекущая шизофрения»...

Сейчас они строят из себя белых и пушистых, но проверьте по залам и кабинетам, не висят ли там у них портреты Даниила Лунца, Андрея Снежневского, Георгия Морозова — преступников, которых Нюрнбергский трибунал просто отправил бы на виселицу.

Перестроилась наша психиатрия в один день: в конце горбачевской эры полтора миллиона здоровых людей были сняты с учета. И до свидания. Но навыки-то остались. Навыки палачей. И вот сейчас они применяют их к Ларисе Арап. А на заднем плане потирают руки режиссеры этой ситуации из ФСБ.

Они одно только не учли: когда речь идет о судьбе человека, все правозащитники и диссиденты соблюдают железное правило: «Все за одного». Даже если они не члены ОГФ. Даже если им не нравится ОГФ. Я могу сколько угодно спорить с Гарри Каспаровым или даже с ним не разговаривать. Но только троньте его, и я выцарапаю за него глаза. Даже за Эдуарда Лимонова выцарапаю. Организация у него скверная, но все-таки он писатель.

Так что руки прочь от ОГФ и «Другой России». И «Яблока», и республиканцев, и СПС, и Хельсинкской группы. И в Мурманске, и в Нижнем, и в Североморске, и вообще в каждом глухом городишке, где стонут русские (и не только русские) мужики и бабы.

ЭРКЮЛИ ПУАРО ИЗ ОРУЭЛЛА

Грани.ру, 7 сентября

Конан Дойла на нас нет вместе с Агатой Кристи. Известно же, что Шерлок Холмс и мисс Марпл раскрывали убийство на самой последней странице, причем убийцей оказывался обычно тот, кого никак нельзя было заподозрить, вплоть до самого сыщика (в «Последнем деле Эркюля Пуаро»). Исходя из этой установки творческий коллектив из господина Чайки и господина Лугового раскрыл убийство Анны Политковской.

Господин Чайка доложил об аресте кучи чеченцев и малой толики чекистов и эмвэдэшников, то есть оборотней. Правда, потом оказалось, что то ли у чекистов, то ли у милиционеров есть алиби. И еще какое надежное, неоспоримое: один из подозреваемых в момент убийства сидел в тюрьме.

Здесь я склонна согласиться, и согласиться горячо с данными следствия: единственное время, когда силовикам можно доверять, когда они безвредны для народа, — это время, когда они сидят в тюрьме. А след, конечно, ведет за рубеж. «Заказчики» обретаются там. Знакомый сюжет, если бы это не было так печально: «И в моральном, говоря, моем облике есть растленное влияние Запада...»

А господин Луговой, отвлекаясь от своего собственного дела, по которому он может сказать не больше Катюши Масловой (она твердила: «Не виноватая я!» — а он повторяет: «Я не убивал!»), вообще раскрыл кучу «висяков» для Генпрокуратуры. И виновник, супостат, убиец, слава Богу, один, и вы его знаете. Это, конечно, наш старый верный Березовский. Ах, Пушкина бы сюда! «Кто ни умрет, он всех убийца тайный». Сами посудите: и Владимир Головлев, и Сергей Юшенков, и Влад Листьев, и Анна Политковская, и Александр Литвиненко — всех их велел прикончить Березовский. Не хватает для полного комплекта только братьев Кеннеди, Индиры Ганди и Патриса Лумумбы.

У нас политическое убийство начинается как трагедия, а расследуется как фарс. То, что убийство Анны Политковской расследоваться не будет, было очевидно всем кроме журналистов «Новой газеты», которые делали какие-то доверительно-поощрительные пассы в сторону «правоохранительных органов». Хотя однажды уже убийство коллеги, нектати занявшегося расследованием дела о взрывах домов, было положено под сукно, и без всяких версий. Хотя симптомы у Юрия Щекочихина подходили под таллий или под полоний: выпадение волос, кома.

У нашей Генпрокуратуры (в следственную группу явочным порядком вошел, видимо, и господин Луговой), мародерствующей на смерти Ани, получается какой-то «контрреформаторский бред»: убили таинственные олигархи, которые хотели всё украсть, убили силы, желающие изменения конституционного строя. Так вот, конституционный строй меняют не Березовский с Гусинским и даже не Абрамович с Гуцериевым и Потаниным, а господин Путин со своими Азazelло и Коровьевыми из ВЧК (КГБ-ФСБ). Это они отменяют федеративное устройство страны, упраздняя выборы губернаторов, это они раскулачивают бизнес, ставя под сомнение священное право частной собственности. А больше всего желают изменить строй на социалистический

(то есть тоталитарный) левые силы от КПРФ до НБП (которой, говорят, нет. Улетела в теплые края?).

Будет очень мило, когда наши «прокуратурщики» подъедут к англичанам с очередным требованием выдать Березовского за все убийства, совершенные за 15 лет. У англичан с чувством юмора всё в порядке. Не выдадут. Решат, что у нас здесь все белены объелись.

Объясните мне, зачем врагу режима Березовскому убивать людей (таких редких у нас), бесплатно работающих против режима? Да он молиться на них должен. Налицо синдром из оруэлловского «1984». Березовский — наш Голдстейн, и мы проводим наши пятиминутки ненависти. Скоро нас начнут заставлять швырять в экран с кадрами Бориса Абрамовича ботинки, мобильники и кренделя.

Аню не просто убили. Силовики глумятся над ее памятью. И не только они, но и Эдуард Лимонов, выступающий на митинге ее памяти и тем самым не дающий участвовать в этом митинге ее коллегам-демократам. Пусть вспомнит он, что возглашала НБП в начале чеченской войны. В 1995 году. В 1996-м. А ведь Аня защищала чеченцев. Что из того, что лимоновцы сменили роль? Они этим не воскресят десятки тысяч убитых и замученных чеченцев. Поздно менять позицию на кладбище, в которое превратилась Чечня.

Наши политические убийства расследуются по одному сценарию. Начиная с Ларисы Юдиной, Галины Старовойтовой и Сергея Юшенкова. Находят исполнителей (от которых нет никакой радости: а если их выбирали те, кто потом сдал следствию, а эти «те» близки к кормилу?), но не находят заказчиков, если не считать Березовского, Невзлина и мировой закулисы с атлантической пропиской.

А убивают ведь демократов, сторонников реформ, противников автократии и тоталитаризма. Западников. Правых. Я не знаю, кто убил персонально: кто отдал приказ, оплатил расходы, заплатил гонорар. Но я утверждаю: их убило государство, это проклятое, самодовольное, имперское, левое государство, из каждой швейной машинки делающее пулемет. Мы это знаем по Катару, где они засыпались.

На каждом убийстве демократов и диссидентов стоит клеймо Made in Лубянка. И ребрендинга с помощью фигуры Березовского не получится. У тиранов и автократов всегда так бывает. История вытащит из мутной воды сети, в которых как итог их царствования останется мертвец. И не один.

НАШЕ ДЕЛО ТЕЛЯЧЬЕ

The New Times, №33, 24 сентября

Свершилось! Наш добрый президент поступил с нами не как повар с картошкой, а как шеф-повар с омаром. У нас ведь здесь не какой-нибудь общепит, а шикарный ресторан. У Александра Грина в «Дороге никуда» был такой. Куропатка с ревматизмом, павлин с аппендицитом, бульон «Ужас», камбала «Горе», морской окунь с туберкулезом, мороженое с ангиной. Назывался ресторан «Отвращение». Сами знаете. Наша политическая кухня. Наше политическое меню. За 40 копеек обед из двух блюд, а они и пятиалтынного не стоят, потому что 25 копеек завхоз уворовал. Это я (пополам с Булгаковым) про траты и уровень интеллекта в грядущем избирательном шторме. Девятый вал, правда, накатил первым, вне очереди: имя преемника мы уже знаем. И здесь я опять хочу воспеть хвалу президенту Путину. Во-первых, некогда император Калигула ввел в Сенат своего коня (и сенаторы смирились с коллегой). А президент Путин при нашей-то политической обстановке, имея полную возможность предложить в качестве преемника свою Кони, этого не сделал. Он щедро даровал нам полноценного преемника со своего плеча: и в галстук, и питерский, и (как вспоминают его колхозники) «настоящий интеллигент». Даже сказал прямо с колес, что, наверное, цензуру мы вводить не будем. Правда, если кто просматривал Конституцию, то он знает, что цензура вообще запрещена. Но такие знания — это не для рядовых интеллигентов. Это уже для академиков. И даже для одного-единственного академика. Звали его Сахаров, Андрей Дмитриевич... А господину Зубкову спасибо и за колебание: «наверное».

Во-вторых, добрый наш президент сократил нам муки неизвестности и ожидания. Кто? И не конь в пальто. Со всем даже наоборот. И не чекист, заметьте. «Сочувствующий». Попутчик. Теперь поэты могут смело подбирать рифмы к фамилии «Зубков», запастись впрок оды. Композиторы заготовят оратории, певцы разучат арии. Церетели изваяет преемника в виде Давида и поставит его у Мавзолея. Давид и Голиаф. Новая интерпретация. Художники тоже не должны зевать. Живописцы, окуните ваши кисти! Мы уже знаем, «валентинка» с чьим изображением будет

модной в предвыборном феврале. А «технология власти» (спасибо Авторханову) будет, кажется, очень простой. Сначала — избирательная кампания с упором на наше славное колхозное прошлое. «Колосятся колхозные нивы на бескрайних просторах страны, мы заботами партии живы и ее руководством сильны!» Есть у нас такая партия, а сзади напирают другие, жаждущие сыграть ту же роль. Став президентом, господин преемник как честный человек и не чекист (эти акулы, заняв однажды место, с него уже не слезут: что к ним упало, то пропало) отработает год и уйдет в отставку, на давно заслуженный отдых. После чего наш честный конституционный президент на голубом глазу законно на законных выборах получит свой третий срок. Отбыв же его, изберется на четвертый. Править 16 лет и не нарушать (по букве) Конституцию — это уже высший пилотаж. И весь этот авиасалон — исключительно ради «восьмерки». Не для нас, мы публика неприхотливая, уже и на семь лет Путина приглашали, и на пятый срок, и на десятый. Для Запада наша власть старается. И вот после «технического премьера» появляется «технический президент». А что у нас не техническое? Технический парламент. Технический суд. Техническое расследование преступлений. Технические выборы. Техническая федерация. Словом, техническая демократия. Биографию и корни господина Зубкова журналисты обсудили уже до Адама и Евы. Кстати, Каин, их старший сын, был как раз земледельцем. Нас интересуется общественная реакция на все эти дела. Отставку правительства «эсер» Миронов прокомментировал очень лихо: мол, пора вернуться на государственный путь с рыночного. Вот тут колхозный стаж и пригодится. А партии на появление будущего технического президента отреагировали по Далю: «Наше дело телячье. Обвалился и стой».

ТАГАНКА, Я ТВОЙ ВЕССМЕННЫЙ АРЕСТАНТ

Грани.ру, 5 октября

Я хочу потеряться в Театре на Таганке, где царит грозный и гениальный патриарх, чье девяностолетие мы только что отметили. Юрий Любимов, давно уже классик, но такой родной и хороший, такой чистый и бесстрашный, что хочется назвать его по Войновичу: «Клаша». Библейские патриархи жили по 900 лет, а что от них толку? Ни одного спектакля не поставили. Так что не хочу я пребывать в лоне

Авраамовом, я лучше заблужусь в нижнем закулисном таганском коридоре, где проходят длинные и толстые, как удавы, трубы отопления.

Я хочу быть особым таганским сверчком, театральным домовым, ночующим на старинном диване в любимовском кабинете vis-a-vis с гитарой Высоцкого. В русском фольклоре есть старинные домовые, пришедшие из дохристианских времен: «баннушко», живущий в бане, «овинушко», живущий в овинах. А я буду «таганушко».

Из 90 лет Юрия Любимова больше сорока ушло на Таганку. В 1966 году я впервые попала туда, и началась моя сверчковая жизнь. Все эти 40 лет Таганка, как иностранное посольство, пользовалась отвоеванным Юрием Любимовым правом экстерриториальности. Ни советская, ни путинская власть не были властны над этой сценой Свободы и Разума.

Сила, мысль, образ, глубина — конечно, поэты-смогисты случайно нашли формулу Таганки. Сорок лет здесь крутился разноцветный вихрь театрального карнавала от Вахтангова; остро и больно делалось от хирургического разрешения социальных вопросов — по Брехту; ходячие добродетели оказывались с червоточинкой, а злодеи были разительно похожи на нас — от Станиславского; а самые неожиданные модернистские приемы были не для «понта», а работали на общую концепцию, оживляя засушенную в школе классику, намечая щедрым мазком кисти эпоху, — от Мейерхольда.

В фойе висят их портреты, портреты таганских покровителей и прародителей. Собрать их воедино мог только он, Демиург, Творец. Юрий Любимов. И добавить от себя таганский магический кристалл, сияющий над каждым спектаклем девиз:

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.
Всего будь холодный свидетель,
На всё устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель —
Готовность войти на костер.

Чистейшее, благородное отчаяние избранных душ, обреченных на прозябание в рабской стране, струилось, как старое бургундское, в таганский фиал. Невозможность быть добрым к людям, потому что люди, если раскрыть им кошелек и душу, растерзают тебя, была зафиксирована ударом кинжала в «Добром человеке из Сезуана», человечность и вечно торжествующее в советском обществе зло выпали в осадок из поэтического ассорти по Андрею Вознесенскому «Антимиры». «Летят вдали красивые осенебри, но если наземь упадут, их человолки загрызут...»

И Пушкин, и Маяковский нашли на Таганке свои спектакли-надгробья, и если Пушкина-шелъму, Пушкина-диссидюгу, Пушкина-хохмача и прикольщика до Любимова кто-то пытался понять, то уж Маяковского-то из советского опричника сделать тем, кем он был, — страдающим человеком, непризнанным талантом, жертвой эпохи и мифа — мог только таганский Демиург.

Роковой сетью, ножом гильотины падал на Гамлета-Высоцкого знаменитый таганский железный занавес, made in USSR; Иешуа Га-Ноцри и Воланд в «Мастере и Маргарите» выходили в финале с кубиками в руках и складывали на сцене в стране официального атеизма: «Х.В.»; горел на фоне портрета полулегального Булгакова Вечный огонь; Воланд-Смехов провозглашал в эпоху запрета и конфискации книг: «Рукописи не горят» — и начинал читать вытщенный из небытия пухлый роман Мастера.

Когда его творчество попытались использовать советские бонзы, Любимов остался на Западе; когда бонзы временно заткнулись на «перестройку», он вернулся и продолжил писать свою историю России в спектаклях, как в томах. Когда путинское цунами стало смывать всё, что осенебри успели без человолков настроить на российских берегах, мэтр резко откликнулся «Антигоной» и напомнил нам, что законы совести и Божьи превыше произвола тиранов, как фиванских, так и кремлевских. Когда сажали Ходорковского, Любимов поставил «суфле» с кафкианским «процессом внутри», и мы поняли, что «басманное правосудие» — чистый Кафка. К юбилею Любимов залепил по роже самодовольной охотнорядской Москве — Грибоедовым.

Больше сорока лет в строю. И пусть Юрия Любимова предала часть учеников, отобравших у него новую сцену Таганки. Бывает. Ведь и Христа предал ученик. Однако на

суд столетия плывут из темноты именно к Юрию Любимову, элегантному, красивому, с бабочкой, назло эпохе и календарю. Он всегда отказывался продать душу дьяволам всех сортов, от советских до имперских. И поэтому Бог даровал ему вечную молодость, и прекрасную Маргариту по имени Каталина, и красоту, и гениальность.

Таганка — место вечного паломничества интеллигенции. «Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, свято».

ОСЕНЬ В АПЕЛЬСИНОВОМ САДУ

Грани.ру, 17 октября

Великий испанский поэт Федерико Гарсиа Лорка всё знал об «оранжевых революциях». «Лимон — это мертвый апельсин» — подслушанный им миф. А у самого поэта:

Апельсин и лимоны.

Ай, разбилась любовь со звоном.

Лимон, апельсины.

Ай, у девчонки, у девчонки красивой.

Это явно про отношения Ющенко с Юлией Тимошенко. Не нравится мне кислое, лимонное выражение президентского лица и его очередное колебание по поводу портфеля премьер-министра, по праву принадлежащего Юлии и ее БЮТу. Что-то очень лимонное слышится в разговорах в разговорах о «широкой коалиции».

Что за коалиция со злейшим врагом? У нас уже были одни такие грабли в недалеком прошлом, когда пост премьер-министра был отнят у союзника и оранжевого друга и отдан противнику и бело-синему врагу. И что Украина поимела с этой шокирующей «рокировочки»? Месяц-другой без власти, без правительства — и оранжевая победа в форме и виде апельсиновых корок поплыла по Днепру в сторону Крыма, где окопавшиеся за Перекопом совки устроили самый настоящий шабаш, воспользовавшись безвластием.

В демократических странах с НАТО борются (если борются вообще) как-то более цивилизованно, без отключения света, газа и канализации в гостиницах для каких-то

несчастных, ошалевших от такого приема техников. Электротат то ли Витренко, то ли Бабурина вел себя так, как будто переселился из свободной Украины в имперскую, путинскую Москву.

А всё отсутствие в Киеве твердости и верности оранжевым идеалам. Если апельсины не были для Виктора Ющенко просто цитрусовыми, он должен отдать и портфель главы правительства, и эстафету власти на следующих президентских выборах в умелые руки Юлии Тимошенко. А то пока президент Украины напоминает мне дофина Карла (впоследствии Карла VII), предавшего короновавшую его Жанну д'Арк.

Да, Юлия хочет быть президентом. Имеет право. А главное, она это умеет. У нее мужества хоть отбавляй. И в тюрьме она вела себя героически, и в России в глаза не заглядывает. Судя по ненависти, который питает к ней российский истеблишмент (а они ведь все, даже демократы, немножечко империалисты) и российские информационные каналы, Юлия Владимировна — достойный человек. И именно она призывает Запад быть потверже с Россией, не давать ей нагличать.

Если вспомнить Майдан, то без Юлии и ее талантов, без ее организаторских способностей и страсти, без ее ораторских выступлений, оранжевые не победили бы. О Ющенко один российский политик (демократического спектра) отозвался, что это, мол, украинский Гавел. Не, если Гавел, то тот бы точно не предал украинскую Жанну д'Арк. И если кто-то считает Майдан и апельсины просто хеппенингом, веселым маскарадом, то он глубоко заблуждается. Это легенда на XXI, XXII, XXIII века.

Украинская история не похожа на нашу, это история угнетенного, а не угнетателя. Но даже российские диссиденты отыскивали исторические вехи, точки опоры не в завоеваниях и царях, не в парадах и балах, а в актах гражданского протеста и нонконформизма. Древний Новгород — святые Михаил и Александр Тверские — князь Курбский — митрополит Филипп Колычев — Григорий Отрепьев — Радищев — декабристы — кадеты — Николай Гумилев — Каннегисер — Сахаров. А у Украины свой «видеоряд»: казаки — Полтавская битва — ООН и УПА — Степан Бандера — Василь Стус и Вячеслав Чорновил — «оранжевая революция» — Майдан.

Этой революцией, выстоявшей, но не получившей еще плодов своей победы, будут гордиться потомки нынешних киевлян, харьковчан, львовян. «Наступление на грабли» с Януковичем в первый раз еще можно было счесть за неопытность. Последствия были самые тяжелые: люди Януковича стали захватывать парламент и скупать нетвердых оранжевых, а Мороз, видя колебания победителей, подался к «побежденным».

Да, Янукович любит деньги и не жаждет очутиться в голодном и убогом СССР. Но он делает ставку на тех, кто постоянно в мечтах возвращается туда и не пускает Украину в западную цивилизацию. Янукович — крысолов. Он уводит свой электорат в сладкое советское забытие, играя на скрипке советских комплексов, и топит его в сгнувшей навсегда реальности, изолируя от реальной жизни Восточной Европы. Смычок должен быть навсегда выбит из его рук. Место бело-синих — в оппозиции, теперь уже навсегда.

Пусть Виктор Ющенко взнуздает законами своих врагов и покрепче натягивает поводья. Пусть ОУН и УПА наконец выиграют свою войну. Ставки велики: путь на Запад или на Восток. «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд». Восток — это мы. Мы сами избрали эту участь.

P.S. Судя по реляциям с Украины, оранжевые дела идут на лад. Дай Бог, чтобы президент Ющенко преодолел советы своих московских «прагматиков» и вручил знамя своей Майдановой Деве. Посмертное награждение героя Сопротивления Романа Шухевича — хорошее предзнаменование. Пусть ветераны КПСС и НКВД хоть посинеют от злости. Еще 10 лет — и их время закончится в силу законов Бога и природы. И тогда никто не посмеет навязывать Украине гнусную, вражескую, советскую память.

ЗАГРОБНЫЙ УДАР ИМПЕРИИ

Грани.ру, 14 ноября

Тургенев описывал загробный поцелуй Клары Милич. Но то, что мы наблюдаем в Грузии, — это не загробный поцелуй, а загробный удар кинжалом. Удар мертвой империи (сначала российской, потом советской), которая

камнем, вовремя не снятым с шеи, тянет нас на дно вместе с нашими жертвами — бывшими колониями России.

Михаилу Саакашвили не повезло. Ему пришлось спасти независимость Грузии, и мир в ней, и реформы. Цена известна. Читайте Мандельштама. «Мы будем помнить и в летней стуже, что десяти небес нам стоила Земля». Демократом быть легко и приятно, даже если тебя и попотчуют слезоточивым газом. Ты не отвечаешь ни за что, если гибнет твое дело и твоя страна возвращается под имперское ярмо, ты встаешь, отряхиваешься и, пылая праведным гневом, едешь в Штаты, Германию, Францию или даже садишься в тюрьму. Ты не отвечаешь за результат. Гори оно всё ясным пламенем, чума на оба ваши дома, цель не оправдывает средства, и прочий обиход демократа, вплоть до «ваше мнение мне глубоко враждебно, но за ваше право его высказывать я готов пожертвовать своей жизнью».

Все это Михаилу Саакашвили пришлось сбросить с корабля современности. Как когда-то нам в 1993 году: нам, Ельцину, Гайдару, всем, кто с нами мыслил категориями жизни, борьбы, ненависти к врагам, а не добровольной смерти, как предлагали многие, в том числе и Григорий Явлинский. А еще задолго до этого политик по имени Маннергейм (примерно в то время, когда Керенский соблюдал с большевиками и вообще со всей лихой левой стихией, разыгравшейся после Февраля, демократический этикет, ожидая трагической развязки), спас от своей доли октябрьских приключений Финляндию, очень жестко подавив «мирное вооруженное восстание» и в один день похоронив в одной могиле двадцать тысяч инсургентов, не исключая женщин и подростков. И ничего, нынешние демократические финны одобрили. Памятник в центре Хельсинки не демонтирован, так и стоит. И мне очень жалко, что эту процедуру в Питере и в Москве некому было проделать, как сделали это в 1905 году, когда гвардия просто в щепки разнесла Пресню.

Знаете ли вы, что если бы Столыпин дожил до 1917 года, не было бы ни Октябрьской, ни социалистической, ни революции? Не было бы Гражданской войны, красного террора, раскулачивания, ГУЛАГа; не было бы Второй мировой войны, Холокоста, СССР... Россия была бы процветающей и свободной конституционной монархией. Но и стоило бы это большой крови. Пожалуй, всех большевиков

(и попутно часть идеалистов, что попали бы под горячую руку) закопали бы, а Ленин с Троцким, Зиновьевым и иже с ними скорее всего угодили бы на виселицу. «Столыпинский галстук» это называлось, немало таких «галстуков» в 1905—1907 годы раздал премьер. Но 1917-й не случился в 1905-м, а мог бы. Конечно, ничего нет хорошего в таких средствах, но кто-то должен брать на себя за них ответственность, если цель — элементарное предотвращение геноцида.

Очень стыдно слушать, как правозащитники Российской империи, к тому же, как я с ужасом узнала, получившие гранты от путинской власти (а другой уже нет), повторяют официальные сведения. Да-да, и Хельсинкская группа, и Центр по правам человека, и «Мемориал» пинают Саакашвили за то, что он остановил подготовленный российскими агентами государственный переворот.

Пятнадцать лет назад в Тбилиси было то же самое. Истериические митинги, инспирированные Кремлем, с теми же примерно лозунгами насчет Грузии без Звиада, без президента, без фашистского режима Гамсахурдиа. Потом разделилась армия и в ход пошли орудия, потом из пушек разнесли проспект Руставели и рассказывали байки из склепа, что у Звиада в президентском дворце в подвале стояли клетки с барсами и пантерами, которым он скармливал живых оппозиционеров. (Сегодня творят ужастик про удушение Жвани в собственном авто президента.) А Звиад был правозащитником, и он сказал, что на пули будет отвечать цветами. Вы помните, что было дальше? Гражданская война, расстрелы за портрет Звиада, казни и пытки «звиадистов», изгнание депутатов парламента, изгнание Звиада, голод, банды Джабы Иоселиани, вторжение в Абхазию...

Я там была, я видела и поезда с выбитыми стеклами, заткнутыми матрасами, и развалины Зугдиди, и жуткую подземную тюрьму бериевских времен (не в качестве туриста, а в качестве арестанта). Ни света, ни горячей воды — даже местами в Тбилиси (это свет, о горячей воде даже никто и не мечтал). А по улицам шлялись тонтон-макуты Джабы Иоселиани в черных очках с автоматами и охотились на интеллигенцию. Сценарий на этот раз был такой: полная дестабилизация положения в Тбилиси, захват парламента, а идейные, но неосторожные и безответственные оппозиционеры были использованы как фон и орудие

такими как господин Б.П.*, чьему теневому бизнесу Михаил Саакашвили наступил на хвост, или как аналогичный господин Ок. А дальше — давние кадры, матерые, как зубры: Тенгиз Китовани, гэбэшник Гиоргадзе, Ирина Саришвили и господа Церетели и Хаиндрава. А потом появилась бы рота-другая танков, БТРов или еще чего с бойцами, перодетыми в грузинскую форму.

Помните марш-бросок «чеченской оппозиции» на Грозный на российских танках и с танкистами, навербованными в российской армии? Подсунуть Грузии свою креатуру на пост президента, отменить президентский пост и покупать парламентариев поштучно... А в хаосе и перестрелке — аншлюс, вторжение в Абхазию «для защиты российских граждан». Даром, что ли, там раздали паспорта 80 процентам населения? Гитлер тоже когда-то беспокоился о судетских немцах... А абхазские курорты давно сняты российским колонизаторам.

А Михаил Саакашвили, не правозащитник, а президент, некрасивыми, но необходимыми действиями остановил и отменил этот сценарий. Не будет крови, голода, гражданской войны, аншлюса. Будут выборы. Я лично отдала бы голос за Саакашвили, не побоявшегося рискнуть репутацией ради Грузии. Если от дубинок, резиновых пуль и слезоточивого газа пострадали честные оппозиционеры, я прошу их простить это Михаилу Саакашвили. Ребята, с вами не в песочек играют. Вы не одни, и, бегая по площади, не забывайте, что Большой Брат смотрит на вас и готов вас использовать.

ОТДАЙТЕ НАШИ ПОТЕМКИНСКИЕ ВОТЧИНЫ!

The New Times, №42, 26 ноября

Наконец-то выяснилось, кто виноват в недавнем кораблекрушении в Керченском проливе. Думаете, Посейдон? Нет, Хрушев! Это он, окаянный, отписал Крым Украине. А Украина не позволила построить некую дамбу. Якобы та дамба должна была штормы предотвращать. А что суденышки были весьма поношенные и капитаны сводкам не поверили — так про это надо «Эхо Москвы» слушать, а журналисты с государственных «брехаловок» (белорусский

* Вероятно, речь о Бадри Патаркацишвили.

термин!) «вражескими голосами» не пользуются. У них другой Голос. Один. И свыше. Из Кремля.

Только наше Министерство Правды забыло, что оно же показывало про эту самую Тузлу (где якобы дамбу хотели построить) годик-другой назад. Показывало оно не экологов с расчетами, а российских экстремистов с российским флагом (бедный триколор!), с лопатами и лозунгами насчет российской принадлежности Крыма. Прямо-таки взятие Перекопа!

Давайте разбираться, чей Крым и что было бы сейчас, если бы Хрущев его Украине не отписал.

После того как из Крыма, древней эллинской базы и колонии (Ольвия, Пантикапей, Херсонес), уплыли все греки, туда приплыли генуэзцы (Кафа, нынешний Судак, где так и стоит Генуэзская крепость). Впрочем, греки оставались в Крыму до Октябрьского переворота (Балаклава). Крымские татары к монгольскому игу имели такое же отношение, как «чехи» (то есть чеченцы на сленге федеральных командос) к Чехии. Крымская Орда самостоятельно совершала набеги на Русь. Но от разных там Мамаев ничего в Крыму не осталось, а от крымских татар там, считайте, почти всё. И сладкий лук, и виноград, и арыки, и Бахчисарай, и мечети, и возделанные поля. Потемкин преподнес завоеванный Крым императрице. Ей было очень приятно. Но это приобретение так и осталось «потемкинским» приобретением. Крымские татары жили тихо, но сами по себе. Потом пойдут курортники, дамы с собачками и господа с тросточками, но нанимать в гиды и извозчики, снимать жилье и покупать рыбу и виноград они будут все у тех же греков и татар. Приедут поэты, писатели и художники, которые обессмертят Крым. Чехов, Куприн, Грин, Волошин, молодой Бунин, Айвазовский, Багрицкий, Лермонтов, молодой Толстой. Да, они имеют часть (а часто и могилу) в этом райском месте. Но они как раз ничего и не требовали, а независимая Украина с гордостью показывает их дачи, домики и надгробия туристам.

Не нужная никому, провальная и бесславная Крымская война никак не делает Севастополь «городом русской славы», а братские могилы polegших из-за глупости царя русских солдат и моряков и кухонные притязания пикейных жилетов двух эпох на Босфор и Дарданеллы еще не приписывают нам всю черноморскую акваторию. Спросите у Сталина, кому принадлежал Крым. Он выслал оттуда крымских татар, и Крым обезлюдел и стал пыльной, голодной провинцией.

И когда крымские татары во главе с диссидентом Мустафой Джемилевым, сидевшим полжизни в политлагерях (и первым во время «оранжевой революции» приехавшим на Майдан), вернулись в Крым, они сделали выбор в пользу Украины. Их право было решать. А как решить иначе, скажите? Крым полностью снабжается водой и электричеством с Украины. Неужели господин Лужков будет в Крым воду в танкерах возить, а господин Затулин купит плавучие норвежские электростанции? Ха-ха. Вы у жителей Курильских островов, которые не отдадут Японии, спросите, много ли им возят. И пусть лучше Крым спасется вместе с идущей в Европу Украиной, чем пропадет с ползушей назад в СССР путинской Россией.

СОВЛАЗНЕННЫЕ И ПОКИНУТЫЕ

Грани.ру, 12 декабря

За предсмертными судорогами российской демократии на парламентских выборах внимательно наблюдали просвещенные европейцы и американцы. Исключая нескольких специально приобретенных Кремлем по сходной цене и, согласно гонорарной ведомости, заявивших о своем восторге от отсутствия нарушений, и в США, и в ЕС все поняли, все увидели и были шокированы, скандализированы и возмущены. И представитель ПАСЕ, и некий высокий функционер из немецкого правительства сделали роскошные заявления о нечестности, несправедливости, закрытости и неравенстве партий на наших выборах.

Даже было сказано, что в цивилизованном государстве таких выборов быть не может. Кто бы сомневался! А в дикой варварской стране, где бродят хищные чекисты, поедающие барашков из голосующих за них покорных стад, как раз такие «референдумы» и происходят. По крайней мере, на Западе президент Саркози со своими нелепыми поздравлениями остался в полном одиночестве (наедине с собственной прессой, которая вместе со сторонниками и противниками в четыре руки его изничтожает за то, что он опозорил Францию и поддержал несвободу). Ну а потом? А потом суп с котом. Если Николя Саркози полез в эту грязную историю, чтобы обручить свой «Рено» с нашим хромым на все колеса «ВАЗом», то у более принципиальных

европейцев, очевидно, за пазухой были припрятаны бидончик для нефти и пузырек для газа.

Представитель ПАСЕ, разнеся в ключья выборы, высказался далее в том смысле, что надеется на сохранение членства России в ОБСЕ и в Совете Европы, потому что Россию нельзя изолировать. А по-моему, таким, как мы, самое место в строгой изоляции, 10 лет без права переписки и с ПАСЕ, и с ЕС, и с ОБСЕ. С соседями по камере в виде Белоруссии «от кутюр» от Лукашенко, Северной Кореи и Кубы с Китаем.

Представитель ФРГ от тезиса о чудовищном характере наших выборов тоже сразу перешел к антитезису о необходимости сотрудничества с Россией и совместном разрешении вместе с ней разных международных конфликтов. Хотя совершенно очевидно, что страна, где проходят подобные выборы, может только разжигать эти самые конфликты, а не гасить их.

Никто не хлопнул дверью, не отказал от дома, не отказался от российских энергоносителей или хотя бы от дружбы с тиранами и диктаторами, чтобы эти энергоносители заполучить. А тут еще страсбургский суд прислал 13 вопросов по ситуации с Ходорковским. Вопросы такого типа: «А почему Ходорковского держали в железной клетке? А почему Ходорковскому не давали горячей пищи в перерывах заседания суда?» Очень существенно для невинно осужденного человека, получившего 8 лет, ограбленного государством и терзающегося из-за того, что за компанию с ним в тюрьмы и лагеря пошли его ни в чем не повинные сотрудники, в том числе мать двоих детей Светлана Бахмина, — за то, что не предали своего патрона.

Представляю себе страсбургских чиновников, которые шлют свои анкеты в Освенцим и спрашивают, почему в раздевалках газовой камеры, которые фашисты выдавали за предбанники, смертникам не предлагали мыло и полотенца! А потому и не предлагали, что в газовых камерах не было душевых, а узников не мыли, а убивали «Циклоном-Б». Поэтому Ходорковского держали в клетке, не кормили, заставили шить варежки, сажали в карцер за лимон, за чаепитие, за разные пустяки, что хотели его унижить, растоптать, надругаться над ним, довести до самоубийства.

Чтобы не понять этого, надо быть или очень большим профаном, или очень большим лицемером, делающим вид,

что он ничего не понимает. Нас, кучку российских демократов, сражающихся за идеалы Запада в глухом и мрачном капкане под названием «Россия», Запад предал. Впрочем, Запад предал и себя. Ведь Саркози недалеко ушел от Петэна и Лавалья, коллаборационистов, лидеров той подлости, которая в истории осталась под названием «режим Виши».

Будь Запад сегодняшний, трусоватый и прагматичный, поставлен перед выбором (который сделала в 1939 году Англия, который сделали датчане, спасшие всех своих евреев), разве он устоял бы перед Гитлером?

Но мы, соблазненные и покинутые Западом, не капитулируем перед путинской азиатчиной и от европейских ценностей не отречемся. Скорее пойдем на костер.

РОССИИ ЧЕРНЫЙ ГОД

The New Times, №46, 24 декабря

Этот год с самого начала был отмечен каиновой печатью. 90 лет назад закончился Серебряный век. А в 2007 году стало ясно, что закончилась провалом очередная вестернизация России — ельцинская эпоха.

Этот год Владимир Путин назвал годом, определяющим дальнейшее развитие России. Год смерти Бориса Ельцина стал годом разнuzданной чекистской атаки на руины его Дела и публичного объявления эпохи гласности, рыночных реформ и гуманизации жизни в стране катастрофой, унижением России и хаосом. И эта оценка закреплена в документах наследницы КПСС, новой «руководящей и направляющей» — партии «Единая Россия». В этот черный год в нашей стране была *de facto* восстановлена 6-я статья покойной советской Конституции о привилегированном положении нелегитимно правящей партии.

Девяносто лет назад РСДРП(б) силой захватила власть, закрыла оппозиционные органы печати, разогнала и поставила вне закона либералов — партию Народной свободы, партию конституционалистов — кадетов и создала карательный орган расправы с инакомыслием и экономически независимыми от нее классами общества. А в этом году чекисты навязали нам единовластие своего рупора, своих ставленников-единороссов, сделав всю Россию берлогой, где закон — тайга, а прокурор — медведь, продолжили удушение остатков независимой прессы, объявили

войну российским кадетам — партии СПС, сорвав ей избирательную кампанию и заклеивив либералов, якобы «шакалящих у иностранных посольств».

После года борьбы с «оранжевой» Украиной и года борьбы с Грузией чекисты сделали 2007-й годом антиэстонской пропаганды, навязывая маленькому европейскому государству увековечивание символа советского владычества, памятника Бронзовому Оккупанту (то есть советскому солдату) на главной площади Таллина. Здесь чекисты не погнушались ни нарушением статуса дипломатической неприкосновенности, организовав шабаш «нашистов» у эстонского посольства, ни организацией хулиганских выходов и погромов в самой Эстонии. Были использованы все щели и трещины между грузинской властью и грузинской оппозицией для попытки свергнуть грузинского президента и создать в Грузии нечто вроде протектората, из чего, к счастью, ничего не вышло. Но роковые слова об аншлюсе, о присоединении к России Абхазии, тем не менее, прозвучали.

Девяносто лет назад черный год России был отмечен падением царской короны. А этот год запомнится тем, что вопреки Конституции корону пытались надеть на президента (в виде и под прикрытием «национального лидерства»). И он ее не отверг, встав во главе узурпаторов-единороссов и назначив «преемником» Дмитрия Медведева.

В этом году продолжилось раскулачивание собственников, названное почему-то «бархатной реприватизацией». Собственность отобрали у Михаила Гуцериева и продолжают отбирать у жителей Сочи под предлогом Олимпиады.

В этом же году были разогнаны «марши несогласных» и двое несогласных, Лев Пономарев и Гарри Каспаров, впервые после августовской революции были приговорены к административному аресту. В этом году, тоже впервые за 20 лет, из России в Молдавию была депортирована объявленная нежелательной иностранкой журналистка Наталья Морарь — за смелые публикации в *The New Times*.

На парламентских выборах, незаконных и нелегитимных, российскую демократию забили сапогами, а предавший собственные ценности Запад вознаградил Путина и его опричников Олимпиадой 2014 года. Путь страны назад, в СССР, стал реализованным наконец планом Путина.

Единственное, что в этот план не уложилось, — это начало выхода *The New Times*, и больше россиян не с чем поздравить в новогоднюю ночь.

«РОССИЯ ЗАРЕЗАЛАСЬ НОЖОМ СВОБОДЫ»*

SMI2.ru, 7 января

[VladKochetkov]: **Сейчас все знают, что «план Путина» — будущее России. А есть ли «план Новодворской»? Какое будущее для нашей страны он предусматривает?**

— А кто знает о том, что «план Путина» — это будущее России? Кто вам это сказал? «Плана Новодворской» нет. Не может быть и «плана Путина», как не было никакого плана Иисуса Христа, Юлия Цезаря... Иисус Христос вообще был индивидуалистом. Он проповедовал индивидуальные ценности. План Новодворской состоит в том, чтобы догнать Запад, который далеко впереди и психологически, и экономически. «План Путина» выбрали те, кто выбрал для себя замерзнуть в снегу. Те инфузории-туфельки, которые голововали за «Единую Россию». Люди не хотят двигаться, они предпочитают жить так, как их учили в совке.

[kronberg]: **Какова причина популярности В.В.Путина?**

— Причина в совковости мышления. Сейчас ему уже не надо перестраивать граждан, они и так вымуштрованы советской бетономешалкой.

[kronberg]: **Известное выражение «У России свой путь». Политики, говорящие это заклинание, умалчивают о том, что же конкретно означает «свой путь». Что для Вас это выражение?**

— Никакого своего пути не бывает. Ни у кого нет своего, отличного от общечеловеческого, рыночного, демократического пути развития. Если считать своим путем то, что в Японии есть император, а в США есть президент, а во Франции есть Национальная ассамблея, а вместо нее в США Конгресс, а в Дании парламент, и в Испании есть король, а в Англии есть королева, то такого рода отличия являются

* Валерия Новодворская отвечает на вопросы читателей новостного портала SMI2.ru.

косметическими. Нет никакого своего пути. Все разговоры о нашем особом пути — это разговоры двоечников, которые не могут выучить урок и ссылаются на то, что у них должны быть свои прописи, свои учебники, своя арифметика, чтобы задачи было легче решать. Это разговоры лодырей. На самом деле рыночные законы — это константа. Она для всех одинакова. И политические законы, законы политической свободы — это тоже константа. А в каких одеяниях это совершается: в кимоно, в брюках, в кофточках, в юбочках — это совершенно уже не важно.

[zenal']: Сколько сейчас у нас в стране политических заключенных, людей, направленных на принудительное лечение и т.п.? Как Вы считаете, можно ли уже говорить о политическом терроре? Что значит сейчас быть правозащитником?

— Политзаключенных — ну, по данным правозащитников, человек семьдесят. Если посчитать ЮКОС, если посчитать лимоновцев, если посчитать ученых. В психиатрических клиниках сейчас, по-моему, никто не сидит. После освобождения Андрея Новикова*. Конечно, политзаключенных быть в стране не должно. Кроме террористов. Так лучше до этого, конечно, не доводить. До того, чтобы квалифицировать захват Министерства здравоохранения и кресло Зурабова как теракт. О политическом терроре говорить рано. Еще на свободе те, кто открыто высказывается против власти. Еще и «Эхо Москвы» не закрыто, и The New Times не закрыты. Политический террор — это то, что было в сталинскую эпоху. В принципе, после советской мясорубки это уже и не нужно. Не думаю, что Путин будет это повторять. Люди размолоты в порошок. Ни они, ни их родители не помнят, что значит быть свободными. Их отучать не надо.

[LK79]: Не находите ли Вы, что большую часть Ваших деяний можно квалифицировать как измену Родине?.. До какой же степени нужно не любить свою страну, чтобы так себя вести!

— Человек обязан ругать страну, в которой живет. Это называется патриотизм. Любовь проповедуют священным словом отрицания. И тот, кто хвалит свою страну, — тот не гражданин, тот подхалим. Так что патриот обязан бранить свою страну, чтобы она стала лучше.

* Журналист, автор интернет-сайта «Чечен-пресс».

[jewboy]: Уважаемая Валерия Ильинична! Зачем вы продолжаете жить в стране, которую ненавидите всем своим существом? Не думали ли вы перебраться к нам в оазис демократии в Азии, да и во всем мире, — Израиль? Мы бы были очень рады видеть вас.

— Вы, конечно, очень гостеприимны. Но Израиль — это страна евреев! Меня там особенно не ждут. Если все русские поедут в Израиль, то, пожалуй, евреям негде будет поместиться.

[konbel]: Валерия Ильинична! Просветите, пожалуйста, насчет того, кто такие либералы и кто такие демократы (чем они друг от друга отличаются) в России. «Яблоко» и Явлинский — это либералы? А СПС? Вроде бы СПС был правой ориентации, на выборах же использовал «левую» риторику.

— Демократы и либералы — это в России достаточно условное обозначение. Сначала, когда все называли себя демократами, подразумевалась широкая приверженность к общечеловеческим западным ценностям. Декларация прав человека плюс пакт о гражданских и политических правах. Потом стали уточнять, после гайдаровских реформ, — кто либералы, кто демократы. Ну и если предметно говорить, то «Яблоко» — это, конечно, социал-демократы. Классические. СДПГ. Американские демократы. Ну, чуточку полевей, чем американские демократы. Лейбористы. Социалисты. Вот классика. «Яблоко» — это европейский вариант социал-демократии. Ну, а СПС — это республиканцы США: ХДС, ХСС и, скажем, правые консерваторы из Англии. Там они, правда, сейчас не очень видны. Либералы — это противники дирижизма в экономике. В политике, как правило, либералы тоже очень либеральны, выступают за помощь национальным меньшинствам, за свободу для наций, которые этой свободы пожелают. Вся проблема в том, что у нас часто правых консерваторов принимают за либералов. Правые консерваторы — это вот октябристы были, те самые, в первом Учредительном собрании. Партия октябристов, которая одобрила царские реформы, очень восторгалась и больше ничего не просила. В наших условиях больше не встречается таких чистой воды правых консерваторов, потому что у нас консервировать особенно нечего. Демократ широкого профиля, считается, должен выступать за то, чтобы всё решал народ. Но это очень неквалифицированный подход. Приходит либерал и говорит, что я подчинюсь

только решению квалифицированного демократа. Квалифицированная демократия — это демократия, которая идет по правильному либеральному пути: и рыночному, и политически независимому, политически демократическому пути, и не признает социалку, избыточную социалку. Исповедует лозунг «как потопаешь, так и полопаешь», не пытается подкупить избирателя. Либералы — результативные, они что-то производят, они двигают вперед рынок, они делают. Социал-демократы ничего не делают, они только говорят или тратят то, что заработали либералы. Это классика: одни заработали, а потом приходит кто-то и говорит: «А давайте всё поделим, давайте от этих кусочек отрежем, эти слишком богатые». В общем, в наших условиях демократы — это болтуны и лузеры, а либералы — это люди успешные, оптимистически настроенные, способные сами себя кормить.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЦКС ДС

Ds.ru, 29 января

Ответ один — бойкот

Кремлевские чекисты отбросили всякие приличия, и на мартовской процедуре назначения Дмитрия Медведева президентом Совдепии, так и не ставшей Россией, не будет ни одного кандидата для демократов. Даже умеренный оппозиционер Михаил Касьянов не допущен к имитации выборов, не говоря уже о диссиденте В.Буковском или о радикальных демократах Б.Немцове, В.Рыжкове или Г.Каспарове. Спорта не будет даже для вида, будет награждение заранее назначенного победителя — Д.Медведева. Это их берлога и их медвежья грызня. Демократическое общество не должно принимать в этом участие. Никто из сторонников европейского выбора России не прельстится фальшивкой в виде Богданова, получавшего зарплату в «Единой России» и уже отрекшегося от «дерьмократов». Эта кандидатура — плевок в лицо демократическому обществу.

«Демократический Союз» призывает всех, кого не устраивает возвращение в Советский Союз, к бойкоту президентских выборов.

БЕСПРИДАННИКИ

Грани.ру, 5 февраля

Дорогие демократические силы! Мы лишены на этих выборах наследства почище всякого Айвенго и стали бесприданниками похуже Ларисы Огудаловой. Может быть, хоть этот урок убедит смиренных и лояльных в том, что с этой властью ни каши не сварить, ни пирогов не испечь. Кажется, до правозащитников дошло. Кроме господина Брода и тех, кто будет бродить следом за Кремлем в любые времена, хоть до сталинизма; вот чего мы в 70—80-е не знали, так это фальшивых правозащитников и фальшивых демократов из фальшивых демпартий; всё было настоящее и расценивалось на годы тюрьмы, а то и стоило жизни.

Посотрудничать хотел кое-кто? Так вот вам общественная палатка, которая будет фиксировать нарушения прав человека на Западе (проверить, как там страдают узники капитала); вот вам Гражданский форум, где не только нет Льва Пономарева, но и Людмилы Алексеевой наконец-то нет. И выборы, которых нет вообще. Не приходится спорить о бойкоте или участии. Мы лишние в этом их государстве тупых хозяев и не менее тупых рабов.

Нет кандидата — нет и дискуссии. Выборы еще не начались, наблюдатели еще не съехались, результат известен заранее, а ведь пусть лучше дома наблюдатели посидят, выборов ведь не будет. Зачем считать, какой кусок пирога нарежут Зюганову или Жириновскому? Доля холеры или чумы нас волнует? Не все ли равно, сколько получат разные наши враги из рук кремлевского наместника?

Наша болезнь называется рабство, а раз хозяева нашей жизни и смерти выбрали в тяжких родовых муках Медведева, то послушные совки и лакеи всех фасонов — от режиссеров, снимающих именные фильмы с 55 свечками, до теледив перестроечного разлива; от крепостных бизнесменов (вольнотпущенник в Риме вообще не имел гражданских прав) до чиновничьей саранчи — все придут и проголосуют. А крепкие советские руководители Зюганов и Жириновский получают что положено, по прејскуранту.

Мы на выборы не пойдем, ясное дело. Но ведь нас и не зовут, даже крючок с наживкой в воду не опускали. Но глупо же сидеть молча. Нас выгнали взашей из нашей страны, а нам тоже положены какие-то проценты. И здесь

у меня очень много вопросов к вождям (которые, увы, не тянут не только на Спартака, но даже и на лидеров «Солидарности»).

Дорогие Григорий Явлинский, Владимир Рыжков, Гарри Каспаров и Михаил Касьянов! Что же это вы не сложились на единого кандидата с общей кассой и общими «собираТЕЛЬНЫМИ» структурами? Почему отвергли предложения Бориса Немцова о третейском суде демприсяжных? Согласился Владимир Буковский — он точно не карьерист, а борец. Почему ОГФ проводил праймериз среди таких «демократов», как Зюганов и Лимонов, какие традиции и диссиденты 60—80-х вас на это уполномочили? Зачем превратили идею в фарс? Не пора ли «разлимониться», мы здесь не в игрушки играем, здесь на кону судьба страны, от нас, может, не зависящая сегодня, но ведь и «завтра» не будет при таком подходе. Почему Михаил Касьянов держит себя как испанский гранд, расценивая коллег как каких-то гэзов? Четыре года при Путине лишили всякого демократизма? Зачем нам лишняя демноменклатура, медведей хватает. Если бы Путин знал, что деньги общие, что эти 2 миллиона подписей на одного кандидата собирают и «Яблоко», и СПС, и ОГФ, может быть, нас бы так не плющили. Ведь Богданов — это способ плюнуть в нас, демократов. «Кто сидел на моем стуле?» Вот с этим ревом «Яблоко» и СПС и выкинули из политики. Вместе с ОГФ.

Еще не поздно, у нас есть месяц. Срочно садитесь и за один день выбирайте общего кандидата. Хоть жеребьевкой, хоть третейским судом. Я бы отдала голос за Владимира Буковского. Уже не надо популизма, искательства, эквивок. Обличить власть, всё объяснить и дать западную демократическую альтернативу. Буковский не побоится, остальные пусть сверятся с совестью. Но надо будет говорить жестко. Бросить перчатку. Не будет эфиров и экранов. Но есть Интернет и листовки. Есть «Эхо», есть «Грани», есть New Times и «Новая», есть Си-эн-эн.

Альтернативные выборы для несломленных демократов, для тех, кто не побоится хоть в Кремль послать телеграмму лично Путину: «Я голосую за Владимира Буковского, а на ваши выборы мне плевать». Дайте людям совершить гражданский поступок, чтобы они могли себя уважать. Пусть несут свой неформальный бюллетень со всеми данными в Сахаровский центр, шлют SMS, дают подписи

в штаб-квартирах «Яблока» и СПС, на их сайтах. Потом посчитаем. Плохо посчитали? Они больно хорошо считают! И пусть знает мир, знает власть, знает ЕС, знаем мы все, что 10 тысяч, 30 тысяч, 2 миллиона человек публично и гласно отдали предпочтение альтернативному кандидату. Надеюсь, у «Яблока», СПС и ОГФ хватит денег и активистов, чтобы распространить несколько десятков тысяч листовок и провести пару митингов?

Я берусь написать такую листовку. Дайте мне единого кандидата. У нас нет одного государства на всех, в берлоге жить стыдно. И выборы 2 марта общими у нас не будут. Люди ждут от вас не слез и стонов, а гражданского действия, дорогие вожди. Осваивайте диссидентские приемы, у вас впереди долгая диссидентская жизнь — до следующей оттепели, до которой не все из нас доживут. Но если вы не сделаете хотя бы эти скромные альтернативные выборы для самых смелых, то вы не годитесь не только в политики, но и в диссиденты. И ваше созвездие — Большая Медведица.

СКРОМНЕНЬКИЙ ЧЕРНЫЙ ПЛАТОЧЕК

The New Times, №56, 10 марта

Последние несколько лет в Европе и Турции приходится решать законодательным путем вопрос о женских туалетах (то о вуали, то о хиджабе, то о платке). Некоторые легкомысленно считают это блажью: мол, пусть хоть чулок на голову надевают, хоть в саванах ходят, хоть в бикини. На то она и свобода. Но в вопрос о скромненьких синих, белых и черных платочках изначально закладываются два очень старых и существенных вопроса, два вызова, с которыми столкнулась Европа и сейчас, благодаря традиционалистской партии, пришедшей к власти, сталкивается Турция. Россия же столкнулась с полным игнорированием российской Конституции со стороны Рамзана Кадырова даже в этом «платочном» и «одежном» вопросе (хотя, снявши голову, по волосам не плачут, и тем более по платкам).

В связи с празднованием хоть и левого, хоть и просоветского дня 8 Марта, который, однако, связан с борьбой женщин за свои права (несмотря на Клару Цеткин), хочется наконец сформулировать эти два вопроса, которые

сейчас решают Запад и Восток, не смея признаться в их сути даже самим себе.

Эти вопросы ужасны. Вопрос №1: может ли Европа разрешить своим новым гражданам борьбу за бесправие? Вопрос №2, казалось бы, давно решен. Ан нет. На вопрос: «Человек ли женщина?» — до сих пор дают два разных ответа.

Возможны варианты. От глухого мешка паранджи в Саудовской Аравии и Афганистане (хотя афганские власти никого к этому не принуждают) до хиджаба в Иране, платка и длинного платья в Пакистане и Чечне и — самый худший вариант — до африканских судов над английскими преподавателями, посмевшими назвать плюшевую игрушку Мухаммедом (после детского голосования), или даже до калечашей девушку операции, этакого обрезания, чтобы несчастная не могла получать удовольствие от плотской любви. Но от косынки до паранджи суть одна: женщина неравна и неполноценна. Даром трудились суфражистки, феминистки и просто прогрессистки: значительная часть Востока не признает равенства между женщиной и хочет, чтобы и Запад с этим смирился. Помните, что сделали афганские фанатики с похищенными христианскими миссионерами и иранские силовики — с захваченным экипажем британского военного судна? Первым делом закутали женщин в платки и покрывала. Хотя те в гости к ним не напрашивались.

И Турция действительно официально признает неравенство и бесправие женщин, если позволит им ходить в платке в университет. Во Франции запретили, а в Англии предоставили право решать учителям (попадетсЯ такой, как архиепископ Кентерберийский, так у него на уроки в парандже будут ходить).

Речь не идет о неприличии или разврате. Но если мужчина может ходить в шортах, а женщина — нет (и даже джинсы в Иране, да уже и в Чечне, исключены), если девушку за короткую майку или открытое лицо растерзают на улице, то речь идет не о моде и не о целомудрии — о фундаментальных правах человека. И пусть хотя бы в лицее, университете или парламенте мусульманские женщины вступают в пространство Равенства и Свободы. И что с того, что бедняжки, выросшие в странах и семьях фундаменталистской ориентации, где свободой и не пахнет,

сами требуют на митингах свой платок? Мы здесь и не такое видели. Народ давился на похоронах тирана, оплакивает до сих пор СССР и голосует за сотрудников КГБ. Десятилетия рабства даром не проходят. А столетия женского бесправия на Востоке?

Я не разделяю программу демпартии США, мне близки республиканцы; но иногда мне хочется, чтобы президентом стала Хиллари: просто, чтобы все увидели, что у жен можно поучиться не только щи варить.

ПО ПРАЗДНИКАМ ОНИ НЕ ПОДАЮТ

The New Times, №57, 17 марта

Не успел Центризбирком как следует шелкнуть клювом, возвещая взятие страной следующей зияющей высоты, как проигравшиеся в пух и прах в этом политическом Монте-Карло либеральные демократы и демократические либералы затосковали об оттепели, причем даже вслух. Они порядком насмешили чекистскую общественность.

«А скоро ли у нас будет оттепель?» Это при ценах на нефть 108 баксов! Дмитрий Медведев, к счастью, человек воспитанный. Поэтому он только напомнил, что собирается проводить курс президента Путина, а в наших широтах это означает не оттепель, а лыжно-санно-хоккейный сезон. А мог бы ответить и невежливо: «Вам чего, ребята, мало, что вас обвиняют в шакальстве у иностранных посольств, так вы и к Кремлю пошакалить пришли?»

Оттепель — понятие сугубо зимнее, спущенное сверху, один из видов властной мимикрии, но вовсе не плод властного гуманизма или какой-нибудь исторически вертикальной добродетели. В печальной российской истории благополучие власти и благополучие подданных совпадали крайне редко, да и подданные никогда не говорили «спасибо». Григория Отрепьева, прикрывавшегося именем Дмитрия и пытавшегося эти самые реформы осуществить, благодарный народ выбросил из окна и анафемствует до сих пор. Александр II украсил Россию западными свободами и правами и только не успел созвать парламент: прогрессивная молодежь разорвала его на куски адской машиной, да еще вместе с грядущим конституционным правлением. Борис Ельцин вернулся к александровским

реформам, был оскорбляем и оклеветан, а сегодня мы только и слышим о «хаосе и ужасе» 90-х. Когда у власти всё в порядке, она и не помышляет о реформах, а «тихо крутит гаечку за гаечкой». Оттепель идет следом за катастрофой.

Борис Годунов немного отпустил вожжи, потому что безумный автократор Иван Грозный проиграл Ливонскую войну, не сумел защитить Москву от хана, уничтожил своего наследника, а у Бориса было мало легитимности.

Анну Иоанновну «верховники», то есть лендлорды, взяли в оборот и чуть было не добились «кондиций» (конституционного правления), если бы не заговор «силовики» из «потешных» полков.

Екатерина была просто умна, к тому же иностранка, и ее оттепель — сознательное, хотя и умеренное, в рамках возможного, деяние. Реформы Александра II — плод страшной катастрофы, постигшей Россию в ходе Крымской войны. А Октябрьский манифест и созыв Думы — следствие провалов в Русско-японской войне. Тогда как аракатеевщина, ссылка Сперанского, участие в реакционном Священном союзе в качестве жандарма Европы — это то, что стране досталось от победы над Наполеоном.

Расправа с генетикой, кибернетикой и «космополитами» — наша доля со дня Победы. Горбачев начал, а Ельцин продолжил реформы, потому что экономика рухнула и нечего стало есть.

Хрущевская оттепель — это был способ валить голод, разруху, террор на Сталина и других соратников типа Берии и Маленкова. Оттолкнуться и возвыситься. Безопасность своим — но и свободу жертвам сталинизма. А теперь у них есть всё: безопасность, свои суды, свои офшоры, все ресурсы страны, ядерное оружие и готовый скупать нефть и газ Запад. Зачем им нужна оттепель? Народ безмолвствует или орет «ура!». Сначала — деньги, потом — стулья. Оттепель придет после очередной катастрофы. А сейчас разговоры на эту тему сильно напоминают диалог между парижским палачом Сансоном и графиней Дюбарри на эшафоте: «Одну минуточку, господин палач, еще одну минуточку!»

Давайте угрюмо смотреть правде в глаза. Роль волка почетнее роли шакала. Пусть наши шкуры достанутся им как можно дороже.

АРМИЯ ТЕНЕЙ**К 100-летию Льва Разгона**

The New Times, №59, 31 марта

Первого апреля случаются не только смешные события. В этом году юмористическая дата совпадает со столетием со дня рождения Льва Эммануиловича Разгона, жившего долго, благородно и толково — 91 год. Разгона-писателя, Разгона-политзэка, Разгона — истинного русского интеллигента, который был не способен причинить зло даже палачам. Разгон твердо помнил формулу: не верь, не бойся, не проси. Он жил по ней с 1938 года, когда, попав в лубянскую мясорубку, узнал, что его жена Оксана, больная диабетом (ради которой он, поверив слову «чекиста и коммуниста», то есть следователя НКВД, подписал на себя протокол), была все равно лишена инсулина и не доехала живой до «пешеходной» части этапа. Лев Разгон просидел 17 лет. Вторая его жена, дочь правого эсера Рика Берг, с которой он познакомился в лагере в Вожаеле, провела в лагерях и ссылках 15 лет. Рика ушла первой — в 1991 году.

Лев Разгон, Юлиу Эдлис, правозащитник Александр Ткаченко — это была одна компания, ПЕН-центр. Дела Мирзаянова и Никитина, чеченская война — они всё это понимали с полуслова и бросались в атаку отчаяннее и раньше молодых. В событиях постсоветской эпохи они сразу узнавали знакомые силуэты лагерных вышек и слышали в ветре реставрации тихий звон колючей проволоки. Все-таки Солженицын был прав: у зэка гораздо больше души, чем у вольняшки, потому что зэк знает правду. Пока наивные рабы рыдали и душили друг друга на похоронах тирана, всезнающие зэки праздновали в своих бараках его смерть.

Мы их теряем. Их, успевших посидеть еще в конце 40-х или 30-х и потом учивших нас, молодых диссидентов. Мы потеряли таких «кадровых» диссидентов, как Владимир Гершуни (клеил антисоветские листовки еще в 1948-м), как Михаил Молоствов (сел мальчишкой, а потом защищал Чечню). Они владели драгоценным даром знания, который не давал им есть из кремлевских рук. Конечно, часть советских кроликов, как пишет тот же Александр Исаевич, «по всем кузням исходили и некованы воротились». Но такие, как Лев Разгон, Рика Берг, Евгения Гинзбург, научились

навсегда. Это они своим знанием и своим общественным негодованием мистически обрекли на исчезновение советский строй, Советский Союз, советское верноподданничество. Они воспитали шестидесятников — поколение людей, живших ради общественного блага «с человеческим лицом». Дубчека, Гавела, тех венгров, которые подняли восстание в 1956 году, Юрия Левитанского, Александра Твардовского, Леха Валенсу, Светлану Алексиевич, братьев Стругацких и Алеся Адамовича.

Они все очень слабо представляли себе социализм. Но вот свободу и «человеческое лицо» — очень хорошо. Это была «армия теней», воины оттепели, солдаты «Нового мира» и Таганки с «Современником». Они учили нас читать по «Архипелагу» и своим мемуарам, как по букварю. Они дали нам в прописи Оруэлла, «Остров Крым» и «Ожог» (Василий Аксенов-то — сын Евгении Гинзбург и учился в 9—10 классах на Колыме!), Джиласа и Редлиха. Они вынесли на своих плечах вторую оттепель — перестройку. Их хватило и на ельцинское время.

Теперь наша очередь. Ходорковский, Данилов, Сутягин, Лебедев, Бахмина до ареста и после лагерей — это будет очень большая разница. Власть кует диссидентов и героев из мирных ученых, коммерсантов, адвокатов и журналистов. Они еще вспомнят Алексаняна, проявившего античное мужество. Мы должны научить страну ненавидеть чекистское Зло. Мы должны сами стать «армией теней». Только чистое пламя негодования позволит нам оторваться от нашей гнусной советской лужи и противостоять власти и укладу палачей.

НЕ ДО ОРДЕНА. ВЫШЛА ВЫ РОДИНА

Грани.ру, 23 апреля

Недавно нам с Людмилой Михайловной Алексеевой пришлось пошакалить у литовского посольства. Этот путинский образ так ярок и оригинален, что его усвоил даже посол Литвы. Путин у нас не только премьер, председатель Партии желающих быть поближе к хлеборезке, отец отечества, чекист, гарант кладбищенской стабильности и наперсник возврата в СССР, но и Баян. Его афоризмы будут точно записаны на скрижалях, и дай Бог, чтоб не кровью.

Людмила Алексеева много помогала литовской католической церкви по линии Хельсинкской группы в темные советские времена, а я с самыми отборными дээсовцами с 1987 по 1991 год боролась за восстановление независимости Литвы. Всю перестройку. В Вильнюсе, лесах и полях. В осажденном парламенте. В Северном городке. Под дулами автоматов у захваченных советскими войсками зданий в феврале 1991-го, флагом и лозунгами «Советские эсэсовцы, руки прочь от Чечни!» и «У советского оккупанта нет отечества. Его родина — танк». И литовцы не забыли тех, кто по поводу стран Балтии, Украины и Грузии четыре года кричал: «За вашу и нашу свободу!»

Шестнадцатого февраля, в день большого национального праздника, президент Адамкус (счастлива страна, имеющая такого президента) наградил сорок хороших людей, литовцев и иностранцев, которые сделали что-то для Литвы. Нам с Людмилой Алексеевой достались рыцарские Кресты Великого князя Гедиминаса, а Маргарет Тэтчер — Большой Крест ордена Витаутаса Великого. Гедимин и Витовт, а не Ленин — вот кому посвящены высшие награды Литвы. И мы их честно заработали. Мой последний визит в Лефортово, с мая 1991-го по августовскую революцию, — за помощь Литве после января (у Горби лопнуло терпение, и Август я встретила в Лефортове, как когда-то, в конце 1986 года, перестройку).

Кстати, знаете ли вы, что с недавних пор у тех, кто приходит в западное посольство, милиция у входа берет паспорта и переписывает фамилии, чтобы знать «шакалов» поштучно и поименно? Так поступили с нами и нашими гостями, хотя враги демократии, окопавшиеся в Кремле, и без списков знают таких врагов кремлевского и лубянского «народа», как мы с Людмилой Алексеевой, Константин Боровой и Борис Немцов.

Я давно так не чувствовала себя дома, как в этом посольстве крошечной, но чистой и праведной страны, где в холле — литовский флаг и флаг Евросоюза, где не пожалели для граждан бывшей метрополии ни цветов, ни сувениров, ни фуршета. И я подумала, что это смогу вспомнить с гордостью в смертный час: Литва, Эстония, Латвия, Грузия, Украина. Страны Балтии, свободные, счастливые, члены НАТО и ЕС. Ведь для России мне ничего сделать не удалось за 40 лет диссидентства. Все кануло в бездонное

болото, как и деяния моих коллег: декабристов, кадетов, антисоветчиков. И мне стало очень грустно.

У Бориса Немцова украинский орден Ярослава Мудрого за «оранжевую революцию», у Сергея Ковалева орден Чечни, у меня — литовский, у Людмилы Алексеевой — литовский и еще Почетного легиона. У кого из диссидентов есть российские ордена? Правда, Борис Немцов пообещал, что даст, когда окажется в Кремле. Дай России Бог такого президента, но мы с Людмилой Алексеевой и Сергеем Адамовичем явно до этого не доживем.

Борис Ельцин давал мне после октября 1993-го орден Мужества, а членам ДС — медали. Пока мы думали, брать или не брать (ведь Белая армия не давала наград за Гражданскую войну), ушел отчаявшийся Гайдар, поскольку продолжение реформ не просматривалось; выпустили путчистов и гэкачепистов; а Ленин и красные кремлевские звезды остались на своих местах. Мы не взяли наград, и слава Богу: через год началась чеченская война, и пришлось бы бросать награды через кремлевскую стену. Да что мы... Кто в ельцинскую эпоху подумал наградить посмертно Анатолия Марченко, просидевшего 20 лет в лагерях и погибшего в чекистской тюрьме в 1986 году? А Юрий Галансков, умерший в лагерях в 1972-м? А Владимир Буковский? А наградила ли чем-нибудь РПЦ Зою Крахмальникову, посаженную в тюрьму в СССР за выпуск христианского чтения «Надежда»? Мы ее похоронили 20 апреля. Михаил Кульчицкий, погибший на фронте, успел написать: «Не до ордена. Была бы Родина с ежедневными Бородино».

Ну, Бородина, да еще каждый день, да еще жечь свою столицу и дать умереть в блокадном Ленинграде нескольким миллионам, чтобы не достались врагу, нам не надо. Довоевались уже до полной прострации, как экономической, так и моральной. А вот Родина чтобы была, а не мачеха, как всю советскую эпоху и опять, начиная с 1994 года, со вторжения в Чечню, — это бы хорошо. Не при нас, так хоть после нас. Диссиденты дерутся не за ордена и звания. Мы, ясное дело, не доживем. Но мне все чаще кажется, что этого не будет никогда. Что не отменяет воинского (то есть гражданского) долга. Пусть потом отметят, что у мачехи были хорошие дети.

ПОВЕДИТЕЛЬ НЕ ПОЛУЧАЕТ НИЧЕГО

Грани.ру, 28 апреля

Так называется один из ранних сборников автора, который решил для себя вопросы жизни и смерти, а когда понял, что мир не подлежит радикальной перестройке, не смог смириться и вернул жизнь Тому, кто дает право сражаться за свое Дело, но не гарантирует победы правой стороне. Этот автор знал, что колокол всегда звонит по тебе, открывая (в который раз на Земле!) закон о сопереживании чужой беды и чужой боли. Он мало молился, а может, не молился вообще, но он думал о Боге и думал вместе с Богом, и через два тысячелетия он записался к Иисусу в ученики.

Евангелие от Хемингуэя сурово и правдиво, он ничего не обещает на земле кроме тяжелых испытаний, как, впрочем, и сам Иисус. Наверное, Иисуса отговаривали спасти людишек, справедливо указывая на их полную неисправимость. А о Голгофе он знал заранее, как знал это Юрий Галансков в 1968 году, Анатолий Марченко — в конце семидесятых, а Светлана Бахмина и Василий Алексанян — в наши дни. Их отговаривали следователи КГБ и прокуратуры. И про Голгофу предупредили. Сатана ведь многостаночник, его хватает на всех: он и к Христу на вершине горы наведывался и предлагал все царства мира и славу их; он и в кабинете для допросов появлялся перед Алексеем Пичугиным, Платоном Лебедевым, Светланой Бахминой и Василием Алексаняном в пиджаке от Версаче и советовал плюнуть на Ходорковского, дать на него показания и сулил свободу.

Иисус был диссидент и правозащитник, и всякий диссидент и правозащитник из СССР, путинской России, Кубы, Китая его поймет. Что из того, что он умел ходить по воде, превращать воду в вино, воскрешать мертвых, лечить безнадежно больных и кормить целую аудиторию, даже стадион, пятью хлебами и двумя рыбами! Он не использовал свои сверхъестественные возможности, чтобы не было больно и страшно: во время бичевания на Via Dolorosa, на кресте. Он играл с нами честно. Он честно умер и не воскрес. Воскрес Бог, а человек Иисус обрел бессмертие в памяти людей. Как Василь Стус, Юрий Галансков и Анатолий Марченко.

Так за что же Иисус отдал жизнь? И создал ли он христианство, если первое побуждение его же апостолов было

отречься, а один даже оказался стукачом? Первомученик Стефан был настоящим человеком, и первые христиане, бросаемые на съедение львам, были достойны идеалов Евангелия (они же общечеловеческие ценности). Но когда христианство стало официозом, здесь-то оно и кончилось как благородная идея совести и чести, как чистый образ жизни и мысли. Христианами называли себя инквизиторы, христианином мнил себя Иван Грозный, христианский король Карл IX санкционировал Варфоломеевскую ночь, и «христиане» — так они себя позиционировали — сожгли Жанну д'Арк (вот она-то и была христианкой, человеком, свободным и от церкви, и от догмы).

Христиане не могли объединиться почище демократов. СПС, «Яблоко», ОГФ хоть не убивают друг друга. А вот католики и протестанты вели религиозные войны чуть ли не столетие. Христиане убивали друг друга в Первую мировую войну, христиане предали Тайвань, лишив его места в ООН, предали Тибет, предают общечеловеческие ценности, сотрудничая с Китаем, путинской Россией и приглашая в гости Фиделя Кастро, как это сделала супруга Франсуа Миттерана.

А РПЦ? Христиане ею не руководят. Да и состоящие в ней, надо полагать, редко бывают способны пойти на крест «за други своя». Христианнейший президент расстрелял Чечню и не помиловал ни Сулягина, ни Данилова. Это наши христиане громили Сахаровский центр из-за художественной выставки. Они же освящают бомбы и устраивают молебны в храме Христа Спасителя за ядерное оружие. Явись сейчас Христос, погромщики Сахаровского центра забили бы его дубинками. Или его посадили бы его за экстремизм. Впрочем, синедрион именно это ему и инкриминировал.

Но ведь Иисус знал, что так будет, что ничего не выйдет, что человечество не изменится. И мы, кажется, знаем, что Россия не войдет в Европу, что мы все умрем у европейского порога, что нам не дано спасти свою страну. Но Иисус хотел создать стойкую традицию, основать общественно-эстетическое движение порядочных людей или инициировать документ о правах и обязанностях человека, моральный кодекс на целую Вечность (Евангелие).

Но зовет труба в рукопашный и призывает — воюйте!
Пой же, пой нам о самой страшной,

самой твердой в мире валюте!

(Галич)

Христос оплатил этот свой документ кровью, и цена не понизилась до сих пор. Безнадежная борьба за правое дело — основа и христианства, и диссидентства либералов и западников России. Надо только выбрать сторону баррикад: с Христом, с Анатолием Марченко, с митрополитом Филиппом Кольчевым, с Жанной д'Арк или Николаем Гумилевым. Или со Сталиным, с Лениным, с Понтием Пилатом, Анной, Каиафой, Иудой, Андроповым, Путиным и Жириновским. И иже с ними. Наше поражение достойнее и почетней их жалких побед.

«ЭРИКА» ВЕРЕТ 10 КОПИЙ

The New Times, №17–18, 28 апреля

Десять или даже двенадцать, если соглашаешься на две совсем бледные страницы. Наверное, Галич, написавший, что она «берет четыре копии», пихал в свою «Эрику» не папиросную бумагу. Папиросная давала с одной закладки 10 экземпляров «Хроники текущих событий» (ХТС). Владимир Ульянов бы расстроился, если бы узнал, что не только «Искра», но и ХТС может быть прекрасным «коллективным организатором». Наш диссидентский мир, настоящий (в отличие от лживого и выдуманного советского) был очень тесен. Одни и те же люди делали «Хронику» и распространяли ее (пускали через верные руки в широкий мир), были не только ее изготовителями и составителями, но и действующими лицами. «Сегодня — ты, а завтра — я» — так мы жили.

Вот мы (Лева Волохонский, которого уже нет; Ира Каплун, которой тоже нет; Володя Борисов, выброшенный насильно, в наручниках, во Францию, и я) лежим на ковре у Иры на квартире и составляем письмо в защиту Владимира Свирского, народника и геолога. А потом берут Леву, и мы пишем уже о нем. А в 1978-м — моя очередь, и пишут без меня. Наташа Горбаневская (ласково — Воробышек) делала первые ХТС, и я попала ей на карандаш, то есть на ручку и машинку (первые листовки 1969 года во Дворце съездов, первый арест). Потом в 1970 году мы встретились в казанской спецтюрьме, и я, затаив дыхание, слушала на прогулке ее гениальные стихи, а потом еще 15 лет их распространяла.

Одни и те же люди делали ХТС; распространяли там-и самиздат; писали правозащитные письма; собирали под-писи; свято хранили Фонд помощи политзаключенным из солженицынских гонораров; выходили к Пушкину на Твербуле то 5 декабря в 18 часов, то (потом) 10 декабря в 19 часов и снимали шапку по правам человека, и сидели вместе в отделении милиции. Эти же люди стояли на морозе у зданий судов (в зал не пускали), где судили диссидентов по статьям 70 и 190¹; и на скамье подсудимых сидели потом опять-таки они. Встречались в лагерях, в Перми (-35, -36, -37), в Потье. «Хроника» не была бесстрастной летописью; ее можно назвать Черной книгой из шварцевского «Дракона», куда Провидение записывает все беззакония и злодейства.

«Хроника» стала той Чашей Святого Грааля, вокруг которой объединились все порядочные люди. Так что у диссидентов вопрос об объединении решался не на съездах и без склок. ХТС, Хроника защиты прав человека, Хроника Литовской католической церкви — только там было главное, насущное: кого посадили за устное или письменное слово; сколько дали; какие ужасы творятся в спецтюрьмах, как тяжело в СИЗО и лагерях; как угнетают крымских татар и религиозников. А ракеты, космонавты, балет, съезды и сладкое вранье — всё это не имело никакого значения, потому что если в стране есть узники совести, в ней больше ничего существенного нет.

И когда потекла цепочка этих самых узников — Вил Мирзаянов, Александр Никитин, Виктор Орехов, Григорий Пасько, а 11 декабря 1994 года танки пошли к границе Чечни, я поняла, что мы пропали, и развязка — только вопрос времени. «Хроника» была настоящим СМИ, хотя кроссвордов и отдела спорта в ней не водилось. Поэтому трижды прав был Александр Подрабинек, когда в 1987 году затеял продолжение: «Экспресс-Хронику», дожившую до марта 2000 года, до Путина. Сейчас еще сохранились остатки свободной прессы, но если мы еще откатимся назад, то без ХТС нам не обойтись. «Виток спирали вытянут. Толкуй — не хватит сонника. Текут опять события в законченную "Хронику"» (Н.Болтынская). «Хронику» делали правозащитники, они же и журналисты. И строки Беллы Ахмадулиной — лучший закон о печати: «Как будто сохранны Марина и Анна, и нерасторжимы словесность и совесть».

**МАЙ 88-ГО:
ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ ДС**

Радио «Свобода», фрагменты программы
«Поверх барьеров», 21 мая

Почему год действовал семинар «Демократия и гуманизм»? Потому что даже в это время люди еще не готовы были к созданию политической партии, морально не готовы. Во-первых, очень боялись, а во-вторых, не понимали, зачем это нужно. Вплоть до того, что предлагали опрос общественного мнения провести: а нужна ли народу еще одна партия или хватит той, что есть. И только в 1988 году удалось создать Оргкомитет, сели писать программу. Мы ездили в Петербург представлять эту программу. А там, среди неформалов, тоже началась паника. Один неформал встал и сказал, что если мы создадим другую партию, то не факт, что какой-нибудь летчик не поднимется над АЭС и не бросит туда бомбу. Весьма странное предположение, что создание другой партии могло бы вызвать такой эффект. Это просто доказывает, что люди не мыслили этими категориями. Им это казалось чем-то абсолютно невероятным.

И мы тогда разослали эту программу во все регионы с указанием, чтобы люди, которые готовы вступить в такую партию, приезжали на съезд. Естественно, на съезд приехали не только те, кто хотел вступить в партию, а приехали и те, кто хотел еще потусоваться. Из ста участников съезда в партию, в конечном итоге, вступили только 50 человек. Партия начиналась с 50 человек. Конечно, нам чинили всякие препятствия, препятствия на сегодняшнем уровне. Если бы на советском — то, как они обещали вначале, обнося членов Оргкомитета бумагами от прокуратуры, 64-я статья за проведение съезда, то есть государственная измена, и всё, и 15 лет, и никого съезда бы не было. Но это был уже Горби, наш добрый Горби. Он действовал примерно так же, как сейчас Путин: разогнать, не дать помещение, но все остаются живы. Даже, пожалуй, было помягче, потому что можно было и сутки дать, но тогда не давали. Просто на другой день часть провинциальных делегатов выслали из Москвы с формулировкой, что они приехали заниматься в Москву проституцией. Самое интересное, что это были не девочки, а мальчики...

Как проходил съезд, описано в моей книжке «Над пропастью во лжи»*. Да, это действительно было что-то неслыханное и невиданное, и корреспонденты не влезали в квартиру, и по шести этажам, по всем лестницам этого дома стояли агенты КГБ, а внизу — автобусы с войсками. Войсками был дом окружен! Видимо, они исходили из того же, что и неформалы: что Москва может сгореть, что происходит что-то сверхъестественное, может, и жизнь на планете Земля не уцелеет. Они относились совершенно неадекватно к этому феномену — как народ, так и власть.

Из тех, кто начинал «Демократический Союз», из тех, кто входил в Оргкомитет, в строю пока осталась только я... Вначале было 15 человек. Но активно писали программу Саша Лукашов, Юрий Скубко, Виктор Кузин, Игорь Царьков, Дмитрий Стариков, и они или бросили дело, или изменили свои взгляды. И в первоначальном составе партии очень мало кто остался. Дай бог, чтобы десятка два или три человек.

Почему «Демократический Союз», который был достаточно большой, после 91 года стал такой маленький, а после 93-го — еще меньше? Потому что люди отчаялись, у них опустились руки, они увидели, что народу не нужна свобода, и что народ наш капитализм в упор не видит, и что это можно делать только силой, чего даже Ельцин не смог. Силой нельзя заставить жить при демократии. Вот этого мы, конечно, не ожидали.

Мы не ожидали, что в КПРФ вообще кто-нибудь вступит после того, как людей перестанут заставлять, и что КПРФ будет гораздо многочисленней демократических партий. Мы не ожидали, что народ будет требовать социалку в такой форме, как он потребовал в 93-м году. Многого мы не ожидали. «Демократический Союз» победил, но, как всякая победа, эта победа оказалась пирровой. Если горстка людей, опередивших свою эпоху, пытается тащить эпоху за собой, а у нас, наверное, в России, идет не 21-й век, а все еще то ли 17-й, то ли 18-й, судя по отношению к Путину. Мы вообще не ожидали, что люди способны на такие вещи добровольно. Мы-то думали, что КПСС — это насилие, это принуждение. КГБ и КПСС людей принуждают. Как только их перестанут принуждать, они немедленно бросят все эти коммунистические цацки, немедленно встанут с колен счастливые и свободные, будут строить

* См. том I, «Прощание славянки».

здесь свою Америку, свою Голландию, свою Великобританию. Им просто не дают, а они хотят. А потом выяснилось, что они этого не хотят, и что власть — производная от народа, и что этот народ совершенно свободно после Ельцина способен избрать Путина.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЦКС

Двадцать лет свободы

9 мая 2008 года политической партии «Демократический Союз» исполнилось 20 лет.

20 лет мы воюем с тоталитаризмом, автократией, советскими стандартами, рабством, коммунизмом, чекистской диктатурой, милитаризмом и государственной ложью. 20 лет мы стоим на страже демократии, либерализма, гуманизма и других общечеловеческих ценностей, упорно отвергаемых холопствующим большинством.

Мы никогда не шли и не пойдем на компромиссы со Злом, мы никогда не брали у власти подачек и не выпрашивали у электората голоса на выборах, мы никогда не лгали ни власти, ни народу. Мы остаемся антикоммунистами, либералами, правыми и сторонниками западного пути развития. Перестройка закончилась в 2000 году, страна стоит на коленях перед чекистами, но мы стоим во весь рост, бросая слова презрения и рабам, и рабовладельцам с Лубянки. Мы не подпишем капитуляции ни в окружении, ни в тюрьме, ни даже у стенки. И мы не ищем себе союзников среди левых радикалов, способных только усугубить бедствия России.

Еще не поздно. Мы приглашаем народ под наше знамя (тот самый триколор, который мы вынесли на площади еще в 1988 году), чтобы вместе бороться за достойное капиталистическое будущее, за то, чтобы Россия стала частью Запада. Мы диссиденты и никогда не смирились с властью наследников красной Чумы, родом с Лубянки. Мы представляем будущую Россию, свободную, гуманную, капиталистическую — даже если ее не будет никогда. Пока мы живы, мы не дадим никому забыть о преступлениях коммунистов и чекистов, о злодеяниях и ничтожестве СССР. Мы по-прежнему восклицаем: «За Вашу и нашу свободу!» Мы поддерживали Д.Дудаева и А.Масхадова, пока Чечня боролась за

независимость и западную модель развития, а сегодня мы солидарны с Украиной и Грузией.

Мы исполним до конца наш гражданский долг и никогда не сбежим с вечно тонущего корабля под названием «Россия».

КРЫМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО

Грани.ру, 30 мая

Начинается лето, и встает ребром вопрос о каникулах. Далекие моря дороги, нефть растет в цене, туроператоры и авиаперевозчики тоже поднимают цены. Так что даже Турция становится не всем по карману. А совсем рядом — Крым. До перестройки все любили отдыхать в Крыму, даже диссиденты. Недорогая хибарка на четверых, вина из совхоза «Коктебель» (замечательный дешевый мускат), Дом творчества на самом берегу, могила Волошина над Мертвой бухтой, Карадаг, биостанция, мыс Хамелеон, Лягушачья, Сердоликовая, Львиная бухты, камешек с дыркой — «куриный бог», музей Грина в Феодосии, Старый Крым с пещерным храмом, шампанское «Новый Свет», Судак, Царская бухта, раскопки Херсонеса, Алупка с дворцом, Никитский ботанический сад, белая Ялта с чеховским домиком, Гурзуф и Мисхор с молочно-голубой мандельштамовской водой в море... Здесь все отметились стихами — и Пастернак, и Волошин, и Мандельштам, и Цветаева. Здесь нашел Гель-Гью и Зурбаган мой любимый Грин...

Коктебель — мое детство. Полжизни я ездила в Крым на поезде: через Сиваш, вдоль моря в Феодосии, автобусом до пансионата «Голубой залив». И меньше всего мне нравился холодный, казенный Севастополь с серыми глыбами зловещих кораблей, где нельзя фотографировать и купаться с Графской пристани. Кто отдыхал в Севастополе? Ну, ездили в Херсонес на экскурсии, ну, бегло осматривали сам город. Ездили отдыхать в Коктебель, в Феодосию, в Судак, в Гурзуф, в Алупку, в Мисхор.

Но когда пришла пора всё это отдать, отдать Украине, я отдала с радостью, положила словно букет на могилу великого украинского поэта Василя Стуса, замученного КГБ в наших российских концлагерях. В искуплении есть радость: всё чужое отдать, заслужить прощение, покаяться, очиститься.

Крым был не только достоянием российских поэтов и художников, но и родиной крымских татар. Отдать его диссиденту Мустафе Джемилеву, большую часть жизни просидевшему за эту свою родину в советской тюрьме, и его депортированному народу — благое дело. А они ведь выбрали Украину, а не Россию; они поддержали «оранжевую революцию» и не дали поставить в Крыму, в Ялте, в память о конференции 1945 года скульптуру Рузвельта, Черчилля и палача Украины, России и крымских татар — Сталина. Сказали, что ее взорвут. И не поставили: крымские татары, прошедшие через депортацию, — ребята серьезные.

Отдать Крым — это самое малое, что мы могли сделать за голодомор на Украине, за наше проклятое советское прошлое, за то, что западэнцы чуть ли не поголовно пошли в сибирские лагеря. И не надо считаться, что вина обоюдная, что Берия и Сталин вообще не русские, что кто-то что-то должен нам. Широкая русская душа должна быть выше такой мелочности. Страна от Балтики до Китая, 1/8 часть суши, не должна крохоборствовать и кусочничать. Сухуми, Гагры, Пицунда, Батуми — пусть это забирает Грузия. Надо платить по счетам. Наши предки хотели сделать Русь святой. Князь Владимир Мономах имел такую идею.

В Крым и так пустят, без визы. И грузины пустят, если не будем отрывать с кровью Абхазию и Южную Осетию. Надо просто купаться и загорать. А не раздавать российские паспорта. Если чекисты не добьют нашу экономику, то примут и рубли как валюту. Крым стал чистенький, частенький, там полно крохотных отельчиков с горячей водой, полно шашлычных и кафе, полно еды, не надо везти из Москвы консервы, не надо снимать койку в сарае. Там теперь не совок. Совок — у нас, где некогда свободомыслящий драматург Эдвард Радзинский подсказал, что надо поставить бронзовую Большую тройку (Сталина Рузвельта и Черчилля) при каком-то военном музее, и богатые россияне с другой, не антисоветской исторической памятью оплатили этот монумент.

Нет города русской славы — Севастополя. Это был город беды, город позорного поражения в Крымской войне и полного краха политики предтечи Путина — Николая I — любителя бюрократии, порядка, вертикали власти, отца силовиков, который так достал Запад своими имперскими

выходками на Балканах, что Франция и Англия объединились с мусульманской Турцией против христианской России. Да будет это уроком сегодняшним империалистам, а то, не ровён час, США и Евросоюз скормят нас Китаю.

Челночные поездки мэра Москвы за Севастополем — это ведь не его прихоть, это воздух времени, нашего свинцового времени реваншизма и гордыни, исключаяющей покаяние. Одни москвичи пошли на митинг требовать Севастополь обратно, другие (даже приличные люди) сказали мне на ухо, что понимают Юрия Лужкова, что им тоже жалко Крыма. А ведь если говорить о приоритетах, то право на Севастополь имеют греки (Херсонес Таврический). И на Симферополь (Ольвия), и на Керчь (Пантикапей). А Балаклаву и Судак с генуэзской башней-крепостью основали итальянцы. Но Греции хватает своих курортов, а итальянцы прокололись с Ливией и римскими имперскими иллюзиями при Муссолини.

Мэр Нью-Йорка не будет требовать себе ничего, потому что американцы никогда не искали колоний, сами были колониями. А мэр Лондона не поедет требовать Южную Африку, или Индию, или тот же Нью-Йорк, основываясь на исторических воспоминаниях. Потому что лондонцы за это оваций не устроят. Никто из англичан не сожалеет о Британской империи. Никто из испанцев не сожалеет о Мексике, Перу, прочих былых владениях в Латинской Америке. Французы не плачут об Алжире и Новой Каледонии. Швеция не пытается получить обратно Финляндию. Ирландия принимает закон, что не возьмет к себе Северную Ирландию, сколько бы та ни стучалась в ворота.

Мир сегодня завоевывают умом и мощной, а не мечом и пушками. Только вот Китай захапал Гонконг, и держит Тибет, и воделеет к Тайваню. Только отсталые африканские страны воюют, вспоминая, какому племени что принадлежало. Андрей Вознесенский назвал это «алчь». Алкание, а еще проще — жлобство. И Россия опять в хорошей компании стран-изгоев и стран-троглодитов.

Будем и дальше так себя вести — уподобимся верблюду, не прошедшему в игольное ушко. С нашими имперскими комплексами и головой, повернутой назад, не попадешь ни в Европу, ни в XXI век, ни в цивилизацию.

НАШ СПОР НЕ ОКОНЧЕН, КОМАНДАНТЕ!

The New Times, №23, 9 июня

Эрнесто Че Гевара давно уже бренд. Вероятно, он был счастливым человеком. Он жил как хотел, боролся всласть, не стал «обывателем» и погиб так, как хотел не только он, но и как хотят почти все настоящие мужчины: еще молодым, в 39 лет, от рук врагов. Умер стоя и никогда не жил на коленях. Я героев очень люблю, но портрет Че Гевары никогда не висел у меня на стене. Сальвадор Альенде висел пять лет после его гибели, Джохар Дудаев, Анатолий Марченко, Сергей Юшенков и Анна Политковская висят до сих пор. Я еще могу понять, почему на Кубе Че Гевара — это кумир. Кроме бороды Фиделя и берета со звездочкой Че Гевары, других достижений у острова Несвободы не наблюдается. Если не считать еще дома-музея Хемингуэя, которого после его смерти не кому было защитить от фамильярных притязаний Фиделя.

Но команданте стал брендом не только для голодной и огнеопасной Латинской Америки, не только для подогреваемого на медленном огне партийной пропагандой СССР, не только для партизан и левых радикалов всех мастей. Великий Сартр назвал его «самым совершенным человеком нашей эпохи». В штаб-квартире одной приличной молодежной леволиберальной организации висел еще недавно его портрет.

Чтобы понять феномен Че Гевары, надо знать историю кубинской революции. Я все это хорошо помню. И 1953 год, штурм казарм Монкада, и ужасную участь Абея Сантамарии и его сподвижников (Батиста, конечно, был мерзкий тип: нельзя оправдывать выкалывание глаз и отрезание половых органов у военнопленных). И 1959 год, благо в СССР об этом трубили со всех амвонов КПСС.

Вот две песни на выбор, одна красноречивее другой:

Слышишь чеканный шаг?
 Это идут барбудос.
 Небо над ними — как огненный стяг.
 Слышишь чеканный шаг?

Мужество знает цель,
 Стала легендой Куба.

Вновь говорит вдохновенный Фидель, —
Мужество знает цель!

И «Марш 26 июля»:

Пылает вся Куба, народ ее изранен и измучен.
Знамена и трубы зовут борцов с полей и из хибар.
Врагов мы проучим — ответим им ударом на удар.
Пусть прогремит наш твердый шаг.
И, словно горящий алый стяг,
Революционный пылает пожар!

Октябрь 17-го, 26 июля, взятие крепости Кабанья в 1959-м... Одна легенда другой стоит. Пожар, кровь, «штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни» — это мы уже проходили. И Куба получила то же, что и СССР. Голодное убожество, мясо и яйца по карточкам, плотики и шлюпки, на которых голодные и замученные муштрой кубинцы спасаются в Штаты и чаще всего тонут; политзаключенные, которых пытали в спецбольницах электротоком; жены, посаженные на 15 лет за сбор подписей под письмами в защиту мужей; «Женщины в белом», правозащитницы, разгоняемые дубинками.

Всегда одно и то же: сначала флаг, а потом — ГУЛАГ. Да будут прокляты все революции на свете, кроме «бархатных», «оранжевых» и «поющих». Нельзя культивировать смерть и самопожертвование неизвестно за что. И да здравствует теплая человеческая жизнь без пафоса и котурн, с едой, свободой и без политзаключенных! Та самая жизнь в Европе и США, которую так ненавидел команданте.

Левой молодежи Запада кажется, что сумка с ликом Че Гевары делает их героями. Но увы! Они остаются обывателями, и лучше бы им заставить свои правительства не продавать чужое счастье и чужую свободу за лишнюю канистру нефти или баллон газа, за дешевые китайские кроссовки.

Во всем, что получилось на Кубе и в Конго, Че Гевара — полноправный виновник и соучастник. 14 июня ему исполнится 80 лет. Он все еще жив, и его левое дело толкает людей на разрушение и смерть.

Наш спор не окончен, команданте! Я не стала бы отнимать у вас жизнь: негуманно расстреливать раненых и пленных. Я хочу отнять у вас любовь человечества. Да, жизнь!

ГУСЫ НЕ СПАСУТ ТРЕТИЙ РИМ

Грани.ру, 2 июля

Пусть не обижается на меня славный Гус Хиддинк. Я вовсе не считаю его гусем. Правда, я видела в одном журнале макет обложки: симпатичный гусь в картузике. Только там была другая надпись: Гус спас Третий Рим. Но это ведь миф с IV века до нашей эры: с галльского нашествия. Священные гуси загоготали, встревожились. Но проснулся только один воин, один офицер: Тит Манлий Торкват. Он и сбрасывал галлов с Капитолия, пока сонни-защитники наконец не проснулись и не пришли к нему на помощь. За этот подвиг римляне через несколько лет его славно наградили: сбросили с Тарпейской скалы за то, что он из своих средств помогал неимущим ветеранам. Римляне решили, что он хочет захватить власть: они не могли поверить, чтобы кто-то кормил однополчан даром.

В то время римляне захлебывались в конформизме и уравнительной демократии. Страшно боялись тирании, возвращения царей. Поэтому безжалостно убивали и изгоняли незаурядных граждан. Изгонят Марка Фурия Камилла, а потом он вернется, чтобы спасти Рим от вольсков. Убьют братьев Гракхов. Убьют просветителя Юлия Цезаря, пытавшегося построить Евросоюз на двадцать веков раньше времени. И сдадутся омерзительным тиранам: Октавиану Августу, Тиберию, Калигуле, Клавдию, Нерону.

Так что римские гуси с Капитолия были только синонимом чуда. В урочный час Рим пал, как всякая отсталая, отягченная своими пороками и ненавистью народов империя. Империи всегда отстают от современных смыслов: они динозавры, перегруженные идеологией и спесью. Второй Рим сгнил еще раньше первого, в нем было слишком много восточного тоталитаризма.

Бедный голландский тренер — хороший человек. Он явился к нам из чудесной доброй страны, страны гёзов, Тиля Уленшпигеля, Вильгельма Оранского и демократической революции, которую сделали в XVI веке добрые буржуа-протестанты против инквизиторской и колониальной Испании. Гус Хиддинк прибыл из страны диссидентов, из страны Винсента Ван Гога, великого живописца, и его потомка (вернее, потомка его брата) Тео Ван Гога, который отдал жизнь, чтобы защитить мусульманских женщин.

Гус Хиддинк думал, что его приглашают научить нашу сборную играть в футбол. А его приглашали спасти третий Рим. Тщетное занятие! Третий Рим падет, и скорее бы, ибо в его грубо золоченой оболочке задыхается и гибнет Россия. Из кокона Третьего Рима вылетит эта бабочка, нежная, печальная и скорбящая. Мы покаемся и станем наконец людьми.

Я единственный спортивный комментатор, который может объяснить, почему мы проиграли Испании* со счетом 3:0. Бог даровал нам победу над Голландией (незаслуженную, факт) и посмотрел на нашу реакцию, на хвастовство, на спесь, на хамство, на шапкозакидательство. Богу стало тошно. И он поставил нас на место. Орава зевак, носивших всю ночь по Москве, объединившаяся вокруг дешевки из кожи со шнуровкой, орава, которая никогда не выходила защищать чеченцев, узников совести, свободу печати, НТВ, детей Беслана, — по сути дела, плевала на страну и на ее совесть.

В Голландии другие фанаты. Там вопросы совести и права решены. Футболисты не сели на травку и не отказались играть, пока не освободят Светлану Бахмину, Василия Алексаняна, Игоря Сутягина, Михаила Ходорковского, — значит, они не граждане моей страны. Они готовы победить, чтобы лишний раз прозвучал сталинский гимн (а их забастовка сразу привела бы к его отмене). Они чужие мне в большей степени, чем американцы и англичане с их гимнами и свободами. Бог еще раз показал: ребята, вы не вылезете еще раз за счет футбола.

«Зато мы делаем ракеты и перекрыли Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей» — это больше не пройдет. Незаслуженная космическая слава, добытая в шарашках; ракеты и лапти на ногах у крестьян из родного села космонавта Николаева; атомная бомба, чей секрет был украден советскими шпионами в США; роскошь кремлевской элиты, хищно клюющей куски юкосовской собственности, и погибающий в камере больницы Алексанян, и день рождения, который Миша Ходорковский отмечает в тюрьме... Лживое, подлое, жестокое государство, растерзавшее Чечню, хотело прикрыть свое дрянное рубище из нефти со шлейфом из газа, да еще украсить футбольным кубком? Нет! Провидение не попустило. Хотели

* В полуфинальном матче Чемпионата Европы по футболу в 2008 году.

«гроб повапленный», а будем иметь просто гроб со скелетом монстра на Красной площади.

А играть в футбол будем в аду. Говорят, черти тоже устраивают чемпионаты. Там свою бронзу и представим. Бедный Гус Хиддинк, прыгайте скорее с этого «Летучего голландца», потому что он плывет прямо в преисподнюю.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВИЛЬВ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ

Грани.ру, 9 июля

На каждом шагу мои просвещенные соратники и симпатизанты напоминают мне о том, что быть православным — это неприлично. Еще со времен Льва Толстого русская интеллигенция привыкла думать, что православие — это мракобесие. Ну а меня считают чудачкой. Вера в Бога стала расцениваться как чудачество, а молитва — как слабоумие. Соблюдение же постов — и вовсе идиотизм (из всех известных мне правых либералов только Никита Белых и Алик Кох думают иначе).

И виновата во всем этом церковь. РПЦ. Двоедушие, двоемыслие; трусость «обновленцев»; сожжение протопопа Аввакума; отлучение (интердикт), наложенный на Псков (еще Плесков) в XIV веке за то, что он дал убежище Александру Тверскому, защитнику христианства и свободы от монголов (по просьбе московских князей-коллорабационистов, в частности Ивана Калиты).

Отлучение Льва Толстого, травля и отрешение от сана героя церкви митрополита Филиппа (Колычева) по приказу Ивана Грозного. И в советское время — то же самое. Всегда готовы к услугам, всегда у ног ЦК КПСС. Кто писал доносы на отца Глеба Якунина? Кто сегодня его отлучил от церкви? РПЦ призывала юношей идти воевать в Чечне.

Я-то хорошо устроилась. Принадлежу к Украинской автокефальной православной церкви. У меня хорошее начальство: владыка Игорь из Харьковского университета, патриарх Константинопольский Варфоломей. Община у нас прелестная. Духовный отец Яков Кротов, по-моему, вполне тянет на апостола по уровню и по святости, и именно такими я представляю себе святого Андрея и евангелиста Матфея. Вера — талант, и как раз отец Яков Кротов и отец Глеб Якунин, отцы Александр Борисов, Георгий Чистяков,

праведница Елена Санникова (диссидентка, кстати) могли бы христианизировать Россию. Но огромное большинство не видит их и не слышит, а сидит перед телевизором и наблюдает за Архиерейским собором, который вполне (по своим выводам) совпадает с советской Конституцией 1977 года: «Граждане СССР (России) имеют право на обязанности».

У светских (при этом с глубокими христианскими корнями) цивилизованных государств есть билли о правах, а наши церковники — опять об обязанностях. Только у коммунистов были категории: «буржуазная идеология» и «коммунистическая сознательность», а у нынешней РПЦ это «грех» и «спасение». Но понимают они это настолько в духе марксизма-ленинизма, что отвергают и Декларацию прав человека, и Пакт о гражданских и политических правах, списанные и переведенные на юридический язык с Евангелия. РПЦ не уважает ни Иисуса, принявшего человеческий образ, ни самого человека — образ и подобие Божье. В их документах закреплено: «Никакое человеческое усилие недостаточно для достижения подлинного блага».

Понятия Добра и Зла в евангелическом смысле давно закреплены в документах западного мирового сообщества, а по Собору получается, что, прежде чем писать картину, художник должен получить санкцию священного трибунала, инквизиции, которая давно уже работает при РПЦ. Отсюда и дело Юрия Самодурова. Его «дело» и «дело» Франсиско Гойи имеют одну природу: требование тупого преклонения перед невеждой и мракобесом в рясе или без (Христос по делу Гойи или Самодурова свидетелем обвинения не выступал). А вот и главное: отрицание великой либеральной истины об абсолютном приоритете прав человека перед интересами государства. Что там соборяне сформулировали? Ну конечно это: «Индивидуальные права человека не могут противопоставляться ценностям и интересам отечества». Так и жарят по программе «Единой России», а то и ЛДПР или КПРФ.

РПЦ — идеологический отдел ЦК партии единокороссов. Да еще и антиамериканизм в свою резолюцию вставили: «Под предлогом защиты прав человека одним цивилизациям не следует навязывать свой уклад жизни другим». Узнаю брата Колю! Некогда русские священники дорожили своим правом «печаловаться»: заступаться перед мирскими властями за гонимых и заключенных. А РПЦ плевать

на узников совести: на Ходорковского, на Сутягина, на Бахмину, на Алексаняна. Документы Собора отрицают и свободу совести, и свободу творчества. Главное, чтобы не было «распрей» и «нестроения» в обществе. Пусть будет вместо нестроения — построение с равнением на власть. Отрываясь от канонических вопросов, соборяне вторгаются прямо в тексты, определяющие деятельность ФСБ и одобряют ее принципы оперативно-розыскной деятельности: «В случаях, когда того требует защита Отечества... сбор сведений о человеке может совершаться без его согласия».

Прав был Войнович со своим отцом Звездонием: вместо того чтобы перекреститься, в СССР (а мы его потомки) можно «перезвездиться». Записав социализм в основу экономических прав народа, РПЦ, правда, забывает об известной практике коммунистов и чекистов: «Все животные равны, но некоторые более равны, чем другие».

Потом духовная дискуссия продолжилась в стенах благочестивой Госдумы, где известные всем христиане Екатерина Лахова и Любовь Слиска предложили пересмотреть Всеобщую декларацию прав человека, а кое-кто из депутатов замахнулся и на само понятие «гуманизм». У меня есть к православному деловое предложение: как демократы не считают легитимными Госдуму и президентскую власть (после таких-то выборов!), так православным не считать легитимной РПЦ. Ни христианство, ни Христос там и не ночевали.

Христос, конечно, не просил меня быть его адвокатом, но считайте, что я его общественный защитник. Иисус приходил спасти людей, а на государства ему было наплевать, и не на граните Мавзолея, брусчатке Красной площади и бетонной мойке машин под храмом Христа Спасителя он собирается утвердить свою Церковь.

ЖАЛОСТЬ

Грани.ру, 16 июля

Ну вот, нет и его. Анатолий Приставкин беседует теперь с золотыми тучками, облачками над любимыми Кавказскими горами и ангелами. «Ангелы, чье оперенье — блеск альбасетской навахи». Чеченцы не забывают добра — слишком много зла им причинили, чтобы забывать. Они зарежут жирного барана и прикатят с огорода огромный арбуз для того, кто посмел сказать, что станица Березовская — вовсе

не станица Березовская, что дороги мостили плитами с дедовских могил, что всю Чечню переименовали, привезли новое население, а старое, коренное, этих самых чеченцев, вывозили грузовиками — мертвых. А дети, запертые в вагонах, которые советские паровозы («В Коммуне остановка?» Нет, в ГУЛАГе!) потащили на Север, кричали «хи!» — потому что хотели пить, а воды им не давали. Что кричали чеченские малыши, 40 тысяч крестников Путина и его военщины, убитые и искалеченные с 1995 года по 2005 год, что кричали они под развалинами Грозного и своих сел? Что кричал тот подросток, который узнал свою мать только по сержкам, откопав общую могилу? Женщина пошла на базар продать черешню, федералы ее трусливо убили — как же, свидетельница очередного преступления — и так же трусливо закопали.

Анатолия встретила Анечка Политковская. И если бы у чеченцев не было рая, они завели бы его для них двоих. Анатолия Приставкина убила наша трусость. Не мог он оставаться с нами, проклятыми (а то, что мы прокляты за ту, первую войну 1944 года, знал даже неграмотный беглый зэк Илья из его повести. Предвидеть же 1995 год и 2000-й — на это у героев «Тучки» не хватило бы воображения).

Россия вся стоит на крови, на своей и на чужой, но ни Спасом, ни Спасением здесь и не пахнет. Анатолия Приставкина трудно было запугать: он же из кукушат, из детей врагов народа. Кем, кстати, будут считаться дети Михаила Ходорковского, Светланы Бахминой, Игоря Сулягина? Ведь дочь невинно осужденного дипломата Валентина Моисеева выгнали из МГИМО, сломав ей всю жизнь... Не всем так везет. Не у всех на пути оказывается сарай и несколько старых винтовок, чтобы хотя бы расстреляли не зря, чтобы являться потом палачом в их юбилей со словом «жалость!» на устах, которое наконец-то выговорила немая Сандра, тоже «дочь врага»...

Анатолий Приставкин старался научить страну человечности: в романах, в фильме, снятом по книге «Ночевала тучка золотая», в Комиссии по помилованию. И страна осталась холодна и равнодушна, обрушивая на чудом уцелевших в 1944 году чеченцев тонны бомб и море огня. А с комиссией тоже не везло. Мы живем не в эру милосердия, чекистские железные клювы способны только забить насмерть. И он ушел от нас, безжалостных, туда, где есть милосердие.

На этой чеченской войне, отечественной для чеченцев и правозащитников, захватнической и колониальной для путинской России, мы потеряли поэта Юрия Левитанского, поэта Александра Ткаченко, писателя Анатолия Приставкина. Они не вынесли подлости современников. Конечно, современники прикроются фиговым листочком как тогда, в 1960 году, когда умер, не вынеся, Пастернак. «Как гордимся мы, современники, что он умер в своей постели!» А у Ани Политковской даже постели не было. У нее, сестры милосердия на чеченской войне, был только лифт.

Да закричите же вы, чтобы это откликнулось в так и не взятых нами чеченских горах! Анатолий Приставкин пытался нас научить: все люди братья, и белобрысый Колька, и смуглый «Саск» — Алхузур. Анатолий Приставкин говорил, что человек определяется тем количеством гостей, которых он может позвать на свой день рождения. И пусть все берут себе сладкие блины из мороженой картошки... Но мы научились ненавидеть всех: и простодушных грузин, и веселых украинцев, и степенных эстонцев. И зовем мы не друзей и не гостей, а потребителей нашей нефти и газа. Мало веселья и любви будет за таким столом.

Жаль. Жизнь не сложилась, жизнь не удалась. Жить стыдно. Но у нас остались повести и роман Анатолия Приставкина, книги и статьи Ани Политковской, стихи Саши Ткаченко. «Слава Богу, есть литература: лучшая история Руси» (Е.Евтушенко, «Казанский университет»). Ему, кстати, 18 июля исполнится 75 лет. Жизнь была всякая: когда — достойная, когда — как у всех. Но нам достались «Казанский университет», «Танки идут по Праге», «Монолог голубого песка», «Идут белые снеги». Это нам останется. Никто не отнимет.

**ЧТО НЕ ПОСМЕЛО ПЕРЕДАТЬ «ЭХО МОСКВЫ»,
НО ПЕРЕДАЛ NEWTIMES.RU**

vnovodvorskaia.livejournal.com, 8 августа

Все благомыслящие люди России, столь здесь немногочисленные, предупреждали чекистское руководство и обезумевших от безнаказанности силовиков, что помешивать в ядерном реакторе кочережкой — это нездоровое занятие.

Мир между Самачабло, как называется по-грузински Южная Осетия, и Тбилиси держался на честном слове,

в основном, на политических дарованиях и благоразумии Михаила Саакашвили. Но российское руководство хотело войны и провоцировало ее каждый день.

И когда российские самолеты стали бомбить грузинское село за пределами Южной Осетии, у Саакашвили не осталось выбора. Иначе его бы не понял его собственный народ.

Лично я не вижу для Самачабло никакой трагедии в том, что вместо сталиниста и коллаборациониста Кокойты Южной Осетией будут управлять другие люди, заботящиеся о благе грузин и осетин, вместо того чтобы вести подрывную деятельность в пользу России.

Заявления президента Медведева очень плохо пахнут. Он собирается защищать в Южной Осетии российских граждан. Пусть он расскажет, откуда они там взялись. Его высказывания сильно напоминают заявления одного немецкого политика 30—40 годов о защите немцев в Судетах или в Данцигском коридоре. После этих заявлений началась Вторая мировая война.

Совершенно очевидно, что путинская Россия хочет аннексировать не только курортную Абхазию, но и, неизвестно зачем, горную Южную Осетию.

Я бы руководству России не советовала повторять контр-террористическую операцию на территории Грузии. Во время чеченской войны они ссылались на то, что это российская территория, а сейчас на что будут ссылаться? Байка для российских граждан годится для собственного совета безопасности, но не для Совета безопасности ООН. Пока российские власти обронули фондовый рынок и уронили рубль. Так что их можно рассматривать просто как вредителей. Нам дешевле будет прокормить на госдаче господина Кокойты вместе с другими нашими агентами, которые давно живут за счет нашего бюджета: господами Абашидзе, Муталибовым и Гиоргадзе.

НЕ СТОИТ СТРАНА БЕЗ ПРАВЕДНИКА

Грани.ру, 14 августа

Алик Кох открыл геофизическую причину нашего локального всемирного потопа: умер великий праведник, Александр Солженицын, Богу незачем стало сохранять наш Содом (и Гоморру). Где-то праведник Ной (если у нас еще

остался Ной — ведь нет ни Солженицына, ни Анатолия Приставкина, ни Александра Ткаченко) тихо строит ковчег (где-нибудь в районе Сахаровского центра или Хельсинкской группы). Было бы только справедливо, если бы на этот раз в ковчег попали «чистые», то есть правозащитники, западники, демократы.

Бог возложил на Солженицына миссию: сорвать все покровы с коммунизма, со сталинизма, оборвать все фиговые листочки с СССР. Советский Союз был уничтожен задолго до Беловежской пуши. Он пал перед правдой. «Не в силе Бог, а в правде», — любил говорить Александр Исаевич. В «Архипелаге», в «Круге первом», в «Одном дне Ивана Денисовича», в театральной трилогии «Пир победителей», «Пленники» и «Республика труда» («Олень и шалашовка»), в оставшемся на бумаге блестящем сценарии (как раз для Алексей Германа) «Знают истину танки» заложена такая концентрация правды и ненависти, что СССР был пробит этим тараном, «взвешен на весах и найден слишком легким», и дни его до Беловежья были сочтены.

Не отсутствие еды, а отсутствие правды и совести, человечности и ума погубило Империю Зла. Солженицын стал Вергилием и Данте в одном лице. Он запечатлел Ад и провел по этому Аду Маргарет Тэтчер, Рональда Рейгана, часть советской интеллигенции (вроде Александра Твардовского, Виктора Некрасова, Алексея Германа, Александра Сокурова, Александра Яковлева) и шестидесятников вроде генерала Петра Григоренко и Владимира Буковского, будущих антисоветчиков и диссидентов.

Мы вышли не из гоголевской шинели, а из солженицынского застиранного ватника с номерами. Солженицынское творчество стало нашими евангелиями (и я уверена, что Христос согласился бы стать соавтором). Мне было 17 лет, когда я прочитала «Один день», увидела красное солнце над ослепительным снегом и колонну эзков, овчарок и конвоиров, бараки и «бур». Именно тогда я решила, что этому строю и этому Союзу не жить и что я положу на эту задачу свою жизнь.

Владимир Путин и Дмитрий Медведев зря потратились на свои розы. Попытка примазаться к гению и пророку не удастся фарисеям. Солженицын «к праведникам причтен», он в селениях блаженных, и забудется то, что он сделал или сказал против западной демократии или ельцинской веселой свободы (это когда он орден не взял); забудутся

и жуткий антисемитский труд «Двести лет вместе», и поддержка чеченской бойни, и предложение приписать к России Восточную Украину и Северный Казахстан, и то крылечко, на которое он вышел встречать человека из органов в голубых погонах: Владимира Путина. А книги останутся и будут бить по недобитым чекистам из ФСБ прямой наводкой. Все ошибки, все недостатки Солженицына исчезнут в свете «Архипелага».

Мертвым Солженицыным не попользуешься: его крылечко станет недоступным для Путина, ибо между раем, где будет обретаться праведник Солженицын, и адом, уготованным тирану Путину, нет ни ступенек, ни лестниц, ни воздушного сообщения, которое В.В. опять отменил между Грузией и Россией. Большое усилие пришлось сделать над собой гэбэшникам, чтобы воздать почести зэку с 58-й статьей. Впрочем, нынешних зэков, своих узников совести, они все равно из зубов не выпустили. А то уже слышишь по ТВ, что Солженицыну Путин понравился. Сватовство гусара.

Но больше всего осрамился над гробом политзэка Эдуард Лимонов. Он — мелкий писатель, большевик и большой поклонник Октября и СССР, заявил, что скончался последний пророк и что ему, Лимонову, придется занять его место. По-моему, господин Лимонов по взглядам своим ближе к бен Ладену, или к Че Геваре, или к Троцкому. Последнее ноу-хау Лимонова — это бесплатный закусон в «Елках-палках» да бесплатное отоваривание продуктами в магазинах. Едва ли это «пророчество» с призывом к гражданам кушать задарма и воровать продукты из супермаркетов понравилось бы Солженицыну, великому ненавистнику левых, и имело бы шанс остаться в вечности.

Словом, читайте Солженицына. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся».

СЪЕЗД КРЫШИ

Грани.ру, 20 августа

То, что нами правят преступники (чекисты — это вам не какая-нибудь каморра, это гораздо хуже, потому что они зомби, выбравшиеся из могилы СССР), — это не так страшно, как то, что нами правят лузеры и непрофессионалы.

Война с Грузией — это не только преступление, это ошибка. Поведение Путина, Медведева и К° я не могу себе объяснить ничем кроме фразы «Крыша едет не спеша, тихо шифером шурша». На вопрос «За что воюем?» на этот раз можно ответить: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб в Грузии землю чекистам отдать. Прощайте, родные, прощайте, друзья! Лубянка, Лубянка, Лубянка моя!»

Михаила Саакашвили умело спровоцировали, втянули в конфликт, довели до удара по Цхинвали. А не сделай он этого, его зубастая оппозиция смела бы его, как когда-то Звиада Гамсахурдиа, мешавшего «Мхедриони» и другим отрядам разбойничать в Самачабло, то есть в Южной Осетии, и давшего Абхазии статус субъекта конфедерации. Парламент не согласился, а за поддержку Абхазии, после того как «умник» Шеварднадзе ввел туда войска, и Звиад, и его парламент, уже изгнанные грузинскими «патриотами», то есть милитаристами, в Чечню, были исключены Союзом граждан Грузии из состава грузинского народа (sic!). А среди нынешней оппозиции есть и такие, кто прямо предлагал объявить войну России, так что отдавать им власть значило бы только приблизить катастрофу и, возможно, ядерный Армагеддон.

Слишком долго российские «миротворцы» разжигали войну в Южной Осетии, чтобы она не началась, и слишком усердно российская авиация бомбила села Грузии уже вне Самачабло, чтобы несчастный грузинский президент не подставился. Публичная, ничем не прикрытая аннексия Самачабло Россией была бы уже достаточным безумием. Но Путину этого показалось мало. И тут же был отдан приказ абхазам, давно уже утратившим гордость и честь и ставшим российскими наймитами, занять Кодорское ущелье и заодно Панкиси.

Когда беженцы с экрана плачут: «Помогите Южной Осетии!» — им можно посочувствовать. Но когда из толпы несчастных осетин звучит крик: «Помогите Абхазии!» (а еще кому? Приднестровью?) — начинаешь думать о массовке. Значит, загребушие чекистские лапы хотели и Абхазию прихватить. И не только. Российские войска вошли в Грузию. Гори, Сенаки, бомбежки Поти и Тбилисского аэропорта (локатор уничтожен, и только старые грузинские пилоты рискуют взлетать и садиться). В порту Поти, арендованном

на 95 лет арабским шейхом (нам еще судиться с ним на международном уровне), не было военных судов. Бомбили трубопровод, по которому нефть идет в обход России. Бандитские войска, бандитская страна. «Пацаны» в России всех построили и решили, что так будет везде.

Чуркин в ООН называет цель России: убрать Саакашвили. В последний раз мир слышал о таком от отцов-иезуитов в XVI веке. Уничтожение «нечестивых принцев». Религиозные фанатики убили Генриха III и Генриха IV. С тех пор убивали, но не вслух. Что же, Кремль решил написать свою «Майн кампф»? Или они там все угорели? По Грузии шлятся бесхозные колонны танков с казаками, «добровольцами» и прочей мародерской швалью. Что делают в Гори российские танки? Собирают оружие? А может, грибы или пустые бутылки?

Искусственно созданные российские граждане и война, развязанная якобы чтобы их защитить, — это обыкновенный фашизм. И если бы не Америка... Кажется, Джордж Буш наконец понял, какую змею Запад пригрел на груди, и решительно встал за Грузию и против России. Мощная рука США легла на чашу свободы и западных ценностей. Гуманитарка на кораблях ВМС и самолетах ВВС США — это попытка остановить войну. Пока земля еще вертится, пока не пришлось использовать ядерный потенциал. Джон Маккейн пишет статьи, как российский диссидент. Президенты Польши, Украины, Эстонии, Литвы и премьер-министр Латвии митингуют, взявшись за руки, как на Майдане в Киеве.

Нас не поддержал никто, кроме Кубы и патентованного тирана Лукашенко. Нас выкинули из G8 и из цивилизованного мира в выгребную яму изгойства. Да если бы Южная Осетия и Абхазия просто хотели отделиться, никто бы не стал защищать Саакашвили. Право народа превыше права государства. Но они же не ищут свободы, они ищут выгодного рабства; не наделали своих паспортов, а получили российские. Они просто коллаборационисты, а не инсургенты. Одна только Америка может спасти грузинский народ и российских призывников от взаимного истребления. Россию же, боюсь, уже никто не спасет. Мы будем прокляты и отвергнуты человечеством.

КРАДЕННЫЙ ТРИКОЛОР

Грани.ру, 28 августа

Всем известно, что у нас пиратское государство, Двор чудес, суверенная «малина»; и карают у нас только тех воров, которые не «в законе», то есть не при законе, то есть не при власти, честно говоря. Меня, как свободного художника, мало волнуют украденные ресурсы, энергоносители, деньги, которые склевала стая кремлевских птеродактилей. Меня волнует украденная свобода. Меня печалит изуродованная Конституция. Меня возмущает то, что у нас украли и выбросили на помойку красивый национальный гимн (Глинка был хотя и монархист, но не такой холоп, как старший Михалков, и не такая в художественном отношении бездарь).

С недавних пор я думаю, что триколор, который ДС когда-то вручил Ельцину, в руках у Путина с Медведевым тоже кража. Всё наоборот, не как в сказке. Жила-была демократка Машенька. А потом вломились к ней медведи-единороссы, и вот уже Машенька спрашивает: кто сидел на моей демократии и измял ее, скомкал и замочил в сортире? Кто хлебал мою Конституцию и всю ее выхлебал? Кто сморкался в мой триколор и осквернил его?

Советский гимн очень подходит к злобной, жестокой, идиотской сущности нынешнего государства, которое на глазах у всех измывается над правом и над Ходорковским, рвет на части маленькую ласковую Грузию, где раньше так любили русских и вообще гостей (но если гости с ракетами, танками, на БМП и все время говорят, что им надо ели хозяева?); дает гражданство бандитам, но не журналистке Наташе Морарь, хотя у нее в Москве и работа, и муж, и жилье. А вот триколор здесь лишний.

Российская монархия была, конечно, не сахар, и под триколором ходили погромщики из Союза Михаила Архангела. Под ним бегали милитаристы, призывавшие в 1904 году убивать японцев («желтолицых чертей»), а в 1914 году громившие немецкие лавки. Что до Петра, придумавшего этот флаг, то он был хоть и реформатор, но зверюга. Однако самопожертвование Белой армии, ее Ледяной поход, ее противостояние с большевиками, смерть Корнилова и Колчака, Соловки и страшная участь белых

офицеров (которых целыми баржами топили в Белом море, прорубая дно за 5 км от берега, которым вырезали погоны на плечах в чрезвычайках, которых всех уничтожили в ГУЛАГе еще до 1937 года) омыли и очистили трехцветный флаг — уже не флаг монархии, но флаг погибшей, замученной России.

Прославлен был триколор и армией генерала Власова. Хотя и поздно, хоть и с очень скверными союзниками, но эта армия выступала против Красной и большевиков, против сталинизма и ГУЛАГа. Смешно слушать, как беспамятное телевидение твердит, что до 1968 года чехи очень любили русских, потому что те освободили от фашистов Прагу. Знаете, каких русских любили в Праге? Власовцев! Прагу освободила РОА, а не советская армия.

ТВ твердит, что триколор появился на улицах в 1991 году. Нет, он появился гораздо раньше, просто не было приказа это заметить. Петербургская организация «Демократического Союза» вынесла этот флаг на митинг уже осенью 1988 года. Оттуда он перешел в Москву, и все организации ДС в регионах взяли его в качестве партийного знамени. Омоновцы вырывали его, ломали древки, топтали полотнища; за это флаг давали 15 суток, как за лозунг. От нас его восприняла и переняла «ДемРоссия» и другие демократы. А в августе 1991 года его огромное полотнище несли через танковые колонны брокеры с биржи Константина Борового. Он перестал быть криминалом («Реет поднятый новодворскими над Москвой сионистский флаг») и стал государственным знаменем (в провинции городские власти брали триколор у организации ДС, чтобы повесить на зданиях администрации: больше нигде было достать, а указ Ельцина чиновники хотели выполнить срочно).

Но мы не ожидали, что наш флаг будет залит кровью чеченского народа; что он будет развеваться на Спасской башне под постылые звуки сталинского гимна; что под ним будут раскулачивать ЮКОС и истязать Михаила Ходорковского, Светлану Бахмину, Платона Лебедева и Василия Алексаняна; что под ним будут сажать ученых Данилова, Сутягина и других; что под его шелест растопчут Конституцию и ликвидируют свободу слова.

Мы больше не станем терпеть. Завоевывайте Грузию под своим красным, серпастым и молоткастым; под «Веселым Роджером» с черепом и скрещенными косточками

(ведь грабеж — главное занятие для чистых чекистских рук); под лимоновской нацболовской символикой, ибо вы вплели в свой тухлый социализм элементы нацизма, — а триколор верните нам.

Наш триколор не под ваше подлое государство. Не хотим иметь с вами ничего общего. И наш триколор не станет служить фиговым листком, прикрывающим государственный срам. Не корчите из себя демократов, пусть ни у кого не остается иллюзий. Это чужое, враждебное государство; вражеская армия, вражеская пропаганда. Чтобы не путали наше и свое, как 22 августа, когда толпа продажных кретинов стояла по всем городам и распевала тошнотворный советский гимн под нашими триколорами. Срок аренды кончился; верните нам наше, а ваше мы и так не возьмем. Отныне, после Грузии, сотрудничество с этим государством становится предательством демократии. Подавитесь нефтью, газом, алмазами, землей, лесами, недвижимостью и прочим барахлом, но отдайте нам наш триколор.

ПОЧЕМУ УКРАИНА НЕ ГРУЗИЯ

Грани.ру, 16 сентября

Кажется, полет наших медведей, единых в отношении к горшку с медом (полет не столько наяву, сколько во сне) грубо остановила черствая и бессердечная реакция Запада. Условные рефлексy у чекистов не вырабатываются (слишком примитивная форма жизни), зато безусловные срабатывают. Скажем, реакция на опасность. Слегка дал Запад линейкой по рукам — и сразу наши конкистадоры отпрыгнули от Приднестровья, как от горячей сковородки, и даже слюноотделение прекратилось. Только зубы клацнули.

Следующим блюдом в меню после Приднестровья должен был стать Крым. А вот здесь коса даже при стендовых испытаниях ощутимо находит на камень. Отпущу-ка я сейчас нашим милым империалистам экспертизу бесплатно, за счет демократии. Я знаю, что во многих военных кабинетах висят карты с зеленой линией, согласно которой и Крым, и Восточная Украина, и Северо-Восточный Казахстан, и Приднестровье отходят к России. Но этот натюрморт легче нарисовать, чем раздобыть.

Для нового пакта Молотов — Риббентроп (Чуркин — Витренко) нужна еще Германия, а мирная демократическая Германия, наоборот, требует, чтобы вместо российских в зону осетино-грузинского конфликта отправили других, нейтральных миротворцев.

Потом не проходит трюк с паспортами. На Украине запрещено двойное гражданство. Так что счастливых обладателей наших краснокожих паспортин [можно] и наказать, если очень припечет. Если же соискатели присоединения откажутся от украинского гражданства и возьмут российское, то они останутся без украинской социалки, а она куда жирнее грузинской. Дать же столько, чтобы переметнулись, не хватит нашего бюджета. Слишком много будет новых едоков. Здесь по 2000 в зубы не дашь. А если по 6000, то где возьмем? Свои пенсионеры перебиваются с хлеба на квас.

Ведь украинский темперамент — совсем не то, что грузинский или осетинский. Меланхолические и сангвинические украинцы всё делают спокойно. К тому же они все, и западные и восточные, — один народ, без исторического конфликтного фона. Львов никогда не шел походом на Донецк и даже на Севастополь. Западэнцы — хранители свободы и независимости, сражавшиеся против немцев в союзе с партизанами соединения Медведова (про эти страницы из жизни ОУН и УПА читайте в «Это было под Ровно»), а потом с Советами — до 1956 года. Восточные украинцы более русифицированы и воевали больше в Красной армии — но они не будут убивать друг друга. Майдан — это была не гражданская война, а противостояние митингов. «Оранжевые» водятся и на Востоке, и в Крыму. Наталья Витренко с ее капитулянтской партией даже в Раду не попала.

И не обольщайтесь: сине-белые во главе с Януковичем вовсе не хотят отдать России Крым, и не жаждут восточные предприниматели, чтобы «москаля» поделили их собственность, как делили ЮКОС и сейчас делят все остальное. Наоборот, Янукович и К° хотят что-нибудь от России поиметь. А эта массовка в Севастополе из домохозяек и пенсионеров погоды не делает. Если начать войну за Крым, то с массовой одни крымские татары управятся. У Украины те же танки, те же самолеты. Большая страна, 50 миллионов. Не Кавказ — европейская страна. Большая кровь,

большие санкции. Ющенко системой «Град» Севастополь не разнесет, предлога у нас не будет. А на Россию накинется весь мир.

Так что «холоднокровней, Маня». Одна Крымская война уже была для России фатальной. И говорят, что император Николай Павлович от расстройства принял яд.

ИСТИНА НА ДНЕ

The New Times, №42, 20 октября

24 октября мы будем отмечать 70-летие со дня рождения Венедикта Ерофеева, умершего от рака горла, от водки, от одиночества, от нужды и отчаяния еще в 1990 году. Не почувствовал он свежего ветра горбачевских перемен. Для него в 1988 году мало что изменилось: те же флаги, та же ложь, та же водяра.

Я сейчас вас удивлю: Венечка не был алкашом, не принадлежал к «потерянному поколению» и не топил разум в вине. Он был изгоем, «лишним человеком», не мог вписаться в советский образ жизни, очень боялся «потеряться» среди совков и нашел в вине свои страшные и талантливые саги о том, как мыслящая интеллигенция эмигрировала в запой, потому что все остальные границы были закрыты, а визу в эмиграцию можно было реально поставить себе только в винном отделе. Венечка был чистой воды интеллектуал, отмеченный с рождения сталинскими когтями.

Родился он в проклятом и кромешном 1938 году, в месте, пригодном только для ссылки, на станции Пояконда Мурманской области. Его отец служил там начальником станции. Арестован в 1939 году, сидел в лагерях до 1954-го. Детство Венечка провел в детском доме в Кировске, на Кольском полуострове. Казалось — ходить Венечке в босыхах. Но он окончил школу с золотой медалью и поступил на филфак МГУ. А дальше надо было приспособиться, радоваться жалкой хрущевской оттепели, а он не умел врать. Его отчислили. Он пытался доучиться в провинции, в трех институтах. Его вышибли и оттуда.

И он добровольно избрал «дно» и нашел себе другие «университеты». С 1958-го по 1975-й Венечка жил без прописки, работал грузчиком, приемщиком стеклотары,

истопником и бурильщиком. Жизнь работяг он знал и в 1970 году написал свой шедевр «Москва — Петушки» (о том, как пьет простой советский народ). Напечатали повесть в Израиле, а в СССР — только в 1988-м. Второй шедевр — «Вальпургиева ночь» (о том, как насмерть пьет диссидентствующая интеллигенция).

Он искал точку опоры, в 1985 году даже принял католицизм. Крещение было крамоллой, а католицизм — крамоллой вдвойне. Но и это не поддержало. Была пустота. Пить с горя, искать забвения в бутылке — это вообще очень характерно для российского «маленького человека», не смеющего иначе протестовать против пыточных прикосновений «жесткой порфиры государства», этой, по словам Мандельштама, «грубой и бедной власяницы». Начало положил Мармеладов, чиновник из «Преступления и наказания». «Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищу. Не веселья, а единой скорби ищу... Пью, ибо сугубо страдать хочу!»

А идею бегства интеллигенции от невыносимой жизни впервые обыграл в «Доходном месте» А.Н.Островский. Досужев — Жадову: «Может быть, с моей легкой руки запьешь, так вина не пей, а пей водку. Вино нам не по карману, а водка, брат, лучше всего: и горе забудешь, и дешево».

Если бы только водку! Интеллигентный герой «Вальпургиевой ночи» умирает в психушке от денатурата. Лирический герой «Москвы — Петушков» предлагает коктейли: «Сучий потрох», «Слеза комсомолки», «Поцелуй тети Клавы». Туда и лак для ногтей входит, и зубной эликсир, и средство от потливости ног, и шампунь, и тормозная жидкость. И все равно: «утром — стон, вечером — плач, ночью — скрежет зубовой...»

Умрет Веничкин герой на фоне сияющего зловещего Кремля от рук четырех агентов КГБ. Ужас, бегство, мания преследования. И — шило в горло. Или это, или в лагеря, в психушку, под поезд. Для честных не было альтернативы. Евтушенко так и написал: «Честный пьяница все-таки стоит сотни трезвенников-подлецов».

Спишите себе Веничкины рецепты. Еще немножко управляемой демократии — и пригодятся.

НАМ — В ДРУГУЮ СТОРОНУ

Грани.ру, 13 ноября

Америку можно поздравить с обновкой. Президент новенький, с иголки, стильный, молодой, с двумя дипломами: Колумбийского университета и Гарварда. Это вам не жалкий ЛГУ Путина и Медведева. Не кажется ли вам, что отчасти злоключения России объясняются еще и тем, что вот уже 84 года ею руководят малограмотные люди?

Ульянов был образованнее всех: Петербургский университет (правда, экстерном), три языка, Париж, Лондон, Берлин, заграничный лоск. Но фанатик. Это испортило всё. Как у Эдуарда Лимонова: есть литературный дар, есть храбрость, но всё портит фанатизм. В бочке дегтя — ложка меда. Но за Ульяновым пошли уже полные невежды. Сталинская семинария, горбачевский МГУ... А что было у Хрущева, у Брежнева, у Андропова, у Черненко? И не потому ли началась чеченская война и возникли рядом Примаков с Путиным, что у реформатора Ельцина тоже было плохо с академическим бэкграундом? И что дала Путину Высшая школа КГБ, кроме отличного немецкого? Немецкую философию и литературу он явно «не проходил». Советское хамство так и лезет из его солдафонского юмора и милитаристских ухваток. Куда там Дику Чейни! Да на фоне наших «штатских» президентов он просто пацифист.

Я не случайно вспомнила про американские выборы. Надеюсь, что Барак Обама не пустит Путина с Медведевым даже на порог. Пусть заранее разворачиваются над Атлантикой и летят себе через Великую китайскую стену, к коммунистическим троглодитам. После такого «Послания», которое явно диктовал Путин, а Медведев вызубрил и зачитал, США должны списать Россию из «восьмерки». Жаль, что не из ООН: туда еще и почище нас «оглоеды» входят. От Уго Чавеса до Ким Чен Ира, китайских товарищей и Фиделя. Не считая Судана и кое-каких африканских господ, которые установили апартеид для белых.

А наши президенты послали Запад, общечеловеческие ценности, элементарные приличия и Конституцию очень далеко. Не говоря уже о том, что они послали и нас, российских демократов и западников, и всю страну в целом. Но не на Запад, а абсолютно «в другую сторону». На Колыму, в Читу, в Азию. Неплохо для одного послания. Вот

уже и штопор в руках; Медведев, как метрдотель, и должен был это сделать, за тем и назначили: откупорить Конституцию. А там уже чекисты с Путиным во главе разольют ее по бокалам и выпьют до дна за нашу погибель.

На дне останется осадок в виде лужьяновской Конституции 1977 года, только теперь политические права и свободы, видимо, будут предоставлены в «интересах России». А блюсти этот интерес станут люди из ФСБ. Уберут альтернативную военной службу и, конечно, наш любимый пункт о прямом действии Конституции и приоритетности международных норм (вроде Декларации прав человека и Пакта о гражданских и политических правах) по отношению к национальному законодательству. Мы же живем по теории чучхе: строим «многополярный» мир, выкраивая один голос для себя. Вот только земная ось через него проходить не будет. Просто объявим, что Россия полюс, а мы все полярники. Благо белые медведи прямо в Госдуме сидят.

И Сталина я вспомнила недаром. В отличие от откровенного и циничного Ленина, у него очень гладкие и лицемерные тексты. А на практике террор. Путинско-медведевское послание такое же. Очень лживое, очень гадкое и очень гладкое. Только временами всплески агрессии против Грузии и против оппозиции. Например: «...кто настроился на популистскую болтовню, кто хотел бы дестабилизировать общество... Считаю своим долгом предостеречь тех, кто надеется спровоцировать обострение политической обстановки». Это у них значит «нажить на глобальном экономическом кризисе легкий политический капитал». То есть тюрьма для тех, кто скажет правду про то, что чекисты сами усугубляют кризис своей войной и своими безумными нападками на США. А если кто попросит мяса или масла, когда в провинции начнется голод, то он получит пулю. Как в Новочеркасске.

Для оппозиционных партий тоже есть сюрпризик. Отменяется залог на выборах. Собирайте подписи, а мы объявим их фальшивыми. Как у Михаила Касьянова. И еще чекисты намерены ограничить срок работы политсоветов и председателей неугодных им партий. Якобы в интересах демократии. Это кнут. Для честных и идейных противников. А для «запродажников» (вроде президиума СПС), примеряющих лакейские ливреи, есть и пряник: парочка мест в Госдуме от чекистских щедрот, без всякого закона

и преодоления барьера в 7%. И самое ужасное — это то, что народ не понимает, куда его послали, и не посылает пославших еще дальше.

ЗДЕСЬ НЕТ ДЛЯ ТЕБЯ НИЧЕГО

The New Times, №49, 8 декабря

Наступает праздничная неделя. 60 лет Всеобщей декларации прав человека — 10 декабря; 15 лет первой настоящей российской Конституции — 12 декабря. Европа и Новый Свет будут праздновать. Загорятся огни и наполнятся бокалы. А в темных домах россиян безнадежно трезвые демократы будут вспоминать народную мудрость: «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало».

Шестьдесят лет назад мир, восставая из пепла страшной мировой войны, зажегся светоч Декларации — манифеста свободного и гуманного человека, реванша личности, погранной казармами и концлагерями. Один тоталитаризм лежал в руинах, а о другом, восточном, сталинском, ликующее человечество постаралось забыть и даже позволило ему подписать документ.

Над миром звучали гордые слова: «...необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения...» И только России на этом торжестве европейцев не было места, потому что жизнь уже давно повернулась к ней «своею азиатской рожей». Декларация была провозглашена задачей человечества, и западные страны все эти десятилетия плыли к ней и доплыли, как шхуны с алыми парусами, кто 40, кто 20, а кто 10 лет назад. И только для России, за вычетом ельцинской девятилетки, звучали 60 лет подряд эти слова Сельвинского: «Лишь чайки, над морем летая, заплакали сквозь торжество: зачем ты пришла, золотая? Здесь нет для тебя ничего». Этот день, 10 декабря, в стране жалких советских рабов отмечали только диссиденты, восставшие гладиаторы XX века. Это был наш праздник, с 1977 года по 1990-й: выйти к памятнику Пушкину в 19 часов, снять шапку и быть утешенным гэбистами в машину и в «участок» на весь вечер.

Диссиденты начертали на своих щитах статью 19 Декларации: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений

и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». За этот пункт отдала жизнь Аня Политковская, за него Игорь Сутягин получил 14 лет, а Наташа Морарь оказалась за границами российского государства. За этот же пункт НТВ разогнали и поставили в общий ряд лжецов.

А еще 15 лет назад мы получили прекрасную Конституцию, щедрый ельцинский дар. Но праздновать пришлось недолго, ибо через год, 11 декабря, танки пошли через границу Чечни. Наводить «конституционный» порядок.

Потом пришедшие к власти чекисты хвостиком махнули, и наше золотое яичко упало и разбилось. Сначала чекисты отменили праздник, а теперь отменяют и саму Конституцию. Шесть лет* — это только начало. Слова белогвардейской песни «Не меня ли в ЧК разменяли?» относятся и к нашему сакральному тексту.

Народ променял Конституцию даже не на севрюжину с хреном, а на треску и селедку. Люди 73 года голодали, дрожали от страха, тщетно старались выжить, гибли в лагерях, спивались, давились в бесконечных очередях. Они забыли давно и о правах, и о конституциях. «Я устал от двадцатого века, от его окровавленных рек. И не надо мне прав человека, я давно уже не человек» (В.Соколов).

И все-таки на этой неделе у нас есть свой день. Декабристское 14 декабря, день первого в истории России несанкционированного митинга свободных и несогласных. Это наше безнадежное право и наш безутешный долг. «И всё так же, не проще, век наш пробует нас — можешь выйти на площадь, смеешь выйти на площадь в тот назначенный час?!» (А.Галич)

КРЕСТ ДЕРЕВЯННЫЙ ИЛИ ЧУГУННЫЙ?

Грани.ру, 11 декабря

Умер патриарх. Ничьей смерти, даже путинской или медведевской, интеллигенция радоваться не может. Мы не варвары и не людоеды. Мы не подпишемся под неосторожной пушкинской фразой «Твою погибель, смерть детей

* Увеличение срока полномочий президента РФ с четырех лет до шести.

с жестокой радостью вижу». Тем более что следующий предстоятель может быть гораздо хуже прежнего, в этом плане я оптимист.

За покойным иерархом церкви числится несколько добрых дел. Их немного, поэтому начнем с них. Алексей не поддержал ГКЧП. Алексей всегда предлагал убрать языческое капище с Красной площади, а Ленина похоронить. Патриарх приютил на «своей» территории, подле храма Христа Спасителя, статую Александра Второго, царя-реформатора, Освободителя, оплаченную Альфредом Кохом и торжественно открытую Борисом Немцовым, республиканцем и вольнодумцем. Этому монументу отказал в московской прописке на площадях мэра города. Наверное, из неприязни к идее либеральных реформ вообще.

А еще патриарх отказался мародерствовать на канонической территории грузинского коллеги Илии Второго. Ему предложили присоединить к своим немалым владениям Абхазию и Южную Осетию, то есть проживающие там христианские души. Он отказался. И не предлагал добить Грузию, гнать грузин из России или брать штурмом Тбилиси.

Что же, этого хватит для того, чтобы Бог простил: Бог прощал и не таких, Иисус простил разбойника. Но почему на грешной земле над этим гробом было пролито столько чекистских крокодильих слез и сказано столько лживых слов о завидной судьбе христианства в России? Ведь за эти 20 лет Россия потеряла не патриарха — Бога, потеряла по дороге к государственному статусу и не заметила. Нынешнее положение дел с христианством на Руси может устраивать только слезливых старушек, черносотенцев и бывших преподавателей марксизма-ленинизма и научного атеизма, разбивающих себе лоб во храмах и считающих церковную службу чем-то вроде обязательного политзанятия, а Бога — «основоположником» типа Ленина или Маркса.

Россия сейчас дальше от христианства, чем она была перед перестройкой, при Брежнев и Андропове. Тогда интеллигенция мечтала о христианстве как о счастье и готова была идти за него в амфитеатр, львам на съедение. Я сама отказалась снять в Лефортово крест под угрозой смертельной голодовки. А было и не то. С одного диссидента в лагере снимали 47 крестов подряд, а он всё делал себе новые. В Литве на лесных хуторах нелегально печатали Евангелие и получали за это срок. Священников — отца Глеба Якунина (отлученного Алексием Вторым от

Церкви) и отца Виктора Смирнова, который меня крестил в конце 80-х (Алексий загнал его в новгородские болота, в крошечное село), сажали за веру, а Слово Божие конфисковывали на обысках, как «Архипелаг ГУЛАГ».

А мы покупали Библии на черном рынке за бешеные деньги и ходили к «нашим» священникам на тайные богослужения. Мы знали, что Иисус — из наших, что он диссидент из соседней камеры. И что же мы получили после снятия запретов, когда увели львов? Множество храмов и монастырей с позолотой, штатными единицами осторожных батюшек, с колокольным звоном и ладаном, с золотыми ризами, но без Бога. Лавочек, где торгуют христианством, как куриными окорочками. Мы получили храм Христа Спасителя на мойке машин (как на Нерли), мы увидели, как РПЦ отвечает на вопрос христианского философа Владимира Соловьева, обращенный к России: «Каким ты хочешь быть Востоком? — Востоком Ксеркса или Христа?» — в пользу Ксеркса.

Церковь стала идеологическим отделом ЦК «Единой России», идеологией «вертикали власти», идеологией изоляционизма, несвободы, ксенофобии, узости и насилия. Путинской идеологией. Алексей Второй во время первой чеченской призывал юношей воевать в Чечне. При нем была учреждена православная инквизиция, едва не отправившая Юрия Самодурова за решетку за невинную выставку в Сахаровском музее. При нем гвардейцы Ясира Арафата выгоняли (по просьбе РПЦ) монахинь и монахов (избивая их прикладами) из монастырей на Святой Земле, чтобы отнять собственность у карловаровчан.

Поднять «зарубежников» — это не значит объединить церкви. При Алексии РПЦ отнимала силой театры и музеи под храмы, где нет Бога. Травила католиков и протестантов, воевала с Украинской православной церковью как с врагом, загоняла на частные квартиры, как при советской власти, таких настоящих священников, как отец Яков Кротов.

Ни разу покойный Алексей Второй не заступился за политзаключенных, за истерзанного Василия Алексаняна, за Михаила Ходорковского (только пожалел Светлану Бахмину, и это ему зачтется). Право «печалования» РПЦ отдала за право чинопочитания. Ни милосердия, ни благородства, ни защиты политических прав человека и общечеловеческих ценностей. Наоборот — РПЦ все время

поносила и отрицала их. Отказавшись хоронить и признавать останки царской семьи, РПЦ оставила эту миссию демократам, в основном республиканцам и атеистам. От христианства на Руси осталась голая Догма, и мыслящим людям в РПЦ места нет. А только они и нужны Иисусу, который сказал: «Познайте истину, и истина сделает вас свободными».

Богу, в отличие от Путина, не нужны рабы. Ему нужны сподвижники. Спасителя распяли такие такие же тупые и злобные чиновники и бюрократы, гонители свободы совести, как иерархи РПЦ. В руках у РПЦ не деревянный крест, а чугунный. На нем нет Спасителя, им можно только бить непокорных по голове.

2009

ЕВРОПА И ЕВРЕИ

Грани.ру, 23 января

Быть евреем опасно, но почетно. Опасно быть знайкой, умником, первым учеником. Двоичники, дураки, лузеры могут забить и затоптать. Это как раз то, кстати, что с 1948 года арабский мир, широкий географически, но узкий нравственно и интеллектуально (там, где касается этот мир террористических теократий типа Ирана или фундаменталистов всех фазонов, от палестинских до афганских или саудовских — ведь бен Ладен родом именно оттуда), пытается сделать с осуществленной утопией, с Уранией, государством мудрецов и интеллектуалов, то есть Израилем.

Называя свою национальность, вернее, государственную прописку (ведь русские и в США живут, и в Австралии, и во Франции, на Кипре, в Великобритании, в Германии, в том же Израиле, и вполне достойно живут, часто обгоняя аборигенов по деловой хватке и политическому развитию), я всегда мысленно спотыкаюсь, жмурюсь и краснею. Стыдно признаваться в гражданстве РФ. У каждого культурного иноземца включается счетчик: а, Верхняя Вольта с ракетами, народ, отказавшийся от своей свободы и своего гимна, путинские холопы, две чеченские войны, геноцид, ксенофобия, скинхеды, завоеватели Грузии, друзья ХАМАСа, иранских аятолл и Ким Чен Ира, газовые шантажисты, реакционеры... Но не могу же я отречься от несчастной, забитой, жалкой в своем самомнении и ослеплении страны, нищей и духом (если говорить о большинстве), и материально, несмотря на все природные богатства.

Не каждому же так везет, что он может сказать: я еврей, я гражданин Израиля. Древняя цивилизация, народ, создавший Тору и Евангелие. Даже в анекдоте сказано, что два еврея — шахматный турнир, а трое — симфонический оркестр. Евреи никогда никому не причиняли зла: врачи, ученые, аналитики-раввины, они были белыми воронами,

«выродками» Средневековья, жертвами Холокоста, ибо «нация господ» не выдерживала с ними конкуренции и избрала самый простой способ выиграть состязание: газовую камеру и крематорий.

«Мы, Европа» — так сказал президент Франции господин Саркози, требуя в очередной раз от несчастного Израиля, чтобы он перестал бомбить террористов из сектора Газа. Мы, Европа, не защитили в 40-е годы XX века этот мудрый и незащищенный народ и дали отправить его на всесожжение. Сегодня, нам, Европе, лучше заткнуться. Мы не защитили их от Гитлера, а в стране господина Саркози их отдали эсэсовцам и позволили увезти на верную смерть. Пепел Освенцима не стучит в ваше сердце, господин Саркози?

Мы, Европа, не дали им безопасного прибежища. И они нашли себе клочок земли в Палестине, и ООН их там прописала, и они создали дивное, чудесное, умное, доброе и цивилизованное государство в пустыне, мираж, оазис, сказку, но ни одной спокойной ночи у них там не было. Мрачный, злобный, косный арабский мир напал на крошечное государство еще в колыбели. Конечно, они были фашисты — не хуже гитлеровцев. И палестинцы из ХАМАСа — тоже фашисты. Каждый, кто требует гибели для Израиля и израильтян, — фашист.

Сдав бездомным евреям квартиру вместе с палестинскими террористами, ООН стала их пособником. И резолюция Совета безопасности о прекращении уже прекращенного огня — это выстрел в спину еврейскому народу, очередной расстрел на краю рва. Мы, Европа, кажется, хотели, чтобы евреи опять «не возникали» и тихо сдохли, как в 40-е годы XX века. Просто покорно пошли в газовые камеры, сдав золото и ценности в раздевалке. Мы, Европа, — предатели, коллаборационисты с фашистами из ХАМАСа. Мы не обещали евреям мира и мешаем им воевать.

Конечно, безумно жалко палестинских детей, но ведь израильтяне их щадят как только могут, вплоть до предупреждений о бомбежках по мобильникам. А взрослых жалеть не стоит. Они не мирные жители, они голосовали за ХАМАС, они уродуют психику своих детей, превращают их в шахидов, то есть монстров. Нет ничего страшнее и омерзительнее фанатизма, заставляющего мать радоваться тому, что ее сын стал шахидом, а молодых людей — пронзять самолетами небоскребы. Ни одна идея в мире не стоит такого, ни одна независимость, ни одно государство.

Поэтому я так расстроилась, когда мои любимые чеченцы докатились до «Норд-Оста» и Беслана. Их независимость тоже такого не стоила. Вот сейчас ЦАХАЛ сам закончит войну в секторе Газа. Террористы получили по рукам, они долго не опомнятся. Уползут в свои норы. До следующего захода. Ясно, что из палестинского государства не вышло ни черта. Ты только их признай: это государство станет базой для международного терроризма, логовом религиозных фанатиков, новым рейхом почище Ирана и Северной Кореи. И уже не пойдешь к ним с проверкой: суверенная территория, наши ракеты — наше личное дело! Они и ядерное оружие украдут.

Вспомните: как только в Чечне возобладал религиозный фанатизм, мы (то есть «Демсоюз») перестали требовать для них независимости, но только выхода из состава России и перехода под мандат США. Это и надо сделать с Палестиной: вернуть ей статус подмандатной территории, как до 1948 года. Пусть Великобритания, ЕС или США ими управляют, потому что если они до сих пор не научились жить по европейским стандартам, то и не научатся без дружеской помощи. А евреи Израиля больше покорно на смерть не пойдут. Они наследники Мордехая Ангелевича, сумевшего организовать восстание даже в варшавском гетто. Мы, Европа, слишком много должны евреям, чтобы делать им замечания. Где мы были в 1948 году? Во время войны Судного дня? Когда они умирали за свой Иерусалим, от которого наглецы из автономии требуют себе половину? Нет, Европа, фигули тебе на рогуле, как сказала Виктория Токарева. Отказывайся в европейской конституции от своих христианских корней, ублажай религиозных экстремистов платками и паранджами. Я еще понимаю сдаться тем, кто создал дивные дворцы и сады Альгамбры Гренады. Но они-то как раз были умными людьми, брали евреев в министры и уживались с христианами. А палестинские террористы бесплодны, как пустыня.

Да будет благословенно оружие ЦАХАЛа — и позор той Европе, которая не смеет поместить свои посольства в Иерусалиме, оставляя их в Тель-Авиве. Про участь врагов Израиля спросите у того самого египетского фараона и его армии, которые уже много веков покоятся на морском дне. Стыдись, Европа! И Библию, и Богочеловека Иисуса дали тебе евреи. А что дали тебе палестинские террористы?

ЛИБЕРАЛЫ ИМПЕРИИ

The New Times, №3, 26 января

Двадцать седьмого января никто в России не будет отмечать 150-летие со дня рождения лидера и создателя кадетской — то есть конституционно-демократической — партии России Павла Николаевича Милюкова. А отметить стоило бы. Российские либералы были людьми образованными, свободомыслящими и умеренными. Они отвергали насилие и настаивали на парламентском пути развития и конституционной монархии. Либералы боготворили закон и жаждали парламента и Конституции, как манны небесной.

Так что царский Манифест 17 октября 1905 года пришелся очень кстати. «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Милюков был признанным лидером кадетов. Какая программа у них была! Равенство перед законом всех граждан (без различия пола), упразднение сословных ограничений, отделение церкви от государства, свобода вероисповедания, свобода слова, отмена цензуры, свобода митингов и собраний, свобода обществ и союзов, причем с уведомительным порядком, ответственное перед Думой правительство, свобода выезда и въезда на территорию России, отмена паспортов, неприкосновенность личности и жилища. Всё это, обретенное на восемь месяцев в феврале 1917-го и потом утраченное на 74 года, до нашего Августа, было опять вписано на скрижали Конституции в 1993-м, а сейчас вновь становится недостижимой мечтой... В первую Думу 1906 года были избраны 179 кадетов (из 499 депутатов), то есть у них было большинство. Какие имена! Милюков, Набоков, Муромцев, Петрункевич, Головин, Маклаков! Председатели двух первых Дум были из кадетов. Но страна левела, землевладельцы млели перед престолом или уходили в националистический вираж. Однако оставалась надежда на эволюцию — если бы не война.

А здесь кадеты оказались милитаристами, «оборонцами», «либералами империи», захлебнувшись в ура-патриотическом угаре. Они толкнули страну в бездонный окоп насилия и злобы, из которого ей не суждено было выбраться до 1991 года. Великолепный Милюков, умница, историк,

автор Выборгского манифеста, требовавший не давать империи ни податей, ни рекрутов, был прозван «дарданелльским» за нездоровое желание добиться для России военного трофея в виде никому не нужных проливов. Милюков с думской трибуны обвинил царицу в измене, то есть в намерении заключить спасительный для страны сепаратный мир с немцами, причем без всяких оснований.

Через 85 лет другой либерал, из СПС, скажет, что в Чечне возрождается российская армия...

Милюков и его кадеты наберут 4,7% в Учредительном собрании и предложат жалкую автономию Польше и Финляндии, не предложив Украине и Кавказу ничего, кроме обучения и вывесок на родном языке. Милюков потом отправится на Дон, вместе с белыми уйдет в эмиграцию, но от имперской ржавчины не избавится никогда, до самой своей смерти на юге Франции в 1943 году. Можно понять то, что он желал победы СССР над Гитлером, но он одобрил и нападение Сталина на Финляндию в 1939 году во имя «Выборгской губернии». Финны, поляки, украинцы, народы Кавказа и Балтии могли бы спасти Россию от большевиков, но не стали спасать собственную клетку.

Почти через 80 лет либералы из СПС наступили на те же грабли, предлагая натянуть колючую проволоку между горной и равнинной Чечней, разделить Беларусь на пять российских губерний, спасая режим Милошевича от наговских воздушных ударов, «отечески» увещевая Грузию. Пока Россия не вырвала из себя жало империи, у нее не будет ни либерализма, ни Конституции, потому что империя не признает ни прав личности, ни прав народов, а только интересы постылого государства и его жандармов, от опричников до чекистов.

СТРАННАЯ ЛЮБОВЬ К ВЕРЛОГАМ

Грани.ру, 12 февраля

Лермонтов зря на себя клеветал. Он Родину любил нормальной любовью зрелого и сурового диссидента, и ничего странного в этой любви не было. Понимал он, что дело дрянь, что Россия немытая, что страна эта для рабов и господ (плюс голубые мундиры), что он здесь лишний.

Но любил и жалел. С горечью, со злостью, с проклятием. Как подобает истинному патриоту — не «ура», не квасному и не сермяжному. А любил он природу, поля, леса, печальные нивы и жалкие избы, всю эту хрупкую, бедную, заплаканную красоту сурового севера с его скоротечным, умирающим летом и бесконечной, железной зимой.

А вот единороссы, которые приватизировали Россию (вместе с другими национал-топтыгиными), действительно любят ее очень странно и еще другим это советуют. Совсем недавно они полюбили кризис и пошли по улицам и площадям «поддерживать антикризисные меры правительства». А поскольку антикризисные меры правительства состоят в том, чтобы окончательно угробить экономику (да вместе с населением, чтобы никто не просил кушать), то, согласитесь, любовь эта не только странная, но и противоестественная.

Любовь к путинско-медведевским «зияющим высотам» сродни скотоложеству. Стыдно. Испокон веку на всех континентах народ выходил на улицу, чтобы выразить свое несогласие с властью. А в тоталитарных обществах (даже не авторитарных) народ выгоняют на митинги, дабы он публично, в извращенной форме, любил власть.

Я подумываю, не устроить ли «Демсоюзу» пикет на тему «Поддерживаем курс рубля», когда это самый курс дойдет до 50 за доллар. И лозунги просматриваются: «Ура!», «Да здравствует!», «Даешь инфляцию!», «Земля — чекистам», «Заводы — чекистам», «Да славится имя твое, Газпром!», «Путин — альфа, Медведев — омега, Сурков — сигма», «Наш дом — берлога», «И как один умрем», «Широка труба моя родная».

Что-то вроде этого сделали питерские демократы, «согласные на всё». Их повязали. Московские же, из движения «Мы», просто постояли у Белого дома с лозунгами в виде чистых листов ватмана и с заклеенными ртами. По старому диссидентскому анекдоту — «зачем что-то писать, когда и так всё ясно». Их тоже повязали. Это и есть, видимо, антикризисные меры правительства. Может, заранее всех связать, чтобы не возникали?

За несчастным Чичваркиным, видно, тоже гоняются в интересах борьбы с кризисом. Чтобы весь бизнес из России сбежал, переведя активы в офшоры. И полуживого Алексаняна судят с той же целью. А наша военщина

вносит свою лепту. В ответ на гнусное предложение Барака Обамы взаимно сократить боеголовки минобороны обещало привести эти самые боеголовки в боевую готовность. Авось кризис испугается и убежит в бомбоубежище. Наши сапожники из автопрома, минсельхоза, агропрома и прочих подрывных (для потребителей) организаций потирают руки и надувают щеки: авось население оголодает и обносится, изъездит иномарки и вернется к отечественным отбросам, саванам и белым тапочкам из «Большевички» и «Красного треугольника» и, обрядившись во всё это, засядет в родные консервные банки под названием «Жигули» и «Ока».

Вот белокурая Мальвина на медвежьем митинге заявила, что мы должны научить Путина делать хорошие машины или не возникать и ездить в том, что дают. А чтобы нас к этому стимулировать, они пошщины подняли на нормальную иностранную продукцию. Осадное положение объявили. От Путина никто не требует, чтобы он машины делал. Мы его пытались научить управлять демократическим государством, но он так и не научился и поэтому строит себе тоталитарное (из нас же). Таким управлять несложно. Достаточно крикнуть «цыц»! А машины себе делать при помощи ВАЗа мы не обязаны. Купим иностранные, пусть и дороже.

А что будут есть отечественные производители «Жигулей» и «Оки», меня не волнует. Кто не работает, тот не ест. Выпуск такой продукции — просто диверсия. Дешевле остановить все эти производства. Вот, скажем, еда. И одна довольно дорогая сеть супермаркетов. И я недавно купила там розовенького отечественного цыпленка (говорил ведь Харитонов, что надо есть отечественных «курей»). В процессе варки оказалось, что минсельхоз не удалил желчь, чего с иностранными цыплятами сроду не случалось. Бульон пришлось выбросить, а цыпленка — отмыть.

Да скорее отечественные производители застрелятся, чем я когда-нибудь у них цыпленка куплю! Возвращаюсь к французским, немецким и венгерским. И малосольные огурцы в том супермаркете продаются с плесенью, а если вы попросите почистить карпов, их чистят прямо живьем.

Хотите огурцов без плесени — идите на рынок, кормивший страну весь советский период: свеженькие товары

от здоровых частников. Да еще украинцы помогут нам своим салом. Они же не такие жлобы, как мы, они вдвое цены на сало не поднимут, как мы подняли на газ. Вон один «оранжевый» либерал, западонец из Тернополя, все время спрашивает по SMS, чем он может помочь издыхающей российской демократии. А мы отвечаем: «Шлите сало. На поминки».

Идея российских монополистов удушить население костлявой рукой голода (и повесить его на собственных кальсонах и жутких колготках) запечатлена на стадии реализации в романе Сорокина «День опричника». Два сорта колбасы и один сорт сыра — «Российский». Вспомните свою серую и голодную жизнь 18-летней давности. Без швейцарского сыра, без пармской ветчины, без французских духов, без нормальной косметики и джинсов, без икры, без иностранных фильмов, без хороших машин, без приличных телевизоров.

Нас забивают сапогами обратно в социализм. Туда, где Брежневу выращивали особых коров и где он гонял по ночам на иномарках. Путин и Медведев, конечно, не будут есть «масло крестьянское» — вроде мыла — и на «Волги» не пересядут. Элита КПСС тайком на госдачах ела иностранный продукт. Его носила, на нем ездила. Против попытки лишить нас нашего импортного товара (а своего там и не будет) можно выставить только один, тоже импортный, предмет: «оранжевую революцию». Но, увы, ее вместе с салом не пришлешь. Может, одолжить у Украины гражданское общество?

СССР, ДО ВОСТРЕВОВАНИЯ

The New Times, №7, 23 февраля

Между двумя датами, двумя веками печали и позора, 15 и 23 февраля — всего неделя. 15 февраля минуло 20 лет со дня бесславного вывода советских войск из Афганистана. 23-го исполняется 65 лет со дня сталинской депортации чеченского и ингушского народов. В эти 20 лет уместились две российско-чеченские войны и одна российско-грузинская. 23 февраля по всей Европе проходят митинги скорби и поминовения с участием чеченцев. И к ненависти давней,

к ненависти и памяти о погибших 65 лет назад в телячьих вагонах, примешивается свежая боль о погибших за эти 15 лет. Свежая боль и свежая ненависть.

А Россия не кается и не скорбит. 15-го отметили День памяти воина-интернационалиста (а надо бы «воина-окупанта»), и официоз поздравил тех, кто не успел стать «грузом 200», с «исполнением поставленной перед ними задачи». Миллион убитых и искалеченных афганцев — видимо, эту задачу советская армия и решала. Солдаты, конечно, не виноваты. Но солдаты, их матери, отцы, жены, сестры и дети — это и есть народ. А народ должен знать, за что он сражается.

Как назовут тех, кто злодействовал в Чечне? Наверное, воинами-конституционалистами, до конца исполнившими свой долг по «восстановлению конституционного порядка». Правда, в Чечне восстановлены элементы шариата, женщины носят платочки, и Рамзан Кадыров является хозяином жизни и смерти своих подданных, а оппонентов убивают прямо в Москве. Но по чекистскому прочтению Конституции главное — это путинские портреты, 92% — за него же на президентских выборах и хоровое исполнение советского гимна. Чечню хотели «вбомбить в каменный век». Ее вбомбили в феодализм, в восточный деспотизм с обожествлением отца нации. А далеко ли мы сами ушли от сломленных и порабощенных чеченцев, хотя нас никто не бомбил? Те же портреты, те же мелодии, то же низкопоклонство.

Но чеченцы не умеют быть рабами. Только от восстания до восстания. Их берут только силой. Шамиль сдался, но не сдался Байсангур. Большевики полезли к чеченцам с колхозами — и тоже получили восстание. Подавили. Чеченцы восстали в 1941-м, еще до июня. Надо было очень нас ненавидеть, чтобы уповать на помощь такого чудовища, как Гитлер. В огне не было брода, и чеченцы выбрали далекое и незнакомое зло.

А привычное зло в форме НКВД, не разбирая правых и виноватых, сжигая заживо в сараях женщин, детей и стариков (семьи как восставших, так и героев Советского Союза, сражавшихся на фронте «за Родину, за Сталина»), погрузило тех, кто мог идти, в эшелоны и отправило в бессрочную ссылку в степи Казахстана. Две трети доехали

и запомнили всё. Советский генерал Дудаев и советский полковник Масхадов воспользовались ельцинским предложением и взяли себе совсем немножко суверенитета (Ичкерия соглашалась на общую армию, общую экономику, общую валюту). Но в одном они были непреклонны: увести свой народ из-под власти российских фараонов. Они ушли недалеко, но Россию постигла самая страшная египетская казнь: реализация формулы «не может быть свободным народ, угнетающий другие народы». Можете себе представить, что мы сделали с чеченцами, если Махмуд Эсамбаев и группа чеченских стариков просили о депортации, как о милости, чтобы хоть кто-то из народа уцелел.

Мы встречаем 65-ю годовщину нашего преступления, увязнув по уши во зле, и у нас на руках мертвая Эльза Кунгаева, освобожденный Буданов, бежавший Ульман, всё те же фараоны у власти, 40 тысяч убитых и искалеченных чеченских детей и последние жертвы чеченской войны, ее мученики и герои: Анна Политковская, Магомед Евлоев, Станислав Маркелов, Анастасия Бабурова. Мне страшно даже думать о том, что будут испытывать к нам чеченцы. Сегодня. Завтра. Через 50 лет. Мы не научились отпускать народы, значит, египетские казни продолжатся.

Пишите нам: СССР, до востребования.

ДЬЯВОЛ УХОДИТ В ОППОЗИЦИЮ

Грани.ру, 6 марта

Нынче слово «оппозиция» в моде. И чем меньше у нас этой самой оппозиции, тем больше о ней говорят присяжные политологи, эксперты и журналисты. И «фондисты» (фондушники? фондаторы?). В России развелось пропасть фондов, которые неизвестно чем занимаются и высказываются, стараясь и власть не обидеть, и репутацию не потерять. И пока они все ломают себе голову над вечным вопросом: кто же объединит оппозицию? — я, явочным порядком, такое юридическое лицо уже нашла.

Дьявол всегда был в оппозиции к властям предержавшим на Небе, и он с превеликой готовностью пойдет за душами в оппозицию и на Земле. Если позовут. А его позвали. Например, в Кировскую губернию. Там Дьявол на общественных началах устроился советником к Никите Белых.

Это Маша Гайдар сказала. Ведь если Никита Белых «продал душу Дьяволу», то логично предположить, что Дьявол будет иметь должность в Кировской администрации. Благо неплохая материальная база.

Успех, который при таком советнике ожидает губернию, очевиден для каждого христианина. Еще того интереснее, что при этом раскладе будет с душой самой Маши. Но вопросы загробного возмездия наших бывших оппозиционеров не очень волнуют. И они правы. Когда Маша Гайдар предъявит паспорт у врат Ада, то даже черти, увидев ее фамилию, на сковородку девушку не посадят. А в адском обиходе наверняка тоже сплошной социализм и никакого рыночного хозяйства (в Раю — тоже наверняка: ангелы всегда были противниками конкуренции и стяжательства). И никто кроме Егора Гайдара им капитализм не построит (раз уж не удалось на земле). А ради единственного в мире специалиста и Машу помилуют.

Никита Белых тоже может скороварки не дожидаться (хотя жаль). Впереди него к адским котлам будет стоять целая очередь: Путин, Медведев, вся «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», весь личный состав ФСБ, каратели, «покорявшие» Чечню, генералитет, озверевший от милитаризма, скины, неонацисты, судьи, осудившие Ходорковского и Бахмину, и т.д. У взмыленных чертей может не хватить дров, газа, посуды. Так что Машу съели медведи (наша сказка с плохим концом).

А так они с Никитой Белых рискуют только тем, что я, члены «Демсоюза» и еще дюжина приличных людей им не подаст руки. А зачем Никите и Маше моя рука? В ней нет ключей от сенаторского или депутатского кабинета. «И что душа? — Прошлогодний снег! А глядишь — пронесет и так! В наш атомный век, в наш каменный век, на совесть цена пятак!»

Они смеются над прежними товарищами втроем: Никита Белых, Маша Гайдар и Дьявол. А ведь Маша Гайдар висела под мостом с лозунгом «Верните выборы, гады!». Так что даже если бы Никита Белых был архангелом, идти к нему в советники нельзя было: он не избирался, его Путин с Медведевым назначили! Но выборы гады не отдали. Выборы конвертировали. В высокую должность.

Надеюсь, что хотя бы Илья Яшин в советники к Лужкову не пойдет. А то ведь и в Москве с банями не всё ладно.

Но двое за пару месяцев — это какая-то избыточная концентрация предателей.

Получается, что громче всех кричит тот, кто хочет докричаться до Кремля, чтоб скорей перекупили. И кто будет ходить на митинги такой оппозиции? Пусть уже сразу идут к Спасским воротам. Не потому ли Маша Гайдар висела напротив окон кремлевских кабинетов? Чтобы скорее заметили?

Рисковать жизнью, чтобы подороже продаться, — это только в России возможно. Но беда не приходит одна. Еще и коммунистов к оппозиции причисляют. А у них вся программа — назад, в СССР. И поскольку нацболы ходят на их митинги, то, очевидно, и они зовут туда же. Плюс пара-тройка цитат из Муссолини и Че Гевары. По крайней мере из их документов другое не просматривается. И это оппозиция? Оппозиция — явление культуры и цивилизации. А здесь просто атавизм. Низшая форма жизни.

Нигде и никогда коммунисты и К° не были и не будут оппозицией, ибо они понятие не политическое, а уголовное. Может ли преступник быть оппозицией честному гражданину? Я не преувеличиваю. Читайте «Архипелаг ГУЛАГ» и «Черную книгу коммунизма». Коммунисты такая же оппозиция по отношению к либералам, как обезьяна по отношению к человеку. Вся программа обезьяны — это отрастить хвост и влезть на дерево. Только обезьяны помалкивают и не лезут в политику. В отличие от коммунистов.

Впрочем, если лидер оппозиции — Дьявол, он коммунистов обязательно прихватит с собой. И даже приличные люди из «Солидарности» не избежали политиканства. Лозунг «Путина в отставку!» хорош как раз Дьяволу на рога. Ведь Дьявол — отец лжи. Во-первых, какая отставка после чеченской и грузинской войн, после дела ЮКОСа, после Беслана и «Норд-Оста»? Здесь не отставка, здесь другой конец политической карьеры напрашивается. Здесь Нюрнберг светит.

Во-вторых, чем Медведев лучше Путина? В грузинской кампании соучаствовал, Бахмину не помиловал... Его приглашали в марионетки, в калифы на час, в реакционеры, в реставраторы темной эпохи. Он и пошел. За почести, за глянец, за трон, за лесть, за место в элите. Мог бы не ходить. А второго Хрущева не разыграть, сейчас не 50-е годы XX века, таких легковверных больше нет. У Хрущева, кстати,

был Жуков. Был политический талант интригана и стратега. Сначала убрать Берию, потом отодвинуть армию, потом убрать подальше Маленкова и «антипартийную группу»...

Хватка у Медведева не та. А дальше? Пусть Медведев уходит? А с чего это они все разойдутся? Голодные бунты подавить легко (вспомните Новочеркасск). А нам они ничего не сулят: тема кормежки из государственных рук, тема социалки и «стабильности», то есть тема корыта и пойла, ведет к власти не «Солидарность», а коммунистов и нацистов. Проходили уже этот вариант.

Ни великому шахматисту Гарри Каспарову, ни честнейшему храбрецу Борису Немцову нет надобности связываться с Дьяволом и искать расположения предавших свободу и думающих только о кормежке совков. Поменявшие свободу на пайку пропитания и вовсе не достойны. Пусть хлюпают пойло, которое им нальют в корыто Путин и Медведев. А когда не нальют, пусть сосут медвежью лапу. «Солидарность» должна «ловить человеков» не на кусок колбасы. «А кто не желает свободе добра, того не помянем добром» (Роберт Бернс).

ПРОТИВ НАРОДОВЛАСТИЯ

Грани.ру, 13 марта

Немногочисленные, но тем более драгоценные либералы России, западники и антисоветчики, глядя на одуревшую страну, отчаиваются в истории и в себе. Одни уплывают то ли на философском, то ли на бизнесовом пароходе. Ретирада. Анабасис. Уезжать надо за свой счет, чекисты больше не оплачивают каюту до Гамбурга. И это только начало.

Долгие годы, может быть, десятилетия либералам придется наблюдать торжество хамского, охлократического порядка, ибо путинская диктатура — это диктатура черни по мандату черни. Нет разницы между властью Толпы и толпой Власти. Это не будет Запад, это будет азиатчина. Про «азиатский способ производства» знал даже Маркс и был в ужасе от наших намерений строить в России социализм. Кстати, те либералы, которые остаются, опускаются или до служения (то есть прислуживания) власти на самом холопском уровне («Правое дело», Никита Белых, куча мала

деятелей искусства) или до сотрудничества с красно-коричневыми («марши несогласных», «Национальная ассамблея», «Другая Россия»), повторяя ошибку интеллигенции старой России — с 1905 года и до Февраля 1917-го.

Либералы должны взять себя в руки, иначе они вновь заслужат презрение современников и проклятие потомства. Во-первых, либералы должны сегодня наплевать на народ и на его о них мнение, чтобы иметь возможность сделать что-то для этого народа завтра. Надо забыть о рейтингах и победе на выборах. На выборах выигрывают красно-коричневые популисты, обещающие бублик и дающие дырку от него. Или прихлебатели власти.

Революция сверху нам не светит в ближайшие 50 лет. Ельцины и даже Горбачевы не часто появляются на свет и еще реже совпадают с Рейганами или ГКЧП и падением в три раза цен на нефть. Да и нам для новой революции сверху понадобилось бы сочетание Столыпина, Франко, Милюкова и Гавела. А это гибрид, который никак не выведешь ни в какой лаборатории.

Значит, остается демократическая революция снизу. Редчайший вариант! Нидерландская революция XVI века с Вильгельмом Оранским и Тилем Уленшпигелем, американская революция XVIII века с Джефферсоном, Патриком Генри и Конституцией, «поющая» революция в странах Балтии, «бархатная» в Чехословакии... Все они были национально-освободительными, а нам предстоит освободиться от самих себя, от ордынской и византийской традиций, от холопства, искательства и зверства, от имперского безумного жлобства, от славянской левой коммунитарности, от тщеславия и стремления поучать.

Либералы должны посадить Россию за парту — навсегда, может быть, и уж точно на столетие. Учиться у Запада. Учиться работать, избирать, ценить свободу, делать добро, уважать себя и других, не кидать мусор на мостовые, мыть тротуары шампунем, жалеть животных, детей, инвалидов и стариков, ничего не просить у «державы». Не надо предлагать народу колбасу вместо свободы. Ничего не надо предлагать кроме свободы и прав человека. А еду надо заработать. Нет права на еду.

Либералы должны усвоить, что демократия — это не народовластие. Народовластие может привести и к фашизму, и к коммунизму. Демократия — это власть просвещенного

народа, который готов собраться под святое знамя либерализма. Декларация прав человека, Пакт о гражданских и политических правах, американская Конституция — вот Евангелие западника, российского либерала.

Либералы должны стать миссионерами, прогрессорами, пророками. И быть готовыми к тому, что воздаяние будет на небесах, а не на земле. «Провозглашать я стал любви и правды чистые ученья: в меня все ближние мои бросали бешено камня». Сейчас идет отлив, и нет сил, способных остановить силы лунного притяжения. Но либералы должны стоять, как маяки, ожидая неизбежного прилива. Через 10 лет. Через 50. Через 100. Тогда народ начнет искать берег, и либералы укажут его. Берег либерализма, берег индивидуализма и свободы. Тогда и случится то, что мы все планируем: досрочные парламентские выборы. Или кампания гражданского неповиновения. Свобода, капитализм, Нюрнбергский процесс.

А пока либералы не должны не только сотрудничать с властью, но и здороваться с ней. И должны помнить, что в мире нет других ценностей кроме либеральных и никакого другого пути кроме западного. Пока народ не примет эти ценности добровольно, демократия будет трагедией, прежде всего для демократов, и триумфом для коммунистов и неонацистов.

Народ должен изжить в себе имперскую болезнь и стать очень скромным — как стали скромными и приличными немцы, не мечтающие более о рейхе. Смирение, покаяние, ненависть к советскому прошлому, к ложным победам, к Сталину и СССР — вот тот учебник, который либералы должны принести в тот класс, которым станет кающаяся Россия. Кстати, эту миссию уже 21 год выполняет маленький, всеми брошенный и осмеянный «Демократический Союз».

Либералы должны поднять знамя либерализма на холме и стоять под ним до конца, не уронив его и не запятнав. Не верить, не бояться, не просить, не лгать. Не сдаваться. Сохранить Прометеев огонь. Стать гонителями коммунистической идеи во всем мире, добиться объявления компартий вне политического закона, вне выборов, и то же проделать с национализмом — вот чем должны заняться либералы.

Виктор Шендерович не прав: правила игры — это еще не всё. Хороша только та игра, которую выиграют люди

(то есть либералы), а не монстры (то есть нацисты и коммунисты). Играем мы не только за себя, а за страну, и играем не на деньги, а на судьбу. Здесь проигрыша быть не должно. Словом, либералы должны сохранить чистыми и руки, и помыслы. А остальное всё приложится, как учил Окуджава.

КАМЕННЫЕ ВЛАСТЕЛИНЫ

Грани.ру, 10 апреля

Недавно в Мюнхене вышла пренеприятная история. Ночью взорвали у знаменитой пивной памятник Гитлеру. Ответственность взяла на себя какая-то «Зарейнская бригада». Совсем повалить памятник не удалось — пластита заложили слишком мало. У Гитлера оторван один сапог и пострадали брюки. Заведено уголовное дело, полиция ищет вандалов. Возможно, это те же лица, которые уже взрывали аналогичные памятники Гитлеру в Дрездене и Бонне. Ангела Меркель выделила 80 тысяч евро на реставрацию монумента.

Вы мне поверили? Я думаю, что нет. Не поверили, что в Германии стоят памятники Гитлеру. Не поверили, что по случаю их ликвидации заведут уголовное дело. Не поверили, что Ангела Меркель расщедрится на ремонт гитлеровского монумента на такую крупную сумму. И вообще это было не в Мюнхене, а в Питере, и 8 миллионов рублей выделила Валентина Матвиенко. И взрывали не памятник Гитлеру, а памятник Ленину. Вот спасибо, что напомнили.

А разница в чем? Россия — страна коллективного помешательства. Чем «преславная статуя» одного изверга и палача отличается от изображения другого такого же? Или Валентина Матвиенко и иже с ней верят, согласно пьесам Шатрова и суждениям полоумных старых большевиков, в какие-то гуманные «ленинские нормы» и «ленинскую законность», нарушенные супостатом Сталиным? А на чей мрачной совести Гражданская война, ужасы ВЧК, жуткая резня в Крыму, красный террор, Соловки и посаженные на кол священники? Что, никто в Питере не читал «Архипелаг ГУЛАГ»? И Валентина Матвиенко не читала? Какой тогда из нее губернатор? Если бы она восстанавливала

статую Путина, тогда всё можно было бы объяснить сервильностью, страхом, холоуяжем. Но Ленина-то на что?

Надо было со вздохом облегчения оттащить на свалку или сдать в металлолом. Или в бюджете Петербурга появились лишние деньги? Тратиться на реставрацию памятников Гитлеру, Ленину, Сталину, Дзержинскому и т.д. просто неприлично. Чужое зло в коричневой рубашке со свастикой никак не сравняется в нашем убогом и ущербном представлении с родным злом, украшенным красным кумачом и серпом и молотом. Причем как в куриных мозгах представителей власти, так и в бедовых головах иных представителей оппозиции. Власть сторожит Мавзолей, то есть скотомогильник на Красной площади, упорно не желая (а Ельцин желал, но не посмел) похоронить наконец первоисточник каменных истуканов, наставленных с простертой дланью не только у Финляндского вокзала или на Октябрьской площади в Москве, но и по всей стране.

«Оппозиция слева» в лице господ Лимонова и Удальцова никак не откажется от серпа и молота, не понимая, что эти руны отчетливо указывают на ее намерения идти назад — то ли в брежневский застой, то ли к сталинщине, то ли ко временам красного террора и ВЧК. А то еще находятся интеллигенты в духе «гранд-кокеты» и «гранд-наива» типа Бориса Вишневского, которые требуют, чтобы этих с серпами и молотами пустили на выборы и дали им повторить всё с самого начала, с октября 1917 года. А иначе «Демократический Союз» — не демократический.

Дорогой Борис! «Демократический» и «идиотический» не синонимы. Я буду по мере сил мешать вам умереть в лимоновских или акаэмовских застенках, потому что вы дитя малое и хотите непременно поиграть со спичками. И неужели вам непонятно, чем мы в ДС отличаемся от власти? Власть не хочет пускать на выборы Добро, а мы Зло не хотим пускать. Или надо еще объяснять, что есть Добро и Зло? В 2009 году?

Объясняю: чем дальше от свастики и серпа с молотом, от Третьего рейха и СССР, от Кубы и Северной Кореи, чем ближе к западным ценностям, к ЕС и США, тем больше Добра и меньше Зла. А то еще великий сатирик Виктор Шендерович радуется, что некий Шенин из ГКЧП подписывается с ним под документами Национальной ассамблеи. Сохранить живым Виктора, эту нашу общую драгоценность,

тем более мой долг, и я из кожи вылезу ради того, чтобы Шенин и еще 2/3 от общего состава Национальной ассамблеи (а это красно-коричневые организации) никогда не пришли к власти и не попали на выборы. Их место на помойке истории.

Кстати, памятники Гитлеру из Германии выкидывали вовсе не сами немцы. Им союзники помогли. Как западные демократии, так и сталинская диктатура, видевшая в 1945 году в Гитлере уже не союзника, а конкурента.

Что делать, граждане? Нас ведь никто не собирается оккупировать, вон даже НАТО не жаждет. Так и сгнием рядом с Мавзолеем. У Леси Украинки есть пьеса «Каменный властелин». Вот и нами правая каменные властелины, клоны Владимира Ульянова. Про «массовидность террора» не забывайте и про то, что Ульянов думал о русской интеллигенции. Повторять неприлично.

А почему к ульяновским истуканам не присоединились сталинские? Где статуи «второго сокола»? Может быть, озарение нашло на народ или хотя бы на власть в конце 50-х — начале 60-х годов XX века? Увы, нет. Сталинские уроды были сняты сообщником и подельником Сталина Никитой Хрущевым (такие у нас реформаторы), творцом первой оттепели. Вот захотел и снял, и у сталинщиков из КПСС не спросился. И никто не восстал. По Галичу: «оказался наш отец не отцом, а сукою... и приказано статуи за ночь снять со станции».

Решимости Хрущева Ельцину нашему любимому (без кавычек) поучиться бы. Если бы завтра Ленина закопали или продали за валюту, тоже беспорядков бы не было. Но Лениных Хрущев оставил, потому что ему надо было оттолкнуться от Сталина, потому что он полемизировал со Сталиным, а не с Лениным, потому что его волновала десталинизация как хрущевизация, а не как десоветизация. Он сам был большевик, и Ленин вполне его устраивал. Ленина не убрал отец перестройки Михаил Горбачев, не убрал его и реформатор Ельцин. Мы застряли в 1924 году, потому что сильный и злой мужик Никита Сергеевич Хрущев не увидел в Ленине конкурента. А увидел бы — и валяться бы Лениным рядом со Сталиными на свалке. Не можем мы даже такой малости без воли лидера КПСС. Поистине в какой же жалкой, рабской, троглодитской стране мы живем. Члене «восьмерки». То есть «семерка» тоже хороша. Прогрессисты для себя, распивочно. Троглодиты навынос.

ЧТО ИЩЕТ ОН?

Грани.ру, 15 мая

Боре Немцову всё мало — он подал в суд на своих блудливых, неверных несостоявшихся подданных, которые уплыли от него, как бычки по черноморскому дну, и забились под скалы традиционализма и путинизма. Город-курорт Сочи, всенародная «здравница» (именно «здравница», а не здравница, потому что рядышком президентская фазенда, где водятся Путин и Медведев, а если где появляется барин, то что делают его холопы, то есть население Сочи и всей остальной России? Кричат «Ура! Да здравствует!»), получил то, что заслужил: Пахомова и Олимпиаду. Еще хорошо, что Немцов, наш талисман из золотого ельцинского века, не стал мэром. Коварный эндшпиль (или как это в шахматах называется, у Каспарова спросите) по проталкиванию демократа в мэры со списанием на него позора олимпийского воровства и соответствующего тюремного срока не уместился в пустых головах тех, кто нами правит. Они стали всячески топить Немцова и даже обливать нашатырем.

Увы! Нами правят не просто злодеи, а очень глупые злодеи. Тем паче что они дают что-то даже на короткий срок только предателям. Видно, в верхах рассудили: если мы дали пост губернатора предателю Белых, то за что же честному Немцову выделять пост мэра? Он же не сдал нам «Солидарность» и под советский гимн не стоит, как бывший лидер бывшего СПС. Спасибо, что Немцов разведал обстановку, а то я бы не знала, что являюсь южнокорейской шпионкой (а то я всю жизнь тешила себя надеждой, что работаю на ЦРУ или, на худой конец, состою в коллегах Джеймса Бонда). Но если тупые лоялисты обвинили Бориса Немцова в том, что он хочет продать Олимпиаду Южной Корее, то я отдаю ее даром: хоть Корее, хоть Австрии, хоть Голландии, только России она досталась незаслуженно, ибо Олимпиада — приз за соблюдение европейских, западных (значит, общечеловеческих) стандартов, а не за страдания ни в чем не повинных Ходорковского и его команды, не за чеченский геноцид и не за оккупацию Грузии.

Я не сомневаюсь в том, что Борис Немцов был бы прекрасным мэром: он уже был лучшим в истории России губернатором и отменным вице-премьером. Умным, добрым,

способным, либеральным, открытым, демократичным, благородным. Кто еще Маргарет Тэтчер в свою область возил? Кто из тех, кто был вице-премьером, даст вам свой телефон, чтоб звонить напрямую? Кто не был никогда членом КПСС? Кто из наследников Ельцина участвовал в «оранжевой революции» и имеет орден Ярослава Мудрого? Да, Борис Немцов был бы не только прекрасным мэром или губернатором, но и лучшим президентом из тех, кто имеется в ассортименте соискателей. Не президент, а конфетка, ни в США, ни во Франции такого нет. Но оказывается, президентом легче стать, чем диссидентом.

Диссидента из Бори Немцова пока не получилось. Он все еще никак не усвоит, что в этой рабской стране, управляемой голубыми мундирами и населенной покорным им народом, нельзя становиться представителем исполнительной власти, даже мэром нельзя, потому что губернатор — враг, и премьер-министр, и президент из этого же ряда, и даже армия чужая, и гимн чужой, и милиция враждебна роду человеческому. Это не просто полицейское государство, это государство, возглавляемое «силовиками», а чем наши силовики отличаются от насильников? «Насильников, грабителей, мучителей людей»? Но никакого отпора «душителям». И никакой благородной ярости.

Могли бы за Пахомова вообще не голосовать наши сочинцы. Могли бы сказать: «Убирайтесь со своей Олимпиадой». Мог бы Борис Немцов понять, что даже без злоупотреблений (сочинцев за их угоды и дома засыпали бы золотом и алмазами), даже без коррупции (не украли бы ни одного рубля, сооружения были бы готовы за пять лет до Олимпиады) нельзя здесь Олимпиаду проводить, как нельзя было проводить ее в Берлине в 1936-м или в Москве в 1980-м. И в Китае нельзя. Можно ли было в 1943 году стать мэром Лиона под вишистским режимом, чтобы в вашем городе ловили евреев для депортации в Освенцим, а в тюрьме Клаус Барбье, «лионский мясник», пытал подпольщиков? Борис Немцов не понимает, что нельзя быть мэром и нельзя проводить Олимпиаду в стране, где идет процесс Ходорковского — Лебедева, где (в Улан-Удэ) ловят двух девочек 23—25 лет и хотят судить за листовку, в которой они обливают заслуженным презрением советскую армию, ментов, чекистов, ОМОН и «праздник 23 февраля» — день чеченской депортации? У нас в этой стране одна должность — диссидент.

Я помню 1980 год. Как совки в Москве жадно поедали остатки олимпийской роскоши, никогда ими не виданной: финское масло, финский клубничный джем в ведерках, финская салями, ветчина, — и как они ломились на стадионы, и как напевали: «До свиданья, наш ласковый Миша, возвращайся в свой сказочный лес». А политзаключенные сидели в концлагерях, а московских правозащитников гребли в психиатрические больницы, чтоб не смогли добратся до журналистов. Мне было очень жаль, что москвичи не подавились этой ветчиной и что салями не застряла у них в глотке.

Сочинцы сами выбрали свою участь. Пусть у Бори украли 10-15 процентов (и второй тур украли тоже), но ведь 45 процентов Пахомов точно получил. Сочинцы хотят Олимпиаду? Только без убытков и без слез? Они согласны на Пахомова? Ну что ж, пусть их выселяют из квартир, пусть ночуют на пляже — это их выбор. Сочи заслужил свои темные ночи. И пусть в день начала Олимпийских игр там начнется солнечное затмение этак недельки на две. Пусть мрак сочинцам озаряют улыбки Путина, Медведева и Пахомова. А мы, диссиденты, знаем, что это не наш город, не наше правительство, не наш спорт.

По Галичу:

О земле моих дедов и прадедов
Подпевай моему рожку,
И плевать мне на сумму катетов,
Что вбивается нам в башку,
Плевать мне на белое знамя,
На проклятый ваш белый свет
И на все ваши белые здания,
Если черного выхода нет.

КИТАЙСКИЙ СИНДРОМ

The New Times, №22, 8 июня

20 лет назад случилась трагедия на площади Тяньаньмэнь. Это произошло в самом начале того, что вчерашние и сегодняшние охранители и усмирители с непреходящей ностальгией именуют «китайской перестройкой». Сегодня их хор стенает и причитает, что наши проблемы и незадачи

вызваны нежеланием пойти по китайскому пути. Вспомним, что же это за путь и с чего он начинался.

Считавшийся реформатором лидер компартии Дэн Сяопин (впрочем, некоторые считают реформатором и Ярузельского) поставил задачу: у каждого китайца должна быть миска риса. У городских рабочих — с тремя черпачками подливки: мясной, рыбной и овощной. Студенты же, не удовлетворившись рисом единым, решили бороться за политические свободы и гражданские права. В апреле 1989 года они выходят на площади университетских городов для мирной кампании гражданского неповиновения. В Пекине это площадь Тяньаньмэнь. Студенты надели на голову белые повязки в знак мира и ненасилия. У них не было никакого оружия, кроме лозунгов. Их поддерживали даже некоторые коммунистические лидеры, например, Чжао Цзяян. Сохранились обрывки стенограммы из «верхов», где Дэн Сяопин вслух опасается, что эти протесты могут кончиться для руководства компартии домашним арестом, а его коллеги откровенно называют студентов «контрой» и предлагают отправить войска.

И вот 4 июня по этому «китайскому пути» на безоружных студентов пошли танки. За это несут полную ответственность Дэн Сяопин и премьер Госсовета Ли Пэн. Цифры из независимых источников, самые минимальные: 3 000 раздавленных и застреленных, 10 000 раненых. И 10 000 арестованных, потому что «китайский путь» — это повальные аресты тех недовольных, кого не убили сразу. Даже Чжао Цзяян попал под домашний арест, даже крупный чиновник Бао Дон получил немалый срок. Несколько дней на стадионах расстреливали осужденных студентов. Их привозили в грузовиках, где они, связанные, стояли на коленях, окруженные солдатами. Из получивших срок 130 человек сидят до сих пор. Их освобождения правозащитники Human Rights Watch требовали перед прошлогодней Олимпиадой, никого не освободили, но Олимпийские игры все равно прошли, и почти все гости приехали. (Не дай бог нам так же тщетно молить за наших политзаключенных, в том числе и за юкосовцев, через 5 лет, перед сочинской Олимпиадой).

А как это отозвалось 20 лет назад в СССР? СССР своего не упустил и кровью студентов не побрезговал. США и Европа прибегли к санкциям, но М.С.Горбачев, несмотря на негодование депутатов-демократов из Верховного

Совета, установил с китайскими «товарищами» настолько доверительные отношения, что Ли Пэн в 1990 году даже посетил СССР. Тбилиси и генерал Родионов с саперными лопатками случились раньше Тяньаньмэнь, в апреле 1989-го. Вильнюс с танками у телебашни был впереди.

20 лет назад, в июне, неформалы-демократы Москвы постоянно устраивали акции протеста у китайского посольства. Нас аккуратно разгоняли и тащили в ближайшее отделение. Да, Горбачев не устроил Тяньаньмэнь в Москве, а мог бы. Но за это свободные люди не имеют права благодарить.

Тогда мы ждали чего-то в этом роде, а недавно в старой записной книжке я нашла стихи-антиутопию какого-то каэспэшника. Когда я гляжу в загадочные путинские глаза, я перечитываю эти строчки. Что будет делать власть, когда на «Марше несогласных» не хватит ОМОНа?

«Они еще устроят нам погром, косую сажень взбадривая бровью, что нынче ими пишется пером, смываться будет завтра нашей кровью. Они еще науськают конвой, использовать, кончая разговоры, интернациональный опыт свой: спускать крючки и вздергивать затворы. Они уже задумали: лови, в глумливых снах выдрючивая плети. На Пушкинскую площадь на крови еще придут молиться наши дети».

АНГЛИЙСКИЙ ДОКУМЕНТ

Грани.ру, 10 июня

Этот английский документ, брошенный в самиздатовскую бутылку, плывет по волнам истории уже 60 лет. 60 лет назад, когда в СССР сталинское безумие вновь достигло отметки «37 по Берии», Джордж Оруэлл, доброволец интербригад, добровольно ознакомившийся с ласками сталинистов, едва не поставивших его к стенке за рекомендательное письмо к уже замученному ими независимому анархо-коммунисту Андресу Нину, изобрел эту вакцину против тоталитаризма — «1984». Он хотел привить это своей Океании, то есть Англии и США, чтобы они не уподобились ни Остзии, ни Евразии, где скрежетали и давили все вокруг два монстра; две машины убийства и перемалывания людей: новорожденный Китай с Мао и ялтинский союзник — СССР — с дядюшкой Джо.

Оруэлл был сокровищем самиздата. Когда в начале 70-х я впервые увидела его, это был громоздкий фолиант, переплетенный в поношенный лохматый картон, на папиросной бумаге. Переводы были плохие, явно домашнего изготовления. Где «телеэкран», где «телекран», где даже «телескрин». Но было понятно, что это телекамера, недремное око, соглядатай. Нам, «одинаковым и одиноким», было понятно. В каких-то вариантах перевода «Старший Брат» назывался «Большим Братом», но было понятно: это Сталин, это генсек вроде Андропова (Брежнев ни любви, ни ужаса не вызывал).

Всё это было адресовано нам, «советским пациентам». Английский документ с суховатой точностью публицистики и с кошмарной яркостью страшного сна фиксировал элементы нашего быта: голодную и раздетую страну («еды никогда не было вдоволь, мебель всегда была обшарпанной и шаткой, комнаты — нетопленными, поезда в метро — переполненными, дома — обветшалыми, кофе — гнусным, вода — ледяной, лифты — неисправными, а зимы — нескончаемыми»).

Это все было про нас: полиция мысли (КГБ), внутренняя партия (номенклатура), которая жила, как О'Брайен, припеваючи, двухминутки ненависти (к Гольдштейну-Троцкому, к американскому империализму, к Западу, к Белой армии). Даже «комната 101» была. Оттуда на «телескрин» выходили раскаявшиеся диссиденты и зачитывали свои отречения. Слава Богу, не все. Не большинство. Хотя Министерство Любви обязательно ожидало каждого диссидента в финале, и не каждый мог избежать настоящей «комнаты 101»: спецтюрьмы, карательной психиатрии.

Я ни разу не видела компактного Оруэлла в издании УМСА-Press или «Посева». Он был очень плохо напечатан, и с него невозможно было сделать фото- и ксерокопии, как с компактных и четких «Архипов» («Архипелаг ГУЛАГ»). Поэтому Оруэлл был на вес золота и на вес крови: не за всякий самиздат давали срок по 70-й статье УК, а за Оруэлла давали. Он был дороже жизни — ведь мы верили, что когда «1984» прочтут, тоталитаризм рухнет.

В конце 70-х в ход пошла система библиотечных абонементов, которой поделились поляки из «Солидарности». Дома у диссидента не было ничего, всё было на руках у читателей: «что роздано, то сохранено». А дома была

картотека: символ книги (для «1984» — «Гауэр», для «Фермы животных» — «Птичий двор бабушки Татьяны») и псевдонимы читателей. КГБ мог искать Шампольона, чтобы прочитать этот Розеттский камень.

Но мы просчитались. Оруэлл лежит на полках магазинов, на дворе 2009-й, а мир — это опять война (с «принуждением к миру» Грузии и «контртеррористической операцией» в Чечне); незнание — снова сила, и этим займется комиссия по фальсификации истории в интересах «России» (то есть совков и чекистов). Проходят двухминутки ненависти: то к Масхадову, то к Березовскому, то к Бушу, то к Саакашвили. И Россия опять стремится быть «сапогом, наступающим на лицо человечества»; и «Старший Брат» ВВП глумливо улыбается с плакатов и портретов. Совки все еще любят его.

ГОРЬКАЯ ЧАША РЕФОРМ

The New Times, №25, 29 июня

Все реформаторы одинаково несчастны: реформируемые народы их поносят и проклинают, благословляя каждый свой застой, свою былую нужду и свои былые неудачи, и выдают их за «особый путь развития». Сергей Юльевич Витте (безусловно, предтеча Гайдара с Чубайсом) родился ровно 160 лет назад. Его знакомство с властью началось с происшествия: занимавшийся российскими железными дорогами Витте доказывал, что нельзя разгонять царский поезд двумя паровозами. Его не послушались, и последовало знаменитое крушение 1888 года. Потрясенный Александр III поставил Витте во главе железнодорожного департамента, а в 1892 году сделал его министром финансов. Но Николай II, тоже получавший от Витте множество рекомендаций, выполнил далеко не все и поверил не всему. Только крушение на этот раз наступило уже после смерти Витте, в 1917-м, и тогда не только царский поезд, но и вся Россия сошла с рельсов.

Витте был классическим западником. А перед ним лежала изоляционистская страна, страна без парламента и гражданских прав. Он сделал всё что мог. За одиннадцать лет его министерской деятельности, с 1892 по 1903 год, доходы бюджета увеличились вдвое и вдвое возросла

протяженность железных дорог. Были построены Транссиб и КВЖД. Витте пытался сделать Россию частью европейской экономической структуры, выбивая для иностранных предпринимателей равные права с российскими, потому что протекционизм убивал качество и конкуренцию. Это не удалось. Зато удалась денежная реформа 1897 года по введению золотого стандарта рубля. Рубль стал престижной валютой, пошли инвестиции.

Крестьяне в общине жили по законам Древней Руси, зажатые круговой порукой, не имеющие частной собственности и индивидуальной ответственности: барина заменили староста и урядник. Витте хотел ликвидации общины и превращения крестьянина в гражданина, в «персону». Общину надо было запрещать, как и колхозы, но это не удалось ни Витте, ни Столыпину, ни Гайдари. Витте смог только отменить телесные наказания крестьян и круговую поруку, а также облегчить их уход в город по паспорту. (Советская власть потом отберет у крестьян паспорта.) И Витте будет всячески поощрять переезд инициативных крестьян на свободные земли в Сибирь.

Он первым скажет: «В России теперь происходит то же, что случилось на Западе: она переходит к капиталистическому строю... Это мировой непреложный закон». Наш недолгий капитализм... До 1917-го. До раскулачивания ЮКОСа.

Витте попытается ликвидировать «полицейский социализм» (то есть монархический патернализм на фабриках и заводах), сделать рабочих и бизнес равными участниками рынка труда. Ему не дадут. Государство будет лезть в промышленность с «зубатовщиной». Наконец, Витте будет биться насмерть против развязывания «маленькой победоносной» Русско-японской войны; царь выгонит его, но, позорно проиграв, опять призовет прикрыть свои ошибки Портсмутским миром. Ненадолго: в 1906-м Николай II снова выгонит его (вот так потом гоняли и Гайдара). Витте попытается остановить и безумное решение воевать в 1914 году, но не сможет. А в 1915-м придет смерть. Витте инициировал наш парламентаризм, созыв I Государственной Думы. Под его руководством был написан великий Манифест 17 октября 1905 года о даровании прав и свобод. За всё это его проклинали левые, а Николай II сказал, что смерть Витте была для него «глубоким облегчением».

Потом дело реформ возьмется доделывать Егор Гайдар — и с теми же результатами. Спасибо, Сергей Юльевич и Егор Тимурович! Блаженны изгнанные за правду: за попытку поднести России горькую чашу реформ.

СПОР ГЕЕВ И СЛАВЯН МЕЖДУ СОВОЮ

Грани.ру, 9 июля

Лейбл «Гей, славяне!» придумали Ильф и Петров для «Золотого теленка». Был там в кабинете у местного бюрократа шкафчик такого типа. И стоял без всякого раздвоения сознания. Как здесь не вспомнить эпохальную дискуссию, развернувшуюся в «Солидарности»!

В нашей жизни геи и славяне уживаются совсем плохо. Несколько «славянских» (читай черносотенных) организаций регулярно сжигают вышедших на улицы геев со свету, потрясая зачем-то хоругвями, но чаще — дубинками. Стоит во весь экран этакая православная орясина и гудит, что если встретит гея, «даст ему в торец». Евангелие он, конечно, не читал. Иисус о геях никак не высказывался, то есть считал их равными всем остальным людям. А Содом и Гоморра — это дело рук отсталого ископаемого Иеговы, знак непонимания им европейских ценностей и отсутствия у него толерантности.

Боги растут вместе с человечеством. Ветхий Завет мы переросли и дожили до евангельских откровений, где всё совершается в сфере духа и нет ни примитивных табу, ни доисторических фобий, ни глобальных катастроф ради отмщения человечеству. Иисус Христос не будет устраивать потоп, не станет испепелять города и веси и превращать бедных женщин в соляные столпы. Он просто не будет здороваться. Его месть — презрение. Гомофобы должны выбрать себе другого бога, Христос для них слишком тонок и умен. Хотя человечество давно напрашивается на то, чтобы и ему «заехали в торец». Однако Христос этого не делает, а его улыбка всё ироничней и всё пренебрежительней.

Толерантность — удел людей умных и тонких, просвещенность которых достаточно велика для того, чтобы не тыкать пальцем в «иногое», то есть в меньшинство, как национальное, так и сексуальное. А оголтелая нетерпимость присуща идиотам и неучам, извергам и ретроградам.

Мне очень жаль, что Владимир Милов назвал геев тем самым термином, которым когда-то на художественной выставке их обозвал полуграмотный и темный Хрущев. Уровень Хрущева — это не уровень «Солидарности». Будем считать, что Милов пошутил, но пошутил он очень неудачно, и надо его за это поставить в угол хотя бы на недельку. Это рецидив совковости. А совок — он и в «Солидарности» совок.

Когда у Галины Старовойтовой спрашивали, что делать с национальными меньшинствами, она отвечала: «Их надо любить». То же и с сексуальным меньшинством. Они отчаянно несчастны среди нас, они затравлены, они не в ладу сами с собой. Отсюда их агрессия и эпатаж, гей-парады, попытки сделать их образ жизни нормой для всех, требования признать их союзы (которые надо, конечно, узаконить и регистрировать) традиционным браком, попытки называть друг друга «мужем» и «женой». Это не только смешно, это трагедия. Особенно попытки заключать союзы в церкви — самом традиционном из всех институтов человечества. Попытки внедрить защиту себя в Конституции и политические программы — это тоже знак боли и незащищенности.

Но не надо перегибать палку и требовать сажать за гомофобию. Насильно мил не будешь. И защита любых меньшинств и так в Конституции прописана. Запрет дискриминации «по полу» — это она и есть. И хватит уточнений, про разные виды секса в конституциях не пишут. Конституция — это же не эротический роман.

По-моему, гомофобам и самим геям надо читать Клиффорда Саймака, «Заповедник гоблинов». Там в земном университете учатся представители разных инопланетных цивилизаций. Учатся и читают лекции. Одни похожи на крабов, другие — на рептилий, третьи — на птиц. Один профессор — жидкий, его в аквариуме носят. Один студент — газообразный, его не видно, по костюму узнают. Это дух Уильяма Шекспира. И все прекрасно ладят с землянами, никто ни в кого пальцем не тычет.

Дорогие геи и лесбиянки, не надо так переживать. Вы не хуже других, физиология не имеет значения. Никакого. Вы не хуже других, но и не лучше. Имеете все права. Надо удовлетворить законные требования геев. Заключение гражданских союзов и все юридические супружеские права для

партнеров — это законно, это надо оформить и регистрировать. Право на усыновление детей (как это обставить — можно решить) — это тоже их законное право, особенно в России. Неужели несчастным детям лучше в детских домах, этих душегубках и зонах для малолетних?

Наследование, общие номера в отелях, решение насчет эвтаназии — это всё законно, это надо срочно делать. И геи имеют право этого требовать и протестовать на митингах. Только при чем здесь парад, когда речь идет о защите прав? Вот в Хорватии недавно был такой «парад» — под конвоем полиции, в окружении касок и щитов, потому что 88 % населения — католики, и многие хотели геев побить. Какой же это парад? Скорее уж этап.

Вот в Вильнюсе мэр вообще такое запретил. То ли мэр ретроград и совок, то ли полиции не хватило. Безобразие, конечно. «Запретное запрещать!» — это правильный лозунг. Хотят геи идти на парад, на пикет, на вернисаж — пусть идут. Их личное дело. Хотя «парад» — это глупо, когда права нарушаются. Но мэр Осло поступил тоже глупо, приехав с «мужем» на конференцию в Вильнюс. Членов семей не приглашали (ни жен, ни мужей, ни сестер, ни братьев). А потом если один мужчина называет другого «мужем» или «женой» — это пародия. Не надо надевать мужчинам фату и флердоранж и называться «невестой». Глупо.

Вот недавно девушку лишили звания королевы красоты за то, что она сказала, что брак — это союз между мужчиной и женщиной. Это уже беспредел — преследовать за термины. Это фашизм. Жертвы, которые готовы стать палачами, гонимые, превращающиеся в гонителей, — это мерзко и предосудительно. Есть брак, а есть гражданский союз. Юридическая суть одна, права те же. А термины не стоят спора. «Солидарности», конечно, делать нечего: спорить по поводу секс-меньшинств, Храмов против Милова. Хоть бы Каспаров с Немцовым их привели в чувство, нашли из-за чего колотья, когда в стране диктатура.

Не надо делить людей по признаку секса, и не надо кричать о своей сексуальной ориентации на всех перекрестках. И гомофобия, и постановка этого дела во главу угла — дурной тон. Тех, кто громит гей-клубы, надо судить за хулиганство. Но я не понимаю, зачем эти клубы геям нужны. Гей — не убеждение и не профессия. Среди фашистов тоже были геи. Штурмовики Рёма имели много

геев в своих рядах, и Гитлер их убрал еще и под этим соусом. Так что, пойдём Рёма защищать?

Я не пойду выступать в гей-клуб не потому, что не люблю геев. Я боюсь, что там окажутся и коммунисты, и фашисты, и члены «Единой России». Недавно кто-то из геев на встречу Митрофанова притащил. Я лично ничего не хочу знать про сексуальную принадлежность тех, с кем контактирую. И «Демсоюз» тоже не имеет в анкете вопроса о сексуальной ориентации соискателей. Нам это неинтересно, говорить об этом неприлично.

Другое дело — нарушение прав. Здесь надо защищать. Но в России по части прав и свобод и конь не валялся, у нас нескоро дойдет до гражданских союзов, у нас нескоро начнут давать детей на усыновление. Дикая страна. Боюсь, что здесь гей-парады приведут к обратному эффекту. Ходить или не ходить — это пусть геи решают. Я об исторической перспективе и об иерархии правозащиты. Ходорковский и его коллеги вообще сидят в тюрьме, им хуже, чем геям, надо сначала их защищать. Сначала возводят стены, потом — крышу. Иначе не бывает никогда. Бороться за права геев лучше не в Освенциме. Умеренность и такт — вот что можно рекомендовать и геям, и гетеросексуалам.

Нам надо построить в России демократию, а когда она у нас будет — все здание, — тогда и сексуальным меньшинствам найдется в нем теплая, светлая комната. Пусть только они поймут: не раньше. Сначала надо построить Голландию, а потом решать вопрос о марихуане. Не наоборот. Так же и с гей-парадами. Конечно, нельзя запрещать и разгонять. Но вы что, иного от Путина и Лужкова ожидали? Разве из этого «Назарета» может быть что доброе?

СВОБОДА НАЧИНАЕТСЯ С ГИЛЬОТИНЫ

220 лет Великой французской революции

The New Times, №27, 13 июля

Французы отмечают 220-летие своего национального праздника пышно и радостно, хотя, может быть, не так помпезно, как 200-летие. Тогда на развалах продавали значки с изображением «национальных героев» Марата и Робеспьера,

махровых палачей. Звучит Марсельеза: «Пусть нечистой кровью утолят свою жажду наши нивы...» В этом «празднике жизни» (и смерти) мы похожи. Великая французская революция — это наши Февраль и Октябрь в одном флаконе. Французы их не разделяют, потому что результат у них другой: пятая экономика мира, досыта прав и свобод, туристическая Мекка, Страна Обетованная для трех волн российской эмиграции. Праздник, который всегда с нами. Оглянемся на чужую революцию, потому что она очень похожа на нашу. Только наша не кончилась ни за 5 лет, ни даже за 92 года.

Стартовая задача

Нужна ли была Франции революция? О да! Парламента у страны, в сущности, не было (Генеральные Штаты лишь вотировали денежные вопросы и налоги), и никакой конституции — хотя бы на манер британской Великой хартии вольностей. Абсолютизм для просвещенных французов был горше, чем самодержавие для нашей интеллигенции. «Государство — это я» — эта формула политического беззакония, открытая Людовиком XIV, как и пожелание Людовика XV: «После нас — хоть потоп» — стали формулой политической безответственности и того же беззакония (если есть хорошие законы, потопа не будет). Франция была сословной страной, где клир и дворянство имели привилегии (политических прав не было ни у кого), а *tiers e'tat* — третье сословие, средний класс — только платили налоги.

Главное требование чистой и честной американской революции, по сути, совпадает с чаяниями французского среднего класса. Американские колонисты сказали Великобритании: *No taxation without legislation* — «Никакого налогообложения без законодательных функций». Ведь управление и законодательство — всё это шло в колонии из Англии. И такая же проблема была у Фландрии XVI века, когда принц Оранский, фламандские дворяне — гёзы и богатая и просвещенная протестантская буржуазия вместе с очень небедными ремесленниками решили эмансипироваться от бесполезной для них, отсталой испанской монархии и испанской идиотской инквизиции, которая, однако, дожила до начала XIX века и пала только с приходом

«оккупационных» наполеоновских войск. И требования октябристов и кадетов нашего Февраля — юристов, литераторов, землевладельцев и бизнеса — были аналогичными: ответственное перед Думой, а не перед монархом министерство. И эти партии представляли средний класс, и они обогнали в своем развитии отсталую страну и обветшавшее самодержавие. Стартовая задача у всех четырех революций была одна, потому что и французский средний класс, и наши бизнес и интеллигенция были своего рода колонией для «метрополий»: абсолютизма с клиром и дворянством и самодержавия с реакционерами из черносотенных партий.

Американцы и фламандцы блестяще решили свои политические задачи и на этом мудро остановились. Как было справедливо замечено, «хорошую революцию делают не голодные, а сытые, которых не покормили один-единственный раз». Фламандцы не требовали национализации ни крупной, ни средней собственности и не закрыли католические монастыри. Невозможно представить себе Тилля Уленшпигеля, который послал бы на эшафот Вильгельма Оранского, как это сделали с жирондистами и их лидером Роланом якобинцы во Франции. А у нас Ленин и его присные для начала подвергли проскрипциям и физически истребили не успевших бежать наших жирондистов — кадетов. Голос охлоса не был слышен ни в Америке, ни во Фландрии. От плантатора Вашингтона до минитменов-фермеров — колонисты не были бедны. Ленивые и трусливые искатели незаработанного хлеба не поплыли за океан. Да и во Фландрии протестантская этика не поощряла бездельников, и самым бедным деятелем фламандской революции был Тиль Уленшпигель, да и тот мог заработать живописью, когда хотел, а у Ламме Гудзака и вовсе водились деньжата.

Клятва третьего сословия

У французов нет оснований отмечать день взятия Бастилии. В ней уже никто не сидел, кроме пары-тройки фальшивомонетчиков. Хорошее дело — уничтожать символ деспотизма и танцевать на этом месте (ходишь вокруг зданий на Лубянке и слюнки глотаешь), но 14 июля на улицы Парижа впервые вырвался охлос. Впервые на пиках

носили головы ни за что ни про что убитых коменданта Бастилии Делоне и его солдат (честно капитулировавших) и старшины парижских торговцев Флесселя. Впервые прозвучал зловещий клич: «Аристократов — на фонарь!» Потом еще будет вторая серия, хорошо знакомая нам по Октябрю: *Tous les bourgeois, on les saut'ra!* («Мы взорвем всех буржуев!») Французы могли бы праздновать 20 июня, день великой клятвы третьего сословия в Зале для игры в мяч; день принятия Декларации прав человека или первой Конституции 1791 года.

Их Февраль длился до конца января 1793 года, до казни короля Людовика XVI, после чего страна низверглась в террор до конца июля 1794 года, до Термидора, до свержения и казни Робеспьера, Кутона, Сен-Жюста, Леба и прочих якобинцев «в пыльных шлемах», мало чем отличавшихся от наших комиссаров. Робеспьер, холодный создатель и учредитель Зла, — это Ленин, но без его ловкости и макиавеллизма. Сен-Жюст — Дзержинский. Марат — Троцкий, но не полководец (к счастью для Франции). Комитет общественного спасения — типичная ВЧК.

Только не было у нас Дантона и Демулена, чтобы требовать прекращения террора; Бухарин на такое не потянул. И их Вандея не сдавалась до конца, в отличие от нашей Гражданской, уплывшей с белыми в Константинополь, то есть в Стамбул. И их средний класс напрягся и сбросил-таки Робеспьера и учредил Директорию. Их Октябрь длился полтора года, а наш — до 1953-го, а в мягкой форме — до 1991-го. Адские силы охлоса, вечно ищущего у них — «врагов нации», у нас — «врагов народа» и меняющего свободу на хлеб, не должны быть допущены в освященные мыслью и гражданским достоинством храмы революций, конституций и реформ.

ОТ ГЕСТАПОВЦА К ЧЕКИСТУ

Грани.ру, 24 августа

Вот он и настал, этот подлый год печального юбилея пакта Молотова — Риббентропа. 70 лет, между прочим, со дня вступления СССР во Вторую мировую войну на стороне и на равных правах с гитлеровской Германией. СССР, как шакал, как самая последняя полосатая гиена, питающаяся

падалью, неплохо поживился обьедками с гитлеровского стола. То есть кусок Балтии (неплохие крошки: Латвия, Литва, Эстония), добрый ломоть Украины, которой предстояли не только муки и репрессии, но и превращение в манкуртов: до сих пор Восточная Украина и Крым не овладели собственным украинским языком. А как им овладеть, если сначала Петр I, потом Екатерина II, потом Сталин вколачивали в головы украинцев сапогом, что нет Украины, а есть некое славянское братство (замешенное на крови и костях, окрыленное голодомором, где братская любовь глядела из каждого танка, из каждого ствола, с каждой виселицы). Еще разжились Бессарабией и Северной Буковиной.

И потянулись в Сибирь, на Колыму, в Караганду — на смерть в забоях и на лесоповале, на каторгу — караваны невольников в столыпинских и телячьих вагонах: литовцы, латыши, эстонцы, украинцы, поляки, белорусы, молдаване. Хуже всех пришлось эстонцам, литовцам и латышам. Вчера — европейцы, военные, интеллигенты, чиновники, хуторяне, сегодня — жалкие рабы Сталина. Они умирали первыми. Это отмечают и Евдокия Керсновская, и Евгения Гинзбург, и Варлам Шаламов. И умирали они не потому, что не привыкли голодать, что были выше и крупнее худосочных совков. Не только потому, что им требовалось больше хлеба. Но и потому, что им нужна была для жизни свобода: они не появились на свет рабами. И еще: Солженицын отмечает устами Ивана Денисовича, что в «эстонской нации» плохих людей он не видел. И в не увидевшем экранов сценарии «Знают истину танки» у Солженицына организаторами восстания в Кенгире становятся как раз литовцы, поляки, ингуши, западные украинцы. И русские идут вместе с ними на смерть: против Сталина, против лагерей, против советской власти.

Есть только одно братство, было оно и в СССР: братство диссидентов и инсургентов, братство свободных людей с одним-единственным лозунгом на устах — «за вашу и нашу свободу». И это братство, если бы могло, поставило бы в России памятники литовским, эстонским и латышским партизанам и легионерам, сражавшимся с советскими войсками, ОУН и УПА, Армии Крайовой и Джохару Дудаеву с Асланом Масхадовым.

Черная фашистская ночь рассеялась без следа, если не считать дебилов-неонацистов, рисующих всюду свастики, и нескольких политических монстров, которых в Германии или бьют дубинками полицейские, или сажают на четыре года за отрицание Холокоста. Даже в России сгнули в никуда никому не нужные баркашовцы и «памятники». И только хулиганы-тинейджеры рисуют свастики и убивают гастарбайтеров и выходцев из экзотических стран. Антисемитов, правда, хватает, но это очень трусливая публика, лающая из подворотен, это даже не штурмовики, а истеричные фанаты то ли Гитлера, то ли «Спартака», то ли Путина. Похоже, что им все равно, лишь бы не мешали хулиганить.

А вот красное сталинское зарево все еще полыхает над нашей страной, и власть все время подливает масла в огонь. На флагах НБП намалеваны серп и молот; над Кремлем зловеще горят красные звезды; преступная армия, воевавшая в Афганистане, в Чечне, в Грузии, ходит под красными флагами; гигантская тень Сталина повисла над страной, и его защитники и эпигоны (Путин, Медведев, патриарх, вся чекистская и депутатская рать, все опричники и зомби вечного российского самовластья) наперебой пытаются выгородить Сталина — свой тотем и своего патрона, именно потому, что Гитлер мертв в сердцах немцев, а Сталин и его дело живут и побеждают в России.

Советская военная форма ничем не отличается от эсесовского военного мундира, и те, кто корит эстонцев, латышей и украинцев за то, что они взяли оружие у немецкого врага, чтобы спасти свое маленькое Отечество, брошенное между молотом гитлеризма и наковальной сталинизма, с тем же успехом могут спросить у своих отцов и дедов, почему они сражались за Сталина. Они сражались за Родину? У них не было Родины. Лубянка и ГУЛАГ родиной быть не могут, им нечего было защищать! И памятники советским оккупантам, разбросанные по украинской, балтийской земле, по странам бывшего Варшавского договора, — это такой же скандал, как и памятники гитлеровским поработителям, которые, к счастью, нигде больше не стоят.

Советская армия отнимала добычу у немецкой армии, а добычей были люди, страны, города. Кто смеет называть это освобождением — это странствие от одного волчьего желудка к другому? И поминая жертв гитлеризма и сталинизма 23 августа, не забудьте проклясть их палачей, как

в немецкой форме, так и в советской. Как гестаповцев, так и чекистов, как в Нюрнберге, так и в Москве.

Да поможет Бог россиянам! У нас все еще нет Родины, потому что страна, воевавшая в Чечне и Грузии, родной быть не может. Свою Родину нам еще предстоит создать.

ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД ДИКТАТОРОВ

Грани.ру, 31 августа

Считается, что война — последний довод королей. Но это если король умный. А если король глупый и к тому же голый? И даже если не король, а диктатор? Всенародно избранный или всенародно назначенный. Народ у нас очень давно, со времен Иоанна Грозного, добровольно работает задником для подобных сцен: Ночь. Улица. Фонарь. Виселица. Плаха. «Норд-Ост». Ein Volk, ein Reich, ein Führer. Путин и путинюгенд на Селигере. Вашим — от «Наших».

Самое интересное, что народ подрабатывает задником совершенно бесплатно, на общественных началах. Так сказать, волонтером. Пока не дадут в руки кайло и тачку и не пошлют с номером на спине в забой. Кажется, рабочие места в кризисный период у нас будут создавать именно так. А если кто не согласен? Если кто-то кое-где у нас порой подло жить не может? Значит, с нами «Им» идти в последний бой, так назначено судьбою «Им» самой. «Служба» — дни и ночи.

Мы — это горсточка беглых каторжников: правозащитники, диссиденты, честные журналисты. «Они» — это хунта. Кремль, Лубянка, военщина, полицейское государство, сатрапы — от Кадырова до Илюмжинова, в пруду у которого в Калмыкии нашли когда-то давно журналистку Ларису Юдину. Она была первой. Первой жертвой последнего довода диктатур: политического убийства. Диктаторы размножаются как кролики. Ким Чен Ир. Братцы Фидель и Рауль Кастро. Весельчак Лукашенко. Мрачный Путин. Игривый Медведев в черной рубашке (небось «Амаркорд» Феллини посмотрел).

Но наши чернорубашечники касторкой своих противников не поят, у нас с чувством юмора плохо. Наливают сразу таллий, как Юре Щекочихину. Или полоний, как Литвиненко, хоть он и не правозащитник. Но он раскаялся

и вышел из их своры, а они же не христиане. Это у Иисуса раскаявшийся спасается. А у лубянского ордена Малюты Скуратова раскаявшийся умрет. И Рамзан Кадыров, диктатор подсобный, подчиненный, зависимый, пока еще просто сатрап у султана. Но очень способный и далеко пойдет. Затем бирманская хунта, китайская красная хунта, Уго Чавес и еще пара-тройка мелких боливарианских диктатур. И Иран с его религиозными фанатиками в чалмах, которые убивают на площадях молодежь. И пол-Африки диктатур. Да Палестина, да Лаос...

Демократия на планете Земля — исключение. И Запад — оазис в пустыне тирании. Есть диктаторы стыдливые, вроде Лукашенко. Убив экс-председателя Центризбиркома Виктора Гончара, бывшего главу МВД Юрия Захаренко, журналиста Дмитрия Завадского и непокорного бизнесмена Анатолия Красовского, он поручил своим эскадронам смерти спрятать их тела так, чтобы никогда не нашли. Пропали без вести. «Люди часто пропадают, ни записки, ни звонка, ах, Чека моя родная, ненаглядная Чека». Тот, кто предлагает Лукашенко «Восточное партнерство», готов перешагнуть через эти трупы?

А наши тираны — бесстыдники. Сергея Юшенкова и Аню Политковскую застрелили среди бела дня (только Галю Старовойтову чекисты убили ночью, опасаясь Ельцина).

И Наталью Эстемирову, и Зарему Сайдулаеву, и Алика Джабраилова нашли очень скоро. Следующий этап — расстреливать на Семеновском плацу, под барабанный бой. Пора кутюрье предложить российским журналистам и правозащитникам новую линию одежды: белые саваны. Практично, элегантно, модно. Ожидается большой спрос. И смиренные рубашки можно шить. А то карательная психиатрия на подходе.

Юлию Приведенную из ПОРТОСА хотят отправить на стационарную экспертизу в Институт имени Сербского, амбулаторной врачам не хватило. Эти сапожники в белых халатах, считающие себя экспертами, поведали Приведенной и ее защитнику Михаилу Трепашкину, что Пушкин был ненормален и что нельзя считать вменяемыми людей, которые ходят на «марши несогласных» и на пикеты протеста. Я мнений Юлии Приведенной не разделяю, но в ее вменяемости и юридической невинности сомнений быть не может. Нет сомнений и у суда, а то они бы там не

пытались загнать девушку хотя бы на принудительное лечение, просто дали бы срок.

Призраки Лунца, Морозова и патриарха карательной психиатрии Снежневского опять бродят по залам судов и ловят инакомыслящих. «Из тумана холодного прошлого окунаюсь в горячий туман». А можно и так, как с Алексеем Соколовым из Екатеринбурга. У третьей степени много вариантов. Поставил уральский правозащитник фильм о беспределе тюремной администрации — и тут же сам стал его предметом и мишенью. Ведь Медведева с Путиным можно запросто «считать тюремной администрацией, чем-то вроде «кума» и «хозяина» зоны, ибо их Россия — тюрьма. Как, он не грабил сберкассу? Суду не удалось всучить такое обвинение? Значит, торговал крадеными нефтепродуктами! (Даром что с нефтью он мог совместиться только на бензоколонке.) Если и это не пройдет через суд, значит, обвинят в совращении несовершеннолетних. Был бы правозащитник, а дело найдется.

Все как в «Утиной охоте» Вампилова, когда главного героя учили охотиться на уток. Правильный охотник должен представлять уток уже мертвыми, тогда он наверняка попадет. Правильный диктатор должен представлять правозащитников уже убитыми, тогда они будут править долго. Российские диктаторы, как в Чечне, так и в Москве, — правильные диктаторы.

ДОВРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ИНДОСТАНА

The New Times, №34, 28 сентября

Второго октября 140 лет назад родился человек, который сумел связать два мира: прагматичный, целеустремленный, свободный, индивидуалистический Запад и Индостан, обитель высшей мудрости, гармонии и самоконтроля. Этот великий скромный человек имел поклонников и подражателей на всех континентах и даже в стране его врагов. Он дал Западу непобедимое и бескровное оружие, с помощью которого многие малые страны восстановили свою государственность и меньшинства обрели гражданские права. Этого человека звали Махатма Ганди.

С ним хотел бы побеседовать Владимир Путин, по его собственным словам. Но для этого пришлось бы обойтись

без второй чеченской и русско-грузинской войн, выпустить Ходорковского и вообще всех политзаключенных, самому идти в заложники в случаях с «Норд-Остом» и Бесланом. А то не стал бы Ганди пить кремлевский чай из самовара, который раздували тем самым сапогом, мечтающим (вспомним Министерство Любви из оруэлловского «1984») наступить на лицо человечества.

Ганди проповедовал ненасильственное сопротивление. По всей Индии выпаривали морскую соль и ткали на ручных станках, чтобы не покупать английские товары. Ганди отучил англичан разгонять митинги. Безоружные люди шли под дубинки, падали, а следом за ними шли другие. Тысячами. Без оружия. А когда армия расстреляла безоружный митинг, сами офицеры заставили уйти в отставку отдавшего приказ негодяя. Я с трудом представляю себе российскую армию, офицеры которой потребовали бы кары и разжалования для Ульмана и Буданова. А англичанам стало стыдно. В 1947 году был поднят флаг Индийского национального конгресса, а в начале 1948-го англичане окончательно покинули Индию.

Ганди не был ни фанатиком, ни изоляционистом. Он говорил, что любит ветер всех культур у своего порога, если он не валит его с ног. Поэтому Индия сегодня — парламентская демократия со множеством специалистов по компьютерам, востребованных даже в Силиконовой долине. От квасного патриотизма этот борец с колониализмом был очень далек. Он сказал: «Национализм в моем представлении означает, что моя страна должна обрести свободу. Если нужно, вся моя страна должна умереть, чтобы человечество могло жить». Державники всех сортов и фасонов, на практике оказывающиеся обыкновенными держимордами, от немецких идеологов «расширения жизненного пространства» до единоклассников, вышедших из чекистских шинелей и взыскующих грузинской и крымской земли, никогда не поймут Ганди. У них вечно что-то *uber alles*: то ли Германия, то ли СССР, то ли Россия.

Ганди отучал религиозных фундаменталистов от насилия своими смертельными голодовками. Не отучил и сам погиб от руки фанатика, но его великое оружие — кампания гражданского неповиновения, сатьяграха, — принесло богатые плоды. Это его дар Европе и Америке. Так Мартин Лютер Кинг завоевывал для афроамериканцев гражданские права.

Путь Барака Обамы в Белый дом начинался с маршей гражданских активистов. Независимость Грузии завоевывали безоружные девушки, которые полегли в Тбилиси под лопатками спецназа. И когда безоружная пражская интеллигенция вышла в конце 80-х на свою «бархатную» революцию, это тоже был гандизм. Эстонцы, литовцы и латыши, соединившие, взявшись за руки на «балтийском пути», Вильнюс, Ригу и Таллин, опирались на опыт Ганди. «Оранжевая революция» питалась его идеями. И этим же способом — достижение свободы без крови и зла — всегда пользовались советские диссиденты. На Красной площади, на Пушкинском, у Казанского собора в Петербурге...

Когда на «марши несогласных» выйдут сотни тысяч, наши чекисты уйдут, как англичане, забрав с собой советский флаг и советский гимн.

СТЕНА И ТРЯСЯСЬ

Грани.ру, 10 ноября

Много грехов простится Михаилу Сергеевичу Горбачеву за то, что 20 лет назад он не отдал приказ стрелять. И радостные толпы (а это были миллионы) подневольных восточных немцев пошли сдаваться западной цивилизации. Речь шла не только и не столько о сносе Стены, но о сносе государства, о сносе социализма, о сносе Варшавского договора, о сносе планетарного противостояния двух систем. Кровь — хороший цемент, кровью всё это можно было укрепить. Но эту кровь Горбачев проливать отказался.

Все эти выпавшие 20 лет назад кирпичи и бетонные блоки были вынуты из главной крепости задержавшегося на Земле палеолита — СССР. Эта крепость рухнула через два года. И пусть себе Путин скармливает своим совкам утешительные басни типа: «Броня крепка, и танки наши быстры, и наши зомби мужества полны». От СССР — Дракона, откинувшего лапы в августе 1991 года, — остались одни клочья шкуры. Сегодня Совдепия мечтает о Приднестровье и не смеет откровенно включить в свой состав Абхазию и Южную Осетию, а Крым — это уже сон на уровне бреда, и всё, что может сделать Кремль, такое беззубое страшилище, — это мелко пакостить Украине, Латвии и Эстонии.

Издыхание Дракона началось тогда, в ноябрьские дни 1989 года, и что ни говори, мы с Горби состояли в одной бригаде ликвидаторов. Да зачтутся Михаилу Сергеевичу эти великие деяния по сносу социализма. Он не стал мешать. Ведь 20 лет назад могла рухнуть еще одна Стена, Великая китайская. Но Дэн Сяопин и Ли Пен, хладнокровные и расчетливые злодеи, пролили реки крови и свою Стену зацементировали. Надолго. Уже на 20 лет. Может быть, навсегда. Если когда-нибудь в Китае начнется настоящая оттепель, им придется самим разрушить свою Стену — гнусное сооружение Цинь Шихуанди, самого жуткого тирана китайской истории, символ изоляционизма и презрения к человеку. Когда тоталитаризм падает, надо отмечать это событие разрушением какой-нибудь Бастилии, в знак необратимости событий.

Соревнование «двух систем» позорно завершилось 20 лет назад полным проигрышем социализма. Миллионы пошли в ФРГ, а не в ГДР. Больше никаких доказательств и не требовалось. Берлинская стена упала на головы Хонеккеры и другим «немецким товарищам», платным и штатным сотрудникам последнего Коминтерна. И кто сейчас пожалует о ГДР? Кто жалеет об СССР? Ничтожества, которые не в состоянии себя прокормить и воспользоваться преимуществами этого замечательного капитализма? Ничтожества завистливые и злобные, потому что они не могут даже порадоваться за других и с наслаждением смотреть на чужие «мерсы», виллы, коттеджи, красивые и дорогие шмотки. Да, западные немцы взяли восточных на буксир и вложили в них кучу денег, но и «осси» ведь старались выплыть и не отбивались от спасателей.

Но из-под обломков Берлинской стены выбралась Штази. Есть такие крысы, которые вовремя убегают в соседние трюмы и идут есть соседский сыр. Спецслужбы Варшавского договора — такие умные крысы. Их никакая чума не берет. В Германии Штази ходу нет. Но из-под обломков Берлинской стены выбрался Путин, и вся злоба и ненависть гэдэровского гестапо и советского КГБ ушли из Германии вместе с ним и вцепились в Россию. Москва — последнее прибежище серых гэдэшных крыс. Вот и Гиоргадзе, изгнанный из Грузии, сидит у нас на госдаче. Любите ли вы крыс? Вопрос Тома Сойера. Бекки Тэтчер не любила крыс. А Том Сойер любил, но только мертвых, и с веревочкой, чтобы удобнее было вертеть.

Из всех вариантов ухода с позиций наши крысы, кажется, выбрали венгерский, образца 1956 года. Там вешали своих коллаборационистов, любивших СССР больше Венгрии. И никто не заступился. Наверное, они уже уничтожили к этому моменту всех своих правозащитников. Мы бы, конечно, заступились. Но до нашего русского бунта мы тоже не доживем, а власть в безумии своем ликвидировала выборы и свободную прессу, законопатила все щели для выпуска пара, села на примус и ждет взрыва. Штази тоже так работала, расстреливая беглецов у Берлинской стены. Вспомните, крысы, и одумайтесь. Стены падают, а когда падет Московская стена, бежать будет некуда.

В мире еще остались стены. Кубинская стена. Великая китайская. Бирманская. Вьетнамская. Корейская. Голодная Северная Корея пойдет в пролом, как цунами. Они там гораздо голоднее восточных немцев и жаждут приобщиться к южнокорейским благам.

Стены падают вместе с государствами. Как писал в начале 60-х погибший в лагерях диссидент Юрий Галансков: «Вставайте! Вставайте! Вставайте! О, алая кровь бунтарства! Вставайте и доломайте гнилую тюрьму государства!» Нам, кстати, будет хуже, чем «осси». «Осси» пошли к «весси». Северная Корея пойдет к Южной, Китай и тот пойдет к Тайваню и Гонконгу, а куда пойдём мы, когда рухнут наши Стены? Нас никто не станет кормить.

Из ГДР не выпускали, по Берлинской стене стреляли с вышек. Из России выпускают. Уезжайте хоть все. Но мы сидим здесь, как МЧС. Страхуем. А где наша Стена и что сносить, это и ежу ясно. Лубянка, красные звезды, Мавзолей. Это можно было сделать еще в 1991 году. Но Стены падают сначала в умах, сердцах, памяти, а потом уже в реальности. Судя по поведению народа, наши Стены еще не упали.

Мы, конечно, не доживем. А жаль. Представляю, как народ будет растаскивать Лубянку на кусочки и самый большой обломок Мавзолея подарит ЮНЕСКО, чтобы неповадно было объявлять такого рода сооружения мировыми историческими памятниками. Крысам, кстати, тоже некуда будет идти. Они бы лучше приобретали смежную специальность. Хорошо, что есть чертеж. Схема. Схема нового демократического государства. Конституция. Не потерять бы окончательно эту схему за оставшиеся годы. Десятилетия... Столетия...

МЫ ПОХОРОНЕНЫ ГДЕ-ТО ПОД ГРОЗНЫМ

The New Times, №44, 7 декабря

Пятнадцать лет назад, 11 декабря 1994 года, демократов будили в семь утра — сигналом из «Тимура и его команды», хотя как раз в тот день команда впервые осталась без Тимура. Нашим Тимуром мы считали Ельцина, а 11 декабря танки пошли через границу Чечни.

Общей штаб-квартирой демократов всегда была Пушкинская площадь. В то утро Гайдар и Явлинский сошлись у общего мегафона. А назавтра Пушкина не вместила организованный Гайдаром несанкционированный митинг.

Надо отдать Ельцину должное: он не пытался помешать. Мы могли голосить и рвать на себе волосы сколько угодно, в любом диапазоне. Ельцин не выпустил на нас ОМОН. Впрочем, он не мешал и танкистам. Демократам хотелось куда-то бежать и звать на помощь. Мир рухнул в семь часов утра на Тверской бульвар. И среди обломков и снежных завалов стало ясно, что бежать и кричать поздно, надо было раньше.

Слишком уж проклинали чеченцев за какие-то фальшивые авизо наши экономисты-реформисты. От этих проклятий у танков шевелились от нетерпения гусеницы. А бензин в танки залили в тот день, когда, зная, что еще в 1991 году чеченцы заявили о своем отделении, демократы допустили, что Чечня оказалась включенной в проект Конституции как субъект Российской Федерации. По-старому, автоматически. Как будто мы забыли огромный митинг протеста у Белого дома, штабеля бочек с бензином (на пути первого «ограниченного контингента») и Джохара Дудаева, который чуть было их не поджег. А за бочками стояли те самые чеченцы, которые в августе 1991 года пришли на зов Ельцина к Белому дому, а в октябре 1993-го не пошли туда же на зов Хасбулатова...

Мы знали, что Чечня не голосовала в 1993 году за Конституцию, куда ее впихнули без спроса. Но мы не устроили скандала: нам хотелось иметь Конституцию и не хотелось ссориться с Ельциным, потому что слишком много у нас было общих врагов. Поэтому в октябре 1993-го мы попытались приручить танки, а танки нас не поняли и от Белого дома пошли на Грозный. Не исключено, что те

самые танки. Мы забыли, что «своих» танков не бывает, что танки всегда чужие. Правда, мы уповали на Ельцина, и Джохар — тоже. Но Ельцин от нас ушел... К выборам 1996-го вернулся и ушел опять, потом вернулся вместе с Хасавюртом, потом снова ушел под Новый год, ушел в молчание, по сути дела, под домашний арест, а потом ушел навсегда, вместе с демократией, Конституцией и всеми несбывшимися надеждами.

А мы остались у своего разбитого имперского корыта. Наш день twelve-eleven (12/11), 11 декабря, показал, что легче верблюду пролезть через игольное ушко, чем державникам, хватающимся за остатки империи, обрести демократию. Даже среди демократов абсолютное большинство не готово было предоставить чеченцам независимость, которую так легко, так непринужденно Вацлав Гавел и чехи предоставили словакам. Закон «Не может быть свободным народ, угнетающий другие народы» исключений не знает. И зачастую те, кто протестовал против войны, не понимали, что война — следствие их же неготовности отпустить чеченцев и не спрашивать маршрут, как когда-то Франция не спросила у Алжира.

Ельцин услышал наши вопли слишком поздно. И вместо вожденной «чеченизации конфликта» мы имеем теперь кадыризацию России. А танки в Грозном не остановились. Они доехали до «Норд-Оста» и Беслана, до «суверенной демократии», до могил Ани Политковской и Натальи Эстемировой и чуть не доехали до Тбилиси.

Танки оказались последовательнее демократов, и в конце тоннеля оказался День танкиста. Вместо Дня Конституции.

ВОЕННАЯ ТАЙНА ЕГОРА ГАЙДАРА

Грани.ру, 18 декабря

Премьер-министры, даже реформаторы, обычно сидят в кабинетах и выступают в парламентах, а не бегают по площадям. Как Эрхард, как Витте, как Бальцеревич. А Егор Гайдар был всю жизнь типичным декабристом, потому что реформы воспринимал как служение, как священную воинскую хоругвь, что совершенно не вязалось с его статусом большого ученого, наследника Хайека, Рюэффа и фон Мизеса, и сугубо штатской внешностью классического

русского интеллигента с мягким шелковым голосом. Но под этим шелком скрывалась стальная воля. «Железный Винни-Пух» — так называли его самые близкие друзья.

Всё началось еще в восьмом классе, когда юный Егор, отпрыск благополучной номенклатурной семьи, живший в дипломатических миссиях и на Кубе, и в Югославии, решил спасти страну от тоталитаризма. Школьная подпольная организация собиралась распространять листовки. Их нашел и отобрал у сына Тимур Аркадьевич Гайдар. Потом был маленький экономический заговор под Ленинградом, где тайно собирались грамотные экономисты и обсуждали, как бы построить капитализм в СССР и когда их посадят за такие разговоры. Но тут началась перестройка, и подпольщик Егор Гайдар пошел на свою первую площадь — к Белому дому в августе 1991 года. Собственно, он с нее больше и не уходил.

Восемь месяцев в правительстве, проклятия половины страны, посыпавшиеся на его голову, и первое предательство Ельцина — это тоже была площадь. Лобное место. Он вернулся и опять взял ответственность на себя, когда Ельцина оставили все, когда никто не смел одобрить Указ 1400, когда другие рафинированные интеллигенты падали в обморок, воздевали руки к Белому дому и восклицали: «Ребята, давайте жить дружно!» У Гайдара не было вооруженных сил, у него были 10 тысяч безоружных интеллигентов, вышедших по его призыву и не собиравшихся живыми уходить от Моссовета. Это означало, что путчисты получают 10 тысяч трупов и ни одно государство Запада их не признает.

Гайдар на это пошел, зная, что это последняя ставка: пан или пропал. Армия выбирала, куда ей пойти со своими танками. Аргументы Егора Гайдара, аргументы человеческих жизней и человеческой крови, которые демократы были готовы отдать, оказались сильнее, и танки пришли к Ельцину. А дальше Ельцин не сделал того, ради чего ломали эти копья, и Егор Гайдар ушел в отставку создавать фундамент для свободы и для оппозиции. Этим фундаментом должен был стать «Демократический выбор России».

Люди этого типа не создают партий, а он создал ДВР, с этой главной в жизни триадой: «Свобода, Собственность, Законность».

Следующей площадью была чеченская война. Он бросил ДВР в прорыв, по сути дела, на стороне национально-освободительного движения чеченского народа, что очень редко

делают премьер-министры. Он лишился расположения Ельцина, лишился спонсоров, с формулировкой «Не желаем работать против государства» из ДВР ушел Андрей Козырев. От партии публично откололся Олег Бойко и унес с собой немножко «Олби». Заодно забрал мини-роллс-ройсик, первый и последний в жизни Гайдара.

Он говорил, что реформы могут расти сами по себе, как травка под забором, если их не начнут вытаптывать. Вытаптывать начали после ареста Ходорковского, и он вышел на свою последнюю площадь в оставшихся свободными СМИ, защищая реформы, как птица защищает своих птенцов. В позорном списке бывших либералов — нынешних членов политсовета «Правого дела», преподнесших Путину на тарелочке с голубой каемочкой гайдаровский «Демвыбор России», из которого в основном и состоял СПС, — нет имени Егора Гайдара. Он сказал, что ушел из политики. Но он ушел не из политики, а от грязи, которой не погнушались его самые верные друзья.

Он хронически не умел делать подлости, не умел кричать, но его вежливые статьи и книги последнего времени били по Кремлю сильнее, чем фразы иных трибунов. Он публично выносил приговор вертикали власти, и это был приговор истории. Его толкали на компромиссы, но каждый раз, когда надо было решать, на чьей быть стороне, он делал так, что Кремль не мог записать его в число своих сторонников. Глубокая порядочность, неумение извратить истину и всегда присутствовавшая в его обиходе фраза «А все-таки она вертится!» — это и есть главная военная тайна Егора Гайдара. То, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, доказано публично и непроверяемо. И даже чекистским астрономам придется с этим считаться.

Я ЗАМУЖЕМ ЗА ПУТИНЫМ

The New Times, №46-47, 21 декабря

Встаю я утром, и вдруг до меня доходит: ведь я уже без малого 10 лет замужем за Путиным, и то, что между нами происходит, и есть классическая российская семейная жизнь. Он мне зарплату не приносит, а я ему обед не готовлю и белье не стираю. Живем, как Стива Облонский

с Долли, не здороваемся, не разговариваем. А дом общий: 1/8 часть света. Или тьмы. Когда я его увидела впервые на экране в 1999 году, он как-то нехорошо, загадочно на меня посмотрел, и я поняла, что он положил на меня глаз.

Я замуж за него вовсе даже и не собиралась. Я принца ждала заморского или хотя бы Борю Немцова. Но вы же знаете, как это у нас принято на Руси: сначала «Матушка, матушка, что во поле пыльно?» Ну матушка зубы и заговаривает: мол, кони разыгрались. А потом: «Матушка, матушка, образа снимают, матушка, матушка, меня благословляют». И как водится: «Дитятко милое, Господь с тобою...» Я, конечно, не сказала «да», я совсем к алтарю не ходила, то есть на выборы, к избирательной урне. Но меня и не спрашивали. Нас венчали не в церкви... Нас сосватало и обвенчало агрессивно-послушное большинство. А шаферами стали члены «Единой России». И вместо марша Мендельсона во Дворце бракосочетаний нам сыграли советский гимн... Получилось хуже, чем в анекдоте: Путин меня не ужинал, но он меня танцует. чеченская война стала нашей первой брачной ночью. Вот так с тех пор и живем: я его терпеть не могу, а он — меня. Я могу перебить всю посуду в знак того, что хочу развода, а он и внимания не обратит.

Я, как каждая русская баба, нахожу облегчение в том, чтобы пожаловаться на плохого мужа. Хожу по радиостанциям, по митингам, по редакциям и жалуюсь. Мол, мужа в отставку или сразу в Нюрнберг, а я пойду за Касьянова или Немцова. Я уж и Бушу жаловалась, и Обаме, и Евросоюзу. «Не хочу, — говорю я им всем, — с Путиным жить. Разведите вы нас». А они с Путиным соглашения подписывают. Что им до моих женских слез? И не я одна такая, у моего мужа еще 300 жен и 700 наложниц, и все демократы. И мы вместе плачем и рыдаем, но как ни голосим — Путин остается при нас. А другие не могут понять, чем мне Путин не по душе. Не пьет водку, не курит. Без вредных, то есть, привычек. Спортом занимается. И такой могущественный! Налево посмотрит — заложники «Норд-Оста», отравленные, падают, направо посмотрит — детишки в бесланской школе сгорают. Недавно чуть целую сверхдержаву не завоевал, Грузия называется, да американские супостаты помешали. И никого не боится, особенно Бога. Своих врагов, юкосовцев зловредных, прямо на Лобном

месте судит. Говорят, что мне должно быть лестно. Я им всем отвечаю: «Пусть лучше водяру хлещет, чем кровь чеченских младенцев, ритуально принесенных в жертву на имперский алтарь. Мне бы что-нибудь тихое, приличное, европейское». И живем дальше.

Мне бы с любовником сбежать: в Штаты, во Францию, в Англию, куда все добрые люди бегают. Но тогда и дитяtko наше, и весь дом — всё ему достанется. А развод не предусмотрен. Только через Центризбирком... Браки заключаются на бюллетенях.

И потом, этот муж без вредных привычек — не добытчик. Последнее из дома тащит своим дружкам. То Лукашенко, то Чавесу, то киргизским пациентам. А какой опять-таки бабе нужен муж, который не может заработать и с дружками соображает на троих — пусть не водку, а остатки колониализма?

Я знаю, что он меня переживет. Он молодой, спортивный, а я старая, больная. И страшно делается: дитяtko наше убогое, которое нянька еще в роддоме на голову уронила, с детским церебральным параличом и задержкой умственного развития, по имени Россия, ему достанется, и некому будет сиротку даже пожалеть...

2010

ПОЛЗУЧАЯ УГРОЗА

Грани.ру, 29 января

Четырнадцать лет назад на последних наших президентских выборах мы прихотливо копались в избирательной тарелке, брезгливо поддевая вилочкой то Ельцина, то Лебедея, то Явлинского. Галина Старовойтова, самая вкусная и питательная, нам не перепала. Похоже, на тех выборах 1996 года ее зарезали в Центризбиркоме намеренно, чтобы не отнимала у Ельцина голоса, а мы не заступились, не подозревая, что через четыре года этот самый Ельцин передаст нас Путину, как какой-нибудь персонаж «Хижины дяди Тома» своих негров с хлопковой плантации.

Зюганов же сидел под столом, как таракан, шевелил усами и пытался забраться в наши щи, как сегодня Янукович пытается заползти в украинский борщ, куда-то между салом и чесноком. В первом туре тогда приличные люди голосовали за Явлинского (это был не сегодняшний Явлинский) или за Ельцина, а вот во втором... Перед вторым туром мы наслушались досыта умных речей разных отпетых демократов (из тех, что кидались в Чубайса ваучерами, а в Путина теперь и кинуть-то нечего; кстати, и дохлых кошек в руках вчерашних гонителей Ельцина, Гайдара и Чубайса что-то не наблюдается — они их для Немцова с Касьяновым берегут). Нам говорили, что нельзя выбирать наименьшее зло; что Ельцина следует покарать за измену демократии, реформам, монетаризму и, конечно, за войну в Чечне. Нам говорили: голосуйте против всех или вообще не ходите на выборы. Зюганов безопасен, с экономикой он не справится и отдаст свое место конкурентам. (Аккурат это самое говорили в 1917 году про большевиков. Уничтожив 40 миллионов сограждан, они отдали место через 74 года.) Были и другие, не менее успокоительные варианты: Зюганов — социал-демократ, и коммунисты уже не те, что вчера, они продолжают реформы — посмотрите

на Квасьяневского в Польше. Явлинский не сдержал данного слова и не отдал Ельцину свои голоса. Всё шло к катастрофе, и в штабе у Гайдара ждали: то ли пить шампанское, то ли готовиться к арестам.

Демократы не варили варенье на зиму (настоящие, «радикальные демократы» — так нас обзывало «Яблоко»), не зная, будет ли у них возможность его съесть.

Но тут пришел Чубайс, сделал газету «Не дай Бог!»; бизнесмены нагрузили пару коробок из-под ксерокса долларами для артистов и попсы, а мы взяли себя в руки и, как удачно выразился Александр Пумпянский, сложив совесть, как бюллетень, вчетверо, чтобы она влезла в урну, проголосовали за Ельцина и прожили еще 4 года хорошо и 10 лет — плохо. Всё в прибыль, а не в убыток.

А социал-демократы из КПРФ по табельным дням аккуратно возлагают цветы на могилу Сталина. Понятно, какой участи мы избежали.

Сейчас эта давняя история повторяется на Украине. Самый завидный и блестящий кандидат, Виктор Ющенко, получил голоса самого блестящего и завидного электората. Таких больше 6 процентов не набралось. Так же, как и на кадетов в России в 1918 году не нашлось больше 5 процентов любителей. На свободных выборах в Учредительное собрание...

И снова звучат знакомые слова: Янукович уже не тот, его спонсирует бизнес, они его заставят нормально себя вести... Свободы на Украине необратимы... Тимошенко шла на компромиссы с Путиным и была популистской, ее надо наказать... Майдан себя не оправдал... На Украину свалился кризис...

Во-первых, кризис свалился на весь мир, даже на США и Великобританию, и оранжевые никак не могли сделать то, чего не сделали ни республиканцы в США, ни лейбористы в Англии, ни ХДС/ХСС в Германии. А потом, на Майдан ходили не за провизией, а за свободой. Ее что, мало на Украине? А за салом надо на рынок идти, а не на Майдан. Виктору Андреевичу неудобно призвать голосовать за Юлю после того, как он с ней так ругался? Надо переступить, взять себя в руки и проголосовать, да еще и призвать других.

Янукович страшен не личной свирепостью, а тем, что он не человек, а функция. Так же, как и Зюганов. Украина, проголосовавшая за Януковича, — это как Венесуэла, проголосовавшая за Уго Чавеса. 5 процентов голосов решили

судьбу страны, и там уже исчезают продукты и веерно отключают электричество. Украина с таким президентом станет легкой добычей России и объектом постоянного давления и шантажа, потому что такой результат выборов — это знак. Знак беды, знак отказа от НАТО, от западных ценностей, от национальной идентичности, от национального достоинства. Помоечный вариант. Небось, Юля не поехала на съезд «Единой России», а Янукович приполз. Ему настолько важен избиратель по имени «Путин», что он даже про украинский электорат позабыл. Он отказывается от дебатов, потому что ему нечего сказать.

Он не может повести себя иначе, потому что привык ползать перед Москвой. Он не может повести Украину вперед, потому что он — совок, и дорога его — только в Совок. Янукович — любимый кандидат Москвы, у Юли все-таки — оранжевое прошлое. Ничего страшного она со своими буржуазными вкусами не наделает, она стремится в хорошую, престижную западную компанию, ей совок претит, она хочет быть леди. А Янукович никак не годится в джентльмены.

Я тоже оранжевая, я летала в оранжевый Киев, а на Пушке мы раздавали апельсины и всю зиму ходили в оранжевых шарфиках и платках. И как оранжевая я вам говорю: бескомпромиссность — это хорошо, но здесь не надо пересаливать, а то как раз к Януковичу под стол угодишь. Совки-то придут голосовать. Они всегда приходят, что на Украине, что в России. Как в Питере, когда электорат Собчака пошел купаться, а электорат Яковлева пришел и проголосовал.

Сейчас опять может случиться такое: оранжевые останутся дома или проголосуют против всех, и Янукович пройдет, как Красная армия через замерзший Сиваш, и с теми же примерными последствиями, с поправкой на XXI век. Это как раз тот случай, когда пересол будет на шее.

У Ельцина на счету был и 1991 год, и 1993 год, и реформы, и ликвидация СССР. Мы проголосовали в кредит именно под это.

Юля организовывала Майдан. В украинском западном проекте вполне возможны и такие честолюбивые Юли, и благоразумные Тигипко, и умеренные Яценюки. Вот только такие, как Ющенко, всегда будут на вес золота, при любом порядке вещей. Это товар штучный. И только Януковичей в будущем независимой Украины быть не должно.

К ЧЕМУ БЫЛО МАЙДАН ГОРОДИТЬ?

Грани.ру, 18 февраля

У соседа сдохла корова. Душа у праздника. Наша-то собственная Буренка откинула копыта еще в 2000 году. Называлась она «российская демократия», и чекистская хунта уже десять лет хлебает щи с этой убоиной. Мы-то на соседскую коровенку смотрели с завистью и любовью. Пасли, кремлевский гнус отгоняли. Мы даже не просили молока или там сметаны. Мы хотели только посмотреть и порадоваться на это чужое масло, ломая зубы о свой собственный тоталитарный хлеб.

И если бы еще эту несчастную корову зарезали российско-тамбовские волки! Было бы не так позорно. Но ведь коровка обошлась без волков, она сдохла своей смертью, добровольно. Наша оранжевая корова. «Оранжевая революция». Сурков, Путин и Янукович сейчас как раз снимают с нее шкуру. По Есенину: «Жалобно, грустно и тоще в землю вопьются рога. Снится ей белая роща и травяные луга».

Стоявший шесть лет назад в первых рядах Майдана Борис Немцов, кавалер ордена Святого Ярослава, придумал коварнейший план: Украина рванет вперед, российские гастарбайтеры будут класть кирпичи в Киеве и во Львове. Россия увидит воочию прелесть демократии и «оранжевых революций», последует украинскому примеру, и мы все спасемся.

Гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Буренка откинула копыта. Мы, кстати, тоже кое-что сделали для того, чтобы эти соседские копыта ходили по земле. Мне всю жизнь стыдно за Россию, но сейчас еще дополнительно стыдно за Украину. Ведь Янукович — это клеймо. Это диагноз. Это порок сердца, души, мозгов для тех избирателей, которые им не побрезговали. Неукраинских избирателей. Апатридов. «Восточников». Без рода, без племени, без семьи. Из Донецка, из Одессы, из Харькова. Их адрес — не дом и не улица, их адрес — Советский Союз. Оказывается, нет разницы между совком из Бреста, из Москвы или из Харькова. Они безошибочно голосуют за самое прошлое, самое тупое, самое безобразное, самое средневековое. Они выбирают Лукашенко, Путиных, Януковичей. И вы меня не утешайте: Янукович, мол, безобиден, а украинская

демократия необратима. Я помню свободную Беларусь Шушкевича с гербом и гимном «Погоня»; с бело-красно-белыми флагами, с Зеноном Позняком в качестве кандидата в президенты. Лукашенко скрутил их за четыре года. А как скрутили нас? Вы считали протори и убытки, вы помните, что мы имели десять лет назад и что имеем теперь?

Панове, почему вы не бежите на Майдан, обгоняя Ющенко и Тимошенко? Зачем тогда было в 2004 году его городить? Был у вас тот же Янукович, а за ним тот же Путин. Совет да любовь. Вы разочаровались? А в чем? В Ющенко? Разве он не тащил вас на Запад, в НАТО, в ЕС? Разве он не вернул вам вашу историю? Разве не он воздал должное Степану Бандере, ОУНУ и УПА? Ах, вы хотели, чтобы он вас поил и кормил? Значит, и вы такие же: «Накормите нас и поработите»? Значит, прав был Великий Инквизитор из Достоевского? И вы выбирали, как пропащие россияне, по схеме: кусок — глоток — паек?

Вся имперская нечисть торжествует: больше нет оранжевой угрозы, это был миф, «оранжевая революция» закончилась януковическим термидором. Что теперь на повестке дня? Русский язык как второй государственный, чтобы украинскому молодому государству нечем было держаться на земле, чтобы восток и юг остались русскоязычными? Двойное гражданство, аншлюс, вторая Абхазия? Президент Ющенко ошибся один раз в жизни, но президент — он как сапер. Нельзя было голосовать против всех, надо было помочь Юле. Пока соратники ссорились, враги перешли через Перекоп.

Шесть лет назад в неравном бою с таможенниками молодые российские бизнесмены отстояли шесть мешков оранжевой символики — лент, шарфиков, платочков, — которые они везли российским демократам. Всю зиму мы затягивались оранжевыми шарфиками и вешали оранжевые ленточки на антенны машин. Мы раздавали ящиками апельсины на Пушке, под камерами Си-эн-эн. Вы что же, нам лгали тогда? А если это была правда, почему пуст Майдан? Где «Пора»? «Пора нам не молчать, пора настала выбирать...» Вы предали не только себя, но и нас. Вы предали мою подругу-математика, которая шесть лет назад приехала к вам в Харьков на конференцию в оранжевой кофточке, рискуя полным разрывом с российскими коллегами.

На смену сочным оранжевым январям приходят тощие, замерзшие, скудные, голубые февраль.

Виктор Ющенко сильно преувеличил, говоря, что без Степана Бандеры Янукович не смог бы стать президентом Украины. Если бы, на беду Януковича, Степан Бандера с ним встретился, он бы его пристрелил, как любого кол-лаборациониста.

КОМИССАР «ЛЕНКОМА»

The New Times, №8, 8 марта

Двенадцатого марта писателю Григорию Горину — драматургу, сценаристу, прозаику, сатирику — могло бы исполниться 70 лет. Но не исполнится: он ушел очень рано, в 60. Он начинал медиком, почти как Василий Аксенов. Веселым, безобидным медиком, кавээнщиком, завсегдатаем эзоповой сатиры на передачах «Вокруг смеха». Тихо занимался подрывной юмористической деятельностью на 16-й странице «Литгазеты», в разделе «12 стульев», и в «Юности» от имени Галки Галкиной. Были две такие явки у нашей несчастной доперестроечной интеллигенции. Бедная советская власть, которую профессионал антисоветизма всегда мог заморочить и обмануть, и впрямь решила, что он безобиден. А оказалось, что под полой Григорий Горин прятал весьма пессимистическую комедию.

В здании тоже вроде бы безобидного «Ленкома», якобы комсомольского театра, 30 лет скрывалась ставка поседевшего в боях командира, охотника за драконами Марка Анатольевича Захарова. А Григорий Горин состоял при нем комиссаром. Два мушкетера. «Бургундия, Нормандия, Шампань или Прованс, эфес почаще грейте о ладонь... Где подлость, там схватка, два слова, и перчатка, пока еще жива Гасконь...» Наша Гасконь разбросана, ее овраги и полянки — наши схроны и конспиративные квартиры. «Ленком», Таганка, спектакли Анатолия Эфроса и его сына Дмитрия Крымова, «Эхо Москвы», Сахаровский центр, Интернет, парочка редакций...

Первая диверсия Горина — Захарова — это был спектакль «Тиль» с незабвенным Караченцовым-Тилем, Леоновым-Ламме и Инной Чуриковой-Неле. Из мятежного

Шарля де Костера Горин сделал вполне антисоветский рок-спектакль «Тиль». «...И да здравствует Фландрия!» Клас и Тиль были диссидентами, Фландрия — это была Россия, Испания — СССР, инквизиция — КГБ, герцог Альба — Сталин, Берия, Дзержинский. Это была первая пощечина Дракону.

«Того самого Мюнхгаузена» удалось протащить в 1979-м аж в кинематограф, на телеэкран. Горин плюс Захаров учили каждое утро с 9.00 до 10.00 совершать подвиги, жить мечтой и за мечту умирать.

В 1983 году Горин построил вместе со Свифтом дом, куда не должны были войти ни йеху, ни депутаты вроде Абельцева.

А до этого в 1980 году вместе с Эльдаром Рязановым в фильме «О бедном гусаре замолвите слово» сценарист плюет в рожу спецслужб в лице Мерзляева-Мерзяева и утверждает: быть изменником Царю и Отечеству в СССР — это подвиг и долг. Звучит признанный экспертами в 2009-м экстремистским лозунг «Долой самодержавие!».

Григорий Горин бросается на власть вполне осознанно: в Кремле орут-разоряются головы Дракона, на Лубянке стучит его железное сердце. Фильм Горина и Захарова «Убить дракона» (1988) по пьесе Евгения Шварца стал знаменем перестройки. Незабвенный Олег Янковский, аватар интеллигенции, учил убивать Драконов в себе. Летели на площадь головы, наступала злая, голодная, неуправляемая свобода, маленькие дракончики захватывали власть, восставала Эльза, вводил «диктатуру совести» герой Ланселот...

В пьесе «Кот домашний средней пушистости» с помощью Григория Горина и Владимира Войновича (1989) страна прощалась с КПСС и ее привилегиями; в «Поминальной молитве» «Ленкома» Горин и Захаров воспевали и оплакивали мессианство и обреченность еврейского народа (1989); в «Королевских играх» «Ленкома» же (1995) Горин выносил приговор абсолютной власти, и уже в самом конце пути в «Шуте Балакиреве» (1999) комиссар «Ленкома» вводил санкции против «реформатора сверху» Петра I.

Пятнадцатого июня 2000 года сердце драконоборца не вынесло последней катастрофы. Народ добровольно избрал Дракона, чего не предвидели ни Наяда, ни Дриада, ни даже Евгений Шварц.

ЗДЕСЬ МОГЛИ ВЫ БЫТЬ НАШИ РЕФОРМЫ

Грани.ру, 9 марта

«Виноградную косточку в теплую землю зарю» — это про что? Это про грузинские, классические, успешные гайдаровские реформы. «И лозу поцелую, и спелые гроздья сорву» — это значит: приму без жалоб и стонов все трудности, все риски, все лишения, полюблю этот трудный путь на Запад, в цивилизацию, и в результате всех тягот и страданий будут спелые гроздья. «И друзей созову, на любовь свое сердце настрою» — это значит: открою с благодарностью и надеждой свое сердце тем, кто успешнее меня, кто дальше ушел по пути западной цивилизации, и буду учиться без спеси, со смирением и благодарностью. И вот это всё есть: одна Джорджия любит другую, кавказскую; США — мудрый и щедрый учитель; Грузия — благодарный отличник, хватает всё на лету.

Мы ехали по проспекту Джорджа Буша, и я подумала, что впервые, наверное, в своей истории Америка получает «спасибо» за свою помощь. Да, крошечную Грузию легче подкормить, подостлать под реформы соломки; благодаря США пенсия достигает 100 долларов (а цены куда ниже российских, сравните), налоги берут только после достижения определенной «зажиточности». Строятся новые производства, создаются рабочие места; при отсутствии пробок в малоавтомобильном Тбилиси все-таки строятся эстакады и туннели, по автостраде от Гори до столицы можно доехать за полчаса. (Я, признаться, думала об одном: за сколько по такой дороге доедут наши танки.) Но эта большая помощь не «распиливается», не прячется по карманам: цент не пропадет. Всё идет на дело. Коррупции в Грузии больше нет. Один вор в законе остался: в монастыре грехи замаливает, а остальные в тюрьме или в Москве, дорогие россияне.

Жесткие, жестокие меры понадобились для этого. 46 тысяч «ментов», весь состав МВД, были уволены в один день. Вместо них пришла молодежь, владеющая английским и честная (благо есть отдел внутренней безопасности, мгновенно карающий за любую взятку). Государственный аппарат был сокращен в восемь раз. Уволенные с теплых и хлебных местечек и их родственники, обиженные, желающие обратно в Совок, враги реформ и Запада — они

и составляют ту «оппозицию», которая прыгала на площади, и собиралась брать штурмом парламент, и ждала российского вторжения. Видимо, это их защищают иные правозащитники и кое-какие демократы России, которые пеняют на Михаила Саакашвили и негодуют, что он их разогнал. Это был грузинский 1993 год, только у них обошлось без крови.

Да, Россия велика. Но и нас бы подкормили, нам очень хотели помочь. В конце 80-х нам слали посылки с едой из Европы и даже Японии, США давали кредиты. Наша вина, что их разворовали, что мы полезли в Чечню и вмешивались в украинские дела, что был безумный марш на Приштину, что нагнеталась антиамериканская истерия по поводу бомбардировок (ночных, точечных, направленных не на людей, а на инфраструктуру) Белграда, которые заставили Сербию очнуться и свергнуть Милошевича. Наш имперский оскал, наши шашни с Ираком и Ираном, наша спесь, наше нежелание учиться у Запада, Жириновские и Рогозины, сталинисты и державники, военщина и лубянщина развели нас с западной помощью и поддержкой.

И конечно, наша трусость, наше малодушие, наша ненависть к модернизации и гайдаровским реформам. Маленькая Грузия, стиснув зубы, не считая ушибов и ран, карабкается вверх, на Запад, к США (грузины верх и низ не путают, они-то сделали западный выбор), а гигантская туша России, путинской, советской России (а другой пока нет) барахтается внизу, гниет заживо и скулит: мы не можем, нам больно, нам страшно, подайте лифт. А лифта в реформах не предусмотрено.

В Грузии с ее четырьмя миллионами населения за коррупцию посадили более 21 тысячи человек. Это в масштабах России — 1 миллион. Мы так можем в нашей чекистской «малине»?

А «конструктивная оппозиция» говорит устами Кахи Бендукидзе (не на площади, не в пользу российской оккупации), что реформы надо делать жестче, что надо давать меньше рыбы и больше удочек, что соломку не стоит подстилать, что в НАТО надо вступать не в четверг, а в среду, а еще лучше во вторник.

У тирана Саакашвили (застенчивого интеллигента, чей кабинет заставлен шкафами с русской классикой) на 4 миллиона населения 130 политических партий. Регистрация

партий — 15 минут. Плати 30 лари, сдай уведомление — и иди. У тебя не спросят ни число членов, ни имена, ни адреса, ни явки, ни телефоны. У автократа Саакашвили СМИ ходят на ушах и гоняют власть как хотят. Журналист — лицо священное и неприкосновенное. Даже некий Рамишвили, за которого так заступались Тина Канделаки и Алексей Венедиктов, уже на свободе. Даже канал «Раша тудей», подлый, путинский, свободно снимает. И «Маэстро», и его собрат по частности и оппозиционности — не единственные свободные каналы. И «Первый» и прочие, и «Рустави-2», и «Имеди» — все делают что хотят в прямом эфире, причем на государственные деньги. Видела я один ролик оппозиции про Саакашвили, президент показывал. Шендерович отдыхает. Качество сатиры, конечно, ниже. Но злобы больше.

Автократ Саакашвили ездит без мигалки (на всю Грузию их 4 — по закону) и отрывается от собственной охраны. Словом, если бы Егор Гайдар это бы увидел, он, возможно, остался бы жить. Дело его рук не пропало, просто оно осуществляется в Грузии, которая не ненавидит своих реформаторов, а голосует за них, как проголосовала за Михаила Николаевича Саакашвили, подтвердив его мандат на реформы на досрочных президентских выборах.

И никто не собирался захватывать Самачабло (Южную Осетию) — маленькая Грузия просто защищалась и выстояла, пока мощная рука Америки (да благословит Бог Джорджа Буша, разрешившего этот Карибский кризис и не допустившего Третьей мировой войны) не легла между хищным российским орлом-стервятником с окровавленным клювом и маленьким разноцветным грузинским колибри. Помните, россияне, Маяковского? «Что такое хорошо и что такое плохо?» Там есть строки: «Если бьет дрянной драчун слабого мальчишку, я такого не хочу даже вставить в книжку».

Бог вычеркнул нас из числа олимпийских звезд. Не боитесь, что вас вообще вычеркнут, россияне? За подлость, за злобу, за жестокость, за обман доверия? Вы любили Грузию, как любят туземца: туземцы жарили шашлыки, наливали вино и танцевали лезгинку (белые сагибы не знали, что лезгинка — не грузинский танец). Любили, как песочек на пляже. А оказалось, что это достойное и благородное государство, идущее по западному пути. Они не скажут: «Накормите нас и поработите». Они читали Достоевского. Они не вернуться в сытое рабство, они предпочтут

свою полуголодную свободу. Они не хотят быть туземцами. Они христианство приняли в IV веке, на шесть веков раньше нас, на век раньше Галлии (нынешняя Франция) и на два века раньше Британии.

Мы, кстати, с Михаилом Николаевичем не сговаривались — про туземцев и шашлык. Он сказал это в своей речи в парламенте (где место для сплошных дискуссий и где в ложе сидят все министры, которые боятся законодательной власти как огня), в речи на два часа без шпаргалок, даже электронных. А я это говорю с 2006 года.

Они нас любили, кстати. Они купались в русской культуре. Они дали нам Булата Окуджаву, Георгия Данелию, Тенгиза Абуладзе, Сергея Параджанова, Софико Чиаурели, Шоту Руставели, Багратиона и Пиросмани. Они думали, что мы их приручили и отпустим на свободу, дав на дорогу пирогов и котлет. А мы шарахнули бомбами по Горькому университету, по этим доверчивым и любящим глазам. Мы их травили, мы собирали их в обезьянники. Мы составляли списки их школьников, мы запикивали их в транспортные самолеты, мы запретили их дивное вино (и я не угощу вас тем, что привезла, неуважаемые россияне). В Гори стоит памятник погибшему на этом месте грузинскому мирному жителю — из танковых гильз. Такое вот дерево. «Древо желания». Это мы им в ответ на фильм Тенгиза Абуладзе. Пройдут века, а этот памятник нашей подлости все еще будет стоять.

Они еще не могут понять и принять, они не озлобились, они отличают путинский режим от России. (И зря, потому что где была Россия в 2008 году, когда танки шли на Тбилиси? В лучшем случае говорила, что Путин и Саакашвили одно и то же.) Грузины делают для нас русскоязычный «Первый Кавказский» канал, тратят деньги, чтобы создать нам новую «Свободу», которая будет бороться с враньем и руководствоваться принципом «За вашу и нашу свободу!». Мы будем искать в Интернете (а Кавказ и всё остальное человечество — и на спутниковом телевидении) этот новый тамиздат. Там и «Куклы» будут, убиенные Путиным на НТВ. Грузинская интеллигенция создает общество «Спасем Россию!».

Если честно, меня пугают их доброта и их великодушие. Я четыре дня учила их ненавидеть нынешнее государство под названием РФ, потому что путинская Россия — это Фредди Крюгер, маньяк с ножницами, который приходит

во сне к тем, кто расслабляется и теряет бдительность, а надо стоять на страже своей свободы и своих реформ и знать в лицо своего врага — российский империализм.

А наша Россия, показавшаяся в 1991 году, ушла под воду, как град Китеж, и неизвестно когда всплывет. И всплывет ли? Кто из российских политиков посмел (хотя бы из демократической оппозиции) встать рядом с Саакашвили и противостоять атоллу Науру, выступая против своего государства-агрессора, напавшего на Грузию и расчленившего ее? Кто дерзнул? Андрей Илларионов, Владимир Буковский, Константин Боровой и автор этих строк. Не мало ли будет?

Журнал «Коммерсант-Власть» в лице своей корреспондентки обвинил Саакашвили в том, что он такой же, как Путин. Это ныне хороший имперский тон. Путин плох, но и Саакашвили не лучше. Путину в репутационном смысле на Западе нечего терять, у него вместо репутации нефть, газ, баллистические ракеты и 1/8 часть суши. Он может позволить себе ругань со стороны немногочисленных демократов. Зато Саакашвили будет дискредитирован перед Западом, благо даже Виктор Шендерович не гнушается повторением имперских басен насчет супостата Саакашвили. Его, мол, в Гаагу, с Путиным на одну скамью. Западло должно быть великому сатирику повторять путинско-медведевский бред. Они ведь тоже собираются судить Саакашвили, а Путин — еще и вешать его хотел. Виктор Шендерович собирается войти в состав этого ОСО? Стыдно. Тем, кто «не любит» Саакашвили, должно быть понятно, что у них внутри срабатывает имперское реле: Саакашвили повинен в том, что не дал себя свергнуть и захватить Грузию (другой вины за ним нет). Сепаратизм, статья 280. Кстати, в рядах грузинской армии от рук и снарядов российских оккупантов погибли сержант Никитин и капрал Смирнов. Артиллерия бьет по своим... Как в Джохар-Гала (Грозном), где от российских снарядов первыми погибли в пятиэтажках русские старики, хотя чеченцы и предлагали им эвакуироваться в горные села. А они остались ждать «своих». И дождались вакуумных бомб.

Хотите знать, что будет дальше? Когда мы опомнимся, мы будем ездить к грузинам учиться (а если не будем, то вымрем как мамонты). А они к тому времени станут шикарным островом Крым, прямо по Аксенову. Мы будем

гастарбайтерами и подсобными рабочими, мы будем мыть посуду в их ресторанах. Пока они не вступили в НАТО и в ЕС, они продают визы на границе — по 30 баксов всем желающим. Когда вступит, решать будут Вашингтон и Брюссель. Тогда пустят не всех. Они делают шикарную армию по американскому образцу, и в следующий раз при такой технике сожгут не 9 наших самолетов, а все, что залетят на их территорию. Абхазия скоро поймет, что поставила не на ту карту: российская карта бита. Тогда попросится обратно. А осетины уже почти все в Грузии, по Самачабло ездят бандиты и российские оккупанты.

Наша жалкая и драная армия будет переоснащаться под руководством грузинских инструкторов, потому что они возьмут меньше американцев. Уже сегодня, пока мы приглашаем ХАМАС, грузины приглашают 1000 учителей, носителей английского языка из Англии, Австралии, Новой Зеландии. Грузия будет давать нам кредиты и слать гуманитарную помощь. Если возьмемся за ум. А если не возьмемся, нас откопают через 1000 лет из вечной мерзлоты.

Откройте географическую карту России, дорогие россияне. И напишите на этой одной восьмой части суши, от Калининграда до Владика: «Здесь могли бы быть наши реформы».

ПЯТЫЙ СОН ДЕМОКРАТА

The New Times, №11, 29 марта

Всю ночь на 1 апреля я кляла Путина. И январь прошел, и февраль, и март, а он все здесь. Не видать мне оттепели, как своих ушей. Смотрю на путинский портрет в виде обратной стороны Луны, колю его булавкой от значка «Ходорковский, go home!» и шепчу: «Сгинь, пропади...» Заснула в слезах.

Просыпаюсь вся в белом на каком-то столе — и всюду трубочки. Боже! Да я в блоке интенсивной терапии! Тут входит сестра. Я спрашиваю: «Ну, как там Путин?» — «Какой Путин! — говорит сестричка. — Он уже пять месяцев как в отставку ушел». Батюшки-светы! Никого не слушаю, сбегая из больницы наслаждаться медведевской оттепелью. Навстречу идет знакомый демократ, хромает и голова перевязана. Бросаюсь ему на шею и спрашиваю: вернули ли

освобожденному Ходорковскому хоть часть средств ЮКОСа. «Какой ЮКОС! — говорит он. — Ходорковского судят уже по третьему делу все в том же суде и все в той же клетке». И идет он, оказывается, из травмпункта. Дубинкой голову повредили и ногу сапогами оттоптали, когда ОМОН митинг за отставку Медведева на Пушкине разгонял. «А кто же у нас теперь премьер-министр?» — спрашиваю. «Да Сечин», — с досадой говорит он. «А кто теперь мэр Москвы?» — «Да Лужков». Так. Теряю сознание и падаю прямо в оттепельную лужу.

Просыпаюсь на том же столе. Слышу, как врач кому-то говорит: «Это было еще до отставки Медведева». Бегу проверять. Звезды над Кремлем, Ленин в Мавзолее, Ходорковский в «Матросской Тишине»... Москва увешана сталинскими портретами. Оказывается, мэр Лужков решил не снимать от парада до парада, чтобы потом не развешивать заново... Спрашиваю у прохожего, кто теперь президент. Он не помнит фамилии. «Какой-то тип, — говорит, — из Питера. Вроде с Путиным в один детский сад ходил. А может, в ясли...» На думских выборах наибольшее число голосов набрала партия «Единые кролики России», второе место — у КПРФ, третье — у ЛДПР. Оппозицию не зарегистрировали. Новый президент сказал, что выборы — не место для оппозиции. Падаю и просыпаюсь через пять лет.

Оказывается, тот, кто из яслей, тоже ушел в отставку. Теперь вместо него избран тот, кто появился на свет в одном с Путиным роддоме. Нургалиев ушел в отставку, оставив первого зама. Первый зам ушел в отставку, оставив второго. Генералы стреляют в граждан в кинотеатрах, полковники — на стадионах, майоры — в супермаркетах, капитаны — в метро, старлеи — в автобусах.

Журнал The New Times открыл приемную для работы с населением. По понедельникам ходит жаловаться ОМОН, по вторникам — СОБР, по средам — президентский полк, по четвергам — Госдума, а по пятницам — президентская администрация. Все жалуются на маленькое жалованье, на начальство, на сверхурочные, на то, что у них вымогают взятки, и на то, что им противно выполнять свои обязанности.

Мэр Лужков скупил все военные памятники на постсоветском пространстве и уже приступил к приобретению Арлингтонского кладбища и Триумфальной арки, потому

что американцы и французы худо за ними смотрят. На это ушла половина государственного бюджета. Вторую половину потратили на приобретение авианосцев и подводных лодок у США. Только без электроники...

Я вышла на улицу. У булочной стояла длинная очередь народа за хлебом по карточкам. Я спросила, сделали ли они западный выбор. Народ ответил, что у великой державы свой особый путь. Я повернулась и заковыляла к кладбищу, чтобы заснуть навсегда.

Проснулась я 1 апреля над путинским портретом. Не пейте на ночь «фанты» и не ешьте бигмак, не травите себе душу.

ЖЕСТОКАЯ ПОСАДКА

Грани.ру, 11 апреля

Тринадцатого апреля, 65 лет назад, советская армия (в недобрый час, в несчастную минуту) вступила на территорию Австрии. Злополучной Австрии, которую ее не сын, а выродок Гитлер прихлопнул аншлюсом, а в конечном итоге следом за этим придурком пришли советские войска. Неужели это не повод для Медведева съесть шницель по-венски, а для Путина — отрезать себе кусочек торта «Захер»? Ведь Словакию поташили же на праздник ее оккупации своими войсками.

С Чехией только трудности намечаются. Прагу освобождал Власов, РОА. И кто там должен кнедлики есть? Вот так и ездит наш чекистский табор по восточноевропейским столицам, предлагая свои услуги: подковать европейских президентов, парламенты и прессу, очень искусно подковать, как некогда Левша подковал блоху, и погадать на нашей имперской колоде, суля свидание с трефовым королем в казенном российском доме, то есть в лагерном бараке по имени РФ, в частности на Красной площади 9 Мая. И бубновый король будет. (Путин — явно трефовый, а Медведев — бубновый.)

Это казино позабыли запретить. Самые подлые и глупые россияне ставят на трефы, и имя им легион. Слабые умом идеалисты, у которых нет ни сил стоять на собственных дрожавших ножках, ни мужества взглянуть горькой правде

в глаза, ставят на бубновую оттепель и орут: «Путина в отставку!» И обращаются к Медведеву с призывом: «Приди ко мне во тьме душистой ночи, я жду тебя, как ждут свиданья с ней...» А ведь ставок больше нет, чекистская игра «Путин — Медведев», «заморозки — оттепель», «злой следователь — добрый следователь» сделана, и это не наша игра.

Победа чекистов над гестаповцами — это поистине большой день для СССР и Восточной Европы. Отмечали бы, что ли, союзники — США, Великобритания, Франция — день победы над Гитлером отдельно, без нас и несчастных стран Балтии и Варшавского договора. У них — свадьба, у нас — похороны. Они победители, они имеют право.

А Австрии еще повезло. СССР и на нее облизывался, но ялтинский сговор ее не выставил на кон, она не попала в добычу, выделенную московскому тирану. Так карта легла. Греция и Австрия оказались по ту сторону роковой черты, Югославию пустили на волю волн, и ее спас от советского ярма Иосип Броз Тито. Вся остальная Восточная и Южная Европа, пол-Германии и страны Балтии — это всё Сталину позволили забрать с собой. «Отдам медведю, лешему, цыганам, нищему в суму, если не будешь кушать, спать, слушаться» — так говорят матери непослушному чаду. Но разве Восточная Европа и Балтия не слушались США, Англию и Францию? За что их отдали медведям?

Австрии свезло. Правда, ее не пустили в НАТО, взяли слово держать нейтралитет и чуть ли не социализм строить. А Евросоюз за победу на честных выборах одной австрийской партии (не очень стоящей, но ведь не КПСС, не КПРФ, не ЛДПР, не «Единая Россия») чуть Австрию не исключил. То есть приглядывают за бедняжкой, хоть они и не немцы, хоть и не просились под аншлюс. Но немецкоговорящие, похоже, все подозрительны — по лингвистическому принципу. В отличие от советскоговорящих, советскомыслящих и советскодействующих.

И ведь злополучные хозяева совсем не рады таким гостям, чекистам-освободителям. В смысле «пусть таких гостей на кладбище ищут». Однако на кладбище будут искать не гостей, а хозяев. Например, польскую элиту. Впрочем, даже у Путина не хватит наглости заявить, что советская армия освободила Варшаву. И потребовать себе бифштекс по-татарски, гуся со сливами и фляки господарские, а также

каныши со сметаной. Впрочем, наши сопрезиденты покушают всё это на похоронах польской делегации, жертв Катыни-2. И здесь уж точно на немцев не свалишь, Германии там рядом не стояло.

В Варшаве наверняка будет целый вагон чекистских представителей с крокодиловыми слезами на бесстыжих глазах. Не привыкать после похорон Михоэлса, Пастернака, Старовойтовой и Юшенкова. «А над гробом встали мародеры и несут почетный караул».

Гостей такого рода без газа и ядерных боеголовок, без нефти и 1/8 части суши вообще бы на порог не пустили. «Хороший гость — к нам, плохой гость — мимо». Ведь чего требовали поляки от СССР и России в связи с Катынью? Почему Коля Остенбакен никак не мог поладить с польской красавицей Ингой Зайонц? (Правда, Коле не пришла в голову идея Ингу просто прикончить.) Не требовали поляки денег — это ложь. И газа бесплатного не просили. А требовали они исторической справедливости.

Дано: пакт Молотов — Риббентроп, Катынь, советская оккупация, половину страны оттяпали, парады с Гитлером в Бресте проводили, дали подавить Варшавское восстание. Депортации, расстрелы. От Таллина до Бессарабии. Требуется доказать: за что вас благодарить-то? За то, что два тирана, Гитлер и Сталин, не поделили Европу? Это их личное дело. Участников бандитских разборок не благодарят.

От нас ждали покаяния. Примерно такого: «Простите нас, окаянных. Мы не лучше гитлеровцев. Мы вас обидели, мы вас растерзали. Мы не достойны числиться среди победителей фашизма, потому что наш режим был не лучше фашистского. Сталинизм равен фашизму, Гитлер равен Сталину, СССР равнозначен Третьему рейху. Скажите, куда нам идти на Нюрнбергский процесс. Мы просим у Восточной Европы, Балтии, Финляндии прощения на коленях». И встать на колени у всех европейских стен, потому что эти стены стали из-за нас Стенами Плача.

Но на Катынь-1 легла Катынь-2, а туман — алиби почище немцев. Доказательств нет и не будет. У меня есть вместо них абсолютная уверенность. Президент Лех Качиньский был бельмом в чекистском глазу, его полоскали советские телеканалы наряду с президентами Юшенко и Саакашвили. Он расплатился сразу за всё: за поддержку Грузии, за тот героический рейс в Тбилиси; за стипендии

и места в университетах, выделенные для белорусских студентов; за убежище для чеченских сайтов и чеченских беженцев; за попытки осудить Ярузельского; за антисоветизм и антикоммунизм; за западную ориентацию; за фильм «Катынь» и за вопросы насчет Катыни; за активную роль в НАТО.

Что полагается польским повстанцам? Три раздела Польши; подавление восстаний Костюшко 1799 года, восстаний 1830 и 1863 годов; война 1920 года; оккупация 1939 года, Катынь; Варшавский блок; военное положение в 1981 году и, наконец, Катынь-2 в 2010-м. Война не окончена, война между свободой и рабством не кончится никогда, а тот обрубок СССР, в котором мы живем, воюет против свободы.

Я не работаю в СВР, я не знала, что поляки собирались совершить этот безумный полет*. На самолете своих врагов, потрепанной «тушке», отремонтированной врагами уже после победы Качиньского на выборах, без прессы, без охраны военных самолетов, без контроля, на заброшенном военном аэродроме, полностью отдаться в руки темных чекистских сил... Теперь понятно, почему «Катынь» пустили по телевизору: этот тамиздат был кусочком сыра в мышеловке.

Я не верю в такие случайности. В Катынь-2 надо обвинять либо Москву, либо святое Провидение. Я христианка и не могу обвинить святое Провидение в работе на чекистов. Я вообще не обвиняю. Я рассуждаю по принципу Qui prodest. Но для обвинений нужны улики. Не факт, что через 15 лет какой-нибудь Берия захочет заложить своих коллег, которым сам отдавал приказания. Так был пролит свет на дело Михоэлса. Сталин скончался, началась драка триумвиров. Берии нужны были очки. Иначе мы до сих пор верили бы, что великий режиссер погиб в результате ДТП.

Почему польские патриоты не легли в Варшаве поперек взлетной полосы? Да если бы я знала про этот рейс, я бы бросилась в ноги польскому послу и заклинала его позвонить и предупредить. Вот до чего доводят игры в «перезагрузку». Лететь в тыл врага, в руки врага, на милость врага...

Я никого не обвиняю, откуда я знаю, кто стоит за этим стоп-кадром, кто главный в этой чекистской хунте? Куда пойдешь с таким обвинением, в какой суд? Считайте, что

* 10 апреля 2010 года делегация Польши погибла в авиакатастрофе под Смоленском.

я тот мещанин, который триста шагов шел рядом с Раскольниковым и говорил ему: «Убивец». Ведь Порфирий Петрович понимал, что ему не с чем Раскольникова в суд тащить, тем более что Николка на себя вину взял. Порфирий Петрович хотел, чтобы у Раскольникова нервы сдали. Он его доводил. А у этих нервы крепкие, их не доведешь.

И Эркюль Пуаро, и мисс Марпл из Агаты Кристи работали на том, что их аналитические выкладки подкреплялись фактами: убийца начинал делать глупости, убирал свидетелей, выдавал себя, а потом на публичном сеансе «разоблачения магии» у Эркюля Пуаро не выдерживал и бросался бежать. Эти не побегут... Даже если случится чудо и в России наступит лето навсегда, мы едва ли сможем судить чекистов даже за взрывы домов. Доказательств и письменных указаний нет, а с Достоевским в суд не пойдешь («Вы и убили-с.., вы-с, и некому больше-с»). За такие доказательства адвокаты и прокуроры засмеют.

Не верьте мне, дорогие европейцы, но в таком составе и в такие места к нам не летайте. А то пройдут десятилетия, минут еще 65 лет, и на место аварии польского самолета полетит новая порция польских политиков. И тоже грохнется... Не знаю только, успеет ли Анджей Вайда снять еще один фильм.

Концертн «Ледоруб-Интернэшнл» будет работать, пока есть Совок, пока есть КГБ. И если не лень было гоняться по Европе за 90-летним Красновым и травить полонием Литвиненко, и угощать конфетками с ядом, и колоть зонтиком, то кто мне докажет, что нельзя безнаказанно и с гарантией убрать антисоветчика, врага Лубянки и Кремля Леха Качиньского? Мы с ним не были знакомы, но он был моим соратником, товарищем по оружию, и я-то буду его оплакивать, в отличие от Адама Михника и других леваков Польши, защитников Ярузельского. Качиньский был польским Рейганом, наследником Костюшко, Савиньского, Домбровского и Пилсудского. «Польска», конечно, «не гниет». Польша всё помнит, и она на хорошем пути, но чекисты рады укусьить и отскочить. Собачье племя, начиная с оформления опричников.

Я даже не могу сказать, что моя ненависть сильно увеличится. Ей некуда расти. «Мою ненависть, широкую, как море, вместить не могут жизни берега». Правда, у шекспировской Джульетты была любовь, а не ненависть, но я же имею дело не с Ромео...

Больно, что никто не ответит. Впрочем, это тоже не ново. Сталин — и тот не ответил. И за него, невинного агнца, его внук тащит в суд «Новую газету». Ушли на тот свет палачи из НКВД и ВЧК, и те, кого не расстреляли коллеги по цеху, ушли безнаказанными. Черкесов при должности, Филипп Бобков был при НТВ, престарелая вохра получает персональную пенсию, Ленин красуется в Мавзолее, и действительны награды за Афган, Чечню и Грузию. А кто заплатил за загубленные жизни пассажиров южнокорейского лайнера? Кстати, в сюжете канала «Имеди» самолет с Лехом Качиньским взрывается, когда он летит на помощь Грузии. Считайте, что это было первое знамение.

Антисоветчик Качиньский ошибся только один раз — когда полетел в советском самолете на советскую территорию, доверившись советской власти.

А цивилизованный мир не станет обвинять. Всё покроют газ, нефть и туман.

ИНЖЕНЕР ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

The New Times, №18, 31 мая

Освальд Шпенглер сделал в истории человеческой цивилизации то, что Ламарк — в биологии, Дарвин — в эволюционной теории видов, Менделеев — в химии, Лобачевский — в математике, Ньютон — в физике, а Кеплер — в астрономии. В его развернутой во времени и пространстве гигантской таблице исторических и ментальных элементов нашло место всё: и эллины, и римляне, и русские, и персы, и Маркс, и Христос, и живопись, и музыка, и цвет, и архитектура, и войны, и религии. Его «Закат Европы» очень убедительно доказывает, что Запад — это вечер человечества, что день уже прожит с непосредственными, однозначными и не рефлексирующими эллинами. Это не просто философия, это приговор.

А жизнь Освальда Шпенглера была богата наукой и трудами, но бедна событиями. Родился он в 1880 году в Гарце, в скромной семье почтового чиновника. А дальше были гимназия, университеты в Галле, Берлине и Мюнхене, докторская степень, преподавание и «Закат Европы», написанный в 1918 году. Поэзия, проза, метафизика, холодная

горечь прозрения — всё было в этой саге о культурах и цивилизациях, в этой печальной вечерней сказке. Освальд Шпенглер не пошел с нацистами, которые даже изъяли одну из его книг из библиотек. Он уединился и умер в 1936 году. В его системе координат «тысячелетний рейх» не тянул ни на культуру, ни на цивилизацию. Открыто отказаться от сотрудничества с Гитлером в эпоху массового истерического поклонения ему — в этом была «фаустианская душа» Запада, душа, оппонировавшая самому Богу, душа рвущейся к небесам готики, душа парламента и дискуссий, душа, провозгласившая устами Гёте (в том же «Фаусте»): «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой».

Культуры возникают «с возвышенной бесцельностью, подобно цветам в поле», живут примерно 1000 лет и отцветают в урочный час. Вот кто ушел до нас: Египет — культура смерти и времени; Китай — культура потока жизни (Дао); Индия — антиисторическая культура Будды; Греция — аполлоническая культура; арабский мир — магическая культура; Россия — культура «бесконечной равнины»; Европа — «культура воли». Утро и день человечества подобны растению, жаждущему выполнить свое предназначение, дать плод, семя и умереть. Вечер человечества боится умереть, как боится смерти животное, готовое на всё и изобретающее религии из страха. (Не очень-то Шпенглер верил в Бога.) Бесстрашные растения ему были ближе трусливых животных, к коим и мы принадлежим.

Цивилизация — это агония культуры. Мерилом становятся деньги, исчезают первосвященники и дворянство, и «третье сословие», лишенное чести и идеи долга, повинующееся лишь корысти и чувственности, вступает на сцену. Рубеж — это когда поколение начинает думать, стоит ли рожать детей; это когда спорт становится не занятием, а зрелищем, и уже никого, как Пилата, не волнует: что есть истина?

Шпенглер не любил социализма и скептически относился к России, как к стране, действующей на основе общинности, а не личности. «Прости, народ православный!» — «И ты нас прости» на эшафоте — это, по Шпенглеру, идея коллективной ответственности за преступление.

Дорический храм и отсутствие рефлексии у эллинов; базилика, Альгамбра, золото фона у магических культур

Востока и Византии; и, наконец, свежий ветер, силовые линии, пространство, контрапункт и христианство у фаустианской культуры Запада.

Ночь близка, время исполнилось, срабатывает страшная теория Шпенглера. «Не жизни жаль с томительным дыханьем, что жизнь и смерть? А жаль того огня, что просиял над целым мирозданьем, и в ночь идет, и плачет, уходя» (А.Фет).

У ПОЛИТИКИ НЕ ДЕТСКОЕ ЛИЦО

The New Times, №20, 14 июня

Шестнадцатого июня бывшая пионерская «здравница» «Артек» справляет свое 85-летие. Ныне «Артек» — «перепелиный островок» — просто пансионат. Путевки покупают за деньги. Взрослые отдыхают с детьми, и на здоровье. А когда-то этот рахат-лукум тоже был с ядом, как все сладости и приманки советского периода. Сначала планировался детский лагерь-санаторий для детей, страдающих туберкулезом. В лагере хорошо кормили, давали фрукты, пирожные и мороженое. Для 1925 года это была роскошь, да и для 1935-го тоже. Детям измеряли температуру. Но холодный взрослый расчет быстро переключил оздоровление детского тела на заражение идеологическими бактериями детской души. К концу советской истории в 1985 году «Артек» украсился 19-метровым памятником Ленину с 42-метровыми пилонами-знаменами...

«Артек» запечатлен в талантливой и страшной «Военной тайне» Аркадия Гайдара. Море, виноград, солнце. Прелестный Алька, милая Натка, симпатичные детишки, концерты и представления. И школа ненависти. К буржуинам, к какой-то румынской власти, с которой до самой смерти боролась Марица Маргулис, вместо того чтобы воспитывать своего Альку; к польскому правительству, с которым собирался бороться брат польской коммунистки Владик. Задача воспитания, на взгляд симпатичной Натки, — чтобы от ребенка в будущем никому не было пощады, когда он возьмет в руки винтовку.

С начала тридцатых «Артек» становится кузницей молодых фанатиков. «На зов Коминтерна стальными рядами, под знамя победы, под красное знамя». Серые партийные волки воспитывали боееспособных волчат. «Мы поднимаем красное знамя, дети рабочих, смело за нами». А где было

место для детей крестьян и интеллигенции? В безымянных таежных могилах? В спецдетдомах для «детей врагов народа»?

Помните стихотворение Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки»? Очень сильное и жуткое. Умирает от скарлатины пионерка Валя. Мать приносит ей в больницу крестильный крестик. Но лучше умереть, чем помолиться. «Я всегда готова! — слышится окрест. На плетеный коврик упадет крест». Культ героической смерти. «Возникай содружество ворона с бойцом — укрепляйся, мужество, сталью и свинцом».

«Международность» «Артека» и вообще пионерии тоже была тематической. Испанские дети и германские пионеры — все эти встречи ложились в копилку коммунистической идеологии, как и торжественные линейки в честь гостей — Хо Ши Мина и Луиса Корвалана. «Товарищи в тюрьмах, в застенках холодных, вы с нами, вы с нами, хоть нет вас в колоннах».

В «Артек» брали только самых «передовых» деток. Я в этом списке не значилась, но две смены в лагере Гипромеза «Космос» оттрубила. Помню печеную картошку и костер (один раз за смену), и даже рыбалку (один раз за две смены), и бассейн (10 минут в день). Нет, это было не безобидно. Помню художественную самодеятельность и длинную антирелигиозную статью, которую разучила к радости вожатых. «Человек! Он всё сможет. И не нужны ему глупые сказки о боге». Первый приз! Два эскимо! Остриженная Наташа читала поэму о посте: «Две бабки говели четыре недели. Четыре недели лишь постное ели». И еще помню рассказ о девочке, которой родная мать-партизанка укладывала бомбу под яички в корзину и отправляла на кухню немецкого ресторана якобы менять на хлеб. А если бы бомбу нашли? Жертвоприношение? Маленького Женю Евтушенко едва не исключили из пионеров, когда он на сборе честно сказал, что не уверен в том, что мог бы выдержать пытки, как молодоговардейцы.

Наши детские лагеря были преддверием взрослых концлагерей. И у ворот стояли улыбчивые вожатые, трубя в горн и пряча в кармане предназначенный нам фаустпатрон.

И сегодня находятся идеологи, которые пытаются едва ли не с детского возраста ознакомить малышей с программой «Единой России», наплодить «медвежат» и изложить лозунги партии власти прямо на обложке школьной тетрадки. Оказалось, что Черное море впадает в Селигер.

СТО ДНЕЙ КИЕВСКОГО НАПОЛЕОНА

Грани.ру, 15 июня

Бонапартисты, конечно, на меня обидятся. Какие победы одержал Виктор Янукович и с какой Эльбы он выбрался, чтобы заслужить это имя? Какие такие великие дела он сотворил за свои сто дней? А я вам скажу, что на Англию, Австрию, Пруссию, Россию, на армии могущественной коалиции нужен был великий Наполеон Бонапарт, а на жалких совков, не знающих собственного украинского языка и отдавших голоса — Януковичу, душу — призрак покойного СССР, протягивающих руку за российскими подачками как за милостыней, на вечных прихлебателей и лизоблюдов, жаждущих видеть иностранный флот бывших колонизаторов в своих портах, хватило и Наполеона Януковича.

Ведь Украина пропала даже не как швед под Полтавой. Шведы и гетман Мазепа по крайней мере сражались с Петром I. Украина пропала как швед без Полтавы, как пропадали всегда рабы, даже не умеющие восстать с каким-нибудь Виктором Андреевичем Спартаксом (Ющенко). Украина пропала позорно, без боя, без Майдана. Пропала в первом туре, во втором — пропала тоже; пропала на выборах премьер-министра в Раде (выбрали самого просоветского); пропала на голосовании по укоренению Черноморского флота в Крыму; пропала на вопросе об отказе от присоединения к НАТО.

Хотя никто особо и не домогался лишить Украину ее советской невинности, НАТО — это выбор для сильных, умных и свободных. Для антисоветских. Грузия готова туда хоть завтра вступить. Сомкнутыми рядами. А Эстония, Латвия, Литва уже там. Туда же хорошими темпами продвигается и Молдова. По крайней мере она хочет жить без коммунистов, но с Приднестровьем. Доброе предзнаменование. Пора бы всем бывшим колониям СССР сложиться и составить реестрик своему добру, раскраденному злодеями (то есть советскими и постсоветскими войсками). Абхазия, Самачабло (Южная Осетия), Приднестровье... А финский Выборг плюс энное количество километров в квадрате? А японские острова? А те крошечки, которые отщипнули от крошечной Эстонии советские крысы?

Украина теряет больше всех. Она теряет честь, национальную идентичность, достоинство, государство, европейское будущее. За 100 дней украинская избушка развернулась к путинской России передом, а к Западу — задом. Поработить — поработят. А вот накормят ли? Достоевский с Великим Инквизитором ничего не обещали. Где реформы? С 1991 года прошло 19 лет. Булки растут не на деревьях, галушки — не в горшках, творог добывают не из вареников, а сала с путинских и януковичевских обещаний не много нарежешь. Совок — он и в Африке Совок, не то что в Украине. Русский язык в руках Кремля станет не орудием просвещения, а орудием пытки. Он не до Киева доведет, а до Москвы.

Теперь у Украины будут активно отбирать Крым. У украинцев, у русских, у греков, у евреев, у крымских татар. Кем они себя чувствовали все эти годы? Советским народом? Ведь от Черноморского флота севастопольцы и вообще крымчане могли бы избавиться и без решения Рады. Полная блокада кораблей: экономическая и моральная. Ни воды, ни еды, ни электричества. Пусть Россия всё возит танкерами. Сойдет экипаж на берег — бойкот. Ни купить что-либо, ни закусить, ни выпить, ни с девушкой потанцевать. Кто согласился бы служить на этих арестантских баржах? Россия убрала бы флот, сама убрала. Уплыли бы эти корыта как миленькие. А если Севастополь и Крым этого не делают, то получается, что они хотят, чтобы флот остался. Кстати, о чем думают крымские татары? Их полуостров будет сторожить чужой флот, и для повторной депортации того, что осталось от их народа, хватит имеющихся трюмов. Повторяется история, описанная Василием Аксеновым в его великом романе «Остров Крым». Союз Общей Погибели. Захотелось воссоединиться с чекистами, с Лубянкой, с ядерными боеголовками и с колючей проволокой. Что ж, свободу насильно никто не навязывает. Была бы шея, а хомут уже нашелся.

Украина продает Отечество за баллон газа. Чечевичная похлебка может принимать разные обличья, главное — отказ от самого себя, от первородства. Похоже, за Юлию Тимошенко голосовали в первом туре не только сторонники независимости, но и сторонники даровых харчей. (Не надо было обещать золотые горы и реки, полные горилки.)

Почему, панове избиратели, вы не голосовали за Виктора Ющенко, за человека, вернувшего вам историческую память: гордость за ОУН, УПА, за Степана Бандеру? Та страна, где Степан Бандера не считается героем, — не Украина. Или Роман Шухевич, или Сталин. Выбирайте между Украиной и Малороссией.

Сейчас есть только две возможности.

Вариант 1. Ющенко, Тимошенко, БЮТ, «Наша Украина» наконец договорятся, прихватят с собой Яценюка и далее по пунктам: Майдан. Импичмент Януковичу. Его арест и суд над ним за национальную измену (чтобы другие предатели притихли). Новые выборы. Денонсация договора о Черноморском флоте. Люстрация, запрет компартии за подрывную деятельность в пользу России. Правые реформы. Вступление в НАТО и в ЕС. Если Украина это потянет. Если не потянет сейчас, значит, не потянет никогда. 19 лет прошли даром.

Вариант 2. Тогда надо спасать то, что еще можно спасти: Западную Украину со столицей во Львове. Проводить поименный референдум об отделении, создавать цивилизованное западное государство. Работать как папа Карло. Когда придет процветание, вернуться и изголодавшийся Крым с Восточной Украиной. Наглядность — золотое правило дидактики. Западэнский жирный гусь окажется предпочтительнее тощего (и ошипанного к тому времени) российского орла.

КИТАЙ-ГОРОД ВУДУЩЕГО

Грани.ру, 14 июля

Эх, были времена в Шпессарте! Ну что там Сурков с Вексельбергом против Лаврентия Бери! Все равно что плотник супротив столяра. В 30-е годы, в 40-е можно было держать в шарашках без спа-салонов Туполева и Королева, а после наследники шарашек, бесчисленные Арзамасы-16 и «Гадюкино-33» приняли в свои объятия даже Андрея Дмитриевича Сахарова. Правда, если в шарашке солженицынского типа из «Круга первого» достаточно было предоставить ученым «не общую» работу в тепле, под крышей, по специальности, вволю хлеба, немного масла, мяса и сахара (а избранному специалисту Леве Р. еще и яичницу

и кофе), то Арзамасы были уже дороже. Квартира с удобствами, мебель, телевизор, еда в закрытом распределителе (колбаса, сосиски, хорошие конфеты, красная икра), машина, клуб.

Я видела брошенную всеми Дубну — музейное поселение, исключенное за ненадобностью из бюджета. Жаль, что вся эта ученая зона, от шарашек до спецгородов, клепала исключительно орудия убийства и работала на смерть человечества. Впрочем, так ведь и бывает в американских ужасниках. Сидят где-то под охраной на уединенном острове или за проволокой с КПП большелобые тихие химики (или физики, или биологи) и что-то разрабатывают для ВПК. И обязательно срыв, и обязательно ЧП. Или сверхвирус у биологов скашивает род людской, или появляется неуязвимый зеленый великан, которого атомная бомба не берет, или пауки, удавы, крабы, черепахи, муравьи или москиты вырастают величиной с целый дом. Не рой другому яму — сам в нее попадешь.

А мы только это и умели. Гагарин и Титов — это только побочные продукты, упавшие со стола гигантских баллистических ракет, этих смертоносных дур, способных пустить на дно целый континент. Неудивительно, что наше гестапо вовремя не разглядело пользы в генетике и кибернетике (а то наловили бы своих собственных Винеров и реальных Тимофеевых-Ресовских, чтобы им в Германию не уезжать искать себе лабораторию, и кропали бы те им великие открытия, которые сделал вместо нас Запад). Но КГБ и в голову не пришло пытаться сделать что-то в мирных целях, а о биологическом оружии и хакерстве в компьютерах Пентагона никто тогда и не помышлял.

Даже в ельцинскую эпоху большелобый тихий химик Вил Мирзаянов накрыл нашу «оборонку» на подпольной попытке разрабатывать новые виды запрещенного химического оружия (но отнюдь не детского питания или новых красителей и пластмасс). За что и сел в тюрьму «за разглашение гостайны» о нарушении Россией международных конвенций, и еле спасся, и сейчас работает в США вместе со своим учителем Львом Федоровым.

Вы понимаете, к чему я клоню? Я не верю, что страна, которая 90 лет подряд выпускает только продукцию группы «А», а не товары народного потребления (группа «Б»), которая не способна сделать пару ботинок, которые можно

носить; машину, в которую можно сесть; холодильник, равный финскому или немецкому, — что эта может сделать что-то для человека, а не для его ликвидации. Сталин оставил нас с сохой? А разве мини-тракторы для фермеров нашего производства? Попашите фермерский участок на «Беларуси»! Вспомните куплетик: «Ой вы, кони, могучие кони, ой вы, кони, стальные бока, мы за счастьем поедem в погоню, мы любого осилим врага». Что-то совсем не сельскохозяйственный уклон. И если мы не ходим в лаптях, то это потому, что носим иностранную обувь, а наша промышленность даже лапти не освоила.

Впрочем, всё одно к одному. Фермеров тоже почти нет, и густики и уточки у нас с ярлычками на немецком языке. Свинина польская или бразильская, прямо с карнавала. Бедный Анатолий Чубайс мечтает о магазине без касс, чтобы считывали приборы цену товаров и списывали со счета. Не верю! Придется ему всю жизнь платить в кассу. Положим, можно вернуть наших ученых, которые погнались за длинным бесчестным рублем и клепают ядерное оружие втихаря где-нибудь в Китае, в Северной Корее или в Иране. Если обещать больше бабла. Но ведь на этих-то «смертенейшей» иностранные фирмы не пригласят, да и одно дело — придумать, а другое — произвести. Умели бы мы делать свои «Мистрали» (слава Богу, что бодливой корове Бог рог не дает), не приставали бы к Саркози. А те грамотеи, что сейчас идут по этапу в армию, запросто могут свой «Курск» потопить, как в прошлый раз, а вот чужой вряд ли.

И мой скепсис вовсе не относится к креативной прыти россиян. (Застрелитесь, державники!) Я знаю, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать». Платонов у нас высылают на философских пароходах, как Бердяева. А Невтоны давно уже в Германии и США или даже в Израиле, в тамошних роскошных университетах. Не вернутся даже в спа-салон. Свобода, широкий мир, общение с коллегами, достойная страна, а не какая-то черная дыра без выборов, без прав человека, с припудренной «ящиком» диктатурой. Еще посадят, как Данилова или Решетина со товарищи, когда чекисты выручку за хай-теки между собой не поделают. И придется писать заявление, что ты шпион, чтобы хотя бы США тебя на что-нибудь выменяли.

Нашему специалистам стоит кулаком стукнуть по пульту, как в «Армагеддоне», и американский корабль взлетит как миленький. Но в силу полного отсутствия техники, научных школ, производства наш бедный Левша будет подковывать своих блох для ВДНХ и всемирных выставок, а зачем — и сам не знает. Понимает ли фирма Nokia, что в России опасно не то что делать, но даже продавать телефоны? Где сейчас Чичваркин? Какие к черту инновации среди акул чекизма и бандитизма на государственном уровне, в этом подводном царстве «басманных» спрутов и кракенов от Генпрокуратуры? Зачем им инновации? Чтобы легче глоталось, что ли?

Вот умный человек Каратаев (только не Платон, а Владимир), устами которого глаголет истина еще с толстовских времен, напоминает нам, что некогда Новосибирская физматшкола отбирала вундеркиндов и воспитывала элиту, так что деньги надо вкладывать в образование, а не в игрушки (если их еще в этом Сколкове сделают) для двух олигархов и двух сопрезидентов. И этот же мудрый человек напоминает еще одно забытое понятие: кон-ку-рен-ция. Без нее зачем инновации? Пигл и так схавает. А высшее сословие все купит за кордоном. Ну сделают Чубайсу 10—20 коленных чашечек, как в Израиле, ну и что? В массовое производство это все равно не выйдет. А умный Владимир Каратаев знает то, чего не знал его однофамилец Платон: для современных технологий нужно гражданское общество, а не феодализм плюс рабовладельческий строй, как за будущим сколковским забором с наружной стороны.

А почему Сколково так близко к Москве? Это же вопрос аудита. Если Кремниевая долина будет далеко, как Калифорния от Вашингтона, то украдут вообще всё, да еще и не те, кому позволено красть. А место в мировом порядке нам определили верное: дешевая научная сила за бесценок (дорогая уже давно в Калифорнии) для умных белых сагибов из цивилизованных стран. Китай шьет пуховики и клепают игрушки, а мы будем клепать среднего качества и ниже того хай-теки. Китай — сборочный цех, а мы — шарашка мира. Запада. Китайщина, словом. Приехали. Нельзя столько десятилетий безнаказанно валять дурака. А ярлычок наклеят другой, потому что с брендом Made in Russia никто не купит, как я ничего не куплю с этикеткой Made in China.

По-моему, даже стоворчивому Чубайсу изменила его лояльность, когда он сказал, что «город будущего» начальство не построит, потому что не может такое сделать начальство, а может только интеллектуальная элита. Прямо-таки вспоминается 1968 год, театр Моссовета и спектакль по Генриху Бёллиу «Глазами клоуна» с Бортниковым в главной роли и его зонг: «Начальство не любит сменяться, и в этом не видит греха. Поэтому будем смеяться: ха-ха, ха-ха, ха-ха».

Давайте выгоним всё начальство, включая Путина, Медведева и опричников-чекистов, которые не знают других технологий кроме расстрела и распила, и заменим их Чубайсом, пока это еще можно сделать конституционным путем. И будет у нас сплошная Кремниевая долина от Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей. Мы не уберегли Гайдара, но у нас еще осталась интеллектуальная элита: Анатолий Чубайс, Петр Авен, Андрей Нечаев, Олег Басилашвили, Борис Стругацкий, Алексей Герман, Борис Немцов, Марк Захаров, Юрий Любимов, Владимир Сорокин... Анатолий Борисович, не подскажите ли, как «указать начальству путь»? Иначе при таком количестве старперов по ту и эту сторону Кремлевской стены не видать нам стартапов.

БЕРЕГИ ПЛАТЬЕ СНОВУ

Грани.ру, 30 августа

Двадцать лет назад мы справили себе обновку: маленькое радио «Эхо Москвы» вещало, как рация, из подвала на улице 25 Октября, и его облупленную дверь еще надо было поискать, блуждая между Горздравом, «Славянским базаром» и Историко-архивным институтом. Нателла Болтянская вполне сходила за радистку Кэт, Алексей Венедиктов был типичным Юстасом в тылу Кремля. А кто был Алекс в этом раскладе? Шифровки Юстаса явно адресовывались Борису Ельцину. Время показало, что это был безальтернативный Центр, что нам больше некуда было посылать шифровки.

Двадцать лет назад у нас ничего, ничего кроме «Эха» не было. За выход на какую-нибудь площадь, в основном на Пушкинскую, давали 15 суток, а в печати шуровали цензоры от ЦК КПСС с красивыми номерами: А234, Б158, что легко можно было вычитать в выходных данных. «Московские новости» и «Огонек» получали нагоняи и «заушения» от будущего прораба перестройки Александр Николаевича

Яковлева, который, к чести своей, вырос из партийных порток и принял, как причастие, идею свободы. Интеллигенция ждала рассвета, махнув рукой на отстающего от надежд Горби, и торопила Ельцина, как шаманы солнце: «Взойди над нами, великое белое Светило!»

Вся многопартийная система состояла из одного маленького и удаленного «Демсоюза», КПСС высилась стеной, вернее, ржавой оградой из колючей проволоки, гарантирующей столбняк и заражение крови, а кремлевские прихлебатели из ЛДП СССР (потом — ЛДПР) «от имени и по поручению» в том самом 1990 году изо всех сил корчили из себя сверхконструктивных оппозиционеров, не забывая добавлять «ни корысти ради, а токмо волею пославшей мя жены», то есть партии. И ссылаться было не на что: советская конституция обещала свободы и права только в интересах построения социализма. Это, может быть, и устроило бы сегодняшнего Эдуарда Лимонова (вчерашний, издания 70—80-х, ведь удрал от этого социалистического корыта в буржуазную Францию и империалистическую Америку — что похвально, раз уж не хватило храбрости присоединиться к нам, диссидентам), но никак не устраивало нас, антисоветчиков.

Чистый голос «Эха» был без примеси фальши и вражеских голосов вроде Проханова, Леонтьева, Шевченко. Коммунисты выпрыгивали из экранов и торчали в радиозфире, в тарелках на любом столбе. Их никто уже слушать не хотел.

«Эхо» было подснежником перестройки. «Их собирают непоспевшими в нагорной рощице дубовой, на пальцы дую покрасневшие, на солнцепеке, где сильней еще снег пахнет молодой любовью».

За эти 20 лет, в конце которых Борис Немцов вспомнил о Сенатской площади, в декабре 1825 года ставшей площадкой для первого несанкционированного митинга в нашей истории, мы невольно вспомнили не только прозвучавшие выше романтические стихи Андрея Вознесенского о прекрасных надеждах начала, но и обращение Тютчева к декабристам, возвещающее ужасный и неизбежный конец: «О жертвы мысли безрассудной! Вы уповали, может быть, что станет вашей крови скудной, чтоб вечный полюс растопить! Едва, дымясь, она сверкнула на вековой громаде льдов, зима железная дохнула — и не осталось и следов».

Триколора у нас тогда не было, его втапывали в грязь и рвали в клочья омоновцы на митингах демократов,

а над Москвой и страной реяли серпастые и молоткастые. Выборов не было, мэров не было, губернаторов не было. Первые наши выборы прошли на Съезд нардепов. Был Моссовет, где сидели демократы, и Верховный Совет, где кто только не сидел. Например, агрессивно-послушное большинство. Мы жили в СССР и мечтали жить в России.

Прошло 20 лет. Над Кремлем и Белым домом развевается наш триколор, у него даже есть свой день: 22 августа — правда, не выходной. Но по-прежнему карают не тех, кто поджигает и топчет триколор, как это сделали подонки, захватившие мэрию и Белый дом в 1993 году (и амнистированные неизвестно почему), а тех верных, кто был с триколором в едином строю эти 20 лет. Карают деморосса и правозащитника Льва Пономарева, не очень молодого и не очень здорового, и ветерана «ДемРоссии» Мишу Шнейдера (помните: Боксер, Кригер, Шнейдер). Боря Немцов, каждый август выгуливающий большой триколор, тоже начинал в «ДемРоссии» и никогда не был членом КПСС. И вот их-то хватают, рвут и топчут триколор, сажают Шнейдера и Пономарева на трое суток за ненавистный чекистам флаг, не родной, а троюродный, оставленный для приличия, но вызывающий у этих волков из Кремля и Лубянки аллергию, как чужая, напыленная поверх волчьей шерсти овечья шкура. Приказывая топтать триколор, наша власть отводит душу. Если бы они посмели, они бы публично сжигали российскую Конституцию. Впрочем, от нее осталась одна обложка. Права и свободы, выборы, альтернативная воинская служба, суды присяжных, правосудие — всё это было написано пером Августа и вырублено топором, когда премьер-министром и преемником стал Путин.

Двадцать лет унесли в могилу и парламент, и сенат (Совет Федерации), и выборы. Мэры превращаются в чиновников, как в Москве и Питере, губернаторы стали сатрапами, президенты превратились в узурпаторов. Над страной стоит железный занавес «Единой России», многопартийная система приросла наймитами (та же ЛДПР, «Справедливая Россия», «Правое дело»). «Яблоко» закатилось в Кремль и Губчека. Через 20 лет мы не имеем, за что голосовать. Тот же ДС да незарегистрированные республиканцы, «Солидарность» и касьяновский РНДС* (тоже без регистрации).

* «Российский народно-демократический союз».

Есть статья 28 о свободе совести и право «не исповедовать никакой религии» и даже распространять не только религиозные, но и «иные» убеждения — и осужденные за оскорбление христианства Юрий Самодуров и Андрей Ерофеев.

Статья 30 о многопартийности есть — а многопартийность удушена. Только у чекистов всё хорошо — как были опричниками, так и остались, но партия теперь не над ними, а под ними. Единороссы танцуют от Лубянки, и от нее же танцуют все: Дума, суд, прокуратура, экономика, бизнес, образование.

Что до 31-й статьи и права собираться мирно, без оружия, то у нас огораживаются площади и проваливаются в паркинги, в тартарары, чтобы на них не собирался народ. Мы вернулись на 20 лет назад: есть право выйти на митинг только для защиты интересов путинского режима. Кстати, Лимонов и лимоновцы (без своей жуткой символики) имеют право хоть поселиться на Триумфальной площади. Пусть палатки там ставят, а к зиме можно спальники и примусы завести. Ходить или не ходить к Лимонову на Триумфальную площадь — это дело демократов, мы решим этот вопрос сами, без помощи власти. У нее здесь нет права голоса, нет права на дубинки и ОМОН. В этом праве ей навсегда отказано Конституцией. Но поскольку власть взбесилась и может всех перекусать, судя по ее поведению по 31-м числам, в «день гнева», в День флага, то, видимо, единственный выход — огородить очень высокими стенами Кремль, Лубянку, Петровку, 38. Что еще делать со взбесившимися опричниками? Пристрелить — это негуманно. Остаются изоляция, бойкот, отказ от общения и сотрудничества, кампания гражданского неповиновения, отказ служить в армии и платить налоги, «Не давать податей и рекрутов» без парламентаризма — это завет кадетов; *No taxation without representation* («Нет налогам без представительства» — формула Американской революции), отказ от участия в фальшивых выборах.

Что до «Эха» — это наша спасательная шлюпка. В 1991-м, в 1993-м. Но народ не сберег свое новое платье, подаренное ему Ельциным в Августе, бальное платье Золушки, платье Свободы. Берегите следующее — если оно у вас когда-нибудь будет. Без этого платья феи вы не сделаете ничего, снова рухнув на дно беззакония и рабства.

Сегодня для своего выживания «Эхо» работает в режиме «Нового мира» Твардовского. Унижения, поклоны, вызовы

на ковер к Путину — ради тонкой струйки свободы. Ради «Одного дня Ивана Денисовича» пару раз в месяц. Твардовский пил с горя... Венедиктов — мужественный человек, он не пьет. На нашей рации вещает RTVi — но до России эти деликатесы не доходят. Лакомится за граница. Нужда заставляет антифашистов с «Эха» предоставлять эфир тем, кто подписывал пакт Молотова — Риббентропа — с молотовской стороны. Единороссы, Леонтьев, Проханов, Шевченко... Ради Шендеровича, ради Немцова, ради Бутмана, Касьянова и Латыниной. Я тоже получаю эфир «на места запасных», бывает, что и два раза в месяц.

Был ли прав Твардовский, храня «Новый мир»? Прав ли Венедиктов, спасая такой ценой «Эхо»? Правы, конечно. Я бы не смогла, плюнула, сказала: «Пусть закрывают». А Венедиктов молодец, сносит всё, держится. Последнее окно в мир для безинтернетной России, плотик для 3 миллионов россиян в Море Лжи.

«Отшумели песни нашего полка, отзвенели звонкие копыта, пулею пробито днище котелка, маркитантка юная убита. Нас осталось мало — мы да наша боль, нас — немного и врагов — немного, живы мы покуда, фронтовая голь, а погибнем — райская дорога» (Булат Окуджава).

Врагов-то как раз достаточно, а народ в лучшем случае нейтрален, как Швейцария. Но Булат Шалвович был фронтовиком. Он знал, что такое воевать в окружении, когда пали все Брестские крепости. Не верьте Алексею Венедиктову, когда он говорит, что он информанник, что учить не дело радио. Он воюет за нас, по нашу сторону фронта, и «Эхо» — это наш окоп, наш дзот, наша последняя линия обороны. Белого флага над «Эхом» нет и, надеюсь, не будет до конца.

ИРАНГЕЙТ ПУТИНА

Грани.ру, 6 сентября

Российские каратели рубились в двух жестоких, грязных и несправедливых войнах за то, чтобы Чечня осталась субъектом Российской Федерации. В конце концов в одной могиле похоронили независимость Ичкерии и российскую Конституцию. И какова же награда за потерянное лицо, потерянные человеческие жизни, потерянное

будущее и потерянные громадные деньги? Субъектом чего является Чечня? По-моему, субъектом Ирана, если не считать, конечно, проспекта Путина и голосования за стражей исламской — нет, простите, чекистской — революции. Конечно, тщеславные индюки из «Единой России» мало походят на стервятников-фундаменталистов из иранского инквизиторского корпуса, но политическое самодовольство и служебное рвение, неприятие конкуренции и свободных выборов, обращенность в прошлое и ненависть к США их объединяют.

Чечня не просто потеряла лучших своих мужчин и юношей, стариков, женщин, 40 тысяч убитых и искалеченных детей (которые, кажется, волнуют только правозащитников российских и иностранных типа Андре Глюксмана и Ванессы Редгрейв); она потеряла надежду на тот западный путь развития, на ту теплую, умную, человечную и современную свободу, которую ей возвестил Джохар Дудаев, чеченский Ататюрк. Только вот жестокости Ататюрка не было у Джохара, и армянский (или русский, или любой другой) геноцид он бы считал вещью невозможной, потому что примером для себя почитал не Аллаха или Магомета, о которых имел самое смутное представление, потому что был абсолютным атеистом, сколько доброго шейха Мансура и героя чеченцев вольнодумца Байсангура, а из своих современников — историка-либерала Юрия Афанасьева.

Чеченцы всегда считались нерадивыми мусульманами, у фанатиков они не котировались. Знаменитый Шамиль (еще не Басаев, но такой же оголтелый фундаменталист) силой и казнями обращал чеченцев в ислам. Вообще-то он сильно смахивал на Рамзана Кадырова и на его почтенного отца. Это собирательный образ, ибо сражаться с империей Кадырову-младшему не пришлось — он быстро переквалифицировался в коллаборациониста и сатрапа. Такой же фанатик, такой же изменник делу своего народа. Жаль, что Шамилю из XIX века никто не заказывал голоса за белого царя: у него тоже 99,9% проголосовали бы «за». И отпусти его белый царь домой, под присмотр российских войск, он наверняка назвал бы его именем пару проспектов в Грозном.

В Чечне российская Конституция не действует в особо извращенной форме: там отменено светское государство и явочным порядком введен шариат. Господи, я помню другую, веселую, молодую, европейскую Чечню, где никто

кроме самых древних стариков не знал, как носить чалму, и древний танец «зикр» танцевали тоже старики — для туристов; помню Джохара в его вечном котелке и французском костюме; вернисажи его жены Аллы, очень талантливой художницы; девушек в мини-юбках с декольте, с модными прическами; поэтов, художников и депутатов Европы, прилетавших в Грозный порадоваться чеченской свободе; прекрасную ичкерийскую Конституцию и щедрый на дискуссии парламент; и ни одного террориста, ни одного ваххабита. Тогда Шамиль Басаев читал «Плейбой» и мечтал о компьютеризации Чечни. Мой друг Хамад Курбанов, московский англоязычный чеченец, умница, эрудит, бизнесмен (его русская жена Оля и сын живут где-то в России), погибший вместе с Джохаром от одной российской ракеты, всегда говорил мне: «Не дай Бог Чечне стать Ираном, тогда уж лучше нам не надо такой независимости».

Россия не просто растерзала Чечню — она ее растоптала и вбомбила не в каменный век, а в теократию. Когда я впервые услышала: «Чечня — субъект Аллаха», — я поняла, что фанатик Мовлади Удугов побеждает европейца Ахмеда Закаева; а Ваха Арсанов заставлял актрис играть Джульетту в платочках еще при бессильном справиться с ваххабитами Аслане Масхадове. Порка и публичные казни — это мы увидели еще до второй войны: Россия лишила Масхадова денег, все деньги были у исламистов. Чечню не отпустили в свободное плавание в Европу с европейским и харизматическим лидером Джохаром Дудаевым, который так мало требовал от России и так много ей обещал: общая армия, общие границы, общая экономика, общая валюта. Не обещал он только портретов, голосов и проспектов имени Ельцина. Впрочем, дай Ельцин независимость и помощи деньгами на первых порах, его именем чеченцы назвали бы улицу добровольно. Эти гордые, свободные и образованные чеченцы эмигрировали или были убиты. Последней оказалась Наташа Эстемирова. В Чечне не осталось волков, а только гиены, шакалы и овцы. Тиран Кадыров, его янычары и порабощенный народ.

Впрочем, памятник карателю Ермолову ставят в Пятигорске преждевременно: в Грозном взорвали поочередно 16 таких памятников, как бы и 17-й к ним не присоединился.

На улицах Чечни оскорбляют, избивают, обрызгивают краской, а теперь еще и похищают женщин без платков

и в коротких юбках. Иран пришел, но не вместе с независимостью, а вместо нее, с помощью христианнейшего президента Путина.

Кадыров не хочет зваться президентом? Да, конечно, какой он президент! Он сатрап у нашего всероссийского Ксеркса. У него и камеры пыток свои, и зинданы (всё как у первого Шамиля), и живых людей бросают львам из личного зверинца, как в Древнем Риме.

Вот в это плавание на Восток Чечню отпустили охотно. Как у нас принято говорить, «она утонула». Был и в Грузии тоже такой туземный царек с камерами пыток и со своим зверинцем. Звали его Аслан Абашидзе. Он прикармливал у себя под Батуми две российские дивизии и с помощью этих наемников делал что хотел. Он называл себя «львом Аджарии» и твердил, что его предки-князья владели Аджарией исстари. Вот он и устроил в Аджарии средневековые порядки. От этого деспота Грузию избавил президент-реформатор Михаил Саакашвили. Теперь «лев Аджарии» нашел себе приют на российских госдачах вместе с другими такими же коллаборационистами типа азербайджанского Аяза Муталибова или грузинского гэбэшника Гиоргадзе. У нас же имперская помойка для всех прогоревших агентов влияния.

А будущее Чечни предсказуемо: ведь Рамзан Кадыров считает, что неверных жен невредно побивать камнями, как это собираются сделать с той бедняжкой из Ирана, за которую вступаются правозащитники и первая леди Франции.

Из нас вышли не только очень плохие демократы, но и никудышные, неграмотные и безответственные колонизаторы. Ведь англичане, разжившись Индией, первым делом отменили варны и касты, сделали всех индусов юридически равными и запретили заживо сжигать жен на погребальных кострах мужей.

СВИНЦОВЫЕ МЭРЗОСТИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Грани.ру, 28 сентября

И все-таки Лужков отправлен в отставку. Это произошло, когда стало окончательно понятно, что на Руси феодальная раздробленность и что Москва — удельное княжество. Хорошо еще, что не пришлось двигать в сторону мэрии федеральные войска!

Титаническая борьба кентавров с лапифами закончилась и займет свое место в мифах и легендах древней России. А струны громкие Боянов уже всё о ней сказали. Только в нашей античной и ископаемой стране может разворачиваться сражение двух мафий, московской и федеральной, причем так, чтобы люди понимали: сражаются древние чудовища, и кто бы ни пал, легче не будет, потому что на Москву назначат новое Чудо-юдо, то ли буйвола, то ли быка, то ли тура. И не наше это дело: даже если мы вмешаемся на чьей-то стороне, принцессу под венец поведем явно не мы. Да и наша злополучная страна напоминает не принцессу, а скорее довольно-таки потрепанную старую ведьму, злобную и нечесаную. Так что решение омыть руки в Москве-реке и подождать на Воробьевых горах, пока чей-нибудь труп поплывет мимо, — мудрое и единодушное (без согласования, явочным порядком) решение всех демократов, нынешних или бэушных от Леонида Гозмана до прекрасного Бориса Немцова, брошюру* которого наконец прочитали кентавры. Бывает такое, когда сочувствуешь только тогда, когда твои денежки лежат в тотализаторе. И кентавры не люди, и лапифы тоже не очень.

Меня в этом забеге интересовало другое: вся тшета и хилость так называемой федеральной «вертикали» пресловутой «власти». Трогательно было наблюдать, как эта их дубинушка ухаёт только по головам демократов, а великий и ужасный мистер Путин гоняет по федеральным каналам компромат на назначенного им же сатрапа, не смея списать его с корабля без подобной артподготовки, склоняя злополучного временщика к решению самому уйти по-хорошему. Хотя эта самая вертикаль и была заведена чекистами для того, чтобы не возиться с демократическими процедурами и принимать самовластные решения. Однако вертикаль срабатывает только против Добра, на общественное Зло она абсолютно не действует.

Вертикали хватило на то, чтобы бросить в тюрьму невинных юкосовцев — Ходорковского, Пичугина, Лебедева; чтобы издеваться над больным Василием Александриным и беременной Светланой Бахминой; ее хватило, чтобы замучить несчастного Магнитского; двинуть танки против Грузии; прикончить заложников в «Норд-Осте» и детей в Беслане; чтобы бросить на произвол судьбы моряков «Курска»

* «Лужков. Итоги».

и слопать независимый бизнес. На коррупционеров, садистов из МВД и сатрапов столичных и провинциальных ее не хватает.

Чекисты вопили, что демократические выборы ведут к власти жуликов и мафиози. Судя по их собственным разоблачениям, которые народ узрел в последние недели, они назначают в сатрапы такой же контингент. И даже не могут их уволить, когда этого захотят. С вертикалью всё получилось как у Зиновьева в «Зияющих высотах»: «Мероприятие стало полностью самонеуправляемым и, как всякое правильно организованное и логически завершенное мероприятие, окончилось ничем».

И так у российской автократии было всегда: демократия мешала ей так же, как плохому танцору мешают ноги, и поэтому наша автократия танцевала только от эшафота, как от печки. «Вертикальный» Иоанн Грозный остановил экономическое развитие страны, проиграл войну польскому королю Стефану Баторию, без боя отдал Москву на сожжение и разграбление Крымской Орде, хану Девлет-Гирею, а заодно сам уничтожил свою династию, обрекая Русь на смутное время. Петр I, как известно, автократор, сумел казнить собственного сына за инакомыслие, но не справился с коррупцией и даже «птенцов гнезда Петрова», включая светлейшего князя Меншикова, не сумел отучить от воровства, как ни лупил по мордасам. Екатерина Великая легко упрятала в крепость безобидных интеллигентов Новикова и Радищева, а вот управиться с Пугачевым оказалось сложнее. Правда, надо отдать должное матушке-императрице: она не уговаривала Пугачева уйти в отставку, а послала против него войска и казнила на Болотной площади, куда теперь посылают митинговать демократов (случайное ли совпадение?). Путин на ее месте, видимо, запустил бы на телеэкран «Капитанскую дочку» и «Русский бунт». А Николай I, эту самую вертикаль оформивший и упрочивший, втравил Россию в Крымскую войну и проиграл ее; к тому же полез на Кавказ, чего мы до сих пор расхлебать не можем.

Николай II, назвавший себя «хозяином Земли Русской», ухитрился проиграть Русско-японскую войну, влезть в гибельную мировую бойню, не смог управиться с мужичком Распутиным, а при первой же угрозе со стороны народных масс отрекся.

Ужасный Сталин, истребитель народа, извел генетику и кибернетику, лишив нашу науку перспектив в этих сферах навсегда. Воевал как последняя бездарь, платя жизнью миллионов за свою недееспособность.

Итоги правления Путина и Лужкова ищите в соответствующих докладах Бориса Немцова. Ну и вертикаль оказалась у Путина! Представьте себе борьбу с мафией в Чикаго в 30-е годы XX века. Неужели какого-нибудь дона стали бы уговаривать уйти в отставку и показали бы на него компромат, срочно снятый Голливудом?

Но нет худа без добра. Посмотрев, как с Олимпа спускают Лужкова, стараясь при этом с ним не поссориться, народ, может быть, наконец поймет, что там наверху не одни ангелы и народники и что Путин не громовержец Зевс, а просто Гудвин из «Волшебника Изумрудного города». Чтобы увидеть всё ничтожество Кремля, достаточно снять в нашем случае не зеленые, а розовые очки. Может быть, после того как народу пересказали брошюру Бориса Немцова «Лужков. Итоги» на ТВ, он начнет читать следующую серию: «Путин. Итоги»? Больше докладов хороших — и одинаковых, различающихся только именами главных героев!

КТО СКАЗАЛ «МЯУ»?

The New Times, №40, 29 ноября

Юбилей этот прошел, скорее всего, незамеченным. 28 ноября, в день рождения Фридриха Энгельса (190 лет как-никак), разве что собрались по всем континентам коммунисты, социалисты и неомарксисты, выпили за здоровье своего патриарха и в очередной раз прокляли буржуев, эксплуататоров, глобалистов и американский империализм.

Как же попал в такую компанию веселый журналист, славный малый, блестящий фронт, сын буржуа и сам буржуй, имевший капитал и на вопрос анкеты «Ваше представление о счастье» ответивший — вино «Шато Марго» 1848 года розлива? Не слишком ли сурово судьба обошлась с этим шутником и фельетонистом, лихо громившим в статьях клерикалов, тиранов и мифического для нас Дюринга? Ведь был марксизм-ленинизм, но не было «энгельсизма», однако красивый энгельсовский профиль попал на ужасный

барельеф, где, кроме его приятеля Маркса, красуется злобный ленинский лик. Почти «тройка»! А обыватели города Черноморска, сиречь Одессы (у Ильфа и Петрова), по любому неприятному поводу восклицали: «Ну и натворили делов эти Маркс и Энгельс!» Однако суд истории, как всегда, справедлив.

Зря Энгельс-отец забрал сына из гимназии. Зря он отправил его в Англию изучать коммерцию, а не в университет на истфак. Во-первых, в Англии молодой Энгельс столкнулся с чартистами (хорошо еще, что не с луддитами!), а во-вторых, знай он историю, низкая оплата труда в тогдашней промышленности могла бы не привести его к таким опасным проектам, как «Союз коммунистов» (1847), «Манифест коммунистической партии» (1848) и I Интернационал (1864). Любая, самая благородная утопия (что Энгельсу надо было знать) еще на бумаге превращалась в казарму, а то и в концлагерь. У Томаса Мора один комплект одежды выдавался по норме на несколько лет, у Кампанеллы граждане обязаны были побивать камнями преступников и брать супругов по выбору старейшин, у Платона из государства изгонялись поэты и существовал железный занавес (за границу выпускали только после 50 лет, чтобы «туристы» не опозорили страну своим легкомысленным поведением).

Маркс и Энгельс, ученый и публицист, были нонконформистами, презирали обывателей и филистеров, много спорили, много шутили, разыгрывали своим манифестом общественность, жили то в Англии, то в Бельгии, то в Швейцарии, то в Германии и ни одного дня не провели под арестом. Энгельс еще и не нуждался, даже подбрасывал деньги Марксу. При жизни им ни за что не пришлось отвечать. Но все утописты исторически несут ответственность за своих утопленников. Мы родились в подводном царстве — СССР, и у нас к утопистам свои счета. Энгельс (вместе с Марксом) первым сказал эти «мяу»: «социалистическая революция», «коммунизм», «диктатура пролетариата». Энгельс вообще был хорошим популяризатором, он выдумывал термины, пускал в широкий мир разработки своего друга Маркса, которые без его помощи могли бы до некомпетентной публики и не дойти. Платить за всё это не приходилось. Англия была на высоте уже тогда, с Темзы выдачи не было, и прусское правительство Маркса

с Энгельсом так и не получило. А тонкие струйки крови уже текли: Эльберфельдское восстание в Бадене, Парижская коммуна... И во всем этом поучаствовали два веселых интеллектуала — Маркс и Энгельс, а гибель парижских коммунаров — это уж точно на их совести.

Фридрих Энгельс умер в своей мягкой постели, дожив до старости, в 1895 году, а через 22 года в далекой России кровь полилась уже рекой. Пьер Беранже был не прав: наваять человечеству «сон золотой» — это не «честь безумцу», это — криминал. Социальные наркотики опаснее химических, и история справедливо карает за их изготовление и распространение.

«АРХИП-ТУР»

Грани.ру, 30 ноября

А еще злые языки говорят, что в России нет условий для туризма! И отели не те, и указатели не на латинице, и маршруты убогие. Но это, так сказать, «Записки постороннего». А мы, местные, тутейшие, как говорят белорусы, знаем, как можно совершенно бесплатно «эх, прокатиться». Надо заняться на родной земле бизнесом. Хотя интуризм тоже не исключен: достаточно взять российское гражданство, как билет в один конец, как камень на шею, как ВИЧ-инфекцию, а потом сделать инвестиции и бизнес в России завести. И ждите. Туристический маршрут распахнется перед вами воротами Бутырок или «Матросской Тишины». Впрочем, в «Матросскую Тишину» все туристы «бизнес-класса» уже не умещаются.

Мы в наши диссидентские времена называли солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ» для краткости «Архипом». Вон у Михаила Ходорковского и Платона Лебедева 15 декабря будет уточнение маршрута и даже длительности их «Архип-тура». Быть в России бизнесменом — это значит заказать путевку в лубянской турфирме «Ленинград — Воркута». А еще у Салтыкова-Щедрина есть сказочка «Как один мужик двух генералов прокормил». Напоминаю: на необитаемом острове два генерала чуть с голоду не померли, пока наконец не нашли глупого мужика, который их кормил и поил несколько месяцев, а потом еще и домой на баркасе отвез. И я думаю: у нас на бизнесменов заведено около

миллиона дел, почти что по делу на каждого. Сколько же миллионов чекистов, их холуев и шестерок, их пажей и оруженосцев из Думы и СМИ призван прокормить этот миллион несчастных бизнесменов? Миллион плюс семьи — это очень много. Это почти что тот поток, который в начале 30-х годов XX века пролился в канализацию ГУЛАГа из раскулаченных и разграбленных крестьянских хозяйств.

По терминологии тех же 30-х, Михаил Ходорковский и Евгений Чичваркин — это, конечно, типичные кулаки-мироеды. А вот Алексей Козлов — муж журналистки Ольги Романовой, главный герой и соавтор романа «БуТырка», — видимо, середняк. И нашелся член Совета Федерации, которому приглянулся его бизнес. Совет Федерации — это, по Солженицыну, «придурня». Им положено больше, чем рядовым эзкам на нашей исторической тюремной родине. И члену Совета Федерации, генералу от нового комбеда бездельников оказался положен бизнес Алексея Козлова и его жены, а самому Леше Козлову от щедрот имеющего свою долю в этом воровском общаке государства выдали 8 лет. Такая «большая пайка». Все знают нормативы, и в суде, и на следствии. Если же дело связано с ЮКОСом — значит, начиная с 11 лет. И вплоть до пичугинского пожизненного срока. Интересно, скоро ли они начнут сажать либералов-подкулачников?

Я ведь помню, с чего мы начинали в 1992 году. На логотипе моей первой газеты «Хозяин» (приложение к «Труду»), куда я пришла из самиздата, были изображены кулак с окладистой бородой и брокер с кейсом. Эстафета поколений, опора на положительные явления, устраненные ГПУ. Тогда кооператоры, фермеры, брокеры и вообще «буржуи» были надеждой и звучали гордо. Теперь же они дичь в загоне, и егеря из судов, следственных комитетов и тюрем помогают знатным чекистским и околочекистским охотникам застрелить самую вкусную и упитанную особь. Как это бизнесмены еще не поняли? Они же скот в пещере у циклопа Полифема (Лубянки), и их пасут только для того, чтобы сначала остричь, а потом зарезать.

На все эти невеселые рассуждения меня подвигла третья часть нашей постсталинской тюремно-политкаторжной трилогии. Часть первая: «Мои показания» Анатолия Марченко. Политические лагеря в Потьме и Владимирская тюрьма в середине 60-х годов. Голод, холод, безнадежность.

Часть вторая: «И возвращается ветер» Владимира Буковского. Та же Владимирка через десять лет. Тот же голод и тот же холод. И третья часть, самая свежая. Ольга Романова (и Алексей Козлов), «БуТырка». Подвиг, если хотите знать. Ведь Марченко писал уже на свободе, а Буковский — и во все за рубежом. А Алексей Козлов сидит, и Ольга Романова таскается к нему в зоны (сначала Тамбов, теперь Пермская область) с пудовыми сумками.

2010 год. Старые «добрые» Бутырки. Полный беспредел, когда упитанного, румяного бизнесмена превращают в освенцимский скелет. И это всё в наши дни. Сегодня следователь требует у жены арестанта полтора миллиона долларов, получает — и не освобождает хотя бы до суда. Сегодня невинный, честный человек, у которого хотят забрать бизнес, теряет в Бутырках 40 килограммов за время следствия. Сегодня честных интеллигентных бизнесменов бросают зимой в камеру без стекол, могут не дать ни одного свидания, устроить следствие «без права переписки», то есть родные полгода не будут знать, где вы. Деньги берут за всё: за право передать законные лекарства и продукты, за свидание, за этап, в котором можно не потерять остаток здоровья, за камеру получше, за сносную зону.

Ольга Романова переплюнула всех декабристок. С ней же не воспитанный царь разговаривал, а хамы из тюремной администрации. Оказывается, ад совсем рядом. На английском радио в 40-е годы XX века была передача «Говорит ад Европы — Освенцим». Впору просить Алексея Венедиктова устроить на «Эхе» программу «Говорит ад Москвы — Бутырка». Ну а тем, кто «обналичил» эти страсти, как минимум полагается статус политзаключенного. Впишем на место Игоря Сутягина Алексея Козлова, сучкоруба с двумя университетскими дипломами из околпермских лагерей. Анатолий Марченко тоже так начинал. По молодости лет пытался перейти границу, получил шесть лет, угодил в политлагерь, там прочел всего Ленина и познакомился с Юлием Даниэлем, вышел, написал «Мои показания» и дальше уже сидел как антисоветчик, как диссидент.

Оказывается, бизнесмены идут на зону целыми ротами только за то, что умеют зарабатывать деньги и создавать рабочие места. Пусть Amnesty International раскошелится на статус узника совести для раскулаченных капитанов нашей покойной рыночной экономики.

10 ЛЕТ. ИТОГИ

Грани.ру, 1 декабря

1) Назовите 5 ключевых слов/выражений последнего десятилетия.

В.Н.: Бабло, откат, замочить, отоварить дубиной по башке, суверенная демократия.

2) Как бы вы назвали книгу (фильм) о прошедшем десятилетии?

В.Н.: «Россия № 6».

3) Кого можно считать героями и антигероями десятилетия?

В.Н.: Герои — Сергей Юшенков, Анна Политковская, Михаил Ходорковский, Платон Лебедев, Светлана Бахмина, Сергей Магнитский.

Антигерои — Путин, Медведев, Сурков, Грызлов, Жириновский, Зюганов, Гозман, Белых.

4) Какие события в жизни страны за эти 10 лет были самыми важными лично для вас?

В.Н.: Вторая чеченская война, создание «Либеральной России», убийство Сергея Юшенкова, смерть Егора Гайдара, сдача СПС Кремлю Гозманом, Белых, Чубайсом и компанией, нападение России на Грузию.

ГАЛАКТИКА БЕЗ ПУТИНА

Грани.ру, 14 декабря

Боря Немцов — самый креативный оппозиционер России. Даже на Эльбрусе он не забыл о гражданском долге и вывесил там оранжевый флаг «Солидарности» с актуальным слоганом «Россия без Путина». Демон и царица Тамара получили необходимую информацию, и теперь при первом же свидании с ВВП Тамара, по сценарию Лермонтова, выкинет дорогого гостя в Терек, а Демон поднимется из бездны и скажет, указуя на Путина перстом: «Он мой!» И здесь Творец возражать не будет, и ангелы точно не скажут: «Он не создан был для мира, и мир создан был не для него!» Так что Путин, в отличие от Тамары, которая не царица, а княжна, попадет куда следует. Будут они там к Штази ходить, наши гэбульники, с одной сковородки на другую. А Боря Немцов наметил новое восхождение:

на Килиманджаро. Надеюсь, там он оставит флаг с таким текстом: «Африка без Путина». А при очередном турнире по виндсерфингу поднимет парус с таким оформлением: «Атлантика без Путина». И так, постепенно, взяв пример с Бориса Немцова, демократы на пыльных тропинках нашей планеты всюду оставят свои следы: «Азия без Путина», «Австралия без Путина», «Арктика без Путина», «Кавказ без Путина», «Антарктика без Путина», «Европа без Путина», «Атлантида без Путина», «Шамбала без Путина». Я вот в Израиль в феврале намылилась, так в Иерусалиме куда-нибудь приклею табличку: «Святая Земля без Путина».

С помощью этого хай-тека можно изжить Путина как класс, и негде ему будет ногу поставить, придется дальнейшие вертикали строить на Марсе. Благо там меньше сила тяжести. Если, конечно, марсиане окажутся такими же лохами, как россияне. Но пока, обеспечив Лужкова вполне заслуженными итогами, Борис Немцов занялся экранизацией своего следующего бестселлера «Путин. 2000—2010. Итоги». Кстати, удручающий финал этих самых итогов делит с Путиным и Медведев. Вставил и его Немцов в свою книжку, попал Медведев в большую литературу без всяких шансов на получение Букера.

Дело в том, что в Вашингтоне наш народный трибун Немцов скооперировался с наследником Рейгана, честным антисоветчиком и антикоммунистом, сражавшимся во Вьетнаме, одним из лидеров республиканцев сенатором Джоном Маккейном, который едва не стал президентом США, если бы Обама не был моложе, энергичнее, спортивнее, интереснее и если бы он, Обама, не был афроамериканцем, что дало Америке возможность навеки смыть с себя клеймо апартеида. Доблестный Маккейн, в отличие от равнодушного к нашим диссидентским проблемам Барака Обамы, готов помочь и Немцову, и нам. То есть поменять по бартеру поправку Джексона — Вэника (вот были люди в то время!) на новый «Акт о защите демократии в России». Есть «Акт о защите свободы», но по нему в США можно не пустить разве что Зюганова, Анпилова, Лимонова, Удальцова, Ким Чен Ира, китайских «товарищей» и Фиделя с Раулем Кастро. И дискриминировать, то есть справедливо наказать только коммунистические режимы. Наше чекистское бандформирование (то есть властная элита Российской Федерации), увы, под этот Акт не подпадает.

Но план Немцова гениален и прост: не пускать наших свинок за западный стол, пусть чавкают пойло из лохани вместе со своими любимцами Уго Чавесом, Лукашенко, Ахмадинежадом и тому подобной публикой. Составляется списочек, который возглавляют Путин и Сурков; пусть, в отличие от «списка Кардина», это будет «список Немцова». Может быть, свинки, не допущенные к европейскому столу, будут меньше свинствовать у себя на Родине? Выпустят Ходорковского и Лебедева, освободят других политзаключенных, выведут войска из Приднестровья, Абхазии и Самачабло (Южной Осетии), согласятся повернуться спиной к Ирану, Кубе и Китаю, перестанут приставать к Украине и странам Балтии? Но замечательный проект Немцова — Маккейна нуждается в улучшении и дополнении. В поправках.

В списочек надо включить Робина или как его там. Младшего брата. Если он ни за что не отвечает, пусть уходит в отставку. И тогда катается по всему белу свету. А если он «крыша» Путина, то за «крышевание» полагается отвечать. Пусть этих Дунек из властной элиты (№ 1, № 2, № 3 и далее — до 500) в Европу не пускают. Если США примут немцовский Акт, то, может быть, и Евросоюз возьмет с Америки пример. Впрочем, есть оптимальный вариант: и поправку Джексона — Вэника не отменять, и «Акт о защите демократии в России» принять. Подумайте, ведь Джексон и Вэник были молодцы, они хотели наказать СССР за его грехи, и отказ отпустить евреев был лишь одним из их преступлений. Они же никого не выпускали — ни русских, ни татар, ни башкир. СССР было за что карать. Афганистан... Чехословакия... Империя Зла... Колонии... Оккупация Восточной Европы... Карательная психиатрия... Политэки... Ссылка Сахарова... Южнокорейский лайнер... Интернета не хватит перечислять.

А нынешняя Россия, Россия бандитов в погонах с Лубянского проезда, разве невинна? Отменять поправку — это знак поощрения. Пусть ныне и евреи, и все остальные граждане РФ вольны покинуть страну — но это сделал Ельцин, и Путина с Медведевым здесь поощрять не за что. А в списочек включить всех губернаторов (включая Никиту Белых, чтоб неповадно было предавать товарищей по либерализму и сдавать властям СПС). Они опора режима.

Генералов, прокуроров и судей, судивших ЮКОС и демонстрантов, членов «Единой России», ЛДПР, КПРФ, депутатов Госдумы и Совета Федерации, крупных чинов из МВД. Да и народ, который безмолвствует, голосует за Путина, Медведева и «Едро», я бы наказала колонией-поселением (то есть пребыванием в России). За трусость, подлость и рабство надо отвечать.

Недаром Андрей Дмитриевич Сахаров призывал США и Канаду не продавать СССР пшеницу, чтобы уморить тоталитарный режим «костлявой рукой голода». (Это один умный лорд еще в начале большевистской эры сказал, да никто его не послушал.) Нечего совкам в Испании делать, пусть в Сочи купаются. Визу на въезд отменять? Да не давать ее никому без справки от демократической оппозиции, что данный соискатель участвовал в митингах, поставил подпись под заявлением «Путина в отставку!» и жертвовал деньги на «Партию народной свободы», на проекты Хельсинкской группы или на «Солидарность». Пусть квитанции в консульство несут. Это вам моя зимняя сказка.

2011

ТАМ РУСЬЮ НЕ ПАХНЕТ

Грани.ру, 25 января

Что-то у нас не Русью, а тухлятиной потянуло из-под развалин Империи. В очередной раз возник «национальный вопрос». К чему бы это? Похоже, что к фашизму, российскому кустарному фашизму для бедных, фашизму без «расы господ», на базе расы «голодных и рабов», фашизму без «белокурых бестий», без «Туле» и «Аненербе», без автобанов и «фольксвагенов», а с тем, что нам нечистая сила послала: с дураками, непролазными дорогами, «жигулями» и нашим жалким убожеством. Чего нам не хватает до этого уцененного фашизма? Фюрер есть, и вполне бесноватый (и даже раздвоенный), судя по приговору Ходорковскому и по 15 суткам Боре Немцову за участие в санкционированном митинге. Путинюгенд в виде «нашистов» присутствует. Идея всенародного единства (фасции, господ, фасции) гуляет по буфетам легкой медвежьей стопой. Расширение жизненного пространства за счет абхазско-осетинского «коридора» (наши суррогаты Эльзаса и Лотарингии) произошло. Тайная и явная ненависть к янки и Израилю в наличии. Прямо «Ирангейт» какой-то. «Большой Сатана» и «Малый Сатана». Иран поддержать, Палестину к сердцу прижать, Штаты к черту послать, Венесуэлу обнять, Китаю всю душу отдать (вместе с газом), Лукашенко, «нашего сукиного сына», прокормить и взять за образец. «Социально близкий» бандит. Дон дону глаз не выклюет.

На Манежку вышли не волчата (волки — свободный народ), а щенки, и не очень породистые. Двортерьеры. Их вырастил Путин на той же псарне, что и «Наших», «Местных», селигерских маленьких купальщиков и прочий сброд. Из элементарной драки, в которой погиб бедный Егор Свиридов, состряпали национальный вопрос. Из переработки баранов на шашлыки в Курбан-байрам тоже сделали нацпроблему. Очень сочувствую близким погибшего

фаната, но не все же коту масленица (убивать таджикских девочек и беззащитных узбеков), приходит и великий пост (попались ребята с Кавказа, а там не принято просто так идти на бойню).

Национальный вопрос задала себе сама Россия, когда полезла в начале XIX века на Кавказ, когда завоевывала Среднюю Азию, когда стирала в порошок Чечню, когда то убивала чеченцев в дороге при депортации, то прямо на месте всего несколько лет назад. Теперь будете искать ответы лет 500—600. Но это не национальный вопрос, это имперский вопрос. Отпустите Кавказ — и тогда не придется выяснять, в какой стране мы живем. А пока Москва столица и для Кавказа, поскольку он часть бывшей (до отмены выборности губернаторов) Российской Федерации. И потеснитесь, братья-славяне, вы здесь не одни. (Меня считайте викингом, как западника.)

Вот господин Медведев предложил Израилю создавать независимое Палестинское государство со столицей в Восточном Иерусалиме. Может, сами сначала попробуем? Создадим независимое кавказское государство со столицей в Восточной Москве. Уже пошли разговоры на тему о переделке Конституции под шкафчик типа «гей, славяне». Как бы «русский народ» выделить из многонационального российского и поставить на VIP-место, а то 20% «инородцев» его забьют. Если 80% титульной нации нуждаются в таких «приоритетах», то не стоящий это народ, и пусть себе вымирает. Но только русские ни при чем. И Путин, и его хунта, и фанаты на Манежке — это не русские, Русью там и не пахнет. Это совки, склочные совки из коммуналки под названием СССР.

В Киевской Руси, в Новгороде и Пскове до XVI века никакого национального вопроса не было. Были евреи, торки, половцы, «черные клобуки», чудь, меря, весь. Русь была землей политического убежища. А вот национального вопроса не было. Русскими добродетелями считались великодушие, благородство, незлобивость, трудолюбие, толерантность, человеческое достоинство, сила духа и готовность к свободе. Иван Грозный, Петр I, Николай I, Ленин и Сталин ломали русский национальный характер. Русь империей не была. И стыдно «Яблоку» примазываться к наци, а Алексею Навальному — ходить на «Русский марш». Маршируют совки, а русский, как кошка, гуляет сам по себе. Мимо Путина. Тот, кто заварил кашу в Чечне и Грузии,

тот пусть и расхлебывает «вопросы». Но это не национальные, а политические вопросы. Отмените награды за чеченскую войну, уберите сатрапа Кадырова, искупите вину перед среднеазиатскими колониями, дайте Чечне и всему Кавказу право уйти, посадите тех, кто говорит «хачик», «чурка», «чех», уберите куда-нибудь в темный чулан и Путина, и его «югендов». Подальше от власти. Вытащите Россию из-под труппа СССР.

Я надеюсь, что умный и способный Владимир Милов перестанет упражняться на национальную тему, оставив этот сюжет патентованному Диме Рогозину и клиническому ДПНИ*. Чтобы не получилось как с Анатолием Чубайсом, изобретателем термина «либеральная империя» и идеи возрождения армии в Чечне. На этом он навсегда вылетел из либеральной политики, а на другом фланге его поджидал с бомбой Квачков.

Там, где есть достойная нация (народ), нет национального вопроса. А там, где нет достойной нации, а есть барахло (гитлеровцы, сталинисты, совки), там бесполезно национальный вопрос ставить. Не поможет. За неимением самого предмета обсуждения.

ЖАСМИН «ЧЕРЕМУХОЙ» ПОКРЫЛСЯ

Грани.ру, 31 января

Собственно, черемухой покрылся бульвар. В песенке про Одессу, рыбачку Соню и Костю-моряка. В блаженные, сказочные времена кровавого царского режима, когда у крестьян была земля, у рабочих зарплата, у купцов лавки, у предпринимателей заводы и пароходы, у интеллигенции свои газеты, университеты, гимназии, библиотеки, театры, земство и даже две фракции в Думе (кадеты и октябристы). И у всех, кто трудился, был хлеб — у кого с маслом, а у кого и с икрой. И никто никого не раскулачивал, не экспроприировал, не пытал и не расстреливал в ВЧК и НКВД и не гнал в ГУЛАГ.

Правда, не было республики, не было выборного президента, а был царь, оставлявший трон наследнику, и не было ответственного министерства. Но когда свергли этот «кровавый царский режим», так что-то дело с президентами

* «Движение против нелегальной иммиграции».

не заладилось, потому что ни Ленина, ни Сталина, ни Хрущева, ни Брежнева, ни Путина с Медведевым президентами никак не назовешь. С приятным перерывом на одного Ельцина, единственного пока демократического президента в нашей истории. Да и с ответственными министерствами, за исключением одного гайдаровского, тоже были большие проблемы. Что же до голодных и бесправных, то с 1917 года они вообще положили зубы на полку, если эти самые зубы не выпали у них от цинги.

Царю кричали: «Долой самодержавие!» — а вот кто бы посмел Сталину или даже Брежневу такое крикнуть? Сейчас, кстати, опять кричим — и дальше 15 суток страдальцу за всё демократическое сообщество Борису Немцову пока дело, к счастью, не идет. Это и есть наши демократические завоевания: самодержавие на том же месте, и мы на том же месте, что и сто лет назад, и кричим ему «Долой!». А народ то целует самодержцам сапоги, то давится на их похоронах, то сочиняет про них анекдоты, то клянчит у них льготы, рублики или тарифы ЖКХ. И все при деле.

Это я к тому, что у нас страны Магриба плюс Египет и даже Йемен решили бороться за демократические ценности. Жасминовые революции в Тунисе и Египте! И даже Алжир требует демократии! Там, кстати, один раз уже демократия была. Это когда они были французской колонией. Французов «попросили» уйти. Военным путем попросили, не референдумом. Де Голль и ушел вместе с колонистами-«черноногими». Глотайте, мол, свою независимость сколько сможете. Только почему-то дальше свободные алжирцы, марокканцы, тунисцы и другие «развивающиеся» народы, вместо того чтобы строить свой независимый капитализм, массово переселились во Францию и сели на ее социальные пособия, да еще и требуют для себя права держать своих женщин в рабстве и парандже. Интересный вариант для колонизации. Гора ушла от Магомета, а Магомет обратно попер, к горе.

Второй раз алжирская демократия привела к исламскому фундаментализму; хорошо еще, что нашлась военная хунта, чтобы поправить дело.

Тунисский правитель и впрямь засиделся и уйти забыл. А египетский Хосни Мубарак уже просто умирает в своем кресле. У него, кстати, были виртуальные попытки введения полной демократии, но каждый раз оказывалось, что по всем данным победят исламские фундаменталисты.

Так почему жасмин покрылся «черемухой», то есть слезоточивым газом? Потому что иные революционеры (кроме розовых, оранжевых и виноградных — ведь в Молдове удалось быстро остановить прохвостов, грабивших и поджигавших парламент, и это сделали сами антикоммунисты), тюльпановые, жасминовые и прочие, кидаются сразу грабить и ломать. Прямо по Евтушенко, по «Казанскому университету». Представьте себе завтра тунисско-египетский красно-лимонный Сингапур в Москве. «Цензура размякнет хоть чуточку — что будет печататься? Мат? Распустим полицию? Чудненко! Все лавки в момент разгромят. И стукнет вас, крякнув озлобленно, — очки ваши вроде не те! — ваш брат угнетенный оглоблею, как символом "фратерните"». В 1917-м так всё и получилось.

Я от души желаю удачи египетским и тунисским демократам, если они там есть и собираются строить нечто капиталистическое вроде Англии или Германии, а не утопию-2011. Слишком уж часто звучат там речи о безработице, о ценах на продукты, о богачах, которые имеют всё, и о большинстве, которое не имеет ничего. За этими lamentациями маячит наш друг Шариков: взять бы всё и поделить. И даже вернувшийся из эмиграции нобелевский лауреат толкует о «государстве социальной справедливости». Где он такое видел на нашей грешной земле? Читайте Маяковского, он глубокий эконом: «Одному — бублик, другому — дырка от бублика. Это и есть демократическая республика». На что уж заработаешь, в зависимости от количества извилин и трудолюбия.

Чем больше бегают тунисцы по улицам, тем меньше будет у них туристов и меньше, соответственно, доходов. Самая демократическая власть никого не оденет и не накормит. Вот выясняется, что в Тунисе этот чертов диктатор владел акциями автомобильных филиалов западных фирм. И они выводят свои капиталы. Потому что помнят про Чили, про национализацию медных рудников. Чтобы достичь уровня хоть Португалии, Египту и Тунису надо будет не уписывать за обе щеки социалку, а вкалывать и проводить болезненные реформы. Уровень экономического развития обретается не на площадях, и демократия — это не рыба, это удочка. И еще надо уметь ловить.

У нас уже была одна «демократическая» революция: изгнали из Ирана нехорошего недемократического шаха

и привели к власти демократических аятолл и стражей исламской революции. То-то всем стало хорошо. Хотите ли вы жить в обновленном Иране, где соблюдаются права религиозных фанатиков? Тема для референдума.

Как видите, власть может упасть быстро. Что станем делать мы в подобной ситуации? Положим, Путину будет плохо. Тунисского диктатора сдали сразу все, в том числе и бывшая с ним в прекрасных отношениях Франция. Лазеры не нужны никому. Положим, Путин будет мыкаться по Европе с Кони и дареным щенком, как Лужков с пчелами. Но мы-то этого не увидим, потому что у нас не будет электричества, а значит, телевидения и Интернета. У нас есть альтернативные муниципальные службы, альтернативные инженеры по теплу, воде, электричеству? Волонтеры-демократы для полицейских функций?

Конечно, смешны потуги тунисской партии власти остаться в креслах, ссылаясь на бывшие компартии Восточной Европы. Безусловно, единокороссов надо будет послать пасти свиней (их личных свиней, потому что совхозных они угробят, да и совхозы надо будет распустить). Но и ЛДПР, и коммунистам, и эсерам бразды вручать нельзя. Этих сапожников и живодеров мы давно знаем. Готовы ли наши либеральные партии к выборам и к работе по возрождению страны? Будет ли народ молить Немцова, Рыжкова и Касьянова, Чубайса, Кудрина и Алексащенко взять власть? Понял ли народ либеральную идею, готов ли он просить продолжить либеральные реформы по Гайдару? Сделал ли народ западный выбор или будет искать следующего диктатора в Лимонове, Удальцове, в нацистах? Если всё случится на следующей неделе, боюсь, что нам обеспечены Третий рейх или очередной Октябрь. Надо делать приготовления срочно, уже сейчас. Просвещать народ, чтобы он вешал у себя не портреты Сталина и Путина, а портреты Гайдара, Милюкова и Витте.

На власть можете не рассчитывать, она будет сидеть на примусе до последнего. Глупая и жадная власть. Удавы, состоящие из одного желудка, совсем без мозгов. Мы должны позаботиться о том, чтобы изменилось содержимое кастрюли под названием «Россия». Не дожидаясь, пока история или случайность снимут с этой кастрюли крышку путинского режима. И объясняться с народом надо сейчас. Когда снимут крышку, будет поздно.

ТАНЕЦ МАЛЕНЬКИХ ЛИЛИПУТОВ

Грани.ру, 4 февраля

Историки и археологи (может, уже иностранные, а не наши, если мы выйдем от собственной глупости и негибкости, как динозавры) будут копать ельцинское десятилетие сотни лет и то ли откопают, то ли закопают истину. Не будем полагаться на время и займемся самообслуживанием — мы, участники и очевидцы.

Зачем вообще понадобился истории Ельцин? Да затем же, зачем истории России понадобились сначала Александр II Освободитель, а затем Февраль 1917-го. А вы еще спрашиваете, зачем Ельцин ушел в отставку и почему мы справляем его 80-летие без него. Некоторые еще интересуются, почему он не пил исключительно нарзан. А надорвался! Александр II + Февральская = один живой, смертный человек Ельцин Борис Николаевич. Как вам такая нагрузка? Екатеринбургские преобразования и мягкие реформы сверху для образованного класса, которые проводил Александр I, — это сделал Михаил Сергеевич Горбачев. Но при Екатерине и Александре крестьянин как-то тюкал землю и кормил себя и Россию; и скота для мясных лавок хватало, и купцы торговали, и булочники хлеб пекли, и ремесленники что-то мастерили; а вот у Горби при советской экономике корочки сухой в закромах не осталось к 1991 году. Так что если бы не Ельцин, идти бы нам всем по миру с сумой, и никто бы не подал.

А ликвидация ООО под названием «СССР»? Ни Екатерине II, ни Александру I, ни Горби этого решать не пришлось, а необходимость была самая насущная: страны Балтии, Молдова и Грузия хотели, как лебедь, лететь в облака. Пожалуй, и Армения могла полетать с Левоном Тер-Петросяном. Средняя Азия («тубетейки») собиралась пятиться назад, как рак. А «ушанки» (Россия, Украина, Беларусь) могли плавать, как шуки. Но только не втроем, а каждая на свой страх и риск. И проплавали наши шуки каждая свой срок (Украина — дольше всех, до Януковича; Беларусь — совсем недолго, до Лукашенко; а Россия — до Путина). После чего все три шуки срочно преобразовались в раков и поползли догонять тубетеечный отряд.

Ельцин не взвешивал, не мерил. Он разрушал «мир насилия и бессилья», то есть социализм, до основания. Он рубил

этот мертвый лес, и летели увесистые щепки; он рубил не окно в Европу, а сносил всю Великую Советскую Стену. Он разнес бульдозером всё здание, и на нас упала крыша. Это и было счастье, счастье сноса концлагеря детсадовского типа, в котором все прозябали. Но до основания не дошло, фундамент строя оказался внутри, ибо он пророс в сущность, на уровне генома. Какие-то кирпичи от него остались и в самом Ельцине. Они толкнули его на войну с Чечней и на глупейший рейд десантников в Приштину. Они заставляли его спасать своего врага — омовца Парфенова, цепляться за Приднестровье, тянуть волюнку с российско-белорусским союзом, хотя Лука Ельцина ненавидел и все время пытался влезть на его место.

Немолодой аппаратчик Ельцин не читал самиздата, не нюхал западной веселой вольности, но в сердце своем он обрел такие нравственные ресурсы, что усвоил главное: возненавидел СССР и коммунизм, полюбил свободу и понял, что ее нельзя отнимать. И то, что он был не просто сильным, но еще и добрым, хорошим человеком, и сделало его ракетой-носителем, которая вывела на орбиту Гайдара, Чубайса и прочую реформаторскую молодежь. У всех обиженных судьбой и народом демократов, о которых Ельцин сказал, что они без него никуда не денутся, и которые и впрямь после 2000 года сразу пошли Путину под хвост и оказались совершенно бессильными, на устах навеки застыл вопрос: почему он не доделал свои великие преобразования? А их никогда не доделаешь без народного мандата. Освободив крестьян, Александр II получил каракозовский выстрел, еще пять покушений и в конце концов смертельную бомбу от «Народной воли». Это от тех интеллигентов, которым он дал суды присяжных и университетские вольности. А народ, жалея о сладком барском куске, волю не ценил ни во что и требовал земли, причем чужой. Интересно, почему американские негры, освобожденные Линкольном примерно в то же время, не потребовали, чтобы им отдали плантации их бывших белых господ?

Александр II был помазанник Божий, он хотя бы мог ни у кого не спрашивать разрешения. И вопреки крестьянам и землевладельцам провел Великие реформы. А у Ельцина не было мандата ни на Беловежскую пушу, ни на построение капитализма. И от рейтинга очень быстро остался огрызок в 6 процентов поддержки. Он своротил страну

с ее прежнего идиотически-социалистического пути, поставил на рельсы, дал легкого пинка — и его ли вина, если страна никуда не поехала, а до сих пор сидит в отцепленном вагоне.

Рафинированный интеллигент Егор Гайдар даже до 60-летия не дотянул, убитый плевками, оскорблениями, ненавистью спасенной им страны. Ельцин, могучий выходец из недобитого русского крестьянства, последний «кулак» России, продержался дольше, но в конце концов красные, розовые, коричневые, кремовые, трусы, слабаки, дураки, совки добились и его. Как там в фильме бывшего демократа Владимира Бортко «Собачье сердце»? «Белая армия наголову разбита, Красную армию никто не разобьет». Биомасса всегда побеждает, если ее много.

Мы были обречены с самого начала, потому что эпохи Франко и Хуана Карлоса с европейскими ценностями, или Пиночета и европейского парламентаризма, или Маннергейма и нынешнего финского устройства никогда не совпадают. Сначала гражданская война, большая кровь, победа, физическое истребление коммунистов там, где они были во главе угла. А потом уже свободы, права, честные выборы, европейские правила жизни и игры. Через это прошла Испания, прошли Финляндия и Чили, прошел Тайвань. Во Франции эту проблему решил де Голль.

А Ельцину нужно было быть и Гавелом, и Пиночетом одновременно. Такого не бывает, и он не смог. Он старался быть либеральным президентом, а из него делали царя. «Ельцин, Ельцин, ты могуч, ты разгонишь стаи туч». Но он мог быть только добрым царем, не мог он загонять несогласных на стадионы и в концлагеря, не мог, к сожалению, как Маннергейм, разнести из пушек рабочие кварталы, закопать в один день 20 тысяч человек, спасти Финляндию и идти дальше. Он даже через 160 трупов 1993 года не смог перешагнуть, на 1993-м реформы и застряли. Ельцин понял, что надо будет идти по трупам. Ведь настоящие реформы были бы в ленивой, отвыкшей трудиться и спастись стране без промышленности и сельского хозяйства настоящей вивисекцией. Читайте, что Гайдар вас лапкой погладил.

Настоящие реформы — это закрытие агро- и автопрома, эвакуация из моногородов, ликвидация КГБ, полная перестройка армии, отказ от военного призыва и от имперских

амбиций, общественные работы по созданию дорог и инфраструктуры на востоке страны, это отказ от всеобъемлющей социалки. И всё это вызвало бы просто вымирание тех, кто бы не сумел или не захотел приспособиться, бунты, восстания, десятки «ленских расстрелов», десятки злокозненных взбунтовавшихся Белых домов.

Ельцин и Ленина потому не смел хоронить, что не мог идти через кровь и боялся бунта коммунистов. Так где бы, кстати, он взял фалангу Франко, католическую армию Испании или пиночетовские войска вместо нашей Красной, рабоче-крестьянской? К тому же в Испании большинство вовсе не хотело строить сталинизм, а за Пиночетом стоял средний класс, и перспектива кубинского варианта вызывала у большинства чилийцев ужас. Между прочим, у нас про запас человек, который сможет быть и Маннергеймом, и Пиночетом, которой способен не считать потерь и не оглядываться. И звать его Анатолий Чубайс. Дай Бог ему и нам дожить до того дня, когда россияне придут за ним и скажут, что готовы на всё.

А Ельцин жалел людей. И не нам, травоядным гуманистам, осуждать его за это. Немного пришлось ему слышать от нас добрых слов. Его предала благодетельствованная им без всяких условий, даром, в кредит, интеллигенция. Он сделал для России не меньше, чем Петр I, но вешать на кремлевской стене и рубить головы был неспособен.

Да, он поверил хорьку, прокравшемуся в наш курятник и передувшему всех кур. Но ведь и хитрюга Березовский ему поверил и привел этот подарочек за ручку в Кремль. Где уж было идеалисту Собчаку и бесхитростному Ельцину тягаться с матерым кагэбэшником! Так что «до основания» не вполне вышло, а насчет «затем» — это было на наше усмотрение, он дал нам шанс, но получилось все по Евангелию, где сказано, что не надо давать святыни псам и метать бисер перед свиньями. Кстати, Ельцин нас насильно за Путина голосовать не заставлял. У нас был выбор — где были ваши глаза, дорогие россияне? Вы так обожали Ельцина, что готовы были голосовать не глядя? Вы голосовали не за преемника Ельцина, вам в тот момент на Ельцина было наплевать. России захотелось Сталина, твердой руки, победы над Чечней, советского гимна, советского поила, конфронтации с Западом. Истинным преемником Ельцина, преемником его души был Борис Немцов,

потому что они совпадали морально, Немцова Ельцин выбрал за доброту, верность и храбрость. Но он не остановился на этом выборе, потому что знал: за такого хорошего человека Россия не проголосует.

Еще пара загадок. Главная загадка — Чечня. Дело в том, что Ельцин не считал чеченцев своими, россиянами, и, увы, не он один. А противники войны в Чечне на вопрос о том, что с этой Чечней делать, отвечали, что надо вести переговоры. Мало кто готов был дать независимость. Когда Ельцин понял, что чеченцы — достойные враги, он сделал то, что когда-то Александр II Освободитель. Хасавюрт — это была независимость де-факто. Александр ведь тоже оставил несломленных чеченцев в покое и не обращал внимания. И последний вопрос: почему он молчал, когда Путин уничтожал дело его рук? Во-первых, его держали за горло, слишком много у него было внуков. А потом не к кому было апеллировать. Равнодушный Запад, равнодушная страна, равнодушный бизнес, сервильная или ненавидящая его интеллигенция. Ельцин умер на руинах своих реформ.

Человек-Гора ушел навсегда. Пляшите на его могиле, лилипуты.

ВЫБРАВШИЕ ТЕРРОР

130 лет назад народовольцы убили царя-реформатора

The New Times, №7, 28 февраля

Максима: «Поджечь что-нибудь скорей и погибнуть» — суть личной программы русских народовольцев, эсеров, эсеров-максималистов и их последователей в сегодняшней России, живущих с лозунгом «Да, смерть!». Французские экзистенциалисты Сартр, Ануй и Камю тоже аплодировали бы. Политическая борьба стоит жизни. В этих словах великий соблазн и великая опасность.

Реформы и виселицы

В России террор начинался с раскольниковской настроенности не на «медные деньги» (многовековой эволюционный путь), а на то, чтобы сразу получить «весь капитал»,

то есть другую страну, другую реальность. Недаром Юрий Трифонов свою книгу о народовольцах назвал «Нетерпение».

Великие реформы Александра II действительно поднимали страну с колен, но нужно было время, чтобы выросли плоды. Однако реформы зачем-то пересеклись с подавлением Польского восстания 1863 года, после чего от Александра отвернулись студенты и «западники». К тому же студенты в Цюрихе и других заграничных университетах «подсели» на социализм. А Александр II забыл разогнать своих жандармов (совсем как потом Ельцин, в результате КГБ—ФСК готовил чеченскую войну, вел «дела» Орехова, Мирзаянова, Никитина, Сутягина и Пасько). Жандармы III отделения боролись с социализмом путем административной ссылки: произвол без суда, ОСО — Особые совещания того времени. Чернышевский загремел на каторгу за прокламацию, которую он не писал.

Жандармы и реформы — вещи несовместные. Если бы не расправа с Чернышевским и не подавление поляков, народнический ишутинский кружок вообще не собрался бы, слишком пылкий неврастеник Дмитрий Каракозов не наслушался бы черт знает чего и не пошел бы в 1866 году стрелять в царя. Кстати, не попал ведь. Александр II должен был его помиловать, благо тот раскаялся и милости просил. Но не помиловал, Каракозова повесили. А виселица — это неподходящий фон для реформ. А за что покарали членов кружка Ишутина, которых Каракозов в свои замыслы даже не посвятил? Это были мирные книгочеи, мечтавшие освободить Чернышевского, но не знавшие как. За что они все пошли на каторгу и в верхоянскую ссылку? За утопическую литературу утопили страну, ибо если молодежь против власти, то кто за власть? Третье отделение шло по следу реформ, как стая волков.

Сотворение террористов

России нужны были присяжные поверенные типа Александрова (защитник Веры Засулич), идейные земцы, философы вроде Владимира Соловьева, судьи, подобные А.Ф.Кони (судил на процессе Веры Засулич). А власть делала из молодежи перовских и желябовых. В 1870 году вышел циркуляр: всем студентам вернуться «из-за кордона» в Россию.

Они и вернулись. Народниками. Их было не меньше 3000, они не думали о карьере, они, по Достоевскому, «хотели мысль разрешить». С 1872-го по 1878-й студенты жили среди народа под видом акушеров, инженеров, а то и просто рабочих или батраков и проповедовали социализм. Им казалось, что они спасают Россию. Конечно, это были глупости, но какова самоотверженность!

Когда схватили Софью Бардину, она уже несколько лет жила в рабочей казарме, спала на нарах, работала на ткацкой фабрике по 15 часов в сутки и толковала товаркам социалистические брошюры.

В 1876 году, 6 декабря, у Казанского собора в Петербурге состоялся несанкционированный митинг. Что-то вроде «Стратегии-31». 400 человек: студенты, курсистки, молодые рабочие. Митинг жестоко разогнали, оратор Г.В.Плеханов ускользнул, а рядовых участников присудили к каторге. Алексей Боголюбов получил 15 лет. В доме предварительного заключения градоначальнику Трепову показалось, что Боголюбов не снял перед ним шапку. Студента подло и незаконно высекли, потом он сошел в остроге с ума и умер в тюремной больнице. Это только одна человеческая судьба.

А Вера Засулич? Она два года сидела в тюрьме за письма Нечаева, данные ей третьим лицом на хранение. Она даже не знала, что в них. Потом ее отпустили домой, неожиданно снова загребли и выслали на Север в летнем платье, без вещей и денег, с книжкой и коробкой шоколада. Какой она вернулась из ссылки, вы представляете?

В 1877 году в Петербурге и Москве состоялись два грандиозных процесса: процесс 193-х и процесс 50-ти. Люди сидели до суда по 2–3 года, многих оправдали, значит, сидели зря. По петербургскому процессу, кстати, проходили и Желябов, и Перовская, ставшие впоследствии организаторами покушения на Александра II. Власть сама организовала им эту встречу. За мирную проповедь молодежь отправляли на каторгу, на берега страшной приполярной Кары, к образованным юношам и девушкам применяли физические наказания. Ожесточение росло.

В 1878 году правительство сделало последний, роковой шаг: объявило Одессу на военном положении, чтобы судить членов «Земли и воли» военным судом. При разгроме подпольной типографии Иван Ковальский отстреливался, ранил жандарма. Его расстреляли. В ответ Степняк-Кравчинский, будущий писатель, заколол кинжалом шефа жандармов

Мезенцева. И пошло, и пошло: виселица на выстрел, неправота на неправоту, стенка на стенку. От первого соловьевского покушения на царя в апреле 1879-го до роковой бомбы 1 марта у Екатерининского канала в 1881 году. На чем реформы и окончились вплоть до 1906 года, когда стало уже поздно.

Одобрение и симпатии образованного общества были на стороне народовольцев. Богатые дамы жертвовали на динамит, «чтобы была Конституция». Реакционеры давали деньги Валериану Осинскому, «чтобы был порядок». Это был амок. Коллективное безумие. Первое марта аукнулось 25 октября 1917-го, после чего ликвидация пошла на миллионы, целыми сословиями.

Нельзя загонять интеллигенцию, а тем более молодежь в тупик, когда у нее нет не только представительства, но даже площадки для дискуссий. Это, кстати, вовремя понял Михаил Горбачев. Главная его заслуга в том, что он вернул озлобленной, отчаявшейся стране слова и понятия «диалог» и «консенсус». Сегодняшние власти об этом забыли.

ЗНАМЕНА САМУРАЕВ

The New Times, №10, 21 марта

Япония это переживет и пойдет дальше. Это не первая катастрофа* в истории японских островов. Географически Япония — самый дальний Восток, но ее культура далека от традиционной восточной пышности, гедонизма и несвободы. Это культура воли, долга и чести, носителем которой была не только знать (сёгуны) и не только военная каста (самураи), но и простые крестьяне. В XV веке Япония была страной поголовной грамотности, причем крестьяне не только владели непростой иероглифической письменностью, но и слагали хокку и танка. Суровая жизнь на бесплодных островах приучила японцев к творческому индивидуализму, самоограничению, приоритету духовного перед материальным, к умению обходиться без лишнего барахла. Японцев не могли завоевать ни бесчисленные китайцы с их тоталитарными империями, ни монгольские полчища. Они не были рабами ни своих, ни чужеземных властителей. Они

* Землетрясение магнитудой 9 баллов, вызвавшее цунами и приведшее к аварии на АЭС «Фукусима».

легко расставались с жизнью, чтобы не потерять лица. В случае поражения какого-нибудь феодального дома не только выжившие воины, но и женщины и даже слуги совершали ритуальное самоубийство — сэппуку.

Вера в творческие силы природы — синтоизм — соединилась с духовной мощью дзен-буддизма и дала национальному характеру японцев стоицизм, гармоничность, единение с вечностью, человечность и солидаризм.

В Японии было опасно жить, ее всегда трясло, и домики чуть ли не из бумаги, меблированные циновками сёдзи, одной вазой и поэтическим изречением на стене, появились там не случайно. Когда цунами военной катастрофы 1945-го и кошмар Хиросимы вбросили Японию в современную цивилизацию, вся воля, вся энергия нации ушли в новые технологии, в экономический рост. Японцы и здесь оказались отличниками. Сегодня, когда Япония так достойно, организованно и мужественно борется со стихией, когда ее небоскребы при 8,9 балла качаются, но не падают, я вижу, как незримо развеваются над ее городами прежние знамена, знамена самураев. Бездушная стихия — это тоже враг, а войной японцев не испугать. И свои АЭС страна, пережившая Хиросиму и Нагасаки, тоже не закрое.

Может быть, сейчас мы, видя, как волны поглощают японские города, пойдем, какое значение для них имеют четыре скалистых островка в океане и насколько безбожно их не уступать.

В 1973 году вышел удивительно талантливый и ужасный фантастический фильм «Гибель Японии», снятый Сиро Моритани и Эндрю Мейером по роману Сакэ Комацу «Гибель дракона». Там тоже тихоокеанская плита наезжает на американскую. Всё горит и рушится, извергаются вулканы, гибнут люди; но зная, что Япония обречена, японцы бегут не сразу, а прощаются с Фудзи, усугубляя риски.

Семидесятые — это мрачное время холодной войны, и пока гибнут острова, правительство покупает спасение не для себя, а для народа, обменивая в странах Запада музейные ценности на квоту для японцев-беженцев. СССР тоже принимает часть изгнанников. Мрачные телячьи вагоны катятся по мрачной и безлюдной сибирской земле... Всем мест не хватило, над Японией сомкнулись волны, но вместе с ней погибли не только «лишние» люди, но и историки, ученые и сам премьер-министр, не пожелавшие покинуть тонущую родину.

Этот страшный финал «исправлен» в ремейке одноименного фильма Синдзи Хигучи, снятого в 2006 году по тому же роману. Вулканы извергаются и здесь, но ученые находят способ с помощью американских судов взорвать вблизи одной из плит ядерные заряды и остановить тектонический процесс. Для этого спасительного проекта должен погибнуть молодой физик, герой фильма. Его приглашали в Кембридж, но он пожертвовал собой и спас страну.

Мир изменился к лучшему, если японцы поверили в свою власть над стихией и в международную солидарность. Дай бог, чтобы они в ней не разуверились.

ВЫЛ ОБЫЧАЙ НА РУСИ

The New Times, №12, 4 апреля

«Есть обычай на Руси — слушать на ночь Би-би-си». Такая советская поговорка. Начиная с 27 марта 2011 года такого обычая больше не будет, потому что Русская служба Би-би-си прекратила радиовещание и уходит в Интернет. А это — «не для всех, не для всех», как поет бард Кукин. Нас в третий раз сняли с котлового довольствия. В первый раз снимали в 1995-м, когда всё у нас показалось американцам безоблачным. Притом что дело было в начале чеченской войны. Тогда был остановлен выпуск журнала «Америка», десятилетиями передававшегося как самиздат, из рук в руки. Рассудили здраво: Америка доступна, приезжай и смотри, зачем лишние расходы? А ведь в российской глубинке журнал мог бы просвещать и переубеждать тех, кто ненавидит США. Еще один канат обрубил в 2008 году: «Голос Америки» тоже ушел в Интернет. Всё хорошо, что делается вовремя. 27 июля прекратили вещание, а через пару недель российские танки бодро пошли на Тбилиси. И для тех, кто живет во глубине российских лесов и руд, не располагая компьютером, наступили темные времена.

И вот еще одно расставание. Кризис, надо экономить, да и слушателей сильно поубавилось. Россия даром ела свой паек гласности, на пользу ей это не пошло. Так имели право рассудить англичане, чья страна стала новой Меккой для российских политических и экономических эмигрантов. Одного из них, гражданина Великобритании

Литвиненко, бывшие его коллеги даже угостили полонием. Картина не очень радужная. Но Запад сильно устал от трудов по нашему спасению, и Би-би-си отключило свой кислород как раз после мученической смерти Магнитского и дикого приговора Лебеву и Ходорковскому. Одна за другой разжимаются руки, уставшие держать Россию над бездной, в которую она так стремится. И у нас нет даже права просить: «Не бросайте». Мы нерентабельны, особенно на фоне североафриканских революций. Теперь у российской глубинки, у затерянных городков и заброшенных деревень остались только «Свобода» с минимумом ретрансляторов и «Эхо Москвы», да и то местами.

Би-би-си немало повоевало на своем веку. Во время Второй мировой медные звуки Биг-Бена, предварявшие выпуски его новостей, вызывали у гитлеровцев такой страх, что они конфисковывали приемники у гражданского населения. У нас Би-би-си глушили, но СССР был очень большим и очень отсталым, и запретный плод перепал не только вольнодумцам, но и неграмотным бабушкам. Владимир Буковский рассказывал, как они жаловались ему на маленькие пенсии и протекающие потолки и просили: «Ты уж расскажи о нас, сынок, пусть их по Би-би-сям пропесочат». Журналистам явно враждебной «Свободы» ходу в СССР не было, но «корры» от Би-би-си были всегдашними на тайных диссидентских «прессах». Помню одного такого, сэра Джеймса, на квартире у Марка Морозова. Он обожал тульские пряники, картошку в мундире и посоветовал нам прятать особо ценную нелегалышину в кроватке у морозовского младенца. И ведь никто не предвидел тогда ни перестройки, ни августа 91-го. Би-би-си давало нам кредит. Или жалело. Или исполняло долг.

Прекрасно понимаю, что то «глубинковое» большинство, которое охотно довольствуется Первым каналом и не зайдет ни на сайт Би-би-си, ни на сайт «Свободы», радио Би-би-си тоже не слушало. Но горько сознавать, что у утопающей страны одним спасательным кругом стало меньше. А вдруг мы захотим выплыть? Вдруг возникнет египетско-ливийский вариант, а власти отрубят интернет? Тогда придется ставить радиопередатчики вдоль длинных российских границ.

Что ж, англичане не обязаны быть российскими народниками. Это мы должны, по словам Брюсова, «идти из столицы в Расею — рыдать на раздолии нив».

ЧЕРЕЗ ЗВЕЗДЫ К ТЕРНИЯМ

Грани.ру, 12 апреля

Юрий Гагарин был славным, улыбчивым парнем и несколько не возгордился, несмотря на мрачное предостережение Наума Коржавина: «Мне жаль вас, майор Гагарин, исполнивший долг майора. Мне жаль... Вы хороший парень, но вы испортитесь скоро. От этого лишнего шума, от этой сыгранной встречи вы сами начнете думать, что вы совершили нечто. Такое, что люди просят у неба давно и страстно. Такое, что всем приносит на унцию больше счастья». Вот здесь я бы задумалась.

Космонавты, конечно, герои, и нас слишком долго воспитывали на примерах Матросова и Гастелло, слишком долго отучали ценить отдельную человеческую жизнь не в строю и не в походе и простое, немудреное, земное личное счастье, чтобы мальчики не рвались в отряд космонавтов — даже без гарантий возвращения. Но чего хотели Хрущев, Президиум и весь ЦК КПСС? Показать американцам очередную кузькину мать? Какая была поставлена задача: космос посмотреть или себя показать? И не было ли плохим предзнаменованием для советской космонавтики то, что великий Королев трудился в шарашке, чудом выжив в лагерях? Как можно говорить о преодолении сил земного тяготения, если мы в это самое оттепельное время продолжали сажать инакомыслящих в лагеря и не преодолели собственную колючую проволоку? Анатолий Марченко не нашел в политлагерях никого, кто бы гордился космическими победами СССР.

Была такая советская историческая повесть — «Крылья холопа». Кончается она очень плохо: в конце концов боярин решил, что холопу крылья ни к чему. На всё боярская воля. Советские бояре решили, что преданным холопам крылья не помеха. У них было много разных холопов: неграмотных и ученых, бездарных и талантливых, на колесах, с гусеницами, с крыльями и без. Но холопский статус все соблюдали свято. Владимир Высоцкий писал, что «мы все ставим каверзный ответ и не находим верного вопроса». Поищем такие вопросы.

Песенка из советского кинофильма: «Утверждают космонавты и мечтатели, что на Марсе будут яблони цвести». Возможно ли, чтобы яблони на Марсе зацвели у страны,

которая на Земле полностью угробила свои поля, сады и огороды, если не считать приусадебных участков, и стала покупать пшеницу за рубежом, а картошку у Израиля и Голландии — даже сегодня?

У США было что тратить, и они своих граждан без приличной еды, машин и одежды не оставили, а вот почему куда более богатые, чем СССР, Великобритания, Канада, Швеция не полетели в космос? Не потому ли, что избиратели открутили бы головы таким правительствам, бросающим ВВП в звездное небо, не думая о дорогах и домах на грешной земле?

Кстати, американские интеллектуалы в лице фантастов Рэя Брэдбери и Роберта Шекли писали и думали, что даже прогрессивную Америку рано выпускать в космос. В «Марсианских хрониках» Брэдбери гипотетические американские астронавты разносят вдребезги гипотетическую марсианскую цивилизацию. Что же говорить об СССР, который разнес вдребезги совсем не гипотетическую европейскую культуру доставшихся ему в жертву стран Балтии и превратил открытый Западу вполне «турецкий» Афганистан в мрачное кладбище, где бродят талибы и исламские фанатики?

У молодого и еще мало что понимавшего Василия Аксенова был роман «Звездный билет». Там один глупый энтузиаст говорит, что мы обменяли джинсы, машины, приличные квартиры, сытость и комфорт на «звездный билет в эпоху». Почему у зрелого и мудрого писателя Аксенова в неподцензурном «Острове Крым» на этом острове есть шикарные магазины и шикарные рестораны, полная свобода прессы, «ТВ-МИГ» (будущее НТВ), но только в космос никто не собирается?

Космос, как и пресловутая индустриализация («Мой первый слог сидит в чалме, он на Востоке быть обязан»), вытянул все жилы из страны и выпил из нее все соки. Вместе с военкой и оборонкой. Тот же Анатолий Марченко, следуя этапом, видел на полустанке землячку космонавта Николаева в лаптях... Зато мы делали ракеты!

Вы можете сказать, что даже сейчас богатая Америка пользуется международной космической станцией, принадлежащей бедной России. Ответ на это радостное возражение дан в фильме «Армагеддон». Там американцы тоже находят топливо и даже спасение для своего корабля на российской станции, у русского космонавта, облаченного

в валенки и ушанку, который запускает забарахливший реактор, хорошенько врезав по панели кулаком. Человечество спасено, положим, но ушанка, ватник, грязная, захлампенная станция и кулачная методика при России остаются.

Проклятая группа «А», все эти груды железа (и космических ракет), совсем задушила группу «Б», то есть злополучные товары «народного потребления». Не потому ли, что людям 70 лет не давали потреблять, они ни о чем другом сейчас и думать не могут и готовы ради земных благ голосовать не только за единокороссов, но и за самого дьявола? Не 70-летней ли скудостью вызвана сегодняшняя дикая коррупция?

Имеет ли право пересекать границу земной атмосферы страна, отказывающая на земле своим гражданам в праве выезда за границу?

Не слишком ли много тягостных событий столпились на маленьком временном отрезке начала 60-х (Карибский кризис, новочеркасский расстрел голодных рабочих, дело Бродского), что бы мы что-то праздновали, не ужасаясь, а радуясь тому времени? Не прославляют ли апрельские космические торжества СССР и его людоедские доктрины?

ТРИНАДЦАТЫЙ АПОСТОЛ

Грани.ру, 20 мая

Если бы Андрей Дмитриевич Сахаров не был рационалистом и атеистом без всякой оговорки на «агностицизм» или «шесть доказательств бытия Божьего» по старику Иммануилу (которого многие Бездомные и Безголовые Иванушки видели за это в Соловках), его точно бы следовало канонизировать по всем правилам Рима. РПЦ для этого не годится, они скорее канонизируют Сталина.

Сахаров явно пребывал в состоянии благодати, потому что до последней минуты жизни боролся за дело Иисуса Христа, первого правозащитника человечества: за демократию, парламентаризм, за права человека, за то, чтобы СССР стал гуманным, свободным, рациональным, умным и милосердным сегодняшним Западом. Они с Солженицыным, за которого Сахаров заступался, были вечными оппонентами,

потому что Солженицын хотел утащить страну назад, в кондовую, посконную, толстопятую монархическую Россию, которая, конечно, была несравнимо лучше СССР, но что значит этот печатный пряник по сравнению с западными марципанами!

Рационалист Сахаров был честнейшим, наивнейшим, святым идеалистом, который всюду искал Добро, даже там, где его не было, и веровал в Добродетель, как в Бога. Согласно безжалостному Булгакову, каждому воздается по его вере. Сахарова, чистого и праведного, доброго и беззащитного, убила его вера. Он мог бы жить еще долго, как старый лагерный волк, зубастый скептик Солженицын (не считайте период после возвращения, это был уже не сам писатель, а его брэнная оболочка: дух гения отлетел на небеса).

Сахаров был праведником мира, а не отцом холодной войны. Просто советская действительность поймала его на блесну идеализма, на наив ядерного паритета, на что купились даже многие западные физики, не получившие за это полезное Советам заблуждение ни одного цента от КГБ. Перед самой смертью, в 1989 году, Андрей Дмитриевич понял, что нельзя было давать коммунистам ни ядерной, ни термоядерной бомбы, что Третья мировая все равно бы не началась. Никто не стал бы бросать бомбы на огромную территорию СССР, это же не Япония. Нужное для капитуляции Политбюро количество бомб вызвало бы на планете «ядерную зиму» и убило бы Европу. А вот отсутствие ядерного потенциала у СССР сделало бы нашу проклятую власть более сговорчивой. Хрущеву нечем было бы вооружать Китай. В этом случае Китай мог избежать ужасов «культурной революции». СССР не полез бы в Афганистан, и не было бы никакого «Талибана». С Африкой, Азией, Кубой и остальной Латинской Америкой у Советов без ядерного паритета не было бы такой лафы, там скорее всего не возникли бы коммунистические режимы. Запад выжал бы из СССР освобождение политзаключенных и снятие «железного занавеса», а перестройка могла бы начаться на 30 лет раньше. Это всё мне говорил сам Андрей Дмитриевич. Но жалеть было поздно, и Сахаров сделал всё, что мог.

Комитет защиты прав человека и одинокая мокрая фигура Сахарова у подъездов советских судов, где шли закрытые политические процессы, на которые его не пускали.

Офшор сахаровской квартиры, где не действовали советские законы и где даже обыски проводились тайно. Свет, исходивший от Сахарова, его известность на Западе и его положение хранителя ядерных секретов настолько страшили кремлевских старцев, что его боялись посадить и посмели только запереть в Горьком. Но разве такой источник сияния Правды и силы духа можно было скрыть, задвинуть, спрятать, даже отлавливая по дороге ходоков и посадив гэбульника на площадке лестницы у сахаровских дверей...

Сахаров был диссидентским магнитом, и все липли к нему, как опилки. Это была константа. Честь, совесть, долг. А Елена Георгиевна была даже не декабристкой, а полноценным декабристом. Она стояла у тех же судов, и именно ей «пришили» статью 190¹ о клеветнических измышлениях, чтобы не выпускать в антисоветские рейды из Горького под предлогом подписки о невыезде. Интеллигент Сахаров не был слюнтяем. Он дал пощечину гэбисту, толкнувшему Елену Георгиевну. Он настаивал на том, чтобы США и Канада, эти братья по НАТО, перестали наконец возить пшеницу в град-столицу Москву, подкармливая не только голодных совков, но и режим. При этом сахаровское милосердие зашкаливало. Он даже Гесса пожалел и предлагал не держать его в Шпандау до самой смерти.

Теория конвергенции — это ведь тоже жалость. Капитализм давал массу свобод, но если бы еще взять социалку из мифического социализма с человеческим лицом, и полное обеспечение лузеров за счет отличников, и чтобы экономика при этом работала! Андрей Дмитриевич не успел столкнуться с гайдаровскими реформами. Мы так и не узнали, просил бы он Гайдара обезболить или, наоборот, усугубить и довести до конца.

Действительность еще несколько раз ловила Сахарова на идеализме. Он аплодировал Горбачеву на завтраке в Кремле, еще до освобождения политзаключенных, полный веры и надежд, а ведь Горбачеву это было вредно, тогда надо было гонять его требованиями. Сахаров, полный жалости к узникам совести, уговаривал их писать «помиловки», а этого делать было нельзя, и кто сделал, диссидентом быть перестал.

Роман с Горби оказался недолгим. На съезде нардепов Сахаров позволил себе говорить правду, в частности об Афгане, где советские войска расстреливали своих же, если

они могли попасть в плен. Будущие красно-коричневые захлопывали и затопывали Сахарова, а Горби отключал этой ходячей совести микрофон. И тогда Сахаров понял, что «агрессивно-послушное большинство» не даст стране выбраться из могилы. Он, как всякий гений, умел смотреть до конца партии, на много ходов вперед. И это его убило. Сердце не выдержало.

Умерев на своем кресте, Иисус воскрес для Вечности, но не для жизни. Он тоже всё понял про человечество и его дальнейший путь. А первые христиане и диссиденты-апостолы знали, что им делать: говорить правду и идти на арену ко львам. Сахарова, тринадцатого апостола, его львы настигли на Съезде.

Что осталось, спросите вы? Остался Сахаровский центр, где до конца чеченской войны пылился на здании антивоенный лозунг; где тусуются проигравшие демократы; где раздавали кассеты с фильмом о взрывах домов с помощью чекистского гексогенового «сахара» из рязанского подвала; где поминали Гайдара; где ученик Сахарова Юрий Самодуров защищал христианство от РПЦ; где читают лекции по правам человека и дают почитать бывший самиздат; где собирали подписи за выдвижение в кандидаты в президенты Владимира Буковского.

И остался путь, тернистая сахаровская тропка по бездорожью. «Уходят мудрые от дома, как лебеди, покинув пруд. Им наша жажда незнакома, увидеть заверченный труд. Им ничего не жаль на свете, ни ног своих босых, ни лет. Их путь непостижим и светел, как в небе лебединый свет».

МОСКОВСКИЕ КРЫСЫ ПОЮТ ВЛЮЗ

Грани.ру, 6 июня

Роман (один из целой серии) Гарри Гаррисона называется «Стальная крыса поет блюз». Стальная крыса — это Джим ди Гриз, супермен межзвездного значения, который все время спасает планеты и населяющее их человечество. А вот так называемая грузинская оппозиция — это явно не супермены, а лузеры. Их способностей не хватает не только на спасение планеты — они даже грузинскую демократию толком погубить не могут.

Настоящая, подлинная грузинская оппозиция, которая в Грузии, как в истинно демократической стране, плодится и размножается, сидит в парламенте. В Грузии парламент — как раз место для самых жарких дискуссий. Именно парламентская оппозиция инициировала и провела «Хартию свободы», именно она упрекала Михаила Саакашвили в медлительности и конформизме, требовала немедленного вступления Грузии в НАТО и объявления войны путинской России. С такой оппозицией ни Путину, ни Медведеву, ни Лаврову нечего ловить. И несмотря на свой радикализм, по части неизбежности войны с Россией эта самая оппозиция оказалась права: в 2008 года Россия объявила-таки войну Грузии, и непризнание этого ужасного факта делает человека чужим для демократов. Владимир Милов *de facto* вылетел из демократической оппозиции именно за то, что этот факт не признает, и решил посвятить свою жизнь борьбе с «любителями чебуреков и хачапури», как изящно выразились его приспешники из «Демократического выбора», который скорее стоит именовать «империалистическим». Все порядочные люди последовали за Львом Пономаревым, который в дни российско-грузинской войны и грузинских депортаций ходил со значком «Я тоже грузин». Русские интеллигенты всегда были кем надо: поляками в 1863-м, литовцами в январе 1991-го, украинцами во время Майдана, чехами и словаками в августе 1968-го, венграми — в 1956-м, эстонцами в дни победы Эстонии над Бронзовым солдатом.

А кого же нам показывали по ТВ под руководством Нино Искариотовны Бурджанадзе, которая почему-то предпочла честному грузинскому лавашу в президентской резиденции (а она запросто могла стать президентом, и Саакашвили на эту смену очень рассчитывал) российские объедки в путинской передней? Она могла бы стать грузинской Жанной д'Арк, а стала Анджелой Дэвис. Судя по аудиозаписям разговоров нашей Нинон де Ланкло (впрочем, эта куртизанка честно продавала себя, а Нино Бурджанадзе пытается продать Грузию), она понимает, что в качестве избирателей она может отныне рассчитывать только на спецназ ГРУ, но Грузия воюет так хорошо, а Россия так плохо, что спецназу ГРУ придется раньше избирательных урн столкнуться с погребальными.

То, что мы видели, — это не оппозиция, а недовольные жизнью уволенные коррупционеры и их родственники, банда выгнанных бюрократов и силовиков и прямые предатели, совки, противники независимости, стосковавшиеся по московской плетке и московской кости с кремлевского стола.

Особенно мне понравилась песня, которую исполнял этот джаз-банд: песня итальянских партизан *Bella ciao*. Они бы уж сразу спели «Интернационал» или *Bandera rossa*, а лучше по полной программе: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся советская земля». Как говорил Цезарь: «Я люблю предательство, но ненавижу предателей». А я и предательство не люблю. Нет у России интереса в том, чтобы *back in USSR*.

Словом, все московские и промосковские крысы запели блюз хором ужасными крысиными голосами.

Грузинский народ идет по дороге свободы, а абхазы, хоть и горцы, просто торгуют собой на аукционе: кто даст больше? Паспорта российские, пенсии и пособия — тоже, а лечиться бесплатно ездят в Грузию, здесь они сразу вспоминают о своих гражданских правах. На месте грузин я бы и Самачабло (Южную Осетию), и Абхазию обратно не пустила, когда они попросят (а попросят они, когда у России кончится приварок, из которого она выдает им их 30 сребреников). Пусть присоединяются к атоллу Науру, самое им там место.

И уж совсем громко заголосили московские крысы, когда слышали о люстрации и о запрете советской символики. Ну, насчет люстрации они зря убиваются, поздно пить запрещенный «Боржоми», когда почки отвалились. В органах власти Грузии сидит, в основном, молодежь, которая при СССР в лучшем случае пешком под стол ходила, а старые кадры как раз изображают оппозицию, не имея другой работы. Под люстрации мог бы попасть разве что Эдуард Шеварднадзе, но у него хватает ума никуда не лезть. А что до нашей Нинон, то у нее теперь пустой номер всюду — в парламенте ли, в правительстве ли, с люстрацией или без.

А что до отказа от советской символики, справедливо приравненной к фашистской, крысам тоже нет смысла так дергать хвостами. Раз им позволяют это «уважаемые россияне», пусть Путин и Медведев свезут к себе на Поклонную все статуи тиранов, даже горийского Сталина, и проложат

по этой самой горе все ленинские и сталинские улицы и проспекты. Будет такой Остров погибших кораблей. Памятники хоть кормить не надо, в отличие от товарища Гиоргадзе, бывшего шефа грузинского КГБ с российской госдачи, и этой тбилисской крысиной массовки.

Эх, хотелось бы мне видеть, что будет, когда упадут цены на нефть и газ, а московские крысы доедят последнюю корочку российского сыра. А пока скоростной экспресс Грузии отбыл в Европу, а мы сидим в отцепленном вагоне, украшенном кумачом и пятиконечными звездами. И с платформы нам говорят, что это все еще город Ленинград.

МОРАЛЬНАЯ КОНТУЗИЯ

Грани.ру, 21 июня

Мы, кажется, попали под красный светофор. И стоим в вечной пробке в самом горлышке империи. Если империя — это бутылка, то мы все — горькие пьяницы. И даже ловим чертей в стакане империализма, если судить по казусам с Будановым и Аракчеевым.

При этом все ссылаются на контузию. Ну да, нас огрели пыльной империей из-за угла еще в XVIII веке, а в 1922 году, или когда там у нас произошел ребрендинг Тюрем Народов в Империю Зла, то есть в СССР, в мешок добавили еще несколько булыжников пролетариата — и мы совсем одурели.

Контуженная страна послала в Чечню свою контуженную армию, чтобы назвать именем Путина проспект, упразднить Конституцию и ввести шариат, а также чтобы обеспечить благосостояние сатрапа Рамзана Кадырова и его шайки. Взамен чего они выдадут 120% голосов за Белого Царя (Путина) и за его медвежий заповедник.

Во имя этих великих целей даже не закопали, а сбросили в ущелья немалое количество российских солдат и офицеров (потому что российские генералы, в отличие от чеченских командиров, не считали нужным хоронить своих павших). Тех, кого не сбросили в ущелья, превратили в зверье, такое, как новопреставленный Буданов, Ульман, Аракчеев (не везет России на эту фамилию) и множество других контуженных, которые зверские навыки,

приобретенные в Чечне, распространили на всю Россию. Ну, заодно прибили пару сотен тысяч чеченцев, убили и искалечили 40 тысяч чеченских детей, причем считала их Ванесса Редгрейв, нам до этого не было дела, у нас контузия. Кстати, не был ли контужен генерал Шаманов, когда сделал открытие, что врагами надо считать даже чеченских детей начиная с 12-летнего возраста?

Итак, контуженный (и разжалованный с лишением всех наград даже по вердикту нашего убогого суда) насильник и убийца Буданов погиб отнюдь не как невольник чести, отсидев всего 8 лет (в Нюрнберге за такое больше давали). Контуженные граждане России принесли на место убийства этого изверга цветы, а контуженная армия воздала ему воинские почести. То есть кроме «партии жуликов и воров» у нас еще есть армия насильников и убийц. А где был в это время инновационный Верховный главнокомандующий? Его тоже контузило, если он такое позволил и не ушел в отставку? Понятное дело, премьер-министра контузило в свое время в КГБ. А где контузило вице-спикера Госдумы, лидера партии контуженных — ЛДПР, если он приходит на «Эхо Москвы» и рассказывает в передаче «Народ против», что советская армия, войдя в 1945 году в Германию, насилвала и убивала всех подряд — «и правильно делала»? Не знаю, какой был дедушка у этого «сына юриста», но оба мои деда, майоры и фронтовики, войдя в Германию, никого не насилвали и не убивали. А вообще убийства, грабежи и насилия в армии приняли такой размах (читайте об этом в мемуарах советского майора Льва Копелева «Хранить вечно»), что маршал Рокоссовский понял: у него скоро не будет армии, а будет шайка мародеров и убийц, потому что такие занятия разлагают армию. Если даже маршал Жуков нахалпал столько барахла, что до конца жизни не сумел использовать эти шубы, сервизы и мебельные гарнитуры. И маршал Рокоссовский издал приказ о расстреле на месте за мародерство и насилие. И его применяли! Не верите мне, читайте пьесу Солженицына «Пир победителей». Там офицеры-победители как раз обсуждают этот приказ и очень им возмущаются.

А был ли Буданов вообще русским офицером? Конечно нет. Русские офицеры в 1863 году отказывались вешать польских повстанцев и шли на расстрел со словами «За вашу и нашу свободу!» Русские офицеры не могли бы посылать

снаряды с кощунственными словами «С Рождеством!» — потому что они верили в Бога. В русской армии мусульмане исповедовали свою веру. И если в столовой офицерского собрания оказывалось больше мусульман, чем христиан, никто не принуждал снимать головные уборы. В Чечню входила не русская, а советская армия. На танках возили красные флаги и орали: «Мы вам напомним Сталина!» Они грабили, убивали, насиловали, гадили в мечетях, водили на фиктивный расстрел Аню Политковскую. И после всего этого нам говорят: «Давайте отделим к чертовой матери Кавказ». Да, надо бы вернуть свободу Кавказу, как только он ее пожелает. Но, может, стоит нас сначала отделить от рода человеческого? С такой контузией мы к нему не принадлежим. Вернуть Буданову полковничьи погоны — за это предложение даже среди слушателей «Эха» нашлось 53% то ли «контузиков», то ли просто отморожков. Мы — поколение, опоздавшее в Нюрнберг. Безнаказанность ядерной сверхдержавы с газовым баллоном и нефтяным шлангом в руках. Верхом на баллистической ракете.

А тут еще одна жертва чеченцев и правозащитников, товарищ Аракчеев, взывает из глубины сибирских руд. Хорошо, что он взывает не ко мне, а к Путину. Я бы не стала разбираться. Мне не нравятся формулировки протеста. Значит, у нас кто-то стремится убогатворить чеченцев? А Зара Муртазалиева так и сидит ни за что свои 8 лет, и награды за Чечню не отменены, а растерзанной маленькой стране навязали шайку Кадырова. Да, поймали и наказали не всех, а немногих, когда совсем уж нельзя было отпереться. Конечно, сажать надо было пол-армии. И, естественно, того, кто обещал «мочить в сортире» террористов, а замочил мирное население Чечни и тех, кто мог бы остаться мирным населением, но взял в руки оружие, чтобы защитить свой дом, свою семью, свои могилы, свою историю. Но в нашей отмороженной и контуженной, впавшей в манию величия и манию преследования стране пытались посадить Стаса Дмитриевского за создание Общества российско-чеченской дружбы и убили Аню Политковскую, поведавшую миру о страшной участи чеченского народа. В контуженной стране каждый нормальный человек — преступник.

ДОЛЮШКА ФЕМИНИСТСКАЯ

The New Times, №22, 27 июня

Николай Алексеевич Некрасов не знал слова «феминизм». Но когда он писал «доля ты, русская долюшка женская», он явно защищал женское равноправие. Поэт и не подозревал, что английская женская долюшка была не намного слаше. Шарлотту Бронте, родившуюся 195 лет назад в июне 1816 года, можно смело считать основоположницей английского (да и вообще европейского) феминизма.

Во Франции тоже не всё было в порядке с женскими правами. При Людовике XVIII некая романистка была вынуждена печататься под мужским псевдонимом Камилл Мопен. А Аврора Дюпен, по мужу Дюдеван, в 30-е годы XIX века боролась за свои права с помощью псевдонима Жорж Санд и мужского костюма. И это уже после Декларации прав человека и гражданина!

Суфражистки, сражавшиеся за право женщин голосовать, появятся позже в США. Русские нигилистки будут коротко стричься, учиться в Швейцарии, ходить на Высшие женские курсы, работать учительницами и фельдшерицами и даже на равных с мужчинами участвовать в терроре.

Некрасов написал свою правозащитную поэму «Мороз, Красный нос» в 1863 году. А в первой половине XIX века дочь английского священника Шарлотта Бронте мечтала о праве зарабатывать себе на жизнь, не зависеть от мужа, печататься под своим именем, самой получать свой литературный гонорар. Самой, а не как ее биограф и подруга Элизабет Гаскелл, за которую деньги получал (и тратил) с большим удовольствием муж. Шарлотта училась в английском пансионе и в Брюсселе, потом работала помощницей учительницы в частной школе для девочек. С 7 утра до 11 вечера мисс Бронте трудилась в пансионе, но не могла купить себе хорошего шелка на платье. Она служила потом и в гувернантках, подвергалась унижениям и грубостям (как и русские гувернантки, описанные Достоевским и Чеховым).

В августе 1847 года выходит ее первый и главный роман, идейная основа европейского феминизма — «Джейн Эйр». Конечно, под мужским псевдонимом — Каррер Белл (иначе издаться было нельзя). Джейн Эйр, бедная, но образованная гувернантка, alter ego самой Шарлотты, мечтает

о маленькой частной школе, не соглашается стать любовницей своего доброго хозяина (потом становится законной женой), не принимает его дорогие подарки, бежит от его незаконной любви из дома и едва не умирает с голоду. И просит она у нашедших ее благодетелей только одного: «Мне надо, чтобы какой-нибудь подлинно добрый человек помог мне получить работу, которую я в силах выполнять; мне нужен заработок, который дал бы мне хотя бы самое необходимое».

Так Джейн Эйр сформулирует базу будущего феминизма: «Женщины испытывают то же, что и мужчины; у них та же потребность проявлять свои способности и искать для себя поле деятельности; вынужденные жить под суровым гнетом традиций, в косной среде, они страдают так же, как страдали бы на их месте мужчины. И когда привилегированный пол утверждает, что призвание женщины только печь пудинги да вязать чулки, играть на рояле да вышивать сумочки, то это слишком ограниченное суждение».

Роман понравился читательницам, но мужчины и Церковь встретили его в штыки.

Причиной ранней смерти Шарлотты стал ее брак со священником Беллом Николсом в 1854 году. Муж не давал ей времени писать, нагружал делами прихода (чаепитие на 500 прихожан, например). Бедняжку доконали обязанности жены пастора и сильная простуда. Она умерла в 1855 году, прожив всего 39 лет.

Прошло больше ста лет, но когда я вижу черные намордники на несчастных женщинах Востока, которые даже митинги зачастую проводят отдельно от мужчин, всё во мне восстает, и становится понятно, что у феминизма на нашей планете есть будущее. Прав был Наум Коржавин: «Ей жить бы хотелось иначе, носить драгоценный наряд... Но кони — всё скачут и скачут. А избы — горят и горят».

НЕОТРУВЛЕННЫЕ ГОЛОВЫ

Грани.ру, 17 августа

Надо же, какое совпадение помыслов у двух братских славянских диктатур. Я уж не говорю про третью, белорусскую. Если вспомнить шукшинский шедевр «Как Иван Царевич за чудом ходил», то лукашенковская голова

славянского Змея Горыныча — самая глупая. Говорит только: «Бифштекс, лангет, шашлык». Девять оппозиционеров выпустили, а кандидатов в президенты оставили. Пусть не баллотируются в следующий раз, знают свое место, не ломают Колин маршалльский жезл, который он носит в своем детском портфельчике вместе с азбукой и пеналом.

Но московская и киевская головы не умнее. Они о нас мыслят тоже гастрономическими категориями. И тычут вилками, проверяя, хорошо ли мы подрумянились. Судя по двум синхронным славянским набегам на остатки суверенных демократий, нас можно уже класть на блюдо и нести на чекистский стол. Кушать подано.

Политологи разбежались по догадкам и версиям, зачем киевской голове Змея Горыныча с фейсом Януковича понадобилось делать из Юлии Тимошенко боярыню Морозову. Ясное же дело, что если бы Москва давала газ по дешевке, от него бы ни Юля, ни другой министр не отказался. Не побегал бы никто за Путиным, суя ему в бездонный и дырявый кремлевский карман лишние миллионы, чтобы чекисты с голоду не вымерли. Оранжевых грабили за неуважение к старшей московской змеиной головке, а прихлебателя Януковича грабят уже просто так, из алчности. Дружба дружбой, а табачок врозь. К тому же он провинился. Еще сохранилась Западная Украина, те, кто голосовал против Януковича и Москвы, Ющенко, партия Олега Тягнибока, Юлин БЮТ, пан Яценюк. Почему Янукович их всех не закопал в Бабьем Яру третьим слоем? Вот пусть и платит.

Янукович пытается доказать, что он может закопать хотя бы Юлю. Ведь Юля, при всех ее недостатках, сегодня символ, живая память об «оранжевой революции». К тому же символ красноречивый, красивый, храбрый. Убрать Юлю — это уничтожить память о кремлевском поражении 2004 года. Московская голова настаивает, чтобы на венчике из красных звезд, в лучших традициях Ершова и Войновича, воссиял православный русский серп, на который суверенные кресты от РПЦ сильно смахивают. Уничтожить память народа сейчас с подачи Януковича старается и Высший административный суд Украины. Он в очередной раз постановил, что уничтоженные московскими энкавэдэшниками Степан Бандера и Роман Шухевич героями не были. Эти «януки» скоро саги и песни переписывать начнут.

Юля должна гордиться, что ее приписали к исторической памяти и причислили к национальным героям.

Почему украинские совки позволили ее арестовать? Что, трудно было взять приступом суд или Лукьяновскую тюрьму? Герои ОУН лежат в могилах, а их потомки лежат на пляжах, когда их память о былой оранжевой надежде вытаптывают «беркутовскими» сапогами. Стыдно, панове. Тот, кто сегодня в Украине не защищает Юлю, навсегда записывается в московское рабство. Юля в тюрьме, а в Киеве работает метро, ходит транспорт, летают самолеты. И никакой всеобщей политической стачки. «Гори, душа. Гори, а не ропщи. Чернеет в стуже солнце Украины». Это написал Василь Стус, украинский Рильке, которого уморили в советском концлагере все те же чекисты.

А что у нас с московской головой Змея Горыныча — самой злобной и зубастой? Путин улыбается и загадочно облизывается, однако его клеветы уже предлагают поменять ландшафт на Лубянской площади. Не хватает там оловянного солдата Урфина Джюса, то есть Железного Феликса. Спрашивается, зачем нынешним чекистам, плутократам, жуликам и ворам «преславная статуя» Железного Феликса, спавшего на солдатской койке и укрывавшегося шинелью, аскета и фанатика, который сегодня поставил бы к стенке весь наличный состав Лубянки и Кремля, не говоря уж о Рублевке и о нас, неимущих антисоветчиках? Зачем нынешним чекистам Андроповы и Дзержинские? А чтобы уничтожить последнюю память об Августе 91-го, как будто ничего не было, ни Ельцина, ни свободы, ни победы над ГКЧП. Вот аккурат 22 августа и поставить. Только вот шести соток, обещанных Янаевым, не будет. Путин отмерит каждому по два аршина.

ПИКНИК НА ОВОЧИНЕ ЦИКА

Грани.ру, 5 сентября

Пока народ влачился в пыли по разным избирательным помойкам, по какому-то недоразумению названным «праймериз», оппозиция устраивала свой маленький пикник на обочине, что было бы весьма похвально и даже необходимо, если бы «поляну» правильно накрыли. Но здесь возникли проблемы и с сервировкой, и с меню.

С путинскими «фронтовиками» и их «праймеризами» всё просто и ясно. Это старая советская история: ткачиха, повариха, сватья баба Бабариха. В советское время заседателей при судье на процессе называли «кивалами». Они нужны были для ровного счета, для создания имиджа «народного правосудия». Новые ткачихи и поварихи, сватьи бабы Бабкины и прочие попсовики нужны для того же. Они будут голосовать как скажут, никогда ничего не поймут в парламентских делах, которые, впрочем, давно превратились в пустой, но достаточно вредный для страны ритуал. Обыкновенная массовка, обыкновенные статисты.

Владимир Буковский писал, что автократия типа франкистской не создает псевдоструктур, поэтому после ее падения появляются профсоюзы, партии, возможность провести выборы. То есть расцветает незатоптанная жизнь. Как подснежник. А тоталитаризм сжигает всё вокруг, как степной пожар. Он создает фальшивые сущности: псевдовыборы, псевдопрофсоюзы, псевдопарламенты, псевдопартии. И когда он валится, ничего не возникает. По Буковскому получается, что мы к тоталитаризму на полпути. И экономика перестала быть капиталистической: у нас в лучшем случае НЭП, а командные высоты заняты если не тупыми большевиками, то неумными, хотя и хищными чекистами.

На этом фоне общество выглядит очень плохо. Мало чести быть волком, но мы все выглядим ягнятами, которые долго оправдываются и открещиваются, доказывая свою невиновность и полезность (в Президентском совете, в Общественной палатке, в «Новой газете»). А потом волк говорит, что ему хочется кушать, и все равно уносит и бизнес, и оппозицию в темный лес. Может, хватит оправдываться? Может быть, надо умирать достойно? Испортить волку аппетит? Вот, кстати, ПАРНАС достойно поступил, отказавшись заново сдавать документы на регистрацию. И название оправдалось: древние элины умирали с улыбкой, так было принято.

Не надо было Ходору варежки шить и сдавать зачет на швею-мотористку. Пусть убивают, но не измываются. Надеюсь, сейчас у них с Лебедевым другая работа. Первое требование советских политзаключенных: работа по специальности, иначе лучше в ШИЗО. Все равно никакое УДО юкосовцам не светит. Их темница рухнет, очевидно, вместе с путинским режимом, а оковы тяжкие падут вместе со зданием на Лубянской площади. Кстати, с ним следует

поступить как с Берлинской стеной. Пусть граждане растаскивают на сувениры вместе с мебелью и оргтехникой. За сутки всё разнесут.

Только сначала найдем списки стукачей и выложим их в Интернет. Пусть стреляются, вешаются и топятся. Одним списком Кардина* дело не ограничится. Много будет следователей, судей и прокуроров, которых навсегда вышибут из юстиции за участие в политических репрессиях. Много будет врачей, которые лишатся диплома за участие в ликвидации узников, таких как Магнитский, или за карательную психиатрию. Много будет фашистов и коммунистов, которые навсегда утратят право и возможность (согласно Конституции, ст. 13, п. 5) сидеть в парламенте, управлять государством, учить и судить. Эта красивая процедура называется «люстрация».

Я уж не говорю о жуликах и ворах из «Единой России» и окрестностей, которым придется отдать награбленное и идти пасти свиней. Мы до этого не доживем, но, может быть, доживут наши дети. Или внуки. Или правнуки.

Всё это случится, если демократы перестанут путаться в трех соснах, в четырех лимоновцах и в пяти удальцовцах. А то недавно Гарри Каспаров и наша надежда Борис Немцов отпаймеризились не лучше их славных предшественников, Дубчека и советских «шестидесятников», которые всё искали «социализм с человеческим лицом». А теперь, значит, поищем леваков или нацболов с оппозиционными бородами и с революционными глазами. Я готова честно поделиться Конституцией и с Лимоновым, и с Удадьцовым. Пусть хоть спят на всех площадях, от Триумфальной до Красной, пусть поставят себе там бытовки, палатки, шатры и просто сугробы и живут, завернувшись в лозунги, всю зиму, осень, лето и весну. Но вот защищать Конституцию с ними вместе я не согласна. Это дело чистое, и такие товарищи мне не нужны. С ними хорошо октябрьские перевороты устраивать, а не проводить вестернизацию страны и продолжать гайдаровские реформы, которые они на пару с жуликами, ворами и чекистами изуродовали и не дали довести до нормального капитализма, как в США или хотя бы как в Эстонии.

Вот сидит оппозиция, умный шахматист Гарри Каспаров и героический Боря Немцов, а вместе с ними неутомимый

* То же, что и «список Магнитского».

в защите прав человека (стаж с 1988 года) Лев Пономарев. И они решают, как испортить Путину обедню, то есть псевдовыборы, этот фарс-гиньоль. Но кого я вижу с ними рядом? Все того же поношенного до дыр Лимонова и крайне левого Удальцова. И это уже не форум оппозиции, а какая-то свалка. Какие дела могут быть у демократической оппозиции с Удальцовым, который требует сажать людей за одно намерение похоронить Ленина и возражает против сноса его памятников? А Лимонов уважает только те статьи Конституции, которые разрешают протестовать (пока НБП не у власти).

Прекрасно, протест — святое дело, но жить-то как будем? Судя по программам «Другой России» и «Левого фронта», жить будем как на Кубе или в Венесуэле. Хотите? Вот и прозвучало на весь праймеризный зал предложение призвать Лукашенко — ведь Путина нам мало. Всё. На этом бизнес, интеллигенция и вообще все нормальные люди разбегаются, крутя пальцем у виска. 22 августа на Пушкине не было ни НБП, ни леваков. Наши праздники — их поминки. И наоборот. Они 7 ноября отмечают.

Но и сами демократы еще не определились, что делать в декабре и марте. Рвать бюллетени и кидать их в бороду Чурову, клеить их вместо обоев, рисовать на них черный квадрат? Что народу посоветуем? Хотя ясно как день: власть хочет нас увидеть на избирательных участках, для нас даже Прохорова на новогоднюю елку повесили. Красного олигарха, честного сподвижника «партии жуликов и воров». Бывают и такие капиталисты, получающие от чекистов концессию на выборы, как в 20-е годы XX века немцы покупали концессии на добычу чего-нибудь из недр и на пароходства. Это и есть НЭП. Всё на благо Лубянки — а маржу себе в карман. Снова заработала московская публичная артель «Одесские баранки», снова Кислярский и Дядьев, советские купцы (из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова). Не пора ли всем путинским сподвижникам типа Прохорова нести мануфактуру к шурину — пока не пришли агенты? Вот Ходор вовремя не отнес — и ЮКОС отобрали. Вместе со свободой.

Ясно одно: участие в фарсе — соучастие в нем. По системе Станиславского. А если кому охота не прийти публично, то есть выход. Пишем заявление в Кремль и Центризбирком, а заодно и в Интернет. Я, имярек, не желаю

участвовать, выборы нелегитимны, «на ваш безумный мир — ответ один: отказ» (спасибо Марине Цветаевой). Копию в Европарламент.

Вот чем должна сейчас заниматься демократическая оппозиция — готовить народ к бойкоту. Это не наше государство, не наша Дума, не наш президент, не наш премьер, не наш Центризбирком, не наша армия, не наш суд, не наш ОМОН. Брянский волк и тамбовский медведь им всем избиратели.

ЧЕЧЕНСКИЙ РОМАНСЕРО

Грани.ру, 11 сентября

И не спрашивайте никогда, за что по нам в 2012 году на 12 лет или даже на всю оставшуюся жизнь прозвонит колокол. Хотя и этого мы не заслужили, «лежать бы нам до Страшного суда в неосвященном месте», прямо по Шекспиру. После того, что мы сделали с Чечней, мы будем прокляты и если не забыты, то только как отрицательный пример в учебниках истории, конечно, написанных не путинскими чиновниками от минобразования и не сталинским обожателем историком Даниловым.

У нас сошлись две печальные даты: торжественный, хотя и горький юбилей Анатолия Приставкина, родившегося 80 лет назад, 17 октября 1931 года, и дожившего до чеченской войны; и пятая годовщина расстрела Ани Политковской, ставшей летописцем этой войны и казненной советско-российской женщиной за сочувствие чеченскому народу. Анатолий Приставкин, демократ и председатель исчезнувшей из нашей жизни ельцинской комиссии по помилованию, показал нам в своей повести «Ночевала тучка золотая», какие мерзости мы творили в Чечне в 40-е годы XX века со Сталиным в башке и с винтовкой в руке. А в повести «Кукушата, или Жалобная песнь для успокоения сердца» он же рассказал, как советская власть в войну убивала малолетних сирот, детей «врагов народа» из спецдетдомов, где их сначала долго травили и морили голодом, заставляя стрелять в тире по портретам казненных отцов. А Аня Политковская уже в чисто документальной форме, но на языке гнева и любви описала наши зверства

на чеченской войне, где командовал не аскетичный фанатик Сталин, а нарядный олигарх и диктатор Путин, который ненавидел чеченский народ не меньше Сталина и Николая I за его вечную жажду свободы.

Аню убили 7 октября, Путину в подарок, и нечего искать заказчика преступления в той стране, где Верховный главнокомандующий считает жизнь журналистки вредной, а вреднее ее жизни оказывается только ее смерть. При таком настроении в государстве ни Аня, ни Наташа Эстемирова выжить не могли. Аня написала продолжение к Приставкину. Кровавый след, оставленный нами в чеченских горах, протянулся от начала XIX века до наших дней. Вы не чувствуете, как чавкает кровь у вас под ногами? Двух обвинителей российско-советского империализма, Анатолия Приставкина и Ани Политковской, нет в живых, но остались их книги. Нам никуда не скрыться от этих свидетельств.

Какая демократия, какие свободные выборы, какие Олимпиады, какое процветание? Злодеяния, сотворенные в Чечне, стоят у нас на пути, и нам никогда не доплыть до Арарата, потому что кровь, пролитая за почти что 200 лет, не схлынет, пока мы не покаемся. Не ждите голубя с веткой маслины, к нам слетятся только вороны и птеродактили.

Анатолий Приставкин и Аня Политковская вместе составили свой мартиролог. К скорбным теням повешенного нами Байсангура, который не стал предателем, как хваленый Шамиль, сдавшийся Белому Царю, или как парочка сатрапов Кадыровых, младший из которых даже проспект назвал именем палача своего народа, прибавились другие достойные имена. И Джохар Дудаев, и Аслан Масхадов, и тысячи ополченцев, погибших в неравном бою за свою землю, и десятки тысяч безымянных мирных жителей, стариков, женщин и детей, убитых вакуумными бомбами, замученных, изнасилованных и застреленных бесчисленными ульманами и будановыми. Да, такие вот «Викторы Ивановичи», как у Приставкина в «Золотой тучке», которые, сидя в баньке, выпивают, закусывают и жалеют, что при сталинской высылке оставили кое-кого из чеченцев в живых, не добились, скажем, маленького Джохара Дудаева.

Приставкин показал, как это страшно, когда чеченским детям, отправляемым в лагеря в телячьих вагонах, не дают

воды; как подло ломать камни от чужих могил и мостить ими свои тротуары; как выгоняют из дома целый народ и делят его скромное имущество, а станицу Дей-Чурт переименовывают в Березовскую; и как восстает этот народ. Но чеченцы были способны кого-то пожалеть, например, воспитательницу Регину Петровну с двумя ее малолетками. Они убьют невинного пацана Сашку, убьют страшно и жестоко, потому что любой переселенец в их глазах враг, но они же пожалеют и оставят в живых его брата Кольку, потому что попросит за него его названный брат, чеченский мальчик Алхузур. Чеченские повстанцы и пацан Алхузур способны пожалеть, но советская солдатня не пожалеет никого. И российская — тоже.

«А перед нами всё цветет, за нами всё горит. Не надо думать — с нами тот, кто всё за нас решит. Веселые — не хмурые — вернемся по домам, невесты белокурые наградой будут нам». Это о ком, как вы думаете? Очень подходит к российской армии, распявшей Чечню, правда? А написано про фашистов. «Идут по Украине солдаты группы Центр». Чем отличается от эсэсовцев контингент, осквернявший мечети, отрезавший мертвым чеченцам уши и укреплявший на танках красные флаги с серпом и молотом, то есть эквивалентом свастики? И всё это под крики: «Мы вам напомним Сталина!»

И Лев Толстой с его «Хаджи-Муратом», и Анатолий Приставкин, и Анна Политковская кричат вам сквозь время то слово, которое выкрикивала Сандра из «Кукушат», выбегая под пули НКВД с малышом Хвостиком и падая рядом с ним. Это слово — жалость. Слово, нами забытое. Только вот в Евангелии сказано: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Мы четыре раза уничтожали чеченский народ, и какой же милости мы ждем? Ельцин раскаялся, и я молюсь, чтобы Бог простил ему Чечню. А кто станет молиться за Путина? Богородица не велит. Скольких младенцев погубил этот Ирод в Чечне и Беслане? Нет, россияне. Не будет вам Царствия Небесного. Впрочем, и на земле вас ждут казни египетские за то, что вы не отпустили чеченский народ. И мне вас не жаль. Мне некогда вас жалеть. Я оплакиваю чеченцев.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА?

The New Times, №32, 3 октября

Для главного исполнителя данной мелодии в нашей стране этот вопрос не дискуссионный. Знакомый нам роль четыре года стоял наготове, и все Красные Шапочки России надеялись хотя бы на то, что кремлевский Серый Волк даст себе труд надеть для нашего успокоения бабушкин чепчик и ее же очки. Но увы! Будет чистый Путин, ничем не разбавленный, на 12 лет. Он еще простудится на наших похоронах. А может, и не простудится. Наденет теплый шарф, связанный Надеждой Бабукиной, и варежки, сшитые Ходорковским. Поможет и тулупчик, сшитый из семи шкур, содранных с российского бизнеса, раскулаченного и рассаженного по тюрьмам. И никаких больше объездных путей и стежек-дорожек. Прямой и торный путь к гибели. С чего начинается их Родина? С разводки в нашем букваре. Азбука Морзе: точка-тире-точка. Президент — премьер — президент.

В связи с историческим возвращением на старое пепелище мне вспомнились саги о Максиме Максимовиче Исаеве производства Юлиана Семенова. Благо как раз 8 октября исполняется 80 лет со дня рождения этого писателя. С ВВП его объединяет глубокое убеждение в том, что самое главное на свете — разведка. В молодости наше поколение зачитывалось и засматривалось бестселлером «Семнадцать мгновений весны» (1969), экранизированным в 1973 году. Эта вещь благодаря таланту ушедшей на той неделе Татьяны Лиозновой одолела советские штампы, а Вячеслав Тихонов придал своему Штирлицу черты необыкновенного благородства, достоинства, ума и горьких раздумий. И таких немцев, как пастор Шлаг (Ростислав Плятт) и профессор Плейшнер (Евгений Евстигнеев), мы тогда еще не видели. И Мюллер (Леонид Броневои), и Шелленберг (Олег Табаков) тоже не походили на карикатуры Кукрыниксов. В самом романе заправилы Третьего рейха оказываются нежными отцами, заботливыми мужьями, хорошими товарищами, что тоже нестандарт.

Этот роман выше сортом, чем настольная книга лидера нации «Щит и меч». Впрочем, и Вадим Кожевников

приводит нехитрую подоплеку многих довоенных разведбиографий: сэкономить командировочные и купить заграничные шмотки.

Когда пала Берлинская стена, рабочее место Путина самоликвидировалось, и он стал искать карьеры и фортуны на родной стороне. И к сожалению, нашел и то и другое.

Однако Юлиан Семенов со своим Штирлицем явно перегнул то ли перо, то ли пишущую машинку, и у нас получилась передозировка. Исаев возвращал алмазы в Гохран («Бриллианты для диктатуры пролетариата», 1971), внедрялся в Белое движение на Дальнем Востоке («Пароль не нужен», 1966), работал против Франко в Испании в 1938 году («Испанский вариант», 1973). Он успел побороться с ОУН на Западной Украине («Третья карта», 1977) и поискать нацистов в Аргентине («Экспансия», 1984).

В конце концов, Штирлиц стал похож на вездесущего Гаврилу из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, который то бамбук порубал, то булку испекал, то письма разносил. Поэтому жуткий финал подвигов Штирлица в «Отчаянии» (1990), где он, вернувшись в Москву в 1947 году, попал на Лубянку и узнал, что его жена и сын расстреляны по приказу Сталина, а сам был отправлен отбывать срок во Владимирскую тюрьму, никого не опечалил, кроме самого автора. Юлиан Семенов впал в глубокую депрессию и умер от инсульта в 1993 году. Но кроме героических Штирлицев, писатель не брезговал и кагэбэшниками, ловившими американских шпионов («ТАСС уполномочен заявить», 1977). Карьера Путина кончилась иначе, чем у Штирлица. Он никогда не совершал подвигов и защищал только шкурные интересы своей касты.

24 сентября рояли перестали уместаться в кустах, и ВВП уже открыто продолжил свою работу над Родиной. Эта диктатура бриллиантами с пролетариатом не поделится.

ДОЛГОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ КРАТКИХ РЕФОРМ

The New Times, №39, 21 ноября

Ноябрь 2011 года — печальное 105-летие нашего Несбывшегося: столыпинской аграрной реформы. То, что она не удалась, — как и александровские реформы, отвергнутые

многочисленными чеховскими Фирсами, почитавшими волю за несчастье, и чеховскими же мужиками из «Мужиков», находившими, что барин обеспечивал лучше, — не отрицает ни один историк; как и гайдаровские реформы были отвергнуты агрессивно-послушным большинством. Юрий Афанасьев в своей «Опасной России» пишет, что Октябрь 1917-го был реакцией на вестернизацию России, реакцией косного крестьянского социума. Вот вам и результат: реформа привела как раз к тому, что пытался предотвратить Столыпин. Остается понять, почему такая прекрасная идея не воплотилась в реальность, хотя она сулила и фермерство, и средний класс.

По-моему, ответ надо искать в далеком прошлом. Еще когда всё было безоблачно, когда Киевская Русь процветала экономически и политически, когда Новгород и Псков по всем параметрам, в том числе по правам и свободам, превосходили города Ганзы, в «Русской Правде» Ярославичей были странные строки о закупках, вдачах и рядичах, которые закрепощались добровольно, за деньги или за полное содержание. Ключевский пишет, что царь Алексей Михайлович был вынужден издать указ о наказании кнутом и ссылкой на Лену за добровольное закрепощение, потому что таких «добровольцев» набралось столько, что казна недосчиталась податей (их платили лично свободные). А в XVII—XVIII веках возникает фактор «людей длинной воли». Они уходили в леса, в глушь от государева ярма, даже до Сибири добирались без всяких столыпинских вагонов. Им никто не подстилал соломки, они работали, как папа Карло, корчевали пни, сеяли рожь и ячмень, ставили избы и кузни, разведывали руды. Они выживали и преуспевали. (Потом этим же путем пойдут раскольники.) Это и были столыпинские, александровские и гайдаровские кадры. Самодостаточные, самостийные индивидуалисты. Только вот «людей короткой воли», которые комфортно чувствовали себя в ошейнике и на цепи, оказывалось больше.

Столыпинская реформа давала достаточно гарантий: бесплатные земли в Сибири, скидка на проезд, 300 рублей ссуды за лесные заимки, выкуп помещичьей земли на кредиты Крестьянского банка. Столыпин верил, что этого достаточно. Наверное, он слишком долго служил

в Ковенской и Гродненской губерниях, где еще витал дух Речи Посполитой. Хуторяне, фермеры, норвежские бонды... Только как Столыпин собирался совместить этот либеральный уклад с самодержавием? Здесь нужны были не Николай II, а английская королева, не Дума, но полноценный парламент.

30 % переселенцев, злые, нищие, бездомные вернулись обратно из Сибири, и только около 11% крестьян действительно стали зажиточными фермерами. Это было хорошее начало, но слишком близок был конец. «Люди длинной воли», эти драгоценные 11%, пойдут под нож. Это будут «мироеды» и «кулаки». «Люди короткой воли», считавшие реформы причиной своих бед, лузеры и завистники, пойдут в комбеды и продотряды.

Реформа Столыпина, как потом реформы Гайдара, усугубила классовую войну и социальную рознь. Но ватный кокон безделья и бессилия надо разрушать до основания, сколько бы попыток нам ни понадобилось, потому что Свобода, Собственность, Законность (девиз гайдаровского «Демократического выбора России») наступят только «затем». Столыпин пытался свободу поставить на третье место, Александр II начал с нее, но споткнулся на Польше. Гайдар волок Россию в Европу, но Ельцин споткнулся на Чечне.

Перематаем портянки, как говорил Егор Тимурович, и опять вперед. На штурм несбывшегося в 1861-м, в 1906-м, в 1992-м.

ВОЛОТНЫЕ ОГНИ

Грани.ру, 12 декабря

Правильно говорят, что второй раз история повторяется как фарс. Даже такая страшная и кровавая история, как наша. Да, на том, что случилось 4 декабря, мы все вполне можем сложить головы, включая Путина. Ибо из колодца бездны какой-то ангел-экстремист выпустил русскую Смуту, адский признак пугачевщины.

Ну, путинскую голову мне не жалко; судя по его поведению, глупая у него голова. Но и оппозиционеры не умнее. Про народ же и вовсе речи нет. «Партия жуликов и воров» попалась с медвежьей лапой в кармане у избирателя, как Шура Балаганов с грошовой дамской сумочкой

в трамвае. Похоже, что дедушка Чуров — последний правнук лейтенанта Шмидта.

Но народ не растерялся. Его на мякине не проведешь. По совету «яблоков» и Навального он тут же отдал свои голоса тем, кто стадию воровства уже давно миновал во времена эксов Камо. КПРФ — партия продвинутая, они еще в 1917 году перешли на стадию разбоя. Как советовал Родион Раскольников — «чтобы сразу весь капитал». Конечно, чужой. А поскольку народ давно не видел продуктовых карточек, не проходил перед отпуском партбюро, чтобы съездить в Испанию или в Италию, и спокойно без очереди покупает иномарки и иношмотки, он, конечно, не мог не отдаться коммунистам, ратующим за то, чтобы бедные помогли им дорваться до госдач и спецраспределителей. Или того лучше — весельчакам-нацистам из ЛДПР, ратующим за бедных русских или русских бедных. Естественно, в надежде, что эта бедность превратится в богатство для прохвостов из фирмы «Жирик Инкорпорейтед».

Но на этом порыв народа к свободе и гражданскому обществу не иссяк, и они накидали бюллетеней выхухолям, пасынкам медвежьей команды, которые тоже идейно ратовали за кусок пожирнее с думского стола. Программа у них простая: не желаем строить капитализм, будем строить популизм; Путина любим, но его шайку презираем, потому что нашей шайке после них ничего не достается. Словом, конфликт внутри Общества потребителей бюджета.

Конечно, на честных выборах медведям пришлось бы уступить КПРФ и ЛДПР с эсерами еще 15%. Ведь бойкот был сорван массовиками-затейниками из «нах-наховцев», «нуф-нуфовцев» и прочих милых звериков, а серому волку только того и надо было. Срыв выборов, отказ от явки сделал бы всю власть нелегитимной, включая Путина и Медведева, которые тупо прут вперед, как танки, пока в марте не напорются на Февраль. Власть не понимает, что проиграла по очкам. Она ждет нокаута, который и впоследствии 4 марта, потому что если Путин станет себя навязывать силой и обманом, то выйдут уже не 100 тысяч человек, а полмиллиона и кричать будут: «Путина на мыло!» Даже не в отставку. Для отставки времени не будет.

Благо у нас сразу три Керенских на белых конях: и Немцов, и Касьянов, и Рыжков. Три популиста, три веселых друга, экипаж машины боевой. Только эта БМП движется не к демократии и не на Запад. После срыва бойкота наши

Керенские нашли себе грабли поострей. Они сознательно и втемную использовали нормальных честных людей, возмущенных в своем гражданском достоинстве путинской шайкой и путинской наглой попыткой пролезть в Кремль еще на 12 лет. Да, они, конечно, потенциальные жертвы первого встречного обманщика. Иначе на выборы бы не пошли. Но где им получить добрые советы? Если умная и талантливая элита типа Бориса Стругацкого или гайдаровского сподвижника Олега Басилашвили призывала их идти и голосовать за сгнившее еще много лет назад «Яблоко», чей воскресший лидер всю избирательную компанию оскорблял Ельцина и Гайдара, ходил на цыпочках вокруг Путина и с восторгом поддерживал агрессивную войну против Грузии и оккупацию части ее территории. Чего же ждать от народа, если любимые писатели и актеры советуют ему сделать такой недостойный выбор.

Так чем же попотчевали наши Керенские наивных демократов, доверчиво пошедших за ними на Болото и в болото коммунистического реванша или нацистского пробуждения? Угощение было что надо: члены КПРФ с красными флагами и белыми цветами, которые они, наверное, возложили на близлежащий ленинский саркофаг или на сталинскую могилу. Тихий наци по имени Крылов; громкий и скандальный наци Белов (Поткин), которому слово обещали, но не дали; член «Союза советских офицеров», предложивший на сладкое срочно реставрировать СССР. Колонны лимоновцев, массовка ДПНИ, анархи всех фасонов. Илья Пономарев, эсер из Левого фронта. Словом, сплошной Февраль на современном пародийном уровне. Роль потенциальных Инессы Арманд и комиссарши Землячки сыграли Ксения Собчак и Евгения Чирикова. Белые шарики и белые ленточки, видимо, означали капитуляцию перед логикой, здравым смыслом и хорошим вкусом. В феврале 1917-го по площадям не бегали националисты из черносотенных организаций, а здесь и они влились в общие революционные ряды. Было даже выступление «демократической полиции», которая хвалилась тем, что ей не поручали разогнать митинг. Да его и невозможно было разогнать, разве что утопить все 100 тысяч участников в реке, но здесь бы и полицию сильно помяли. С такой толпой ни полиция, ни ОМОН, ни даже войска не справятся. Разве

что с вертолетов напалм сбрасывать на центр города, что-бы Кремль сгорел, как при Тохтамыше.

Была там и обманутая невеста: Эдуард Лимонов, обрученный с Революцией и обливавшийся слезами на одноименной площади. Он поносил буржуев, которые увели у него Революцию на Болото, а то бы он взял Кремль, Лубянку, Думу, ЦИК, Алмазный фонд и Грановитую палату. Ай-люли, ай-люли, буржуи революцию увели. Впрочем, буржуи ничего буржуазного не делали, а только пилили сук, на котором сами сидят.

Над площадью прозвучал советский гимн (это как если бы в феврале 1917-го революционеры пели «Боже, Царя храни!»). Резолюция Революции почему-то была из Царь-пушки по стреляному воробью Чурову, и в ней ни слова не говорилось про уход в отставку из президентских выборов Путина. То есть честные и справедливые чекистские выборы в той же берлоге.

А ведь как легко было собрать приличных людей для приличной резолюции! Просто озаглавить митинг: «Возвращение к конституционным нормам ельцинского демократического десятилетия». Или: «Долой чекистскую хунту, не хотим назад в СССР, хотим в Европу и в НАТО». Или: «Против коммунистической и националистической угрозы, за продолжение гайдаровских либеральных реформ». Всё. Красная и коричневая нечисть разбегается с дикими воплями. В бой идут одни демократы. А так получился цирк. Правда, пока без львов на арене. Одни бешеные кролики. Самым радикальным из них был Явлинский, которого кинули Мефистофели из Кремля, обещавшие ему один-два приставных стульчика в Думе. Ведь если себе прибавляешь 15%, то как не уделить полезному фрукту хотя бы 2-3%? Но нет, жаба их задавила. Жулики и воры, словом.

Я от себя могу посоветовать впредь для прогулок выбирать другой закоулок и других туроператоров. А при упоминании фамилий Немцова, Рыжкова и Касьянова тут же вспоминать про их красно-коричневую свиту, запираться на все засовы, закрывать форточки и сидеть дома на осадном положении.

Мокрый народ, использованный тремя Керенскими вместо промокашки, расходился с площади, где осталась лежать куча граблей, на которые до и в процессе митинга

наступили его организаторы от бывшей демократической инфантерии. Такая же куча высилась перед Кремлем. На них с 4 декабря танцует власть. Если собрать эти грабли воедино, получится парочка других сельскохозяйственных орудий. Для начала молот и серп, с трудом отличимые от свастики. И в конечном итоге вилы, которые возьмет в руки народ, вконец одуревший от деятельности селекционеров Лубянки и агрономов с ПАРНАСА.

ДОН КИХОТ ПРАЖСКИЙ

The New Times, №44-45, 26 декабря

Кто сказал, что Дон Кихот обязательно сумасшедший, городской или сельский, неудачник в медном тазике вместо шлема, принимающий ветряки за злых волшебников? Вацлав Гавел, которого мы и прогрессивное человечество, вписывающееся в сверкающий эллипс общечеловеческих ценностей, потеряли 18 декабря, был совсем не смешным и вполне успешным Дон Кихотом. Когда он родился в 1936 году в Праге, в состоятельной буржуазной семье, Чехословакия была уютной и чистенькой европейской страной. А потом на нее обрушились ужасы Мюнхенского стовора и Ялтинского подлого тайного протокола, который в 1968-м обрек Пражскую весну на безжалостное подавление советскими и прочими «варшавско-договорными» танками при полном невмешательстве западных держав.

Гавелу пришлось жить и при нацистской, и при советской оккупации, и о такой честной и достойной жизни в бесчестные времена можно только мечтать. Больше ни одному диссиденту не удавалось так послужить своему Отечеству, чтобы диссидентская слава потонула в лучах президентской. Чехословакия, свободный мир и российские правозащитники всегда сверяли по Гавелу свои часы. Он не ошибался, и даже в 60-е годы, когда Дубчек мечтал о «социализме с человеческим лицом», Гавел оставался праволиберальным, трезвым и ироничным противником всех социализмов и коммунизмов на свете. Коммунистическая власть не смогла задушить его драматургический и публицистический талант.

С 1965 года Гавел попадает в когтистые лапы цензуры. А после 1968-го начинаются аресты, сначала короткие,

превентивные, домашние, а после подписания «Хартии-77», манифеста чехословацких интеллектуалов, решившихся бросить в каменное лицо власти свои европейские требования, его посадили надолго, с 1979-го по 1983-й. Пьесы Гавела печатались и ставились за границей и были запрещены в ЧССР. Но пражский Дон Кихот продолжал бросаться на тоталитарные твердыни. В 1989 году он создавал «Гражданский форум» и поднимал над ЧССР занавес «бархатной революции». В этом рафинированном интеллигенте, писателе, драматурге, публицисте и узнике совести чувствовалось столько ума и твердости, что обе палаты парламента избрали его президентом освобожденной страны. Он стал ее последним президентом (1989–1992). Первым делом Вацлав Гавел объявил Чехословакию мирной страной и закрыл военные заводы, наплевав на выручку от продажи оружия. Это стало одной из причин ухода Словакии, но Гавел не дрогнул. Развод был мягким, элегантным, красивым, без скандалов и воплей о территориальной целостности.

Вацлав Гавел стал первым президентом Чехии (1993–2003). Он поощрял и продвигал экономические реформы и не сдавал своих реформаторов. Он привел Чехию в НАТО (1999) и в ЕС (2004) и твердо и прямо сказал, что Россия пока в НАТО не годится, что НАТО будет стражем европейской безопасности на границах Беларуси и Украины, когда там всё наладится. Похоже, он не верил, что наладится у нас. Он считал систему американской ПРО благотворительной для Центральной Европы. Авторитет его был так велик, что когда недавно Путину попытались вручить премию «Квадрига», обещания Гавела вернуть эту награду хватило, чтобы премию не вручали в этом году вообще. Надо уметь бросаться под четверки коней, когда они скачут на службу к диктатуре.

Он принимал Салмана Рушди, не убоившись гнева Тегерана, и Далай-ламу — не убоившись гнева Пекина и Москвы. Глядя на жалкий фарс 4 декабря, он успел сказать, что у нас нет демократии, а есть жестокий мафиозный посткоммунизм. Он призвал нас бороться с ним... Вацлав Гавел, Рыцарь Свободного Образа.

Наш друг и соратник может спать спокойно: злые волшебники и великаны больше не потревожат покой Чехии. Абсурдистан рухнул.

2012

ЧТО ОНИ ВСЕ, ОДУРЕЛИ?

Грани.ру, 16 января

Наши революционеры (нет на них ни Столыпина, ни Ельцина, ни Гайдара, ни хотя бы Вассы Железновой), отдохнув в чужих теплых краях, усердно возобновили свои труды по построению ледникового периода в отдельно взятой Российской Федерации. Для того чтобы страна рухнула обратно в тоталитаризм, голодная и зубастая пасть которого уже разверзлась под нашими покрасневшими и покоричневевшими митингами и соответствующими оргкомитетами, где левак и участник нелегитимного охотнорядского пира «победителей» Илья Пономарев затыкает рот честному правозащитнику Льву Пономареву, осталось сделать совсем немного.

Страна левеет на глазах, с нее сползает тоненькая правая шкурка — не медвежья, не выхухолевая, а скорее кротовая, на рыбьем меху. Уже оспорены и прокляты «бессмысленной чернью», как лоялистской, так и «оппозиционной», благословенные девяностые, нареченные «лихими». Уже даже Борис Немцов не смеет сказать вслух: «Я продолжу гайдаровские реформы», — а ведь они сохранили россиянам жизнь. Уже раздается карканье недобитых в 1993 году ворон о пересмотре результатов приватизации. Уже либерал Юрий Афанасьев отрекается от Столыпина, Александра II и ельцинского «олигархического капитализма» и требует, чтобы рента за ресурсы принадлежала народу. Устроим себе арабские эмираты или норвежский социализм!

Правда, климат немного не эмиратский и население не норвежское и не залувное, а 143 миллиона. Тот же Борис Немцов уже подсчитал, что если делить на едоков, то выйдет по 500 баксов в год на нос. Не прокормишься. Тем паче что чиновники при дележе половину украдут. А кому принадлежала нефть в США? Когда ее находили на территории индейского племени, у индейцев покупали этот

ресурс и платили им немалые деньги. Все эти дары природы теперь в частных руках, поэтому США — первая экономика мира. А золото на Аляске принадлежало старателям. Уж сколько намоешь.

Норвегия до нефтяной поры тяжело работала, делала туннели в горах, ловила рыбу, мастерила плавучие электростанции и шхуны. Поэтому нефть их не испортила. А если дать ренту нашим несчастным иждивенцам, которых развратила бездельем и внеэкономическим принуждением лагерей еще советская власть, они и вовсе работать перестанут.

Но сейчас у нас пытаются отнять последнее. И пытаются, кстати, умные красно-коричневые, Путин и глупые демократы, всегда готовые рубить сук, на котором они сидят.

На нас идут в атаку две губительных идеи: улучшение Конституции и Учредительное собрание. Это даже хуже нашествия марсиан. Кто их знает, какие они, марсиане? Может, у них капитализм? Может, у них каналы в частной собственности?

Конституция у нас отличная, хотя и похуже американской. Но в Америку плыли свободные люди, которым мало было даже британской Хартии вольностей. Им ничего не надо было разжевывать. Конституция США — генетический код Америки, ее матрица. У них, чай, не Мавзолей в Нью-Йорке стоит, и не памятники Ильичу-палачу, а Статуя Свободы с факелом и скрижалью.

Наша Конституция лучше многих европейских, в частности итальянской, и в ней много ловушек для тех, кто хотел бы развернуть страну в советское прошлое. Ее либеральная, буржуазная и демократическая однозначность и прочность так велики, что она могла бы послужить нам учебником жизни и путеводной звездой по крайней мере на ближайшие 100 лет. Это платье было сшито на вырост, и только наши правнуки выросли бы из него, если бы им повезло.

США живут по своей Конституции более 230 лет и не собираются ее переделывать. А мы и 20 лет не успели прожить — и уже готовы сдать ее в утильсырьё и остаться с пустыми руками и разинутым ртом на милость Путина, Зюганова, Навального или Удальцова, наедине со своим имперским комплексом, советской отрыжкой и классовым сознанием то ли Шарикова, то ли Швондера.

В Конституции у нас целая Грановитая палата сокровищ. Даже преамбула, говоря о «самоопределении народов»,

дает основания добиваться легитимно, по референдуму, выхода из состава Российской Федерации — без ковровых бомбардировок. Вы скажете, что это не спасло Чечню — самоопределение объявили мятежом и бандитизмом. Так не надо было воевать и исполнять преступные приказы, надо было именно тогда идти на Болотную площадь: ведь Ельцин никого «не отоваривал дубинкой по башке», миллионные протесты заставили бы его дать Чечне независимость. Это россияне не готовы были отпустить несчастную республику, даже покойный Сергей Юшенков. А Борис Немцов и сегодня заявляет: «Кавказ должен остаться в составе России». А если Кавказ решит иначе? Опять воевать? В таких настроениях тоже Конституция виновата?

Статья 8 (часть 2): «В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности».

Статья 9 (часть 2): «Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной [...] и иных формах собственности». Фигули вам на рогуле с рентой от ресурсов. Свобода. Собственность. Законность. Капитализм. То, что роздано, сохранено. Это старый закон диссидентов-самиздатчиков. Наше — это ничье. Только мое и твое являются основой открытого общества, рыночной экономики, полных магазинов и полноценной гласности, которую не отнимут ни Путин, ни «Газпром», ни Лимонов с Зюгановым.

Статья 15: Прямое действие Конституции, приоритетность Декларации прав человека и Пакта о гражданских и политических правах (международные договоры) перед своими законами!

Дальше целый букет прав и свобод, абсолютных и безотносительных (ст. 18—23, 31).

Статья 27 дает право на выезд за границу и на возвращение в страну.

Статьи 13 и 29 позволяют запретить коммунистическую и фашистскую деятельность.

Статья 37 запрещает принудительный труд.

Статьи 49 и 51 — это «сбыча мечт» диссидента о правом суде и правильном следствии.

Статья 59 предоставляет право на альтернативную гражданскую службу вместо солдатчины.

Да, всё это можно извратить пытками подследственных, убийством Магнитского, делом ЮКОСа и четырехлетней

альтернативкой. Но Конституция — это не страховка против жуликов, воров и бандитов, тем более против собственного невежества и лакейства. Ведь ее дали вчерашним рабам как пособие по свободе.

Маша Гайдар обижается, что Конституция ее не защитила. Но Конституция в руках рабов мертва, а гарантии даже Сбербанк не дает, вспомните дефолт.

Недаром один из отцов американской Конституции Томас Джефферсон сказал, что ни одно правительство не сможет сохранить в стране свободу, если оно не будет точно знать, что граждане за эту свободу готовы пожертвовать жизнью. И он же добавил: «Древо Свободы должно иногда омываться кровью патриотов». Это было сказано для свободной Америки, а полурабская Россия хочет получить гарантии дешевле?

И в десяти заповедях, и в Нагорной проповеди содержится много запретов на воровство, убийство, лжесвидетельство, трусость и подлость. Однако люди продолжают убивать, красть, лгать и предавать. Прикажете на этом основании переделывать Священное Писание?

Дайте в руки Путину идею пересмотра Конституции, и он будет очень рад лишить страну последней демократической и либеральной записки. А что будет взамен? Вы верите, что Зюганов, Удальцов и Навальный напишут лучший текст? Я не верю. Навальный уже заявлял, что Конституцию Ельцин принимал для себя и своей семьи. Вот так сидело целое Конституционное совещание и европейские нормы для ельцинской семьи переписывало. Как же буквально стансы Навального совпадают со стансами красно-коричневых!

И только Учредительного собрания нам не хватает для полной гибели. Что может учредить левая страна, голосящая за коммунистов, Жирика, мишек и выхухолей? Вспомните жуткий опыт первой Учредилки. Мало того, что почти все места получили экстремисты: эсеры и эсдеки, так они ведь и шансов на жизнь коллегам по честным выборам не оставили. Большевики кадетов с их 4% голосов объявили вне закона (как левые и наци объявят ПАРНАС и всех нас), а эсеры их предали. Разве можно было открывать заседание, зная, что кадетские депутаты убиты или изгнаны?

И что же решила эта Учредилка? Что земля не может быть частной собственностью. А дальше пришел матрос

Железняк (теперь придут лимоновцы). И в чем же была идейная разница между Смольным и Таврическим? В драке за власть? А кто из них всех защитил кадетов и свергнутого царя с семьей? Дай волю красно-коричневым, вчерашним и сегодняшним, они и бы и семью Ельцина поставили к стенке в каком-нибудь подвале. И я уверена, что Лимонов с Удальцовым уже присмотрели какую-нибудь шахту поглубже для Немцова, Касьянова, Оли Романовой и Вити Шендеровича.

Так что прежде чем разбирать Конституцию, нашу новогоднюю елку, стоит задуматься. Ведь это наша последняя линия обороны. «В миг расставания, в час платежа, в день увяданья недели чем это стала ты нехороша? Что они все, одурели?»

От Учредительного собрания вы получите отмену Беловежских соглашений, частной собственности, для начала крупной и средней, и пересмотра итогов приватизации. То есть карточную систему и гражданскую войну, если будет кому воевать, если сразу не перережут всех лишних, всех сытых, всех умных. Держитесь крепче за Конституцию: «Синяя крона, малиновый ствол, звяканье шишек зеленых...»

ИГРА НА КЛИРЕ

Грани.ру, 23 января

Несчастливая российская общественность всё никак не может сбить с рук «партию жуликов и воров» (эти крысы из головки сыра не вылезут, пока останется хоть корка). Вопреки мнению Володи Соловьева, в России еще есть что украсть. (А то он убивался на своем «Поединке» с Прохоровым и Зюгановым, что всё уже украли; если бы так, то «Единая Россия» уже самораспустилась бы за неимением общего дела и общей цели.) Но, кажется, за жуликами и ворами уже стоит в очереди еще одна кандидатка на звание партии власти; такая же подлая, противная и лживая, но куда более опасная, чем банальные мздоимцы.

Всеволод Чаплин, устами которого глаголет Святейшая Православная Инквизиция, уже высказался за создание очередного Союза Михаила Архангела. Снимаю шляпу перед обоими Стругацкими, как ушедшим от нас, так и пребывающим в добром здравии: они это предвидели в своем

романе «Трудно быть богом». За серыми (то есть едино-россами, пошляками из массовки) всегда приходят черные. Черные монахи, изоляционисты, человеконенавистники, средневековые рептилии типа отца Звездония из романа Войновича, которые не крестятся, а «звездятся», ибо их символ не крест, а пятиконечная звезда, а веруют они не в Бога, но в очередного генсека или самодержца (Гениалиссимуса). Типа Путина.

Мы видели их в деле. Это они, вместо того чтобы «печаловаться» (заступаться) за заключенных (тем паче политзаключенных), как приличествует наследникам мученика митрополита Филиппа (Колычева), крушили дубинками выставку в Сахаровском центре и ребра тщедушным геям (которых, как жертву общественной дикости, тоже должны были бы защищать). Это они разбойничали в начале 90-х в Палестине, с помощью автоматчиков Ясира Арафата выгоняя монахинь из келий на улицу, чтобы экспроприировать монастыри, принадлежащие Зарубежной церкви. Они и сегодня прибирают в Париже к рукам эмигрантские церкви и подмяли под себя зарубежных так, что добрым христианам в России приходится уносить ноги под омофор Константинопольского патриарха Варфоломея и вписываться в Украинскую автокефальную церковь. Эти черные монахи из РПЦ требовали крови Юрия Самодурова, а патриарх Алексей призывал молодежь идти воевать в Чечню еще в 2000 году.

Когда у нас появился свой Лютер (отец Глеб Якунин), РПЦ не смогла отправить его на костер, но отлучила от церкви. Кстати, идейные предтечи нынешних черносотенцев от РПЦ (по словам Владимира Соловьева, надевшие государственный мундир, взявшие в руки государственный меч и хватающиеся за государственный венец) отлучали от церкви Льва Толстого, который был куда ближе к духу христианства, чем все иерархи и весь клир. Храм Христа Спасителя, где вечно торчит Медведев и где торчал Лужков, превратился в какую-то лавочку, в какой-то филиал парткома «Единой России», где торгуют благодатью, моют машины и паркуют иномарки.

А Всеволод Чаплин предлагает нам и сейчас встать повоювать. И неважно, с кем и за что. А как учил мушкетер Портос (Смирнитский): «Я дерусь, потому что дерусь!»

Один из чаплинских вариантов — это подрасться с США за Сирию. Зачем? Да чтобы перевоспитать «хомячков», то есть демонстрантов, если их не убьют на этой войне. Конечно, Чаплин кровожадно надеется, что половину перебьют. Последний вариант крестового похода: отправить за море крестоносцев, чтобы большую часть там перебили, а оставшиеся замолчали от страха. Никогда ни один тиран Европы (даже Гитлер) не был столь откровенен, вслух мечтая о гибели части своего населения. Христианская любовь к ближнему здесь просто зашкаливает.

И Всеволод Чаплин, и патриарх Кирилл уже предлагали расправиться с «Болотом» и проспектом Сахарова силовыми методами, то есть устроить 9 января. А Чаплин даже утверждает, что Россия погибла от того, что в феврале 17-го никто не пострелял восставших курсисток, гимназистов, царского брата Михаила, солдатиков, матросиков, рабочих и интеллигентов. Это не помогло бы. Надо было срочно кончать войну (или лучше вообще не начинать) и провести до конца земельную реформу.

А сам патриарх Кирилл изложил платформу будущей партии в своих идеологических тезисах в беседе с Евгением Ревенко в «Вестях недели». Это вам не платформа ХДС/ХСС, мирных правых партий, это чистое мракобесие.

Во-первых, он вполне в духе песни Галича о товарище Парамоновой заявил, что протестующие не вправе требовать честных выборов от государства, потому что они сами изменяют женам, уклоняются от налогов и дают на лапу гаишникам. Это спецпредложение новой партии — лишение гражданских прав (десять «по рогам») за адюльтер. А неверных жен, видимо, будут камнями побивать. Далее он вознегодовал: почему противники номенклатуры из «Волг» пересели в «мерседесы» и поделили страну? Вот те на! А патриарх что, ездит на «Запорожце»? Князь церкви потребовал для России президента, верящего в Бога, напроць позабыв о Конституции, где закреплен светский характер государства. Потом возопил о справедливости. (Церковную десятину, наверное, будем платить.) И наконец, объявил, что не надо нам никаких революций (особенно оранжевых).

И это мракобесие, это убожество, которое ползет не только в наши карманы, но и в наши души, имеет самый

высокий рейтинг доверия? Хотите такую партию? Скудоумную, алчную, тиранофильскую, милитаристскую? Может быть, «раздавим гадину», то есть уменьшим власть до минимума (Путин не уместится в этом наперстке) и вовсе откажемся от партии власти? Как кто себя так обозначит, так сразу пинка ему — и вон с выборов.

Клерикалы у власти? Не дай Бог!

РАЗВОР НЕДОЛЕТОВ

Грани.ру, 12 февраля

Ну вот еще одна прогулка состоялась, предпоследняя. Под бдительным надзором полиции, мэрии, губернаторов с Лубянки, вертолетов МЧС, с внутренними войсками по углам и по подворотням, с ОМОНОм в кулуарах. Этот оргсектор и ласковый нянь по имени Путин присутствует на заднем плане всех наших болотно-сахаровских мастер-классов.

На первый взгляд все было как всегда: на Болото пошли хорошие люди с хорошими лозунгами под предводительством хороших лидеров типа Гарри Каспарова, Бориса Немцова и Владимира Рыжкова; плохие коммунисты с плохими флагами под руководством опасных фанатиков и совсем уж тошнотворные нацисты с присвоенными императорскими штандартами под руководством черт знает кого. «У Свободы нет плохой погоды» — это звучит. И лозунг Дмитрия Быкова восхитителен: «Не раскачивайте лодку — нашу крысу тошнит».

Но вот беда: не тошнит крысу, она адаптировалась, и никакой у нее болотной болезни не наблюдается. Крыса сколотила себе крепостную массовку из «поклонников» и собирается тянуть время до 4 марта. Даже радикализация Болота, где Рыжков наконец провозгласил с амвона: «Россия без Путина!» — крысу не устрасила. Путин больше не боится больших протестных митингов. Почему? Может, потому, что «болотные» демократы добродушны и незлобивы, что у них полно розыгрышей, шуток, прибауток, шариков и маскарадных костюмов?

Для реальной революции нужно чуточку ненависти и много серьезности. Надо знать, кто враг, а кто союзник, и не путать. А здесь установлена иерархия врагов на сегодня, на завтра и на послезавтра, и непонятно, кто же союзники.

Сначала бьемся с Путиным, а уж потом, на сладкое, нацисты. А о ненависти к коммунистам советские потомственные демократы просто забыли, и многие собираются то ли за Зюганова голоснуть, то ли с Удальцовым попопобратимствовать, аж до ВЧК, подвала Лубянки и стенки.

А знают ли они, что такое серьезное восприятие врага и общественной угрозы? Это когда в Германии по четыре года за апологетику Гитлера дают, а Гесса из могилы вырыли, прах сожгли, над водами развеяли и могилу уничтожили, когда неонацисты стали к ней паломничества устраивать. А в Литве недавно одного домовладельца полиция заставила с собственной голубятни барельеф Ленина снять в свете запрета советской символики. У нас, напротив, Путину даже Алексей Навальный, не считая менее радикальных оппозиционеров, предлагает дать гарантии, чтоб он убрался добровольно. Это ему за Грузию, за Чечню, за «Норд-Ост» и Беслан, за НТВ, за ЮКОС, за все прочее. «Приходите и владейте нами», грабьте, убивайте, пытайте, как Магнитского, а мы вам потом дадим гарантии. Много найдется охотников нами владеть на таких условиях.

Зато, в порядке компенсации, многие демократические журналисты, лидеры и демонстранты, усмотрели врага в Константине Боровом, который всего лишь попытался организовать на собственные деньги отдельный митинг для правых против того же Путина на проспекте Сахарова. Почему-то это его благое намерение поискать по белу свету бесхозных антисоветчиков, которые до сих пор из дома не выходили (и в основном не вышли даже на проспект), вызвало к нему большую ненависть, чем к Кургиняну, Вассерману, Шевченко и Леонтьеву, вместе взятым. Кстати, не находите ли вы, что эти ребята похожи на четырех всадников Апокалипсиса с картины Дюрера?

Но вернемся к нашим разборкам. «Лаэрт, откуда эта неприязнь?» Почему журналист Пархоменко кидается на блогера Борового? Почему Илья Яшин поедом его ест на «Свободе»? Почему оппозиционер Каспаров, вроде бы демократ, жалуется на демократа Борового фашистам и обзывает его «зомби 91-го года». Разве тот Август не самый счастливый для нас день? Разве 500 мальчиков, которые пришли на Сахарова протестовать (а иначе бы дома сидели), — это убыток, а не прибыль? Ведь некоторые

оригиналы договорились до того, что это Путин дал денег на митинг против самого себя. Как будто ему мало расходов на «поклонников».

У диссидентов, моих товарищей, несмотря на все разногласия тактического характера, было чувство локтя, и они знали, кто на их стороне баррикад. Вчерашние оппоненты завтра оказывались в Лефортове или подписывали в защиту друг друга письма протеста.

Разве демонстрантов, которые сами решают, куда им идти, раз уж пошли против Путина, можно украсть? Так в чем криминал проспектного митинга? Пусть против Путина митингуют на всех площадях Москвы и России. Да, проспект был пустой. Все смеются. А ведь смешного мало. Правые опять оказались недостаточно пассионарными. Как в 1917 году, когда кадеты, октябристы и прогрессисты дали себя перерезать без сопротивления или бежали за кордон, оказавшись менее стойкими и боеспособными, чем матросы Кронштадта или рабочие, которые под градом пуль протестовали против разгона Учредительного собрания 5 января 1918 года на улицах Питера.

На проспект Сахарова должны были выйти национальные диаспоры Москвы, которым и с Путиным не жить, а мучиться, и с фашистами не по дороге. Грузины, чеченцы, ингуши, армяне, украинцы, азербайджанцы, белорусы. Всем им и СССР, и постсоветская путинская Россия причинили зло.

И бизнес, особенно крупный и средний, который грабят чекисты, а коммунисты и прочие леваки просто национализуют и конфискуют, должен был двинуть сомкнутыми рядами на Сахаровский проспект. Но они опять решили отсидеться под веником — они ведь не сопротивлялись и в 1917-м.

Проспект предназначался для потенциальных тысяч идейных либералов, западников, сторонников гайдаровских реформ. Тысяч не нашлось. Возможно, уже уехали в теплые западные края. Константин Боровой попытался закрыть собой амбразуру, и этот пустой проспект — не только его неудача, это индикатор тревоги и беды: страна беззащитна перед красно-коричневой угрозой. Страна не сделала западный выбор, страна не знает, куда ей идти даже после устранения Путина. Обратите внимание: Боровой не оскорбляет демократических лидеров Болота, он обращается

к ним со словами мира и любви. А в ответ — потоки ненависти. Мы сравнились с большевиками: «Кто такие "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов», «ре-негат Каутский», «оппортунисты», «ликвидаторы», «Иудушка Троцкий». И куда нам в демократию с такой риторикой?

А ведь скоро прогулкам конец. Поклонная показывает, как тупа и примитивна власть, как она до конца будет настаивать на своих ошибках и злодеяниях. «Поклонники» — это клоны с тех трусов и фанатиков, которые в 30-е годы XX века бегали по улицам с транспарантами «Расстрелять, как бешеных собак!». Они же давали свои подписи против Пастернака, которого не читали, против Даниэля и Синявского, против Сахарова и Солженицына, они выступали на профсоюзных собраниях против «американского империализма» и «израильской военщины». Путин даже не пытается использовать ошибки Болота и собрать к себе тех консерваторов, которые против красно-коричневых. Ведь им пришлось бы отдать Ходорковского, отменить сталинский гимн, убрать Мавзолей и прекратить шашни с силовиками. Путин прекрасно обходится без «властителей дум». Вместо Бориса Акунина, Лии Ахеджаковой и Леонида Парфенова у него одни отбросы из помойки под названием СССР.

Нас временно расконвоировали, чтобы под уздцы привести в избирательное стойло, к прозрачному корыту в оборудованном видеокамерах хлеву. А после подсчета голосов снова запихнут за проволоку, в лагерь общего режима с прежними и новыми (Сечин, Рогозин, Володин) вертухаями. Вольноотпущенники — это еще не свободные граждане. «А вода уже по пальчики водолазам и купальщицам... Поминай, друзья и родичи! Подступает к подбородочку... Муттер, ужинать не зови! Пу-зы-ри» (М.Цветаева). Пузыри и над Болотом, и над Проспектом.

ЗАМЕРЗШИЕ В СССР

Грани.ру, 28 февраля

Наша худосочная разведка опять засыпалась на мелкой краже. Штирлицев больше нет, остались только Аннушки Чапман и другие девицы того же разбора, которые даже суммарно не тянут на радистку Кэт. Вот, например, эстонская

контрразведка отловила шпиона из крупных тамошних чиновников, который регулярно получал деньги российских налогоплательщиков, то есть ваши и мои, за страшные эстонские военные тайны, самая полезная из которых — это, очевидно, рецепт посола таллинской кильки, которой мы давно, с 1991 года, не пробовали. Потому что, в отличие от щедрых латышей, снабжающих нас своими шпротами вопреки Онищенко, эстонцы поставляют кильки только в демократические государства. И хотя Эстония входит в НАТО, ничего опасного для России, никакого секретного американского оружия там нет, — но ведь СВР лишь бы заполнить штатное расписание.

И вообще путинская Россия похожа на Плюшкина, который собирает разное ненужно барахло. Кому бы еще понадобилось отрезать от Молдовы злополучное Приднестровье, населенное троглодитами, которые так боялись попасть в Румынию и Европу, что остались в СССР. И какая польза от того, что у Грузии отобрали столь же троглодитские Абхазию и Южную Осетию и теперь мы кормим еще и эту кучу бездельников и бандитов, распиливающих наш бюджет и на самом деле имеющих только одну национальную принадлежность: иждивенцы и паразиты.

Такую же картину я обнаружила в Латвии. К сожалению, количество тех, кто говорит на одном с нами языке (хотелось бы им это запретить) в странах Балтии прямо пропорционально количеству неприятностей в тамошних краях. В Литве — ноль неприятностей, потому что там было 9%, а теперь даже 6%. В Эстонии было когда-то 40%, а сейчас 26-27%. Хуже всего в Латвии, где было 50 на 50, а сейчас 40%. Вот от этого и возник инициированный ФСБ пополам с тамошними нацболами Абея (то есть Линдермана) референдум о втором государственном языке. Этого Абея когда-то поймали там с взрывчаткой, которую он бережно хранил у себя дома, но ничего не смогли доказать (может, он ее коллекционировал) и, как подобает в правовом государстве, освободили из тюрьмы; у нас бы он сидел лет десять.

Интересно, сколько по этим стандартам понадобилось бы государственных языков в США? Но там все сидят смиренно и учат английский — и русско-, и итальянско-, и испано-, и китайскоязычные. Но там, где чувствуется мертвящее зловоние разлагающегося трупа СССР, там советские (не русские, нет!) общины стараются закуклиться, изолировать

себя от внешнего мира и сохранить статус совков и оккупантов, как сильно простудившиеся на холодной войне.

Референдум* совки проиграли, и многие достойные и свободные русские, настоящие европейцы, проголосовали вместе с латышами: «против». А вот кто такие 273 тысячи проголосовавших «за», которые шакалят у российского посольства и обожают душу Путина?

Латыши не могут этого понять. Русские, кстати, нигде и никогда так себя не вели. Они вместе с графом Резановым строили форты в Калифорнии; они вместе с Борисом Вильде создавали в 1940 году французское Сопротивление, придумав само это слово; они отлично чувствуют себя в Англии, в США, в Австралии, в Аргентине, и ни испанский, ни английский, ни французский не были для них препятствием. Но невозможно понять совков, над которыми сияют еврозвезды, которые имеют европаспорта, но за 20 лет так и не выучили латышский язык, не став гражданами ни Латвии, ни России, сидят в добровольном гетто и заунывно ноют на тему, как им было хорошо до перестройки, когда Латвия была колонией СССР. Именно те, у кого есть «краснокожая паспортина», будут голосовать за Путина. То же самое будет и в Приднестровье, и в Абхазии с Южной Осетией. Они похожи на навеки застывших в янтаре доисторических насекомых или на вмерзших в арктические льды мамонтов. И этот лед, и этот янтарь называются СССР. И если можно остаться совком в уютной европейской стране, то чего же ждать от России, где советские артефакты попадают на каждом шагу, от Мавзолея и памятников Ленину до раскулачивания бизнеса и сгоняемых на митинги бюджетников?

Мы живем на постсоветском кладбище, где покойников из СССР больше, чем живых современников. И эти злые покойники-зомби, то есть электорат Путина, Зюганова, Жириновского и Миронова, вполне едины в своей воле никуда из СССР не вылезать, а западные жизненные блага их главари готовы потреблять единолично. Они всегда друг друга поймут, они соседи по вечной советской зоне. Посчитайте, сколько суммарно наберется процентов у этой «большой четверки» выходцев с того света, и вы будете знать, кто замерз в СССР.

* О русском языке как втором государственном.

Четвертого марта состоится референдум об идейном и духовном сохранении СССР. На этих «выборах» будет только один полуживой — Михаил Прохоров, да и тот заложник покойников, играющий по их правилам. Число живых определится числом не проголосовавших — за вычетом тех, кто тупо просидит дома, потому что им всё это до фонаря, как скотине в хлеву, и они не хотят даже выбрать себе мясника, который их будет резать или стричь. Это, между прочим, Пушкин сказал, тщетно пытаясь «в свой жестокий век восславить свободу». Нам, западникам, европейцам и гражданам XXI века, пора решать, что мы будем делать с этим советским мясокомбинатом: с колбасником Путиным, с его подмастерьями-соискателями и с их колбасой, процентное содержание которой в стране мы узнаем в начале марта. А то как бы они первые не стали решать, что делать с нами.

УЙТИ КРАСИВО

The New Times, №8, 5 марта

Девяносто пять лет назад в эти мартовские дни царь Николай II подписывал отречение от престола. Он наделал множество ошибок (худшие из которых — маленькая проигранная Русско-японская война и большая победоносная Первая мировая), но все же дал России октябрьский Манифест 1905 года, узаконивший все заявленные политические партии и собравший первый в истории России парламент — Госдуму. К отречению его склоняли давно. Россия наконец-то изжила монархию — древнюю, замшелую и ритуальную, с царским ответом на вопрос переписи о профессии: «Хозяин земли русской». Многопартийность уже была реальной, Дума не была фикцией, политических лидеров был полон Петербург, от кадетов Милюкова и Петрункевича до октябристов Родзянко и Гучкова, от правого Пуришкевича до левого Керенского. Суды были независимы, как и профсоюзы.

И эта огромная страна отвергала самодержавие и требовала ответственного перед Думой министерства. Причем требовали все, от Земгора (организация, где Союз городов слился с земством) до пятнадцати великих князей, членов Императорского дома, от Николая Михайловича и участника убийства Распутина Дмитрия Павловича до Михаила Александровича, родного брата царя, сторонника английской

монархии. Даже английский посол открыто и чуть ли не публично предложил Николаю II сделать такую реформу, протистившись с самодержавием.

Уж если Распутина убивал князь Феликс Юсупов при участии правого депутата Пуришкевича и великого князя Дмитрия Павловича, то можно представить себе размеры усталости общества от самодержавия. Механизмы насилия у монарха оставались. Ему предлагали разогнать Земгор. Он ответил: «Нельзя трогать общественную организацию во время войны». Он мог бы подписать мир с немцами и снять с фронта войска для подавления Февральской революции, как это потом сделает Ленин, подписавший позорный Брестский мир во имя сохранения большевиков у власти. Но Россия и ее благо, как он его понимал, были для Николая II важнее короны. Он отрекся и за себя, и за сына, и даже не попросил гарантий. Ни для себя, ни для своей семьи. Он вручил власть Временному правительству — до созыва Учредительного собрания, которое уже маячило на горизонте. Он не хотел проливать кровь ради сохранения власти, и весь дальнейший кошмар произошел не по его вине. Истинное величие Николая Александровича открылось после ареста императорской семьи и закончилось мученической смертью в ипатьевском подвале Екатеринбурга.

Так же скромно и добровольно в свой час ушел с поста президента СССР Михаил Горбачев, не желая гражданской войны, не прибегнув к насилию и получив в качестве гарантий два доллара государственной пенсии. Ушел добровольно и Ельцин, почувствовав стойкую нелюбовь и неблагодарность народа. Ушел от власти даже великий Шарль де Голль, вечный победитель, спасший французов от позора капитуляции 1940 года, отступивший только перед Францией, отвергшей его проект политической реформы на референдуме в 1969-м.

Не таковы были геронтократы СССР, которых выносили из Кремля ногами вперед, не таков и их наследник Путин. Путин надоел всем, кто готов жить не по-советски, и даже многим из просоветских реакционеров — надоел до чертиков. Он лишился харизмы, он стал смешон, над ним издеваются прогрессисты с Болотной. Запад говорит с ним сквозь зубы. Тем паче что и заслуг нет. Он не давал волю, он ее отнимал. И он готов задушить «Эхо» и «Новую»,

вести войска в столицу, дожидаться гражданской войны в ядерной стране, столкнуть Болотную и Поклонную.

Что ж, история знает примеры, когда опостылевшая власть, не желавшая уходить красиво, все равно уходила, но некрасиво. Как Нерон, Калигула, Милошевич, Саддам Хусейн и Муамар Каддафи.

ЗАНЕСЕННЫЕ ПЕСКОМ

Грани.ру, 2 апреля

Иногда бывает полезно взглянуть на себя со стороны. Такой взгляд в не умеющее лгать на тему «ты на свете всех милее, всех румяней и белее» зеркало может сильно напугать.

Я точно только что погляделась в такое иноземное зеркальце, называемое Израиль. Это стоическая, демократическая, веселая, бодрая, умная, добычливая и удачливая страна не передает вам привет, несчастные россияне. «Наших» там уже больше 1/5, чуть ли ни четверть, но это давно уже не «наши». Западники с Ближнего Востока. Евреи, обладающие всеми древними славянскими добродетелями Новгорода и Киевской Руси: храбростью, гуманностью, терпимостью, трудолюбием, рачительностью. Под каждым домом личное бомбоубежище. Кто-то устраивает там себе кабинет, кто-то поселяет кота. Под общественными зданиями бомбоубежища сдаются со всеми удобствами и с Интернетом.

Над крышами Беэр-Шевы и Ашдода всего месяц летали ракеты, подаренные палестинским экстремистам любвеобильным путинским режимом, который, как и СССР, охотно и бесплатно снабжает всякую нечисть, от Асада до ХАМАСа, от Китая до Ирана, своим антикварным оружием, плавно перетекающим в ядерное, как в Китае, Иране или Северной Корее. Но ракеты эти сбивают, над Израилем «железный купол». И никакой «Матиас Руст» в чалме и с фетвой в зубах, неверно понимающий и Коран, и Аллаха, и пророка Мухаммеда, на площадь в Тель-Авиве не сядет.

Леонид Шебаршин правильно сказал, что велика Россия, а отступить некому, потому что армии нет. Нет — и не надо. Не дай Бог Путину и Сечину еще армию занять! А вот Израиль мал, но его армия отступать не умеет. Она — действительно народное ополчение. И там «наши» знают,

за что им воевать. Так ведь и «Моссад» не ФСБ, и «Шабак» не ГРУ. Всё маленькое, но чистое и настоящее.

Мне там подарили стихотворение: «У нас сажают президентов, премьеров отдают под суд, но не хватает диссидентов. Ильинична, останься тут!» Хотя им диссиденты уже без надобности. А я «лицо, не имеющее права на репатриацию». Тем паче что Израиль неплохо сам себя спасает, а Россию спасать особенно некому. Хотя бы в свете пресс-конференции «Немцов — Удальцов». Немцов, значит, будет бросать спасательный круг, а Удальцов — закидывать камнями. Немцов будет править к берегу, а Удальцов — вырывать руль и направлять корабль на рифы. Хороша спасательная команда!

В Израиле напрочь не понимают, почему российские демократы тусуются с фашистами и коммунистами. Страна, население которой знает, что такое Холокост и 6 миллионов его жертв, нацизма не приемлет, а от коммунистов они как раз и бежали из СССР. В Израиле, наверное, есть какая-то худосочная компартия, но ее не слышно и не видно. И все ругаются, но вежливо, и Кнессет — место для сплошных дискуссий, и как-то все уживаются: и светская партия «Наш дом — Израиль» Либермана, и религиозники из «Шас», и правые из «Ликуда», и социал-демократы из «Аводы», центристы из «Кадимы» и арабские партии. Одни соблюдают субботу, другие — пятницу, третьи — развлекаются в это время вовсю; одни не едят свинину, а для других в окна русских магазинов лежат штабеля сала и колбасы.

Нефти и газа нет, но нищие и голодные на улицах не валяются, и страна богаче нашей, и на «жигулях» никто не ездит. 60 программ на ТВ, вся пресса свободна, как хамсин, и это всё во враждебном окружении! Никто не ноет и не пищит, Путиным детей пугают. А нас считают слабаками, и поделом.

Предки этих людей вышли из сытого Египта и 40 лет бродили по тамошним пустыням. И они дошли до Земли обетованной, потому что даже ослабевшие и обреченные умирали молча.

А мы сдались в начале похода, забросали грязью своего Моисея (Гайдара), не продержались и двух лет и поползли обратно к фараону. Ну вот и поймали своего фараона еще на двенадцатилетку. Считайте, что нас занесло

песком, как ту деревню из повести Кобо Абэ «Женщина в песках». Но деревня хотя бы откапывалась шанцевым инструментом, а мы лежим на дне ямы и скулим.

Мне даже пришла в голову идея: взять в аренду израильские пустыни и водить по ним россиян порционно, по 40 лет каждый миллион, пока не вымрут все, кто на свет появился совками. Израильтяне-то согласны, но ведь россияне добровольно не пойдут. Сразу лягут на песок и завизжат. Да и с Моисеями после смерти Гайдара тяжело.

Кстати сказать, сейчас из России уезжает столько «лиц, имеющих право на репатриацию», причем целыми самолетами, прямо в Бен-Гурион, сколько не уезжало в 20-е годы XX века. Министерство абсорбции трещит по швам.

И можете сколько угодно обзывать их крысами, но это не отменяет печальной истины: Россия — тонущий корабль, захваченный безумными и жадными пиратами, и на мачте у нас сразу два флага: черный «Веселый Роджер» чекистской хунты и белый — поражения и отступничества. Счастливого вам рабства, новые египтяне.

УЗНИЦЫ ВЕЗ СОВЕСТИ

Грани.ру, 10 апреля

«Не удалась моя карьера, и это по вине Вольтера. Судьбы сломалось колесо, и в этом виноват Руссо». Знаменитая максима Вольтера «Ваше мнение мне глубоко враждебно, но за ваше право его высказать я готов пожертвовать своей жизнью» начинает обесценивать и делать смехотворной правозащитную деятельность.

Насилие и жестокость власти тошнотворны, но некоторые объекты, предлагаемые нам для правозащиты, тоже вызывают морскую болезнь. Одно дело скромная, чистая и самоотверженная Светлана Бахмина, мужественный стоик Василий Алексанян, с таким достоинством сносящие свой жребий честные бизнесмены Лебедев и Ходорковский, ставший в заключении борцом и диссидентом еще один невинный предприниматель Алексей Козлов. Другое дело — клон с украинских «Фемин», странный то ли рок-, то ли панк-ансамбль Pussy Riot.

Сразу оговорюсь: девушки должны быть освобождены немедленно, уголовное дело надо закрыть. Плохое воспитание

и неуважение к богомольному народу, бестактность и эпатаж тянут не более чем 15 суток за хулиганство, причем мелкое. Наши инквизиторы озверели и станут куда большими преступниками, чем бедные шалуны. Но это не значит, что их надо объявлять узниками совести. Совесть у них как раз нет. Узником совести надо объявлять Алексея Козлова, вынесшего из лагерно-бутырско-прокурорской избы столько сора, что на книгу хватило. Почему Ольга Романова, блестящий журналист и оппозиционер, работающий на общественное благо, должна платить одна за всех? А вот девушкам после освобождения, вопреки Пушкину, не надо устраивать радостную встречу и меч им отдавать. Просто не здороваться, пока не научатся себя вести в публичном месте.

Бороться с Путиным в храме Христа Спасителя так же уместно и концептуально, как бороться с ФСБ в Петербурге путем изображения фаллоса на Литейном мосту. Никогда не слышала, чтобы подобное заклинание помогало от чекистов. Некоторые христианские авторитеты даже считают, что крест здесь был бы более эффективен. Группа «Война» также безграмотна, бестактна и лишена всякой культуры, как наши «пуссики». Это не значит, что группу «Война» надо было посадить. Но не премии же давать за похабщину, и мост пусть бы помыли или заплатили за мытье. А бутылки с мочой против ОМОНа на протестном шествии — это просто хамство. У ОМОНа щиты и шлемы — а вдруг в прохожего попадет или в журналиста? За такие шуточки не в тюрьму ведут, а по зубам дают. И я такого прохожего или журналиста не стану осуждать.

Не надо сравнивать невоспитанных «пуссиков», полуголых «фемин» или оппозиционеров с фаллосом с теми, кому была посвящена когда-то свеча за колючей проволокой — символ Amnesty International. Хоть догола разденься, хоть в храме нагадь — но не сравнишься ни с Сергеем Ковалевым, ни с Александром Подрабинеким, ни с Владимиром Буковским, диссидентами, сидевшими за настоящее дело, а не за хамство и эпатаж. Да, надо освободить девушек, но отказать им в праве стать в ряды защищающих свободу. А «Фемины» пусть идут работать в стриптиз, им это больше подходит. До чего дошли соотечественницы Вячеслава Чорновила и Василя Стуса! Как всё измельчало!

А мы еще получаем от «пуссей» послания из тюрьмы, что они считают себя правыми. Вот Юрий Самодуров выставкой «Осторожно, религия!» и вторым мероприятием на тему «Осторожно, цензура!» заставил зрителей глубже взглянуть на современное поверхностное христианство и советские «ценности», претендовавшие на место религии, а девицы чего добивались? Шли бы бороться с Путиным в Кремль или к нему же на госдачу. Что, не пускают? А храм чем виноват? Да, храм — новострой, и мойка под ним ужасная, и РПЦ плохая, и патриарх далек от идеалов Христа, но ведь кто-то же ходит в этот храм, кроме Медведева с женой и Собянина. Их-то за что обижать? А Христос разве не был диссидентом и узником совести? Он-то как раз был. И багаж у него — Евангелие. Сравните с глупыми виршами девиц. Так что я в пикет за них не пойду, и у здания суда не встану. Не Ходорковского судят, не Самодурова с Ерофеевым, не горстку храбрых, вышедших в 1968 году на Красную площадь защищать Чехословакию.

И хотя я против всех преследований геев и даже за разрешение гражданских союзов между ними, но стоять в пикетах на эту сомнительную тему у школ и детских библиотек аморально. И дело здесь не в гомосексуальном аспекте — с гетеросексуальными вопросами тоже лучше держаться подальше от малых детушек. Здесь уж родители могут вмешаться, а не ОМОН. И я таких битых пикетчиков защищать не стану. Да, права! Да, равенство! Да, клубы! Да, гей-парады! Да, союзы! Но пикеты у школ — это хамство.

Что-то нас несет вместо свободы в разные помойки, как в 20-е годы XX века, когда борцы с религией плевали в небо, приглашая Бога спуститься и им ответить, или сбивали колокола, а из храмов делали овощехранилища. Что-то есть в наших Pussy Riot от комсомолок 20-го года.

Не мешает помнить, что из группы футуристов, шлявшихся по проспектам с морковками и в желтых кофтах, остался в памяти и в книгах один Маяковский, но не благодаря морковке, а из-за некоторых очень хороших и новаторских стихов. А вот Иосиф Бродский вообще с корнеплодами не ходил, но обрел и Нобелевку, и славу. Ибо был великим поэтом. Боюсь, что наши «пусси» руководствовались в храме Христа Спасителя теми же идеалами, которыми руководствовался Герострат, поджигая храм Артемиды Эфесской: тщеславием.

Так что Вольтер как хочет, но я лично желаю употребить остаток своей жизни на защиту тех, кто сам защищает разумное, доброе, вечное, а не то мелкое, вредное, гадкое, ничтожное или даже исторически преступное, которое предлагает мне для правозащиты нынешний век: «Фемин», группа «Война», Pussy Riot, пикетчики у школ с сексуальными плакатами, Лимоновы и Удальцовы.

СВЫВАЕТСЯ МЕЧТА ИДИОТОВ

Грани.ру, 12 мая

Чья инаугурация состоялась в Москве? Вы скажете, Путина? Ну, это ненадолго. Идет XXI век, век модернизаций, инноваций, Интернета и интеллекта. И если в 1917 году Николай II и его присные лишились власти по собственной глупости, то что же будет с Путиным и его хунтой век спустя?

У нас наметился интересный вариант с тремя головами Змея Горыныча, почище, чем у Шукшина. Там была одна самая глупая голова, изрекавшая что-то вроде «лангет», «антрекот», «бифштекс». Без всякой дипломатии, сразу за тарелку. Две другие головы были поумней. А у нас Лука в Беларуси за аплодисменты сажает, Янукович прет на рожон, издеваясь над бедной Юлией Тимошенко, хотя Евросоюз уже гонит его взашей и готов порвать все связи, ну а Путин, сами знаете, запрещает по улицам гулять. Прямо по Петеру Вайсу, по «Господину Мокинпотту»: «Вы здесь гуляете и, значит, что-нибудь замышляете».

Хватают тех, кто с белыми ленточками, а если не с ленточками, то с бородой. А если нет ни того ни другого, то достаточно фоторобота. Если Навальный или Удальцов вышли на улицу, их хватают просто за фамилию. Если Лимонов выходит из дома, то это расценивают как экстремизм.

Теперь я точно знаю, что эта власть падет. При такой-то трусости! Какие кровавые мальчишки сняты Путину (может, горящие чеченские дети и обуглившиеся трупы школьников Беслана?), но какая-то шапка на нем явно горит, если он в день своей коронации зачищает от народа Москву. Как полагается здесь поступать? Выкатить бочку вина народу, раздать пряники и платки, создать массовку: «Летучие мыши

на крыше платочками машут и пляшут». А здесь не инаугурация, а второе нашествие марсиан. Я всегда подозревала, что омовцы не люди. Не если это роботы, то кто заложил в них такую глупую программу?

Во Франции Олланд и Саркози (Олланд, кстати, — это очень большое несчастье) милуются на площади, вокруг сотни тысяч французов кричат «ура!», а здесь у нас тактика выжженной земли. «Государство — это я» в чистом виде. Это была мечта идиотов: рокировка, тандем, власть в защечном мешке, как краденое зерно. И что теперь? Как сохранить? Гоняться за каждым прохожим с оппозиционным выражением лица? Выгонять посетителей из кафе и ресторанов и сажать туда ОМОН?

Это была инаугурация не Путина, а Навального. Еще пара арестов, и Путин сделает из него президента, из Лимонова — дуче, из Удальцова — председателя Совета Народных Комиссаров. Только-только правая интеллигенция типа Бориса Акунина, Ксении Собчак и Леонида Парфенова стала отклеиваться от красно-коричневых товарищей по цеху, а Саша Подрабинек призвал не сотрудничать с «не нашими» — как Путин снова всех склеил и стал создавать Новое Братство Кольца. Я просто физически ощущаю, как трясущиеся от страха загнувшиеся чекистские руки заталкивают меня в одну колонну с Навальным и Удальцовым. Потому что по делу «6 мая» и дальнейших властных глупостей мне хочется не с Навальным спорить (с ним я согласна на все 100%), а с Ольгой Крыштановской, его беззубым и беспомощным оппонентом.

Я бы даже сказала резче великодушного Навального, согласного оставить единороссов в Думе с 35%: «Нет, миленькие мои. Ваша партия будет объявлена преступной и запрещена, как все компартии и нацистские организации, как когда-то НСДАП, потому что ваши проценты заработаны преступным образом, и если вы где и будете сидеть, то на скамье подсудимых, куда вы посадили Ходорковского, Козлова, Магнитского, Алексаняна, Лебедева, Бахмину. Далее смотрите тот список политзаключенных, который у Льва Пономарева и который Медведев после фамилии Мохнаткина читать не стал».

В ночь на 7 мая мне приснился вещий сон: по моей улице идет колонна овчарок, идет сама по себе, и все овчарки в омовских шлемах. И у каждого подъезда садится

одна собака. У моего подъезда сидит собака, чтобы я не могла выйти из дома! Так мы и будем теперь жить?

Путин ведет к власти левых так точно и эффективно, как будто он на зарплате у Коминтерна. Где здесь Левый фронт, где Правый? Кто увешал всю Москву красными флагами с серпами и молотками? Ведь не Удальцов же, у него таких возможностей еще нет. Значит, Путин и Собянин. Николай II наделал много ошибок, но красных флагов на домах не вешал и газету «Правда» у него не воспевали, как это сделало путинское НТВ. В сохранении этой власти хотя бы на один лишний день никто из правых не заинтересован, и когда левые, с которыми Путин заигрывает, действительно, а не для протокола начнут штурмовать Кремль, Белый дом, Думу (что у них там положено штурмовать?), пусть власть нас не зовет на помощь. Мы пришли к Ельцину и Гайдару, но к Путину, Суркову и Володину не пойдем, даже когда погаснут телеэкраны, когда новый Макашов будет брать мэрию.

Страна по воле Путина въезжает в гражданскую войну. В сторонников власти действительно будут кидать дохлыми кошками. В ответ на беспредел будет беспредел. И Михаилу Прохорову, который приветствовал инаугурацию Путина, придется бежать из страны, оставив капитал Удальцову, как многим (кто успел убежать) в 1917 году. Поостерегитесь, господа прихлебатели. Эта власть проклята и обречена, и после ее падения разбираться с вами будут не «Эхо Москвы», не добрый Ельцин, не великодушные «ДемРоссия» и «Демсоюз». С вами будут разбираться идущие к власти красно-коричневые. А как они разбираются, вы помните? Читайте «Архипелаг ГУЛАГ».

А на омонцев, когда выходят миллионы, рассчитывать не приходится. Кто стал защищать Крючкова, Николая II, Людовика XVI, Карла I, Милошевича, Каддафи, Чаушеску? Правда, стране легче не станет. Власть упадет налево, и не раскаявшаяся в своей советскости и ничему не научившаяся страна получит еще один урок из рук красных учителей.

Я знаю, что либералам тоже не жить, что у моего подъезда вместо путинской овчарки окажутся комиссар в кожаной куртке и красноармеец в пыльном шлеме. Но я все-таки надеюсь, что Дмитрий Быков успеет добраться до своего парижского такси (а может, и получше что найдется, Париж благосклонен к хорошим поэтам), а Владимир Владимирович,

наоборот, не успеет на свой самолет и никакого бара «У Вована» у него в Париже не будет. Пусть заплатит сполна за всё, что случилось и еще случится по его милости с моей страной.

ПОКА ЕСТЬ ВРЕМЯ

«Эхо Москвы» (блог), 13 мая

Пора начать призывать Кремль, как мы в 65-м году: «Соблюдайте свою Конституцию».

Объяснения, что власть так привыкла, что в России всегда была самодержавная власть, что они боятся дестабилизации в момент передачи власти, не выдерживают никакой критики.

Хороша демократическая страна, для которой передача власти после, как они говорят, честных выборов, легитимных — это катастрофа.

А у либералов одна стезя и одна дорога — на Запад, подалее от восходящего Солнца, на закат. И к Земле обетованной.

И я бы хотела, чтобы лишние отсеялись по дороге. Нам надо сразу ходить с портретами Гайдара, с Конституцией, и еще с лозунгом того же Гайдара «свобода, собственность и законность».

И делать это пока есть время, а у нас времени мало. Потому что вконец обезумевшая власть всех загоняет за одни ограждения, как на Болоте, и требует, чтобы уже все сели на асфальт и устроили сидячую забастовку в масштабах всей страны.

Пока есть время объяснять, что лучше не будет в случае коммунистического варианта или в возврате к советскому прошлому. Не будет лучше и при нацистах.

Лучше будет только при принятии западных, европейских ценностей. Не дали Гайдару провести реформы до конца и получить облегчение — дайте сейчас. Сделайте выбор, дайте мандат либералам на построение капитализма.

Те молодые люди, которых вытаскивали из кафе «Жан-Жак» ни за что ни про что, или вязали за белые ленточки, или за белые бантики; или просто даже не спрашивали про бантики, а вид у них был слишком интеллигентный. Ну или борода была как у Рубинштейна,

например, — за бороду и повязали. Они все должны объединиться именно в организациях западного выбора. Не давать триумф Удальцову, не давать триумф Лимонову, Зюганову, Навальному.

Создавать свои либеральные организации. И, пока не поздно, объяснять всё сначала среднему классу, потом народу.

Никто у нас никогда это не делал. Листовки, лукошки с листовками, лекции в маленьких городках.

И — желательно в темпе.

ОТВЕРГНУТЫЕ МОЛИТВЫ РУСИ

The New Times, №18, 28 мая

Этот юбилей пройдет незамеченным и нежеланным, хотя великий русский художник Михаил Васильевич Нестеров в инквизиторских демаршах и холопском отношении РПЦ к власти совсем не виноват. Владимир Солоухин писал, что Нестеров отобразил Русь молящуюся, но молящуюся не напоказ, без тщеславия и иерархии. Невозможно представить себе, чтобы Нестеров написал картину об анафемствовании Льва Толстого — акции, порвавшей все отношения не только между интеллигенцией и Церковью, но и между интеллигенцией и Богом, которого Церковь взялась так неумно и безграмотно представлять. Но художник, родившийся 150 лет назад, 31 мая 1862 года, веровал глубоко и в одиночестве.

Происходил он из светской и интеллигентной купеческой семьи, учился в гимназии, в Академии художеств и в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, был связан с передвижниками. Его религиозных полотен ничто не предвещало. В 1886—1888 годах в его картинах появляются «нестеровские девушки» («Христова невеста», «За приворотным зельем», «Царевна»), безмолвные, кроткие, печальные и что-то искупающие. А в его «Пустыннике» мы уже видим идеал священнослужителя: старца-монаха, ушедшего от мира в осенние леса, «хранителя тайны и веры». По Нестерову, вера требует ухода от суеты городов к тихой вечности природы. А какова нестеровская природа? Это тонкие, чахоточные березки, чахлые елки, неяркая зелень, алая рябина, вербы и бесконечные просторы северных рек

с замершими лесами. Брюсовская Русь: «Пойду из столицы в Расею. Рыдать на раздолии нив». И блоковский Христос: «Когда в листве сырой и ржавой рябины заалеет гроздь, когда палач рукой костлявой вобьет в ладонь последний гвоздь, когда над рябью рек свинцовой, в сырой и серой высоте, пред ликом Родины суровой я закачаюсь на кресте...»

В 1890 году художник пишет свое великое «Видение отроку Варфоломею» — деревенского подпaska в лаптях, которому открылась сокровенная тайна Христа. Невинные и бедные дети, чистые сердцем — вот миссионеры Нестерова, несущие Правду, страдание и свет.

В начале XX века Нестеров добрался до Соловков и стал писать тамошних монахов в челнах, на лоне холодных вечерних вод, на фоне мрачных монастырских стен. Соловки были Афоном России, независимым и фрондирующим, задумчивым и загадочным. Из Соловецкого монастыря в Москву пришел митрополит Филипп (Колычев), единственный глава Церкви, который открыто возроптал против жестокости власти, против Ивана Грозного и отдал жизнь «за други своя».

Когда власть захватили большевики, Нестеров не выставлялся: тогда были в моде другие, антирелигиозные полотна, например, плакаты с попом и лукошком яиц. Подпись была от Демьяна Бедного: «Все люди братья, люблю с них брать я».

В 1938-м Нестерова арестовали, и он провел две недели в Бутырской тюрьме. Спасся только чудом. Зато его зять, юрист Виктор Шретер, был обвинен в шпионаже и расстрелян. Дочь художника, модель для многих его картин, была отправлена в ссылку в Джамбул. Но когда в начале войны Сталину понадобилась религия, для того чтобы держать в узде «братьев и сестер», в том числе и на оккупированной территории, Нестерову за год до смерти (он умер в 1942 году) сунули Сталинскую премию.

Русь с картин Нестерова молилась тщетно — не сбылось, и даже вера ее была осквернена обновленцами, согласившимися работать с большевиками и молиться за царей Иродов. А нынешняя РПЦ — наследница обновленцев. Поэтому бедные Pussy Riot попали под определение диссидентов, а с диссидентами у чекистов и их нынешних церковных идеологов разговор один: «Ваше слово, товарищ Маузер!»

ДАРУЙ УДАЧУ НАМ В ВОЮ, ВЕСЕЛЫЙ РОДЖЕР

The New Times, №70-бис, 30 мая

«Кто не пират, тот не моряк». С легкой руки Павла Когана пираты давно не ассоциируются у нас ни с какими грабежами и другими сомнительными делишками, но только с бунтом, протестом и нонконформизмом. Был у нас такой фильм про женский пиратский корабль, и меня не оставляет ощущение, что я на нем плаваю под командованием храброго, умного, веселого, очаровательного и непобедимого капитана с иностранным именем Ирена и польским отчеством Стефановна, да и фамилия Лесневская вызывает ассоциации со шляхетскими вольностями и восстанием Костюшко. А имя Ирена — под знаком Вертинского. Романс моего детства: «Я вам сердце со сцены, как мячик, бросаю. Ну, ловите, принцесса Ирен!»

Когда я вижу своего издателя, у меня возникает непреодолимое желание отдать ей сердце, руку, шариковую ручку, связать ей в «Твиттере» свитер из собственных волос, а то просто взять ее на руки и немножко поносить. Или чем-нибудь покормить. Или встать во фрунт. Или прикрыть ее от какой-нибудь картечи или ядра. Были люди Флинта, а мы люди Лесневской. «Пьем за яростных, за непохожих, за презревших грошевый уют!» — на ее юбилее.

Впервые я увидела Ирену Стефановну и кудрявого Диму в каком-то здании типа скворечника, на самой верхотуре. Они тогда начинали Ren-TV. И меня поразило, что Ирена такая ласковая, и Дима у нее ласковый. Я таких организаторов и бизнесменов еще не видела. Я думала, что они все злые и нервные. И саблезубые. Как рафинированные интеллигенты смогли создать такой канал, — до сих пор не понимаю. И такой журнал!

Канал вышел совершенно свободным, с политическим подтекстом и демократическим контекстом. Еще в начале путинского палеолита на Новый год в капустнике отплясывал Березовский («И я живу теперь в Париже, и у меня все хорошо!»), отбивал чечетку Чубайс с электрической лампочкой («Подстанция! Подстанция!»), сидели за одним столиком в кафе Доренко и Лужков, тихо ждал в явочном ресторане свою жену Штирлиц-Путин. Меня тоже нашли где применить: я кружилась в сарафане вокруг Шандыбина, по законам компьютерной графики.

Как сказал бы об Ирине гриновский персонаж кок Сигби из «Капитана Дюка»: «...капиташа был в полной форме. Тяжеловат на руку и насчет словесности не стесняется, однако лишнего ничего делать не заставляет... Сухари свежие, мясо свежее. Больного не рассчитает».

Rep-TV был каналом не политическим, но крамола из него так и лезла, так что Путин стал отбирать и подавился: остатки былой роскоши в виде Осокина и Максимовской держат марку, и даже новости там лучше, чем у других.

Корабли Ирены Лесневской никогда не сбиваются с курса. Ирена не предала Ельцина, почуяв в нем тоже хорошего человека, доброго и великодушного. А сколько интеллигентов, получивших из его рук свободу, уже отреклись по первому крику петуха! Канал отняли, но капитан остался капитаном и пересел на журнал. Наш дерзкий журнал, ключующий кремлевские печенки. Пойди и поищи издателя, который пиратствует за свои деньги, прет против течения и сердится не за остроту перьев и клювов у своих журналистов, а за беззубость. Зато «Пусть сильнее грянет буря!» в начале митингов мы от Ирены слышали. По-моему, изящная, нарядная, всегда с сережками и колечками, красиво обутыми красивыми ножками, Ирена Лесневская живет по принципу: «На нас глядят в бинокли, в трубы сотни глаз — и видят нас от дыма злых и серых, — но никогда им не увидеть нас прикованными к веслам на галерах!»

Все эти годы, что мы в одной команде, Ирениными позывными были: «А капитан нам шлет привычный знак: "Еще не вечер, еще не вечер!"»

ПОДАЙТЕ ВЫВШЕМУ НАРОДУ

Грани.ру, 26 июня

Не один Путин в страхе ждет осени, когда протестные силы вернутся с зарубежных курортов. Я это не в укор им говорю: либеральные революционеры должны ездить на воды, на моря, на сафари и заниматься виндсерфингом, как Боря Немцов. Это значит, что они умеют зарабатывать деньги, что они средний класс или к этому стремятся. Даже студент может, изучая европейские древности, попутешествовать автостопом; ночлег в кемпинге под Флоренцией стоит очень дешево. Хотелось бы мне, чтобы несчастные

молодые люди, арестованные зловещим Следственным комитетом, поехали в Италию. Если вы помните, Комитет возглавляет некий учтивый генерал, который возит журналистов в черных машинах в темный лес и в этом темном-темном лесу обещает им черный-черный гроб. Пусть этот душевный генерал на меня обидится, я-то ведь знаю, что с Серым Волком в лес лучше не ходить, я давно уже не Красная Шапочка.

Так что я одобряю протестные каникулы до сентября. Дело «оранжевой революции» нельзя доверять людям, которые не хотят зарабатывать деньги, покупать машины и ездить на курорты. Вот Удальцов небось поедет по заводам пролетариат агитировать.

Ну так я это к чему? Мне кто-то из юзеров в комментариях посоветовал оставить в покое экономику, капитализм и Гайдара. Увы, не выйдет. Я могу оставить в покое экономику, но она нас в покое точно не оставит. Вопрос меню, ням-ням. И прикрыть наготу тоже чем-то надо. Так что без капитализма и без продолжения дела Егора Гайдара мы точно все выйдем — и Путин нас с удовольствием похоронит.

Так что же сулит нам сентябрь? Борис Немцов загадочно пообещал прибавить к болотным требованиям еще и социально-экономические. Тем более что цена на нефть падает (Бог услышал наши молитвы), цены же на продукты и услуги ЖКХ будут расти. Слова «Путин» и «популизм» начинаются с одной буквы. Спасатели из МВФ, посмотрев на наш утопающий бюджет, рекомендовали повысить пенсионный возраст и леди, и джентльменам до 63 лет. Хотя бы к 2030 году. Но наш добрый президент обещал ничего не повышать, а просто потратить деньги пенсионного фонда на разные государственные проекты. Догадываетесь какие? Первое. Поддержка режима Асада в Сирии. Второе. Поддержка режима «молодого руководителя» в Северной Корее. Третье. Подкормка батеньки Лукашенко. Четвертое. Покупка оптом и в розницу западных журналистов, чтобы они восторгались путинской Россией. Пятое. Выплата гонимых «поклонникам», выходящим на площади и горы радеть за Путина. Шестое. Содержание марионеточных режимов в Абхазии, Южной Осетии (Самачабло) и Приднестровье. Седьмое. Помощь братским людоедам из Азии, Африки и Латинской Америки. От Уганды до Венесуэлы. Особый паек — атоллу Науру.

Вот на все эти прибыльные проекты и уйдут денежки пенсионного фонда. По-моему, это все равно что денежки эти в карты проиграть. Но с Путиным давно всё ясно. Никаких разумных шагов мы от него и не ждем. Будет переть напролом, как бешеный бык, и нет у нас, увы, искусных бандерильеро, пикадоров и тореро с плащом и мулетой, чтобы завершить этот политический поединок отставкой, досрочными перевыборами, либеральной революцией.

Вспомните, как заседали Генеральные Штаты Голландии в XVI—XVII веках. Как они после войны за независимость от Испании под предводительством Вильгельма Оранского «снимали с должности» Филиппа II Испанского. Обвинение — и вердикт: «Да будет низложен». Как клятвопреступник, как тиран, как палач... Путину бы подошло. Но где наш Вильгельм Оранский? Не вижу. Тиль Уленшпигель есть — это, конечно, Виктор Шендерович. Даже есть Ламме Гудзак — Дмитрий Быков. Ксения Собчак может стать Неле. И гэзов навалом. Но где купечество и дворянство Фландрии, снарядившее корабли и выступившее открыто против испанской короны не ради куска хлеба, а ради свободы совести? Где наши семнадцать лет на Большом Каретном?

Я представляю себе социально-экономические требования трудящихся: «Подайте на пропитание бывшему народу!», «Же не манж па сис жур», «Не закрывайте убыточные предприятия!», «Грабь награбленное!», «Взять всё и поделить», «Олигархов на мыло!», «Хлеба и зрелищ!».

И уж конечно трудящиеся не пойдут единым строем с лозунгами: «Требуем увеличения безработицы, повышения пенсионного возраста, закрытия убыточных предприятий, продолжения гайдаровских реформ», «Свобода, собственность, законность!», «Амнистию осужденным бизнесменам, свободу Ходорковскому и другим юкосовцам», «Долой советский гимн!», «Ленина вон из Мавзолея!».

Нет, боюсь, что те, кто проводил совместные с черт знает кем митинги, скорее поступят, как на тех выборах в Красноярске и окрестностях, когда политтехнолог Баков в листовках обещал от имени СПС в пять раз увеличить зарплату и в три раза — пенсию. И Борис Немцов его не выгнал. А в Костроме тем же Баковым были составлены столь проанпиловские листовки, что местному лидеру СПС пришлось угрожать коллегам по партии прокуратурой.

Только так удалось воспрепятствовать распространению этих коммунистических обещаний...

Сетуя на власть, не следует забывать о том, что власть не должна кормить народ, а обязана не мешать народу кормить самого себя. Плохо дело, если на приступ электората идут с популистскими лозунгами. Это означает, что и народ — бывший, и оппозиция растеряла весь свой былой либерализм. А ведь реально мы ничего не можем обещать, кроме пота и слез, по Черчиллю. Да, мы можем жить достойно, построив настоящий капитализм, но придется долго и тяжело трудиться, и судьба Греции покажется легче лебяжьего пуха по сравнению с теми усилиями и переменами, через которые придется пройти нам. Если, конечно, мы народ, а не барахло.

РЕПРЕССИИ СО СКИДКОЙ

Грани.ру, 11 июля

Да, были спецслужбы в наше время... Цепные псы режима. То ли овчарки, то ли черные терьеры, то ли ротвейлеры. Нынешние измельчали до уровня мосек. Злоба осталась, но габариты уже не те. Когда я просыпаюсь и слышу о новых репрессиях против оппозиции, мне делается не только грустно (что в наших палестинах опять больше кнутов, чем пряников), но и смешно. Потому что мы, профессиональные диссиденты, иностранные агенты всех западных спецслужб от Гринвичского до Пулковского меридиана, видали виды. Так что слушайте нас, хлопцы.

Во-первых, дело о Навальном. Алексей растет в моих глазах. У него финансовый спор с губернатором Белых. Внушает! У меня, например, никаких финансовых споров ни с каким губернатором нет — за неимением предмета спора. А Навальный молодец, если умеет деньги зарабатывать. Значит, ему не резон бегать с «Левым фронтом» по долинам и по взгорьям, а тем паче — по болотам. Очистим наше правое Болото от левых куликов и право-левых нацистских жаб! В нашей несчастной стране, пущенной когда-то коммунистами «налево» и сплавляемой в том же направлении нынешней чекистской хунтой и единой «партией жуликов и воров», только правые имеют право что-то квакать, а остальным лучше помолчать. Лозунгом белой

оппозиции на ближайшее время должно стать (бесплатно предлагаю, от чистого сердца) название моей статьи 1994 года: «Не отдадим наше право налево». Ни в Кремль, ни на Лубянку, ни Лимонову, ни Удальцову.

И очень смешно обвинять Навального (в государственной измене обвинять не смеют; тогда уж точно Путин с Медведевым в какой-нибудь список попадут, почище списка Магнитского) в убытках кировского лесоповала. Ведь он даже не был бригадиром и не нанимался обеспечивать «кубики» тамошним лагерям, если они еще там остались. Что значит давал советы, да еще бесплатные? А зачем слушали? Если я сейчас отправлюсь давать советы овцеводам, то ни одной овечки в России не останется. И кто будет виноват — дилетант Новодворская или дураки, спрашивающие совета у профанов?

Если кого-то и надо было судить по делу Навального, то, конечно, того начальничка, который не знал, что делать со своим лесом, и пошел спрашивать совета у кого попало. Алексея Навального можно было бы судить, если бы он давал советы Путину и Медведеву, как управлять государством в их нынешнем режиме. Но Навальный совсем не этим занимался, а за такие советы будут судить когда-нибудь Суркова, Володина или Павловского с Марковым. И если «наружка» ездит за женой Навального, когда она детишек в садик везет, то это как раз и есть жалкие моськины всхлипы.

На «чудище обло, озорно, стозевно, огромно и лаяй» Следственный комитет явно не тянет. Кто еще хочет помириться с Бастрыкиным? Становитесь в очередь! Это жалкое впечатление: в белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, в белом мундире с золотыми погонами, этот силовой муж орет на весь экран: «Как смели прекратить дело, почему?» Да за отсутствием состава преступления! И Бастрыкин решает: давайте пока-тим эти бревна в Москву, на федеральный уровень. Пусть все видят наш беспредел, нашу дикость, наше бесправие!

Хочется нашему ледашему и шелудивому медведю выдать себя за гризли, да не получается. Хочется загрызть, а они твякают из подворотни.

Но самое смешное — это попытки травить лично меня. Поставить пикет «нашистов» у моего дома — слабо! Я ведь не добрый Александр Подрабинек, я и кипяточком могу полить.

И сковородочкой кинуть. И вот «нашисты» 3 и 4 июля подъехали ночью к моему подъезду и светили в окно лазерными указками, имитируя лазерный прицел, пугая до полусмерти мою старую мать, даже один раз позвонили в дверь (в 1.30 ночи) и тут же сбежали. Потом звонили по телефону и врали, что у дверей заложено взрывное устройство, а я у них на прицеле.

А дальше, за неимением у меня электронной почты, они взломали мой мобильный телефон, атаковали его сообщениями, переадресовали, так что два дня до меня никто не мог дозвониться, а «нашисты» и аффилированные с ними структурки звонили моей дачной хозяйке, телефона которой я сама не знаю, и друзьям, и, имитируя мой голос, рассказывали разные страшные истории про чеченских боевиков и ворвавшихся в мою квартиру оппонентов, чтобы мне поскорее от дачи отказали. Представляете себе интеллектуальный уровень спецслужб, которые занимаются такой чепухой? Когда-то они смело переступали порог моей квартиры, уже после моего ареста, с ордером на обыск. А сегодня они или ломают мой почтовый ящик и мажут «Новую газету» кремом для рук, или указочками пробавляются. Какие же это овчарки? Обыкновенные кабысдохи. Радуйтесь, мои белые друзья, изгнанные с бульваров: это агония власти и ее спецслужб.

Вы представляете себе Мюллера, который светил бы лазерной указкой в окно Штирлицу? Или Сталина, который бегал бы с такой указкой под окнами Троцкого? Или хотя бы Крючкова, который взламывал бы почтовые ящики и мазал кремом самиздат и тамиздат?

Они не позволили себе посадить Юрия Самодурова и Андрея Ерофеева, страшась взрыва негодования со стороны художников и галеристов всего мира. Хотя их придворные попы жаждали крови. Они так жестоко обошлись с бедными Pussy Riot, потому что они молоды, одиноки, неизвестны, да и акция их, не будучи преступной, была, однако, вульгарной. Защищать их будут правозащитники, интеллигенты, которые всегда милость к падшим призывают, молодежь и арт-тусовка, которым давно приелись кислые и постные поповские рожи. Дай им волю, они нас всех отправят на костер.

Сейчас, при злобной, но беззубой власти, каждый может обеспечить себе свободу слова и мысли. При уме и мужестве

вполне можно выкроить себе личное пространство в ожидании, когда у нас заведутся общественные свободы. Россию спасти придется очень долго, а жить хочется достойно уже сейчас. Если вы вступите в либеральную оппозиционную партию, будете заниматься просветительской деятельностью, ходить на приличные антипутинские митинги и пикеты (с беспартийными, но без коммунистов и фашистов); если вы запишетесь в Хельсинкскую группу и станете посещать западные посольства, словом, будете свободным человеком в несвободной стране, — это увеличит степень вашей безопасности. Дадут 15 суток — сразу начинайте сухую голодовку. Арестуют по ложному уголовному обвинению — требуйте статуса политзаключенного, Лефортовскую тюрьму и держите мокрую голодовку. И сохраняйте респектабельность! Кто теперь скажет доброе слово про Ассанжа, который подставил своих защитников, побежав в посольство левой страны искать убежище, и вообще празднует труса? Ведь его поручителям придется уплатить огромные деньги. Мы-то думали, что Ассанж герой, а он просто провокатор. А для порядочных людей единственный шанс — их стойкость. Если вы будете держать мокрую голодовку 50 дней, власть начнет дергаться. 75% из 100, что освободят, 25% — ваш риск.

Свобода стоит дорого. Чекисты не смеют переступить мой порог не потому, что я им полезна. Они знают, что я не буду сидеть. Придется хоронить или выпускать. Вот они и тычут в меня лазерными указками. Я себе уже облюбовала две статьи: государственная измена и антипутинская деятельность (пусть вводят в УК). Не хватит у Путина храбрости сажать нас по этим статьям.

Идет время охоты на ведьм? Покупайте себе новую метлу, справляйте элегантно ступу и правильно твердите заклинание: «Свобода, Собственность, Законность».

НЕСТЕРПИМЫЕ ЗАКОНЫ

Грани.ру, 18 июля

После напряженных несправедливых трудов Госдума и Совет Федерации опочили от дел, натворив множество бед во внутренней и внешней политике. И увидели граждане, что это нехорошо. Принят (взахлеб и без колебаний) ряд

законов, каждого из которых хватит, чтобы устроить по крайней мере две американских революции. У Бернарда Шоу есть пьеса, в которой Господь проводит свою селекцию. На Земле остается только половина населения, а все лишние, кто не занимался полезным делом, исчезают. Если бы эту селекцию попробовали на нас, то весь наличный состав всех ветвей власти исчез бы с лица земли.

Является ли это клеветой? И кто должен платить штраф: Бернард Шоу, переводчики с английского или я?

Предупреждаю: неприязнь к власти имущим с помощью закона о клевете обратится в стойкую ненависть. Нас берут за горло и говорят, перефразируя мистера Сластигроха из «Тайны Эдвина Друда» Чарльза Диккенса: «Вы сдохнете, а нас полюбите». Фигули вам на рогуле. Почему мы должны любить тех, кто нас насилует? Это даже не публичный дом, там путанам хотя бы деньги платят за любовь, а эти кремлевско-лубянские пираты хотят любви на шармачка, задаром. Умрите, но не давайте поцелуя без любви! Ни любви, ни бюллетеня, ни поддержки, ни сотрудничества.

Нам угрожает новая 190¹, изъятая из УК в перестроечное время: «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». То есть клевета на тех, кого они готовы защищать. Начальство, силовики, спецслужбы, армия и флот, церковь. Вся камарилья. Пособники, приспешники, опричники.

В Великобритании закон об оскорблении величества защищает только королеву, но не премьер-министра; в США вообще никто от критики не защищен, тем паче президент. Над ним глумятся, о нем ставят пасквили вроде фильма Майкла Мура «Фаренгейт 9/11».

Даже Николай I приказал выпустить из каталажки алкаша, который посмел «плюнуть в кабаке в пресветлый царский лик». Читайте Нателлу Болтянскую, она недаром вспомнила про этот эпизод в начале 90-х. Тогда как раз Михаил Сергеевич Горбачев запутался вконец в законе о защите лично его чести и достоинства. Закоша тянул на 6 лет. Сейчас Путин будет натурой брать, кэшем? А можно борзыми щенками? Или лабрадорскими? Так вот, в стихах Нателлы Болтянской был дан урок бедному Горби, едва не засудившему меня и других членов ДС.

Вливался в окна лунный свет,
И — вот, указ готов:
Чтоб царский не висел портрет
На стенах кабаков!

А если Путин будет увешивать рестораны портретами своей клики и собирать анекдоты про себя, как их собирал товарищ Сталин: «Уже два лагеря набрал»? Или Бастрыкину, нашему новому Малюте Скуратову, будет дано задание отыскивать авторов болотно-сахаровских лозунгов и их вязать? Кто назвал Путина крысой? Дело №... с шестью нулями.

Я предлагаю выход: оскорблять начальство в складчину. Собираем группы по 100 человек, каждый дает по 1000 рублей, распределяем обязанности. Представитель одной сотни оскорбляет Путина, другой — Медведева, третьей — Бастрыкина, четвертой — Чурова. 1000 рублей в месяц на правое дело разве патриот России пожалеет? Нет таких крепостей, которые не могли бы взять антисоветчики! А может, нам на это святое дело выделит деньги Госдеп?

Так. Плавно переходим ко второму «нестерпимому» закону — об НКО или иностранной агентуре. Самым главным иностранным агентом России был, конечно, Салтыков-Щедрин. Та информация, которую он выдал в «Истории одного города», способна отвадить от нашей страны всех иностранцев, включая марсиан. Но его почему-то за это не судили. Видно, цари были поумнее наших тандемовцев. Путин мне подсказал способ получить жалованье, которое, судя по настроению авторов закона, мне причитается с Госдепа США за 44 года диссидентской, антисоветской и правозащитной деятельности. Кто его пропил на Бродвее и проел в Чайна-тауне, я не знаю. И не надо, братцы, стыдиться. Мы все работаем на Статую Свободы, на европейские ценности, на западный выбор России, на Киевскую Русь и Господин Великий Новгород, который был Западом до 1478 года. И подписку мы все давали. Кто из порядочных людей не подпишется под Декларацией прав человека или Пактом о гражданских и политических правах? Или под текстом нашей Конституции, во многом списанной с американской? Значит, идем к американскому посольству, вешаем на себя бейджики «Я — агент американской демократии» и берем в руки лозунги: «Где наше жалованье?»

На манер Станареля. С мэрией согласуем. Рекомендуются еще плакаты: «Подайте российскому демократу»; «Я не голосовал 6 лет»; «Дайте выбрать американского президента, своего выбирать не позволяют».

Рекомендую также всем неимущим, имеющим нормальные правые убеждения, надевать аналогичные бейджики и десятками тысяч, без всяких массовых беспорядков, идти за грантом, поделив между собой посольства западных держав. Глядишь, Обама накормит лучше Путина. А когда все граждане РФ, кроме хунты, окажутся иностранными агентами, тогда закон пропадет сам собой.

Не надо играть в игры с двумя стульями, дорогие энкаошники, вам с этой властью детей не крестить. Живите без режимной легализации, не ходите на советы нечестивых. И помните, что задача правозащитника наших дней — это обзывать власть и разоблачать режим, что не требует ни денег, ни помещения, ни регистрации. Привыкайте к старой диссидентской мудрости: «Туда, мой друг, пешком и только с рюкзаком, и лишь в сопровождении отваги».

В конце 80-х годов на Кузнецком Мосту продавали удостоверения агентов ЦРУ. Многие брали их для прикола. 10 членов ДС были задержаны воронежским КГБ с этими книжечками. Гэбисты тут же доложили в Москву. Состоялся примерно такой диалог: «Мы арестовали 10 членов ЦРУ». — «Откуда взяли? Что они у вас делали?» — «Они пикет проводили против КПСС». — «А почему вы решили, что они агенты ЦРУ?» — «Да они нам удостоверения показали». — «А они случайно не члены ДС по совместительству?» — «Как вы угадали?» — «Гоните их к черту». Если Путин желает, чтобы мы действовали на этом уровне в 2012 году, то давайте доставим ему это удовольствие.

С законом о штрафах за митинги все еще более понятно. Организаторы берутся в заложники, и когда власти это будет нужно, пара-тройка провокаторов устроит массовые беспорядки, кинет коктейль Молотова, забудет беззащитных омоновцев гамбургерами и картошкой фри. А подавшие уведомление получают срок. Чистой воды поджог Рейхстага. Но и здесь есть выход. Не надо с собой «на дело» Дмитровых таскать, у которых в истории и программе есть подобные прецеденты. Никто же не поверит, что какой-нибудь хомяк (вроде меня) кидался асфальтом. Или что Борис Акунин прокусил щит у омоновца. А Ксения Собчак

отобрала дубинку. Левых Удальцова, анархов, коммунистов, вообще красных и коричневых всех сортов надо отсечь. Только митинги с правой, западной платформой избавят белых от этой левацкой и националистической пены. И власть окажется бессильной против респектабельных, но неумолимых в своем неприятии «текущего момента» либеральных революционеров.

В начале 70-х XVIII века английская корона навязала юной Америке свои «нестерпимые» законы: о гербовом сборе, о налогах на чай, о введении военного управления в ряде городов. И вот тогда-то и началось. Бостонское чаепитие, Декларация независимости. Тяжелые и величественные слова о злоупотреблениях и насилиях, о праве народа на восстание и свержение правительства, нарушающего права народа. И была Война за независимость, и началась история США. Почему же я не призываю, имея на руках куда худшие законы, срочно делать американскую революцию? Потому что американской не выйдет, а Октябрьская нам не нужна. Потому что некого призывать. Потому что я не вижу ни Джефферсона, ни Вашингтона, ни Патрика Генри, ни Мэдисона, ни Томаса Пейна. Потому что в рядах восставших в 1775 году американцев не было ни одного коммуниста и ни одного нациста.

В ЭТОМ ЧЕРНОМ-ЧЕРНОМ СПИСКЕ

Грани.ру, 7 августа

Наконец-то мы чему-то научились. Мы, а не наши враги, которые этим занимаются с 1917 года. Список Магнитского — это наш первый проскрипционный список. Но вместо того чтобы порадоваться за российскую демократию, которая наконец-то выучилась кусаться и царапаться, а Митт Ромни и Джон Маккейн готовы добавить свои когти и зубы ей в общий котел, нашлись люди, и очень приличные люди, которые вдруг стали утверждать, что ничего из этого не выйдет.

А) Можно и без списка, пусть посольства просто визу не дают кому не следует. В) Ответ будет асимметричный: пострадают не чиновники, которым в США и не надо, а демократы, которых не выпустят за кордон. С) Россию Запад отталкивать не должен, а должен привлекать к себе и делать своей частью.

Вот такие, прости Господи, контраргументы. Боря Немцов радуется и торжествует — ведь он был главным «толкачом» проекта со списком, он его внедрил в Конгресс. И есть чему радоваться: это первый проскрипционный список, который мы продиктовали Западу. Надеюсь, не последний. Это большая победа нашей бедной загнанной Правды над вечно торжествующей наглой Ложью. Список Магнитского куда значительней и больше, чем его утилитарное назначение: не пускать в США вольных и невольных палачей невинного, но замученного юриста. Это не просто список, это акт войны, которую США наконец-то объявили нашему произволу и нашей власти, которая на этом произволе настаивает. Это памятник не просто Магнитскому, который предпочел умереть, но не сдаться; это памятник (черный обелиск) путинской незаконной эпохе, мемориал Правому делу и черная метка российским чекистам. Это значит: мир не обманут (а США — лидер свободного мира); мир знает, мир презирает и наших господ, и подчиняющихся им рабов, голосовавших за Путина.

За фасадом конструктивных улыбок скрывается презрение. Нас раскусили, дураков больше нет, и никакие надежды на «перестройку» вместе с кредитами больше не просыплются на наши повинные головы. Горбачев и Ельцин пожинали плоды надежд; Путин, когда цены на нефть упадут, а наше оружие безнадежно устареет (ведь ассигнования на новые цапки распилят), пожнет плоды западного разочарования. Они не будут сладкими. Здесь дело пойдет по Александру Зиновьеву: «Все устаревшее и отжившее надо душить в зародыше».

Да, конечно, честный проскрипционный список должен быть увенчан главными героями: Путиным, Медведевым, Бастрыкиным и т.д. Они взялись отвечать за всё, создавая вертикаль, сажая Ходорковского, калеча Алексаняна. Пока не дошло до убийства. А с кого спрашивать за чеченские и грузинскую войны, за «Норд-Ост» и Беслан? В списке Магнитского исполнители, но вдруг настанет день, когда они не найдут охотников терзать и казнить, сажать и отменять право и юстицию? Ни поездок на Запад, ни квартир там, ни счетика, ни ребенка в школе...

А насчет асимметричного ответа всё совсем просто. Когда в 1980 году мы, диссиденты из СМОТа («Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся»), независимого профсоюза, которому повезло куда меньше,

чем «Солидарности» (смелых рабочих не нашлось), просили США и весь Запад не посылать спортсменов в СССР на Олимпиаду, мы вызывали огонь на себя. Нам обещали суд не по нашей «антисоветской» 70-й статье, а по 64-й (измена родине). США и многие не приехали, мы исполнили свой долг, а судить по 64-й статье они не посмели. И сейчас мы обязаны идти на грозу. Они состоят в наших черных списках, наши домашние тираны, а мы хотим состоять в их черных списках. Мне ничего не надо лично для себя от нашей власти, кроме ненависти. Давайте же рубить круглые столы и жечь мосты. Потому что «нет мира между Богом и Сатаной, и христиане Сатане не подданные», как сказал в 1930 году один епископ-эмигрант не из РПЦ, пошедшей на сделку с советской властью. Кто не пойдет на костер, чтобы мир отверг его домашнюю автократию?

Вот что сказал в XVI веке епископ Латимер епископу Ридли, когда их сжигали за протестантизм: «Будьте мужественны, Ридли. Сегодня с Божьей помощью мы зажжем в Англии свечу, которую, я верю, им не погасить никогда».

Так что прав Удальцов, предлагая отсидеть за 13 своих арестованных апостолов (ведь арестованы в основном левые). А я отсижу охотнее за Ходорковского, Лебедева и Пичугина с Алексеем Козловым, это мой карасс.

Так что напрасно добрые люди уговаривают нас не составлять списки, чтобы нам самим не было хуже. Пусть нам будет плохо, но спасется Россия. Иисус Христос спасал мир не в санатории, а на кресте.

А что до вступления России в Европу, то места послушницы Россия сейчас не ищет, а места среди демократических держав, как равная, она не заслуживает.

Добрые люди говорят: не отталкивайте Россию, она обидится и пойдет к Китаю, ко всем чертям. Ей же будет хуже. Не отталкивайте преступника, а то совершит новое злодеяние. Тем больше будет кара. Да, нам нужно внешнее управление как политическим и экономическим банкротам, мы недееспособны. Но безвизовый режим в награду за попрание прав человека — это разврат. Россия слишком большая и злобная пятая колонна, чтобы пускать ее в ЕС и НАТО. Нас надо гнать, отпихивать, отбирать ножик и вилку, не пускать на порог. Пусть нам вымажут

легтем все границы вместо ворот. Наше право и наш долг требовать кары для собственной страны, которая ездит по заграницам с 1991 года, но исправляться не хочет.

«Кто живет без печали и гнева, тот не любит Отчизны своей».

МЕЖДУ РЯС И ОХОТНОРЯДЦЕВ

The New Times, №25, 20 августа

«Рясы» и «охотнорядцев» соединил молодой и звонкий Андрей Вознесенский издания 1963 года в жуткой, хотя и талантливой поэме «Лонжюмо» о местечке под Парижем, где была школа Ленина, — одной строчкой посылая в нокаут всю Российскую империю с ее православием и самодержавием. Мог бы заодно и народность послать, если 70% населения, желающих посадить в тюрьму несчастных «пусей», — это народ. Потом взрослый Вознесенский задумался, приобщился и стал писать о христианстве с упоением и упованием. Но это всё была поэтическая, культурно-философская традиция без жесткой привязки к религии и идеологии. Потому что жизнь показала: как только Церкви вернули отобранные у нее большевиками бразды, она немедленно стала раздирать удилами рот кроткой коняги, доставшейся ей от времен Бориса и Глеба.

Вез выбора

Борис и Глеб были терпимы и кротки, они не топили Перуна в Волхове, а привлекали сердца любовью. Новое учение в их интерпретации отличалось от язычества человечностью, а не мрачной аскезой. Однако то, чем когда-то христианство отталкивало эпикурейски настроенных римлян (мрачный катакомбный контекст), в него было заложено еще Византией. Магическая ипостась учения, пассивно-мечтательный элемент и полное отсутствие католического фаустианства, состязательности, дифференциации, борьбы со светской властью, противостояния кесарю, столь свойственного католичеству, должны были неминуемо сказаться. И сказалось в XIV веке такой сервильностью и таким предательством, что уже можно было

писать вставную новеллу о Великом Инквизиторе, не дожидаясь Федора Михайловича. Московский патриарх наложил по приказу князей московских Юрия и Ивана Даниловичей на Псков запрет на церковные службы за то, что псковитяне дали убежище гонимому монголами-оккупантами и Москвой-коллорационистской тверскому князю Александру Михайловичу.

Дальнейшее развитие событий показало, что «рясы» и «охотнорядцы» — это всё, что взяла держава в православную идеологию. Митрополит Филипп (Колычев), восставший против Ивана Грозного, был исключением. Кстати, его «коллеги» от него дружно отреклись. Несмотря на протестантский, героический момент, протопоп Аввакум считал предосудительными даже невинные развлечения и лично «выбил» из села скоморохов с медведями, побив, кажется, даже бедных косолапых. Раскольники кидались в огонь, но в их протестантизме было слишком много замшелого консерватизма и неприятия западничества, навязанного Петром. Бороться такой ценой за двоеперстное крещение, против «травы никоцианы» (табака) и «дьявольской похоти — картови» было скорее фанатизмом, чем протестантизмом.

Православие в руках Петра стало ручным, служивым и, по Ключевскому, «надело государственный мундир». Чем занимался петровский обком православия, Священный синод? Управлял армией попов, армией, служившей кесарю, а не Христу. Прихожане исповедовались, а отцы духовные обязаны были доносить по инстанциям, если в исповеди было нечто антигосударственное.

Глубоко верующий царевич Алексей отказывался от исповеди, чем ускорил свой арест и свою казнь. Ибо отказ от исповеди стал рассматриваться как отказ сотрудничать со следствием. Держава сомкнулась с православием и сделала его обязательно-дисциплинарным. Оно перестало быть выбором личности, а сделалось унылой каторгой длиной в жизнь. И увенчал его неологизм о «христоролюбивом воинстве», знак вечного Крестового похода.

Перманентное же противостояние его католичеству и злорадное «загибание пальцев» в упоении от своего мнимого превосходства окончательно сделали его чем-то вроде коммунального склочника, бросающего мышь в соседский борщ. Католичество тоже этим грешило, но после

Нантского эдикта о свободе совести, написанного бывшим протестантом (махровым атеистом) Генрихом IV, континент, за исключением Испании, стал веровать разумно и умеренно, беря пример с Англии. Привычка «строить» православных и приводить их взгляды к единому общему знаменателю подвигла протестантку в душе Екатерину Великую к аресту масона Новикова и заключению его в крепость. Людям свободолюбивым это выстраивание их душ настолько претило, что они принимали католичество, как декабрист Михаил Лунин.

Бог и Хозяин

В близкие к нам времена Николая II православие оказалось запачканным еще и омерзительным антисемитизмом пополам с погромами и «делом Бейлиса». Все эти «союзники» (Союз Михаила Архангела и пр.), абсолютно безнаказанные как в стенах Госдумы, так и в еврейских кварталах и местечках, были очень похожи по стилю на нынешних «хоругвеносцев» и «волонтеров», пытающихся оценить в деньгах свои моральные страдания, испытанные от ролика с панк-молебном. А чего там страдать? В пустом каменном доме давно нет Бога, а есть Хозяин, и это «перезаселение» не из-за «пусей» произошло. С каждым обязательным уроком Закона Божьего казенное православие мельчало, мелело, пустело, с каждой нотой тщеславного гимна «Боже, Царя храни!» Бог все больше и больше походил то ли на околоточного, то ли на урядника. Образованная молодежь обходила храмы за версту, предоставив их лавочникам (тем самым «охотнорядцам», которые ходили бить студентов и считали «унутренними» врагами «жидов, поляков, студентов и бунтовщиков»).

Профанацию Церкви как института в глазах просвещенных мирян завершило анафемствование Льва Толстого. Перед своим официальным концом Русская православная церковь кончилась морально, разойдясь с культурой, хорошим тоном и здравым смыслом. В 1918 году они умирали в одиночку, не сочувствуя друг другу: Церковь и культура. Но «обновленцы» слишком скоро договорились и с большевиками, дав повод Владимиру Войновичу создать «светлый» образ отца Звездония. Все годы советской власти

народ не столько крестился, сколько «звездился» в пустое небо над Красной площадью.

Бедные диссиденты и сочувствующие уверовали назло, но общаться с этим православием можно было только заочно. Когда я служила в библиотеке Второго Меда, студенты называли серые кирпичи «Истории КПСС» «Законом Божиим». Так две идеологии сравнились в СССР: по скуке, по пустоте, по лживости, по обязательке.

Когда песочные часы перевернулись, никакого нового духовного содержания у РПЦ не нашлось. Высшие чины Церкви, как Иов, вернулись на свое гноище и стали с восторгом и подобострастием служить власти, которая сидела выше всех, уже ничего не скрывая. Не найдя нового Льва Толстого, который стал бы ими заниматься, они отлучили от Церкви диссидента отца Глеба Якунина и пытались посадить в тюрьму Юрия Самодурова и Андрея Ерофеева за выставки в очень светском Сахаровском центре.

Сегодня они дорвались до главного приза: на паях с властью посадить в камеры безобидных нашаливших девчонок, мучить их, судить за богохульство, которого нет в Уголовном кодексе. Благо девчонки прошлись и насчет «черных ряс», и насчет «золотых погонов», а Церковь, судя по всему, считает Путина кем-то вроде «помазанника Божьего». И суд, и православный обком сводят счеты с теми, кто не верит в государство, одним из апостолов и функционеров которого заочно сделали Бога. Девчонок просто приносят в жертву этому Молоху. В путинской России РПЦ утратила дух христианства от пожатия той же каменной десницы державных командоров. По словам Ильи Эренбурга, такой «вере не верю я».

НА СПЕЦОВСЛУЖИВАНИИ

Грани.ру, 18 сентября

Итак, нас обслужили. Ни единой жалобы, сервис отличный. Невинных с 6 мая посадили (правда, идейный состав этих «замаянных» жертв далек от либерализма: то ли националисты и левые преобладали числом, то ли был дан приказ брать пленных именно из левого крыла).

Депутата Гудкова привели в равновесие со своей совестью. Пусть не думает бедная жертва думской вендетты

и закона омерты, что я считаю его исключение законным. С ним расправились мафиози из единой берлоги за то, что он пошел против «своих». Ему еще повезло: за такое сицилийская мафия в асфальт закатывает. Неужели он, бывший гэбэшник, бывший коммунист, поклонник Дзержинского, не знает законов осиною гнезда, где он столько лет вращался, включая Госдуму?

И потом, надо радоваться: теперь оппозиционер Гудков отвечает своим же стандартам, он более не член совета нечестивых, не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей. Он же сам говорил, что Госдума нелегитимна, что ее надо распустить и проводить честные выборы. Так что порадуемся за оппозиционера Гудкова, и дай Бог таких благ его коллегам по протесту из «Справедливой России» и КПРФ. Раз уж у них мандаты к рукам прилипли, пусть наши медведики сделают их праведниками, а то как-то маловато у нас праведников в стране. И не придирайтесь: какая страна, такие и праведники.

Еще Путин обслужил нас охотой на ведьм. Есть три тошенькие испуганные девочки, которые могут с зоны не вернуться. Наш долг — раскидать этот костер, не допустить аутодафе. Нам дают возможность проявить милосердие и гуманизм. Вместо этого полстраны тянутся за кочережкой, чтобы угольки помешивать, защищая что угодно: мертвую букву канонов, парадное облачение инквизиторов, позолоту, камни, известку, но не живых, страдающих, беззащитных женщин, которым не давали есть, пить и спать, и чуть ли не травили ротвейлером, и водили в цепях, как первых христианок, несмотря на парадокс. Мы перчатку не подняли.

Известный своей свирепостью оппозиционер Эдуард Лимонов (добрый в квадрате: и за фашистов, и за большевиков, ведь первые священников сажали в концлагеря, а вторые — на кол) решил, что не стоит их спасать.

И миллионный марш согласовали — опять культурное обслуживание культурного мероприятия. На этот раз еще и коммунисты прибавились. Не поняла только, зачем с таким составом ходить на проспект Сахарова. Шли бы коммунисты и те, кто ими не брезгует, куда всегда шли: возлагать цветы к Мавзолею или к могиле Сталина. Зачем же по дороге пачкать память того, кого эти же коммунисты мучили в Горьком? У нас власть безумная, но корысть

свою блюдет. И эта корысть ей подсказывает, что данная оппозиция (кроме какой-то части слабого и неоднородного ПАРНАСа) — не инородное тело. Конкуренты, головная боль, угроза — это да. Но не антисоветчики, не «лишние люди», не твердые сторонники западного выбора. Не Юшенковы, не Политковские, не Старовойтовы.

У власти нет идеи кроме стяжательства. И у протестантов нет идеи кроме нестяжательства. Пожалуй, Шариков тоже был нестяжателем, поскольку требовал всё взять и поделить.

Так что власть предоставляет площадки для парковки, для выгула собак, для детских песочниц. И маршруты с оппозиционерами из этого же ряда согласовывает. Правда, может обокрасть (небось на деньги Ксении Собчак разные карательно-юридические инстанции уже недвижимость в офшорах купили), пнуть, побить, придушить, разогнать и арестовать. Так ведь это же чекисты, у них не розы, а розги в арсенале. Вы же не хотели к ним люстрацию применять. Вот они теперь их к вам и применяют.

И обещанный гайд-парк в «Сокольниках» и Парке культуры — это тоже площадка для выгула. И нечего на Англию ссылаться. Да, видела я этот Гайд-парк. Он в центре Лондона. Атракцион для туристов. Любой идиот (или оппозиционер, которого власть считает идиотом до такой степени, что зовет заседать в общественные палатки и прихлебательские советики) может в Гайд-парке встать на ящик и произнести речь на тему: «Луна должна упасть на Землю, давайте спасать Луну». Но это не оппозиция. Для оппозиции в Англии есть парламент. С XIII века. В Англии есть Би-би-си, полно независимой прессы. А это серьезно, это не атракцион.

Мы провалились в конец 80-х. Тогда, в первые дни гласности, нас пытались загнать от щедрот перестройки в Лужники. А мы выбивали себе Пушкинскую, площадь Маяковского, место под конем статуи Юрия Долгорукого, Манежку и Васильевский спуск. Практически не выходя из-под арестов. И всё это делалось без единого красного знамени. И это действительно была революция, которая закончилась Августом. Почему мы потеряли Думу, НТВ, свободную прессу и теряем Конституцию? По причине, названной Окуджавой: «О, были б помыслы чисты, а остальное всё приложится». А вы представляете себе, какой мрак

на душе у демократов, которые ставят рядом с собой нацистов и коммунистов? Вот вам и суют площадку для выгула оппозиции — гайд-парк. Вы показали себя клоунами, и вам строят цирк.

УПРАВДОМ МОНТЕ-КРИСТО

Грани.ру, 8 октября

Пока наивные и безответственные демократы всех сортов и фасонов, от европейского до задуманного и предложенного разными дизайнерскими конторами типа «Красного пролетария» красно-коричневого оппозиционера, ликуют по поводу смены власти в Грузии, либералы, западники и антисоветчики скорбят и горько задумываются. И есть повод: до сих пор Кремль тщетно шелкал зубами на спелое яблоко грузинских реформ, а сейчас его удалось надкусить. Нет, не съесть — это, дай Бог нашему грузинскому орляти российского медведя да склевати, может, и не случится, Грузия уже наполовину не Совок. Но надкусили все-таки, дружной компанией, от таинственного Монте-Кристо Иванишвили, который обещает не сажать проигравшую партию, но выкинуть из правительства всю команду реформаторов (якобы у него другие есть), до воров в законе и их нового друга господина Хаиндравы (до сих пор в эту «стрелку» на французском юге поверить не могу).

Давайте исследуем, как говаривал над чашей цикуты мудрый Сократ, эту ситуацию. Господина Хаиндраву я знала до сих пор как лютого ненавистника любой власти. Только при Шеварднадзе его было плохо слышно, тогда за ненависть к власти можно было и в могилу лечь, и в узилище сесть, а ненавидеть Звиада Гамсахурдиа и Михаила Саакашвили можно было совершенно безболезненно и даром, ничем не рискуя. Но воры в законе — это что-то новенькое. Это как: у нас товар, у вас купец? Купите грузинскую демократию у объединенной оппозиции?

Кстати, советую будущему ЦК или Политбюро оппозиции нашей, если туда набьются красно-коричневые, кооптировать для ровного счета воров в законе. У нас своих хватает, не придется у Грузии одалживаться. Будет новая мощная колонна для бульварных шествий. После сотрудничества с «Левым фронтом», Лимоновым, Анпиловым

и наци терять уже нечего. Может быть, хоть тогда рядовые хомяки, к коим и я себя отношу, опомнятся и остановят своих организаторов на полпути к профанации или Октябрю. Вспомните: большевики тоже считали воров «социально близкими», в отличие от контрреволюционеров (каэров). Привет от этих большевиков господину Хаиндраве и нашим друзьям с Болотной. Уже понятно, какое будет у нас, антисоветчиков, положение в будущем ГУЛАГе: отдадут на растерзание уголовникам.

Обратите внимание: схема надлома и надкуса во всех трех странах бывшего СССР одинакова. Россия легла в снег первой, через 8 месяцев реформ — отставка Гайдара, в октябре 1993-го — неудавшийся октябрьский переворот, в декабре 1994-го — вместе с чеченской войной за реформами захлопнулась дверь склепа.

Украина держалась дольше — и может еще выкарабкаться, если Янукович, советский бастард и кремлевский агент по самой своей сути, проиграет выборы западникам, то есть западэнцам с европейским и американским уклоном. Грузия продержалась дольше всех, хотя и со срывами. То досрочные президентские выборы, то вечные попытки выгнать президента отнюдь не легитимным путем, а через площадную «демократию», берущую глоткой. Причины? Власть виновата уж тем, что народу хочется кушать, и желательно не за свой счет, а за счет социалки. А надо честно голодать и идти вперед, не оглядываясь на мифические советские подачки, которых хватало только на братьев-совписов, ораву партийных бездельников-горлопанов и образцово-показательных отдельных младенцев и пенсионеров. Маленькую Грузию подкармливали за то, что она играла роль туземца-шашлычника и уборщика пляжей, танцующего для знатных гостей лезгинку. Это не я сказала, это сказал в парламенте Михаил Саакашвили, у него эти подачки встали поперек горла. Грузии понадобилось бы еще 10—20 лет для достижения испанского или португальского уровня. Уровень Италии — это еще 10 лет. А уровня Германии даже Франция еще не достигла.

30% процентов оставшихся в Грузии совков, вздыхающих по гарантированному стойлу и регулярному пойлу, сложились с обиженными правосудием ворюгами и наркоторговцами и их родственниками — а посадили там многих. В России по процентной норме пришлось бы

посадить миллион человек, а в Грузии их процент посаженных дал 20% избирателей. Плюс честолюбцы типа Нино Бурджанадзе, готовые хватать власть любой ценой, даже со штыков российских десантников, наемные прохвосты, пришедшие и местные сталинисты, профессиональные свергатели президентов, не понимающие, что у них за спиной такой враг, как Россия.

Те, кто брал подачки из рук Иванишвили, — профессиональные нищие. Иванишвили раздавал невыполнимые обещания, спутниковые тарелки и немножко лари, а у нас в России таким попрошайкам единороссы подавали гречку и тушенку, макароны и постное масло. Стыдно. Я думала, что грузины за это будут морду бить.

А кто такой сам Монте-Кристо? Почему сейчас решил податься в лидеры нации? Больно уж вовремя. Без Путина здесь не обошлось. Когда заходит речь о народной югосетинской и абхазской дипломатии или об улучшении отношений с Россией, за этим Монте-Кристо вместо аббата Фариа с его кладом в воздухе явственно появляется светлый образ господина Путина с российским бюджетом наперевес. Правда, он обещает продираться в НАТО (если не лжет), и он вполне может Путина кинуть, как кинул Ельцина в 1993 году Эдуард Шеварднадзе, сражавшийся со Звиадом Гамсахурдиа. Ельцин войска-то послал (якобы охранять железные дороги), Звиад героически погиб, искупив свое отречение 70-х годов, а вот Белый Лис тут же, слава Богу, повернулся к России задом, а к США передом. Правда, при этом он упразднил демократию и сажал идейных противников направо и налево.

От честных грузинских выборов идет сильный запах жареного. Но подтасовка была не на избирательных участках и не при подсчете голосов. Она началась в 2008 году, приехав на российских танках и прилетев вместе со снарядами, она стоит в Абхазии и Самачабло (Южная Осетия) вместе с российскими оккупационными войсками. Это она приказала не брать грузинское вино для продажи его в России, и даже в истории с пытками она очевидна. Эти пытки стоят путинских процентов от Чурова («комплимент от Центризбиркома»). Как говорится, дорога пытка к выборам, а после выборов и пытка не нужна. Если кто не знает, при Шеварднадзе, в 70—80-е годы, Грузия была единственной республикой СССР, где в тюрьмах к политзэкам применялись пытки.

А россияне на этот счет пусть лучше помолчат. У нас люди от пыток умирают и в полиции, и в тюрьмах. Забыли про несчастного, изнасилованного бутылкой? Забыли про Магнитского и Алексаняна?

Сколько стоили грузинские выборы российскому бюджету, спросите у Путина и его приятелей на суде, если доживете и если не сядете раньше нашей хунты туда, куда мы все взаимно мечтаем друг друга посадить.

Михаил Саакашвили совершил только одну ошибку: поздравил Лукашенко с «победой на выборах». Слушая поздравления по адресу врагов реформ и лично Бидзины Монте-Кристо, он всё поймет. Но за ним великие деяния: сверг Шеварднадзе, совершив «революцию роз»; провел завидные, блестящие, модельные реформы; победил наркомагию и коррупцию; не дрогнул в 2008 году; разорвал дипломатические отношения с Россией; убрал из Аджарии российского сатрапа и палача Аслана Абашидзе; не отнял ни грамма свободы; перезахоронил с почетом на Мтацминде диссидентов Мераба Коставу и Звиада Гамсахурдиа. Очень советую грузинскому народу не верить ни одному слову Иванишвили и встать стеной вокруг грузинских реформаторов — Михаила Саакашвили и его команды. Грузия повисла над бездной, а внизу поджидает путинская Россия и ее жалкий жребий. Очень боюсь, что она свалится.

А мы, дорогие россияне, превратились в библейскую страшилку. Наша страна сегодня — это звезда Полынь из Апокалипсиса. Стоит нашей тени упасть куда-то, и всё гибнет, и делаются горькими источники вод. Так что в грузинской трагедии львиная доля нашей вины. И звезда эта, конечно, пятиконечная.

ТЫ ДОЛЖЕН БЫТЬ ГОРДЫМ, КАК ЗНАМЯ

The New Times, №32, 8 октября

«Ты должен быть гордым, как знамя; ты должен быть острым, как меч; как Данту, подземное пламя должно тебе щеки обжечь». Это написал не Мигель де Сервантес Сааведра, а Валерий Брюсов, но странствующие рыцари не слишком отличаются от поэтов, чей вызов миру похож на битву с ветряными мельницами, защита нередко не прочнее медного таза, а воздаяние часто состоит из пинков,

затрещин и оскорблений. И Сервантес, бедный и честный воин, родившийся 29 сентября 1547 года и давший нам повод по случаю его 465-летия поговорить о священном безумии и скучном и подлом здравом смысле, и его и наш любимый герой Дон Кихот Ламанчский, Рыцарь печального образа, а по совместительству — Львов, были поэтами. «Увечны они, горбаты, голодны и полуодеты. Глаза их полны заката. Сердца их полны рассвета». Рыцарь и поэт Иосиф Бродский, написавший эти строки, всю жизнь имел дело со злыми волшебниками из КГБ, но копыя перед ними не складывал.

О жизни самого Сервантеса мы знаем мало. Сухая земля Ла-Манчи; монахи, инквизиция, богатый герцог, устроивший себе развлечение из порывов Дон Кихота; бедные, но гордые крестьяне вроде Санчо Панса; каторжники, жулики; и уже совсем «уходящая натура»: мавры, прекрасные мавританки, еще не изгнанные со своей родины, и двое ищущих подвигов идеалистов.

У биографов Сервантеса большие расхождения. То ли он учился в Саламанке, то ли бродяжничал. Они сходятся в одном: был он беден, всю жизнь перебивался с ольи на чечевичную похлебку, воевал при Филиппе II, потерял руку в битве при Лепанто, скитался, был в плену, обогнал лет на триста свой век и мог считаться первым испанским интеллигентом и таким нонконформистом, что непонятно, как он избежал костра. Впрочем, тот же Брюсов сказал: «Да будет твоя добродетель — готовность взойти на костер». Армия, бедность и удаленность от столиц спасли его от опасного внимания императора и Церкви.

Но в 58 лет он публикует первый том «Дон Кихота», а в 68, за год до смерти, второй том.

Начиная с 1604 года идеалисты всего мира собираются под знамена Дон Кихота Ламанчского, роман становится их явкой, а имя героя — паролем. Прежде всего роман переводят на французский и английский. Гейне спрашивал совета у печального рыцаря на «роковых перепутьях». Байрон писал, что «добродетели Дон Кихота — вот причина его безумия». Ведь даже крестьянин Санчо Панса в конце концов понял своего сеньора: «Он не безумен, он дерзновенен».

Копьем Дон Кихота о грубые камни Средневековья стучались Возрождение и Просвещение, а попытка Дон Кихота

помочь Санчо Панса в его первых губернаторских шагах — это не что иное, как утверждение прав будущего третьего сословия.

А в 1769-м Сервантеса переводят на русский, и он на долгие десятилетия (хорошо, если не навсегда) становится лидером российских вольнодумцев. Тургенев говорит, что Дон Кихот «живет вне себя, для других, для своих братьев, для противодействия притеснителям». Достоевский, задумав своего «Идиота» и князя Мышкина, писал в дневниках о Дон Кихоте.

Передо мной — оранжевый двухтомник Сервантеса. 1955 год, еще до XX съезда. Тайный западник и вольнодумец Илья Эренбург пишет предисловие и находит вот эту цитату: «Свобода, Санчо, есть одна из самых драгоценных щедрот, которые небо изливает на людей». Но лучше всех сказал шестидесятник первой волны Виссарион Белинский: «Дон Кихоты были возможны с тех пор, как явились человеческие общества, и будут возможны, пока люди не разбегутся по лесам».

Вперед, Росинанты! Мельничные крылья злого волшебника опять показали над горизонтом.

«НА НАШИХ ГЛАЗАХ ГИВНЕТ ГРУЗИЯ»

Грузия Online, apsny.ge, 13 октября

Я думаю, что имею право обратиться к гражданам Грузии.

Я слишком давно участвую в грузинских делах и не один раз рисковала там жизнью, когда меня чуть не забили насмерть сапогами при Шеварднадзе и бросили в подземную тюрьму еще сталинских времен.

Грузия повисла над бездной; Иванишвили — это, возможно, троянский конь, который вышибает грузинских реформаторов (хороши они или плохи, лучших не было. А судя по их успехам, и не так уж они плохи).

И дальше будет еще хуже. Потому что мы уже видим предложения закрыть канал ПИК*. Мы слышим, кого назначают министрами — людей Шеварднадзе. Идет просоветская реставрация.

И разговоры про то, что у Иванишвили нет никаких других вариантов, — мы эти разговоры слышали в Украине,

* «Первый Информационный Кавказский».

по поводу Януковича. И в советской России, когда к власти пришли большевики, что они не справятся с экономикой, что это на три месяца, что они уйдут.

Реально у вас есть молодое правительство, которое вытаскивало Грузию из положения банановой республики, туземной республики для отдыха белых сагибов из России. И вытащило.

Я не говорю даже о том, что это черная неблагодарность. Я говорю о том, что это стыдно. Стыдно купиться на пустую спутниковую тарелку, стыдно купиться на обещание увеличить пенсию. Достаточно таких обещаний, чтобы близко не подходить к данной партии. Потому что денег лишних нет и в ближайшем приближении их взять неоткуда.

И, когда тебя покупают, нужно давать не бюллетень, а давать по морде. Когда тебе дают лари, надо бросать их в лицо тому, кто таким образом ведет избирательную кампанию.

Понятно, что даже Иванишвили не сможет признать независимость Самачабло и Абхазии, потому что его Грузия порвет. Но он будет всячески подъезжать к России и пытаться смягчить ее. То есть стоять на четвереньках. А Кремль таких не уважает. Кремль сделает дальнейшие шаги.

Я считаю, что, проголосовав таким образом, Грузия сделала первый шаг к тому, чтобы вся ее территория оказалась оккупирована российскими войсками.

А Буша в Вашингтоне нет, там сидит Барак Обама, который едва ли будет способен защищать грузинский суверенитет.

И будьте покойны, что Иванишвили не позволит создать американские базы в Грузии. А это была бы единственная ее защита на случай повторной агрессии.

Пока еще не поздно, пока есть время. Пока еще конституционная реформа не вступила в строй, вы должны поддержать Михаила Саакашвили, его правительство. Просто встать вокруг и исправить свою попытку заменить достойных на недостойных. То есть Иванишвили должен понять, пока не поздно, что любой его ложный шаг отслеживается, что ему не верят, что его тестируют, пробуют на вкус, и что ему не позволят делать Грузию российским сателлитом и отменять грузинские реформы.

За всё надо платить по цене. За то, что Грузия претерпела в составе Советского Союза, что ее абсолютно развратило и отучило работать, надо было платить жесткими реформами.

И то, что в Грузии посадили 25 тысяч, — это не страшно. Их посадили за дело. Берешь взятки — идешь в тюрьму. Продаешь наркотики — тоже идешь в тюрьму.

Я лично не стану здороваться ни с одним грузинским интеллигентом (а других я не знаю), который проголосовал за Иванишвили. Можно было голосовать не за Михаила Саакашвили. Там полно жестких либеральных партий, противников возврата в Советский Союз.

Ребята, вы — яблоко. Вас надкусили и могут сожрать. Если вы не остановитесь.

Я лично рассматриваю это как личную трагедию. Да, Россия погибла, мы ее, видимо, не можем спасти, хотя и пытаемся. Видно, не судьба. Но погибла Украина! Ради которой мы тоже очень старались.

И на наших глазах сейчас гибнет Грузия. Нам это не безразлично.

ТРИ ЦВЕТА ВРЕМЕНИ

Грани.ру, 13 ноября

Помните, был такой роман — «Три цвета времени» Анатолия Виноградова. Но теперь же мало кто романы читает, все сидят в «Твиттере», отлеживаются на «Фейсбуке», запутавшись в социальных сетях. Жаль, что Интернет не способствует общественному прогрессу. В нем выкладывают свои бредовые программы разные монстры типа Брейвика, насильники-педофилы или охотники на ни в чем не повинных таджиков. Все-таки в XIX и XX веках разной швали и мрази было сложнее выставить свое уродство и свои пороки на всеобщее обозрение. Дебилов ни одно издательство печатать не стало бы: они прибыли не давали. Интернет, при всем своем познавательном значении, сделался то ли помойкой, то ли пунктом сдачи макулатуры, потому что нет фейс-контроля и интеллект-контроля и никто не замеряет уровень. В советское время журнал «Проблемы мира и социализма» заставляли выписывать сотрудников НИИ. Только никто его не открывал и никто домой не приносил, потому что даже бумага была жесткая, не туалетная.

К тому же в наш Интернет полез, подчиняясь всеобщей моде, официоз, а сказать-то ему нечего. Слово — не самая сильная их сторона, они больше привыкли приобщаться

к делу с помощью наручников, дубинок и тюрем. А ведь роман «Три цвета времени» имеет к нам непосредственное отношение. Часть постсоветского пространства потонула сразу, даже не пытаясь барахтаться. Камнем пошли на дно, не делая попытки выплыть, Таджикистан, Узбекистан, Туркмения, Азербайджан, Казахстан (хоть и провел блестящие экономические реформы).

Мы с Беларусью барахтались какое-то время. Беларусь потонула первой, увлекаемая на дно усатым русалом — не назовешь же Луку русалочкой. Слишком мало там было западэнцев, потомков Кастуся Калиновского (таких, как Ирина Халип, Владимир Некляев или Александр Козулин), поднимавших оружие против Российской империи в составе Речи Посполитой еще в 1863 году. Как уползти от самодержавия и его подручных: российского православия и охотнорядской народности? У Беларуси было слишком мало ресурсов, она раньше нас подавилась глотком свободы. Еще один утопленник.

Мы барахтались дольше благодаря Ельцину, который хотя бы нас камнями в воде не закидывал. И все-таки была нефтяная и газовая амортизация удара, когда слепых советских кутят выбросило на простор речной волны, на жесткую милость свободы.

Но не стало Ельцина, и мы сделались добычей первого встречного Дракона, причем уцененного, б/у. Недолго мучилась старушка в чекистских опытных руках. В данный момент мы плавно опускаемся на дно, а «Левый фронт», коммунисты и нацисты — камень на нашей гибкой шее, и так докрасна натертой советским ярмом. Недавно народ опять спросили, и он, сердечный, ответил. Кого бы вы поддержали в 1917 году? 32% — красных, 8% — белых, и 60% — никого! Просто спросили бы, чья власть в городе, — и присоединились бы. Эти же 60% сидели дома в 1991-м и 1993-м. Они же правильно поднимали руку на собраниях в советскую эпоху. Не «против», конечно, а «за». Они же голосовали за Путина. Матрасный электорат, амебы. Партия уважающих начальство любого профиля. А 32% на 8% — теперь вы понимаете, почему мы проиграли и реформы, и Гражданскую войну?

Итак, два цвета времени у нас есть: оба белые. Один сразу, а второй выкинул белый флаг в процессе, когда побарахтался. Место встречи изменить было нельзя. Оно на дне.

Вам не мокро, дорогие россияне? Страны Балтии сразу ушли в полет, европейские и навсегда недоступные. Что они лебеди, это было ясно с самого начала. А наша беда в том, что не из каждого гадкого утенка образуется лебедь. Утенок может быть просто уродом. Из рода в род, от утки к селезню, за 70 с лишним лет плюс путинская эра.

А вот у Молдовы есть шанс. Слишком уж грубо их пощипали обратно в петлю, слишком нагло отняли Приднестровье.

Грузия в большой опасности, но это не от привычки к рабству. Наоборот, от привычки к гордому беззаконию, горной вольнице, безгосударственной жизни, абрекам и абрагам из романа «Дата Туташхиа». Грузины — избранные свободы, отбившиеся от персов и турок, потомки Прометея (эту теорию предлагал Звиад Гамсахурдиа). Любое государство им кажется бременем. Сначала они сбросили Звиада и ввергли страну в гражданскую войну; потом свалили Шеварднадзе. Те, кто пошел против Михаила Саакашвили, отличного президента, шли против тяжкого бремени современной цивилизации: законы, налоги, чистые руки, ремень пристегни, на красный свет нельзя, за 100 долларов взятки 9 лет тюрьмы. Законы современной европейской цивилизации натерли мозоли Грузии. Это плохо. Свободная страна должна уметь себя организовывать, защищать, кормить и одевать. Но рабство грузинам несвойственно.

А Украина неоднородна, она не изменилась с XIV века, она не только наша Украина, она и еще окраина Запада, Польши. Был батька Хмель, но был и батька Мазепа. Шляхетские вольности были присущи и желанны Червонной Украине и таинственной Галичине. В XIV веке, когда против Москвы сражался и погибал Великий Новгород, Марфа-посадница успела послать за защитой к киевскому князю, Михаилу Олельковичу, союзнику Польши. УПА и ОУН — это была украинская молодежь Запада, присоединенная в 1939 году. Она выжила, в Польше голодомора не было, а на Востоке был, ибо он сразу в 1919 году достался Москве. Вот как мы в XX веке поддержали разделение Украины на Восточную и Западную. Могильной землей. В сибирские лагеря украинскую молодежь везли эшелонами. Читайте Евгению Гинзбург и Александра Солженицына. Отсюда и «Свобода», приход которой в Раду так возмущает некоторых европейцев. Корни «Свободы»

в тех временах, когда звучал лозунг «Комуняку на гиляку». «Свобода», в дополнение к «Батькившине», привнесет в парламент ослепляющую ненависть к советской истории. Ничего страшного. Они без пулемета. Но «Партия регионов» и Путин в Кремле уже пригнулись. Украинский Запад наступает на украинский Восток. Это нормальный процесс. Так когда-то скончался Третий рейх. Жаль, что западные войска остановились на Рейне, а не на Волге, и не добились Сталина в его логове. Так что самый нарядный цвет нашего времени — это красно-черный, с трезубцем, символикой ОУН и УПА.

2013

СВЕРХСТАРЫЕ

Грани.ру, 15 января

Инаугурация Уго Чавеса состоялась, будьте спокойны. Если несколько сот тысяч идиотов в красных майках идут на площадь сами, без принуждения, чтобы обеспечить право на власть диктатору, будь он инвалид или даже полный труп, и на этот праздник — то ли на свадьбу, то ли на поминки боливарианского социализма — слетается президентское левое воронье из всех уголков Латинской Америки, от Ортеги до Моралеса, то власть абсурда и безумия в Венесуэле крепка. И микробы ее быстры... Все еще маячит в море парус Фиделя, да и братец его Рауль не сильно похож на Горби, радостный фанатизм так из него и прет, а кубинцы думают исключительно о том, как бы реформы не помешали им получать бесплатно пайки из муки и риса... А ведь реформы — это жизнь без карточек и без пайков. Своими силами.

Жалкий триумф Олланда во Франции, 75 процентов из удалцовской программы, приложенные к нарядной и сытой Франции, как раз и свидетельствуют о том, что коммунизм хуже чумы, от его микробов нет иммунитета и вышибают их не столько вакциной, сколько свинцом, как это делали Франко, Маннергейм и Пиночет.

Чем отличаются французы от англичан, сразу стало понятно. В комодах француженок еще хранятся спицы вязальщиц гильотины. А в Англии такие левые, как социалисты, никогда не претендовали на власть. Лейбористы — пассивные носители вируса. А для строительства барака нужна активная фаза, нужен фанатизм. Недаром Франция погорела на своей латентной левизне, которая засела в ней вместе с гимном и сувенирными медальончиками с изображением Марата и Робеспьера. Гимны и гимнюки (Михалков-отец, марсельский батальон) говорят о многом. Латинская Америка, Китай, пол-Африки, «наша» бывшая Азия,

Юго-Восточная Азия... Неплохой кусок и немалая опасность: слишком велик лепрозорий, слишком велика угроза, как Франции, напоротья на бациллу...

А мы с вами, кстати, после 13 путинских тяжких лет где живем, под каким Интернационалом? Отчего заглохло протестное движение в Беларуси? Мы ведь идем той же дорожкой, плюс нефть и газ, плюс территория и ядерное оружие... Знак морального возврата к старому пирсу — это отплыв очередной подлодки, вместо шампанского — мракобесие (освящение военного судна — это кощунство похуже того, в чем винят Pussy Riot, это кощунство пошлое, корыстное, это соучастие в возможных убийствах, это как пряжки ремней гитлеровских солдат, где была выгравирована надпись «Gott mit uns»^{*}).

Беларусь предала свою оппозицию. Как сказал поэт, бывший кандидат в президенты Владимир Некляев: «Есть бульба, есть сало, есть чего выпить и чем закусить, и даже больше, чем раньше». Молодежь уедет в ту самую Европу, куда не попадет Беларусь, а Лука будет злодействовать до конца своих дней. Такая же счастливая жизнь с Путиным предстоит и нам.

Не думайте, что наши песни и резвость вскружат голову Путину настолько, что он положит нам ее на эстраду, как на плаху, то ли на Болотной, то ли на Сахарова. Вон гайд-парк в Сокольниках и парке имени Горького выделили (хорошо, что не у белых медведей в зоопарке). Гуляйте. И помните, что белая ленточка вовсе не означает подвенечный убор. Скорее саван. Мы родились в меньшинстве, живем в меньшинстве и умрем в меньшинстве. Полстраны тупого плебса — Путину этого хватит. Но мы могли хотя бы его огорчить. Хотя бы показать ему новую расу свободных людей. А для этого надо понять, с чем мы имеем дело.

Власть, конечно, обезумела. Столько дел против одного Навального завести — это надо, чтобы к Путину заглянули три волхва и обещали, что этот самый Навальный будет президентом. Иначе непонятно такое упорное преследование. Маниакал? Скорее, дисбаланс. Советская власть воспитала поколение тупых подчиненных или бездельников, виртуозно умеющих провести рабочий день, от чая и шахмат — до Интернета. Но она же воспитала начальников, которым не приходилось слышать возражений, которые жили

^{*} «С нами Бог» (нем.).

по формуле «Я начальник, ты дурак». Сталинская выучка, брежневский замес. Заводные манекены. Путин произносит дежурные слова, которые являются пустым ритуалом. Его можно завести ключиком. И тексты все прежние, советские. Я всегда удивлялась, насколько гладко и уклончиво говорил Сталин. Не выдавая своих кровожадных намерений. То был просто ритуал, как смена караула у Мавзолея. То, что имело смысл, на люди не выносилось. Вот Ленин давал на себя и на власть кучу компромата. Разговорчивый был.

Эти начальники готовы головы поотрывать всем, кто просто стоит поперек дороги. Неважно, куда или откуда. Тупая власть, тупой ОМОН, деградировавший до стадии горилл, тупые сапоги, тупые дубинки. Что можно пожелать на Новый год такому монстру? Только сломать себе щит или шлем вместе с дубинкой и ребрами. И еще шею, пожалуй.

Но власть — особая статья. Она со своими пристяжными «малютками», в число которых попали и Олег Табаков, и Михаил Боярский, как некий черт, — не сверхновая, а сверхстарая. Она такой и была: солидные и неуклюжие дядечки в «чайках» или в «ЗИЛах», на госдачах, в баньках, со спецпайками и спецкомсомолками. Только партия называлась иначе. Но все они подписались бы под призывом Rogozina «Смерть буржуйам!». Таким, как Алексей Козлов и Михаил Ходорковский. Своим, местным, и иностранным, американским.

Но вот протестное движение — это что? На нем протупает та же хорошо знакомая советская плесень. Это она съела решимость Бориса Немцова похоронить Ленина без всякого референдума. Это она заставляет Илью Яшина беспокоиться о провокациях «нашистов», якобы заготовленных на 13 января: они придут с американскими флагами, держите ухо востро. То, что для нормальных людей — ориентир, реликвия свободы, для Яшина — провокация. Он такой же сверхстарый и пыльный, как власть. Что, посчитаем всех, кто находит провокационным американский флаг, и тоже вывесим портреты рядом с госдумовскими?

Слава Богу, марш 13 января организовывали гражданские активисты, Лимонов окончательно выдал свою нечеловеческую сущность; нацболы ничем не отличаются от единоклассников, и пусть сироты скорее умрут на родном пепелище, чем спасутся в США (вот так и моряки «Курска» были оставлены умирать на родной подлодке). Лимоновский друг Захар Прилепин тоже выдал себя своим нутряным

антисемитизмом, своим стремлением сделать то, о чем Путин только говорит.

Мэрия не дала Удальцову подать уведомление. Вот был повод навсегда отделаться от фашистов и коммунистов. Нет! Куда там! Опять им дали отдельную колонну. Пусть идут себе в светлое царство социализма по нашим трупам.

Дорогие хомяки, нам надо подумать о достойной смерти, а не о шутовском карнавале. Словом, протестное движение само улеглось в советскую могилу, поставило над собой пирамидку-обелиск с красной звездой и делает холмик. Я лично на этот курган цветочки не понесу.

ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Грани.ру, 23 января

Куба сделала второй шаг. Как, интересно, назовут оттепель в этих тропических краях? Сначала — освобождение политических, потом — свобода передвижения не на плотиках и не на надувных матрасах. Без разрешения партийных комитетов, в сторону США и Европы.

Только ничего не получится. Жаль мне моих товарищей по духу и судьбе, кубинских диссидентов. Им будет очень больно и очень страшно, когда перед ними встанет та стена, которая встала перед нами. Стена из их собственной истории и желания народа ею гордиться и ее праздновать. Народ с таким энтузиазмом таскает макеты шхуны «Гранма» по демонстрациям! Они гордятся своим команданте, штурмом казарм Монкада, борьбой с опереточным диктатором Батистой и героической гибелью братьев Сантамария. Трудящиеся все еще поют революционные песни, и число «26», «26 июля», для них сакрально.

А ведь всё это придется бросить на пути к нормальной человеческой жизни без фраз, без поз, без знамен, без пыток, без своих собственных казарм, в которые они пытались превратить веселую Кубу.

Пусть прогремит наш твердый шаг
И, словно горящий алый стяг,
Революционный пылает пожар!

Это тоже придется забыть, компаньерос. «Avanti o popolo, alla riscossa, bandiera rossa!»*

Всё было неправильно и напрасно, мы сбились с пути, пусть будут прокляты лжепророки братья Кастро, Че Гевара увлек нас на путь безумия. Вот золотой ключик, который отпирает дверку назад, в человеческую нехитрую жизнь, без великих целей и без страшных преступлений, а на дверке, кроме котелка с супом из баранины, еще и Декларация прав человека и Пакт о гражданских и политических правах.

Нас это тоже касается. Не было революции, был гнусный и грязный октябрьский переворот. Не было неуловимых мстителей, комсомольцев-добровольцев, пионеров-героев. Были несчастные дети, вовлеченные взрослыми в адскую игру.

Торчит на главной площади России Мавзолей с трупом людоеда, и почти все готовы забыть, пренебречь, переступить, а ведь это строение торчит, как бирка на ноге убитых и замученных, умерших от голода в ГУЛАГе 40 миллионов. Россия — все еще кладбище неотомщенных и неотпетых жертв, где дозволено публично поклоняться злодеям и палачам. Сталин не очень далеко отошел от своего духовного отца, стоит рядышком, у кремлевской стеночки.

Для меня главный итог массовых митингов на Болотной и Сахарова — это полная потеря ориентиров и предательство в пользу Зла, выраженное в предложениях Михаила Прохорова и Бориса Немцова хоронить Ленина только после референдума. А бумага бюллетеней не покраснеет? Это ведь вопрос не дискуссионный.

Мы попытались обойти прямую и резкую сентенцию Тенгиза Абуладзе из фильма «Покаяние», само покаяние. Ведь надо было лично выкинуть на свалку за ноги свое прошлое, как труп своего отца. Начиная с 25 октября 1917 года. Дальше не было ничего кроме чудовищных преступлений, террора, голодомора, лицемерия и двоедушия. И не ищите в этом адовом узле истории великую войну и великую победу. После подавления Тамбовского восстания взятие Берлина — не праздник. Потому что не доиграна та, первая гражданская война. А доиграть ее можно и в нашу пользу: отречься от воздушных шариков на октябрьских парадах, от звездочек Ильича на школьной форме,

* «Вперед, народ, к восстанию, красное знамя!» (пер. Ю.Шатурина) — песня итальянских коммунистов.

от «Артека» и красных галстуков, от кремлевской елки. Потому что всё это нельзя оторвать от лагерей ГУЛАГа, от камер пыток, от Афганистана, от подавления Пражской весны в 1968 году и Венгерского восстания в 1956 году.

Дошло до трагических парадоксов. В Нидерландах погиб человек из «Другой России»*, человек, который по определению не должен был идти на Болотную, сподвижник Лимонова, человек с другой стороны баррикад. Как и Прилепин, как и Удальцов. Теперь Лимонов требует для него посмертно Героя России. Но ведь такие награды выдает Путин, а не Людмила Алексеева. Честные выборы, которых требовал этот бедняга, они же были бы последними, выиграй их НБП. Так и в «Лимонке» написано.

Наша главная война — это война с теми, кто хочет гордиться советской историей, этими 50–60% путинского электората плюс еще 20% — коммунистического. Да еще «Справедливая Россия» Гудкова и сына и Ильи Пономарева. Электорат ЛДПР, партии поддержки всего безумного, злого и подлого. И кучка маленьких злых компартий и левых фронтов, кучка наци, фашистов и полуфашистов, которые цепляются то за Ленина, то за Сталина, то за Муссолини, то за черносотенцев 1905 года.

«Потемкина» и «Аврору» тоже придется оставить по дороге из социализма, а светлые образы буденных, чапаевых и ворошиловых перечеркнуть.

Немцы же выжили, вычеркнув 12 лет из своей истории. Ни доброго фюрера, ни героев войны, ни подвигов гитлерюгенда и СС. Позор, преступление, Холокост.

Если бы награды за Афганистан отменили, то не случилось бы чеченских войн, каждый имел бы в виду, что за несправедную, преступную войну не дают ни льгот, ни званий, ни орденов.

Вот все дивятся тому, что происходит в Алжире. А что там происходило 50 лет назад? Шарль де Голль дал независимость, но вынужден был эвакуировать во Францию всё европейское население Алжира, всех «черноногих», всех носителей французской культуры. А от чего они бежали? Не от ислама, но от исламизма. Ислам — отделенная от государства религия для желающих, факультатив, исламизм же — тоталитарное государство насильно, навсегда и для всех.

* Александр Долматов, погиб в депортационной тюрьме.

Потом, 20 лет назад, на свободных и честных выборах эти исламисты победили. Один сценарий — что в Иране много лет назад, что в Тунисе или в Египте совсем недавно. Молодые и образованные протестующие объединяются со своими врагами-исламистами против шахов и диктаторов. Скидывают одного фараона и получают другого, на честных и свободных выборах, потому что и там есть свои 50% шариковых плюс энное количество фанатиков, а западников — раз-два и обчелся.

Нам впереди предстоит много войн, главным образом с самими собой и нашим имперским нутром, которое так кстати и так подробно обнажил Владимир Миров.

Но сначала должны получить свое и успокоиться в земле 40 миллионов жертв коммунизма. Иначе на российском кладбище мы ничего не построим кроме новых могил. Иначе наследие палачества и лжи будет тянуться за нами вечно. Запрет советской символики и снос советских артефактов — вот с чего начнется новая российская история. И в этой войне Ленин, Сталин, Путин, Зюганов, Удальцов и Лимонов, Гудковы и Илья Пономарев будут на одной стороне.

ЧЕРНО-КРАСНАЯ СОТНЯ

Грани.ру, 29 января

Попал мне в руки список минкульты «100 лучших фильмов для школьников». И сразу же я увидела этот пушкинский сюр: «И в распухнувшее тело раки черные впились». Может быть, минкульту лучше составлять списки для пенсионеров или уж сразу для покойников? Почему наши культурологические сети опять притащили мертвеца — после знаменитой школьной программы по литературе? Один знакомый ребенок показал мне свой учебник.

Для филфака МГУ похвально полгода изучать утопшую Лизу Карамзина. А в школе лучше в курсе истории дать его «Историю государства Российского». И только филологам нужен допотопный Княжнин, который уже в пушкинские времена не читался, да зачем еще размазывать на два месяца Фонвизина, когда на Митрофанушку хватило бы одного урока. Плюс куча летописей, где вечная Ярославна вечно топит читателей в своих патриотических слезах.

Странное меню для деток, которых надо приохотить к чтению... Уйдут они в Интернет, запутаются в «Твиттере», потеряются «ВКонтакте», не вернуться из «Фейсбуков», еще не дойдя даже до Пушкина. Хорошо, что знакомый ребенок — умный, домашний, читающий, — как-то пережил первое полугодие. Но разве не ясно — за счет древних скелетов и мумий можно было бы дать Гаршина, Леонида Андреева, Тютчева, да еще курс Бунина увеличить?

И с иностранной литературой по-прежнему плохо. Хоть бы четверть программы ей уделить. И мало одного Солженицына, чтобы сгладить непоправимый вред, нанесенный самосознанию ребенка пустой, лживой, барабанной советской литературой. По этой части программа не из Булгакова и Шварца состоит.

И как раз все эти ошибки, которые хуже преступления, повторились в списке кинематографическом. Из 100 фильмов 34 штуки, согласно спектральному анализу, — или откровенная, грубая, лживая советская пропаганда, или допотопные ленты, снятые в начале истории советского кинематографа, и даже досоветского, которые надо изучать не в школе, а во ВГИКе. Кому интересен сегодня «Стенька Разин» 1908 года? Или никак нельзя было обойтись без лишнего бандита? Так взяли бы «Капитанскую дочку». И бандит (Пугачев) есть, и Пушкин, и экранизация талантливая. И долго ли мы будем таскать бездарную и слащаво-лживую горьковскую «Мать» из списка в список, хоть и в пудовкинском дизайне? И уж конечно без груды металлолома, то есть без «Броненосца Потемкина», нельзя было обойтись. Это для кинематографистов искусство (знаменитый эпизод с лестницей и коляской), для деток — это дурацкая агитка вроде пионерского галстука, не все же во ВГИК пойдут.

Мало было «Неуловимых мстителей» (фильм-то неплох, но нельзя же на неокрепшие юные души лить сериями такое вранье), так еще и древние, из 1923 года, абсолютно бездарные «Красные дьяволята» оказались на 47-м месте. И какой красный комиссар из минкульта сунул в список «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков»? 1924 год! Дали бы вместо этого, раз уж хотите про двадцатые годы, «Интервенцию» Полоки и «Комиссара» Аскольдова, недаром эти фильмы на полке по 20 лет лежали.

И сколько еще поколений будут травить «Чапаевым», как стрихнином? И почему вместо неправдивого, но хотя бы талантливой и неоднозначной фильма «Семнадцать мгновений весны» с Табаковым и Пляттом рекомендуется плоский и фанатичный в своей советскости «Щит и меч»? Потому что это любимое чтиво Путина? И где «Плюмбум» Абдрашитова и Миндадзе? Почему дается более слабая «Охота на лис»?

В военных фильмах тот же перебор лояльности к официозу, однозначности и советскости. «Восхождения», «Судьбы человека», «Проверки на дорогах», «Иди и смотри» плюс «А зори здесь тихие» (отличные фильмы без прямой лжи) хватило бы. Тем паче что есть Тарковский, «Иваново детство». Это делает лишними осторожные «Живые и мертвые» и незамысловатую «Балладу о солдате». Тем более что есть калатозовские «Летят журавли». И можно было бы дать «Жизнь и судьбу» Гроссмана и Урсуляка. А уж «Они сражались за Родину» и «Освобождение» не только лживы, но и бездарны.

Давая «Утомленных солнцем» Никиты Михалкова, как можно было не дать продолжение, то есть «Предстояние» и «Цитадель»? Неприятную, страшную, но гениально выраженную правду. Там столько горечи и боли, что вкус к парадному и тщеславному изображению войны был бы отбит на всю жизнь.

Есть фамилия ДANELии, но нет места для лучшего анти-тоталитарного фильма «Кин-дза-дза!». Чудом попали в список антисоветские «Покаяние» и «Собачье сердце». Но сорвать с глаз детей повязку советской благополучной истории как основу их бытия — на это фильмов жалеть не надо. Здесь был необходим «Последний бой майора Пугачева», здесь нужно было включать «Чекиста» Александра Рогожкина о застенках ЧК, снятый по «Щепке» Владимира Зазубрина, и «Людоеда» (о подавлении Кенгирского восстания эзков), «Десять лет без права переписки», «Круглянский мост» и «Время танцора» Абдрашитова и Миндадзе, где приоткрывается правда о последней чеченской войне. И где «Ночевала тучка золотая» по повести Приставкина о чеченской депортации 1944 года, благо речь идет о детях, о русских и чеченских сиротах.

И надо было поставить в список хотя бы несколько западных и японских фильмов. Сильнейшие английские

исторические фильмы «Человек на все времена» о Томасе Море и «Кромвель», американские «Храброе сердце» и «Спартак» Стэнли Кубрика. Там такая доза свободы! Из японских можно было взять «Легенду о Нараяме». И нельзя обойтись без великолепных фильмов Анджея Вайды: «Пепел и алмаз», «Дантон», «Бесы», «Катынь», «Человек из мрамора» и «Человек из железа».

И как не добавить Сокурова: «Молох», «Телец», «Солнце» и «Фауст». И дополнить все это перестроечным «Как живете, караси?».

Почему это не сделано? Потому что растить мыслящих людей не входит в планы минкульта, и противники нынешнего просоветского режима им тоже не нужны. Пусть лучше детки благодарят Сталина и Путина за свое счастливое детство, пусть растут в изоляционистском аквариуме, как вуалехвосты, пусть рухнувшие стены советской истории для них останутся крепкими и отштукатуренными заново. Мы все пришли оттуда, из СССР, из детства. И вот нас опять силой и хитростью загоняют туда, то есть обратно.

У НАС НЕ БУДЕТ МАМЫ РОМА

Грани.ру, 26 марта

Избрание папы римского касается, собственно, римской католической церкви и добрых католиков, если они, в отличие от нас, еще во что-то верят. Но так уж повелось, что в эту веселую викторину — даже с тотализатором, когда на кандидатов, «папабиле», делают ставки, как на лошадей, — включается весь крещеный (и даже некрещеный) мир. Что поделаешь! «Не потешишься, так повесишься» — гласит Даль.

Каждый папа обрастает легендами и мифами. Это ничего, главное — не обрастать занудством. Но нынешнего папу встречали уже не только аплодисментами, но и лихими чаяниями «реформирования католической церкви» и парочкой глубоких заблуждений исторического и социологического характера. Насчет истории ордена иезуитов и сочетаемости этой истории с историей нищенского и смиренного монаха Франциска и насчет омыwania ног больным СПИДом, а также заботы исключительно о бедных (как о лучшей части человечества, очевидно). Вот давайте мы в этом покопаемся — если не как добрые христиане, то как добрые гуманисты.

Я историю иезуитов знаю очень хорошо, причем из первоисточника. В 1969 году в Лефортовской тюрьме я прочла в подлиннике пожелтевший том «Истории ордена иезуитов» 1848 года издания. Так вот, иезуиты были отнюдь не овечки, нищие духом, и не очень-то стремились в Царствие Небесное. Их волновали сугубо земные дела. Они были спецслужбами христианства, и если тамплиеры вели явные войны, то иезуиты организовывали тайные. Люди они были ученые и не очень интересовались мирскими благами, как все интеллектуалы. Плотские радости по той же причине их не увлекали. Так что обет бедности и безбрачия — это, похоже, было. А вот на обет послушания иезуиты не очень-то нажимали. С папой они не только не советовались, но и сами тайно избирали пап и лоббировали нужную им кандидатуру. Умные, холодные циники, грамотные политики, строители и сокрушители царств. Они были элитой человечества. И готовили в своих коллежах смену этой элите.

Правда, они вначале имели доктрину ликвидации «нечестивых принцев». Положим, Генриха III, которого они прикончили чужими руками (и иезуиты никогда не оставляли следов) не жалко, хотя он был плохим католиком только в глазах фанатиков из Лиги, возглавляемой Гизами. Но смерть Генриха IV, умницы, друга философов, демократа, гуманиста, впервые в Европе давшего Франции и ее гугенотам свободу совести Нантским эдиктом, от рук слабоумного экстремиста Равальяка, подученного подосланной орденом девицей, — это уже серьезное преступление. До Генриха крестьяне Франции почти не видели мяса, а он провозгласил первую в истории Европы социальную программу: «Чтобы у каждого крестьянина была по воскресеньям курица в горшке».

А бедными и больными занимались францисканцы и госпитальеры. Кстати, коллежи иезуитов и сегодня дают прекрасное образование. Но только нынешний папа, который мне очень симпатичен своей скромностью, слишком далеко заходит в своем подражании Франциску Ассизскому. Можно и даже нужно сокращать расходы римской курии, но ездить архиепископу в троллейбусе — это мне что-то напоминает. Дзержинский спал на солдатской койке и укрывался шинелью; Цюрупа падал в голодный обморок; у Сталина после его смерти нашли в шкафу совсем мало

штанов и френчей, — но вся эта показная аскеза не прибавила этим вырождакам ни гуманизма, ни доброй исторической памяти. И Ельцина потомство будет чтить за ликвидацию СССР, за триколор, за Конституцию, за глоток свободы, за отмену советского гимна, за гайдаровские реформы, а вовсе не за то, что он в бытность свою первым секретарем МГК КПСС ездил на троллейбусе и ходил в стоптанных ботинках. Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения по современному мегаполису. Пусть не представительского класса, но с колесами. Lancia папе как раз подойдет. И недорого, и патриотично. Но лучше всего ему бы взять из своего прошлого тот эпизод, когда он прикрывал собой обреченного на смерть мафией священника.

А вот призыв не ездить в Рим на «инаугурацию», а вместо этого отдать деньги аргентинским бедным — это плохая идея. Можно, конечно, отменить все зрелища, закрыть театры, перестать снимать кино, остановить выпуск новых автомашин, не тратиться на моды, на картины, на науку, на спорт, на путешествия, на украшения, и все средства употребить на прокорм армии бедных, которые тут же, как пансионеры Уго Чавеса в трущобах, немедленно вообще бросят работать, станут жить на пособия, сделаются люмпенами и паразитами и будут размножаться как кролики, не думая о последствиях. Во что превратится жизнь на Земле? Это будет плохая услуга и богатым и бедным. И почему надо думать только о бедных? Средний класс тоже хочет внимания. Одно дело бедные художники: Ван Гог, Гоген, Модильяни. Другое — какое-нибудь бедное (или богатое) ничтожество, которое ничем не запомнится. Опять классовый и марксистский подход?

И наконец, новый папа мог бы вспомнить об узниках совести. Им деньги не нужны, им нужна свобода. Если бы Святой престол стал бороться с тоталитаризмом, с автократией, с теократией, это было бы замечательно. Нужно не поддерживать бедность милостыней, а создавать рабочие места. Если упоминание о бедности — это принцип, то дело плохо. А если ханжество — то еще хуже. Я видела Италию, Элладу, Испанию. И что же, вместо этого туризма я должна была деньги бедным отдать? Черта с два!

А дети, больные СПИДом, явно не в омывании своих ног нуждаются, а в том, чтобы их лечили, чтобы их брали в школы, чтобы от них не шарахались. Такое буквальное

подражание Христу отдаст балаганом. Надеюсь, подражая святому Франциску, папа не разведет в Ватикане волков и не будет отдавать римским нищим (которые набирают на туристах кругленький доход) половину своей мантии.

От нового папы ожидают церковной реформы. Очень неплохо будет, если Ватикан перестанет срамиться со списком запрещенных книг, все равно никто не обращает внимания. И совсем уж глупо выступать против презервативов на перенаселенной планете с таким загрязнением окружающей среды. Человечество не вымирает, и рожать — дело пока частное, а не общественное, как если бы надо было заселять пустую планету.

И вопрос с абортами тоже можно оставить на личное усмотрение. Считать, что человеческая личность возникает в момент зачатия, — это глупо и невежественно. А если выяснится, что коровы, овцы и свиньи имеют зачатки интеллекта, страдают, боятся смерти, — так вы и мясо есть перестанете? А если рыба и птица тоже хотят жить? А если растение испытывает боль? Что будем кушать? Женщина — личность, а не принтер, чтобы размножаться по приказу. Главное, младенцев не кидать в мусоропроводы и не зарывать в сугробы, что у нас случается.

И хватит, на этом с реформами стоит завязать. Церковные однополые браки невозможны, достаточно гражданских процедур. Потому что церковь — это не столько мораль (этика вполне возможна и вне церкви), сколько эстетика и традиция. А мужик в подвенечном платье и фате — это неэстетично. И предки этого не делали, а церковь — связь времен. И феминизм в церкви неуместен. Потому что исторически этого не было. Папа римский — это красиво, а вот мама римская — это анекдот. Здесь вся церковь рискует вылететь в ту самую ватиканскую трубу.

ЧЕКА СОРВАЛАСЬ

Грани.ру, 8 апреля

Вы никогда не пробовали повеситься на штанге для душевой шторки? Попробуйте, сделайте одолжение. Вы ничем не рискуете: и не повеситесь, и даже ребра себе не сломаете, если не очень изголодались. Ну ладно, у меня штанга на присосках. У Березовского, положим, ванная была

получше, с впаянной намертво штангой. Но ведь ростом Борис Абрамович был с меня. Значит, шторка у него висела на одной высоте с моей. Даже если встать на край ванны и прыгнуть с шарфиком на шее, то умереть удастся лишь в том случае, если сломаются шейные позвонки. А это сразу обнаружилось бы при вскрытии. Так что высота недостаточна, тело в конвульсиях инстинктивно удержалось бы, цепляясь за ванну. И ребро у упитанного Березовского наружу не торчало, при падении скорее руку или ногу можно сломать.

И слишком быстро Кремль вспомнил о письме. Если письмо было, то пусть отдадут независимым от себя экспертам для проведения почерковедческой и стилистической экспертиз. И потом, Борис Абрамович не мальчик, чтобы верить путинским гарантиям. Наш «гарант» слишком давно живет по формуле: «Слово — мое. Хочу — дал, хочу — взял назад».

Березовский был стреляный воробей. Ему ли верить обещаниям, на которые в 1945 году покупали наивных советских пленных, освобожденных из Дахау и Маутхаузена, не оставшихся на Западе и эшелонами поехавших в сибирские лагеря. Березовский наверняка читал «Люди остаются людьми» Юрия Пиляра, я ему в свое время рекомендовала.

И если бы было такое письмо, если бы Березовский унижался и каялся, мы бы его точно раньше прочли. Когда Гусинский пытался вернуться и хвалил Путина, мы сразу об этом услышали. Письмам, якобы написанным по чекистскому адресу, после которых следует смерть, верить не советую. Так якобы написал письмо в тюрьме Борис Савинков, а потом якобы выбросился из окна. Об этом даже целый фильм сняли.

Но что меня добило и добавило к 65% уверенности еще 35%, так это программа Алексея Пушкова «Постскрипtum». Реакционнейшая программа! И совсем не независимая. И, видимо, в полном отчаянии от невозможности аргументировать грамотно причины самоубийства и чувствуя доказательную слабость, крепкий (хотя и работающий на наших врагов) журналист Пушков прибег к новой версии: да, убийство. Но убила «МИ-6». Якобы бедный Березовский слишком много знал. Джеймс Бонд лично с ним советовался. Понятно, что это вздор. Никакие спецслужбы Запада человеку с репутацией и бэкграундом

Березовского ничего бы никогда не доверили. В Англии он был никто. Неприятная обуза.

Кстати, из-за тоски по березкам никто еще не вешался, даже ранимые писатели и поэты. А Березовский к ним себя не причислял. Депрессия? Это там лечат, пол-Голливуда на антидепрессантах сидит.

Да черт с ней, с психологией. Есть две причины, по которым самоубийство исключается. Во-первых, мама. 90-летняя мама, которой он несколько раз в день звонил. Как ей скажут, что Бори нет? У меня маме 85 лет, и я точно знаю, что пока его мать жива, Борис Абрамович не стал бы руки на себя накладывать. И второе: так порадовать Путина, своего врага, ради ненависти к которому он ухлопал столько денег и хороший кусок жизни?

А в скорую революцию он верить не мог. Не дурак и не идеалист. Просто вредил врагу как мог. Это закон войны. Правильный закон.

Нет, это не самоубийство. Значит? Значит. «Была эта каша замешана в тридцатых годах роковых. Концерн "Ледоруб-Интернэшнл" работает без выходных» (Н.Болтянская).

А зачем? Зачем им? Ну давайте, задавайте этот умный вопрос. А зачем Троцкого? Мексика далеко, Интернета не было, население СССР не узнало бы о том, как Лев Давидович оскорбляет Иосифа Виссарионовича. Зачем убивали во Франции всеми забытого Федора Раскольникова? Зачем было выкидывать из окна Савинкова, покаявшегося на процессе? Зачем было похищать в Париже генералов РОВС Кутепова и Миллера — беженцев без армии, без возможности вредить? Зачем было убивать Литвиненко? Закон омерты. Месть мафии. «Где бы ни скрывался враг, быть поминкам и по нем... Хоть полоний нынче дорог, это мы переживем» (Н.Болтянская).

Закон применим и к Березовскому. Он же по их шкале не враг, а предатель. Но доказательств нет, и я не могу никого обвинить. Эркюль Пуаро очень хорошо понимал, что с его версиями в полицию не пойдешь. Он ждал, когда у убийцы сдадут нервы и он себя выдаст. Поэтому в конце романов Агаты Кристи он собирал всех персонажей и устраивал сеанс разоблачения.

Но концерн «Ледоруб-Интернэшнл» себя не выдает. Разве что явятся новый Берия и новый Хрущев, которым будет очень важно закопать своего хозяина и предшественника.

Но Березовский не Михоэлс, которого оплакивали и актеры, и режиссеры, и зрители. А кто оплатит Березовского? А надо бы.

Он был, возможно (и даже наверняка), сукин сын, но это был «наш сукин сын». И убили его в нашей шинели и в наших погонах. Да, он нас предавал и компрометировал, когда братался с Прохановым и подсовывал в качестве соратников красных и коричневых. Но разве не это же делает сегодня КС оппозиции? Мы же не желаем смерти Дмитрию Быкову за то, что он стоял на трибуне «совместных» митингов? И разве мы хотим, чтобы погиб Борис Немцов за измену антисоветизму и антикоммунизму?

Наши враги избрали для Березовского ту казнь, который подверглись декабристы, а в их числе тоже были далеко не ангелы. Пестель был плохим человеком. Он собирался устранять весь царский род, включая маленьких детей, совсем как Ленин. Но его повесили, и на обложке «Полярной звезды» оказались все пять профилей, и никто не поминал больше о пестелевских грехах.

Мы, положим, хорошие люди, и живем не по лжи, и к власти Путина не приводили, и «ЕдРо» не создавали. Но мы, хорошие, живы, а его убрали. И нет у нас морального права хулить заплатившего и по нашим, в том числе, счетам.

Для Сталина преступник ленинских времен Троцкий был, с точки зрения морали, менее опасен, чем честный студент Володя Гершуни, клеивший листовки и получивший 10 лет. Но Гершуни, соавтор «Архипелага», вышел из лагерей живым, а Троцкий погиб. У этой организации свои веса и свой уголовный кодекс.

Мне не в чем себя винить. ДС не взял денег, которые нам в начале нулевых предлагал Березовский. А я лично не взяла их даже на лечение. Так же, как Сережа Юшенков не взял на предложенную ему роскошную иномарку. Но когда шла речь об экстрадиции Березовского, мы стояли в пикете у английского посольства с требованием его не выдавать. И не забудьте: кассеты о взрывах домов, тысячи кассет, которые мы с Юшенковым и Юлием Рыбаковым тогда привезли из Лондона в Москву, были отсняты на деньги Бориса Абрамовича. За его смерть не ответит никто, даже после гипотетической демократической революции доказать что-нибудь по суду вряд ли удастся.

Поэтому пусть Евгений Чичваркин, или Алик Гольдфарб, или еще кто-нибудь из наших эмигрантов в Лондоне не пожалеет пары фунтов и положит от меня хотя бы один цветок на могилу Березовского.

МАТЬ АЛЬВИОНА

Грани.ру, 17 апреля

Мне кажется, что мы могли бы дружить с этой серьезной Мэгги, которая даже в школе думала о серьезных вещах, сама пробивала себе дорогу в Оксфорд, где дочь владельца двух лавок могла считаться выходцем из бедной семьи. Мы бы поняли друг друга с полуслова, потому что я еще в десять лет чувствовала, что живу в неправильной стране, где нет частной собственности и где все обязаны делать вид, что равны.

Советская власть избавила моих прадедушек и прабабушек, как дворянских, так и купеческих, от их немаленького имущества (намного больше двух лавок) и гербов. Я получила серебряную медаль и поступила в престижный Иняз. Но на этом сходство наших жизненных дорог и закончилось. Я не могла стать лидером партии и премьер-министром, потому что в СССР ничего такого не было предусмотрено. Ни для мальчиков, ни для девочек. Даже в 1988 году положение одного из лидеров оппозиционного ДС открывало мне дорогу не в несуществующий парламент, а в реальное Лефортово, что и случилось под занавес строя, КПСС и державы в мае 1991 года. А там и лавки закрылись из-за отсутствия товаров, и следом за Рейганом и Тэтчер в их Большую Тройку пришел Ельцин. Это была мощная упряжка, и она потянула мир к истокам дней, когда человек стоял на собственных ногах, сам зарабатывал себе на жизнь, никому не кланялся, был достоин уважения, не разевал варежку на чужой кусок. И называлось это, дети, капитализм.

Маргарет Тэтчер тянула Британию ко временам веселых йоменов, которые боролись за свои права с Плантагенетами. Баронов, вырвавших в 1215 году у королей Великую хартию вольностей, и англичан, которые одни посмели противостоять Гитлеру в 1940 году, несмотря на зверские бомбежки, пакт Молотова — Риббентропа и невмешательство Америки.

Рейган тянул в эпоху пионеров, покорителей прерий и индейцев, которые, кстати, были совсем не паиньки; когда пенсию нужно было получать у койотов вместо собеса; в эпоху отцов-основателей американской Конституции и американского порядка вещей, когда налогов не платили только нищие и бродяги. А Ельцин тянул в Киевскую Русь, в древний Новгород, в эпоху, когда не было советского каторжного концлагеря, когда Россия не была злым и голодным изгоем, но богатой, успешной, свободной и доброй страной с конфедеративным устройством.

В начале путинской эры, когда леди Маргарет была уже не у власти, в Москву приехала милочка из Лондона, журналистка Би-би-си, и сказала, что после Тэтчер у них всё стало плохо: все стремятся зарабатывать деньги. Никакой духовности!

Леди Маргарет знала, как правильно устроить мир. Человек обязан сам себя обеспечить. Он должен стать мастером, много знать, совершенствоваться, платить налоги. Всё остальное — потом. Семья — потом (если не можешь прокормить себя, то как прокормишь семью?). Политические свободы — потом. Зачем они бездельникам и иждивенцам? Если человек не кормит и не содержит сам себя, не вносит свой пай налогами, у него нет морального права решать общественные вопросы. Ведь он станет покушаться на чужой пирог и требовать, чтобы что-то взяли у других и отдали ему. Рейгану было легче всех, зато Англия влипла в социал-демократию, и леди Маргарет пришлось напоминать англичанам, как пришлось и Ельцину, о приватизации, о Хайеке, о Фридмане и учить индивидуализму в духе фильма Глеба Панфилова «Васса Железнова»: «Твое — это твое. А наше — это ничье».

Елизавета Великая создала свободную торговую Англию, где капитализм, свобода совести и независимость от диктата пап шли рука об руку. Маргарет Тэтчер напомнила об этих английских устоях. Если бы она сегодня была премьер-министром, то едва ли английский катер сдался бы иранскому судну без единого выстрела, а английская женщина-офицер позволила бы закутать себе голову в платок и потом брала на память ковер в порядке моральной компенсации. А беспутная молодежь, поджигавшая Лондон и Манчестер и грабившая компьютерные магазины, не сидела бы на социальном пособии и не пользовалась бесплатным жильем.

Маргарет Тэтчер не пришлось топить Великую армаду, как Елизавете, но в истории с Фолклендами она лихо отбила аргентинских захватчиков. И ведь не территорию защищала она, а выбор островитян, решительно отказавшихся перейти под аргентинскую юрисдикцию (тем паче что тогда в Аргентине правила хунта).

Она не боялась людской молвы. Поддержала гостя, Аугусто Пиночета, который не признал законной аргентинскую вылазку и помог с электронной разведкой. Из Лондона выдачи нет, разве что для Джулиана Ассанжа, оказавшегося трусом, засевшим в эквадорском посольстве, несмотря на внесенный за него залог, и чистейшим леваком. Бороться с Пиночетом надо было раньше, когда Сальвадор Альенде гробил экономику Чили, а кубинские командос захватывали провинции и заводы в Сантьяго. Почему стадионы оказались единственной альтернативой? Где были правозащитники, когда Чили делали кубинским клоном? А со стариком, спасшим страну и отдавшим власть парламенту, стыдно было бороться. Тэтчер не побоялась заявить о своем неприятии Африканского национального конгресса и Нельсона Манделы. Да, апартеид — зло, но коммунистические политики — не выход. ЮАР потеряла очень много в плане экономики и безопасности граждан после прихода к власти АНК.

И коммунистический Вьетнам, разбивший коммунистическую Кампучию, леди Маргарет тоже не стала приветствовать. Чума на оба их дома! А убитых ее отказом допустить референдум шотландских сепаратистов мне не жалко. Во-первых, рейтинги показывают, что никакое отделение не проходит, а во-вторых, нелюди, танцевавшие в день смерти Маргарет, никакой свободы не достойны. Это орки какие-то, не похожие ни на Роберта Брюса, ни на Уильяма Уоллеса.

Но гордая Маргарет Тэтчер пожалела нас, покорных рабов советских тиранов. Она очень плохо относилась к СССР. Но сразу поняла, что Горби гробит этот монолит просто в силу того, что он живой, а не монумент, и наделен здравым смыслом, а жестокости в нем мало. Она говорила, что очень опасна та страна, которая выбрала не масло, а пушки. Своими военными приготовлениями Ронни и Мэгги разорили СССР, который уже не мог за ними угнаться, а потом пришел Ельцин — и Черная Крепость

пала вообще. Даже если мы так и останемся под развалинами и никакое МЧС нас не откапает, эти трое сделали великое дело, избавив мир от советской военной угрозы и советского диктата.

И это Маргарет Тэтчер устыдилась давнего британского предательства, когда Англия выдала Сталину беженцев, ушедших к союзникам. Она хотела поставить им памятник. Не успела.

Ее, которая никогда никого не предавала, предали родные консерваторы: ради очков на выборах. Ее предали англичане — и в рейтингах премьера отразилось жалкое мнение тех, кто хотел получать бесплатное молоко. Ее предали, как Черчилля, защитившего честь Англии и не позволившего ей стерпеть Гитлера.

Маргарет Тэтчер говорила: «Не оставляйте тиранов и агрессоров безнаказанными. И если вы решили сражаться — сражайтесь до победы». Она не верила в еэсовский колхоз, не пустила Англию в еврозону и сделала всё, чтобы англичанин никогда не был рабом, а был сам себе господином.

К НАШЕМУ СТОЙЛУ

Грани.ру, 20 мая

Из меня бы вышел никуда не годный плантатор. Я выпустила бы на свободу своих негров в первый же день. Потому что печальный и озлобленный раб — это неплохо, восставший раб — это совсем хорошо, но нет ничего хуже счастливого и довольного своей жизнью раба, относящегося к своему хозяину с собачьей преданностью, этакого дяди Тома. Плохому хозяину Легри он служил так же усердно, как доброму мистеру Шелби, продавшему его работоторговцу, или доброму Сен-Клеру, собиравшемуся его освободить. Он не мог творить зло, но соглашался собирать хлопок.

Но я родилась плантатором, ибо каждый гражданин СССР, родившийся на территории России, автоматом становился господином для грузина, литовца, белоруса или молдаванина.

Приехав в 1969 году в Сухуми, я в свои 19 лет не могла понять, почему абхазы пускают меня на пляж, продают мне сосиски и мороженое и вообще со мной разговаривают: ведь

я была оккупанткой. Уже потом, читая Фазиля Искандера, я поняла, что жители Мухуса давно конвертировали свою независимость в братское рабство. Это новый вид рабства, возникший при советской формации: рабы-хозяева обслуживают чаем, кофе, мандаринами и морем братьев-курортников. А первый же попавшийся мне грузин, даром что был секретарем райкома, не хотел, чтобы его дочь знала русский язык, и послал ее в грузинскую школу, единственную в Сухуми. И я прониклась к грузинам уважением.

Случалось мне в 70-е благодарить латышей и эстонцев за то, что они отказывались понимать мои заданные по-русски вопросы. И не было никого счастливее меня от того, что теперь нельзя попасть без визы ни в Латвию, ни в Эстонию, ни в Литву. Что надо идти в посольство, стоять в очереди, а визы могут и не дать. Боже, как я радовалась, когда в вильнюсском кафе увидела меню на литовском языке, в котором не могла понять ни одного слова!

Поэтому так тягостно видеть, как возвращаются со звезд независимости на грешную землю советской империи грузины. Они держались долго, дольше, чем со Звиадом Гамсахурдиа: Михаил Саакашвили обладает не только храбростью, но и государственной мудростью. Но как в первый раз их взял на ошейник Шеварднадзе, так случилось и теперь.

А может быть, надо было судить хитрого Красного Лиса: за самолетное дело, за пытки, за расстрелы, за верную службу Москве, чтобы Бидзина Григорьевич знал свои перспективы? Получается некрасиво. Грузины ползут, отвечают на команды «к ноге!» и «рядом!», травят своего последнего независимого президента. Собственно, они травят не его, а свою свободу, ведь Саакашвили стоит между ними и колючей проволокой, увитой увядшими революционными розами. Что-то у нас на фрукты и цветы мор напал: розы, апельсины, жасмин и прочие злаки.

Соскучились без барской ласки и без барской таски? В США я узнала от грузинской диаспоры, что произошла немыслимая вещь: Грузии изменила ее церковь. Священники призывали голосовать за Иванишвили и грозили проклятием сторонникам «Единого национального движения». Только Бог здесь был ни при чем. Бог не фраер, его не купишь. А церковь купили. И ее глава благосклонно отозвался о Путине! О главе вражеского государства, о захватчике, чуть не дошедшем на танках до Тбилиси!

В стране, почти покончившей с наркоманией, «мечтатели» предлагают легализацию марихуаны! Сколько заплатил Путин Бидзиниными руками грузинской церкви, политикам, студентам, устроившим обструкцию президенту, едва сумевшему войти в университет? За что? Бидзина с Путиным отмечают День Победы (как в 45-м, так и сегодня: победы своего, родного насилия и деспотизма, своего Хозяина, своей советской власти, своих злодейств и своего рабства).

А Михаил Саакашвили не сдается и отмечает День Европы. Но тигровые шкуры на глазах линяют до шакальих. Вот так и поедут тупо грузинские спортсмены на Олимпиаду к врагам, как тупо поехали грузинские артисты и режиссеры выступать в Москву? Как в «Пирах Валтасара» Фазиля Искандера великий танцор Пата Патарая бросался на колени и так на коленях проезжал до сапог Сталина... Не лучше ли таким спортсменам сразу влиться в сборную Российской Федерации? Какое они имеют право выступать за оккупированную на 20% Грузию?

Ладно, в Кремле — удавы. А в Тбилиси — кролики. Думаете, это лучше? Одна экосистема. Обидно? Я хочу, чтобы вы наконец обиделись. Забыли 9 апреля 1989 года? Забыли 1921 год? Забыли фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние»? Дай Бог, чтобы Путин в награду за унижение не дал Грузии даже обглоданной косточки. Чтобы она больше не выпрашивала объедки с братско-барского стола.

За что погибли под российскими бомбами защитники Грузии в 2008 году? В следующий раз будет ли что защищать?

Как это скучно: Украине не хватило сала, Грузии не хватило шашлыка. Пусть все российские магазины ломаются от грузинского вина и «Боржоми». Теперь я не буду это пить: не хочу участвовать в сделке «торговля в обмен на свободу».

Я говорила: бегите от Российской империи, как от чумы. А вы ползете. Оставляя Саакашвили рейтинг в несколько процентов. Помните Писание: «Кто отречется от Слова, от того Слово отречется»?

Бедный Каха Бендукидзе — он сделал всё, что мог. Он не покупал народ, а давал деньги на реформы. Бедный Михаил Саакашвили, бедный Вано Мерабишвили, бедный Лев Пономарев, в августе 2008-го нацепивший на себя значок

«Я тоже грузин». Бедные немногочисленные российские демократы, мечтавшие, чтобы хотя бы вы долетели до звезд...

Уж позвольте перефразировать одного из ваших бандитов-театроведов Джабу Иоселиани: «Реформы делать — это вам не лобио кушать». И позвольте напомнить строчку из великого поэта Николая Гумилева, расстрелянного предшественниками Путина в 1921 году: «И если что меня еще роднит с былым, мерцающим в планетном хоре, то это горе, мой надежный щит, холодное презрительное горе».

Жесткой посадки вам в СНГ, дорогие кролики. Учите советский язык межнационального общения.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ПРОТИВ МОЛОДЕЖИ

The New Times, №22, 24 июня

«РФ против...» — так звучало бы обвинение на «процессе двенадцати» против Саши Духаниной, Марии Бароновой, Сергея Кривога и их товарищей, которые встретились впервые на скамье подсудимых. Это если перевести дело «болотников» на язык американского правосудия. Вспомните романы Эрла Стэнли Гарднера: «Штат Нью-Йорк против NN». Процессы против молодежи, вдохнувшей воздуха свободы и требующей добавки, как Оливер Твист — еще одной миски каши, на Руси проходят не впервые. Наши «болотные» процессы будут идти на граблях, набросанных еще при Александре II Освободителе. Ссора с молодежью, со студентами, бенефициантами его реформаторской деятельности, началась у него с подавления Польского восстания.

В 1866 году, после каракозовского выстрела, громили ишутинский кружок, хотя никто из них не знал о намерениях стрелявшего. Ишутин, Худяков, Странден пошли на каторгу или погибли в ссылке. Да и Чернышевский пошел в Сибирь по недоказанному обвинению. Недаром его защищал даже граф Алексей Константинович Толстой, литератор совсем другого разлива.

Студенты, окончившие иностранные университеты, стали искать альтернативу и нашли ее, к сожалению, в социалистической утопии. В 1874 году четыре тысячи подвижников пошли в народ. Но возражали им отнюдь не либеральные профессора из университета, как следовало бы, а жандармы.

В 1877-м состоялись два процесса, московский и петербургский: «процесс 50-ти» и «процесс 193-х». Суды присяжных шли открыто, при большом стечении публики. Даже Третьему отделению не пришло в голову закрыть заседания, как это сейчас делает Путин. Хотя тайна по «Болотному делу» одна: не было никаких массовых беспорядков.

Многие подсудимые, такие как Андрей Желябов (или ранее, в Казани, Вера Засулич), были оправданы: не хватило улик. Опять-таки плюс XIX веку: у Путина не оправдывают.

Но посидеть пару лет в «предварилке» без вины — это оставило неприятные воспоминания. Первая посадка Веры Засулич была за найденные у нее нечаевские письма, которые она даже не читала. Но многие студенты с процессов пошли на каторгу, даже на страшную нерчинскую Кару. А чего стоит наказание розгами студента Боголюбова по приказу петербургского градоначальника Трепова? И вот январь 1878 года, выстрел Веры Засулич в Трепова, и образованное общество сочувствует, и адвокат Александров защищает, и судья Кони лоялен к подсудимой, и присяжные оправдывают. В Одессе громят мирную типографию, Иван Ковальский стреляет в жандарма. Виселица. И началось.

Вместо Софьи Бардиной, мирной народницы, — грозная Софья Перовская, вместо пропагаторов-народников — народовольцы. Виселицы и террор, будущий моральный капитал Февраля и Октября. Но или виселицы, или реформы.

Царь-реформатор гибнет от бомбы в 1881-м, начинается реакция Александра III. А война власти и молодежи продолжается. Скоро ли Путин доведет мирных «болотников», у которых есть все основания для законного протеста, которым ничего не возразишь (а либеральные профессора сами ходят с белыми ленточками по бульварам), до такого вот настроения: «Трусливые жертвы, вы славы не стоите. В стране, где террор — государственный быт, невинно растоптанным быть — не достоинство, уж лучше — за дело растоптанным быть». Так Евгений Евтушенко в «Казанском университете» описывает выбор, сделанный Александром Ульяновым.

Путин и его СК толкают молодежь в ряды нигилистов, и вот уже появился лозунг «Смерть кремлевским оккупантам!».

Александр II осуществил великие реформы, но полнотью потерял поддержку образованного класса из-за бессмысленных репрессий. На что рассчитывает нынешняя власть, которая реформы похоронила и топчет интеллигенцию, непонятно. На 1905 год? Или сразу на 1917-й?

ВОЙКОТ УЧЕНЫЙ

Грани.ру, 25 июня

Говорят: всяк сверчок знает свой шесток. Но сверчки хотя бы живут за печкой, на поселении, хоть и равняются по поверке на шестках. Обещанные же нам главным энтомологом страны московские выборы еще хуже. Здесь коллекция насекомых на булавочках, и паук — только один экземпляр. Там полно других брюхоногих, головоногих и хордовых. А единственный участник — Собянин с сачком, как некий новый Дуремар. Посмотрим, как они Навального без булавочки зарегистрируют. Паука — так сразу и с восторгом.

Запретить выборы — это просто и накладно. А сделать из них жалкий фарс, надругаться — это безопасно и даже престижно: смотрите, у нас избираются в мэры и пауки, и тарантулы, и тараканы. Паук, конечно, клоун, гаер, но работает он в государственном цирке. Для глупых московских мух, то есть плебса, приготовлена надежная паутина. Вот вам коммунист Мельников. Будет строить Московскую коммуны. Вот очередной «охранник Жириновского», главы всех коверных. Сам он унижаться не хочется, но всегда можно послать за себя свой клон. Вот вам сгнившее «Яблоко». Как они закатились в Губчека, так и не воротились.

Я бы Алексею Навальному не посоветовала срамиться в этой коллекции насекомых. Лошадь-то в забеге одна, а всем остальным выдали деревянных лошадок. Далеко не ускачут. Не надо работать у них жокеем, это не наш забег, не наш город, не наше государство. Его еще только предстоит отвоевать.

Но непохоже, чтобы всё это очень волновало Михаила Прохорова. Ни за какие миллиарды в мире я бы не согласилась быть на его месте и работать кроликом, которого маэстро Путин то достает из цилиндра, то прячет назад — и нет кролика. Цилиндр пустой. Прохоров не только теряет

лицо, он компрометирует капитализм, буржуазное общество, всех правых. Очень жаль культурного человека и меценатку Ирину Прохорову. У этой бедной сестрицы Аленушки братец Иванушка давно уже превратился в козленочка — и, кажется, процесс необратим. Хочется купить ему билет на самолет. Если так дергаться на булавочке, то уж лучше бежать вместе со всеми миллиардами туда, где червь не подточит и вор не украдет, то есть на Запад.

На выборах в Химках, впрочем, был реальный кандидат: Евгения Чирикова. При тех же пауках выборы тем не менее выиграло единоросское начальство. И с тоскливой тошнотой понимаешь, что так уже давно происходит, происходило и будет, видимо, происходить. За 70 лет население, заменившее народ, выдрессировали. Служит на задних лапках, и даже не за пряник, а за кнут.

Помните одни несостоявшиеся мэрские выборы 1992–1993 годов? Там тоже явился тот еще суповой набор кандидатов: генерал, обещавший построить в Москве еще одну тюрьму; лицо в зеленой чалме, обещавшее обратить москвичей в мусульманство; девица в сарафане, обещавшая сажать березки; некий саентолог, обещавший ввести в московских школах преподавание науки герменевтики. Эти чудики объединились в профсоюз кандидатов (журналисты их называли «недомэрки») и потребовали выплаты жалованья. Увидев этот кошмарный сон, все проельцинские демократы немедленно сняли свои кандидатуры. Мы решили, что пусть лучше Лужков передаст пост по наследству своим дочкам, чем участвовать в этом театре варьете. К тому же при нас был Ельцин, и на него можно было положиться. Он переназначил Лужкова. Мы не противились.

С тех пор народ не поумнел (то есть население — народ наш вымер еще при Сталине, а кто добровольно не вымер, тому помогли). Народ явно не готов отвечать за свою жизнь, за свое будущее. Для него выборы — аттракцион. То у нас Наздратенко проходит в губернаторы с предвыборным зонгом «Оппозиции в Приморье наконец настал конец». То Строев или Руцкой во главе регионов оказывались. Или еще чище — батька Кондрат с нагайками для журналистов. Теперь та же мера «пресечения» предлагается для секс-меньшинств.

И ежу ясно, что приличным людям эти московские выборы надо бойкотировать. Стыдно играть в песочек вместе

со слабоумным электоратом, да еще в песочнице, за которой наблюдает усастый чекистский нянь.

Говорят, что избиратели научатся выбирать, научатся на своих ошибках. Главное, чтобы на наших не учились, давайте не ошибаться сами. Бойкот. А сколько они, кстати, будут учиться? С 1917 года, когда они отдали почти все голоса в Учредительном собрании эсерам и большевикам, оставив кадетам и прогрессистам 5%, ничего не меняется. Гайдаровские 5%. Хотя с тех пор прошло 95 лет. И до сих пор единственной спасительной праволиберальной альтернативе аккуратно выделяют пайку в 5%. Ну что ж, пусть учатся выбирать еще лет двести, пока страна бурьяном не порастет, а у избирателей хвост не вырастет. Только без нас. Мы уже умеем выбирать. Только пока некого и не с кем.

ОВГЛОДАННЫЙ ГОСТЬ

Грани.ру, 23 июля

Привет вам от Джона Ле Карре. И, конечно, от Флеминга с его Агентом 007. Раньше шпионы были как шпионы, возвращались с холода, то есть из тоталитарных государств. Добравшись до свободного мира, получали тайную королевскую награду или столь же тайный орден от ЦРУ и пили виски с содовой. Всё как у людей.

А теперь шпионы возвращаются с тепла. Ассанж и Сноуден, например. Мэннинг не успел. Ассанж будет сидеть не в пропащем Эквадоре, а в прекрасно оборудованном лондонском посольстве, где кормят не тортильями, а бифштексами и кексами.

А вот Сноуден как бы у нас не простудился. Вернуться с тепла, то есть из США, да угодить прямо в морозильник. Больше всего меня умиляет то, что Сноуден как-то однобоко использовал Интернет. Не знал, что в Китае, где у него наверняка срисовали содержимое четырех компьютеров, десять тысяч политзаключенных, что пытки электротоком сохранились именно там, а вовсе не в США, что из полуживых заключенных там без наркоза добывают органы для пересадки прямо на месте, в клиниках, богатым европейским больным. В Китае до сих пор сидят в тюрьме не погибшие на Тяньаньмэнь и не расстрелянные на следующий день студенты. Там даже самой жалкой реабилитации

не было по событиям 1989 года. Даже в Гонконге каждое 4 июня разгоняют демонстрации в память о жертвах не состоявшейся, раздавленной танками «рисовой» революции.

С какой стороны, интересно, Сноуден входил в мировую паутину? Эта Муха-цокотуха еще и о России не знала ничего. Ну ладно оригинал Депардье, полный профан в политике, талантливый лицедей, оригинальность которого доходит до хулиганства. А именуемый себя правозащитником и диссидентом Сноуден тоже не в курсе событий в российском холодильнике?

У нас судят и осуждают задавленных властными машинами или замученных за правду в застенках покойников; у нас Путин со своими православными опричниками загнал в концлагерь двух безобидных девочек. У нас истязают в клетке и судят за участие в мирном санкционированном митинге полудетей; у нас 10 лет сидят раскулаченные юкосовцы: Ходорковский, Лебедев и Пичугин. У нас получают людоедский срок по политическим мотивам Алексей Навальный и Петр Офицеров. Нашел же себе Сноуден землю политического убежища! Куба, Венесуэла, Боливия, Эквадор — тоже странный маршрут для поборника прав человека. Из Сноудена выйдет второй Луис Корвалан. Вот только на кого его сменять? Такого хулигана, как Бут, нам даром не надо.

Вообще-то надо знать, куда бежать. Как говаривал Медведев, пока не перешел на немую роль, «свобода лучше несвободы». Перебежчик должен что-то соображать, а наш Сноуден ориентируется не на те маяки.

Никто в США, конечно, не стал бы Сноудена ни казнить, ни пытаться. На Гуантанамо точно бы не повезли. И это пропагандистское вранье в духе штампов времен холодной войны о «зверинном оскале империализма» свидетельствует о лживости благоприобретенного нами «диссидента».

В США еще и не такие диссиденты водились. Супруги Розенберг, например, подарившие СССР и Сталину ядерные секреты. Также были борцы за права тоталитарного режима на ядерное оружие. Не угодно ли дать посмертно политическое убежище? Или назвать их именем какой-нибудь переулок, чтобы Уго Чавес имел соответствующую компанию.

Путинские спецслужбы, конечно, тоже поинтересовались сноуденовским багажом. Так что предает он США в хорошем темпе и никого не обделяет.

Борцы за права человека спасаются в Европе, а не в странах-изгоях, нанизанных на ось зла. Теперь и мы с ними в одном строю, спасибо Путину за возвращение статуса. Наш правозащитник — уже тройной агент, не запутаться бы ему самому. Мы вернулись к доперестроечной эпохе, когда издыхающий СССР из последних сил боролся со свободным миром. Сегодня Россия — достаточно жалкий полюс, но злобы ее хунте не занимать. И ее охлосу — тоже. Бежать в ее сторону может только негодяй. Или дурак.

Одно хорошо: наконец-то все время унижаемый и пинаемый Путиным Обама, слабый и трусливый, как все леваки, стал подумывать о бойкоте Олимпиады в Сочи. Пусть растет список Магнитского. Пусть перед свиным рылом нашего начальства на пути в западный калашный ряд вырастет непреодолимая стена. Пусть в путинскую державу потыкают поганой метлой.

Сноуден нас обналичил в банкомате Истории. В Россию бегут американские предатели? Значит, мы опять в СССР.

Правозащитники, кстати, безмолвствуют, несмотря на потуги Кремля выдать за них своих же чиновников из президентских советиков и палаток.

Кстати, не так давно мы без всяких пресс-конференций и юридических процедур высылали уж точно на пытки и смерть китайских диссидентов, успевших в России даже жениться и встать в очередь за гражданством. Я уж не говорю о таджикских, узбекских и туркменских политических беженцах. И, кроме настоящих правозащитников, никто не протестовал.

Ах, как хочется «нашим» всех сортов сделать пакость США! А тут и Сноуден, как Сольвейг, прибегает на лыжах. И занесет его кремлевская вьюга и лубянская пурга заметет следы. Известно ведь, что чекисты любят подледный лов.

ПРОФЕССИЯ: ПРАВОЗАЩИТНИК

Newtimes.ru, 29 июля

Без речей и банкетов, без единой передачи на ТВ, молча прошел 160-летний юбилей нежелательного для нынешней власти человека немодной при Путине профессии: первого профессионального правозащитника России Владимира Галактионовича Короленко. А ведь Короленко

заслужил, чтобы учредили медаль его имени и награждали ею защитников прав человека. Но у нас сейчас в ходу другие награды: звание «иностранный агент» и вообще «врагоугодника» и «отчизнопродавца».

По деду Короленко был из мятежного казацкого рода, по матери — из польского, неукротимого в стремлении к свободе. Отец писателя служил в Житомире уездным судьей, суровым блюстителем закона.

Юноша искал правды, примкнул к народникам и в 1876 году был выслан в Кронштадт. Потом был Петербург, Короленко опять посещал студенческие кружки и в 1879 году загремел в ссылку в город Глазов, под Вятку. Там он боролся с коррупцией в вятской администрации. Вокруг стоял Киров-лес, и неудобного правдоискателя даже посадили ненадолго в вятскую тюрьму (похоже, там же сидел и Алексей Навальный).

В 1881 году Короленко отказался подписать «помиловку» (верноподданническую петицию) на имя нового царя Александра III. И его загнали на 6 лет в ссылку в Якутию.

В 1885-м Короленко разрешают поселиться в Нижнем Новгороде. Здесь он пишет повесть «В дурном обществе» о юном правозащитнике Васе, у которого сердце лежало к «оборванным беднякам», вынужденно нарушавшим закон, и который даже сагитировал в их пользу своего сурового отца-судью. Все мы в детстве проникались симпатией к бомжам пану Тыбурцию, к Валеку и Марусе. Доктор Лиза, «Врачи без границ», волонтеры — всё это начинается с маленького Васи из этой повести.

Короленко становится блестящим публицистом. Он пишет о голоде 1891—1892 годов. Он становится Сахаровым своей эпохи. Когда невинные крестьяне-удмурты (вотяки) были несправедливо осуждены по обвинению в ритуальном убийстве («Мултанское дело»), Короленко идет в общественные защитники, пишет серию статей и в 1896 году добивается оправдания вотяков судом присяжных.

Писатель защищает украинских крестьян, на которых наслали карателей («Сорочинская трагедия», 1906). Он обличает репрессии против печати в 1905—1907 годах. Защищает евреев, борется против антисемитизма, разоблачает черносотенцев, выступает за освобождение Менахема Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве Андрюши Юцинского и оправданного присяжными в 1913 году.

В 1917-м после Февральской революции даже Луначарский назвал Короленко первым кандидатом на пост президента России. Но жестокая судьба сулила России иное... Короленко открыто выступил против большевистских зверств («Письма к Луначарскому», 1920, и «Письма из Полтавы», 1921). Он стал почетным председателем «Помгола» (Всероссийского комитета помощи голодающим) и боролся с Поволжским голодом вместе с Прокоповичем, Кусковой, Осоргиным. Их намерение ездить на сбор средств в Стокгольм вызвало у Ленина такую же ярость, как получение грантов нашими правозащитниками — у Путина. «Помгол» разогнали, арестовали и сослали его членов. Потом они попадут на «Философский пароход». Короленко был назван Лениным «жалким мещанином, плененным буржуазными предрассудками, которому не грех посидеть в тюрьме». Но арестовать его не успели: писатель умер 25 декабря 1921 года.

С тех пор он стоял рядом с нами у дверей советских судов, где шли политические процессы; боролся с ГКЧП; ходил на митинги против чеченской войны; сидел на судах по ЮКОСу, по делу Pussy Riot; на процессе о ритуальной краже пней и шепок Алексеем Навальным и Петром Офицеровым. Положите на его могилу в Полтаве белую ленту.

БЫВШИХ ПОЛИТЗЭКОВ НЕ БЫВАЕТ

The New Times, №24, 12 августа

«Бывших политзэков не бывает» — это сказала белорусская журналистка Ирина Халип: о себе, своем муже-оппозиционере Андрее Санникове и его товарищах. У них в Белоруссии последний диктатор Европы всем нашел место на зоне или в эмиграции.

Однако наш евразийский диктатор уже почти догнал белорусский экспресс на полдороге в Азию. Но блаженное ельцинское десятилетие, когда узники совести сидели по одному и их можно было вытащить, нас разоружило. Мы отвыкли от главной правозащитной добродетели — защищать всех гонимых за свои взгляды. Старая вольтеровская истина: «Ваше мнение мне глубоко враждебно, но за ваше право его высказать я готов пожертвовать своей жизнью» — после 1993 года перестала казаться безусловной. Может быть,

потому, что нам до 2000-го было что терять. Теперь терять точно нечего и можно вспомнить старые навыки.

Все протестанты сейчас — кандидаты в политэзки. И неважно, где мы отбываем свой кандидатский стаж. Нам только кажется, что мы на свободе. Это называется иначе — «расконвойка». Впрочем, читайте Солженицына: «вольняшка» — тоже статус временный.

Зона, правда, очень большая, с системой заграничных прогулок; и много радостей по части ларьков типа «Ашан», а также работы в ППЧ (планово-производственная часть) и КВЧ (культурно-воспитательная часть) — это в плане свободной экономики и свободного искусства. И даже разрешают принимать участие в выборах «кума» и «хозяина» зоны.

Наивные души возомнили себя свободными политиками. Поэтому, когда посадили Ходорковского, многие интеллигенты отказывались его защищать. Ходорковский с его комсомольским прошлым казался им неприятным типом, который давал деньги на КПРФ и подписывал «Письмо тринадцати».

Но ведь среди миллионов раскулаченных русских крестьян наверняка были неприятные люди. Однако это не означает, что надо было одобрить коллективизацию.

Теперь та же история повторяется с Алексеем Навальным, судя по рубке в «Фейсбуке» и поведению Сергея Митрохина, штаб которого выкладывает в Интернет компромат на Алексея. Но мы не в Лондоне и не в Париже, и для Навального речь идет не о том, будет ли он мэром, а о том, загремят ли они с Офицеровым на каторгу без всякой вины. Это важнее имитации выборов.

Государственник Михаил Ходорковский с его «Левым поворотом», Алексей Навальный с его националистическим уклоном имеют право на защиту, ибо они невиновны. И я уверена, что Сергей Адамович Ковалев, оскорбленный Навальным в блоге, не откажет ему в защите, ибо таковы старые добрые диссидентские правила.

Владимир Николаевич Осипов, издатель альманаха «Вече», до перестройки успел отсидеть два срока, в общем — 14 лет, не считая ссылки, и держался очень храбро, хотя и называл себя «русским националистом». Никому не приходило в голову отказать ему в защите. Писатель Валентин Новосельцев спрашивал из лагеря, почему Русский фонд Солженицына помогает узникам-евреям. Но за этот

ужасный вопрос его не сняли с «довольствия». Генерал Петр Григорьевич Григоренко верил в непогрешимость Ленина и создал до ареста «Союз борьбы за возрождение ленинизма». Что ж, страна осталась прежней, и у нее те же заблуждения.

Нам придется защищать ленинца Удальцова, потому что он невиновен, и всех «болотников», даже левых, потому что массовых беспорядков не было.

У Димитрова были чудовищные убеждения, но он не поджигал рейхстаг. И Гитлер не ограничился цыганами, евреями и коммунистами. Аристократ Клаус фон Штауффенберг, покушавшийся на Гитлера, спохватился слишком поздно... Протестантка Елизавета I Английская стала великой королевой потому, что не преследовала своих католиков. Словом, как сказал один известный журналист, если даже у «узника совести» нет совести, защищать его все равно надо. Если совесть есть у тебя...

ВСЕЛЕННАЯ НА ПРОВОДЕ

The New Times, №27, 2 сентября

«Маленький принц» — это совсем не детская сказка. Антуан де Сент-Экзюпери, летчик, дворянин, патриот, Рыцарь печального образа, писатель, антифашист и мудрец, написал ее в 1943-м, когда отдельно взятому солдату война казалась проигранной, когда Гитлер гулял по Европе, как по бальному залу, когда можно было надеяться только на честь, отвагу и Провидение.

Это случилось и с ним, с пилотом-разведчиком Сент-Эксом. Поломка в пустыне, кончается вода, непонятно, удасться ли починить самолет. В жизни своей певцу воздуха и неба Сент-Эксу часто приходилось общаться со звездами. Пустыня к этому располагает. «Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, и звезда с звездой говорит» (М.Лермонтов).

Такие поломки у Сент-Экса были, он это описал. Один раз его с товарищем спасли от смертельной жажды бедуины. Но когда не с кем посоветоваться, звонишь во Вселенную. Даже не надо знать номер. И Вселенная в образе маленького стойка, очень недетского ребенка, приходит и просит нарисовать ей барашка.

Конечно, Сент-Экс стал бы замечательным воспитателем и детским писателем. Он-то сразу отличал удава, проглотившего слона, от банальной шляпы. О, если бы они встретились с Янушем Корчаком! Маленький принц как будто вышел из варшавского Дома сирот, и от короля Матиуша он не слишком отличался.

Слово за слово, нарисовал летчик ящик с барашком, а Вселенная детским голосом поверила ему некие тайны. Вселенная любит говорить метафорами. Вот она и сказала: мы ответственны за тех, кого приручили. Показанный в телесюжете 15-летний подросток из Сенегала, который прошел пол-Африки, ночевал на стройке, а сейчас по французским законам, как несовершеннолетний, получил комнату в общежитии, еду, одежду, а скоро пойдет в колледж, хотя и чистый нелегал, — может быть, заживет счастливо, потому что в те самые законы вплелась идеология Сент-Экса?

«Маленький принц» — это современное познавательное путешествие, в форме которого написана история Рабле о Гаргантюа и Пантагрюэле. Путешествуя, читатель находит ответы на многие вопросы.

Например, о суде. Король-судья с одной большой планеты научил Маленького принца, что судить надо самого себя — это самое трудное. А если судить старую крысу, приговаривая ее время от времени к смертной казни, то и ее надо миловать, потому что старая крыса на этой большой планете была только одна... Солженицын называл это «сбережением народа». У нас много лишних, наверное. Вот мы и судим до смерти и даже после смерти.

Но главное — это фонарщик на одной маленькой планете. Ведь Сент-Эксу очень важно было укрепиться в решении сражаться на старых легких самолетиках против армад Люфтваффе. Превосходство в воздухе «летающих крепостей» будет потом. Так вот, закон фонарщика. Сначала планета вращалась нормально. Вечером — зажигаешь фонарь, утром — гасишь. А потом что-то изменилось в геофизике, и планета стала вращаться страшно быстро. Только зажжешь фонарь — и надо уже тушить. «Так зачем же ты зажигаешь?» — спрашивал Маленький принц. А это условие такое, обет: зажигать фонарь. Значит, надо драться, несмотря ни на что. И они дрались, голлисты, франтиреры, летчики колоний и пилоты, перелетевшие в Англию. И победили.

Но в ту ночь Сент-Экс мог умереть. Вернуться во Вселенную страшно и больно, приходится договариваться со змеями: тело с собой не унесешь. Эта репетиция смерти тела (но не духа) у Сент-Экса очень печальна. Но урок нами получен и усвоен: надо, даже когда дело дрянь, зажигать фонарь, пусть это и кажется бессмыслицей. Жизнь духа важнее жизни тела, на песке не найдут даже твой труп, но найдут твою сказку. Твой подвиг, твою жизнь. Готовьтесь нарисовать Вселенной барашка.

СОЧИ — ЛЫЖИ — МАГАДАН

Грани.ру, 10 сентября

«По военной дороге шел в борьбе и тревоге боевой 2014 год. Были сборы недолги, от Сочей и до Волги мы войска поднимали в поход». Вы думаете, это я о Сирии? Черта с два! Это я об Олимпиаде, которую наконец-то решено проводить как военную операцию. Чекистские души Путина и его хунтарей не выдержали — и обратились к органичным для них формам и средствам. Говорят, что «злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал». То ли Доку Умаров, то ли еще кто-то с Казбека. Хорошо, что не пришло в голову обвинить интеллигента Ахмеда Закаева, что он в составе английской сборной приедет теракты устраивать (по завещанию покойного Березовского).

Олимпийский комитет, спортсмены и болельщики могли бы спросить: а зачем проводить Олимпиаду в стране, которая развела у себя столько террористов? Наши-то шахиды точно ручного производства. Да еще рядом с местом преступления Российской Федерации выбрали площадку, прямо рядом с Чечней. Синдром Раскольникова Путина одолел: в звоночек хочется звонить.

Что до полунамеков на грузинских террористов, то я Вахтанга Кикабидзе в этой роли что-то не вижу. И опять-таки скажу от олимпийской общественности: а вы, скаженные, чужие Абхазию с Южной Осетией не хапайте, тогда и войска не понадобятся.

Такой Олимпиады свет еще не видывал. Древние греки на время Олимпиад войска распускали, а у нас будет всеобщая мобилизация и сборная России, должно быть, выйдет на состязания в камуфляже и с пистолетами Макарова.

«Склон Казбека снегами покрыт. На посту олимпиец стоит... Возле трассы открылся овраг (и не один!), может, в нем укрывается враг, но каких бы ни встретил врагов, дать отпор олимпиец готов». Сочи объявили зоной, пускать будут только по предъявлению олимпийской медали, болельщики будут проходить через турникеты (еще на вокзале) по справке на лояльность, выданной центром «Э». Вокруг гостиниц и стадионов будут стоять танки, трибуны будут держать под прицелом снайперы. И никаких митингов! Только спортивные мероприятия. Новый вид соревнований: ОМОН съезжает на щитах по бобслейной трассе.

Я вообще не понимаю, почему Путин не проводит Олимпиаду на Колыме. В Магадане снега больше, а террористов (если не считать белых медведей) — меньше. Национальная специфика. ГУЛАГ — место нашей «боевой славы». И большая культурная программа: руины лагерей, голые покойники с биркой на ноге в вечной мерзлоте. Вот он, тот самый единый учебник истории. Читайте. Не сомневаюсь, что за те деньги, которые им дали за «честную жеребьевку» на тему «Зимняя Олимпиада в субтропической России», деятели из Олимпийского комитета поехали бы и на Колыму.

А спортсмены поедут куда угодно. Когда Бог совесть раздавал, они на тренировке были. Только что немецкие спортсмены-геи предложили или Олимпиаду отменить, или хотя бы российскую команду туда не пускать. Как же, не пустишь их в Сочи. Это они будут туда не пускать (в частности тех, кто на митинге в Германии сделал это предложение).

Мы варим суп из топора. Как известно, суп варят из воды, мяса, крупы, соли. Так давайте вытащим топор, он для супа не нужен. То есть Олимпиада пусть будет в Австрии или Южной Корее. Раз Путину приспичило разжиться своей Олимпиадой — не давать ему, отобрать. Пусть будет он «лишенцем» хотя бы по этому показателю. Но если это лихо все же произойдет, то вот ряд трюков, которые могут испортить предпоследнему диктатору Европы праздник. Дарю западной общественности, сочинцам и вообще гражданскому обществу. Мне на вокзале фейс-контроль не пройти и козьими тропами через горы в моем почтенном возрасте уже не перебраться.

Итак, прием №1. Заготовить на куртки и шубки нашивки-наклейки, чтоб не отодрать: Ходорковский, Лебедев, Магнитский, Надя и Маша из Pussy Riot, арестанты

по «Болотному делу», Василий Алексанян, Анна Политковская и т.д. И всем нарядиться, чтобы Путин был окружен своими жертвами.

Прием №2. Большая толпа на коньках или на лыжах становится лицом к горам, воздевает лыжные палки и хором поет: «Демон, Путина забери!» Называется тренировка.

№3. Сочинцы рисуют на своих домах несмываемой краской: «Путин, go home!»

№4. Метод Достоевского и Порфирия Петровича. Путин сидит на стадионе, все зрители и спортсмены тихо скандируют: «Убийец!» — пока он не убежит.

№5. Все журналисты начинают интервью с Путиным словами: «Ведаешь ли ты, Путин, что есть добродетель?»

№6. Сочи загодя празднует Масленицу: на всех пляжах сжигают чучело Путина в виде Зимы.

№7. Фигуристы танцуют на льду в оранжевых костюмах, украшенных розами. Мелодии на выбор: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног». Особое внимание на строфы: «Ниспошлем мы злодеям проклятья» и «Раздайся, клич мести народной». Рекомендуются также Шалапин («Песнь про дубину»), Галич, Окуджава, Высоцкий, Нателла Болтынская.

К тому же я поняла, почему Путин все время пожимает то лапы зверью, то ласты морским львам. Он понимает, что есть очень длинный список лиц, которые ему руки уже не подадут. Шендерович не подаст, Болтынская не подаст, Немцов, надеюсь, больше не подаст никогда, мы с Боровым не подадим etc. Давайте организуем список «Я не подаю руки Путину» — и в Интернет.

№8. Пусть те, у кого хватит храбрости, на Олимпиаде Путину руки не подадут, даже за наградой. Пусть он всю Олимпиаду ходит с протянутой варежкой и жмет лапы барсам.

ИСТОРИК ПРАВДУ ПРОЕЛ

Грани.ру, 28 ноября

Географ, якобы пропивший глобус, снискал всеобщую симпатию, потому что был хорошим, безобидным человеком. Про творческий коллектив историков во главе со спикером Сергеем Нарышкиным (куратор) и академиком

Александром Чубарьяном (комиссар) этого сказать нельзя. С превеликой охотой они взялись за очередное переписывание истории то ли под гребенку, то ли под бокс по выкройке нынешнего чекистского гаранта закручивания, завинчивания и придушивания. И люди-то вокруг будущих «Мифов и легенд путинской России» собрались солидные и непьющие. Они просто намерены в очередной раз проесть российскую историю, как это делали до них бесчисленные авторы истории КПСС, политэкономии социализма и учебников по научному атеизму и не менее научному коммунизму. Вопрос меню, ням-ням. И «мерседесы» с «ауди» нынче тоже недешевы. Не говоря уж об элитном жилье. Так что история воспринимается как горшок с кашей. Многим охота зачерпнуть.

Но это-то дело обычное в наших краях, где историю заказывают начальники. Как в ресторане, прожаренную или с кровью. Интересно другое: та каша, которой наполнены фаршированные головы заказчиков, прямо по Салтыкову-Щедрину.

Если бы учебник заказывали монархисты, всё было бы однозначно: великие деяния монархов всех фасонов, неодобрение Февраля, ужас и отвращение от Октябрьского переворота, а дальше можно по Солженицыну. Некоторая скорбь от потери колоний при распаде СССР, но уж точно никаких восторгов по поводу советского гимна, Ленина в Мавзолее и на площадях, красных флагов и красных звезд.

Но наши державники росли не во дворцах, а в коммуналках и ведут свой род не от графов и князей, а от поваров и лакеев. Впрочем, дворянство рода Михалковых их от лакейства не излечило — как в поколении гимнюка, так и в его потомках, наших современниках.

В головах у начальников России сегодня явно торчат теллуровые гвозди по Сорокину, и партийная советская иерархия у них мешается с монархическими закидонами. Они были и остаются совками, поэтому их история будет воспевать не только Николая I и Александра III, но и Ленина, Сталина, Брежнева, Андропова и Путина.

Авторы обещают нажать на патриотические педали по поводу массового героизма в 1812 году и во Второй мировой войне. Интересно — куда же больше? И так квасного и водочного патриотизма на эту тему в учебниках было хоть залейся. А вот будет ли там сказано, что в результате

победы над Наполеоном образовался реакционнейший Священный Союз, Александр I вместо реформатора Михаила Сперанского приблизил к себе отсталого Аракчеева и забыл про всякие там реформы, так что Пушкин обозвал его «кочующим деспотом»?

Результаты второй «Победы» были еще почище. Не забудет ли исторический коллектив о том, как из гитлеровских концлагерей наших военнопленных переправляли в колымские? (Читайте фронтовика и узника Маутхаузена Юрия Пиляра — «Люди остаются людьми».) А о бесчинствах и насилиях советских войск над мирным немецким населением в 1945 году не побоятся ли наши историки упомянуть? Читайте Льва Копелева, майора из политотдела, героя войны, который получил срок за «сочувствие врагу».

Пугают даже «персоналии» грядущего учебника. Аслан Масхадов будет, но в качестве кого? Террориста или законного президента Ичкерии, порядочного человека, с которым вел переговоры в Кремле Борис Ельцин и с ним же заключил мир (независимость де-факто)?

А куда делся из списка Джохар Дудаев, первый президент и герой Чечни, западник, сторонник европейского развития Кавказа, друг российских демократов?

Я сразу поняла, куда в этом учебнике ветер дует, когда авторы заговорили о реабилитации автократа Павла I. Дикий милитаризм, террор, авантюры типа похода в Индию... Надо было очень постараться, чтобы дошло до мероприятия в Инженерном замке. Павла убивали, не рассчитывая при нем выжить, и родной сын не стал убийцам мешать, потому что ему уже была обещана участь сына Иоанна Грозного Ивана... Конечно, Павел I вполне во вкусе Путина и Жириновского.

Трудностей у авторов много. Как соврешь при наличии Интернета, Ключевского, Карамзина, Солженицына и великой русской литературы, не раз клеймившей нашу позорную историю? Пушкин, Лермонтов, Алексей Константинович Толстой, Алексей Николаевич Толстой, Дмитрий Балашов с «Бременем власти» и «Великим столом», Василий Гроссман, Андрей Платонов и «Щепка» Зазубрина, Юрий Трифонов, Владимир Тендряков... Не объявишь же всех педофилами, как ставропольские прокураторы пытались объявить Набокова.

Я вполне понимаю, в какой переплет попадают наши единые фальсификаторы. У них двадцать пунктов сложностей, и они еще не всё перечислили. Академик Чубарьян пытается сохранить лицо — так усердно оправдывается и доказывает, что он не сталинист, что даже имя Сталина редко упоминает. Только тут же приводятся высказывания школьников, ничего не знающих ни о преступлениях Ленина, ни о том, что Сталин был злодеем, ни о гибели в ГУЛАГе миллионов невинных людей. Да и как объяснишь, почему злодеи лежат в Мавзолее и у кремлевской стены, почему их имя — имя России, почему не снесены ленинские истуканы.

Скажем, пункт 13. «Оценка внешней политики СССР накануне и в начале Второй мировой войны». Напишешь честно про пакт Молотова — Риббентропа, про совместные парады гитлеровской и Красной армии, про оккупацию (а не «поглощение», как у Чубарьяна) стран Балтии, части Польши, сегодняшней Молдовы — и из члена антигитлеровской коалиции СССР превращается в пособника фашистов, в агрессора и соответчика за развязывание этой самой войны.

Когда поспеет этот учебник, мы получим поколение манкуртов. Нам остается или эвакуировать из России всех детей и давать им образование на Западе, или сложиться, написать честный самиздатовский учебник истории, найти спонсоров для его независимого от власти издания и снабдить им с помощью волонтеров каждого историка и каждого ученика. А по фальшивому учебнику пусть учит своих детей и внуков путинская хунта.

ЗАПАД, ВОЗЬМИ НАС НА РУЧКИ

Грани.ру, 13 декабря

Взрослые, граждански зрелые и ответственные народы винят в своих бедах и поражениях себя. Младенческие общества, избалованные рабством, где есть кнуты, но встречаются и даровые пряники, винят во всем чужого дядю. Сегодня — преимущественно дядю Сэма. Маленький ребенок, устав во время прогулки, часто канючит: «Мама, возьми меня на ручки!» А что такое детский протест? Это когда начинают визжать, бросаются на пол и колотят ногами.

Вот вам наш русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Я не знаю, кого будет винить Украина. Я надеюсь, что Януковича, Азарова, «Партию регионов», Раду, «Беркута». Ну и Россию — за злобное злорадство телеэфиров и политиков, за пожелания поражения, за клевету на украинский народ, за оскорбление украинских героев и святых.

Я думаю, что свободные молодые (и не очень) граждане Украины не обвинят Запад в том, что он не купил Украину за миллиарды кредитов, не заплатил калым родичам невесты (видимо, Путину). Российские же телеканалы натерли мозоли на раздвоенных языках своих ведущих, радостно обвиняя Запад в скупости и меркантильности. А мы, мол, вот тряхнем мощной, у нас одна империя, одна на всех, мы за ценой не постоим.

А Запад ни при чем, Запад не должен брать на ручки тех, кто не готов сам износить семь пар железных башмаков и стереть в кровь ноги во время этой большой прогулки: эволюции, вестернизации, реформ. Запад сделал для Украины что мог: не согласился обсуждать ее судьбу на троих с Россией. Здесь личный выбор страны, здесь не «соображают», скидываясь по рублю на бутылку, чтобы выпить ее в подворотне. Россия выбрала себе подворотню. Только она сама еще этого не поняла: если ты не можешь достойно выйти из своей Империи и хлопнуть дверью, и поставить крест на прошлом, и расколоть кувалдой свои мавзолеи; если ты будешь ждать, когда Рок из обломков Империи потащит тебя за волосы, то дорога одна: в подворотню. С ядерным оружием и газом или без. А вот Украину Запад еще спасает.

Подсветка Статуи Свободы жовто-блакитным — это огромная помощь. И что бразильцы откликнулись и повторили это со статуей Христа — это дружеская рука. За это — спасибо. И что кучка западников и антисоветчиков в Москве начала здороваться так: «Слава Украине! — Героям слава!» — это тоже покаяние за Смерш, за убийство Степана Бандеры и Романа Шухевича, за то, что на Колыму западэнцы пошли селами — даже хлопчики, носившие бандеровцам в лес молоко (Солженицын не даст соврать). Раз мы сами не могли сопротивляться Сталину и коммунистам с оружием в руках до 1954 года, так хотя бы склоним голову перед чужими подвигами и чужой славой.

Это и помощь, и очищение, и надежда на «наши и ваши Майданы» против Путиных и Януковичей всех фасонов. Западные политики, английские, американские, польские, шведские, литовские — все наводнили Киев, поддерживали, поощряли, вдохновляли. Но права голосовать в Раде у них не было. И не могли они повести народ брать штурмом ту тюрьму, где лежит на койке Юлия Тимошенко. Очень благородно с ее стороны было предложить переступить через нее и подписать. Но на слезинке замученной женщины Европу не построишь. Какая же это будет Европа с узницей совести, погибшей в камере? И если ЕС готов был подписать, бросив невинную жертву на растерзание, это была ошибка. Непростительная. Сегодня — один узник совести, завтра, глядишь, дюжина, потом — две... Мы тоже по одному начинали. Вил Мирзаянов, Александр Никитин, Григорий Пасько... А сколько узников совести у нас сегодня?

Западные лидеры не могли сказать Украине, что всеобщая политическая забастовка — это когда метро «не ходит» и в самолеты «не содют», это когда встают заводы и работают только врачи и продовольственный сектор. Это когда вся Украина стоит на Майдане. В 1919 году Запад пытался спасти обезумевшую Россию. Послали корабли, Маннергейм и эстонцы предлагали помощь. Но Колчак и Юденич решили, что империя дороже России, и отказались подтвердить независимость Финляндии и Эстонии. (А белогвардейцы еще долго называли эстонцев «чухной» — даже те, кто там сам спасался от большевиков.) Обезумевшие «россияне» не поддержали Белую армию. Корабли уплыли. Забрали русскую армию, спасли кучу беженцев, довели до Турции. А многие тысячи белых офицеров сдались Фрунзе. И их расстреляли. А надо было каждому «увести» с собой на тот свет по двое-трое красных и погибнуть в бою. Тоже Запад виноват?

Запад виноват в другом: признал СССР. Расплата пришла в 1939 году. Без СССР не было бы у Гитлера партнера и ресурсов для Второй мировой. За всё платят по цене. Кровью. И своей, и чужой. В 1991 году Запад вначале очень сдержанно осудил ГКЧП. Ведь за спиной у Горби была уже не только перестройка, но и Тбилиси, и Баку, и Вильнюс. И Запад не знал, есть ли кому помогать. Но когда народ и Ельцин вышли к Белому дому, когда остановились биржи, когда стала выходить «Общая газета»,

Ельцин влез на танк, а брокеры Константина Борового понесли сквозь строй танков трехсотметровый триколор, Запад понял, что мы чего-то стоим, и решительно отказал ГКЧП в признании, поставив на Ельцина.

Почему нам не дали рыбы (дарового корма) в 1992 году? Остатки реформаторов до сих пор обижаются. А потому что Мавзолей с неприкосновенной мумией, ленинские истуканы по всей стране и красные звезды над Кремлем были плохим резюме для зачисления России в капиталистический цех. Неготовность народа идти своими ножками и платить за 70 лет рабства была очевидна. А часового к каждому из 130 миллионов совков не поставишь.

Украина с 2004 года прошла еще часть пути в Европу. Западэнцы заразили своей памятью и своей стойкостью, в «Свободе» уже много восточников. Но Украине надо идти дальше. С 1991 года прошло 22 «рокив». Сколько еще надо ходить Востоку, «чтобы умерли все, кто на свет появился рабами»? Неужели до полных 40 лет? Может, чернозем лучше пустыни? Но студенты, стоящие на Майдане под флагами Евросоюза, вытирающие ноги о советский флаг, — это новые, свободные люди. Они дойдут до Европы. Как сегодня «в наши каторжные норы доходит их свободный глас».

МИЛОСТЬ К ПАДКИМ

Грани.ру, 20 декабря

А чего же ожидало наше сиротствующее гражданское общество? Какой амнистии вы хотели для невиновных людей? Это уже какая-то роковая аксиоматика: власть не может признать свою ошибку по делам Arctic Sunrise и Pussy Riot. Надо дать ей возможность сохранить лицо, пусть будет амнистия. И вот вам и бросили обглоданную кость, как шелудивому псу. А зачем власти, давно утратившей не только совесть, честь, стыд, ум, здравый смысл, милосердие и представление о праве, утратившей даже тормоза, сохранять лицо? Разве это не наша первая гражданская обязанность — добиться того, чтобы все поняли: эта власть лицо давно уже потеряла.

Не насчитают ли несчастным «пусям», Наде и Маше, их нарушения, чтобы они под амнистию не подошли? Не потребуют ли взамен раскаяния? Экологов, понятное дело,

меняют на Олимпиаду. Не милосердие и не правосудие, а сделка. Иначе не видать бы Сочи десяток команд из-за взятых Москвой заложников. А все остальные будут сидеть, в том числе Лебедев и Пичугин. Их же судили дважды (и трижды) за одно и то же деяние, вопреки Конституции («точечное» изменение, оно как точечная бомбардировка). Вот они и вышли в рецидивисты. Под амнистию не попадают.

Что же до поспешной предновогодней путинской пощадки, она будет узникам совести горше желчи. Милосердие — это не камень, милосердие должно быть даваемым добровольно хлебом. Как будет чувствовать себя Ходорковский, зная, что его товарищи остаются за решеткой? Как будут чувствовать себя «болотники», которых выпускают из клетки, но за спиной у них остаются такие же ни в чем не повинные друзья? И боюсь, что колония, где находится Надежда Толоконникова, не без умысла сообщила, что им нужно еще несколько месяцев для оформления «выходных» документов.

Если политзаключенные — личные узники (и личный объект для развлечения) Владимира Владимировича, то он ставит себя в положение Иосифа Виссарионовича и принуждает родных, друзей и защитников узников совести молиться о некоем марте некоего года и о дыхании Чейна — Стокса*. Эти роковые слова 60 лет назад с восторгом ловили зэки по всей стране, ссыльная Евгения Гинзбург, писатель Василий Гроссман, великий пророк Александр Исаевич. А уставшие дрожать соратники — Хрушев, Берия, Ворошилов и другие монстры — не допустили к первому телу страны врачей, пока дыхание не кончилось вообще.

Не сомневаюсь, что члены кооператива «Озеро» поступят так же. На их злобных, жадных и черствых лицах читается отнюдь не милосердие. Когда вожак волчьей стаи теряет силу — его убивают свои же волки по их волчьему закону. Что будет делать Владимир Владимирович в тот день, когда наши джунгли наполнятся шепотом: «Акела промахнулся»? Конечно, никто из просвещенных демократов не станет химичить с иголкой и статуэткой президента, и религии вуду мы тоже не предадимся. Но если часть подданных тирана молится о дыхании Чейна — Стокса, то на благо это ему не пойдет. Может быть, Владимир Лукин и Михаил

* Упомянулось в бюллетене о состоянии здоровья Сталина от 2 часов 5 марта 1953 года.

Федотов, а также осчастливленные монаршей милостью члены Советов по правам человека при президенте (sic!) перестанут делать вид, что они что-то решают и чему-то помогают, а переменят профессию (если зарплата и машина не определили раз и навсегда их призвание) и тоже примкнут к молитвам насчет дыхания Чейна — Стокса? Пользы будет не меньше, а то и больше.

Вот Янукович не внимает гласу миллиона майданников, желающих освобождения Юлии Тимошенко. Хотя задержанных на Майдане, бросавших легкие предметы в сторону «Беркута», что так не нравится Путину, примеривающему ситуацию на свой ОМОН, он уже освободил. А наши «болотники» сидят в клетке, а правозащитники (слава Богу, не все) сидят рядом с Путиным и Медведевым.

А Медведев говорит, что у нас политзаключенных нет. Ну, значит, мы опять в СССР. Это в СССР политзаключенных не было. Были «государственные преступники». Как сказал бедный, еще не отошедший от партийного молока и партийного контроля Горби, «у нас политзаключенных нет, а есть люди, которые покушались на наш строй и наш исторический выбор». Что-то вроде этого. Могу подсказать Медведеву современный текст: «У нас политзаключенных нет, а есть люди, требующие соблюдать Конституцию и борющиеся за права и свободы, записанные в ней. Вот они и сидят». Может, тогда Запад скорее откроет свои сонные глазки и их протрет? Или отказ Обамы, Олланда и немецкого президента ехать на Олимпиаду — это и есть протирание глазок?

Можно ускорить процесс. Все выходят из СПЧ, проводят пресс-конференцию на тему: с этой властью работать нельзя. Уходят все приличные люди — и Светлана Ганнушкина, и Людмила Алексеева. А то наши опричники уже публично проговорились: правозащитники должны работать вместе с дипломатами, создавая положительный образ страны. Нет! Давайте покажем голую правду о голой власти, не прикрытой фиговым листочком правозащитников. Хуже не будет.

Если власть кого-то освобождает, значит, Запад вырвал этих людей у нее из горла. Наше дело — представлять списки западным президентам и премьерам, конгрессам и парламентам, где всегда найдутся такие, как Маккейн. И досажать международным организациям, шелестеть списками у них под носом. Про российские инстанции

забудьте: это враги. Они не пожалеют. Смешно жаловаться на нарушение прав человека в гестапо — а ведь нами руководят гестаповцы, то есть КГБ. Вы видите разницу? Пусть власть останется одна. В чистом поле.

Правозащитник — это не сотрудник власти. Это ее обличитель. И не надо забывать, что Россия — не Украина, которая тоже который уже год отбивает Юлию Тимошенко. Нет у нас Майдана, где царили бы звездно-синие флаги Евросоюза, где пели бы приличный национальный гимн и где бы появлялись приличные политики: пан Яценюк, Олег Тягнибок, спортсмен и западник Кличко. Да, у нас на Болото и Сахарова выходили Боря Немцов, Володя Рыжков, Михаил Касьянов, даже Кудрин, не считая Димы Быкова и Бориса Акунина. Приятно на такое поглядеть. Но там же портили всю картину «Левый фронт», коммунисты, лимоновцы, нацисты. Не слишком ли много врагов в тылу? Это кроме Путина, ОМОНа, полиции, армии и флота.

Майдан — это когда в тылу нет врага. Майдан стоит за своих, за тех, кому охота в Европу. Кому неохота — те митингуют за Януковича на другой площади. А мы загубили свой протест. Получился не Майдан, а кафешантан. И может быть, поэтому после разгона митинга не вышла вся Москва. Нет цели, нет курса. То ли дело — Евросоюз. «Надоело говорить и спорить... В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса».

Когда голодная российско-советская власть стоит с протянутой рукой и шамкает вставной челюстью что-то о кредитах, Запад всегда вырвет уступки и спасет узников совести. Как вынудили Горби (здесь еще и Александр Николаевич Яковлев помог) нас всех освободить в 1987 году. Иначе Запад не верил в перестройку, и правильно делал. И ведь мы были отпетые враги системы и даже «спасибо» Горби не сказали.

А сейчас домашнее задание: чем лично вы можете испортить Путину обедню, то есть Олимпиаду? Представьте себе: на трибунах ни одного российского болельщика, все российские спортсмены не идут дальше линии старта и вытаскивают из-за пазухи лозунг «Свободу политзаключенным!». Ни одной медали, ни золотой, ни серебряной, ни бронзовой. Что? Этого никогда не будет? Спортсменам надо делать карьеру, им нужны рекорды? Простите, я забыла: это моя страна, а не их. Спортсмены и болельщики не имеют Отечества.

2014

ВЕЛИКАЯ АНТИСОВЕТСКАЯ СТЕНА

Грани.ру, 17 января

А ведь генерал Шарон не был предателем. Не ради отпетых и ухитрившихся остаться отморозками даже в жаркой пустыне палестинских экстремистов он стал разрушать израильские поселения в секторе Газа. Раввины зря прокляли свой Бульдозер. Шарон хотел построить крепость, свить гнездо для своего народа. Все уходят из сектора, полное размежевание, забирают с собой свое имущество, свои домики, свой язык. А дальше — Великая Еврейская Стена. И ключи от этого Рая в руках у ЦАХАЛа. Интересно, какой высоты должна быть Стена, чтобы террористы через нее не перелезли? И пусть бы тогда «полезные идиоты» из Турции и Европы, из Ирана и Венесуэлы снабжали сектор Газа со своих кораблей. Без Израйля.

Но никто Шарона не понял. Поселенцы хотели осваивать долину, они держались за свои дома, как белые пионеры Америки за свои форты. И им показалось, что ЦАХАЛ и Шарон — это индейцы с томагавками, желающие снять с них скальпы. Про палестинцев и ООН я уж и не говорю. Вопли достигли ушей марсиан. Бедный Шарон! Эта идея со Стеной — нервный срыв. Боже, как я понимаю избранный народ, который нигде не находит ни покоя, ни безопасности. И это после Холокоста! (Мы, российские либералы, находимся в таком же положении, и я вам это сегодня докажу.)

Конечно, Израиль ни в чем не виноват. Его не так встретили на Святой Земле. Египет, Палестина, Иордания, саудиты должны были скинуться на пикник, на новоселье. Принести новым соседям барашков, курочек, цветы, фрукты, рыбу, украсить флагами границу, устроить фейерверки, объявить день рождения Израйля нерабочим днем. И сказать: «Мы поможем вам во всем. Вы в безопасности». И Стены бы не понадобилось. А что было в 1948 году,

помните? «Не дадим поднять флаг». Война на новоселье. А ведь еврейский народ хотел уехать из предавшей его Европы. Кто не предал? Праведники мира, Дания и Норвегия. И попали израильтяне из огня да в полымя. А 1967 год? А 1973-й? Если я, русский интеллигент, не могу это забыть, то израильтяне и подавно. Бедный Шарон! В мире такой сквозняк, и двери не запираются, и в Кнессете есть арабские партии, и арабский язык — один из государственных, и в Иерусалиме — арабские кварталы. И придется Израилю вечно сидеть на иголках, на штыках, на ракетах, и призывать девушек в армию. «Времени не будет примириться», — как сказал Булат Окуджава. С такими-то соседями! С партией капитулянтов и трусов «Авода».

Но все-таки стало лучше, правда, Арик? Ни погромов, ни черты оседлости, ни процентной нормы. Свое государство, свой «Моссад», свой ЦАХАЛ. Дивное, веселое, доброе, теплое государство, где не обижены ни Христос, ни Магомет, где навалом терпимости и можно купить свиную колбасу, не ходить в синагогу и не быть иудеем. В сущности, это уже светское государство с уютными комнатками для верующих. А Стена — это миф. У спартанского царя Леонида спросили, почему вокруг Спарты нет крепостных стен. Он ответил, что хорошо защищен тот город, который окружен не кирпичами, а мужами. То есть расслабиться нельзя будет никогда.

Зачем Майдан снес поганое идолище Ленина? Украина строит Стену из его обломков. Между собой и СССР, между собой и голодомором, между своей историей, где есть герои Степан Бандера и Роман Шухевич, народные мстители советским (и немецким!) оккупантам из ОУН и УПА, и постылым коллаборационистом Януковичем, Путиным, Лимоновым, Рогозиным, Черноморским флотом, городом чужой славы Севастополем и сползающей в советскую пропасть Россией.

Снеся в музей памятник Сталину в Гори, Грузия тоже закладывала кирпичи в Стену между собой и Грузинской ССР. Латвия и Эстония, запрещая флаги оккупантов и переноса их памятники, не давая гражданства явным врагам, не желающим из принципа учить их язык и их Конституции, возводят Стену гражданского сознания повыше всех установок и ракет НАТО. И когда Франция запрещает паранджу, она строит Стену не между собой и мусульманами,

а между собой и гендерным унижением. Ибо женщина, на которую напялили мешок, растоптана и унижена. Это попытка посадить ее в личную клетку. Вот сейчас Египет строит Стену между собой и фанатизмом. Только у него не хватает кирпичей: государство не объявлено светским, шариат не запрещен, хотя и отодвинут.

Наши проблемы весьма схожи. Разве не пытался КС оппозиции свить свое избирательное гнездо в этом чужом путинском лесу, где в выборах побеждают ЕР, справороссы, КПРФ и ЛДПР? Где на одну Болотную или проспект Сахарова холопы всегда найдутся для десятка Поклонных, для всех телеканалов, для дюжины присяжных «правозащитников» в мундире? Но Стена оказалась хлипкой. Надо было запереться от националистов и «Левого фронта». Нам нужны разные гнезда. Мы — синички, снегири, местами соловьи. А они — птеродактили и стервятники. Или попугаи. Другая орнитология.

Я знаю одного умного, но отчаявшегося либерала, который готов был мысленно обратиться к правительству с петицией: выделите нам хоть клочок земли, где наше меньшинство сможет жить по своим европейским правилам (но без леваков у власти). Без убийства Магнитского, без дела ЮКОСа, без «закона Димы Яковлева», без Мавзолея и Путина. Скажем, как в США, хоть и беднее. Или хоть как в Эстонии. Но нас так мало осталось, а уехало нас так много, что выделяют нам то, что выделяли всегда: Соловки и Колыму. И потом, где гарантия, что у приличных родителей не родятся Карлос Шакал, Че Гевара, Пол Пот или Владимир Ульянов? Что какой-нибудь Савва Морозов не сделает «левый поворот» и не начнет финансировать коммунистов? Что тринадцать капитанов бизнеса не предложат снова договориться с КПРФ или идти воевать «за наши завоевания» на Кавказе?

Нет, мы должны свить свое отдельное гнездо, либеральное, антисоветское, конституционное, и вывести в нем птенцов. Нашими стенами гражданских гарантий будут люстрации, запрет коммунистической и фашистской деятельности, снос Мавзолея, осыпавшиеся красные звезды, уничтожение последнего ленинского памятника и вечная ненависть к нашей адской восьмидесятилетней стоянке: СССР. Мы бросим в помойку награды за Чечню и Афганистан, снесем Башню Смерти на Лубянке.

У нас не может быть ни мира, ни договора с советским (и имперским!) прошлым. Или мы запрем его навеки в подвал, или оно запрет там нас. Но безопасности у нас не будет никогда: если это прошлое высунет из подвала свою змеиную голову, мы должны быть всегда готовы наступить на нее ногой.

МАЙДАН: ПРИКАЗ НА ЗАПАД

Грани.ру, 3 февраля

Маяковский — это не только отрицательный пример. Иногда надо гнать лошадей, менять их на переправах, оставлять издыхающими на большой дороге, как это делали наши друзья Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян. Всё зависит от того, правильно ли выбрано направление. Д'Артаньян был прав, когда добывал подвески королевы, спасал Карла I, то есть работал против властей предержавших. Но когда он таскал каштаны из огня для Мазарини и Людовика XIV, преследуя герцога де Бофора и Фуке, он сразу оказывался неправ, потому что гнал французскую историю к абсолютизму.

И разве не правы были Гайдар, Чубайс и их команда, когда гнали жалкую клячу, одр советского социума, в сторону Запада и капитализма? Правда, советские клячи не пали в оглоблях, а сбросили смелых наездников и сорганизовались в Дикую охоту короля Стаха.

Поэтому прав Евромайдан, поэтому правы Арсений Яценюк, Владимир Кличко, Олег Тягнибок и Петр Порошенко, когда загоняют клячу украинской истории в Европу, подальше от России и советского прошлого. Правы западэнцы, мирно захватывающие городские администрации. «Всё устаревшее и отжившее надо душить в зародыше», — сказал некогда в «Зияющих высотах» Александр Зиновьев. Конечно, не веревкой душить, а просто идти вперед и не обращать внимания.

Слышны голоса насчет референдума: пусть Украина решает на референдуме, куда и с кем ей идти. Но мы уже видели такой горбачевский референдум о сохранении СССР. Устаревшие и отжившие «ушанки» из метрополии и Беларуси и такие же «тюбетейки» из Средней Азии ответили «да». А западэнцы из стран Балтии, Грузии, Молдовы

и Украины, активное и упорное будущее, которое было в меньшинстве, все равно ушли вперед и не оглянулись. Нет референдумов между прошлым и будущим, будущее право вопреки арифметике, по законам высшей математики. Между жизнью и смертью тоже нельзя проводить референдумы. Врачи и не проводят. У смерти нет прав на пациента. «Не умирайте при жизни, не помогайте Смерти, Смерть — королева снежная. Холоден ее плен. Вы помогайте Жизни, будто бы девочке Герде, расталкивающей холод яблоками колен» (Е.Евтушенко).

С чего всё началось? С отказа Януковича подписать решение о евроинтеграции (формальность, но жест в сторону от СССР и Москвы). Москва тут же сунула свое тупое рыло в украинский огород. Януковича остановили. Стало ясно, что украинский президент не просто жулик, не просто неуч, не просто уркаган — он пешка, предатель, коллаборационист, орудие в руках Москвы. А это позор, «ганьба». Людям стало стыдно, они побежали на мороз.

На Майдане стоят не рабы. Кто посоветовал «отоваривать их дубинкой по башке»? Кто предложил употребить «титушек»? Чья идея была похищать раненых из больниц? Кто посоветовал стрелять боевыми патронами? Старый добрый КГБ и его нынешние кремлевские наследники.

Кстати, националистов на этом Майдане нет. Кроме тех, кто позволяет себе антисемитские выпады. Вот их надо гнать. А те, кто высказывается против москалей, — это как раз патриоты. Что здесь ни скажи, всё будет мало.

И тут появляются законы типа тех Intolerable Acts («невыносимые законы») насчет чая и марок, с которых началась Великая Американская Революция. Кое-кто выступает против методов украинской оппозиции? Тогда пусть объявят преступниками деятелей американской революции, которые топили чай и брали с оружием в руках английские казармы. Украина, захватывая здания, просто устроила «Бостонское чаепитие». Они сейчас дошли до этого уровня, через 240 лет после американских колоний.

Европа ведь не будет исключать из ЕС Бельгию и Голландию за то, что некогда Фландрия поднялась с оружием в руках против владычества Испании — вместе с гёзами, с Тилем Уленшпигелем и с Вильгельмом Оранским.

Кстати, примерно такие же законы — о трехлетнем сроке за критику начальства — были приняты при Горбачеве,

ближе к концу его эры, вместе с законом об оскорблении чести и достоинства президента СССР. «ДемРоссия» вывела тогда на улицу больше полумиллиона москвичей (без красных знамен и нацистских «зигов»). И законы насчет начальства были отменены.

Януковича нельзя оставлять во власти. Он слишком много наломал дров, он жалкая марионетка Москвы, а так цепляться за власть — уже преступление. Он предпочитает гибель Украины и гражданскую войну своей отставке. Не дал Бог Украине Горбачева, который умел уходить. Мог бы перейти на сторону ГКЧП, мог бы после Беловежской пуши побарахтаться вместе с Лигачевым и силовиками, мог устроить в Москве Тяньаньмэнь. Нет, просто ушел. На пенсию в четыре бакса. Вот когда его оценишь: глядя на Януковича, у которого полные карманы миллионов, а он сидит как приклеенный.

Помазанник Божий Николай II отрекся, чтобы не бросать на Питер войска, чтобы не усмирять, не лить кровь. Отдал жизнь, свою и семьи. Получилось плохо, но он хотел остаться в истории мучеником, а не палачом.

Шеварднадзе ушел во время «революции роз», не защищаясь.

Звиад Гамсахурдиа, получивший на выборах 92%, покинул Грузию в 1992 году, чтобы не быть поводом для гражданской войны.

А Янукович сидит! Значит, из Кремля так велели. Совет глупый: помочь Януковичу нельзя, за западэнцами и Майданом опыт ОУН и УПА. Войска из России не введешь: западэнцы при оружии, да и украинская армия, как минимум половина, будет стрелять в оккупантов. Даже многие «беркутовцы». А крымские татары? А Европа? А Олимпиада? И куда потом денется Черноморский флот? Россию за войну в Европе погонят отовсюду, это будет хуже Афгана.

Януковича оставлять на месте нельзя; у его людей одна мысль: убрать народ с Майдана, разогнать всех по домам, а там расправимся.

Мы вот так ушли с площадей в 1991 году, не добив красную гадину, и в 1993-м ушли и опять их не добились. Не уйди мы тогда, наши реформы длились бы не 8 месяцев, а наши враги тряслись бы в подполье. А так гадина добила нас. В 2000 году.

ГНЕВСКИЙ ПЯТАЧОК

Грани.ру, 7 февраля

Кажется, канал «Дождь» тоже заруют на Пискаревском кладбище. Что ж, он станет жертвой сразу двух фашизмов: коричневого и красного, гитлеровского и советского, в равной степени поучаствовавших в уничтожении мирного гражданского населения Ленинграда. А карать за жалость к женщинам, к детишкам и старикам, карать за вопрос, не слишком ли это дорого: платить за несданный город полутора миллионами умерших от голода, — это, конечно, фашизм. Когда что-то превышает жизней нонкомбатантов.

Реакция негодования вместо анализа — это зверство. Зверство страны, где сталинизм назван «модернизацией», где «коллективизация» и «индустриализация» стоили миллионов крестьянских жизней, не исключая детских и женских.

Защищают «Дождь» плохо. Великолепная Юлия Латынина, такая нонконформистка, назвала в «Новой газете» злополучный вопрос-опрос «некорректным» и «неудачным». Максимум того, на что решилась «Новая», — это определила опрос как «не вполне корректный».

Только The New Times со Львом Рубинштейном и Михаилом Ямпольским оказался на высоте.

54%* — это неплохо, может, в следующий раз нас не понесет в очередной Афган или в очередную Чечню, где первыми в Грозном погибли побоявшиеся эвакуироваться в аулы (хоть чеченцы и предлагали) русские пенсионеры из пятиэтажек. Они сгорели заживо от русских снарядов.

Если бы спросить у мертвых матерей, на глазах у которых погибли от голода их дети, процент был бы еще выше. Прибавьте к 54% и меня.

Кстати, непонятны дикие страсти и обвинения в нацизме и экстремизме. Негодяев, оправдывающих фашизм, следует искать не в либеральной среде, а на «русских маршах». Вы помните, у какой организации был алый флаг с черным серпом и молотом в белом круге, почти дословно повторяющий флаг национал-социализма. Эта организация называлась НБП и говорила лестные слова о Муссолини. Это были отнюдь не Немцов, не Рыжков и даже не

* 54% участников опроса на «Дожде» («Стоило ли оставить блокадный Ленинград и тем уберечь сотни тысяч жизней?») ответили положительно.

Алексей Венедиктов. А был это все тот же Эдуард Лимонов, в девичестве «Эдичка».

Ищите оправдания фашизма у тех кремлевских идеологов, которые легитимизируют пакт Молотова — Риббентропа и совместный парад с немецкими войсками в Бресте.

Ни «Дилетант», ни «Дождь» не говорили, что гитлеровцы приволокли бы в Ленинград бочки с вареньем и корзины с печеньем и устроили бы для ленинградцев райскую жизнь. Нет, немецкая оккупация — это стихийное бедствие. И гитлеровцы не преминули бы устроить для евреев города какой-нибудь Бабий Яр. Поэтому еврейское население следовало эвакуировать в первую очередь, и не только из Ленинграда.

Но кто заботился о жизни минских или киевских евреев? Начальство драпало с мебелью, как показано в фильме Никиты Михалкова «Предстояние», а евреев оставляли на верную смерть. И выдавали гестапо немецких коммунистов, бежавших от Гитлера в СССР.

Нигде отступающие войска и НКВД не заботились о мирных жителях. Агенты НКВД взорвали Крещатик, чтобы вызвать немецкие репрессии против киевлян (читайте полный эмигрантский вариант «Бабьего Яра» Анатолия Кузнецова), взрывали водокачки, жгли посевы; войска, отступая, угоняли скот. Тактика выжженной земли. И на всю жизнь в анкете пункт «был на оккупированной территории» для выживших.

Мы повторяем старые нелепости. Есть фильм 50-х годов про комсомольцев и целину. Там один шофер опоздал, отлучился с маршрута по личному делу. И вот идет комсомольское собрание. Целинника долго и нудно судят. А один дурак все время задает вопрос: «А если бы он вез патроны?» Один раз спросил, два, десять. И комсомолец поумнее не выдержал и оборвал: «А если бы он вез макароны?» И нарушителя простили.

И неужели накинущейся на «Дождь» фашиствующей своре еще чего-то надо? Всё вышло так, как они хотели: полтора миллиона невинных мирных жителей умерли в адских муках неизвестно за что. За Сталина, но не за Родину.

Давайте не будем обвинять «Дождь» в том, что журналисты канала имели полномочия и возможность сдать город врагу. Время, увы, необратимо. Давайте спокойно исследуем эту ситуацию и возьмем себе в Вергилии Даниила Гранина и Алеся Адамовича с их «Блокадной книгой».

Если бы немцы реально могли разрушить весь город снарядами и бомбами, они бы это сделали. Но ведь для обслуживания ПВО дети и женщины были не нужны? Лондон гитлеровцы тоже не смогли разбомбить. Ковентри — да, но его восстановили. А что «летающие крепости» союзников сделали с Дрезденом и Берлином? Оставались одни руины. И тоже восстановили. Всё можно восстановить — кроме полутора миллионов человеческих жизней. Кутузов даже Москву сдал, но войну выиграла не французы. И не французы Москву сожгли.

Фашисты сперли Янтарную комнату, но не взорвали Царское Село. Гитлер много чего приказывал, да не всё исполняли. Он хотел, чтобы Паулюс не сдался, а застрелился, а его армия погибла на месте в окружении. А Паулюс сдался сам и спас жизнь своим солдатам и офицерам. Сталин и Гитлер были два сапога пара. Миф об озере, в которое якобы следовало превратить Ленинград, прекрасно сочетается с мифом о заминированных исторических памятниках Парижа. Вот только никто ничего не взорвал. Фанатики Геббельсы уничтожили сами своих шестерых детей. Такого же типа фанатики обрекли на голодную смерть детей Ленинграда. Рабочая карточка — 250 граммов, детская, иждивенческая — 125 граммов.

В Смольном питание было трехразовое. Меню (котлета, гарнир, сахар, пирожок) есть в «Блокадной книге». А товарищ Жданов дообжирался до болезни, до ожирения, и личный врач ему назначил теннис и диету.

Гитлер, кстати, приказал взорвать всю инфраструктуру Германии, уничтожить Берлин, залить водой метро и топнуть там берлинцев, раз немцы не оценили прелестей национал-социализма. Но Альберт Шпеер не выполнил этот безумный приказ. Он понимал, что Гитлер — шизофреник. А что, разве не видно было, что Сталин из той же палаты? Ну, сдали бы Москву, Ленинград, ушли бы войска за Урал. Все равно союзники не оставили бы в живых гитлеровскую гадину. Но и сталинская не сидела бы в Ялте. Освобожденные не Сталиным, а США и Великобританией, мы жили бы иначе, и Восточная Европа не попала бы под иго, и не было бы послевоенного террора и «дела врачей». Мы сэкономили бы миллионы человеческих жизней, а проигравшему Сталину ставили бы условия союзники. Перестройка началась бы скорее.

Я не стратег, но когда говорят, что финны осуществляли блокаду вместе с немцами, мне хочется спросить: а кто их до этого довел? Кто затеял Советско-финляндскую войну, кто бомбил Хельсинки и кого за это выгнали из Лиги Наций? СССР сам напал на финнов, желая захватить Выборг и участок приграничной территории. Вот они и пошли воевать за свою землю.

Ладно, положим, город не сдали. Но женщин, стариков и детей, не нужных для военных заводов мужчин можно было вывезти, пока блокада не сомкнулась? Превентивно, за неделю. И не говорите мне, что сталинцы, сумевшие депортировать за 24 часа целые народы, не смогли бы управиться с эвакуацией ленинградцев. Просто эти полтора миллиона сбросили со счета и заранее причислили к списку потерь. Как очень многих до них и после них.

Сегодня Кремль и его приспешники, закапывающие «Дождь» в братскую ленинградскую могилу, нагло паразитируют на несчастных блокадниках. Им, конечно, не дали к этой дате хотя бы по 5 тысяч долларов. Их не повезли на средиземноморский курорт. Им не сделали пенсии в 70–80 тысяч рублей. Им не предложили комфортабельные квартиры в элитных домах. Наоборот, отняли жалкие крохи у тех, кто пробыл в блокаде меньше 120 дней. Читайте «Блокадную книгу». Октябрь, ноябрь, декабрь, хотя бы половина января... Сколько людей успели умереть, не дожив даже до Нового года!

Несчастлива та страна, которая нуждается в таком героизме и культивирует такой патриотизм.

МАЙДАН, ЧЕМОДАН, МАГАДАН

Грани.ру, 27 февраля

Вот для чего был нужен Черноморский флот: чтобы подбирать отбросы в виде выгнанных со сцены жалких марионеток жалкой империи, жуликов, воров, бандитов и «убивцев». Януковича с его бандой, которая «геть». Сидит он сейчас в глубоком трюме какой-нибудь нашей старой калоши из черноморской эскадры и трясется. Хорош у нас улов, ничего не скажешь! Лучше бы бычков наловили. Прокурору Пшонке с министром Захарченко дорога в тот же трюм. Хоть бы палубу их заставили драить...

Сейчас в нашу сторону полетят и кудахтающие «беркуты», похожие больше на мокрых курей. Интересно, будут ли этих беглецов переправлять в Сочи на шаландах с кефалью или на вертолетах?

Кремль, видимо, смирился со своей ролью вселенской помойки. Ли Харви Освальд, Луис Корвалан, Сноуден, «партийные» шишки из освободившихся колоний, рижский ОМОН...

После победоносного Майдана крысы бегут со своих тонущих кораблей, где они так сытно поживились. Майдан — это значит для кого-то чемодан. Чемодан, вокзал, Россия. Вам не обидно? Я бы не пустила. Даже Лукашенко побрезговал.

Украину ободрали как липку. Еехватило ненадолго. Что с нее взять? Януковичу на половину президентского срока. Россия, к сожалению, богата. Ее будут доить дольше. А она будет стоять с коровьей покорностью, хлопать кроткими коровьими глазами. И даже подойник не опрокинет, даже не лягнет.

Украине осталась свобода, а добро она себе заработает. Честным капиталистическим путем. А вот у нас образовалась некоторое количество раненых на Майдане. Ведь кроме убитой «Небесной сотни» Майдана есть еще и раненые. Наши раненые получили ни за что сроки в Замоскворецком суде и поедут в концлагеря. После всего, что увидели там Маша Алехина и Надя Толоконникова, эти заведения иначе не назовешь.

Кремлевской хунтой руководил безумный животный страх перед призраком демократической революции. А он бродит совсем рядом. Киев, Львов, даже Полтава. Он не проливает лишней крови, только свою, а чужую — только в бою. Его путь усеян не трупами, а осколками ленинских истуканов. Для победы недостаточно уметь умирать: хунты и банды охотно убили бы нас всех. Надо уметь защищаться.

Городские партизаны «Правого сектора», алчущие грузинских капиталистических реформ, научили мирных нонконформистов разливать в бутылки из-под шампанского довольно-таки крепкий коктейль, жечь покрышки, бросать камни. Но вот всё кончено, и демократическая революция не ставит виселицы, а выписывает своим супостатам подорожную в Гаагу. Да, это Европа. Вместо эшафотов — анекдоты. Нормальные, веселые люди.

А кислые рожи наших хунтарей, решивших бороться с собственной молодежью, то есть с будущим, и отрицающих украинскую реальность, просятся в фильм «Великий диктатор» Чарли Чаплина. Путин с Медведевым и Лавровым больше похожи на брадобреев, и если они нам перережут горло, то только от страха, потому что руки трясутся. Они серьезно думают, что остановят Бориса Немцова десятью сутками ареста? Они хватают около Манежки туристов и случайных прохожих, а что они будут делать с восстанием, когда раскудахтается их собственный ОМОН?

Уже очевидно, что эту пакостную и трусливую власть легко будет свалить. Но нам надо, чтобы она свалилась направо, а не налево. Как в Киеве. Где нет левого сектора, а есть правый. Мы, боюсь, сейчас ближе к баррикадам 1905 года, чем к Майдану, а это не те баррикады, которые нам нужны. Я плохо представляю себе болотный митинг, закутанный во флаги Евросоюза. Ведь даже получивший четыре года Сергей Кривов голосовал когда-то за Путина.

Империя — жернов на нашей шее. Пока не снимем, ползать нам в грязи. А у Украины нет притязаний на мировое господство, она готова учиться. У нее есть чистые руки (никого не завоевывали), есть гимн. А нам даже петь нечего, не михалковскую же кровавую муру. Молодежь поет у суда гимн Украины. Своего не нажили.

И заметьте, что настоящую революцию ни с чем не спутаешь. Падают ленинские истуканы. «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног». Старого, советского мира, где не воспевают сталиных, а сбрасывают лениных. Почему в Харьков вернулись Добчинский и Бобчинский, мэр и губернатор? Во Львов, Ивано-Франковск и другие города запада никто не вернется. А в Харьков вернулись, потому что там не сняли Ленина, а голосовали всю ночь и даже голову ему не отпилили. А утром пришли коммунисты и поставили двухметровый забор и дежурных. И в город, где вот так ловили ворон, вернулись старые советские филины.

Я уверена, что Украина пересекла финишную прямую. Свою Олимпиаду она выиграла, пока наши зеваки пялились на путинскую. Да, будет голодно, будет трудно, 10–15 лет придется идти к европейским звездам по упорствующим советским терниям. Да, Крым будет вести себя так, как «Ночной дозор» («Ночной позор») в Эстонии и пятая

советскоязычная колонна в Латвии. Они, эти мандельштамовские персонажи, «полулюди», будут свистеть, мяучить, хныкать. Но хоть верные цепные Русланы советской власти и лают, караван-то идет. На Запад.

Я не верю в проект советского острова Крым. Это у Аксенова остров Крым жизнеспособен. Потому что это капиталистический анклав, а бедные совки ездят туда, как в музей. А вот социалистический Крым не выживет, и России не вытащить его на своем горбу, на горбу уже сидят и Приднестровье, и Абхазия, и Южная Осетия, и Беларусь, и «Раша тудей».

А вот что ждет нас? Я не представляю себе «Левый фронт» во главе с героическим Удальцовым, который кувалдой разбивает Ленина.

Могло ли у нас получиться в 1991 году? Нет. Было много прекрасных людей — но знали ли они, чего хотят? Сделали ли они сознательный капиталистический выбор? Вместо «Свободы», «Правого сектора», «Батькивщины» у нас были травоядная «ДемРоссия» и маленький «Демсоюз», абсолютно безоружный, хоть и боевитый. Насилу свалили одного Железного Феликса, а лениных оставили повсюду, в том числе и в Мавзолее. Россия или бунтовала против Ельцина, или рабски ему подчинялась.

В 1993 году была гражданская война, мы вроде победили, но поле боя — Дума — досталось не только нам, его пришлось делить с врагами, с КПРФ и ЛДПР. А нам, то есть «Выбору России», страна дала 15% голосов. И ленины остались в умах и на площадях.

А с 2000 года мы уже много миль прошли назад, до Брежнева и Сталина. У нас левый сектор, левый вектор. Но это наши трудности.

У власти есть свои. Подумали ли они, куда и к кому побегут в случае катастрофы? В Китай? В Северную Корею?

ДИКТАТОРСКИЙ ЗАМАХ

Грани.ру, 5 марта

Теперь вы поняли, господа спортсмены и болельщики, зачем надо было бойкотировать Олимпиаду? Если Гитлер еще подождал два года до аншлюса, то Путин оказался таким прытким, что не дал даже начаться параолимпийской

части этого праздничка зевак, имперцев и ликующей гопоты. Войну он устроил прямо назавтра. Никто не верил. Не ждал и не гадал. «В несчастье всегда веришь потом», — сказал Сартр в пьесе «Дьявол и Господь Бог». Господь Бог, известное дело, с Украиной. А дьявол, как всегда, начиная с 1917 года, на нашей стороне.

В 1968 году мой отец и его интеллигентные друзья гадали: возможно ли? Введут или не введут? Дубчек в Чирне-над-Тисой клялся в верности социализму и Варшавскому блоку. И интеллигенты решили: нет, невозможно, не введут. А они ввели!

О причинах мы узнали очень скоро. Причина первая: Дубчек, запуганный в Москве, запретил народу сопротивляться. В 1987 году, на встрече демократов Восточной Европы (грузины, украинцы, литовцы, поляки, чехи и прочие жертвы коммунизма), которая прошла на квартире писателя-диссидента Льва Тимофеева (в залах отказали: то мыши съели, то тараканы напоззли, то крышу молнией пробило), мы узнали продолжение. Чехи сказали нам, что они двадцать лет проклинали себя за ошибку, за то, что подчинились, не послали Дубчека куда подальше и не взяли в руки оружие. А Политбюро всё просчитало: в 1938 году не сопротивлялись, значит, и в 1968-м не будут.

А вот насчет поляков в 1981 году было принято другое решение, и Ярузельский со своим военным положением ни при чем. Про поляков, которые все время восставали против Российской империи, прогнали Красную армию в 1920-м, ходили в 1939-м в кавалерийские атаки на немецкие танки и подняли Варшавское восстание (у них даже гетто восстало!), было точно известно, что они будут воевать, и Запад встанет на дыбы и на уши.

Путин же ничего считать не стал. Он, очевидно, прогулял все лекции по советской истории. Кляня погибших еще до его рождения бандеровцев, он, видно, думал, что они в лесах не воевали, а ягоды собирали. Что предстоит война с 50-миллионной страной, что будут реки крови, что наш вермахт этим куском подавится, что Россию Запад просто свяжет и сдаст в сумасшедший дом, он не вычислил. Непроходимая, фантастическая глупость. Которая, да простит меня Алексей Навальный, куда хуже воровства.

Про вторую причину я услышала от институтского преподавателя истории КПСС — это в 1968 году. И это же

«основание» озвучил один мрачный тип из ночной аналитической программы РБК — на днях, через 46 лет. В 1968 году нам сказали, что на границе с Чехословакией стояли танки ФРГ и, если бы мы не вошли, вошло бы НАТО. Результаты этой «профилактики» известны: Чехия и Словакия вошли в НАТО, и Чехия сама просила разместить на своей территории систему ПРО США. А мрачный тип сказал, что если бы мы не поперлись в Украину, то туда пришло бы НАТО. Результаты тоже легко просчитать: Черноморский флот сгонят с квартиры (пусть таких «гостей» на кладбище ищут), корабли превратятся в «летучих голландцев» и будут скитаться по океанам и морям, Украина вступит в НАТО, а от России будут шарахаться как от зачумленной.

Путин сел в лужу и посадил туда нас, никаким «человеком года» ему больше не быть, и роль шута горохового отныне его главное амплуа. Мировую общественность, похоже, теперь больше всего волнует, будет ли кому его вязать, если он вздумает схватиться за ядерный чемоданчик. Или опять подчинятся, как 87 попугаев из Совета Федерации? Если это и болезнь, то не душевная, а политическая. Болезнь наглых, зарвавшихся, распустившихся диктаторов. Гитлер, Сталин, Пол Пот, Кимы, Чены и Иры, Саддам Хусейн. Здесь лечение — жесткие санкции, международная изоляция, Нюрнбергский или Гаагский трибунал.

Путин выставил Россию к позорному столбу и второй раз бросил мир на грань ядерной катастрофы, как во времена Карибского кризиса. Стучать башмаком по международным договорам, подражая Никите Сергеевичу, показывать кузькину мать мировому сообществу — этого не позволят никому. Путин просто жаждет столкнуться с НАТО, у него боеголовки чешутся.

Но помните Гофмана? Крошку Цахеса тоже боялись, им восхищались, его чтили. А потом фея отняла у него свой дар гипнотического воздействия — и все увидели, что он урод и юрод. Мы еще много интересного услышим от Запада о своем «национальном лидере». Скажи мне, кто твой лидер...

К тому же над ним открыто издевается Интернет. Философ Лао-Цзы еще две с половиной тысячи лет назад сказал, что хорошего правительства не замечают, плохое

правительство ненавидят, но самое худшее правительство — это то, над которым смеются.

Есть у Мориса Дрюона роман «Когда король губит Францию». Нам впору писать продолжение: «Когда президент губит Россию». С таким аникой-воином становится опасно жить партийными и беспартийным, левым и правым, военным и штатским, либералам и консерваторам.

Путин должен немедленно уйти в отставку, 87 пособников военного преступления из Совета Федерации следует распустить вместе с Госдурой. Пусть идут играть в стрелялки на компьютере, а то мы проиграем не только войну — планету.

Медведев сумеет хотя бы назначить правительство, которое начнет нас вытаскивать из крысиной норы, куда мы загнаны штурмбанфюрером России? Алексашенко, Кудрин, Касьянов, Ирина Прохорова, старый друг Немцов... Медведев, конечно, тоже должен уйти, и за это мы за ним не погонимся. А потом — выборы. Наш последний шанс.

Куда уйдет Путин, это уже его трудности. Атолл Науру — и тот не возьмет.

А оппозиция должна требовать немедленной путинской отставки. Он к тому же может раздать последние остатки бюджета «титушкам» и крымским уголовникам, как будто мало ему было абхазских, югоосетинских и приднестровских. Эти деньги он вырывает изо рта у собственного народа.

Нам не нужны памятники эпохи Сталина и Гитлера, которые карабкаются по трупам на постаменты, откуда их не стащишь иначе, чем ценой миллионов человеческих жизней. Наш будущий Майдан повторит те же слова: «Банду — геть!»

КРЫМОДЕРЫ

Грани.ру, 20 марта

Сейчас, когда я пишу эти строки, советские мародеры растаскивают на части украинский и татарский Крым. Так некогда палачи на Голгофе делили скудную одежду Христа. Сергей Гоблинович Аксенов ссорится из-за общака с Рамзаном Кадыровым и российскими бандитскими компаниями. Ибо каждый, кто польстится на чужое, — бандит. Они волокут к себе, отпихивая локтями бандитов помельче,

санатории, винзаводы, Ливадийский дворец, Ласточкино Гнездо, «Артек», Карадаг, Старый Крым, могила Волошина, могила Грина, мое коктейбельское детство.

Откуда такая прыть? Да они так же делили ЮКОС, сопя и чавкая, вырывая акции у других едоков. Эта страна, которая раскулачивала, отбирала чужие дворцы, чужие избы, чужой фарфор и чужих коров, влезала в чужие платья, как атаманша Лариса Рейснер. Это проклятая страна, лепрозорий для советских прокаженных. Издыхающий спрут, который простудится на наших похоронах. Нашей России еще не было — она умерла трех лет от роду, 11 декабря 1994 года, когда танки пошли через границу Чечни.

То, что мы видели 18 марта, было не просто тошнотворным, наглым, бестактным пиром победителей из бандитской «малины». Это было не только страшно, но и смешно. «Записки сумасшедшего» Гоголя. Помните, чиновник Поприщин, лишившись рассудка, предлагает другим сумасшедшим спасти луну, которая может сесть на землю? И ведь сумасшедшие бодро полезли на кровати и стали ловить луну, и никто не отказался! Хорошо, что санитары прибежали. На каждого короля Испании из богоугодного заведения надо иметь санитаров. А мы не запасли. Вам Гоголь ничего не напоминает? Жаждающие кого-нибудь раскулачить с энтузиазмом кричали о спасении русских в Крыму. А ведь это тоже самое, что спасти луну, ибо ни русские, ни луна в спасении не нуждаются.

Мы живем не там, где думали, не в XXI веке. Есть такая хорошая картина «Зеркало для героя». Там двое парней зацепились за какую-то проволоку и провалились в первые послевоенные годы. Как раз на собрание, где надо клеймить врагов народа. У нас клеймить будут «национал-предателей». Лично Путин изобрел. «На каждого умного по ярлыку повешено было однажды...» (Б.Окуджава) Путина Виктор Шендерович недооценил. Он думал, что это Крошка Цахес. А это Дракон. Помните начало пьесы Шварца? Ланцелот решает защищать Эльзу, а тут является Дракон: прилично одетый седеющий блондин. А когда он понимает, что поединок с Ланцелотом неизбежен, то теряет выдержку, выскакивает за дверь и раздается рев, в котором нет ничего человеческого. Реплика Шварца: «Это ревет огромное, древнее, злобное чудовище». Шквал фашизма, гитлеровского

и сталинского, в мелких, трусливых, пустых советских душонках. Ритуальное пиршество на Васильевском спуске. Концерт и фейерверки.

Спрашивают: куда Путин так торопился, глотая юридические процедуры, как будто за ним гонятся? За ним и правда гонятся. Гонится история, гонится XXI век. Мезозой в России не будет вечно терпим Западом. Потому что, в отличие от Китая, российские динозавры лезут в чужие дела очень грубо, с клыками и когтями. Но Дракон чувствует всей чешуей, что его время ограничено. Времена драконов и динозавров прошли. Можно, конечно, появиться в отдельно взятом ужастике, пользуясь тем, что Запад давно отвык от борьбы с динозаврами. Но не вовремя ожившие динозавры имеют все шансы закончить жизнь в бункере с ампулой цианистого калия в руках. А чем кончают их страны? Их разносят в клочья «летающие крепости», союзники их делят пополам... А нас, наверное, разделят на 15–20 частей.

И тут еще ядерное оружие! Небо над планетой начинает темнеть. Что это, казни египетские или предчувствие ядерной зимы? До сих пор мир худо-бедно держался на одной гарантии, записанной на планетарных скрижалях ракетами «Томагавк»: на американской военной мощи. Наши страхи убаюкивали широкие палубы американских авианосцев. И надо же было так этому совпасть: Дракон в Кремле и сурок Фил в Вашингтоне! Буш остановил Путина в 2008 году за 40 километров от Тбилиси. И не словами: поплыли кораблики, полетели транспортные самолеты с личным составом.

Обама страшно опаздывает на свидание с вызовами времени. Фашизм же до сих пор изучали по учебникам. А тут наглядное пособие в виде огромной страны. Фашизм — это даже не Гитлер, это Хрустальная ночь №2 с 18 на 19 марта, это «колорадские жуки» с полосатыми ленточками, это толпы охлоса на «путингах», это перманентный Нюрнберг — не времен процесса, а времен съезда НСДАП 1933 года. Можно и без свастики, главное восторг и дележ неважно чего: еврейских магазинов, церковной собственности, как в начале 1920-х годов, чужих коней и чужих курей, как в начале 30-х, ЮКОСа или украинской территории.

Пираты были честные люди, за свои пиастры они рисковали собственной жизнью. А эти толпы и эти фюреры рискуют только чужой.

Нам нечем крыть: до путинской России, наконец нашей, своей национальной идею в завоевании «жизненного пространства», у нас была советская Империя Зла. Даже в благие ельцинские времена мы провалились на два года в чеченскую войну. А что было до Империи Зла? Российская тюрьма народов, где делили Польшу и подавляли польские восстания, где завоевывали два царствования несчастный Кавказ и повесили чеченского героя Байсангура. Получается, что наша Родина — в Новгороде и что она перестала существовать в 1470 году. Давненько мы ходим без Родины...

Конечно, нас недолго будут терпеть. Вот поспеют в апреле госдурацкие законы об обожествлении Красной армии и запрете неизвестной никому «коллорационистской символики». А 9 мая вступят в силу поправки в закон об экстремизме — и несогласие с расчленением Украины будет считаться сепаратизмом стоимостью в 5 лет. Нам останется только достойно умереть вместе с нашими любимыми книгами и напрасными мечтами получить Родину, которую можно не проклинать. По крайней мере развязки не увидим... Развязку увидят наш Повелитель Мух и его «колорацкие жуки». История таким всегда говорит: «Ты всё пела? Это дело: так поди же, попляши!».

И еще нам надо учиться переводу. Когда Путин заявляет, что Крым никогда не будет бандеровским (почему-то называя его «бендеровским»), он имеет в виду не давно погибших в боях с гитлеровцами или с советской армией членов УПА и ОУН. Те же, кто выжил, давно уже в лучшем мире. Он имеет в виду другое: что никто не посмеет оказать его полчищам вооруженное сопротивление, что все поднимут лапки. Дай Бог, чтобы он ошибся. Мы не сумели защитить свою страну ни в 1920-м, ни в 2000-м. Пусть хоть Украина спасется.

Говорят, что внуки перестанут верить в СССР и в советский фашизм тогда, когда вымрут последние советские бабушки. Бабушки бывают разные. Одна бабушка в Харькове в 70 лет записалась на курсы украинского языка. А один «внучек» в Севастополе, напротив, считает, что надо

воссоздать СССР, и искренне верит, неуч, что Аляска тоже была его частью. Но общая тенденция верна.

Красные Шапочки! Не слушайте бабушек, которые вам говорят, что в СССР было хорошо жить и что Крым — российская территория. Такая бабушка — наверняка перодетый серый волк. У нее такие большие зубы.

ВИНА С ПЕЧАЛЬЮ ПОПОЛАМ

Грани.ру, 28 марта

В Крыму идет процесс мирного строительства: последний украинский кораблик закидали свето-шумовыми гранатами. Украинские войска уходят, оставляя Крым оккупантам. Как в октябре 1917 года, когда Москву защищали одни юнкера, главной опорой Крыма остались военные лицеисты, которые отказались присягать России и спели гимн Украины. Дети не понимают расчетов и выкладок взрослых. Король Матиуш Первый из книги Януша Корчака Крым бы не сдал. Он же довоевался со своей армией детей против взрослых чуть ли не до расстрела. Заменяли в последнюю минуту ссылкой на необитаемый остров.

Хорошо бы найти необитаемую планету и сослать на нее всех злодеев Земли, включая нас. Не шадить неправедных и злых — этого еще Державин требовал. Доколь? Украина, хочется верить, еще вернет себе Крым, если кары земные и небесные постигнут Россию. А вот мы индульгенцию нашу себе не вернем. Крым был такой индульгенцией, букетом цветов, что мы возложили в знак своего раскаяния на могилу загубленного в наших лагерях великого украинского поэта, которого сравнивают с Рильке, — Василя Стуса, и на безымянные холмики, под которые легли миллионы украинских крестьян — жертв голодомора. Что там Никита Сергеевич! Крым отдавали русские интеллигенты, отдавали украинцам и многострадальным крымским татарам, отдавали с радостью, просили взять. Наше же поколение повторило этот жест после Беловежской пуши. Ни Ельцину, ни Гайдару, ни Бурбулису не пришлось в голову требовать Крым у Кравчука, как научает нас идеолог злодеев Алексей Пушкин. Потому что эти трое извергами не были. И все эти годы Крым грел нам душу

летом и зимой. Хоть с Украиной мы расплатились за наши грехи, хоть здесь у нас была индульгенция.

Ведь больше мы никогда и никому не могли ничего возместить: ни Латвии, Эстонии и Литве, ни Молдове, ни Польше. И вот наше единственное искупление у нас отнято. Мы не защитили, не остановили, не смогли. Мы знали своего Дракона, но не сразили его, и он обрушился на Украину.

Мое поколение в 1968 году не спасло Чехословакию. Ну да, семерка. Ну да, я села в тюрьму в 19 лет, в том числе и за листовки в защиту Чехословакии. Но мы не остановили. И они вернули себе свободу только через 20 лет. Даже 21 год. Сколько чехов и словаков не дожили? Ян Палах не захотел ждать. А если кто-нибудь сделает это в Крыму?

И вот через 46 лет мы опять не остановили. А до этого не спасли Чечню и не сумели помешать фактической аннексии Абхазии и Южной Осетии, которая Самачабло... На что же мы годимся и должна ли существовать такая страна? Ведь сейчас Жириновский, оказавшийся не безобидным шутком, а злым троллем, предлагает поделить Украину, как в XVIII веке Россия, Австрия и Пруссия делили Польшу. Кусок — Румынии, кусок — Венгрии, кусок — Польше, кусок — России. С Киевом кусочек! Жириновский всегда был таким, он готовил страну к фашизму, только его штурмовики и речи по текстам «Фелькишер беобахтер» наряжались в яркие цирковые костюмы, катались на арене, приклеивали длинные носы. Чтобы не было так страшно, чтобы мы привыкали постепенно, чтобы подумали, что покупаем билет не в концлагерь, а в цирк.

Когда-то сын юриста, не имеющий никакого представления о праве, судился с главредом «Столицы» Андреем Мальгиным из-за своего профиля пополам с гитлеровским на обложке еще в середине 90-х. Жириновский (Жириком такое страшное явление уже не назовешь) доказывал, что он не фашист. Он обиделся. Он выиграл суд с формулировкой, что он не фашист, потому что не был осужден на Нюрнбергском процессе. Сегодня никто в суд не пойдет. Все руководство страны — фашисты. Все 91% (или 80%, ведь у наших социологов кошка всегда с хвостом) поддержавших аннексию Крыма — фашисты. И никто не осужден на Нюрнбергском процессе! Даже немцев, оравших «Хайль Гитлер!», членов НСДАП, рядовых наци, домохозяек с портретами

фюрера — и то не судили, хотя они были бенефициарами и соучастниками преступного режима. А что до нас, то не знали судьи Нюрнберга, даже американский судья, что судить за фашизм надо не только сталинское правительство и сталинское поколение, но и впрок, авансом.

А ведь когда Жириновский выступал перед студентами-математиками, они пожаловались на маленькие стипендии. Жириновский хлопнул в ладоши, внесли мешок с деньгами — и он лично стал раздавать всем по 500 рублей, и они потом даже не превратились в этикетки от нарзана. Нынче дьяволы честно работают, в отличие от Воланда, который покарал жадных обывателей. И никто не отказался, все взяли! Эти ребятки и бегали потом под фейерверками, празднуя с колорадско-жучиными ленточками чужую беду.

Может, осудим себя сами? Мы люди грамотные. Когда-то в Германии Карл Ясперс написал книгу «Немецкая вина». По этой книге невиновных в гитлеровской Германии не было. Даже антифашисты были виновны (кроме узников концлагерей), потому что выжили и не смогли помешать. Пора и нам писать такую книгу. Мы отвечаем за всё. Мы читали книгу Юрия Германа с таким названием. Вон в фильме его сына, «Трудно быть богом», дон Румата, землянин Антон, решил ответить за чужую планету. А мы не хотим отвечать за собственную страну...

Мы почитали себя за Атлантов, мы пели Городницкого: «Атланты держат небо на каменных руках». Не удержали, небо с грохотом обрушилось на Украину. Так пусть же упадет и на нас.

Мы выпустили крыс из нашего чумного барака, в который власть превратила страну (по обоюдному согласию). Значит, давайте просить для себя о казнях египетских. От первой до последней. Пусть утонет не только войско фараона, он сам и его флот. Мы обязаны делить ответственность. Раз Россия — «Титаник» с ядерными ракетами, давайте тонуть вместе. Где санкции, где реальные санкции? Чтобы все западные посольства прекратили выдачу виз, даже нам, ходившим на шествие и митинг 15 марта. И никаких нам культурных обменов, никаких гастролей, никаких международных выставок. Вы не бойкотировали Олимпиаду — так отдыхайте в Сочи.

Крым для порядочных людей закрыт — раз Украина его лишилась, значит, и мы не будем пользоваться. А непорядочные пусть съездят и отдохнут без воды, без света и без еды.

Пусть Путин им дает сухой паек. Предавшие Украину крымчане, решившие прибарахлиться российской пенсией, пусть жарят ее на керогазе, потому что больше жарить скоро будет нечего. Пусть Черноморский флот ловит им бычков.

А пенсия-то не российская. Обещать не вредно. И зарплат, умноженных на 4, тоже не будет. Привыкайте: вы же в Россию, то есть в СССР вернулись. Коммунизма через 20 месяцев Путин вам не обещал?

А что до нас, то пусть Россию вернут экономически в 1990 год. Чтобы вареная колбаса была в одной Москве, чтобы масло было по карточкам (200 граммов в месяц), чтобы ни устриц, ни бутиков, ни айфонов, ни модных кафе, ни иномарок. 90% (или 80%) поддержавших Путина выбрали Советский Союз. Пусть узнают вновь, что это такое: очередь за костями, всеобщий дефицит, железный занавес. Мы всё это безропотно разделим. Мы знаем, за что.

Мы наложим санкции и на наших былых кумиров, на тех, кто обязан был блюсти нашу совесть, а вместо этого поддержал Путина, на деятелей искусства. Юрий Бондарев! Мы больше не купим ни одной вашей книги: вы выступили против героев вашей «Тишины» Кости, Сергея, Аси, доцента Морозова, арестованного отца Сергея. Вы перешли на сторону НКВД и доносчика Быкова.

И кому нужна распутинская экология, если подпись под гадким письмом уничтожает в писателе человека?

Фантаст Лукьяненко, предавший в «Постскриптуме» Украину! Мы больше не будем покупать ваших превосходных книг, потому что всё это вранье. Ваш договор с «Дневным дозором» зашел слишком далеко, вы хуже Завулона, у вас чувства и логика негуманоидной цивилизации из «Конкурентов». Как только я узнаю, где вы живете, я притащу к дверям вашей квартиры дюжину ваших книг, которые стоят у меня в книжном шкафу, и призову поступить так и других. Так когда-то читатели карали в Норвегии Кнута Гамсуна за сотрудничество с прогитлеровским квислинговским режимом.

Юрий Кара! Вы больше никогда ничего не поставите: это проклятие от Лидии Чуковской, которая когда-то так прокляла Шолохова за его предложение расстрелять Даниэля и Синявского. Вы сели за сталинский стол на его «Валтасаровом пиру» из вашего же фильма и повторили поступок Понтия Пилата из вашего же «Мастера и Маргариты».

И пусть не будет ни одного приличного зрителя в Мариинке у Гергиева и МХТ у Олега Табакова. Пусть туда ходят «колорадские жуки» с ленточками, или пусть залы стоят пустые. Живите на путинских дотациях. Посмотрел бы Олег Ефремов на своего любимого артиста! Что, Олег Павлович, решили славить голого короля? Михаил Боярский! Вы хотите стать капитаном гвардейцев кардинала? Должность лейтенанта у вас давно есть.

Белла Ахмадулина сказала: «Нерасторжимы словесность и совесть». Мы не простим вас никогда. Ваши книги, ваши роли, ваши спектакли вы стерли. И Мастеру с Маргаритой больше никто не поможет, потому что Воланд-Гафт теперь перешел на сторону ГПУ.

«ЛУКАШЕНКО ХИТРЫЙ, КАК МУССОЛИНИ. ОН — УЧИТЕЛЬ ПУТИНА»

«Радые Свабода» (Минск); 2 апреля

Copyright (c) 2014. RFE/RL, Inc. Reprinted with the permission of Radio Free Europe/Radio Liberty, 1201 Connecticut Ave NW, Ste 400, Washington DC 20036.

— **Сегодня в политической и общественной жизни России происходят вещи, которые еще несколько лет назад представлялись плохой шуткой: блокируются независимые сайты, новые поправки в закон предусматривают арест за проведение митингов, наказание за двойное гражданство. Идет травля тех деятелей культуры и искусства, которые не согласны с линией власти. Не кажется ли вам скорость этих перемен какой-то чудовищно-фантастической?**

— Путин оказался не вором и жуликом, а фанатиком. Мы думали, что он просто любит деньги. Лучше бы он, конечно, просто любил деньги. Но его характер оказался не таким, и в рабской стране при безразличии Запада ему можно делать что угодно. После событий в Украине можно сказать, что с наклонной плоскости мы перешли в свободное падение. Несемса вниз, некому соломку подстелить.

Я всегда говорила, что Беларусь — это полигон, на котором отрабатываются реставрационные конструкции. Всё, отработали — теперь у нас не лучше, чем у вас, — полное равенство и братство.

— Но «свободное падение» России — ядерной державы — для мира гораздо более опасно, чем диктатура в скромной Беларуси...

— Да, для мира это неожиданный шок, и они не реагируют так, как следовало бы. Они не только Украину не защищают, они не защищают устои мира, ими же созданные. И ситуация может закончиться термоядерной войной — уже даже не из-за Путина, а из-за других злоумышленников.

Крым — «подарочный набор» для России. А если Китай захочет забрать Тайвань, независимость которого гарантируют США? Тайвань имеет хорошее современное оружие и будет защищаться. Что будет делать Запад, если Северная Корея, увидев, что наказания агрессору нет, захочет захватить Южную? Устои мира уничтожены ликвидацией Будапештского договора и молчанием Запада.

Мы шли к этому довольно долго. Сначала чеченская война. Ну ладно, мир не проснулся тогда, так это своя территория — делайте что хотите. Но потом Грузия. И там Джордж Буш остановил мировую войну. Он остановил Путина, идущего на Тбилиси. И не словами, а делом: самолетами, кораблями, то есть дал понять, что будет защищать Грузию вооруженным путем.

Но поскольку Барак Обама проявлял все признаки слабости, то в мире ослабла та единственная власть, на которой мир держался — мощь США. И Путин решил ни в чем себе не отказывать. Он попробовал — прошло. США могли остановить это сразу, как только появились первые разговоры. Можно было ввести в Крым войска, можно было бы привести несколько авианосцев, Украина бы денонсировала договор о Черноморском флоте — и Путин бы туда не сунулся. Но поскольку были только заклинания, то мы дошли до самой страшной ситуации, когда зло остается безнаказанным. И в результате мир стоит на той грани, на которой он стоял во время Карибского кризиса.

— Пойдет ли Путин дальше? Хватит ли ему Крыма, или у него более глобальные планы? По вашему мнению, действует ли Кремль инстинктивно, реагируя на конкретную ситуацию, или у него есть какой-то стратегический план, и Крым — только его первое звено?

— Я считаю, что Путин совершенно спокойно тестирует ситуацию и убеждается в том, что Запад недееспособен. Ему давно хотелось получить Приднестровье, либо

даже всю Молдову, которой тоже нечем отбиваться. Почему бы также не окончить историю с Грузией?.. Это менее сложные проекты, чем Восточная Украина. Ведь в Украине есть кому защищаться, и будет очень много потерь.

— **Каков ваш взгляд на «извечную» дискуссию среди аналитиков и политологов по поводу того, является ли Лукашенко самостоятельным политиком, или он просто марионетка Кремля, которая талантливо исполняет роль президента независимой страны?**

— Лукашенко — опытный и хитрый политик, вроде Муссолини, он в этом смысле учитель Путина. Он просто использует и «доит» Россию, но никуда присоединяться он, естественно, не хочет. Я думаю, он боялся, как бы Путин не ввел войска в Беларусь. С другой стороны, чего бояться? В Беларуси диктатура, нет прав и свобод — Путина это вполне устраивает.

Украина спровоцировала российское вторжение в Крым тем, что там произошла демократическая революция, и тем, что страна решительно пошла на Запад. И это было особенно нестерпимо. Под шумок можно было забрать Крым — и в качестве наказания, и потому, что это «плохо лежит».

Что касается Лукашенко, то он безропотно голосует в ООН, выражается нужным России образом — пока что это Путина устраивает. Зачем ему еще и белорусов кормить?..

— **А если представить, что завтра в Беларуси появляется новая демократическая власть, объявляет, что собирается идти в Европу (а 40 процентов белорусов уже сегодня поддерживают вступление страны в Евросоюз) — через сколько времени в Минске появятся российские «зеленые человечки»?**

— Довольно быстро. С другой стороны, я не думаю, что эти ваши 40 процентов способны сделать демократическую революцию, — как-то слишком тихо они сидят. Конечно, ваша молодежь сделала свой выбор — «Лукашенко в ж.., Беларусь в Европу». Но ваша другая половина, которая против Европы, — это как наши российские 60 процентов глухих совков. И это дает властям запас прочности. В Украине такого количества совков не было, в основном благодаря западникам. Там произошла настоящая антикоммунистическая революция, которая сумела себя защитить.

— **Если вернуться к тому, что происходит с Россией — свободное падение, как вы это обозначили, — то чем это может закончиться для мира и для самой России? Победой России, ее конфликтом с миром, ее экономическим обвалом?**

— Дорогой мой, до этого очень далеко. Поскольку нет реального противостояния со стороны Запада. Путинские действия вызвали шквал ура-патриотизма, советских воспоминаний — 91 процент его поддерживают, страна погрузилась в шествие «колорадских жуков» с лентами. Имперский вектор. Путин сознательно пробудил эти силы, за ними он как за каменной стеной, надеется, что ему этого хватит еще на парочку сроков.

Чем это закончится? Должно закончиться плохо. Но для этого мир должен реально заняться Россией, задушить ее «костлявой рукой голода». Ведь вы понимаете, воевать никто не будет со страной с ядерным оружием. Но переговоры — это не то, что помогает в борьбе с бешеным тираном. Он только делает вид, что сошел с ума, но на самом деле он совершенно нормальный, и делает то, что ему позволяют. Гитлер тоже казался сумасшедшим, особенно во время своих выступлений, но действовал холодно и расчётливо.

Чтобы российский бюджет был полностью разрушен, нужно, чтобы нефть стоила 80 долларов. Но даже все усилия Саудовской Аравии могут снизить ее стоимость только до 90 долларов. Чтобы снижать дальше — надо разрешить продавать нефть Ирану. На это уйдет год-полтора. А пока реальных санкций нет. Реальные санкции — это когда в стране вводится карточная система. Уверяю вас, у нас никакой карточной системы нет. А в регионах многие как жили в 70-е годы на подножном корме, так и сейчас живут. Их невозможно санкциями запугать, поскольку они и так ничего не видели в жизни. Поэтому ситуация практически безнадежна.

— Как раз в этой связи мой следующий вопрос. Действительно, Россия вступает в период, возможно, довольно долгого «похолодания» (Беларусь в нем находится давно). Что бы вы посоветовали тем молодым людям, которые не входят в 90 процентов? Людям, которые мыслят свободно и разделяют гуманистические, демократические ценности. Как им жить, где им жить?

— Я не беру на себя смелость говорить этим людям «пропадайте вместе с Россией». Наш «Демократический Союз» давно принял это решение — у нас в уставе есть графа «отказ от эмиграции». Сама я вижу, что все лучшие, кто способен мыслить, быть востребованным — уезжают

на Запад. И сегодняшняя молодежь, скорее всего, не захочет здесь пропадать.

Умные чекисты не захотят опускать «железный занавес», они выпустят тех, кому что-то нужно. А те, кому ничего не надо — плебс, — будут обслуживать трубу. Власти никак не заинтересованы в элите, они не собираются спорить, они будут жить сырьем.

Белорусской молодежи это давно понятно: она учится в Варшаве, Вильнюсе. Беларусь в этом смысле более перспективна. Когда исчезнет эта могильная плита в виде России, которая содержит Лукашенко, то Беларусь будет готова учиться у Европы. Россия гибнет еще и потому, что у них нет готовности учиться.

— Спасибо вам большое за беседу.

— Спасибо! Жыве Беларусь!

Беседовал Виталий Цыганков

У ГОЛИАФА НЕТ ШАНСОВ

Грани.ру, 15 мая

Все мы когда-нибудь должны лишиться невинности и съесть горький плод с дерева познания Добра и Зла. 80 лет назад Европа не оценила кротость и мудрость еврейского народа, который не умел убивать, а только лечил, учил, изобретал, творил. Наградой за цивилизованность стал Холокост. Что ж, евреи вспомнили времена Иуды Маккавея и знаменитый поединок между вчерашним нонкомбатантом Давидом, человеком мирной профессии, и жутким боевиком Голиафом, явным спецназовцем типа «дикого гуся» Стрелкова, делегированного Кремлем разбойничать на суверенной украинской территории. И сегодня, когда Европа пытается убедить ЦАХАЛ не повредить здоровью мирных палестинских террористов, уже поздно учить израильтян кротости и миролюбию. Надо было в 30—40-х годах защищать евреев от Гитлера, а в конце 40-х и начале 50-х — от Сталина и преследования «космополитов».

Слава Богу, Украине и героям — Европа кое-чему научилась. Она не пытается дать «Донецкой республике» статус палестинской автономии. (А чем плохо: палестинская автономия «колорадов», злобная, тупая со своей российской

гэрэушной «Аль-Каидой» во главе.) Шахидов навалом, и даже шахидки прикрывают своих хамасовцев на баррикадах и блокпостах. У палестинских террористов за спиной стоят Сирия и Иран; за камуфляжем и масками военных избирательных комиссий бьет хвостом и щелкает акульей пастью отвратительный Левиафан: путинская Россия. Милейшему Путину захотелось быть продюсером продолжения фильма «Молитва о гетмане Мазепе». Режиссеры в Кремле незаурядные, куда Юрию Ильенко до них!

Почему-то Империю Зла не устраивали мирные, богобоязненные, трудолюбивые украинцы, так хорошо и так недорого работавшие на Россию, к тому же христиане, к тому же великолепно владеющие русским языком. Путину захотелось, чтобы они вспомнили навыки, приобретенные в гайдамаках, в Запорожской Сечи, в ОУН и в УПА. Что ж, они вспомнили. Нехорошо учиться убивать, но соседям России, похоже, без этого навыка не выжить. Карл XII и гетман Мазепа могут смениться следующей парой: Дмитрий Ярош и Карл Бильдт, или даже Дональд Туск с Далей Грибаускайте. Украине позволяют сделать с безумцами, решившими с ней воевать от имени Москвы, с крымско-приднестровским сбродом наемников всё, что полагается делать с бандитами и убийцами, мучающими и топящими людей. Еще бы! Европа в шоке, она охапками тащит к себе американское оружие и готова украшать системы ПРО елочным «дождем».

А у России есть много наглости и ядерного оружия, но нет Петра. Петр I ведь прорубал окно в Европу, а Путин его заколачивает. Путин — персонаж «Хованщины». Это старовер, предлагающий России сжигаться в скитах в знак протеста против существования богатого, просвещенного и умного Запада. Вот пусть Путин, Шойгу и Рогозин и займутся этим делом, а мы посмотрим на них из партера Большого театра. Украинский Давид обязательно победит, потому что он мотивирован: надо защищать себя, Украину, лучшее будущее без колючей проволоки и без голодомора.

Украинские крестьяне уже однажды встречали Голиафов из НКВД, уходя в леса целыми селами. А сейчас у них еще и оружия навалом. Давиды с Майдана имеют на своей стороне не только Бога, но и Европу, и США. Донецко-палестинская автономия узаконена не будет. Да, она послужит Кремлю плацдармом для безумных пиратских

набегов «колорадов». И всё пойдет по нотах знакомой нам песни: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна, идет война народная, священная война». И если когда-то свое появление в украинских полях и степях СССР оправдывал изгнанием гитлеровцев, то у Путина с оправданиями совсем плохо.

Что агрессия вызвана желанием исправить неправильные убеждения членов партий «Батькивщина», «Удар» и «Свобода» и отвадить майданников от Запада, лучше не говорить. А то ведь западнее Украины тоже кто-то живет: Венгрия, Чехия, Польша. Они могут подумать, что Путин и их захочет от Запада отваживать. А политические партии Европы начнут задаваться вопросом: а устраивают ли Путина их убеждения? Тогда, пожалуй, Европа, минуя сильно запоздавшие санкции, попадающие в бровь, а не в глаз, взмолится НАТО об обезвреживании и Путина, и его государства. И так, 18% колорадов хотят умереть за Сталина и за власть Советов. Донецко-палестинские данные. Еще посчитайте процентов 20 пассивных советолобов и охотников провалиться в СССР. А остальные 82% имеют право на нормальную жизнь и нормальное будущее? Так о ком должно печься Временное украинское правительство? Об оглоздах-перебежчиках или о нормальных гражданах Украины?

Конечно, это нелегко — стрелять в живых людей, и мирные и добрые украинские Давиды с трудом усваивают эти новые жестокие правила. Евреям, народу Книги, тоже было непросто это усвоить. А сейчас у них так хорошо получается, что палестинские террористы только успевают жаловаться в ООН (между двумя терактами). Точно так же, как донецкие сиротки: убьют десяток-другой украинских солдат и бегут жаловаться России; сожгут вертолет — и опять жалуются; сожгут БТР — и снова вопли и слезы. И бывают ли мирные боевики? А пособники боевиков могут ли считаться мирным населением?

Надо ли было пилотам «летающих крепостей» отказываться бомбить гитлеровскую Германию, чтобы не повредить жителям Дрездена, Берлина, Гамбурга? Те, кто делил имущество евреев, кидал книги в костры, орал «Хайль Гитлер!», использовал на своих фольварках труд рабов из Восточной Европы, — они тоже мирные жители? Члены Союза немецких женщин из подразделений ПВО, гитлерюгенд с фаустпатронами — их тоже нельзя было трогать?

Война — это отсутствие выбора: надо или защищать своих, которым вспарывают животы, или жалеть чужих, которые своими телами прикрывают военные объекты врага. Путин, конечно, не станет кормить палестинско-донецкую автономию. Собрать на гуманитарную помощь бандитами с автоматами — на это даже у Кремля бесстыдства не хватит. «Граждане, мы не местные, подайте на пулеметик». А жаль. Пусть Путин берет украинских «колорадов» (без земли), присоединяет своих и создает из них себе резервацию. И пусть станет в ней пожизненным президентом, а мы изберем что-нибудь поновей и поумней.

Кстати, Микеланджело изваял Давида, а не Голиафа. И скульпторы, композиторы, художники и поэты запечатлеют подвиги украинских Давидов. Я не вижу картины под названием «Путин ворует у Украины Крым» или скульптуры «Агенты России из ГРУ учат сепаратистов насмерть стоять на баррикадах». Так что у российских Голиафов шансы плохие: и на победу, и на место в музее. Разве что в музее оккупации. Как раз в таком я была в Таллине. Половина экспозиции — немецкая оккупация, половина — советская. Теперь такой музей создадут и в Киеве.

УКРАИНА ПОДНИМАЕТ ПАРУСА

Грани.ру, 22 мая

Приходится перешивать Хемингуэя. Повесть «Праздник, который всегда с тобой». Это он так про Париж написал. Про Париж, который мы можем увидеть, понюхать, потрогать, но не унесем с собой. Вот этого-то Путин и не понял, и не поняли наши убогие «колорады». Россия может принудить Париж продать ей «Мистрали», купить у нее газок, пригласить Путина в Дюнкерк (надеюсь, студенты забросают его колючими морскими ежами и клешнястыми омарами). Но свободную, восхитительно раскованную Францию, этот вечный карнавал кафе, музыки, живописи, театра, кино, кабачков, дворцов — без автозаков и омонцовцев — Россия с собой не унесет. Некому и некуда нести. Дома ждут отнюдь не парижане. А вот Украина способна не только потрогать Европу, а унести ее с собой. Уже уносит. Назревает праздник свободных выборов президента. У вас слюнки не текут?

Огромная студия, трезубец в гербе посередине, струится на экране желто-голубое знамя, и на фоне его — кандидаты. По трое, как в Европарламенте. Всех сразу не выпустишь — кандидатов слишком много. Кто в вышиванке, кто при галстукe, а неутомимый Дмитрий Ярош говорит, что надо отвоевывать Крым. И никто его из студии не выводит, и Москва корчится от злости за Кремлевской стеной.

Что надо — так думают почти все, кроме Добкина, Тигипко и Симоненко. Но как скажешь, что надо воевать с Россией? А вот Ярош сказал. *Enfant terrible*. Президентом он не станет. Ни он, ни Олег Тягнибок. Это мужи войны, а не «совета». Но без них бы и революция не победила, и Ленины бы не падали, и Майдан бы перебили хищные гэрэушники России и «беркуты». Благодаря этим двум кандидатам революция выучилась себя защищать с оружием в руках. Опасный путь. Но Украина прошла его — по лезвию бритвы.

Ведь майдановцы вытаскивали «колорадов» из горящего здания в Одессе, ведь берегут же украинские войска жизни мирных жителей Донбасса, за которыми прячутся бандиты с минометами. Украина одержала большую победу: российские войска, пышущие ненавистью и злобой, уходят от границы, как уходит цунами. Жертвы, разрушения, горе, слезы, развалины. Но войска побежденной империи уходят, а выборы остаются, и Ринат Ахметов уже перебежал на сторону победителей. Умные и подлые крысы не ошибаются в таких вопросах. А несчастные гориллы Пономарева и профессионального убийцы Стрелкова выдумали последний трюк, чтобы им свернули башку и западэнцы, и Ахметов, и Запад, и олигархи Украины: решили всё в Донбассе национализировать. Уго Чавесы из Славянска.

Рецепт левых диктатур универсален: взять всё и поделить, женщин — в ополчение, народ — на баррикады, мир трущобам, война современной цивилизации, Запад — наш враг, а Украина — уже Запад, значит, Украина тоже враг, хотим Новороссию. А Старороссия уходит, громяхая танками, торопясь. А вдруг «колорады» догонят?

Всё это делает выборы историческим событием. Туда пустили и презираемого всеми Симоненко, давно уже играющего роль Петрушки, с его 4%; пустили и карикатурного Добкина. Враги повержены. Украина с Национальной гвардией и веселыми западэнцами, с Одессой, которая

боится говорить по-русски, потому что придут русские и начнут защищать (в каждом скетче есть доля правды), с верным Украине Херсоном, с нормальными Харьковом, Запорожьем и Николаевым, Москве не по зубам.

Крымом Россия подавилась, и Путин сидит в луже, которая куда глубже Черного моря, так что даже американский авианосец не сядет на мель. Готовность умереть, которую явила Украина, и уже воспитанная Москвой готовность убивать агрессоров, что тяжелее всего далось добрейшему народу, оказались лучшей защитой. И можно смело, честно и широко праздновать выборы, имея у урн народ, который коммунистам выделяет 4–5%, а коллаборационистам и того меньше. У нас таких праздников не было.

Жалкий набор 1991 года, где Ельцин, еще не знавший ничего о своих Великих Реформах, был Жар-птицей. Жуткий ассортимент 1996-го с мясником Зюгановым, с занесенной секирой, где Галю Старовойтову, единственного европейского и свободного от советскости кандидата не зарегистрировали, а мы промолчали, потому что она могла отнять у Ельцина голоса, и гранитный монумент Лебеда мог выехать вперед, и всё пошло бы к черту, и Зюганов мог бы победить. А Явлинский, вечный социал-демократ, даже розовый, почти социалист, для правых тогда подарком не был.

А дальше всё пошло еще хуже. На пиршественном столе не осталось других блюд, кроме Путина, и в 2000 году даже главный путинский антагонист Борис Немцов считал это блюдо очень съедобным и агитировал за «вкусить». Но даже если нам крупно свезет и Путина в Дюнкерке унесет приливная волна, как войско фараона, праздник выборов на 23 персоны, как в Украине, к нам не вернется. Опять придется думать о страховке. Ведь коммунисты и обезумевшие имперцы никуда не денутся, они давно нам назначили свидания у урн. Прах — к праху.

А у украинских выборов в активе народ, который не просит у правительства покушать. Этот народ сам жертвует деньги армии на оружие и на амуницию. И этот народ умеет думать. Поэтому так высок рейтинг Петра Порошенко. Он умен, он патриот, он ненавидит врагов Украины, но у него хватит выучки и терпения говорить даже с российским президентом. Его избрание успокоит и умиротворит Запад, очень понравится бизнесу, и даже часть мирных «колорадов» на Востоке воспрянет духом: этот президент

будет размахивать бумажником, а не пистолетом. Извечна истина: деньги любят не шум, деньги любят тишину. Это понял умница Кличко и уступил дорогу.

Украина, только что обобранная подлыми имперскими руками России, еще в крови, с незакрытой раной на Востоке, позволяет себе на выборах больше, чем мы себе позволяли в самые лучшие времена. Ее бригадина, с парусами, надутыми ненавистью и презрением к жестокому и алчному соседу, оказавшемуся еще и пиратом, уходит в флибустьерское дальнее синее море.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

Грани.ру, 29 мая

Множество добрых и жалостливых людей из российского Интернета стараются утешить Украину и облегчить ее ношу. Эта ноша, с их точки зрения, — лишние территории. И всё это мешается в объятиях с официозной аргументацией насчет того, что Крым нам вовсе и не был нужен, а просто плохо лежал, незапертый, в открытом доступе, и нельзя было его не прихватить: сам в руки просился. Обещают о нем позаботиться, озолотить, пригреть.

Австрия тоже когда-то лежала незапертая. В 1938 году. Что ж, теперь Европа научится двери запирать. И если Россия скажет тоненьким голосом: «Козляточки, ребяточки, отопритесь, отворитесь, ваша мать пришла, молочка принесла», — то все дружно ответят: «Ступай прочь, Серый Волк!» Двойные, тройные двери: натовские войска, натовский членский билет, система ПРО. Медвежий капкан на Россию положат под коврик у своих дверей. Так ответят нашему злополучному государству и его адскому наместнику. Не добродушному Мефисто и не блистательному Воланду, не бунтарю Люциферу и даже шутику Коровьеву, а унылой и бездарной фигуре мейнстримовского Сатаны, с вилами, копытами, рогами и хвостом, заурядному чертиле из Преисподней, зарабатывающему свой палаческий хлеб извечным чекистским ремеслом в камере пыток одного из адских кругов.

Здесь легко отвечать, и Петр Порошенко уже отвечает. Но что ответить полезным идиотам, искренним доброхотам? «Украина должна благодарить Путина, он ее

склеил и сплотил, иначе она никогда не стала бы государством». Ни в одной стране мира еще не ставили памятников завоевателям, но только национальным героям и защитникам. В Хельсинки стоит памятник Маннергейму, а не Ленину, Сталину или Александру III, хотя Сталин дал финнам повод совершить чудеса храбрости в Советско-финляндскую войну, Ленин не мог удержать Финляндию силой и с кислой миной отпустил ее на все четыре стороны, а Александр III помог ей с банковской системой и разрешил ввести свою валюту.

В США стоят памятники Вашингтону, но не королю Георгу, пытавшемуся силой удержать тринадцать штатов и навязавшему Америке войну за независимость, которая, конечно, ее сплотила. Англия, завоеывая Францию, сделала ее единой страной, но памятник поставили Жанне д'Арк. Так что не видать Путину памятника в Киеве как своих ушей.

Еще предлагается украинцам с легким сердцем сбросить Крым и Донбасс, забыть, как их звали, и быть счастливыми от того, что Россия унесла к себе в подвал миллионы «колорадских» избирателей, которые голосовали бы за Добкина или Симоненко. Некоторые думают, что надо без боя отдать донбасских «колорадов», которые и голосуют неправильно, и реформы делать помешают.

В свете этой логики правильным был проект перестроенных шутников из демлагеря, как нам обустроить Россию. Сначала предлагалось продать Японии Дальний Восток: Япония бы и население прокормила и перевоспитала, и территорию обустроила, а мы жили бы на вырученные деньги. Потом сбыли бы американцам Сибирь. И так постепенно мы бы передвигались на Запад, продав в последнюю очередь Красную площадь с Кремлем. Потому что просвещенным умам уже тогда было ясно: россияне и проголосуют неправильно, и реформы делать не дадут. И не дали.

Однако цивилизованные страны напрочь отказываются покупать территории с населением и даже брать их даром. Не требует же Финляндия назад Выборг. Не ставит же Германия вопрос о возвращении ей Кёнигсберга. Это только путинская Россия берет охотно всякое добро вместе с «колорадами». И никаких у нее обязательств ни перед своими «полосатиками», ни перед чужими.

Мы-то ответственность имели, предлагая голодный и неразумный народ добрым западным странам. И разумное меньшинство бы не пропало. Нас бы поставили десятниками, сити-менеджерами, нянечками и воспитателями. Раз уж страна недееспособна.

А Путин о «колорадах» не печется. Сдохнут так сдохнут. Похоронят. Но вполне дееспособная Украина, выделяющая коммунистам меньше двух процентов голосов, не бросит так свои отстающие территории. «Парня в горы тyani, рискни, не бросай одного его, пусть он в связке одной с тобой, там поймешь, кто такой».

Закрепить веревкой, в руки ледоруб — и Восток пойдет в горы. А отвязаться не дадут, несмотря на вопли и стоны. Дойдут не все. Но смерть в дороге — почетна. Высоцкий дело говорил: «Так пусть говорят, да, пусть говорят, но нет, никто не гибнет зря, ведь лучше так, чем от водки и от простуд». Не хнычьте, «колорады»! Лезть все равно придется. Так было бы и с Крымом. И его Петр Порошенко построил бы и повел.

Вы думали, Порошенко шоколадный король? Ошибочка вышла. Про Арагорна тоже думали: бродяга, Колоброд. Мы имеем дело с другим феноменом. Толкиена еще не забыли? Возвращение короля. Короля с великой силой и славой. Перед которым преклонятся валары и эльфы, которому не страшен поверженный Саурон (Путин) с его Кольцом Всевластия. Люди Украины, эльфы Запада и мы, российская «пятая колонна» маленьких хоббитов, заключили великий Союз. В Украине настало время людей.

Не оставила же Западная Германия («весси») на произвол судьбы восточную часть страны — ГДР («осси»). Воссоединились, помогли, поставили на ноги, исправили. Берлинская стена не единственная на земле. Украина ломает стену между собой и Крымом.

Крым не бросят. Там же люди живут: крымские татары, порядочные украинцы, антипутинские русские. Ради этого меньшинства Крым не оставят России на растерзание. Через перешеек люди будут бежать в Украину, пока Россию не вышвырнут оттуда вместе с Черноморским флотом и Гоблином Аксеновичем.

А в Донбассе многим желающим не дали проголосовать, потому что бандиты урны разбили кувалдами. Люди ждут, люди надеются на избавление от бородаев, стрелковых

и пономаревых: очередных «братишек» с «Авроры» и комиссаров из ВЧК.

Разве можно допустить, чтобы они на Днестре творили то, что на Волге в 1918 году? Еще один голодомор, еще один красный террор... Чтобы такие люди, как Владимир Рыбак, были замучены и утоплены. Нет! Сегодня украинская армия, освобождающая Донбасс, может повторять вслед за Михаилом Светловым: «Я не дам свою Родину вывезти за простор чужеземных морей! Я стреляю — и нет справедливости справедливее пули моей!»

Кстати, пока пан Порошенко делал шоколад, господин Путин набирался опыта в Штази и подвизался в КГБ, то есть в *Geheime Staatspolizei* (государственная тайная полиция). Немецкий вариант когда-то так и назывался: гестапо.

УСНУВШИЕ В МУРАВЕЙНИКЕ

Грани.ру, 19 июня

Кажется, это наше последнее приключение. На севере у нас белые медведи, на юге — сплошная красная пустыня ненависти, ибо всем — и Кавказу, и Средней Азии, и Тибету, которому мы даже не посочувствовали, — мы причинили какое-нибудь зло.

На западе мы гнусно и предательски напали на Украину, и эта война навсегда лишила нас доверия и уважения цивилизованных народов, от Швеции до Австралии, от Канады до Чили.

А на востоке мы вляпались в китайскую головоломку. Головоломку в том смысле, что мы там ломаем себе шею. Правильно недавно сказал глава МИД Польши Сикорский: «Россия может быть только союзником Европы или сырьевым придатком Китая». Положим, на союзников мы не тянем, слишком отстали от цивилизации, но Запад умеет выбирать выражения. Сырьевой придаток посадят за стол, и кофе ему нальют, и не станут унижать, как не унижали Ельцина до чеченской войны и примаковского разворота над Атлантикой. А вот слабая, никчемная, потерявшая опору на Западе Россия быстренько станет не придатком, а хуже: колонией Китая. Китай миндальничать с нами не будет.

Это страшная страна, гигантский муравейник, железно единый и спаянный тоталитарной идеологией. Коммунизм

только на поверхности, а под ним конфуцианство. Верность отцу, господину, державе, начальству. А еще ниже конфуцианства — одна из первых фашистских теорий мира, философия Лао-Цзы, философия абсолютного приоритета анонимного, безликого государства перед правами личности. В V веке до н.э. закладываются основы даосизма. Лао-Цзы формулирует то, что с горечью и иронией повторит в начале этого июня, когда минет 25-я годовщина разгрома китайских студентов на площади Тяньаньмэнь, какой-то скрытый энтэвэшный недобитый диссидент: суть китайского, немецкого, современного российского фашизма. «Нужно сделать сердца людей пустыми, а желудки — полными». И еще: «Самое лучшее правительство — это то, про которое народ знает только, что оно есть; гораздо хуже правительство, которое любят; еще хуже то, которое ненавидят; и уж совсем плохо то правительство, над которым смеются».

В свете теории Лао-Цзы все западные правительства, на которые избиратели рисуют карикатуры и про которые сочиняют анекдоты, никуда не годятся. Это должна быть мертвая, закрытая, анонимная мощь. Из «Процесса» Кафки.

Ведь Мао — это только цветочки. Основатель Циньской династии, строитель Великой Китайской стены, император Цинь Шихуанди, создавший казарменный китайский тоталитаризм, — вот это ягоды. Жили в общих бараках, с общей посудой, ходили в одинаковых красных рубашках, и даже конфуцианство считалось преступлением. За «вину» казнили не только мнимого виновного. Казнили его родителей, жену, детей, братьев и сестер. А жуткая китайская стена была потолще железного занавеса. Императору подчинялись даже боги: не он исполнял их волю, а они — его.

Китай слишком долго голодал, и то, что дал Дэн Сяопин (жалкое подобие Горбачева) — по миске риса с тремя черпачками подливки (мясной, рыбной и овощной), — уже казалось благополучием. А сегодня китайцы могут путешествовать, владеть предприятиями и покупать автомобили, хотя частные самолеты — это только фасад. Сотни миллионов вне промышленных зон (куда пускают туристов) бедны. Беднее нас с вами. Но очень дисциплинированы, вышколены и выдрессированы. И 10% ВВП — на армию.

Борис Чичибабин, поэт самиздата, написал о Китае примерно то же, что написал американский фантаст Хайнлайн в романе «Шестая колонна», где мощь Китая обрушивается

на Америку и завоевывает ее. В конце концов Америка спасается благодаря хай-теку и смекалке. Но читать все равно страшно. А Чичибабин просил у судьбы кончины за год до того, как Китай нападет на Россию и на Запад. «Когда свершится суд, под крики негодяев в один костер пойдут и Ленин, и Бердяев».

О том, что делалось в Китае во время «культурной революции», дает представление роман китайского классика Лао Шэ «Записки о кошачьем городе». Лао Шэ был замучен китайскими «нашистами» — хунвэйбинами: те не совали книги в картонные унитазы, а истязали и убивали.

Можете ли вы себе представить россиян, которые будут (пусть принудительно) выплавлять чугун в домашних плавильных печах? А в Китае это делалось. Сталин многое с нами сотворил: всё отнял, пытал, уничтожил 30 миллионов человек, но даже лагерников он не сделал муравьями. Зэки старались выжить с помощью приписок и туфты, членовредительства. Они пытались избежать смертельных «общих работ». На воле колхозники и рабочие старались что-нибудь украсть. А китайцы тянули лямку. Жуткий муравейник, где каждый обязан знать свое место и предназначение. А мы не будем жить на Западе в чайна-таунах, нас научили декларировать любовь к государству, но не испытывать ее. Китайцы тащат всё в общую норку, а мы — каждый в свою. Мы кричим о своем служении, но государство растаскиваем. Может быть, это нас спасет. А китайцы действительно служат. У них не было перестройки сознания.

Наше страшное государство ломали несколько раз. Первый раз ломал Хрущев — в оттепель. Кстати, до 1917 года при трех последних царях мы жили почти как люди. Итак, Хрущев повредил монолит. Второй раз ломал Горбачев, дай ему Бог здоровья. Выкорчевал монолит Ельцин. Путину ничего не светит: этот монолит силами православных казаков, экстремистов Стрелковых и лживого истеблишмента не восстановить. А если желудки окажутся пустыми хотя бы на одно десятилетие, то, пожалуй, они наполнят возмущением сердца. За это время, кстати, вымрут те, кто на свет появился верующими советскими рабами и кому нужен был Крым и что-то говорило слово Донбасс. Нам пора их хоронить, наших мертвецов, чтобы они нас не закопали.

А в Китае монолит не ломали ни разу. Попытка 1989 года была жестоко пресечена. До сих пор никто не реабилитирован,

Мао в мавзолее, государство всегда право, а сегодняшний китаец говорит: «Нас слишком много, мы не можем быть управляемы демократическим путем». Отсюда 10 тысяч одних политзаключенных и пытки электротоком. Китайцы не барахтаются. Те, кто барахтался, — на Тайване, в Гонконге, на Западе или в тюрьме. Даже бывший лидер КПК, который когда-то сочувствовал мятежным студентам, до смерти сидел под домашним арестом.

И вот под это-то государство, которому так нужен наш Дальний Восток, Путин бросает Россию! Здесь и ядерное оружие нам не поможет. Путин предал страну на тысячелетие вперед.

ХУДОЙ МИР

Грани.ру, 26 июня

Худой мир для Украины будет выглядеть плохо, и неизвестно, захочет ли молодое государство с него начинать новую жизнь. Конечно, худой мир лучше доброй ссоры, а чтобы закончить добрую ссору добрым миром, надо пролить очень много крови, и своей, и чужой, и иметь большой перевес в силах. Если бы Украина имела дело только с предателями-«колорадами», с 20% фанатиков и идиотов совкового типа из Донбасса, то можно было бы позволить себе роскошь доброго мира.

Но Украина воюет с Россией, а такие европейцы, как историческая родина Гитлера, Австрия, видимо, впитавшая в себя в 1938 году логику капитулянтства и угодничества, а в 1945-м — избыточное лицемерие и прислужничество новым победителям, способны только на то, чтобы развязать руки агрессору. И всё это ради баллончика газку со скидкой из «Южного потока». Хорошо, что у Гитлера не было нефти, а то фашизм, пожалуй, мог бы и восторжествовать. Ведь прошло 70 лет, и ради нового агрессора — России — Австрия предлагает сделать «исключеньице» (кто добывает, тот пусть и транспортирует).

Хорошо же перемирие, если украинская армия честно перестает долбить «колорадов», а они сбивают ее вертолеты и взрывают железнодорожные пути. А мы-то, пташечки, запели про мир. Между тем путинские кошечки собираются Украину с краешку потихонечку доедать. Легко отзываться

уже не нужное разрешение с развернутыми знаменами и всей российской армией входить на украинскую территорию. Для Совета Федерации все эти бумажки — минутное дело, там же заседают роботы.

Мы понимаем, что ельцинское время было чудом, робкой попыткой очеловечить огромную, отсталую, злобную страну. Мы понимаем, что дальше наш ассортимент правящих хунт, диктатур и автократий будет состоять из воругов (которые милей, чем кровопийцы) и этих самых кровопийц. Ау, где наши милые воругоги? У США готов для вас кошелек: не будет дальнейших санкций, а Крым отдадите, так и вообще их отменяют. Всегда же есть выбор: кошелек или жизнь. Зачем вам жизнь украинских хлопцев и дивчин? Возвращайтесь к кошельку, грабьте свою страну, этому трупу уже все равно. Дал же он вам средства на Олимпиаду. Сговорчивый покойник. А Украина живая, ей больно, и взять с нее нечего, последний золотой батон пранкер Вован обещал последнему диктатору Европы Лукашенко подарить.

Впрочем, нынешние чекисты тоже садисты, как и прежние. Те, захватив романовский кошелек и романовские дворцы, не удовольствовались этим, а стали резать и душить, строя свое «вымышленное царство».

Худой мир для Украины может выглядеть так: Донбасс будет сильнейшим тормозом на пути реформ, «колорады» будут страшить НАТО своими рожами и российскими флагами так, что вопреки всем референдумам (а референдум теперь даст хороший результат — Путин постарался) НАТО побоится взять к себе Украину. Организация робкая, Россией зашуганная, сами знаете. Донбасс будет митинговать в пользу России, похваляться тем, что они убивали украинцев, отмежевываться от своей страны. Получив амнистию, «колорады» изберут в мэры, губернаторы и в депутаты Рады своих любимых боевиков, а уж Губарева и Пономарева — в первую голову. Будут грабежи по ночам, потому что бандюки, вырвавшиеся на оперативный простор, ни в шахты, ни в автосервис работать не пойдут. «Колорады» будут требовать русских школ, чтобы ненавистный им украинский язык совсем не звучал и даже дети его не учили.

Словом, всё будет так, как при худом мире в Германии до середины 50-х годов. Его хорошо изучать по Генриху Бёллю («Дом без хозяина» и «Глазами клоуна»). Вдовы солдат и офицеров вермахта получают пенсию за труды их

мужей на полях Европы на благо фатерланда, учителя рассказывают детям, что нацизм был не так страшен, как американцы говорят, а разные пособники нацистов выдают себя за антифашистов и примазываются к памяти Анны Франк. При этом Германию все-таки надежно держала англо-американская оккупационная армия, а план Маршалла немцев подкармливал.

Тяжелейшая Гражданская война между Севером и Югом США закончилась через четыре года, в 1865-м, тоже худым миром. Северяне грабили Юг налогами, довели его до голода, а южане в ответ на конфискации и лишение прав организовали ку-клукс-клан, убивали негров, пытавшихся голосовать, и считали себя оккупированной страной. Как совместить в одном государстве поклонников Маргарет Митчелл («Унесенные ветром») и поклонников Гарриет Бичер-Стоу («Хижина дяди Тома»)?

А Майдан и «колорады» совместимы только в рамках Уголовного кодекса: патриоты идут в Раду, за «колорадскую» ленточку дают год тюрьмы, а за российский флаг — не меньше пяти, все-таки государственная измена.

Добрый мир добренькой Европе не понравится, потому что заключают его тогда, когда враг уже не может поднять головы. А не может потому, что голову уже оторвали. Таким миром был римско-карфагенский, после Третьей Пунической войны. Карфагеняне были уничтожены все, кроме проданных в рабство. Город разрушен и сожжен, селиться на пепелище запретили, территорию засеяли солью, чтобы на ней ничего не росло, и еще трижды провели плугом борозду — в знак проклятия. Я не утверждаю, что Россия не достойна подобной участи, но как Украина может такой финал ей обеспечить, особенно при наличии в Европе ОБСЕ, которая непременно вступается за «бедное мирное население Донбасса» с ПЗРК в руках.

Добрый миром был испанский, памятником которому стал огромный крест в Долине Павших, похожий больше на гигантский меч, воткнутый в землю. Фаланга Франко (не без помощи гитлеровских самолетов) победила коммунистическую Республику настолько надежно, что и сегодня в Испании коммунисты — штучный товар и никто не смеет демонтировать в этой самой долине могилу Франко. Фашизм спустили на тормозах, Франко обманул Гитлера, не вступив в войну на его стороне и не тронув своих

евреев, даже дав приют европейским, а потом Хуан Карлос и вовсе ввел демократию.

На что хватит у Украины сил? Мы готовы к искуплению. Боюсь, что Путин доведет ситуацию до доброго мира, когда ослабевшая, голодная, раздетая Россия будет на коленях просить у Украины кусочек хлеба с салом. Что ж, если это единственная цена за мир и за возвращение Украине Крыма, да будет так.

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы 1996—2014 годов	5
1996	7
1997	65
1998	118
1999	173
2000	226
2001	273
2002	322
2003	370
2004	419
2005	465
2006	519
2007	568
2008	618
2009	669
2010	717
2011	765
2012	812
2013	869
2014	915

Валерия Ильинична Новодворская
ИЗБРАННОЕ

ТОМ II

МАТЕРИАЛЫ 1996—2014

Редактор-составитель
Виктория Чуткова

Корректор
Вера Ананьева

Верстка
Валерий Кечкин

Оформление обложки
Тимофей Струков

Издатель Ирина Евг. Богат
Свидетельство о регистрации
Серия 77 № 006722212 от 12.10.2004 г.
121069, Москва, Столовый переулок, 4, офис 9
(Рядом с Никитскими Воротами,
отдельный вход в арке)

Тел.: (495) 691-12-17, 697-12-35

Факс: 691-12-17

Наш сайт: www.zakharov.ru

E-mail: info@zakharov.ru

Подписано в печать 09.10.2015. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага писчая. Усл.п.л. 50,4+вкл. 0,63. Тираж 2000 экз.
Заказ № 894.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
Сайт: www.uralprint.ru, e-mail: book@uralprint.ru

Публицистическое и литературное наследие Валерии Ильиничны Новодворской непросто уместить в трех томах. Она писала всю жизнь — от руки — обо всем: Пушкине, Чехове, российской истории и французской политике, о моде, театре, музыке — невозможно всего перечислить. Ее интересовали все и всё, она не проходила мимо ни одного мало-мальски значительного события не только в России, но и в мире. Написанное ею исчисляется тысячами страниц; это из того, что сохранилось, а многое она выбрасывала, да и черновики почти не осталось.

Принцип расположения материалов в этом издании — хронологический. Значительная часть текстов, причем не только стихи и письма, ранее не публиковалась.

